

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
КОНГРЕСС ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

При поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ

IX Международные Лихачевские научные чтения

14–15 мая 2009 года

Данные Чтения (первоначальное наименование — «Дни науки в СПбГУП») — Семнадцатые по счету и Девятые — в статусе Международных Лихачевских научных чтений

Чтения проводятся в соответствии с Указом Президента РФ В. В. ПУТИНА «Об увековечении памяти Дмитрия Сергеевича ЛИХАЧЕВА» № 587 от 23 мая 2001 г.

В 2009 году при реализации проекта «Международные Лихачевские научные чтения» использованы средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ от 14.04.08 № 192-рп

Санкт-Петербург
2009

ББК 72

Д44

Научный редактор материалов Пленарного заседания

А. С. Запесоцкий, председатель Оргкомитета Чтений, академик Российской академии образования, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ

Редакторы материалов круглых столов и секций:

круглый стол «Диалог культур и партнерство цивилизаций» —

Е. А. Кайсаров, заместитель заведующего кафедрой философии и культурологии СПбГУП, кандидат исторических наук, доцент;

круглый стол «СМИ в меняющемся мире (Диалог культур в пространстве СМИ)» —

Л. А. Санкин, первый проректор СПбГУП, заведующий кафедрой журналистики, профессор, почетный работник высшей школы РФ;

1-я секция — **А. С. Большаков**, заместитель декана экономического факультета СПбГУП, доктор экономических наук, профессор;

2-я секция — **М. А. Бендюков**, заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор психологических наук, доцент;

3-я секция — **Р. А. Ромашов**, научный руководитель юридического факультета СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ;

4-я секция — **А. В. Стремоухов**, заведующий кафедрой гражданского и трудового права СПбГУП, доктор юридических наук, профессор;

5-я секция — **Е. П. Ефимова**, директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 09-03-14135г

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП,
протокол № 20 от 14.07.09

Д44 **Диалог культур и партнерство цивилизаций : IX Международные Лихачевские научные чтения, 14–15 мая 2009 г. — СПб. : Изд-во СПбГУП, 2009. — 552 с.**

ISBN 978-5-7621-0509-5

В сборнике опубликованы материалы IX Международных Лихачевских научных чтений, прошедших 14–15 мая 2009 года в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов.

В приветственном слове участникам Чтений Президент Российской Федерации Д. А. Медведев отмечает: «Ваш авторитетный форум, собравший представителей мировой интеллигенции, — это всегда событие. Его содержательные дискуссии и доклады, посвященные роли культуры и гуманитарного знания в жизни современного человека, партнерству цивилизаций, и многие другие вызывают большой интерес и широкий общественный резонанс».

В Пленарном заседании, круглых столах и рабочих секциях приняли участие крупнейшие ученые и общественные деятели из разных стран мира, академики РАН и РАО, видные представители творческой интеллигенции, специалисты-практики. Опубликовано около 200 докладов, посвященных историко-культурным, правовым, социально-экономическим аспектам взаимодействия различных культур и цивилизаций, проблемам современного образования, роли СМИ в поликультурном мире.

Избранные доклады Чтений вышли отдельным изданием на английском языке.

Книга адресована широкому кругу академической общественности, специалистам, работающим в разных областях социально-гуманитарного знания, а также аспирантам и студентам.

ББК 72

ISBN 978-5-7621-0509-5

© СПбГУП, 2009

**ПРИВЕТСТВИЕ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ Д. А. МЕДВЕДЕВА
УЧАСТНИКАМ IX МЕЖДУНАРОДНЫХ
ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ**

**Организаторам, участникам и гостям
IX Международных Лихачевских научных чтений**

Уважаемые друзья!

Приветствую вас в Санкт-Петербурге по случаю открытия IX Международных Лихачевских научных чтений. Желаю всем их участникам интересного и плодотворного общения и успехов.

Ваш авторитетный форум, собравший представителей мировой интеллигенции, — это всегда событие. Его содержательные дискуссии и доклады, посвященные роли культуры и гуманитарного знания в жизни современного человека, партнерству цивилизаций, и многие другие вызывают большой интерес и широкий общественный резонанс.

Важная примета нынешних Чтений — это появление специальной программы мероприятий для юношества «Лихачевский форум старшеклассников России». И нет сомнения, что для нравственного воспитания подрастающих поколений крайне важно обращение к фундаментальным трудам и научному наследию академика Лихачева, чьи гуманистические идеи имеют непреходящее значение.

Уверен, что подготовленные в ходе встречи рекомендации будут востребованы на практике и послужат реализации перспективных международных проектов в гуманитарной сфере.

Желаю участникам и гостям Чтений всего самого доброго!

Президент Российской Федерации

Д. А. МЕДВЕДЕВ

13 мая 2009 г.

**УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
«ОБ УВЕКОВЕЧЕНИИ ПАМЯТИ
Д. С. ЛИХАЧЕВА»**

Отмечая выдающийся вклад Дмитрия Сергеевича Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, постановляю:

1. Правительству Российской Федерации:

учредить, начиная с 2001 года, две персональные стипендии имени Д. С. Лихачева в размере 400 рублей каждая для студентов высших учебных заведений Российской Федерации и определить порядок их назначения;

совместно с Правительством Санкт-Петербурга осуществить разработку на конкурсной основе проекта надгробия на могиле Д. С. Лихачева;

совместно с Российской академией наук рассмотреть вопрос о создании фильма, посвященного жизни и деятельности Д. С. Лихачева.

2. Рекомендовать Правительству Санкт-Петербурга:

присвоить имя Дмитрия Сергеевича Лихачева одной из улиц Санкт-Петербурга;

рассмотреть вопрос об установке на здании Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинского Дома) памятной доски;

обеспечить в установленном порядке проведение работ по установке надгробия на могиле Д. С. Лихачева.

3. Принять предложения Российской академии наук об учреждении премии Российской академии наук имени Д. С. Лихачева для российских и зарубежных ученых за выдающийся вклад в исследование литературы и культуры Древней Руси, а также об издании собрания научных трудов Д. С. Лихачева.

4. **Одобрить инициативу Конгресса петербургской интеллигенции о проведении ежегодно Международных Лихачевских научных чтений, приуроченных к Дню славянской письменности и культуры.**

**Президент Российской Федерации
ВЛАДИМИР ПУТИН**

Москва, Кремль, 23 мая 2001 года

ПРИВЕТСТВИЯ В. В. ПУТИНА УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Приветствую участников Международной научно-практической конференции «Мир гуманитарной культуры академика Д. С. Лихачева».

Ваша конференция собрала элиту отечественной и мировой науки и культуры, видных общественных деятелей на ответственный разговор о научном и духовно-нравственном наследии выдающегося российского ученого, академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Верю, у него есть и будут достойные преемники, которые смогут развить его гуманные идеи и воплотить их в жизнь при созидании общечеловеческого дома в XXI веке.

Надеюсь, Лихачевские чтения в Санкт-Петербурге станут со временем важной традицией интеллектуальной жизни России.

Желаю вам, духовным наследникам Д. С. Лихачева, успешной плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
21 мая 2001 года

Приветствую организаторов, гостей и участников Международных Лихачевских научных чтений.

По традиции они объединили авторитетных представителей интеллигенции, видных ученых и деятелей культуры. Отраднo, что конференция приобретает все более широкий международный резонанс, а ее повестка наполняется значимыми и актуальными вопросами современности. В этом году вам предстоит обсудить такую фундаментальную проблему, как влияние образования на гуманизацию общества.

Проведение форума — это и дань памяти Дмитрию Сергеевичу Лихачеву, выдающемуся ученому, патриоту и гражданину. Его идейное наследие, труды, посвященные духовному развитию личности и нравственному воспитанию молодых поколений, имеют непреходящее значение. Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
20 мая 2004 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VI Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет ваш форум выполняет ответственную, благородную миссию сохранения, изучения и популяризации трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева. Чтения стали признанной, авторитетной площадкой для содержательных и конструктивных дискуссий, для серьезного разговора по важнейшим вопросам современности. Творческое и идейное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева — неотъемлемая часть отечественной научной мысли, мирового научного наследия в целом. И потому 100-летний юбилей этого выдающегося ученого, гуманиста, патриота и гражданина так широко отмечается не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Желаю организаторам, участникам и гостям Чтений плодотворной работы, успехов и всего самого доброго.

Президент Российской Федерации
В. ПУТИН
25 мая 2006 года

Приветствую организаторов, участников и гостей VIII Международных Лихачевских научных чтений.

Проведение вашего научного форума стало важной и доброй традицией и помогает не только лучше осознать значимость гуманистических идей Дмитрия Сергеевича Лихачева, его творческого наследия, но и понять актуальные вопросы современности.

Поэтому сегодня в повестке дня конференции такие важные для всех темы, как «Личность и общество в поликультурном мире», «Экономика и право в контексте партнерства цивилизаций», «Средства массовой информации в системе формирования картины мира», «Высшее образование: проблемы развития в контексте глобализации» и другие.

Уверен, что заинтересованное обсуждение, содержательные и конструктивные дискуссии в рамках Чтений послужат развитию гуманитарных наук, укреплению духовно-нравственных основ общества.

Желаю организаторам, участникам и гостям форума плодотворной работы и всего самого доброго.

Председатель Правительства Российской Федерации
В. ПУТИН
22 мая 2008 года

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ IX МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЙ

Организаторам и участникам IX Международных Лихачевских научных чтений

Дорогие друзья!

Приветствую организаторов и участников IX Международных Лихачевских научных чтений, ставших значительным событием в сферах научной и культурной жизни нашей страны.

Тема нынешних Чтений «Диалог культур и партнерство цивилизаций» является одной из самых актуальных в современном мире. Как известно, диалог всегда был и остается неотъемлемым элементом истинной культуры, важным фактором прогресса, необходимым условием мирного сосуществования и сотрудничества стран и народов. В свою очередь рассмотрение вопросов о партнерстве цивилизаций может открыть новые возможности для мирного разрешения многих конфликтных ситуаций.

Вопросы, запланированные к обсуждению в рамках Чтений, затрагивают ряд проблем, имеющих глобальное значение для понимания их глубинной сущности. По-прежнему важно дальнейшее осмысление научного и духовного наследия академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Не сомневаюсь, что IX Международные Лихачевские научные чтения станут новой вехой на этом пути.

Желаю участникам Чтений больших успехов и всего наилучшего!

Председатель Государственной Думы Федерального собрания РФ
Б. В. ГРЫЗЛОВ
13 мая 2009 г.

Участникам и гостям IX Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

Рад приветствовать от имени Министерства образования и науки Российской Федерации участников и гостей IX Международных Лихачевских научных чтений.

Министерство, отмечая выдающийся вклад академика Д. С. Лихачева в развитие отечественной науки и культуры, придает большое значение IX Международным Лихачевским научным чтениям, в которых принимают участие многие из виднейших представителей российской и зарубежной интеллигенции, деятелей культуры и искусства, ученых и философов.

Лихачевские чтения посвящены диалогу культур в современном многополярном мире, сохранению и развитию национальной идентичности культуры нашего многонационального народа.

От всей души желаю участникам плодотворной работы, дальнейших творческих успехов на благо российской и мировой науки и культуры, крепкого здоровья и личного счастья.

Министр образования и науки Российской Федерации
А. А. ФУРСЕНКО
12 мая 2009 г.

Участникам и гостям IX Международных Лихачевских научных чтений

От имени Министерства культуры Российской Федерации приветствую всех собравшихся в Гуманитарном университете профсоюзов на открытии крупного научного форума.

Ежегодные научные чтения — яркое свидетельство актуальности идей Д. С. Лихачева и одновременно стремление найти новые возможности их применения в современной социокультурной жизни. Именно диалог рождает понимание и позволяет интегрировать представителей разных народов в реализации позитивного потенциала культуры.

Искренне желаю участникам IX Международных Лихачевских научных чтений плодотворной работы и интересных встреч.

Министр культуры Российской Федерации
А. А. АВДЕЕВ
12 мая 2009 г.

Ректору СПбГУП, профессору А. С. Запесоцкому, участникам и гостям IX Международных Лихачевских научных чтений

*Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые участники и гости
IX Международных Лихачевских научных чтений!*

От имени Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и от себя лично поздравляю вас с открытием научного форума, продолжающего традиции, заложенные академиком Д. С. Лихачевым.

На протяжении многих лет Чтения собирают ярких представителей науки, образования, культуры, общественных деятелей.

Проведение Чтений в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов не случайно. Вуз известен как динамично развивающийся и постоянно расширяющий научные связи и проблематику научных исследований.

Уверен, что в ходе обсуждений произойдет конструктивный диалог, который благодаря тесному взаимодействию государства и научного сообщества позволит оказать позитивное воздействие на общественное развитие.

От всей души желаю успехов участникам и организаторам Чтений в решении актуальных проблем современности.

Временно исполняющий обязанности министра
здравоохранения и социального развития Российской Федерации
В. С. БЕЛОВ
13 мая 2009 г.

Ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов А. С. Запесоцкому

Дорогие друзья и единомышленники!

IX Международные Лихачевские научные чтения в очередной раз собрали сегодня в стенах Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов ведущих представителей отечественного научного мира, зарубежных ученых, специалистов-практиков, государственных и общественных деятелей. Этот авторитетный и поистине грандиозный по своим масштабам форум стал крупнейшим событием в области науки и культуры, носящим беспрецедентный общественный характер. Из года в год тематика Лихачевских чтений отражает важнейшие гуманитарные проблемы современности, проблемы межкультурного диалога и партнерства цивилизаций, которые будут обсуждаться на IX Международных Лихачевских научных чтениях, крайне актуальны сегодня для всего цивилизованного мира.

Развитие гуманитарных знаний требует новых современных форм обобщения информации, взаимодействия и обмена научным опытом. Лихачевские чтения стали ярким примером действенной коммуникации научных и общественных кругов. Желаю участникам Лихачевских чтений конструктивного диалога, творческого энтузиазма и успехов в научной деятельности.

Заместитель председателя Государственной Думы Федерального собрания РФ
С. С. ЖУРОВА
13 мая 2009 г.

Ректору СПбГУП А. С. Запесоцкому, участникам и гостям IX Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемый Александр Сергеевич!

Приветствую участников и гостей IX Международных Лихачевских научных чтений!

Уверена, что проведение IX Международных Лихачевских научных чтений приведет к дальнейшему развитию роли культуры в общемировых процессах и становлению России как международно-признанного правового государства.

Сожалею, что не могу принять участие в связи с занятостью. Надеюсь на дальнейшее сотрудничество.

С уважением,

первый заместитель председателя Комитета по культуре
Государственной Думы Федерального собрания РФ,
профессор СПбГУП, заслуженная артистка России
Е. Г. ДРАПЕКО
10 мая 2009 г.

Ректору СПбГУП А. С. Запесоцкому, участникам и гостям IX Международных Лихачевских научных чтений

Уважаемый Александр Сергеевич!

Уважаемые участники и гости IX Международных Лихачевских научных чтений!

От имени Федерального агентства по образованию поздравить вас с открытием представительного научно-образовательного форума — IX Международных Лихачевских научных чтений.

На протяжении ряда лет Чтения собирают известных представителей науки, образования, культуры, общественных деятелей. Тематика Чтений всегда проникнута духом современности, гражданственности и социальной ответственности и является безусловно актуальной.

Участие в организации Чтений Российской академии наук, Российской академии образования является собой пример эффективного взаимодействия академической и вузовской науки.

Желаем успехов всем участникам и организаторам форума.

С уважением,

заместитель руководителя Федерального агентства по образованию
(Рособразования) Министерства образования и науки РФ
Е. Я. БУТКО
24 марта 2009 г.

**Председателю Оргкомитета IX Международных Лихачевских научных чтений,
председателю Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции,
ректору СПбГУП, профессору А. С. Запесоцкому**

Уважаемый Александр Сергеевич!

От имени Законодательного собрания Санкт-Петербурга позвольте сердечно поздравить Вас и в Вашем лице всех участников IX Международных Лихачевских научных чтений.

Занимаясь законотворческой деятельностью, Законодательное собрание держит в поле своего внимания ряд важных направлений развития науки, культуры, образования в нашем городе.

Лихачевские чтения, уже девятый раз проводимые на базе Вашего Университета, заняли свое особое место в культурном пространстве города. Они, как представляется, выполняют ряд функций, из которых хочется отметить две. Это популяризация и развитие идей нашего великого современника — академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, а также укрепления репутации Санкт-Петербурга как международно признанного центра науки.

Образование и культура сегодня остро нуждаются во внимании органов государственного управления. Речь идет о социальной защите всех работников отрасли — от школьного учителя до вузовского профессора, от работника сельского клуба до хранителя музея. На решение социальных вопросов, в том числе и в сфере образования и культуры должны быть в ближайшие годы направлены усилия государственной власти всех уровней — от Президента Российской Федерации до руководителей муниципальных образований.

От всего сердца желаю участникам и организаторам Международных Лихачевских научных чтений плодотворной работы.

С уважением,

председатель Законодательного собрания Санкт-Петербурга
В. А. ТЮЛЬПАНОВ
13 мая 2009 г.

**Ректору Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов, профессору А. С. Запесоцкому**

Уважаемый Александр Сергеевич!

Позвольте поблагодарить Вас за приглашение на Международные Лихачевские научные чтения.

Это ежегодное мероприятие стало доброй традицией возглавляемого Вами Университета. Год от года это мероприятие становится все более значимым. Увековечение памяти Д. С. Лихачева, продвижение идей и мыслей нашего современника среди молодежи — это почетная и приятная задача. Уверен, что под покровительством Вашего Университета традиции петербургской интеллигенции перейдут и во всероссийский формат.

Глубоко сожалею, что в связи с занятостью не смогу принять участие в презентации.

С уважением,

председатель Комитета по управлению городским имуществом
Правительства Санкт-Петербурга
И. М. МЕТЕЛЬСКИЙ
12 мая 2009 г.

**Участникам и гостям
IX Международных Лихачевских научных чтений**

Уважаемые участники Чтений, дорогие братья и сестры!

Проведение международных чтений, посвященных памяти академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, стало для многих людей хорошим поводом обменяться мнениями по актуальным вопросам современности, поделиться результатами многолетних исследований и практической работы.

Представители Русской православной церкви активно участвуют в проведении Лихачевских чтений, и мы намерены продолжать и углублять сотрудничество с организаторами этого представительного форума.

Вопросы диалога культур и партнерства цивилизаций всегда лежали в плоскости работы Отдела внешних церковных связей, который на протяжении многих лет поддерживает контакты с большинством традиционных религиозных общин по всему миру. За это время мы накопили большой опыт общения с людьми различных цивилизаций и культур. Наш опыт показывает, что неразрешимых межцивилизационных противоречий не существует. Поэтому сегодня все здоровые силы в мире призваны к тому, чтобы гармонизировать существующие различия между цивилизациями, не посягая на самобытность каждой из них. Эта сложная задача требует приложения воли и труда.

Убежден, что реальный диалог цивилизаций исключает внешний диктат его содержания, целей и результатов. Также важно, чтобы в основе этого диалога лежало то, что во все времена сближало людей, — человеческая совесть, дар Божий, помогающий человеку различать добро и зло. Только заложив в основу сосуществования цивилизаций моральный фундамент, человечество сможет построить прочный межцивилизационный мир.

Желаю участникам чтений плодотворных дискуссий и помощи Божией во всяком добром деле.

Председатель Отдела внешних церковных связей
Московского патриархата архиепископ Волоколамский
ИЛАРИОН
13 мая 2009 г.

О МЕЖДУНАРОДНЫХ ЛИХАЧЕВСКИХ НАУЧНЫХ ЧТЕНИЯХ

Справка

Международные научные чтения в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов впервые состоялись в мае 1993 года и были приурочены к Дням славянской письменности и культуры. В числе их инициаторов был академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. С тех пор Чтения проводятся каждый год. После ухода из жизни академика Лихачева данный научный форум получил государственный статус Международных Лихачевских научных чтений (Указ Президента РФ В. В. Путина «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева» № 587 от 23 мая 2001 г.).

Соучредителями Чтений являются Российская академия наук, Российская академия образования, СПбГУП, Конгресс петербургской интеллигенции (учредители Ж. И. Алферов, Д. А. Гранин, А. С. Запесоцкий, К. Ю. Лавров, Д. С. Лихачев, А. П. Петров, М. Б. Пиотровский). С 2007 года Чтения проходят при поддержке Министерства иностранных дел России. С 2008 года — с использованием средств специального гранта Президента РФ, с 2009 года — также с использованием средств Российского гуманитарного научного фонда и Министерства культуры РФ.

В повестку дня Чтений по традиции включаются наиболее универсальные дискуссионные проблемы современности: «Образование в условиях формирования нового типа культуры», «Культура и глобальные вызовы мирового развития», «Гуманитарные проблемы современной цивилизации» и др.

Ежегодно на Чтения съезжаются крупнейшие деятели российской и зарубежной науки, культуры и искусства, общественные и политические лидеры. В разные годы в Чтениях участвовали академики РАН: Л. И. Абалкин, А. Г. Арбатов, Н. П. Бехтерева, О. Т. Богомолов, В. Н. Большаков, Ю. С. Васильев, А. А. Гусейнов, Т. И. Заславская, А. А. Кокошин, А. Б. Куделин, В. А. Лекторский, И. И. Лукинов, Д. С. Львов, В. А. Мартынов, Н. Н. Моисеев, А. Д. Некипелов, Ю. С. Осипов, А. М. Панченко, Н. Я. Петраков, Н. А. Платэ, В. М. Полтерович, Е. М. Примаков, Б. В. Раушенбах, Ю. А. Рыжов, В. С. Степин, В. А. Тишков, В. А. Черешнев, А. О. Чубарьян, Н. П. Шмелев, В. Л. Янин и др.; академики РАО: Ш. А. Амонашвили, В. И. Андреев, Г. М. Андреева, А. Г. Асмолов, А. П. Беляева, М. Н. Борулава, И. В. Бестужев-Лада, А. А. Бодалев, Е. В. Бондаревская, Г. А. Бордовский, В. П. Борисенков, Г. Н. Волков, Ю. С. Давыдов, А. В. Даринский, Э. Д. Днепров, С. Ф. Егоров, И. А. Зимняя, В. Г. Кинелев, И. С. Кон, А. С. Кондратьев, В. Г. Костомаров, В. В. Краевский, А. А. Лиханов, Г. В. Мухаметзянова, В. С. Мухина, В. А. Мясников, Н. Д. Никандров, А. М. Новиков, Ю. В. Сенько, А. В. Усова, Ю. У. Фохт-Бабушкин, Г. А. Ягодин, В. Миттер (Германия) и др.; общественные и государственные деятели: А. А. Акаев, А. Е. Бусыгин, С. В. Лавров, В. И. Матвиенко, В. В. Миклушевский, К. О. Ромодановский, А. Л. Сафонов, А. А. Собчак, Е. С. Строев, В. Е. Чуров, М. В. Шмаков, А. В. Яковенко, В. А. Яковлев; деятели культуры и искусства: М. К. Аникушин, А. А. Вознесенский, И. О. Горбачев, Д. А. Гранин, Н. М. Дудинская, З. Я. Корогодский, К. Ю. Лавров, А. П. Петров, М. М. Плисецкая, М. Л. Ростропович, Э. А. Рязанов, Г. В. Свиридов и др.

С 2008 года совместно с МИД России началось осуществление Дипломатической программы Чтений «Международный диалог культур», в которой выступают послы иностранных государств с изложением своих взглядов на важнейшие проблемы нашего времени.

Четырежды — в 2001, 2004, 2006 и 2009 годах — организаторов и участников Чтений приветствовали Президенты Российской Федерации Д. А. Медведев и В. В. Путин, в 2008 году — Председатель Правительства РФ В. В. Путин.

Ежегодно по итогам Чтений публикуются сборники докладов и выступлений их участников, тексты секционных дискуссий и круглых столов. Эти материалы хранятся во всех крупных библиотеках России, стран СНГ, научных и образовательных центрах многих государств мира. Материалы Чтений представлены на специальном научном интернет-сайте «Площадь Лихачева» (www.lihachev.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие Президента Российской Федерации Д. А. Медведева участникам IX Международных Лихачевских научных чтений	3
Указ Президента Российской Федерации «Об увековечении памяти Д. С. Лихачева»	4
Приветствия В. В. Путина участникам Международных Лихачевских научных чтений.....	5
Приветствия участникам IX Международных Лихачевских научных чтений.....	6
О Международных Лихачевских научных чтениях (Справка).....	9

Пленарное заседание «ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

ДОКЛАДЫ

Л. И. АБАЛКИН , академик РАН, научный руководитель Института экономики РАН (Москва), главный редактор журнала «Вопросы экономики», доктор экономических наук, профессор ПОИСК ПУТЕЙ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	20
А. А. АКАЕВ , академик Академии наук Киргизской Республики, иностранный член РАН, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор, Президент Киргизской Республики (1990–2005) ОБЩНОСТЬ НАРОДОВ И ФЕНОМЕН ЕВРАЗИЙСТВА	22
А. М. АЛЬ-РАУХАНИ , глава Центра стратегических исследований (Республика Йемен), доктор, экс-посол Йемена в РФ (2003–2007) ГУМАНИТАРНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР	24
Ф. А. АСАДУЛЛИН , заведующий Отделом науки и связей с государственными службами РФ Московского муфтията, шейх, кандидат филологических наук ОТ МОНОЛОГОВ К ДИАЛОГУ	28
М. А. АТ-ТАЙЕБ , генеральный директор Кабинета иностранных дел Министерства Мекканского региона (Королевство Саудовская Аравия), ректор, профессор Университета «Аль-Азхар», доктор МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ	30
О. Т. БОГОМОЛОВ , академик РАН, советник РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, заведующий кафедрой мировой экономики Государственного университета управления (Москва), доктор экономических наук, профессор УРОКИ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА	31
О. А. БУЗИНА , писатель, журналист, историк (Украина) УКРАИНА: ТРЕУГОЛЬНИК МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОТИВОСТОЯНИЙ	35
Ф. М. БУРАЦКИЙ , председатель Научного совета РАН по проблемам политологии при Президиуме РАН, доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ	37
А. Е. БУСЫГИН , заместитель министра культуры РФ, доктор экономических наук, профессор «КУЛЬТУРНЫЕ РАЗРЫВЫ» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИХ ИСТОКИ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ	38
П. БЮЛЬ-БЮЛЬ оглы , Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, доктор искусствоведения, профессор, народный артист Азербайджанской Республики АЗЕРБАЙДЖАН НА ПЕРЕПУТЬЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ	40
Я. Ван БЕЛЬЗЕН , профессор психологии факультета гуманитарных наук Амстердамского университета (Нидерланды), доктор ПЕРЕД ЛИЦОМ НЕОБХОДИМОСТИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ВКЛАД СО СТОРОНЫ ГЕРМЕНВТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКИ	42
Г. А. ГАДЖИЕВ , судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР	50
Р. ГЕРРА , заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), президент Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции, доктор филологических наук ДИАЛОГ ИЛИ МОНОЛОГ? РУССКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ КУЛЬТУРА ВО ФРАНЦИИ (1920–1970-е гг.)	52
Д. А. ГРАНИН , писатель, Герой Социалистического Труда, почетный гражданин Санкт-Петербурга, почетный доктор СПбГУП, соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции ВЫДЕРЖИТ ЛИ РОССИЯ ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ?	55
Р. С. ГРИНБЕРГ , член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ	56

С. ГУАНЧЭН , директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии социальных наук (CASS), доктор философии, профессор	
ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР	64
А. А. ГУСЕЙНОВ , академик РАН, директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП	
ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР	65
М. ДРЮЭН , президент Национального союза обществ дружбы «Франция–Россия–СНГ», президент Ассоциации Eurasia («Европа–Россия–Кавказ–Азия») «НАШЕ ПРИЗВАНИЕ — КРЕПИТЬ ДРУЖБУ»	68
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , академик Российской академии образования, член Президиума РАО, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, член Президиума Совета ректоров Санкт-Петербурга, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ	
ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ЗОНА ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОБОРСТВА (Размышления по итогам VIII Международных Лихачевских чтений)	70
Д. Ч. КАПУР , президент Фонда «Капур Сурия», сопредседатель Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», доктор философии, профессор (Индия)	
К ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	73
С. Л. КАТАНАНДОВ , глава Республики Карелия	
РЕСТАВРИРОВАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ДУШИ	75
А. КЛЕСС , директор Люксембургского института европейских и международных исследований, доктор	
ЭЛЕМЕНТЫ ДЛЯ ФУНДАМЕНТА НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	79
А. А. КОКОШИН , академик РАН, первый заместитель председателя Комитета по науке и наукоемким технологиям Государственной Думы Федерального собрания РФ, декан факультета мировой экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор	
О «БРЕНДЕ» РОССИИ В «ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР» В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА	80
А. КОЛЬДЕФИ-ФОКАР , профессор Университета Сорбонна — Париж IV (Франция)	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР БЕЗ ЯЗЫКА?	83
С. В. ЛАВРОВ , министр иностранных дел Российской Федерации, член Совета безопасности РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол	
ЧЕРЕЗ АКТИВАЦИЮ МНОГОСТОРОННИХ УСИЛИЙ — К СОЗДАНИЮ ГАРМОНИЧНЫХ ОСНОВ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ	85
В. А. ЛЕКТОРСКИЙ , академик РАН, академик РАО, главный редактор журнала «Вопросы философии», доктор философских наук, профессор	
ЛИЧНАЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР	88
Ф. МАЙОР , президент Фонда за культуру мира, доктор фармакологии, профессор (Испания), генеральный директор ЮНЕСКО (1987–1999)	
ДИАЛОГ И АЛЬЯНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ	91
В. И. МАТВИЕНКО , губернатор Санкт-Петербурга	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ	92
В. В. МИКЛУШЕВСКИЙ , заместитель министра образования и науки РФ, доктор технических наук, профессор	
ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ	95
П. А. МИНАКИР , академик РАН, директор Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (Владивосток), член Бюро Отделения общественных наук РАН, доктор экономических наук, профессор	
РОССИЯ–КИТАЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: НЕОЖИДАННАЯ УГРОЗА ИЛИ ГРОЗНЫЕ ОЖИДАНИЯ	98
А. Д. НЕКИПЕЛОВ , академик РАН, вице-президент РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП	
ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ	100
Н. Д. НИКАНДРОВ , президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор	
ОБРАЗОВАНИЕ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР	102
Ю. С. ОСИПОВ , президент Российской академии наук, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор	
РОССИЙСКАЯ НАУКА КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР	106
Е. И. ПИВОВАР , член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья, доктор исторических наук, профессор	
РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И ГЛОБАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ XX ВЕКА	108
М. Б. ПИОТРОВСКИЙ , член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, директор Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, профессор, председатель Конгресса петербургской интеллигенции, председатель Союза музеев России	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ВОЙНА СТЕРЕОТИПОВ	112
Е. М. ПРИМАКОВ , академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты РФ, доктор экономических наук, профессор	
РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	113

Х. А. МАРК ПУЖОЛЬ , <i>Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ</i> АЛЬЯНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ОПРЕДЕЛЕНИИ НОВОГО МИРОВОГО УПРАВЛЕНИЯ	116
А. РАР , <i>журналист, политолог (Германия), директор программ по России и СНГ</i> <i>Немецкого общества внешней политики</i> НОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И РОССИЕЙ	119
К. О. РОМОДАНОВСКИЙ , <i>директор Федеральной миграционной службы России,</i> <i>генерал-полковник милиции, кандидат юридических наук</i> ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ	121
П. РОЭЛЬ , <i>президент Института консультирования по вопросам стратегии, политики,</i> <i>безопасности и экономики (Берлин), доктор философии</i> ЗНАЧЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ: ШЕСТЬ ОСНОВНЫХ ПРИМЕРОВ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ КИТАЕМ И ЗАПАДОМ	123
Ж. САМПАЙО , <i>Высокий представитель Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций»,</i> <i>Президент Португалии (1996–2006)</i> ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «АЛЬЯНСА ЦИВИЛИЗАЦИЙ»	124
М. САНАИ , <i>директор Центра изучения России и Восточной Европы Тегеранского университета (Иран),</i> <i>член Казахской академии общественных наук, профессор, доктор</i> ДИАЛОГ И МНОГОСТОРОННЯЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ — НЕОБХОДИМОСТЬ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ МИРА	126
А. А. САФОНОВ , <i>заместитель министра здравоохранения и социального развития РФ,</i> <i>доктор экономических наук, профессор</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПАРАДОКСЫ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ	128
Н. Н. СКАТОВ , <i>член-корреспондент РАН, советник РАН, главный редактор журнала</i> <i>«Русская литература», доктор филологических наук, профессор</i> «РУССКОЕ СЛОВО» В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	132
В. С. СТЕПИН , <i>академик РАН, научный руководитель Института философии РАН (Москва),</i> <i>и. о. академика-секретаря Бюро Отделения общественных наук РАН,</i> <i>доктор философских наук, профессор</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ПОИСК НОВЫХ СТРАТЕГИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ	134
В. А. ТИШКОВ , <i>академик РАН, директор Института этнологии</i> <i>и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор</i> ОБРАЗ СТРАНЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ	139
П. П. ТОЛОЧКО , <i>академик Национальной академии наук Украины,</i> <i>директор Института археологии НАН Украины, доктор исторических наук, профессор</i> ДИАЛОГ ИЛИ МОНОЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ?	142
Ж. Т. ТОШЕНКО , <i>член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования»,</i> <i>декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва),</i> <i>заведующий кафедрой теории и истории социологии, доктор философских наук, профессор</i> ОБРАЗ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	144
С. УАЙТ , <i>профессор политологии Университета Глазго (Великобритания), доктор философии</i> ДИАЛОГ ДЕМОКРАТИЙ?	147
Н. Г. ХОЛЬМ , <i>профессор религиоведения в Академии Або г. Турку (Финляндия), доктор</i> МИСТИКА И ДУХОВНОСТЬ	149
Л. ХРИЗАНТОПУЛОС , <i>посол, генеральный секретарь</i> <i>Организации Черноморского экономического сотрудничества (Греция)</i> ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН — ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	153
В. А. ЧЕРЕШНЕВ , <i>академик РАН, член Президиума РАН, председатель Комитета по науке</i> <i>и наукоемким технологиям Государственной Думы Федерального собрания РФ, директор Института</i> <i>иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор медицинских наук, профессор;</i> В. Н. РАСТОРГУЕВ , <i>заведующий кафедрой теоретической политологии МГУ им. М. В. Ломоносова,</i> <i>доктор философских наук, профессор</i> ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС: ОЦЕНКА СИТУАЦИИ И ЗАДАЧИ АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ	154
А. О. ЧУБАРЬЯН , <i>академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН, ректор Государственного</i> <i>университета гуманитарных наук (Москва), доктор исторических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП</i> РОССИЯ И ЕВРОПА: ВЗАИМНЫЕ ОБРАЗЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ТРАДИЦИИ	156
В. Е. ЧУРОВ , <i>председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП</i> ДЕМОКРАТИЯ И ФОРМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА	160
Ю. С. ШЕМШУЧЕНКО , <i>академик Национальной академии наук Украины,</i> <i>иностраный член РАН, директор Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины,</i> <i>доктор юридических наук, профессор</i> ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ГАРМОНИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА	167

М. В. ШМАКОВ , председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеевропейского регионального совета Международной конфедерации профсоюзов, почетный профессор СПбГУП ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	169
Н. П. ШМЕЛЕВ , академик РАН, директор Института Европы РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА	171
Э. ШНАЙДЕР , профессор политологии Университета г. Зиген (Германия), доктор философии, главный редактор еженедельного бюллетеня «Россия: актуальная внутренняя политика» ОТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР К ДИАЛОГУ РЕЛИГИЙ	173
Ю. ШТРАУБ , профессор, заведующий кафедрой социальной теории и социальной психологии факультета социальных наук Университета г. Рур (Германия), доктор философии МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ — КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	174
М. ШТЮРМЕР , профессор истории Средних веков и Нового времени Университета им. Фридриха-Александра (Эрланген–Нюрнберг), доктор философии, шеф-корреспондент газеты “Die Welt” издательства «Аксель Шпрингер» (Германия) КАК КРИЗИС УГРОЖАЕТ ЗДАНИЮ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	183
ЭЛЬ ХАСАН бин ТАЛАЛЬ , Коронованный принц Иорданского Хашимитского королевства ДОСТОИНСТВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	185
А. В. ЯКОВЕНКО , заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ КАК СРЕДСТВО УСТАНОВЛЕНИЯ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ И СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	188
ДИСКУССИЯ	190
Выступающие: М. А. Ат-Тайеб, О. Т. Богомолов, М. И. Борисенко, А. Е. Бусыгин, П. Бюль-Бюль оглы, Г. А. Гаджиев, Р. Герра, С. Гуанчэн, А. А. Гусейнов, М. Дрюэн, А. С. Запесоцкий, И. С. Кон, А. Д. Кулакова, В. А. Лекторский, Е. И. Макаров, А. Д. Некипелов, Н. Д. Никандров, Х. А. Марк Пужоль, А. Рар, Э. А. Рязанов, В. С. Степин, П. П. Толочко, В. Т. Третьяков, А. О. Чубарьян, М. В. Шмаков, А. В. Яковенко	
Круглый стол «ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ» (Продолжение дискуссии Пленарного заседания)	211
Выступающие: А. М. Аль-Раухани, Ф. А. Асадуллин, Е. М. Астахов, О. А. Бузина, М. Дрюэн, А. С. Запесоцкий, А. Клесс, А. Кольдефи-Фокар, А. П. Назаретян, В. В. Наумкин, В. В. Попов, М. Санаи, В. С. Степин, П. П. Толочко, С. Уайт, Н. Г. Хольм, Л. Хризантопулос, А. О. Чубарьян, Э. Шнайдер, А. В. Яковенко	
Секция 1. ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ, ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	
ДОКЛАДЫ	
А. В. АГОШКОВ , главный редактор журнала «Вопросы культурологии», главный специалист Института научных исследований и информации Российской академии государственной службы при Президенте РФ (Москва), кандидат философских наук СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В XXI ВЕКЕ: ГЛОБАЛЬНЫЙ УНИВЕРСАЛИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ?	222
С. Н. АРТАНОВСКИЙ , почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ И ГЛОБАЛИЗМ	228
Е. М. АСТАХОВ , профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университет) МИД России (Москва), Чрезвычайный и Полномочный Посол ДИАЛОГ ИЛИ МОНОЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (О «цивилизационном» подходе к истории)	229
Л. А. ВОЛОВА , заведующая кафедрой философии, культурологии и этнологии Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор ДИАЛЕКТИКА ДИАЛОГА ЭТНОКУЛЬТУР	231
А. В. ГУЛЬЦЕВ , генеральный директор Европейского центра Международной ассоциации писателей и публицистов (Париж), президент Конфедерации русских общин Европы ДИАЛОГ И КОНФЛИКТ КУЛЬТУР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ	233
Ю. В. ЗОБНИН , заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор ФЕНОМЕН РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ XX ВЕКА В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА Л. Н. ГУМИЛЕВА (Предварительные заметки)	234
С. Н. ИКОННИКОВА , заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, профессор СПбГУП, доктор философских наук ПЕРСПЕКТИВЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ И ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	236
А. В. ИЛЬЧИЧЕВ , профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук ИСТОРИСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ КИЕВСКОГО МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА: К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГА ГРЕКО-ИУДЕЙСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ	238

Ж. К. КЕНШИМОВ , <i>Генеральный консул Республики Казахстан в Санкт-Петербурге</i> ДИАЛОГ КУЛЬТУР, ПОИСК ОБЩИХ ЦЕЛЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ.....	240
И. Ф. КЕФЕЛИ , <i>заведующий кафедрой культурологии и глобалистики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург), главный редактор журнала «Геополитика и безопасность», доктор философских наук, профессор</i> ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ГЕОПОЛИТИКИ.....	242
И. С. КОН , <i>академик РАО, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), доктор философских наук, профессор</i> ЗАПРЕЩЕНИЕ ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ — ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	244
В. А. КОНЕВ , <i>заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор</i> М. К. МАМАРДАШВИЛИ И А. М. ПЯТИГОРСКИЙ ОБ ОСНОВАНИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	247
В. В. КРАЕВСКИЙ , <i>академик РАО, главный научный сотрудник Института управления образованием РАО (Москва), доктор педагогических наук, профессор</i> КСЕНОФОБИЯ КАК БОЛЕЗНЬ ОБЩЕСТВА И СРЕДСТВА ЕЕ ПРОФИЛАКТИКИ	251
И. И. ЛЕШЕНКО , <i>доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Донецкого национального университета (Украина), кандидат исторических наук</i> ТЕОРИЯ «СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ» — ОПОРА РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ (История преемственности)	252
В. Н. ЛУКИН , <i>заместитель директора Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, доктор политических наук, профессор</i> СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ДИСКУРСЫ КУЛЬТУРНОГО И ГРАЖДАНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА	254
М. А. МАНУИЛЬСКИЙ , <i>заместитель главного редактора журнала «Человек», старший научный сотрудник Института социологии РАН (Москва), кандидат философских наук</i> РОССИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ (По материалам эмпирических исследований)	256
А. П. МАРКОВ , <i>профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ</i> КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА	257
В. М. МЕЖУЕВ , <i>главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва), доктор философских наук, профессор</i> СУДЬБА НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	260
А. А. МЕЛЬНИКОВА , <i>доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат философских наук</i> ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПАРТНЕРСТВЕ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКА	262
В. В. МИХАЙЛОВ , <i>доцент кафедры истории СПбГУП, кандидат исторических наук</i> ОПЫТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВА В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ТЮРКСКИХ МУСУЛЬМАН В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	263
А. Н. МОСЕЙКО , <i>ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат философских наук</i> ОБРАЗЫ ДРУГ ДРУГА В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: РОССИЯ–ЗАПАД. ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ	265
Т. В. МУСИЕНКО , <i>начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, доктор политических наук, профессор;</i> Н. Ю. ЯРГИНА , <i>ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии</i> СТРАТЕГИЯ КУЛЬТУРНОГО НАЦИОНАЛИЗМА В КИТАЕ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В ГЛОБАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ	267
А. П. НАЗАРЕТЯН , <i>главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории», главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор философских наук</i> ИДЕОЛОГИЯ VERSUS ЦИВИЛИЗАЦИЯ?	269
В. В. НАУМКИН , <i>руководитель Центра арабских исследований Института востоковедения РАН, заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор</i> МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ	272
О. А. ОМАРОВ , <i>директор Дагестанского научного центра РАО, заведующий кафедрой физической электроники Дагестанского государственного университета (Махачкала), доктор физико-математических наук, профессор;</i> Р. М. АБАКАРОВА , <i>заведующая кафедрой теории и истории культуры Дагестанского государственного университета, доктор философских наук, профессор</i> РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ	276
И. Н. ПАНАРИН , <i>профессор Дипломатической академии МИД России (Москва), доктор политических наук</i> РОССИЯ И США: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА	277
В. Ф. ПЕТРЕНКО , <i>член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор</i> ДИАЛОГ ИЛИ КОНКУРЕНЦИЯ КУЛЬТУР	279
А. Е. ПЕТРОВ , <i>и. о. заместителя академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, заместитель председателя Координационного совета по делам молодежи Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию (Москва)</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ОСВОЕНИЕ ПРОШЛОГО В ВОЙНАХ ПАМЯТИ	280

К. С. ПИГРОВ , заведующий кафедрой социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор	
ПЕТЕРБУРГ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР	283
В. В. ПОПОВ , директор Центра партнерства цивилизаций МГИМО (Университет) МИД России, кандидат исторических наук	
О ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗАПАДА И ИСЛАМСКОГО МИРА	287
К. С. РОМАНОВА , старший научный сотрудник отдела философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург), кандидат философских наук, доцент	
ПОНЯТИЯ «МУЛЬТИКУЛЬТУРИЗМ», «ТОЛЕРАНТНОСТЬ», «ИДЕНТИЧНОСТЬ» В РУССКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ	289
И. В. СЛЕДЗЕВСКИЙ , директор Центра цивилизационных и региональных исследований РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор	
ОБРАЗ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ	291
А. В. СМИРНОВ , член-корреспондент РАН, заместитель директора Института философии РАН (Москва), заместитель главного редактора «Философского журнала», доктор философских наук, профессор	
ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУР И КАРТИНА МИРА	292
А. В. УСПЕНСКАЯ , профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук	
АНТИЧНОСТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ: А. А. ФЕТ О ЗНАЧЕНИИ ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ	299
Р. И. ХАИРОВ , исполнительный директор Международного общественного фонда «За выживание и развитие человечества», кандидат философских наук	
АЛЪЯНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ПУТИ ПРЕОТВРАЩЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ: ОПЫТ СИСТЕМНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ	300
П. ШАЛЛЕР , Генеральный консул Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ	304
Т. Е. ШЕХТЕР , заведующая кафедрой искусствоведения СПбГУП, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ	305
Ю. М. ШОР , профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук	
ДИАЛОГ С ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЙ — НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ	307
ДИСКУССИЯ	309
Выступающие: А. С. Большаков, Ю. В. Зобнин, А. Ф. Измайлов, С. Н. Иконникова, А. В. Ильичев, В. В. Краевский, С. М. Ларьков, И. А. Лебединский, М. А. Мануильский, А. А. Мельникова, А. Н. Мосейко, М. С. Мотышина, Н. А. Румянцева, А. В. Смирнов, Ж. Т. Тошенко, Г. Ф. Фейгин, И. О. Фояков	

Секция 2. ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

ДОКЛАДЫ

Б. Ш. АЛИЕВА , профессор кафедры общей педагогики Дагестанского государственного университета (Махачкала), ученый секретарь Учреждения РАО «Институт национальных проблем в образовании», доктор педагогических наук;	
З. Н. АЛИБЕКОВА , старший преподаватель кафедры педагогики начального образования Дагестанского государственного педагогического университета	
ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ДАГЕСТАНСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН	325
В. И. АНДРЕЕВ , академик РАО, заведующий кафедрой педагогики Казанского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор	
О ГАРАНТИРОВАННОСТИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЗАКОНАХ МНОГОМЕРНОЙ БИНАРНОСТИ РАЗВИТИЯ И САМОРАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ	327
Е. В. ВЕРШИНИНА , начальник отдела Управления международной деятельности и общественных связей Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки	
БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС И СИСТЕМА НЕПРЕРЫВНОГО ОБУЧЕНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	330
Г. Н. ВОЛКОВ , академик РАО, директор НИИ этнопедагогики Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева (Чебоксары), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПАНСОФИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА	331
Е. О. ГАЛИЦКИХ , заведующая кафедрой русской литературы Вятского государственного гуманитарного университета (Киров), доктор педагогических наук, профессор	
ДИАЛОГ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ	334
Ю. С. ДАВЫДОВ , академик РАО, президент Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук, профессор	
ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ	335
С. Ф. ЕГОРОВ , академик РАО, заведующий отделом Института теории и истории педагогики РАО (Москва), доктор педагогических наук	
НРАВСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТИВ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ	338

В. И. ЗАГВЯЗИНСКИЙ , академик РАО, заведующий кафедрой методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор	
О СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	339
А. Ф. ЗАКИРОВА , профессор кафедры методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета, доктор педагогических наук	
О РОЛИ ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ ЗАПАДА И ВОСТОКА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ МИРОПОНИМАНИИ	342
И. А. КУЗНЕЦОВА , старший педагог Социального центра развития семьи и детства Невского района г. Санкт-Петербурга	
МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ МИРОВОСПРИЯТИЯ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ	344
А. А. ЛИХАНОВ , академик РАО, писатель, председатель правления Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов, почетный доктор СПбГУП	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ЗАБОТА ВЗРОСЛЫХ О СУДЬБАХ ДЕТСТВА	346
И. А. МИРОНЕНКО , декан факультета культуры СПбГУП, доктор психологических наук, профессор	
О ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ МИССИИ УНИВЕРСИТЕТОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ	349
Л. М. МОСОЛОВА , заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ	
ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ РОССИЯ В ФОКУСЕ ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	350
Г. В. МУХАМЕТЗЯНОВА , академик РАО, директор Института педагогики и психологии профессионального образования РАО (Казань), доктор педагогических наук, профессор	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК ГУМАНИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	351
Г. А. НОРКИН , доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат философских наук	
ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ	354
Ю. В. СЕНЬКО , академик РАО, заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), доктор педагогических наук, профессор	
ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УНИВЕРСИТЕТЕ	355
Т. А. СКОПИЦКАЯ , методист факультета развития профессионального образования Ленинградского областного института развития образования	
ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННЫХ УСТАНОВОК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ НОВЫХ ПОДХОДОВ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ	356
О. В. СЮТКИНА , доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Кировского филиала СПбГУП, кандидат педагогических наук	
ДАЛЬНЕЙШИЕ ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ МЕЖПРЕДМЕТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ, ГЕРМАНИИ И США В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОСТИ	358
В. И. ТОЛКАЧЕВ , ректор Международного института трудовых и социальных отношений (Минск, Белоруссия), кандидат исторических наук, доцент	
КУЛЬТУРА И ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ	359
М. Н. ФРОЛОВСКАЯ , доцент кафедры педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул)	
ТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	360
ДИСКУССИЯ	362
Выступающие: В. И. Андреев, С. М. Безух, Е. О. Галицких, В. В. Горшкова, Ю. С. Давыдов, С. Ф. Егоров, В. А. Колесников, С. С. Лебедева, Н. Д. Никандров, А. А. Орлов, В. М. Померанцев, Ю. В. Сенько, Т. А. Скопицкая, О. В. Сюткина	

Секция 3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ДОКЛАДЫ

М. В. АНДРЕЕВ , заведующий кафедрой права, истории и политологии Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан (Казань), кандидат юридических наук, доцент	
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	377
Х. Н. БЕХРУЗ , профессор кафедры права Европейского Союза и сравнительного правоведения Одесской национальной юридической академии (Украина), доктор юридических наук	
ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОЙ ПРАВОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ	378
С. А. БОГОЛЮБОВ , заведующий отделом аграрного, экологического и природоресурсного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва), заместитель главного редактора «Журнала российского права», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
ПРАВО И ЭТИКА В ЭКОЛОГИИ	380
Н. В. БУТУСОВА , профессор кафедры конституционного права России и зарубежных стран Воронежского государственного университета, доктор юридических наук	
О СОЗДАНИИ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ДЛЯ ПЕРЕХОДА НА НОВУЮ ЦИВИЛИЗАЦИОННУЮ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ (Проблемы науки и практики)	383

Н. В. ВИТРУК , заведующий кафедрой конституционного права Российской академии правосудия (Москва), судья Конституционного Суда РФ в отставке, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ	
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ	384
В. Г. ГРАФСКИЙ , главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор	
ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ	388
Е. Г. ДРАПЕКО , первый заместитель председателя Комитета по культуре Государственной Думы Федерального собрания РФ, профессор СПбГУП кандидат социологических наук, заслуженная артистка РФ	
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО	389
З. Н. КАЛАНДАРИШВИЛИ , доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук	
РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРА	391
Т. В. КЛЕНОВА , заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Самарского государственного университета, доктор юридических наук, профессор	
ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ	394
В. В. ЛАПАЕВА , главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук	
ВЫБОР МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ КАК ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИИ	396
О. В. МАРТЫШИН , профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии, доктор юридических наук	
РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	397
А. А. МОИСЕЕВ , профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России (Москва), руководитель Центра международного права и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, доктор юридических наук	
ЭКОНОМИКА И ПРАВО В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ	399
Л. А. НУДНЕНКО , профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия (Москва), доктор юридических наук	
ПРАВО НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ	403
С. В. ПОЛЕНИНА , заведующая сектором общей теории и социологии права Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ	
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНВЕРГЕНЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ СОВРЕМЕННОСТИ	404
И. В. ПОПОВ , доцент кафедры гражданского права Омской академии МВД России, директор ООО «Юридическая фирма “Магистр”»	
МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ	406
Р. А. РОМАШОВ , научный руководитель юридического факультета СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ	
НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРОСТРАНСТВО НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ЗАКОННОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА	410
Н. Л. РУМЯНЦЕВА , доцент Российского государственного института интеллектуальной собственности (Москва), кандидат технических наук	
О ПРАВЕ КУЛЬТУРЫ НА СОХРАННОСТЬ	411
А. В. СКОРОБОГАТОВ , заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института (филиала) Российской правовой академии Министерства юстиции РФ), доктор исторических наук, доцент	
ЗАЩИТА ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ (ЭТНИЧЕСКИХ) МЕНЬШИНСТВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ	412
А. А. ТАРАСОВ , профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета, доктор юридических наук, советник Уполномоченного по правам человека в Самарской области	
УСЛОВИЯ И ПРЕДЕЛЫ КОНВЕРГЕНЦИИ СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	413
И. Л. ЧЕСТНОВ , профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук	
СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	415
К. ШУЛЬЦЕ , декан юридического факультета, заведующая кафедрой истории законодательства и правовых учений государственного права Университета Потсдама (Германия), профессор	
ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ	417
ДИСКУССИЯ	420
Выступающие: М. В. Андреев, Х. Н. Бехруз, С. А. Боголюбов, Н. В. Бутусова, В. Г. Графский, М. Б. Касенова, Т. В. Кленова, В. В. Лапаева, О. В. Мартышин, Л. Г. Матвеева, А. А. Моисеев, Г. Н. Муртазаева, Л. А. Нудненко, С. В. Поленина, И. В. Попов, А. Л. Рогачевский, Р. А. Ромашов, А. А. Тарасов, И. Л. Честнов, О. Т. Шевченко, К. Шульце	

Секция 4. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ДОКЛАДЫ

Т. С. АБРАМКИНА , заместитель начальника отдела Управления по вопросам информационно-аналитического обеспечения Федеральной миграционной службы РФ О ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ.....	438
Т. А. ВАСИЛЬЕВА , старший научный сотрудник Института государства и права РАН, член Экспертного совета Комитета по делам национальностей Государственной Думы Федерального собрания РФ, кандидат юридических наук, доцент ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА	440
Е. М. ГЛИНЯНАЯ , доцент Одесской национальной юридической академии (Украина), кандидат юридических наук КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МИГРАЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА.....	443
О. Р. ГУЛИНА , докторант кафедры истории законодательства и правовых учений, государственного права Университета Потсдама (Германия, кандидат юридических наук, доцент) МИГРАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ В СТРАНАХ ЕС.....	447
Е. В. КУЗНЕЦОВА , старший преподаватель кафедры гражданского права, процесса и основ предпринимательской деятельности Ивановского государственного университета, аспирантка Института государства и права РАН МЕЖДУНАРОДНОЕ УСЫНОВЛЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ СЕМЕЙНОЙ МИГРАЦИИ	448
Н. В. КУРДЮМОВ , председатель Совета некоммерческого партнерства «Международный альянс “Трудовая миграция”», член Общественного совета при Федеральной миграционной службе РФ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА	449
В. А. МЯСНИКОВ , академик РАО, директор Института теории и истории педагогики РАО (Москва), доктор педагогических наук, профессор МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ СНГ.....	452
Г. Н. МУРТАЗАЕВА , докторант Отдела административного и финансового права Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины (Киев), кандидат экономических наук, доцент; В. Б. СМЕЛИК , старший научный сотрудник НИИ ФП Академии правовых наук Украины (Киев), кандидат юридических наук СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СФЕРЕ МИГРАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ	455
М. В. НЕМЫТИНА , заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук, профессор ПОИСК БАЛАНСА ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	456
А. Л. РОГАЧЕВСКИЙ , профессор кафедры юридической психологии и правоведения Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор юридических наук ГРАНИЦА И ЛЮДИ: ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ КОЛОНИЗАЦИИ В ПРУССИИ И НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ (XV–XVII вв.).....	458
С. В. РЯЗАНЦЕВ , руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	459
В. Д. САМОЙЛОВ , профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России, доктор педагогических наук МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ	462
М. А. ТЮРКИН , первый заместитель директора Федеральной миграционной службы РФ, председатель Научного совета ФМС РФ, доктор юридических наук, профессор, генерал-майор, заслуженный юрист РФ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	465
С. О. ШАЛЯПИН , заведующий кафедрой теории и истории государства и права Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск), кандидат исторических наук, доцент МОНАСТЫРСКАЯ СОСЛУЖКА КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ МИГРАЦИИ.....	467
О. Т. ШЕВЧЕНКО , профессор кафедры международного права Института международных отношений Киевского национального академического университета (Украина), кандидат юридических наук; Р. В. ПЛОТНИКОВ , соискатель кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР КОЛЛИЗИОННОСТИ В СФЕРЕ МИГРАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ	469
ДИСКУССИЯ	471
Выступающие: Т. С. Абрамкина, Т. А. Васильева, О. Р. Гулина, Е. В. Кузнецова, Н. В. Курдюмов, Г. Н. Муртазаева, В. Д. Самойлов, А. В. Стремouxов, Н. М. Федорова, О. Т. Шевченко	

Секция 5. ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ (Лихачевский форум старшеклассников России)

ВЫСТУПЛЕНИЯ	480
Участники: О. Баженова, А. Безденежных, М. Борисенко, Д. Глухова, П. Горбачева, Е. П. Ефимова, М. Кутлаева, А. А. Лиханов, И. Порубайко, Е. Прозорова, Р. Сагиров, А. А. Санкин, Д. Свистова, А. Трофимов, Ю. Шлякова, Ю. Тычинских, А. Яковлев	

Круглый стол «СМИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ (Диалог культур в пространстве СМИ)»

ДОКЛАДЫ

Ю. В. АНДРЕЕВА , доцент кафедры журналистики Казанского государственного университета, главный редактор Издательского дома «Логос» СМИ РОССИИ: ОТ ТОРЖЕСТВА МАССКУЛЬТА ДО ИДЕОЛОГИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	495
Т. А. АПИНЯН , профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, доктор философских наук ЧЕЛОВЕК ОБЫКНОВЕННЫЙ ПОД ЛУЧАМИ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ЭКРАНА	496
Г. М. БИРЖЕНЮК , заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ; Т. В. ЕФИМОВА , доцент кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, кандидат культурологии ТЕЛЕВИДЕНИЕ КАК ФАКТОР ДИАЛОГА КУЛЬТУР	499
К. Н. БРУТЕНЦ , доктор исторических наук, профессор РОССИЙСКИЕ СМИ И ИНТЕРЕСЫ ОБЩЕСТВА.....	500
А. Н. ГОРБЕНКО , главный редактор, генеральный директор «Российской газеты» ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	507
П. Н. ГУСЕВ , главный редактор, генеральный директор газеты «Московский комсомолец» ТРИ ВОПРОСА ПЕРЕД ПЛАНЕРКОЙ.....	509
Е. М. ДОРОВСКИХ , заместитель главного редактора «Журнала российского права», кандидат юридических наук СМИ И ПРАВОВАЯ ОХРАНА РУССКОГО ЯЗЫКА	511
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ , академик Российской академии образования, член Президиума РАО, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, член Президиума Совета ректоров Санкт-Петербурга, ректор СПбГУП, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ РОССИЙСКИЕ СМИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ТИПА КУЛЬТУРЫ	512
В. Г. ЛОШАК , главный редактор журнала «Огонек», профессор кафедры международной журналистики МГИМО (Университет) МИД РФ, председатель Общественного совета при Министерстве образования и науки РФ, член коллегии министерства БЕЗ ЛЮБВИ, НО НЕ В ОБИДЕ	515
В. К. МАМОНТОВ , главный редактор газеты «Известия» ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СМИ	517
Л. В. МАТВЕЕВА , профессор кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, академик Международной академии телевидения и радио, доктор психологических наук ВЛИЯНИЕ ФЕНОМЕНА РАЗОРВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ В СМИ НА ГРАНИЦЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	518
Б. Д. ПАРЫГИН , почетный заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СМИ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА	523
В. Л. РАБИНОВИЧ , заведующий сектором «Языки культур» Российского института культурологии (Москва), доктор философских наук, кандидат химических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ О НЕКОТОРЫХ ИДЕОЛОГЕМАХ В СМИ И... «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»	525
Ю. А. РЫЖОВ , академик РАН, президент Международного инженерного университета, заведующий кафедрой аэродинамики летательных аппаратов Московского авиационного института, доктор технических наук, профессор СМИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ.....	528
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ , декан Высшей школы телевидения (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова, генеральный директор ЗАО «Независимая издательская группа», главный редактор — генеральный директор журнала «Политический класс» ТЕЛЕВИДЕНИЕ КАК УБИЙЦА ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ	529
А. И. УГЛАНОВ , главный редактор газеты «Аргументы недели» СМИ И МОЛОДЕЖЬ	530
Е. В. ХАРИТОНОВА , старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат психологических наук, доцент ДИАГНОСТИКА СКРЫТОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТОВ СМИ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	530
Г. Н. ШИЯН , заведующая кафедрой управления СПбГУП, кандидат экономических наук, доцент СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ОБЪЕКТ КОНКУРЕНЦИИ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР, БИЗНЕСА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.....	532
ДИСКУССИЯ	534
Выступающие: Л. В. Афонина, Г. М. Бирженюк, А. В. Гульцев, А. С. Запесоцкий, С. Е. Зелинский, Б. Г. Клементьев, И. С. Кон, О. С. Кузин, В. К. Мамонтов, Л. В. Матвеева, Б. Д. Парыгин, С. Г. Пилатов, А. Рар, Ю. А. Рыжов, Г. Г. Силласте, В. Т. Третьяков, А. И. Угланов, Е. В. Харитоновна, Г. Н. Шиян	
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	548

Пленарное заседание ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ

14 мая 2009 г. Театрально-концертный зал им. А. П. Петрова, СПбГУП

Сопредседатели:

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ

академик Российской академии образования, член Президиума РАО, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, член Президиума советов ректоров Санкт-Петербурга, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ

А. Д. НЕКИШЕЛОВ

академик РАН, вице-президент РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП

А. В. ЯКОВЕНКО

заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол

ДОКЛАДЫ

А. И. Абалкин¹

ПОИСК ПУТЕЙ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Проблемы и вызовы для современного человечества. Современное состояние мирового сообщества в начале XXI века радикально отличается от прошлого. Это касается как технологических, так и информационных систем. Характеризуется оно и поиском нового миропорядка. Закончилось экономическое и идеологическое противоборство двух мировых систем. Вместе с тем развернулась ожесточенная борьба между сторонниками одной супердержавы и многополярного мира. Исход этой борьбы пока еще не решен.

Сохраняется угроза разрастания числа государств, обладающих ядерным оружием. Обостряется противостояние Севера и Юга, не преодолена массовая бедность, весьма опасны последствия демографического и экономического кризиса. Все это — исторические вызовы нового века, и решение каждого из них требует совместных действий и огромных усилий.

К числу ключевых и, пожалуй, чрезвычайно трудных задач относится налаживание диалога культур и партнерства цивилизаций. Вглядываясь в далеко не ясное будущее мирового развития, нельзя упрощать проблемы и искать легких решений. Здесь нужен качественно новый подход. Необходимо еще и еще раз осмыслить историю развития человеческой цивилизации и природу самого человека.

Человек является единственным биосоциальным существом. Анализ удивительных достижений науки и производства, культуры и искусства, губительных и беспо-

щадных войн, противоречий и перспектив современного мира невозможен при игнорировании этой двойственной природы человека.

По своей биологической природе человек остается таким же зверем, каким он был в момент своего зарождения. Он физически слаб, не защищен от внешнего мира, склонен к агрессии и насилию, лишен способности к сохранению себя как рода.

Что касается становления человека как социального существа, то это сложный, измеряемый тысячелетиями поиск механизмов формирования неписаных и писаных правил, законов и норм. Сюда относятся табу и религиозные заповеди, современные конституции и международное право, культура и нравственность. Они в совокупности формируют уникальный механизм передачи социальной памяти, присущей человеку.

Однако сказанное не исключает того, что человек как был, так и остается биосоциальным существом. Ему нужен враг или, как будет показано далее, партнер для диалога. Во всей мировой истории войны, как это известно специалистам, были неотъемлемой частью развития общества. Так было и в последние два с лишним века, начиная с Великой французской революции и до наших дней. За этим стояли политические, идеологические, религиозные и экономические причины.

Природа цивилизаций и их столкновение. Сегодня некоторые из этих причин отошли на второй план, им на смену пришло противоборство цивилизаций. В вышедшей в конце прошлого века книге Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» сказано: «Конфликт XX века между либеральной демократией и марксизмом-ленинизмом представляет собой не менее чем мимолетный и противоисторический феномен по сравнению с постоянными антагонистическими отношениями между исламом и христианством». Такая постановка вопроса уже многие годы вызывает споры и настойчиво обсуждается до сих пор.

Чтобы понять сказанное, необходимо обратиться к самому понятию цивилизации. Это достаточно сложное и

¹ Академик РАН, научный руководитель Института экономики РАН (Москва), главный редактор журнала «Вопросы экономики», доктор экономических наук, профессор.

Автор около 800 научных публикаций, 24 книг, в том числе: «Политическая экономия и экономическая политика», «Хозяйственный механизм развитого социалистического общества», «Заметки о российском предпринимательстве», «Конечные народнохозяйственные результаты (сущность, показатели, пути повышения)», «Новый тип экономического мышления», «Россия: поиск самоопределения».

Почетный президент Международного фонда Николая Кондратьева, вице-президент Всемирного экономического общества России и Международного союза экономистов, почетный профессор университета Тсинхуа в Пекине, член Нью-Йоркской академии наук, академий наук Белоруссии и Грузии.

многомерное явление. Здесь трудно дать единое определение. Поэтому и дальнейшие рассуждения не однозначны, а лишь раскрывают основы и многофакторность данного понятия.

Родоначальник теории цивилизаций Николай Данилевский в своей книге «Россия и Европа» писал, что «цивилизация есть понятие более обширное, нежели наука, искусство, религия, политическое, гражданское и общественное развитие, взятые в отдельности, ибо цивилизация все это в себе заключает». Цивилизация неотделима от сложившихся на протяжении веков культуры, традиций, системы ценностей и духовного склада населения. В своей работе «Философия неравенства» Николай Бердяев писал: «В нацию входят не только человеческие поколения, но также камни церквей, дворцов и усадеб, могильные плиты, старые рукописи и книги. И, чтобы уловить волю нации, нужно услышать эти камни, прочесть истлевшие страницы».

Вычеркнуть все это из исторической памяти — значит забыть историю, стать манкуртами. А человек, лишенный памяти, не имеет будущего.

При весьма примитивном, но довольно широко распространенном понимании прогресс вообще ассоциируется лишь с одной его формой, господствующей на Западе. Среди них различные концепции, которые исключают из остального прогресса все остальные регионы земного шара, в том числе Китай, Индию и исламские страны, только на том основании, что там иной, отличный от европейской или американской тип цивилизации со своими самобытными ценностями, нормами и традициями.

Об ошибочности подобных воззрений писал Арнольд Тойнби в своей книге «Постижение истории»: «Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и неразрывного процесса развития человеческой истории приводит к глубочайшим искажениям фактов и к поразительному сужению исторического кругозора».

Не монолог, а диалог. Поиск путей, ведущий к сближению цивилизаций, требует не жесткого монолога о том, как надо жить другим, а диалога и взаимопонимания. Он требует отказа от поиска врага. Хотя как на Западе, так и в России политические лидеры, а с ними и массовое общественное сознание, вновь ищут образ врага. Это, к сожалению, является не надуманной дилеммой, а реальным фактом.

Мы стоим перед необходимостью выработки новой парадигмы общественного мышления и революционного обновления культуры человеческих отношений. Только на такой основе может быть решен вопрос о противостоянии цивилизаций. Он в принципе не может быть решен силой. Не может он решаться и путем навязывания одной цивилизацией своих ценностей другой. Путь к решению проблемы — в признании равноценности и самодостаточности цивилизаций, в отказе от их деления на высшие и низшие, в готовности понимать, уважать и признавать чужие права.

Исторический шанс, которым располагает современное общество, состоит именно в диалоге различных цивилизаций. В многомерном и многослойном мире неприемлемо навязывание всем цивилизациям каких-то универсальных ценностей. А попытки навязать их толкают человечество к неизбежной катастрофе.

Теория конвергенции. Мощный толчок к поиску общего в различных социально-экономических и идеологических системах дала теория конвергенции. Ее авторами

были Ян Тинберген и Джон Кеннет Гэлбрейт, а также Питирим Сорокин и Андрей Сахаров. Эта теория стала новой парадигмой общественного мышления, основой нового миропонимания, отразившей глубокие изменения в обществе.

Теория конвергенции основана на аккумуляции всего лучшего, что было отобрано в ходе развития человеческого общества. Она включала в себя соединение мощной силы рыночных регуляторов с их системой обратных связей, развитие движущей силы конкуренции и гражданского общества с плановыми началами, в том числе с программированием и прогнозированием.

Отличительной чертой теории конвергенции являлось то, что она в принципе не отождествлялась с поиском какой-либо универсальной модели общественного устройства. Построение подобной модели — чем многие занимаются как на Западе, так и в России — это типичный пример монополизации в науке, вредный для самой науки и опасный для практики.

Новый этап в теории конвергенции непосредственно связан с разработкой моделей социально-экономического развития с учетом цивилизационных особенностей отдельных регионов или стран. Он открывает путь не к монологу, а к диалогу цивилизаций и их партнерству. Но такой путь — это не итог, а начало длительной и сложной дороги, на которой немало серьезных преград.

Теория социальных альтернатив и будущее. В течение длительного времени в Институте экономики РАН разрабатывалась теория социальных альтернатив. В соответствии с ней будущее человечества не задано однозначно. Оно всегда многовариантно. От научной элиты и представителей культуры во многом зависит то, какой вариант станет реальностью.

Будет ли это господство одной супердержавы или взаимодействие, основанное на взаимопонимании, учитывающее особенности традиций и культуры цивилизаций? Ключевое слово здесь — взаимопонимание. Это крайне сложно сделать, но необходимо. Христиане должны понять ислам, а последователи последнего — христиан; представители китайской цивилизации должны понять буддизм, а буддисты, соответственно, — ценности китайской цивилизации.

Все сказанное требует преодоления консерватизма современного мышления, отказа от навязывания учеными и политиками универсальных подходов. Не меньшую опасность представляют и стереотипы массового общественного сознания, внедряемые различными средствами информации.

Бороться с подобными явлениями, как показывает опыт, вряд ли возможно. Скорее всего, речь идет о необходимости коренной внутренней перестройки гуманитарной науки и политики, в том числе и такого ее рычага, как управление общественным мнением. Этот путь потребует огромных усилий и времени, по крайней мере до конца нынешнего столетия. Раньше не получится.

Если говорить о масштабах перемен, то они равнозначны тем, которые повлекли за собой обладание человека огнем. Предстоит, если обратиться к мифологии, второе открытие ящика Пандоры, в котором, помимо выпущенных бед и несчастий, осталась надежда.

Это будет революционным поворотом в сознании людей. Через культуру, через проникновение в сущность и природу человека такой поворот откроет путь в завтрашний день. Тогда и произойдет диалог культур и взаимодействие цивилизаций.

А. А. Акаев¹

ОБШНОСТЬ НАРОДОВ И ФЕНОМЕН ЕВРАЗИЙСТВА

Лихачевские чтения в свете широких мировоззренческих взглядов ученого и мыслителя, давшего свое имя нашему форуму, предоставляют возможность высказаться по проблемам, которые настойчиво «стучат в дверь». Мир, в котором мы живем, с его многообразием рас, национальностей, языков, традиций, многоцветьем культур, удивительных по красоте природных ландшафтов и контрастами климатических зон призван обеспечивать всем людям достойную и мирную жизнь при сохранении личных свобод и общественной безопасности.

Это естественное русло жизни давно уже разрушено и благополучного конца не видно. Больше всего, пожалуй, тревожит проведение между народами разделительных линий, которые со временем расширяются. В дополнение к межгосударственным границам, вызванным политическими реалиями, насаждается духовное разобщение народов, при котором разделительные линии проходят через души людей, отравляют их сознание. Если этот процесс не будет остановлен, мир ждет непредсказуемые опасности.

Указанные заботы особенно характерны для людей, которые еще совсем недавно, если исходить из исторических мерок, жили в одной общей стране и считали себя принадлежащими к единому народу, который назывался советским. Несмотря на распад Союза, атмосфера духовного единства на постсоветском пространстве сохраняется. И дело не в рецидивах недавнего прошлого. Миллионы людей независимо от их возраста живут ощущением причастности к сложившейся вокруг России великой человеческой общности, которую я называю евразийской. Эта общность имеет корневые истоки не в коммунистической идеологии, а в нашей общей истории, в том наследии, которое оставили и завещали хранить наши пращурсы, деды и отцы. Это наследие обильно полито их потом и кровью. Никогда не уйдут из памяти общие жертвы во имя спасения страны во время Великой Отечественной войны. На подмосковной земле навечно упокоены 28 героев-панфиловцев, прибывших на защиту Москвы из Кыргызстана.

Углубляясь в историю, я убедился в восходящей к далеким векам неразрывной связи кыргызского и русского народов. В VII веке кыргызские кочевые племена под напором чужеземных завоевателей были вынуждены переместиться в Южную Сибирь и обосноваться там на два столетия, используя в качестве щита Саянские горы и могучий Енисей. Зимой 711 года на Енисее произошла кровавая битва между осевшими там кыргызами и большой тюркской ордой, вторгшейся с юга под прикрытием гор. Тюрки ушли, но погибли тысячи кыргызов вместе с их легендарным предводителем Барс-бегом (его считают прообразом Манаса в нашем героическом эпосе). И лишь потом вековые волны миграции перенесли кыргызов на нынешнюю землю обитания в предгорьях Тянь-Шаня.

Через десять веков в 1785 году наши мудрые предки послали дипломатическую миссию к Екатерине Великой

с просьбой принять кыргызов в российское подданство во имя спасения народа от иноземной агрессии. Прозвучавшее тогда из Санкт-Петербурга предупреждение надолго отрезвило любителей поживиться на нашей земле. Знатки истории помнят о Георгиевском трактате, который был подписан в 1785 году, через пару лет после обращения кыргызов к России. По моему убеждению, не будь этого исторического документа, не было бы сегодня и Грузии на политической карте мира.

В истории каждого постсоветского государства легко найти страницы, которые свидетельствуют о выходе их коренных народов на Россию как заступницу и защитницу. Многие национальные культуры стали известными миру при помощи российской культуры. Кыргызский героический эпос «Манас» и творчество выдающегося писателя и мыслителя Чингиза Айтматова служат тому ярким подтверждением.

С помощью краткого экскурса в историю я пытаюсь перебросить мостик в современность, разглядеть, какие уроки прошлого помогут выстроить гармоничные отношения на пространстве, которое принято называть постсоветским. Нынешнее положение на нем вызывает тревогу. Отзвуки катастрофы, которая произошла с такой гигантской политической и социальной системой, как Советский Союз, тяжело сказываются на положении новых независимых государств. Центробежные силы порой преобладают над центростремительными тенденциями.

Если вдуматься в причины создавшегося положения, становится ясно, что они во многом связаны с субъективными факторами, недальновидной, вызванной националистическими мотивами позицией некоторых государственных и политических деятелей, вознесенных судьбой в переломное время на вершину власти. В широком историческом контексте вряд ли оправданно считать увековеченное положение, сложившееся на данном временном этапе. По воле народов меняются политические режимы. Приходят и уходят правители. Спираль истории, существование которой еще никому не удалось опровергнуть, делает свое дело. Возвращение к позитивным истокам прошлого неизбежно. Их животворность в наивысшей степени проявляется в духовной жизни.

Нередко высказываются суждения о неизбежности дальнейшего расхождения постсоветских государств, необратимости происшедших изменений. Решительно выступают против подобных воззрений. Надо жить не только сегодняшним днем, но и предвидеть будущее. Продиктованные обстоятельства преходящие факторы рано или поздно слабеют, в то время как долгосрочные тенденции, если они соответствуют национальным чаяниям, упорно пробивают себе дорогу. Для меня примером служит Европа. Вряд ли в мире можно найти подобный ей конгломерат, в котором веками не прекращались межгосударственные раздоры, разгорались длительные войны (Тридцатилетняя и иные) и, наконец, были развязаны две губительные мировые войны. Послевоенная Европа смогла перешагнуть через тяжкие раздоры прошлого и на основе общих интересов, созвучных национальным интересам входящих в нее стран, объединить усилия в рамках Европейского Союза. От первых шагов по пути интеграции до создания полноценного союза в форме ЕС прошло более 40 лет. Поэтому когда пытаются читать заупокойную молитву по Содружеству Независимых Государств, которому не исполнилось и 18 лет, это вызывает у меня внутреннее неприятие. Убежден, что не за горами время, когда идея СНГ будет востребована

¹ Академик Академии наук Кыргызской Республики, иностранный член РАН, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор технических наук, профессор, Президент Кыргызской Республики (1990–2005).

Автор более 150 научных работ и учебников по информационным технологиям. Свои политические и философские взгляды академик Акаев изложил в ряде книг: «Трудная дорога к демократии: памятное десятилетие», «История, прошедшая через мое сердце», «Думая о будущем с оптимизмом» и др.

Почетный профессор и почетный доктор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, почетный доктор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, действительный член Нью-Йоркской академии наук, почетный член Кыргызского филиала Международной академии наук, образования, индустрии и искусств (США).

и получит должное развитие в соответствии с первоначальным замыслом.

Современный мир — такова реальность — втянут в жесткую борьбу между силами, которые стремятся отстаивать право выстраивать жизнь на своей земле в соответствии с национальными интересами и собственными извечными духовными ценностями, и теми, кто, прикрываясь гуманистическими идеалами, тянет руки к другим странам и континентам с целью навязать выгодные этим внешним игрокам свои правила игры, модели политического и демократического развития и разобщить народы вопреки их естественной тяге друг к другу. Так, в одной далекой заокеанской стране, где плохо понимают, а порой игнорируют национальные особенности населяющих постсоветское пространство народов, пытаются сделать их объектом своей политики. Пользуясь возникшими обстоятельствами, стремятся включить постсоветский мир в свой протекторат, насадить там нивелированную по заокеанским лекалам модель политического и демократического устройства. В обоснование разработаны теоретические концепции типа конфликта цивилизаций Сэмюэля Хантингтона и «Великой шахматной доски» Збигнева Бжезинского.

В одной из своих работ я обосновал тезис о том, что концепция конфликта цивилизаций теоретически несостоятельна и практически вредна, предложив изжить этот термин из политического лексикона. Не сбылись и прогнозы З. Бжезинского о превращении постсоветской России в «черную дыру», а региона Центральной Азии — в «Евразийские Балканы». Новые государства в регионе оказались не деревянными фигурками, которые переставляются на доске по воле американского гроссмейстера, а наделенными политической волей и способностью отстаивать национальные интересы.

Применительно к крупным социальным системам в науке нет инструментов для долгосрочного прогнозирования их развития, подобных, например, законам Ньютона для механических систем. Провал марксизма — наглядное тому подтверждение, хотя в нем есть немало весьма живучих идей. Мне, как ученому, ближе подходы, в основе которых лежит теория катастроф крупнейшего российского математика Владимира Арнольда, а также идеи лауреата Нобелевской премии бельгийца с российскими корнями Ильи Пригожина о бифуркациях в социальных системах, находящихся в неравновесном состоянии. К этому можно, пожалуй, добавить синергетику. Однако все они, хорошо объясняя картину прошлого, мало пригодны для надежного прогнозирования близкого или далекого будущего. Более полезными на практике научными инструментами продолжают оставаться ситуативный анализ или же проецирование прошедшего на будущее, в частности, в духе идей о спирали истории.

В своих суждениях о будущем я хотел бы опереться на логику истории, отражающую вечную борьбу добра со злом. Было немало периодов, когда добро побеждало зло и для народов наступали времена созидательных свершений, как это, например, произошло после победы над фашизмом в 1940-х годах. В истории всех народов темные периоды сменялись светлыми.

Начало XXI века — в связи с угрозой со стороны международного терроризма и разрушительным потенциалом глобального финансового и экономического кризиса — выдалось тяжким. Однако по мере преодоления угрозы терроризма и выхода из кризиса для постсоветского пространства наступит возможность лучше определиться в выборе дальнейшего пути, пристальнее разглядеть естественных союзников и друзей, восстановить политические и духовные утраты, противопоставить свою волю стремлению внешних — по отношению к этому пространству — сил взять его под свой контроль. Глубоко

убежден, что сильнее окажутся непреходящие, фундаментальные, веками скреплявшие это пространство факторы: единая евразийская земля, общая история, целостное духовное пространство, генетически укорененный общинный коллективистский менталитет, тяга к демократическому устройству жизни с учетом национальных особенностей, многовековое добрососедство религий, дружественное притяжение друг к другу народов, живущих сходными чаяниями.

Все это я отношу к феномену евразийства в его широком цивилизационном измерении. По своей прочности и значимости в современном мироустройстве он ничем не уступает общепризнанному феномену англосаксонства. И когда на весах Истории будет возлагаться то, что нас сближает и разделяет, то чаша общности народов, объединенных многовековой исторической судьбой, намного перевесит. Речь не идет о возврате в прошлое, к единой стране, подобной Советскому Союзу. Суверенитет — это бесценное достояние, которое придало постсоветским государствам новое дыхание. Союз был «большой коммунальной квартирой», и не все там было гладко. Но когда пришла лихая пора и для обитателей этого общего большого дома наступило время развезжаться по своим национальным «квартирам», Россия не стала удерживать соседей от этого шага, дав им возможность самим определяться с выбором, хотя могло быть и по-другому. В этом общем доме центральноазиатские народы, освободившись от феодального наследия, вышли на современный уровень в экономическом и социальном развитии, сфере здравоохранения, образования и культуры. Со временем все лучше видно, что Украина, Грузия и другие постсоветские страны, претендующие ныне на особую роль, свой социально-экономический потенциал обрели в основном в советские времена и мало в чем преуспели в последующий период.

В условиях глобального кризиса, несмотря на немалые собственные трудности, Россия оказывает весомую помощь своим партнерам в их усилиях по выходу из кризиса, в то время как с другого азимута, всегда отличавшегося своекорыстием, активности в этой области пока не наблюдается. Надежды на Россию как локомотив общего развития на современном этапе еще более возрастают. Я полагаю, что постсоветское пространство с центральной ролью России в обозримом будущем приобретет более четкие контуры как целостное геополитическое образование с присущими ему общими интересами и целями. Ключевое место эта геополитическая конфигурация займет в такой международной организации, как Шанхайская организация сотрудничества, деятельность которой начинает приобретать глобальное измерение. Тем самым шаг за шагом мир будет приобретать многополюсный характер.

Выстраивая вышеизложенную схему, задаюсь вопросом, не абстрагируюсь ли я от роли тех сил, которые ведут линию на разобщение постсоветских государств. При понимании этого я все же исхожу из предпосылки, что центристремительные тенденции на постсоветском пространстве одержат в конечном счете верх над центробежными силами вследствие фундаментальной значимости тех объективных факторов, которые сближают наши народы. Можно предвидеть и другое. Сохраняется, пусть и малая, надежда, что Запад, понимая важность для мировой стабильности сохранения в Евразии целостной, ответственной за свои действия геополитической системы, придерживаясь здравомыслящей позиции, откажется от попыток вносить в этот регион раздоры, перетягивая его отдельные звенья под крыло НАТО и других подобных структур. В политике есть правило «никогда не говорить никогда».

Предсказания во времена эпохальных перемен и глобального экономического кризиса — дело рискованное

и неблагодарное. И все же оптимизм в такой ситуации может сыграть полезную роль. Недоверие и уныние — плохие спутники на трудном пути. Сеять «разумное, доброе, вечное» призывал великий русский поэт. Оптимистический подход к жизни завещал и Дмитрий Сергеевич Лихачев, не терявший силы духа в самых сложных испытаниях, выпавших на его долю.

В бытность президентом Кыргызстана я провозгласил и настойчиво проводил в жизнь национальные идеи «Кыр-

гызстан — наш Общий дом» и «Кыргызстан — страна прав человека». Несмотря на упреки в их нереалистичности, я читаю, что посеянные семена со временем дадут хорошие всходы. Идеи становятся материальной силой, когда они овладевают массами, — в этом марксисты правы. Стремление миллионов людей на постсоветском пространстве к единению, опирающемуся на общность исторических судеб народов и их духовное родство, в нынешнем XXI веке с большой вероятностью обретет реальные черты.

Абдулвахаб М. Аль-Раухани¹

ГУМАНИТАРНОЕ ПАРТНЕРСТВО В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Различные цивилизации в истории человечества никогда не были причиной вражды и войн, потому что любая цивилизация — это, по сути, новая, современная развитая культура, сменившая старую.

Цивилизация — это образ жизни людей, который формируется на культурной, социальной и экономической основе, определяемой культурными, нравственными и религиозными ценностями, и противостоит анархии и непродуманности. Цивилизация считается противоположностью кочевой жизни. Для кочевников характерны преданность своему племени и крепкие родственные связи, что рассматривается как отсталость и еще больше осложняет жизнь людей, и без того полную трудностей и лишений.

Цивилизация может пониматься и как та или иная степень развития общества. Исходя из такого понимания, мы можем сказать, что все цивилизации дали людям нравственные ценности, которые на протяжении веков пытаются сформулировать человеческая мысль — чтобы помочь народам в мирном сосуществовании и совместном труде. Люди должны объединиться, чтобы вместе решать проблемы и преодолевать противоречия, от которых они страдали в течение многих столетий.

Религиозно-культурный диалог на примере ислама

Мы не можем утверждать, что культурные разногласия появились в настоящее время как основной двигатель борьбы между цивилизациями. Также нельзя сказать, что религия, которая является важной частью всех культур и цивилизаций, представляет собой источник конфликтов. Основа всех религиозных учений — не подталкивание к борьбе, распространение нетерпимости или призывы к убийству, а побуждение распространять благо, призыв к взаимопониманию, прощению, любви и миру. Эти идеи содержатся во всех священных текстах.

Об исламе говорят, что эта религия отличается особой жестокостью и являет собой основную угрозу Западу, так как постоянно пополняет свои ряды молодыми людьми. Это не просто подстрекательство против ислама и мусульман. Такие высказывания не основываются на научных доказательствах и являются несправедливыми утверждениями; те, кто их произносит, преследуют одну цель: склонить общественное мнение на свою сторону. Рост населения любой страны во все времена сопровождается бедностью, в том числе и сегодня, в век высоких технологий и космических войн, — хотя бы поэтому ислам не может быть угрозой для остального мира. Сила и прогресс невозможны в нужде и лишениях, когда на долю

людей выпадают тяжелые испытания. Но они могут присутствовать там, где есть возможность построить центры для обучения детей, иметь военные арсеналы и оружие широкого спектра действия, которое использовала израильская армия в последней из жестоких войн в секторе Газа. Это высокотехнологичное оружие, убивающее мирных граждан — стариков, женщин, детей. Уже более семи лет с ним сталкивается арабская молодежь в Афганистане и Ираке, в 2006 году — в Ливане. Современное оружие — мощная ударная сила, которая разрушает жизни людей и представляет серьезную опасность, для этого оно не обязательно должно быть в руках мусульманина.

Те, кто призывают к борьбе цивилизаций, напрасно утверждают, что ислам и мусульманская молодежь представляют собой основную угрозу для западной цивилизации. В те времена, когда исламский мир был очень силен, он не уничтожил остальные цивилизации, не враждовал с ними, а явил собой удивительный опыт служения человечеству. Известны достижения мусульманских ученых во многих сферах — медицине, изучении космоса, математике, философии, биологии, геологии, технике и т. д. Многие восточные ученые и мыслители получили признание на Западе раньше, чем на Востоке. Западные университеты изучали их научные открытия и до сих пор продолжают изучать их труды и биографии. Вот лишь несколько имен. Это философ Ибн Рушд, создавший теорию связи между религией и философией «Шариат и философия»; Абу Бакр Аль-Рази — врач, астролог и алхимик, труды которого изучают в Европе на протяжении многих веков; Ибн-ан-Нафис, впервые рассмотревший легочное кровообращение; Аль-Беруни, которого западные ученые назвали величайшим умом в истории человечества; химик Джабир ибн Хаййан; врач и математик Аль-Хаваризми; астроном, философ и врач Ибн Сина (Авиценна) и еще многие другие ученые-мусульмане, которые представили исламскую цивилизацию как цивилизацию на службе у людей и внесли немалый вклад в развитие современной научной мысли. Как и христианство, ислам пришел в этот мир, чтобы нести в него любовь и добрые отношения между людьми.

Посланник Аллаха Иисус (мир ему) учил людей ценностям прощения и взаимопонимания, что известно по его высказыванию: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень». Посланник Аллаха и его пророк Мухаммед (да благословит его Аллах и да приветствует) пришел к людям для того, чтобы утвердить то же понятие — в тот момент, когда он сказал: «Все вы ошибаетесь, но лучший из вас тот, кто, ошибаясь, молит о прощении».

Таким образом, мы понимаем, что религии, которые являются частью культур всех народов, вышли из одного источника. Каждая из них дополняет другую и служит идеальным примером правил, которыми следует руководствоваться в жизни. Поэтому нельзя сказать, что одна

¹ Глава Центра стратегических исследований (Республика Йемен), доктор, экс-посол Йемена в РФ (2003–2007).

Автор научных работ: «Становление и развитие демократических институтов Республики Йемен в период объединения», «Эволюция традиционных форм институтов власти в Йемене», а также ряда публикаций по политическим, социальным и культурным проблемам.

религия проповедует любовь и мир, а другая — распространяет нетерпимость и ненависть. Все религии от Бога. Они тесно связаны с духовными и моральными ценностями, и лишь те, кто выходит за пределы этих ценностей, удаляются от верного пути той или иной религии. Это зависит от самих людей (ошибающихся), но не от религии.

Божественные религии утвердились в качестве культурных и социальных путей, в том числе и в виде поклонения тем или иным святым. Это можно осознать, наблюдая их сосуществование на протяжении веков. В исламском государстве Омейядов в Андалусии (Испания) мирно уживались три религии — ислам, христианство и иудаизм, что стало удивительным примером диалога и взаимопонимания.

Как говорит профессор Принстонского университета доктор Марк Коэн, евреи и христиане, которые жили в исламском мире, имели законное разрешение на отправление религиозных потребностей, на них распространялось действие закона Ахль аз-зима («Люди под защитой»). Они имели религиозные книги, ниспосланные Богом, и те же привилегии, которыми пользовались индусы и персы (ислам определяет их как носителей религиозных ценностей).

Ислам защищает права и свободы тех, кто исповедует другие религии, и считает, что каждый волен выбирать, какому культу поклоняться. «Нет принуждения в религии, вам ваша религия, а нам наша», — говорится в Коране.

Посланник Аллаха призвал уважать носителей других религий и запретил причинять им вред, сказав: «Кто заденет иудея или христианина, тот заденет меня». «Находящийся под защитой» у арабов означает «тот, кто имеет право на проживание в обществе под защитой его прав и свобод в общем и в частности».

Первый халиф Умар бин аль-Хаттаб (да будет доволен им Аллах), живший 1400 лет назад, то есть за 1100 лет до рождения философа свободы Вольтера, также защищал свободу и честь человека. Он говорил: «Как вы можете делать из людей рабов, тогда как их матери родили их свободными?» Эти великие гуманные слова, олицетворяющие понятие справедливости, показывают, что такое право, свобода, милость в лучшем проявлении.

Эти понятия не были собственно кораническими, но люди руководствовались ими в век расцвета ислама, так как, по словам доктора Коэна, в Исламском государстве было введено полное единение между представителями различных конфессий, они жили вместе в золотой век и позднее.

В тот момент, когда ислам озаботился свободой, эта мысль продвинула человеческий разум далеко вперед. Ислам призвал к свободе от косности и ограниченности и таким образом открыл путь к научной деятельности во всех сферах, а также указал на важность постижения разумом явлений природы и повседневной жизни.

Диалог и мирная совместная жизнь народов на планете — разумный путь, который был определен религиями. И это считается одной из самых важных ценностей, к которой они призывают, потому что религия — это мысль души, которая совершенствует нашу суть, живет и в душе, и в уме. На эту важную способность указывает один из аятов Корана: «Поистине мы вас создали разными племенами и народами, чтобы вы познакомились между собой, поистине наиболее желанный перед Аллахом тот из вас, кто обладает большей верой».

Смысл общения людей — узнать и понять другого, вступить в диалог с ним, познакомиться с обычаями его страны, экономическими условиями, общественным устройством и, конечно, политикой. В результате может быть достигнуто понимание, уважение друг к другу целых народов, новый взгляд на другую культуру и религию.

Ислам предписывает эти положения словами Посланников: «Люди равны, как зубья расчески. Араб или иностранец, белый или черный — нет разницы между ними, кроме как в силе веры».

Сила веры — это богобоязненность в словах и действиях, отвержение неприятия других, отстранение от крайностей и насмешек над другими. Различие людей — только в степени выраженности этих качеств.

Все эти моральные и правовые ценности ислама противоречат тому, что говорят некоторые западные мыслители, и среди них американский мыслитель Сэмюэль Хантингтон, который смотрит на ислам как на религию, которая жестока или призывает к ожесточению, и отвергает разницу между религией и политикой.

Ислам — одна из наиболее крупных и важных религий. Его исповедуют более полутора миллиардов человек по всему миру. Ислам представляет собой совокупность человеческих, цивилизационных и культурных ценностей и является частью мировой цивилизации. Исламская цивилизация в свое время была самой развитой и являлась мировым достижением, которое послужило современной цивилизации. Примеры из текстов, а также положения, о которых мы говорили, свидетельствуют о том, что суть ислама противоположна тому, что утверждают сторонники теории борьбы цивилизаций. Ценности ислама служат развитию гуманизма, но ни в коем случае не его разрушению.

Возрождение культуры. Причины и стимулы

Тем не менее мы согласны, что противостояние существует. Но его причина не в религии, так как религия — важная составляющая культур и цивилизаций. Причины противостояния коренятся в межрасовых предрассудках, политических и экономических интересах определенных кругов. Подобные интересы были основой старой колонизации мира и являются причиной современной колонизации разных стран.

Политики могут использовать религию с целью получить стратегические возможности, удовлетворить непомерные аппетиты властей предрасудков. Сама религия не может быть источником злобы и противоречий. Религия, как говорит Генри Танк, — это топливо для двигателя борьбы. В большинстве случаев противостояние имеет либо националистический, либо политический оттенок.

Никто не отрицает возрождения и оживления культуры (народной или религиозной) в исламских странах, равно как и во всех других. Это возрождение имеет естественный характер, оно вполне логично и даже неизбежно. А тот, кого охватывает страх от исламской культуры, должен ответить себе на жизненно важный вопрос: какие причины и стимулы для возрождения народной и религиозной культуры есть в исламских сообществах? Оно необходимо для развития или является ответом на суровые обстоятельства, и мусульмане не желают этого?

Мы уверены, что причины возрождения исламской религиозной культуры можно обнаружить при трактовке словосочетания «жизненность культуры» в исламских и арабских сообществах. Мусульмане не живут изолированно от мира, они являются его частью, подвергаются воздействию различных событий — как положительно, так и отрицательно. Наверное, самым удачным объяснением будет следующее. Невероятный научный и технологический прогресс, происходящий в настоящий момент в мире, и сознание своего бессилия и угнетенного положения наводят на мысли о желательных переменах. Разница в экономическом положении между народами северных и южных регионов породила ощущение несправедливости не только в образованных кругах, но и у всех людей. Получается, что существует первый мир, на Севере, где люди живут в хороших, комфортных условиях, и второй мир,

на Юге, где жизнь совершенно другая, полная трудностей и проблем, и где человек совершенно бесправен. Народ хочет иметь нормальную экономику и культуру. Мусульмане лишены законных прав на святые места исламского мира, главное из которых — мечеть Аль-Акса (первое направление в молитве и третья святыня мусульман), ныне принадлежащая Израилю. Предпринимаются попытки уничтожения признаков ислама, свреизация Иерусалима, сокрытие исламских памятников — все это неприкрытый вызов исламскому наследию и всему исламскому миру. Арабские народы в разных странах испытывают чувство унижения, происходит оскорбление их чести, убийства невинных граждан, в частности в Палестине, Ливане, Ираке, Афганистане, Сомали и Балканских странах. Палестинский народ не имеет возможности создать свободное и автономное государство на своей земле. Все это происходит при поддержке Соединенных Штатов Америки и стран Западной Европы. Государства Запада преследуют свои цели и проводят соответствующую политику в мире. При содействии их официальных организаций распространяются «свободные» нравы и анархия.

Из всего перечисленного становится ясно, что оживление народной и религиозной культуры в исламском мире обусловлено религиозными, экономическими и культурными нуждами. К тому же необходимо изменить обстоятельства, ведущие к бедности и лишениям. Это попытка борьбы с несправедливостью, которую испытывают арабские народы. Таким образом, проблемы исламского мира представляют опасность для западной цивилизации, но пока они не разрешатся, различные агрессивные течения не будут обузданы, а, напротив, станут сильнее — за счет поддержки народных масс. Это выразится в еще большем обострении противоречий, и не только на уровне отдельных организаций, а во всем исламском мире. Все это превращается в борьбу с исламской культурой, основанной на диалоге и взаимопонимании. Слухи, распространяемые вокруг нее, вызывают ненависть, которую не одолеет никакой диалог, и этот путь не воспринимает никакая логика.

Диалог культур — единственный способ мирного сосуществования

Диалог между культурами — единственное цивилизованное решение, по-настоящему гуманное, позволяющее различным народам жить вместе на одной планете. Диалог культур должен быть основан на двух основных принципах:

- признание существования другого как его неотъемлемого права;
- понимание другого как необходимая культурная составляющая.

Что касается признания существования другого, то это означает принятие всех народов как одну общечеловеческую истину. Люди взаимодействуют на основе общих духовных и нравственных ценностей, и в отношениях между собой руководствуются ими. Также они несут ответственность за защиту окружающего мира и его развитие. Это возможно при наличии свободы, справедливости и равенства.

Что касается понимания другого, то это подразумевает понимание одних народов другими — их ментальной, культурной, научной и религиозной составляющей, изучение их экономического и социального положения — для более легкого обнаружения параллелей, на основе которых мы должны вести диалог культур.

Многие ученые, занимающиеся вопросами цивилизаций, говорят о том, что понимание различных народов требует знания пяти основных составляющих:

- природных условий в их странах;
- экономического положения;

- видов социальных связей;
- организации управления;
- образовательных, творческих и культурных организаций.

Чтобы понять ту или иную цивилизацию, требуется интенсивное и глубокое изучение. Это касается не только религии, но и условий жизни народов, социальной, экономической и политической систем.

Важнейшие вопросы диалога культур

В настоящее время многие народы страдают от экономической отсталости, плохих условий жизни, несправедливой общественной и политической организации, дискриминации и отсутствия справедливости, невежества, всеобщих и личных свобод. Все это является причиной ненависти и вражды, приводит к организации религиозных обществ, не имеющих понятия о границах дозволенного, шовинистских и расистских групп. Идеи и прочие противоречия имеют место не только в исламском мире, но и во всех странах третьего мира в Азии, Африке, Латинской Америке. Все это также привело к развитию террористических организаций.

Эти вопросы, на мой взгляд, необходимо рассматривать в рамках диалога культур, на который делают ставку силы, стремящиеся к миру во всем мире. И сегодня мы принимаем участие в международной конференции, где обсуждаются различные стороны этого диалога.

Проблемы культуры и образования

Эти проблемы — важнейшие для общества, поэтому в списке вопросов, обсуждаемых в рамках диалога культур, их следует поставить на одно из первых мест. Любые общественные проблемы так или иначе касаются культуры и образования. Все государства мира должны обратить особое внимание на проблему образования, в том числе религиозного, и пытаться решать ее в соответствии с принципами толерантности, так как в последнее время появились новые опасные теории и движения, в том числе террористические, которые не делают различий между религией и тем, что религией не является, между молитвой и убийством.

В мире постепенно формируется единая культура всех народов. В настоящее время люди не ограничены рамками местных культур и не изолированы от культур других стран. Более того, культуры стали смешанными, и в конечном счете возможно их объединение — в случае достижения равенства и справедливости в жизни общества.

Западный мир навязывает жесткие, неприемлемые условия странам, где уровень жизни населения очень низок. Необходимо серьезный диалог о развитии экономики южных регионов, чтобы преодолеть проблемы бедности, невежества, эпидемий. Государства с развитой экономикой должны принять меры для организации предприятий, где могли бы работать граждане бедных стран, это принесло бы пользу всем. Требуется заключение международных договоров о мире и урегулировании разногласий между странами, о сотрудничестве на основе взаимоуважения между народами.

Диалог культур должен основываться на гуманистических началах. Необходимо избегать ненависти, шовинизма, отрицания прав других, принятия решений, направленных против тех или иных национальных или расовых сообществ.

Мы уверены, что наш культурный форум, который рассматривает большое количество научных рабочих документов по диалогу культур, станет важным шагом в направлении культурного сотрудничества, к которому стремятся все люди. Такое сотрудничество опровергнет тезис о «столкновении цивилизаций» в пользу «диалога о соучастии», который будет предложен. Эта встреча может

дать положительные результаты за счет того, что послужит началом множества подобных диалогов по вопросам мира и конфликтов и приведет к преодолению разногласий между странами и заключению договора о мире, основанного на взаимоуважении в соответствии с международными соглашениями.

Проблема демократии и справедливого правления

Отсутствие демократического правления, равенства и политических свобод, попрание прав граждан в странах третьего мира представляет собой опасность в будущем, поскольку ведет к несправедливости и отсталости. Демократические преобразования, над которыми работают западные страны, не помогут решить эти проблемы. Ведь голодный ищет то, что спасет его от смерти, — у него нет времени, чтобы разбираться в вопросах политических свобод. Этим пользуются экстремисты, организующие различные движения.

Среди важнейших задач демократических институтов — социальное и демократическое развитие разных стран, и эту проблему необходимо обсуждать именно в связи с экономическими, социальными и культурными вопросами. Это важное дело может быть осуществлено только посредством организации диалога культур.

Борьба за мир и преодоление разногласий

Установление мира и преодоление противоречий в государствах со сложной политической и экономической ситуацией — важная гуманитарная миссия. Этими вопросами должна озаботиться и Российская Федерация как великая страна, чему, безусловно, помогут Международные Лихачевские чтения.

Культурный диалог с целью преодоления разногласий должен привести к важнейшему результату — безопасности и спокойствию в регионах, где сегодня вспыхивают конфликты. С помощью диалога можно будет достичь мирного урегулирования. Эти расхождения и конфликты стали одной из причин возникновения понятия «столкновения цивилизаций», на котором акцентируют внимание многие западные ученые и организации.

Весь мир ответствен за налаживание диалога культур и конструктивного партнерства для разрешения политических, религиозных и национальных противоречий. И не только в Дарфуре, потому что западные политические силы выступают против этой страны, но и в Сомали, и в районе Великих Африканских озер (Демократическая Республика Конго, Бурунди, Руанда и т. д.). Кроме того, разрешение проблемы израильской оккупации палестинских территорий считается вопросом вопросов в арабских странах с 1961 года. До сих пор палестинцы не перестают страдать от самой несправедливой оккупации, которую когда-либо знал мир. Поэтому необходимо, чтобы в диалоге культур положительно рассматривался вопрос о палестинских территориях. Палестинцы — единственный на данный момент народ в мире, против которого совершаются ужасные бесчинства, вплоть до бесчеловечного вырезания целых деревень на глазах у всего мира и международных гуманитарных организаций.

Заключение

Гуманизация стала такой же потребностью людей, как вода и пища. Это связано с тем, что некоторые западные мыслители, например Сэмюэль Хантингтон, пытаются убедить Запад в неизбежности «столкновения цивилизаций», необходимости «сохранения и развития военных arsenалов». Между тем цивилизация предполагает гуманный диалог, а не борьбу. Кто верит в диалог, тот верит в жизнь и мирное сосуществование, в право общества и каждой личности на свободу и независимость и отрицает несправедливость и дискриминацию.

Диалог — это гуманитарная ценность, которую проповедуют все божественные религии. Диалог означает со-

гласие и признание морали, на основе которой Бог создал людей с самого их рождения. Религия, которой опасается Сэмюэль Хантингтон (а она является основой многих цивилизаций), не может быть враждебной. Ни одна ветвь ни одной из религий не призывает к ненависти и конфликтам. Хантингтон называет ислам захватнической религией, проповедующей злобу и вражду, но Всевышний Аллах в Коране говорит, что с представителями других религий надо поступать наилучшим образом, призывать к пути Господа своего с мудростью и хорошим увещанием.

Имам Аль-Шафии, исламский ученый, основатель одной из четырех теологических суннитских школ, говорит: «Мои слова — правда, но могут быть ошибочными; слова другого — ошибка, но могут быть правдой».

Итак, диалог культур должен строиться на взаимопонимании, доброжелательном участии народов в жизни друг друга, на основе признания другого, понимания его культуры, обычаев, менталитета, религии — правильном, не ошибочном понимании. Диалог должен проявляться в гуманном взаимодействии, согласии, отсутствии опасности для его участников.

Диалог религий имеет свои особенности. Религии могут вести его в целях распространения любви и преодоления ненависти и враждебности, запрета несправедливого отношения к религиозным символам. Но это вовсе не означает, что надо соединять мечети, церкви и синагоги для совместной молитвы. Религии могут добиваться запрета плохого обращения с религиозными памятниками, такими как божественные, или небесные, книги, но нельзя вести диалог о принятии или отвержении Бога или посланника Бога. В этих вопросах сотрудничество невозможно. «Вам — ваша вера, мне же — моя вера!» — гласит одна из сур Корана. Диалог может осуществляться в гуманистическом сотрудничестве, а не в установленных религиозий вопросах. Во взаимодействии будут достигаться решения общих и частных вопросов. Поэтому люди должны начать свой путь, в рамках которого осуществлять работу по следующим направлениям.

1. Культурное, экономическое и социальное развитие. Это одна из самых важных проблем в диалоге культур, которую должны решить богатые и развитые страны в отношении бедных и отсталых. Необходимо помочь им в эволюции для достижения процветания. Будущие поколения заплатят за это тем, что будут заняты созидательным трудом и творчеством, и у них не будет времени даже помыслить об участии в террористических организациях.

2. Диалог в общекультурных вопросах (коих достаточно количество) для достижения взаимопонимания, мирного сосуществования и сотрудничества разных народов; борьба с распространением ненависти, вражды, дискриминации, шовинизма.

3. Диалог между двумя религиями, исламом и иудаизмом, который позволит укрепить мир на Ближнем Востоке, обеспечит народу Палестины право на независимость, спокойную жизнь и безопасность в суверенном государстве, обладающем автономным правлением. Мы уверены, что Россия, как величайшая страна в мире, может взять на себя эту миссию — инициировать и организовывать встречи, которые помогут добиться положительных результатов в данной сфере.

4. Международный диалог, необходимый для достижения запрета на распространение оружия, на владение стратегическим оружием массового поражения и перехода к разоружению, причем не только на Ближнем Востоке, но и во всем мире. Накопленное оружие угрожает безопасности всей Земли и представляет самую большую угрозу цивилизации и жизни на планете.

5. Заключение международных договоров о мире и урегулировании разногласий на основе взаимоуважения между народами.

Мы уверены, что научный форум, в котором мы сегодня участвуем, станет важным шагом к достижению мирных соглашений и сотрудничеству, которое опровергнет тезис о борьбе цивилизаций в пользу диалога о со-

участии. Шагом на пути установления всеобщего мира и формирования культурного и цивилизационного взаимодействия между странами с разными религиями и традициями.

Ф. А. Асадуллин¹

ОТ МОНОЛОГОВ К ДИАЛОГУ

Разговор о диалоге культур и цивилизаций, который был инициирован ученым сообществом Санкт-Петербурга и получил за прошедшие несколько лет заметный общественный и международный резонанс, стимулирует поиск все новых аспектов его осмысления. Одним из наиболее актуальных является формирование культуры диалога, то есть сознательной ориентации на взаимопонимание. Сегодня это стало целой отраслью гуманитарного знания и общественной деятельности ряда российских и международных организаций. В условиях глобализации — определяющего фактора современного мирового развития, человечество стремится, как показывает накопленный опыт предыдущих Чтений, обща и консолидированно искать ответы на существующие ныне вызовы, связанные с сохранением среды обитания, борьбой с природными катаклизмами, продовольственным кризисом и просто выживанием человечества как биологического вида.

Мир становится мультикультурным, и у этого мира свои законы, отвергающие одномерное восприятие действительности и тем более «диктатуру» одной религиозной традиции или одного этноса над другими. Эпоха мононациональных и монорелигиозных государств, какими еще несколько десятилетий назад, например, оставались Саудовская Аравия или Греция, закончилась. На географической карте, условно говоря, «государственных заповедников» с моноэтническим и моноконфессиональным населением сегодня уже нет. В связи с этим формирование культуры диалога становится одним из базисных ценностных ориентиров как конкретно взятого социума, так и международного гражданского сообщества в целом. Если принять терминологию последней книги З. Бжезинского **The Choice: Global Domination or Global Leadership** в расширительном плане, в мировом сообществе в XXI веке должны восторжествовать ценности не «одностороннего доминирования», связанные, например, с христианоцентризмом в мировой политике и культуре, а «консенсусного лидерства», то есть коллективной заботы и ответственности людей с разными жизненными и мировоззренческими установками на основе толерантности. Такой подход имеет большие возможности расширить зоны глобального сотрудничества и одновременно пригасить очаги напряженности между представителями различных культурных и религиозных традиций.

Межнациональный аспект

В современной России, которая в своей многовековой истории никогда не переставала быть многонациональной страной, усилиями глав религиозных организаций при участии государства и активной поддержке интеллиген-

ции идет процесс осознанного стремления выработать некое общее поле гражданского взаимодействия, которое бы через деятельность национально-культурных автономий и национальных объединений формировало общую для всех народов страны единую российскую идентичность. В обществе все чаще можно услышать голоса, призывающие принять в качестве государственной национальной доктрины культурный плюрализм и отказаться от идеалов ассимиляции малых народов в плавильном тигле русской культуры. В условиях современного многокультурного общества ориентация на модель государственной монокультуры выглядит сегодня не только несостоятельной и утопичной, но и вредной. Когда в публичное пространство иногда с провокационными целями вбрасываются лозунги типа «Россия — для русских», это, как мне представляется, оскорбляет и унижает и самих русских людей, и тем более тех россиян, которые, исторически проживая в границах Российской Федерации, русскими по паспорту не являются. Возможно, организаторы телепроекта «Имя Россия», результаты которого были подведены в конце 2008 года, ставили иные цели, но выбор Александра Невского в качестве главного героя российской истории в этом смысле очень показателен. Один из самых популярных русских князей, с именем которого связываются победы над шведами и Тевтонским орденом, символизирует «диалогичный» характер российской государственности.

Знаменитая заповедь Александра Невского «крепить оборону на Западе и искать друзей на Востоке» — следствие известных обстоятельств его воспитания в Золотой Орде. Н. М. Карамзин, В. О. Ключевский и Л. Н. Гумилев сообщают о факте братания Александра Невского с сыном хана Батыея — Сартаком, что выводило его в число ближайших родственников хана. Александр Невский, провозглашенный позднее Русской православной церковью святым, 11 лет (с 1252 г. и по день смерти) был верным союзником ордынских ханов (среди которых были и мусульмане, например Берке), подавляя любые антитатарские выступления. Надо думать, делал он это не против своей воли, а вполне осознанно, поскольку по матери был половцем, то есть имел с ордынцами общие тюркские корни.

Политика Александра Невского была направлена на вовлечение Северной Руси в единую систему государственного хозяйствования Золотой Орды, при нем были проведены первые переписи населения Суздальской и Новгородской земель, налажено свободное перемещение купцов, ремесленников и чиновников из южных улусов Золотой Орды в северные и наоборот. Не только Москва, но и вся Россия «обязана», — как говорил Н. М. Карамзин, — своим величием ханам». Эти страницы нашей общей истории, связанные с вызреванием российской государственности в лоне Золотой Орды, нужно не стыдливо замалчивать или в угоду старым идеологическим шаблонам искаженно преподносить как «борьбу с татарским игмом». Наоборот, в условиях многонационального общества факт тюрко-славянского двоемирия, воплощенный в личности Александра Невского, может служить примером того, как наши далекие предки на переломных

¹ Заведующий Отделом науки и связей с государственными службами РФ Московского муфтията, сопредседатель Информационно-аналитического центра Совета муфтиев России, шейх, кандидат филологических наук, заслуженный деятель культуры Республики Татарстан.

Автор около 100 научных работ по проблемам развития арабской культуры, истории ислама, мусульманского вероучения и по межрелигиозным отношениям. Основные труды: «Очерк истории ливийской литературы», «Новая и новейшая история Ливии» (в соавт.), раздел «Ислам» в «Энциклопедии для детей», «Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации», «Москва мусульманская».

поворотах истории умели договариваться и шли навстречу друг другу, вместе противостоя тевтонским рыцарям и другим внешним и внутренним врагам. В этом смысле образ Александра Невского, имеющий огромный консолидирующий потенциал, действительно, воплощает «имя России».

В условиях интенсивной иммиграции и острых вызовов в сфере межнациональных отношений, что объективно ведет к распаду общества на взаимоизолированные этнокультурные группы населения (такая тенденция по некоторым признакам сегодня прослеживается в крупных мегаполисах — Москве и Санкт-Петербурге), важно озобоиться разработкой и идеологическим оснащением «русского проекта». Условием интеграции внутри многонационального русского общества является одинаковая политическая лояльность к государству всех этносов страны. В этом смысле для сообщества людей, объединенных общением через русский язык и знанием общей для них русской культуры, лозунгом может быть только «Россия — для россиян».

Межрелигиозный аспект

Рубеж XX и XXI веков стал поворотным пунктом в развитии межрелигиозного сотрудничества, создав совершенно новые исторические условия для позиционирования каждого религиозного учения на основе духа открытости и одновременно верности своей духовной традиции. Сказанное прежде всего относится к монотеистическим религиям, между которыми сегодня активно развивается многоуровневый межрелигиозный диалог. Их главными вехами в России с точки зрения важности затрагиваемых проблем следует признать международные конференции «Ислам и христианство: на пути к диалогу». К 40-летию принятия Декларации *Nostra Aetate* (2005), «Ислам и иудаизм: перспективы диалога и сотрудничества» (2006) и Всемирный саммит религиозных лидеров (2006). Эти конференции, не обходя вниманием наличие теологических расхождений между верованиями, дали в то же время значительный импульс для углубления межрелигиозного сотрудничества на основе ряда взаимоприемлемых положений, касающихся, например, сферы социального служения, семейных ценностей, вопросов справедливого мироустройства, воспитания детей и молодежи на основе приоритета традиционных ценностей и т. д.

Необходимость развенчания мифов об «эндогенном радикализме», якобы присущем мусульманским народам в целом, а также многочисленные попытки демонизировать ислам в глазах мирового сообщества рождают в исламской богословской и шире — интеллектуальной среде новые современные интерпретации исламского вероучения (Фетхуллах Гюлен, Тарик Рамадан, Тауфик Ибрагим и др.). Ислам в силу своих вероучительных принципов исключительно в позитивном ключе относится к христианам и иудеям как представителям «людей Писания» — «Ахлю-ль-китаб».

Установка на конструктивный диалог между представителями трех версий единобожной традиции является одним из главных коранических императивов, о чем христиане и иудеи чаще всего даже не догадываются. Согласно Корану разнообразие в мире обусловлено самой Божь-

ей волей и Его мудростью. Как подчеркивается в аяте 30:22, различия людей в языках и цвете кожи суть «знамения Божии для людей разумеющих». По Корану, первоначально человечество составляло единую расу и духовную общину, но потом Богу было угодно их разделить как на племена и народы, так и по религии (2:213, 49:13). Это многообразие призвано стать источником не конфронтации и тем более не межнациональных и межрелигиозных распрей, а состязания в служении общечеловеческому благу.

Безусловно, живая практика межрелигиозного общения намного сложнее и одновременно богаче вероучительных положений каждой религии, но в качестве, возможно, новой парадигмы межрелигиозного диалога можно было бы предложить обсуждение, например, такой проблемы: «Коран — “Третий Завет”». Триада Ветхий Завет — Новый Завет — «Третий Завет», подчеркивающая духовную близость по праотцу единобожников Авраама (Ибрагима), дает новую перспективу понимания логики послания божественных откровений. В пользу такого подхода говорит то, что в Новом Завете нет никаких указаний на завершенность пророческих миссий.

Дискутируемая сегодня в обществе проблема совместности исламских норм с нормами других монотеистических религий имеет исключительно важное значение в плане формирования культуры диалога, в том числе в условиях российской действительности. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что из христианской среды постепенно уходят в Лету старые, идущие со времен Иоанна Дамаскина, идеологемы типа «ислам — христианская ересь» или его осовремененная версия: «ислам — это зловерие». Если на доктринальном уровне системный исламо-христианский диалог на Западе идет со II Ватиканского собора (1965), то в России он начался сравнительно недавно.

Послание Патриарха Алексия II 138 мусульманским богословам в апреле 2008 года с призывом «регулярно знакомиться с полнотой вероучения друг друга» и «внести ясность в понимание религиозных ценностей друг друга» означает, что церковь предлагает последователям ислама новую повестку дня обсуждения межрелигиозного сотрудничества. Такой подход разительно отличается от старых доктринальных установок, когда мусульманам России иерархами церкви еще несколько десятилетий назад навязывалась только одна парадигма их будущности — христианизация.

О признании духовной легитимности ислама (правда, с оговорками) сначала заговорили католики. В русском православии эта проблема впервые была поставлена священником о. Александром Менем, который, анализируя наследие Владимира Соловьева, пришел к признанию пророческой миссии Мухаммеда. Если в христианской среде в целом возобладают эти тенденции, то проблема формирования культуры диалога между представителями ислама и христианства обретет еще более ясные и понятные перспективы. Заявления Патриарха Кирилла после его избрания в начале 2009 года первосвященником Русской православной церкви о важности налаживания конструктивных отношений с приверженцами ислама дает на это надежду.

Мухаммад А. Ат-Тайеб¹**МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Прежде всего, я хотел бы выразить благодарность за возможность присутствовать в этом университете, который является одним из центров распространения гуманитарных идей в мире. Я счастлив, что имею возможность впервые посетить Санкт-Петербург, который славится своей захватывающей красотой и богатой культурной историей.

Проведение таких конференций, как Лихачевские чтения на тему «Межкультурный диалог и партнерство цивилизаций», к которым сейчас проявляется широкий интерес, именно в России может способствовать закреплению принципа диалога цивилизаций в международных отношениях. Особенно учитывая статус России как великой державы, которая оказывает большое влияние на мировую политику и играет в ней важную роль. Сам факт, что крупные мировые державы добиваются укрепления таких ценностей, как диалог, взаимопонимание, терпимость и признание разнообразия человеческих культур и цивилизаций, позволяет нам с оптимизмом смотреть на будущее человечества.

В действительности диалог цивилизаций не является каким-то новым принципом. Возникнув при зарождении цивилизаций и религий, он прошел через многие исторические этапы, проявляясь в разных формах: социальных, культурных и торговых. Концепция диалога между человеческими обществами связана с природной нуждой человека в человеке. Ни одна группа людей не может жить в изоляции друг от друга. Диалог между культурами не является какой-то цивилизационной роскошью. Он является человеческой необходимостью для сотрудничества и сосуществования людей.

В учениях небесных религий придавалось большое значение теме диалога, который считался наилучшим путем к добру, счастью человечества и распространению таких ценностей, как терпимость, справедливость, взаимопонимание и сотрудничество, ради улучшения условий жизни на Земле, ради того, чтобы люди жили в условиях мира и безопасности.

Вместе с тем на протяжении всей истории человечества преобладали разногласия между культурами, фанатизм и отказ от признания другого, а также стремление сильных навязать другим тип своей культуры и свою веру, что привело к проблемам в человеческих отношениях, разрушительным войнам и утрате чувства безопасности и мира.

Несмотря на поразительные достижения современной цивилизации в научно-техническом прогрессе во всех сферах жизни с целью достижения благополучия и счастья человечества, многие народы Земли продолжают страдать от угнетения и дискриминации по расовому или религиозному признаку. Сохраняются случаи господства одной цивилизации над другими в культурной, экономической или политической жизни, что приводит к обесцениванию таких ценностей, как справедливость, равенство и терпимость, и, как следствие, к провалу попыток установить мир и справедливость вместо войн и несправедливости.

Результатом таких отклонений человеческого поведения стало усиление гонки вооружений, распространение насилия и терроризма, обострение экономических проблем, ухудшение экологии, повышение уровня преступности и разгул наркомании.

Найти выход из этого кризиса цивилизации можно только путем истинного межкультурного диалога и партнерства цивилизаций.

Нет сомнений в том, что подлинный межкультурный диалог может быть целесообразным и эффективным только в том случае, если он будет основываться на признании различий, культурного и религиозного разнообразия и плюрализма между людьми, ибо это является одним из созидательных промыслов Всевышнего, который нельзя отменить.

Более того, культурное и цивилизационное разнообразие среди людей было и остается эффективным инструментом процветания и прогресса на пути к лучшему будущему для всего человечества.

Здесь все мы должны признать единство всего человечества и единство человеческой судьбы. Как говорил Слуга Двух Святынь, король Абдалла ибн Абдель Азиз на 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН: «На этой планете человек человеку — равный партнер. Либо они будут жить вместе в мире и согласии, либо они сожгут друг друга огнем непонимания, зависти и ненависти».

Из-за учащения случаев проявления нетерпимости и дискриминации среди людей, усиления чувства презрения к культурам и верованиям других и появления идей о столкновении цивилизаций, король Абдалла ибн Абдель Азиз выступил с инициативой о «диалоге между религиями и культурами» для достижения справедливого мира и безопасности во всем мире.

В ответ на этот призыв летом 2008 года в испанской столице Мадриде состоялась Всемирная конференция по межконфессиональному диалогу, участники которой — последователи разных религий и культур — подтвердили значение ценности диалога и согласились с тем, что диалог является наилучшим способом достижения взаимопонимания и взаимного сотрудничества в человеческих отношениях и мирном сосуществовании народов.

Саудовская Аравия возглавила международные усилия по проведению заседания на высоком уровне в рамках 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (2008), участники которого заявили о важности стимулирования диалога, взаимопонимания и терпимости между людьми и уважения разнообразия их религий и культур.

Стремясь к укреплению принципа диалога и сближения с Российской Федерацией, Министерство иностранных дел Королевства Саудовская Аравия провело заседание Группы стратегического видения «Россия и исламский мир» в г. Джидда в октябре 2008 года. На заседании был принят ряд рекомендаций, направленных на расширение перспектив взаимопонимания и диалога между Россией и исламским миром.

Поскольку мы сегодня собрались для обсуждения темы диалога между культурами и партнерства цивилизаций, может быть, целесообразным станет принятие нашей высокой конференцией рекомендации поддержать инициативу короля Саудовской Аравии Абдаллы ибн Абделя Азиза по межрелигиозному и межкультурному диалогу, призвать международное сообщество к принятию этой инициативы и созданию необходимых механизмов ее реализации. Это будет способствовать укреплению международных усилий, направленных на активизацию ценностей диалога и терпимости ради совместного сотрудничества по установлению нового мирового порядка, основанного на общечеловеческих ценностях.

Сотрудничество между Саудовской Аравией и Российской Федерацией в этой области, несомненно, будет способствовать укреплению возможных достижения мира, безопасности и процветания для всех народов.

Благодарю вас за внимание и желаю участникам конференции успехов.

¹ Генеральный директор Кабинета иностранных дел Министерства Мекканского региона (Королевство Саудовская Аравия), ректор, профессор Университета «Аль-Азхар», доктор.

УРОКИ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Сотрясающий мир финансово-кредитный кризис ощутило повлиять на российскую экономику. Все активнее включаясь в процесс экономической глобализации, Россия еще не успела осознать все последствия возрастающей взаимозависимости стран мира. Было бы, однако, большим упрощением объяснять наши трудности только негативным воздействием извне: падением экспортных цен, сужением внешнего товарного и кредитного рынка, приступами паники на мировых фондовых и товарных биржах, под влияние которых попали и отечественные бизнесмены, оттоком иностранного капитала. Принимаемые государством меры по смягчению этого воздействия не устранили неблагоприятия в экономике. Импульс извне обнажил и обострил собственные российские проблемы.

Инфляция, постепенная девальвация рубля, свертывание и без того недостаточно развитого внутреннего кредитного рынка, вызванное всем этим снижение спроса и спад производства, деградация многих жизненно важных отраслей, включая сельское хозяйство, сокращение занятости, падение уровня жизни значительной части населения, социальное расслоение — все это, преимущественно, следствие просчетов и ошибок во внутренней политике, усугубленных кризисными явлениями в глобальной экономике. Внешнеэкономическая политика также оказалась достаточно близорукой, поскольку, как и внутренняя, опиралась в основном на неолиберальную идеологию. Преимущества экономической глобализации переоценивались, а ее риски и угрозы недооценивались.

Словом, российская экономика переживает второй после дефолта и девальвации рубля в 1998 году кризис, на сей раз более глубокий и, видимо, более продолжительный. Кажется, достаточно двух серьезных предупреждений, чтобы извлечь уроки на будущее и скорректировать экономический курс.

В кризисных условиях дерегулирование, упование на «невидимую руку рынка» все явственнее демонстрирует свою ущербность. На Западе и в России на это давно указывали видные экономисты. Начиная с Джона Майнарда Кейнса, выдвигались альтернативные идеи функционирования капиталистической экономики. К сожалению, основное течение экономической мысли пошло по другому руслу. Господствующим стал либеральный фундаментализм. Его и восприняли, не без зарубежных советов, российские реформаторы. Однако сегодняшняя ситуация в экономике ведущих стран Запада, как, впрочем, и во всем мировом хозяйстве, заставляет пересматривать сложившиеся взгляды. И даже из лагеря убежденных либералов все громче раздаются критические голоса. Показательны в этом отношении публикации журнала «Экономист».

В октябрьском (2008) номере он иронизирует по поводу отступничества от либеральной доктрины президента Франции Николя Саркози, печатая карикатуру на него с томом «Капитала» К. Маркса в руках. Действительно, на саммите ЕС в октябре 2008 года Саркози признал, что ультралиберальный капитализм себя дискредитировал и миру нужна рыночная социальная модель². А в следующем номере журнал помещает специальный доклад «Когда фортуна хмурит брови», в котором допускает перемены в капиталистическом мироустройстве.

В нем, в частности, говорится: «Предсказывать последствия незавершившегося кризиса опасно. Но уже ясно, что даже в условиях отсутствия катастрофы управленческие глобализации изменятся. В течение последних двух десятилетий ее ход совпадал с усиливающимся интеллектуальным влиянием англосаксонской модели капитализма свободного рынка. Глобальная интеграция явилась по большей части триумфом рынка над государством... Теперь баланс между ними сдвигается в сторону государственного регулирования, причем не только в сфере финансов»³. «Уолл-стрит, — говорится далее, — оказалась в центре нынешнего кризиса, так что статус Америки и ее интеллектуальный авторитет резко упали»⁴. «Больше, чем в новом капитализме, — заключает журнал свой доклад, — мир нуждается в новом мультилатерализме»⁵. Говоря проще, за этим мудреным словом скрывается оправданность, помимо либеральной, других моделей развития современной экономики. В этом отношении весьма поучителен опыт европейских государств, особенно скандинавских, где социальная ориентация рыночного хозяйства и государства достаточно успешно практикуется многие годы.

Мировому сообществу предстоит извлечь правильные уроки из нынешнего кризиса. Многие склонны объяснять свои беды раздуванием финансово-кредитного пузыря в США, который, лопнув, втянул в кризис и другие страны. Но глобальный кризис имеет не только американские корни. Дешевые заемные деньги, отсутствие надлежащего регулирования денежных рынков, узость внутреннего платежеспособного спроса, несогласованность антикризисной политики ведущих государств, слабость международных финансовых институтов — все это результат серьезных изъянов функционирования глобальной рыночной системы. И это делает необходимой выработку ведущими странами совместной стратегии реформирования системы. Уже в ЕС и на встрече лидеров «Большой двадцатки» в повестке дня стоит новая архитектура мировой финансовой системы и роль коллективных действий государств в обуздании стихийных сил и обеспечении стабильности глобального рынка. Этому может помочь диалог ученых и общественных деятелей относительно перспектив будущего развития.

Если Запад втягивается ныне в полосу поиска новой модели или парадигмы экономического устройства, то для российского доморощенного капитализма, следующего примеру США, это не менее актуально. Конечно, открыто признать несостоятельность ультралиберальной идеологии наши реформаторы еще не готовы. Но критические настроения в России, испытавшей все прелести дикого капитализма, пожалуй, сильнее, чем где-либо. Поэтому можно ожидать, что новые подходы в экономической политике проложат себе дорогу. Кризис должен способствовать отрезвлению проводников нынешнего рыночного курса.

В каких главных направлениях можно ожидать переосмысления экономической идеологии и политики? Одна из наиболее острых проблем — роль государства

¹ Академик РАН, советник РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, заведующий кафедрой мировой экономики Государственного университета управления (Москва), доктор экономических наук, профессор.

Автор свыше 500 публикаций, в том числе книг: «Реформы глазами американских и российских ученых», «Реформы в зеркале международных сравнений», «Моя летопись переходного времени», «Размышления о насущном», «Анатомия глобальной экономики», а также учебника для вузов «Мировая экономика в век глобализации».

Член редколлегии российско-германского журнала «Политэконом», почетный президент Международной ассоциации экономических наук; член Исполнительного комитета Международного совета по общественным наукам при ЮНЕСКО; член Болгарской академии наук, почетный профессор Будапештского университета.

² The Economist. 2008. October 4. P. 2.

³ The Economist. 2008. October 11. P. 6.

⁴ Ibid. P. 33.

⁵ Ibid.

в национальном хозяйстве. В СМИ широко растиражирована мифология: государство должно уйти из экономики или по меньшей мере свести к минимуму свое участие в ней. Один из советников В. В. Путина в бытность его президентом, например, пытался на лукавых цифрах убедить общественность, что чем меньше доля государственного бюджета в ВВП, тем успешнее растет экономика. И это в то время, как мировая статистика неопровержимо показывала рост этой доли на протяжении всего минувшего века с 10–20 % до 50 % и выше¹.

Бесспорно, современное государство, тем более социальное, каковым Россия является по Конституции, призвано представлять и обеспечивать интересы всего населения, а не быть комитетом по заведованию делами наиболее состоятельной и влиятельной его части. Но это предполагает не только справедливое и эффективное демократическое устройство общества, подконтрольность ему государственной бюрократии, но и значительную роль государства в перераспределении ВВП. Только в его власти противодействовать стихии нарастающего социального расслоения, гарантировать справедливый доступ людей к общественным благам — образованию, здравоохранению, культуре. Именно так поступают многие государства мира. Отсюда и рост доли бюджетных расходов в ВВП.

На современное государство ложатся ответственные функции предотвращения и преодоления провалов чисто рыночных механизмов, и не только в денежно-финансовой сфере, что сегодня всем очевидно, но и в других областях. Речь идет, например, о развитии науки, образования, культуры, охране здоровья и окружающей среды, модернизации производства, создании экономической инфраструктуры, не говоря уже об обеспечении национальной безопасности и правопорядка.

Государство способно играть существенную роль в стимулировании инновационного процесса, вкладывая бюджетные средства в ключевые, технически передовые производства, особенно во вновь создаваемые, а также принимая участие в управлении ими. Его поддержка незаменима и для сельского хозяйства многих стран. Это более чем актуально для России, учитывая далеко не самые благоприятные климатические условия в большей части страны и последствия прошлых социальных катаклизмов в деревне.

Доводы российских либералов против государственного вмешательства обычно сводятся к его неэффективности из-за недостаточной компетенции чиновников, их зашкаливающей коррупционности и чрезмерного бюрократизма. Государство обвиняют в непрозрачности обсуждения и принятия решений, необъективности, а то и заведомо ложной информации, доводимой до общественности, в отсутствии обратной связи с подопечным населением и бизнесом. Конечно, подобные упреки зачастую небезосновательны. Но разве частный бизнес столь уж непогрешим? Его недобросовестность, бесчестность, уклонение от налогов, подкуп чиновников, мошенничество, да и другие криминальные действия в неумолимой жажде обогащения общеизвестны. Поэтому сама дилемма — свободный рынок или контроль и участие государства в нем — выглядит надуманной. Вопрос заключается в правильном сочетании обоих начал в развитии экономики и принятии мер по наведению порядка в каждой из этих двух сфер.

В первую очередь, на мой взгляд, требуется качественное улучшение работы государственной системы управления, выращивание класса неподкупных, добросовестных и высококомпетентных управленцев. Подбор кадров должен происходить не по принципу их лояльности началь-

ству и «вменяемости», не по родственной близости, дружбе и личным симпатиям, а по уровню компетентности, профессиональным знаниям и трудовому опыту, добросовестности, умению работать с людьми, отстаивать общественные интересы. Понятно, что в одночасье такого рода перемены не происходят. Россия еще долго будет сильно уступать другим странам в конкурентоспособности на мировом рынке из-за неэффективности государственной системы управления, низкого качества и коррумпированности чиновничества. Но чтобы вырваться вперед, важно решить, с учетом современных мировых реалий, какой должна быть роль государства в нашей экономике и как к этому прийти. Недостаточно расплывчатых и двусмысленных высказываний на этот счет, пора сформулировать четкую концепцию государственного строительства и экономического участия. И, разумеется, последовательно проводить ее в жизнь.

В переходе России от дикого к цивилизованному и социально ориентированному рынку многое зависит от государства, тех законов и моральных норм, соблюдение которых оно обеспечивает своим авторитетом, всеми доступными в его распоряжении средствами. Поэтому и нужно укреплять государство, а не сводить на нет его экономические функции. Иначе не обуздать частный бизнес в его стремлении к быстрому обогащению, идущему, как правило, вразрез с интересами общего процветания, не сдерживать его корпоративный эгоизм.

Гигантские потери страны от бегства капиталов за границу представляют, пожалуй, один из наиболее ярких примеров недооценки возможностей государства, вернее, его неспособности влиять на развитие производства, направлять имеющиеся в стране капиталы на подъем собственной экономики. Если российский Минфин оценивает чистый отток капиталов из страны за весь период реформы и рыночных реформ примерно в 400 млрд долл., то по расчетам Ассоциации российских банков, эта цифра может достигать от 800 млрд до 1 трлн долл., что согласуется и с данными Базельского банка международных расчетов (БМР)². Ряд западных экспертов не исключает, что утечка капиталов могла достичь даже 2 трлн долл.

В приведенные суммы входит сравнительно скромный легальный вывоз капиталов, тогда как львиную долю составляет нелегальный их отток, связанный с уклонением от налогов и стремлением укрыть и сохранить нажитое сомнительным путем. Часть «беглых» денег хранится на банковских депозитах (220 млрд долл. в 2006 г., по данным БМР)³, другая вложена в акции зарубежных компаний, в недвижимость, яхты, футбольные клубы, истрачена на личное потребление и т. д. В точности оценок можно, конечно, сомневаться, но порядок цифр в любом случае поражает количеством нулей.

К тому же этим не ограничивается отток российских денег за рубеж. Государственные валютные, стабилизационные и другие резервы вложены преимущественно в иностранные ценные бумаги и банковские депозиты, далеко не всегда надежные. В первой половине 2008 года их общая сумма составляла почти 600 млрд долл., что мотивировалось необходимостью иметь на черный день надежную подушку безопасности. Однако наступивший кризис показывает, что это не лучший метод спасения. Разумнее было бы использовать значительную часть этих денег на развитие отечественного производства.

Понятно, что имел место и приток капиталов в Россию, особенно в последние годы, в виде прямых и портфельных инвестиций, значительных корпоративных займов наших компаний. Но общий баланс складывал-

¹ Рогов С. М. Функции современного государства : Россия и мировой опыт. URL: www.iskran.ru/docs/rogov_thesis.pdf; Богомолов О. Т. Раздумье о былом и насущном. М., 2007. С. 188.

² Хейфец Б. А. Оффшорные юрисдикции в глобальной и национальной экономике. М., 2008. С. 166–167.

³ Там же.

ся с перевесом не в нашу пользу. Из-за нежелания или неспособности государства установить надлежащий контроль за вывозом капиталов экономика пережила чудовищное кровопускание. Можно только поражаться тому, что при этом она сумела оправиться. Помогли богатые природные ресурсы, человеческий капитал и взлет мировых цен на энергоносители.

В годы высоких цен на энергоносители российские корпорации накопили колоссальный внешний долг, который с наступлением кризиса не смогли обслуживать, и государство вынуждено было спасать своих финансовых и промышленных магнатов. На это ушла значительная часть государственных валютных резервов. Трудно найти рациональное объяснение поведению государства, которое одной рукой направляет свои свободные валютные средства на хранение за рубеж, кредитуя тем самым Запад, а другой подталкивает отечественные компании к крупным займам за рубежом. Лучшего подтверждения близорукости и неразумности государства в экономических вопросах не надо и искать.

Если бы мы, вывозя капиталы, не кредитовали сотни миллиардов долларов США и другие развитые страны, а сумели инвестировать эти деньги в модернизацию своей промышленности, транспорта, сельского хозяйства, энергетики, в здравоохранение, образование, науку, жилищное строительство и так далее, то не испытали бы, начиная с 1992 года, такого глубокого и многолетнего спада производства и жизненного уровня населения. И сегодня не были бы столь уязвимы перед лицом мирового кризиса.

Объяснение случившемуся, естественно, существует: наша рыночная экономика была и до сих пор остается неспособной освоить такие колоссальные средства. Считалось, что их разворуют или разбазарят без видимой отдачи. Такое возможно, если государство выпускает вожжи из рук, снимает с себя ответственность за эффективное и динамичное развитие реального сектора экономики и перепоручает заботу об этом якобы более способному частному бизнесу. Но мировая практика дает немало обратных примеров. Высокие темпы роста, к которым мы стремимся, предполагают значительное увеличение доли в ВВП вложений в основные производственные фонды. Пока в России меньше половины ежегодных накопленных инвестиций в реальный сектор экономики. Повышению доли инвестиций в ВВП должны быть подчинены государственная политика и влияние.

То, что делалось, шло в другом направлении. Ослаблялся и отменялся валютный контроль, облегчавший отток капиталов. Курс рубля сознательно поддерживался на заниженном уровне, увеличивающем рентабельность экспорта сырья и топлива и удорожающем импорт. Это сказывалось на повышении цен потребительских и продовольственных товаров. Из-за узости внутреннего платежеспособного спроса и низкой рентабельности ориентированные на отечественного потребителя производства хирели и сворачивались. То, что могли бы делать сами, закупалось за рубежом. Это коснулось не только текстильной, обувной, швейной, фармацевтической промышленности, но и многих машиностроительных и других отраслей. Их неохотно кредитовали коммерческие и государственные банки, а если и давали деньги, то на короткие сроки и за непомерные проценты. Собственной же прибыли не доставало для расширения и модернизации производственных мощностей. Кроме того, инфляция и слабость внутреннего спроса создавали повышенные инвестиционные риски. При все большей открытости экономики конкуренция с импортными товарами становилась безнадежной.

В исключительно благоприятном положении оказались сырьевики, нефтяники, газовики, металлурги, — сло-

вом, те, кому экспорт приносил баснословные прибыли. Но такой возможности не имели другие отрасли. Складывалась однобокая структура экономики с гипертрофированной долей первичных отраслей. Это отрицательно отражалось на уровне национальной производительности труда и конкурентоспособности на мировом рынке. Экономика попадала в сильную зависимость от положения дел в странах — потребителях нашего сырья и энергоносителей. Утрачивались преимущества устойчивого развития на основе взаимосвязанности и взаимодополнения добывающих и перерабатывающих отраслей в рамках целостного народнохозяйственного комплекса.

Нельзя сказать, что негативные процессы оставались незамеченными. Серьезное беспокойство выражали и ученые, и практики. Но государство демонстрировало беспомощность в попытках изменить положение к лучшему. Надежды по-прежнему возлагались на рыночные механизмы, которые сами должны все исправить. Убеждения архитекторов реформ во всесии рынка не ослабевала. Увы, не получилось. Скорее предпринимательские властями действия работали в противоположном направлении.

Особенность России, как крупнейшей по территории страны, расположенной на двух континентах, с почти полной обеспеченностью природными ресурсами, высоким научно-техническим и человеческим потенциалом, состоит в предпочтительной ориентации ее экономического развития на использование преимуществ не столько международного, сколько внутреннего и регионального разделения труда. В отличие от государств, основывающих свою стратегию роста на экспортной экспансии, нам надежнее и выгоднее делать все для углубления внутреннего разделения труда и расширения емкости отечественного рынка. Это не означает отказа от дальнейшего включения в процесс экономической глобализации и использования выгод разумной открытости экономики. Но делать это необходимо с оглядкой на неустойчивость и неподконтрольность мировых товарных и фондовых рынков, чьи колебания и периодические кризисы способны принести России тяжелые потери. Капитализму в силу его природы присущи кризисы перепроизводства, вызываемые недостаточным инвестиционным и потребительским спросом. Это констатировал еще К. Маркс, и, приступив к строительству капитализма, мы должны были с этим считаться.

Настойчивое стремление быстрее вступить во Всемирную торговую организацию отнюдь не гарантирует нам модернизации и успешного развития собственных отраслей обрабатывающей промышленности, и особенно высокотехнологичных, не говоря уже о сельском хозяйстве. Предварительно необходимо дать возможность окрепнуть и встать на ноги отечественным производителям. Так поступали Япония, Южная Корея, Китай, Индия, Бразилия и ряд других стран, прежде чем многие виды их промышленной продукции, на которые государство делало ставку, получили заметный сбыт и стали конкурентоспособными на мировом рынке. К тому же нельзя не видеть, что крупные страны, имеющие или создающие современную индустрию, направляют на экспорт значительно меньшую долю своей продукции, чем мелкие и средние. Их производство преимущественно ориентировано на отечественный рынок. В России, однако, эта закономерность не действует, мы имеем слишком высокий удельный вес внешнеторгового оборота в ВВП.

Сегодня бесполезно обсуждать, имела ли альтернативу шоковая терапия и обвальная приватизация. Страна преодолела самые тяжелые времена и обрела новую жизнь. Но родовые травмы, связанные с переходом в другое состояние, остаются и могут спровоцировать серьезные осложнения. Мы уже с ними сталкиваемся не только

в финансово-кредитной сфере, на которой сегодня сосредоточено основное внимание. Наиболее ощутимые угрозы представляют углубляющаяся социальная дифференциация общества, растущая безработица и высокая инфляция. И то, и другое, и третье болезненно сказывается на большей части населения, представляющей низко- и среднедоходные его слои. Наши сильно извращенные рыночные отношения не ослабляют, а, напротив, усугубляют эти процессы. Избранные государством способы противодействия им также вызывают большие сомнения. Нужны более радикальные и решительные шаги.

Плоская шкала подоходного налогообложения, льготные налоги на дивиденды, сохраняющиеся лазейки для уклонения от налогов и вывоза капиталов сомнительного происхождения, в том числе использование для этого оффшорных гаваней, разгул коррупции, безнаказанность многих экономических преступлений и махинаций — все это ведет, по мнению специалистов, к колоссальному недобору бюджетных доходов и углублению пропасти между богатыми и бедными.

У нас еще присутствует масштабная бедность и скудость потребления миллионов граждан. Казалось бы, моральные нормы бережливости и скромности должны возобладать в обществе, широко признаваться и соблюдаться. К сожалению, превалирует культ богатства и роскоши, купеческий размах — «знай наших». Телевидение рекламирует жизнь нуворишей в их шикарных квартирах и виллах, показывает их яхты, самолеты и автомобили класса люкс, разгул на заграничных фешенебельных курортах, светские рауты для избранных с обильным угощением. Высшие менеджеры в крупных корпорациях, в том числе контролируемых государством, вознаграждаются порой щедрее, чем их американские или европейские коллеги. И если за рубежом все громче раздаются протесты общественности против запредельной зарплаты и бонусов топ-менеджеров и государства начинают в это вмешиваться, то у нас это молчаливо принимается как само собой разумеющаяся реальность.

Превосходящее все мыслимые стандарты имущественное расслоение общества бросает вызов представлениям о социальной справедливости, лишает людей моральных и материальных стимулов к добросовестному труду, обостряет проблему бедности, усиливает нищету, порождает детскую беспризорность и другие социальные беды. В конечном счете страдают темпы и качество экономического роста. Осознание упомянутых негативных последствий делает необходимым нахождение новых подходов в идеологии и практике проведения государством модернизации российской экономики.

Методы борьбы с инфляцией также требуют переосмысления. К сожалению, наши экономические и особенно финансовые деятели придерживаются монетаристских рецептов, то есть делают ставку главным образом на ограничение денежной и кредитной эмиссии, практикуют так называемую «стерилизацию» денежной массы, сдерживание бюджетных ассигнований на зарплату и социальные выплаты. Кстати, в трудные времена в США и Европе государства шли на расширение денежного предложения, чтобы повысить платежеспособный спрос и оживить производство. Мы почему-то связываем с этим только всплеск инфляции.

Ужесточение денежной политики имело негативную сторону, которая проявилась теперь, когда государство вынуждено предпринять беспрецедентное дополнительное вливание денег из своих резервов в нездоровую экономику. Предоставленная на льготных условиях денежная помощь Сбербанку, ВТБ, Газпромбанку, Роснефти, компаниям Дерипаски и Абрамовича, промышленным корпорациям была по большей части конвертирована в валю-

ту и переведена за рубеж в погашение долгов и создание резервов. Производители, реальный сектор экономики от нее мало что выиграли.

Инфляция не сводится к переполнению каналов обращения деньгами. Она вызывается ростом издержек производства под влиянием различных факторов: повышения стоимости сырья и топлива, транспортных тарифов, заработной платы, удорожания импорта и т. д. На ее размерах отражаются монопольные сговоры, инфляционные ожидания, степень доверия к устойчивости экономической системы, налоговая нагрузка и прочие побочные расходы производителей, компенсируемые повышением цен. Поэтому бороться с инфляцией надо по всем линиям и разнообразными методами.

Но чтобы иметь верное представление о ее последствиях, важно объективно оценивать масштаб инфляции, причем не только средний, по принципу средней температуры по больнице, а для различных секторов экономики и слоев населения. Инфляция всегда проявляется как дополнительный скрытый налог на население и бизнес, но тяжесть и возможность компенсировать его далеко не одинаковы. Детальные исследования, предпринятые рядом специалистов, выявили, что в наибольшей степени страдают бедные и средние по достатку слои населения. Цены на корзину потребляемых ими товаров и услуг возросли у нас в последнее время не менее чем на 25–30 % ежегодно, тогда как для богатых этот показатель совпадал с официально публикуемыми 10–14 %.

Для отраслей, работающих на внутренний рынок, сбыт постоянно сужается из-за высокой инфляции, урезающей покупательную способность населения. Отсюда — замедление роста и даже сокращение производства. Потребление же верхних слоев общества состоит в основном из импортных товаров, поэтому эти люди не являются покупателями отечественной перерабатывающей промышленности, а поддерживают зарубежных производителей.

Неплохо было бы попытаться сдерживать инфляцию не столько монетаристскими методами, сколько расширением платежеспособного спроса основной части общества и соответственно стимулированием производства и предложения отечественных товаров и услуг приемлемого качества и по доступным ценам. Недооценка труда в России по сравнению с близкими к нам по уровню странами ограничивает платежеспособный спрос населения. К тем же последствиям приводят трудности в получении кредитов бизнесом, особенно мелким и средним, непомерная дороговизна кредитных займов.

Не стоит пренебрегать постулатом классической политической экономии: «Государство богатеет, когда простой товар имеет». Разумеется, сегодня важно, чтобы он был хорошего качества, находил сбыт и его производство постоянно увеличивалось. Здесь многое способен сделать мелкий и средний бизнес, который еще не получает необходимой поддержки и защиты государства.

Конечно, и без денег экономика не может обойтись. Они тоже часть национального богатства, когда не лежат без дела, а работают как мера стоимости, средство обращения и средство накопления. Последняя функция — определяющая для экономического роста. Естественно, при условии, что немалые ресурсы на счетах наших государственных институтов и банков, в том числе заимствованные на Западе, не используются для биржевых спекуляций, не растраниваются и не омертвляются в неоправданных резервах, а служат приумножению реальных производительных сил страны, ее основных фондов — другими словами, превращаются в инвестиции.

Чтобы это происходило, нужен благоприятный инвестиционный климат в стране. Его создание и поддержание — задача далеко не чисто экономическая. Она требует

эффективности государственного управления, отсутствия неоправданных бюрократических препон, политической стабильности, доверия инвесторов ко всей экономической, правовой и налоговой системе, надлежащего состояния деловой морали, эффективности борьбы с коррупцией и, разумеется, перспектив получения хорошей прибыли, которые открывают динамичное и гармоничное развитие экономики.

Практика показывает, что при возможности сорвать большой куш иностранные инвесторы готовы рискнуть и пренебречь многими изъянами нашей государственной и рыночной системы. Но почему мы должны позволять наживаться на нашей бесхозяйственности и отсутствии элементарного порядка?

Роль государства в содействии инвестиционной деятельности, а также участия в ней нельзя переоценить. Оно ответственно за определение ее приоритетных на-

правлений, предоставление гарантий в случае рисков, которые частный бизнес не готов взять на себя, за создание льготных условий кредитования и налогообложения для стратегически важных инвестиций. И, несомненно, выдвигаемые президентом и правительством перспективные цели развития страны делают необходимым усиление этой роли. Это потребует соответствующих инициатив, немалых управленческих усилий и реформаторских начинаний, которые либералы могут выдавать за попытки огосударствления экономики. Но без участия государства, налаживания государственно-частного партнерства решительное улучшение инвестиционного климата маловероятно. А стало быть, и реализация амбициозных планов экономического процветания. Хочется надеяться, что настал момент истины, когда возможно извлечение уроков из ошибок прошлого и исправление того, что тормозит движение вперед.

Олесь Бузина¹

УКРАИНА: ТРЕУГОЛЬНИК МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОТИВОСТОЯНИЙ

Тема Лихачевских научных чтений — «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Но я хотел бы обратить внимание на тот аспект диалога, о котором часто забывают, когда говорят о культуре. Диалог может вестись не просто на повышенных тонах, но с оружием в руке и представлять собой обмен угрозами и воинскими кличами.

Слово «культура» ассоциируется у людей с такими образами: университет, профессор с чеховской бородкой, писатель, выводящий буквы гусиным пером на листе бумаги, или режиссер, репетирующий новую пьесу. Но это высшая точка культурного процесса. В толще этой пирамиды кипят страсти, совершаются преступления и течет настоящая, а не бутафорская кровь.

До того как писатель начал творить, он мог быть мобилизованным доктором, чудом избежавшим расстрела, как это случилось с киевлянином Михаилом Булгаковым. А известный режиссер — военнослужащим петлюровской армии. К примеру, такой факт есть в биографии Александра Довженко, что не афишировалось в советскую эпоху. Кстати, если бы эти деятели культуры (оба — уроженцы Украины) встретились в 1919 году на поле боя, то были бы вынуждены воевать друг против друга, так как находились в противоположных политических лагерях, выяснявших взаимоотношения силой оружия.

Украина является уникальной страной. И уникальность ее состоит не в политических мифах, что украинцы — потомки трипольской цивилизации или что Киевская Русь — исключительно «древнеукраинское государство», которые настойчиво внедряет в массовое сознание современная украинская власть. Это лишь запоздалый (почти на сто лет) местный вариант общеевропейского националистического мифотворчества, противостоявшего великим имперским мифам Австрии, Германии и России.

Уникальность Украины заключается в другом — в том, что эта страна возникла на стыке трех цивилизаций: русской православной, западноевропейской католической и восточной мусульманской; в том, что военные репортеры и деятели культуры этой территории «межцивилизаци-

онных битв» создают шедевры, обогащающие мировую культуру.

«Тарас Бульба» Н. В. Гоголя, изданный в Санкт-Петербурге в 1835 году, и роман «Огнем и мечом» польского писателя Генрика Сенкевича, вышедший в 1882 году, являются культурной фиксацией этого противостояния. Характерно, что снятые недавно по этим произведениям фильмы вновь спровоцировали на Украине идеологический конфликт. Прорусский лагерь украинских критиков воспринимает фильм польского режиссера Ежи Гофмана как выражение западной пропаганды. В противовес ему «Тарасу Бульбе» Владимира Бортко пытаются навесить ярлык российского пропагандистского трэш-фильма.

Украинцы же, потерпев фиаско в создании собственного монументального кино (пример тому — «провал» в прокате фильма «Мазепа» Юрия Ильенко), сняли сериал «Роксолана» на восточную тему — об украинке, попавшей в турецкий плен и ставшей султаншей. Этот сериал — о контакте православной и мусульманской цивилизаций — был закуплен и Россией, и Турцией.

Если ознакомиться с современными украинскими учебниками, изданными после 1991 года, то можно обнаружить там множество фантастических историй: о стране с придуманным задним числом названием Киевская Русь; о «государстве» Украина, якобы потерявшем после Переяславской рады независимость; о русском царе Александре II, **будто бы запретившем украинську мову.**

Но в этих учебниках отсутствует ответ на вопрос, когда и почему появилась Украина. Есть страна, у которой не имеется достоверной биографии, только легенда, как у разведчика-нелегала.

Самый старый миф гласит, что Украина — единственная наследница Киевской Руси. Профессиональные историки знают, что термин «Киевская Русь» абсолютно книжный и условный, как «Византия». Он утвердился только в начале XIX века **после выхода в свет трудов Н. М. Карамзина.** По словам современного киевского историка Алексея Толочко, «государства под названием Киевская Русь на самом деле никогда не существовало. Современники называли страну, в которой жили, “Русская земля” или просто “Русь”».

По моему мнению, лучше было бы называть эту распавшуюся в XIII столетии **средневековую державу так,**

¹ Писатель, журналист, историк (Украина). Работал в газетах «Киевские ведомости», «2000»; журналах «Друг читателя», «Лидер», «Наталли», «Эго», «XXL». Ведет авторскую колонку в газете «Сегодня». Является ведущим программы «Тееп-лига» на телеканале «Интер» (Киев). Автор многих книг, в том числе: «Вурдалак Тарас Шевченко», «Тайная история Украины—Руси».

как она сама себя именвала. Это было бы более корректно. Тем более что истоки этой страны находятся не в Киеве, а в Ладого, где высадились шведские викинги, которых местное финское население называло руотси.

Теперь рассмотрим карту современной Украины и наложим ее на карту Древней Руси периода расцвета. Они пересекаются только в узком месте. Большая часть древнерусских земель ныне находится на территории России и Белоруссии. А подавляющая часть Украины — это вообще не Русь, а Половецкая земля — дикое поле, куда ходил в «степь неизвестную» на кочевников князь новгород-северский из поэмы «Слово о полку Игореве».

Как известно, князь в походе потерпел неудачу и с горя женил сына на дочери хана Кончака, к которому попал в плен. Следовательно, внуки Игоря были уже полуазиятами, ведь половцы — типичные монголоиды. Некоторые древнерусские города в результате наступления половцев опустели: их жители-славяне ушли на север. Освободившуюся территорию заселили степняки. Полезно иногда читать летописи, например запись Повести временных лет о 1159 году. Тогда поговорили между собой князь киевский Изяслав и князь черниговский Святослав. Святослав на упрек собрата в жадности ответил, что он — человек смиренный и готов удовлетвориться всего Черниговом с семью другими городами, в которых, по его словам, живут «псары да половцы».

Из его слов следует, что половцы активно переселились на пограничные с Русью территории. Им нужно было каким-то образом общаться с княжескими псарями, значит, они осваивали славянский диалект, принимали христианство. Именно благодаря половцам у будущих украинских красавиц появились воспетые в песнях карие очи и черные брови, но сохранилось белое личико.

Среди населения Древней Руси светловолосых людей — типичных европеоидов — было намного больше, чем среди современных украинцев. Сейчас об этом в шутку говорят: «Татарин погулял». Но процесс смешения с монголоидными степняками начался задолго до монголо-татарского нашествия. Можно с уверенностью говорить, что значительная часть современных украинцев — это результат славяно-тюркского смешения.

Даже кобза — якобы типично украинский музыкальный инструмент — имеет половецкое происхождение. По-тюркски он назывался *кориз*. Прототипы данного музыкального инструмента в большом количестве представлены в захоронениях кочевников домонгольской эпохи, расположенных на юге Украины.

Начиная со времен киевских князей на западе католическая Европа вела наступление на Русь. Оно переросло в возникновение особого греко-католического региона современной Украины — Галиции — православного по обряду и католического по догматам и сути. Крупнейший город этой исторической области — Львов — «колыбель национализма» и «украинский Пьемонт». В XVI веке он был последним оплотом православия и русского духа в Западной Руси. Когда в 1596 году после Брестской унии православная церковь Украины и Белоруссии признавала своим главой Папу Римского, единственным, кто остался верен православию, были Львовская и Перемышльская епархии.

Греко-католиками русские львовяне стали только в конце XVII столетия, уже после восстания Хмельницкого, когда епископ Иосиф Шумлянский, бывший польский кавалерист, достигший определенных высот церковной карьеры, по желанию польских властей тайно от своей паствы перешел в униатство.

До Первой мировой войны большинство галичан даже не подозревали, что являются украинцами. Как и во времена Древней Руси, местное население называлось русинами и считало себя частью русского народа, оторванно-

го от единого целого. Сыном русина именовал себя даже Иван Франко, которого в настоящее время считают классиком украинской литературы. В 1904 году по заказу редакции Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона Франко написал для этого многотомного издания статью «Южнорусская литература» — о том, что сегодня мы называем украинской литературой. Франко, хотя и жил во Львове, знал русский язык, как и остальные образованные львовяне. Писать по-русски ему нравилось. В одном из писем петербургскому профессору С. А. Венгеру, работавшему в редакции Брокгауза и Ефрона, Франко спрашивал, нельзя ли ему еще что-нибудь написать на русском языке для петербургских изданий.

Чтобы окончательно лишить население Галиции исторической памяти, правительство Австро-Венгрии, получившее эту провинцию в конце XVIII века после очередного раздела Речи Посполитой, решило проводить особую политику. Австрийцы объяснили русинам, что они должны либо объявить себя особой национальностью, либо готовиться к неприятностям. Что это за неприятности, стало ясно, когда началась Первая мировая война. Галичан, считавших себя русскими, правительство Франца Иосифа отправляло в концлагерь Талергоф на перевоспитание. Тем не менее многие галичане остались москвофилами, а в промежутке между Первой и Второй мировыми войнами во Львове вышло несколько выпусков «Талергофского альманаха», в котором были собраны воспоминания узников этого концлагеря, созданного задолго до Майданека и Заксенхаузена.

Австрийцы пытались перевоспитывать и уроженцев той части Украины, что входила в Российскую империю, людей, которые служили в царской армии и попали в плен. Но процесс «украинизации» малороссов протекал тяжело. Даже начальник австрийской контрразведки Макс Ронге был вынужден признать в мемуарах: «Были, правда, и такие русские украинцы, которые мечтали об освобождении и присоединении к центральному государству, но это были единицы, не имевшие никакого влияния на общую массу. Среди пленных украинской национальности их пропаганда не могла добиться успеха. Эти пленные интересовались социалистическими идеалами, но ни в коей мере не национальными».

Привить национальные идеалы украинцам удалось только советской власти, присоединившей к Украинской Советской Социалистической Республике индустриальный Донбасс, Новороссию и Крым и проводившей в 1920-х годах жесткую политику украинизации. Мнение тех, кто хотел бы оставаться частью триединого русского народа, при этом не учитывалось. Более того: высказывание подобного мнения было чревато репрессиями. Ведь концепция триединства русских являлась основой идеологии Белой армии, проигравшей в Гражданской войне.

В слове «Украина» заключен изменчивый характер страны — дух пограничного состояния, двуязычия, двоеверия и многовекторности, которые при президенте Леониде Кучме считались основой дипломатии официального Киева. Тем не менее именно эту двойственность и «окраинность» официозный Киев всегда пытался отрицать.

Например, бывший президент Украины Л. Кучма потратил много сил, доказывая, что Украина не Россия, даже написал книгу. При этом он сам плохо владеет украинским языком. Особенно не нравилось Леониду Даниловичу, что этимология слова «Украина» связана с «окраиной».

Между тем западноевропейские путешественники утверждали, что Украина — это именно пограничье. «Страна эта называется Украиной, то есть пограничьем», — писал венецианский посол Альберто Вимина Богдану Хмельницкому. «Страна, где обитают казаки, называется Украиной, что означает «окраина», — вторил

его современник француз Пьер Шевалье, написавший «Историю войны казаков против Польши». Вольтер в «Истории Карла XII» нарисовал несколько гротескную, но, по сути, верную картину этой территории и ее политической системы: «Это земля запорожцев — самого странного народа на свете. Это шайка русских, поляков и татар, исповедующих нечто вроде христианства и занимающихся разбойничеством...»

Украина осталась бы такой (трудноуловимым в истории понятием, как сербская Краина), если бы не победоносные войны Екатерины II, **покончившей с Крымским ханством** и Королевством Польша. (Кстати, Крымское ханство не ограничивалось территорией полуострова. В него входили и обширные степи, расположенные ныне в Одесской, Херсонской, Николаевской, Донецкой и Харьковской областях.) Нравится это кому-то или нет, но «матерью» современной Украины была прокламируемая сегодня в Киеве Российская империя.

Когда сегодня, проезжая по Крыму, я вижу минареты в татарских селах, то воспринимаю это как «дыхание» мусульманского юга. Когда во Львове захожу в греко-католический Собор святого Юра, то воспринимаю его как зримый знак нависшей над Украиной «длани» Запада. В Киеве, проходя через ворота Киево-Печерской лавры, возвращаюсь на святую Русь.

Эти три вектора по-прежнему определяют настоящее и будущее Украины и ее культуры — страны, где сошлись в конфликте три цивилизации. Только на вершинах цивилизаций возможно их мирное взаимопроникновение.

Российскому философу и дипломату Константину Леонтьеву турки казались милыми людьми именно по-

тому, что его контакт с Турцией происходил на верхних уровнях: он имел дело с окультуренными, образованными турками — такими же, как он, дипломатами, а не башибузуками.

В украинском народном творчестве символом такого «культурного» контакта стала дума о казаке Байде, повешенном в Стамбуле на крюк за отказ изменить православной вере. Контакт обернулся не интеллектуальной беседой, а кровавой трагедией.

Русский император Александр I и его брат великий князь Константин могли быть полонофилами, так как другом юности первого из них был князь Адам Чарторыйский, а второй женился на полячке. Однако последствием полонофильской политики августейших братьев, даровавших Речи Посполитой Конституцию в то время, когда остальная Российская империя ее не имела, стало Варшавское восстание 1794 года. Подавлять его пришлось украинскому фельдмаршалу Паскевичу, воспринимавшему поляков как противников по Наполеоновским войнам, с которыми он воевал почти десять лет.

Особенность (не хочу использовать часто употребляемое слово «трагедия») Украины заключается в том, что контакт цивилизаций происходит здесь на нижнем уровне и участвуют в нем в основном солдаты, гайдамаки, казаки и прочий лихой народ, который водится на любой пограничной территории. Поэтому в произведениях, вдохновленных этим, по выражению Гоголя, «заколдованным местом», так много вурдалаков, виев и встающих из гробов мертвецов. Территория битв трех цивилизаций может порождать только таких персонажей — гротескных и боевых, характеризующих образ врага.

Ф. М. Бурлацкий¹

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

1. Наше поколение шестидесятников вступило в жизнь в эпоху господства сталинизма, идеологии противостояния политических культур СССР и западных стран. Н. С. Хрущев на XX съезде КПСС нанес удар по культуре личности Сталина, вероятно? не понимая глубины ядерного взрыва в сфере политической культуры, который за этим последует.

2. Мне повезло: я приобщился к политической культуре стран Запада достаточно рано. Решающую роль в этом сыграли два обстоятельства. Первое: еще в годы обучения в аспирантуре, при жизни Сталина, я познакомился со стенограммами съездов партии 1920–1930-х годов. Особенно мне запомнилась речь Л. Б. Каменева на партийной конференции 1927 года, где он говорил о том, что складывается культ личности и это может иметь трагические последствия для страны. Второе: в 1956 году я в составе пятисот журналистов на теплоходе «Победа» совершил поездку вокруг Европы и посетил 11 стран. Я был потрясен великими ценностями европейской цивилизации, которые увидел в Риме, Париже, Афинах, Гааге, Стокгольме. Это окончательно перевернуло мое мировоззрение: я понял,

что Россия должна вернуться на путь западной цивилизации, вновь обрести в ней достойное место, вносить свой вклад в ее дальнейшее развитие.

3. С той поры я с пугающей меня сейчас настойчивостью крота, прорывающего выход из подземелья, боролся за признание важнейших элементов демократической культуры: в 1958 году выдвинул идею замены диктатуры пролетариата на общенародное государство (в учебнике «Основы марксизма-ленинизма» под редакцией О. В. Куусинена); затем включил этот тезис в проект программы КПСС; предложил в записке на имя Н. С. Хрущева (накануне его отставки) учредить институт президента и двухпалатного парламента. Хрущев одобрил идею, и по его указанию мы начали работу над проектом новой Конституции, что было прекращено после его смещения со всех постов.

4. Во времена М. С. Горбачева (за один год до выборов Съезда народных депутатов) я выступил в «Литературной газете» с предложением учредить президентско-парламентскую республику со всенародно избираемым президентом, вице-президентом, двухпалатным парламентом, Конституционным Судом и судом присяжных, о котором я писал в журнале «Коммунист» еще в 1957 году. Однако М. С. Горбачев принял проект А. И. Лукьянова о возрождении двухъярусного «полупарламента» (аналогичного парламенту 1924 г.). После отстранения от власти М. С. Горбачева на Конституционном совещании РФ, созванном Б. Н. Ельциным, удалось отстоять модель президентской республики и создание суда присяжных.

5. В 1998 году в статье «Нужна ли новая Конституция?», которую удалось опубликовать только в «Вечерней

¹ Председатель Научного совета РАН по проблемам политологии при Президиуме РАН, президент фонда «Международное культурное сотрудничество» и фонда «Евразийское государственное сотрудничество», доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор.

Автор книг: «Загадка Макиавелли», «Никита Хрущев», «Мао Цзэдун, Цзян Цин и Советник Дэн», а также публицистических работ «Планирование всеобщего мира: утопия или реальность», «Нас называли “соловьями перестройки”», «Новое мышление», «Плоток свободы» и др.

Работал обозревателем газеты «Правда», главным редактором «Литературной газеты». Избирался в Верховный Совет СССР. Преподавал в МГУ, МГИМО, Гарвардском, Хайдельбергском, Оксфордском и других университетах.

Москве», выступил с предложениями ограничить полномочия президента, его злоупотребления указным правом и произвольной раздачей государственной собственности почти безвозмездно своим сторонникам.

6. Несмотря на то что я находился в оппозиции, решил принять участие в работе Конституционного совещания, на котором отстаивал вышеизложенные идеи. Выступил против сильного «перекоса» высшей власти в пользу президента в ущерб парламенту и фактического отказа от третьей, судебной власти, которая сохранилась почти без изменений со сталинско-хрущевских времен. Суд присяжных начал функционировать только при президенте В. В. Путине, но пока с оглядкой на прошлое.

(В скобках должен заметить, что мои вторжения в сферу полномочий высшей власти не проходили для меня незамеченными: меня трижды снимали с занимаемых постов решениями вначале политбюро, а затем Б. Ельцина и его окружения. Правда, перед самой кончиной Б. Н. Ельцин признал свою историческую ошибку, сказав, что рассчитывал осуществить переход страны к рыночной экономике за 2–3 года, а на это необходимо 20 или даже 30–40 лет. Об этом неоднократно говорили ему я и другие специалисты, из-за этого мы ушли в оппозицию.)

Я вспоминаю об этом не для того, чтобы рассказать о своей смелости (или наивности), а для того, чтобы отметить, что до сих пор анализ и критика деятельности и устройства и функционирования существующих институтов высшей власти остаются закрытой (или полузакрытой) сферой.

7. По понятным причинам труднее всего анализировать политическую культуру и практику в новое время, наступившее после ухода в отставку Б. Н. Ельцина. Несомненно, имеются позитивные достижения: закончилась «вакханалия» с раздачей государственной собственности; наблюдается определенная стабилизация политической системы, в значительной степени экономики; внешне соблюдаются процедуры выборности высшей и местной власти; стабилизировался бюджет и др.

Однако наступивший мировой кризис показал всю неустойчивость рыночной системы, а также низкую эффективность и коррупцию государственного аппарата.

Назову некоторые требующие решения проблемы:

1) разработка программы стабилизации экономики с учетом прогнозируемых (с той или иной точностью) изменений в ходе мирового экономического кризиса;

2) изменение банковской системы и ее обязательств перед государством и обществом — не путем передачи из одних групп в другие, а в соответствии с интересами вкладчиков, банкиров и государства;

3) решительная борьба с использованием всех государственных возможностей против воровства, коррупции, попытки спекулятивно нажиться на имеющихся трудностях;

4) использование крупного олигархического капитала в качестве эффективной помощи государства и общества по преодолению кризиса;

5) снижение налогов на низкую зарплату и мелкую собственность и значительное повышение прогрессивного налога на крупный капитал, как это принято во всех западных странах;

6) ужесточение до крайних пределов борьбы с взяточничеством и коррупцией в государственном аппарате; кризис — это генеральная проверка добросовестности и честности бизнесменов и работников государственного управления;

7) существенное расширение объема общественных работ на тщательно отобранных полезных объектах, как это было во время Великой депрессии в США в 1930-х годах;

8) ликвидация на телевидении активности дураков, проходимцев, балаганщиков и порнографов; разумное объяснение властями и экспертами, рядовыми тружениками кризисных проблем; информирование о положении с личными вкладами граждан в банках; общественный контроль.

В тяжелые времена власть должна быть абсолютно честна с народом, предостерегать людей от неверных шагов и полностью гарантировать им свою поддержку и заботу.

А. Е. Бусыгин¹

«КУЛЬТУРНЫЕ РАЗРЫВЫ» В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ИХ ИСТОКИ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Национальные особенности общественной жизни, как и национальные черты характера, складываются и сохраняются длительное время и меняются очень медленно. Русский человек начала XIX века во многих проявлениях мало чем отличается от нас, живущих двести лет спустя. Совершенно справедливо в дни празднования двухсотлетия со дня рождения Н. В. Гоголя говорилось о том, что персонажи и сюжеты его произведений удивительно современны, хотя мы живем в совершенно ином мире. Речь идет не о том, что классические произведения Гоголя вечны, потому что он блестяще писал о страстях человеческих, которые неизменны. Нет, он писал о национальных проявлениях этих страстей, и не только страстей, но и страстишек и пороков, и о многом другом русском и украинском — национальном.

¹ Заместитель министра культуры РФ, доктор экономических наук, профессор.

Специалист в области экономической теории, макроэкономики, государственного управления. Занимал ответственные посты в Правительстве Московской области, аппарате Совета Федерации Федерального собрания РФ, Совете обороны РФ, Администрации Президента РФ. Действительный государственный советник РФ 1-го класса.

Автор книги «Регионы России: социально-экономические показатели. 2004» и многих публикаций на тему сохранения культурного наследия России.

В советский период были преданы забвению гоголевские «Выбранные места из переписки с друзьями», не вспоминали о полемике между Н. В. Гоголем и В. Г. Белинским, развернувшейся после публикации этого произведения. Разногласия между этими людьми отражали глубинные мировоззренческие противоречия, объективно существующие и в современном российском обществе. Белинский предлагал усовершенствовать общество, Гоголь — каждую «единицу» этого общества.

Гоголь писал о людях, которые «совершенно сбились», «думают о том, что преобразованиями и реформами... можно поправить мир», «но благосостояние общества не приведут в лучшее состояние ни беспорядки, ни пыльные головы. Брожение внутри не исправит никаким конституциям. Общество образуется само собою, общество складывается из единиц. Надобно, чтобы каждая единица исполнила должность свою» (из письма Гоголю Белинскому).

Полемика развернулась в обществе, которое можно охарактеризовать как разнополюсное. На одном полюсе — тонкий слой — носители высочайшей культуры. На другом — многомиллионная серая неграмотная масса крепостных и бедных горожан, грамотных, но забытых мелких чиновников, живущих по домостроевским

обычаям купцов и помещиков, которых так ярко описал в «Мертвых душах» Гоголь. Грамотных людей в середине XIX века было не более 5 % населения.

Жаркие споры о путях развития России были обусловлены именно существованием этих полюсов, «культурных разрывов», которые надо было преодолеть. В западном мире пропасть между этими полюсами в XIX веке была уже не столь явной, в России же — ужасающей.

Российская действительность, характеризовавшаяся этой пропастью, порождала споры между славянофилами и западниками. И те и другие желали изменений, только предлагали разные пути решения проблем. Накал умственной, идеологической борьбы был чрезвычайно высоким. Следовать идеалам нравственной жизни призывала Русская православная церковь; к нравственному самосовершенствованию — отлученный от церкви Л. Н. Толстой. «К топору» звал Русь Герцен, к православию — Гоголь. Между тем борьба умов породила взрывы террористов, а за ними последовали 1905 год, «столыпинские галстуки», февраль и октябрь 1917-го.

В начале XX века был популярен писатель Пантелеймон Романов. В 1916 году он написал рассказ «Русская душа», в котором рассказывалось о том, что профессор московского университета поехал в деревню навестить своих братьев, которые там прожили всю жизнь. Сонная, ленивая жизнь братьев и всей деревни поразила его. Когда один из деревенских братьев повел профессора любоваться с кургана на закат солнца, тот начал говорить о том, что у деревенских братьев нет «ни малейшего стремления к улучшению жизни, к отысканию других форм ее». «И когда посмотришь на мужиков, которые сплошь неграмотны, дики, каждый год горят и живут в грязи, — продолжал профессор, — когда посмотришь на все это, то чувствуешь, что каждый уголок нашей бесконечной земли кричит об одном: о коренной ломке, о свете, о дисциплине, о культуре». Деревенский брат кивал на каждое слово, но при последнем поморщился. И последовал такой диалог:

«— Что она тебе далась, право...

— Кто она?

— Да вот культура эта.

— А что же нам нужно?

— Душа — вот что».

Действительно, перед нами русский национальный идиотизм сельской жизни. Нет культуры, есть только начальный уровень грамотности. В результате — отрицание знания, косность, бездумная самоуверенность, отрицание всего, что выходит за узкий круг повседневных забот и интересов. И когда миллионы таких самоуверенных, но ограниченных людей начинают чувствовать себя хозяевами жизни, происходят трагедии. О душе они тоже забывают.

Отечественные революционные демократы, а вслед за ними и большевики-ленинцы в отсутствие культуры винили прежде всего социально-экономические условия жизни людей. Но не только. В. Г. Белинский писал: «Погодите, и у нас будут чугунные дороги и, пожалуй, воздушные почты, и у нас фабрики и мануфактуры дойдут до совершенства, народное богатство усилится, но будет ли у нас религиозное чувство, будет ли нравственность — вот вопрос. Будем плотниками, будем слесарями, будем фабрикантами, но будем ли людьми — вот вопрос!»

Здесь уместно вспомнить слова К. Маркса, которого в последнее время практически не цитируют: «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Советский период характеризуется стремлением ликвидировать «культурные разрывы» российского общества, покончить с бескультурьем миллионов. Но условия, в ко-

торых начинались преобразования, были неблагоприятны для решения столь глобальной задачи за короткий промежуток времени. И большинство тех, кто руководил преобразованиями, не были теми коммунистами, о которых писал К. Маркс в приведенной выше цитате.

Следует признать, что за исторически короткий советский период в деле ликвидации бескультурья было сделано многое. Но многое осталось неизменным. В каких-то явлениях произошел откат назад. Поэтому картина советского прошлого столь противоречива: об окончательной гибели России писал И. А. Бунин в «Окаянных днях» и он же спустя 27 лет стал свидетелем победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. В одно и то же время — в 1930-е годы — сосуществовали «большой террор» и экспедиция ледокола «Красин» по спасению экипажа У. Нобеля, ГУЛАГ и передовая наука. 1937-й был пиком политических репрессий и одновременно годом создания прославленного Ансамбля народного танца СССР Игоря Моисеева.

Постсоветский период развития России также противоречив. Каждый может привести множество примеров. Причем эти противоречия, будучи порожденными текущими обстоятельствами, в то же самое время имеют «родовые черты» издавна существующих в российском обществе противоположностей, которые восходят к разности потенциалов между полюсом высокой культуры одних и полюсом бескультурья других. И вновь ведутся споры об исторических путях развития России, на новом историческом этапе современные западники и славянофилы выдвигают свои аргументы.

В первые постсоветские годы общий настрой общества способствовал слепому копированию западного опыта. Однако вскоре стало очевидно, что копирование чужого не решает проблем.

Недавно введенное в оборот понятие «суверенная демократия» призвано, как представляется, объединить самобытность России, особенности пройденного ею исторического пути с демократическими ценностями, накопленными в западном мире. Но одно дело совместить российскую самобытность и западные ценности в понятии, и другое — на практике, что значительно труднее. Это слияние происходит весьма противоречиво.

В период увлечения западными демократическими моделями появилось большое количество работ на тему о «реальном федерализме». Такой федерализм стал внедряться на практике как в политической, так и в экономической сферах. Современные западники, последователи западников позапрошлого века, праздновали победу над славянофилами. Однако новая, заимствованная даже не в Европе, а в Америке политическая культура при попытке «пересадить» ее на российскую почву приживалась плохо. Иного и нельзя было ожидать. Если США возникли путем объединения ранее независимых государств, то в России значительную степень суверенности начали получать части ранее единого государства, в котором веками складывалась абсолютно иная политическая культура. Это противоречие проявилось сразу, и маятник качнулся в другую сторону.

В настоящее время правящая политическая партия носит название «Единая Россия». Центр политической власти был укреплен путем создания института полномочных представителей президента в федеральных округах. Выборы губернаторов, глав и президентов были заменены, по сути, их назначением. Постепенно традиционная политическая культура начала брать верх. В результате взаимодействия традиционной российской и новой западной культур на отечественной почве возникнет новая политическая культура. Но пока этого не произошло.

Еще сложнее обстоит дело с экономическим и бюджетным федерализмом. Если в политической сфере предпочтение отдали традициям, то в экономической области — внедрению в практику западных моделей жесткого разделения полномочий между федеральным центром и субъектами Федерации. Это не только противоречит российским традициям, но и создает огромные трудности в развитии обширных территорий. Субвенции и субсидии, выделяемые регионам федеральным центром, могут поправить положение, но не способны решить вопрос выравнивания уровня их социально-экономического развития.

Для повышения роли центра в решении социальных вопросов в субъектах Федерации начали реализовываться так называемые национальные проекты. В рамках этих проектов здравоохранение и образование стали получать средства из центра, минуя действующее законодательство (а иногда и вопреки ему), разделявшее полномочия и предмети ведения и запрещавшее центру финансировать учреждения регионального значения.

Но за рамками этих проектов осталась культура, важнейшая сфера жизни общества, являющаяся «цивилизационнообразующей». Это фундаментальная сфера, которая формирует неповторимое «лицо» общества. То пространство, в котором возникают творческие импульсы к развитию всех сторон жизни общества. Нельзя сказать, что это катастрофа — потенциал российской культуры достаточно высок, чтобы она выжила. Но и нормальным явлением подобную ситуацию назвать также нельзя. Прежде всего потому, что при таких условиях высокие достижения мировой и отечественной культуры будут недоступны для миллионов людей. Более того: существует опасность того, что разрыв между полюсами культуры и бескультурья в нашем обществе будет увеличиваться.

Обратимся к фактам. К сожалению, Россия остается одной из стран Европы, наиболее не обеспеченных услугами культуры. Например, только пятая часть российских городов имеет свои театры; половина городского населения страны, не говоря уже о сельском, лишена возможности постоянно посещать театры. Для сравнения: если в России на 1 млн жителей приходится всего 3,2 театра, то в Австрии — 24, в Швеции — 13,6, во Франции — 9,6, в Великобритании — 8,9, в Италии — 5,9, в Японии — 8,7. Если в России на 1 млн жителей 10 музеев, то в Германии — 32, в Чехии — 33, в Швеции — 34, в Нидерландах — 35. Даже в Москве на 1 млн жителей всего лишь 8 музеев, а в Риме — 36, в Париже — 39, в Лондоне — 41.

При этом следует учитывать географические особенности России. Если в маленьком населенном пункте любой европейской страны нет своего театра, то его житель может посмотреть спектакль в соседнем городе. Россиянин же, живущий в городе, где нет театра, практически лишен возможности приобщения к театральному искусству.

В России число общедоступных библиотек, по сравнению с концом 1980-х годов, к сожалению, заметно сократилось. Обновляемость фондов библиотек в трети российских регионов почти в пять раз ниже мирового стандарта. И вряд ли подобное положение дел в этих регионах может быть исправлено (возможно, в связи распространением Интернета).

Особенно остро эта проблема сказывается на подрастающем поколении. На сегодняшний день даже в крупных городах около 50 % детей ни разу в течение года не посещают музыкальные концерты, художественные музеи, выставки, в театрах бывает только каждый пятый. В небольших городах две трети учащихся не видят ни спектаклей, ни выставок, ни концертов. Что касается отечественного телевидения, то о его отрицательном воздействии на молодежь сегодня не говорит только ленивый.

Чтобы исправить положение, не обязательно объявлять культуру еще одним национальным проектом. Государство может в определенный период времени реализовывать ограниченное число таких проектов. Когда речь идет о выборе — строить в городе театр или больницу, власти скорее всего примут решение построить учреждение здравоохранения. И будут правы в каждом конкретном случае, когда речь идет о расходовании ограниченных ресурсов. Но в национальном масштабе должно существовать равновесие в расходовании средств на школы, больницы, дороги и учреждения культуры. В этой сфере следует осмыслительно возводить «стены» между полномочиями федерации, ее субъектов и муниципалитетов, связанными с развитием учреждений культуры. Следуя только западным образцам устройства власти и общественных отношений, российское общество не решит своих насущных задач.

Избавиться от застарелых проблем российской цивилизации, не решая которые мы сохраняем «культурные разрывы» в современном российском обществе, можно будет только в том случае, когда живущие в городах и селах люди получат возможность приобщения к лучшим образцам отечественной и мировой культуры. Может быть, тогда мы изменимся в лучшую сторону, по сравнению с гоголевскими персонажами.

Полад Бюль-Бюль оглы¹

АЗЕРБАЙДЖАН НА ПЕРЕПУТЬЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Уважаемые дамы и господа, дорогие друзья! Имя и наследие нашего великого современника Дмитрия Сергеевича Лихачева, который был носителем высоких, духовно просветленных идей, вновь собрали нас вместе.

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Азербайджанской Республики в РФ, доктор искусствоведения, профессор, народный артист Азербайджанской Республики.

Автор крупных симфонических и эстрадных произведений, камерно-инструментальной музыки, мюзиклов, вокально-симфонических композиций, музыки к кинофильмам и драматическим спектаклям.

Руководитель авторской группы Национального доклада по культурной политике Азербайджана, подготовленного в рамках Проекта STAGE Совета Европы. Член Гуманитарного Совета государств — участников СНГ, Постоянный представитель Азербайджана и член правления Международного фонда гуманитарного сотрудничества стран СНГ. Действительный член Международной гуманитарной академии «Европа-Азия» и Национальной творческой академии Азербайджана.

Готовясь к этой встрече, я попытался осмыслить, что значимого, сущностного произошло за минувший с последней встречи год и как то, что прожито нами за этот отрезок времени, соотносится с критериями этого всемирно чтимого гуманитария?

Очевидно, что по насыщенности событиями прожитый год был богат и неоднороден. По-прежнему угрозой для человечества продолжали оставаться природные катаклизмы, приносящие боль, страдание, голод и разруху. Не утихло милитаристическое бряцание оружием, не остановлены длящиеся десятилетиями войны. Более того: за этот год на авансцену событий выдвинулись новые противостояния, в том числе в рамках постсоветского пространства. Это привело, в частности, к новому резкому обострению отношений в сложном Кавказском регионе.

Да и сами войны, поменяв профиль, трансформировались в экономические, информационные, кибернетические, виртуальные и т. п.

Тем не менее нельзя не видеть того, что на фоне усилившихся тенденций конфронтации и даже вопреки им наблюдалось более сильное, чем ранее, желание жить сообща, основанное на понимании исторической предопределенности, и как следствие — суммировать мировой потенциал на общее созидание. Можно полагать, что в настоящее время, после вхождения в риторику мировой политики новой обнадеживающей терминологии, изменится и характер ее практики. Дав старт новой «перезагрузке» в международных отношениях, мировая политическая практика как бы сменила матрицу своих стратегий, обрела более доверительный тон. Препятствие, силовой код управления миром уступил место коду разума, исторической целесообразности. А это уже немало.

И все же среди множества переживаемых ныне проблем главной по своей необратимой жесткости стал глобальный экономический кризис. Его воздействие на мировые процессы можно сравнить с разрушительным землетрясением или цунами. Отголоски кризиса, повергшего в шок экономику даже наиболее развитых стран, были отрезвляющими. Они наглядно показали, что сегодня ни в одной отдельно взятой стране, существующей в отрыве от всех остальных, не может быть расцвета и благоденствия. Кризис убедил мировых лидеров в том, что будущее человечества — в его совместном развитии. Эту идею подтвердил недавно проведенный в Лондоне саммит «Большой двадцатки».

Думаю, что в своих дальнейших прогнозах о характере межкультурного диалога мы должны исходить из этих неоднозначных реалий.

Но можем ли мы, исходя из пережитого за прошедший год опыта, утверждать, что современные глобальные перемены идут на пользу мировой культуре? Станут ли они импульсом для ускорения процесса сближения культур, нахождения новых нестандартных способов ведения диалога?

Дать однозначный ответ на этот вопрос непросто. С позиций актуальной в настоящее время культурной самоидентификации народов результаты наших общих стараний выглядят порой как двуликий Янус. Наверное, поэтому мир, раздираемый множеством противоречий, условно разделен на глобалистов и антиглобалистов.

С одной стороны, по мере процессов глобализации происходит некое унифицирование, системная стандартизация культурного компонента. Сегодня суммарный культурный потенциал стран включает, помимо интеллектуального и духовного капитала народов, такие общезначимые гуманитарные параметры, как уровень жизни, права и свободы граждан, их образовательный ценз, информированность, открытость социума, спектр культурных потребностей разных слоев населения. Многие народы вслед за интеллектуальной элитой своих стран высказывают опасение, что ускоренные темпы глобализации поглотят последние слабо стимулируемые отголоски самобытности и уникальности духовной культуры и ее главного носителя — родного языка. Они вполне резонно не хотят быть объектом подобного нивелирования и воспринимают глобализацию как асфальтный коток, который подминает под себя плодородный слой живой земли.

Но, с другой стороны, глобализация активно сопровождается многочисленными миграционными потоками, вливанием в экономику супердержав новых трудовых ресурсов из других стран мира. В силу этого по своему главному посылу глобализация призвана ослабить масштабы наблюдаемой ксенофобии, воспитывать в людях национальную и профессиональную толерантность, создавать

(или хотя бы пытаться создать) предпосылки равных возможностей для всех и каждого. Но этот позитивный аспект остается пока в тени устрашающих картин всеобщей и унылой «уровнировки», конкуренции в сфере занятости и разделения социальных благ.

Ученые пытаются найти универсальное обоснование понятию «диалог культур» и полярному ему выражению «столкновение цивилизаций». Пока консенсус по этому вопросу не найден, вполне естественно, что у каждого из нас имеется собственное суждение, характеризующееся множеством нюансов. Например, я затрудняюсь воспринимать глобальный диалог цивилизаций в качестве некой философской субстанции. Для меня это живое, вполне осязаемое и ощущаемое явление. Вложенный в данный термин смысл подразумевает каждодневное осознанное движение навстречу друг другу отдельных людей, целых народов и сообществ, их взаимопроникающее общение.

Этимология слова «диалог» предусматривает факт общения как минимум двоих людей. И везде, где присутствуют более двух персон, исподволь происходит встречный и обоюдно интересный обмен культурной информацией.

Не только на престижных форумах, в официозе всех уровней, но и на каждой частной встрече, при каждом дружеском рукопожатии или творческом обмене мнениями создается та атмосфера, в которой есть место диалогу культур и надежда быть услышанным, понятым, принятым.

Принято считать, что глобализация в сегменте культуры не должна означать триумф одной национальной культуры над другой. Напротив, она призвана создавать условия для обретения каждой локальной культурой собственной ниши в поликультуре мира, должна вести к множественности выбора предлагаемых путей развития. У глобализации единая шкала гуманитарных ценностей и идеалов, равные оценочные критерии. И она изначально исключает всякую культурную гегемонию или экспансию.

Я остаюсь убежденным сторонником идеи самоценности каждой из субкультур, не деля их на большие и малые, близкие и далекие, родственные или чужие, но при условии обязательного сохранения общности культурной ауры Евразийского пространства, в контексте целостной канвы культуры мира. Сейчас, как никогда ранее, стало очевидным, что этнокультуры, даже самые развитые из них, получившие статус цивилизационного пласта, не могут существовать изолированно от внешнего мира.

На мой взгляд, рационально рассматривать проблемы диалога культур в контексте комплекса геополитических, экономических, социальных реалий, с учетом широкого спектра национальных приоритетов, межнациональных, межконфессиональных отношений и иных интересов.

В связи с этим уместно привести мнение Тайлера Коуэна, автора книги «Творческое уничтожение: как глобализация изменяет мировые культуры». Он полагает, что будущее культур связано с их обязательно совместным развитием. А те культуры, которые пытаются законсервироваться, развиваться в отрыве от мировых тенденций, будут неизбежно устаревать и могут вообще исчезнуть. При этом он обращает особое внимание на то, что в современном мире наблюдается беспрецедентное смещение культур, яркие проявления которого основаны на «сплаве» прошлого и настоящего, традиций и инноваций, академического и этнофольклорного.

Вероятно, что в подобном восприятии культурного многообразия есть свое рациональное зерно. А как обстоят дела с обменом культур в действительности? Всегда ли в современном мире глобализация несет для культуры только абсолютный позитив? И где та разделительная

черта, за которой наступает подмена экспорта культуры «высокой пробы» сиюминутно модным эрзацем, за которым закрепилось название масскультура.

Согласно статистике в 2002 году мировой культурный экспорт составил порядка 60 млрд долл. США. Данные более позднего периода пока официально не обнародованы, но уже известно, что в последующие пять лет этот показатель вырос почти вдвое. Вдуваемся в эти внушительные цифры. Они превращают продукт духовной культуры в объект хорошо организованной мировой индустрии, делают его единицей глобальной торговли и массового сбыта. За ними стоят миллионы находящихся в мировом обороте книг, иной печатной и аудио- и видеопродукции, произведений всех родов изобразительного искусства, театрально-зрелищной, радио-, теле-, кино- и фотоиндустрии, антиквариата и т. д. (Здесь не учитывается то, что стало широко доступным в мировой виртуальной паутине, на всевозможных цифровых носителях.)

Столь масштабный, практически неподконтрольный объем культурного обмена можно сравнить с неподвластным человеку круговоротом воды в природе. В подобной ситуации отделить зерна от плевел, искусство от суррогата, сущностное от наносного, рациональное от иррационального — задача крайне сложная, почти невыполнимая, но тем она значимее, весомее.

Видимо, потому так значимы и востребованы народами усилия ЮНЕСКО по сохранению целостности мирового культурного наследия во всех его значительных проявлениях. Гуманитарная политика ЮНЕСКО по защите подлинных шедевров культуры, которую можно считать «паспортизацией мировой духовности», заслуживает серьезного отношения.

Подкреплю последнее положение конкретными примерами из культурной практики своей страны. Азербайджан являет собой культурный «перекресток», где на протяжении истории соприкасались этносы и религии, уживалась высокая сакральность духовных идей. Именно это предопределило характер среды, в которой сложились нация, ее язык и культурная составляющая.

Наша страна традиционно была экспортером не только энергоресурсов, столь важных для жизни человека, но и многих духовных новаций. В культурной практике Азербайджана справедливо многократно повторяется слово «первый». Первое на всем мусульманском Востоке прозаическое произведение, первый профессиональный театр западного образца, а также станковая живопись, академические западные музыкальные жанры: опера, ба-

лет, симфоническая музыка — были созданы именно в нашей стране.

Такая изначальная открытость миру, достаточно высокая степень адаптации к прогрессивным тенденциям и новациям позволили Азербайджану уверенно войти в мировые цивилизационные процессы, стать сегодня точкой опоры на геополитическом и культурном векторе «Восток–Запад».

Концептуальным стержнем новой культурной политики страны остается приверженность традициям культурного многообразия. Ощущая себя частицей Европы, обширного евразийского пространства, тюркского ареала и Кавказского региона, мы отводим особое место многоплановости международных связей.

Не случайно столица Азербайджана — город Баку — первой среди столиц стран СНГ была выбрана местом проведения Международной конференции министров культуры европейских стран под эгидой Евросоюза и Европарламента. В Баку также был проведен Международный форум «Расширение роли женщин в межкультурном диалоге». Эту актуальную тематику, но уже под углом зрения современной молодежи обсуждали в Баку участники Международного молодежного форума.

Кроме того, Организация «Исламская конференция», которая в настоящее время объединяет 57 мусульманских стран мира с населением около 1,2 млрд человек, избрала в 2009 году город Баку столицей исламской культуры. Это для Азербайджана большая честь, факт признания особой роли нашей страны в развитии исламской цивилизации, являющейся одним из важных слагаемых мирового духовного наследия.

Все сказанное дает основания утверждать, что опыт Азербайджана, открытого одновременно и Западу, и Востоку, имеющего доступ к лучшим достижениям мирового духовного наследия, может служить моделью для решения проблем диалога культур и партнерства цивилизаций.

Такой межкультурный диалог позволяет народам лучше узнать и познать друг друга. Он создает возможность открыто и уверенно отстаивать свои взгляды, сотрудничать, сообща создавать архитектуру культуры будущего. Ведь именно культура хранит традиции, создает новые ориентиры и ценности, способствует тому, чтобы умолкло оружие и наступили мир и процветание.

Мы, живущие сегодня, всего лишь трансляторы духовного капитала человечества его прямым адресатам — поколениям будущего. В выполнении этой высокой миссии искренне желаю всем больших успехов.

Якоб Ван Бельзен¹

ПЕРЕД ЛИЦОМ НЕОБХОДИМОСТИ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ВКЛАД СО СТОРОНЫ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Для меня большая честь выступать на Международных Лихачевских научных чтениях, увековечивших память о великом ученом — Дмитрии Сергеевиче Лихачеве. Замечательно, что представилась возможность обсудить

¹ Профессор психологии факультета гуманитарных наук Амстердамского университета (Нидерланды), доктор социологии, истории, философии и религиоведения. Автор около 200 научных публикаций.

Генеральный секретарь Международного комитета европейских исследований в области психологии религии (1985–2003, International Committee for European Psychology of Religion), член Международной ассоциации исследований в области психологии религии (International Association for the Psychology of Religion), почетный член Итальянской ассоциации исследователей психологии религии, член Американской психологической ассоциации.

с коллегами и участниками из различных культурных регионов проблему особой важности как для современной цивилизации, так и для человечества в целом.

Санкт-Петербург, на мой взгляд, является самым европейским из всех российских городов. В Нидерландах относятся к этому городу с особым чувством. Основатель этого величественного города получил образование в нашей маленькой стране у Северного моря. Мы знаем, что Петра Великого на строительство Санкт-Петербурга вдохновили голландские города, прежде всего Амстердам. В 1697 году город Амстердам организовал большое празднество в честь прибытия русского царя в Голландию.

С тех пор между Амстердамом и Санкт-Петербургом установились тесные связи и добрососедские отношения.

В своем докладе я рассмотрю лишь один пример сотрудничества между Амстердамом и Санкт-Петербургом — в сфере культуры, партнерства в области культурного наследия.

Когда в начале 1990-х годов профессор Михаил Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге, изучал возможность создания музеев-спутников на Западе, в качестве такового он рассматривал и Амстердам. На тот момент уже были установлены отношения между Эрмитажем и так называемой Новой церковью в Амстердаме. Новая Церковь, или Ньивекерк, — это кальвинистская церковь XV века, расположенная на Площади Дам, рядом с Королевским дворцом, в сердце Амстердама. В настоящее время здание в основном используется для организации крупных экспозиций. Здесь также часто выставлялись коллекции Государственного Эрмитажа — одного из самых прославленных музеев России. Между Новой церковью и Эрмитажем было налажено тесное сотрудничество, поэтому было предложено, чтобы Амстердам стал филиалом петербургского музея. Это идеальное место, особенно с учетом исторических связей, складывавшихся между нашими городами на протяжении последних трехсот лет.

В 1988 году был проведен анализ технических возможностей создания филиала Эрмитажа в Амстердаме. Результаты исследования были положительные, поэтому в 1994 году был основан фонд «Эрмитаж на Амстеле» (Амстел — название реки, на берегах которой был построен Амстердам и от которой он получил свое имя). 20 июня 2009 года филиал Эрмитажа в Амстердаме был открыт и получил название «Эрмитаж на Амстеле». С конца февраля 2004 года функционировало также крупное здание, пригодное для размещения малых экспозиций и проведения небольших образовательных мероприятий — двух основных видов деятельности амстердамского филиала музея. Таким образом, с этого времени жители Амстердама, так же как и жители Санкт-Петербурга, имеют возможность любоваться богатейшими культурными сокровищами Эрмитажа — это достижение, за которое мы очень признательны Санкт-Петербургу и которым весьма гордимся!

Тесные контакты и отношения имеют взаимовыгодный характер, обеспечивая общую пользу. Голландский фонд помог Государственному Эрмитажу в Санкт-Петербурге сохранить некоторые из известных картин Рембрандта, возможно, самого выдающегося голландского художника. В Государственном Эрмитаже хранятся около двадцати его работ, и среди них классическая картина «Давид и Ионафан», написанная в 1642 году, приобретенная и доставленная в Санкт-Петербург лично Петром Великим. В XIX столетии коллекция работ Рембрандта в Эрмитаже значительно пополнилась, когда голландская королевская семья породнилась с Российским императорским домом, поэтому для работ Рембрандта был выделен специальный зал. В конце XX века Государственный Эрмитаж не располагал достаточными финансовыми средствами для проведения необходимой реставрации этого зала, и голландский фонд помог собрать деньги, затем прислал архитекторов и организовал замену крыши над этой секцией музея. В дальнейшем при участии Фонда друзей Эрмитажа из Амстердама была отреставрирована большая площадь, отведенная под работы голландских мастеров. Это лишь отдельные примеры тесного сотрудничества между нашими городами.

Тема моего научного исследования — культурная психология религии¹. Для многих словосочетание «культурная психология религии» представляет собой лишь соче-

тание трех слов, каждое из которых не очень употребительно, а их последовательность и вовсе может вызвать удивление. Прежде чем изложить главный тезис научного исследования по культурной психологии религии, с учетом и в рамках «Диалога культур и партнерства цивилизаций», необходимо коротко рассказать об этой области научного знания. Следует начать с объяснения понятия «психология религии», которое почти неизвестно российской науке.

Психология религии

Современная ситуация в области психологии религии выглядит следующим образом: никогда раньше не появлялось такого большого количества психологической литературы по религии, не проводилось так много встреч и конференций, не был отмечен такой интерес (как внутри, так и вне академических организаций) к тому, что именно может сказать психология по поводу религиозности и духовности. Учреждаются сети, основываются журналы, назначаются люди: похоже, эта область действительно процветает.

Однако сказанное выше не вся правда. Следует указать на сходство нынешней ситуации с той, которая сложилась столетие назад: и в те дни психология религии также весьма быстро стала завоевывать аудиторию, и в рамках академических кругов и за их пределами были основаны психологические журналы и соответствующие организации. Но не следует забывать о том, что произошло между двумя этими «пиками» активности, а именно резкий упадок изучения данной дисциплины. Поскольку настоящий доклад не является историческим, я не буду рассуждать о причинах этого упадка и нынешнего подъема интереса к этой сфере знания.

Действительно интересно, что может сказать психология по поводу религии, религиозности, духовности и т. п. Любой книжный магазин на Западе, главным образом в США, предлагает десятки книг на эту тему; устраиваются встречи и семинары по психологии, духовности и т. д. Однако важно осознать, что далеко не все психологическое в отношении религии является психологией религии. Более того: большинство из этих книг и мероприятий вовсе не имеют отношения к психологии религии.

Понятие «психология религии» обуславливает постановку ряда вопросов относительно его толкования. Единственное, чего не подразумевает данное выражение, — это психология, которая принадлежит, является частью, подчеркивает или служит целям лишь только религии. Таким образом, психология религии не есть нерелигиозная психология (как эту дисциплину называли в течение нескольких десятков лет).

Цели и задачи психологии религии заключаются в том, чтобы использовать психологические инструменты (такие как теории, концепции, инсайты, методы и методики) для анализа и понимания религии. Все это осуществляется с сугубо научных позиций, при соблюдении определенной дистанции и по возможности отстраненно, как того требуют все элементы *Religionswissenschaften*, от ест тех научных дисциплин, которые имеют дело с религией, а именно: история, социология, антропология, археология, экономика религии и некоторые другие.

Я допускаю, что каждая религиозная традиция непременно содержит психологический инсайт, а также то, что воспитатели, духовные наставники и другие психологически одаренные религиозные деятели обладают исключительными способностями проникновения в тайны человеческой психики². Однако его не следует рассматривать

¹ *Belzen J. A. Towards Cultural Psychology of Religion : Principles, Approaches and Applications. Dordrecht ; N. Y., 2009.*

² Ср. с примерами из буддийской традиции следующие труды: *Marcus P. Ancient Religious Wisdom, Spirituality and Psychoanalysis. Westport ; L., 2003; Aronson H. B. Buddhist Practices on Western Ground. Reconciling Eastern Ideals and Western Psychology. Boston ; L., 2004; Dockett K. H., Dudley-Grant G. R., Bankart C. P. Psychology and Buddhism. From Individual to Global Community. N. Y. ; Dordrecht, 2003; Levine M. The Positive*

в качестве научного психологического знания, точно так же как нельзя считать научным знание, сотворенное писателями, философами и поэтами. Кроме того, существуют большая область знаний и инсайт психологического типа, которые непосредственно связаны с религиозными идеями или содержатся в них. Широко известные примеры — психология К. Г. Юнга, а также многочисленные публикации по эзотерике и надличностному видению. Это интересно, но они не рассматриваются в качестве части психологии религии даже самими авторами публикаций¹.

Психологию религии не следует отождествлять с такими выражениями, как «психология и религия» или «диалог между психологией и теологией». Этот раздел представлен целым рядом практических исследователей и является подразделом теологии или религиоведения, а в университетах и колледжах изучается на факультетах, которые так и называются².

С тех пор как оформилась современная психология, многочисленные западные теологи и другие религиозные мыслители живо интересуются этой дисциплиной, заостряя внимание на основном для теологии предмете — человеческой душе.

Сегодня очевидно одно: многие теологи то ли в силу своей практической работы в качестве пасторов, то ли из-за более систематизированных академических интересов с готовностью следуют за новинками в современной психологии и стараются придерживаться таковых в собственной работе. Некоторые даже интегрировали элементы психологии в собственное мышление или испытывали сильную зависимость от того, что утверждала психология и прочие отрасли гуманитарного знания, изучающие человеческий опыт (например, Тиллих, Панненберг, Шиллебекс).

Все это, однако, не составляет предмет психологии религии, даже рассматриваемой в общем смысле. Лишь немногие теологи обратились непосредственно к психологии религии как таковой. Некоторые из них даже сами стали психологами религии, восприняв теории, методы и методики психологических школ и намереваясь приступить к эмпирическим исследованиям или, по крайней мере, к психологическому анализу религиозных феноменов³.

В целом, однако, представителей психологии и религии, или диалога психологии и теологии, интересуют прежде всего широкие теоретические проблемы, вытекающие скорее из психологических теорий в целом, нежели из практики эмпирической психологической деятельности в отношении религии или иного предмета⁴.

Psychology of Buddhism and Yoga : Paths to a Mature Happiness With a Special Application to Handling Anger. N. Y. ; L., 2000.

¹ Ср., например: Explorations in Counselling and Spirituality : Philosophical, Practical and Personal Reflections / C. Faiver [et al.]. Belmont, 2001; Corbett L. The Religious Function of the Psyche. L. ; N. Y., 1996; Young-Eisendrath P., Miller M. E. The Psychology of Mature Spirituality : Integrity, Wisdom, Transcendence. L. ; Philadelphia, 2000; Young-Eisendrath P., Muramoto S. Awakening and Insight : Zen Buddhism and Psychotherapy. N. Y., 2002.

² Существенные критические замечания по поводу религиоведения как академической дисциплины см.: Fitzgerald T. The Ideology of Religious Studies. N. Y., 2000; Idem. Discourse on civility and barbarity. N. Y., 2007; McCutcheon R. T. Manufacturing Religion. The Discourse on Sui Generis Religion and the Politics of Nostalgia / R. T. McCutcheon. N. Y., 2003.

³ См., например: Batson C. D., Schoenrade P., Ventis W. L. Religion and the Individual : a Social-Psychological Perspective. N. Y., 1993; Girgensohn K. Der Seelische Aufbau des Religiösen Erlebens : Eine religionspsychologische Untersuchung auf Experimenteller Grundlage. Gütersloh, 1921; 1930; Malony H. N., Lovekin A. Glossolalia : Social and Psychological Perspectives. N. Y., 1985; Vergote A. Religion, Belief and Unbelief : A Psychological Study. Amsterdam, 1983; 1997.

⁴ Angel H.-F. Religiosität. Anthropologische, theologische und sozialwissenschaftliche Klärungen. Stuttgart, 2006; Crockett C. Interstices of the Sublime. Theology and Psychoanalytic Theory. N. Y., 2007; Browning D. S. Religious Thought and the Modern Psychologies : a Critical Conversation in the Theology of Culture. Philadelphia, 1987; Gundry M. R. Beyond Psyche : the Symbol and Transcendence in C. G. Jung. N. Y., 2006; Homans P. The Dialogue Between Theology and Psychology. Chicago, 1968; Homans P. Theology After Freud : An Interpretative Inquiry. N. Y., 1970; Idem. Jung in Context : Modernity

Для тех, кто интересуются прежде всего теоретическими проблемами, сфера психологии и религии выглядит более привлекательной, чем неизбежно ограниченные цели и результаты какой бы то ни было психологии религии (которая, в лучшем случае, соотносится с психологией и религией как небольшой элемент более крупного целого⁵).

В силу своей профессиональной подготовки, необходимости участия в дискуссиях и выступлениях в тематических средствах массовой информации психологи религии, следуя внутренним тенденциям психологии в целом, часто сужают свои исследования и наблюдения до мелко-масштабных вопросов, не столь интересных для участников диалога психологии и теологии. Последние, как правило, лучше всего знакомы с самой теоретической из всех психологических школ — психоанализом.

В итоге студенты-религиоведы обычно изучают лишь великие, хотя и несколько устаревшие на сегодняшний день теории Фрейда и Юнга⁶ и лишь изредка — более современные достижения в области психоанализа⁷ и едва ли вообще знают об иных ответвлениях психологии, относящихся или не относящихся к исследованию религии⁸.

Поскольку я не ставлю целью просто перечисление всех видов психологии, связанных с религией, которые не являются психологией религии, упомяну лишь об одном разделе, а именно — о так называемой пастырской психологии⁹. Научные работы в этой области отличаются высокой степенью учености, но замысел, лежащий в их основании, обуславливает их отличие от психологии религии: пастырская психология служит религиозным целям; это психология, которая помогает пастору, разрабатывается и практикуется, чтобы содействовать целям, поставленным церковью (как правило, христианской). Конечно, в этом нет ничего плохого: и в рамках пастырской психологии люди нередко знакомятся с основами психологии религии и практикуют таковую. Суть в том, что последняя нейтральна по отношению к своему предмету, ее цель не поощрение или противодействие религии, а лишь ее анализ и понимание¹⁰.

Единственным критическим замечанием может быть утверждение, что психология религии не очень распространена. Если для примера мы рассмотрим самую крупную в мире психологическую структуру, а именно Американскую психологическую ассоциацию (АПА), и ее отделение психологии религии, среднее по численности среди всех отделений АПА, то увидим, что из 2500 его членов подавляющее большинство не очень активно интересуется психологией религии в буквальном ее понимании.

and the Making of a Psychology. Chicago, 1979; Idem. The Ability to Mourn : Disillusionment and the Social Origins of Psychoanalysis. Chicago, 1989; Jonte-Pace D. Speaking the Unspeakable : Religion, Misogyny and the Uncanny Mother in Freud's Cultural Texts. Berkeley, 2001; Idem. Teaching Freud. N. Y., 2003; Santner E. L. On the Psychotheology of Everyday Life. Reflections on Freud and Rosenzweig. Chicago ; L., 2001.

⁵ См.: Jonte-Pace D., Parsons W. B. Religion and Psychology : Mapping the Terrain. Contemporary Dialogues, Future Prospects. L. ; N. Y., 2001.

⁶ Palmer M. Freud and Jung on Religion. N. Y. ; L., 1997; Vandermeersch P. Unresolved Questions in the Freud/Jung Debate on Psychosis, Sexual Identity and Religion. Leuven, 1974; 1991. (Louvain Philosophical Studies 4.)

⁷ Jacobs J. L., Capps D. Religion, Society and Psychoanalysis. Readings in Contemporary Theory. Boulder, 1997; Jones J. W. Contemporary Psychoanalysis and Religion : Transference and Transcendence. New Haven, 1991; Idem. Religion and Psychology in Transition : Psychoanalysis, Feminism and Theology. New Haven ; L., 1996; Leupin A. Lacan Today. Psychoanalysis, Science, Religion. N. Y., 2004.

⁸ Gundry M. R. Op. cit.; Jonte-Pace D., Parsons W. B. Op. cit. Примечательные исключения: Turner L. Theology, Psychology and the Plural Self. Farnham, 2008; Watts F. Theology and Psychology. Hants, 2002.

⁹ См.: Klessmann M. Pastoralpsychologie : ein Lehrbuch. Neukirchen, 2004; Watts F., Nye R., Savage S. Psychology for Christian Ministry. L. ; N. Y., 2002.

¹⁰ Belzen J. A. Sketches for a Family Portrait of Psychology of Religion at the End of Modernity // Journal of Psychology of Religion. 1995. № 4-5. P. 89-122.

Большинство членов составляют психологи, которые проявляют к религии сугубо личный интерес, и многие из них — главным образом клинические специалисты — пытаются интегрировать религию в сферу своей профессиональной деятельности¹.

Следует также напомнить, что в течение многих лет (до 1992 г.) 36-е отделение АПА имело название «Психологи, интересующиеся вопросами религии». В настоящее время многочисленные действующие специалисты хотят либо вернуться к прежнему названию, либо изменить его на «Психология религии и духовности» (ср. дискуссии в периодическом издании Newsletter).

Таким образом, психология религии представляет собой незначительную по масштабам область знания с небольшим числом практикующих специалистов во всем мире. Следует добавить, что эта область развивается достаточно успешно.

Я упомяну лишь о некоторых показателях «жизнеспособности» этой области, которые включают многочисленные эмпирические исследования, представленные в обзоре, например, Бейт-Халлами и Аргайла. В 1997 году они опубликовали обновленную версию своей работы «Социальная психология религии» 1975 года. При сравнении этих двух изданий можно сделать вывод, что за последние годы появилось множество эмпирических работ. (Аналогичное заключение можно сделать и при сравнении более ранних и более поздних изданий самого известного обзора эмпирических исследований в целом, подготовленного Гудом и др.²)

Другой пример: около 20 лет назад не было написано ни одного введения в эту область знания, в настоящее время их уже несколько³. В значительной степени это результат постоянно возрастающего числа психологических исследований и публикаций в целом, а также следствие того факта, что религия сейчас представляет собой менее табуированную тему в психологии, чем несколько лет назад (даже АПА недавно опубликовала целый ряд пользующихся успехом книг по этой теме⁴).

Религия представляет собой релевантный элемент каждой культуры в прошлом и настоящем и обладает значительным влиянием на огромное число людей, в том числе на наших современников, поэтому совершенно очевидно, что психология всегда уделяла внимание религии.

В принципе психологические подходы могут использоваться и уже применяются в исследованиях по религии. Поскольку то, что понимается под религией или религиозным, существенно различается в зависимости от той или иной культуры или исторического периода, психологический подход, сосредотачивающий внимание на культурной стороне психических функций, оказывается наиболее удобным путем для того, кто стремится к изучению религиозной психологии.

¹ Cashwell C. S., Young J. S. Integrating Spirituality and Religion Into Counseling. A Guide to Competent Practice. Alexandria, 2005; Frame M. W. Integrating Religion and Spirituality Into Counselling. N. Y., 2003; Fukuyama M. A., Sevig T. D. Integrating Spirituality Into Multicultural Counselling. L., 1999; Miller W. R. Integrating Spirituality Into Treatment: Resources for Practitioners. Washington, 2002; Richards P. S., Bergin A. E. A Spiritual Strategy for Counseling and Psychotherapy. Washington, 1997; Sperry L. Spirituality in Clinical Practice. New Dimensions in Psychotherapy and Counseling. L., 2001; West W. Psychotherapy & Spirituality: Crossing the Line Between Therapy and Religion. L.; Thousand Oaks; New Delhi, 2000.

² Hood R. W., Hill Jr., Spilka P. C. The Psychology of Religion: An Empirical Approach. 4-th ed. N. Y., 2009.

³ Например: Argyle M. Psychology and Religion: an Introduction. L.; N. Y., 2000; Hemminger H. Grundwissen Religionspsychologie. Ein Handbuch für Studium und Praxis. Freiburg, 2003; Loewenthal K. M. The Psychology of Religion: A Short Introduction. N. Y., 2000.

⁴ См., например: Richards P. S., Bergin A. E. A Spiritual Strategy for Counseling and Psychotherapy; Idem. Handbook of Psychotherapy and Religious Diversity. Washington, 2000; Shafranske E. P. Religion and the Clinical Practice of Psychology. Washington, 1996; Sperry L., Shafranske E. P. Spiritually Integrated Psychotherapy. Washington, 2005.

Мы собрались в СПбГУП, университете гуманитарных и общественных наук, где особо приветствуются культурно-психологические подходы в силу их отчетливой нацеленности на интеграцию гуманитарных и общественных наук. Поэтому следует сказать несколько слов о культурной психологии.

Культурная психология

Как и психология в целом, культурная психология представляет собой широкомасштабную гетерогенную область, в исследование которой внесли значительный вклад многие известные психологи. Важно понять, что культурная психология не является особой психологией, совершенно отличной от прочих вариантов психологии в том виде, как они сложились в течение столетий. Кроме того, культурная психология не является также отдельной субдисциплиной или просто прикладной областью знания.

В общих чертах можно говорить о том, что культурная психология представляет собой научный метод, действующий в рамках психологии, при помощи которого описывается, исследуется и интерпретируется взаимосвязь культуры и человеческой психики. Это та часть психологии, которая всерьез относится к тривиальному на первый взгляд наблюдению, что культура и человеческая психика не в состоянии существовать друг без друга; что, с одной стороны, культура является основным фактором для всех значимых аспектов человеческого поведения, а с другой — человеческое участие можно проследить во всех проявлениях культуры. Культура в данном случае понимается как система знаков, правил, символов и практик, которая, с одной стороны, структурирует сферу человеческой деятельности, а с другой — сама (ре)конструируется и преобразуется под влиянием человеческой деятельности. Целесообразно разделить культурную психологию в целом на различные виды (которые, очевидно, не являются полностью независимыми друг от друга и которые невозможно подробно описать в рамках настоящего доклада).

Для развития психологии как совокупности знания, точек зрения и навыков важно, что культурная психология изучает, каким образом культура устанавливает и регулирует человеческую субъективность и ее выражение в различных психических функциях и процессах, что постулируется и концептуализируется в различных психологических школах и теориях (например, восприятие, память, ментальное здоровье, самость, бессознательное и т. д.). Важно отметить, что описываемая здесь концепция культуры динамична и подразумевает не только контекст или ситуацию.

Эрнст Бош, ведущий немецкий представитель современной культурной психологии⁵, высказался по этому поводу следующим образом: «Культура представляет собой сферу деятельности, содержание которой простирается от объектов, изготовленных и используемых людьми, до установлений, идей и мифов. Будучи деятельной сферой, культура предлагает возможности для деятельности, но кроме того диктует условия для таковой; она очерчивает цели, которые могут быть достигнуты определенными средствами, но устанавливает также и пределы для правильной, возможной или отклоняющейся от нормы деятельности. Связь между различным материалом, равно как и понятийное содержание культурной сферы деятельности, носит систематический характер, то есть преобразования в одной части системы могут повлиять на любую другую часть. Как деятельная сфера, культура не только включает и управляет действием, но и непрерывно

⁵ Lonner W. J., Hayes S. A. Discovering Cultural Psychology. A Profile and Selective Readings of Ernest E. Boesch. Charlotte, 2007; Simao L. M. Ernst Boesch' Holistic Cultural Psychology // Diriwächter R., Valsiner J. Striving for the Whole. Creating Theoretical Syntheses. New Brunswick, 2008. P. 131–150.

преобразуется им: таким образом, культура является в одинаковой степени и процессом, и структурой»¹.

При такой концепции культуры культурная психология выходит далеко за рамки обычного понимания культуры в психологии. Современная психология признает, что культура не только влияет на человеческие взаимодействия, но и формирует человеческие чувства, мышление, переживания и поведение. Поэтому культурная психология представляет их как явления, по сути своей культурные, — как результаты человеческой включенности в культуру, которая, в свою очередь, рассматривается в качестве подлинного элемента всякого человеческого функционирования, релевантного для психологии. Именно рассмотрению этой формы культурной психологии посвящен настоящий доклад. Психологи, как правило, развивают именно этот тип культурной психологии. (Данное замечание не должно вызывать удивления, поскольку существуют и другие академические дисциплины, которые используют психологию или вносят в нее как в отрасль научного знания определенный вклад.)

Все условия и детерминанты психического функционирования — ограничивающие (психофизическое состояние или социальные и географические условия), оперативные (как приобретенные, усвоенные виды деятельности) или нормативные (как правила и нормы) — всегда изменяются под воздействием культурно-исторических факторов².

Таким образом, первый вариант культурной психологии состоит из двух форм — синхронной и диахронной. В обеих формах наблюдается реализация исторической природы культуры (в ее разнообразных проявлениях) и, следовательно, функционирование человеческой психики. В первой форме подчеркиваются психические функции и процессы, свойственные современным субъектам; здесь присутствует абстрагирование от исторической изменчивости. Во второй форме исторические изменения в психическом функционировании человека исследуются и объясняются на основании модификаций в культурных условиях и установках.

Культурная психология в целом представляет собой междисциплинарный подход: в обеих охарактеризованных формах первого варианта культурная психология предполагает сотрудничество с другими дисциплинами из области общественных наук и наук о человеке. В синхронной форме психология полагается на информацию, а иногда и на теории, концепции и навыки, почерпнутые из таких дисциплин, как антропология, социология и политология. Во второй форме среди очевидных партнеров при разработке теорий и исследований можно отметить историографию и иногда эволюционную биологию³.

Многочисленные публикации обычно посвящаются попыткам обнаружить и определить человеческую вовлеченность во все виды культурной продукции. Если в первом варианте культурной психологии понимание культуры носит антропологический характер (макроуровень), то во втором варианте обычно задействуется гораздо более элитарная и узкая концепция культуры.

Здесь внимание уделяется продукции так называемой высокой культуры: романам, кинематографу, опере и другим произведениям искусства, а также таким областям, как мир и война, спорт, реклама, организации, международные дела, и наконец, важным доменам: социализации,

сексуальности и ухаживанию, труду, смерти и умиранию. Каждый из этих объектов может изучаться в рамках другой научной дисциплины, по отношению к которой психология выступает как вспомогательная дисциплина.

В таких областях (их надо отличать от дисциплин!), как культурология, образование и искусство, дисциплина «Психология» часто привлекается для того, чтобы исследовать человеческую вовлеченность в изучаемые явления. Для таких случаев характерно привлечение того или иного вида психологии (в частности, психоанализа). Несмотря на то что такая работа может проводиться самими психологами (главным образом психоаналитиками), ее могут выполнять также исследователи и авторы, не имеющие подготовки по психологии. Психологи, если и привлекаются при таких обстоятельствах, очевидно, преследуют иные цели, нежели развитие (новой) психологической теории.

Во втором варианте культурной психологии значительное внимание уделено разнообразию религиозных феноменов. Исследователи, занимающиеся разработкой этой проблематики, вносят существенный вклад в литературу по психологии религии. Не только великие психологи, главным образом представители психоаналитической традиции, сосредоточивались на религиозной тематике, используя психологический подход или разработанную ими теорию (например, Фрейд, Юнг, Эриксон, Олпорт, Маслоу и Фромм), но и другие исследователи, помимо психологов, часто использовали психологические методы или теории для анализа того или иного религиозного феномена. К числу таких исследователей можно отнести не только авторов с профессиональной подготовкой по психологии/психопатологии⁴, но и ученых с первичным образованием в области теологии, религиоведения или религиозных исследований в целом⁵. Поскольку данная сфера достаточно подобно описана в других обстоятельных обзорах⁶, этот вариант культурной психологии не будет рассматриваться в докладе.

О третьем варианте культурной психологии можно сказать следующее. Специалисты в области культурной психологии сходятся во мнении, что различные культурные контексты, эпохи и места порождают разные типы психологии в силу того, что они развиваются субъектами или в отношении субъектов с различной психической ор-

⁴ Например: *Pruyser P. W.* The Play of Imagination : Toward a Psychoanalysis of Culture. N. Y., 1983; *Rizzuto A. M.* The Birth of the Living God. A Psychoanalytic Study. Chicago, 1979; *Meissner W. W.* Ignatius of Loyola : The Psychology of a Saint. New Haven, 1992; *Idem.* The Pathology of Beliefs and the Beliefs of Pathology // *Shanfransky E.* Op. cit. P. 241–268; *Kakar S.* Shamans, Mystics and Doctors : a Psychological Inquiry Into India and Its Healing Traditions. Boston, 1982; *Idem.* The Analyst and the Mystic : Psychoanalytic Reflections on Religion and Mysticism. Chicago, 1991; *Stählin W.* Zur Psychologie und Statistik der Metaphern : Eine methodologische Untersuchung // *Archiv für die Gesamte Psychologie.* 1914. № 31. S. 297–425; *Idem.* Experimentelle Untersuchungen über Sprachpsychologie und Religionspsychologie // *Archiv für Religionspsychologie.* 1914. №1. S. 117–194.

⁵ Например: *Beth K.* Religion und Magie: Ein religionsgeschichtlicher Beitrag zur psychologischen Grundlegung der religiösen Prinzipienlehre. Leipzig ; Berlin, 1927; *Idem.* Religion als Metabiontik. I : Der Fall R. Sch. // *Zeitschrift für Religionspsychologie (Beiträge zur religiösen Seelenforschung und Seelenführung).* 1931. № 4. P. 25–37; *Idem.* Religion als Metabiontik. II : Madeleine Sémer // *Ibid.* P. 145–156; *Pfister O.* Die Frömmigkeit des Grafen Ludwig von Zinzendorf : Ein psychoanalytischer Beitrag zur Kenntnis der religiösen Sublimierungsprozesse und zur Erklärung des Pietismus. Leipzig, 1910; *Idem.* Die Legende Sundar Singhs : Eine auf Enthüllungen protestantischer Augenzeugen in Indien gegründete religionspsychologische Untersuchung. Bern, 1926; *Idem.* Christianity and Fear : A Study in History and in the Psychology and Hygiene of Religion. L., 1944; 1948; *Sundén H.* Die Religion und die Rollen : Eine psychologische Untersuchung. Berlin, 1959; 1966; *Girgensohn K.* Op. cit.; *Holm N. G.* Einführung in die Religionspsychologie. [Introduction to the Psychology of Religion]. München ; Basel, 1990; *Kripall J. J.* Kali's Child : the Mystical and the Erotic in the Life and Teaching of Ramakrishna. Chicago, 1995; *Parsons W. B.* The Enigma of the Oceanic Feeling: Revisioning the Psychoanalytic Theory of Mysticism. N. Y., 1999; *Vergote A.* Guilt and Desire : Religious Attitudes and Their Pathological Derivatives / A. Vergote. — New Haven ; L., 1978; 1988; *Idem.* Religion, Belief and Unbelief.

⁶ Например: *Wulff D. M.* Psychology of Religion : Classic and Contemporary. 2nd ed. N. Y., 1997.

¹ *Boesch E. E.* Symbolic Action Theory and Cultural Psychology. Berlin ; Heidelberg, 1991. P. 29.

² Ср.: *Peeters H. F. M.* Hoe veranderlijk is de mens? Een inleiding in de historische psychologie. Nijmegen, 1994.

³ *Atran S.* In Gods we Trust : The Evolutionary Landscape of Religion. Oxford ; N. Y., 2002; *Idem.* Religion's Cognitive and Social Landscape : an Evolutionary Perspective // *Cambridge Handbook of Sociocultural Psychology* / eds J. Valsiner, A. Rosa. N. Y., 2007. P. 454–476.

ганизацией¹, а также того, что история психологии — это наука не о естественных фактах, а о социально генерированных структурах².

Таким образом, внутри культурной психологии проявляется внимание, с одной стороны, к так называемым «туземным» психологиям, когда типы психологии развиваются и используются местным населением (в отличие от евро-американских психологов, которые создали практически всю современную академическую психологию) в иных частях мира, отличных от регионов, расположенных по обоим берегам Атлантики³; с другой стороны, к истории психологии (по инициативе Запада).

В третьем варианте наблюдается сотрудничество со специалистами по местным культурам (либо академически подготовленным в духе западной традиции, как антропологи, либо нет) и соответственно с историками, главным образом с философствующими историками (или с «историзирующими» философами)⁴.

Поскольку настоящий доклад не является введением в культурную психологию и даже в культурную психологию в том ее виде, в каком она рассматривается в исследованиях по религии, я не стану подробно рассматривать этот предмет. В контексте Лихачевских чтений, посвященных диалогу культур и партнерству цивилизаций, я хотел бы поделиться некоторыми важными для меня соображениями, которые, однако, с точки зрения психологии можно рассматривать лишь как неспецифический результат культурно-психологического исследования религии.

Культурная психология: наследница герменевтической «главной линии» в общей психологии

В сфере философии науки мы проводим различие между двумя методологическими течениями в психологии: эмпирико-аналитическим и герменевтическим. Их часто и не вполне правильно называют количественным и, соответственно, качественным течениями. Кратко опишем каждое из них.

Эмпирико-аналитическая стратегия восходит к двум основным разделам философии науки первых десятилетий XX века: логическому позитивизму и критическому рационализму. Философы из Вены, принадлежащие к школе логического позитивизма, в 1920-х годах попытались отыскать надежное основание для научного знания. Они в поисках критерия отличия осмысленного языка от метафизического, неосмысленного, полагали, что нашли демаркационную линию в принципе верификации: осмысленными следует считать лишь суждения (пропозиции), которые можно проверить фактами⁵. Одно из исходных положений гласило, что можно приблизиться к реальности без теоретической системы отсчета. При помощи теоретически нейтрального языка ученый способен понять, в чем суть.

Опираясь на такое надежное основание, можно индуктивно выработать общие суждения, имеющие характер закона. (Если на основании некоторого числа случаев было

замечено, что ворона черная и никогда — белая, то методом индукции можно заключить, исходя из этого многократного частного суждения, что все вороны черные — это универсальное суждение). Чтобы сделать психологию «реальной наукой» (и отделить ее от сомнительных умозрительных дисциплин, наподобие философии и теологии), многие психологи в XX столетии примкнули к данному направлению.

Бихевиористы, например, ограничились объективным измерением связей между раздражителями и реакциями у животных, пребывая в уверенности, что более сложные действия людей могут быть объяснены подобным образом в неопределенном будущем. Открытие законов обучаемости в «лаборатории» получило высокую оценку. Идеал — возможность объяснить (и предсказать) человеческое поведение при помощи открытых таким образом законов.

Однако большинство философов науки отвергают логический позитивизм в его строгой форме. Карл Поппер сформулировал следующие возражения. Всякое наблюдение и описание теоретически перегружено; не существует возможности достижения надежных суждений; принцип индукции не выдержан, а верификация общих суждений невозможна. Наука, по Попперу, начинается с проблем, для решения которых следует разработать теории, и только после этого следует делать релевантные наблюдения и искать «факты». Проверка теорий при помощи базовых суждений (проистекающих из непосредственного наблюдения) до определенной степени возможна, но базовые суждения всегда формулируются на языке определенной системы отсчета и имеют условный характер. Их можно использовать на «предварительном уровне», но всегда имеется возможность нового их обсуждения, если появляются новые теоретические мнения или наблюдения. Принятие частных базовых суждений дает простор для фальсификации, но не для верификации: общие суждения относятся к безграничной области, где всегда может возникнуть фальсификация.

Таким образом, единственно правомерное логическое рассуждение — это дедукция: от общих суждений к менее общим или даже к частным. Из общих суждений можно вывести логические заключения: если эти заключения не возникают — суждение ложно; если возникают — суждение может быть верным. Демаркация на основе критического рационализма, как отмечено Поппером, призвана выявить, являются суждения научными или ненаучными, исполнены они смысла или нет. Вопросы, откуда черпается вдохновение для теорий и гипотез и приходят идеи, несущественны для Поппера: так называемый *контекст открытия* оставлен без рассмотрения. Важным представляется *контекст правомерности*: является конечное суждение (или совокупность когерентных суждений, например теория) фальсифицируемым или нет.

В рамках психологии получили признание оба философских течения, хотя логический позитивизм оказался намного более влиятельным. Психологи продолжают писать журнальные статьи и формулировать гипотезы, подлежащие проверке и предлагают к публикации рукописи с фактами, которые согласуются с их теорией (верификация). Что касается психологов, ориентированных на измерение в рамках этого «верификационистского» течения, то эксперимент равносителен их статусу «эмпирических ученых».

Логико-эмпирический подход, унаследовавший идеи и верификационистов, и фальсификационистов, хорошо известен. Следует рассказать о другом важном методологическом направлении в психологии — герменевтике. Именно эта традиция — наиболее влиятельная в культурной психологии и должна представлять особый интерес

¹ Cp.: *Gomperts W. J.* De opkomst van de sociale fobie : Een sociologische en psychologische studie naar de maatschappelijke verandering van psychische verschijnselen. Amsterdam, 1992; *Zeegeers W.* Andere tijden, andere mensen : De sociale representatie van identiteit. Amsterdam, 1988.

² Cp.: *Danziger K.* Constructing the Subject : Historical Origins of Psychological Research. Cambridge, 1990; *Idem.* Naming the Mind : How Psychology Found Its Language. L., 1997.

³ Например: *Much N.* Cultural Psychology // Smith J. A., Harré R., Langenhove L. Rethinking psychology. L., 1995. P. 97–121; *Ratner C.* Cultural Psychology, Cross-cultural Psychology and Indigenous Psychology. N. Y., 2008.

⁴ Cp.: *Belzen J. A.* Rümke, Religie en Godsdienstpsychologie : Achtergronden en Vooronderstellingen. Kampen, 1991; *Idem.* Psychologie en Het Raadsel van de Religie : Beschouwingen Bij Een Eeuw Godsdienstpsychologie in Nederland. Amsterdam, 2007; *Laucken U.* Sozialpsychologie : Geschichte, Hauptströmungen, Tendenzen. Oldenburg, 1998; *Paranjpe A. C.* Self and Identity in Modern Psychology and Indian Thought. N. Y. ; L., 1998.

⁵ Cp.: *Wittgenstein L.* Tractatus Logico-Philosophus. L. ; N. Y., 1921; 1981.

для университета гуманитарных и общественных наук. Она включает целый ряд качественных методов, сфокусированных на постижении смысла.

Герменевтика — это старая традиция. Она сосредоточена на способах толкования текстов (особенно священных текстов, например Библии). Фридрих Шлейермахер (1768–1834), которого многие считают отцом психологии религии, впервые систематически изложил основные принципы герменевтической аргументации. Они были сформулированы до широкого философского метода, который породил принципы исследования для общественных наук и наук о человеке. Целью здесь является не предсказание или контроль, но понимание. Герменевтический метод, как его изложил Гадамер, можно кратко представить в виде следующих положений.

1. Исследование внутри герменевтического круга: интерпретация начинается на основании предварительного интуитивного понимания целого. Оно выстраивает понимание частей, что приводит к суждению о целом. Последнее можно заново проверить, исследовав части. Это циклический процесс, не имеющий завершения. Он может повлечь за собой отказ от первоначальной интуиции вследствие инсайтов, возникших в процессе толкования. Таким образом, понимание имеет пределы, является ограниченным и условным.

2. Раскрытие внутренних связей: поиск исполненных смысла связей между действиями и явлениями. Внешние связи (подобные корреляциям или «законоподобным» связям, искомым в аналитически ориентированном эмпирическом исследовании) недостаточны для раскрытия смысла.

3. Сосредоточенность на отдельных случаях: особое внимание уделяется пониманию отдельных случаев вне зависимости от того, возможно ли обобщение. Идет поиск уникального, а не просто обобщение всех случаев.

4. Слияние горизонтов: имеется различие между знанием или пониманием исследователя или интерпретатора и предметом исследования. С возрастанием понимания расхождение между обоими горизонтами уменьшается.

5. Применение: всякое понимание имеет место в настоящем. Письменные тексты и рассказы людей принимаются всерьез в связи с их притязанием на истину. Эти притязания имеют место в настоящем времени. Истина всегда контекстуальна и насущна.

Герменевтика в психологии представляет собой исследовательскую методологию, в защиту которой выступили Голд и Шоттер¹. Согласно мнению некоторых авторов в настоящее время психология является изменяющейся дисциплиной, отказывающейся от прежнего пристального внимания к лабораторным исследованиям, экспериментальным разработкам, статистическому анализу и эпистемологии, основанных на особой концепции естественных наук, где принят эмпирико-аналитический метод. Психология могла бы стать более эффективной для экологии² при условии проведения большего числа исследований реального мира.

На некоторых уровнях такое движение наблюдается³. Во-первых, психология стала более открытой для исследований ряда прежде недооцененных областей, которые являются центральными для психологии повседневности (ср., например, многочисленные исследования понятия «самость» или все возрастающее число исследований автобиографической памяти). Во-вторых, наблюдается большая открытость в отношении различных вариантов

сбора данных при участии растущего числа исследователей и авторов, использующих самые разнообразные подходы, например нарративная, семиотическая, критическая, феминистская, а также экологическая психология: все они в долгу перед герменевтической мыслью. Предпочтение отдается методам и методикам, таким как обоснованная теория⁴, этнометодология, исследования на местах, исследования отдельных случаев, а также так называемому качественному исследованию в целом. Научная ценность психоаналитического исследования также возрастает, если подтверждена его герменевтическая природа. В-третьих, наблюдается стремление включать в исследования подходящие группы участников не из студенческих кругов, откуда ранее в основном набирались «объекты» изучения для экспериментальной психологии.

Герменевтическое исследование как эмпирическая психология

Современная психология кооптировала термин «эмпирический» и свела его значение к измерению, статистическому анализу и экспериментированию. Многие психологи отказываются принимать психоанализ, феноменологию или иные формы качественного исследования как научные, поскольку они не эмпирические. Чтобы сгладить это утверждение, я сосредоточусь на исходных предпосылках, лежащих в основании методологической процедуры, которая используется в герменевтическом исследовании.

1. Человеческий мир (центр внимания общественных наук) рассматривается как структурированный при помощи совместно выработанного смысла⁵. Этот смысл, связанный с мышлением, речью, чувством, желанием и действием, а также с объективацией человеческой практики (как тексты, искусство, архитектура и т. д.), невозможно выявить при помощи объективных инструментов. Изучение реальностей, структурированных смыслом, требует подходов, основанных на толковании. Их формулировка — дело либо только исследователей, либо исследователей в сотрудничестве с участниками исследования. Развитие и рефлексия такого толкования (толкований) должны методически регулироваться.

2. Человеческий мир рассматривается как имеющий характер процесса: смысл меняется и должен вновь выработываться участниками. Этот процесс не ограничен временем (участники не просто заново выработывают смысл или «раз и навсегда фиксированное повествование»⁶).

3. Происходит возврат к опыту в изначальном, аристотелевском значении. Латинский термин *experientia* — перевод греческого слова *empeiria*. Слово «эмпирический» было кооптировано в технико-методологическую практику естественных наук в том специфическом понимании термина «наука», которое утвердилось начиная с Нового времени⁷. Изначальное аристотелевское значение подразумевает также возвращение к понятию *data* в исконном смысле этого слова. (Это слово заимствовано от лат. *datum* — то, что дано, в противовес *factum* — то, что сделано.)

Таким образом, наряду с признанием центральной роли языка и рассуждения предпочтение отдается работе, практическая часть которой осуществляется в реальном мире, в отличие от экспериментального лабораторного контекста. Герменевтическое исследование не пытается

⁴ Glaser B. G., Strauss A. L. *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. Chicago, 1967.

⁵ Ср., например: Bruner J. *Acts of Meaning*. Cambridge, 1990.

⁶ Flick U., Kardorff E., Steinke I. *Qualitative Forschung: Ein Handbuch. [Qualitative Research: A Handbook]*. Hamburg, 2000.

⁷ Robinson D. N. *An Intellectual History of Psychology*. 3d ed. Madison, 1995.

¹ Gauld A., Shotter J. *Human Action and its Psychological Investigation*. L., 1977.

² Neisser U. *Cognition and Reality*. San Francisco, 1976.

³ Smith J. A., Harré R., Langenhove L. Introduction // Smith J. A., Harré R., Langenhove L. *Rethinking Methods in Psychology*. L., 2003. P. 1–8.

проводить эту практическую часть работы в контролируемых лабораторных условиях, но имеет дело с тем, что уже дано (например, автобиографии, письма, наблюдения в ситуациях реальной жизни и рассказы интервьюируемых).

4. Исследование рассматривается как процесс, цепочка динамических взаимодействий, и оно открыто для участников, ситуаций и методов¹. Участники исследования пребывают, насколько это возможно, в рамках привычной ситуации, обыденного функционирования. Участников не забирают из их мира в лабораторию, где они подвергаются эксперименту, анкетированию или иным процедурам под контролем лишь исследователя. В герменевтическом исследовании ничто не фиксируется априори: здесь не полагаются на один только метод (в действительности иногда следует изобрести или разработать метод в зависимости от исследования). Исследование является эмпирическим до тех пор, пока оно руководствуется фактами практической деятельности в том виде, в каком они явлены субъекту.

5. Считается, что участники исследования имеют право первыми трактовать собственные переживания. Исследователи стараются быть открытыми по отношению к мнению участников и пытаются не навязывать им свою позицию или точку зрения, принятую в существующей теории. Они вступают в активный диалог с участниками, часто знакомят их с результатами исследования для последующей дискуссии.

6. Исследователи работают не только с номотетическим знанием (о том, что происходит всегда, повторяясь вновь и вновь в ряде отдельных ситуаций), но и с идеографическим (знанием о том, что произошло однажды). Номотетическое знание, в отличие от идеографического, идеально формулируется в «законоподобных» суждениях. Идеографическое знание не может быть приравнено к методологии типа $N = 1$ или к ситуационным исследованиям. Согласно Виндельбанду, предложившему это разделение, если идеографическое знание может быть знанием об отдельных личностях, то оно также может представлять собой знание «о всем народе, [об] особенностях языка, религии или законодательства, о достижениях литературы, искусства или науки»².

7. Герменевтическое исследование носит обычно рефлексивный характер: исследователи на протяжении всего процесса задумываются над тем, что они делают, и над собственной ролью в исследовании в целом.

8. Герменевтическое исследование имеет уклон в сторону ситуационных исследований и в основном старается ответить на вопросы «как?» и «что?», нежели на вопрос «почему?»³. Герменевтическое исследование не затрагивает проблемы причинности.

9. Герменевтическое исследование зачастую ориентировано на трактовку жизни и культурных явлений таким образом, как будто они представляют собой тексты, подлежащие толкованию, и выстраивается по принципам литературных теорий. Соответственно здесь задействуются эмпирические данные, такие как записи интервью, заметки о результатах этнографических полевых работ, исторические документы.

В герменевтическом исследовании принят иной стиль изложения, нежели тот, что используется в объективистских, позитивистских общественных науках, и он не пародирует стиль естественных наук. В то время как в естественных науках протестированные гипотезы, табли-

цы и цифры говорят сами за себя (и их достаточно просто продемонстрировать, а не фиксировать письменно), стиль герменевтического исследователя не похож на стиль внешнего привилегированного докладчика. Факты и теория должны быть вплетены в литературный текст, и многие авторы, представители качественной гуманистической традиции, ощущают необходимость пользоваться инструментарием романиста или художника, чтобы описать свои открытия.

Важные неспецифические результаты герменевтического исследования

После экскурса в область психологического исследования религии и описания герменевтического направления в культурной психологии я хотел бы обратиться к главной теме статьи. В действительности я хочу остановиться на неспецифическом результате, полученном из такого рода исследования, результате, который может показаться неинтересным ученому-позитивисту и который чрезвычайно важен для решения вопросов и проблем диалога культур и партнерства цивилизаций.

Особенное направление работы в герменевтическом исследовании с большой долей вероятности позволяет получить примечательный, хотя и совершенно неспецифический результат. За последние десятилетия мы вместе с многочисленными коллегами, студентами и исследователями не один раз были свидетелями того, что герменевтическая методика исследований, которая подразумевает вступление в контакт с испытуемыми, фактическую встречу и разговор с ними (а не просто рассылку анкет или участие испытуемых в анонимных экспериментах в условиях психологической лаборатории), приводит к более тесному знакомству, большему уважению и лучшему пониманию участников исследования, их субкультур и религиозных традиций.

Когда исследователи выезжают в страны, где они изучают феномены, практики и людей, прежде им незнакомые, то слияние горизонтов, как требует и практикует герменевтическое исследование, приводит к тому, что исследователи сами преобразуются: они возвращаются после выполненной работы с более глубоким пониманием, меньшей предубежденностью и не пытаются «втискивать» своих испытуемых и их традиции в рамки предварительно заданных категорий так называемого западного научного знания. То же самое получается, когда исследователи начинают работать над явлениями или вопросами, связанными с одним или несколькими меньшинствами, представленными в современном европейском обществе.

Необходимость встречаться с людьми в их реальной среде, выучить их язык, завоевать доверие, ближе познакомиться с их обычаями, традициями и философией жизни — все это способствует тому, что сами исследователи становятся умеренными поборниками собственных субкультур; они превращаются в людей, менее склонных к предубеждениям против других, в миролюбиво настроенных граждан.

Я не имею в виду, что исследователи перенимают убеждения или обычаи испытуемых, а также не говорю то, что им следовало бы делать. И ни в коем случае речь не идет о том, что исследователи должны непременно любить или начать любить людей, с которыми они пересекаются по работе. Суть в том, что исследователи-герменевтики, поскольку они говорят не только *о*, но также и *с* людьми, участвующими в исследовании, превращаются в личности, тонко чувствующих культуру и способных к диалогу с партнерами из других цивилизаций.

Мои рекомендации можно представить в двояком виде. Во-первых, тем, кто стремится расширить свои способности к диалогу культур, я говорю о том, что культуры

¹ Cp.: Appelsmeyer H., Kochinka A., Straub J. Qualitative Methoden // Straub W. Psychologie : eine Einführung. München, 1997. P. 709–742.

² Пер. на англ.: Lamiell J. T. Rethinking the Role of Quantitative Methods in Psychology // Smith J. A., Harré R., Langenhove L. Rethinking Methods in Psychology. L., 2003. P. 161.

³ См., например: Yin R. K. Case Study Research : Design and Methods. L., 1989.

существуют только внутри и при посредстве человечества, и именно люди, принадлежащие к различным культурам, могут вступить в диалог, но не культуры сами по себе. Таким образом, политикам, церковным иерархам, писателям и другим общественным деятелям можно посоветовать обратить внимание на герменевтическую традицию в психологии и прочих общественных науках, а также осознать тот факт, что *modus operandi* этой научной традиции способен внести существенный вклад в совершенствование их собственных навыков и повышение их компетентности в диалоге культур.

Во-вторых, тем психологам и специалистам в области общественных наук, которые работают исключительно внутри эмпирико-аналитической традиции и применяют только далекие от жизненного опыта методы и методики, я бы хотел напомнить о герменевтической традиции в исследовании и о ее возможности привести к другим результатам, столь же необходимым, как и уже достигнутые, и особенно о неспецифических преимуществах, то есть о большей толерантности в реальной работе с равными по духу людьми — партнерами из иных цивилизаций.

Г. А. Гаджиев¹

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ, СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР

1. Многовековой опыт человечества свидетельствует о том, что диалог культур базируется на объективной основе — человеческих ценностях. Культуры разных народов объединяет нечто общее. И общего в культурах гораздо больше, чем различий. Используя математические понятия, можно сказать, что это общий корень в виде выстраданной человечеством мудрости — передаваемых из поколения в поколение представлений о том, каких правил надо придерживаться в жизни.

Эти правила постепенно приобретают характер обязательности, высшим проявлением которой является нормативность. Эта мысль выражена Дмитрием Быковым в виде афоризма: «Культура — знак смирения». Смирение перед сложнейшими требованиями выработанными веками ритуалов, ненужных на первый взгляд условностей... Получается, что культурный человек — это человек, соблюдающий множество табу: не внешних, в виде юридических норм, а внутренних.

2. В мире, в котором мы существуем, имеются особые сегменты, представленные в виде правовой действительности. О ней известно только тем, кто изучает право. На юридических факультетах студентам как бы надевают специальные очки, и они начинают распознавать таких субъектов, как юридические лица (которых не видят обычные люди). В правовой действительности не только функционируют особые персонажи, но и лексика приобретает особый юридический смысл. Слово «сделка» по-разному понимается обывателем и юристом. Огромный дом, который кажется дорогим обывателю, представляется ничтожным юристу, узнавшему, что он самовольно построен и не зарегистрирован в реестре недвижимости.

В правовой действительности существуют определенные ценности, прежде всего конституционные.

3. Тема Лихачевских чтений — «Диалог культур и партнерство цивилизаций» — не исключает возможности участия в обсуждении представителей юридической науки, поскольку существует правовая культура как часть общей культуры. Можно говорить о европейской правовой культуре, национальных правовых культурах как частях целого. Какие проблемы обсуждаются учеными-юристами применительно к тематике Чтений?

Прежде всего, тематика диалога правовых культур дискутируется представителями науки — конституционного и международного права. Также следует отметить, что в рамках теории конституционного права формируется новое научное направление — правовая аксиология. Что является ее предметом?

В любой национальной конституции, находящейся на вершине иерархически устроенной системы нормативных актов, имеется определенный набор конституционных ценностей. Например, в ст. 2 Конституции РФ провозглашается, что человек, его права и свободы являются высшей конституционной ценностью. Не публичные интересы, интересы государства, а именно человек, его права и свободы.

В качестве конституционных ценностей наряду с конституционными правами человека обычно рассматриваются конституционные принципы, которые в российской Конституции сгруппированы в главе первой. Это такие общие юридические понятия, как верховенство прав, достоинство личности, демократия, экономическая свобода.

К сожалению, четкого разграничения понятий «конституционные ценности» и «конституционные принципы» пока не существует.

Конституционные ценности в известной степени универсальны, то есть часто они воплощают общепринятые в современном мире ценности и идеи. Таким образом, их включение в конституционный текст позволяет сделать общечеловеческие или европейские правовые ценности внутренней частью национальной Конституции.

Возникает удивительный феномен: несмотря на то что государства суверенны, в их Конституциях имеется, пользуясь математическими терминами, общий корень.

Конституционные принципы играют важную роль в процессе осуществления конституционной политики, которой занимаются политические органы и Конституционный Суд РФ. Например, чтобы принять закон об антимонопольной деятельности, законодатель должен составить *представление* о том, что означают конституционные понятия «монополизация» и «недобросовестная конкуренция». Новые представления появляются в процессе *толкования* текста Конституции. Участие в выработке конституционной политики принимает и Конституционный Суд, когда проверяет конституционность принятых законов.

4. Что необходимо делать, если возникает конфликт при реализации двух равноценных конституционных прав, например права свободно выражать свое мнение и права на свободные выборы? Первое право, если его понимать

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор 155 научных работ, в том числе книг: «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика» и др.

Член Совета при Президенте Российской Федерации по совершенствованию гражданского законодательства. Председатель редакционного совета журнала «Сравнительное конституционное обозрение». Один из разработчиков федерального закона о Конституционном Суде РФ.

как абсолютное, не допускающее ограничений, требует свободного выражения различных политических идей в любой форме. Представим, что во время избирательной кампании все политические конкуренты могут свободно излагать ложные сведения друг о друге. В такой ситуации кому избиратель должен отдать предпочтение, может ли он свободно (без воздействия распространителей ложной информации) реализовать свою волю?

И как быть суду, который вынужден рассматривать споры, возникающие конфликты между равновеликими правовыми ценностями? Может ли суд рассматривать в качестве источника разрешения спора неюридические ценности, например моральные или религиозные, или право и правовая действительность должны обладать собственным автономным комплексом ценностей? Как быть, если подлежит оценить конституционность закона, разрешающего этнаназию, в то время как религиозная традиция противится этому?

Но ведь право, противоречащее общественной морали, будет неисполнимым и неэффективным. Итак, чему отдать предпочтение — глобализованным космополитичным конституционным ценностям или традиционным социальным?

Многочисленные вопросы свидетельствуют о том, что пока не сложились теоретические и судебные доктрины, которые предложили бы методологию толкования конституционных норм о коллидирующих между собой конституционных правах с опорой на внеправовые (социальные) ценности. Правовой либерализм основывается на дозволении при разрешении особо сложных юридических споров полагаться на моральные принципы (Р. Дворкин). Но возникает вопрос: чьи это моральные принципы — общества или самих судей? Как констатирует Андраш Шайо, судья Европейского суда по правам человека, прозрачной правовой методологии пока не создано.

5. Ясно одно, что в диалоге европейской и национальной правовых культур особую роль — роль переводчика — будут играть конституционные принципы.

Существуют принципиальные различия между статьями Конституции Российской Федерации, содержащими конституционные принципы и более конкретные юридические нормы (например, о сроке полномочий Президента России).

Первые характеризуются наивысшей степенью нормативной обобщенности, неконкретным юридическим содержанием и в силу этого высоким потенциалом разностороннего развития посредством формирования развивающихся представлений о них. К таким принципам можно отнести признание государством достоинства человека, экономическую свободу, правовое государство, социальное государство и т. д.

Вторые более конкретны и понятны. К ним относятся, например, конституционные нормы, регулирующие состав, порядок образования, полномочия органов государства. Конституционные принципы, являясь разновидностью правовых принципов, представляют собой базовые мировоззренческие юридические предписания, пребывающие в «свернутом виде». Не будучи до конца распознанными, они реальны, но вместе с тем представляют собой некое таинство и потому, подобно притчам в священных текстах, обладают мистическим содержанием.

Социальная ценность конституционных норм-принципов заключается, конечно, не в их таинственности, а в системных связях с другими юридическими нормами. Прежде всего они определяют конкретное содержание других конституционных норм. Не случайно согласно Конституции никакие другие ее положения не могут противоречить конституционным принципам, составляющим основы конституционного строя (ст. 16 ч. 2).

Кроме того, конституционные принципы преобразуются в отраслевые принципы права, выступая в качестве «общих начал» отраслевого законодательства (например, ст. 6 п. 2 Гражданского кодекса РФ). Правовые принципы как нечто неизменное, отражающее объективные закономерности развития правового регулирования определяют содержание норм не только действующего законодательства, но и того законодательства, которое в процессе обновления неизбежно появится в будущем. В этом заключается особая функция конституционных принципов в механизме правового регулирования.

Онтологический аспект конституционных принципов предполагает поиск ответа на вопрос, для чего существует идея конституционных принципов в особом сегменте бытия — в юридической действительности. С этой точки зрения предназначение конституционных принципов — программирование, выбор общих ориентиров, иначе говоря — исполнение функций маяка.

Неизменность конституционных принципов, их метафизичность — это только неизменность текста Конституции. Содержащиеся в Основном законе особые положения о конституционных поправках и пересмотре Конституции (гл. 9) существенно затрудняют изменение текста, но не препятствуют диалектическому изменению представлений о конституционных принципах. Представления создаются в интересах эффективного правового регулирования и правоприменения судьями. Герменевтика, учение о толковании текстов (священных книг, литературных, юридических текстов), всегда предполагает участие человека, а значит, и определенный субъективизм при появлении представлений.

В результате интерпретационной деятельности судей появляются официальные представления о конституционных принципах. Конституционные нормы-принципы в большей степени, чем конкретные конституционные нормы, подвержены трансформации в процессе истолкования, что обеспечивает динамизм в развитии конституционного права.

Представления о конституционных принципах достаточно гибкие, однако их нельзя сравнивать с флюгером, который меняет направление в зависимости от направления ветра. Устойчивость в представлениях о конституционных принципах должна обеспечиваться, в частности, при помощи выявления объективной природы каждого из них. Конституционное право не имеет столь длительной истории, как гражданское, содержащее значительное количество правовых принципов, которые отражают объективные закономерности развития имущественных отношений и с которыми должен считаться законодатель любой страны. Однако и конституционное право с помощью норм-принципов демонстрирует объективные закономерности функционирования общества.

Изменение представлений о конституционных принципах — результат конституционной политики, осуществляемой всеми высшими органами государства.

Рассматривая вопросы о проверке конституционности юридических норм, воплощающих результаты важных экономических, социальных, политических решений, Конституционный Суд должен давать им оценку с учетом прежде всего конституционных принципов, порой уточняя или даже изменяя представления о них. Таким образом, Конституционный Суд оказывается не просто причастным к конституционной политике, но и ее активным деятелем.

Итак, конституционные принципы относятся к разряду важнейших правовых ценностей, характеризующих достигнутый уровень правовой культуры общества.

Анализ правовых актов, разделяемый корпорацией юристов, правовых принципов, уровень правовой культуры

общества в целом позволяют судить не только о правовой культуре, но и о культуре общества в целом. Утверждая, что в праве есть свои ценности, нельзя забывать о том, что само право выступает как эффективный способ повышения уровня культуры общества, является социальной ценностью. Опираясь на понятие «правовая культура», можно дать общую оценку качества правовой действительности определенного общества. Поскольку конституционное право занимает лидирующее положение в системе законодательства, его влияние на повышение культуры общества особенно заметно. Конституционное право лю-

бой страны — это в некотором смысле юридический язык эсперанто, с помощью которого в правовой сфере ведется диалог разных наций.

Именно с помощью конституционного права в правовом пространстве России происходит ретранслирование интернациональных правовых идей, содержащихся обычно в международных договорах и соглашениях. Конституция РФ устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы (ст. 15 Конституции РФ).

Ренэ Герра¹

ДИАЛОГ ИЛИ МОНОЛОГ?

РУССКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ КУЛЬТУРА ВО ФРАНЦИИ (1920–1970-е гг.)

Волею судеб после революции русская культура Серебряного века оказалась выброшенной за пределы России, и с 1924 года Париж стал столицей «второй русской культуры» (по меткому выражению Д. С. Лихачева). Две великие культуры, русская и французская, сосуществуя, породили множество проблем, не получивших до настоящего времени достаточного освещения и осмысления в исследовательской литературе.

Главный, на мой взгляд, вопрос, требующий ответа: установился ли в новых исторических условиях диалог на равных между этими культурами с учетом того, что они испокон веков имели много общего? И если нет, то что мешало естественному, казалось бы, диалогу? Ведь диалог, и это вряд ли оспоримо, вообще возможен лишь при условии равенства во влиянии и в силе. Диалог культур предполагает, что между сторонами, которые в него вступают, существуют некие общие принципы, общие жизненные цели. Но они не были найдены: с русской стороны участниками несостоявшегося диалога оказались изгнанники, вроде бы потерпевшие историческое поражение, то есть для «левацкой» французской элиты (она в то время была именно левацкой) изгой и отщепенцы, не принявшие Великую Октябрьскую...

Хотели ли те и другие этого диалога? Были ли готовы к нему? Подобный диалог был вполне естественным в XIX веке. Тютчев и Тургенев — блестящие тому примеры. На самом деле в межвоенный период 1920–1930-х годов настоящий диалог состояться не мог в контексте идеологических реалий той сложной эпохи, в первую очередь из-за отсутствия толерантности с французской стороны, а возможно, и с русской тоже: ведь русские эмигранты, в отличие от французских «левых», испытали на себе все «преlestи» «великого Октября»...

О чем могла заявить зарубежная Россия в то время? Прежде всего об опасности, грозящей западной цивилизации и всему цивилизованному миру. Но хотели ли тогда слышать это французские деятели культуры? Зинаида Гиппиус провидчески написала: «Мы не в изгнании, мы — в послании», в сжатой форме сформулировав изначальную миссию белой эмиграции — сохранение и приумножение русской культурной традиции.

¹ Заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), доктор филологических наук Парижского университета.

Автор свыше 200 научных и публицистических работ по культуре послеоктябрьской русской эмиграции, в том числе книг: «Младшее поколение писателей русского зарубежья»; «Они унесли с собой Россию...» (Русские эмигранты — писатели и художники во Франции: 1920–1970); «Жаль русский народ» и др. Литературовед-славист, издатель, коллекционер-исследователь, президент Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции.

Этому было посвящено проведенное 16 февраля 1924 года в Париже собрание, на котором выступали А. В. Карташев, И. С. Шмелев, Д. С. Мережковский, И. А. Бунин. Последний, в частности, сказал: «Взгляни, мир, на этот великий исход и осмысли его значение. Вот перед тобой миллион из числа лучших русских душ, свидетельствующих, что далеко не вся Россия приемлет власть, низость и злодеяния ее захватчиков... Что произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека»².

Сегодня мы понимаем главную причину конфликта культур, ибо белая эмиграция взяла на себя миссию распространения русской национальной идеи и стала де-факто носительницей и хранительницей всего многовекового исторического и культурного наследия России. Легко догадаться, какие преграды были поставлены на пути такого диалога между культурами. Прежде всего ослепление западного мира идеями революции и «великим просветом с Востока», о котором любил говорить Жюль Ромэн. Не только этот писатель верил, что «солнце светлого будущего восходит на Востоке» и что «новый мир родится в СССР».

Вот что писали по этому поводу два известных французских академика в середине 1990-х годов. Анри Труайя в 1995 году во вступительной статье каталога к моей выставке в Сенате «Русское искусство в изгнании во Франции: 1920–1970-е гг.» писал: «В моих глазах русские писатели-эмигранты, “уцелевшие” после кораблекрушения: Мережковский, Гиппиус, Бунин, Ремизов, Шмелев, Зайцев... были наглядной иллюстрацией трагедии творческой интеллигенции, оторванной от родной почвы. Испытания, выпавшие на долю этих российских изгнанников, еще более обострили их чувства, сделали их талант более зрелым, и ностальгия по исчезнувшим далям возвысила их душу. Они писали лучше, чем когда-либо. И однако, лишившись родины, они остались без читателей — свидетелей их литературных дебютов, без надежды обрести других. Французские издатели не торопились с публикацией переводов их произведений, французская печать оставила их без внимания... Покинув Россию, они так никуда и не приехали, довольствуясь тем, что существуют с грехом пополам в промежуточном абстрактном пространстве. То был ледяной ад апатридов...»

Год спустя Жан-Мари Руар в своей статье «Забвение», опубликованной в газете «Фигаро Литерер» (7 ноября 1996 г.), вторит Анри Труайя: «Эти изгнанники нашли столь мало сочувствия и понимания со стороны принявших их стран. Чуждость положения русских

² Бунин И. А. Публицистика. 1918–1953 гг. М., 1998. С. 149.

эмигрантов заключалась в том, что к ним, сбежавшим от ада большевистской революции, относились с таким презрением, будто бы они были отребьем человечества или отбросами истории».

Здесь уместно напомнить то, что писали об этом два французских русиста. Жорж Нива, профессор-славист, переживший период тех же заблуждений, с мужественной прямоотой пишет во вступлении к книге «Россия–Европа, конец раскола» (Лозанна, 1993) о крушении надежд французской интеллигенции на обновление старого мира и рождение нового человека.

Жерар Абенсур, сокурсник Ж. Нива в «Эколь Нормаль Сюперьер» (Высшей нормальной школе), в своей статье¹ «Николай Авдеевич Оцуп и его французские ученики» хвалится своим знакомством с Н. А. Оцупом, но тем не менее чувствует его снисходительно-пренебрежительное отношение к «белоэмигранту»: «Скромный человек, Николай Авдеевич никогда не рассказывал нам о созданном им русскоязычном парижском журнале “Числа”, редактором которого он был в начале 1930-х годов... В материальном отношении ему жилось нелегко... Мы, французские интеллектуалы, находились во власти марксистских идей, испытывали безмерное восхищение перед Советским Союзом, который, надо признать, умел выставить себя в выгодном свете. Видимо, по этой причине Н. А. придерживался безукоризненного нейтралитета... В те годы во французской среде существовала тенденция преуменьшать вклад русских эмигрантов в культуру и даже дискредитировать их, поэтому мы, аспиранты “Эколь Нормаль Сюперьер”, пребывали в полном неведении по отношению ко всему, что было написано во Франции на русском языке. Скорее всего именно поэтому Николай Оцуп сконцентрировал свое внимание на классике... По возвращении из Москвы в 1957 году я ему рассказал о своих впечатлениях, которые, кстати сказать, были весьма позитивными. Он слушал молча...» Молчание поэта-эмигранта красноречивее любых комментариев, которые были излишними...

Становится понятно, что подобный диалог был не только труден, но и невозможен. Контакты (или причины их отсутствия) — особая тема, весьма актуальная, до недавнего времени почти не исследованная, хотя, несомненно, представляющая большой интерес как для историков литературы и искусства, так и для широких кругов общечеловеческой ответственности обеих стран.

Однако попытки наладить диалог предпринимались (причем с обеих сторон). В 1928 году по инициативе молодого русского литератора Всеволода Фохта ежеквартальный журнал *France et Monde* (éd. Humanités contemporaines) начал печатать произведения русских писателей-эмигрантов: М. Цветаевой, Тэффи, Б. Зайцева, Н. Кузнецовой и других, стремясь ознакомить с ними французскую читающую публику. Предполагалось издать антологию их произведений. Одновременно в целях сближения была создана Франко-русская студия (*Studio Franco-Russe*), проводившая поэтические вечера, встречи, литературные диспуты. Из французской элиты во встречах участвовали Поль Валери, Андре Мальро, Андре Моруа, Жорж Бернанос, Жак Маритен, Габриэль Марсель, Станислав Фюме, Рене Лалу, Рене Гиль, а с русской стороны — Н. Бердяев, Б. Вышеславцев, Г. Федотов, П. Муратов, М. Цветаева, Б. Зайцев, М. Алданов, Г. Адамович, Г. Газданов, Б. Поплавский, М. Слоним, В. Вейдле и др.²

Первое публичное собрание, состоявшееся 29 октября 1929 года, было посвящено «Тревоге в литературе». На втором, проведенном 26 ноября того же года, обсужда-

лось влияние французской литературы на русских писателей с 1900 года. Третий вечер был посвящен «проблеме Достоевского». Четвертый, состоявшийся 28 января 1930 года, — «духовной драме Л. Толстого». После чего, как это ни прискорбно, франко-русские встречи прекратились.

Активный участник этих встреч В. В. Вейдле в своих воспоминаниях не без горечи констатирует: «Французы особенно широкого и особенно горячего интереса к парижским русским писателям первой эмиграции не проявляли... Как далека была наша, хотя бы и парижская, литература от литературы французской! Мне мечталось порой об их сближении. Оно не состоялось. Хотя кое-что в этом направлении и было сделано»³.

Но из этого общего правила были исключения: А. Ремизов, Д. Мережковский, Н. Бердяев, Л. Шестов и сам В. Вейдле, пишущий по-французски. Им активно помогали, их печатали Шарль дю Бос, Габриэль Марсель, Жак Маритен, Марсель Арлан. Тем не менее участие русских писателей, критиков, философов в культурной жизни межвоенной Франции было более чем скромным. Альянс с французской культурой не получился.

Канадский исследователь Леонид Ливак пытается доказать наличие более тесных интеллектуальных контактов⁴. Но с этим тезисом трудно согласиться. Безусловно, эмиграция была изолирована главным образом из-за идеологической «левизны» французской элиты. О чем без прикрас и умолчаний свидетельствуют, кроме В. Вейдле, Г. Адамович, Н. Берберова, Г. Струве.

«Вокруг был Запад, в частности Париж, блестящий и безразличный... а проникнуть во французские “круги”, даже если бы и было к тому желание, удавалось преимущественно тем, кто этого настойчиво, и не без заискивания, добивался. Приглашений никаких не бывало, а о каком-либо интересе или хотя бы любопытстве нечего и говорить», — писал Г. Адамович в конце 1954 года⁵.

О том же в своих мемуарах пишет и Нина Берберова: «Страшное, грозное время — двадцатые-тридцатые годы нашего века... В то время во всем западном мире не было ни одного видного писателя, который был бы “за нас”, то есть который поднял бы голос против преследований интеллигенции в СССР, против репрессий, против советской цензуры, арестов, процессов, закрытия журналов, против железного закона социалистического реализма, за неповиновение которому шло уничтожение русских писателей. Старшее поколение — Уэллс, Шоу, Роллан, Манн — было целиком за “новую Россию”, за “любопытный опыт”, ликвидировавший “ужасы царизма”, за Сталина против Троцкого, как оно было за Ленина против других лидеров русских политических партий. Старшее поколение с Теодором Драйзером, Синклером Льюисом, Эптоном Синклером, Андреем Жидом (до 1936 г.), Стефаном Цвейгом во всех вопросах было на стороне компартии против оппозиции...»⁶

В своей известной книге «Русская литература в изгнании» Г. Струве пишет: «На отношении иностранного читателя к писателям-эмигрантам сильно отражался и распространенный в европейской и американской интеллигенции “салонный большевизм”, склонность сочувствовать большевистской революции и относиться пренебрежительно к ее жертвам»⁷.

Об изоляции и равнодушии Запада безрадостно рассказывал мне Б. К. Зайцев во время наших многочисленных встреч в конце 1960-х годов. Пример тому — из всех книг Зайцева, опубликованных в эмиграции, при жизни

³ Русский альманах. Париж, 1981. С. 397.

⁴ Русские писатели в Париже: Взгляд на французскую литературу 1920–1940. М., 2007. С. 200–214.

⁵ Адамович Г. Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955. С. 35.

⁶ Берберова Н. Курсив мой: автобиография: в 2 т. Нью-Йорк, 1983. Т. 1. С. 265.

⁷ Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956. С. 239.

¹ Берега. СПб., 2008. Вып. 9. С. 26–28.

² Le Studio Franco-Russe 1929–1931 / textes réunis et présentés par L. Livak. Toronto, 2005.

писателя на французском языке вышли всего две его книги: «Анна» и «Золотой узор» (причем последняя увидела свет в 1933 г., почти за 40 лет до смерти писателя в Париже). Третьей книгой стал мой перевод его «Голубой звезды» в 2000 году. Другой пример связан с творчеством Ивана Шмелева: за 30 лет изгнания во Франции вышли в свет на французском языке всего три его книги. Французское издание¹ «Окаянных дней» И. Бунина появилось только в конце перестройки, после выхода этого произведения в Москве.

Весьма показателен скандал, разразившийся в 1927 году в связи с проникшим на Запад анонимным письмом «Писателям мира» от лица «группы русских писателей из России»: «К вам, писатели мира, обращены наши слова. Чем объяснить, что вы, прозорливцы, проникающие в глубины души человеческой, в душу эпохи и народов, проходите мимо нас, русских, обреченных грызть цепи страшной тюрьмы, воздвигнутой слову? Почему вы, воспитанные на творениях также и наших гениев слова, молчите, когда в великой стране идет удушение великой литературы? Или вы не знаете о коммунистической цензуре? <...> Писатели! — Ухо, глаз и совесть мира — откликнитесь! Единственное наше оружие — перо — выбито из наших рук, воздух, которым мы дышим, — литература — отнят от нас, мы сами в тюрьме. <...> Мы лично гибнем. Как из тюремного подполья, отправляем мы это письмо. С великим риском мы пишем его, с риском для жизни переправят за границу. Не знаем, достигнет ли оно страниц свободной печати. Но если достигнет, если наш замогильный голос зазвучит среди вас, закликаем вас: вслушайтесь, вчитайтесь, вдумайтесь!»²

К. Бальмонт, И. Бунин и И. Шмелев пытались привлечь внимание Запада к этому документу. Бунин выступил первым и уже через неделю писал в газете «Возрождение»: «К писателям всего мира обращаюсь и я: да, вслушайтесь, вдумайтесь, отзовитесь на этот потрясающий вопль! Семь лет, прожитых мной в Европе, целых семь лет с несказанным изумлением и ужасом восклицаю я внутренне: да где же вы, “совесть мира, прозорливцы”, что же молчите вы, глядя на то, что творится рядом с вами в цивилизованной Европе, в христианском мире? Мы, писатели-изгнанники, не раз пытались своими воплями заставить очнуться европейский мир, обезумевший и окаменевший в своих материальных расчетах...»³

Бальмонт также откликнулся. В октябре 1927 года он обратился с открытым письмом к Кнуту Гамсуну, затем к Ромену Роллану. Несколько месяцев русские писатели-изгнанники пытались напечатать свои призывы во французской прессе. И только в январе им это удалось: их обращения появились в небольшом периодическом издании *L'Avenir*.

Эти воззвания никто не заметил, за одним исключением: Ромен Роллан напечатал ответ в ежемесячнике *L'Europe*, ссылаясь на свидетельство писателей Ж. Дюамеля и Л. Дюртена, насмотревшихся в Советском Союзе на «потемкинские деревни» сталинизма: «Бальмонт, Бунин, я все понимаю — ваш мир разрушен, вы — в печальном изгнании. Для вас гудит набат погибшего прошлого». Р. Роллан обратился к М. Горькому с вопросом: правда ли, что писателей в Советском Союзе угнетают? Ответ Горького был напечатан в мартовском номере *L'Europe*. В нем, разумеется, утверждалось, что в Советском Союзе писатели куда более счастливы, чем в зарубежных странах...

Но К. Бальмонт не успокоился и в новом письме Р. Роллану написал: «Большевизм есть деспотизм, и в тысячу раз худший, неизмеримо более бесчеловечный, чем был деспотизм царизма».

Как вспоминает Н. Берберова, В. Ходасевич также хотел возразить М. Горькому во французской печати, рассказать о бесследно пропавших в СССР поэтах и писателях, о самоубийствах, пресловутой политике партии, цензуре, страшных годах, которые настанут для литераторов в России...

Поводом для новой полемики послужило юбилейное приветствие Р. Роллана (4 декабря 1927 г.) «величайшей годовщине в истории народов», то есть Октябрьской революции. И. Бунин вновь выступил с открытым письмом: «Я бесконечно обязан *L'Avenir*, позволившему мне присоединить эти несколько строк к сильному и благородному письму Бальмонта, к горьким упрекам, с которыми он обращается к знаменитому французскому писателю Ромену Роллану, считающемуся одним из самых страстных борников свободы и человеколюбия, а проявляющего себя другом банды разбойников и злодеев, которые вот уже десять лет как опустошают и истощают Россию и унижают человеческое достоинство, как никогда со времен сотворения мира.

Неужели он всерьез предполагает, что мы все, русские писатели-эмигранты, являемся просто-напросто тупыми реакционерами... Как он заблуждается!»⁴

Уместно напомнить, что кроме Р. Роллана, на стороне советской власти были так называемые прогрессивные литераторы: А. Барбюс, Л. Арагон, А. Бретон, Л. Дюртен, А. Мальро, Ж. Дюамель, Н. Саррот, А. Роб-Грийе и др. Андре Жид долгие годы доказывал достоинство режима «великого Сталина», пока после поездки в СССР не прозрел...

К счастью, художникам-эмигрантам оказалось легче наладить творческие связи, правда, не без усилий с их стороны. Они сумели не только влиться в художественную жизнь Запада, но и положить начало новым направлениям в живописи. Достаточно упомянуть В. Кандинского, О. Цадкина, Н. де Сталя, Союзу Делоне. Этому, безусловно, способствовало то, что многие приехали в Париж задолго до революции и полноправно вписались в артистическое «панно» довоенного Парижа. В их числе были: М. Шагал, С. Ястребцов (Фера), Л. Сюрваж, М. Васильева, С. Шаршун, Н. Гончарова, М. Ларионов. Парижская школа немислима без А. Ланского, С. Полякова, М. Андреевко, Л. Зака, К. Терешковича, Д. Бушена, Маревны (М. Воробьевой-Стебельской), И. Пуни и др.

Следовало бы рассказать и о блистательных Русских сезонах С. Дягилева в Париже (1909–1929), но это уже другая история. Ее завершение было более счастливым, нежели развязка истории «любви без взаимности» между русским и французским литературным миром.

Остается лишь жалеть, что и после крушения советского тотализма ситуация во Франции не претерпела значительных изменений, хотя и вести диалог уже не с кем: «Иных уж нет, а те далече...» Но потребность в объективном и честном осмыслении драматичного прошлого остается. Признать ошибку никогда не поздно. Воздать должное тем, кто, оказавшись «в послании» на французской земле, достойно нес свою миссию, не только можно, но и нужно. Будем надеяться, что это все-таки произойдет.

¹ *Bouine I. Jours maudits, L'Age d'Homme. Lausanne, 1988.*

² Последние новости. Париж. 1927. 10 июля. № 2300; *Возрождение*. Париж. 1927. 10 июля. № 768.

³ *Возрождение*. Париж. 1927. 17 июля. № 775.

⁴ Бунин И. А. Указ. соч. С. 264–265.

Д. А. Гранин¹

ВЫДЕРЖИТ ЛИ РОССИЯ ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ?

Я все чаще задумываюсь над вопросом: выдержит ли Россия вызовы времени?

Сегодня Россия находится в трудном положении — и материальном, и нравственном, и духовном. Она лишилась идеи жизни, своих кумиров, героев, которым поклонялась. Мы никого не любим. Живем на развалинах бывших кумиров. Говорят, что только искусство может создавать героев, любимых народом. Не совсем так. Америка создала Форда. Он долгое время был героем. Тем, кто придумал разумную промышленную систему, помог процветанию производства. Где у нас миллиардер, богат, про которого мы знаем, что он сделал полезное для народа, для техники? У нас мало возможностей разбогатеть честным путем — что-то изобрести, придумать, организовать. Может, кому-то удастся, но мы о нем не знаем, да и не поверим. Никто из наших миллиардеров не предстал перед нами со своей историей, с рассказом, как он обрел свои капиталы. Темно, скрыто, и, как правило, считается, что пути наших миллиардеров — пути бесчестные. Они не подают обществу надежды, что мы живем в стране, где можно добиться успеха честным образом. Казалось бы, мы приобрели свободы, возможности, а в то же время мы потеряли всякие примеры, которые могут нас воодушевлять. Мы потеряли даже то, что было в царской России, где был Ломоносов. Сын крестьянина, рыбака, который послужил для тысяч русских примером того, что из народа можно выйти в академики. Где такие примеры сегодня?

Даже советская система поощрений — медали, значки, грамоты, все, что хранится у старых людей только как воспоминание, — была важной душевной поддержкой человеку. Получали мало, зарплата была жалкая, несообразная трудовым усилиям, но была моральная компенсация. Ее сейчас нет. Все стало измеряться лишь рублем. А эта система ядовитая, отравляющая нравственное состояние человека. Сегодня в цене не человеческие качества, а толщина кошелька. Конечно, наши люди за предыдущие десятилетия бедноты стосковались по благоустроенной личной жизни. Всем хочется иметь квартиру, машину, дачу, хочется поехать в путешествие. В этом нет ничего плохого. Это естественное желание. Но есть грань между жизнью скромной и роскошной. Границу эту наносит духовность человека. Чем меньше культуры, тем больше интерес к ресторанам, нарядам, машинам.

В нашей стране не хватает нравственных примеров, не к кому прислониться душой. От этого неоправданная убогость понятия о красивой жизни.

В советские времена низкий этический уровень можно было оправдывать страхами, идеологией, цензурой. В нынешнем человеке мы, очевидно, имеем дело с принципиально другим отношением к культуре и совести. Появились новые требования к ним, новые, куда более заниженные уровни стыда и совести, и они считаются нормальными.

Взятки берут не для духовного обогащения. Воруют для разгульной жизни, творят беспредел, идет поголовное бесстыдство чиновников, для которых любые законы определяются степенью взяточности. Вот олигархи, которые захватили народные достояния лесов, недр, зе-

мель, жилья и получили миллиарды — за что? Они ничего не изобрели, не открыли ни в науке, ни в экономике, ни в производстве, ничего не дали обществу, тем не менее стали владельцами огромных состояний, в основном по праву захватчиков, «окупантов».

Вот депутаты всех уровней добиваются своих мандатов с помощью пустых обещаний, лжи и обмана. В стране повсеместно воцарились культ денег и воровство.

Телевидение на всех каналах заботится не столько о просвещении и воспитании, сколько о рекламе, то есть о рейтингах ради своих доходов. Иногда кажется, что наше телевидение — это заговор, заговор с целью превратить народ в зомбированную массу, у которой никаких других интересов, кроме детективов, секса и жратвы. Я не люблю слово «заговор», но слишком уж единодушны все телевизионные каналы, слишком единодушны газеты. Все время одно и то же: кто с кем, когда, сколько раз.

В последние годы своей жизни Дмитрий Сергеевич Лихачев упорно возвращался к проблеме совести. Он с печалью видел, как она перестает быть мерилем нравственности, как Россия становится страной без стыда и совести.

После замечательного русского философа Владимира Соловьева Лихачев, пожалуй, единственный, кто так настойчиво занимался категорией совести. Соловьев считал, что совесть есть развитие стыда. Должен быть стыд. Нет стыда? Тогда совесть молчит.

Стыд был первым человеческим чувством, которое отличало человека от животных. Можно считать, что человек — животное «стыдящееся». Господь обнаружил первородный грех Адама и Евы по тому, как они устыдились своей наготы. И изгнал их из рая. Человек постепенно начинал понимать, что «должно по отношению к людям и к богам», и тогда инстинкт стыда стал превращаться в голос совести, то есть Адам и Ева устыдились совершенного ими, и этот стыд, который заставил их прикрыть себя фиговыми листьями, и был первым голосом совести.

Лихачев сумел развить это положение, дополняя его ролью памяти. Он показывал, как память формирует совесть. Без памяти нет совести, память сохраняет наши грехи, память семейная, культурная, народная питает совесть, требует от нее уважительного отношения к старшим, к друзьям, к родным. Вспоминает, правильно ли мы жили, хорошо ли обращались со своими родными. Позднее наше раскаяние — это работа памяти, которая тревожит совесть. Память — историческая категория. Побывав в Гамбурге на кладбище русских солдат, жертв Первой мировой войны, я вдруг сообразил, что у нас в России не видел и не знаю ни одного кладбища, где сохранялся бы прах русских солдат, погибших в ту, Первую мировую, войну.

А что такое действия вандалов на наших кладбищах или то, что они творят в Летнем саду? Это что? Это свидетельства жизни без памяти.

Лихачев обращал наше внимание на некоторые особенности совести.

Совесть противостоит давлению извне, она защищает человека от внешних воздействий. И в самом деле, к человеку порой может достучаться только совесть, внутренний его голос, он куда действеннее, чем бесконечные призывы, пропаганда учителей, воспитателей, даже родителей. Поступок, совершенный целиком по совести, — это свободный поступок.

Уверен, нас сплотит и спасет опора на культуру, нравственные ценности, милосердие.

Важно, чтобы и власть в нашей стране дорожила культурой, любила ее и опиралась на нее.

¹ Писатель, Герой Социалистического Труда, почетный гражданин Санкт-Петербурга, почетный доктор СПбГУП, соучредитель Конгресса петербургской интеллигенции.

Автор книг: «Искатели», «Иду на грозу», «Эта странная жизнь», «Клавдия Вилор», «Блокадная книга» (в соавт. с А. Адамовичем), «Картина», «Зубр», «Бегство в Россию», «Вечера с Петром Великим», «Интеллигенция» и др.

Недавно в петербургской филармонии я был на концерте Баварского симфонического оркестра, которым дирижировал мой хороший знакомый Марис Янсонс. Этот человек входит в первую пятерку дирижеров мира. Я бывал на его концертах в Австрии. Что на них поражало? Люди приезжали из Китая, Японии, среди гостей была канцлер Германии госпожа Меркель, был канцлер Австрии, министры, ученые. Что творилось и в нашей филармонии (Янсонс долгое время работал в ней дирижером) — трудно описать. Питерцы любят музыку, понимают, ценят, и меломаны города рвались на концерт. Это был праздник. Но было и другое. Меня огорчило, что на таком историческом событии в культурной жизни города не было никого из наших властей, никто не пришел, не поинтересовался. Интересная особенность нынешнего времени. Наши власти не нуждаются в культуре, не нужна она, среди них почти нет людей, которые просто, не по службе любят музыку, любят живопись, любят театр. Это грустно. Это сказывается на положении дел с российской культурой. Среди приоритетов, которые выдвинуты правительственной политикой, есть сельское хозяйство, медицина, ЖКХ, оборона. А вот культуры нет. Культура может подождать. Не срочно. Но культура такая материя, которая ждать не может. Если человек прерывает свои отношения с искусством на годы, считайте, что он расстался с культурой, расстался с литературой, чтением, с театром, с музыкой. Наша власть — цивилизованные, образованные, воспитанные люди, знающие языки. Тем обиднее, что они, все понимая, почему-то так мало делают для культуры стра-

ны. Все меньше библиотек, концертных залов, симфонических оркестров.

Когда бываешь в школах, клубах, на собраниях интеллигенции, особенно в провинции, на свои вопросы и сетования слышишь один ответ, всюду, во всех регионах одна и та же фраза — «От меня ничего не зависит. От нас ничего не зависит». С этим убеждением живет значительная, подавляющая часть россиян — «От нас ничего не зависит». Усталость, безнадежность... Что же соединяет нашу Россию? Что скрепляет ее? Этот вопрос сегодня встает все острее и тревожнее. Как сохранить Россию?

Что же будет держать и держит нашего человека в России? Держала во многом и может держать нашего человека культура, ощущение той великой культуры, в которой мы все формируемся и растем, — поэзия, театр, музыка, все то, что составляет и составляло прелесть и душу российского народа. И если эта культура становится второстепенной, мало поддерживаемой и мало нужной, то спрашивается: чем мы можем сохранить Россию?

Что понимать под словом «культура»? Для меня, например, уничтожение деревни, деревенской жизни является катастрофой русской культуры. Деревня несла в себе огромную культуру: традиции взаимоотношений с людьми, милосердия, правил поведения, вежливости. Деревня содержала блаженных, нищих. Деревня не забирала избы, там не было воровства. Там сохранялся фольклор, частушки, народное творчество. Все это закончилось. И потери эти невозможны или частично возмещаемы культурой книжной, театральной, музыкальной.

Р. С. Гринберг¹

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

Чтобы верно оценить ход рыночных реформ в России, нельзя не учитывать культурные предпосылки ее социально-экономической динамики. При этом культура рассматривается в широком понимании, не сводимом к функционированию отрасли и системе культурно-досуговых учреждений. Речь идет о культурных традициях, ценностных ориентирах и нравственных установках, принятых в обществе. Очевидно, что именно они оказывают существенное воздействие на поведение человека в процессе хозяйственной деятельности и, в конечном счете, на функционирование самой экономической системы. Механическое заимствование норм и законов, сложившихся в иной культурной среде и других условиях, может оказаться не только неэффективным, но и опасным с точки зрения социальной стабильности. Без особого риска преувеличения можно утверждать, что огромная социальная цена российской трансформации во многом обусловлена игнорированием культурного компонента в разработке и реализации социально-экономических программ.

Россия все еще находится в суровых условиях системной трансформации. И, судя по всему, окончание перехода состоится не завтра и даже не послезавтра. К тому же это переход к «нормальности», которой не было. Тем не менее шансы на движение страны к гражданскому обществу, плюралистической демократии и социальному рыночному хозяйству — при всех задержках и даже откатах — со-

храняются. Главное — уметь извлекать уроки из недавнего прошлого и не делать новых ошибок. К сожалению, говорить о такой опасности приходится. Но прежде попытаюсь охарактеризовать промежуточные итоги «русской трансформации».

Чего хотели и что получилось?

Надо признать целый ряд положительных итогов состоявшихся рыночных преобразований. Их очевидная позитивная сторона в том, что преодолена изолированность страны от внешнего мира и демонтированы механизмы командной экономики и внешнеторговой монополии. В результате исчез униженный дефицит товаров и услуг, значительно расширился их ассортимент. С прекращением идеологической войны с «вещизмом» восстановлено право людей на «уют». Особенно отраднo, что раскрепощена ранее скованная личная инициатива. Происходит становление предпринимательского класса, призванного сформировать основу благополучия страны. Население стремительно изживает исторически приобретенные иждивенческие комплексы. Вопреки разного рода предсказаниям, россияне быстро усвоили «рыночный» образ мысли и действия. Устранена типичная для советского строя уравнильность в личных доходах, и виден осязаемый прогресс в дисциплине и этике труда: есть смысл зарабатывать деньги, раз появилась возможность беспрепятственно обменивать их на ранее недоступные товары и услуги. Наконец, нельзя не отметить, что после 70 лет принципиально иной экономической системы в стране достаточно быстро были созданы и, худо ли бедно, но начали функционировать формальные институты рыночной экономики — коммерческие банки, товарные и фондовые

¹ Член-корреспондент РАН, директор Института экономики РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор. Автор свыше 250 публикаций, в том числе книг: «Экономическая социодинамика. Россия: правила и реальность (в соавт.)», «Инфляция и антиинфляционная политика в условиях рыночных реформ (опыт стран Центральной и Восточной Европы)», «Рациональное поведение государства», «Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века» (в соавт.). Главный редактор журнала «Мир перемен».

рынки, валютные биржи, качественно новые налоговые механизмы, правила антимонопольного регулирования и т. д.

И все же результаты рыночных преобразований с отрицательным знаком более зримы и очевидны. Они явно преобладают над успехами. И дело здесь не только в том, что за годы реформ страна утратила половину своего экономического потенциала. Хуже то, что в ней пока никак не удается приостановить процессы примитивизации производства, деинтеллектуализации труда и деградации социальной сферы. Сюда же надо добавить появление массовой бедности, которая за годы радикальных перемен стремительно расширялась за счет размывания сложившегося в СССР, пусть не слишком богатого по западным критериям, но все-таки среднего класса. В 1990-е годы Россия явно отдалась от желаемых социально-экономических стандартов евроатлантических наций и приблизилась к усредненным характеристикам типичной страны третьего мира с огромной поляризацией личных доходов. Разного рода подсчеты и исследования материальных возможностей российских домохозяйств свидетельствуют о том, что реально плодами проведенных преобразований пользуются не больше четверти населения страны, а половина ее жителей ведет еще более суровую борьбу за существование, чем в советские времена.

Конечно, на результативность отечественных реформ продолжают влиять мощные объективные факторы, делающие системную трансформацию в России намного более трудной, чем у наших партнеров по бывшему СЭВ. Если в странах Центральной и Восточной Европы социалистическое бытие длилось 40 лет и в большинстве случаев было навязано извне, то в России социализм господствовал более 70 лет и был, так сказать, целиком отечественным, а не «импортированным продуктом». Далее надо иметь в виду, что, в отличие от стран ЦВЕ, перед российскими реформаторами стояла задача продолжить системную трансформацию при стремительном, правда, ими же и инициированном, распаде ранее единого государства. Полиэтничность населения бывшего СССР в условиях демократизации общественной жизни существенно облегчила реализацию своего рода национально-хозяйственного шовинизма, который часто игнорирует соображения экономической целесообразности. Каковы бы ни были намерения лидеров новых независимых государств (избавимся от «грабительского» центра, и легче будет проводить реформы), действительность показала, что разрыв единого экономического пространства затруднил, а не облегчил переход к рыночной экономике каждой суверенной республики бывшего СССР, и Россия не стала исключением. Наконец, на старте реформ серьезным испытанием для перестройки экономики России оказалось огромное бремя военного производства.

Тем не менее без особого риска преувеличения можно утверждать, что разочарывающие итоги системной трансформации в России преимущественно рукотворны и только во вторую очередь предопределены специфическими неблагоприятными стартовыми условиями. Во всяком случае, чрезвычайно высокая социальная цена реформ стала главной причиной того, что в российском общественном сознании сами понятия демократии, рынка и свободы оказались в значительной мере дискредитированы.

Утрата социальной солидарности, социальное разобщение — еще один плачевный итог трансформации российского общества. Среди составляющих той непомерной социальной цены, которую пришлось заплатить за радикальные экономические реформы в России, — пренебрежение нравственно-психологическим миром человека. Интенсивное искоренение морально-этического ком-

понента из социального бытия деформирует повседневную жизнь. Демографические исследования показывают, что более двух третей причин депопуляции России связано с такими возникшими в постсоветский период социально-психологическими феноменами, как социальная депрессия, апатия и агрессия. Резкий поворот массового сознания к обогащению любой ценой оказался для значительной части населения России тяжелой психологической травмой, источником как личных трагедий, так и различного рода общественных патологий.

Хуже всех пришлось представителям прежнего среднего класса, который к началу реформ был весьма многочисленным (профессионалы с высшим образованием, руководители среднего звена, служащие, высококвалифицированные рабочие). Их жизненный уровень по сравнению с другими группами населения упал особенно резко.

Начиная с конца 1950-х годов в СССР стали зарождаться если не элементы, то определенные предпосылки гражданского общества: появился широкий слой преподавательской, технической и научной интеллигенции, управленческого персонала среднего звена, деятелей культуры. Характерными чертами многих представителей этого класса были не только общественный статус, высокий уровень образования и денежных доходов, но и самостоятельность мышления, высокая самооценка, умение противостоять политическому манипулированию, чувство собственного достоинства, то есть все те признаки классового сознания, которые отличают средний класс от среднего потребительского слоя. Представители этого класса были особенно заметны в крупных промышленных центрах. Россия располагала такими ареалами концентрации научно-технической и творческой интеллигенции, как Москва, Ленинград, Новосибирск, Свердловск, Горький, Казань, Томск и другие, наличие которых выдвигало ее на первые позиции в мировой иерархии интеллектуальных стран.

Однако инновационный кадровый потенциал не был задействован реформаторами в строительстве новой России. Более того, именно представители среднего класса в наибольшей мере испытали экономическую и социальную депривацию в ходе проведения реформ. Российские реформаторы постарались как можно быстрее избавиться от этой социальной группы. Большинство ее представителей было выброшено на обочину жизни, многие эмигрировали. Таким образом, один из главных факторов успешного перехода к либеральному рынку и демократическому государству — творческий ресурс населения, вместо того чтобы быть использованным, оказался в значительной степени разрушенным. Резкое ослабление научно-технического и человеческого потенциала — невосполнимая и с экономической, и с социальной точки зрения потеря, которую понесла Россия за эти 15 лет.

Следует указать и на такое важное социальное последствие российских реформ, как растущая пропасть между властью и народом. Отчуждение населения от государственного аппарата, характерное для тоталитарного режима, не только не исчезло, но в итоге трансформации в 1990-е годы даже усилилось. Фактически государство превратилось в замкнутую самодостаточную корпорацию, а значительная часть населения, в первую очередь бюджетники, наемные работники, пенсионеры, дети и инвалиды, — в обузу для членов этой корпорации.

Таков перечень основных составляющих той социальной цены, которую платит страна за радикальные рыночные реформы. Теперь об их политических итогах.

В России, в отличие от других европейских государств, либеральные идеи традиционны не имели широкой социальной базы. Обращение к либеральным ценностям характерно лишь для отдельных периодов российской

истории XIX–XX веков. Именно таким периодом оказалось десятилетие, охватывающее вторую половину 1980-х и первую 1990-х годов. Вряд ли можно отрицать, что тогда в российском обществе стремительно возрастала популярность идей свободы личности и частной инициативы. К началу 1990-х годов они захватили значительную, если не большую, часть населения, причем самую продуктивную его часть. Словом, возникла широкая социальная и психологическая основа для практической реализации либеральных и демократических идей. А государственной власти был предоставлен хороший шанс для развития демократических процессов, формирования гражданского общества, создания цивилизованной свободной рыночной экономической системы.

Но российские реформаторы не только не воспользовались этой уникальной возможностью; фактически они сделали все, чтобы опорочить ценности свободы в глазах населения. Происходившее в России в 1990-е годы вызвало в общественном мнении нарастающее негативное и даже враждебное отношение и к ценностям свободы, и к самому понятию «демократия». Оно стало синонимом воровства и коррупции, а либеральная идея оказалась настолько скомпрометированной, что уже к концу 1990-х годов масштаб агрессивного неприятия либеральных и демократических ценностей создал реальные предпосылки для возврата к авторитарному режиму. Дискредитация демократии и создание предпосылок авторитаризма — главный общественно-политический итог деятельности российских реформаторов в 1990-е годы. Сейчас общество пожинает посеянные ими плоды. С грустью приходится констатировать, что нынешняя политическая надстройка логически безупречно венчает созданный в годы реформ экономический базис.

«Магическое мышление», или Почему они «такие»?

Есть, по-видимому, веские основания полагать, что появление на российской политической сцене радикальных реформаторов — результат традиционного и, как всегда, не оправданного нетерпения западнического крыла российской интеллектуальной элиты, волею судеб оказавшейся у власти в стране в начале 1990-х годов. Сегодня это важно подчеркнуть, потому что в наши дни, по прошествии периода «бури и натиска», стало хорошим тоном если не демонизировать состав первой бригады «шкоте-рапевтов», то, по крайней мере, открещиваться от них. На самом деле и интеллигенция, и так называемые простые люди в подавляющем большинстве просто обожали молодых энергичных реформаторов, а если уж быть совсем точным — их патрона, первого президента России, обещавшего в короткие сроки «осчастливить» народ. Ведь это только сегодня трудно обнаружить людей, голосовавших за Ельцина и безоговорочно поддержавших его юных соратников. А в решающем 1991 году все было иначе. И если «глас народа — глас божий», то их не в чем упрекнуть. В ловушку очередной, на этот раз неолиберальной, утопии угодила мыслящая часть народа, к сожалению, сыгравшая решающую роль в формировании и распространении новых социальных иллюзий.

Нелепо также осуждать радикальных реформаторов за то, что они, якобы, положили начало разбалансированности экономики страны. К 1992 году она в своей подавляющей части уже была разбалансирована в результате губительного для всех противоборства российских властей и союзного центра. Несомненно, правы те из реформаторов, кто утверждает, что ко времени их вхождения во власть управляемость экономикой — советской вообще и российской в частности — уже в значительной мере была утрачена, а товарно-денежное неравновесие достигло огромных размеров. Правда, им придется признать, что тем

и другим страна главным образом обязана их покровителям и им самим.

Некорректна, на мой взгляд, и весьма распространенная в обществе огульная критика так называемой шоко-терапии, под которой обычно понимается состоявшаяся 2 января 1992 года одномоментная либерализация цен. Для сторонников рыночной экономики в принципе не должно быть сомнений в том, что большинство цен нужно было отпускать, иначе просто не был бы запущен механизм рыночного саморегулирования. Можно, правда, спорить о соотношении твердых и свободных цен в тогдашних российских условиях. Но это тема для особого разговора. Как бы то ни было, явно несостоятелен упрек реформаторам в том, что они не учли монополистическую природу советской экономики. Многие и сейчас считают, что сначала будто бы нужно было сформировать конкурентную среду и лишь после ее образования отпустить цены. Такое представление насквозь утопично, так как в принципе невозможно создать конкурентные отношения при фиксированных ценах.

Что касается не мнимых, а действительных ошибок «действующих лиц и исполнителей» российских реформ, то здесь, казалось бы, уже так много сказано и написано, что трудно добавить что-то новое. И все же имеет смысл обратить особое внимание на мировоззренческую природу просчетов и упущений в политике реформ, как, впрочем, и в экономической политике в целом. Вопрос этот, к сожалению, так и не утратил своей актуальности.

Начну с ярко выраженной склонности как вчерашних, так и сегодняшних реформаторов к «магическому мышлению», представляющему собой смесь неоправданных надежд и распространенных заблуждений, иллюзий и мифов. Среди иллюзий я отметил бы, прежде всего, принятие в качестве руководства к действию текущих мировоззренческих императивов Запада, оправдывающих погоню за его экономическими и социальными стандартами, а также абсолютизацию так называемых универсальных экономических закономерностей, не учитывающих требования «места и времени». Сюда же следует отнести убежденность в необходимости максимально высокой скорости перемен как решающего фактора их необратимости, что реформаторы имели обыкновение объяснять опасениями коммунистического реванша. Кроме того, в разряд иллюзий уместно включить наивно-благостное отношение к порядкам в современном мировом хозяйстве, где будто бы царят только отношения дружбы и взаимопомощи. С самого начала радикальных реформ верным считался тезис: быстрая открытость экономики России благоприятна, постепенная и дозированная — вредна.

Теперь о мифах. Во-первых, это стойкое представление, что в современном мире благоденствуют нации, которым удалось до минимума свести государственное участие в экономике. Речь идет об антиэтатистском синдроме, пронизывающем «основное русло» современной экономической мысли, но имеющем мало общего с действительностью. Во-вторых, сюда же следует отнести возведение в ранг безусловной закономерности тезиса об органической слабости государства в «транзитных» странах, и особенно в России. Из этого тезиса вытекал вывод, что здесь вмешательство государства в хозяйственную жизнь должно быть еще более ограниченным, чем в зрелых рыночных экономиках. И, наконец, в-третьих, в качестве мифа следует рассматривать приверженность реформаторов теории «обузы», согласно которой Россия быстрее волеется в лоно цветущего Запада без слабых спутников в лице постсоветских республик. При этом почему-то господствовало представление, что новые суверенные государства, бывшие республики СССР, не смогут выжить без новой России.

Здесь как будто бы напрашивается возражение, что все это уже в прошлом, что в постдефолтной России экономическая политика утратила свою сугубо идеологическую направленность и приобрела исключительно прагматический характер. Этого и хотелось бы, — но что-то мешает так думать.

Трудно избавиться от ощущения, что экономическая философия, положенная в основу конкретной политики, сегодня никак не изменилась по сравнению с началом 1990-х годов. Установка на разгосударствление экономики по всем линиям продолжается, хотя и создаются мощные холдинги, о которых разговор особый. Попытки «маркетизации» всей российской жизни продолжают, несмотря на, казалось бы, богатейший печальный опыт «либерализма без берегов», из которого давно пора бы извлечь хоть какие-нибудь полезные уроки.

С упорством, достойным лучшего применения...

В соответствии с представлением, все еще очень живучим и у нас, и на Западе, сформированный в начале 1990-х годов неоллиберальный план трансформации командной экономики в рыночную провалился в России только потому, что разные «непредвиденные» обстоятельства не давали его осуществить, — хотя сам-то план был безукоризненный. Разные обстоятельства — это «плохие» коммунисты, всегда жаждущие реванша, популистский левоориентированный парламент и, наконец, инертное, в патернализме воспитанное население, которое еще не утратило надежду выжить после проведенных реформ.

Примечательно, что даже после событий 1998 года официальная оценка Международным валютным фондом причин провала российских реформ оставалась неизменной. Руководители МВФ нехотя признавали отдельные ошибки в советах, дававшихся российским реформаторам, — например, просчетом считается согласие на жесткий «валютный коридор». В целом же, «если бы русские (здесь я почти буквально цитирую Фишера, Сми и Камдессю) полностью выполняли рекомендации, которые они сами для себя выработали с нашей помощью, реформы были бы успешны». А рекомендации эти, как известно, были предельно просты: максимальная приватизация, минимальный уровень инфляции, максимальная открытость внешнему миру и минимум государственного интервенционизма.

Сейчас все указывает на то, что на страну накатывает новая волна людоедского, по сути, либерализма. Особенно заметна нацеленность экономических ведомств на дальнейшее сокращение бюджетных расходов в социальном секторе, которые и так снизились до недопустимого для нашей страны уровня. В 1990-е годы еще были какие-то иллюзии спонтанного роста внебюджетной поддержки отраслей социальной сферы, наивные надежды, что часть бюджетной ноши перехватят новоиспеченные частные хозяйствующие субъекты. Теперь же совершенно отчетливо просматривается стратегическая установка на сокращение числа организаций, деятельность которых требует постоянного, я подчеркиваю, бесперебойного государственного финансирования. Абсолютно игнорируется объективный характер убыточности подавляющей массы организаций социальной сферы при любой степени зрелости рыночной экономики. Именно из факта врожденной убыточности этой сферы, собственно, и вытекают конституционные гарантии и бюджетные обязательства современного государства по систематической поддержке учреждений здравоохранения, фундаментальной науки, культуры и образования. Здесь замечу, что такая поддержка осуществляется на регулярной основе во всех зрелых рыночных экономиках и относительно успешных постсоциалистических странах.

Но наше правительство, скорее всего не только из идеологических, но и из фискальных соображений, этого делать не хочет и ведет, судя по всему, дело к тому, чтобы избавиться от конституционных гарантий «социального» государства (это ли не насмешка над писаной конституцией?) и перейти к договорным отношениям, которые по природе своей носят преходящий характер. Итог такой политики более или менее очевиден и не заставит себя долго ждать: деградация социальной сферы стремительно приблизит ее коллапс, а намерения построить новую экономику, основанную на знаниях (**knowledge-base economy**), останутся лишь прекраснотдушными мечтами.

Вообще говоря, все мы должны считаться с одним любопытным глобальным интеллектуальным феноменом наших дней. Я имею в виду огромное влияние, если не сказать, тотальный «террор» идеологической составляющей основного рула современной экономической мысли. А содержание этой составляющей, коротко говоря, сводится к следующей максиме: «Ошибки государства всегда хуже ошибок рынка». Отсюда следует, что лучше «переборщить» с дерегулированием, чем с чрезмерным распространением государственных интервенций с их неизбежными бюрократическими извращениями.

В то же время существует колоссальный разрыв между идеологической составляющей и реальной практикой самых «рыночных» западных стран. Достаточно сказать, что сейчас через совокупный государственный бюджет стран ОЭСР, то есть самых богатых государств мира, перераспределяется половина ВВП, в то время как сто лет назад этот показатель нигде не превышал 10 %. Уместно заметить, что сто лет назад никакого среднего класса не существовало, а появился он лишь во второй половине прошлого века, то есть именно тогда, когда участие государства в экономической жизни общества достигло своего апогея как в количественном, так и в качественном отношении.

Совершенно очевидно, что начавшаяся на Западе четверть века назад «демонизация» государства как такового связана исключительно с «пересоциализацией» зрелых рыночных экономик, то есть с определенной гипертрофией социальных функций государства. Тем не менее ограничение там государственного интервенционизма, причем чаще всего мнимое или очень незначительное, нужно рассматривать лишь как коррекцию «государства всеобщего благосостояния», но отнюдь не как его демонтаж.

Но нашим реформаторам реальная, а не выдуманная жизнь «эталонных» стран, как видно, не особенно интересна. Им подавая идеологически чистые режимы свободного рынка, где государство низведено до роли «ночного сторожа» образца XVIII века. Создается впечатление, что для них любая государственная активность порочна за исключением обеспечения «единства правил игры для всех» и принуждения к их соблюдению. Правда, все это легко сочетается с причитаниями по поводу «слабого» государства и желанием укрепления авторитаризма власти. Словом, у нас в России антиэтатистская риторика — не просто риторика. Она по-прежнему — руководство к действию. И в этом я вижу большую опасность.

Сказанное не означает, что социальная политика не требует обновления. Но в ее основу должно быть положено принципиально иное мировоззренческое представление, в соответствии с которым именно развитие социальной сферы в ее широком значении определяет перспективы устойчивого экономического роста, а не наоборот, как это сегодня принято считать у федеральной и региональной элит. При оптимизации социальной политики, разработке ее параметров предстоит решительно отмежеваться от широко распространенного мнения, что расходы на

социальные цели — всегда вытесняет из национального богатства и препятствие для экономического роста.

Опыт Запада и успешных постсоциалистических стран однозначно подтверждает правоту следующего тезиса: правильно выстроенные приоритеты и институты социальной политики не только не препятствуют экономической активности, а, наоборот, стимулируют ее, обеспечивая к тому же необходимую политическую поддержку реформам. Так что, как бы банально это ни звучало, основное требование сегодняшнего дня — прекратить разрушение человеческого потенциала и создать условия для его возрождения и всестороннего развития, имея в виду квалификационно-образовательные характеристики человека, его культурный уровень, реальный доступ к эффективно-му здравоохранению и достойному социальному обеспечению.

Наука имеет значение

Насколько мне известно, нигде в мире ни либералы, ни интервенционисты не ставят под сомнение отмеченную выше действовавшую на протяжении всего XX века тенденцию поступательного расширения участия государства в экономической жизни любого социума. Есть, разумеется, различия по странам: где-то государственная квота, то есть отношение национального бюджета к ВВП, больше, где-то меньше. Но факт ее роста на протяжении большей части прошлого века в мировом научном сообществе не оспаривается. Споры начинаются при интерпретации самого факта «разросшегося» государства. Одни считают, что это плохо, другие — хорошо, третьи же — к ним я причисляю и себя — призывают относиться к систематической государственной активности как к некоей объективной закономерности, имея в виду, что здесь так же закономерны свои приливы и отливы.

Здесь я хотел бы несколько подробнее остановиться на вопросе о роли экономической науки в социально-экономическом развитии вообще и о соотношении теоретического знания и практической политики в частности. Ведь это только на первый поверхностный взгляд кажется, что академические споры не имеют отношения к конкретной экономической политике. На самом же деле практикующие политики, их советники и консультанты всегда волею или неволею руководствуются в своих действиях и рекомендациях более или менее целостной теоретической конструкцией. Она оказывает мощное воздействие на принимаемые решения, которые в зависимости от ее содержания и восприятия могут быть благотворными или очень.

Сегодня стало особенно очевидно, что увлечение ложно понятой концепцией экономической свободы способно порождать эффекты, прямо противоположные ожидаемым, и тем самым серьезно противодействовать оздоровлению ситуации в стране.

Если, скажем, исходить из справедливости предположения, что «чем меньше государства, тем лучше для экономики», или, как писал Мизес, «любая государственная деятельность есть зло, навязываемое одними о «правильных» или «неправильных» государственных интервенциях. Иначе говоря, раз они все вредны в принципе, надо просто от них избавляться. Я считаю, что отнюдь не случайно в России большие проблемы с более или менее консолидированной влиятельной силой, способной выявлять и реализовывать интересы общества как такового.

Сама категория «общественный интерес» оказалась здесь в значительной мере дискредитированной, что, в общем-то вполне можно понять. Трудно было ожидать чего-то иного после длительного притеснения индивидуума государством в условиях коммунистической диктатуры. Но

понять — не значит принять. Совсем не обязательно было вместе с грязной водой выплескивать и ребенка. А случилось именно так. И в результате место лицемерного «раньше думай о родине, а потом о себе» заняло не менее лицемерное «эгоизм каждого — благо для всех». Причем неизвестно, что в этой формулировке преобладает: установка на необузданную свободу по чисто мировоззренческим мотивам или вынужденная преданность ей в силу якобы закономерной слабости власти в условиях радикальной системной трансформации.

Вообще мне кажется, что непропорционально большое влияние радикального либерализма в «обслуживании» конкретной экономической политики в современной России связано в первую очередь с устаревшим и потому явно неадекватным пониманием современного основного потока в экономической теории. Судя по всему, фаза упрощенного неоллиберализма либо завершена, либо близка к исчерпанию. Новейшие теоретические изыскания макроэкономического характера и на Западе, и на Востоке прямо признают наличие некоего особого общественного интереса, который далеко не всегда сводится к интересам частных хозяйствующих субъектов. В связи с этим новую интерпретацию получает участие государства в современной экономике. Оно уже не вмешивается в экономическую жизнь социума, а действует в нем в качестве равноправного рыночного игрока, стремясь реализовать этот особый общественный интерес. А раз государство становится рыночным игроком, его деятельность должна подчиняться правилам рационального поведения. Иначе говоря, в каждый данный момент времени максимизация того или иного общественного интереса достигается при строго ограниченных ресурсах. Отсюда вытекает новый, более широкий взгляд на формирование рыночного равновесия, предполагающий включение в число самостоятельных субъектов рынка государства, стремящегося максимизировать собственную функцию социальной полезности. Все это составляет некую целостную концепцию, которую мы (совместно с профессором А. Я. Рубинштейном) излагаем в недавно вышедшей монографии «Экономическая социодинамика».

Как бы то ни было, если общественный интерес воспринимается только как сумма личных интересов и никак иначе, государство с его разнообразной экономической активностью неминуемо должно быть оттеснено на обочину социального устройства. Но черт, как известно, прячется в деталях. И некоторые из них особенно отчетливо высвечивают разницу между либерально-прагматическим и либерально-идеологическим подходами к экономической политике. Попытаюсь кратко обозначить, что я имею в виду.

Проклятье или благодать?

На протяжении последних лет на Россию неожиданно пролился золотой дождь нефтедолларов, что вызвало в рядах влиятельных «чистых» либералов если не панику, то по крайней мере что-то на нее похожее. Чего только по этому поводу не приходится слышать! Стремительное увеличение экспортных доходов ведет будто бы и к консервации теперешней структуры хозяйства, и к ускорению инфляции, и к параличу творческой энергии народа и т. д. и т. п. Возникло даже впечатление, что при высоких ценах на нефть и другое топливо и сырье лучше все это импортировать, чем экспортировать. В общем, внушалась мысль, что «деньги — зло» или уж совсем что-то сюрреалистическое типа «доходы скоро кончатся, потому что сейчас их слишком много». С точки зрения здравого смысла «невезение» такого рода понять очень трудно. Вроде в стране столько нерешенных проблем и сфер, где можно было бы с пользой потратить, как говорят

ангlosаксы, «прибыль, принесенную ветром» (windfall profit). Взять хотя бы сокращение огромного внешнего долга, обновление предельно изношенной городской инфраструктуры, обустройство границ с новыми независимыми государствами; не говорю уже о правительственных расходах на какие-то инвестиционные нужды или на восстановление социального сектора экономики.

Но не тут-то было. Для доктринерского либерализма все это лишено смысла. И дело здесь не в том, что его адепты неверно оценивают последствия внезапного улучшения платежного баланса: при его хроническом активе действительно возникают побочные эффекты, включая так называемую импортируемую инфляцию и рост реального курса национальной валюты, чреватый увеличением импорта и снижением экспорта. Может быть, найдутся даже какие-то основания (я, правда, их не вижу) для рассуждений об опасности пресловутой «голландской» болезни. Но мы не первые испытываем такого рода проблемы. Мир сталкивается с ними давным-давно и применяет для их решения весьма надежный набор инструментов. При этом я что-то не припомню, чтобы где-нибудь так же сильно, как у нас, переживали по поводу мощного притока свободно конвертируемой валюты. При рациональном, а не идеологическом отношении к делу ему, как правило, радуются, не забывая при этом изымать у хозяйствующих субъектов сверхдоходы и направлять их на разнообразные общественные нужды. Сошлюсь здесь только на известный мне опыт Великобритании и Норвегии. Мы же, судя по всему, упускаем такую возможность, причем вполне сознательно. Ведь доктринерский либерализм априори исходит из того, что индивидуумы всегда эффективнее потратят денежные средства, чем «бюрократическое» государство.

Что впереди?

Судя по всему, и президент, и правительство отдают себе в этом отчет, понимая, что фактически Россия стоит перед дилеммой: останется ли она и впредь экспортером преимущественно топлива и сырья или все же сможет занять достойное место в постиндустриальной глобальной экономике. С высоких трибун постоянно говорится, что в последние годы зависимость страны от экспорта энергоресурсов и сырья достигла критического уровня, и это уже представляет угрозу для ее национальной безопасности. Утверждается также, что, не снижая объемов поставок сырья, необходимо целенаправленно, год за годом изменять структуру российского промышленного производства и экспорта в пользу готовых изделий, прежде всего в пользу наукоемкой продукции. Но какие же средства предполагается задействовать для достижения данной цели?

В кругу лиц, ответственных за экономический блок в правительстве, по-прежнему принято считать, что модернизация российской экономики наступит сама по себе, в результате активизации рыночных сил саморегулирования. А чтобы эти силы «работали» без помех, правительство сосредоточит свое внимание на завершении формирования законодательства, адекватного цивилизованной рыночной экономике, и позаботится о пресечении так называемых неформальных, неправовых экономических отношений и соответственно о создании условий для равного применения правовых норм ко всем физическим и юридическим лицам. Справедливо говорят в этой связи о повышении эффективности антимонопольного регулирования, соблюдении прав собственности и контрактного права, а также о существенном ограничении сформировавшейся в 1990-е годы «экономики льгот и привилегий». Наконец, предусматривается сделать особый акцент на мероприятиях по снижению налогового бремени инвесто-

ров в сочетании с курсом на последовательную индивидуализацию и приватизацию социальной сферы (так называемые структурные реформы).

Если конкретная политика будет ограничиваться только этими задачами (а они разумны за исключением антисоциальной направленности «социальной» политики) и если считать, что, помимо резкого повышения мировых цен на нефть, в долгожданный экономический рост страны вносят вклад независимые от этих неожиданных стимулов факторы, вряд ли удастся радикально изменить социально-экономическую ситуацию в стране. Российская экономика и впредь будет структурироваться чисто стихийно, во-первых, и отчасти в соответствии с интересами транснациональных корпораций, во-вторых, если, конечно, сохранится теперешняя (беспрецедентно высокая) степень ее открытости.

Спонтанность формирования хозяйственной структуры в России в принципе не имеет ограничителей, ибо, в отличие от стран ЦВЕ, ей не «грозит» принятие институциональных норм Европейского Союза хотя бы потому, что она не станет его членом даже в долгосрочной перспективе. Нужно понимать, что ее хозяйство, как, впрочем, и экономика других государств постсоветского пространства, становится объектом других более мощных экономических игроков без каких-либо шансов на укоренение здесь еэсовского институционально-правового каркаса. Тенденция утраты субъектности, а следовательно, и примитивизации российского хозяйства при таких условиях становится необратимой независимо от того, удастся или не удастся добиться прорыва в соблюдении законов и стабилизации условий ведения бизнеса. Даже при сохранении положительной экономической динамики решающий вклад в нее будут вносить энергосырьевые отрасли промышленности, обладающие экспортным потенциалом, в то время как значительная часть обрабатывающей промышленности утратит какие бы то ни было перспективы для развития.

Изложенному варианту развития событий все еще сохраняется реальная альтернатива, которая заключается в активизации имеющегося научно-производственного потенциала в целях достижения и поддержания приемлемого международного уровня конкурентоспособности отобранных отраслей и секторов российской экономики. Но данная альтернатива не может реализоваться спонтанно, без соответствующего рационального поведения государства. А это предполагает разработку и проведение соответствующей государственной структурной и инновационной политики. Кстати, только тогда появляется шанс для сознательного структурирования постсоветского пространства или, по крайней мере, его большей части. И только тогда здесь начнут формироваться и развиваться собственные конкурентоспособные ТНК, способные участвовать в глобализации мировой экономики в качестве субъектов, а не объектов процесса.

Не допустить другой крайности!

В теперешних российских условиях приходится считаться с другой крайностью, а именно с вполне вероятным разрастанием государственного экспансионизма, грозящего прийти на смену безбрежному либерализму 1990-х годов.

А опасность такая есть, так как в российском социуме явно зреет идея инициировать выполнение некой величественной мобилизационной программы, осуществление которой якобы вернет стране статус великой державы. Должен заметить, что у меня есть большие сомнения по поводу желаний нашего народа приступить к выполнению величественной мобилизационной программы, какую бы благородную цель она ни преследовала. Так что очередная

попытка «принуждения народа к счастью» скорее всего провалится.

Конечно, в теперешнем российском обществе широко распространены ностальгические чувства и общее раздражение в связи с плачевными результатами реформ и распадом великой державы. Но это, скорее, месть за собственные иллюзии и эйфорию конца 1980-х — начала 1990-х годов. Тогда «народ и партия» были, как уже отмечалось, едины. Страна хотела, прежде всего, не хлеба, а свободы, а хлеба должно было прибавиться как бы автоматически. Думали, что к преимуществам социалистического общежития добавятся прелести рынка и демократии, и мы все довольно быстро устроимся на солнечной стороне жизни, где уже обитает так называемый «золотой миллиард».

Наступившее сегодня разочарование в идеалах рынка и демократии (будем надеяться, временное) совсем не обязательно означает, что в обществе есть тоска по реваншу или коллективная готовность включиться в строительство чего-либо величественного. Скорее, надо согласиться с теми социологами, которые утверждают, что освоение россиянами индивидуалистических ценностей состоялось. Правда, связано это не с развитием сознания в духе протестантской этики, а с, так сказать, атомизацией социума, а проще говоря, с разобщением людей, в своем большинстве занятых чистым выживанием.

Насколько мне известно, реализация всех великих «телеологических» государственных проектов в России, независимо от того, были ли они утопичны или реализуемы, как правило, сопровождалась ужасающим угнетением личных свобод. И наоборот, как только в стране раскрепощалась личная инициатива и человек получал право на выбор, государство как таковое начинало стремительно утрачивать свое величие и подчас даже суверенитет. Совсем не обязательно, что и сегодня перед нами та же фатальная дилемма. У истории нет сослагательного наклонения, но всегда есть альтернативы. Практическое заключение из сказанного для России очевидно: укреплять государство, не жертвуя демократическими ценностями. Звучит почти как банальность. Но, как точно заметил Фридрих Ницше, «дороже всего нам приходится платить за пренебрежение банальностями». Добавлю только, что так же дорого нам обходятся невыученные уроки.

Сквозь призму культуры

Будущее России связывают с инновационной экономикой, необходимостью скорейшего перехода к «инновационному социально-ориентированному типу развития» (в терминах Концепции-2020). При этом пристальное внимание уделяется исключительно приоритетному развитию науки и образования. Однако качество человеческого потенциала как движущей силы инновационной экономики зависит не только от уровня образования, опыта и профессионализма, но также от духовности и ментальности человека, его психологических и поведенческих характеристик, за что во все времена отвечала культура. Культура формирует духовно-нравственную ориентацию развития личности, а в инновационной экономике резко возрастает не только личная, но и социальная ответственность человека как генератора новых знаний. Принцип «не навреди» должен быть положен в основу процессов производства и трансляции новых знаний и информации, а также внедрения инноваций в репродуктивную сферу.

Действительность же демонстрирует невосребованность потенциала культуры, в том числе в системе общественного жизнеустройства. Культура не попала в перечень приоритетных национальных проектов. Упоминание о культуре впервые появилось в Послании Президента РФ

Федеральному собранию РФ только в 2007 году. С одной стороны, на словах культура позиционируется как важнейший ресурс развития, с другой — расходы на нее до сих пор не являются защищенной статьей бюджета, а в условиях проведения антикризисных мероприятий именно эта часть бюджетных расходов одной из первых попала в разряд подлежащих секвестированию.

Между тем урегулирование многих проблем общественного жизнеустройства, решение которых традиционными методами зашло в тупик, в принципе возможно только в культурном ключе. Так, в свете культуры получают принципиально иной алгоритм решения проблемы национальной безопасности, а также бюрократии и коррупции, которыми проникнута вся вертикаль власти в России.

Традиционно решение проблем национальной безопасности связывают с военным присутствием, мощью единиц боевой техники, взятой на вооружение, силовым воздействием и т. п. Однако реальность такова, что внешние и внутренние угрозы выходят за рамки чисто экономических или политических противостояний, все чаще возникая по причине ценностных противоречий, что напрямую затрагивает социокультурное пространство человека. Ксенофобия, национализм, шовинизм, религиозный сепаратизм — звенья одной цепи, преодоление которых требует «перековать мечи на орала», так как насилие порождает только насилие. Разделяет людей лишь внешняя обрядовость, в то время как культура в своем истинном значении содержит в себе широчайшие возможности по объединению людей, вскормленных различной культурной средой, и сглаживанию противоречий между ними на основе непротиворечивых ценностей жизни, устремленности в будущее и здорового оптимизма.

В России на сегодняшний день одними из самых опасных внутренних угроз, изнутри подтачивающих основы государственности, являются бюрократия и коррупция. Решение проблемы бюрократизации всей системы управления через призму культуры связано с духовной основой труда. Не занятость и трудоустройство любой ценой ради получения заработка, не занятие «доходного места», а творческая реализация личности, профессия по зову сердца в соответствии со своими возможностями и способностями. Труд как ценность, а не как обреченность. Такой подход к труду позволит избежать иллюзии деятельности, многократного дублирования функций и сложностей документооборота, а также процесса согласовательных процедур во всех сферах общественного жизнеустройства.

Решение проблемы бюрократизации автоматически повлечет за собой решение проблемы коррупции. В свете культуры устранение коррупции нуждается не в применении наказания и других насильственных или запретительных мер, а в такой утраченной в обществе ценности, как доверие. Ведь социологические опросы фиксируют чудовищные факты: на вопрос «можно ли в целом доверять людям или следует быть осторожным, имея дело с другими людьми», только четверть опрошенных ответили утвердительно¹. На вопрос «Какие чувства проявились, окрепли у окружающих вас людей за последний год?» 25 % опрошенных отметили усталость и безразличие, 5 % — страх, 10 % — растерянность, 14 % — озлобленность и агрессивность². Разве с таким отношением к жизни, к себе и другим людям возможен «переход к инновационному, социально-ориентированному типу развития»? Искоренение коррупции станет возможным только тогда,

¹ Пресс-выпуск Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центра) от 11.06.2008.

² Общественное мнение — 2007. С. 6.

когда будут задействованы социокультурные механизмы устранения причин ее возникновения.

Среди внутренних угроз также следует отметить высокую смертность населения, существенно опережающую рождаемость. При этом неотъемлемой частью современной российской действительности является смертность по причине сердечно-сосудистных заболеваний, суицида, алкоголизма и наркомании, усиления психических расстройств, а также роста преступности. Решение этих проблем соответственно медицинским или силовым путем — это лишь верхушка айсберга, борьба со следствием, но не с устранением причин. Причина же одна — игнорирование ключевой роли культуры в качестве движущей силы личностной и общественной саморегуляции, духовное неблагополучие российского общества.

Каким же образом задействовать социокультурные механизмы, способные противостоять деструктивным процессам в обществе? Единственно верное решение проблемы заключается в насущной необходимости культурного просвещения, причем не столько ради приобщения к культурным ценностям широких слоев населения, что, безусловно, важно само по себе, сколько с целью предотвращения дегуманизации общества, нивелирования духовного начала в жизни людей. И здесь без разработки наднациональной идеи не обойтись (Россия как многонациональное и разнорелигиозное государство не может позволить себе разработку национальной идеи на основе культурных ценностей титульной нации). Безусловно, само понятие идеологии дискредитировало себя в советский период тесной связкой с марксистско-ленинской пропагандой. Но, например, в Японии в 1960-е годы в рамках реализации концепции культурного государства этот процесс назывался «производством ценностей». Совершенно очевидно, что в основу наднациональной идеи должны быть положены непротиворечивые ценности жизни, например такие, как семья и детство. Основным ориентиром культурного просвещения должны стать дети, подрастающее поколение, потому что будущее страны во многом зависит от той системы ценностей, которая положена в основу их воспитания и образования. Через культурное просвещение детей и подростков это будущее можно и должно создавать уже сейчас (если не сказать, еще вчера).

Большая ответственность по актуализации и активизации культурного просвещения лежит на интеллигенции. В России, к сожалению, понятие элиты в настоящее время дискредитировано своими ассоциациями с миром роскоши, денег, гламура и пр. В неискаженной действительности неотъемлемым атрибутом элиты является ориентация на высокие стандарты поведения человека и его образа жизни. Поэтому поднятие авторитета и усиление влияния деятелей науки, образования, культуры (творцов в подлинном смысле этого слова), значимости интеллектуального труда в обществе, в том числе через возрождение системы публичных лекций, используя весь имеющийся арсенал Интернета и новых информационно-коммуникационных технологий, позволит запустить механизмы культурного просвещения.

Следует также отметить, что нынешнее российское общество расколото на две части, причем демаркационная линия проходит именно в идеологическом плане. На одной чаше весов миллионы людей, своими корнями сплотившихся с советским прошлым с его антиличностной социальной установкой, где коллектив подавлял личность, а государство — общество, на другой — миллионы людей среднего возраста, молодежи, вскормленные «лихими девяностыми» с верховенством индивидуализма как движущей силы рыночной экономики. Причем речь идет не о противоречии мировоззренческих позиций «отцов и де-

тей», что, кстати сказать, абсолютно нормальный и естественный процесс, а о разрыве преемственности поколений. Сплочение общества, преодоление его резкой поляризации в направлении синтеза, разумного сочетания личного и общественного в человеке возможно только через культурное просвещение.

Причем идеологический разрыв преемственности поколений породил коллапс самой системы передачи информации, так как в большинстве своем разрушена связь «учитель—ученик», причем это касается не только образования и науки, но и всей системы передачи опыта от одного поколения к другому. Это чревато попытками «заново изобретать велосипед», вместо того чтобы встраивать новое знание в структуру духовных и ментальных накопленных с целью ускорения процесса внедрения инноваций в репродуктивную сферу и совершенствования человеческого потенциала общества в целом.

В свете культуры по-иному высвечивается проблема гендерных отношений в направлении большей включенности женщин в систему принятия важных государственных решений. Если в странах с развитой рыночной экономикой за последние десятилетия отмечена тенденция к усилению влияния женщин во всех сферах общественного жизнеустройства¹, то в России до сих пор ощущается негласный запрет на участие женщин в управленческой вертикали². В рамках темы усиления влияния женщин речь идет не о таких крайностях, как эмансипация и феминизм, когда женщина противопоставляет себя мужчине и берет на себя не свойственные ей функции, а исключительно о целесообразности прохождения законодательских инициатив через призму материнского сознания как залога успешной реализации политики разумного существования.

Если на рубеже XX–XXI веков речь шла о необходимости социального императива социально-экономического развития, то на исходе первой декады XXI века следует задуматься о культурном императиве, который составляет сердцевину политики разумного существования. Как говорил устами своего героя Пушкин: «...лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений»³.

¹ «Например, в США женщинам принадлежит более 50 % денежных средств, обращающихся в стране, на них выписаны 65 % счетов, в их руках сосредоточены 57 % ценных бумаг, 74 % домов, на них приходится 88 % общей покупательной способности. <...> В более сопоставимых с Россией странах Центральной и Восточной Европы женщины владеют более чем 30 % бизнеса, нанимают 25 % рабочей силы, составляют 55 % обучающихся, около 25 % зарабатывают больше мужчин в семьях с двумя работающими. Доля женщин на министерских постах только за последнее десятилетие удвоилась — с 3,4 до 6,8 %». (Цит. по: Хохлова Т. П. Выявление гендерных аспектов менеджмента — фактор повышения эффективности управления // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. № 2.)

² «Если в низших и средних звеньях доля женщин в аппарате управления бывает значительна и это ни у кого не вызывает удивления, то представительство женщин на высшем уровне управления крайне мало. Так, на рубеже 1990-х гг. женщины в составе директорского корпуса составляли всего 6–7 %. Ныне доля женщин, достигших заметных успехов в карьере, по-прежнему невелика — различие с мужчинами составляет почти 4 раза при более высоком уровне образования. В высшем органе законодательной власти — Государственной Думе — женщины составляют около 10 % депутатов» // Там же.

³ Пушкин А. С. Капитанская дочка // Сочинения : в 3 т. Т. 3. М., 1986. С. 267.

Син Гуанчэн¹**ЗНАЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ И ДИАЛОГА КУЛЬТУР**

Прежде всего хочу выразить признательность за приглашение принять участие в таком важном заседании в качестве эксперта по вопросам России. Я очень уважаю известного мыслителя, академика Дмитрия Сергеевича Лихачев, чьи научные идеи оказали на меня большое влияние. Академик Лихачев обращал большое внимание на проблемы культуры и цивилизации, и его научные работы, посвященные проблемам зарождения и развития русской культуры, имеют огромное значение. Сегодня мы говорим о диалоге между различными культурами, и я хотел бы выразить свое мнение на эту тему.

Культурное разнообразие и глобализация экономики

Наступил XXI век, и мир сильно изменился. Одним из новых феноменов является быстро распространяющаяся глобализация, ставшая объективным течением развития мира. Глобализация экономики дает шансы для развития, но сопровождается противоречиями и конфликтами, которые ставят под угрозу нынешний и будущий мир. Другой феномен заключается в том, что мировые культуры меняются, подвергаясь сильному взаимовлиянию.

В связи с этим возникают определенные вопросы. Имеется ли самостоятельное пространство и возможности для существования и развития различных мировых культур в условиях глобализации? Будут ли вымирать эти различные культуры по причине взаимного конфликта или они станут сосуществовать и развиваться на основе обмена и диалога?

В XXI веке следует обратить особое внимание на новое явление — глобальную культуру. Многие ученые считают, что одним из важных последствий глобализации является то, что различные культуры с каждым днем оказываются все более похожими друг на друга. Появилась тенденция гомогенизации. В конце концов, имеющиеся сегодня различные культуры будут заменены глобальной культурой. Следует отметить, что глобализация в качестве исторического процесса полностью не изменяет характер разнообразных культур. Культура формируется не в вакууме, ее появление и развитие связано с определенными обстоятельствами: различные географические и климатические условия и многообразный живой мир обуславливают разнообразие культур. Следует также учитывать, что развитие культур является историческим процессом. У каждой культуры уникальная историческая орбита, определяющая ее индивидуальность. Разнообразие является неотъемлемой составляющей всей совокупности культур и закономерным результатом развития человеческой истории. Созданные человечеством культуры рождаются и развиваются в определенных географических и исторических условиях, что приводит к их самобытности. Академик Лихачев точно обобщил характеристики русской культуры, отличающие ее от других: это принцип индивидуальности, легкое принятие иностранных культур и стремление к свободе.

Китайские ученые выделяют материальную, политическую (институциональную) и духовную культуры. При этом экономика и политика — динамические феномены,

а культура — постоянный. Влияние глобализации на культуру отразилось прежде всего на материальной культуре и на политике, прямо связанной с экономическими реалиями. Хотя политика и культура находятся в зависимости от экономического базиса, они развиваются по собственным законам. Более того, основные элементы духовной культуры в долговременном историческом развитии сформировали глубокие культурные традиции — ядро культуры. Следует признать, что глобализация обуславливает появление общих элементов у различных культур, но она не уничтожает различий между ними. Существующие мировые культуры сохраняют свои особенности. В контексте глобализации надо уважать, защищать и развивать разнообразные культуры. Разнообразие культур представляет собой объективную реальность, основную черту нынешнего мира и важный импульс человеческого прогресса.

Развитие диалога культур и предотвращение конфликта между ними

Поскольку мировые культуры характеризуются разнообразием, диалог культур должен быть закономерной тенденцией и реальным выбором. С одной стороны, сближаясь, обмениваясь, учась друг у друга, различные культуры преодолевают свою ограниченность, совершенствуются, их наследия объединяются и таким образом человеческая культура в целом добивается прогресса. С другой стороны, необходимо понять, что конкуренция и даже столкновение культур порой способствуют прогрессу человеческой культуры в целом.

Не исключено, что различия между культурами могут привести к конфликту, но это не является неизбежностью. История показывает, что конфликтных факторов много, но в большинстве случаев ими являются экономические и политические интересы. В то же время навязывание конвергенции и стремление к гомогенизации различных культур порой быстрее приводит к обострению противоречий, углублению недоразумений и возникновению конфликта между культурами.

Необходимо развивать равноправный диалог культур. Во-первых, он сможет углубить взаимопонимание и взаимное доверие между культурами. Во-вторых, именно равноправный диалог может ликвидировать недоразумения и разногласия. В-третьих, он может способствовать сотрудничеству и развитию человеческой культуры; разумно урегулировать противоречия, предотвратить насилие и войны, защищать общие интересы человечества.

Как вести диалог между культурами и культурный обмен? Во-первых, надо сформировать целостное представление о нашем мире. Мы живем на одной Земле, у нас общие глобальные проблемы и общие интересы. Это создает новое реальное условие для диалога культур. Во-вторых, воспринимать различные культуры как равноправные. В мире нет ведущей культуры. Относясь к иной культуре с предубеждением и считая свою культуру единственной и лучшей на свете, невозможно установить доверительный диалог и обмен с другими культурами. Все культуры являются составляющими общечеловеческой культуры и имеют равное право на участие в диалоге культур. В-третьих, с пониманием относиться к культурным различиям. Поиск общего и сохранение различий — лучший путь в диалоге культур. Благодаря пониманию и взаимному признанию мы избежим обострения противоречий и не допустим, чтобы вспыхивали конфликты.

¹ Директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии социальных наук (CASS), доктор философии, профессор.

Автор научных публикаций: Security Issues in China's Relation with Central Asian States // Ethnic challenges beyond borders. Chinese and Russian Perspectives of the Central Asian Conundrum / ed. by Yongjing Zhang and Rouben Aziziah. L., 1998; Shanghai Organization for Cooperation: priorities // World economy and international relations. 2002. № 11; и др.

Разнообразие культур

и полифония международного культурного порядка

От разнообразия человеческих культур зависит полифония нового политэкономического порядка, созданного человечеством. Иначе говоря, в новом веке созданный человечеством новый политэкономический порядок должен быть многополярным, а не однополярным. Проведение политики однополярности и гегемонизма на международной политической и экономической арене не способствует развитию человеческой культуры. В связи с этим правительства КНР и РФ многократно выступали с заявлениями, категорически возражая против политики силы, однополярности и гегемонизма, подчеркивая необходимость создания справедливого и правомерного нового политэкономического порядка, многополярного мира.

В условиях глобализации необходимо противостоять попыткам выдать ту или иную культуру за всеобщую и навязать ее всему миру. Это означает стремление доминировать, притеснять и даже поглощать иные культуры. В последние годы научные круги Запада склонны преувеличивать возможность возникновения конфликтов между культурами. Признавая существование разных культур, они подчеркивают, что различия между культурами обязательно приведут к интенсивным противостояниям и конфликтам во всем мире. Сущность теории Сэмюэля Хантингтона — отказ в стратегическом плане от диалога и обмена между культурами.

Мирное сосуществование, диалог и обмен между культурами являются основной исторически сложившейся тенденцией. В условиях глобализации это должно остаться

неизменным. Академик Лихачев точно подметил: культура России сложилась в условиях многонациональности. Россия служила для народов гигантским мостом, прежде всего культурным. В процессе развития человечества между различными цивилизациями часто вспыхивали противоречия, в основном из-за экономических интересов. В истории немало примеров, когда люди претендовали на материальные ценности, и это сопровождалось конфронтацией и конфликтами. В условиях глобального финансового кризиса все страны мира должны противодействовать ему путем сотрудничества и взаимной помощи, вместе преодолевать трудности и стремиться к процветанию и развитию.

Если мы уважаем многообразие культур, то необходимо поддерживать их сосуществование и диалог между ними. Только таким образом мы можем построить гармоничный мир. Инициатива достижения гармоничного мира получила всеобщее одобрение. Чтобы построить его, прежде всего необходимо признать многообразие культур, углубить равноправный диалог и обмен, стремиться к ликвидации конфликтов между культурами и добиваться долговременного мира на Земле. Построение гармоничного мира связано с сохранением многообразия культур, являющихся его основой. Процветающий, спокойный и состоящий из различных культур мир соответствует общим интересам человечества.

В заключение позвольте мне еще раз сослаться на слова академика Лихачева. Он говорил, что у каждой культуры и каждого культурного народа есть своя миссия в истории, своя идея.

А. А. Гусейнов¹

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Основная мысль моего доклада состоит в следующем: толерантность и генетически, и по существу связана с диалогом культур, она является тем специфическим нравственно-психологическим качеством и соответствующей этому качеству линией поведения, которые обеспечивают совместное общежитие, сотрудничество людей, принадлежащих к разным культурам.

1. В обыденной речи и популярных общегуманитарных текстах под толерантностью чаще всего понимается дружелюбие, мягкость, корректность в отношениях, способность находить общий язык с другими, такая позиция в ментальных установках и межчеловеческих отношениях, когда индивид не навязывает грубо себя, свое понимание окружающим, а способен понять других, войти в их положение, посмотреть на вещи их глазами². Она связы-

вается со склонностью и способностью к компромиссам, к взвешенной усредненной линии поведения. Толерантный человек мыслится как человек, действующий в духе золотого правила нравственности, которое обязывает индивида поступать по отношению к другим так, как он хотел бы, чтобы с ним поступали другие. Такое понимание толерантности как общечеловеческого качества само по себе верно, но оно не специфично, не выявляет ее собственного содержания и ее особой роли в жизни современного человека и общества. Конечно, толерантность связана со всегда уместной нравственной сдержанностью и уважительностью в отношениях, опирается на общегуманистическую мягкость общественных нравов. Она может быть также аргументирована общепонятными эгоистическими, утилитаристскими соображениями, наподобие того, что мир лучше войны, что взаимопонимание способствует успеху и т. п. Все это ценные суждения, свидетельствующие о том, что толерантность не является изолированным личностным качеством и поведенческой нормой, но они не дают ответа на вопрос, каково собственное содержание этого понятия в отличие или в дополнение к тем качествам и нормам, с которыми оно соседствует, перекрещивается.

Более адекватной, на мой взгляд, является интерпретация толерантности как терпимого отношения индивида к различиям, которые им самим оцениваются негативно. Конкретизируя такое определение, необходимо уточнить, в чем состоит терпимое отношение, сопряженное с толерантностью и каков характер тех различий, для которых оно требуется.

2. Если говорить обобщенно, терпимость к различиям состоит в отсутствии корректирующего воздействия,

¹ Академик РАН, директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП. Автор более 400 публикаций, в том числе: «Социальная природа нравственности», «Золотое правило нравственности», «Великие моралисты», «Язык и совесть», «Философия, мораль, политика», «Античная этика».

Вице-президент Российского философского общества, ответственный редактор ежегодника «Этическая мысль», журнала «Общественные науки» на английском языке, член редколлегии журналов «Вопросы философии» и «Философские науки». Награжден дипломом ЮНЕСКО с вручением медали Махатмы Ганди «За выдающийся вклад в развитие толерантности и ненасилия». Лауреат Государственной премии России в области науки и техники.

² Один из общелингвистических словарей определяет толерантность как «терпимость, снисходительность к кому-либо, чему-либо» (Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М., 2002. С. 788). В словаре по этике она определена как «качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равноценной личности и выражается в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в Другом иное (внешность, манера речи, вкусы, образ жизни, убеждения и т. п.)» (Этика: энциклопедический словарь. М., 2001. С. 493).

то есть установки на то, чтобы снять, преодолеть их. Однако такого рода терпимость может поддерживаться разными причинами и, соответственно, иметь разный смысл. По Уолцеру¹, терпимость может быть: а) смирением с различиями ради сохранения мира; б) безразличием по формуле «пусть расцветают все цветы»; в) стоическим признанием неизбежного; г) формой интереса к различиям, вызванной уважением к другим моделям, любознательностью, желанием научиться чему-то новому и т. д.; д) одобрением различий из-за красоты многообразия, богатства возможностей в качестве условия расцвета человеческого общества. Как нетрудно заметить, разные формы терпимости располагаются между двумя крайними полюсами, на одном из которых различия воспринимаются как неизбежное или более-менее предпочтительное зло, на другом они рассматриваются в качестве блага. В первом случае различия вынужденно терпят, во втором их сознательно культивируют.

Толерантность, рассмотренная в контексте диалога культур, связана с терпимостью второго рода. Это вызвано и определяется характером различий, которые порождают толерантность как личное качество и стратегию поведения.

3. Различия между людьми могут касаться вкусов, привычек, поведенческих стереотипов, которые хотя и значимы для каждого из них, но не настолько, чтобы он отождествлял с ними свою нравственную сущность. Но они могут также касаться вещей (принципов, верований, убеждений), которые имеют для людей первостепенное нравственно-непререкаемое значение. Скажем, одно дело различия, связанные с тем или иным отношением к моде, а другое дело, различия, связанные с принадлежностью к той или иной религии, национальной культуре. Терпимость нужна и в том и в другом случае, но совершенно разного рода. В первом случае достаточно терпимости в общем смысле, выступающей в форме снисходительности, принятия, практического благоразумия, той самой терпимости, которую проявляет родитель по отношению к непослушным детям, жена по отношению к загулявшему мужу, тонкий знаток музыки по отношению к застольному пению и т. п. Во втором случае требуется терпимость особого рода, или терпимость в собственном смысле слова, которую, собственно говоря, только и можно назвать толерантностью. Это такое качество, которое позволяет либералу и коммунисту заседать в одном парламенте, мусульманину и иудею жить на одной лестничной клетке, китайцу и французку работать в одной лаборатории, позволяет им делать это, не теряя уважения к себе. Предметом толерантности являются глубинные различия людей, касающиеся их мировоззренческих принципов, верований, убеждений. Она представляет собой способ примирения, соединения того, что кажется изначально непримиримым, несоединимым.

4. Толерантность — продукт исторического развития.

Античность выработала, теоретически осмыслила, практически испытала канон основных человеческих добродетелей, куда входили умеренность, мужество, справедливость и рассудительность (мудрость). Они фиксировали нравственную меру отношения индивида к себе и своим согражданам. Хотя отдельные философы и пытались мыслить космополитически, тем не менее нравственный кругозор древних греков обрывается на границе, отделяющей их от варваров. Им совершенно чуждо то, что мы именуем толерантностью. Среди древнегреческих мудрецов мы находим имя скифа Анахарсиса, который, как свидетельствует предание, по возвращению на родину был казнен за то, что изменил своим скифским обычаям. В «Жизнеописаниях» Плутарха есть такой эпизод. Фемистокл велел казнить говорившего на двух языках посланца персидско-

го царя за то, что тот воспользовался эллинским языком для передачи приказаний варвара. И этот поступок Фемистокла, как пишет Плутарх, считался похвальным. В действительности же он был таким же варварским, как и действия скифских варваров, казнивших Анахарсиса. У древних греков не было нравственного ресурса для того, чтобы подняться над своими различиями с варварами.

Средневековье дополнило античный нравственный кодекс теологически ориентированными добродетелями веры, надежды и любви, которые разорвали этнокультурную ограниченность нравственного кругозора и расширили его до границ христианской веры. Однако сама христианская вера стала пределом терпимости, которую несли христианская мораль. Терпимость не распространялась на веру, о чем свидетельствует характерное для этой эпохи сугубо негативное отношение к язычникам, мусульманам и иудеям.

Религиозный раскол в XVI веке и назревшая потребность перехода общества от сословной разделенности к национальному единству явились серьезным историческим вызовом для европейской культуры. Необходимо было найти формы общественной связи, которые сделали бы возможным существование в рамках одного политико-государственного пространства людей, которых разделяет религиозная вера. Ответом на этот вызов явилась практика веротерпимости — первая и до настоящего времени одна из основных исторических форм толерантности. Путь к ней лежал через долгие и кровавые религиозные войны. Веротерпимость, как говорится, была Европой действительно выстрадана. Первый правовой документ, учредивший практику веротерпимости, был принят в 1598 году. Это был Нантский эдикт. Он провозгласил, что представители реформированной религии не могут принуждаться к отречению и не могут притесняться, признал равенство в правах между ними и католиками в вопросах образования, лечения, государственного призрения².

Толерантность, возникшая как веротерпимость, в ходе длительного, многоаспектного и многотрудного, полного драматизма, слишком часто кровавого всемирного расширения исторического процесса трансформировалась во взаимоважительное отношение и равноправное существование людей, принадлежащих к разным расам, культурам, цивилизациям, придерживающихся различных мировоззрений и стилей жизни. Она была осмыслена и обобщена философами в качестве современной формы гуманизма и нравственного достойного поведения. Толерантность вошла в исторически формирующийся канон нравственных добродетелей и норм поведения. Она качественно преобразовала этот канон. Можно сказать, что толерантность явилась основным этическим достижением новоевропейской культуры, ее вкладом в общечеловеческую нравственность.

5. Современный этап всемирности человеческого существования, получивший название глобализации, характеризуется тем, что взаимодействие представителей разных культур стало систематическим, повседневным и массовым. Это взаимодействие в общем и целом подтверждает адекватность и жизненность толерантности как духовно-нравственной установки. В то же время оно порождает ряд специфических деформаций, вызванных конфликтом традиционно-абсолютистского взгляда на мораль с ее толерантным образом. Так, если сослаться на самый известный пример, правоверные мусульмане, идентифицирующие себя с благочестивым отношением к Мухаммеду, неспособны понять тех европейских интеллектуалов, которые, реализуя свое, как им кажется, нравственно законное право на свободу суждений, рисуют карикатуры на их пророка.

¹ См.: Уолцер М. О терпимости. М., 2000. С. 24–25.

² См.: Антология мировой политической мысли. М., 1999. Т. 2. С. 785.

Возникает необходимость рассмотрения и уточнения понятия толерантности в свете целей и практики диалога культур. Наиболее злободневными и трудными являются следующие вопросы: а) означает ли толерантность примирительное отношение к нравственным деструкциям; б) как толерантность сочетается с пафосом истины, который свойствен универсальным мировоззренческим принципам; в) распространяется ли требование толерантности на саму толерантность и в чем должна состоять толерантная позиция по отношению к тем, кто отрицает толерантность?

6. Определения толерантности, как правило, делают оговорку, что она не распространяется на реакционные, преступные идеи. Хотя на первый взгляд такая оговорка кажется совершенно естественной и даже само собой разумеющейся, тем не менее, рассмотренная по сути и логически продуманная, она противоречит самой идее толерантности. В самом деле, потребность в толерантном отношении возникает тогда, когда индивиды придерживаются разных верований, систем ценностей, когда они расходятся в понимании именно того, что считать добром, а что — злом. Толерантность как человеческое качество и стратегия поведения как раз нужна для того, чтобы разрядить данную ситуацию, не дать ей деградировать в насильственное противостояние, что стало бы ее нормальным продолжением, если бы каждая сторона продолжала настаивать на своей правоте. Она предлагает индивиду воздержаться от того, чтобы брать на себя право быть судьей в вопросах добра и зла, нацеливает на понимающее, участливое отношение к другому, несмотря на то, что он не согласен с его взглядами и установками. Если бы у нас была возможность точно узнать, какие идеи являются реакционными, а какие нет, какое поведение является порочным, а какое нет, то в толерантности не было бы никакой нужды. Поэтому утверждать, что толерантность уместна только применительно к прогрессивным идеям, — все равно что предлагать пользоваться компасом только тогда, когда правильно ориентируешься по сторонам света.

В одном из современных богословских текстов я прочитал такую формулу: «Люби врагов своих, ненавидь врагов божьих и бей врагов отчизны». Первый вопрос, который возникает в связи с ней, состоит в следующем: «Как узнать и кто скажет нам, кто является врагом божьим и врагом отчизны?» Разве мало было случаев, когда врагами божьими и врагами отчизны объявляли совсем не тех, кого следовало бы? Допустим, у меня может быть свое, как мне кажется, вполне обоснованное мнение на этот счет. А что если кто-то другой также убежденно объявит врагом и отчизны и Бога уже меня самого? И еще один, не лишний в данной связи вопрос: разводя личных врагов и врагов Бога и отчизны, предлагая любить первых, ненавидеть и уничтожать вторых, не забываем ли мы о ситуации (для нравственно глубокого и последовательного человека вполне закономерной), когда враги Бога и отчизны являются для индивида также вполне личными врагами?! Как же вести себя человеку в этом случае — любить ли врагов или ненавидеть и бороться с ними?! Приходится признать, что Иисус Христос, заповедуя любить и прощать врагов, не проводя между ними селекции по признаку того, являются ли они личными или общественными, не только формулировал более возвышенную нравственность, но и делал это логически более корректно.

Из сказанного вовсе не следует, будто принципы поведения и само поведение нельзя квалифицировать по этическому критерию, в координатах добра и зла. Речь идет о другом — о том, что нет таких знатоков или святых и безупречных людей, кто мог бы это сделать. Отсюда и проистекает стратегия толерантности, которая наце-

ливает на то, чтобы относиться не к принципу, а к индивидам, несущим его, и к ним относиться таким образом, чтобы принцип, даже если он для нас неприемлем, и в первую очередь тогда, когда он для нас неприемлем, не стал препятствием для взаимопонимания и сотрудничества с ними.

Особо надо сказать о том, что толерантность не означает примирительного отношения к нравственным порокам. Она, разумеется, не стирает различий между добродетелью и пороком, добром и злом. Она, как подчеркивалось выше, только запрещает индивидам брать на себя публичную роль судьи в этих вопросах. Кроме того, толерантность означает этическую нейтральность только в отношении философско-религиозно-политических убеждений. Но ее вовсе нельзя понимать как этическую нейтральность по отношению к деструкциям поведения.

7. Человеку свойствен пафос истины, который в первую очередь связан с его мировоззренческим выбором, убеждениями и верованиями. Убеждение в истинности собственных убеждений — важная характеристика последних. Возникает вопрос: не является ли толерантное отношение к иным жизненным принципам, убеждениям, взглядам своего рода гносеологическим капитулянтством и изменой самому себе? В ряде современных философских работ делаются попытки доказать, что объективность и логически сопряженная с ней абсолютность не являются признаками истины. Релятивирование понятия истины на первый взгляд может рассматриваться как стремление привести его в соответствие с потребностями толерантного взгляда на мир. Не затрагивая собственно гносеологических аспектов данной темы, следует сказать, что теоретическое обоснование толерантности не требует отказа от идеи абсолютности истины. Скорее наоборот.

Абсолютная истина является суммой относительных истин. Это означает, что ни одно из ее конкретных воплощений не может быть абсолютным. То же самое относится к абсолютной истине, понятой в качестве высшей истины жизни. Высшая истина потому и является абсолютной и высшей, что отдельному смертному человеку она не доступна. Сказать, что я стою за абсолютную справедливость, и сказать, что мое понимание справедливости является абсолютно справедливым, — не одно и то же. Точно так же сказать: «Я верю в Бога» и сказать: «Все, что я говорю и делаю, суть то, чего хочет Бог» — не одно и то же. Тот, кто всерьез и ответственно относится к первому утверждению, никогда не сделает второго. Вот почему толерантность является условием сосуществования и сотрудничества людей, ориентированных на высшие истины и ценности.

Существенно важно понимать: абсолютная истина, понятая адекватно и принятая всерьез именно как абсолютная (в той мере, конечно, в какой человек вообще способен это сделать), означает, что ни одно из конкретных, претендующих на истинность и действительно являющихся истинными утверждений не является абсолютным. Любое конкретное понимание абсолютной истины является относительным именно потому, что это понимание *абсолютной истины*¹. Ответственное осознание этого ведет к толерантности, которая как раз и является этической санкцией многообразия форм существования и многообразия человеческих путей к абсолютной истине. Мы должны быть толерантны, потому что мы несовершенны,

¹ Другое, по-своему интересное соображение по данному вопросу высказывает отечественный исследователь В. Л. Васюков. Он говорит, что выбор общего принципа, который предстоит исповедовать человеку, представляет собой чисто волевой акт, который не может быть рационально аргументирован. Поскольку решение об универсальных основоположениях является иррациональным, то «единственной парадоксальной возможностью совместного действия остается толерантность по отношению к выбору других» (Васюков В. Л. Толерантность и универсализм // Философский журнал. 2008. № 1. С. 155).

потому что можем ошибаться. Именно по этой причине мы нуждаемся друг в друге. Толерантность не означает и не требует согласия со взглядами других, их одобрения, она является деятельным признанием права человека на собственный путь к истине. Быть толерантным — значит понимать, что ты не обречен на истину, а другой не отлучен от нее.

Толерантность как взаимная терпимость людей с разными взглядами и принципами не означает, что она дезавуирует различие во взглядах и принципах, принимая тем самым их роль в жизнедеятельности человека. Она лишь признает возможность, допустимость, законность этих различий, задает такую жизненную позицию, когда они не закрывают дорогу для сотрудничества — сотрудничества, которое в какой-то степени может проистекать благодаря этим различиям, но в решающей мере, конечно, осуществляется, несмотря на них.

8. Особым является вопрос о том, как толерантность, культивирующая мировоззренческий плюрализм, согласуется с концепцией прав человека, которая заявляется в качестве универсального—транснационального, транскультурного—гуманитарного проекта. Здесь, несомненно, есть известное напряжение и даже противоречие, если только права человека понимать как догматическую совокупность абстрактных ценностей западного происхождения. В действительности они в таком «оголенном» виде не существуют нигде, в том числе и на Западе. Понимание и конкретное осуществление прав человека меняется от культуры к культуре, от страны к стране, от эпохи к эпохе. Права человека сами по себе существуют разве только в текстах философов и деклараций. В реальности мы наблюдаем многообразные опыты их осуществления. Толерантность означает, что ни один из этих опытов нельзя абсолютизировать.

Рассматривая толерантность в соотнесенности с правами человека, можно сказать, что она в известном смысле является ключом для понимания универсальной природы последних.

9. Испытанием общих принципов, определяющих стратегию поведения, является их обращение на самих себя. Хорошо известна логическая ловушка, в которую попал герой повести И. С. Тургенева «Отцы и дети», утверждавший, что он отрицает все принципы. На вопрос, является ли такое отрицание его принципом, он вынужден был ответить утвердительно, дискредитировав тем самым свой исходный тезис. Трудность, возникающая в случае толерантности, состоит в следующем: распространяется ли толерантное отношение на мировоззренческие установки, отрицающие толерантность? Или, говоря по-другому, более точно: «Не отрицает ли толерантность саму себя в качестве всеобщего, универсального принципа?» А тем самым не ставится ли под сомнение ее нравственный статус, если иметь в виду, что универсализуемость является специфическим признаком нравственных основоположений? Чтобы ответить на эти вопросы, надо сделать два уточнения.

Первое. Особенность различий, с которыми имеет дело толерантность, состоит в том, что они, рассмотренные как результат индивидуального морального выбора, не поддаются квалификации по строгим, объективно удостоверяемым критериям (истины/заблуждения; прогрессивности/реакционности и т. д.). Этим они отличаются от других различий между людьми. Например, вкусы могут быть консервативными или модными, манеры — развязными или сдержанными, здоровье — крепким или слабым, образование — высшим, средним, начальным или вообще никаким, самооценка — завышенной, заниженной, адекватной, воспитание — патерналистским или антиавторитарным и т. д. и т. п. Но нельзя сказать, какое верование — христианское или мусульманское, какое мировоззрение — марксистское или либеральное, рассмотренное в качестве личностной позиции, является более предпочтительным по какому-либо поддающемуся продуктивному обсуждению критерию. Каждый приверженец соответствующей веры и социально-мировоззренческой позиции может вполне искренне быть уверен в ее правоте, истинности, прогрессивности и имеет одинаковые основания быть в этом уверенным.

Второе. Толерантность в качестве индивидуально-ответственной нравственной позиции является требованием, которое индивид предъявляет к самому себе. Понятая в качестве безличной нормы, соблюдение которой декларируется в качестве всеобщей обязанности, она становится элементом политико-правовой системы. Вообще особенность нравственного принципа состоит в том, что это такой принцип, который действующий индивид мыслит в качестве всеобщего и в этом качестве повелительным, безусловно обязательным для самого себя. То, что говорится о толерантности, есть общий признак нравственного требования как такового. Это требование, которое человек предъявляет не к другим, и даже не может, не имеет разумных оснований предъявлять к другим, а только к самому себе.

При сделанных уточнениях становится очевидным, что толерантность приобретает несомненную практическую действенность в качестве осознанного запрета на то, чтобы навязывать свои мировоззренческие убеждения и верования другим. Быть толерантным не значит требовать этого от взглядов других. Быть толерантным означает не навязывать другим своих взглядов. Так понятая толерантность обладает нравственной всеобщностью. Она тем самым открывает дорогу для взаимодействия, сотрудничества людей разных мировоззрений, религий, культур по тем вопросам, в тех сферах и формах, в которых они к такому взаимодействию и сотрудничеству готовы.

Таким образом, толерантность, понятая адекватно, в ее специфическом, исторически сложившемся содержании является нравственно-психологической основой диалога культур. И в то же время сам диалог культур является той реальностью современной общественной жизни, которая позволяет правильно понять суть и смысл толерантности.

Марк Дрюэн¹

НАШЕ ПРИЗВАНИЕ — КРЕПИТЬ ДРУЖБУ

ному сообществу, и все же мое присутствие здесь не случайно. Я хотел бы приветствовать и подвергнуть испытанию ваше решение привлечь к участию в конференции на тему «Диалог культур», чтобы поделиться своим гражданским опытом представителя дряхлеющей демократии.

Я очень польщен предоставленной мне возможностью участвовать в этой конференции. Я не принадлежу к науч-

¹ Президент Национального союза обществ дружбы «Франция—Россия—СНГ», президент ассоциации Eurcasia («Европа—Россия—Кавказ—Азия»).

Как руководитель общественной организации, я являюсь активным участником «объединения граждан», призвание которого — крепить дружбу, способствовать обмену между нашими странами, Россией и Францией, между их народами и, следовательно, культурами.

Начнем с языка: проблематика языка как средства общения и мышления является весьма существенной в структурной диалектике собственного самосознания (идентичности) и отношения к Другому. Примите, пожалуйста, во внимание мое намеренное решение говорить по-французски, чтобы я, надеюсь, мог донести как можно лучше смысл сказанного и утвердить этот язык в многообразном хоре языков, составляющих человеческую культуру. Так я, может быть, отвечу на сигнал тревоги, поданный ЮНЕСКО и предрекающий, что «с исчезновением языков исчезнут и целые этносы».

Необходимым условием практической деятельности нашей ассоциации является осуществление широкого и взаимообогащающего обмена и обучения двум нашим языкам — русскому и французскому соответственно. Мы стараемся препятствовать англосаксонской гегемонии и поэтому, например, во время организуемого по нашей инициативе научного франко-русского коллоквиума «Европейские диалоги в Эвиане» по вопросам глобального потепления избираем в качестве рабочих языков французский и русский. В этом смысле нам кажется уместной мысль французского филолога Клода Ажежа, что «английский является универсальным языком только потому, что это язык господствующей державы и, следовательно, побеждающего либерализма». Все это означало бы, что нам предписывается осмысливать эту гегемонистскую ситуацию не в эссенциалистских терминах, относящихся к псевдодобродетелям, присущим английскому языку, но в терминах исторической конъюнктуры, подчиняющейся свободной воле людей. Также, будучи соучредителями (партнерами) премии «Руссофония», присуждаемой за лучший перевод с русского на французский, мы хотели бы выдвинуть два предположения:

— русский язык, которым владеет множество людей как внутри России, так и за ее пределами, является объединяющим средством передачи и распространения культуры и в этом качестве участником всемирного диалога, в котором у него свое место и активная роль;

— перевод является не просто факультативным праздным занятием или же специальным средством, но и необходимым и основополагающим актом цивилизации. Возможно, в нем заключается и выражается особый дар мужчин и женщин черпать из источника Другого (вспомним фразу А. Рембо «Я есть некто другой»).

Мне хочется поделиться с вами забавным замечанием Эриха Эйнгорна по поводу перевода Полем Целаном стихотворений А. Блока и С. Есенина, который, возможно, «мог бы превзойти оригинал», поскольку на так называемом иностранном языке смысл стихотворений был бы передан лучше.

В этом месте доклада мне кажется необходимым обратиться за помощью к философу Жаку Деррида. Действительно, стремление насаждать и превозносить, как мы это делаем, наш «собственный» язык, похоже, подвергает нас отнюдь не воображаемой опасности национализма или лингвистического патриотизма, который стремится не слушать и разделять мнение, а скорее господствовать и дискриминировать. Согласно утверждению Деррида, рычагом желаемой политики могло бы стать стремление слушать и разделять чужое мнение «именно потому, что язык не является принадлежностью чего-то и не может стать вещью национального или этнического сообщества, на него набрасываются все виды национализма и вокруг него создается захватнический ажиотаж. Потому что

с того момента, как я начинаю уважать и культивировать единичность (сингулярность) языка, я его культивирую как свое и чужое, то есть язык другого следует уважать, и, следовательно, я должен сопротивляться националистическому искушению перейти свои границы, ведь такое искушение всегда было империалистическим». Это предостережение, но и, несомненно, призыв управлять противоречиями, присущими человеческой ограниченности, такими как нам их преподают, осторожность и убеждение, вытекающие из опыта обдуманной и исправленной практики.

Существуют, конечно же, основополагающие всеобщие требования прав человека на жизнь и достоинство. Безусловно, нельзя нарушать заповедь «не убий», равно как и кантовскую максиму «всегда считать человека высшей целью, а не средством». Но может ли завершённый, прескриптивный и нормативный свод законов оставаться исключительно уравновешенным, само собой разумеющимся и вечным, всегда вдохновляясь одним и тем же? Или же в будущем всеобщее (универсальное) принесет себя в жертву обновленному и согласованному действию объединившихся народов, занятых осмыслением такого человеческого движения, где никто не будет пользоваться даже временной привилегией провозгласить парадигму человечества.

К этому убеждению (которое, однако, может в любой момент подвергнуться пересмотру) я пришел, в частности, путешествуя по вашей огромной стране с севера на юг и с запада на восток, после долгого пребывания в африканских дебрях, и мое пребывание в Индии его только укрепило, даже если, как я уже говорил, оно предвзвешенное. Это может показаться патетичным, но задумайтесь над вопросом Валентина Распутина о постоянстве утраченной или находящейся под угрозой «русскости», заданным на берегу Байкала неподалеку от Китая и Монголии, где ощущается влияние нравов, обычаев и божеств Бурятии.

Повторяю, мои выводы только предварительные. Вернусь к тому, о чем я говорил в начале доклада, что могло вам показаться всего лишь моим представлением при первом знакомстве. Я сказал: «Наше призвание — крепить дружбу», и в этом заключены принципы и философия культурного обмена. Во-первых, здесь необходима доброжелательность, не отменяющая проницательности, и они в усилии совместного познания при взаимном уважении сумеют разрушить предрассудки и предубеждение. Это уважение, к которому призывает Деррида и которое в кантланской традиции является любовью, то есть актом гостеприимства, готовности принять Другого в его сходстве и отличии.

Иначе говоря, мы, по крайней мере, узнали, что нет той безоговорочной модели, которой мы могли бы уверенно похвалиться, и что нам не подобает возводить себя в ранг преподающих уроки. Мы поняли, что нам необходимо работать (и в этом наша задача и вызов) над равноправным и братским согласием (Режи Дебре уточнял, что братство принадлежит не к сфере данного, а к сфере изменений). В решении этой последней задачи, каждый на своем месте и в своей роли, призван принять участие.

В качестве примеров можно будет обсудить следующие факты из моего опыта:

— миссия наблюдателей на выборах в марте 2008 года;

— основание фонда «Русский мир» в ноябре 2007 года;

— связи с Иркутском.

В прошлом году я был членом миссии наблюдателей на президентских выборах в России, мы должны были

сделать или не сделать заключение о правильном управлении и соответствии принципам демократии. Конечно, я не был введен в заблуждение. Позвольте мне высказать по этому поводу некоторые соображения:

— наблюдать можно только то, что наблюдаемо, и показанное не всегда читается без кода прочтения;

— быть наблюдателем — значит приговорить себя к взгляду на событие со стороны.

В этом случае возникает желание провести сравнение со своим опытом, который воспринимается как норма и даже модель, а реальность, такая как она есть, становится отклонением от нормы, уходом с правильного пути или несовершенством.

Я всегда утверждал, что момент выборов, необходимый и показательный, все же должен рассматриваться в рамках всего демократического процесса, то есть должен давать каждому свободу волеизъявления и выбора, чтобы таким образом укрепить суверенитет народа. Пусть сами граждане России удостоверятся соответствую-

ющим образом, исполняется ли мандат, доверенный их представителю, соответственно пожеланиям и служит ли это всеобщему благу. Эта апелляция к гражданской ответственности говорит не о равнодушии, а лишь об уважении и доверии, но при этом она напоминает, не предписывая, что суверенитет бесспорно подчиняется критериям общих для всех (универсальных) требований. Наконец, во избежание ошибки или путаницы: когда я говорю «благожелательность», я не подразумеваю снисхождение: акты расистского насилия или физического устрашения, применяемые к некоторым борцам за социальные права, неприемлемы и вызывают протест — во имя все того же уважения.

Заключительное уточнение, чтобы ответить тем, кто в нашей позиции увидит лишь предвзятость и компромисс с существующим порядком вещей. Политика и культура находятся во взаимоотношающих отношениях, и это проверяется, не получая формального выражения, в ходе нашего сотрудничества.

А. С. Запесоцкий¹

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ЗОНА ГЛОБАЛЬНОГО ПРОТИВОБОРСТВА (Размышления по итогам VIII Международных Лихачевских научных чтений)

В постсоветский период конфликты между некоторыми государствами, образовавшимися после распада СССР, стали, увы, хроническим явлением международной жизни. Подобное развитие событий вызывает желание осмыслить положение нашей страны и ее соседей в современном мире в соотношении с некоторыми актуальными геополитическими теориями.

«Почему Украина — не Россия»? — этот вопрос вынес в заглавие своей книги один из неудачливых украинских политиков, во многом способствовавший нынешним трудностям новоявленной «самостийной» державы. Сегодня этот же вопрос исследуют многие ученые. Правда, совсем в другом смысле: почему братское нам государство систематически демонстрирует враждебность к России, почему многие годы оно не может обрести стабильность в своем самостоятельном развитии?

Противоборство по поводу газа вроде бы объясняется элементарной выгодой. Но на международной арене Украина и в самом деле не похожа на Россию или, к примеру, на Казахстан. И удивительно напоминает Грузию или, к примеру, Эстонию. Обычная бытовая логика, оперирующая географией, размерами государств, культурой, историей, понять это не помогает.

Конфликт цивилизаций?

Рискну предложить одну из версий происходящего. Версия эта — не моя личная. Скорее, обобщение высказываний специалистов, «зарисовки на полях» сборника

¹ Академик Российской академии образования, член Президиума РАО, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, член Президиума Совета ректоров Санкт-Петербурга, ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ.

Автор свыше 1200 публикаций, в том числе около 50 книг: «Образование: философия, культурология, политика», «Культурология Дмитрия Лихачева», «Позиция», «Образование и средства массовой информации как факторы социализации современной молодежи» и др.

Почетный доктор Линнского университета (Флорида, США), Американского университета в Дублине (Ирландия), академик Академии наук и искусств (Париж).

Лауреат премии Правительства РФ в области образования. Лауреат Горьковской литературной премии. Кавалер медали К. Д. Ушинского. Кавалер Большой золотой медали им. Льва Толстого Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП).

материалов VIII Международных Лихачевских научных чтений, состоявшихся в нашем Университете в 2008 году. Книга выпущена в свет издательством СПбГУП и представляет собой весьма объемный том докладов около 300 представителей мировой научной и политической элиты по актуальным проблемам мирового развития. Среди участников — свыше 40 членов отечественных государственных академий наук разного профиля; примерно полсотни профессоров с мировыми именами из стран Запада, Японии, Индии, арабского мира, СНГ; генеральный директор ЮНЕСКО (1987–1999) Федерико Майор; президенты Португалии (1996–2006) Жоржи Сампайю, Индонезии (2001–2004) Мегавати Сукарнопутри, Кыргызстана (1990–2005) Аскар Акаев; генеральный секретарь Совета Европы (1999–2004) Вальтер Швиммер и т. д. Фолиант открывает читателю практически «срез» основных течений современной мировой гуманитарной мысли, так сказать, вести с передовой научного фронта.

Очевидно, что современная научная дискуссия в сфере международной политики во многом ведется «по мотивам» теории, предложенной более 10 лет назад гарвардским профессором Сэмюэлем Хантингтоном в труде «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка». Его главная идея заключается в прогнозировании на XXI век мировых конфликтов цивилизаций на почве культур, в отличие от характерных для минувших эпох войн за территории и сырьевые источники. Работа эта возникла, разумеется, не на пустом месте. Легко можно найти идейных предшественников: от русского мыслителя Н. Я. Данилевского до западных Шпенглера и Тойнби. Проблемы взаимодействия культур активно разрабатывались с середины 1990-х годов параллельно с Хантингтоном и у нас в Университете, под руководством академика Д. С. Лихачева, разумеется, под существенно иным углом зрения, чем в Гарварде. При всем различии подходов к концу XX века уже многим было понятно, что культура играет в мировом развитии значительно большую роль, чем считалось ранее. Однако работа Хантингтона имела особый резонанс — потому, что отвечала интересам и психологии управляющей в США элиты, задавала новый ракурс взгляда на мир из этой страны, намечала

яркую идеологему ее поведения в условиях крушения СССР и биполярного мироустройства.

Запад: лидер сдает позиции

Сегодня, после того как Запад развил эту теорию и сделал ее основой своей международной практики с акцентом на конфликт, интересы его реализуются не просто — настолько, что теоретики говорят об «упадке Запада», «конвульсиях мирополитического устройства», «коллапсе цивилизаций» и т. д. Экспорт демократии американского образца, стиль жизни, массовая культура, ценности потребительского общества США оказались не востребованы существенной частью мирового сообщества. Стремление Америки укрепить во всем мире свое лидерство привело в итоге к невиданному в истории росту и распространению антиамериканизма. Властвующая в США элита испытывает смутение, которое уже не удастся скрыть.

Разумеется, эта страна на сегодня остается самой мощной в экономическом и военном отношении мировой державой. По некоторым подсчетам, на поддержание военной мощи США тратят примерно столько же, сколько весь остальной мир. Менее заметно, но, может быть, даже более важно информационное влияние Америки. Свыше 90 % всех новостей в мире производится тремя американскими корпорациями. Характерно, что на сегодня в США только 3 % населения задействовано в сельском хозяйстве, около 13 % — в промышленности, а более 60 % занято производством и обменом информацией.

Однако на мировой арене происходят сдвиги принципиального характера. Запад сдает позиции, и весьма стремительно. Доля ВВП США в мире снизилась с 35,4 % в 1966 году до 22,5 % в 2005-м. В 2006 году совокупный валовой продукт развивающихся стран впервые превысил ВВП развитых стран. Серьезнейшей проблемой стали демографические тенденции. Доля христиан во всем мире быстро уменьшается. Сокращается и доля англоговорящих. В США пока еще доминирует англосаксонская протестантская культура, но по официальным американским прогнозам к 2050 году белые там будут составлять около 46 % населения. Возможно, пора прогнозировать, на каких государственных языках они будут говорить. Во всяком случае, ряд американских университетов уже ведет обучение на мандарин-китайском.

Одной из основных осей развития событий в современных международных отношениях стало противостояние между Западом и мусульманским миром. Рядом со старыми центрами силы встают Китай и Индия. Профессор Е. Г. Ясин (ГУ — ВШЭ) заметил по этому поводу на Чтениях, что данные страны сейчас проходят позднюю индустриализацию, опираясь на свои сильные конкурентные преимущества, в первую очередь — дешевую рабочую силу высокого качества, дисциплинированную и легко обучаемую. И они имеют возможность использовать западные технологии, которые массово внедряют. Тем, кто полагает, что развитые государства эксплуатируют развивающиеся, следует понимать, что в случаях с Китаем и Индией ситуация противоположная.

В кругах ученых все активнее обсуждается тезис, что США, ставшие в конце XX века единственной сверхдержавой, не смогли справиться со своей ролью монополярного лидера. Критики утверждают, что модель неолиберального капитализма просуществовала почти три десятилетия и завела Америку в тупик, а стремление администрации Джорджа Буша силой насаждать ее повсеместно приняло характер чуть ли не опасного сектантства, лже-религии. Некоторые ученые уже с юмором поговаривают о том, что необходимо спасать мировой капитализм от неолиберализма, о проблеме по возможности безболезненно выхода Запада из режима мировой гегемонии.

Вместе с тем на Чтениях немало говорилось и об окончании эпохи национальных государств. Конкуренция в условиях глобализации приобретает межцивилизационное измерение. Последним национальным проектом был Третий рейх, и он бесславно провалился. В рамках этой концепции гениальность Черчилля заключалась в том, что, располагая огромным потенциалом Британского Содружества Наций, он на добровольной основе присоединился к новой англо-американской империи во главе с США. Сталин создал мощнейшую славяно-советскую империю. Шарль де Голль ощутил, что судьба находящейся в одиночестве между этими двумя империями Франции ничтожна, и поддержал идею формирования Европейского Союза (первоначально — Латинской империи).

В рамках такого понимания хода событий формирование современных цивилизаций предстает как создание союза наций. Отсюда — проблема поиска наиболее рациональных конфигураций, конструирования той или иной цивилизации. Замечу, что такое понимание событий у специалистов особых возражений не вызывает. Кстати, по Хантингтону, существует 7 или 8 мировых цивилизаций. Принципами их выделения служат язык, религия и история. «Славяно-православная» цивилизация в его понимании существенно отличается от западной по религиозным основаниям и их последствиям. Вот с этим далеко не все согласны.

Насколько остра будет конкуренция между цивилизациями, насколько неотвратимы конфликты? В этом плане также нет единого мнения. Многие, как Аскар Акаев, считают, что «в геноме человека нет званья, предопределяющих антагонистическое начало в его отношениях с себе подобными. На более высоком уровне — наций и многонациональных образований — к этому добавляются нормы, являющиеся, по сути, общественным договором». Но на Чтениях прозвучал и интереснейший доклад члена-корреспондента РАН А. В. Смирнова (Институт философии РАН): им выявлена высокая вероятность того, что далеко отстоящие друг от друга культуры, к примеру, христианского Запада и мусульманского Востока, в принципе не могут достичь достаточно полного взаимопонимания в силу различий в механизмах мышления и восприятия реальности. Это касается не всех сфер жизнедеятельности, но в первую очередь — этики, политики, организации власти, отношения к миру, понимания цели жизни и т. п. Разумеется, от неполного понимания до конфликта — дистанция немалая, и все же...

И все же, по мнению ряда специалистов, США пребывают в тревоге: вполне возможно, что их элита экстраполирует на будущих лидеров планеты ту логику поведения, которой сама руководствуется сегодня: «С какой стати вникать в интересы тех, кто слабее тебя; с какой стати уважать слабых, договариваться с ними?» Диалог культур возможен только при равенстве сил — такое мнение высказал гуру современной социологической мысли Америки, профессор Йельского университета Иммануил Валлерстайн. Но если так, то почему через 20–30 лет Китай должен вести себя по отношению к США иначе, чем Америка недавно поступила с Югославией?

Казалось бы, в силу этой логики США стоило бы стремиться к объединению в той или иной форме с Европейским Союзом и Россией. Тогда по демографическим характеристикам христианская цивилизация оказывается сопоставима с Китаем, Индией и мусульманским миром. По экономической же мощи будет всех превосходить еще долго. Именно так мыслят многие европейцы. «Непонятно, почему США в последние годы так ревностно выступают против политики сближения ЕС с Россией?» — вопрошает в своем докладе немецкий политолог Александр Пар.

Как Америка руководит Европой

Возможно, причина именно в нежелании договариваться, заключать союзы с более слабыми. Ключевой вопрос — в какой форме объединяться. По мнению администрации Буша, слабыми следует управлять. Точнее, командовать. Может быть, в связи с этим Америке и не нужна сильная Европа, тем более — сильная Россия. Такова версия ряда участников Чтений. И она содержит в себе некую логику, проясняющую взаимосвязь таких разных событий, как конфликтность поведения Польши, эстонские эксцессы вокруг «бронзового солдата», деятельность Михаила Саакашвили, перекрытие украинской газовой трубы, ведущей от России к ЕС, и т. п.

Несомненно, у этой точки зрения найдутся убедительные оппоненты. Дескать, у бывших «советских сателлитов» и без подсказок США достаточно поводов ненавидеть русских. И теорий на этот счет предостаточно. К примеру — абсолютизация различий менталитета, проистекающих из разницы в модификациях христианства и исторического опыта. На подобной идеологической основе Польша пытается провозгласить себя пограничным стражем Европы, охраняющим ее от «варваров с Востока». Но почему, к примеру, этого не делает Финляндия? Почему Германия выстраивает отношения с нашей страной совершенно по-иному, чем Англия? Почему Казахстан ведет себя не так, как Украина? На все эти вопросы эксперты пока находят лишь один более или менее убедительный ответ: взаимоотношения современной России с другими странами мира весьма существенно зависят от возможностей влияния США на эти страны.

Любое современное государство — по-своему уникальная и неповторимая единица геополитики. И США пытаются по мере возможности выстроить их «по ранжиру» в своем проекте глобальной архитектуры. В этой конструкции нетрудно разглядеть свои уровни, «этажи».

Где-то наверху, почти рядом с США — Англия, выдающая себя в делах Евросоюза за лояльного члена этого сообщества. На самом же деле — представитель США, которому поручено курировать соседей. По мнению профессора Дипломатической академии МИД РФ И. Н. Панарина (Москва), эти две страны реализуют геополитический проект Новой Британской империи: «НБИ — главный геополитический и геоэкономический субъект современного мира, образованный после Второй мировой войны крупнейшими британо-американскими транснациональными корпорациями и банками».

Следующие этажи, ниже — часть Евросоюза, лежащая за Ла-Маншем. В Евросоюзе все непросто. Еще 15–20 лет назад США управляли его развитием опосредованно — через лидирующие страны Западной Европы, к каждой из которых через Атлантику протянуты свои ниточки. Включение бывших стран Варшавского договора и республик СССР в ЕС проходило, как известно, под диктовку Запада и привело к любопытнейшей ситуации. Проекты расширения Евросоюза осуществлялись на государственные средства его старых членов, в первую очередь — Германии, выступавшей донором. Но в итоге практически все базовые отрасли экономики стран — новых членов оказались приватизированы частными фирмами старой Европы. К примеру, чехам в их собственной стране не оставлено почти ничего, кроме работы в сфере обслуживания и малорентабельном сельском хозяйстве. Болгарам позволено иметь ресторанчики и мини-отели на берегу Черного моря, но электричество к ним поступает по австрийским сетям, и т. д. Все эти страны — источники дешевой и хорошо адаптирующейся на Западе рабочей силы. Как заметил один эстонский журналист: «У нас в газетном деле все хорошо. Только читателей не стало. Все, кто мог, уехали». Остались пенсионеры и политичес-

кая элита, которая в новых странах ЕС полностью контролируется Америкой.

Технологии такого контроля отработаны уникальные. Коминтерн подобных и представить себе не мог. Начало было положено еще при социализме — поддержкой и возвращением диссидентского слоя. Затем — культурные обмены, стажировки, программы различных фондов. Ставка делалась на лидеров интеллигенции, ощущавших обаяние «мягкой силы» Запада: разнообразия товаров, потребительских благ и бытового комфорта, культурных ценностей и т. д. В момент слома социалистической системы именно эти люди были приведены к власти. Теперь их отношения со Старой Европой строятся весьма своеобразно. Контроль США, к примеру, над Германией или Италией, бывший после войны практически абсолютным, постепенно ослабевает. Кстати, многие западноевропейские аналитики полагают, что нынешние лидеры Германии и Франции не пришли бы к победе на последних выборах, если бы не разочарование Америки чрезмерной самостоятельностью и историческими предшественниками... Так вот: когда общеевропейские интересы стран Западной Европы начинают преобладать над интересами трансатлантическими, Польша, страны Балтии и прочие новички начинают одергивать ветеранов Евросоюза. Таков механизм управления им из-за океана.

Вальтер Швиммер насчитал в Европе 48 государств, 200 языков и десятки религиозных конфессий. Для США весь этот вавилон разумно объединить, но не слишком, не до сплочения. Огромное большинство второстепенных вопросов европейцам дозволено решать самостоятельно, по принципу местного самоуправления. Для управления принятием ключевых решений используются те или иные «группы по интересам», оперативно создаваемые НБИ.

Три альтернативы для России

Как известно, дальнейшее расширение ЕС на Восток оказалось его инициаторам не под силу. Для того чтобы «проглотить и переварить» Россию, Украину и Белоруссию, нужны первоначальные вложения, несопоставимые по масштабам с освоением Чехии, Болгарии, Балтии. Не говоря уже об отсутствии соответствующих политических предпосылок.

Как включить три заграничных славянских народа в общую схему? Оказывается, их все было бы желательно разместить на самых нижних этажах проекта. Деньги вкладывать избирательно, в основном — частный капитал и в наиболее выгодные отрасли, использовать Россию, Украину и Белоруссию в качестве сырьевой базы и источника трудовых ресурсов. Для этого их нужно максимально разъединить и ослабить.

Так сложилось, что среди этих славянских государств слабым звеном оказалась Украина. Как и Турция, по своим масштабам она слишком велика для вхождения в ЕС. Но некоторые религиозные, культурные особенности, а также специфика новорожденной элиты делают данную страну весьма удобной для исполнения функций зоны постоянной нестабильности в Восточной Европе — по образцу южноевропейского «гниюника», созданного на месте бывшей Югославии.

В подобном качестве Украина весьма полезна в англо-американском проекте — потому, что торпедирует два других, конкурирующих суперэтнических проекта современного мироустройства. Один из них — «строительство общеевропейского дома» — концепция, очень популярная в Европе и СССР времен Горбачева. Надо заметить, что в Испании, Португалии, Италии, Германии (в особенности) и ряде других стран эта идея и сейчас популярна. США первоначально ее тоже поддерживали — до крушения СССР. Затем сделали все возможное, чтобы данный

проект похоронить. К примеру, Рейган твердо обещал Горбачеву (и это зафиксировано в соответствующих протоколах), что НАТО будет распущено одновременно с Варшавским договором. Затем Запад гарантировал, что Восточная Германия, объединившись с Западной, войдет в НАТО, но дальнейшего расширения этого военного блока на восток не будет. Потом НАТО завело разговор о дальнейшем расширении, но без создания в Восточной Европе военных баз. Что имеет место сегодня, мы хорошо знаем. В такой обстановке объединенную Европу строить весьма затруднительно, что и требовалось некоторым.

Видимо, «европейский дом» от Гибралтара до Берингова пролива для США малоинтересен. Результат такой интеграции — появление мощного субъекта геополитики, способного говорить с Америкой на равных. Но третий проект с точки зрения США и вовсе неприемлем. Это — строительство Евразийского союза, объединяющегося вокруг России: близкого по составу к СССР, но интегрированного менее жесткой политической структурой. Обывателю постсоветской эпохи это может показаться утопией, но специалисты видят дело совершенно иначе.

По мнению ряда участников Чтений, этот геополитический проект находится примерно в той же стадии реализации, что и ЕС 25–30 лет назад, и имеет более чем серьезную экономическую основу. Например, транспортные услуги по обслуживанию грузопотока между Европой и Азией могут приносить больший доход, чем сегодня продажа нефти и газа. По данным, приводимым И. Н. Панариным, только у индустриально развитых стран экспорт транспортных услуг превышает 250 млрд долл. в год. Специализированный грузовой состав проходит от Находки до западных границ России за 9 дней, а до Западной Европы он может дойти за 12–14 суток, в то время как срок движения тех же грузов по морю через Индийский океан — 35 суток. И пройден почти весь этот путь

может быть на основе дешевых возобновляемых источников энергии. А Северный морской путь в два раза короче нынешнего маршрута через Индийский океан и на 30 % дешевле. Есть и серьезная культурная основа для реализации этого проекта, не укладывающаяся в рамки теории Хантингтона. «Незападные» культуры озабочены сегодня проблемами собственной модернизации. Модернизация по-американски ими отвергнута. Российская же версия, реализуемая в последние столетия в Центральной Азии, как отмечал Ш. Мустафаев (ЮНЕСКО, Узбекистан), намного более приемлема.

Украина: путь в никуда?

Можно, конечно, спорить с Хантингтоном о степени отличий «славянской цивилизации» от «западной», но нельзя не заметить, что последние 10–12 лет Украина обрабатывается по его рецептам. Отрыв, изоляция ее от России осуществляется в первую очередь в трех сферах культуры: язык, религия, история. Войти в НАТО, на долгие десятилетия, если не навсегда остаться за порогом ЕС, разоряться в ходе междоусобиц региональных элит — такая цена, которую по одному из сценариев суждено заплатить народу Украины за стабильность одного из проектов мирового доминирования.

Насколько этот сценарий будет реализован — прогнозировать трудно. Многие, и в России в том числе, ждут от Барака Обамы чего-то похожего на продолжение «Нового курса» Рузвельта — идеологии позиционирования США в мире, базирующейся на совсем иных принципах, нежели деятельность администрации Буша. Скептики же подсчитали, что в последние десятилетия при самых радикальных сменах американских президентов их политика меняется не более чем на 10 %. Попадет ли славянский вектор политики США в эту «десятку»?

В настоящее время большинство аналитиков не склонно демонстрировать оптимизм в данном вопросе.

Джагдиш Ч. Капур¹

К ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

веческого потенциала. И следовательно, необходимо возрождать человеческое достоинство и природу с ее красотой и способностью к регенерации. Границы между своим собственным «Я» и космосом должны быть стерты, а космическая связь восстановлена.

В науке не существует неизменных определенностей. Время от времени происходят великие открытия, представляющие новые образы космической реальности. С расширением нашего мировоззрения и повышением уровня сознания новые откровения зачастую начинают изменять старые представления, создавая новую картину мира.

Такое продвижение и развитие возможно только в том случае, если человеческое осмысление не сковано догмами застывшего времени и неизменными воззрениями. Каждая эпоха приносит собственное преобразование.

Ничто не может быть истолковано на основании только одного свода правил. Каждое новое откровение следует объяснять в плане его собственных определенностей или неопределенностей, а также времени. Даже окружающая среда, воздействуя на нашу психику, должна вносить значительный вклад в становление мироощущения и поведения людей. На пути распространения урбанистических цивилизаций возникает все возрастающее число препятствий. Люди, живущие в замкнутых пространствах, все более подвержены воздействию принципа «разделяй

Мир XXI века унаследовал цивилизацию, выстроенную на крови, слезах и голоде. Перед ее порталом — два стража: Судьба и Смерть. Судьба — для тех, в чьих руках рычаги власти, богатство и господство, а смерть — для всех прочих. И если нашим веком поставлена задача избежать последствий разделения на столь различные судьбы, то необходимо понимать космическую реальность взаимосвязанности всех явлений, а также то, что создание двух путей и способов существования — на радость многим. Для других это постоянная угроза массового банкротства и террористических актов, и эта сила во много раз больше. Закономерно развивающийся экономический кризис, быстрый рост безработицы, возрастающая угроза терроризма и возникновения крупных конфликтов могут повлечь за собой серьезные политические последствия.

На протяжении столетий цивилизации развиваются в процессе непрерывного творчества и гармонизации. Фундаментальные истины и законы природы нельзя изменить, а судьбы наций и народов могут быть реализованы только через всестороннее накопление высочайшего чело-

¹ Президент фонда «Капур Сурия», сопредседатель Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», доктор философии, профессор (Индия).

Автор научных работ: «India: an uncommitted society»; «The Human condition today: some new perspectives» и др. Его монография «Наше будущее: потребление или гуманизм» выпущена в России на русском языке.

и властью», психического условно-рефлекторного разделения и подозрительности по отношению к тому, что за этим кроется.

Индийская цивилизация родилась на широких просторах в условиях биологического разнообразия и минимальной борьбы за существование. В постоянном взаимодействии с природой, созерцании ее щедрости, многообразия и изменчивости, ее бесконечных тайн индийцы создавали пути для расширения сознания и горизонтов, но не для господства или ограничений. Они осознали истину взаимосвязанности всех явлений, а также гармонию между более глубоким человеческим духом и всем тем, что наполнено духовным смыслом. Материальная цивилизация создала вокруг нас слепящие пыльные бури, стены из страха и ненависти, которые перекрывают горизонты, духовное развитие и пути в будущее, препятствуют нашему единению с бесконечной космической реальностью. Эстетическое начало, религиозные чувства, научные и философские взгляды расширяют границы нашего сознания до более высоких уровней постижения.

Наш разум находится в тисках из-за постоянной борьбы за выживание. Намеренно культивируемый процесс оглупления привел к тому, что наши жизни стали целиком и полностью зависеть от средств к существованию.

Наиболее полная реализация души важнее материальных приобретений, физических и интеллектуальных свершений. Но «поступательное движение Души» в поисках бесконечности невозможно остановить ни смертью, ни распадом. Большинство наших установок представляется собой пути, ведущие к «децимации» человечества. Их следует изменить таким образом, чтобы откровения смогли обрести новый духовный контекст для гуманизма, что освободит человечество от всех препятствий на пути к реализации высочайшего человеческого потенциала. А это — внутри космической реальности, которая «неуловима для чувственного восприятия, непознаваема, однако постижима непосредственно, без медитации». Такая «реальность» не является отдельной вневременной сущностью, она состоит из множества реальностей, которые возникают в одно мгновение, а в следующее мгновение преобразуются в другие. В этой концепции динамического состояния постоянного изменения космические потоки событий вечны для каждой индивидуальной сущности или для каждого события. Здесь наблюдается некоторое сходство с квантовой физикой в том плане, что не существует абсолютной истины в теориях, которые ограничены или приближительны.

Бесконечность есть заключительная реализация человека, а также реализация конечной истины. Гиперболизация и фальсификация истины в средствах массовой информации разрушает гармонию нашей жизни и делает нас жертвами фальшивых претензий и противоречивых интересов. Таким образом, гармонизация может быть достигнута не на материальном уровне и не на уровне личной заинтересованности, но только лишь на духовном уровне, где все становится единым.

Биологическое многообразие представляет собой один из высших законов природы. Вокруг нас — миллионы видов флоры и фауны, широкое разнообразие мира животных и птиц. Каждый человек в качестве индивида обладает собственной психической структурой. Теологическую вариативность невозможно отделить от высшего закона природы. Не может быть ни откровения, ни догм, ни научного открытия, ни мыслительного процесса, которые смогли бы не подвергнуться изменению для поддержания гармонии в космической системе. Даже в божественных силах, как в жизни и в природе, присутствует множественность, разнообразие восприятий на высочайших уровнях

духовного совершенства. Говоря словами поэта Рабиндраната Тагора, «Человек открыл для себя величайший парадокс — то, что имеет пределы, не замкнуто в этих пределах, а постоянно движется и, таким образом, каждый миг отрицает собственную завершенность. По сути дела, несовершенство не есть отрицание совершенства, а конечное не противоречит бесконечному; что это, как не завершенность, проявляющаяся частично, и бесконечность, являющая себя в определенных границах? ... Постепенное приближение к истине — вот что важно в истории науки, а не ее бесчисленные ошибки».

Излишняя узость специализации в призвании означает утрату чувства истины, научной или метафизической. Сегодняшнюю истину мы можем узреть, обратившись к массе событий, интересов и намерений всех участников в целом. Но высшую истину можно постичь лишь в том случае, если мы обратим наш разум к бесконечности, не теряя при этом осознания нашего морального естества. Бесконечность реализуется не при помощи материальных благ или долгого накопления имущества. В действительности бесконечность представляет собой окончательный отказ от беспрестанного и бесполезного поиска и накопления предметов потребления и роскоши.

Ничто скоротечное не имеет значения при постижении бесконечного: наше имущество лишь тогда может что-либо значить, когда его можно соотнести с процессом осознания и когда оно предстает в виде ступеней лестницы, ведущей к бесконечности. Однако человеческая душа простирается за пределы материального мира. Самоотречение есть глубочайшая подлинная сущность человеческой души. Мы гораздо ценнее, нежели вещи, которыми мы владеем, поскольку приобретение относится к нашей конечной ипостаси.

Фундаментальное различие между западным и восточным мышлением — «не встретиться им никогда» — заключается в том, что Запад считает богохульством человеческое стремление стать Богом. В рамках восточного мышления люди способны достичь образа Божьего. «Реки могут стать морем, но никогда не сделают море частью или частицей себя». В буддизме люди могут провозгласить: «Я — капля росы, я — Океан».

В плане более широкой реальности и человеческого несовершенства при достижении конечного моря спокойствия должны существовать потенциальные пути для реализации «интегрального гуманизма», направляемые экологическими сдерживающими факторами, а также пути для реализации высшего человеческого потенциала — материального, ментального, супраментального и духовного. Различные религиозные традиции способны обеспечить собственные условия для создания таких путей. Данный процесс должен проходить при естественных ограничениях, поддерживающих различные его параметры в состоянии равновесия по отношению к упорядоченной человеческой цивилизации. Но там, где пространство и время перестают править, видение бесконечного должно быть отчетливым. Наша история — это история жизни общества и достижения духовного идеала. Мы не можем допустить, чтобы культура потребления заявила права на собственные божественные образы. «Для механизированной цели нации преобразуются в организованное своекорыстие целого народа. Но наше восприятие общества должно включать спонтанное самовыражение человека как социальной единицы, не сводимой к фантому».

Мы должны защитить будущее человечества от постоянной беспомощности и бессилия. Пусть человек примирится, и ему будет позволено стать мерилем, а моральную ответственность пусть возьмут на себя нации.

С. А. Катанандов¹

РЕСТАВРИРОВАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ДУШИ

Начать разговор на самую важную для нашей страны, для всего российского общества тему нравственного возрождения хочу со слов недавно ушедшего из жизни Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: «Наша цель — не только реставрировать храмы, главное — реставрировать исковерканные человеческие души». Эти выстраданные слова должны быть нравственным ориентиром для каждого из нас.

Святейший Патриарх родился, как известно, в Таллине, но духовно укрепился в Валаамской обители, которая находится на суровой Карельской земле. Валаамский Преображенский мужской монастырь будущий патриарх посещал со своими родителями в годы юности и более 10 раз побывал там, уже будучи патриархом. Мне посчастливилось неоднократно встречаться и беседовать с ним, и эти беседы утвердили меня в мысли о необходимости объединять усилия государства и церкви, усилия всего общества для защиты и воспитания нравственности.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II был не только главой Русской православной церкви, но и выдающимся мыслителем и общественным деятелем, религиозным публицистом, самоотверженным православным подвижником, являлся почетным доктором многих отечественных и зарубежных духовных и светских академий и университетов, в том числе и Петрозаводского государственного университета. Он автор многочисленных статей и работ о духовном возрождении народа, о роли церкви в жизни общества.

XXI век остро поставил перед россиянами вечные вопросы бытия — о добре и зле, о свободе и предопределении, о соотношении личного и общественного. «Рубеж тысячелетий, — подчеркивал глава Русской православной церкви, — заставляет людей во всем мире задуматься о судьбах своих народов, о смысле человека и различных человеческих сообществ. Одновременно многие события последних лет обострили старые моральные проблемы, а также породили новые».

Нравственность, образование и культура — основные сферы влияния церкви в обществе, о чем неоднократно говорил Святейший Патриарх в своих выступлениях. «Россия не возродится, — подчеркивал он, — если духовно-нравственные ценности не будут поставлены во главу угла. Без обращения к традиционным основам жизни, благодаря которым мы некогда стали великой державой, невозможно дальнейшее развитие страны и ее выход из затяжного кризиса».

Представителям федеральных и региональных органов власти, политикам, деятелям науки, искусства и культуры следует прислушаться к голосу церкви и речам ее предстоятеля о современном образовании и воспитании молодежи.

Он обращался к общественности с такими словами: «Педагогам, призванным воспитывать нравственную личность, любящую свой народ, весьма полезен огромный духовный опыт, который бережно сохранила Русская православная церковь. Хотелось бы, чтобы и государственные руководители, деятели культуры, журналисты отнеслись со вниманием к богатейшему православному духовному опыту. Ведь нам так нужно восстановить подлинную связь с великой русской культурой — целомудренной, возвышенной и человеколюбивой, полной душевного тепла, светлой и искренней».

¹ Глава Республики Карелия. Прошел путь от начальника участка, главного инженера строительного-монтажного управления до поста мэра г. Петрозаводска, премьер-министра, главы Республики Карелия. Заслуженный работник народного хозяйства Республики Карелия.

Мне представляется, что мы должны откликнуться на этот призыв Святейшего Патриарха своими предложениями и практическими делами. Проблемы российского образования близки мне. Семь лет назад по поручению Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина я возглавлял рабочую группу Госсовета, включающую специалистов, ученых, педагогов из разных регионов страны, по подготовке предложений в области реформы образования. Итогом более чем трехмесячной работы нашей группы стал базовый документ «Образовательная политика Российского государства». Стратегия развития образования предусматривает решение трех ключевых задач — доступность, качество и эффективность. Все это должно служить формированию социально активной, высоконравственной личности, патриота и гражданина.

Сегодня требуется значительно больше внимания уделять духовно-нравственному воспитанию подрастающего поколения, о чем в последнее время настоятельно говорят как в государственно-политических кругах, так и в Церкви и в обществе.

В Карелии заключен Договор о сотрудничестве между Министерством образования, Петрозаводским государственным университетом и Петрозаводской и Карельской епархией Русской православной церкви. Идет совместная работа по воспитанию подрастающего поколения, анализируется и обобщается опыт работы в области духовного и нравственного развития молодежи. Создан координационный совет. В его состав входят сотрудники министерства, преподаватели высших и средних учебных заведений, священнослужители.

Совместно проводятся научно-практические конференции, семинары и круглые столы. Результатом является активное противодействие распространению наркомании и алкоголизма в детской и подростковой среде, помощь в организации обучения детей основам православной культуры. Факультативное преподавание этого курса организовано во многих школах республики. Конечно, здесь пока еще имеется много проблем, особенно правового характера.

Нужны четкие и ясные нормативно-правовые акты, закрепляющие возможности сотрудничества школы, российской системы образования в целом и религиозных организаций, в том числе и Русской православной церкви.

На мой взгляд, надо продолжать линию на практическую реализацию доступности предмета «Основы православной культуры» для российских школьников. Сегодня в ряде регионов он успешно преподается. На добровольной основе изучается вероучение — православное, исламское, иудейское. Мне кажется, такой подход, направленный на мир и согласие в обществе, межнациональное и межконфессиональное взаимопонимание и взаимодействие, следовало бы поддерживать и развивать. Для многонациональной России (и для Карелии в частности) это крайне важно. Некоторые представители различных структур федеральной и региональной власти и образования, ссылаясь на светский характер образования, исключают всякое участие церкви и других религиозных организаций в жизни вуза, государственной и муниципальной школы.

Однако позитивные перемены все же происходят. В прошлом году Министерство образования РФ инициировало поправки в Закон «Об образовании», которые позволяют духовным академиям и семинариям получать государственную аккредитацию и выдавать дипломы государственного образца по специальностям «Теология»

и «Религиоведение». Это даст возможность российским школьникам и студентам с помощью специалистов знакомиться с сокровищницей религиозной мысли.

Совсем недавно, в марте 2009 года, выступая перед студентами Университета им. И. Канта в Калининграде, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл призвал ввести богословские дисциплины во всех светских вузах страны. Как сказал Предстоятель Русской православной церкви, важно знакомить детей и молодежь с базисной культурой своего народа, потому что в ней заложена система ценностей для стратегического развития России. Тогда, убежден он, «будут сильными личность, общество и государство».

Я хотел бы сослаться на авторитетное мнение выдающегося ученого и мыслителя академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Религия, по его мнению, — явление культуры. Многотысячелетняя история человечества в основном развивалась в рамках различных религий. Это касается и морали, и обычаев, и обрядов, а также музыки, архитектуры, изобразительных и прикладных искусств. Поэтому изучение религий, подчеркивал ученый, составляет необходимую часть образованности каждого человека. Без знания основных событий Ветхого и Нового Заветов, житий святых, как и без знания исторических событий и исторических лиц, невозможно посещение любого из музеев изобразительных искусств. Знание религий, а особенно религии своего народа, необходимо для самопознания личности и не обязательно связано с верой.

Преподавателям необходимо воспитывать уважение и терпимость к верованиям и убеждениям человека, разумеется, и атеистическим тоже. Эмоциональное (прежде всего связанное с отрицательными эмоциями) отношение к верованиям и убеждениям может обернуться неприятными последствиями, вплоть до национальной вражды.

К советам такого крупного ученого, как Д. С. Лихачев, по проблемам роли религии в процессе воспитания студенческой и школьной молодежи, как мне кажется, всем нам надо бы почаще обращаться. Без базовых ценностей национальной духовной культуры (в данном случае речь идет о православных ценностях) образование и воспитание молодежи нельзя считать качественными.

Духовное возрождение зависит от образования и воспитания в семье, в детских дошкольных учреждениях, в школах, от отношения общества и государства к теме нравственных ценностей.

Вопросы утверждения основ морали и нравственности в Карелии обсуждаются особенно активно последние несколько лет. Движение за возрождение традиционной нравственности у нас в республике возглавили женщины. В 2000 году — на рубеже столетий и тысячелетий — по инициативе женских организаций состоялся первый форум женщин Карелии. Точнее, предложение поступило от общественной женской организации «Надежда» из Сортавалы, руководитель которой Валентина Артемьевна Новикова обратилась к главе республики с письмом, где обосновала необходимость проведения в Карелии женских форумов.

В письме смело и убедительно говорилось о том, что женские общественные организации являются единственной здоровой и конструктивной общественной силой, которая способна совместно с властью решать стоящие перед республикой задачи. Первый форум состоялся на родине инициативы и проходил под девизом «За достойную жизнь и самоопределение». Эстафета женских форумов такова: Сегежа, Костомукша, Кондопога, Олонец, Петрозаводск, Питкяранта и вновь Кондопога.

В Сегеже основной темой форума стала семейная политика. Был принят проект республиканской программы «Семья Карелии». Именно женские организации застави-

ли власти всерьез задуматься о путях выхода из назревающего демографического и духовного кризиса, кризиса семейных ценностей.

Год спустя в Костомукше на очередном форуме женщин уже обсуждался проект республиканской программы «Здоровый образ жизни», идею которой активно продвигали женские организации. Наши карельские девчата «дали жару» местным любителям спиртного, объединившись против этого зла в деревнях и поселках. В деревне Кааламо Сортавальского района активистки вызвали торговцев «паленой водкой» на площадь, чтобы серьезно с ними поговорить. Вокруг деревни Софпорог Лоухского района местные женщины организовали «безалкогольное кольцо», и эта мера дала свои результаты — в поселке пошло на убыль пьянство и... увеличилась рождаемость. Объединив свои усилия с местной властью, руководством предприятий, успехов в борьбе за здоровый образ жизни женщины добились в селах Мегрега и Толвуя.

В старинном заонежском селе Толвуя создан общественный совет по профилактике алкоголизма, в который входят школьный социальный педагог, врач, участковый милиционер, руководство совхоза «Толвуйский», другие инициативные люди. «Мотором» оздоровления нравственной атмосферы на селе является директор хозяйства Иван Ткачук. Общественность взяла под контроль всех злоупотребляющих алкоголем односельчан, особое внимание уделяется семьям, где есть дети. За счет местного бюджета и средств совхоза родители из 37 семей прошли лечение от алкоголизма, большинство из них затем устроились на работу в совхоз.

В 2002 году Республика Карелия первой в Российской Федерации с участием широкой общественности разработала и приняла республиканскую целевую программу «Здоровый образ жизни», которая направлена на укрепление физического и нравственного здоровья, развитие физкультуры и спорта, содержательного досуга, борьбу с пьянством и наркоманией. Кроме того, был разработан проект «В Карелию за здоровьем», с помощью которого мы привлекли в нашу республику на отдых, на соревнования туристов, спортсменов.

Все мы прекрасно понимаем, что формирование здорового образа жизни — это формирование мировоззрения и соответствующих принципов социального поведения.

Основополагающими побудительными мотивами к здоровому образу жизни являются духовность, нравственность и самодостаточность. Дальнейшее улучшение состояния здоровья населения требует подхода к здоровью с точки зрения его широкого понимания и учета всех факторов, определяющих здоровье, таких как образ жизни, социальное благополучие, психологический климат, физико-химические факторы окружающей среды.

За прошедшие семь лет увеличилось количество общественных организаций, вовлеченных в формирование здорового образа жизни в Республике Карелия. По данным социологических исследований, проведенных в Карелии в рамках программы «Здоровый образ жизни», 82 % молодых людей знают о пагубном влиянии курения на здоровье и 42,2 % бросили курить. 90 % опрошенных, имеющих вредные привычки, готовы изменить свое отношение к здоровью с целью его укрепления.

В последние годы в республике активно развиваются такие спортивные дисциплины, как футбол, художественная гимнастика, борьба, спортивное ориентирование, лыжный спорт, хоккей, фитнес.

Бизнесмены братья Зайцевы из Пряжинского района на свои средства построили стадион в поселке Пряжа, который признан одним из лучших в Карелии. Большие средства в развитие спорта и здорового образа жизни до кризиса вкладывали Надвоицкий алюминиевый завод,

Костомукшский горно-обогатительный комбинат, целлюлозный завод «Питкяранта». Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат на свои средства построил в городе бумажников бассейн, ледовый дворец, лыжероллерную трассу и другие объекты.

Замечу, что именно в Кондопоге начиналась олимпийская лыжня Ларисы Лазутиной (Птицыной) и Евгении Медведевой (Арбузовой).

Несмотря на мировой финансово-экономический кризис, в Карелии будет продолжено сооружение спортивно-оздоровительных объектов. В Костомукше ведется строительство современного бассейна, в Олонце реконструируется стадион, в Петрозаводске завершается возведение лыжного комплекса «Курган», в селе Спасская Губа Кондопожского района начато строительство современного горнолыжного туристского комплекса.

В 2007 году также по предложениям широкой общественности мы создали специальную рабочую группу по подготовке предложений в области защиты и воспитания нравственности. В рабочую группу вошли специалисты правительства республики, представители учреждений культуры, науки, образования, общественных и религиозных организаций, творческих союзов и молодежных объединений, средств массовой информации.

Я обратился к жителям Карелии по телевидению и через газеты с призывом принять участие в подготовке предложений для рабочей группы. В обращении говорилось о том, что сегодня над целым поколением детей и молодежи нависла реальная угроза нравственного упадка и духовного вырождения. Наш гражданский и родительский долг — помочь нашим детям, ограничить потоки насилия и непристойности, заполняющие телеэфир, журналы, газеты и книги.

Это очень серьезная проблема. Еще в конце XX века ученым удалось доказать связь между теми фильмами и передачами, которые смотрят дети 8–12 лет, и проявлением преступных наклонностей в зрелом возрасте. Более того, в большинстве стран мира уровень преступлений, связанных с насилием, возрастает параллельно с распространением телевидения и ростом общественной роли других средств массовой информации. Пропаганда распущенности ведет к распаду семей и является одной из причин демографического спада.

Я поручил рабочей группе проанализировать законодательство РФ и российских регионов, касающееся вопросов нравственности, подготовить соответствующие изменения в федеральные законы или собственные законодательные инициативы, а также программу, направленную на пропаганду традиционных нравственных ценностей среди детей и молодежи, на профилактику негативных явлений в молодежной среде, на воспитание нравственности.

Мы стали думать над тем, как защитить наших детей от пагубного подражания сомнительным «героям» массовой культуры, как возродить в обществе доброжелательность, взаимное доверие и взаимопомощь, остановить рост детской преступности, наркомании, алкоголизма.

Перед тем как обратиться к населению, я встретился с архиепископом Карельским и Петрозаводским Мануилом. Рассказал ему о том, что получаю множество обращений от жителей республики с требованием прекратить поток насилия, безнравственности, льющийся с экранов телевизоров и со страниц газет. Мы говорили с владыкой о том, что бездуховность большинства передач пагубно отражается в первую очередь на детях, на молодежи. Именно дети и подростки с еще несформированной психикой слепо подражают героям фильмов и сериалов, воспринимают насилие и непристойность на экранах как обыденное поведение и с легкостью переносят его в повседневную жизнь.

Свобода и демократия не должны стоить России целого поколения детей, ослабления семейных связей, утраты доверия и доброжелательности в обществе.

Архиепископ напомнил, что библейские заповеди сохранялись человечеством на протяжении тысячелетий, их сегодняшнее забвение многими средствами массовой информации может привести к тяжелым последствиям для общества в целом.

Православная церковь, подчеркнул владыка Мануил, ведет работу по защите нравственных устоев, однако именно государственная власть должна законодательно, четко определить рамки дозволенного на телевидении и в газетах, выработать государственную политику в сфере нравственности. Мы договорились, что в состав рабочей группы будут включены священнослужители. Я получил поддержку и других религиозных конфессий, а также множества неправительственных организаций, ведь главной целью инициативы было защитить семью, детей и основополагающие основы российского общества.

Мы разработали и опубликовали во всех средствах массовой информации республики анкету, попросив жителей Карелии ответить на несколько вопросов:

1. Поддерживаете ли Вы инициативу главы Республики Карелия С. Л. Катанандова о необходимости защиты и укрепления нравственных устоев общества?

2. Если бы сегодня разрабатывался Нравственный кодекс российского общества, какие традиционные нравственные ценности Вы бы в него включили?

3. Что в сегодняшнем российском обществе Вас особенно тревожит? На решение каких вопросов в сфере общественной нравственности в первую очередь должны быть направлены усилия государства?

4. Какова, по Вашему мнению, роль общественности в защите и укреплении общественной нравственности?

5. Какое место Вы отводите запретительным (к примеру, запрету на показ по телевидению материалов порнографического свойства и насилия) и какое — воспитательным мерам? Насколько и те и другие эффективны?

На эту анкету мы получили сотни откликов и пожеланий довести начатое дело до конца.

Жители республики предлагали сделать упор на патристическое воспитание, возрождение традиционных нравственных ценностей, воспитательную работу среди молодежи. Люди советовали активнее опираться на общественные организации, в первую очередь ветеранские, шире использовать в репертуарах театров и других культурно-просветительских учреждений произведения классиков, вести в школах преподавание «Основ православной культуры», ужесточить ответственность за административные правонарушения.

Многие выражали озабоченность тем, что нет хороших образовательных книг, фильмов для детей. Говорилось в письмах и о том, что власть сама должна показывать примеры нравственности.

Мнение большинства: необходимо убрать с экранов телевизоров и страниц печатных СМИ передачи и публикации, пропагандирующие жестокость, насилие, сексуальную разнузданность.

Стати, заведующий отделом ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. Сербского Борис Положий подсчитал, что на телевидении от 30 до 60 % сюжетов посвящены жестокости и агрессии. Это оказывает негативное влияние на психическое здоровье людей, особенно детей. По словам Положего, в стране увеличивается число психических расстройств среди детей и подростков. Он считает, что в происходящем есть и вина российского телевидения. У взрослых же после просмотра передач про колдунов, ведьм и экстрасенсов развивается так называемое магическое мышление — болезненное расстройство,

которое требует лечения у психиатра. При магическом мышлении человек начинает мыслить категориями мистики и живет в мире, далеком от реальности.

По словам ученого-медика, из-за воздействия телевидения у россиян формируется зависимое поведение. Они уходят в иную реальность с помощью химических и иных средств и становятся зависимыми от них. Одни россияне становятся наркоманами и алкоголиками, а другие — людьми с зависимостью от Интернета и азартных игр.

Известно, что смертность в России в 1,5 раза выше общемировой, и в 2 раза выше, чем в Европе и в Америке. При этом на телевидении почти нет передач о здоровом образе жизни, а канал «Здоровье» недоступен большинству россиян, так как является коммерческим, кабельным. С другой стороны, герои (скорее, антигерои) фильмов и телесериалов все время курят и пьют спиртное, совершают неблагоприятные поступки, чинят насилие.

В связи с этим еще раз хочу процитировать слова Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, с которыми он обратился к студентам в Калининграде: «Я бы посоветовал вместо того, чтобы сериалы смотреть бесконечные, читать, работать, думать, молиться, спортом заниматься, формировать свою личность. А сериал ничего не формирует, это только развлекаловка низкого уровня». Патриарх призвал российскую молодежь — и все мы присоединяемся к этому призыву — критически относиться к сегодняшней массовой культуре, которая эксплуатирует инстинкты, разрушая при этом нравственное начало человека.

Заместитель директора НИИ психотехнологий РАЕН Елена Русалкина заявила, что Западом против России ведется информационная война. «Цель информационной войны — разрушение менталитета нации. Если разрушен менталитет — гибнет нация. Человек облекает свои мысли в слова. Сейчас у нас очень бедный язык. При наличии куцега языка какие мысли будут у людей? Современная молодежь и мыслит на том языке, на котором общается», — утверждает Русалкина.

Что удалось сделать нашей рабочей группе по вопросам защиты и воспитания нравственности? Совместно с Министерством внутренних дел Республики Карелия и прокуратурой республики мы постепенно вытеснили со страниц газет объявления порнографического свойства, откровенные фотографии. Сейчас из наших газет исчезли любые намеки на услуги борделей.

Приведу такие цифры: в конце 2005 года в Петрозаводске действовало 50 агентств по оказанию сексуальных услуг. К 2008 году более половины из них прекратили свое существование. Правоохранительными органами создано подобие «полиции нравов», которая борется с фактами посягательства на общественную нравственность и пресекает (в рамках законодательства) такие проявления, в том числе — предоставление порноуслуг через Интернет. В Карелии уголовное преследование ждет каждого, кто через Сеть пытается заниматься порнобизнесом.

Вопросы нравственности мы обсудили на Республиканском гражданском форуме «Нравственный выбор». Состоялся разговор о вечных ценностях, воспитании традиционных нравственных ценностей в семье, патриотическом воспитании, роли общественности, гражданского образования в воспитании и защите нравственности, здоровом образе жизни.

В работе форума активное участие принимали журналисты. На секции «СМИ и нравственность» состоя-

лась дискуссия о нравственном долге и ответственности средств массовой информации перед обществом.

С участием общественности разработаны и реализуются «Основные направления государственной политики в Республике Карелия по духовно-нравственному воспитанию населения до 2020 года» (этот документ был поддержан участниками Гражданского форума), региональная целевая программа «Гармонизация национальных и конфессиональных отношений, формирование гражданского согласия в Республике Карелия («Карелия — территория согласия»)).

Чтобы разговор о нравственности не закончился на уровне принятия документов, мы создали рабочую группу по духовно-нравственному воспитанию населения и гармонизации межнациональных отношений в составе Совета при главе Республики Карелия по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. Группа осуществляет общественный контроль за реализацией «Основных направлений государственной политики в сфере нравственности», привлекает общественность к участию в реализации этого документа, организует круглые столы, дискуссии, публикации в средствах массовой информации, телепередачи.

В настоящее время в Государственной Думе Российской Федерации разрабатывается пакет законопроектов, направленных на государственную защиту нравственности. Как сообщается, в новых нормативных актах будут конкретно прописаны обязанности государства по защите нравственности, будет дано определение информации, которая вредна для здоровья граждан, и прежде всего детей, будет прописана ответственность за нарушение установленных норм.

При этом Госдума отвергла идею создания Высшего совета по защите нравственности в области теле- и радиовещания.

Нельзя не согласиться с депутатами Госдумы в том, что нравственное здоровье населения должно быть защищено и всякое насилие, чрезмерная жестокость и гиперэротизм на открытых телеканалах недопустимы, но средства, которыми это будет осуществляться, должны быть правовыми. Однако при этом, на мой взгляд, нельзя отказываться от идеи создания Высшего совета по защите нравственности. Предполагалось, что в него войдут представители общественных, культурных, религиозных организаций, авторитетные в стране люди, которые будут осуществлять общественный контроль за нравственной составляющей телевизионных программ.

Я понимаю, что создание Высшего совета по защите нравственности, введение общественного контроля за нравственностью — меры вынужденные. Важно, чтобы в каждом из нас работал нравственный закон, чтобы нравственные, а не материальные ценности были главными для человека. Чтобы никто и никогда не мог называть российскую молодежь «поколением пепси». Нужны простые, конкретные инициативы снизу. Например, «Семья без курения», «Деревня без мата», «Дискотека без пива». А может быть, замахнемся на «святое» и провозгласим «день без телевизора» или объявим бойкот некоторым отличающимся безнравственными передачами телеканалам?!

Мы долго и упорно ищем национальную идею, которая бы объединила всех нас. Это особенно важно сейчас, в трудный для страны период. А национальная идея проста — сохранение народа путем возрождения традиционных российских нравственных ценностей.

Арманд Клесс¹

ЭЛЕМЕНТЫ ДЛЯ ФУНДАМЕНТА НОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Цивилизация включает в себя материальные и нематериальные факторы, конкретные и абстрактные. Она состоит из науки, техники, экономического производства, а также культуры, искусства и религии (см. труды Альфреда Вебера). Все эти факторы приобрели определенные очертания и сделались вечными, охватывая столетия или даже тысячелетия, изменяя модальности, но не сущность. Трудно сказать, сколько цивилизаций существует в настоящее время: западная, китайская, индийская, исламская? Большинство философов и историков не могут прийти к согласию относительно того, сколько цивилизаций насчитывалось в прошлом. Арнольд Тойнби, например, сначала говорил о 21 цивилизации, позднее — о 23; Уильям Макнейл и Фернан Бродель — о 9.

Многие люди, даже не принадлежащие Западу, думают, что западная цивилизация является господствующей. Но что же такое в действительности западная цивилизация? Определенный образ жизни? Особенности ценности (свобода, толерантность), политические институты (демократия), особое экономическое управление (либерализм), определенная религия (христианство), определенный склад ума (здравомыслие), определенные культурные признаки?

Представляется, что содержание западной цивилизации, а возможно, и прочих цивилизаций, становится все более диффузным. Не наблюдаем ли мы медленный распад цивилизаций, который скрывается под вывесками модернизации и глобализации? В самом деле, создается впечатление, что цивилизации все больше теряют свои контуры, а также свою сущность. Однако для ислама это явление характерно в меньшей степени. Таким образом, возникает более общий вопрос: действительно ли религия способна быть не только наиболее значительным связующим звеном, но и эликсиром, который поддерживает силу и энергию цивилизации?

Цивилизация шире культуры: культура — это часть цивилизации. Цивилизация может создаваться намеренно, тогда как культура возникает спонтанно. Цивилизация может быть универсальной в своем притязании, воззвании и применении, культура — нет.

Цивилизация, по крайней мере до некоторой степени, превосходит культуру, и, возможно, культура — это своего рода сгусток цивилизации. В процессе становления цивилизации женщины сыграли большую роль, чем при создании культурных ценностей; они оказали решительное воздействие на обычаи и нравы, то есть на основы всякого культурного совершенствования. Однако во второй половине XX века цивилизаторская роль женщин в западных обществах начинает снижаться, а в настоящее время почти полностью исчезла: женственность уступила место феминистскому и во многом варварскому влиянию. Феминистское движение способствует вульгаризации и обнищанию западной культуры, а также цивилизации.

Каждая цивилизация, несомненно, представляет собой смесь утонченности и brutality, и основной вопрос заключается в том, какие элементы преобладают. Можно говорить также о несоответствии или даже противостоянии царств утонченной культуры и областей варварства: концертные залы и скотобойни.

¹ Директор Люксембургского института европейских и международных исследований, доктор.

Автор и редактор ряда трудов по проблемам европейской и международной политики, в том числе: «Отношения Россия–Евросоюз: новые вызовы и возможности» (серед.), «Жизнеспособность России» (серед.), «Leading the World Economically» (ed.) «The World We are Entering, 2000–2050» (co-ed.) «The Future Role of Russia in Europe and in the World» (co-ed.), «Vitality of China and the Chinese» (co-ed.) и др.

И XX век, и все предшествующие столетия показали, что если говорить о поведении человека по отношению к человеку или человека по отношению к другим живым существам, то какого бы то ни было прогресса цивилизации не наблюдается.

Что касается политической организации жизни, то парламентская демократия предусматривает по крайней мере косвенное участие всех граждан в принятии решений, хотя в реальности роль этих граждан несущественна. В материальной сфере большинство западных обществ проповедуют эгалитарное кредо, тогда как фактически наличествует нарастающее экономическое неравенство.

Начиная с эпохи Просвещения попытки, предпринятые для придания западной цивилизации гуманистического и гуманитарного оттенка, в основном не удалась. Провозглашенные задачи цивилизации не были выполнены. Религия, философия, научные исследования и открытия не сумели поднять глубинную суть цивилизации на более высокий уровень.

Западная цивилизация, которая в настоящее время часто воспринимается как американская, состоит из руин, с усердием собранных в одну кучу. Это — пластифицированная, синтетическая и бескостная цивилизация; декадентская, истощенная, выхолощенная и отверженная.

Основные характерные черты современной западной цивилизации — пустота и бессодержательность. Западная цивилизация на протяжении столетий утрачивала свое содержание. Она потеряла также и способность к созиданию и самообновлению. Утрата интеллектуальной и духовной сущности особо показательна для второй половины XX века, когда посредственность триумфально воцарилась во всех областях западной жизни. Философы и не-философы, возможно, и преуспели во вскрытии противоречий западного теоретизирования, но оказались неспособными предложить что-либо иное для заполнения вакуума. Запад пребывает под влиянием аббераций модернизма и постмодернизма.

За пределами Запада мы обнаруживаем в основном модели колонизированных и разнородных цивилизаций: это — вся Латинская Америка, Африка и даже крупные регионы Азии, за исключением Китая и Японии.

В настоящее время наблюдается непрерывный процесс де-цивилизации, который, кроме прочего, вызван снижением уровня духовности. Запад отчаянно старается поддержать свое превосходство, которое более уже не подкреплено ничем существенным. В глобальном масштабе имеет место опустошение и сжатие концепции цивилизации, даже несмотря на способность ислама к быстрому восстановлению и его определенное возрождение.

То, что ныне именуется цивилизацией, в лучшем случае представляет собой все более и более маргинальные аспекты того, что по традиции называется цивилизацией. Процесс секуляризации шел параллельно с эрозией основ западной цивилизации, что нашло отражение в репримитивизации. В результате — утратившее нравственные основания, растерянное и дезориентированное общество. А некоторые довольно тривиальные концепции, такие как, например, права человека, обязаны исполнять роль этических суррогатов. Ценности, которые, как провозглашается, должны руководить поведением так называемых современных граждан, являются по сути в лучшем случае вторичными.

Если верно, что большая часть не-западного мира пропиталась и в какой-то степени «заразилась» западной цивилизацией, то это означало бы, что создание новой

цивилизации потребовало бы радикальной девестернизации мира и деколонизации умов. Для избавления от западной цивилизации, от ее культурной гегемонии и даже диктата потребовалась бы глобальная реструктуризация и восстановление равновесия. Модель новой цивилизации, основанная на разнообразии, почерпнутом из многих истоков, должна базироваться на ценностях и убеждениях, разделяемых всеми.

Ключевая ценность всякого будущего этического кодекса должна заключаться в абсолютной неприкосновенности жизни, абсолютном уважении ко всем формам жизни.

Противопоставление ценности и достоинства человеческой жизни тем же свойствам животной жизни основано на вызывающей разногласия и дискриминационной философии жизни, которая характерна для западной философии от Платона до Декарта и большей части второстепенных философов XX века. Религия, за исключением джайнизма и отчасти буддизма и индуизма, также виновна в этой величайшей этической aberrации. Например, для христиан человек — венец творения, который имеет право, если не обязанность, подчинять себе все про-

чие живые существа и саму природу. Что необходимо, так это примирение — для тех, кто верит в райскую версию эволюции, новое примирение — так называемых человеческих существ с так называемыми животными с акцентом на духовности вместо материализма, на Достоевском вместо Маркса. Это подразумевает, например, запрет абортов для человеческих существ, а также потребление «животных», конец разделения по видам (speciesism), конец всех форм доминирования и эксплуатации — внутривидовых и межвидовых (для тех, кто хочет придерживаться этой фактически устаревшей категории видов), — конец исключения (конец гетто и т. д.), расизма, политических границ и милитаризма.

К чему бы это привело? К рассвету новой цивилизации, фактически, к первой пробе совместного существования, которое заслужило бы право именоваться цивилизацией. Это подразумевало бы искоренение желания вредить или угнетать, убивать и, таким образом, повлекло бы за собой этическую, нравственную, духовную и, в конечном счете, онтологическую революцию — первую подлинную революцию в истории человечества и одновременно последнюю.

А. А. Кокошин¹

О «БРЕНДЕ» РОССИИ В «ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР» В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

На одних из прошлых Лихачевских чтений мне уже довелось выступить на тему «Культура и национально-цивилизационная идентичность современной великой державы». Сохранив основную логику такого подхода, я попытался развить эту тему в специальном исследовании, оформление которого вылилось в монографию «Культура и вопросы цивилизационной идентичности России как современной великой державы». Надеемся, книга выйдет в свет уже в этом году.

Хотел бы повторить, что в современных условиях практически невозможно быть великой державой, не обладая культурно-цивилизационной идентичностью. Агрессивное наступление высококоммерциализированной «массовой культуры» в условиях глобализации, развитие свойственного ей феномена постмодерна создает явную угрозу культурно-цивилизационной идентичности многих стран, в том числе и России.

Необходимо понимать, что огромная сила массовой культуры во многом заключается в том, что она для сотен миллионов, если не миллиардов, людей ассоциируется с комфортностью современной жизни, различными благами постиндустриальной цивилизации. И этого нельзя не учитывать, размышляя о ее роли в современном обществе, о соотношении культуры массовой и культуры высокой, многогранным и ярким выразителем которой был Д. С. Лихачев.

Высокая культура всегда была доступна (в истинном восприятии) сравнительно небольшой части общества,

обладающей должным уровнем образованности и воспитанности, развитым эстетическим чувством. Но мы не можем не размышлять о том, как сделать высокую культуру достоянием значительно большей части населения нашей страны, многих других стран. С массовым развитием высшего образования появляется шанс существенно расширить ареал высокой культуры.

В Советском Союзе были предприняты огромные усилия по внедрению в массы высокой культуры — классической литературы, живописи, музыки... Делалось это, разумеется, в рамках определенных идеологических установок, в некоторые периоды весьма жестких, с огромными цензурными ограничениями. Одновременно в СССР прилагались большие усилия по развитию грамотности, среднего и высшего образования, музыкального образования, эстетического воспитания. Многое из этого опыта представляется вполне применимым и в современных российских условиях ради сохранения, отстаивания нашего культурно-цивилизационного «бренда».

Не могу не отметить, что исчезновение с политической карты мира Советского Союза как одной из двух сверхдержав системы мировой политики имело не только многочисленные геополитические последствия. Оно оказало и будет еще оказывать огромное культурно-цивилизационное воздействие негативного плана, перестав представлять альтернативу массовому распространению того же гламура как составной части постмодерна.

В условиях постмодерна особо важным представляется тезис Д. С. Лихачева о «прогрессивном консерватизме» культуры. Ученый писал, что «традиция тогда традиция, когда она сама передвигается во времени». Эта формула Дмитрия Сергеевича, как представляется, еще нуждается в самом серьезном осмыслении и развитии. Рассматривая постмодерн как масштабный социальный и культурный феномен, нельзя не сказать о том, что мы подразумеваем под модерном, или историческим периодом модерна.

Под модерном обычно понимают состояние общества в период между эпохой Просвещения XVII века и серединой XX века, для которого характерен рациональный

¹ Академик РАН, первый заместитель председателя Комитета по науке и наукоёмким технологиям Государственной Думы Федерального собрания РФ, заместитель руководителя фракции «Единая Россия» в ГД, декан факультета мировой экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор.

Автор свыше 100 трудов по проблемам национальной и международной безопасности, научно-промышленной политики, государственного управления, в том числе: «Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль (1918–1991)», «Стратегическое управление: Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России», «О политическом смысле победы в современной войне», «Политология и социология военной стратегии», «Реальный суверенитет в современной мирополитической системе», «Формирование политики “асимметричного ответа” на СОИ». Член редколлегии Большой Российской энциклопедии.

взгляд на социальные проблемы и стремление строить «социальные конструкции», следуя законам логики на основе научного знания¹.

В художественной же культуре выделяется как определенный стиль модерн, или ар-нуво (югендстиль — в Германии), появившийся на рубеже XIX–XX веков. При всем различии поэтик и творческих установок, модернистские течения в искусстве, возникшие в конце XIX — начале XX века, исходили из одного мировоззренческого корня и имели много общих черт. В живописи в числе его отличительных особенностей отмечают ставку на более естественные, «природные» линии, нежели на использование углов, интерес к новым технологиям (в особенности, в архитектуре), расцвет прикладного искусства, сочетание художественных и утилитарных функций создаваемых произведений.

С модерном в культуре тесно связан русский Серебряный век. Н. Бердяев называл это явление «русским культурным ренессансом» (или «русским духовным ренессансом»). Он писал: «Никогда еще русская культура не достигала такой утонченности, как в то время»².

Многие авторы небезосновательно обращают внимание на то, что постмодерну свойственно максимальное снижение моральных порогов, деформация моральных устоев, на которых зиждились общественные отношения на протяжении столетий и более длительного периода истории. В эстетическом отношении постмодерн характеризуется ярко выраженным эклектизмом³.

Если говорить о постмодернизме как о подходе в социологии, то он выделяется среди большинства других социологических теорий тем, что им отвергается постулат о возможности постижения и усовершенствования общества через рациональное мышление — в силу того, что общества подвержены постоянным изменениям⁴.

Постмодерн подвергает чрезмерному сомнению основательность научных знаний о природе и обществе. Носителей идей и практики постмодерна можно считать фактически «институциональными оппонентами» неотехнократии, играющей значительную роль во многих развитых и развивающихся обществах. Неотехнократия — это неотъемлемая часть современного «информационного общества» и «общества, основанного на знаниях». Особенностью современной высококвалифицированной неотехнократии является сочетание естественно-научных, инженерных и экологических знаний, с одной стороны, и понимание закономерностей развития социума — с другой. Это в свою очередь предполагает деидеологизированный подход к общественным наукам, особенно к политологии и социологии, применение общей логики науки к построению общественно-научного знания. Неотехнократ любые решения, связанные с развитием тех или иных наукоемких производств, может и должен соизмерять с потенциальными экологическими, климатическими и медико-биологическими последствиями — хотя бы в силу гигантских размеров и суперсложности созданной человеком техносферы. Такого рода неотехнократии свойственно понимание закономерностей техноэволюции, особенно информационно-коммуникационных систем и средств, развитие различных «информационных полей» в мировой экономике, социальной сфере, в мировой политике и в военно-стратегических отношениях.

Составной частью постмодерна как социального феномена можно считать такое явление, как *гламур*, полу-

чившее широкое распространение в определенных слоях нашего общества и широко освещаемое средствами массовой информации — можно даже сказать, лелеемое последними. Гламур — это стиль жизни. Как отмечает декан Высшей школы телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова В. Т. Третьяков, «гламур» — это характерная черта современной журналистики, симптоматичная тенденция, демонстрирующая все большее доминирование «брендовой» системы ценностей современного читателя и апофеоза общества потребителей.

* * *

Рельефно выраженная национальная идентичность становится все более редкой, а тем самым и более ценной в глобализирующемся и унифицирующемся мире. За свою культурно-цивилизационную идентичность борются и государства среднего уровня, и малые страны, что, впрочем, во многих случаях дается им с огромным трудом.

Для того чтобы говорить о нашей национальной культуре, необходимо еще раз обратиться к тому, что мы сегодня вкладываем в понятие «российская нация».

Подавляющее большинство современных наций — это многоэтнические образования при лидирующей роли, как правило, одного этноса. Россию мы можем считать в современных условиях многоэтнической нацией с ведущей, опорной ролью великорусского этноса, имеющего по крайней мере тысячелетнюю историю. Соответствующим образом следует определить и роль великорусской культуры, которая среди культур других этносов России является единственной мировой культурой.

Интерпретация понятия нации начиная с конца XVIII века приобретает все более политический и социальный, нежели этнический характер. В современной трактовке нация — это прежде всего сформировавшееся в определенных границах гражданское общество и политическая общность (гражданская нация), имеющие общую историю, традиции, высокую степень культурной совместности образующих нацию этносов.

Как правило, современные нации имеют определенную языковую и культурную доминанту. Ослабление такой доминанты рассматривается как угроза утраты национально-культурной идентичности.

Для нас такой доминантой является русский язык, особенно русский литературный язык, язык «высокого стиля», сформировавшийся в основном к середине XIX века. Язык в свою очередь, по Д. С. Лихачеву, — это одно из главных проявлений культуры; это не просто средство коммуникации, но и прежде всего творец, создатель. Нет нужды слишком много говорить о важности богатства языка, его способности отражать многоликую картину мира и формировать все более многообразный мир, следуя в то же время определенным моральным и этическим нормам, сформировавшимся на протяжении всего периода существования человеческой цивилизации. Сегодня появилась насущная потребность относиться к русскому языку как к важнейшей составляющей нашей российской нации, важнейшему системообразующему фактору нашей культуры, связывающему все и вся.

Можно, как мне кажется, согласиться с Ю. М. Лотманом, который называл искусство высшим воплощением культуры. Олжас Сулейменов отнес к культуре (высокоцивилизированного общества) только интеллектуальное искусство (при этом он рассматривает культуру как синтез такого искусства, а также науки, религии, соответствующей морали).

В обеспечении национальной идентичности большую роль играет как внешнее по отношению к нации восприятие ее художественной культуры, так и внутреннее восприятие — самими индивидуумами, общественными слоями. Разница между внутренним и внешним восприятием

¹ См.: Лоусон Т. Социология : А–Я : словарь-справочник / Т. Лоусон, Дж. Рэррод. М., 2000. С. 231.

² См.: Бражникова Я. Православие и постмодерн : иллюзии и перспективы / Я. Бражникова, И. Бражников // Правая.RU. 2006. 22 июня.

³ См., например: Эйттейн М. Н. Постмодерн в русской литературе. М., 2005. С. 83–84.

⁴ Лоусон Т. Указ. соч. С. 334.

может быть весьма значительной, но внешнее восприятие культуры той или иной страны почти всегда возвращается, в том числе в деформированном виде, в саму эту страну. В 1920-е годы одной из характерных черт нашей культурно-национальной идентичности стал авангард в живописи (в несколько меньшей мере в театре), а также в литературе, что наиболее отчетливо проявилось в поэзии В. В. Маяковского.

Я выделил семь компонентов искусства, художественной культуры для определения культурно-цивилизационной идентичности России, которые можно считать «брендом» России.

Сразу же стоит отметить, что конкретные имена, коллективы, группы, объединения — необходимый атрибут идентичности культуры.

1. *Великая русская литература XIX века, получившая развитие в Серебряном веке, а затем в советской литературе.*

Высокая литература сохраняет и развивает язык; значение художественных текстов в этом плане не уменьшается с развитием кинематографа, театрального искусства, телевидения, Интернета. Через литературу, через художественный язык человеку наиболее рельефно, как мне кажется, передаются нравственные и эстетические представления.

2. *Классическая музыка.* В российском культурном «бренде», в его музыкальном измерении, как наиболее обозримая вершина в мировой культуре высится П. И. Чайковский, с ним рядом М. И. Глинка, Н. А. Римский-Корсаков, М. П. Мусоргский, А. П. Бородин, затем А. Н. Скрябин, И. Ф. Стравинский, С. В. Рахманинов, С. С. Прокофьев, Д. Д. Шостакович, Э. В. Денисов, А. Г. Шнитке и другие; исполнители классической музыки — Д. Ф. Ойстрах, Э. Г. Гилельс, М. Л. Ростропович, В. А. Гергиев, В. Т. Спиваков, Ю. А. Башмет и др.

3. *Классический балет* — это прежде всего такие имена, как М. И. Петипа, А. П. Павлова, С. П. Дягилев, Г. С. Уланова, Р. Х. Нуриев, М. М. Плисецкая; это Большой театр, Мариинский театр, Пермский театр оперы и балета и др. Не могу не вспомнить размышления Д. С. Лихачева о русском классическом современном балете, которые полны очарования и утонченности.

4. *Живопись и скульптура* — здесь блещут «передвижники», «мирискусники», конструктивисты, супрематисты, «ахрровцы», «остовцы» и др.

Художники проделали огромную работу по формированию нашего исторического самосознания. Это полотна А. А. Иванова, В. И. Сурикова, И. Е. Репина, В. М. Васнецова и др. Художественная интерпретация пейзажей Российской империи, затем Советского Союза — А. К. Саврасов, И. И. Левитан, И. К. Айвазовский, А. И. Куинджи, В. Д. Поленов и др.

Произведения с рельефно выраженным национально-идентификационным характером появились в отечественной скульптуре несколько позднее, чем в живописи. На первом месте, безусловно, С. Т. Коненков, соизмеримый с И. Е. Репиным в живописи, Л. Н. Толстым в литературе, П. И. Чайковским в музыке. Рядом — А. С. Голубкина, С. Д. Эрзя (Нефедев), И. Д. Шадр... Говоря о наших современниках, нельзя не сказать о таком выдающемся скульпторе, как А. И. Рукавишников.

Советский период в живописи, скульптуре, графике дал целое созвездие школ, имен — Г. Г. Нисский, А. А. Дейнека, А. А. Лабас, Ю. И. Пименов, А. И. Кравченко, Ф. Ф. Платов, В. Ф. Стожаров, П. П. Кончаловский, К. Ф. Юон, А. Н. Самохвалов, М. Б. Греков, отец и сын Ю. П. и М. Ю. Кугачи, К. Н. Бритов, Ю. М. Непринцев, Т. Т. Салахов и др. То, что сегодня именуют, например, «советским импрессионизмом», все больше рассматрива-

ется за рубежом как одна из культурно-цивилизационных особенностей нашей страны.

5. *Архитектура и городские архитектурные ландшафты*, в том числе малых городов или великих малых городов, по Д. Лихачеву. В их число он включил и Новгород Великий. Я же предпочитаю говорить о значительно меньших городах — Ростове Великом, Тарусе, Боровске, Тобольске, Переяславле-Залесском, о тех же Торжке, Суздале, о которых тоже идет речь у Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Ярко выраженный русский стиль в архитектуре сложился ко второй половине XVII века, прежде всего в церковной архитектуре. Для меня один из ярких примеров четко идентифицируемой русской архитектуры — небольшая церковь Михаила Архангела в Архангельском в Красногорском районе Московской области.

6. *Русское театральное драматическое искусство.* Эта часть российского культурного «бренда» связана с чеховским МХАТом, К. С. Станиславским, в 1960–1990-е годы — с Театром на Таганке, «Современником», Театром им. Ленинского комсомола, товстоноговским театром, именами В. И. Немировича-Данченко, В. Э. Мейерхольда, Н. П. Охлопкова, а затем Г. А. Товстоногова, К. Ю. Лаврова, О. Н. Ефремова, О. П. Табакова, Л. А. Додина, Н. В. Фоменко.

7. *Кинематограф.* Среди великих, знаковых для России фигур здесь можно назвать такие имена, как В. И. Пудовкин, С. М. Эйзенштейн, М. И. Ромм, Г. Н. Чухрай, С. А. Герасимов, А. А. Тарковский, С. Ф. Бондарчук, А. С. Кончаловский, К. Г. Шахназаров, С. С. Говорухин, Н. С. Михалков, Ф. С. Бондарчук, А. Ю. Герман и др.

* * *

Возвращаясь к вопросу о роли гламура, можно отметить, что его уровень влияния нельзя рассматривать исключительно сквозь призму его огромной чисто коммерческой значимости, но последняя имеет едва ли не решающее значение. За последние 30–35 лет гламур триумфальным маршем прошел практически по всем регионам мира, встречая сравнительно незначительное сопротивление в различных культурно-цивилизационных сообществах. Очевидно, что сила гламура (в том числе в такой его части, как гиперсексуальность) коренится во многих компонентах «природы человека», его психики. Истоки гламура и гламурного поведения можно обнаружить даже в первобытных обществах. Тем более мы можем увидеть «протогламур» (и «протопостмодерн») в ряде высокоразвитых цивилизаций прошлых эпох — и не только в поздней Римской империи в период упадка, за которым последовала ее гибель, но и, например, в Китае при Танской династии (618–907). Но тогда не было тех СМИ, которые мы имеем сегодня, не было такой страшной мультипликативной и поработочающей силы, как подавляющая часть телевидения, к которому добавился и Интернет.

Некоторые авторы еще до нынешнего мирового финансово-экономического кризиса стали говорить о том, что «цивилизации гламура приходит конец»¹. Так ли это? Однозначный ответ давать пока преждевременно, особенно применительно к России, где гламур к моменту кризиса только набирал силу — в том числе и политическую. Для огромного числа девушек в Российской Федерации сильнейшее стремление «выйти замуж за богатого» (желательно за мультимиллионера) и предаться гламурной жизни стало чуть ли не «национальной идеей», предельно деформировав все морально-этические представления об отношениях между мужчиной и женщиной, формировавшиеся столетиями, если не тысячелетиями.

¹ См., например: <http://www.pravaya.ru/look/10208>

Гламур, будучи прежде всего порождением европейско-атлантической цивилизации, родившегося и развивавшегося главным образом на Западе постмодерна, в том числе весьма заметно проник и в самую древнюю из ныне существующих цивилизаций — китайскую. Нет никаких сомнений в том, что идеология гламура и его огромные «операционные возможности» трансформировали (и деформировали) культурно-цивилизационный «бренд» практически любой страны, любой нации — нации в том ее понимании, о котором я уже говорил выше.

Во многих странах, в том числе и в России, гламур и постмодерн в целом часто практически полностью отождествляются с современной американской культурой, а вернее сказать, с ее масскультурой. Гламур присутствует во всех странах, на всех уровнях американского социума (и имеет свою цену для каждой из этих групп) с различиями по ценам, посещаемым магазинам, «акциям» для «среднего класса», «среднего среднего класса» и «высшего среднего класса» и т. д. Для России, где «средний класс» (вместе с его «подклассами») занимает все еще незначительное место, это выглядит несколько по-иному — можно сказать, менее структурировано и более уродливо.

В самих США очень значительной частью общества и гламур, и постмодерн в целом воспринимаются отрицательно, а часто и весьма негативно как явления, разруша-

ющие традиционные американские ценности с самыми опасными последствиями для США как многоэтнической нации, цивилизации единственной сверхдержавы, оставшейся в системе мировой политики после распада СССР в 1991 году.

Рассматривая сегодня постмодерн и гламур как глобальный феномен в преломлении к России и нашему культурно-цивилизационному «бренду», мы не должны упускать из виду то, что происходит в США и других западных странах, породивших постмодерн и гламур. Не менее внимательно надо относиться и к тому, как эти феномены «ведут себя» в Китае и Индии, не забывая при этом и многоликий мусульманский мир. Поиск своей идентичности, своего культурного лица в условиях глобализации, постмодерна, гламура продолжается во многих странах.

* * *

Лихачевский «прогрессивный консерватизм» культуры сегодня как никогда необходим для развития компенсаторных механизмов в отношении разрушительного воздействия гламура, постмодерна... Он крайне важен для синтеза художественной культуры прошлого, проверенной временем, многими поколениями, и всего достойного нового, которое можно найти даже в произведениях искусства эпохи постмодерна. Иначе нас ждут еще более «неприятные сюжеты» в будущем.

Анн Кольдефи-Фокар¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР БЕЗ ЯЗЫКА?

К двум ключевым словам этой конференции «диалог» и «культуры» я бы добавила третье — «язык», и по совершенно очевидной причине: кто говорит «диалог», тот говорит «язык». Вокруг этих трех терминов я и построю свое сообщение. Поставленные вместе, эти три слова поднимают множество вопросов. Отмечу только некоторые: какой язык (или языки) и для какого диалога? Мы живем в эру коммуникации, и средства коммуникации как никогда многочисленны и совершенны, но при чем тут диалог? «Диалог культур» предполагает существование нескольких культур, значит, можно говорить о разнообразии культур во время глобализации?

Имея в виду эти три вопроса, я могла бы, как кажется, озаглавить свой доклад: «Культуры и языки без диалога» или «Диалог и языки, но не культура?» Помимо эстетического аспекта, а именно потому, что это звучит хуже, чем выбранное мной «Диалог культур без языка?», такое сочетание слов просто означает, что данное размышление связано с языком. Это объясняется моим личным опытом, положенным в основу доклада: я преподаю русскую литературу в Сорбонне (это касается языка и культуры) франко- и русскоговорящим студентам (студентов, приезжающих из России во Францию учиться, становится все больше — это касается языка и диалога); я перевела на французский большое количество произведений русских авторов и веду в Сорбонне и в Лозаннском университете семинар по художественному переводу (это касается языка, культуры и диалога).

Когда в начале 1920-х годов из России на Париж обрушивается, как ее впоследствии назовут, волна первой русской эмиграции, вызванная октябрьским государственным

переворотом 1917 года и Гражданской войной, эмигранты чувствуют себя во Франции почти как у себя дома. Это тем более поразительно, если сравнить первую волну со второй (после Второй мировой войны), а может быть, и с третьей (1970-е — начало 1980-х гг.). Вторая волна так плохо приспосабливается к Парижу и шире — к Европе, что те, кто ее составляет, не замедлят уехать в США или Латинскую Америку. Третья волна — по крайней мере те, кто поселился во Франции, — малочисленная и состоит из диссидентов: писателей, художников и интеллигенции, то есть из деятелей культуры. Как объяснить то, что они поспешат вернуться в Россию, как только смогут, в 1990-е годы, тогда как многие их предшественники, приехавшие на Запад в 1920-х годах, уже давно стали «французами русского происхождения»?

Здесь значение языка бесспорно: русские эмигранты первой волны прекрасно говорят по-французски уже не в одном поколении. Эмигранты третьей волны обычно совсем не владеют этим языком. Более того, эмигранты первой волны являются носителями двух культур: русской и французской (и даже шире — европейской). В их случае речь даже не идет о «диалоге культур», они воплощают в себе несколько культур. Само собой разумеется, что это не решает проблему эмиграции и «тоски по родине». Известно, что некоторые эмигранты первой волны вернулись в Россию — на свое несчастье — уже в 1930-е годы, так и не сумев вынести разлуки с родиной. Эмиграция остается эмиграцией, но свободное обращение с языком и культурой принимающей страны сильно облегчает жизнь.

Третья волна эмиграции представляет советскую культуру — культуру очень интересную, которая, как мне кажется, сегодня недостаточно изучается и совершенна чужда, хотим мы этого или нет, и идеологически противоположна современной ей западной культуре (западноевропейской и американской). Эта культура опирается к тому же на «современный» язык, советский идеологизированный

¹ Профессор Университета Сорбонна — Париж IV (Франция). Автор работ: «Гигантская расстанка фрагментов истории в "Красном Колесе"» и др. Лауреат премии «Русофония-2008» (Париж) за перевод поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души» и премии «Русофония-2009» за перевод романа Бориса Житкова «Виктор Вавич».

язык, во многих отношениях искусственно построенный и навязанный сверху.

Этот язык, а я знаю это по опыту, непередадим ни на какие человеческие языки. Жаль, что у меня нет возможности привести множество примеров. Ограничусь упоминанием такого советского «языкового факта», появившегося сразу после революции, как сокращения. Все современные языки изобилуют сокращениями: чем больше ускоряется жизнь, тем короче становятся слова, как будто у нас нет времени произнести их полностью. Но советские сокращения являются особым случаем: они возникают раньше, чем в остальном мире. Их несравнимо больше и цель их — «лишить жизнь конкретности», сделать ее абстрактной. Александр Зиновьев замечательно обыграл это явление в своих произведениях.

Однако о каком диалоге культур и даже просто о каком диалоге можно говорить, если речь идет, например, о понятии «жилплощадь»? Можно, конечно же, перевести этот термин на французский как *surface habitable*, но зато невозможно перевести его на французский как аббревиатуру типа *surfhabit* или *habit'surface*. Это звучало бы чудовищно. И даже без сокращений как выражение *surface habitable* позволит по-настоящему понять французам, что скрывается за понятием «жилплощадь»? Мне возразят, что мы здесь затрагиваем сферу «быта». Но этот «быт» разве не составная часть культуры?

Таким образом, советский язык изобилует словами, которые можно перевести на другие языки только методом «кальки», что делает их тем более непонятными. Горбачевская «святая троица» «перестройка, гласность, ускорение» — еще один недавний пример. Сначала эти три термина переводились на французский как *restructuration*, *transparence*, *accélération*. Но вскоре было замечено, что «перестройка» это не *restructuration*, а «гласность» уж никак не *transparence*. Следовательно, в конце концов, их просто транскрибировали и французы научились ими пользоваться, но это не означает, что они их понимают. Что касается «ускорения», единственного слова, которое имело во французском переводе какой-то смысл, то оно благополучно исчезло.

После всех потрясений конца XX века мир сегодня столкнулся с небывалой ситуацией, которую можно назвать термином «глобализация». В терминах культуры (опять же схематично) глобализация означает: все индивиды должны иметь возможность понимать друг друга во всех уголках Земли. Но для этого необходимо, чтобы у них был одинаковый образ жизни и мышления.

Фактически это неизбежно означает политический консенсус, экономическую и государственную модели, применимые ко всем, и, следовательно, униформизацию и упрощение культур.

На уровне слов это выражается в появлении «общего» языка: мы знаем о влиянии и экспансии англо-американского языка, у которого все больше выражается тенденция к самоупрощению, не говоря уже о том, что другие языки беспрестанно подражают ему и заимствуют его лексику.

Русский язык всегда много заимствовал из иностранных: морские термины — из голландского, военные — из немецкого, названия чинов — из немецкого при Петре Великом, философские понятия — из немецкого и французского, литературные понятия — из французского в конце XVIII — начале XIX века. Но тем не менее русский язык всегда старался сохранить (иногда «подспудно») свое глубинное богатство. Более того, эти преобразованные и присвоенные заимствования стали его дополнительным богатством. Следовательно, если настоящий диалог культур возможен, то только за счет такого взаимного обогащения. Оставаясь в области лингвистического обмена, приведу пример таких терминов, как «нигилизм», который на ос-

нове латыни (языка, общего для Европы) был придуман самым европейским из русских, я имею в виду И. С. Тургенева, и только потом был позаимствован другими языками мира. То же самое произошло и с термином «интеллигенция», также имеющим латинское происхождение, который, будучи русифицированным благодаря своему суффиксу, тоже облетел всю планету (отметим, однако, что этот термин не означает в точности одно и то же по-русски и по-французски, например).

Наряду со многими другими языками с 1990-х годов русский многое заимствовал из англо-американского, в частности в области экономики, финансов и отчасти — политики и дипломатии. Помню, как в русской прессе появились слова типа мерчандайзинг (или чего-то подобного), которые приходилось читать вслух, чтобы понять, что за ними кроется, и которые неизбежно вызывали у читателя вопрос: «Что это за зверь?»

Тем не менее можно допустить, что в области техники этот упрощенный «международный язык» удобнее, так как позволяет узким специалистам всех стран понимать друг друга почти мгновенно. Язык информатики принадлежит к этой же категории. Но здесь речь идет именно о «речи», а не о «языке» со всем его богатством и исторической и человеческой сложностью.

Зато в сфере философии и идеологии общий язык глобализации не так уж облегчает понимание и *a fortiori* ведение диалога. Так, например, нет никакой уверенности, что понятие «глобальный», выраженное словами *démocratie*, *démocratie*, «демократия» (которые по сути являются одним и тем же термином, украшенным небольшими «местными» фиоритурами), означает одно и то же и одинаково для всех. Напомним, что в 1917-м и в последующие годы новые идеологические понятия, навязанные России, были столь чуждыми огромному большинству населения, что слова (иностранного происхождения с непонятными корнями) систематически искажались. Об этом свидетельствуют многочисленные писатели и мемуаристы: «революция» превращалась в «леворуцию», «социализм» — в «суцилизм» и т. д. Это явление не было новым. В 1825 году, когда аристократы декабристы на Сенатской площади заставляли своих солдат кричать: «За Константина и Конституцию!», те были уверены, что таинственная «Конституция» — супруга Константина.

Сегодня можно позволить себе рассмеяться или улыбнуться этому невежеству. И напрасно. Ничто на самом деле не указывает, что мы на «глобальном» уровне не находимся в том же процессе аккультурации. Пессимисты, которые, как известно, являются хорошо осведомленными оптимистами, даже скажут, что все признаки указывают на обратное.

Кажется, что Европейский Союз занял мудрую позицию в отношении культур и диалога между ними, отказавшись — в большинстве дискуссий — использовать общий язык, при случае — английский, когда однажды об этом зашла речь. Все языки всех стран сообщества имеют, следовательно, право гражданства, в Брюсселе и в Страсбурге все одинаково переводится на все официальные языки.

Теоретически можно поздравить себя с таким положением дел. Однако практика менее блестяща, так как, несмотря на видимое равенство языков и культур, на заявленное приятие их разнообразия, мы, кажется, являемся свидетелями другой формы «глобализации» и «уровнировки». Причина этого явно кроется в том, что существуют доминирующие идеи, которые навязываются — или которые пытаются нам навязать — средствами перевода. Короче говоря, рассуждают в обратном порядке: вместо того, чтобы отгаликиваться от многочисленных языков и культур, существующих в Европе, и от общих культурных точек отсчета, хотят искусственно создать единство,

которое не жидется ни на чем реальном. В результате получилась дорогостоящая, трудно управляемая и неэффективная организация. Действительно, достаточно побывать в некоторых странах сообщества (в частности, в бывших странах Варшавского договора, недавно интегрированных в Европейский Союз), чтобы отметить сильные диспропорции и заметить, что грани этой пресловутой «европейской культуры» фактически рассматриваются как некая пренебрежимо малая величина. Парадоксально, но Европа до начала Первой мировой войны представляла собой гораздо большее культурное единство, основанное на двух общих элементах: крестьянских и христианских традициях. Так, польские, французские и другие крестьяне, не зная языка своих европейских соседей, понимали друг друга благодаря образу жизни и культуре, схожих в своей основе, как об этом свидетельствует захватывающий роман «Крестьяне» польского писателя Ладисласа Реймонта, лауреата Нобелевской премии по литературе.

Сегодня такой Европы уже не существует; она прилагает все усилия — и тщето — создать союз, но диалог культур в нем подчас выглядит как разговор глухих.

Снова, в который раз в истории, мы возвращаемся к извечному вопросу «Что делать?». Никакой подлинный диалог культур невозможен, пока представители разных культур не попытаются по-настоящему понять и уважать друг друга. Это работа на долгие годы, подразумевающая глубокое познание Другого. И нет сомнений, что в этом большую роль должны сыграть университеты. Нет сомнения также и в том, что есть множество препятствий тому, поскольку, повторимся, «глобальная» тенденция — это тенденция к схематизации и поверхностности.

Вопрос «Что делать?» влечет за собой со всей очевидностью столь же извечный вопрос «Кто виноват?». Вина, несомненно, отчасти «глобальная»: повсюду мы уступаем поверхностности. Но только отчасти. Снова в истории оживает мечта — утопия, построенная на более или менее благовидных и признаваемых мотивах, — о модели, подходящей для всей планеты, как будто не усвоены уроки предыдущих периодов. Университетским преподавателям в особенности следует выступать против подобных бесплодных проектов и защищать культуры и языки, иными словами — людей.

С. В. Лавров¹

ЧЕРЕЗ АКТИВАЦИЮ МНОГОСТОРОННИХ УСИЛИЙ — К СОЗДАНИЮ ГАРМОНИЧНЫХ ОСНОВ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Современный мир стоит перед лицом глобальных вызовов. Одним из самых серьезных является опасность возникновения новых разделительных линий, теперь уже не по идеологическому, а по культурно-цивилизационному признаку. В эпоху глобализации соперничество идеологий уступило место конкуренции систем ценностей и моделей развития. И здесь уместны такие категории, как сосуществование и синтез, а не доминирование и ассимиляция. Одной из характерных особенностей современного мира является возрастание роли религиозного фактора в международной жизни. Приоритетной задачей становится недопущение конфронтации цивилизаций через налаживание конструктивного диалога представителей различных культурных и религиозных традиций.

Нынешний глобальный финансовый кризис делает очевидным то, на что эксперты указывали уже многие годы. Западная модель светского либерализма, проповедующая безудержное потребление, не способна дать реалистичный ответ на ключевой вопрос мирового развития: как обеспечить в дальнейшем гармоничное развитие человечества, в том числе в условиях исчерпаемости природных ресурсов и деградации окружающей среды. Это объективно создает спрос на альтернативные модели, в основе которых, по нашему убеждению, должны лежать проверенные временем традиционные нравственные ценности. Нынешний глобальный финансово-экономический кризис дает все основания поставить вопрос и об обновлении западной модели, включая перебалансировку между действием рыночных сил и участием государства в экономике. Допускаю, что речь может идти и о новой парадигме экономического роста. В любом случае глобализация делает императивом необходимость интеграции мер

по решению общемировых проблем в национальные стратегии развития.

Попытки представить дело так, как будто в мире лишь одна «подлинная» цивилизация — западная, только провоцируют проявления нетерпимости и ксенофобии, дополнительно дестабилизируют современные общества. Важно понимать, что масло в огонь межкультурных противоречий объективно подливают не только разного рода экстремисты-маргиналы, но и все, кто руководствуется идеологизированными подходами в международных делах, будь то на Западе или на Востоке.

Россия никому не навязывает свою позицию. Но наше понимание того, в каком направлении должна развиваться международная жизнь, основано на анализе, верность которого подтверждает развитие событий, и глубокой убежденности в необходимости сопрягать подходы к актуальным внешнеполитическим проблемам с ценностями основных мировых религий, составляющими, на наш взгляд, духовно-нравственную основу общечеловеческой солидарности. Не признавая этих универсальных принципов, трудно добиться справедливого решения насущных вопросов мирового развития на подлинно коллективных и правовых началах, создать атмосферу взаимопонимания в отношениях между государствами. Опора на общий нравственный знаменатель помогает в укреплении межкультурного согласия, выстраивании критериев соблюдения гражданских прав и свобод в контексте ответственности личности перед обществом. Без этого нам не обеспечить предсказуемость и доверие в международных делах, нынешнее состояние которых характеризует «кризис доверия» в самом широком смысле этого понятия.

Важнейшей задачей нашей деятельности на этом направлении является формирование благоприятных политико-дипломатических условий для налаживания широкого межконфессионального диалога, который способствовал бы нейтрализации попыток политизировать религиозный радикализм и нахождению оптимальных путей урегулирования конфликтов, имеющих межконфессиональную подоплеку.

¹ Министр иностранных дел Российской Федерации, член Совета безопасности РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

С 1972 г. работает в системе МИД СССР и России. В 1994–2004 гг. — постоянный представитель РФ при ООН и представитель РФ в Совете Безопасности ООН. Автор ряда научных работ, в том числе: «Попытка заглянуть в послевоенное будущее»; «Несколько штрихов к международному портрету Москвы»; «Россия и Индия. Взаимовыгодное сотрудничество и стратегическое партнерство» и др.

Россия — страна с многовековым опытом мирного сосуществования многочисленных народов и этносов, культурных и религиозных традиций. В таком качестве Россия поддерживает все инициативы, направленные на укрепление межцивилизационного согласия, начиная с одобренной Генеральной Ассамблеей ООН в 1998 году резолюции об объявлении 2001 года Годом диалога между цивилизациями под эгидой ООН. Совместно с традиционными российскими конфессиями и отечественными неправительственными организациями (НПО) мы активно работаем на различных диалоговых площадках, стремясь сфокусировать внимание международного сообщества на необходимости выстраивания партнерства цивилизаций и учета религиозного фактора в мировой политике.

Этапным событием в этой работе стало проведение в июле 2006 года в Москве по инициативе Русской православной церкви Всемирного саммита религиозных лидеров. Он имел большое значение для лучшего понимания настроений в мировом религиозном сообществе и сыграл важную роль для закрепления России на одной из ведущих позиций в деле развития диалога цивилизаций, особенно его межрелигиозного измерения. Участниками саммита было достигнуто общее понимание того, что пора переходить к конкретным действиям по укреплению межцивилизационного согласия, в том числе на ооновской «площадке». Рассчитываем, что очередной саммит религиозных лидеров, который пройдет осенью этого года в Баку, станет успешным продолжением московской встречи.

В сентябре 2007 года в ходе 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Россия выдвинула инициативу о создании под эгидой ООН Консультативного совета религий — диалогового форума, предполагающего регулярные встречи представителей наиболее важных конфессий мира по вопросам международной повестки дня, включающим вероисповедный и ценностный компоненты. В сферу компетенции Совета входила бы экспертная работа по вопросам: межрелигиозного диалога и диалога с нерелигиозными мировоззрениями; борьбы с диффамацией религий, проявлениями нетерпимости и ксенофобии; защиты мест религиозного поклонения и святынь; содействия урегулированию региональных конфликтов, имеющих религиозную составляющую. Наша инициатива не претендует на подмену механизмов, уже действующих на межцивилизационном поле, не посягает на чьи-либо прерогативы, не преследует цель создать для кого бы то ни было доминирующие позиции в межрелигиозном диалоге.

В качестве первого шага в реализации данной идеи с генеральным директором ЮНЕСКО К. Мацуурой достигнута договоренность о создании Группы высокого уровня по межрелигиозному диалогу под его эгидой, которая призвана стать «площадкой» консультаций религиозных лидеров по межцивилизационной проблематике. Группа будет заниматься содействием межкультурному диалогу через образование, науку, культуру и СМИ в соответствии со Среднесрочной стратегией ЮНЕСКО на 2008–2013 годы.

С российскими идеями созвучна инициатива короля Саудовской Аравии Абдаллы о налаживании постоянного прямого взаимодействия иерархов ведущих мировых конфессий, в том числе в целях выработки рекомендаций, которые могли бы стать предметом обсуждения в ООН.

В рамках ООН российские делегации принимают активное участие в работе таких постоянно действующих механизмов, как Трехсторонний форум по международному сотрудничеству на благо мира (объединяет представителей государств, учреждений ООН и неправительственных организаций) и Министерские встречи по меж-

религиозному сотрудничеству на благо мира. В сентябре 2007 года на 62-й сессии Генассамблеи ООН Россия вошла в число соавторов резолюции «Диалог высокого уровня по межрелигиозному и межкультурному сотрудничеству в интересах мира», подтвердившей актуальность активизации межрелигиозного диалога, востребованность вклада мировых религий в решение глобальных проблем. Наши представители участвовали в Мадридском конгрессе межрелигиозного диалога (он был открыт в июле 2008 г.). В ходе состоявшегося в ноябре 2008 года в рамках Генассамблеи ООН заседания Высокого уровня по межцивилизационной тематике мы выступили соавторами резолюции «Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога, понимания и сотрудничества во имя мира». В этой резолюции по нашей инициативе закреплено положение, рекомендуемое государствам — членам ООН рассмотреть идеи, выдвинутые в рамках Диалога высокого уровня, включая наши предложения, связанные с институционализацией межрелигиозного диалога в формате Всемирной организации в целом и созданием Консультативного совета религий в частности.

Россия также поддерживает многостороннее взаимодействие в рамках созданного в 2005 году под эгидой Генерального секретаря ООН «Альянса цивилизаций». Видим в Альянсе весомый потенциал мобилизации коллективных усилий государств и гражданского общества в интересах преодоления межкультурных, межрелигиозных и межэтнических противоречий. Как член Группы друзей Альянса, Россия участвует в мероприятиях Альянса, включая его форумы (Мадрид, 15–16 января 2008 г.; Стамбул, 6–7 апреля 2009 г.). В МИДе России разработан Национальный план по развитию отношений с Альянсом, назначен специальный представитель по взаимодействию с Альянсом.

Россия поддерживает усилия ЮНЕСКО в сфере межкультурного диалога, включая инициативу создания региональных коалиций городов против расизма. В мае 2009 года в Санкт-Петербурге пройдет сессия руководящего комитета Европейской коалиции городов против расизма (ЕКГПР), в которую входят более 80 городов из 17 стран. Заинтересованность во вступлении в ЕКГПР проявляют многие российские города (Ростов-на-Дону, Оренбург и др.).

Кроме того, по линии ЮНЕСКО Россия приветствует организацию сети «породненных» кафедр по межкультурному диалогу в высших учебных заведениях всего мира, объявление 2010 года Годом сближения культур, проведение в России в ноябре этого года Институтом философии РАН совместно с Комиссией Российской Федерации по делам ЮНЕСКО серии мероприятий на тему «Философия в диалоге культур», возрождение Международного Дельфийского движения, призванного способствовать сохранению и популяризации культурного разнообразия в сфере музыкального, танцевального, изобразительного и других видов искусств. В сентябре прошлого года в Саратове под эгидой ЮНЕСКО были проведены Вторые всемирные Дельфийские игры, в которых приняли участие делегации 61 страны.

В продвижении приоритетов в межцивилизационном диалоге нами задействуются возможности Совета ООН по правам человека (СПЧ). В выступлении председателя Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на дискуссии по теме «Межкультурный диалог по правам человека», проведенной в рамках 7-й сессии СПЧ в Женеве 18 марта 2008 года, был подробно изложен подход Русской православной церкви к толкованию и применению прав человека через призму требований общечеловеческой морали. Нет сомнений в том, что с избранием

митрополита Кирилла Святейшим Патриархом Московским и всея Руси эта актуальнейшая тема будет и далее активно продвигаться в межцивилизационных дискуссиях.

Другим важнейшим направлением усилий российской дипломатии в вопросах укрепления межцивилизационного согласия является расширение взаимодействия с исламским миром, как в рамках двусторонних отношений с мусульманскими государствами, так и по линии Организации Исламская конференция (ОИК), включая Исламскую организацию по образованию, науке и культуре (ИСЕСКО). Важно, что Россия и дружественные нам страны мусульманского мира выступают как партнеры по многим актуальным проблемам современности. Это было подтверждено в ходе саммита ОИК в марте 2008 года в Дакаре. В июле 2008 года начало работу постоянное представительство Российской Федерации при ОИК в Джибде.

Не вызывает сомнений, что достижение прочного всеобъемлющего урегулирования ближневосточного конфликта позволило бы снизить остроту межцивилизационных трений прежде всего между исламским миром и Западом, стало бы важнейшим вкладом в укрепление не только региональной, но и глобальной стабильности. Россия предпринимает активные усилия с целью содействия продвижению к миру на Ближнем Востоке.

Межцивилизационный диалог находится в центре внимания работы созданной по нашей инициативе Группы стратегического видения (ГСВ) «Россия — исламский мир». В ее формате в 2008 году в Москве состоялись две международные конференции на темы «Россия — исламский мир» и «Ислам победит терроризм». В заключительном документе 4-го заседания ГСВ в Джибде в октябре 2008 года выражена поддержка российской инициативы по созданию под эгидой ООН Консультативного совета религий.

Россия, чья культура является неотъемлемой частью общеевропейской культуры, в рамках Совета Европы стремится внести свой вклад в процесс строительства «Большой гуманитарной Европы». В мае 2008 года Комитетом министров Совета Европы (КМСЕ) был одобрен текст «Белой книги по межкультурному диалогу» Совета Европы, в которой сформулирована долгосрочная стратегия деятельности в этой области. Важно, что основная часть поправок российской стороны в итоговом тексте «Белой книги» была учтена. В частности, по нашему предложению был включен раздел, посвященный религиозному измерению межкультурного диалога. Широкий резонанс получило выступление Патриарха Московского и всея Руси Алексия II на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) в Страсбурге в октябре 2007 года.

По российской инициативе в рамках КМСЕ принято решение о ежегодном проведении конференций по религиозному измерению межкультурного диалога. Первая такая встреча состоялась в апреле 2008 года с участием представителей Русской православной церкви в Страсбурге, вторая планируется на весну этого года. Убеждены, что для сегодняшней многоконфессиональной Европы особенно актуально осознание пагубности воинствующего секуляризма, разрушающего вековые нравственные устои

и духовные корни европейцев и одновременно провоцирующего исламский радикализм. Ведь основные ценности христианской морали во многом понятны и мусульманам, а их игнорирование, нередко демонстративное, напротив, лишь усугубляет отчужденность целого сегмента европейского сообщества и усиливает его враждебность к западной цивилизации.

Россия активно участвует в обсуждении межцивилизационной тематики в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Мероприятия проходят в различных форматах — в виде докладов Постоянному совету трех личных представителей Действующего председателя по противодействию различным формам нетерпимости, в рамках деятельности Представителя ОБСЕ по свободе СМИ, регулярных дискуссий на эту тему в ходе заседаний Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. Такая работа ведется в тесном взаимодействии с Отделом внешних церковных связей Московского патриархата, российских профильных ведомств. В прошлом году к ней подключились Генеральная прокуратура и МВД России. В ходе 16-го заседания Совета министров иностранных дел ОБСЕ в Хельсинки в декабре 2008 года российская сторона поддержала резолюцию «О вкладе ОБСЕ в становление Альянса цивилизаций», в которой государства-участники подтвердили необходимость содействия взаимопониманию между странами и народами, принадлежащими к различным культурным и религиозным традициям, а также поручили Генсекретарю ОБСЕ вести мониторинг за эволюцией Альянса.

Межцивилизационная проблематика открывает широкие возможности для участия в международном диалоге и перед неправительственными организациями. Весомый вклад в поощрение контактов представителей интеллектуальной, политической, культурной, духовной и деловой элит со всех континентов вносит созданный по инициативе российской общественности Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций», который в 2006 году был зарегистрирован в Вене в качестве международной неправительственной организации. Заметным событием международной жизни стали ежегодные заседания форума на острове Родос, в ходе которых в неформальной обстановке обсуждаются вопросы защиты духовных и культурных ценностей человечества, содействия формированию более справедливого и демократического миропорядка.

Россия намерена и впредь активно содействовать утверждению в мировой политике и международном общественном мнении императива сохранения культурно-цивилизационного разнообразия как основы гармоничного мирового развития. Будем делать это как индивидуально, так и совместно с партнерами, со всеми, кому небезразлично культурное и духовное наследие человечества. Рассматриваем нашу работу на данном направлении как один из существенных элементов формирования полицентричного мироустройства, обеспечения равной безопасности и равного доступа всех государств к преимуществам глобализации в экономической, информационной и других областях.

В. А. Лекторский¹

ЛИЧНАЯ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сегодня проблема личной и коллективной идентичности является одной из самых обсуждаемых в мировой социологии, культурологии, философии. Это связано с рядом особенностей современной мировой ситуации.

Дело прежде всего в том, что экономическая и политическая глобализация, развитие современных информационных технологий, растущий динамизм и плюрализм социальной и культурной жизни колоссально усложняют процесс личной идентификации и ставят под вопрос многие традиционные ценности. Ибо индивидуальные смыслы, составляющие ядро личности, невозможны вне их соотношения с над-индивидуальными смыслами и ценностями. Кризис последних ведет к кризису индивидуальной идентичности. Многие авторы пишут о «размытой» индивидуальной идентичности, об индивидуальной полиидентичности и даже о конце личностного субъекта в современном информационном обществе.

Сегодня человечество столкнулось с множеством проблем, которые не имеют готовых решений. Есть основания считать, что современная цивилизация стоит перед каким-то серьезным вызовом, когда возникает вопрос о будущем человека, общества и культуры².

Это прежде всего проблемы, являющиеся результатом новейшего этапа развития науки и техники, возникновения новых информационных технологий (телевидение, использование компьютера, коммуникация с помощью Интернета)³. Высокий темп обновления знаний, характерный для информационного общества, влечет быструю сменяемость социальных структур и институтов, воплощающих это знание, типов и способов коммуникации. Многие социальные процессы становятся чем-то эфемерным: существующим относительно небольшое время. Интеграция прошлого и будущего в единую цепь событий, образующая индивидуальную биографию и лежащая в основе личности, «Я», оказывается в некоторых случаях непростым делом. Все более усложняющаяся в современном глобализирующемся обществе цепь социальных и технологических опосредований между действием и его результатом делает сложным рациональное планирование действий не только на коллективном, но даже и на индивидуальном уровне⁴. Но дело не только в этом. Любое рациональное действие предполагает не только учет его возможных последствий, но и соотношение выбранных средств с существующими в обществе нормами поведения, коллективными представлениями о дозволенном и недозволенном, представлениями действующего субъекта о самом себе, своей биографии, принятых на себя в прошлом обязательствах, принадлежности к той или иной коллективной общности, то есть с тем, что называется индивидуальной идентичностью. Между тем современный западный мир, вступающий в информационное общество и втягивающий посредством процесса глобализации в это общество остальную часть мира, переживает кризис ин-

дивидуальной идентичности. Начинается кризис и ряда коллективных идентичностей⁵.

Я не буду специально останавливаться на тех угрозах, которые несет для индивидуальной и коллективной идентичности развитие современных информационных технологий. Я хочу особо поговорить о том, какие проблемы возникают в этом отношении в связи с современным взаимодействием разных культур.

* * *

Разные национальные и этнические культуры вступили сегодня в тесное взаимодействие, беспрецедентное с исторической точки зрения. Это взаимодействие нередко протекает в виде агрессивного навязывания одной ценностно-смысловой культурной системы остальным. Я имею в виду прежде всего современную глобализацию, которая в той форме, в какой она осуществляется, является не чем иным, как американизацией, нивелированием особенностей иных национальных культур. Такого рода глобализация вызывает противодействие в виде не менее агрессивного навязывания ценностей других, не западных культур. Об этом свидетельствуют последние события в США, Западной Европе да и в нашей стране. Идеи «плавильного котла» разных культур и мультикультурализма не выдержали столкновения с современной мировой реальностью. Сегодня в мире идет борьба за культурную гегемонию, за определенный способ смысло-жизненной ориентации. В этих условиях личная идентичность человека, живущего в поле взаимодействия и конфронтации разных культур, подвергается серьезному испытанию на стабильность.

Однако очевидно, что путь национально-культурной агрессии (то, что С. Хантингтон называл в свое время «столкновением цивилизаций») исторически бесперспективен. Во-первых, потому что разнообразие является необходимым условием всякого развития, а в случае человеческой цивилизации таким разнообразием является наличие разных национальных культур. Во-вторых, потому что столкновение культур может привести только к их совместной гибели вместе с их носителями.

Остается только одно: найти способы гармонического развития разных национальных культур. Это будет условием обеспечения как личной идентификации, так и коллективной самоидентификации культур. Эти способы были в свое время обозначены как толерантность и диалог культур. На первый взгляд и толерантность, и диалог кажутся чем-то весьма простым.

Иногда кажется, что достаточно сказать: «Люди, будьте терпимы друг к другу, к своим различиям, к своей индивидуальной и культурно-этнической непохожести друг на друга, к наличию у вас разных взглядов. Живите дружно, договаривайтесь друг с другом в тех случаях, когда вам нужно совместно решать общие проблемы, путем дискуссий, диалога находите решение, устраивающее разные социальные группы и этнические общности в тех случаях, когда их интересы сталкиваются». Кажется, что достаточно провозглашения этого общего лозунга, чтобы он был усвоен. Ведь он совершенно разумен и абсолютно практичен. Если не культивировать терпимость, остается только взаимное уничтожение. Сегодня сделать это не так уж трудно.

И все же проблема сложнее, чем она кажется на первый взгляд.

¹ Академик РАН, академик РАО, главный редактор журнала «Вопросы философии», иностранный член Академии наук Республики Казахстан, доктор философских наук, профессор.

Автор книг: «Субъект, объект, познание», «Эпистемология классическая и неклассическая», «Трансформации рациональности в современной культуре» и др. Ряд его работ опубликованы в США, Великобритании, Германии, Франции, Финляндии, Южной Корее и других странах.

Член Международного института философии (Париж, Франция), Международной академии философии (Ереван, Армения), Центра философии науки Питтсбургского университета (США), почетный профессор Института философии Китайской академии социальных наук (Пекин).

² Лекторский В. А. Философия в современной культуре. СПб., 2007.

³ Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре. Круглый стол // Вопросы философии. 2003. № 6.

⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2003.

⁵ Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10.

Во-первых, речь должна идти о трудностях практических. А они, действительно, велики. Ведь культивирование толерантности предполагает не только существование, но и прочную укорененность ряда установок, относящихся к пониманию человека и культуры. По крайней мере, это установка на независимость, автономность индивида, его личную ответственность за свои убеждения и поступки, недопустимость силового навязывания каких бы то ни было идей, сколь бы хорошими эти идеи ни казались. Но толерантность предполагает также понимание относительности многих наших убеждений и суждений, невозможность такого их обоснования, которое было бы бесспорно для всех. Очевидно, что такого рода установки не только не свойственны многим существовавшим и существующим культурам, но появились, а тем более укоренились исторически совсем недавно. Естественно, что для многих культур идея толерантности до сих пор является чем-то весьма непривычным, если не подозрительным. Это относится и к нашей стране, история которой не создала прочных предпосылок для укоренения толерантности. Единомыслие, понимается ли оно в конфессиональном смысле или же относится к культуре, до сих пор воспринимается многими как нечто предпочитаемое толерантности и плюрализму, которые нередко представляются выражением моральной слабости и зыбкости убеждений. И коль скоро мы признали, что эта идея имеет сегодня важный практический смысл, ясно, что вопрос о создании практических предпосылок (социальных, культурных, психологических, образовательных) ее укоренения и культивирования заслуживает специального исследования. Но я не буду останавливаться на этом вопросе в данной статье, так как вижу трудность проблемы также и в другом: в самом понимании культурной и личностной толерантности и неотъемлемого от нее плюрализма. Вот об этом я и хочу поговорить специально.

Итак, что же такое толерантность?

Первое понимание толерантности было первым и исторически. В некоторых отношениях оно считается классическим и дошло до наших дней. Оно связано с именами Бейля и Локка, с классической либеральной традицией. Во многом проливает свет на характер проблемы тот исторический факт, что она как философская была сформулирована в связи с проблемой веротерпимости и первоначально понята как своеобразное осмысление итогов Тридцатилетней войны, в ходе которой представители враждующих религиозных конфессий почти поголовно истребили друг друга.

Согласно этому пониманию истина, основные моральные нормы и правила политического общежития могут быть неоспоримо и убедительно для всех установлены и обоснованы. В этих вопросах бессмысленно говорить о толерантности, так как доказательство, рациональное обоснование убедительны для всех. Однако люди не только разделяют истинные утверждения, но также и придерживаются различных мнений. Истинность некоторых из этих мнений может быть впоследствии установлена. Однако среди них есть и такие, истинность которых никогда не может быть установлена бесспорно. Это прежде всего религиозные взгляды и специфические ценности разных культур, особенные этнические верования и убеждения. Эти мнения принимаются людьми на внерациональных основаниях и связаны с самоидентификацией: культурной, этнической, личной. Без самоидентификации нет личности, то есть человека, самостоятельного в решениях и ответственного за свои поступки. Однако способы самоидентификации во многих случаях являются внерациональными и связаны с определенной принимаемой человеком традицией, с тем местом, где он родился и живет,

с культурой, к которой он принадлежит, с историей его страны, его собственной биографией и т. д.

Что касается познавательных истин (в особенности истин науки), рационально обоснованных норм права и нравственности, то нельзя, конечно, терпимо относиться к тому, что им противоречит, и к действиям, которые их нарушают. Люди, нарушающие нормы морали и права, должны быть наказаны (юридически или путем общественного осуждения). Однако и в этом случае следует отдавать себе отчет в том, что истина не может быть навязана силой: силой физического принуждения или пропагандистского внушения. К принятию истинного утверждения человек может прийти лишь самостоятельно. Поэтому нужно вести борьбу с действиями, нарушающими разумно установленные правила общежития и вместе с тем проявлять в некоторых пределах терпимость к неразумным взглядам, создавая для тех, кто их придерживается, такие условия, в которых они могли бы сами прийти к признанию истинности того, что может быть бесспорно и универсально установлено.

Мнения, истинность которых не может быть доказана, которые принимаются на внерациональных основаниях (религиозные убеждения, специфические ценности разных культур, этнические верования и т. д.), как и соответствующую им практику, вполне допустить в тех случаях, когда они не вступают в противоречия с основами цивилизованного общежития. В этом случае такого рода мнения и соответствующая им практика выступают как «особое дело» определенных культурных, этнических групп. Терпимость в данном случае обосновывается тем, что различия во взглядах, не относящихся к вопросам истины и основным моральным, правовым, политическим нормам, индифферентны к основным ценностям цивилизации и не препятствуют нормальному общежитию. Различные культурные, этнические группы могут иметь свои церкви, школы, культивировать свой язык, иметь свои обычаи. Недопустимо вмешиваться в эти дела со стороны (со стороны правительства, если речь идет, например, о существовании этнических меньшинств на территории большого государства, или со стороны одного государства по отношению к другому). Основным для нормальной жизни в обществе и для мирных взаимоотношений разных обществ и культур считается согласие в понимании основных моральных норм и того, что установлено в познании (в частности, в науке). Очень важно отметить, что с точки зрения данного понимания толерантности различия в специфических культурных ценностях будут постепенно уменьшаться по мере развития человечества, так как усиление взаимодействия разных культур и этносов, необходимость совместного решения практических проблем будут неизбежно вести к этому.

Толерантность при таком ее понимании выступает как *безразличие* к существованию различных этнически-культурных взглядов и практик, поскольку последние рассматриваются в качестве неважных перед лицом основных проблем, с которыми имеет дело общество.

Второе понимание толерантности исходит из того, что нельзя принять ту предпосылку, из которой исходит первый способ понимания, а именно: что существуют такие истины познания и нормы социального общежития, которые могут быть бесспорно и убедительно для всех установлены. Данное понимание опирается на результаты современных культурно-антропологических исследований, на некоторые современные философские концепции. Согласно данному пониманию религиозные взгляды, специфические ценности той или иной культуры не являются чем-то второстепенным для деятельности человека и развития общества, а определяют сам характер этой деятельности и способ развития той или иной культуры.

Плюрализм этих взглядов, ценностей и способов поведения неустрашим, так как связан с природой человека и его отношениями с реальным миром. Все культуры равноправны, но в то же время и несоизмеримы. Не существует никакой привилегированной системы взглядов и ценностей.

Единственное исключение следует сделать для идеи о том, что все люди, независимо от расы и национальности имеют равное право на физическое существование и культурное развитие (в отношении нарушения этих прав не может быть никакой терпимости).

Но, будучи равноправными и заслуживающими уважения, разные системы взглядов (в том числе разные культуры), по сути дела не могут взаимодействовать друг с другом, ибо замкнуты на себя, несоизмеримы друг с другом. Самоидентичность разных культурных и этнических общностей основана на том, что они как бы не касаются друг друга, существуя по сути в разных мирах. Можно переходить из одного культурного мира в другой. Но нельзя одновременно жить в двух разных мирах.

Толерантность в данном случае выступает как *уважение* к другому: человеку или культуре, которые я *не могу понимать* и с которыми я не могу взаимодействовать.

Однако против такого понимания толерантности и плюрализма можно возразить. Эти возражения формулируются в третьем понимании.

Третье понимание. Во-первых, можно показать, что в действительности между разного рода культурными системами ценностей и концептуальными каркасами существует реальное взаимодействие. Это просто факт истории цивилизации. При этом в результате этой критики одни из ценностей и концептуальных каркасов сходят со сцены, уступая место другим. Ибо не существует их принципиальной несоизмеримости. Между разными системами ценностей, разными культурными традициями идет постоянное соревнование, в ходе которого они пытаются показать свою состоятельность, возможность с их помощью и на их основе справиться с решением различных технических, социальных и интеллектуальных проблем, с которыми сталкиваются люди. А при всем различии культурных традиций и этносов им все же приходится решать немало общих проблем. В результате соревнования происходит отбор тех норм, систем ценностей, интеллектуальных традиций, которые соответствуют требованиям постоянно меняющейся ситуации.

Но нельзя силой навязывать свои убеждения другим людям или ценности одной культуры другим.

В данном случае толерантность выступает как *снисхождение* к другой культуре¹.

* * *

Толерантность абсолютно необходима, если мы хотим избежать столкновения цивилизаций. Вместе с тем как бы ни понимать и ни практиковать толерантность (как индифферентность, как уважение, как снисхождение к другому), она все же сводится к невмешательству в иную культуру и исключает взаимодействие с ней. Между тем сегодня взаимодействие разных этнических культур жизненно необходимо как условие развития и самоидентификации культур и индивидов.

Диалог культур, социальных групп, индивидов — это вообще нечто большее, чем толерантность. Ибо он предполагает не только терпимое допущение иной позиции, иной системы ценностей и установок, но и желание чему-то научиться у другого. И ведь исторически культуры учились друг у друга, пытаясь учесть чужой опыт и тем самым расширяя горизонт собственного. Это бесспорный

факт истории культуры. Между прочим, самые интересные идеи в истории философии и науки возникали как раз при столкновении и взаимной критике разных концептуальных каркасов, разных интеллектуальных парадигм. Западноевропейская цивилизация возникла из синтеза двух очень разных и, казалось бы, даже несоизмеримых культур: иудео-христианской и античной. Христианские отцы церкви, разрабатывая систему религиозной догматики, вели плодотворный диалог с античной философией. Современная физика, будучи продуктом развития, прежде всего, европейской культуры, черпает некоторые принципиальные идеи из изучения индийской и китайской мифологии. Речь идет не о синтезе мифологии и науки, а о переводе на язык науки некоторых идей, навеянных этой мифологией (как отмечал лауреат Нобелевской премии И. Пригожин, предлагаемая им картина мира близка представлениям древней китайской мифологии).

Как любил подчеркивать М. Бахтин, диалогична уже сама природа сознания. «Я» не похоже на лейбнищевскую монаду, ибо не замкнуто на себя, а открыто другому человеку. Само отношение к себе как к «Я», элементарный акт саморефлексии возможен только на основе того, что я отношусь к другому человеку, что я могу отнестись к самому себе как к другому, то есть мысленно или в воображении (как правило, не создавая этого) встать на точку зрения другого. Каждый человек не только обладает самоидентичностью. Он может развивать самоидентичность, меняясь в существенных отношениях. Особенно остро эта проблема стоит сегодня. Развитие идентичности возможно только на основе постоянной коммуникации с другими, диалога с иными точками зрения, позициями, возможностью понять эти другие позиции.

Сегодня человечество оказалось в такой ситуации, когда явно осознается недостаточность и односторонность того опыта отношений людей с природой и друг с другом, который был накоплен до сих пор, необходимость расширения этого опыта. А это предполагает также и взаимный учет опыта друг друга. Это, конечно, вовсе не означает, что чужой опыт просто некритически осваивается. Речь идет совсем о другом: о необходимости видеть в иной позиции, другой системе ценностей, чужой культуре не то, что враждебно моей собственной позиции, а то, что может помочь мне в решении проблем, которые являются не только моими, но и других людей и других культур, других ценностных и интеллектуальных систем отсчета. В этом диалоге не только отдельные люди, но и культуры могут и должны развиваться.

Взаимодействие с позициями, отличными от моих, сопоставление моей аргументации с аргументами в пользу иной точки зрения выступает как необходимое условие развития моих собственных взглядов. То же самое относится и к взаимодействию культур. В этом случае плюрализм выступает не как нечто мешающее существованию данной культуры, нечто глубоко ей чуждое, но как необходимое условие ее плодотворного развития и механизм развития культуры в целом. Это уже не просто плюрализм, а *полифония*, как выражался Бахтин, то есть диалог и глубинное взаимодействие разных позиций.

Диалог — это вообще более высокая форма развития как индивидуальной идентичности, так и идентичности той или иной этнической культуры. Это нечто большее, чем простая толерантность. Это более высокая форма уважения к чужому, чем та, которая предполагается простой толерантностью. Сегодня такой диалог не может затрагивать глубинного ядра культуры (так же, как и глубинного ядра личной индивидуальной идентичности). Поэтому в отношении данного ядра можно и нужно практиковать толерантность. Но будущее человека и культуры, по моему глубокому убеждению, связано именно с диалогом,

¹ Лекторский В. А. Диалог и толерантность во взаимодействии цивилизаций // Диалог цивилизаций. М., 2005.

причем таким, который будет затрагивать и ядро идентичности. Ибо только диалог дает возможность сохранить и развить, то есть в чем-то изменить, идентичность. А современный этап развития человечества как раз и предполагает динамизацию всех социальных процессов, в том числе и динамизацию идентичности: и индивидуальной, и коллективных (в частности, идентичности этнических культур).

* * *

Что же означает межкультурный диалог в современных условиях?

Я хочу подчеркнуть, что диалог — это особая форма коммуникации. Диалог означает, во-первых, что собеседники имеют разные позиции по какому-то вопросу. Во-вторых, он предполагает, что каждый из собеседников исходит из ценности рационального обсуждения, из того, что существуют аргументы в пользу его позиции и что они будут поняты собеседником, что можно и нужно в этом диалоге защищать свою позицию и вместе с тем учитывать точку зрения другого, а если эта иная точка зрения в чем-то обнаружит преимущества, то можно и нужно изменить в этом пункте собственную позицию. В итоге диалога оба собеседника придут к некоей общей позиции по обсуждаемому вопросу. Иными словами, если не признается ценность рационального рассуждения, диалог невозможен.

Конечно, рациональность не является специфическим достоянием западной культуры. Не-западные культуры внесли неоценимый вклад в ее развитие. Так, например, в мусульманском мире всегда почиталась наука: алгебра, химия, медицина и др. Но нужно все-таки признать, что современные формы рациональности в том виде, в каком они практикуются сегодня наукой и техникой, связаны с развитием, прежде всего, западной цивилизации. В этом ее особый вклад в создание условий, в которых возможен межцивилизационный диалог. Мы не можем не признавать этот исторический факт.

Практически диалог культур возможен сегодня не по поводу самих культур (их ядерных оснований), а по поводу решения тех или иных конкретных проблем. Представители разных культур могут иметь свои взгляды на эти проблемы, исходя из своих систем ценностей. Обмен этими взглядами, их сопоставление, рациональное обоснование их преимуществ могут быть очень плодотворными и вести к поиску общих решений тех проблем, которые являются общими для всех.

Мне представляется, что сегодня предметом диалога разных культур могут и должны быть проблемы, от реше-

ния которых зависит ближайшее будущее человечества. Вот некоторые из них.

Прежде всего, это создание нового мирового правового и политического порядка. Есть мнение о том, что западная культура тяготеет исторически к демократии (и связанным с нею ценностям индивидуальной свободы и прав личности, гражданского общества), в то время как восточные («традиционные») культуры больше ценят ответственность и обязанности и в связи с этим склонны в политическом плане к авторитаризму. Если это так, то, казалось бы, диалог культур по этим проблемам невозможен, ибо данные ценности входят в ядро соответствующих этнически-культурных образований, а обсуждение этого рода ценностей, как я писал выше, невозможно на данном этапе развития человечества. Я думаю, что до недавних пор диалог между разными культурами по этим вопросам был действительно невозможен. Но сегодня ситуация в ряде важных отношений другая. Ныне речь идет об установлении такого рода отношений между разными странами, представляющими разные культуры или же между разными этнически-культурными общностями в рамках одной страны, при которых они могут сохранить свою идентичность. Но единственную возможность такого рода дает именно демократия в международных отношениях и в рамках отдельных стран. Таким образом, ценности демократии хотя бы в этом отношении не могут не признаваться сегодня представителями разных культур. При этом нужно признать, что до конца не очень ясно, что такое ценности демократических отношений между странами (до сих пор демократия понималась как политическая система применительно к отдельной стране). Значит, предмет для диалога и обсуждения имеется. Между прочим, справиться с международным терроризмом без решения этого рода проблем вряд ли удастся. Можно предполагать, что по мере развития будет только нарастать процесс конвергенции разных культур. А это значит, что те вопросы, в отношении которых современные культуры должны практиковать простую толерантность, во все большей степени будут предметом настоящего диалога.

Предметом диалога культур сегодня могут и должны быть экологические проблемы, касающиеся всех жителей Земли, проблемы взаимоотношений мирового центра и мировой периферии, проблема бедности как глобальная и ряд других.

Если практиковать такого рода диалог, глобализация будет выглядеть не как навязывание всем регионам Земли единственно возможной системы культурных ценностей, а как создание такого мира, который един и в то же время состоит из многих уникальных национальных культур.

Федерико Майор¹

ДИАЛОГ И АЛЬЯНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ

единении на основе универсальных ценностей. Только при беспристрастном диалоге, взаимодействии и знаниях друг о друге мы сможем жить в гармонии и мире. Мы должны мобилизовать гражданское общество, чтобы добиваться искоренения причин экстремизма и насилия, чтобы осуществить переход от культуры принуждения к культуре диалога и согласия. Каждый день строить мир и *творить альянсы при помощи слов* — наша огромная и ближайшая миссия.

Кроме того, мне хотелось бы, чтобы Альянс в рамках ООН стал влиятельной структурой, которая при определенных гарантиях могла бы быстро и эффективно реагировать на любую атаку или провокацию сторонников насилия и конфликтов.

На встрече с группой «Альянс цивилизаций» в 2005 году я сказал следующие слова: «Прошу вас не начинать схоластические споры о том, что такое цивилизация, что такое Альянс и т. п. Наша задача — разработать практические шаги по созданию мостов между цивилизациями, сформировать конкретные проекты по взаимодействию культур, наладить конструктивный диалог между религиями...

Все наши многообразные культуры, верования и идентичности составляют наше богатство. Наша сила — в объ-

¹ Президент Фонда за культуру мира, доктор фармакологии, профессор (Испания), генеральный директор ЮНЕСКО (1987–1999).

Автор книг: “Scientific Research and Social Goals: towards a new development model” (1982), “Letters to Future Generations” (1999), “L’enseignement supérieur au XXIe siècle” (2000), “La fuerza de la palabra” (2005) и др.

Мне хотелось бы, чтобы Альянс вносил свой вклад и в сферу профилактики и лечения болезней, боролся против бедности и пандемий и в целом принимал участие в подготовке адекватных стратегий для ответа на глобальные вызовы, которые не могут больше решаться меньшинством: энергетика, продовольствие, вода... Долгосрочное прогнозирование особенно важно, чтобы избежать «сюрпризов», которые всегда сильнее сказываются на слабых. Альянс действует на благо наиболее уязвимых, детей, молодежи, стариков и инвалидов при постоянном внимании со стороны общественности.

Одна из функций Альянса — обеспечение всеобщего доступа к образованию, которое способствует развитию творческих способностей каждого человека и дает ему возможность *самому* найти ответы на многие вопросы мироздания, и не подвергаться диктату со стороны других. К образованию, которое не подразумевает пропаганду стереотипов, не искажает историю и подчеркивает многогранность жизни каждого из нас. При этом необходимо взаимодействие между университетами и научными учреждениями, организациями в сфере культуры и спорта, между всеми странами мира, и в особенности между наиболее отдаленными и непохожими друг на друга.

Альянс создается для борьбы со «страхом и нищетой», как сказано в Преамбуле Декларации всеобщих прав человека, посредством доступной и надежной информации и свободы слова, доступности материальных благ и знаний; чтобы была стабильность, безопасность и уважение к человеческому достоинству, чтобы не могла формироваться благоприятная почва для разрушений, радикализма и агрессии. Признание свободы без всяких ограничений может вызвать отрицательную реакцию. Например, когда свобода слова не сопровождается соответствующей мерой

сдержанности, есть риск, что реакция со стороны «обиженных» будет непропорциональной. Но и цензура не всегда приводит к решению проблем, его дает скорее спокойный диалог. Именно сейчас крайне необходимо, чтобы все страны, представляющие разные стороны конфликтов, обратились к диалогу и согласию.

Целью Альянса является также укрепление демократических основ, чтобы люди могли свободно осуществлять свои права и нести ответственность за свои действия. Альянс защищает общие ценности и укрепляет наше единство. Определив, что нас объединяет, и оценив, что разделяет, мы неизбежно продвигаемся к общей цели.

Я перечислил лишь некоторые сферы приложения сил Альянса, чтобы показать, насколько велико пространство, в котором мы можем действовать; в котором гражданское общество и представляющие его организации своими ежедневными усилиями будут создавать мирное будущее, где живут свободные люди, независимые от пагубных привязанностей, страхов и предрассудков».

С тех пор как я произнес эти слова, прошло время. Мне приятно узнать, что уже в течение 9 лет, в России, в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов, происходят регулярные международные встречи политиков, ученых, представителей гражданского общества, деятелей культуры, посвященные этой тематике. Я познакомился с материалами этих встреч и убедился, что многие проекты, упомянутые мной в 2005 году, конструктивно обсуждаются и решаются на этих мероприятиях. Я искренне надеюсь, что смогу принять участие в юбилейной встрече в 2010 году.

И еще мне кажется очень символическим, что эти мероприятия объединены именем Д. С. Лихачева — великого человека, символизирующего Альянс культур XX века.

В. И. Матвиенко¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Термин «культурная столица» был актуален для Санкт-Петербурга всегда — на протяжении всей его более чем трехсотлетней истории. Славу столицы Российской империи создавали не только правители и политики, но и ученые, художники, люди других творческих профессий — как принадлежавшие к разным слоям городского общества, так и выходцы из крестьянской среды. В Петербурге сформировалось то средоточие мастеров и талантов, художественных школ, та интенсивность творческих исканий, которым могли лишь завидовать другие города России и многие страны мира. При этом немаловажно, что здесь работали и одаренные русские люди, и представители многих народов России, и лучшие итальянские, французские, немецкие, голландские, шведские, британские зодчие, художники, композиторы, балетмейстеры, актеры, врачи, ювелиры, модельеры и т. д.

Сегодняшний Петербург — это город богатого исторического наследия, хранитель шедевров искусства высочайшего мирового уровня, город, напитанный и наполненный разнообразными традициями и обычаями — и народными, и профессиональными. Петербург настоящего времени — это город, где живут немногим менее 5 млн человек, и это люди разных поколений, националь-

ностей, религиозных взглядов, мировоззрений и культурных предпочтений. Ежедневно в наш город приезжают десятки, а иногда и сотни тысяч гостей со всей России, из ближнего и дальнего зарубежья, и это тоже признак мультикультурной идентичности Петербурга — перекрестка цивилизаций.

Петербург был построен трудом рабочих рук людей, приехавших сюда из разных областей России, его экономика, общественная и культурная жизнь была создана трудом жителей города, сохранявших различные этнические традиции. В годы Великой Отечественной войны сопротивление жителей блокадного Ленинграда было частью победы над фашистской агрессией. Сегодняшний Петербург развивается и обновляется, и в этом процессе сотрудничают коренные жители города и трудовые мигранты, используя опыт исторической «питерской» толерантности. Во многих регионах России существует традиция выделять жителей Петербурга по их особым культурным свойствам, а петербургский стиль общения приводится как пример особой вежливости в общении.

Сфера культуры Санкт-Петербурга представляет огромные, иногда просто уникальные, возможности для диалога культур. Экспозиции и разнообразная выставочная деятельность Эрмитажа, Русского музея, наших многочисленных городских музеев, международные фестивали («Звезды белых ночей», «Площадь искусств», «Балтийский дом») привлекают в наш город и всемирно признанных профессионалов, и простых любителей искусства,

¹ Губернатор Санкт-Петербурга с 2003 г. Работала заместителем председателя Исполкома Ленсовета, избиралась народным депутатом СССР. Была послом в Республике Мальта, Греции. Имеет дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Работала заместителем председателя Правительства Российской Федерации, полномочным представителем Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе.

а рядовому жителю города позволяют почувствовать себя «человеком мира».

Опираясь на результаты работ ученых различного профиля, можно сказать, что Санкт-Петербургу выпала историческая роль узла контактов большого числа этнических культур, практически всех мировых религий, зоны взаимодействия цивилизаций и одного из главенствующих центров возникновения особого цивилизационного единства, сложившегося в евразийском пространстве, которое мы называем российской цивилизацией.

К рубежу I–II тысячелетий, который рассматривается как время начала существования большинства народов современной Европы, в точке истока Невы находился многонациональный ремесленный и торговый город, называемый в Северной Европе Альдейгьюборг, а в российской истории известный как Старая Ладога. В нем сосуществовали славяне, представители местных финноязычных племен, дружины варяжских воинов. Город возник на пересечении Волжского и Днепровского путей в Северную Европу, Поволжье, Западную Азию. По этим магистральям в Средние века путешественники добирались и до Британских островов, и до могущественных Византии и арабского Халифата. Старой Ладоге, как свидетельствует древнерусская летопись «Повесть временных лет» и подтверждают современные археологические исследования, было суждено стать отправной точкой развития российского государства. Во многих отношениях Старую Ладогу можно рассматривать как форму города, предшествовавшую возникновению Санкт-Петербурга. Археологические данные позволяют говорить о том, что и ранее невиские берега были зоной взаимодействия различных групп древнего населения.

В XIII веке в совместной борьбе княжеских дружин и местного разноязычного населения была отражена рыцарская агрессия, направленная на северо-запад Древнерусского государства и угрожавшая его политической и религиозной самостоятельности. Именно здесь взойшла звезда Александра Невского, проявившего себя мудрым политиком в отношениях с монгольскими правителями, чем было положено начало перехода к сложению Московского государства из раздробленной феодальной вражды Древней Руси. Логика войны, во многом определявшая ход истории в это время, не отрицала торговых связей, в которых невиские земли, бывшие тогда частью Великого Новгорода, были задействованы на пути к городам северогерманского Ганзейского союза. До начала XVIII века борьба за пограничные земли у Финского залива была частью становления Российской и Шведского государств. Утверждение России на землях восточной Прибалтики в XVIII веке не только не означало разрыва с европейской цивилизацией, но, наоборот, сблизило Россию и Европу.

Российская империя выросла из допетровской Руси, которая к этому времени уже была многонациональным государством, расположенным в центре Евразии и достигнувшем берегов Тихого океана. Императором Петром I был поставлен своего рода грандиозный исторический эксперимент, когда новая столица государства была выдвинута в пространство пограничья цивилизаций. Была поставлена и решена задача строительства города, совершенно нового для страны — не только по архитектуре, но и по образу жизни населения. Для России создание столицы на Неве было частью процесса колонизации присоединенных земель даже при наличии здесь старожилов. Вместе с русскими к строительству Санкт-Петербурга привлекались и другие народы, в числе первых переселенцев оказались народы Поволжья, в том числе татары. Естественным было включение в состав города участка с финским населением, тяготевшим собственно к акватории Невы. В городе появилось армянское и грузинское

население, еврейские переселенцы. Притом что этнические группы в Петербурге старались жить сообща, примечательно, что в городе так и не сложилась традиция существования закрытыми кварталами типа «чайнатаунов». Логичным было привлечение шведов и немцев на гражданские и военные административные должности или в качестве представителей городских профессий: врачей, аптекарей, пекарей, искусных ремесленников. Своеобразие петербургского градостроительно-архитектурного облика — как начального периода истории Петербурга, так и последующих лет — проявилось и в том, что в его создании приняли участие зодчие из стран Западной Европы, и в том, что в столице России они создавали лучшие образцы европейской архитектуры. Привлечение иностранцев было частью процесса вхождения формирующегося российского общества в европейское Просвещение, создания передовой науки, возникновения Петербургской академии наук, Академии художеств. В середине XVIII века до 15 % населения Санкт-Петербурга составляли иностранцы, среди которых значительную долю составляли, говоря современным языком, специалисты. С такими европейскими влияниями, как появление в городе иноверческих церквей, наряду с православными, можно связать зарождение в Петербурге духа веротерпимости. Еще в Манифесте от 16 апреля 1702 г. сообщалось: «...В нашей столице свободное справление веры всех... принуждения над совестями... себе невосприемлем...»

В период правления Екатерины II Санкт-Петербург становится столицей империи, соединившей берега Балтийского и Черного морей, единственным государством, выходящим к берегам северных, южных, западных и восточных морей Евразии. При этом она была гигантской континентальной страной, в различных ландшафтных зонах которой жили сотни разных этнических групп. Существенным шагом к объединению населения империи были меры, принятые в правление Екатерины II, по развитию веротерпимости, давшие существенное расширение прав иноверцам, в том числе приверженцам ислама и иудаизма (в частности, Указ от 17 июня 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий...»). В правление Екатерины II состоялось открытие в Петербурге первого молитвенного дома для мусульман. И отнюдь не только парадоксом выглядит сакрализация облика императрицы в северном буддизме у бурят и калмыков.

В конце XVIII — первой половине XIX века в Петербург съезжаются вельможи, дворяне, искавшие службы и чинов, и зависевшие от них крестьяне. Население города прирастало за счет представителей лично свободных сословий, оброчных крестьян. Проведенное в первой трети XIX века облегчение положения государственных крестьян, особо затронувшее регионы Прибалтики и Поволжья, дало возможность для увеличения числа выходцев из этих мест среди жителей столицы. В первой половине XIX века население города росло за счет притока представителей лично свободных сословий, оброчных крестьян. В среду города входили отставные чины различного ранга, в том числе и отслужившие в армии мусульмане и евреи. После Крестьянской реформы 1861 года в город направился поток вчерашних крестьян, постепенно освобождавшихся от ограничений по передвижению, жителей европейской части страны с преобладанием русских. В городе выросло число татар, белорусов, эстонцев, евреев и др.

С развитием заводской и фабричной промышленности население Санкт-Петербурга росло и его национальный состав ширился. На рубеже XIX–XX веков город стал крупнейшим университетским центром и первым центром политехнического образования, здесь формировалась русская национальная идея и разновидности русской

культуры, возник феномен, получивший название Серебряного века российской литературы. В столице представители национальной интеллигенции могли осуществлять свою деятельность более свободно, чем на окраинах империи.

Таким образом, уже в начале XX века Санкт-Петербург стал не только центром российской цивилизации, но и ее настоящим представителем и образцом. Утрата городом столичного статуса в советский период не изменила сути явления. Примечательно, что в разных частях Советского Союза Петербург–Ленинград воспринимался как город, население которого было более близким к населению русской провинции и национальных республик, чем население политической столицы государства, но одновременно как город с передовой культурой, российской и европейской. В XX веке регионы России увеличили свое представительство в населении Петербурга. Особенно интенсивно этот процесс происходил в 1990-е годы. Отчасти поток мигрантов в Петербург из регионов Кавказа и Средней Азии можно рассматривать как восприятие населением этих мест значения Петербурга как сохраняющегося центра не только российского, но и евразийского пространства. Можно также отметить обозначившуюся тенденцию среди представителей ряда национальных образований северных народов России в начале XXI века видеть в Петербурге свою столицу, объединяющую аборигенное население Крайнего Севера.

В чем можно обнаружить феномен российской цивилизации? Во-первых, это исторический союз русского народа с другими группами восточных славян, в частности с народами уральской (особенно финно-угорской группы), алтайской (особенно тюркской группы), кавказской и других языковых семей. Во-вторых, это поле тесного взаимодействия православия с северным исламом (Поволжье, Северный Кавказ и Дагестан, Сибирь) и северным буддизмом (ламаизмом), а также с рядом локальных религиозных верований. В-третьих, это понимание исторически объединяющей роли российской государственности, учитывающей значение национального фактора. В-четвертых, понимание того, что российская цивилизация является уникальным образованием европейского стиля, но обогащенным вкладом со стороны национальных культур многих народов Евразии и находящихся в постоянном диалоге культурного взаимопонимания с народами Западной, Центральной и Восточной Азии, Тихоокеанского региона. Как геополитическое единство российская цивилизация занимает срединное положение между центральной Евразией (собственно Евразия от Эльбы до Тихого океана и от Ледовитого океана до Средиземного моря, Персидского залива, Гиндукуша) и так называемой (по выражению П. П. Семенова-Тянь-Шанского) русской Евразией (лежащей между Днестром и Енисеем). Понятие «российская цивилизация» указывает и на интеграцию цивилизационных областей, и на целостность возникшей при этом своеобразной полиэтничной общности.

Санкт-Петербургу принадлежит особая роль в пространстве российской цивилизации, определяемая его ролью «культурной столицы» России. Петербург остается «окном в Европу», что в современных условиях означает направленность его научной, технической и художественной мысли на отбор нового, прогрессивного в современном мировом опыте и фильтрацию тех идей, которые противоречат смыслу российской цивилизации, партнерство с зарубежными научными, университетскими центрами, большими музеями, крупными образовательными центрами. За Петербургом исторически закреплена роль проводника в России идей и результатов европейского Просвещения и участие в их создании.

Кроме того, Петербург был и остается центром познания феномена российской цивилизации как целостного явления.

В Петербурге российский ученый и видный государственный деятель Василий Татищев (1686–1750) сформулировал задачи изучения населения России как части административной деятельности. В начале XVIII века Петербургская академия наук провела более 50 так называемых академических экспедиций в разные области страны, способствовавших познанию культуры ее многонационального населения. Результатом стало появление в 1776–1780 годах первой народоведческой энциклопедии России — труда И. Георги «Описание всех в Российской империи обитающих народов...» По мнению крупного советского этнографа и историка науки С. А. Токарева, сопоставимая по значимости работа К. Черига «Этнография Австрийской монархии» вышла в свет почти на сто лет позднее «Описания...», в 1851 году. В конце XVIII — начале XIX века из Петербурга отправлялись кругосветные экспедиции, также внесшие большой вклад в российскую науку. Итогом многих событий общественной, политической и научной жизни России первой половины XIX века было зарождение идеи создания в стране всеобъемлющего национального музея. Его прообразом был созданный в Петербурге в 1826 году Румянцевский музей, потом переведенный в Москву, где позднее вокруг него сформировался большой музейный комплекс. В 1845 году по инициативе энтузиастов из ученых, военных, участников дальних плаваний и при поддержке Императорского двора было создано Русское географическое общество (РГО); в течение последующих лет возникло множество филиалов РГО в разных городах России, являвшихся региональными центрами. Сейчас оно существует под названием «Национальное географическое общество», его центральное бюро продолжает свою работу в Санкт-Петербурге, где находится архив общества за все годы его существования. Уместно вспомнить, что в Петербурге располагаются многие архивы общегосударственного значения, хранилища исторической мысли, в том числе Российский государственный исторический архив, внесенный в 1993 году в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации. В Петербурге продолжают свое славное существование самые первые в России университет и педагогический институт.

Важнейшим инструментом самопознания феномена российской цивилизации являются музеи, важнейшие из которых сосредоточены в Петербурге. Современный Санкт-Петербург обладает колоссальным наследием в этой области. К началу XIX века в Петербурге уже было несколько видов музеев: академический музей с научными и просветительскими целями (Петровская кунсткамера, основанная в 1714 г.), художественная галерея с учебными целями (собрание памятников при Академии художеств, сложившееся в 1758–1765 гг.), новое (относительно галерей Петергофа, Царского Села, Ораниенбаума) дворцовое собрание — Эрмитаж (основано в 1764 г.), военные музеи, учебные музеи (например, Музей моделей сельскохозяйственных орудий и машин, основанный в 1792 году при Вольном экономическом обществе). Наиболее представительным музеем, сочетавшим научные, хранилищские и просветительские функции, в начале XIX века была Петровская кунсткамера. В 1818–1836 годах на базе Кунсткамеры были образованы Азиатский музей, Ботанический, Зоологический, Минералогический, Этнографический и прочие музеи. Азиатский музей, ныне Институт востоковедения, и Этнографический музей, из которого возник Институт этнографии (ныне Институт этнологии и этнической антропологии), оформились как крупные центры изучения культуры народов Евразии, ведущие в наше время обширную по гео-

графическому охвату исследовательскую работу. Длительным был процесс оформления музеев военной славы России, главными из которых стали Военно-морской музей и Военно-исторический музей артиллерии. В 1904 году в специально построенном здании был открыт музей А. В. Суворова. XIX век был периодом расцвета музеев, создававшихся при учебных заведениях, службах, ведомствах, и данная традиция получила продолжение в середине XX века, когда возникали музеи на различных предприятиях. В 1907 году при Обществе архитекторов-художников был организован Музей Старого Петербурга, эта дата считается временем основания Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Весь XIX век шло развитие Эрмитажа как крупнейшего хранилища предметов мирового искусства. Создание в Москве Исторического музея было проявлением стремления к осуществлению идеи национального музея, но не самим осуществлением. Итогом стало императорское решение о создании двух музейных комплексов в Санкт-Петербурге и Москве, наследниками этого решения и частичного его исполнения являются ныне Русский музей и Российский этнографический музей в Петербурге.

Экспозиции Музея цивилизаций предполагают большую привлекательность, нежели имеющаяся в настоящее время, в силу комплексно-цивилизационного подхода к проблемам этнографии, истории, религиоведения народов России. Создание такого музейного объединения именно в Санкт-Петербурге определяется не только общими практическими и научными задачами, но и тем, что город традиционно является многонациональным. В настоящее время в силу сложной полиэтнической ситуации актуальность создания Музея цивилизаций постоянно возрастает. В основе единого межмузейного комплекса могут находиться этнографические собрания Санкт-Петербурга, дополненные экспонатами, отражающими поликонфессиональную структуру России в прошлом и на уровне историко-этнографической современности.

Создание музейного объединения данного обобщающего типа представляется поэтапным: от комплексных

выставок к системным экспозициям и в дальнейшем к созданию единого музейного центра гуманитарного профиля. Такой центр будет экспонировать, хранить и изучать те предметы, которые отражают культурно-историческое единство и этнические особенности народов России.

В нашем городе многое делается для поддержания и развития традиций многонациональности, многоконфессиональности культурной среды. Только в 2008 году прошли масштабная выставка «Многонациональный Петербург: город и люди» и межконфессиональный музыкальный фестиваль, реализован уникальный художественно-биографический проект «Национальность — питерский» и культурно-образовательная программа «Обнимитесь, миллионы (песни, танцы, театр народов России)», традиционно проходит общегородской фестиваль коллективов национально-культурных объединений «Возьмемся за руки, друзья», формируется общегородская Библиотека национальных культур.

У общественности Санкт-Петербурга и городских властей серьезную озабоченность вызывает значительное падение уровня бытовой и общественной культуры жителей города, произошедшее за последние 15–20 лет. Именно поэтому Правительством Санкт-Петербурга разрабатывается городская комплексная социальная программа «Культурная столица», направленная на повышение культуры и социальной ответственности, изменение поведенческих стереотипов жителей Санкт-Петербурга. В числе ее приоритетов и первых шагов по пропаганде стиля поведения истинного петербуржца и внимания к общечеловеческим гуманистическим ценностям этнических культур — развитие традиций культуры поведения с юного возраста, социокультурная адаптация мигрантов, создание и выпуск нескольких вариантов «Азбуки петербуржца» для различных категорий населения.

Диалог культур и конфессий должен продолжаться на почве Санкт-Петербурга не как стихийный диалог цивилизаций, а как стратегия выбора оптимальных способов взаимодействия общественных и этнических групп, народов и стран.

В. В. Миклушевский¹

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

В 1990-е годы российское общество пережило серьезнейший ценностный кризис. Ценности советской эпохи уже не соответствовали новой действительности, а новая система еще не сформировалась и не укрепилась в сознании граждан. Это привело к тому, что школа, выступавшая всегда в качестве проводника принятой в обществе системы ценностей, утратила те позиции, которые она раньше занимала.

Вместе с тем перед государством стояла задача, решение которой потребовало реализации государственной политики, направленной на воплощение принципов веротерпимости, толерантности, миролюбия, гражданского патриотизма через образование, а тем самым — превращения образования в ресурс накопления социального доверия и согласия в обществе. Именно в 1990-е годы в

России стали разрабатываться вопросы поликультурного образования и воспитания. Кроме того, этому способствовало интенсивное развитие интеграционных процессов как важной составной части развития современного мира, а также стремление России интегрироваться в мировое и европейское социально-культурное и образовательное пространство.

Благодаря усилиям последних лет, и в том числе запуску приоритетного национального проекта «Образование», в России произошел сдвиг в сторону понимания образования как одной из важнейших ценностей общества, государства и личности. Образование стало рассматриваться как ведущая социальная деятельность государства, которая способна обеспечить конкурентоспособность страны на мировом рынке и способствовать снижению уровня социальной напряженности и ксенофобии. Социологические исследования последних лет показали, что чем выше уровень образования граждан, тем меньше проявлений нетерпимости по отношению к представителям других культур, религий, социальных слоев.

В целом же сдвиг от монокультурного к поликультурному образованию в определенном смысле сопоставим

¹ Заместитель министра образования и науки Российской Федерации, доктор технических наук, профессор.

В 1993–2007 гг. работал в Московском институте стали и сплавов (МИСиС), где прошел путь от ассистента до первого проректора. Автор более 60 научных работ: «Инновации в управлении вузом: новые решения для корпоративной информационной системы», «О переходе на новую систему оплаты труда федеральных государственных образовательных учреждений высшего профессионального образования» и др.

с переходом от мира Ньютона к миру Эйнштейна. Он расширяет вселенную, в которой идет становление личности граждан России, и ведет от культуры полезности к культуре достоинства.

Одновременно должна поменяться система ценностей в образовании. Хорошо учиться и хорошо учить должно стать интересным, престижным и выгодным! Учить и воспитывать успешных, активных, творческих людей может только учитель, который сам себя воспринимает как успешного, творческого человека. Положение учителя — своего рода лакмусовая бумажка для любого общества. Если он обеспечен и уважаем, значит, государство заботится о будущем своей страны. В связи с этим важным условием для изменения отношения общества к учительскому труду и школе является повышение авторитета учительской профессии, его экономического положения. Но и от учительства требуются усилия по преодолению разрыва между тем, чему их учили, и требованиями нового времени.

Мир вокруг нас стремительно меняется. Появляются новые технические средства, новые социальные процессы (к сожалению, не всегда позитивные), новые понятия, новые типы социального взаимодействия. Учитель должен, как никто другой, знать и, что важнее, понимать все эти новшества, ведь это он отвечает за подготовку к жизни своих учеников. Социальная сложность мира, его культурное многообразие — это тот вызов, который стоит перед учителями и нашей школой в широком смысле этого слова.

Мир становится все более открытым и взаимозависимым. Как научить учащегося жить в поликультурном мире? Очень часто учить жить в поликультурном мире должен учитель, сформировавшийся в совершенно другой среде и не освоивший всего опыта, накопленного учеными и учителями-новаторами в вопросах поликультурного образования и воспитания. Это реальная проблема, которая должна быть осмыслена и нашей системой подготовки педагогических кадров, и системой дополнительного профессионального образования педагогов. В любом случае, она должна обсуждаться, а не замалчиваться. Для нашей страны с ее разнообразием этносов, религий, культур — это чрезвычайно важная задача.

Триединство целей поликультурного образования — это залог успеха и развития российской демократии. Их можно обозначить как «плюрализм», «равенство» и «объединение». Под плюрализмом мы понимаем уважение и сохранение культурного многообразия. Равенство — это поддержка равных прав на образование и воспитание. И наконец, объединение — это формирование общенациональных политических, экономических, духовных ценностей. Цели поликультурного воспитания многоступенчатые. В процессе изучения иных культур проявление толерантности — лишь начало приобщения к ним. За этим должны следовать понимание, уважение и, наконец, активная солидарность, взаимодействие, взаимозависимость, взаимообмен.

Необходимо помнить, что огромным воспитательным ресурсом обладает семья, являясь одним из важнейших институтов социализации личности. Однако в настоящее время Россия и другие страны мира столкнулись с негативными для воспитания детей и подростков явлениями и многочисленными вызовами, разрушающими институт семьи. В связи с этим многие психологи, педагоги и социологи отмечают растущую некомпетентность родителей в вопросах воспитания, в том числе и поликультурного. В этих условиях большое значение приобретают вопросы повышения уровня педагогической культуры родителей. Назрела необходимость разработки новых эффективных методик обучения родителей, а также тесного

взаимодействия семьи и школы в условиях полиэтнической среды.

Поликультурное воспитание происходит не только в семье или в рамках формального и непрерывного образования. Следовательно, оно должно стать заботой не только учебных заведений, но и осуществляться в культурно-просветительских центрах, религиозных учреждениях, через средства массовой информации, в сети Интернет, посредством активной деятельности общественных объединений. Координация усилий системы образования с этими институтами социализации является очень важной задачей для построения гражданского общества.

Парфразируя выражение известного психолога Льва Семеновича Выготского «обучение ведет за собой развитие общества», мы можем сказать, что образование ведет за собой развитие общества. Именно поэтому образование — это ведущая социальная деятельность общества, которая, с одной стороны, способствует экономическому развитию и определяет, будет ли экономика основываться на знаниях и инновационных технологиях или на эксплуатации природных ресурсов, а с другой стороны, являясь институтом социализации подрастающего поколения, определяет социально-политическое устройство общества, в основе которого лежит демократия и гражданские институты. Наша задача состоит в том, чтобы обе эти стороны работали синхронно, обеспечивая достижение синергетического эффекта.

Ценность образования очень хорошо осознается нашими гражданами. Сегодняшняя нацеленность на получение высшего образования, настоящий «бум» высшего образования нам это наглядно показывают. Но здесь есть одна беда: диплом об образовании нередко подменяет ценность получения собственно знаний. Далеко не всегда понимается, что учение — это труд, и зачастую тяжелый. Попытки сделать учебу легкой, удобной для учащегося — не совсем верное направление. Создать условия для появления у студентов мотивации к обучению, преодолению трудностей, чтобы сформировать чувство ответственности за свое будущее, вызвать интерес к изучаемому материалу, — это очень сложная задача, бросающая вызов всему образовательному сообществу.

Интенсивность развития современного мира, процессов глобализации стимулирует рост миграционных потоков. Люди, проживающие в различных странах, ежедневно передвигаются по всему миру. Особенно активной категорией граждан является молодежь, которая в установлении межкультурных контактов видит жизненную необходимость, обретает ценный опыт и расширяет, таким образом, личностные возможности.

Высшее профессиональное образование является сегодня важнейшим социальным институтом, в котором проходит становление современного молодого поколения. В связи с этим перед высшей школой встает сложная задача подготовки студенческой молодежи к жизни в условиях поликультурной среды и формирования умений и навыков будущих специалистов для сотрудничества и межкультурного общения с людьми разных национальностей, культур, вероисповедания и ценностных ориентаций.

Взаимодействие с другими культурами, неизбежное в условиях глобализации и широкой миграции населения, может осуществляться в трех формах: конфронтации, ассимиляции, диалога. Конфронтация поглощает внутренние силы человека, переводит их в разрушительное русло; ассимиляция, смешение основ различных культур, потеря «единства типа» (В. В. Розанов), внутреннего культурного стержня человека приводят к разрушению смысловой сферы, снижению мотивации, «потере себя». Оба эти типа межкультурного взаимодействия, таким образом, являются деструктивными, приводящими к обесмысливанию

жизнедеятельности человека или формированию ложных смыслов. Подготовка профессионала для деятельности в поликультурном мире прежде всего должна быть нацелена на формирование умения вести межкультурный диалог — конструктивной формы взаимодействия, приводящей к культурному взаимообогащению взаимодействующих субъектов, личностному росту, развитию профессионально значимых личностных качеств и коммуникативных компетенций.

Владение навыками межкультурного общения приобретает особую значимость для работников профессий сферы сервисного обслуживания населения (технический, технологический, информационный, транспортно-коммуникационный, социально-культурный сервис). Эти профессии получили максимально широкое распространение в современную постиндустриальную эпоху. К специалистам данной сферы ныне предъявляются дополнительные требования в плане развития у них профессиональных и коммуникативных компетенций, связанных с обслуживанием потребностей людей и сообществ — носителей разных культур, традиций, религиозных взглядов. Для представителей этих профессий особую роль приобретают толерантность, знание и понимание ценности иных культурных традиций, коммуникативная культура.

Транснациональные корпорации еще в прошлом веке, используя дешевую рабочую силу развивающихся стран, вывели свое промышленное производство в другие государства. Это и стало толчком для развития поликультурного образования и воспитания на Западе. Менеджерам и специалистам из развитых стран было необходимо понимать не только язык людей, которыми они руководили, но и уклад жизни, культуру, традиции страны, чтобы успешно жить и работать там. Оптоволоконная связь, мощные компьютеры и Интернет, а также развитие аутсорсинга позволяют разместить в других странах такие виды деятельности, в которых используются уже высококвалифицированные специалисты других государств. Теперь совсем не обязательно покидать родину, чтобы работать, скажем, на американскую или английскую компанию. Можно жить у себя в стране и с помощью современных средств связи работать в компаниях, находящихся не только в разных государствах, но и на разных континентах.

В этой ситуации к специалисту предъявляются не только профессиональные требования. Он должен обладать знанием языков и владеть навыками межкультурного общения, умения свободно и бесконфликтно входить в контакт с представителями различных национальностей, религий и культур. В связи с этим изучение иностранных языков позволяет не только понимать другую речь и быть понятым другими, но и понимать иное мышление и поведение. Перефразируя известную поговорку «У тебя столько друзей, сколько языков ты знаешь», можно сказать, что чем больше языков знает выпускник и чем лучше он владеет историей и культурой народов, тем больше у него возможностей, тем конкурентоспособнее он как личность.

Одним из важных показателей успешности западного, особенно американского, вуза является разнообразие его интернационального студенческого сообщества. И это не

только и не столько вопрос привлечения в страну финансовых средств, сколько возможность знакомить студентов из других стран с культурой и ценностями принимающей страны — возможность в будущем через этих выпускников устанавливать экономические, политические и другие контакты, способствующие развитию отношений между странами. Известно, что люди, учившиеся вместе в одном вузе, будут больше доверять друг другу и быстрее найдут общий язык. Развитие экспорта образовательных услуг, повышение привлекательности российского профессионального образования (прежде всего высшего) для иностранных студентов является одним из важнейших приоритетов.

Вхождение России в Болонский процесс, разработка Национальной рамки квалификаций, сопряженной с Европейской системой квалификаций, введение двухуровневого высшего образования и другие меры, направленные на обеспечение международной конвертации российского профессионального образования, — меры, направленные на выполнение этой важной задачи. Но до тех пор пока у себя в стране мы не научимся понимать и принимать друг друга, пока нетерпимость к представителям других национальностей как нашей страны, так и мигрантов будет восприниматься как норма, а не как проявление поведения, недостойного гражданина, до тех пор эти меры государства останутся только прекрасными и неосуществимыми начинаниями. Иностранные студенты, особенно из развитых стран, к нам не поедут. Изменить эту ситуацию можно только с помощью образования.

Динамично развивающиеся технологии и экономика, появление новых продуктов научно-технической мысли, повышение мобильности населения планеты влекут за собой новые вызовы. Уже в наше время, не говоря о будущем, нельзя приобрести специальность и считать, что это на всю жизнь. Будут отмирать профессии и появляться новые, будет происходить перераспределение востребованности профессий на рынке труда. Нынешний глобальный финансовый кризис — подтверждение тому. Необходимо быть готовым менять специальности, осваивать что-то новое.

Наша ключевая задача на сегодня — научить граждан учиться на протяжении всей жизни. Система дополнительного профессионального образования всех уровней должна чутко реагировать на запросы жизни и предлагать широкий спектр программ всех видов — от переподготовки и повышения квалификации до второго высшего образования и магистратуры. Только постоянное обновление знаний и компетенций может служить залогом успешности личности и, в конечном итоге, всего государства.

Резюмируя все сказанное, хочу подчеркнуть, что российская система образования в целом должна готовить наших граждан к условиям жизни в полиэтничном, поликультурном, толерантном открытом сообществе. От эффективности этой работы зависят устойчивость нашего общества и государства, его способность к дальнейшему, не отягощенному межнациональными напряжениями и конфликтами развитию. От эффективности этой работы зависят будущая судьба выпускников профессионального образования, их конкурентоспособность на рынке труда.

П. А. Минакир¹

РОССИЯ–КИТАЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ: НЕОЖИДАННАЯ УГРОЗА ИЛИ ГРОЗНЫЕ ОЖИДАНИЯ

Интенсивно происходящее с начала 1990-х годов проникновение Китая на территорию Приамурья и Приморского края неравномерно по масштабам и формам, но является до настоящего времени существенной константой, определяющей уже сейчас и в большей степени в будущем характер и возможности экономического и политического контроля России над этими территориями.

Попытки противодействовать проникновению не приносят ощутимого результата, так как России с китайской стороны противостоит организованная и мотивированная политически и экономически государственная программа.

Периодические истерики в СМИ и драматические призывы ангажированных экспертов только накаляют обстановку, создавая в обществе настроения подспудной обреченности, ощущение неизбежности проигрыша активным, напористым, организованным и пользующимся государственной поддержкой китайцам. Тем более что подобные истерики, как правило, искажают реальность, являются театральными и направлены больше на обеспечение рейтинга отдельных изданий, политиков и «экспертов».

Соседей не выбирают, тем более что в XIX веке Россия не просто сознательно закрепила на берегах Амура и Усури, она долгое время стремилась к этому. С выходом на берега Тихого океана в акватории Японского моря Россия в самом деле превратилась в страну, связывающую две мировые культуры, две ветви цивилизации — европейскую и китайскую. Оставляя в стороне даже весьма привлекательные экономические последствия такого шага, следует помнить о том, что с культурной точки зрения Россия тем самым стала подлинно уникальным государственным и национальным образованием, обреченным на терпимость и мультинациональное, мультикультурное развитие не только во внутрисоциальном, но и в глобальном значении.

Долгое время Россия в отношении Китая была «старшим братом» в экономическом, технологическом, военном и культурном смысле. Ситуация стала меняться с начала 1980-х годов, когда Китай приступил к широкомасштабному и глубокому реформированию экономики, что затем распространилось (весьма постепенно) и на основные общественно-политические институты. Россия потеряла много времени, пытаясь осуществить примерно такой же массив реформ в обратной последовательности — сначала модернизировать общественно-политические институты, а только потом изменить экономические институты и механизмы. Ирония истории заключается в том, что самая ортодоксальная в смысле марксистско-ленинской идеологии страна в самый ответственный момент неожиданно отказалась от незыблемого до тех пор принципа главенства производственных отношений. Зато самая «оппортунистическая» единица мирового социалистического движения этот принцип не только восстановила, но и приняла в качестве руководящего постулата всех последующих шагов. Вероятно, в этом проявилась большая зрелость китайской базовой философской и политической культуры.

Основное беспокойство как российского общества, так и средств массовой информации вызывает растущая экономическая зависимость российского Дальнего Вос-

тока от китайского рынка, а также прогрессирующее опустынивание Дальнего Востока России. Действительно, на первый взгляд беспокоиться есть о чем. Если до 1991 года внешняя торговля с Китаем практически отсутствовала, то к настоящему времени около 20 % внешнеторгового оборота Дальнего Востока России — это товарооборот с Китаем. При этом 36 % всех импортных поставок на Дальний Восток — поставки с китайского рынка. Вместе с тем доля японского рынка даже выше китайского по показателю внешнеторгового оборота и лишь немного уступает (30 %) по показателю стоимости импорта. Следует также учесть, что Китай уже давно превратился в «фабрику» для всего мира по целому ряду товаров, и это факт экономической жизни, сравнительной ценовой конкурентоспособности. С численностью населения Дальнего Востока тоже проблема очевидна. По сравнению с 1991 годом численность населения региона сократилась на 1600 тыс. человек и сейчас составляет 6,5 млн человек. А население приграничных провинций Китая превышает 100 млн человек. Но, во-первых, в собственно приграничных районах Дальнего Востока (Приморский и Хабаровский края, Амурская область) население сократилось приблизительно на 500 тыс. человек. Во-вторых, проблема с населением характерна для России в целом, все население которой едва превышает 140 млн человек. Нельзя же, в самом деле, обсуждать возможность переселения на китайскую границу практически всего российского населения ради поддержания численного баланса в населении. А если нет, то уменьшение или увеличение на 500 тыс. человек численности населения в приграничных регионах Дальнего Востока самостоятельным и серьезным поводом для паники быть не может.

Скорее следует задуматься о том, почему Россия постоянно оказывается в роли учителя, который не желает воспользоваться плодами собственных знаний, а через некоторое время с почтением констатирует, что надо бы позаимствовать чужой положительный опыт. Похоже, что именно так в скором времени может произойти и с программным планированием регионального развития, которое с конца 1970-х годов стремительно развивалось в России. Особо положительных результатов из-за экспертно-чиновничьего скепсиса так и не удалось добиться. А вот в Китае опыт, похоже, привился. Совсем недавно там появилась государственная программа «План возрождения Северо-Восточного Китая», подготовленная Государственным комитетом по национальному развитию и реформе, Канцелярией руководящей группы по возрождению Северо-Восточного Китая и других старых промышленных баз Госсовета КНР.

В соответствии с этой программой в течение 10–15 лет Северо-Восточный Китай должен стать «важнейшим локомотивом роста, характеризующимся внушительной экономической силой, относительной целостностью социальных институтов и систем, рациональной промышленной структурой, сбалансированностью роста региональной экономики, устойчивым развитием “ресурсных” городов и гармоничной социальной средой». Программа ставит конкретные и достижимые цели, например модернизация производственной базы для производства конкурентоспособного на мировом рынке промышленного оборудования, превращение Северо-Восточного Китая в национального поставщика новых материалов и энергии, базу технологического развития и инноваций, стратегическую зону экологической безопасности и базу национального значения по поставкам сельскохозяйственной продукции.

¹ Академик РАН, директор Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН (Владивосток), член Бюро Отделения общественных наук РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 300 научных работ, в том числе книг: «Экономическое развитие региона: программный подход», «Системные трансформации в экономике», «Экономика регионов: Дальний Восток», «Финансовые кризисы на развивающихся рынках» и др.

Пока мы с некоторым удивлением и недоверием раздумываем относительно возможных последствий для России реализации этой программы. Через некоторое время ее результаты превратятся, возможно, в ощутимую проблему для нас, хотя и сейчас уже проблем хватает. Сохраняя принятую терминологию, можно квалифицировать возможные угрозы следующим образом:

— переселение на Дальний Восток значительных масс китайцев (называются разные цифры, до 2 млн человек уже в настоящее время), которые де-факто образуют собственный анклав в регионе;

— развитие политической обстановки по сценарию Косово, то есть предъявление требований политическоего самоопределения концентрированного китайского населения, что приведет к потере Россией южных территорий Дальнего Востока, то есть вернет ситуацию к середине XIX века;

— «тихий захват» экономики и недвижимости, земли, что превратит Дальний Восток фактически в экономическую колонию Китая;

— превращение Дальнего Востока РФ в сырьевую колонию Китая, что фактически окончательно «оторвет» регион от России в экономическом отношении;

— чрезмерное «замыкание» экономики региона на китайский рынок, что будет означать фактическую изоляцию России от остального азиатского мира, прежде всего от Японии, стран АСЕАН, США, Канады (в экономическом отношении) и жестко привяжет экономику Дальнего Востока России к китайскому воспроизводственному и конъюнктурному циклу;

— финансовый захват (скупка) основных сырьевых запасов в регионе (интересных экономически для Китая), что лишит регион и Россию в целом значительной части суверенности в распоряжении и использовании своего природного потенциала;

— вероятность долговременной фиксации сложившейся экономической структуры региона и товарной структуры внешней торговли, что будет означать прогрессирующее перераспределение экономической и торговой ренты в пользу Китая;

— возврат территорий южного Приамурья и Приморского края в состав Китая по силовому сценарию, учитывая постоянное усиление как экономического, так и военного потенциала Китая, а также вероятное увеличение агрессивной компоненты в геополитической стратегии КНР по мере усиления китайского влияния в мировой экономике и политике.

Какие существуют угрозы реального характера?

Вероятность силового сценария реставрации китайского суверенитета над южным Приамурьем и Приморским краем представляется чрезвычайно низкой. Эпоха военно-колониальных захватов давно закончилась, и в современном мире существует множество механизмов, предотвращающих подобные сценарии. Кроме того, любой сколько-нибудь масштабный военный конфликт между ядерными державами исключен в принципе.

Вероятность массового переселения китайского населения в Приамурье и Приморский край является более вероятным сценарием. Однако его реализация при прочих равных условиях зависит от эффективности и целей регулирования миграционной ситуации самой Россией. Подобное переселение при определенных условиях может оказаться положительным фактором для развития региона в случае, если такое развитие будет происходить по монотонно возрастающей траектории. Основным фактором роста при этом будет физический прирост численности занятых, то есть упор будет сделан на развитие трудоемких производств. Скорее всего, подобное предположение вряд ли реалистично, учитывая уже объявленные и разра-

батываемые декларации и намерения в различных документах, касающихся перспектив социально-экономического развития Дальнего Востока. Следовательно, угроза массового переселения китайцев если и реализуема, то вполне контролируема.

Угроза изменения политического режима в результате спровоцированного изнутри военно-политического переворота (Косовский сценарий) также, очевидно, существует лишь гипотетически. Во-первых, в случае если Россия сама допустит массированную легальную иммиграцию из Китая, а во-вторых, если при этом не будут быстро и жестко созданы условия, обеспечивающие полную ассимиляцию пришлое китайского населения и его абсолютную политическую и культурную идентичность с гражданами других национальностей. Часто встречающиеся ссылки на то, что ассимилированность китайского населения в США, Европе, Канаде, где оно не создавало и не создает угроз территориальному и политическому суверенитету заселяемых территорий, не могут служить доводом в случае российского Дальнего Востока. Однако следует учитывать наличие концентрированных китайских анклавов в Малайзии, Таиланде, Сингапуре, которые, как и Россия, расположены в непосредственном контакте с китайской метрополией, но там не возникало и не возникает «косовских» прецедентов. Иными словами, косовский сценарий в принципе возможен, но его реализация в значительной большей степени зависит от действий или бездействия самой России, чем от Китая и потенциальных китайских мигрантов на Дальнем Востоке.

Значительно более реальной угрозой является вероятность установления контроля над дальневосточным бизнесом и недвижимостью. При этом наибольшую опасность представляет контроль не над крупными объектами и предприятиями, что легко контролировать, а над мельчайшим, мелким и средним бизнесом, а также приобретение «малыми порциями» (как правило, через подставных лиц) жилой и коммерческой недвижимости, земельных участков. Реальная опасность при этом заключается в том, что вслед за финансовыми потоками последуют потоки людские, но так как они будут привязаны к реальной собственности и реальному бизнесу, их влияние на экономическую и социально-культурную ситуацию на Дальнем Востоке будет возрастать пропорционально доле китайского бизнеса в общем экономическом обороте и даже быстрее, учитывая чрезвычайную деловую агрессивность, трудолюбие и целеустремленность китайцев, что делает их сильными конкурентами отечественным предпринимателям и в целом населению. Особая опасность при этом связана с тем, что вероятные экономические мигранты из Китая — это выходцы из северо-восточных провинций, значительно уступающих южным и приморским провинциям Китая с точки зрения образовательного ценза, уровня культуры, этических норм, поведения в быту и т. д. Это может радикально изменить как сам бизнес, так и в целом дальневосточное общество, сделав их более примитивными, соответственно резко ослабив потенциал адаптации в быстро меняющейся экономической и технологической обстановке, принципиально осложнив конкурентоспособность на всех рынках, кроме китайского.

Весьма реальной является угроза трансформации экономики Дальнего Востока в сегмент общеазиатского рынка, а точнее превращение экономики Дальнего Востока в сырьевую базу и транспортно-логистический центр по снабжению китайской промышленности сырьем, транспортной переброске китайской продукции на другие территориальные рынки и одновременно в рынок сбыта продукции китайской перерабатывающей промышленности. При этом каких-либо кооперационных выгод, например

получения гарантированных китайских заказов для обрабатывающей промышленности самого Дальнего Востока, не будет. Вероятность такого развития событий велика, поскольку внешний спрос является и для промышленности, и для транспорта Дальнего Востока критически важным условием роста. Высокие темпы развития Китая и его агрессивная внешняя экономическая политика, создающая хорошие условия для китайского бизнеса по экономической аннексии сравнительно слабых приграничных территорий, создают объективную основу для все большего смещения этого внешнего спроса по направлению к Китаю. Отсутствие контригры, выраженной в акцентированной экономической политике России на Дальнем Востоке, вполне может привести к созданию подобной ситуации «по умолчанию».

В случае если экономическая концепция Китая, предусматривающая использование накопленных резервов и всего имеющегося потенциала китайской экономики для реставрации в послекризисный период глобальных экономических взаимосвязей по типу докризисной мировой экономики, окажется успешной и будет реализована, восстановленный экономический рост Китая вполне способен через определенное время поглотить существенную часть мировых сырьевых ресурсов. В этом смысле Дальний Восток как сырьевая провинция Северо-Восточной Азии вполне вероятно может трансформироваться в сырьевую провинцию Китая по тем компонентам запасов сырья, по которым эта страна испытывает напряженность при формировании своих натуральных балансов. Этому будет способствовать то, что сохранение докризисной модели глобальных торговых и финансовых потоков означало бы дальнейшее увеличение финансового потенциала Китая. Последнее облегчило бы ему задачу экономической аннексии (в форме концессий, приобретения активов, прямых инвестиций, долговременных соглашений) на сырьевых рынках. С этой точки зрения у России есть определенные возможности противодействовать подобному сценарию, так как в случае действительной рес-

таврации докризисного экономического глобального порядка (что, впрочем, представляется сомнительным) Россия также сохранится как заметный игрок на сырьевых рынках мира. Это будет означать аккумуляцию Россией в среднесрочном периоде существенных финансовых ресурсов, что может быть использовано для активизации собственной политики противодействия китайскому экспансионизму на сырьевых рынках. Однако подобная угроза реальна, и ее устранение требует эффективных быстрых решений.

Столь же реальной является угроза длительной консервации отсталой экономической структуры Дальнего Востока на фоне быстрого экономического роста Китая. Увеличение его спроса на сырьевые ресурсы будет провоцировать перераспределение ресурсов накопления на Дальнем Востоке и в России в целом в сырьевые сектора. Это приведет, конечно, к дрейфу экономической структуры в сторону сравнительно примитивных добывающих секторов при нехватке ресурсов для облагораживания структуры. Парировать данную угрозу, полагаясь только на рыночные механизмы регулирования, скорее всего, окажется невозможным, так как фактор минимизации упущенной выгоды будет объективно препятствовать блокированию перераспределения ресурсов накопления в пользу добывающих отраслей. Следовательно, отразить эту угрозу возможно только в рамках целенаправленной государственной экономической политики, в которой противодействие китайскому экономическому экспансионизму — явная формализованная цель.

Даже реальные угрозы являются таковыми лишь в том случае, если относиться к ним как к проявлению чуждой культуры. Но истинная задача заключается в том, чтобы осознать, а затем и действовать в соответствии с убеждением и пониманием того, что миссия России и единственная возможность для нее конструктивно сотрудничать в Восточной Азии — сохранение поликультурности, настраивая на синтез культур в условиях дальневосточного перекрестка мира.

А. Д. Некипелов¹

ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ

сит экономические отношения к «базису», а все остальные сегменты общества, включая культуру, — к «надстройке». Встречаются и в некотором смысле противоположные устремления противопоставить «высокую» сферу культуры «низменной» экономической. Общее для всех этих подходов состоит в том, что речь идет о взаимодействиях на границах двух самостоятельных сфер, а не о их взаимопроникновении.

Было бы, конечно, ошибкой утверждать, что тенденция к целостному анализу экономики и культуры отсутствует вовсе: давно укоренившееся в гуманитарной науке понятие «материальной культуры» говорит само за себя. И все же эта тенденция не стала господствующей, определяющей сам подход к исследованию в различных научных дисциплинах. Иллюстрации этого утверждения, а также формулированию некоторых вытекающих из него задач применительно к экономической теории и посвящена настоящая статья.

Экономическая наука, как известно, исследует процессы, связанные с использованием ограниченных ресурсов, пригодных для удовлетворения потребностей как отдельных людей, так и общества в целом. При этом «экономическая наука» — собирательное понятие, поскольку оно

Обычно экономика и культура рассматриваются как самостоятельные сферы общественной жизни, развитие которых происходит в соответствии с их внутренней природой. Конечно, взаимное влияние этих сфер друг на друга признается всеми, но при этом импульсы, идущие от одной области социума, рассматриваются как чисто внешние для другой. Ясно, например, что изменение культурного уровня населения не может не сказываться на эффективности его производственной деятельности. Точно так же не подлежит сомнению, что масштаб финансовых ресурсов, выделяемых на развитие культурной сферы, в существенной степени определяет ее состояние. Имеют место и попытки «иерархизировать» отношения экономики и культуры. Известно, что марксистская социология отно-

¹ Академик РАН, вице-президент РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП.

Автор более 200 научных трудов: «Очерки по экономике посткоммунизма», «Становление и функционирование экономических институтов: от "робинзоады" до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве», «Новая Российская энциклопедия: в 12 т.» (в соавт.), «Теория и история цивилизаций» (в соавт.); научных статей «Глобализация и постсоциалистические страны: некоторые теоретические вопросы», «К вопросу о рационализации отношений собственности в российской экономике» и др.

охватывает большое количество дисциплин, относящихся к двум крупным, качественно различным группам наук. А. Пигу, известный английский экономист первой трети XX века, характеризовал их следующим образом: «...чистая экономическая теория должна изучать равновесие и его нарушения среди групп лиц, деятельность которых вызвана любым множеством мотивов x . В ее рамки наряду с многочисленными другими подразделами попадут и политическая экономия Адама Смита, в которой x придается значение мотивов, приписываемых экономическому — или нормальному — человеку, и несмитовская политическая экономия, соответствующая геометрии Лобачевского, в которой x состоит из трудолюбия и ненависти к доходам. Противоположное положение этой чистой науке занимает реалистическая экономика, чей интерес сосредоточен на мире, известном из опыта, и ни в коей мере не простирается до изучения коммерческих деяний общины ангелов»¹.

В современной экономической науке, в отличие от концепции А. Пигу, так называемая «чистая теория» не противопоставляется реалистическим экономическим дисциплинам. Более или менее признано, что «чистая теория», построенная на аксиоматических основах, является абсолютно необходимой для содержательной интерпретации функциональных зависимостей, выявляемых в результате исследования конкретного экономического объекта. Поэтому в приведенной цитате интерес сегодня представляет не снисходительное отношение автора к «чистой теории», а его понимание, что последняя строится на фундаменте исходных предположений о природе человеческих устремлений. При этом А. Пигу явно солидаризируется со смитовской концепцией «экономического человека» и иронизирует над представлением о людях как членах «общины ангелов».

Концепция «экономического человека» базируется на утверждении, в соответствии с которым член общества безразличен ко всему, что не входит в состав его собственного потребления. Эта отправная точка позволила построить логически стройную модель рыночной экономики (то есть экономики, основанной на частной собственности как на предметах потребления, так и на факторах производства и на личной свободе членов общества), в том числе определить сферы возможных «провалов рынка». Более того, из теории, построенной на основе аксиомы об «экономическом человеке», вытекает очень важный, хотя не всегда осознаваемый вывод: сам рыночный механизм способен выявлять исключительно «эгоистическую» компоненту человеческих потребностей.

Очень важно обратить внимание на то, что концепция «экономического человека» предполагает наличие у хозяйствующего субъекта определенной ценностной установки: ведь стремление к максимизации собственного потребления — это, несомненно, разновидность ценностной установки. В этом смысле культурная составляющая интегрирована в самое сердце экономической теории. Не случайно, для общества, члены которого являются «экономическими людьми», присуще собственное определение коллективного (общественного) блага. Последнее будет достигаться тогда, когда экономическая система оказывается в состоянии общего равновесия.

Хорошо известна крылатая фраза А. Смита о «невидимой руке рынка», благодаря которой действия индивидов, направленные на повышение собственного благосостояния, приводят в условиях конкурентной экономики к реализации *общественного блага*. Именно так трактует этот вопрос и раздел современной микроэкономической теории «экономика благосостояния». При этом равновес-

ная рыночная цена отождествляется с величиной «*общественной полезности*» соответствующего блага и «*общественными издержками*» его производства. «Смитовскому» пониманию общественного блага соответствует и содержание фундаментального для экономической теории понятия «эффективности, по Парето». Последняя обеспечивается тогда, когда нельзя, перегруппировав ресурсы, улучшить положение кого-либо из членов общества, одновременно не ухудшив положения кого-то иного. Такая нормативная установка должна устраивать всех, кто признает неизбежность частной собственности и принципа индивидуальной свободы; при этом важно, что «эффективность, по Парето» свойственна как раз состоянию общего равновесия.

Известно, что при одном и том же совокупном объеме ресурсов параметры общего равновесия (цены, структура производства, факторные доходы) могут быть самыми разными, так как они прямо зависят от исходного распределения факторов производства между членами общества, или, что то же, — от конфигурации имущественных отношений. В этом одно из отличий от модели благосостояния отдельного человека (потребителя), ведь точка максимизации функции полезности последнего зависит от структуры его предпочтений и общего объема располагаемых им ресурсов. Поэтому естественной представляется идея говорить не о *самостоятельной системе предпочтений группы* (общества), а о *согласовании интересов* ее членов².

Но нередко общественное благосостояние в условиях рыночной системы определяется через значение того или иного макроэкономического показателя, чаще всего — валового внутреннего продукта. По принципу: чем больше ВВП, тем выше общественное благосостояние. Несложно заметить, что такой подход качественно отличен от подхода, ориентирующегося в поисках «коллективного счастья» на общее равновесие. Ведь в ценностном макроэкономическом показателе, каковым является ВВП, исчезают «детали», касающиеся структурных характеристик экономической системы. В этом смысле «скалярный подход», реализуемый в макроэкономических исследованиях, связан с существенными упрощениями, которые, с одной стороны, заметно облегчают его применение, а с другой — придают его результатам не более чем ориентировочный характер.

Как бы то ни было, традиционно основные усилия экономической науки были направлены на исследование рыночной экономики с ее «экономическими людьми». В результате сама экономика начала зачастую отождествляться с рынком, а экономические науки — с науками о рыночной экономике. Именно отсюда проистекает нередкое противопоставление экономических и неэкономических (политических, социальных, культурных) факторов развития общества. Это, часто неосознанно, имеет место тогда, когда ставится вопрос о необходимости учета при принятии решений не только экономических, но и политических, социальных, нравственных соображений.

Такая узкая трактовка предмета экономической теории свойственна значительной части экономистов. Именно поэтому столь укорененным оказалось отношение к государству как по сути своей неэкономическому институту и, в этом смысле, «необходимому злу», с существованием которого экономистам приходится считаться. Точно так же «внешними» по отношению к задачам экономических исследований оказываются вопросы, связанные с учетом ценностных установок, отличающихся от тех, которые присущи «экономическому человеку». На этой основе в экономической теории утвердилось известное разграничение «позитивного» и «нормативного» анализа.

¹ Pigou A. C. The Economics of Welfare. Macmillan and Co. 4th. ed. L., 1932. Ch. 1.

² См.: Некипелов А. Становление и функционирование экономических институтов : от «робинзонады» до экономики, основанной на индивидуальном производстве. М., 2006. С. 254–272.

Но если такая позиция является господствующей в экономической науке, стоит ли удивляться тому, что представители других общественных и гуманитарных дисциплин утверждают во мнении, что вне поля внимания экономистов, претендующих на анализ ключевых условий общественного развития, остаются его важнейшие факторы? Вполне естественно, что выдающийся культуролог академик Д. С. Лихачев, понимая, что реальный человек гораздо богаче, чем «экономический человек» А. Смита, не проявлял особого интереса к экономическим исследованиям¹.

Вытекает ли из этого, что гипотеза «экономического человека» завела экономическую теорию в тупик и перед теми, кто работает в этой области, стоит задача ее воссоздания с «чистого листа»?

Убежден, что ответ должен быть отрицательным. Современная экономическая наука доказала свою способность давать точные оценки многих сторон хозяйственного развития. И это не случайно, ведь люди в большей или меньшей степени обладают качествами «экономического человека» и им отнюдь не чуждо стремление к максимизации уровня собственного благосостояния.

В то же время природа человека не сводится исключительно к инстинкту потребления. В систему предпочтений каждого из нас входит то или иное отношение к состоянию различных сторон окружающего мира, и мы нередко готовы пожертвовать частью индивидуального потребления ради таких «неэкономических» целей, как, скажем, справедливость распределения доходов в обществе. В этом смысле «эффективность, по Парето» отнюдь не является идеалом для многих из нас.

Нужно, следовательно, включить в индивидуальные функции благосостояния их «неэгоистическую» составляющую и на этой основе надстроить над современным «мейнстримом» (а не построить на его месте) дополнительный «этаж». Это — очень большая и сложная работа, но некоторые ее особенности ясны уже сейчас. Например, нет сомнений в том, что на этом «втором этаже» государство и многие институты гражданского общества будут не «незваными гостями», а полноправными участниками экономического процесса, корректирующими «неполноту» рынка как механизма выявления и согласования индивидуальных интересов.

Близкие к этому идеи возникали и раньше. Сошлось здесь на работы выдающегося американского экономиста Дж. К. Гэлбрейта и прежде всего на одну из его последних книг «Общество благоденствия. Гуманитарная повестка дня»². Но, увы, сломать жесткие рамки «мейнстрима» они пока не смогли.

Между тем актуальность именно такого пути развития экономической теории, на мой взгляд, особенно очевидна в условиях обострения (а возможно, и вступления в кризисную стадию) ряда глобальных процессов, регулирование которых на сугубо рыночной основе просто невозможно. Речь идет о вызванных человеческой деятельностью разрушениях экологических систем и климатических изменениях, о невозможности энергетического обеспечения нынешней траектории развития мировой экономики, о преодолении ужасающей бедности огромного количества людей, помимо всего прочего провоцирующей и подпитывающей такие экстремальные процессы, как терроризм.

И наконец, последнее. Было бы ошибкой полагать, что предлагаемое направление развития экономической теории направлено на поглощение ею других обществоведческих и гуманитарных дисциплин. Это и невозможно, и не нужно. Что важно, так это сломать искусственную стену между экономической и другими общественно-гуманитарными науками, возникшую в связи со ставшей уже традиционной апелляцией экономистов почти исключительно к корыстным сторонам человеческой природы. И тогда экономическая теория получит возможность органично опираться в своих построениях, так или иначе ориентированных на решение проблемы размещения ограниченных ресурсов, на фундаментальные достижения философов, культурологов, психологов, социологов, политологов.

В более широком смысле речь идет об изменении глубоко укоренившейся привычки рассматривать социум как совокупность обособленных, взаимодействующих лишь «на стыках» подсистем — политической, экономической и культурной. В новой парадигме отличие между отдельными гуманитарно-общественными дисциплинами должно заключаться не в том, что они исследуют «разные части» общества, а в том, что они рассматривают один и тот же объект — общество — под разными углами зрения.

Н. А. Никандров³

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР

В 1992 году и неоднократно изменялся поправками. Там это понятие — основное в рамках данного закона — определено как «воспитание и обучение в интересах человека, общества и государства».

Но легко понять, что здесь, как и в других предметных областях, возможны самые разные подходы в зависимости от того, с какой стороны, в каком ракурсе, с каких позиций рассматривается предмет. Можно провести аналогию с разграничением объекта и предмета исследования в науке. Хотя и здесь возможны различные подходы и определения, традиционно считается, что объект лишь выбирается из некоторой области практики, сам по себе он не зависит от исследователя («дан объективно», если пренебречь некоторой тавтологией). Напротив, предмет исследования — это определенное творчество исследователя, он конструируется хотя бы в том смысле, что исследователь активно выбирает точку зрения, позицию, подход, благодаря которым один и тот же объект предстает

Поскольку образование в педагогическом плане есть область гуманитарного знания, легко предположить, что должно быть немало его определений. Для практических целей представляется вполне приемлемым то предельно общее определение, которое дано в соответствующем российском Законе «Об образовании», который был при-

¹ См.: *Записки А. С. Экономические воззрения академика Д. С. Лихачева (последствие к празднованию 100-летия)* // Труд и социальные отношения. 2007. № 4.

² Galbraith J. K. *The Good Society. The Humane Agenda*. Boston; N. Y., 1996.

³ Президент Российской академии образования (с 1997 г.), академик РАО, доктор педагогических наук, профессор.

Автор более 300 научных работ, в том числе «Педагогика высшей школы», «Организация учебно-воспитательного процесса в педагогическом институте», «Введение в специальность», «Программированное обучение и идеи кибернетики», «Воспитание ценностей: российский вариант», «Россия: ценности общества на рубеже XXI века», «Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий», «Общие основы педагогики», «Менеджмент, маркетинг и экономика образования» и др.

Лауреат премий Президента РФ и Правительства РФ в области образования.

существенно по-разному. Частая схема такого рассматривания есть «А (рассматриваемое) как Б», и ниже мы рассмотрим образование как диалог культур.

Такое рассмотрение не является чистым произволом, игрой ума. Основания для него, безусловно, есть. В мире всегда было несколько цивилизаций и много культур; они сменяли друг друга, взаимодействовали, мирно сосуществовали и боролись друг с другом. В краткой статье о современности нет возможности углубляться в историю, но некоторые исторические факты важны для понимания и нашей современности.

Так, когда-то предполагалось, что человек сохраняет свою культуру независимо от мирной или насильственной смены места жительства. *Coelum, non animam mutant, qui trans mare currunt* (Небо, а не душу меняют те, кто бежит за море), — так об этом сказано в древнем латинском изречении. Сейчас, через две тысячи лет, мы находим сходные тому примеры, когда в зарубежных российских семьях пятые поколения эмигрантов говорят по-русски (пусть и с сильным акцентом) и ходят в православные храмы. Но стоит вспомнить, что сами римляне, покорив Грецию, не только восприняли ее культуру, но и признали ее более высокой уровень.

Другой широко известный пример из гораздо более поздней истории — знаменитая теория и практика «плавильного котла» в США. Когда-то «отцы-основатели» Североамериканских Соединенных Штатов принесли на континент европейскую англоязычную культуру, уничтожили и поработили многих местных жителей, практически подавили их культуру, а позднее поставили задачей обращать каждого иммигранта в «настоящего американца», ассимилировавшего новую культуру США. С заметным, впрочем, исключением: как в Древнем мире, так и в США вплоть до середины XIX века (точнее, до конца 1860-х гг., когда было отменено рабство) все это касалось свободных людей. Рабы, «говорящие орудия», как считалось, в особой культуре не нуждались. Кстати, в России крепостное право было отменено на несколько лет раньше, чем рабство в США. Зная об очень низком культурном уровне крепостных, надо все же помнить, что это была своя культура, не привнесенная, а возникшая под «своим небом», а не под чужим.

Можно вспомнить немало интересных фактов об экспорте и импорте культур, о подавлении культур, о культурном империализме и т. д. И нельзя сказать, что все это уже кануло в Лету, стало просто фактами истории. Обширная литература описывает вполне современные факты такого рода применительно к некоторым культурам Африки, Австралии, Азии, Северной и Южной Америк. И все же теперь ключевым словом для процессов взаимодействия культур и образования различных стран и народов является «глобализация». Глобализация с ее всеми признаваемыми — но в разных степени и соотношении — плюсами и минусами (С. А. Тангян¹).

В последние годы в России появилось немало интересных работ, в которых проведены сравнения культурно-образовательной политики в разных странах (И. В. Балицкая, О. В. Гукаленко, А. Н. Джурицкий и др.²). В этих исследованиях акцент делается именно на образовательной политике, хотя другие проблемы также затрагиваются. На педагогических проблемах воспитания сосредоточивается Б. Л. Вульфсон, для которого глобализация и встреча культур — условия, в которых совершается процесс вос-

питания³. Надо сказать, что именно этот последний аспект преобладает на Западе, где литература по этим вопросам, но под многими наименованиями и с разными ключевыми словами, появляется уже десятилетия. Хороший ее обзор дан уже в Международной энциклопедии образования Л. Х. Экстрендом (L. H. Ekstrand)⁴.

Видимо, правильно считать, что и вопросы образовательной политики, и вопросы собственно образования и воспитания как его аспекта одинаково важны, хотя имеют разных потребителей. Но, памятуя, что невозможно объять необъятное, посмотрим лишь на то, что более всего, на взгляд автора, касается тех, кто организует и ведет учебный процесс в школе или вузе. И тогда заявленная в названии статьи тема очень близка тому определению, которое дается мультикультурному образованию в упомянутой энциклопедии. Это «образование, обычно формальное (то есть совершающееся в специально созданных институтах. — Н. Н.), в котором задействованы две или более культуры»⁵.

Примем некоторые положения, которые более или менее установились в этом дискурсе (хотя споры все же ведутся и о них). Будем исходить из признания того, что в каком-то смысле существует некое теоретическое понятие и некое вполне реальное образование, которое можно назвать мировой культурой. Что лишь условно можно говорить о развитой или неразвитой культуре, если иметь в виду современность. Культуры просто разные, и, как это признано в международных документах, культуры разных стран и народов равноправны. Если принять эти постулаты (доказывать их в рамках нашего разговора и не нужно, и невозможно), то следуют три вывода. Во-первых, важно и желательно «погружать» человека, особенно молодого, во все богатство мировой культуры, стремиться к тому, чтобы он в какой-то (конечно, весьма различной) мере эту культуру знал. Во-вторых, желательно, чтобы человек воспитывался в терпимости и уважении к другим («чужим») культурам, даже если какая-то из них в целом или какие-то стороны ее представляются ему чуждыми. В-третьих, если образование есть передача культуры от поколения к поколению, то желательно и сам процесс образования целенаправленно строить как диалог культур. В связи с этим показательно еще одно латинское изречение: *Cave hominem unius libri* (Бойся человека одной книги). Как мы бы сказали сейчас, плохо, когда человек жестко ограничен в своем культурном кругозоре одним подходом, немногими источниками, одной жесткой идеологической схемой.

Часть этих вопросов решается как бы сама собой, хотя возможно и целенаправленно акцентировать определенные моменты. Например, изучая какие-то темы в любом предмете любого уровня обучения, учитель (преподаватель, воспитатель) обычно хотя бы кратко расскажет об истории вопроса. Постулаты Эвклида, теорема Пифагора, закон Ома, изобретение пороха или ракеты, двигателя внутреннего сгорания, астрономических систем Птолемея или Коперника — все это дает возможность вспомнить (напомнить) о времени, уровне развития науки и тех, кто ее создавал и развивал. И эти простенькие примеры из школьного курса легко перенести на другие предметы и другие уровни образования, хотя даже в этих ситуациях важно, по крайней мере, чтобы учитель признал такие «вкрапления» в свой основной предмет изложения осмысленными, а не просто потерей времени.

Эти ситуации, в общем, не новы. Когда-то о них говорили в рамках проблемы межпредметных связей, и межкультурный диалог рассматривался прежде всего как

¹ Тангян С. А. Неолиберальная глобализация. Кризис капитализма или американизация планеты? М., 2004.

² Балицкая И. В. Мультикультурное образование в многонациональных странах (опыт США, Канады, Австралии). М., 2008; Гукаленко О. В. Поликультурное образование: теория и практика. Ростов н/Д, 2003; Джурицкий А. Н. Концепции и реалии мультикультурного воспитания: сравнительное исследование. М., 2008; Занесоцкий А. С. Образование: философия, культурология, политика. М., 2002.

³ Вульфсон Б. Л. Актуальные проблемы воспитания в условиях глобализации и встречи культур. М., 2009.

⁴ Ekstrand L. H. Multicultural education // The International Encyclopedia of Education. V. 7. Oxford, 1994. P. 3960–3970.

⁵ Ibid. P. 3960.

способ привить интерес к предмету, способствовать усвоению материала, что вполне правильно. С точки зрения результата не так уж важно, решается ли вопрос попутно с решением других или целенаправленным планированием и методическим действием учителя. Но сам результат (присвоение мировой культуры, терпимость и уважение к другим культурам) может быть выше, если некоторые вопросы заранее решены в культурологическом и педагогическом отношениях.

Представляется, например, что следует выстроить некоторый список приоритетов, то есть решить, какие части содержания образования должны целенаправленно даваться в рамках диалога культур, специального сравнения, а что можно делать иногда и попутно. Важно также решить, каковы здесь должны быть возрастные приоритеты, с чего начинать и на каком этапе развития ребенка. Хорошей основой для таких размышлений являются некоторые международные документы, принятые и нашей страной.

Так, в ст. 26 Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 году, утверждается, что «Образование должно быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам. Образование должно содействовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми народами, расовыми и религиозными группами и должно содействовать деятельности ООН по поддержанию мира». Через 40 лет принятая ЮНЕСКО «Конвенция о правах ребенка» (ст. 29) уже более определенно утверждает некоторые стороны содержания образования: «Государства-участники соглашаются в том, что образование ребенка должно быть направлено на: а) развитие личности, талантов и умственных и физических способностей ребенка в их самом полном объеме; б) воспитание уважения к правам человека и основным свободам, а также принципам, провозглашенным в Уставе ООН; в) воспитание уважения к родителям ребенка, его культурной самобытности, языку и ценностям, к национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает, страны его происхождения и к цивилизациям, отличным от его собственной; г) подготовку ребенка к сознательной жизни в свободном обществе в духе понимания, мира, терпимости, равноправия мужчин и женщин и дружбы между всеми народами, этническими, национальными и религиозными группами, а также лицами из числа коренного населения».

Цитаты длинные, и хотя каждая фраза в этих документах достойна специального рассмотрения и комментария, отметим лишь наиболее важные для нашей темы моменты. В обоих документах делается акцент на развитии человеческой личности, если использовать не очень модную теперь формулировку — на всестороннем развитии личности. Но это возможно только в том случае, если растущий человек «погружается» в самые различные предметные, коммуникативные и языковые ситуации, то есть в ситуации реально организуемого диалога культур.

О предметных ситуациях кратко было сказано выше; эти частные примеры легко распространить и на другие области и уровни образования. Не менее серьезна коммуникативная сторона дела, включая языковую. Целесообразно специально рассказывать, а при возможности показывать и тренировать отдельные стороны общения в разных культурах. Начиная с простейших, иногда забавных примеров («болгары и русские по-разному выражают согласие и несогласие движением головы»), идем к более серьезным ситуациям («в Японии цвет траура белый», «улыбка и поклоны японца» и т. п.). Понятно, что содержание этих примеров, подробность комментариев зависят от многих причин.

Из этих же положений вытекает, что языковые проблемы не должны решаться на сугубо прагматической основе.

В частности, английский язык, действительно, предпочтителен; это наиболее употребительный язык международного общения, основной язык Интернета. Однако данный подход существенно обедняет культурную палитру обучаемых. Это хорошо поняли в США. При достаточно долгой ориентации на «плавильный котел» там так и не приняли закона о государственном языке, и английский язык таковым не является. В то же время в Швейцарии три государственных языка, в Канаде — два, есть и другие подходы.

Из ст. 29 (пункт «с») Конвенции о правах ребенка нельзя не сделать вывод, что даже в условиях реального диалога культур, желательности освоения общечеловеческих ценностей (а всякое воспитание есть воспитание ценностей) все должно начинаться с того, «с чего начинается Родина». Перечисление ценностей в статье явно не случайно, и постоянное «приговаривание» и проговаривание, перечисление общечеловеческих ценностей во многих наших работах никак не меняет этого положения. Но есть другая сторона вопроса о бесспорной значимости общечеловеческих ценностей. Опираясь на диалог культур, можно реально показать, как представители разных культур приносят в сокровищницу общечеловеческих ценностей близкие по смыслу идеи. Особенно хорошо это видно даже на упрощенном (по необходимости для образовательных целей) анализе традиционных религий человечества.

Так, все религии проповедуют добро, сострадание, взаимопомощь. По сути, об этом — все заповеди Ветхого Завета, определявшие нравственное поведение человека по отношению к Богу (первые четыре заповеди) и к другому человеку. В Нагорной проповеди Иисуса Христа (это уже Новый Завет) основным является учение о христианской любви. Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой, — в этом основная суть христианской любви как общечеловеческой ценности. Коран много моложе и Ветхого, и Нового Заветов, но в других словах эта основная мусульманская книга также говорит о любви к ближнему как нравственном императиве: «Аллах любит тех, кто делает добро; Аллах с теми, кто терпеливо сносит (трудности); не делай зла другим, и тебе не сделают зла; если творишь добро, творишь добро для своей собственной души; если творишь зло, делаешь это самому себе». Но еще раньше в древнеегипетской Книге мертвых, которая должна была сопровождать человека в иной мир, сказано о том же: «Я делал то, о чем говорят люди, чем довольны боги; я удовлетворил бога тем, что он жаждет; я давал хлеб бедным, воду жаждущим, одежду нагим, переправу тому, кто не имеет лодки...» В буддизме основой всего является учение о страдании, о его прекращении для всех живых существ, о взаимном сострадании. В этих примерах многовековой давности легко увидеть переключку религий и культур, даже независимо от того, будем ли мы считать их боговдохновенными или создадим умом и рук человеческих.

В декабре 2007 года на конференции в Калуге, где присутствовали и высокие представители Русской православной церкви, и министр образования и науки, было принято решение создать школьную образовательную область «Духовно-нравственная культура». Это — реальное отражение того факта, что соответствующая проблема в обществе обострилась, хотя разговор об этом ведется уже давно. Идея в том, чтобы в рамках обязательной области или направления для учащихся был выбор — изучать эти проблемы на базе православия, другой христианской конфессии, ислама, иудаизма или буддизма. Другая возможность — изучать проблемы нравственности и нравственного поведения в рамках «светской этики». Пока соответствующие проблемы изучаются в рамках достаточного

уровня согласия, хотя споры все же продолжают. Но самое главное — и эта предметная область есть хорошая возможность для межкультурного диалога в образовании. Можно сказать и сильнее: в ином варианте она просто невозможна, поскольку будет разделять детей в классе, а не способствовать социальному миру, начиная с «младых ногтей».

Законы Хаммурапи и Солона, Домострой и различные декларации, которые предшествовали революциям или следовали за ними (во Франции, в США, в России и т. д.), так или иначе провозглашали моральные нормы — ценности, включая многие из освященных веками. Вместе с тем понятно, что отождествлять государственные документы и общечеловеческие ценности нельзя. Даже если и не принять в полном объеме утверждение, что государство есть воля господствующего класса, возведенная в закон, даже беря за основу идею общественного договора, — все равно многие провозглашаемые государством ценности суть ценности господствующей группы населения (класса, элиты и т. п.). И это — тоже проблема, хотя бы частично решаемая в рамках образовательного диалога культур. Представить себе в братских объятиях олигарха и бомжа я не могу, поскольку хотя юридически они равноправны, практические их возможности весьма различны. Есть понятие социальной справедливости, есть и простая человеческая зависть. Но какого-то взаимопонимания людей из разных стран весьма разного социального, материального, образовательного уровня диалог культур достичь все-таки позволяет.

Непросто решаются сейчас во многих странах национальные проблемы, часто и жестока национальная нетерпимость. Исторически в этом плане интересно сопоставление католицизма, который распространялся огнем и мечом, и православия, которому удалось избегнуть многих крайностей. Вот, например, как о сострадании всем независимо от религиозной принадлежности в XI веке писал православный святой, настоятель Киево-Печерского монастыря (позднее лавры) Феодосий: «Милостыню же милуй не только свою веру, но и чужую: аще же видишь нагого, голодного, зимою ли, бедою одержима, аще то будет жидовин ли, сорочин ли, болгарин ли, еретик ли, латинин ли, от поганых ли — всякого помилуй, и от беды избави, яко же можеш»¹.

Еще одна идея, легко выявляемая во всех культурах, — идея патриотизма, любви к своей стране, своей большой и малой Родине. И это действительно общечеловеческая идея, хотя в каждом случае это могут быть разные страны. Достаточно посмотреть на историю возникновения, на содержание государственных символов (флаг, герб, гимн) разных стран, как мы увидим воспоминание о значимых для каждой страны исторических событиях, национальных героях, случайно возникших или специально отобранных символов и т. д. Величина и мощь конкретной страны имеют часто лишь второстепенное значение, патриотические песни, легенды, обычаи имеют место и в огромных странах, таких как Россия, и в странах небольших или совсем малых. Сознательное стремление уехать «на ПМЖ» (постоянное место жительства) из своей страны свидетельствует о материальном или моральном неблагополучии страны или/и человека. Изучая в сравнительном плане легенды, сказки, эпос разных стран, различные фразеологизмы при изучении иностранных языков, то есть действуя в условиях образовательного диалога культур, человек становится и гражданином мира, и гражданином — патриотом своей страны. Если использовать несколько подзабытое в политическом смысле слово «уклон», то «уклон» в ту или иную сторону оказывается разрушительным. Гражданин мира превращается в космо-

полита, уважающего только «заграницу», а патриот своей страны — в националиста.

В свете вышесказанного бесспорно, что особое значение диалог культур в образовательной ситуации имеет при изучении гуманитарных дисциплин. Можно даже сказать, что без такого диалога изучение любой гуманитарной дисциплины на любом уровне образования будет в лучшем случае неполным, в худшем — искаженным. В истории нашей страны да и других стран легко найти соответствующие примеры. Относительно безобидны случаи, которые отражены в известном анекдоте о России как «родине слонов», когда совершенно очевидные факты искажаются для доказательства явного превосходства своей страны, культуры, своих достижений. Увы, примеры могут быть совсем не безобидны. Человек/группа людей/общество могут сознательно исключать значимую информацию из другой культуры для превознесения своей или столь же сознательно исключать признаваемую вредной (например, политически) часть культуры своей же страны в целях образования, индоктринации, промывания мозгов — обозначения могут быть очень разные. Разными могут быть и средства. Можно было сжигать «вредные» книги, помещать их в доступные лишь немногим отделы библиотек («спецхраны»), глушить радио- или телепередачи. Можно и оправдывать соответствующие дела самыми добрыми намерениями, например стремлением воспитать патриота. В связи с этим показателен пример фашистской Германии. Й. Геббельс ведал там совсем не Министерством пропаганды, он не был министром пропаганды. Полное название недоброй памяти министерства — Министерство народного просвещения и пропаганды (*Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda*). А было еще работавшее с ним в тесном контакте и взаимодействии Министерство науки, воспитания и народного образования (*Reichsministerium für Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung*). Работа с точки зрения поставленных целей была вполне эффективна. Из этой системы и выходили «истинные арийцы» с «нордическим твердым характером», самое же главное — не обремененные лишними сомнениями и знаниями о других, иных идеях и культурах, убежденные в превосходстве своей расы, нации и культуры. Заставить таких людей действовать жестко, жестоко и даже бесчеловечно было гораздо проще; результаты известны.

Хотелось бы думать, что больше нам — всему миру — такое не грозит. Вместе с тем опасные признаки налицо, и не только где-то «там», но и у нас. Миграционные процессы, стесненное, иногда просто тяжелое материальное положение, особенно в условиях кризиса, избыточное содержание в средствах массовой информации материалов, посвященных всяческого рода насилию, способствуют невротизации населения, подстегивают агрессивность мышления и действия. Можно сколько угодно повторять прописные истины о том, что преступность и, в частности, терроризм не имеют национальности. Но нельзя исключать и того, что часть агрессии будет направлена на «чужих» по нации, культуре, месту проживания и т. д. Разумеется, образовательными методами нельзя решить всего того, что решается правоохранительными органами. Но в долгосрочном плане именно диалог культур через образование может, по крайней мере, несколько смягчить агрессию.

Иногда вспоминают высказывание, что когда идут переговоры, когда люди говорят, пушки молчат. Несколько расширительно понимая это высказывание, есть основания считать, что диалог культур в образовательной ситуации вносит серьезный вклад в решение проблем взаимопонимания, культуры мира, национальной и социальной терпимости.

¹ Цит. по: Дьякова Е. А. Перед праздником. М., 1994. С. 117.

Ю. С. Осипов¹

РОССИЙСКАЯ НАУКА КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Наука — важнейший, во многом решающий фактор современной цивилизации, качественно преобразующий ее лик, оказывающий радикальное воздействие на все стороны жизни современного общества, обеспечивающий социальный, экономический, технический и духовный прогресс человечества. Наука сегодня — органический контекст человеческого бытия, важнейшая предпосылка человеческого мышления и поведения, фактор повседневной жизни личности, который всесторонне воздействует на мировоззрение человека, глубоко трансформируя его мироощущение, мироощущение. Полноценная, эффективно развивающаяся наука — мощный фактор возрастания силы и потенций государства и общества. Наука, научное мышление становятся своеобразной парадигмой современной культуры и современного сознания. Научно-техническая, а затем информационная, компьютерная революции радикально меняют облик современного мира, превращают науку в решающий фактор социокультурного развития.

Наука — та область культуры, которая связана с качественно определенной деятельностью по построению системы знаний о природе, человеке и обществе. Современное научное знание — это гигантская вселенная направлений, школ, дисциплин, различных отраслей знания, каждая из которых выделяет отдельный сектор, сегмент реальности, какую-то часть целостного, универсального жизненного мира человека. Сущность науки, ее сила в том, что научное знание стремится к объективности, общезначимости; опирается, с одной стороны, на эксперимент, а с другой — на теоретические модели; взыскует логической обоснованности и доказательности. Наука стремится познать мир таким, каков он есть, существует сам по себе во всем богатстве своих определений. Не случайно наука как социальный институт и фактор культуры возникла в Новое время, в эпоху кризиса религиозного мировоззрения, и развивалась по мере возрастания потребности общества в объективном, доказательном, общезначимом знании, которое может быть применено на практике.

Наука — специфический тип сознания и деятельности, особый способ отношения к реальности. Многие стороны жизни науки и научного знания могут поэтому быть поняты как диалог в культуре или диалог культур.

Понятие диалога занимает важное место в современном мышлении. Диалог в каком-то смысле — внутреннее, глубинное свойство современного сознания, поведения, общения. Можно даже говорить о «диалоговом характере» современной цивилизации. Не случайно идея диалога представлена в различных областях знания: философии (А. Ф. Лосев, М. М. Бахтин, М. С. Каган), истории культуры (Д. С. Лихачев, В. С. Библиер), семиотике (Ю. М. Лотман), педагогике (А. В. Сухомлинский, А. О. Курганов), психологии (Д. Б. Эльконин). Диалог, и прежде всего диалог культур, — это взаимодействие, взаимоприятие и взаимоотталкивание двух субъектов, полюсов, интеллектуальных феноменов, двух менталитетов с целью достижения взаимопонимания, взаимопроникновения, образования некоего единого проблемного поля.

В каком смысле можно говорить о науке в контексте проблемы диалога культур?

Прежде всего, наука сама может рассматриваться как важнейшая форма диалога ученого с миром реальности, «собеседование» с ней с целью познания и постижения, «выпытывания» ее секретов. Ученым движет жажда раскрыть тайну мироздания.

Первым русским государственным деятелем, осознавшим решающую роль науки, ее незаменимое место в культуре, был Петр I. Не случайно венцом его грандиозной преобразовательной деятельности стал Указ Правительствующего Сената от 8 февраля 1724 года об учреждении Академии наук и художеств. Прилагая титанические усилия, чтобы вырвать Россию из плена отсталости, Петр гениальным чутьем осознал исключительное значение науки в просвещении народа, повышении его цивилизованности, укреплении Российского государства, освоении огромных территорий и несметных богатств, модернизации армии и флота, развитии промышленности и торговли. Познать тайны природы и поставить их на службу россиянам — вот чего жаждал Петр I. Причем он ориентировал науку не только на прикладные, непосредственно практически приложимые знания, но, прежде всего, на знания фундаментальные, теоретические, чего, кстати говоря, не поняли многие его современники и даже сподвижники.

С первых своих шагов российская наука являлась не робким «учеником» мировой науки, а ее органической частью, равноправным участником всемирного диалога познания. Радикально изменился мир за последние три столетия. Трансформировались общественные уклады, менялись политические режимы, идеологии, формы правления. Но сохранялась и развивалась русская наука и ее признанный лидер — Академия наук. В самые тяжелые времена продолжалась деятельность выдающихся ученых в самых различных областях знания. При этом российская наука всегда развивалась в контексте мировой, в живом соучастии с ее проблемами и тенденциями. Особую роль диалог отечественной и мировой науки приобретает сегодня, в условиях экономической, экологической, информационной и культурной глобализации социальных процессов в современном человечестве.

Российская наука — это всегда напряженное взаимодействие, диалог естественно-научного и социогуманитарного знания. Как известно, в российской науке XX века получили блестящее развитие математика, механика, физика химия, биология, науки о Земле, техническое знание. Неоценима роль научно-технического и естественно-научного знания в постижении природы, использовании ее сил на благо человека. Но российская наука всегда понимала исключительное значение гуманитарного знания, важнейшего элемента духовной культуры. Вопреки всем бедам и трагедиям, на которые оказался так щедр XX век, гуманитарные и общественные науки в России продолжали развиваться, существовать, образуя напряженное духовно-интеллектуальное поле культуры, вновь и вновь возрождая и поддерживая идеи человечности и гуманизма. При всем понимании значения науки в целом, несомненно, что именно гуманитарные знания играют решающую роль в формировании духовного мира личности, поддерживают и преемственно передают фундаментальные основы национального самосознания народа, осуществляют эмоционально-нравственное воспитание.

Для российской науки характерно именно сотрудничество, обоюдоважный диалог гуманитарных и естественных наук (не говоря уже о том, что противоположность

¹ Президент Российской академии наук, академик РАН, доктор физико-математических наук, профессор.

Автор более 150 научных работ и монографий. Член Совета безопасности при Президенте РФ, Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ. Главный редактор журналов «Вестник Российской академии наук», «Вычислительная математика и математическая физика», «Доклады Академии наук»; председатель, член ряда правительственных, научных и общественных советов. Почетный член и доктор многих иностранных и национальных академий наук.

их сегодня во многом начинает приобретать относительный характер). Энциклопедичность, стремление к «цельному знанию», жажда охватить мир с различных сторон, с точки зрения разных наук, навести мосты между ними — все это характеризует русскую науку. Вполне закономерно поэтому, что отечественная наука органически включает в себя многие и многие имена ученых, отличающихся широкоохватным подходом к мирозданию, энциклопедичностью и профессиональной многосторонностью, сделавших выдающиеся открытия в самых различных областях. Родоначальник тут, конечно, гениальный Михаил Васильевич Ломоносов. Недаром другой российский гений — Александр Сергеевич Пушкин — назвал его «первым русским университетом». Механика, физика, химия, минералогия, астрономия, история, филология, поэзия... И все эти области знания не были для Ломоносова разрозненными фрагментами. Они сливались у него в единую картину мироздания, пронизанную стройностью и гармонией, внутренне связанную, рождавшую восторг и удивление перед совершенством мира.

Всесторонне энциклопедичен был Павел Флоренский — мыслитель, ученый, погибший в сталинских лагерях. Он занимался физикой, космологией, почвоведением, был специалистом по диэлектрикам, являлся одним из разработчиков плана электрификации России. И одновременно — философия, богословие, искусство. При этом проблемы и государственности, и науки, и художественного творчества соединялись у него в едином универсальном мировоззрении, органически сочетавшим природное, антропологическое, культурное, а также естественно-научное и гуманитарное. Все это многообразие, пронизанное идеями жизни и творчества, сливалось с верой в единую основу всего сущего, наличие в нем универсального истока. Важно подчеркнуть, что художественная картина мира выступала в качестве другой ипостаси, другого воплощения образа реальности, создаваемого наукой и техникой.

Вспоминается В. И. Вернадский — биохимик, астрофизик, антрополог-космист, мыслитель. Вернадский развивал учение о биосфере и ноосфере. Живое начало понималось ученым как планетарно-космическая сила, результат жизнедеятельности всех организмов, присутствующих на Земле. При этом единство естественно-научного и гуманитарного виделось как сущностная общность живого и неживого. Принципиально иное начало вносит в мир, по В. И. Вернадскому, появление человека. Новую форму, высшую стадию развития биосферы, при которой человеческая деятельность обретает планетарный масштаб, Вернадский назвал ноосферой. Для ноосферы характерен прежде всего рост научного знания, его универсализация, развитие средств связи и на этой основе социальное и духовное объединение и преобразование человечества.

Охватывая единым взором научную мысль России, можно назвать десятки имен ученых, умевших не замыкаться в узких рамках одной специальности, способных к широким обобщениям, к диалогу с самыми различными областями знания, стремившихся при анализе тех или иных проблем выходить на широкий простор теоретических обобщений, во все многоаспектное пространство человеческого бытия. Это создатель культурно-исторической теории человеческой психики Л. С. Выготский, историк античной, возрожденческой и русской эстетики А. Ф. Лосев, автор концепции диалоговой природы сознания и культуры М. М. Бахтин, исследователь западноевропейского Средневековья А. Я. Гуревич, основоположник тартусской семиотической школы Ю. М. Лотман, биолог, историк и теоретик науки, ученый-энциклопедист А. А. Любищев. И этот список может быть многократно дополнен.

Важнейшей частью понимания науки как диалога является диалог в ней традиции и новаторства. Подлинная наука всегда динамична, питается энергиями творчества, смелого поиска. Но одновременно она и традиционна, сильна преемственностью концепций, школ, поколений. Ее сила на всех этапах жизни России была именно в передаче научной эстафеты от корифеев науки, мастеров научного знания к молодым одаренным. Наука живет полнокровной, полноценной жизнью, только когда эта связь сохраняется. Являясь носителем традиции, старшее поколение осуществляет живое взаимодействие прошлого с будущим.

Проблема традиций и новаторства в науке выходит на более широкую проблему устойчивости и изменчивости в культуре. Прошлое культуры — это ее корни, ее основы, хранилище базовых принципов. В прошлом таятся многие ответы на проблемы сегодняшнего дня. Не случайно, один из сборников работ Дмитрия Сергеевича Лихачева так и называется: «Прошлое — будущему». Почему так обострился этот вопрос?

Мы живем в переломное время, время выбора. Мир на распутье. Подвергаются сомнению и пересмотру не какие-либо частности — под вопросом общие направления развития человечества, его геополитические, экономические, национально-культурные стратегии. Мир становится многополярным. Иллюзия того, что либерально-демократический, западный путь цивилизации — единственный, опрокидывается специфической геополитической и культурной динамикой других регионов мира (Латинская Америка, Япония, Китай, арабский мир). Подобная проблема встает и перед Россией. Вопрос, видимо, стоит так: удастся нам вписаться в общемировой порядок, в планетарные информационные, экономические, политические структуры, не пожертвовав при этом своим своеобразием, традициями и особенностями, или мы будем слепо и бездумно подгонять себя под общезападные стандарты, без разбора заимствуя «свое» и «чужое». Это в полной мере относится и к науке, и к сфере образования.

Реформы 1990-х годов выявили всю сложность, противоречивость исторического развития, неоднозначность, а порой и трагичность судеб культуры, стала ясна бесперспективность не критического перенесения чужого опыта, механического заимствования западной модели. Особенно болезненно ударило это по культуре. Рельефно высветилась «обратная сторона» свободного рынка с его принципом «все на продажу» и культом прибыли, катастрофичность лозунга «самодовлеющей свободы», разрушение и обесценение смысла и значения неутилитарного, прагматического отношения к миру. Для сознания интеллигенции, конкретнее — научной интеллигенции, наиболее острыми оказались культурные тупики: выход на авансцену самодовлеющей ценности потребления; замена принципа самореализации личности принципами комфорта и удовольствия; прагматизм и исключительная ориентация на успех; засилье «массовой псевдокультуры», «гламура»; обесценивание духовного начала в человеке, вытеснение его на обочину жизненной практики. Интересы и вкусы некоторой влиятельной части современного общества, отказавшейся от извечных гуманистических идеалов и традиций России, объективно расставляют и российскую науку, делают проблематичной ее нужность, ее корневую связь с Отечеством, ставят под сомнение саму способность ученых к вдохновенному и самоотверженному труду.

На карту поставлена национальная безопасность России, многонациональной страны с особым, во многом уникальным геополитическим положением, огромной территорией, глубокими и давними историческими традициями.

Культурная традиция — это диалог с прошлым. При всей важности и насыщенности экономических, экологических, социальных, национально-государственных вопросов проблема культуры имеет исключительное значение как духовная проблема, ибо культура — это идеальный духовно-смысловой компонент человеческого бытия.

Попытаемся суммарно выделить некоторые важные ценности российской культуры, имеющие прямое отношение и к науке, которые необходимо либо сохранить, либо восстановить в своих правах.

1. Целостность истолкования мира. Для российской мысли всегда было характерно понимание недостаточности, узости, односторонности только лишь «дифференцирующего» подхода к знанию, односторонности абсолютизации «предметного разделения». Типично стремление мыслить об универсуме, постигать целое, удерживать в сознании общую картину. Особенно характерно это для человековедческого знания. В качестве незримой предпосылки русской науки всегда витал образ Человека, целостный, всесторонний, увиденный с позиций действенного гуманизма. При этом использовались ресурсы не только научного, но художественного, философского, нравственного опыта.

2. Специфическая гуманитарность русской мысли при всем понимании огромной роли науки, технологии — отвержение технократически-позитивистского взгляда на

цели и задачи человека, его миссию в современном мире. Сосредоточение внимания на «внутреннем человеке», прежде всего его духовно-нравственной составляющей. Именно в этом русская мысль видела определяющую сторону человеческого бытия.

3. Подчеркивание сущностной роли культуры в жизни общества, понимание того факта, что наука, техника, цивилизация вне культуры лишаются всякого смысла, более того, превращаются для человечества в источник опасностей и угроз. При этом характерно истолкование самой культуры прежде всего в качестве духовной сущности, идеально-смыслового измерения жизни социума. Поэтому так важна для русской мысли творческая составляющая человека, а для традиций отечественного образования типично понимание его как личностного созидания, «само-строительства», «умного делания».

4. Наконец, можно выделить изначальную экзистенциальность русской мысли, сочувственное понимание человеческой личности, ее болей и радостей, удач и неудач, не просто познание, а сопереживание человеку, глубинное видение его проблем. Поэтому для русской науки всегда был характерен тип ученого, находящегося в живом контакте с миром, человека высокой духовности и нравственности, ощущающего органическую связь с реальностью, природой, другими людьми.

Российская наука — живой соучастник диалога человеческого бытия.

Е. И. Пивовар¹

РОССИЙСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И ГЛОБАЛЬНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ XX ВЕКА

Феномен зарубежной России XX века характеризуется множеством параметров, среди которых важнейшее место занимает взаимодействие российской эмиграции с культурами различных народов и регионов мира.

Сложность и многообразие этого взаимодействия связаны прежде всего с особенностями самой российской эмиграции: ее социально-профессиональными, образовательными, демографическими характеристиками, способностью воспринимать другие культуры и языки и стремлением к сохранению собственной культурно-языковой идентичности. Другим не менее важным компонентом является культурная специфика принимающих стран, реакция их народов, общественных и государственных структур на российский диаспоры.

В XVIII — начале XX века общение россиян, находившихся за границей, с иностранной, и прежде всего европейской, культурой носило в целом одновекторный, «принимающий» характер: получение образования за рубежом, восприятие художественных влияний, опыта политической борьбы и т. п. Дореволюционная российская эмиграция в Новом Свете частично растворялась в общем «плавильном котле», частично жила замкнутыми религиозными общинами. В то же время примером

активного культурного влияния российской диаспоры на общество страны-реципиента в дореволюционный период была деятельность русских колонистов, работавших на КВЖД и в системе выросших вокруг нее административных, экономических, культурно-просветительных структур, а также миссионерская работа Русской православной церкви в Японии, Северной Америке и ряде других стран. Православная составляющая русской культуры распространялась в мире через развитие зарубежных приходов в США, Европе, на Ближнем Востоке. В настоящее время мы наблюдаем возрождение их роли как центров культурного взаимодействия между современной Россией и различными странами мира (Русские подворья в Иерусалиме, г. Бари в Италии и др.). Свою самобытную культуру несли в конце XIX — начале XX века за границу эмигранты из Российской империи в Палестину, беженские волны с Кавказа в Турцию и др.

Глобальный культурный диалог российского зарубежья начинается в послереволюционный период в связи с существенным изменением количественных и качественных параметров миграционных потоков из России. После 1917 года картина социально-культурного взаимодействия российского зарубежья с обществами стран-реципиентов приобретает сложный многовекторный характер. За рубежом оказались значительные по численности группы, представлявшие большинство социально-профессиональных страт российского общества: ученые, инженеры, военные, медики, студенческая молодежь и т. п.

Нет необходимости подробно говорить об элитарности российской послереволюционной эмиграции, ее высоким интеллектуальном уровне, творческом потенциале, упорной борьбе не просто за выживание, но и за восстановление утраченного в результате революционных потрясений социального статуса. В то же время хотелось бы еще раз

¹ Член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой истории стран ближнего зарубежья, доктор исторических наук, профессор.

Автор более 100 научных работ: «Советские рабочие и НТР. По материалам автомобильной промышленности СССР», «Наше Отечество. Опыт политической истории», «Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения» (в соавт.), «СССР и холодная война» (отв. ред. и соавт.), «Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом», «Теоретические проблемы исторических исследований». Вып. 1–4 (отв. ред. и автор) и др.

Член редколлегии журналов «Отечественная история» и «Вестник архивиста», редакционного совета ежегодника Международного общества по исторической дидактике, заместитель главного редактора международного альманаха «Исторические записки».

подчеркнуть, что эти качества российской послереволюционной диаспоры в сочетании с многочисленностью и многообразием миграционных потоков и их направленностью в различные страны и регионы мира обусловили возникновение глобального социально-культурного феномена зарубежной России 1920–1930-х годов, значение которого ощущается и в XXI веке.

Культурный диалог российских эмигрантов с обществами стран-реципиентов имел различную интенсивность и тональность звучания в зависимости от условий пребывания в той или иной стране и внутренней специфики региональной диаспоры. Его развитие в наиболее крупных центрах русского зарубежья шло одновременно по нескольким направлениям: искусство, наука, экономика, бытовая культура, язык.

В эпоху классической зарубежной России сохранение бытовой культуры и языка обеспечивалось прежде всего диаспоральным сознанием, которое обусловило осуществление российской эмиграцией комплекса системных мер по передаче языка и языковой культуры детям, высоким образовательным уровнем эмигрантского социума, наличием центров компактного проживания. В ряде случаев в таких общинах наблюдалось явление русификации вовлеченных в их жизнь иностранцев. Так, К. Парчевский сообщал об открытии в 1930-х годах курсов русского языка для французов — жен русских рабочих в Ла-Рошели¹.

В некоторых странах российские эмигранты выступали в качестве проводников общеевропейской культуры. Хрестоматийными примерами такого рода являются фактическое создание бывшими россиянами армии и ряда административных институтов в Парагвае, становление, практически полностью на основе русской школы, балета на Кубе и т. п.

Культурный диалог между обществами лимитрофных государств и существовавшими здесь российскими диаспорами в межвоенный период определялся в значительной степени традициями дореволюционного времени. Так, несмотря на негативное отношение польских властей и значительной части польского общества к российской эмиграции, особенностью русской художественной и литературной колонии в Польше было тесное общение с польской творческой интеллигенцией, в том числе такими выдающимися деятелями, как Юлиан Тувим и Ярослав Ивашкевич. Творческое взаимодействие с польскими писателями и поэтами, которое осуществлялось в литературных кружках и творческих союзах русской диаспоры, создавало особую интеллектуально-духовную атмосферу, впоследствии оцениваемую как «феномен славянского контакта» в особой политической ситуации Польши, впервые строящей свое независимое государство².

Представляют интерес и данные о российском культурном влиянии в Литве. Эмигрантские источники 1920–1930-х годов и позднейшие научные исследования едины в своем мнении относительно положения русской диаспоры в Литве, которое характеризовалось значительно большей лояльностью местных властей и населения, широкой распространенностью русского языка и культурных традиций при очень низкой общественной активности русского населения. В «Русском календаре» за 1932 год отмечалось: «Русская общественная жизнь в Литве после войны развивалась своеобразными путями, отличными от путей эмиграции и жизни русского меньшинства в других странах Прибалтики... Театр, книги, газеты, журналы, школьное дело, быт и жизнь общества не чуждались русской культуры и языка. При этом носителями русской

культуры часто являлись не русские, а литовцы и другие группы населения Литвы»³. Современный исследователь истории русской диаспоры в Литве А. Ковтун подчеркивает, что, в отличие от соседних стран Балтии, где русское население сохранило «культурные завоевания, веру в свои силы и в будущее края, жителями которого являлось», русская культура городов Литвы, в частности Каунаса, развивалась в большой степени благодаря участию в культурной жизни края литовцев, евреев, поляков с русскими корнями, «получивших в силу исторических обстоятельств образование в России»⁴.

В Китае, Африке, других отдаленных уголках мира российские эмигранты, как правило, проявляли активный интерес к культуре, искусству, природе тех стран, где они находились. В литературе и изобразительном искусстве российской эмиграции в Китае наблюдается значительное влияние ориентализма⁵. В то же время историк русской эмиграции в Китае Е. Аурилене отмечает такую черту российской эмиграции (интеллигенции) в Китае, как повышенный интерес к религии, развившийся как элемент противодействия российского менталитета восточной культуре⁶.

Одним из компонентов адаптационного процесса россиян за границей являлась аккультурация — процесс преодоления эмигрантом его осознанного или неосознанного сопротивления переменам в попытке защитить свое культурное своеобразие⁷. Адаптация за рубежом независимо от времени и причин выезда из России означала неизбежную вынужденную или добровольную аккультурацию эмигранта, то есть отказ от некоторых норм и представлений, свойственных его этнокультуре, и освоение культуры принимающего общества⁸. Для определенной части российской эмиграции в межвоенный период была характерна практически полная культурная и языковая ассимиляция не только в Европе и США, но и в более чуждых для россиян в культурном отношении регионах. Так, бывший министр финансов колчаковского правительства И. А. Михайлов, ставший главным советником японцев в Харбине по русским делам, полностью перенял китайские манеры — от еды до жизненной философии⁹.

В отличие от советской культуры, эмигрантское культурное влияние было во многом созвучно европейскому миру, хотя оно и воспринималось по-разному в разных сегментах иностранного социума в зависимости от его ментально-психологической и политической специфики. Так, Франция, США, Англия оказались чрезвычайно восприимчивы к таким явлениям, как русский балет, музыка, живопись, причем это не следует рассматривать только как моду в рамках массовой культуры. Через универсальный язык звука и пластики происходило «сцепление» эмоций и идей российского и иностранного культурного пластов, вслед за которым шли более конкретные культурные и интеллектуальные влияния. В 1923 году газета «Россия» по случаю выхода в свет номера журнала *The Slavonic and East European Review*, в котором описывались очередные триумфы русских артистов, с некоторой иронией писала: «Беглая Россия понемногу заражает Европу каким-то особым русским влиянием, вплоть до славянофильства. Началось с балета, пришло к Достоевскому,

³ Русская общественная жизнь в Литве // Русский календарь. Каунас, 1932. С. 1–2.

⁴ Ковтун А. Возвращенные сюжеты : русские Каунаса (1918–1940) // Диаспоры. М., 2004. № 2. С. 157.

⁵ Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х. М., 2003. С. 268.

⁶ Аурилене Е. Русская эмиграция в Китае : в поисках будущей России // Вестник Евразии : Независимый научный журнал. 2002. № 4 (19). С. 20.

⁷ Левин З. И. Менталитет диаспоры (Системный и социокультурный анализ). М., 2001. С. 109.

⁸ Там же. С. 108.

⁹ Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007. С. 124.

¹ Парчевский К. К. По русским углам. М., 2002. С. 91.

² Булгаков В. Ф. Словарь русских зарубежных писателей. Нью-Йорк, 1993. С. 209.

к Блоку, дойдет, пожалуй, и до русского общественного сознания»¹.

Событиями значительного масштаба в культурной жизни Праги и Белграда становились выставки русского искусства или какого-либо одного художника, например Бориса Григорьева, работы которого имели большой успех у пражской публики в 1926 году².

Перечень наиболее значительных выставок, состоявшихся в Национальном музее Франции в 1947–1970-х годах, среди которых: М. Шагал (1947), О. Цадкин (1949), А. Ревзнер (1956), В. Кандинский (1957), Ж. Липшиц (1959), Н. Гончарова и М. Ларионов (1963), свидетельствует не только о том, что российские художники-эмигранты на равных входили в художественную жизнь послевоенного Парижа, но и о долговременности влияния русского искусства, органичного вошедшего в мировое художественное пространство XX и XXI веков³.

С одной стороны, изобразительное искусство, музыка, балет явились универсальной формой обращения российской эмиграции к мировому сообществу, ее манифестацией, фактором конкретного, прямого влияния на мировую культуру. С другой стороны, российская художественная и музыкальная элита легко включалась в международную творческую жизнь во Франции, США, Великобритании.

В Югославии и Болгарии в 1920–1930-е годы работали несколько талантливых русских архитекторов, деятельность которых способствовала развитию градостроительного искусства этих стран⁴.

Всемирную известность получили и созданные российскими эмигрантами в 1920–1930-е годы ансамбли народной песни и танца, среди которых первое место, вероятно, следует отдать казачьему хору С. А. Жарова. Показательно, что в 1981 году Жаров был торжественно введен в Русско-американскую палату славы, созданную Конгрессом русских американцев «для чествования выдающихся русских деятелей, внесших значительный вклад в науку, технику, литературу и общественную жизнь США»⁵.

Более сложным был путь русской зарубежной литературы, которая должна была или замкнуться в рамках диаспоры, или «заговорить» на иностранных языках. Важнейшую роль в распространении политического, философского и литературного влияния сыграли периодические издания эмиграции, часть которых выпускалась на языках принимающих стран, и публикации переводов произведений российских авторов в иностранной прессе. Именно произведения, опубликованные в периодической печати, стали основанием для присуждения И. Бунину в 1933 году Нобелевской премии по литературе.

В связи с этим хотелось бы отметить, что эмигрантская художественная литература и публицистика сыграли важную роль в понимании российского зарубежья мировым сообществом, признании ее проблем и потребностей, ее права на участие в общественно-политическом и культурном диалоге. Она оказывала влияние на формирование за рубежом образа советской России, стремясь определенным образом воздействовать на общественное мнение в странах проживания.

В 1920-е годы российская эмиграция выступала в роли пропагандиста за рубежом русской классики — творчест-

ва А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского и многих других писателей, поэтов, композиторов.

Существенным элементом развития культурного диалога было восприятие и преломление русским обществом, а затем и эмиграцией западной культуры, которая возвращалась европейскому и американскому обществу через публикации в иностранной прессе, публичные выступления, монографии российских ученых, художественную литературу. Выросшая на образцах европейской философии и общественной мысли российская политическая оппозиция и интеллектуальная элита принесли в Европу множество оригинальных влияний, от русского марксизма и троцкизма до философских исканий С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, Н. О. Лосского, Л. Шестова, Н. А. Бердяева⁶, произведений В. В. Набокова и А. И. Солженицына и т. п.

В годы Второй мировой войны печатное слово российской эмиграции внесло важный вклад в международное антифашистское движение, призывая к оказанию помощи СССР и скорейшему открытию Второго фронта.

Для Франции и славянских стран Европы в 1920–1930-е годы было особенно характерно создание совместных «предприятий» с русскими эмигрантами: институтов, обществ, клубов. Если во Франции это была, как правило, инициатива научных кругов или творческой интеллигенции, то в Чехословакии и Югославии инициатива по организации подобных центров нередко исходила от государства⁷.

Некоторые образовательные и просветительные центры, созданные преимущественно трудами российских эмигрантов, стали очагами международного культурного общения и влияния. Так, иностранные студенты обучались на Русском юридическом факультете в Праге⁸. Решающий вклад внесли российские эмигранты в создание таких учреждений, как Славянская библиотека МИД Чехословакии⁹ и библиотека SLAVICA в Финляндии¹⁰.

Активность русских ученых, инженеров, военных за рубежом диктовалась, с одной стороны, потребностью выживания, социально-экономической адаптации, с другой — желанием реализовать в профессиональной сфере, что было связано с деятельностью в иностранной языковой и культурной среде. Российские эмигранты, адаптируясь в мире зарубежной науки и бизнеса, привносили в них традиции отечественной высшей школы, корпоративной культуры, в ряде случаев способствовали формированию очагов российской диаспоры, как, например, это происходило на заводах И. И. Сикорского в Стратфорде (США).

В 1920–1930-е годы отчетливо обозначилось становление русского научного влияния в Америке. С. П. Тимошенко отмечал, что «основательная подготовка в математике и основных технических предмета давала нам громадное преимущество перед американцами, особенно при решении новых, нешаблонных задач»¹¹. Он же свидетельствовал о том, что российской научной элите в США

⁶ О влиянии Н. Бердяева на французскую культуру см.: Аржановский А. Между историей и памятью: Николай Бердяев, русский мыслитель во Франции // Культурное наследие русской эмиграции: 1917–1940. М., 1994. Кн. 1.

⁷ См.: Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Прага, 1995; Русская эмиграция в Югославии: сб. М., 1996; *Иванович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005; и др.

⁸ Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (Гражданские беженцы, армия. Учебные заведения): учеб. пособие для студентов / Е. И. Пивовар, Е. Н. Евсеева, В. Ф. Ершов [и др.]. М.; Геттинген, 1994. С. 100.

⁹ *Йиржи В.* Фонды русского зарубежья в пражской Славянской библиотеке // Зарубежная Россия 1917–1939 гг. СПб., 2000. С. 417–418.

¹⁰ *Йоффе-Кемплайн Э.* SLAVICA — уникальная русская библиотека в Финляндии // Русская мысль. 1997. № 4185.

¹¹ Цит. по: *Борисов В. П.* Америка мне определенно не нравилась // Российская научная эмиграция: двадцать портретов / под ред. Г. М. Бонгард-Левина, В. Е. Захарова. М., 2001. С. 121.

¹ Россия. Нью-Йорк, 1923. № 7.

² *Еленев Н. А.* Русское изобразительное искусство в Праге // Прага. Русский взгляд. Век восемнадцатый — век двадцать первый. М., 2003. С. 166.

³ См.: *Ершов В. Ф.* Российская художественная эмиграция во Франции в 1920–1930-е гг. М., 2008.

⁴ *Кадиевич А.* Деятельность русских эмигрантов-архитекторов в Югославии между двумя мировыми войнами // Архитектурное наследие Русского зарубежья. Вторая половина XIX — первая половина XX века. СПб., 2008. С. 255.

⁵ Русский американец. Нью-Йорк, 1995. № 20. С. 112.

пришлось много работать над усовершенствованием технического образования в Америке. «Обдумывая причину наших достижений в Америке, я прихожу к заключению, что немалую роль в этом деле сыграло образование, которое нам дали русские высшие инженерные школы», — писал он¹.

В межвоенный период возникли центры профессионального общения российских ученых-историков в Нью-Йорке, Чикаго, Бостоне, Калифорнии, которые работали в постоянном контакте с местной университетской средой, начали сотрудничать с Американской исторической ассоциацией и другими центрами гуманитарной науки в США. Лидеры исторической науки русского зарубежья в Америке М. Ростовцев, А. Васильев, Г. Вернадский, М. Карпович в течение многих лет вели преподавательскую и исследовательскую работу в университетах США².

Российская эмиграция стала одним из главных стимулов развития международной русистики, не только подтверждая значение русской культуры и языка, но и предоставляя колоссальный по объему и глубине материал для изучения, а также непосредственно участвуя в развитии русистики и советологии, переплетение которых создало в результате образ России XX века в глазах иностранного сообщества³. Конкретным примером такой деятельности является Американская ассоциация развития славяноведения — организация, фактически координировавшая советологические исследования в США, председателем которой был Г. В. Вернадский — представитель русской научной эмиграции послереволюционной волны.

Таким образом, зарубежная русская литература, философия, искусство в XX веке стали одним из элементов духовно-культурного пространства иностранной интеллектуальной элиты в различных регионах мира, вошли в орбиту многообразных мировых культур.

Характерное для российского зарубежья стремление к сохранению собственной культурной идентичности обусловило особую активность эмигрантов в данном направлении: русские школы, библиотеки, издательства, театры создавались ими упорно и самоотверженно в Париже, Берлине, Праге, Харбине, Сан-Франциско. В то же время вынужденное пребывание за границей способствовало удовлетворению того живого интереса к европейской литературе и искусству и стремления к культурному универсализму, которые существовали в российском образованном обществе в дореволюционный период. В 1920–1930-е годы российские профессора читали, а российские студенты слушали лекции в Сорбонне на французском языке, в Пражском университете — на чешском, в Софийском — на болгарском. Учащиеся русских школ и народных университетов совершали экскурсии в Лувр, по замкам Луары и т. п. Разумеется, ассимиляционные процессы, особенно в молодых поколениях эмиграции были неизбежны и достаточно интенсивны, но одновременно в условиях российского зарубежья развивался особый поликультурный мир, сочетавший языковые, ментальные, поведенческие характеристики русского зарубежья и иностранных обществ. В наши дни можно наблюдать некоторых представителей третьего и четвертого поколений российского зарубежья, родившихся за границей, окончивших европейские и американские университеты,

¹ Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века : энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 625.

² Петров Е. В. Культуртрегерская миссия русских историков-эмигрантов в США // Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Перспективы сотрудничества : материалы III международной научно-практ. конф. Владивосток, 2003. С. 216; см. также: Рибер А. Изучение истории России в США // Исторические записки. М., 2000. № 3 (12). С. 65–105.

³ См.: Болховитинов Н. Н. Русские ученые-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

но говорящих по-русски без акцента и даже сохраняющих некоторые элементы внешнего имиджа своих российских предков (например, вернувшийся на родину в 1990-е гг. представитель семьи Мамонтовых — достаточно успешный предприниматель и обладатель окладистой купеческой бороды).

Российская эмиграция 1920–1930-х годов создала своего рода плацдарм, опыт культурного взаимодействия с иностранными сообществами, на который опирались последующие миграционные волны. Политическая и религиозная эмиграция из СССР 1950–1980-х годов была нацелена на активное освоение западного общественно-культурного пространства. При этом фактически сохранилась прежняя траектория адаптационного процесса: успешное вхождение в иностранную культурную среду музыкантов, артистов балета, художников (Р. Нуриев, М. Ростропович, Э. Неизвестный и др.), ориентация на русскоязычный мир писателей, политиков, мыслителей, быстрая ассимиляция экономических эмигрантов.

Там, где концентрация российского влияния была особенно высокой, например во Франции, тема русского зарубежья стала самостоятельным направлением в национально-исторической науке и культурологии. Причем в 1990-е годы под влиянием новых явлений в политическом и культурном облике самой России и ее движения навстречу русскому зарубежью эту проблематику «открыли» для себя многие страны — Финляндия, Австралия и другие, не говоря уже о бывших социалистических государствах (Чехии, Югославии, Болгарии), где тема русского зарубежья, так же как и в России, стала активно развиваться после отмены идеологических запретов.

В Японии интеллектуальная элита уже в начале XX века проявляла значительный интерес к русской культуре, особенно к творчеству Льва Толстого и других классиков. Впоследствии этот интерес выразился в создании научных и общественно-культурных центров, занимающихся историей и культурой российского зарубежья на Дальнем Востоке — «Россия и Япония» (1978) и Японской ассоциации по изучению восточной ветви русского зарубежья (1995).

В рамках разговора о взаимодействиях российской, европейской и американской культурных элит следует упомянуть о создании русскими эмигрантами собственной системы образов стран и культур, которые были частично восприняты иностранным обществом, как, например, феномен Америки в произведениях Юрия Иваска⁴.

В постсоветский период российские диаспоры в дальнем зарубежье в целом утратили роль политической оппозиции своей метрополии. В то же время их роль как проводников российской культуры, участников диалога России с мировым сообществом продолжает сохраняться и развиваться, принимая новые формы и направления.

По меткому замечанию русского австралийца Марка Стеммера, у российской эмиграции «...есть талант: принимая культуру европейских стран, сохранять в то же время свое русское наследие. Это позволяет им любить обе страны: и страну проживания, и родину»⁵. Это свойство позволяет российским диаспорам быть коллективными «послами доброй воли» России в глобализирующемся мире, неотъемлемой частью которого она является.

⁴ См.: Доронченков И. А. Европа, Соединенные Штаты, Мексика в «культурной топографии» Юрия Иваска // Зарубежная Россия 1917–1939 гг. : сб. ст. СПб., 2000.

⁵ Стеммер М. Что значит быть русским за границей // Мы в России и Зарубежье : православный общественно-политический журнал молодежи России и русского зарубежья. 2006. № 4 (43). С. 38.

М. Б. Пиотровский¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ВОЙНА СТЕРЕОТИПОВ

Диалог культур строится на основе разных механизмов. Одним из них является война или обмен стереотипами, взаимными упрощенными и примитивизированными представлениями друг о друге. Эти стереотипы не пребывают в изоляции, но взаимодействуют, влияют друг на друга.

Постараюсь показать это на примере западных стереотипических представлений об исламском обществе и представлений исламского мира о западном.

Враждебный образ исламского мира сложился на Западе в ходе крестовых походов и обновлялся и «уточнялся» каждый раз, когда идея объединения Европы и европейцев требовала наличия эмоционального «образа врага». Его потребитель — массовое сознание.

Основные черты образа ислама-врага, активно живущие и по сей день, следующие:

— ислам — языческая религия, без оснований претендующая на единобожие. Мухаммед — не посланник Божий, а обманщик;

— ислам — религия меча и насилия. Главное содержание ислама — священная война;

— ислам — религия примитивной чувственности, угнетающая женщин и всякую индивидуальность.

С точки зрения объективного знания все это — полная чепуха, носящая характер злонамеренного искажения. Ислам — одна из ветвей религиозной «концепции» единобожия. О Мухаммеде мы знаем много больше, чем об основателях других мировых религий. Его искренность и талант политического и духовного лидера — несомненны и исторически признаны.

Ислам не более воинствен и агрессивен, чем, к примеру, христианство. На его счет значительно меньше религиозных войн, чем у западного мира. Классическое исламское общество отличалось высоким уровнем веротерпимости. Ислам — сложная высокоразвитая богословская и правовая система, на протяжении веков обеспечивавшая существование богатой и успешной городской цивилизации, процветание философской мысли, религиозной мистики и поэтического и художественного вдохновения.

Между тем культивировавшийся в Европе образ ислама в определенных случаях оказал влияние на представления мусульман о самих себе и своей культуре. Это начало происходить, когда существование христианского мира стало для мусульман заметным и важным фактором, что было далеко не всегда. Первые стимулы имели место там, где возникало долгое или временное соприкосновение культур — в Испании, в Палестине времен Крестовых походов.

Христианская ненависть к Мухаммеду уже очень давно стала стимулом к поиску преданий, предрекавших его появление. Одновременно коранический тезис о том, что Мухаммед простой и обыкновенный человек, претерпел некоторые изменения. Он стал приобретать черты «совершенного человека», превратился почти что в объект поклонения. Даже в сегодняшнем фундаменталистском исла-

ме, который такое поклонение отвергает, Мухаммед является объектом подражания в бытовом поведении, вплоть до длинной бороды и походки. Вчера и сегодня оскорбление Пророка считается тяжелейшим преступлением, за которое даже иноверцу полагается смерть. Так было в средневековой Кордове, так случилось и недавно в связи с «карикатурным скандалом», когда датские карикатуры на Пророка всколыхнули в буре насилия мусульманский мир.

Другой пример — знаменитый джихад. «Джихад» означает «борьба» и далее — борьба ради веры. Он предусматривает разные формы концентрации сил человека — это борьба с собой, проповедь, добрые дела. Военный джихад, «священная война», — только часть этого семантического гнезда. Когда крестоносцы пришли в Палестину, это приняли за одну из многих феодальных войн. Постепенно и под влиянием христианского фанатизма война и со стороны мусульман становилась «священной». Этот образ особенно усилился благодаря Саладину и его победам. По существу, «джихад» = «крестовый поход». С тех пор вся политика Запада на Востоке воспринимается как «крестовый поход». Этому особенно помогло распространение термина «крестовый поход» (crusade — в Европе и Америке) как вообще борьбы за доброе дело. Ответом на этот непрекращающийся «крестовый поход» может быть только джихад (являющийся ему синонимом). Крестовый поход, по сути, не прекращается и сегодня, и то, что вместо Гроба Господня речь идет о демократии, дела не меняет.

Более тесное общение с Западом, освоение его культуры, системы образования породило более серьезную ответную реакцию. Представление о Западе в мусульманском мире стало ориентироваться на те же критерии, что и крестоносная схема. При этом в ход идут как традиционные, так и новые элементы полемики. Нельзя забывать, что творцы этой системы — люди, получившие и традиционно мусульманское, и западное образование (часто даже учившиеся на Западе). Их аудитория — не только широкие массы мусульманских городов, но и миллионы мусульман, живущих в христианских странах, ежедневно и часто болезненно сталкивающихся с западной культурой.

Получается такой вот зеркальный образ:

— христианство — измена единобожию. Нарушением единобожия является обожествление Христа, поклонение Деве Марии, идея Троицы. Впрочем, даже и христианство не господствует на Западе. Большинство людей впали в полное язычество и вообще не думают о Боге. Их моральное падение заразно;

— западное общество построено на насилии и ограблении других народов. Оно ведет непрерывную агрессивную войну против мира ислама. Колониализм, уничтожение Османской империи, империализм, неоколониализм, создание Израиля, захват Афганистана и Ирака — все это перманентная агрессия, являющаяся сутью западного образа жизни;

— западный мир погряз в материальных интересах, полностью пренебрегая не только духовностью, но и моралью вообще. Погоня за наживой, разврат, азартные игры, пьянство и наркомания — вот образ сегодняшнего Запада;

— в западном мире женщина стала предметом открытой купли-продажи и полностью лишена достоинства и уважения;

— западная экономическая система, построенная на аморальном принципе ростовщичества, ведет к разорению и краху.

¹ Член-корреспондент РАН, академик Российской академии художеств, директор Государственного Эрмитажа, доктор исторических наук, профессор.

Автор более 200 научных работ: «О мусульманском искусстве», «Исторические предания в Коране», «Коранические сказания», «Сверхмузей в эпоху крушения империи (музей как фактор эволюции)», «Мусульманское искусство: между Китаем и Европой», «Предание о химйаритском царе Ас'аде ал-Камиле», «Южная Аравия в раннее средневековье. Становление средневекового общества» и др.

Заместитель председателя Совета по культуре и искусству при Президенте РФ, председатель Конгресса петербургской интеллигенции. Председатель Союза музеев России, главный редактор журнала «Христианский Восток», председатель попечительского совета Европейского университета в Петербурге.

В разгар войны Европы с турками византийский писатель XV века святой Симеон Фессалоникийский так охарактеризовал мусульман, следуя во многом Иоанну Дамаскину: «И никто из благочестивых да не заблуждается, видя блаженствующих нечестивцев, плотских и страстных, и наслаждающихся в мире, угнетающих и порабащающих благочестивых, захватывающих их в плен и по-разбойничьи собирающих богатство, наслаждающихся всеми удовольствиями и бесчинствами и при всем этом хвляющихся, радующихся и думающих о себе как о праведных, которые намерены эту порочную и беспутнейшую жизнь точно так же продолжать, и помимо преследования и убийства благочестивых поносят они веру нашу»¹.

Сегодня точно такие же слова, только с другим «знаком», могут звучать из уст Усамы бен Ладена или Аймана аз-Завахири.

Как видим, зеркально структурированный образ построен из элементов, взятых из западных же оценок своего общества, из действительности, видимой простым глазом. Такие зеркальные отражения и преломления, сведенные вместе, не просто отражают сегодняшнюю борьбу идей. Они могут быть хорошим инструментом понимания и описания культуры в ее внешних связях. Не изнутри, не снаружи, в ряде зеркальных преломлений.

Сказанное выше — тезисы и выводы специального исследования. Ниже я осмелюсь предложить для обсуждения некоторые наметки подобного анализа взаимного образа Запада и России. Об этом писали много. Но если следовать представленной выше схеме, то получается следующее.

Характерные черты России в западных глазах (массовое сознание):

- экономическая мощь и технологическая отсталость;
- преобладание прав общества, государства, коллектива над правами индивида;
- повсеместная и традиционная коррупция, непрозрачность финансовых потоков;
- пуританское лицемерие в морали и в быту.

Мне хотелось бы поделиться некоторыми идеями, мыслями в связи с разворачивающимся кризисом, а также сказать, что я думаю о том, в какой мир вступила Россия и что нам следует делать сейчас в этом мире.

Сначала о кризисе. Если кто-то говорит, что он предсказывал, что кризис будет именно таким и что кризис охватит быстро весь мир — не верьте ему. Никто не ожидал этого. Сейчас задним числом очень многие храбрецы или саморекламщики, как хотите, начинают говорить о том, что они уже знали несколько лет или год назад, что

¹ Византийские сочинения об исламе (Тексты переводов и комментарии) / пер. Ю. В. Максимова, Е. П. Ореханова; под ред. Ю. В. Максимова. М., 2006. С. 213.

² Академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты РФ, доктор экономических наук, профессор.

Занимал посты директора Службы внешней разведки РФ (1991–1996), министра иностранных дел РФ (1996–1998), председателя Правительства РФ (1998–1999).

Автор научных трудов: «Страны Аравии и колониализм», «Ближний Восток: пять путей к миру», «Восток после краха колониальной системы», «Очерки истории российской внешней разведки», «Война, которой могло не быть», «Мир после 11 сентября и вторжения в Ирак», «Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами», «Мир без России? К чему ведет политическая близорукость» и др. Лауреат Государственной премии СССР, премий им. Насера, им. Авиценны, им. Джорджа Кенана и др.

В ответ на это в нашем собственном представлении о самих себе мы подчеркиваем:

- историческую ориентацию на прогресс в отдельных областях экономики и технологии (природные ресурсы, транспорт, вооружение, металлургия, энергетика);
- базовую идею соборности и служения как основ нашей исторической психологии.

Реакцией на всякие западные упреки можно считать и необыкновенно возросшую роль церкви, распространение показного благочестия и страха совершить богохульство.

Предъявляемые нам недостатки мы склонны признавать, постепенно превращая их в достоинство.

Одновременно строится «зеркальный» ответ по вполне мусульманскому принципу — «на себя посмотрите».

Экономическая система Запада прогнила изнутри и ведет к угнетению и обнищанию. Потому западные модели проваливаются при попытке применить их в России.

На самом деле угнетение индивида на Западе носит очень жестокий характер, но вуалируется иллюзионными аттракционами «демократии». Западная демократическая система всего лишь более утонченный способ господства над личностью.

Внутренняя коррупция не только широко распространена на Западе, но и является стержнем его экономики и морали. Тому свидетельства — и многочисленные скандалы, и последний кризис.

Моральное разложение западного мира с его фетишизацией материального успеха и наживы, преступностью, наркоманией и сексуальным разгулом — признак разложения, прикрываемый лицемерными рассуждениями о морали и свободах.

Сказанное выше — не тезисы, а приглашение к дискуссии.

Думаю, что война взаимных стереотипов конструирует весьма динамичную модель действительности. А ее сходство с аналогичной моделью советского времени показывает, что история культуры мыслит более крупными категориями, чем смена политических режимов.

Е. М. Примаков²

РОССИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

мы вступим в такую полосу, — нет, не было этого. Этот кризис системный. Но не верьте и тем, кто говорит, что этот кризис свидетельствует о полном крахе капитализма и крахе доллара. Действительно, это кризис той модели капитализма, которая существовала и развивалась в Соединенных Штатах. По Марксу, триединая формула, характерная для капитализма: деньги–товар–деньги. В Соединенных Штатах эта формула переросла в другую: деньги–деньги–деньги. Не материальное производство, развитие которого раньше обогащало капиталиста, а деньги–деньги–деньги. И это, в общем-то, создало совершенно новый фон развития рыночных отношений, который предопределил безграничную свободу займа, свободу операций денежными средствами, спекулятивные операции денежными средствами без контроля государства. Все то, чем и занимались банки. Это привело к образованию и вздутию финансовых пузырей, которые лопнули, и образовалась раковая опухоль, метастазами проникающая из США в другие страны.

Не осталась в стороне и Россия. У нас некоторые говорили, что мы останемся островом стабильности в бушующем кризисном море, — не получилось. Кризисное море

захлестнуло и нас. Произошло это потому, что Россия очень углубилась в процессы, которые определяют развитие мировой экономики. Но не только это. Обратите внимание, что в документе, направленном премьер-министром Владимиром Владимировичем Путиным в Государственную Думу по поводу антикризисной программы, говорится, что кризис в России имеет свои специфические характеристики. Они связаны с тем, как развивалась у нас обстановка в докризисный период, когда образовался ряд дисбалансов, и об этом надо сказать в открытую. Один из дисбалансов заключался в том, что 40 % валового внутреннего продукта у нас создается за счет экспорта сырья. Сейчас некоторые говорят: «Положение в Китае легче, чем у нас. Они сейчас много делают для более быстрого выхода из кризиса». Действительно, это так. Но китайский опыт нам не удастся повторить. Почему? Потому что хотя китайский валовый внутренний продукт, так же как у нас, в значительной части создан за счет экспорта, однако не сырья, а готовой продукции. А у нас экспортируется сырье. В условиях резкого сокращения экспорта в Китае решили направить нереализованную его часть на внутренний рынок, поднять платежеспособность населения, стимулировать инвестиции — и таким образом выйти из кризисной ситуации. Мы такой маневр совершить не можем, потому что у нас не изменена структура экономики. Она осталась сырьевой. Мы не можем сейчас развернуть сырьевой поток, который не находит потребителя за рубежом, на внутренний рынок. А если поднять одновременно платежеспособный спрос населения, то тем самым импорт только увеличится. Так что у нас маневренные возможности далеко не такие, как у Китая — это нужно просто понять. И это в результате той диспропорции, которая образовалась в докризисный период.

И еще одна диспропорция: в России задолго до кризиса создалось положение, при котором главный источник финансирования развития нашей экономики был зарубежным. Более дешевые кредиты получали за рубежом. Я помню заседание Совета по конкуренции, который существует при председателе Правительства. Тогда председателем Правительства был Зубков. И, в общем-то, шел разговор такого порядка. Мы 90 млрд долл. выплатили в качестве покрытия тех зарубежных кредитов и займов, которые получили Советский Союз и Россия. Это было сделано достаточно легко за счет накопленных средств от высоких цен на нефть и на газ. Хорошо, очень хорошо, что нам удалось это сделать. Но одновременно до 500 млрд поднялась корпоративная задолженность перед зарубежными кредитными организациями. Наши компании, наши банки были вынуждены кредитоваться за рубежом. Объективно так получилось. Я не считаю, что это во всем было правильно, потому что многие из полученных средств были вложены в небольшие пакеты акционерного капитала различных компаний и не вернулись в Россию. Но я сейчас этот вопрос не рассматриваю. Я просто хочу сказать о том, что в условиях, когда полученные средства за счет высоких цен на нефть и газ не были вложены в нашу кредитно-банковскую систему, чтобы поднять ее капитализацию, наши банки и компании были вынуждены брать кредиты за рубежом. Вне зависимости от тех причин, от тех мотивов, по которым они брали, появился огромный новый долг. Причем этот долг равносителен государственному долгу. Почему? Потому что, во-первых, кредиты и займы за рубежом брали в основном государственные компании. А во-вторых — брали под государственные гарантии. И вот этот долг сейчас висит на нас. Так мы вступили в кризис. Это очень серьезная часть нашей кризисной ситуации, которая должна быть учтена руководством. Нужно сделать все для того, чтобы компании-заемщики сами расплачивались. Государство не может за них расплачиваться полностью. Ни-

чего страшного, если за долги пойдет часть их активов, я, естественно, не имею в виду стратегические компании.

Теперь об антикризисных мерах правительства. Я считаю, что Владимир Владимирович Путин поступил правильно, когда первым делом поддержал кредитно-банковскую систему. Потому что средства в кредитно-банковскую систему необходимо было отчислить, чтобы она не зашаталась. Если бы кредитно-банковская система зашаталась — это бы обвалило всю экономику, и не только экономику. Население держит свои средства в банках. Представляете, если бы повторилась ситуация десятилетней давности, при которой были заморожены банковские вклады населения? Этого, конечно, нельзя допустить. Поэтому финансовые средства были направлены в банки для того, чтобы их укрепить. Но при этом еще другая функция должна была быть у этих средств, которые пошли в банки, средств из бюджета, средств из Резервного фонда. Вторая функция заключалась в том, что банки должны были часть этих средств переадресовать реальному сектору экономики в виде кредитов. Банки этого не сделали. Начались скупки валюты, переводы за рубеж. Причем просто осудить за это банки невозможно. Они пытались увеличить ликвидность, увеличить свою капитализацию, пытались сделаться прочнее для того, чтобы пережить кризис. Но в то же время мы сейчас, через несколько месяцев, начинаем делать то, что должны были, как мне кажется, сделать с самого начала. Дело в том, что когда банки оперируют средствами, спущенными им из бюджета, они теряют характер коммерческой организации и становятся агентами правительства, бюджета, государства — как хотите. Им даются средства под определенный процент. В данном случае под 8 %. Далее можно было бы продиктовать им: несколько процентов оставить в виде собственной прибыли, а все остальное под такой-то процент дать реальному сектору экономики. К этому сейчас пришли. В настоящий момент это может облегчить положение, которое сложилось в реальном секторе экономики. В то же время, большое значение имеет открытие, как выразился Владимир Владимирович Путин, «второго фронта» непосредственно в реальном секторе экономики — это и госзакупки, и налоговые льготы, и государственное кредитование, и т. д.

Теперь, если говорить о формуле выхода из кризиса. Какой она должна быть? Мне кажется, что это совокупность трех задач, которые следует решить. Хочу подчеркнуть, что они очень взаимосвязаны. Первая задача заключается в том, чтобы минимизировать те потери, которые неизбежны в кризисных условиях для экономики и социальной жизни страны. Для этого многое делается. Вторая задача заключается в необходимости определить точки роста, создать их иерархию и найти оптимальный путь к подъему экономики. И наконец, третья задача, вытекающая из той правительственной программы, которая представлена в Государственную Думу — создание новой модели экономики России. Она не должна повторять ту модель, что существовала раньше, до кризиса. Новую модель нужно создавать уже сегодня, и базироваться она должна на инновационном развитии России. Здесь есть о чем подумать. У нас только 10 % предприятий занимается инновациями. На рынке наукоемкой продукции России принадлежит меньше 1 %, в то время как около 7 % — Китаю, 37 % — США. Нам есть над чем подумать. Многие из вас знают, наверное, имя Н. Д. Кондратьева. Это выдающийся экономист (он, к сожалению, повторил судьбу многих — в 1938 году скончался в тюрьме). Кондратьев — автор теории длинных волн. Он говорил, что при рыночном хозяйстве в течение 40–50 лет волна восходящая, потом волна убывающая, потом снова восходящая. Причем при новой восходящей волне происходит выход на новый технико-

технологический уровень. Эту систему многие понимают. И мы должны это понять, преломить это в нашем сознании. В Соединенных Штатах, например, в 2009 году на 3,2 % увеличили финансирование науки, а у нас оно, к сожалению, сокращается. Хотя выделяется из бюджета чуть больше, чем в прошлом году, но если сопоставить с инфляцией, получается сокращение. Конечно, сейчас нужно больше думать об инновациях, о развитии науки.

Теперь хочу сказать о другом. Кризис еще раз подчеркнул, что нет однополярного мироустройства. Потому что не может руководство всем миром осуществляться из одного центра. Вопрос об однополярном мироустройстве стоял теоретически. Не стоит думать, что я сравниваю фашистскую Германию с Советским Союзом, я далек от этого. Но однополярное мироустройство могло быть по Гитлеру, когда он хотел завоевать весь мир, и по Советскому Союзу — когда идеологически мы хотели объединить весь мир под собой. После окончания холодной войны, после того, как перестал существовать Советский Союз, Соединенные Штаты решили, что, оставаясь самыми сильными в экономическом, военном отношении, по политическому влиянию, они образуют однополярное мироустройство, и стали действовать так, как будто действительно мир однополярен. Объективные процессы показывают, что этот вывод не имеет ничего общего с действительностью. Китай развивается в шесть раз быстрее, чем Соединенные Штаты. Объединенная Европа — в полтора раза быстрее, чем США. Индия очень быстро развивается. Многополярность растет на глазах. Я думаю, что самая главная, если хотите, беда американского руководства состояла в том, что они посчитали — раз США самые сильные на данном этапе в мире, то это является показателем однополярного мироустройства. И они не только теоретически поставили знак равенства, но и стали действовать на практике через доктрину так называемого унилатерализма. В чем заключается эта доктрина? США сами, без всякого решения Совета Безопасности ООН, даже без своих союзников, решают, куда им двинуть свою военную машину, где провести военную операцию, какой режим свергнуть. Именно так поступили Соединенные Штаты в Ираке. В результате Ирак оказался плацдармом, который показал, насколько доктрина унилатерализма противоречит прогрессу человечества. При всей справедливости критики Саддама Хусейна Ирак при нем был светским государством. Сейчас все политические партии Ирака, представленные в парламенте, религиозные. В Ираке не было столкновения между суннитами и шиитами на религиозной основе (вы знаете, что это две ветви в исламе). А после американской оккупации между ними началась настоящая война. В Ираке не было присутствия «Аль-Каиды» — главной международной террористической организации, а после американской оккупации она перебазировалась в Ирак. Соединенные Штаты кое-как решили вопрос с «Аль-Каидой», предоставив оружие и денежные средства племенам в «суннитском треугольнике», но она не прекратила свое существование в Ираке. Наконец, что очень важно, операция Соединенных Штатов в Ираке объективно нарушила баланс, который существовал на Ближнем Востоке. Исчез контрбаланс для Ирана. И Иран стал крупным региональным государством. Сейчас без Ирана нельзя решить по-настоящему ни одной проблемы на Ближнем Востоке.

Это еще не полный анализ. К нему можно добавить и отношения между курдами и арабами. Я недавно посетил Курдистан. В оглашенной здесь моей биографии пропустили, что в молодости я был корреспондентом «Правды» на Ближнем Востоке и пять лет находился в Египте и Ливане. В те годы, работая в «Правде», я многократно бывал на севере Ирака, выполняя специальные задания. Мы пытались и сделали кое-что для того, чтобы примирить Багдад с курдами. Тогда у меня сложились очень хо-

рошие отношения с руководителем курдского освободительного движения Мулой Мустафой Барзани. До этого, после окончания Второй мировой войны, Барзани в течение 12 лет находился в Советском Союзе и немного говорил по-русски. Я впервые к нему попал в сопровождении двух иракских офицеров в 1966 году. Несмотря на неухвавшие военные действия, курды пропустили меня к себе в горы. Один из офицеров прекрасно говорил по-русски. Он это скрывал, но когда сопровождавший меня советский переводчик рассказал мне по-русски какой-то анекдот, он залился смехом, таким образом разоблачив себя. Я передал Барзани, что один из иракских офицеров знает русский язык, а второй офицер — родной брат министра обороны. И Барзани, будучи очень хитрым, в присутствии этих двоих людей говорит мне по-русски, что в Багдаде все министры (за исключением министра обороны) — «жуликаны» и «воровщики».

И вот, когда я недавно был в Курдистане, естественно, встретился с сыном Барзани, который ныне президент Курдского автономного района. Во время моего пребывания на севере Ирака, когда еще был жив его отец, я познакомился с Масудом, которому тогда было 17 лет и он руководил радиостанцией. Во время абсолютно откровенного разговора Масуд Барзани сказал мне, что хотя и существует тенденция сепаратизма, курды не собираются отделяться от Ирака, не хотят. Почему? Масуд объяснил это так же, как в свое время его отец: если мы уйдем из Ирака, то против нас объединятся и Иран, и Турция, и Сирия, и Ирак. В этих условиях курды хотят сохранить свою автономию внутри Ирака, но влиять на его политику через Багдад. Однако в скором времени будут определяться границы Курдской автономии. Курды претендуют на район Киркука. В этих условиях уже начинаются столкновения между ними и багдадским правительством.

Я, таким образом, хочу сказать, что Соединенные Штаты уходят из Ирака, не умиротворив Ирак, а наоборот, погрузив его в хаос, погрузив в долгие, долговременные развивающиеся противоречия, которые дадут о себе знать еще через много-много лет...

Другой пример — Афганистан. Может быть, вы читали, что из числа бывших государственных деятелей создана российско-американская «группа мудрецов», в составе которой со стороны Соединенных Штатов — бывшие государственные секретари Киссинджер и Шульц, бывший министр обороны и министр финансов, а также Сэм Нанн — известный сенатор. Мне было поручено возглавлять группу с нашей стороны. Во время обсуждения я задал моим американским коллегам вопрос: какие цели США преследуют сейчас в Афганистане, какие задачи хотят там решить? Задачу ликвидации терроризма? Тогда объясните, почему нет крупных воинских операций в зоне племен, где расположен штаб «Аль-Каиды». Борьбу с наркотрафиком? Тогда почему именно после того, как американские и натовские войска вошли в Афганистан, в два раза увеличилось посева мака и намного увеличилось производство героина? Так получилось, потому что американцы не ведут с этим борьбу, боясь настроить против себя крестьянство. А крестьянство этим живет... И я сказал: «Может быть, вы сейчас увеличиваете состав своих вооруженных сил для того, чтобы потом уйти с сохранением лица?» Мои собеседники, у нас был дружественный обмен мнениями, улыбнулись. Но так или иначе, в Афганистане ситуация непонятная.

Иран — огромная проблема, Пакистан — огромная проблема. В Пакистане, когда был президентом Мушарраф, это был диктатор, но он держал под контролем ситуацию. А сейчас в Пакистане, стране с ядерным оружием, всем правит военная разведка, которая в свое время создала афганских талибов. Исламская оппозиция устраивает демонстрации, протесты. Это очень опасная ситуация.

Ядерное оружие может попасть в руки террористических групп.

Перед всем миром сейчас стоит очень много проблем, не только вышеназванные. Поэтому я хочу подчеркнуть, что когда новый президент Соединенных Штатов Барак Обама посылает какие-то позитивные сигналы, нужно к этому относиться серьезно. Для меня, например, критерием является то, что Обама к себе в окружение не взял неоконсерваторов, которые родили доктрину унилатерализма, — тех людей, которые стояли во главе идеологии прежней администрации. Риторика должна быть погашена, мне кажется, с двух сторон. Не должно быть провокаций. Когда, например, у нас по телевизору говорят, что Обама принадлежит к ложе масонов, я считаю, что это наносит вред. Если даже это правда, не то время, когда нужно заражать такими эмоциями общество.

Если говорить о тех проблемах, которые мы могли бы решить совместно с США, я расскажу только о ситуации на Ближнем Востоке. Ближневосточное урегулирование — это, конечно, та проблема, которая всех очень волнует. Почему? Ближний Восток — инкубатор терроризма. Если будет урегулирован арабо-израильский конфликт, это во многом ослабит международный терроризм и ту тенденцию, которая подталкивает к противопоставлению двух цивилизаций — исламской и западной. Если произойдет ближневосточное урегулирование, будет во многом обеспечена стабильность на Ближнем Востоке, включая Иран. У Буша-младшего был разговор с президентом Путиным по поводу того, что США в Аннаполисе хотят провести встречу и таким образом начать движение в пользу мирного урегулирования на Ближнем Востоке. И меня направили на Ближний Восток с конкретным заданием помочь, чтобы в Аннаполисе состоялась встреча. Мы помогли американцам сознательно, потому что стремились к урегулированию на Ближнем Востоке. Причем, я думаю, Россия сыграла здесь не последнюю роль. Я, ко-

нечно, не был главным участником этого дела. Главными были президент Путин, министр иностранных дел Лавров и его заместитель Салтанов. Но я был направлен на Ближний Восток, где встречался и с руководством Израиля — Ольмертом, Барак, министром обороны — и с Махмудом Аббасом, руководителем палестинцев, и с египетским президентом Мубараком, и с сирийским президентом Асадом, и с руководителем Лиги арабских стран Мусой. По предложению американцев следующая после Аннаполиса встреча должна была состояться в Москве. Это способствовало бы непрерывности процесса урегулирования, а такая непрерывность необходима. В конце концов многие поехали в Аннаполис, все прошло нормально. Но московской встречи не было. Нам Соединенные Штаты говорили, что Израиль не хочет, израильтяне — что США не хотят. Так или иначе, но эта встреча в Москве до сих пор так и не состоялась. В результате и наработки в Аннаполисе повисли в воздухе...

Я хочу сказать, что если президент Обама будет действовать вместе с Россией и Европой, можно добиться определенных результатов. Однако сейчас возникло очередное препятствие — новое правительство Израиля. Кстати говоря, министр иностранных дел этого правительства, который, в общем-то, и тормозит решение вопроса, — выходец из Молдавии Либерман, и он прекрасно говорит по-русски. Недавно Либерман заявил, что Израиль не должен допускать изменения демографического состава населения страны — речь идет даже не об оккупированной территории, а о самом Израиле, где палестинцы такие же граждане, как и другие. Он заявил, что израильское правительство не допустит изменения соотношения между евреями и арабами, населяющими Израиль. Каким образом не допустит?

Многие проблемы нужно решать, решать сознательно, решать, имея в виду необходимость сотрудничества со всеми теми государствами, которые хотят добиваться стабильности и мира.

Хуан А. Марк Пужоль¹

АЛЬЯНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ОПРЕДЕЛЕНИИ НОВОГО МИРОВОГО УПРАВЛЕНИЯ

Через несколько месяцев исполняется 5 лет с момента, когда Председатель Правительства Испании г-н Хосе Луис Родригес Сапатеиро выступил на ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН с предложением о создании «Альянса цивилизаций», и немногим более 4 лет с тех пор, как бывший в то время Генеральным секретарем ООН Кофи Аннан проникся этой идеей и превратил ее в инициативу в рамках ООН. С этого момента до настоящего времени на международной арене произошли большие изменения и то, что в те времена представлялось как проницательный взгляд на проблему устранения угрозы «столкновения цивилизаций», как ее окрестил С. Хантингтон, и что многие тогда прозвали «наивно-утопическим» предложением, превратилось в великолепный рабочий инструмент для модулирования нового мира, краеугольным камнем которого должна стать понимание. «Альянс цивилизаций» превратился в оперативную реальность, постепенно интегрируя в себя все большее количество действующих лиц и предпринимаемых действий для продвижения вперед в двойном измерении: в расширении консен-

суса вокруг парадигмы взаимного уважения как основы современного международного сообщества и в решительной защите мультилатерализма как наилучшей системы для поддержания всеобщего мира и прогресса в многополярном и разнообразном мире.

Говоря о существовании этой объективной реальности, необходимо отметить исторические вехи развития и консолидации этой инициативы, коснуться реализуемых программ и проанализировать пути расширения перспектив, предоставляемых нам Альянсом на пути к формированию нового международного порядка.

Начало истории «Альянса цивилизаций» было положено предложением Председателя Правительства Испании, сделанным во время его выступления перед Генеральной Ассамблеей ООН 21 сентября 2004 года. Новое правительство, зародившееся в недрах избирательных участков Испании в марте 2004 года, с начала своей работы самым приоритетным направлением в своей международной деятельности считало достижение преобладающей роли ООН в качестве источника международной легитимности, а также понимание ценностей мирового разнообразия как краеугольных понятий международных отношений, в противоположность практике их недооценки и одностороннему подходу к регулированию международных отношений

¹ Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ. Работал советником посольств Испании в Лондоне и Мексике. В 2004–2008 гг. являлся послом — постоянным представителем Испании в Организации Объединенных Наций и международных организациях в Женеве.

со стороны отдельных сил, которые в стремлении к поддержанию безопасности и процветанию в мире положили начало разрушительной динамике. Предложение о создании «Альянса цивилизаций» уходит своими корнями в глубь принципов международной морали, наряду с соблюдением законности и прав человека. Этическое наследие, которое легло в основу выступления Председателя Правительства Испании перед Генеральной Ассамблеей ООН и его решительная позиция в пользу укрепления системы ООН очевидно явствуют из произнесенных им слов. Представляя вносимое предложение, он отметил: «Безопасность и мир распространятся только силой Объединенных Наций, силой международной законности, силой прав человека, силой демократии <...> Поэтому, как представитель страны, созданной и обогащенной различными культурами, я хотел бы предложить Ассамблее создание альянса цивилизаций между западным миром и арабским мусульманским миром. Испания предлагает Генеральному секретарю, чью работу в Организации горячо поддерживает, возможность создания Группы на высоком уровне для реализации данной инициативы».

За предложением председателя Сапатеро последовало согласие со стороны премьер-министра Турции в июне 2005 года на оказание совместной поддержки Альянсу. Затем, 14 июля того же года, Генеральный секретарь Кофи Аннан формально объявил о его создании и спустя несколько недель назначил 20 членов Группы высокого уровня, чей мандат, *Terms of Reference*, был утвержден 25 августа. С 27 по 29 ноября в г. Пальма-де-Майорка состоялось первое собрание членов Группы. В 2006 году прошло еще несколько встреч: в феврале — в Дохе, в мае — в Дакаре, и 13–14 ноября — в Стамбуле, где был представлен доклад. 1 января 2007 года Пан Ги Мун сменил Кофи Аннана на посту Генерального секретаря ООН. 26 апреля он назначил Жоржи Сампайю своим Высоким представителем в Альянсе, следуя одной из политических рекомендаций, содержащихся в Докладе, тем самым выражая свою институциональную поддержку предложению. 14 июня Высокий представитель представил Генеральному секретарю свой план действий на 2007–2009 годы. 15–16 января 2008 года в Мадриде прошел Первый форум, что также было рекомендовано Группой высокого уровня. 20 марта прошлого года доктор Сампайю представил свой ежегодный доклад Пан Ги Муну, который 2 мая передал его Председателю Генеральной Ассамблеи. Этот доклад охватывает основные мероприятия, прошедшие в рамках Альянса с мая 2007 года по апрель 2008 года, и завершившиеся Первым форумом. За Первым форумом последовал Второй, прошедший 6–7 апреля 2009 года в Стамбуле. На этом завершился период создания «Альянса цивилизаций». Третий форум пройдет в Бразилии в 2010 году, Четвертый в Катаре, следующий — в Австрии в 2012 году. Португалия и Марокко предложили себя в качестве следующих мест его проведения.

В Мадриде были приняты пять важных проектов:

— Механизм быстрого реагирования средств массовой информации в кризисных ситуациях (<http://www.globalexptfinder.org>);

— Фонд Silatech по трудоустройству молодежи на Ближнем Востоке (<http://www.silatech.com>);

— Проект по образованию в сфере средств массовой информации (<http://aocmedialiteracy.org>);

— Медиафонд «Альянс цивилизаций»;

— Фонд молодежной солидарности.

Также было объявлено о принятии или начале осуществления нескольких национальных планов и об учреждении партнерских договоров с международными агентствами и организациями. Состоялись политические встречи на высоком уровне, направленные на продвиже-

ние «Альянса цивилизаций». Внесено предложение о создании сети филантропических и частных спонсорских организаций. Достигнута договоренность с Глобальным договором ООН (*Global Compact*) о создании Руководства к действию в корпоративном секторе. И наконец, группой религиозных лидеров принята декларация, призывающая молодежь к солидарности и взаимному компромиссу.

В течение всего этого процесса постоянно предпринимались особые усилия для принятия национальных стратегий. Так, правительства стран — членов «Группы друзей» постепенно разрабатывали национальные планы, а международные организации и институты заключали партнерские договоры с Альянсом. На настоящий момент уже 22 правительства утвердили и начали осуществлять соответствующие национальные планы или приступили к их разработке. Они делали это, несомненно, руководствуясь причинами, вызванными их географическим положением, историей и культурой, а также составом их общества. На I Форуме свои планы представили Испания и Новая Зеландия. За ними последовали Болгария, Великобритания, Румыния и Турция. В Стамбуле это формально сделали Албания, Алжир, Аргентина, Бразилия, Словения, Катар, Малайзия, Черногория и Россия. Полным ходом идет разработка национальных стратегий Чехии, Хорватии, Греции, Венгрии, Португалии, Македонии и Сербии, к которым вскоре присоединится Босния и Герцеговина. В то же время в течение Первого форума в Стамбуле к международным организациям, подписавшим Партнерские соглашения присоединились еще 7, и их стало 18: ALESCO, «Объединенные города и местные власти», Европейская комиссия, Сообщество стран, говорящих на португальском языке, Commonwealth, Совет Европы, Фонд Анны Линд, Франкофония, ISESCO, Лига арабских государств, Организация Исламская конференция, Международная организация по миграциям, Международная организация труда, ОБСЕ, Генеральный секретариат Иberoамериканского сообщества, ЮНЕСКО, Межпарламентский союз и Латинский союз.

Важной демонстрацией пройденного Альянсом пути является сеть «Группа друзей», деятельность которой вначале носила неформальный и спонтанный характер, набрала силу и сейчас насчитывает 104 члена, 86 из которых — правительства, 18 — организации и институты международного значения. В нее также входят все постоянные члены Совета Безопасности за исключением Соединенных Штатов Америки; полностью Европейский Союз, и другие крупные государства всех пяти континентов. В Группу входят 23 азиатских, 4 европейских, 11 африканских, 10 американских и 2 государства Океании. «Группа друзей» служит ощутимым доказательством универсальности Альянса и, следовательно, самой Организации Объединенных Наций.

В соответствии с преследуемыми целями, национальными и региональными планами, Высокий представитель в свое время предложил членам «Группы друзей» назначить так называемых Focal Points, которые стали бы своего рода координаторами и участниками диалога в таких вопросах. Создание сети таких ответственных координаторов преследует цель сделать сотрудничество членов группы более тесным, чтобы добиться лучшего взаимопонимания, сформировать общественный дух и обеспечить свободный обмен опытом, облегчая таким образом принятие необходимых стратегий и практических решений на местном, национальном и региональном уровне. Первая пленарная встреча координаторов состоялась 2 и 3 октября 2008 года, а вторая прошла 8 апреля этого года в Стамбуле.

Второй форум Альянса был более масштабным и в количественном, и в качественном отношении по

сравнению со встречей в Мадриде. Это, безусловно, было нечто гораздо большее, чем просто шаг вперед в процессе консолидирования и институционализации, так как он характеризуется, на мой взгляд, окончанием одного этапа и началом нового периода, который, в числе прочего, будет характеризоваться более определенным включением «Альянса цивилизаций» в систему Объединенных Наций. Это будет происходить вместе с его адаптацией к глобализованному миру. Ведь поскольку в 2010 году центр Альянса переместится в Бразилию, эта организация впервые выйдет за рамки средиземноморского контекста, в котором прошли первые два форума, а также за рамки динамики «Запад–Ислам», которая была основной с момента создания Альянса. В Бразилии перспектива анализа еще больше расширится, что сделает возможным внедрение на Третьем форуме нового восприятия, обогащая и расширяя тем самым политическое, культурное и религиозное пространство, в котором функционирует «Альянс цивилизаций».

В Стамбуле, как и в Мадриде, кроме обсуждения разных идей относительно будущей деятельности Альянса были запущены новые инициативы. В целом их десять:

— *Global Youth Movement for the Alliance of Civilizations* (Всемирное молодежное движение в пользу «Альянса цивилизаций»);

— *Dialogue Café* (Диалог-кафе), представляющий собой новый высокотехнологичный инновационный проект, нацеленный на создание всемирного сообщества простых граждан;

— *Restore Peace, Rebuild Bridges* (Восстановить мир, навести новые мосты) совместно с евро-средиземноморскими проектами в сотрудничестве с Фондом Анны Линд для содействия миру после кризиса в секторе Газа;

— управляемый молодыми лидерами *Alliance Fellowship Program* (Программа стипендиатов Альянса);

— молодежный фестиваль фильмов на миграционную тематику *Plural +* (Множественность +);

— *Doing Business in a Multi-cultural World* (Бизнес в поликультурном мире) совместно с *UN Global Compact* (Глобальным договором ООН);

— *Mapping Media Education Policies around the World* (Принципы обучения профессионалов СМИ по всему миру) в сотрудничестве с ЮНЕСКО по вопросам медиаобразования;

— *Mecanismo de Respuesta Rápida* (Механизм быстрого информационного реагирования) совместно с Фондом Анны Линд и Европейской комиссией для поддержки СМИ в Средиземноморском регионе;

— запущенная программа *The Alliance Research Network* (Исследовательская сеть Альянса) с участием 12 университетов всего мира;

— *The Education about Religions and Beliefs Clearinghouse* (Образовательный центр изучения религий и верований) — информационный центр, исследующий религии и верования.

Вышеизложенное подтверждает, что был проделан длинный путь и предприняты огромные усилия, а также доказывает силу «Альянса цивилизаций». Сейчас же следует сконцентрироваться на сути и специфике этой инициативы.

«Альянс цивилизаций» возник как предложение действовать в измерении политики и безопасности, а также измерении культуры. Это двойное измерение, а также призывание к действию делают его особенным и выделяют его деятельность из всех прочих в области взаимопонимания и взаимоуважения в сфере международных отношений, как, например, в случае с «Диалогом цивилизаций». «Альянс цивилизаций» имеет четкое политическое измерение, поскольку преследует цель способствовать пра-

вильному правлению сложным, разнообразным и многополюсным миром посредством использования трех больших осей действия: а) установление справедливого и интегрирующего международного порядка; б) установление мира посредством укрепления понимания, поиск мирного разрешения проблем и, соответственно, борьба с терроризмом во всех его формах; в) поддержка эффективно-мультилатерализма. Эти три оси действия, несомненно, определяют «дорожную карту» для движения вперед с гарантиями для всех четких интегрирующих норм в правлении динамичным глобальным миром, в котором множественность и разнообразие воспринимаются как факторы, способствующие обогащению и жизни, а не как факторы, лишь искажающие односторонность и редукционизм.

Однако у «Альянса цивилизаций» есть также прочное культурное измерение. Речь идет о поддержании в сознании людей призыва к взаимоуважению, уважению другого человека и существующего многообразия. В противоположность рассуждениям шаблонщиков и упрощенцев, которые ведут нас к нетерпимости и конфронтации, Альянс стремится укрепить голос и влияние тех людей, кто понимает и защищает сложное многообразие, а следовательно, взаимозависимость и сотрудничество. С этой целью Альянс выделяет четыре приоритетные группы: а) молодежь; б) средства массовой информации; в) эмиграция; г) образование. Во всех четырех сферах Альянс поддержит те инициативы, которые поступят от общества и правительств и будут содействовать укоренению ценностей и отношения, содержащего зерно взаимного уважения.

Данный комплекс проблем Альянса должен быть рассмотрен с учетом перспективы достижения амбициозной цели. Альянс возник как инициатива с всемирной целью — в основе ее лежит стремление стать орудием мира в его целостности; Альянс появился под эгидой ООН и ставил своей задачей создание нового международного порядка, который постепенно должен был сформироваться в этом веке для принятия всех обществ и их объединения. Последний аспект требует дополнительного размышления, чему я бы и хотел посвятить заключительные слова.

В построении упомянутого нового, более справедливого и интегрирующего международного порядка все будут участвовать по мере своих возможностей, но, безусловно, каждый из них призван играть важнейшую роль — крупные полюса мирового динамизма и так называемые молодые государства. Тем не менее внутри этой сложной галактики особую роль могло бы сыграть то, что я назвал бы Единой Европой, под которой понимается Европа как совокупность цивилизаций, находившихся в центре создания нового времени человечества. Эта Европа, которую могли бы образовать современные страны Европейского Союза и Россия, несет в себе зародыш сложного многообразия. В конце XX века европейские страны достигли того, что глубокие раны этого столетия зарубцевались. Нам осталось снова создавать общую историю Западной Европы и России, для чего у этих стран достаточно жизнеспособности. Европа нуждается в России, так же как и России необходима Европа. И нам всем нужно продолжать движение в будущем, для того чтобы международный порядок, который постепенно установится, был наполнен по максимуму нашими ценностями и принципами. Нам необходимо объединить силы с целью создания большого мирного, безопасного, процветающего пространства и укрепления интегрирующего видения международной сцены.

В этой сдерживающей деятельности, которую могла бы выполнять на международной сцене Единая Европа, ее вклад, без сомнения, сыграл бы важную роль в основной проблеме, находящейся в центре напряженных отношений между Западом и мусульманским миром,

а именно — в палестинской проблеме. Так, как это указывается в разделе V Доклада Группы высокого уровня относительно общих политических рекомендаций, подчеркивается «возрастающая срочность решения палестинской проблемы, которая составляет определяющий фактор в образовании недавней трещины между мусульманскими сообществами и Западом». Далее заявляется, что «без справедливого, достойного и демократического решения, основанного на воле всех народов, вовлеченных в конфликт, приложенных всех усилий, рекомендации, указанные в настоящем докладе, для наведения мостов и приостановки вражды между обществами со всей вероятностью будут иметь ограниченный успех». В этом же разделе объясняется, каким образом палестино-израильский конфликт затрагивает нас всех — потому что «он приобрел символический смысл, пронизывающий межкультурные и политические отношения трех основных монотеистических религий, распространяясь за пределы географических границ».

Здесь следует повторить: то, что действительно необходимо заново создать, однако на этот раз при всеобщем участии, — это новое всемирное соглашение, новый международный порядок, а также нормы поведения, которые должны им управлять. И здесь важно не впасть в искушение и не ожидать, что это сделают другие. Давайте объединим энергию на старом континенте, восстановим по максимуму жизнеспособность, действие и лидерство наших обществ и будем продвигаться в нашем сотрудничестве для создания большого общего пространства — основы для Единой Европы, и мы станем главными действующими лицами в процессе консолидации.

Однако для того чтобы это новое общемировое соглашение начало приносить свои плоды, необходимо чтобы все его участники, а не только один из них, были готовы к совместному существованию и мирной конкуренции в рамках поведения в отношениях между собой на глобальном уровне в соответствии с совместно установленными и принятыми правилами поведения, свободными от принуждения и дискриминации. Общемировое соглашение, обеспечивающее не просто сосуществование, но гармонию и сотрудничество в каждый раз все более взаимозависимом мире. В этом смысле здесь можно приветствовать и стремление к некоей утопии. Именно этот свод

норм совместного проживания лежит в основе принципов, на которых базируется доктрина «Альянса цивилизаций», — кстати та самая система этических норм, которой руководствуется Испания в своей внешней политике в настоящее время и которая содержится в Политических рекомендациях Отчета Группы высокого уровня: «Заново подтвержденная приверженность мультилатерализму <...> И, следовательно, вменяет в обязанность государств укреплять многосторонние организации, в частности Организацию Объединенных Наций, и поддерживать проекты по реформированию с целью расширения возможностей и развития деятельности этих организаций».

Полное и последовательное соблюдение международных права и прав человека. Поляризация между обществами растет, когда всеобщие права человека защищаются или их избирательная защита ощущается. Скоординированная миграционная политика, сопутствующая защите прав человека <...> Борьба с нищетой и экономическим неравенством <...> «Альянс цивилизаций» может существовать только в международных рамках приверженности всех стран трудиться во имя достижения целей развития тысячелетия <...> Защита свободы отправления религиозного культа. Свобода вероисповедания и отправления религиозного культа являются фундаментальными правами человека».

Так, задача огромная, но также глобальны и последствия успеха или поражения нашего предприятия. Речь идет о способности или неспособности сконструировать мир, который из всех своих отправных точек будет двигаться вперед в направлении сотрудничества, и тем самым осмыслить созидательные способности и готовность внести вклад в общее дело, которыми мы, миллиарды людей, составляющих человечество, обладаем.

В заключение позволю себе напомнить о том, что с 18 ноября сего года у «Альянса цивилизаций» есть достойно представляющее его помещение: зал XX Дворца наций в Женеве. В создании этого зала соединились стремления объединить диалог и искусство через творчество испанского художника Микеля Барсело, сотворившего великое произведение искусства, изменяющееся в зависимости от угла зрения. Это живой пример идеологии Альянса: соединение политики и культуры во имя защиты многосторонности и разнообразия.

Александр Пар¹

НОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И РОССИЕЙ

После окончания конфликта между Востоком и Западом прошло почти 20 лет. В Соединенных Штатах Америки, Евросоюзе и России почти не осталось активных политических деятелей, которые бы пережили холодную войну, находясь на руководящих постах. После краткой фазы сближения, которая при других обстоятельствах должна была бы привести к интеграции России на Запад, американцы и европейцы вновь вступили в конфликт с Россией. Обе стороны уже говорят о возвращении холодной войны. Запад стоит перед выбором: либо относиться к России как к нарушителю мира в мировой политике и обуздать ее при помощи привычного арсенала холодной войны, либо сми-

ряться с отсутствием совместимости систем ценностей Запада и России и включить Россию в совместный союз посредством стратегического партнерства.

Администрация Джорджа Буша, находясь под влиянием все более авторитарного стиля российской внутренней политики, использовала позицию преимущества в осуществлении политики сдерживания («усыпления») своего бывшего главного соперника. Элементами этой стратегии являлись размещение ракетных вооружений в Центральной Европе, попытки расширения НАТО на Украину и в Грузию, а также попытки любым способом подорвать российскую монополию на транспортировку газа и нефти на Запад. Нынешний президент США Барак Обама, который, судя по всему, не видит веской причины для развязывания новой холодной войны с Россией, мог бы сделать ей конкретные конструктивные предложения о сотрудничестве. В случае же если Россия в дальнейшем не будет рассматриваться будущей администрацией Белого Дома

¹ Журналист, политолог (Германия), директор программ по России и СНГ Немецкого общества внешней политики (Deutsche Gesellschaft fuer Auswaertige Politike. V.) Автор многочисленных научных и публицистических работ, в том числе: биографий М. С. Горбачева, В. В. Путина, книга «Россия жмет на газ» и «Путин после Путина. Капиталистическая Россия на пороге нового мирового порядка». Эксперт в области политической культуры и политических элит стран бывшего СССР, почетный профессор МГИМО.

в качестве потенциального партнера по коалиции на глобальном уровне, Евросоюз должен самостоятельно, уже на европейском уровне, проводить сближение с Россией. Взаимодействие с Россией — существенный фактор если не для мирового, то для европейского общественного мирного сосуществования (мирного порядка).

Вне всякого сомнения, Россия остается достаточно сложным партнером для Евросоюза. По всей видимости, российская правящая элита еще не до конца преодолела развал советской империи, который произошел почти 20 лет назад. Теперь Западу открыто ставится в упрек, что он без стыда использовал трудный период ослабления экономики России в начале 1990-х годов, для того чтобы поставить страну в экономическую зависимость и лишить нашу страну традиционной сферы влияния. Россия заявляет о себе на европейском континенте как о ведущей великой державе, которая хотела бы участвовать в будущем строительстве экономики и безопасности Европы и не хочет, чтобы Евросоюз оттеснил ее в Азию. В качестве контрагумента на мнение Запада о том, что Россия является все еще экономически слабой страной, Москва напоминает, что Европа зависит от российских энергетических поставок. Фактический захват Абхазии и Южной Осетии в грузинском конфликте в августе 2008 года способствовал возникновению страхов на Западе, связанных с русским неоимпериализмом.

В сентябре 2008 года во время встречи с международными экспертами в дискуссионном клубе «Валдай» российский президент Дмитрий Медведев высказал мнение, что Западу следовало в 1990-е годы включить Россию в состав НАТО. Тогда удалось бы избежать сегодняшних конфликтов на территории бывшего СССР. И сегодня, как и 10–15 лет назад, российские правящие круги не желают для себя ничего большего, чем интеграции в систему Запада. Тем временем строительство европейской архитектуры на фундаменте, заложенном НАТО и Евросоюзом, продвигалось все дальше и дальше вперед. Все страны — бывшие члены Варшавского договора были включены в состав НАТО и Евросоюза, и уже принято принципиальное решение включить в Западный союз Украину и Грузию. Будущее Европы будет строиться исключительно на основных положениях, выработанных НАТО и Евросоюзом, в то время как Россия, самая большая европейская страна по территории и численности населения со всеми своими полезными ископаемыми, которые необходимы Европе для будущей экономической стабильности ее существования, окажется в изоляции по отношению к институционально закреплённому новому европейскому порядку.

Стремление России изменить свое положение и ее попытка самоутвердиться на Европейском континенте являются основной причиной современного конфликта между Россией и Евросоюзом. У Евросоюза весьма неоднозначное отношение к России. Некоторые европейские государства не верят в возможность совместного мирного сосуществования с этой страной. Внутриевропейские разногласия конкретно проявляются в вопросах о расширении НАТО на Украину и в Грузию, размещении ракетных вооружений, энергетическом альянсе с Москвой, а также об отношении к недавнему грузинскому конфликту. Многие государства Центральной Восточной Европы при поддержке Великобритании и Швеции требуют выработки четкой позиции против «неоимперской России». И для поддержания этой критичной по отношению к России позиции они требуют солидарности всех западных европейцев.

Другие европейские страны, такие как Франция, Италия и Германия, ни в коем случае не хотят создавать будущую Европу ни против интересов России, ни без России. Во многих государствах Западной Европы видят вину Гру-

зии в развязывании войны в Южной Осетии и дистанцируются от первоначальной солидарности с мнимыми жертвами российской агрессии. Теперь старые государства ЕС требуют от восточноевропейских стран солидарности с их стороны и больше доверия к своей укрепленной политике примирения с посткоммунистической Россией. Не исключено, что если это состояние, заряженное на конфликт, продлится долго, европейцы устанут от спора вокруг России и Европа расколется на «старую» и «новую».

Франция во время своего председательства в ЕС путем трудных дипломатических усилий пыталась привести к соглашению противоположные точки зрения. Она достигла того, что России со стороны ЕС предлагается новое соглашение о партнерстве и кооперации, которое обещает Москве перспективы тесного сотрудничества в экономике, науке, культуре в том случае, если восточный сосед не отойдет дальше от европейских канонов ценностей. Но одновременно Россия должна раз и навсегда отказаться от создания собственных сфер влияния в пользу общей европейской политики добрососедства. Французский президент Николя Саркози мог похвастаться тем, что в отношении ЕС к России во время российско-грузинской войны его план из шести пунктов смог предотвратить худшее. Если бы в этот момент не французы, а, например, поляки председательствовали в ЕС, то вероятность того, что европейцы приняли бы штрафные санкции против России, была бы высокая. Во время председательства в ЕС Германии в 2006 году федеральному канцлеру Ангеле Меркель не удалось преодолеть настойчивое вето Польши по вопросу начала переговоров о новом партнерском соглашении между ЕС и Россией. Почти три года эти переговоры с Москвой были заморожены. Поэтому задачей ЕС было в первую очередь найти связную единую политическую линию по отношению к России.

В 1990-е годы Россия заявляла о своем согласии заключить соглашение о партнерстве и кооперации на условиях Запада, так как в тогданных условиях борьбы за существование увидела в экономически мощном ЕС свой единственный якорь стабильности. Сегодня у Москвы другие приоритеты. Вместо того чтобы добиваться юниорского партнерства с Западом, Москва требует равноценного партнерства с ЕС. Президент Медведев требует нового общеевропейского диалога по безопасности, результатом которого должно быть образование новой единой организации для всех европейских учреждений. Россия хотела бы заключить с НАТО и ЕС «вечный мир», включить обе организации в расширенный союз, в котором Запад и Россия по принципу сосуществования могли бы вместе стабилизировать европейский континент.

В то время как США, восточноевропейские и многие западноевропейские государства отклоняют такой диалог с Москвой, французский президент в конце председательства Франции в ЕС заявил о готовности его поддержать.

Чехия, являясь председателем ЕС, кажется, снова дистанцируется от активности Саркози по отношению к Москве. Во время своего председательства Прага хочет добиться большего сближения с Западом бывших советских республик: Украины, Беларуси, Молдовы, Армении, Азербайджана и Грузии. Этим государствам делают амбициозное предложение стать ассоциированными членами ЕС. То, как развивается новое «Восточное партнерство», можно вполне интерпретировать как попытку потеснить Россию на западе и юге полушария. Если названные страны СНГ воспользуются предложением по расширению партнерства, то они смогут рассчитывать на широкую поддержку Запада в демократическом и экономическом рыночном процессе трансформации и интеграции с ЕС. «Восточное партнерство» содержит также новый пакет предложений по энергетической безопасности

для всех соседних государств, зависимых от российских энергоносителей. Стратегия не утаивает, что «Восточное партнерство» имеет в своей основе солидарность ЕС со странами, которым якобы угрожает империалистическая Россия. Председательство Чехии в отличие от председательства Франции снова устанавливает по отношению к Москве политику ограничений. Тема «наказания» России за фактическую аннексию обеих отколовшихся грузинских провинций, Абхазии и Южной Осетии, вновь может стать актуальной.

Следующей страной, председательствующей в Евросоюзе после Чехии, будет Швеция, а в 2011 — Польша. Стокгольм солидарен с восточными европейцами, занимающими критическую позицию по отношению к России. Восточная политика, которую проводят страны Восточной Европы, отличается от традиционной немецко-французской, сфокусированной на России, и может привести к новым проблемам в отношениях с Россией.

Как можно прийти к согласию по вопросам совместной политики России и Евросоюза? Несмотря на разработку нового совместного договора о сотрудничестве с Москвой Евросоюз в качестве ответа Дмитрию Медведеву, должен найти новые конкретные формы взаимодействия с Россией в следующих десятилетиях, где по необходимости будут привлекаться США:

— Концепция совместной противоракетной обороны против теоретически возможного нападения потенциального врага, которая в одинаковой мере могла бы защищать Америку, Европу и Россию. Совместное научное исследование космоса с целью предотвращения гонки космического вооружения (в трехстороннем порядке совместно с США).

— Создание западного энергетического альянса с Россией с целью длительных бесперебойных поставок энергоносителей на Запад и в противовес — разработка западных технологий для модернизации российского энергетического комплекса. Предотвращение войны из-за передела собственности на энергоносители в Евразии, благодаря переходу западных и русских энергетических концернов к газовому консорциуму (в двустороннем порядке).

— Тесное взаимодействие при реформировании таких международных организаций, как ООН, страны «Большой восьмерки», ОБСЕ. Создание всеобъемлющего «Партнерства в защиту мира», например НАТО — Шанхайская организация сотрудничества (в трехстороннем порядке).

— Концепция плана модернизации Сибири, представленная Европейским Союзом и Россией, практически служит усилению целевой ориентации энергетического альянса. Этот план способствовал бы не только экономическому сотрудничеству, но и укреплению стратегической

значимости российских ресурсов для будущего процветания Европы (в двустороннем порядке).

— Восстановление сотрудничества в рамках нераспространения оружия массового уничтожения. Концепция совместной глобальной доктрины безопасности, которая на долгий срок объединит Россию, США и Европейский Союз в борьбе с международным терроризмом (в трехстороннем порядке).

— Создание действенного механизма взаимодействия между Европейским Союзом и Россией, который бы не зависел от согласия всех 27 стран — членов Европейского Союза. Давний тройственный немецко-французско-русский союз вызывает слишком много недовольства у стран Центральной и Восточной Европы. Идея внешнеполитического представителя Христианско-демократического союза (ХДС) Экарта фон Кледена об образовании группы государств, ответственной за политику взаимоотношений Европейского Союза и России, должна быть претворена в жизнь (в двустороннем порядке).

— Совместные усилия в области защиты климата и окружающей среды. Россия, Европейский Союз и США могли бы иметь в планах создание «Экологического альянса». Все стороны могли бы развивать совместные требования и возможности взаимодействия в различных областях в рамках Киотского процесса (в трехстороннем порядке).

— Следующие шаги для создания совместных пространств между Европейским Союзом и Россией, прежде всего, в области зон свободной торговли, снятие визовых ограничений, обмен научным опытом, создание европейско-российских миссий мира как в постсоветском пространстве, так и в Африке (в двустороннем порядке).

— Расширение зоны действия «Четверки» (США — Европейский Союз — Россия — ООН) в борьбе за установление мира на Ближнем Востоке на других конфликтных регионах, таких как, например, Иран и Афганистан. Россия в последние годы приобрела новый политический вес благодаря развитию экономических контактов со странами арабского мира, который можно было бы использовать в интересах Запада.

— Совместная программа по борьбе с бедностью в развивающихся странах. Глобальный кризис, проявляющийся в трех областях — финансовой, энергетической и продовольственной, — изменит в ближайшее время мировую экономику. Последствия этого кризиса могут привести к массовой миграции и войне за полезные ископаемые. Россия на сегодняшний день, благодаря прибыли, получаемой от экспорта, в состоянии выделять средства на социальные нужды, что демонстрирует ее растущую ответственность перед мировой экономикой.

К. О. Ромодановский¹

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Миграционные процессы представляются весьма важным фактором экономического, политического, но также и культурного, демографического — цивилизационного, можно сказать, развития, влияющего на жизнь общества и государства.

Одной из задач, стоящих перед Федеральной миграционной службой, является обеспечение возможностей реа-

лизации прав человека в области миграции, в частности права на свободное передвижение и выбор места жительства. Одновременно наша Служба выполняет важную общегосударственную задачу регулирования миграционных процессов, особенно актуальную с учетом неблагоприятного демографического прогноза на ближайшую перспективу. Миграция позволяет нам компенсировать убыль населения, вызванную его старением и низкой рождаемостью. Сегодня компенсация численных потерь населения за счет миграционного прироста достигла 71 %, тогда как в 2003 году она составляла лишь 4 %, а в 2006 году —

¹ Директор Федеральной миграционной службы России, генерал-полковник милиции, кандидат юридических наук. В 1980-е гг. служил в Комитете государственной безопасности СССР. С 2001 г. — начальник Главного управления собственной безопасности МВД России. В 2005 г. назначен директором ФМС РФ.

22 %. Это дает возможность развиваться нашей экономике: по некоторым данным, мигранты создают до 8 % ВВП Российской Федерации.

Таким образом, контролируемая, находящаяся в правовом поле миграция — процесс, выгодный как самим приезжим, так и принимающей стороне. Однако ценность мигрантов измеряется не только деньгами. Разве не мигрантами (а часто и вынужденными переселенцами) были такие прославленные деятели культуры, как Иван Тургенев, Джеймс Джойс, Альберт Эйнштейн, Томас Манн? Генри Джеймс, проведший многие годы жизни вдали от родины, стал родоначальником целого направления в американской литературе — произведений об американцах в Европе. Если же вспомнить политику, то даже не касаясь США, где весь истеблишмент состоит из потомков иммигрантов, можно назвать хотя бы президента Франции Никола Саркози, отец которого эмигрировал из Венгрии, а дед по материнской линии — из Греции. Говоря о спорте, мы не можем пройти мимо вклада в развитие российского футбола голландца Гуса Хиддинка — тоже ведь трудового мигранта.

В современном глобализирующемся мире тема судьбы мигрантов стала сквозной в творчестве знаменитого британского писателя Салмана Рушди (индийца-мусульманина по происхождению), важна она для испанца Хуана Гойтисоло, сделавшего африканского трудящегося-мигранта центральным персонажем своего романа «Макбара». В России пока нет сопоставимых по масштабу культурных явлений, но тема интересна многим: достаточно вспомнить Эдуарда Багирова — автора нашумевшего романа «Гастарбайтер».

Многие деятели культуры — мигранты — обогатили мировую культуру уникальным, неповторимым взглядом на мир. Ведь феномен миграции позволяет увидеть привычную жизнь со стороны, глазами чужака, что делает и видение аборигенов более объемным: особенности другой жизни бросаются в глаза приезжему, тогда как взгляд местного уроженца привычно скользит по поверхности, не замечая перемен собственного бытия. Этим выходом за пределы автоматизма восприятия и ценен взгляд «чужого», в данном случае мигранта.

Россия является очень привлекательной страной для трудовых мигрантов в силу экономических, социальных, исторических и других факторов. Наибольшее представительство среди работающих в России трудовых мигрантов в 2008 году имели граждане стран бывшего СССР: Узбекистана — 642 тыс. человек, Таджикистана — 341 тыс. человек, Украины — свыше 245 тыс. человек, Киргизии — 184 тыс. человек, Молдовы — 122 тыс. человек, Армении — 100 тыс. человек, Азербайджана — свыше 76 тыс. человек.

Поначалу наличие общих корней упрощало задачу адаптации и интеграции иностранцев в российское общество: они знали русский язык, получили советское образование, их культурные ориентиры мало отличались от ориентиров россиян. Новое поколение мигрантов из этих стран заставляет задуматься о проблеме адаптации их в России, потому что в этом случае мы сразу сталкиваемся с необходимостью изучения русского языка как иностранного, не говоря уже о растущих культурных и социальных различиях. В интересах активизации интеграционных процессов в странах Содружества Независимых Государств утверждена Федеральная целевая программа «Русский язык (2006–2010 годы)».

С целью регулирования миграционных потоков и одновременно создания максимально благоприятных условий для адаптации мигрантов нами была разработана и успешно работает Государственная программа оказания содействия добровольному переселению соотечественников из-за рубежа. Мы попытались в ней создать условия для объединения потенциала соотечественников и потребностей регионов нашей страны в трудовых ресурсах. Сегодня в Госпрограмме задействовано 12 пилотных регионов, но это лишь 4 % территории России, так что перед нами огромное поле для деятельности.

Отрадным фактом последних месяцев является начало перераспределения трудовой миграции на Урал, Дальний Восток и Сибирь. Если в среднем по России наблюдается небольшое снижение числа въезжающих, то в этих регионах количество разрешений на временное проживание и осуществление трудовой деятельности выросло более чем на треть.

В связи с этим возрастает потребность в совершенствовании подходов по адаптации мигрантов в российском обществе. Очевидно, что данная проблема имеет две стороны: во-первых, создание наиболее благоприятных условий для них самих в плане проживания, условий труда, социального обеспечения, а во-вторых, среда, к которой они адаптируются (принимающее сообщество, коренное население), далеко не всегда радушно встречает чужаков. Зачастую эта неприязнь принимает крайние формы, выливается в создание организаций националистического толка, беспорядки, убийства на национальной почве.

Взаимоотношения мигрантов и принимающего сообщества — материя очень тонкая. Это взаимоотношения тех, кто прибыл в страну с целью поиска лучшей жизни, и тех, кто рассматривает прибывших как желающих воспользоваться созданными ими благами, занять рабочие места и т. п. Существует, на мой взгляд, несколько причин неадекватного отношения коренного населения к мигрантам:

— приезжие часто являются неквалифицированной и нелегальной рабочей силой и готовы трудиться за крайне низкую заработную плату, создавая конкуренцию для квалифицированных специалистов из числа коренных жителей, знающих себе цену на рынке труда;

— возникают национальные диаспоры мигрантов, которые создают возможность жить замкнуто, не осваивая язык и не адаптируясь к моральным устоям и нравственным ценностям принимающего сообщества; кроме того, эти диаспоры контролируют определенные сферы экономики (например, рыночную торговлю, некоторые сферы услуг), что делает возможной работу в них только по национальному признаку.

Разрешать эту ситуацию, как представляется, необходимо на основе взаимного уважения и взаимной адаптации мигрантов и принимающего сообщества. Приезд в Россию людей образованных, законопослушных позволит им максимально реализовать свой человеческий потенциал, внося свой неповторимый вклад в развитие российской цивилизации. Процесс интеграции в наше общество станет для них тем легче, чем лучше они будут знать и с уважением относиться к основам российской культуры, национальным традициям. Россиянам, со своей стороны, столь же необходимо знать и уважать менталитет и культуру приезжих. Терпимость и взаимное уважение способствуют плодотворному развитию, тогда как ненависть, нетерпимость, национальная ограниченность и узость приводят лишь к разрушению и деградации.

Петер Роэль¹

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ: ШЕСТЬ ОСНОВНЫХ ПРИМЕРОВ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ МЕЖДУ КИТАЕМ И ЗАПАДОМ

Господин председатель, дамы и господа!

Для меня большое удовольствие присутствовать на IX Международных Лихачевских чтениях, проводимых в прекрасном городе Санкт-Петербурге. Когда я впервые задумался о значении межкультурной компетенции и важнейших типах культурных различий, мне пришло на память высказывание Бенджамина Франклина (1706–1790): «Чем больше мы вкладываем в знания, тем выше проценты по ним».

Поскольку в нашем институте мы используем научные знания для потребностей деловых кругов, я бы хотел ограничить свое выступление рамками коммерческих аспектов межкультурных знаний. Если мы определим культуру как нечто, охватывающее все общественное наследие, представляющее собой знания, верования, привычки и моральные ценности, то для нас будет очевидным наличие значительного количества культурных различий, существующих в западном полушарии. Из этого можно сделать следующий вывод: мировой финансовый и экономический кризис потребует, чтобы предприниматели еще глубже осознали культурные различия и значение межкультурных знаний.

Чтобы преодолеть тяжелые последствия финансового и экономического кризиса, не достаточно просто усовершенствовать и перестроить мировую финансовую систему. Без возрождения человеческих и моральных ценностей и учета культурных различий между Востоком и Западом мы не сможем стабилизировать мировую финансовую и экономическую системы. Игнорирование этих основ ставит под угрозу безопасность во всем мире. Проблема заключается в фундаментальном переустройстве наших обществ. Это подводит меня к необходимости определения основных культурных различий между Китаем и Западом.

1. Различные подходы к взаимоотношениям и правилам.

Каждый раз, когда европеец попадает в Китай, он часто слышит слово *гуанчи*, которое означает «отношения, деловые контакты». К примеру, если у вас хорошие гуанчи, вы сможете получить места на самолет даже в том случае, если все билеты уже проданы; вы также сможете познакомиться с высокопоставленными бизнесменами или политиками. Конечно, и на моей родине, в Германии, люди пользуются связями как в личных, так и в деловых отношениях. Но в китайской культуре такая двусторонняя взаимозависимость означает гораздо большее. Для гуанчи характерно, что обязательство оказывать двустороннюю помощь, при котором семья является ключевым фактором, действует постоянно. Такое традиционное поведение, с одной стороны, гарантирует личную выгоду и великолепные контакты, а с другой — является источником коррупции.

2. Различные стили общения.

Китайцы склонны проводить черту между «собой» и «другими», между своей группой и чужаками. Такое деление на «своих» и «чужих» оказывает существенное влияние на поведение в ходе общения. На Западе вежливость прежде всего помогает установить отношения между не-

знакомыми людьми. В Китае же вежливость предназначена в первую очередь для знакомых, родственников, друзей или деловых партнеров, но она не распространяется на совершенно незнакомых людей. Для европейцев внешнее поведение китайцев в общении кажется холодным и отстраненным, а порой даже агрессивным и грубым.

3. Различные подходы к конфликтам и проявление эмоций.

Как поступать европейцам в самом начале взаимоотношений с китайцами, чтобы избежать конфликтов? Мы всегда должны помнить, что для китайцев крайне важна гармония, благожелательная атмосфера и внешние приличия. Понятие «внешнего приличия» существует и на Западе, но в Китае оно имеет большее влияние на личную жизнь и работу. Европейцам следует знать, что «Да», произнесенное китайцем, может иметь множество смыслов. Оно может означать «Да», или «Я понимаю вас», или «Я вас совсем не понимаю». Выбор за вами! Только понимание, правильное ощущение, опыт и желание понять мотивы китайского партнера помогут найти со временем правильную интерпретацию сказанного.

Что касается эмоций, то в китайской культуре не принято выражать их открыто. Напротив, китайцы управляют своими чувствами, а агрессивность принято в себе подавлять. Но иногда внезапно подавленные эмоции у них прорываются в криках или даже нападениях на человека, и это поражает европейцев. В такой ситуации рекомендуется сохранять спокойствие и не терять лица. Восстановление гармонии важнее, чем открытое выяснение отношений или стремление доказать свою правоту.

4. Различия в принятии решений и иерархических отношениях.

Согласно западным понятиям все люди равны и относиться к ним следует как к равным. В конфуцианстве такое понятие отсутствует. Для китайской культуры существенным является определение статуса человека. Люди с более высоким социальным положением ожидают и большего уважения; у них шире полномочия, их слова имеют больший вес. Однако предполагается, что в обществах такого типа человек с более высоким социальным статусом берет на себя и большую ответственность по отношению к подчиненным и их благосостоянию. Иерархические отношения важны и в процессе принятия решений.

5. Различия в понятиях времени и в отношении к выполнению заданий.

Одним из существенных различий в западной и китайской культуре делового общения является отношение к времени. Например, мы, немцы, тщательно разработав бизнес-план, стремимся подписать контракт как можно быстрее. Для китайцев же крайне важно вначале создать гармоничную доброжелательную атмосферу. Для них необходимо узнать своего партнера.

Выполнение заданий в установленный срок зависит и от компетентности менеджеров, и от мотивации сотрудников. На Западе менеджер должен уметь создать условия для того, чтобы компетентные, ответственные, творческие сотрудники, способные разрешить конфликтную ситуацию, имели возможность для личностного развития.

В Китае к хорошему менеджеру предъявляются другие требования, больше схожие с теми, которым должен отвечать руководитель авторитарного стиля. У него должно быть высшее образование, влияние и власть. Недопустимо, чтобы он совершал ошибки; он обязан давать

¹ Президент Института консультирования по вопросам стратегии, политики, средств безопасности и экономики (Institute for Strategic, Political, Security and Economic Consultancy (ISPSW), Берлин), доктор философии. Являлся ведущим советником по зарубежной политике и безопасности в Постоянном Представительстве ФРГ в Евросоюзе (Брюссель). Автор публикаций: «Политика в эпоху глобализации», «Коррупция и борьба с коррупцией в Китайской Народной Республике» и др.

четкие указания своим сотрудникам: что, когда, как и в каком порядке выполнять.

В отличие от европейца, работа ради достижения цели компании не является мотивацией для китайца. Делегирование ответственности и принятия решений не привлекает китайских работников. Для них важнее общественные стимулы, поощрение коллектива и другие виды мотивации, включая общественную поддержку и льготы.

б. Различия в отношении к учебе.

Со времен Конфуция особое внимание в Китае уделялось взаимоотношениям учителя и ученика. Следует отметить, что конфуцианство имеет мало общего с религией в ее западном понимании. На китайском языке слово *лаоцзе* («учитель») не содержит указания на положение или функции учителя, а передает уважение к человеку, который обучает, обладает знаниями, мудростью и образованием. В Китае — и в этом заключается еще одно отличие от Запада — на передний план выдвигается не умение учиться самостоятельно, а умение слушать, копировать и воспроизводить. Оригинальность и творчество не так важны, как прекрасное знание изученного. Копия шедевра

признается произведением искусства, даже если скопирован «мерседес».

Китайцы выработали свой особый стиль ведения переговоров. Для европейца характерно объяснить цель, четко ей следовать, защищать свои установки и редко идти на уступки. Китайцы считают такой подход неприемлемым. В самом начале не следует упоминать цель. Ее можно озвучить позже, в ходе переговоров. В первую очередь надо изучить партнера, его сильные и слабые стороны, и только после этого вы сможете вести с ним дело.

Вывод: если мы, европейцы, хотим добиться успеха в Китае, а они — у нас, то знание культурных различий является важным и неотделимым компонентом для построения отношений на основе доверия, дружбы и взаимопонимания. Обе стороны должны постоянно стремиться к этому. В условиях тяжелого финансово-экономического кризиса не менее важно изучать опыт друг друга, слушать друг друга, в высшей степени понимая намерения партнера. Следуйте китайской пословице: «Даже путь длиной 10 тысяч миль начинается с первого шага» — и вы добьетесь успеха.

Жоржи Сампайо¹

ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «АЛЬЯНСА ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

Уважаемые участники Чтений! В свете Второго форума «Альянса цивилизаций», состоявшегося в Стамбуле 1 апреля, позвольте мне подвести итоги того пути, который прошел Альянс, и поделиться с вами некоторыми соображениями о его перспективах.

Напомню, что «Альянс цивилизаций» был инициирован Генеральным секретарем ООН в 2005 году при совместной поддержке глав правительств Испании и Турции. В основе его создания лежит мечта, видение цели и твердая воля, которые, на мой взгляд, являются тремя составляющими успеха любой политической инициативы подобного рода. Мечта — о том, что люди будут жить в мире, уважая человеческое достоинство, потому что, в конце концов, это стремление каждого человека. Видение цели — общества, свободного от конфликтов, основанного на взаимном уважении всех народов, принадлежащих к разным культурам и вероисповеданиям. Твердая воля способна осуществить эту мечту и добиться зримой цели благодаря всеобщим усилиям.

Мне думается, что единство этих трех жизненно важных компонентов объясняет, почему значительная часть начинаний Альянса оказалась успешной, несмотря на большие трудности, которые ожидают нас на пути к целям.

Дорогие друзья! Надеюсь, вам будет интересно узнать о деятельности «Альянса цивилизаций» сегодня. Я кратко подведу итог основным достижениям Альянса, так как я ранее представил подробный анализ мероприятий за 2007–2009 год в «Отчете “Альянса цивилизаций”».

Во-первых, это расширение и консолидация группы сторонников Альянса, в которую вошел ряд стран и международных организаций. За период с Первого форума, состоявшегося в январе 2008 года в Мадриде, до Второго, который недавно прошел в Стамбуле, число наших участников возросло с 40 до более чем 100.

Во-вторых, это расширение и консолидация сети партнерства и сотрудничества с международными и религиозными организациями и учреждениями гражданского общества, фондами и частными структурами. Эти партнерские отношения образуют прочный фундамент для успешной совместной деятельности и сотрудничества, которое позволяет нам использовать богатый опыт наших партнеров, их компетентность в различных областях, обогащает их политические возможности и развивает совместные начинания.

В-третьих, это развитие и доведение до конца проектов по разрешению конфликтов, усиление инициативы снизу. В качестве примера позвольте мне упомянуть национальные планы и региональные стратегии по развитию межкультурного диалога; успешно выполняемые инициативы, осуществить которые я призвал ряд стран и организаций; а также несколько других проектов.

Позвольте сделать несколько замечаний о национальных планах по ведению межкультурного диалога. Национальные планы являются основным политическим инструментом в системе «Альянса цивилизаций». Я верю в это всем сердцем. Образование, молодежная политика, миграция и средства массовой информации — сферы осуществления национальных планов. С целью подготовки и внедрения соответствующих проектов я обратился к государствам — членам Альянса с просьбой назначить национальных координаторов, которые будут отвечать за данные направления. Позвольте особо отметить, что такие планы нельзя разработать по одной модели, необходимо учитывать разнообразие условий в различных странах. Однако все они должны соответствовать деятельности Альянса, о которой говорилось выше, и включать основные мероприятия и действия, которые составляют минимальный стандарт для развития взаимопонимания и сотрудничества между народами, принадлежащими к различным культурам.

Я был рад узнать, что Россия представила свой национальный план на форуме в Стамбуле. Хочу поздравить вас с этим шагом и подчеркнуть, что я буду с большим вниманием следить за развитием событий.

¹ Высокий представитель Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций», Президент Португалии (1996–2006). Сфера профессиональных интересов — проблемы прав человека и здравоохранения. Автор книг «A festa de um sonho» (1991), «Um olhar sobre Portugal» (1995), «Portugueses» (1997), а также многочисленных публикаций на темы политики и культуры.

Необходимо отметить, что наряду с национальными планами Альянс приступил к реализации региональных стратегий. Эти стратегии представляют собой важное дополнение к национальным планам и способствуют развитию совместных подходов к решению общих проблем группами стран. Их целью является, с одной стороны, поддержка региональных инициатив, с другой — развитие сотрудничества и мотивация внедрения региональных стратегий, включая те меры, которые необходимо осуществлять совместно, и разработка такого метода регионального управления, который бы позволил работать в поликультурном мире.

В Стамбуле были представлены две региональные стратегии: одна — для стран Восточной Европы, другая — для Средиземноморского региона в Европе. Была заявлена и третья стратегия — для испано-португалоговорящих стран Латинской Америки. В этом отношении полезен сборник нормативных актов, отчетов и рекомендаций Совета Европы (так называемая «Белая Книга») по поводу культурного многообразия. Эта книга закладывает базу для разработки действенной региональной стратегии Альянса цивилизаций, чтобы вести межкультурный диалог в Европе в рамках принципов и ценностей, записанных в конвенциях, декларациях, с соответствующими ссылками на материалы Совета Европы. Это одна из задач, которую надо решать. На мой взгляд, рекомендации, предложенные в «Белой Книге», способствовали развитию позитивного отношения к многообразию культур, гражданской позиции, образования и обучения межкультурным компетенциям, управлению пространством межкультурного диалога и международных отношений. Эти рекомендации охватывают широкий спектр мер по совершенствованию модели управления в поликультурном мире, которую в будущем следует углублять и укреплять.

Что касается других проектов, поддерживаемых или разрабатываемых самим Альянсом, то все проекты, представленные на Мадридском и Стамбульском форумах, ориентированы на результат, на практическую реализацию. Среди них имеется ряд инициатив с четко прописанной программой.

Уникальным инновационным межгосударственным проектом на пересечении трех направлений — молодежной политики, СМИ и гражданской дипломатии — является проект под названием «Кафе Диалог». Другой пример — группа средиземноморских проектов, направленных на восстановление доверия и наведение мостов в этом регионе. Еще один проект — программа стипендий Альянса — ставит задачу развития целевых обменов молодыми лидерами и будет разрабатываться сетью благотворительных фондов и частных спонсоров.

Далее, объявлено о значительном расширении трех действующих проектов. Это посреднический механизм быстрого реагирования при «Альянсе цивилизаций» и онлайн-запасник передового опыта, в котором задействованы ведущие эксперты по межкультурным проблемам и к которому средствами массовой информации можно обращаться в периоды международных кризисов. Информационный центр «Альянса цивилизаций» и онлайн-образовательное средство нацелены на улучшение взаимопонимания между культурами. Информационный центр, предлагающий новые услуги по просвещению в области различных вероисповеданий и глобализации, стимулирует молодежь быть более открытой в межкультурном плане. Эти проекты вскоре стартуют.

Были также подведены итоги работы Фонда солидарности молодежи при «Альянсе цивилизаций». Инновационные проекты, возглавляемые молодыми людьми, направлены на наведение мостов между разными культурами.

Дорогие друзья и участники! Я бы не хотел, чтобы у вас создалось впечатление, что у нас все получается без особого труда и что все в этом лучшем из возможных миров складывается наилучшим образом для Альянса и его высокого представителя. К сожалению, это не так. Наша конференция проходит в критический период. Лихорадит глобальную экономику и финансовую систему. Вспыхивающие новые конфликты, которые не находят разрешения изнутри, представляют угрозу мировой стабильности и безопасности. Постоянно существует риск терактов. Климатические изменения, неустойчивость, бедность и неравенство, вызывающие ненависть и насилие, — все эти явления дают достаточные основания для беспокойства и тревоги. Мало просто проявлять беспокорство и смириться с мрачными предсказаниями грядущего конфликта цивилизаций, о котором много пишет пресса, — надо осознать необходимость безотлагательных действий. Они нужны, пока еще самый тяжелый из экономических кризисов не нанес непоправимый урон бедным и уязвимым слоям населения, у которых растет чувство несправедливости и дискриминации, что, в свою очередь, может привести к появлению очагов радикализма и насилия.

Безотлагательные действия необходимы, потому что в целом общественный договор, на котором основано всякое общество, демонстрирует признаки распада, и это наблюдается почти всюду. В мире рушащихся границ, где миграция и мобильность населения являются движущей силой экономики и социального развития, нашим обществам грозят одинаковые опасности, дискриминация и расколы, обусловленные возрастающим культурным многообразием. Человечество объединено пониманием того, что у всех народов общее будущее. По разным причинам, однако, это понимание в большинстве стран затруднено. Незамедлительные меры необходимы, потому что политические конфликты становятся настоящей линией раскола между обществами и странами и являются важным фактором, увеличивающим разрыв между мусульманским и западным обществом.

Перед лицом этих неотложных проблем «Альянс цивилизаций» взял на себя важную роль в построении мира в широком смысле слова, а также в поиске решений гигантских общих проблем, а именно: жить сообща, с чувством собственного достоинства — равными, но разными. Поэтому основная цель Альянса — решать проблему взаимопонимания и сотрудничества между странами и народами, принадлежащими к различным культурам. В общем, как я уже подчеркнул, национальные планы и региональные стратегии по ведению межкультурного диалога в области образования, молодежной политики, миграции и средств массовой информации — наши основные политические средства. Необходимо новое мышление, требуется осуществлять новую политику и инновационные действия. Мы должны оказывать влияние на лидеров глобализации, воздействовать на соседей своих соседей, на своих друзей — на весь мир. Это воздействие поможет осуществить инновационные идеи, решения и пути диалога и сотрудничества. Нам надо развивать чувство диалога — способность слушать, понимать, принимать и уважать разные позиции, то есть уметь налаживать взаимодействие в условиях конструктивного расхождения во мнениях. Такое расхождение означает, что мы можем не соглашаться по отдельным вопросам, но это не вызовет волну напряженности или конфликт; что мы способны быть терпимы к инакомыслящим и это не помешает оппонентам работать вместе. Более того, работать вместе не означает, что разные люди должны быть единодушны, что у них будут одинаковые взгляды. Средства массовой информации играют решающую роль в выработке конструктивного расхождения во мнениях,

формировании уважения и толерантности, или, наоборот, в обострении споров, нагнетании напряженности и разжигании конфликтов.

Доказано, что вложения в культуру миротворчества, в изучение прав человека, в развитие понимания культурных различий сторицей окупятся и в тех странах, которые больше всего поражены напряженностью и кон-

фликтами. Подтверждается, что экономическая выгода от превентивных действий намного выше затрат на них, не говоря уже о выгоде в виде избежания неисчислимых жертв любого конфликта.

Это та задача, которую предстоит решить Альянсу. Я рассчитываю на вашу поддержку в продвижении к нашим целям. Всего вам доброго в вашей работе.

Мехди Санаи²

ДИАЛОГ И МНОГОСТОРОННЯЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ — НЕОБХОДИМОСТЬ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ МИРА

Диалог цивилизаций, культур и религий — единственный способ установления мира в современном обществе. По предложению Сейеда Мохаммада Хатами, занимавшего в то время пост президента Исламской Республики Иран, 2001 год был признан ООН Годом диалога цивилизаций. Возникновение в 1990-х годах теории о столкновении цивилизаций, а также некоторые события, такие как теракт 11 сентября 2001 года, возможно, могут свидетельствовать о том, что диалог цивилизаций не является решением международных проблем. В данной статье я хочу привести некоторые причины, указывающие на необходимость существования диалога между цивилизациями.

Диалог цивилизаций — это благой девиз, который, будучи правильно понятым, укажет на необходимость его реализации. Некоторые суровые реалии, борьба и распри на мировой арене не способствуют диалогу между цивилизациями, но подчеркивают его необходимость, так как другого пути для выхода из кризисов и решения проблем не существует. Общество, особенно могущественные и влиятельные его слои, должны приложить свои усилия и волю для реализации этого девиза. Эпоха полноправного господства геополитических факторов окончилась. И если когда-то относительный порядок в мире обеспечивался таким способом, то в настоящее время этот путь для установления мира и стабильности не является удовлетворительным.

Различные события конца II — начала III тысячелетия, в том числе распад СССР, свидетельствуют о том, что равновесие сил и холодная война не отвечают современным условиям установления порядка. Биполярная система установления порядка изжила себя. Однополярная система после десятилетней попытки также не смогла сформироваться и лишь обострила проблематичную обстановку в мире. Окончательное крушение одностороннего подхода в настоящее время очевидно для всех, и поэтому сегодня в сфере мировой политики остался лишь один верный путь — диалог.

Нужда и нищета во всем мире, а также экологические проблемы и препятствия на пути стабильного развития — очевидные факторы, ставящие международные

проблемы в зависимость от налаживания диалога цивилизаций.

Человечество находилось под влиянием геополитических принципов, силы и могущества государств. Но в период холодной войны геополитическая теория подверглась изменению в связи с новым международным порядком, и на мировой арене возник новый идеологический строй. Одна половина мира находилась под влиянием марксизма, другая — либерализма, и в этот период все события в мире являлись следствием столкновения этих двух учений. По окончании этой эпохи сформировались два основных аналитических течения.

Представители одного из них были убеждены, что геополитическая теория на некоторое время, особенно в период холодной войны, оставалась под влиянием марксизма и либерализма. Распад Советского Союза свидетельствует, что геополитический фактор все еще является определяющим на мировой арене. С точки зрения этой теории важную роль в определении общей ситуации в мире, кроме государственного могущества, играют источники и запасы энергии. Согласно геополитической теории энергия — главный двигатель политики.

Представители другого течения уверены в том, что притязания сторонников геополитической теории не более чем попытка ее оправдать, в то время как логически проанализировать ситуацию и проблемы на международной арене можно лишь в рамках поведенческой теории.

Вторая мировая война уничтожила утопические стремления на международной арене. После ее окончания возникли новые реалистические теории, основанные на неоспоримой роли силы и политики. Гонка вооружений, усиление различных разногласий привели к возникновению кризисной ситуации и стали причиной того, что история и культура перестали восприниматься как стабильные факторы международной политики. Окончание холодной войны и распад СССР, трансформация принципов международных отношений, глобализация культуры и возникновение представлений о мировой культуре — три основных причины изменения прежней ситуации и укрепления роли культуры в сфере международных отношений.

Распад Советского Союза привел к исчезновению двухполюсного (биполярного) мирового порядка, который на протяжении последних десятилетий был определяющим в политической судьбе стран. Такая ситуация позволила игрокам мировой арены в большей степени опираться на значение культуры в определении проводимой ими международной политики на уровне народ-государство.

В то же время распад СССР укрепил положение, при котором наряду с определением культурной роли политики и политических деятелей государства не следует

¹ Директор Центра изучения России и Восточной Европы Тегеранского университета (Иран), член Казахской академии общественных наук (с 1997 г.), профессор юридического института Тегеранского университета (с 2003 г.) и Московского гуманитарного университета, доктор наук (политология).

Автор книг: «На Великом Шелковом пути... Встречи на земле казахов», «Отношения Ирана с центральноазиатскими странами СНГ: социально-политические и экономические аспекты», «Мусульманское право и политика» (учебное пособие), «Отношения Ирана и России», а также многочисленных научных статей: «Диалог цивилизаций и исламский фактор», «Нефтегазовый передел в Центральной Азии, на Каспии и Кавказе», «Внешняя политика Ирана: между историей и религией» и др.

Почетный член Союза писателей России, консультант «Энциклопедии исламского мира» по России, Центральной Азии и Кавказу. Член Парламента Исламской Республики Иран с 2008 г. Атташе по культуре в России (1999–2003).

также забывать о том, что неучитывание религиозных особенностей, убеждений и традиций различных наций неблагоприятно влияет на процесс формирования культуры. Распад этого сверхгосударства позволил осознать, что создание нового социалистического единства народов и игнорирование религиозных ценностей, а также целенаправленное повышение культурного уровня советских народов не были правильной политической тактикой. Стало ясно, что за это время народ не лишился своих религий, традиций и убеждений, а, наоборот, в течение десятилетий пытался любыми способами сохранить свои национальные особенности.

Реформы в сфере психологии международных отношений входят в число факторов, способствующих более серьезному рассмотрению истории и культуры в контексте изменений на мировой арене. С этой точки зрения международные отношения не заканчиваются на политическом и экономическом взаимодействии между государствами. В то же время поведение игроков на политической арене также следует оценивать с учетом общей ситуации, сложившейся внутри определенного этноса, представителями которого они являются. Культура, которая, по мнению этнографов, определяет дух, стремления и поведение различных народов, непосредственно связана с внешней политикой государства. Так, согласно мнению некоторых авторов, внешняя политика — это отражение народного менталитета на международном уровне. Рассмотрим подобную классификацию одного иранского автора.

С точки зрения социологии международных отношений влияние культуры на внешнюю политику происходит на трех уровнях:

1) влияние общего на общее — в этом случае культура как общественное явление формирует национальное сознание и таким образом оказывает косвенное влияние на внешнюю политику государства;

2) влияние общего на частное — то есть влияние культуры на людей, принимающих решения в области внешней политики;

3) влияние на органы — естественное влияние, оказываемое культурными организациями на органы, принимающие участие в формировании внешней политики.

Следующий вопрос связан с необходимостью ведения диалога между религиями в современную эпоху. В рамках проблемы о несовместимости религий и глобализации следует провести различия между уровнями процесса глобализации. Глобализацию в значении «модернизм», которое восходит к философским источникам периода модернизации, и ее отношение к религии можно рассматривать под различными углами зрения.

Другой уровень глобализации может быть назван глобализмом. Он представляет собой своеобразный проект, определенный вид окультуривания и «экспорта» культуры в другие точки мира, что происходит в рамках культурной экспансии. Теоретики в области глобализации пришли к выводу, что распространению и прогрессу глобализма способствует всеобщая культура, то есть мировая культура, которая будет привлекать и одновременно открывать путь для других элементов глобализма и новых образцов в экономической, политической, социальной и военной сферах.

Уровень глобализма также имеет цивилизационную окраску и на самом деле является частью проекта по созданию нового мирового порядка, в котором намного больше игнорируются другие цивилизации, религии и культуры, чем опора на рационализм.

На этом уровне управление культурой наций передается беспощадному капитализму, оснащенному новейшими технологиями. Естественно, религии сопротивляются

этому виду глобализма. Мы являемся свидетелями мировых протестов против глобализации, которые представляют собой движение против подобных видов глобализма. Можно говорить о том, что взгляды Фукуямы и Хантингтона охватывают именно этот аспект глобализации, который вызывает протест народов, культур и религий.

В эпоху глобализации значение религий не только не уменьшается, но и, наоборот, увеличивается, но в другой форме. Процесс глобализации создает для религий широкие возможности в плане пропаганды своего учения. Кроме того, представители различных религий и многие религиозные мыслители широко используют новые экономические и технологические возможности в сфере коммуникаций для достижения религиозных целей и расширения основ существования религии.

Процесс глобализации повысил необходимость и возможность диалога между религиями. С помощью новых технологий стало легче проводить встречи и обмен мнениями между представителями религий. Ведь интенсивность межрелигиозных контактов в течение последних десятилетий не идет ни в какое сравнение с предшествующим периодом.

Распространение культуры веротерпимости, у которой тоже религиозные корни, позволило достичь большего взаимопонимания между религиями и создать условия, когда религиозные ученые смогли бы вести широкую дискуссию об общем и различном в представляемых ими религиозных системах.

Я полагаю, что в эпоху глобализации, помимо дискуссии о философско-религиозных проблемах, которая в определенной степени шла и ранее, для диалога между религиями открылись две новые области, которые определили необходимость контактов и диалога. В современном мире эти две области представляют собой общую проблему для всех божественных религий.

Речь идет в первую очередь о соотношении между традицией и модернизацией. Все божественные религии в определенной мере сталкиваются с вопросом модернизации. Это процесс, который длился последние несколько столетий. В Иране эту тему разрабатывали такие религиозные исламские реформаторы, как Сеййед Джамалоддин Асадабади, Мортеза Мотехари, Мехди Базерган, Али Шариаги, Сейед Мохаммад Талегани и др. Пожалуй, величайшим исламским реформатором современности можно назвать имама Хомейни, который решил конфликт между традицией и модернизацией в рамках теории исламского правления в Иране, основав Исламскую Республику Иран, в которой соединены воедино проявления и символы как религии, так и современности.

Нет сомнений в пользе, которую может представлять взаимный обмен опытом между деятелями различных религий.

Другой темой диалога между религиями в эпоху глобализации является обсуждение подходов к той части глобализации, которая носит характер целенаправленного проекта. Речь идет о культурной агрессии против религиозно-национальных ценностей. Божественные религии могли бы согласовать свой подход к этой стороне глобализации, чтобы уменьшить ее влияние.

Видимо, можно сказать, что в современном мире существует большая потребность в диалоге между лидерами божественных религий. В пояснение этого вопроса отметим, что существуют два подхода к новым мировым явлениям. Представители первого подхода всем сердцем приняли модернизм и глобализацию, полностью игнорируя роль религий в установлении мира и взаимопонимания между народами. Другое крайнее течение, напротив, с религиозных позиций резко выступает против всех проявлений этого процесса, доходя иногда даже до

насилия. Проявившиеся в последние годы террор и насилие, с одной стороны, и односторонние, волюнтаристские действия США — с другой, в обоих случаях носят религиозную окраску.

Молчание истинных религиозных лидеров открывает путь для односторонних и радикальных мыслей и дей-

ствий. В наше время представляется необходимым возврат к религии и возрождение ее роли в деле мира и установления всемирного взаимопонимания посредством диалога между религиями. Только диалог может воспрепятствовать как необузданной и бесконтрольной глобализации, так и радикальным взглядам.

А. А. Сафонов¹

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПАРАДОКСЫ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ

Социально-трудовые отношения — важная составляющая любого общества. Они, как всякие отношения, проходят определенные стадии развития, отражая конфликты между различными группами. Российская Федерация в этом смысле не исключение, однако в России как стране с экономикой, осуществляющей переход к рыночным отношениям, сложилась парадоксальная на первый взгляд ситуация: приватизация, резкое снижение уровня жизни, массовое несоблюдение трудовых прав работников в начале 1990-х годов не привели к значительному росту социальной конфликтности.

Такому положению способствовало несколько важных причин:

- отсутствие четкой социальной структуры в обществе;
- высокий уровень участия государства в решении социально-трудовых проблем;
- сложившаяся модель низкого уровня социальной ответственности бизнеса в реализации своих обязанностей по отношению к работникам;
- незрелость профсоюзного движения.

Рассмотрим указанные причины в определенном историческом контексте.

Социально-трудовые отношения современного российского общества возникли в результате преобразований исторического, социального, экономического и культурного наследия бывшего Советского Союза. Исходя из этого, можно констатировать, что история социально-трудовых отношений началась не в 1990 году, когда был определен политический статус Российской Федерации как государства, постулирующего построение рыночных отношений на демократических принципах. Своими корнями социально-трудовые отношения уходят в эпоху страны, которая послужила основанием для формирования Российской Федерации, — Советского Союза.

Что представляли собой трудовые отношения в Советском Союзе? СССР имел централизованную плановую экономику с подавляющим влиянием государства, которое одновременно было работодателем. Социалистический тип производства наделял социально-трудовые отношения определенными характеристиками, главной из которых был принцип всеобщего социального равенства. В этих условиях социально-трудовые отношения были лишены остроты социального конфликта между собственником средств производства и работником. Дан-

ная особенность проявлялась во всех областях, связанных с социально-трудовыми отношениями:

- построении системы оплаты труда;
- режимах труда и отдыха;
- охране труда;
- пенсионном и социальном страховании.

Так, оплата труда строилась на основе распределительных подходов. Отсутствовал такой важный элемент, как переговорный процесс между собственником и рабочим коллективом. Размер ставок фиксировался централизованно, решениями правительства. В связи с этим заработная плата отражала не ценность работника как одного из участников производства стоимости, а его место в социальной иерархии.

Помимо задачи воспроизводства рабочей силы, государство при помощи такого инструмента, как заработная плата, решало и политические задачи, например поддержание и развитие социальных групп, определяющих политический ландшафт общества. Например, в Советском Союзе заработная плата рабочих была выше, чем у работников инженерного корпуса или труженников сельского хозяйства. Кроме того, при помощи дифференциации в оплате труда государство реализовывало задачи, связанные с географическим расселением, поощрением внутренней миграции, развитием некоторых отраслей экономики и т. п.

Такое положение естественным образом сказывалось и на характере социального диалога: профсоюзы в значительной степени являлись государственными контролерами государственных менеджеров. Данный статус закреплялся в действовавшем на тот момент Кодексе законов о труде. Кроме того, отсутствовал механизм ведения переговоров по социально острому вопросам, в связи с чем не был сформирован институт трудовых арбитров, способных разрешать социальные конфликты.

Таким образом, суть социально-трудовых отношений Советского государства можно определить как отношения государства (его институтов) и работников по вопросу определения их места в социально-политическом и экономическом строе. Подобный характер патерналистской модели взаимоотношений определял и поведенческие мотивации работника: высокую степень экономической зависимости от государства, слабый уровень социальной инициативы и предприимчивости. Лишь крайняя степень неудовлетворенности своим положением, приближающаяся к пограничной (когда речь шла уже о выживании), могла привести к возникновению групповых социальных конфликтов. При этом подобные конфликты, выходя за рамки социально-трудовых, приобретали политический характер. И государство для предотвращения подобных кризисов использовало систему политической пропаганды, при необходимости — полицейское давление. Таким образом, в Советском Союзе не существовало специальной государственной системы

¹ Заместитель министра здравоохранения и социального развития РФ, доктор экономических наук, профессор, действительный государственный советник РФ 3-го класса.

Автор ряда учебников, учебных пособий и справочников, в том числе книг: «Управление социальными расходами: актуальные проблемы и современные тенденции», «Современное состояние социально-трудовых отношений в России и перспективы их развития». Руководитель авторских коллективов энциклопедических изданий и сборников научных трудов об охране и условиях труда, социальном страховании, управлении социальными расходами.

разрешения социальных конфликтов между работниками и работодателями¹.

Подобный характер взаимоотношений был удобен для большинства работников, поскольку не требовал от них приложения собственных усилий для обеспечения материального благополучия. Нужно было лишь попасть в определенную социальную страту (через получение профессии), и был гарантирован достаточный уровень материального обеспечения.

Обратной стороной такого положения была низкая заинтересованность работников в росте производительности труда, накоплении материальных благ.

В начале 1990-х годов начался новый этап в развитии социально-трудовых отношений современной России. Государство провозгласило задачу перехода от централизованной (плановой) экономики к рыночной. Это неизбежно повлекло трансформацию отношений собственности, формирование нового субъекта трудовых отношений — предпринимательского класса.

Государство, передавая собственность в руки предпринимателей, переставало выступать в качестве работодателя. Новые собственники в целях повышения экономической эффективности управления предприятиями стали активно пересматривать весь пакет социальных обязательств перед работниками, перестраивать систему оплаты труда, ориентируя ее на мотивацию работников к более высокой профессиональной отдаче. Это привело к расслоению внутри трудовых коллективов и сформировало почву для возникновения новых видов социального конфликта: забастовок, политических акций. Впервые со времен советской экономики работодатель и работник оказались по разные стороны «баррикад».

Интенсивность данных процессов характеризуют следующие показатели: если в 1990 году число предприятий, на которых проходили забастовки, составляло 260, а численность участников — 99,5 тыс. человек, то уже в 1992 году — 6273 и 357,6 тыс. человек соответственно.

Как уже говорилось, развитие социально-трудовых отношений в Российской Федерации в начале 1990-х годов было отмечено новациями и имело особенности. При формировании нового класса собственников, нового работодателя, государство все больше отходило от непосредственного участия в социально-трудовых отношениях в качестве работодателя. В связи с этим оно было заинтересовано в создании традиционных для рыночной экономики правовых механизмов, которые предполагают равенство сторон в социально-трудовых отношениях. В то же время на первом этапе государство должно было отстаивать приоритет формирования класса работодателей, частных собственников. Без этого социально-политического института невозможно функционирование нормальных трудовых отношений.

Такое положение дел отражалось на становлении правовой базы: именно в 1990-х годах из Трудового кодекса были исключены положения, которые предоставляли профсоюзам административные права в управлении пер-

соналом (по процедурам увольнения, в определении системы оплаты труда и т. п.).

Серьезной трансформации подверглись и другие области. В частности, был ликвидирован институт всеобщей занятости (принуждение к труду через уголовное законодательство, обязательное распределение выпускников средних и высших профессиональных учебных заведений). Государство открыто признало возможность существования безработицы как одной из составляющей рыночной экономики. Именно в начале 1990-х годов для компенсации негативных проявлений рынка труда было сформировано законодательство, содействующее в обеспечении занятости населения в Российской Федерации, и образована служба занятости как федеральный орган, ответственный за помощь безработным гражданам. Существенным образом изменились и отношения в области пенсионного обеспечения: величина пенсий работающих стала зависеть от размера предыдущего заработка.

Таким образом, было положено начало серьезнейшим трансформациям социально-трудовых отношений. Однако здесь возникает вопрос: почему изменения начала 1990-х годов не привели, как в других странах бывшего социалистического лагеря, к глубокому противостоянию между работниками и работодателями? Даже в сложный 1992 год (который был отмечен значительным уровнем инфляции, падением ВВП, ростом безработицы, снижением реального дохода граждан) из почти 60 млн работающих по найму только 352 тыс. человек приняли участие в забастовках.

Этому способствовал ряд причин. Первая из них — отсутствие четкой социальной структуры в обществе. Что помешало этой структуре приобрести четкие очертания?

Во-первых, характер приватизации государственной собственности. Процесс формирования института частной собственности шел постепенно, поэтому в первой половине 1990-х годов не произошло разделения общества на отчетливые социальные страты. Руководители предприятий, как и рабочие, по-прежнему оставались наемными работниками, то есть членами одной команды, поэтому между ними и не могло возникнуть социального конфликта².

Во-вторых, трансформация социализма в капитализм сопровождалась серьезной структурной перестройкой. Значительное количество отраслей оказались не востребованными новой экономикой. Предприятия машиностроительного комплекса, ряда добывающих секторов, науки и другие не смогли в короткий срок обеспечить прибыльность. В результате происходило постепенное сокращение производства товаров и услуг, падение уровня доходов. Это касалось и работников, и менеджеров, и собственников³.

В-третьих, на балансе предприятий оставались социально-культурные учреждения (детские сады, школы, дома отдыха, жилье и т. п.). Частные предприятия, продолжая вынужденно финансировать эти объекты (до момента

¹ В развитых капиталистических странах, в отличие от Российской Федерации, государство имело давнюю историю участия в посредничестве в рамках трудовых отношений. При этом оно изначально не являлось основным работодателем и выполняло эту функцию исключительно для общественного сектора государственных услуг. Например, Президент США Мартин Ван Бюрен еще в 1838 г. способствовал урегулированию забастовки работников верфи. В 1947 г. в Соединенных Штатах была создана специальная Федеральная служба посредничества и примирения, миссией которой стало предотвращение или снижение накала трудовых споров. Директор службы назначается Президентом США и подчиняется непосредственно ему. Служба имеет 10 окружных офисов и 69 отделений в 43 штатах. В Великобритании в 1896 г. был принят специальный Закон «О примирении», регулирующий роль государства как посредника разрешения трудового конфликта, в 1975 г. — образована Служба консультации, примирения и арбитража.

² Становление частной собственности в России, как известно, шло путем приватизации государственных предприятий. В рамках приватизационных процессов многие члены трудовых коллективов оказались собственниками определенной доли этих предприятий. Поскольку многие директора государственных предприятий стремились сохранить свой статус, то приватизация в основном шла по тому варианту, который позволял трудовому коллективу получить контрольный пакет акций. Это, в свою очередь, обеспечивало администрации возможность, используя голоса трудового коллектива, сохранять контроль над предприятиями.

³ Такое положение отражает, в частности, динамика двух показателей, характеризующих дифференциацию доходов населения в Российской Федерации. Так, коэффициент Джини в 1992 г. (на пике забастовочного движения) составлял 0,289, а коэффициент фондов — 4,5, что свидетельствует о сравнительно низком уровне дифференциации доходов. К 2000 г. положение дел радикально изменилось — коэффициенты составили соответственно 0,395 и 13,9.

передачи муниципальным властям), как бы сохраняли элементы оплаты труда через «общественные фонды потребления», которые идентифицировались работниками в качестве элементов социалистической (государственной) системы оплаты труда¹.

В-четвертых, поведение работников в старых коллективах управлялось общепринятыми нормами, которые базировались на традиционных социальных ценностях. В основе указанных норм лежали ценности коммуналлизма.

Таким образом, в первой половине 1990-х годов, с одной стороны, не закончился и до конца не оформился про-

¹ Однако основную часть ведомственной социальной инфраструктуры (по объему предоставляемых услуг и затратам в расчете на одного работающего) к началу реформ составляли социальные объекты, деятельность которых не была непосредственно обусловлена производственными нуждами. Это жилые дома (в том числе общежития), детские дошкольные учреждения (ясли, детские сады и загородные дачи для детских дошкольных учреждений), детские и подростковые летние оздоровительные лагеря; объекты здравоохранения (поликлиники, больницы-стационары, родильные дома, станции скорой помощи и переливания крови, санатории-профилактории), образовательные учреждения (профессионально-технические училища, филиалы вузов и вузов, техникумов, вечерние и заочные общеобразовательные школы, учебно-производственные комбинаты, интернаты для детей), магазины и парикмахерские, объекты культуры, отдыха и спорта (дворцы культуры, клубы, библиотеки; стадионы, спортивные залы, бассейны, спортивные площадки, дома отдыха, санатории, базы отдыха, базы охоты и рыболовства, туристические базы). К социальным объектам предприятий традиционно относились и учреждения, выполняющие (полностью или частично) функции объектов городского и коммунального хозяйства: котельные, теплосети, общественный транспорт, водоканализационные сооружения.

Это был особый, финансируемый по отраслевым каналам и находящийся в ведении предприятий и организаций мир социальных услуг, простиравшийся от койки в заводском общежитии до балетной студии в «закрытом» городе, от пригородной зоны отдыха до роскошных санаториев на южном берегу Крыма. Еще в 1989–1990 гг. в дополнение к муниципальным социальным объектам крупные предприятия и организации России за счет собственной социальной инфраструктуры обеспечивали:

- предоставление жилой площади своим работникам, не имеющим собственного жилья, в среднем по 10–12 кв. м жилой площади на человека; при этом практически повсеместно проводилось «удержание» жилой площади в ведомственных домах: 10 % — местным советам для обеспечения жильем уволенных в запас и семей военнослужащих; 10 % — строительным организациям или местным советам, если предприятие финансировало жилищное строительство в форме долевого участия; 6 % — местным советам для переселения граждан из жилых домов, подлежащих сносу; 2 % — местным советам для работников жилищно-коммунального хозяйства; 2–4 % — Министерству обороны для военнослужащих. В среднем около трети площади каждого ведомственного дома заселяли граждане, не работавшие на соответствующих предприятиях;

- предоставление мест в общежитиях из расчета около 6 кв. м жилой комнаты на человека (одну комнату в общежитии на трех человек) при средней норме два-три места в общежитии на тысячу человек списочного состава работающих. Эта норма увеличивалась до 100 мест на предприятиях, использующих рабочую силу на условиях временного проживания, приема на работу по лимиту и т. п.;

- предоставление мест в детских дошкольных учреждениях (ясли, ясли-сад, детский сад); этими учреждениями пользовались от 10 до 60 % детей дошкольного возраста работников предприятий, причем и здесь ведомственный сектор часто использовался совместно с другими;

- предоставление от 20 до 40 мест в детских лагерях отдыха на тысячу работающих;

- предоставление около 60 мест в клубах на тысячу работающих; кроме того, в библиотечных фондах предприятий и организаций имелось от 7 до 10 изданий (не считая периодики) на каждого читателя (работника предприятия и членов его семьи);

- предоставление от 2 до 8 мест в домах отдыха и пансионатах, примерно столько же мест — на летних и туристических базах отдыха на тысячу работающих;

- поликлиническое обслуживание в расчете 26–35 посещений в день на тысячу работающих (в ряде отраслей — из расчета 40–44 посещений) и предоставление 12–13 коек в больницах в расчете на тысячу работающих;

- предоставление 5–10 мест в санаториях-профилакториях на тысячу работающих...

К началу проведения реформ на территории России в жилых домах (включая общежития предприятий и организаций) проживали около 60 млн человек; ведомственные детские сады и ясли посещали более 5 млн детей; в ведомственных детских оздоровительных лагерях ежегодно отдыхали около 3 млн детей, ведомственные поликлиники и больницы посещали более 30 млн человек; услугами объектов культуры, спортивными сооружениями, базами отдыха пользовались более 10 млн человек (см.: *Лексин В. Н., Швецов А. Н.* Новые проблемы российских городов и муниципализация социальных объектов: правовые и финансовые решения. М., 1998. С. 27–29).

цесс выделения собственника производства — классического работодателя, а с другой — работники до конца не осознали себя в качестве наемной силы.

В связи с этим недовольство личным положением, доходами, профессиональными перспективами объективно направлялось в сторону государства. Именно оно по-прежнему воспринималось как основной носитель идеологии, как сторона, ответственная за материальное и социальное благополучие работника, коллектива, а менеджеры — как члены трудового коллектива.

В этих условиях, вместо того чтобы ослабнуть, роль государства как субъекта (непосредственного участника) социально-трудовых отношений, наоборот, резко увеличилась.

Тем не менее правительство последовательно решало задачу освобождения сторон социального процесса — как профсоюзов, так и государства — от излишнего участия в судьбе работника, стремилось «сломоть» ту традиционную модель, которая существовала в централизованной плановой экономике, преодолеть патернализм.

Такой подход имел определенные преимущества и недостатки. Преимущества заключались в том, что формировался свободный рынок труда, когда человек сам определял, где и на каких условиях он хочет работать. Рыночная экономика — очень гибкий механизм, который быстро создает необходимые и сокращает неэффективные рабочие места. Если бы развитие социально-трудовых отношений запаздывало, то это могло бы стать серьезным препятствием на пути развития рыночной экономики в нашей стране. Поэтому основной акцент был сделан на создании правовых основ развития рыночных принципов в управлении трудовыми ресурсами по образцу западных стран.

В то же время в 1990-е годы обострилось социальное восприятие проводимых реформ. Многие решения были болезненно восприняты обществом. Большинство людей требовало сохранить государственную опеку, уверенность в неизменности своего положения. Но общество должно было стать иным, осознать то, что каждый его член — личность, которая сама принимает решения и несет за них ответственность. Перейти к этой модели развития общества психологически оказалось сложно для большого количества людей.

Поэтому государством в начале 1990-х годов было принято много решений, направленных на создание так называемой «социальной подушки». С одной стороны, шел процесс формирования собственников и капиталистических отношений, с другой — государство формировало ряд защитных механизмов, которые заключались в преференциях², позволяющих сказать человеку, что он не останется один на один со своими проблемами и государство о нем позаботится.

Активное участие государства в социальной защите в определенной степени поддерживало «размытость» ответственности работодателя за исполнение социально-трудовых отношений, сохранение прежних представлений работников.

Другая причина, повлиявшая на сглаживание остроты социально-трудовых конфликтов в постсоветский период, — сложившаяся модель низкого уровня социальной ответственности бизнеса в реализации своих обязанностей по отношению к работникам. Эта модель возникла

² К ним относились система пособий для малообеспеченных, субсидирование цен на жилищно-коммунальные услуги, сохранение льгот различным категориям работников, выражавшихся в предоставлении бесплатного жилья, прав на бесплатный проезд к месту отдыха и т. п. В России на тот момент действовали около 150 видов различных льгот. Насчитывалось более 200 категорий граждан, которым были положены пособия и льготы. По разным оценкам, на них могли претендовать около 100 млн человек.

в специфических условиях, чему способствовало, с одной стороны, разрушение социалистической корпоративной культуры (появление новых собственников, низкий уровень правовой грамотности менеджеров и т. п.), с другой — само государство, которое на начальном этапе предпочитало «не давить» на работодателей.

Кроме того, в секторах новой экономики (прежде всего в банковском, страховании, торговле и т. п.) работодатели имели возможность платить заработную плату, существенно превышающую ее размеры в традиционных отраслях. Высокий уровень заработков был своеобразной компенсацией за риски несоблюдения или откровенного нарушения требований трудового кодекса. В первые годы постсоветской России новые сектора экономики демонстрировали уверенный рост, что гарантировало стабильную занятость и высокий доход даже при временной потере работы у конкретного работодателя. В связи с этим работники соглашались с отсутствием неурегулированных трудовых отношений и предпочитали выражать свое несогласие с отношением не путем социального конфликта, а методом поиска другой работы. Таким образом, сложился своеобразный социальный консенсус между новыми работодателями и новыми работниками. Обе стороны, несмотря на существование неформальных трудовых отношений, были полностью удовлетворены фактической ситуацией.

Как уже отмечалось, на первых порах государство, поддерживая развитие бизнеса, не предъявляло жестких требований к последнему в сфере соблюдения обязательств в отношении работников. Это проявлялось в различных аспектах.

Нестабильность и неформальный характер социально-трудовых отношений крайне опасны как с социальной, так и с экономической точки зрения. Риски, связанные с неисполнением работодателями обязательств, автоматически перекладываются на государство. Отсутствие трудового договора, неуплата взносов в систему социального страхования образуют обязательства государства и при этом не создают адекватных источников их покрытия. Более того: такая практика перекладывает расходы по социальному обеспечению на законопослушных предпринимателей и создает неравные условия конкурентной борьбы, то есть противоречит основным принципам рыночной экономики¹.

Еще одним фактором, способствовавшим снижению уровня социально-трудовых конфликтов в Российской Федерации, являлась незрелость профсоюзного движения как специфического института, призванного защищать права работников, прежде всего на уровне конкретного предприятия или организации.

На первый взгляд это утверждение выглядит парадоксальным: ведь еще в Советском Союзе существовала такая мощная организация, как Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (ВЦСПС). Однако в действительности эта организация формировалась как инструмент государственной политики. Весь опыт предыдущей работы (в первую очередь ее функционеров) был связан с получением управляющих воздействий от государственных структур (ЦК КПСС, Совета Министров СССР) и доведения их до непосредственных работников.

Участие работников в социалистических профсоюзах было связано с наличием у них возможности пере-

распределять общественные фонды (путевки в санатории и дома отдыха, жилье, места в детских дошкольных учреждениях и т. п.). Предшествующий опыт свидетельствовал, что трудовой конфликт — это недопустимая с политической точки зрения форма разрешения противоречий, а профсоюз, наоборот, — активный помощник администрации.

В новых условиях роль профсоюзов изменилась: они оказались по другую сторону баррикад. Но в начале 1990-х годов у них было недостаточно опыта работы по отстаиванию интересов трудовых коллективов. Действительно, профсоюзы должны были определить свою новую роль без поддержки государства, для которого главным приоритетом стало формирование класса новых работодателей. Но именно это оказалось самым трудным.

Политическое признание позитивной, социально значимой силы профсоюзов и других общественных организаций, защищающих трудовые права граждан в формировании в России новых трудовых отношений и развитии современной рыночной экономики, должно подкрепляться регулярными консультациями по вопросам совершенствования трудовых отношений и иных, непосредственно связанных с ними отношений между Правительством Российской Федерации, представителями работников и работодателей. Одновременно должно осуществляться развитие диалога между профсоюзами и объединениями работодателей.

Указом Президента Российской Федерации от 15 ноября 1991 года № 212 «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)» впервые в России были определены способы организационно-правового обеспечения формирования системы социального партнерства, введен институт переговорного процесса. Были созданы трехсторонние комиссии (общероссийские и отраслевые) для подготовки, ведения переговоров и заключения генерального и отраслевых тарифных соглашений. Следует отметить важную роль общероссийской и региональных трехсторонних комиссий по регулированию социально-трудовых отношений в становлении социального партнерства в России.

Ареной сотрудничества Правительства Российской Федерации с объединениями профсоюзов и работодателей стала Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений (РТК) как орган социального партнерства на федеральном уровне (образована Указом Президента Российской Федерации от 24 января 1992 г. № 45). Основная задача РТК — выработка социально-экономической политики и общих принципов регулирования трудовых отношений. Результаты сотрудничества сторон «закрепляются» в генеральных соглашениях.

На уровне регионов процесс институционального становления системы социального диалога формировался в ходе деятельности региональных и территориальных (районных, городских) трехсторонних комиссий в соответствии с нормативными актами субъектов Российской Федерации.

Одним из основных направлений деятельности трехсторонних комиссий является выполнение мероприятий, направленных на реализацию региональных трехсторонних, районных и городских (территориальных) соглашений, отраслевых соглашений, коллективных договоров в организациях всех форм собственности.

Важнейшим показателем развития социального партнерства (зрелости профсоюзного движения) является количество и качество коллективных договоров на локальном уровне. Практика социального партнерства в настоящее время включает 61 отраслевое соглашение федерального уровня, 200 тыс. коллективных договоров, а также

¹ Статистика свидетельствует о том, что, например, в январе 1999 г. просроченная задолженность по заработной плате (то есть неисполнение одного из важнейших обязательств работодателя по выплате заработной платы за труд) составляла более 77 млрд рублей. Фактически эту сумму государство в той или иной форме должно было компенсировать, чтобы обеспечить выживание работников. Задолженность по страховым взносам в государственные внебюджетные фонды на 1 января 2001 г. составляла 300 млрд рублей (из них 150 млрд рублей — пени и штрафы).

9,6 тыс. соглашений в республиках, краях, областях и автономных округах Российской Федерации.

Вместе с тем сложной остается задача внедрения коллективно-договорной формы взаимоотношений между работниками и работодателями на предприятиях малого и частного бизнеса, в органах власти всех уровней, торговле, сфере туризма, в сельском хозяйстве.

Согласно сведениям органов по труду субъектов Российской Федерации коллективные договоры отсутствуют в большинстве малых предприятий, у индивидуальных предпринимателей, на предприятиях смешанной формы собственности.

К основным факторам, сдерживающим развитие коллективно-договорного регулирования трудовых отношений, относятся:

— отсутствие инициативы сторон, прежде всего во вновь создаваемых организациях, где не сформированы представительные органы социального партнерства, в том числе в организациях малого и среднего бизнеса. В ряде организаций продолжает оставаться формальным отношение работодателей к заключаемым в организациях коллективным договорам. На частных предприятиях договорные формы регулирования трудовых отношений и связанных с ними иных отношений недостаточны развиты;

— неумение сторон социального диалога согласовывать интересы и нежелание идти на компромиссы;

— социальная пассивность работников, отсутствие стремления к объединению и коллективной защите своих интересов, недооценка ими роли значения коллективного договора, обеспечивающего их правовую и социальную защиту;

— отсутствие на многих предприятиях первичных профсоюзных организаций.

По данным органов по труду субъектов Российской Федерации, максимальное количество коллективных договоров (около 60 %) заключается на предприятиях государственной и муниципальной форм собственности. По отраслям экономики — наибольшее количество коллективных договоров заключено в жилищно-коммунальном хозяйстве, здравоохранении, образовании.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что в 1990-х годах из-за переходного состояния российской экономики социально-трудовые отношения не смогли приобрести характер, адекватный рыночной экономике. Это определило особенности формы и динамики социальных конфликтов между работниками и работодателями, что в первую очередь выразилось в значительном участии и вовлеченности государства как квазиработодателя.

Н. Н. Скатов¹

«РУССКОЕ СЛОВО» В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Приветствуя участников очередных Международных Лихачевских научных чтений, я хотел бы сказать несколько слов о той форме, посредством которой мы, русские, ведем свой диалог с другими культурами.

Ранее, выступая на Лихачевских чтениях, я говорил о русских как о литературообразующей нации. Создание великой, одной из величайших в мировой истории литературной традиции — от Слова о полку Игореве до «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского, от московских книжников до поэтической плеяды Серебряного века — стало особой всечеловеческой миссией русского народа. Это потребовало от него таких же исключительных духовных и физических сил, каких, например, ранее воля истории — от создателей правовой культуры — римлян — или от организаторов научно-технического прорыва XVIII–XIX веков — французов, англичан и немцев. Поэтому в диалоге культур русские могут смело смотреть в глаза своим партнерам-собеседникам: они внесли в партнерство цивилизаций свой оригинальный, неповторимый вклад.

Но русская литературная традиция, русское литературное наследие — это еще и способ выражения некоей идеологии, способ коммуникации. Самый яркий пример тому — творчество Н. В. Гоголя, юбилейное празднование 200-летия со дня рождения которого почти совпало с IX Лихачевскими чтениями.

«Я совершу... Я совершу! Жизнь кипит во мне. Труды мои будут вдохновенны. Над ними будет веять недо-

ступное земле божество! Я совершу!..» — так экстатически писал Гоголь в канун 1834 года, еще ничего почти не совершив, но предчувствуя и веря. Что же он хотел совершить? Что он совершил? И что ему совершить так и не удалось? «...Назначение человека, — написал Гоголь, уже завершая свой путь, — служить, и вся жизнь наша есть служба». И еще: «Писатель, если только он одарен творческою силою создавать собственные образы, воспитайся прежде как человек и гражданин земли своей...»

То есть Гоголь с самого начала видел в качестве своей основной миссии художника достижение не Красоты, а прежде всего Истины. Говоря иначе, Красота для него могла быть санкционирована исключительно Истиной, вне Истины он Красоту не мыслит. Жить красиво — значит для него жить в Истине. Творить Красоту — стремиться к Истине. Замечательно, что эту эстетику духа Гоголь ассоциировал именно с русским художественным творчеством и тем самым определял особую роль отечественного искусства в рамках европейского искусства.

«Несмотря на внешние признаки подражания, — писал он, — в нашей поэзии есть очень много своего». Это «свое», по мнению Гоголя, возникает, во-первых, под влиянием народных песен, «в которых мало привязанности к жизни и ее предметам» и которые внушают стремление «как бы унести куда-то вместе со звуками». Во-вторых, особая русская эстетическая ментальность возникает под воздействием «необыкновенной полноты народного ума», проявляющейся в русских пословицах, в стремлении живой народной речи «сделать все своим орудием: иронию, насмешку, наглядность, меткость живописного соображения, чтобы составить животрепещущее слово, которое пронимает насквозь природу русского человека, задевая за все ее живое». И, наконец, в-третьих, отечественная

¹ Член-корреспондент РАН, советник РАН, главный редактор журнала «Русская литература», доктор филологических наук, профессор. Заместитель председателя Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии РФ, член Научного совета при Совете Безопасности РФ, член Комиссии по вопросам помилования на территории Санкт-Петербурга.

Автор более 300 работ: «Кольцов», «Некрасов», «Пушкин. Русский генерал», «Некрасов. Современники и продолжатели». Автор сборников историко-литературных статей «Поэты некрасовской школы», «Далекое и близкое», «Литературные очерки» и др.

эстетика возникает из «слова церковных пастырей» — слова, «замечательного по стремлению направить человека не к увлечениям сердечным, но к высшей умной трезвости духовной». «Все это, — заключает Гоголь, — пророчило для нашей поэзии какое-то другим народам неведомое, своеобразное и самобытное развитие».

Эту миссию русского художника Гоголь осознал почти сразу. И поэтом почти сразу и уже навсегда объединились в русской жизни и для русского сознания два великих русских духовных ратоборца — Гоголь и Белинский. Неслучайно Некрасов сведет их имена в хрестоматийных теперь стихах о русском мужике, который «Белинского и Гоголя с базара понесет». А когда в конце творческого пути гениальный писатель и великий критик разойдутся, то, конечно, не как в море корабли, но после почти смертельной схватки, обмениваясь такими письмами, которые «раскалывали» умы и сердца многих людей и целых поколений.

Коренная их идея — идея переустройства, переделки, пересоздания жизни. Это исторически возникшее нетерпение, в конечном счете по-разному проявившееся, но в одном единое. И если, по словам А. И. Герцена, Россия ответила на призыв Петра сто лет спустя «громдным явлением Пушкина», то, по мнению И. С. Тургенева, Гоголь сам «во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого», то есть человеком, дерзнувшим на преобразование жизни целой страны и вполне это осознавшим. Кто еще решился бы сказать: «Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?...» И в «Мертвых душах», и в «Ревизоре» Гоголь прежде всего хотел обрести точку опоры, чтобы перевернуть целый мир, во всяком случае русский мир, в который он так твердо верил и на который до конца надеялся.

Борьба Н. В. Гоголя за обновление русской жизни, ее преобразование совершалась в тяжелых противоречиях. Он готов был отрешиться от самого искусства, потому что оно не смогло немедленно и кардинально обновить жизнь. Он готов был отрешиться и от самого поучения, прежде всего религиозного, в котором видел последнее и окончательное слово, так как счел себя к нему неспособным. Он готов был сам стать примером на пути духовной, нравственной и физической аскезы и пройти его до конца — самого страшного.

«Вот, — воскликнул Н. А. Некрасов, — честный-то сын своей земли... который писал не то, что могло бы более нравиться, и даже не то, что считал полезнейшим для своего отечества. И погиб в этой борьбе, и талант, положим, свой во многом изнасилвал, но каково самоотвержение!» И. С. Тургенев в марте 1852 года писал Ивану Аксакову: «Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к ее недрам, — ни одному человеку, самому сильному духом, не выдержать в себе борьбу целого народа, и Гоголь погиб!» Действительно, Н. В. Гоголь с колоссальной силой обнажал такие социальные и духовные противоречия, для решения ко-

торых должна быть призвана вся национальная, а может быть, и целая человеческая история.

И так — у каждого русского писателя-классика! Ф. М. Достоевский, для которого «общечеловечность есть идея национальная русская», видел идеальное эстетическое выражение этой идеи в творчестве А. С. Пушкина, определяя тем самым его *уникальность в кругу европейских писателей*. «В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении — Шекспиров, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин».

А. С. Пушкин в изображении Ф. М. Достоевского не столько поэт, литератор как таковой, сколько *действенное русское слово*, миссия которого, ни много ни мало, — «стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всеобъединяющей, вмести в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»

Нужно ли говорить, что и для самого Ф. М. Достоевского эстетика оказывалась лишь производной от «великой мысли»? Можно ли читать его книги только лишь для того, чтобы получить эстетическое наслаждение? Можно ли, восхищаясь афористической красотой знаменитого высказывания Ивана Карамазова «о слезинке ребенка», оставаться абсолютно глухим к тому идейному пафосу, который стоит за блеском этих афоризмов? И как бы сам Достоевский отнесся к таким поклонникам, которые, называя его мировым художественным гением, не дрогнув, тут же проливают океаны «детских слезинок», развязывая войны, вызывая нищету, бесправие и тому подобное в мировых регионах?

То есть вкладом России в диалог культур является не только русская литература, но и та *русская идеология*, которая породила как форму своего выражения эту литературу. Лучше всего эту «русскую идеологию», «русское слово» миру сформулировал наш великий Пушкин:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Морально-этическая проповедь («чувства добрые»), проблема онтологической свободы личности, не зависящей от «жестокости века» (а эта проблема породила всех «лишних людей» русской литературы — от Онегина до Раскольниковых), внимание и сострадание не только к «героям», но и к «маленьким людям» («милость к падшим») — вот то русское слово, которое через великую русскую литературу принадлежит в диалоге цивилизаций нашей культуре.

В. С. Степин¹

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР И ПОИСК НОВЫХ СТРАТЕГИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ

Великие достижения цивилизации часто возникали при взаимодействии различных культурных традиций. Греческое «чудо» было обусловлено встречей античных традиций и восточных культур. Греческая математика возникла как результат синтеза античной философии и логики с достижениями математики Египта и Вавилона. Грандиозные трансформации европейской культуры в эпоху Ренессанса были вызваны пересечением достижений христианской культуры и открываемой заново в эту эпоху культурой Античного мира.

В наше время глобализации создаются новые перспективы взаимодействия культур. И от того, как будут осуществляться эти взаимодействия, зависят судьбы цивилизации.

Изменения оснований культуры, ее базисных ценностей означают смену стратегий цивилизационного развития. В современную эпоху это обстоятельство приобретает особый смысл. Ускоренные социальные изменения остро ставят проблему выбора путей развития современной цивилизации. И если этот выбор будет связан с новыми стратегиями развития, то неизбежно возникает вопрос о базисных ценностях современной цивилизации и радикальных трансформациях ее культуры. Такого рода трансформации могут привести к новому типу цивилизационного развития.

Типы цивилизационного развития и их базисные ценности

В истории человечества после того, как оно перешло от периода варварства к эпохе цивилизации, можно выделить два типа цивилизационного развития — исторически первый *традиционалистский тип* и второй, который часто называют *западным* по региону возникновения. В настоящее время последний тип представлен не только странами Запада. Я называю эту цивилизацию *техногенной*, поскольку в ее развитии решающую роль играют постоянный поиск и применение новых технологий, причем не только производственных, обеспечивающих экономический рост, но и технологий социального управления и социальных коммуникаций. Большинство тех цивилизаций, которые в свое время выделил и описал А. Тойнби, принадлежало к традиционалистскому типу.

В последние годы я подробно анализировал и писал о различии этих двух типов цивилизационного развития, поэтому ограничусь лишь тезисным изложением своей концепции. При стандартном цивилизационном подходе акцент сделан на различии цивилизаций. Конечно, традиционные культуры Китая, Индии, Античности, европейского Средневековья имеют ярко выраженную специфику. И все же в них можно выделить инвариантные черты, характеризующие традиционалистский тип развития. Точно так же можно выделить общие признаки различных цивилизаций техногенного типа.

¹ Академик РАН, научный руководитель Института философии РАН (Москва), и. о. академика-секретаря Бюро Отделения общественных наук РАН, доктор философских наук, профессор. Член Совета по анализу критических ситуаций и проектов правительственных решений при Правительстве РФ.

Автор более 270 научных работ, в том числе 17 книг: «Становление научной теории», «Философская антропология и философия науки», «Эпоха перемен и сценарии будущего», «Теоретическое знание» и др. Член редколлегии журналов «Вопросы философии», «Человек», Journal for General Philosophy of Science (ФРГ).

Член Национальной академии наук Белоруссии, Национальной академии наук Украины, действительный член Международного института (академии) философии (Париж), почетный доктор Университета г. Карлсруэ (Германия).

Техногенная цивилизация начала формироваться в европейском регионе примерно в XIV–XVI столетиях. В эпоху Ренессанса, Реформации и Просвещения сложилось ядро ее системы ценностей. Оно включало особое понимание человека и его места в мире. Это прежде всего представление о человеке как деятельном существе, противостоящем природе, предназначение которого состоит в преобразовании природы и подчинении ее своей власти. С таким пониманием человека органично связано осознание деятельности как процесса, направленного на преобразование объектов и их подчинение человеку.

Можно констатировать, что ценность преобразующей, креативной деятельности характерна только для техногенной цивилизации, но ее не было в традиционных культурах. Последним было присуще иное понимание, выраженное в знаменитом принципе древнекитайской культуры У-Вэй, который провозглашал идеал минимального действия, основанного на чувстве резонанса ритмов мира. Этот принцип был альтернативен идеалу преобразующего действия, основанному на активном вмешательстве в протекание природных и социальных процессов. Он ориентировал не на преобразование внешней среды, а на адаптацию к ней. Традиционные культуры никогда не ставили своей целью преобразование мира, обеспечение власти человека над природой. А в техногенных культурах такое понимание доминирует. Оно распространяется не только на природные, но и на социальные объекты, которые становятся предметами социальных технологий.

При характеристике базисных ценностей техногенных культур можно выделить понимание природы как неорганического мира, который представляет особое, закономерное упорядоченное поле объектов, выступающих материалом и ресурсами для человеческой деятельности. Предполагалось, что эти ресурсы безграничны и человек имеет возможность черпать их из природы неограниченно. Противоположностью этим установкам было традиционалистское понимание природы как живого организма, малой частичкой которого является человек.

В системе доминирующих жизненных смыслов техногенной цивилизации особое место занимает ценность инноваций и прогресса, что тоже отсутствует в традиционных обществах. Здесь уместно напомнить древнее китайское изречение, которое в современном прочтении звучит примерно так: «Самая тяжелая участь — это жить в эпоху перемен». А для нашей цивилизации изменение и прогресс становятся самоценностью. Современная цивилизация подобна двухколесному велосипеду, который устойчив лишь в том случае, когда движется, а как только остановится — упадет. Инновации здесь — главная ценность, чего не было в традиционных культурах, где новшества всегда ограничивались традицией и маскировались под традицию.

Идея прогресса тесно связана с особым представлением о времени и его переживании. В традиционных культурах доминирует представление о циклическом времени («все возвращается на круги своя»). Золотой век там всегда в прошлом, в эту эпоху жили герои, спасители, мудрецы, оставившие священные книги и заповеди, по которым должна строиться справедливая жизнь. В техногенной культуре доминирует иное понимание: время необратимо, и стрела времени направлена из прошлого к будущему. Причем в соответствии с идеей прогресса будущее представляется как лучшая, по сравнению с настоящим, жизнь. Золотой век — в будущем (кстати, в русле именно этого

понимания формировалась идея коммунизма как подлинно гуманистического этапа человеческой истории).

Успех преобразующей деятельности, приводящей к позитивным для человека результатам и социальному прогрессу, рассматривается в техногенной культуре как обусловленный знанием законов изменения объектов. Такое понимание органично связано с приоритетной ценностью науки, которая дает знание об этих законах. Научная рациональность в этом типе культуры выступает в системе человеческого знания доминантой, оказывает активное воздействие на все другие его формы.

Необходимо также сказать о ценности активной суверенной личности. В традиционалистских культурах личность определяется прежде всего через ее включенность в строго определенные (и часто заданные от рождения) семейно-клановые, кастовые и сословные отношения. Здесь являться личностью означает быть частью клана, касты, сословия. В техногенной цивилизации доминирует иное понимание: в качестве ценностного приоритета утверждается идеал свободной индивидуальности, автономной личности, которая может включаться в различные социальные общности и обладает равными правами с другими. Именно в контексте этого понимания формируется идея прав человека.

Наконец, среди ценностных приоритетов техногенной культуры можно выделить особое понимание власти и силы. Власть здесь рассматривается как господство человека не только над человеком (это есть и в традиционных обществах), но и прежде всего над объектами. Причем последними выступают как природные, так и социальные объекты, на которые направлено силовое воздействие с целью господства над ними. Они становятся объектами властного манипулирования.

Из этой системы ценностей «вырастают» многие другие особенности культуры техногенной цивилизации. Эти ценности выступают своеобразным геномом техногенной цивилизации, ее культурно-генетическим кодом, в соответствии с которым она воспроизводится и развивается.

Техногенные общества после возникновения начинают воздействовать на традиционные цивилизации, заставляя их видоизменяться. Иногда эти изменения становились результатом военного захвата, колонизации, но чаще — итогом процессов «догоняющей» модернизации, которую были вынуждены осуществлять традиционные общества под давлением техногенной цивилизации. Например, Япония после реформ Мэйдзи встала на путь техногенного развития. Таково было и направление развития России, которая испытала несколько модернизационных эпох, основанных на «трансплантации» западного опыта. Наиболее крупные из них — реформы Петра I и Александра II. Преобразования в нашей стране после Октябрьской революции также можно рассматривать как особый вид «догоняющей» модернизации. Она была ответом на исторический вызов — провести ускоренную индустриализацию страны.

Советский социализм и западный капитализм более полувека конкурировали как два различных варианта, две стратегии развития техногенной цивилизации. Их противостояние не исключало взаимного влияния. Изменение капитализма во второй половине XX века и создание в Европе и Северной Америке социальных государств в определенной степени были связаны с влиянием советского опыта повышения уровня жизни за счет роста общественных фондов потребления (бесплатных образования и медицины, предоставления общественного жилья и т. п.). Объединив высокий уровень индивидуальной оплаты труда с увеличением потребления из общественных фондов, Запад получил, наряду с другими выгодами, также преимущества в идеологическом соперничестве.

Техногенная цивилизация пережила несколько этапов своей эволюции — доиндустриальный, индустриальный — и в конце XX века вышла на новый этап — постиндустриального развития. На этом этапе техногенная цивилизация начала новый цикл своей экспансии в различные страны и регионы планеты. Техногенный тип развития в значительно большей степени, чем традиционалистский, унифицирует общественную жизнь. И то, что мы называем сегодня процессом глобализации, является продуктом экспансии именно техногенной цивилизации. Она внедряется в различные регионы мира, прежде всего через технико-технологическую экспансию, вызывая целые эпохи модернизации традиционных обществ, переводя их на рельсы техногенного развития. Модернизация перерастает в современные процессы глобализации.

Локальные модернизации начались в преддверии индустриальной эпохи и затем интенсивно протекали на этапе индустриализации. Они всегда начинались с заимствования технологических достижений (промышленных и военных технологий). В свою очередь это сопровождалось «трансплантацией» ряда других ценностей техногенной культуры, прежде всего науки и новой системы образования. Под их влиянием происходило изменение традиционной культуры, возникали новые образцы городской жизни и стереотипы поведения. Все эти трансформации не сразу меняли традиционные общества. В них длительное время сохранялись пласты традиционной культуры и архетипы традиционалистского сознания, регулирующие социальную жизнь. Так разрывались процессы модернизации в Японии, Индии, Китае, странах Латинской Америки. Эти процессы отчетливо прослеживаются и в истории России.

Столкновение двух типов культур — западных трансплантаций и традиционных образцов — сопровождалось взаимной адаптацией, которая определяла развитие российской культуры. Я напому высказывание А. Герцена, что на реформы Петра I Россия ответила более чем через столетие гением А. Пушкина. Н. Бердяев отмечал, что золотой век русской культуры, как и Серебряный, были ответом России на реформы Петра I.

В процессах модернизации, которые осуществлялись в прединдустриальную и индустриальную эпохи, культура техногенных обществ позиционировала себя в соответствии с идеалом прогресса — как символ более высокой ступени развития по сравнению с традиционными культурами.

До второй половины XX века сама идея прогресса и ее жесткая связь с ценностями техногенной цивилизации не ставились под сомнение. Эта цивилизация дала человеку много достижений: науку и новые технологии, улучшение качества жизни, продление жизни, образование, развивающиеся креативные способности личности. Но она «порodiла» и две мировые войны, орудие массового уничтожения, обозначившие реальную возможность гибели человечества, привела к глобальным кризисам.

Проблема новых ценностей и современный диалог культур

Глобальные кризисы остро ставят вопрос о стратегиях цивилизационного развития. Большое количество сценариев будущего человеческой цивилизации можно распределить между двумя полярными стратегиями. Первая из них основана на пролонгации техногенного типа развития без кардинального изменения его базисных ценностей. Вторая предполагает радикальную трансформацию этих ценностей. Здесь речь идет уже о переходе к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному.

Соответственно по-разному интерпретируются постиндустриальная эпоха и современные процессы глобализации. В рамках первого подхода постиндустриальное общество рассматривается как очередная ступень техногенной цивилизации. В рамках второго — как переходный период к новому типу цивилизационного развития.

Глобализация с позиций первого подхода выступает как процесс распространения ценностей техногенной культуры на все страны и регионы планеты. С позиций второго подхода современный тип глобальных процессов, связанных с формированием планетарной системы экономических, социально-политических и культурных взаимодействий разных стран, должен измениться, поскольку будут проблематизироваться ценности техногенной цивилизации. Диалог культур, о котором сегодня все говорят, приобретает особый смысл — поиска новых ценностей.

В настоящее время в процессах глобализации доминирует первая тенденция. Она направляет глобализацию в русло сценария «золотого миллиарда». На этот сценарий «работают»: а) современная организация мирового рынка; б) политические и военно-политические факторы, связанные с доминирующей ролью США; в) агрессивная «трансплантация» массовой культуры в различные страны и регионы планеты.

Массовая культура укоренялась в техногенных обществах в связи с преобразованиями повседневной жизни, вызванными урбанизацией, разрушением традиционалистских общинных отношений, распространением массовых форм образования. Стандартизация производства и потребления, возникновение индустрии детского воспитания, медицинского обслуживания, досуга и развлечения превратили массовую культуру в реальный регулятор повседневной жизни масс населения. Массовая культура вытесняет и трансформирует народную культуру, которая была основой социальной жизни в традиционных обществах.

Во второй половине XX века массовая культура стала не только выразителем, но и своего рода пропагандистом идеалов потребительского общества. Ее внедрение в культуру обществ, сохранявших самобытные традиции, создает угрозу утраты этой самобытности. Глобальная трансляция массовой культуры сегодня выступает особым средством утверждения ценностей техногенной цивилизации в западном варианте. Эти ценности связаны с образом жизни западного потребительского общества.

Идеалы демократии, прав человека, правового государства имеют общецивилизационный смысл. В них есть инвариантное содержание, которое репрезентирует особые технологии социальной регуляции. В плане этого содержания демократия, правовое общество, права человека выступают как цивилизационные завоевания, аналогичные цивилизационным достижениям освоения природы, таким как технологическое освоение электричества, лазерные и ядерные технологии и т. п. Но когда это общецивилизационное содержание соединяется с образцами жизнедеятельности, характерными для современного западного общества потребления, то оно может выполнять положительные регулятивные функции лишь в обществах со столь же высоким уровнем жизни.

Однако в современную эпоху к ним принадлежит только страны «золотого миллиарда». Так, 3 % населения Земли, проживающего в США, потребляют (по разным подсчетам) от 42 до 45 % мировой энергии и вместе с транснациональными корпорациями производят более 2/3 «грязных» выбросов в атмосферу, засоряющих окружающую среду (при этом большинство загрязняющих производств этих корпораций размещены в странах третьего мира). В этих условиях пропаганда западной демократии и прав человека под лозунгом «Делайте, как мы, и вы бу-

дете жить, как мы» — это просто лукавство. Когда указанные идеалы, интерпретированные в сочетании с образцами потребительского образа жизни Запада, внедряются в общества иного уровня, то они дестабилизируют их и встречают сопротивление, часто вырождаются в имитацию демократии.

В целом следует учитывать принципиально новое отношение к ценностям техногенной цивилизации, возникшее на современном этапе в ситуации обострения глобальных кризисов. Эти ценности проблематизируются и нуждаются в видоизменениях, что отмечается многими интеллектуалами Запада и Востока. Возникают новые аспекты взаимодействия культур. Важным становится нахождение точек соприкосновения, роста новых ценностей, порождающих мировоззренческие смыслы, которые могут быть восприняты различными культурами, в том числе сохранившими стереотипы традиционалистских ментальностей.

Принципиально важно обнаружить эти точки роста в различных сферах техногенной культуры: в политическом и правовом сознании, искусстве, религии, нравственности и главное — в характере научной и технологической рациональности. Главное, потому что научно-технологическое развитие выступает сердцевинной техногенной цивилизации, основой ее изменения и формирования новых состояний социальной жизни. Именно в научно-технологическом развитии тесно переплелись связи фундаментальных ценностей техногенной культуры: креативной деятельности, научной рациональности, отношения к природе как ресурсу для деятельности и основной сфере ее преобразующего влияния, назначения власти как контроля над природными и социальными объектами.

В современных философских и социальных исследованиях неоднократно высказывалась мысль о необходимости изменить стратегию нашего отношения к природе. Эти идеи разрабатывались еще в исследованиях Римского клуба. Известны также разработки экологической этики, в рамках которой наиболее радикальные направления провозглашают отказ от идеала господства человека над природой. Выдвигается альтернативный идеал, согласно которому мы не должны относиться с чувством превосходства к животным и растениям, видеть в них только средство нашего жизнеобеспечения. Эти мысли о новой этике имеют немало сторонников. Среди западных исследований я выделил бы работы Б. Калликота, Л. Уайта, Р. Аттфильда. В качестве первоисточника справедливо упомянуть об идеях А. Швейцера о благоговении перед жизнью.

В настоящее время предпринимаются попытки расширить понимание категорического императива, применить его не только в сфере нравственных отношений людей, но и в отношении человека к живой природе. Рассуждения о новом отношении к природе у большинства исследователей и интеллектуалов, отстаивающих идеи новой этики, сопровождаются ссылками на опыт традиционных восточных культур, бережное отношение к природе, свойственное традиционным обществам.

Но каковы возможности укоренения системы новых мировоззренческих образов и этических регулятивов в массовом сознании? Ведь они во многом ориентируют на созерцательное отношение к природе, свойственное скорее традиционным, чем техногенным культурам. Однако возврат к традиционалистскому типу развития невозможен. Он смог обеспечить жизненными благами лишь небольшую часть населения Земли. В эпоху Ренессанса, когда закладывались основы развития техногенной цивилизации, на планете жили примерно 500 млн человек, а сейчас — более 6 млрд. Без современных технологий невозможно даже минимальное жизнеобеспечение населения планеты. Кроме того, не следует забывать, что

бережное отношение к природе, благоговение перед ней в традиционных культурах сопрягались с определенным пренебрежением к человеку, жизнедеятельность которого по шкале ценностных приоритетов была на втором месте. Поэтому когда мы говорим о возможностях, потенциале восточных культур, отношение к нему должно быть избирательным, а свойственная западной цивилизации приоритетная ценность человека, его духа и его деятельности, судя по тенденциям постиндустриального развития, должна сохраниться, обретая новые измерения.

Я полагаю, что в будущем отношение человека к природе не будет сводиться к созерцанию и адаптации к ней. Человек по-прежнему будет видоизменять природу. Вероятно, преодоление экологического кризиса будет связано не с сохранением дикой природы в планетарном масштабе (что уже сегодня невозможно без резкого, в десятки раз, сокращения населения Земли), а с расширяющимся окультуриванием природной среды. В этом процессе важную роль будут играть не только природоохранные меры, направленные на сохранение тех или иных естественных локальных экосистем, но и созидание новых биогеоценозов, обеспечивающее необходимый уровень их разнообразия как условия устойчивости биосферы. Вполне возможно, что в этом благоприятном для человечества сценарии окружающая нас природная среда станет похожа на искусственно созданный парк или сад, который не сможет воспроизводиться без целенаправленной деятельности человека. И в этом будет состоять предназначение человека, который так изменил облик планеты, что стал реальной силой, определяющей сохранение биосферы. Эти идеи высказывали русские философы-космисты, в частности они были развиты в работах В. И. Вернадского.

В системе ценностей и мировоззренческих образов техногенной (западной) культуры вектор человеческой активности направлен вовне, на преобразование мира. Восточная традиционалистская система ценностей полагает человека включенным в организм природы, как бы растворенным в ней. В ней вектор человеческой активности ориентирован не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание, самоограничение, включение в традицию.

Я думаю, что синтез этих двух противоположных представлений будет связан с корреляцией, взаимной зависимостью двух векторов. Это будет не западная и не восточная система ценностей, а нечто третье, синтезирующее достижения современной техногенной культуры и некоторых идей традиционных культур, обретающих сегодня новое звучание.

Предпосылки такого синтеза возникают не только в связи с осознанием опасности экологической и антропологической катастрофы, угрозы грядущего апокалипсиса, стимулирующей поиск новых ценностей и этических регулятивов. Эти предпосылки порождаются также и современными тенденциями научно-технического развития.

В настоящее время на переднем крае науки и технологической деятельности формируется новый тип рациональности. Он связан с интенсивным научным и технологическим освоением принципиально новых типов объектов, представляющих собой сложные саморазвивающиеся системы. Этот тип системных объектов характеризуется развитием, в ходе которого происходит переход от одного вида саморегуляции к другому. Саморазвивающимся системам присуща иерархия уровневой организации элементов, способность порождать в процессе развития новые уровни. Причем каждый новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность. С появлением новых уровней организации система дифференцируется, в ней формируются новые, относительно самостоятельные подсистемы. Вместе с тем перестраива-

ется блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей.

На каждом этапе своей исторической эволюции саморазвивающаяся система сохраняет открытость, обмен веществом, энергией и информацией с внешней средой. Но характер этой открытости модифицируется со сменой типа самоорганизации, адаптирующей систему к окружающей среде. Изменения типа самоорганизации — это качественные трансформации системы. Они предполагают фазовые переходы. На этих этапах прежняя организованность нарушается, рвутся внутренние связи системы, и она вступает в полосу динамического хаоса.

На этапах фазовых переходов в состоянии динамического хаоса возникает спектр возможных направлений развития системы. В некоторых из них возможно упрощение системы, ее разрушение и гибель в качестве сложной самоорганизации. Но вероятны и сценарии возникновения новых уровней организации, переводящие систему в качественно новое состояние саморазвития. Из динамического хаоса возникает новый порядок (И. Пригожин).

К саморазвивающимся системам относятся: биологические объекты, рассматриваемые в аспекте не только их функционирования, но и развития; объекты современных нано- и биотехнологий, прежде всего генетической инженерии; системы современного проектирования, когда учитывается не только та или иная технико-технологическая система, но и более сложный развивающийся комплекс: человек — технико-технологическая система, плюс экологическая система, плюс культурная среда, принимающая новую технологию, и весь этот комплекс рассматривается в развитии. К саморазвивающимся системам относятся современные сложные компьютерные сети, предполагающие диалог «человек–компьютер», Интернет. Наконец, все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития, принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем.

К исследованию таких систем во второй половине XX века вплотную подошла и физика. Долгое время она исключала из своего познавательного арсенала идею исторической эволюции. Но во второй половине XX века возникла иная ситуация. С одной стороны, развитие современной космологии (концепция Большого взрыва и инфляционная теория развития Вселенной) привело к идее становления различных типов физических объектов и взаимодействий. Появилось представление о возникающих в процессе эволюции различных видах элементарных частиц и их взаимодействиях как результата расщепления некоего исходного взаимодействия и последующей его дифференциации. С другой стороны, в разработку идеи эволюционных объектов внесла свой вклад термодинамика неравновесных процессов (И. Пригожин) и синергетика. Взаимовлияние всех этих направлений исследования постепенно инкорпорирует в систему физического знания представления о самоорганизации и развитии.

Среди исторически развивающихся систем современной науки особое место занимают природные комплексы, в которые в качестве компонента включен сам человек. Примерами таких «человекообразных» комплексов могут служить медико-биологические объекты, объекты экологии, включая биосферу в целом (глобальная экология), объекты биотехнологии (в первую очередь генетической инженерии), системы «человек–машина» (включая сложные информационные комплексы и системы искусственного интеллекта) и т. д.

При изучении «человекообразных» объектов поиск истины связан с определением возможных направлений преобразования такого объекта, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности. С системами такого типа нельзя свободно экспериментировать. В процессе их

исследования и практического освоения особую роль играет знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие катастрофические последствия.

В связи с этим трансформируется идеал ценностно-нейтрального исследования. Объективно истинное объяснение и описание применительно к «человекообразным» объектам не только допускает, но и предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений. Возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных (поиск истины, рост знаний) и вненаучных ценностей общесоциального характера. В современных программно ориентированных исследованиях эта экспликация осуществляется в ходе социально-этической экспертизы программ. При изучении «человекообразных» систем исследователю приходится решать ряд проблем этического характера, определяя границы возможного вмешательства в объект. Внутренняя этика науки, стимулирующая поиск истины и ориентацию на приращение нового знания, в этих условиях постоянно соотносится с общегуманистическими принципами и ценностями.

Требование экспликации ценностей в этой ситуации не только не противоречит традиционной установке на получение объективно-истинных знаний о мире, но и выступает предпосылкой ее реализации. Стратегия деятельности с саморазвивающимися системами неожиданным образом порождает переключку между культурой западной цивилизации и традиционными восточными культурами. Здесь можно выделить три основных момента¹.

Во-первых, восточные культуры (как и большинство традиционалистских культур) всегда исходили из того, что природный мир, в котором живет человек, — это живой организм, а не обезличенное неорганическое поле, которое можно перепаживать и переделывать. Долгое время новоевропейская наука относилась к подобным идеям как к пережиткам мифа и мистики. Но после развития современных представлений о биосфере как глобальной экосистеме выяснилось, что окружающая нас среда действительно представляет собой целостный организм, в который включен человек. Эти представления в определенном смысле начинают резонировать с органистическими образами природы, свойственным и древним культурам.

Во-вторых, объекты, которые представляют собой развивающиеся «человекообразные» системы, требуют особых стратегий деятельности. Эти системы наделены синергетическими характеристиками, в них важную роль играют несиловые взаимодействия, основанные на кооперативных эффектах. В точках бифуркации незначительное воздействие может радикально изменить состояние системы, порождая новые возможные траектории ее развития.

Установка на активное силовое преобразование объектов при взаимодействии с такими системами не всегда является эффективной. При простом увеличении внешнего силового давления система может воспроизводить один и тот же набор структур и не порождать новых структур и уровней организации. Но в состоянии неустойчивости

небольшое воздействие в точках бифуркации — «укол» в определенном пространственно-временном локусе — часто способно порождать (в силу кооперативных эффектов) новые структуры и уровни организации². Этот способ воздействия напоминает стратегии ненасилия, которые были развиты в индийской культурной традиции, а также деяния в соответствии с древнекитайским принципом У-Вэй³.

В-третьих, в стратегиях деятельности со сложными, «человекообразными» системами возникает новый тип интеграции истины и нравственности, целерационального и ценностно-рационального действия. В западной культурной традиции рациональное обоснование полагалось основой этики. Когда Сократа спросили, как жить добродетельно, он отвечал, что сначала надо понять, что такое добродетель. Иначе говоря, истинное знание о добродетели задает ориентиры нравственного поведения.

Принципиально иной подход характерен для восточной культурной традиции. Там истина не отделялась от нравственности, и нравственное совершенствование полагалось условием и основанием для постижения истины. Иероглиф «дао» в древнекитайской культуре обозначал закон, истину и нравственный жизненный путь. Когда ученики Конфуция спрашивали у него, как понимать *дао*, то он давал разные ответы, поскольку каждый из его учеников прошел разный путь нравственного совершенствования.

Новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и имманентно включает рефлексию над ценностями в процессы научного поиска, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственной традиционным восточным культурам.

Сказанное, конечно, не означает, что тем самым признается ценность рациональности, которая всегда имела приоритетный статус в западной культуре. Сегодня изменяется тип научной рациональности, но она остается необходимой для понимания и диалога различных культур, который невозможен вне рефлексивного отношения к их базисным ценностям. Рациональное понимание делает возможной позицию равноправия всех «систем отсчета» (базовых ценностей) и открытости различных культурных миров для диалога. В этом смысле развитые в лоне западной культурной традиции представления об особой ценности научной рациональности остаются важной опорой в поиске новых мировоззренческих ориентиров, хотя сама рациональность в современном развитии обретает новые модификации. Сегодня во многом теряет смысл ее жесткое противопоставление многим идеям традиционных культур.

Таким образом, на переднем крае научно-технологического развития в связи с освоением сложных саморазвивающихся систем возникают точки соприкосновения, роста новых ценностей и мировоззренческих ориентаций, которые открывают новые перспективы для диалога культур. Этот диалог необходим для выработки новых стратегий жизнедеятельности глобализирующегося человечества, для выхода из глобальных кризисов, порожденных современной техногенной цивилизацией.

² Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М., 1990. С. 6–7.

³ Древнекитайская притча о «мудреце», который, пытаясь ускорить рост злаков, начал тянуть их за верхушки и в итоге вытащил из земли, наглядно иллюстрирует, к чему может привести нарушение принципа У-Вэй.

¹ Подробнее см.: *Stepin V. Theoretical Knowledge // Synthese Library. Dordrecht, 2005. Vol. 326. P. 357–369.*

ОБРАЗ СТРАНЫ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Я не философ, но хочу начать разговор об идентичности с тезиса, принадлежащего Гегелю, корифею мировой философии: «Современное общество нашло свою разумную идентичность в суверенном конституционном государстве, и философия должна представить эту идентичность как разумную. Только государство, суверенное относительно других государств, может иметь самостоятельность, которая необходима, чтобы общество в нем могло сформировать свою идентичность»².

С тех пор как были сказаны эти слова, многое изменилось. Сегодня идентичность общества и отдельного человека невозможно уместить во всеохватной и многофункциональной организации, какой является национальное государство и его государственно-партийная машина. Тем более идентичность не ограничивается чувством принадлежности к этнической общности. И все же, как считает другой немецкий философ Ю. Хабермас, «государственная организация по-прежнему является тем уровнем, на котором общества формируют свою идентичность»³. В многочисленных, как давних, так и современных, исследованиях или размышлениях об образе народа, его культурно-исторических традициях, о национальном характере и тому подобном чаще всего объектом рассмотрения выступают государственные сообщества, а национальное самосознание (идентичность) — это чувство принадлежности к Родине и народу, который там проживает.

Именно так в годы холодной войны американскими антропологами изучались национальные характеры народов разных государств с целью содействовать глобальным амбициям дипломатии США по установлению своего влияния и лучшего понимания внешнего мира. Ранее знаменитый швейцарский педагог Пиаже среди школьников Женевы, не деля их по этническому признаку (скорее всего, большинство составляли франко-швейцарцы, но не только), изучал этапы становления национального самосознания. Именно на основе этого подхода в мировом обществознании сложилась дисциплина кросскультурной психологии⁴, которой отечественные специалисты придали «зауженно-этнический» смысл, породив науку этнопсихологию⁵. Поэтому россияне, включая ученых, интересуются и пишут труды о национальном характере англичан, американцев, китайцев, испанцев, но применительно к собственной стране используют это понятие только по отношению к русским, осетинам, татарам, удмуртам и так далее, но никак не по отношению к россия-

нам. Логика здесь очень простая: у россиян не может быть своего национального характера, ибо они не представляют собой нацию. И это есть еще одно фундаментальное заблуждение!

Как и в прошлом, проблема национальной идентичности относится к числу горячо обсуждаемых и активно разрабатываемых обществоведами. Достаточно сказать, что уже два десятилетия выходит международный научный журнал «Национальные идентичности» (*National Identities*), проводятся многочисленные конференции, печатаются книги и статьи. В России термин «идентичность» не был распространен. Его аналогом в советском обществознании было понятие «*национальное (само)сознание*». Различия здесь не в словах, которые действительно схожи, а в смыслах, которые им придавались. В советском и российском общественно-политическом и научном языке этот смысл придался этнической идентичности, то есть соотношению человека с определенной этнонацией и коллективным образом этнической общности и ее культуры.

В мировом контексте *национальная идентичность* — это один из видов групповой идентичности по принадлежности к нации. Последняя понимается как *государственно-территориальная, политико-правовая общность, объединенная на основе комплекса политических, историко-культурных и морально-правовых характеристик*.

Природа и содержание национальной идентичности динамичны и разнообразны, особенно в сложных по составу обществах, но имеются некоторые общие моменты. Ю. Хабермас писал в связи с этим: «Общество обладает приписываемой ему идентичностью не в том тривиальном смысле, в каком, скажем, ею обладает предмет, который может быть идентифицирован различными наблюдателями как тот же самый предмет, даже если они воспринимают и описывают его различным образом. Общество известным образом порождает свою идентичность; и тем, что оно не утрачивает своей идентичности, оно обязано своим собственным усилиям»⁶.

Собирательные образы страны и народа имеют большое значение в структуре национальной идентичности граждан, а также для восприятия страны внешним миром. Эти образы трудно разделить на внутренние и внешние: как мы думаем о себе сами, так и мыслит о нас остальной мир. Хотя может быть и наоборот: какой образ той или иной страны конструирует и насаждает внешний мир по тем или иным идеологическим, геополитическим и культурным установкам, так эта страна и начинает жить в навязанном образе. Но чаще всего имеют место оба совпадающих или конкурирующих между собой процесса, в результате — складывается образ со всеми его оттенками.

Как правило, каждый народ имеет позитивный «самообраз» и не ставит себя ниже других, тем более соседей. Все страны стремятся создать о себе положительное представление. Оно необходимо для нормального социально-психологического самочувствия людей, обеспечения лояльности и сплоченности населения, благоприятных внешних контактов и привлечения в страну капиталов и туристов. В современном мире конструирование позитивного странового имиджа стало сферой прибыльного и вполне легального бизнеса. Существуют международные имиджевые компании, которые за проплачиваемые клиентами деньги создают позитивные образы того или иного государства или ситуации.

Достаточно, например, посмотреть на полностраничные публикации в крупнейших мировых газетах, а также

¹ Академик РАН, директор Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор. Председатель комиссии по вопросам толерантности и свободе совести Общественной палаты при Президенте РФ.

Автор более 300 научных и научно-публицистических работ, в том числе книг: «Страна кленового листа: начало истории», «Освободительное движение в колониальной Канаде», «История Канады» (в соавт.), «История и историки США», «Коренное население Северной Америки в современном мире» (в соавт.), «Тропой слез и надежд: книга о современных индейцах США и Канады» (в соавт.), «Русские как меньшинство: пример Эстонии» и «Русские в Средней Азии и Казахстане», «Россия как многонациональная общность и перспектива межэтнического согласия», «Концептуальная эволюция национальной политики в России», «Очерки теории и политики этничности в России», «Политическая антропология. Российские исследования в гуманитарных науках», «Общество в вооруженном конфликте» и «Этнология и политика. Научная публицистика» и др.

² Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 365.

³ Хабермас Ю. В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк, 1999. С. 34.

⁴ См. одну из классических работ в русском переводе: Коул М. Кросскультурная психология. М., 1996.

⁵ См. труды Г. У. Солдатовой, Т. Г. Стефаненко, а также ранние работы Н. М. Лебедевой, которая со временем стала использовать более приемлемое обозначение этого научного направления — «кросскультурная психология».

⁶ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 8.

в российской газете «Известия» об Азербайджане, которые регулярно публикуются в течение последних нескольких лет на правах рекламы. Кстати, те же самые компании могут по заказу клиентов намеренно разрушать образ страны, ее правительства и даже народа. Одной из причин негативного восприятия внешним миром действий России летом 2008 года по защите Южной Осетии от Грузии была целенаправленная акция по дезинформации, заказанная правительством Грузии международной пиар-компанией.

К сожалению, наша страна по ряду причин довольно часто попадает в категорию имиджевых «изгоев» благодаря стараниям геополитических соперников и беглых ненавистников с украденными из страны денежными ресурсами. Иногда внешний негативный образ существует длительное время или перекочевывает из прошлых и даже очень давних времен. Применительно к России самым отрицательным образом сказывается инерция холодной войны с ее антисоветским идеологическим запалом и «антироссийскость», порожденная уже новыми странами и их элитами после распада СССР. Поэтому достичь внешне-го позитивного образа такой стране, как современная Россия, достаточно сложно, а в ряде случаев — просто невозможно. Предписанная России миссия «большого врага» остается жизненно востребованной для такой мировой державы, как США, и для Запада в целом, чтобы обеспечивать консолидацию собственных обществ и военно-политических союзов, а также для оправдания военной экономики и армейских расходов. В этой ситуации усилия обществ и его элиты по конструированию позитивного «самообраза» направлены против внешних воздействий, но от этого они могут и должны быть более энергичными и последовательными. Здесь возможны две разные стратегии национального самоутверждения: изоляционистская (через отгораживание от внешней среды) и наступательно-интеграционистская (через попытки диалога и изменения внешнего образа страны в позитивную сторону). Обе стратегии не являются взаимоисключающими.

Мы можем определить *национальную идентичность как общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и как чувство принадлежности к ним*. Национальная идентичность не менее важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты. *Процесс воспроизводства и сохранения национальной идентичности в мировоззренческой сфере, отстаивание национальных интересов страны и ее народа в политике составляют то, что принято называть национализмом в широком смысле этого слова*. Когда российский президент В. В. Путин внешнего мир называл президентом-националистом, то это было близко к истине, ибо, в отличие от своих предшественников на этой должности, М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина, он формулировал и твердо отстаивал национальные интересы государства.

Государства создаются людьми и существуют потому, что каждое новое поколение его жителей разделяет общее представление о государстве и признает его. Это вовсе не означает, что все тотально и одинаково должны любить Родину, служить народу, выполнять еще какую-либо коллективистскую сверхзадачу. Человек, проживающий на планете, в том числе и россиянин, явился в этот мир прежде всего для того, чтобы исполнить собственную социальную миссию — благоустроить свою жизнь, как можно дольше прожить, родить и воспитать детей. Морально-этические установки вроде служить нации, защищать свободу, каяться или гордиться и тому подобное — скорее для политиков, религиозных проповедников, воспитателей, чтобы человеческий эгоизм и личное преуспеяние не вредили другим, чтобы человек осваивал нормы поведения ответственного гражданина.

Те, кто пишет в научных трудах или взывает на митингах, что человек рожден не для себя, а для нации, и в этом видит национальную идею России, ни одного дня в своей жизни по этому принципу не прожили. Так думают и живут только подвергшиеся идеологическому воздействию экзальтированные одиночки или обработанные специальными методами и религиозными проповедями незрелые и травмированные люди, готовые или «чистить Россию от чужаков», или стать «живыми бомбами». Подобными призывами широко пользуются ультра националисты. Прочитую А. Савельева (Кольева): «Вернуть себе национальную гордость можно только одним способом — возратить себе отнятое у нас государство. Когда народ вернет себе государство, он станет нацией. Идея такой трансформации заложена в национализме: нация выше государства; выше нации — только Бог. Национализм — это путь к национальной демократии, к власти демоса»¹.

Национальная идентичность, которая включает образ страны в его разных вариантах, имеет как частно-индивидуальное, так и коллективное измерение. С одной стороны, идея нации создала гражданина, дав ему частное измерение, включающее права и личностный суверенитет. Но *первичность частной жизни не избавляет людей от общности, особенно по отношению к государству*, когда каждый живущий в нем имеет взаимные обязательства, важные для обеих сторон. Можно существовать вне этнической группы и чувствовать себя даже более свободным, чем находясь среди соплеменников, но в современном обществе фактически невозможно обходиться без государства.

Государство и его создатели, то есть проживающий в нем народ, должны заботиться о поддержании этого института в порядке и благополучии. В личной беседе со мной академик Б. Н. Топорнин после научного заседания по поводу 10-летия перестройки сказал, что вся беда в том, что без присмотра оставили само государство, а этого делать было нельзя. Среди разных ресурсов и механизмов государственностроительства и поддержания государства в должном виде активно используется идеология и практика национализма в его гражданско-политическом понимании². Это довольно старый инструмент и с противоречивым наследием, но он сохраняет свою ценность до сих пор, а в некоторых исторических ситуациях становится ключевым.

Именно такая ситуация сложилась после распада СССР во всех постсоветских государствах, включая Россию. В начальный период для нового нацистроительства повсеместно (кроме России) использовалась старая советская концепция этнического национализма: нация — это титульный этнос, остальные — это меньшинства. О гражданской нации (латвийской, казахстанской и т. п.) иногда говорилось вождями и некоторыми идеологами, но реальная политическая практика и общественный менталитет не привели к необходимости утверждения гражданского нацистроительства.

Что касается России, то новое государство — правопреемник СССР — также основывалось на этнонационализме (нация — это этносы). Кроме того, в первой статье Конституции было записано, что мы многонациональный народ. Это чаще всего понимается следующим образом: не только народ, но и Российское государство многонациональное, а не национальное. Страна многих наций сохранила в своем государственно-административном устройстве этнический федерализм в форме этнотерриториальных

¹ Савельев А. Н. Национальная гордость // Золотой лев. № 142–143. URL: <http://www.zlev.ru>

² О национализме в разные исторические эпохи и в разных странах см.: Национализм в мировой истории / под ред. В. А. Тишкова и В. А. Шнирельмана. М., 2007.

автономий (республик, автономной области и автономных округов) и даже укрепила его в период так называемого «парада суверенитетов» в части властных полномочий и привилегированного статуса титульной группы, ее языка и культуры.

В России 1990-е годы были временем доминирования этнической парадигмы. Помимо отвоевания власти и контроля над приватизируемыми ресурсами, восстанавливались страницы истории, памятные и святые места, ритуально-обрядовая жизнь, язык и образование, музейные презентации больших и малых российских народов. В этом процессе было много позитивного и необходимого для сохранения целостности и развития страны. Однако в нерусских этнонационализмах проявились негативные и даже опасные для общества и государства моменты.

Во-первых, один из регионов — Чеченская Республика — в результате вооруженного переворота вышел из-под контроля федеральной власти и стал управляться вооруженными сепаратистами, поддерживаемыми международными террористическими силами и частью так называемого мирового сообщества. Тяжелая и разрушительная война за восстановление контроля российской власти над этой территорией унесла много жизней и имела разрушительные последствия¹. Она показала, насколько важно для национального государства сохранять полный суверенитет над собственной территорией, не допускать разрушительной пропаганды этносепаратистских доктрин и возникновения очагов или регионов вооруженного сопротивления центральной власти.

Вторым негативным проявлением периферийного этнонационализма стало общее ослабление российского самосознания и трудное рождение нового российского патриотизма, которые после распада СССР, наоборот, нуждались в особых усилиях по их наполнению новым содержанием вместе с обеспечением преемственности в системе национальных ценностей и символов. Социологические опросы и другие исследования и наблюдения периода 1990-х годов показывали слабую степень распространения среди россиян гражданского самосознания, а также позитивного отношения к собственной родине — России. Отчуждение и даже негативный образ России намеренно поддерживались частью интеллектуального сообщества и общественных организаций, особенно в российских республиках. Там выходили в свет книги и брошюры, которые создавали образ «сумерек империи» и призывали «убить» ее². В республиках Северного Кавказа в условиях войны в Чечне началась пропаганда и насаждение среди части населения, особенно среди молодежи, антироссийских взглядов на основе радикально-ваххабитской исламистской доктрины.

В-третьих, «симметричным» ответом на этот вызов (Э. Паин назвал это явление этнополитическим маятником) стала радикализация ультранационалистических доктрин и деятельности от имени русского народа. Этнонационализму от имени нерусских народов была противопоставлена не идеология и политика «российскости» и гражданской идентичности, а сумбурно сформулированные и громко заявлявшие о себе «русские проекты». Солидарность и однотипность этих двух экстрем в российском общественно-политическом пространстве были налицо, что могло создать для российской государственности и общества более опасную ситуацию, чем отдельный очаг вооруженного сепаратизма.

С тех пор ситуация с гражданским (надэтническим) нациестроительством значительно изменилась как в пла-

не социологической реальности, так и в доктринальном отношении. Современная Россия находится в процессе активного национального самоутверждения и формирования нового образа как мировой державы и европейской нации с мировой культурой и определенной цивилизаторской миссией на евразийском пространстве³. Обращение к национализму в его гражданско-государственном варианте состоялось и оказалось полезным. Это относится прежде всего к образу страны и ее народа и к представлению о государстве, его происхождении и интересах.

Приходит осознание того, что без позитивного образа страны и общеразделяемых ценностей-представлений эффективное правление невозможно. Общество, прежде всего в лице его интеллектуальной элиты, вместе с властями формулирует представление о народе, который живет в государстве и которому оно принадлежит. Естественно, что таким может быть только территориальное сообщество, то есть *демос*, а не этническая группа, которую в отечественной науке называют *этносом*, подразумеваемая под этим некое коллективное тело и даже социобиологический организм. Это утверждение отражает мировую норму устройства государств. Казалось бы, его невозможно оспорить. Однако это далеко не так.

На пространстве бывшего СССР распространены другие точки зрения. Протицирую одну из привлекательных примитивизаций, в которой смешаны политкорректные реверансы и вульгарный этнонационализм «а-ля Гумилев». Это рассуждения А. Никитина, секретаря центрального политсовета Партии защиты российской Конституции «Русь», в статье «Русский народ и Российское государство», опубликованной в газете «Трибуна» 8 марта 2007 года. Вначале автор пишет про «сумбур в головах — следствие общей идейной разрухи, воцарившейся в стране в 1917 году с победой коммунистической революции и только усугубившейся в 1991 году с торжеством либеральной контрреволюции. Все эти 90 лет людям внушают противоестественную идеологию интернационализма».

«Все 90 лет словосочетание “русский народ” в нашей стране фактически находилось под запретом... Но внести ясность в терминологию совершенно необходимо. И так, с чего все началось?» — задает вопрос автор статьи. Далее следует рассуждение, внешне политкорректное, но по сути ошибочное: «Господь Бог сотворил разные народы. Они отличаются друг от друга этнически, то есть по внешним признакам, говорят на разных языках, создали разные культуры в самом широком смысле этого слова. У них разное мироощущение, живут они в разных частях Земли. И все народы перед Богом равны: нет народов высших, богоизбранных, и низших, предназначенных им в услужение. Любые теории, утверждающие обратное, — расистский бред. В числе прочих Он сотворил и русский народ — не лучше и не хуже остальных, просто отличающийся от любого другого народа своим этническим архетипом, языком и культурой».

На определенном этапе своего исторического развития русский народ создал специальный механизм для управления своей внутренней жизнью на занимаемой им территории и для регулирования отношений с другими народами — русское национальное государство. Похожий путь прошли многие другие народы. Многие, но не все. Не у всех есть свои национальные государства... В многонациональном Российском государстве русскому народу принадлежит особая роль. Он не только создал это государство, он обеспечивает само его нынешнее существование как естественный носитель русского языка и русской

¹ О первой войне в Чечне в 1994–1996 гг. см.: Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001.

² Такими были названия книг популярных авторов в Татарстане: Хаким Р. Сумерки империи. К вопросу о нации и государстве; Халим А. Убить империю.

³ См. статью: Тишков В. А. Российский народ как европейская нация и его евразийская миссия // Этнокультурные взаимодействия в Евразии / под ред. В. И. Молодина, А. П. Деревянко, В. А. Тишкова. М., 2006.

культуры, без которых вся система обречена на стремительный распад. Русский народ является государствообразующим как исторически, так и демографически, и никакой другой народ не может заменить его в этой функции. Россия как государства и общества без русских быть не может...

Народ — живой организм, единое целое, которое рождается, живет и умирает, как и все в живой природе. Когда такой организм перестает ощущать себя единым целым, у него исчезает иммунитет перед вредоносными внешними вмешательствами, и в конце концов он погибает. Люди теряют свои национальные корни, свою национальную самобытность, превращаются в инертную биомассу, безразличную к тому, кто и как ею управляет... Смысл существования народа — в самом этом существовании. Нет и не может быть никакой иной национальной идеи, кроме идеи самосохранения народа. Именно ощущение угрозы самому существованию пробудило сейчас инстинкт самосохранения русского народа, проявляющийся в возрождении национальной самосознания. Так было всегда в критические периоды русской истории».

Эти представления восходят к советской идеологии и науке, а также к историософии Гердера¹ XIX века, которые, к сожалению, не исчезли, как это случилось с другими ложными конструкциями. Например, если для современного россиянина слово «рынок» уже не связывается с понятием «колхозный», слово «свобода» не озна-

чает «осознанную необходимость» и так во всем спектре ключевых общественных категорий, то со словами «народ» и «нация» и его производными особых изменений не произошло. Что касается важнейших правовых и концептуальных текстов, то здесь на страже уже второе десятилетие стоит Государственно-правовое управление Администрации Президента РФ, для руководителя которого существует только одно понимание всех национальных категорий. Оно вытекает из буквального прочтения первой главы Конституции: никаких других наций, кроме составляющих многонациональный народ, быть не может. В Конституции о российском народе (россиянах) и гражданской нации ничего не сказано, следовательно, их не существует.

Но не следует упрекать государственных служащих в игнорировании современного знания, если в среде гуманитариев имеют место альтернативность концепций и разные интерпретации категории «национальная идентичность». Ю. Хабермас заметил, что современная социальная и гуманитарная наука очень дифференцирована, и «дистанция между историческими науками и публичным процессом передачи традиции увеличилась. Погрешность знания и конкуренция способов толкования содействуют скорее проблематизации исторического сознания, чем формированию идентичности и смыслообразованию»². Но даже в этой ситуации *ученым не следует отказываться от той силы интеллектуального проникновения и общественного воздействия, которыми они обладают.*

П. П. Толочко³

ДИАЛОГ ИЛИ МОНОЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ?

Диалог культур, предполагающий взаимное уважение культурной идентичности народов, скорее идеальная философская категория, чем жизненная реальность. Ни на одном историческом этапе не была представлена такая благоприятная картина. Развитие всегда носило экспансионистский характер, причем не только военно-политический, но и духовно-культурный. Оно больше похоже на монолог, а если и напоминает диалог, то отнюдь не равноправный, а часто и немирный.

Формирование культурной, или цивилизационной, общности — это всегда сложный и противоречивый процесс, сопряженный с приобретениями и потерями. Как правило, эта общность создавалась при участии военно-политической силы в лице государственной бюрократии и далеко не всегда мирно. Редко историческому опыту удавался естественный синтез многих культур, чаще всего это насильственное распространение в определенном регионе одной культурной традиции, в «плавильном котле» которой сгорали другие. Это же относится и к носителям

традиции, которые также исчезали в процессе их ассимиляции основным этносом цивилизации.

Древней истории известно много подобных примеров. Возможно, наиболее показательным является сложение римской цивилизационной общности, утверждавшейся на территориях, удаленных от глобализационного источника на тысячи километров. Причем это утверждение носило преимущественно характер завоевания. Римское имперское влияние и римский порядок на огромных пространствах Европы и Африки поддерживали воинские гарнизоны, базировавшиеся в мощных укрепленных лагерях. Из этих, пользуясь современной терминологией, военных баз римские легионеры осуществляли военные походы против варваров, которые не всегда покорно воспринимали их приобщение к римской цивилизации.

Всегда существовали и межцивилизационные противоречия. Глобализуясь на определенной территории, цивилизация рано или поздно соприкасалась с другой, развивавшейся в сходных или отличных условиях на сопредельной территории. Нередко между ними происходили драматические столкновения. В большей мере они были характерны для культурно различных цивилизаций (например, разгром Византии турками или Киевской Руси монголо-татарами), но имели место и между родственными культурами. Примером этому может служить длительное противостояние православно-византийской и римско-католической цивилизаций, в результате которого европейский католический мир нанес сокрушительный урон своим восточным «братьям во Христе». В 1204 году крестоносцы, выступавшие под знаменем Папы Римского, разорили Константинополь и фактически погребли под его руинами одну из ярчайших мировых цивилизаций.

В эпоху Великих географических открытий европейская римско-католическая цивилизация оказала разрушительное

¹ См. сочинения этого автора в русских переводах, в частности: Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

² Хабермас Ю. Указ. соч. С. 73.

³ Академик Национальной академии наук Украины, директор Института археологии НАН Украины, доктор исторических наук, профессор.

Автор более 300 научных работ, в том числе 25 книг: «Исторична топографія стародавнього Києва» («Историческая топография древнего Киева»), «Древний Киев», «Древнерусский феодальный город», «Историчні портрети» («Исторические портреты»), «Літописи Київської Русі» («Летописи Киевской Руси»), «Володимир Святий — Ярослав Мудрий» («Владимир Святой — Ярослав Мудрый»), «Від Русі до України» («От Руси к Украине») и др.

Председатель Украинского общества охраны памятников истории и культуры, член Академии Европы (Лондон), член-корреспондент Центрального немецкого института археологии (Берлин), член Международного союза славянской археологии.

Лауреат Государственной премии УССР в сфере науки и техники, Государственной премии Украины, премии НАН Украины им. М. С. Грушевского.

воздействие на культуры различных регионов мира. Многие из них вообще прекратили свое существование, в том числе культуры ацтеков, инков, майя. Были истреблены в значительной мере и их носители.

С течением времени на карте мира вместо многих культур образовалось несколько крупных мировых цивилизаций, различающихся между собой культурно-исторически и, что особенно важно, духовно-религиозно. Не случайно при их определении мы чаще всего прибегаем к религиозным терминам: католический, православный, исламский мир и др.

Со времени сложения этих цивилизационных систем между ними идет соперничество не только за души людей, но и за пространства, которые они занимают. Как правило, подобные соревнования, к взаимному неудовольствию, нередко сопровождаются военными столкновениями, но, к счастью, до сих пор без глобальных мировых катаклизмов. Лидирует в этом соревновании западный католический протестантский мир, который, с одной стороны, стал своеобразным «локомотивом» мирового технологического прогресса, с другой — благодаря своему превосходству сумел сделать остальной мир своим «донором». Начиная с XVI века это стало возможно посредством создания европейскими государствами колоний в различных регионах мира, после крушения классической колониальной системы — благодаря господству различных компаний и картелей. Правда, и здесь иногда используется военная сила и принуждение.

В. С. Соловьев утверждал, что все должны стать европейцами. Понятие «европеец» должно совпадать с понятием «человек», а понятие «европейский культурный мир» — с понятием «человечество». В этом он видел смысл истории¹. В наше время эта мысль получила развитие в трудах западных политологов и культурологов. Некоторыми из них было введено понятие «европейская культура» как наднациональная категория. Ее особенностью заключается в исповедании демократии, уважении прав человека, следовании христианской религиозной традиции, создании социально ориентированной рыночной экономики².

Западные цивилизационные ценности объективно обладают большой притягательной силой и могут быть мечтой многих народов, но далеко не всех. Эти ценности не должны насаждаться силой, что, к сожалению, имеет место.

Новое время сделало глобализацию всепланетарным явлением. Наиболее развитые в экономическом и военном отношении страны озаботились проблемами перераспределения жизненных ресурсов планеты и связанной с ними задачей доминирования в мире. По существу, главным глобализатором сегодня выступает Североатлантический альянс во главе с США. Им движет имперский интерес, который камуфлируется благородными лозунгами: свобода, демократия и цивилизация. Американско-натовские просветители уверены, что обязаны «осчастливить» мировое сообщество своими жизненными ценностями. А поскольку оно не понимает своего счастья и не хочет добровольно принимать их, то его следует принудить к этому силой. Они так много твердят миру о демократии, свободе, цивилизации, что, кажется, уже уверовали в то, что только они знают, что это такое, и именно на них лежит историческая миссия «демократизации» народов (даже ценой потери этносами своей культурно-исторической идентичности).

К примеру, приняв решение, что в Югославии правил недемократический режим С. Милошевича, нарушавший права этнических меньшинств в собственной стране, на-

товские стратеги «развязали» войну. При этом они не остановились ни перед чем, в частности сбрасывали на сербов тысячи бомб с обедненным ураном. В результате «разорвали» некогда процветающую славянскую страну на несколько небольших государств, подчинив их Вашингтону и Брюсселю.

Стала ли лучше жизнь на Балканах после того как натовцы принесли туда свой «мир» и «свободу»? Безусловно, нет. Их принуждение к демократии унесло во много раз больше жизней, чем межэтнические конфликты. Натовские бомбы превратили в руины целые кварталы сербских городов, древние памятники культуры, мосты над Дунаем. Около 200 тыс. сербов были вынуждены уйти со своей исторической родины Метохии (запад Косово). Вернутся ли они туда когда-нибудь? И кто ответит за военную интервенцию в Югославию? Гаагский трибунал (Международный трибунал по бывшей Югославии), судя по всему, такие «мелочи» не интересуют.

Особенно прискорбно, что Сербии предали все славянские страны, за исключением России. Одни ответили на призыв США и их союзников молчаливым согласием, другие открыли свое воздушное пространство для натовских бомбардировщиков. Такую позицию трудно назвать моральной. По существу, предали не только Сербию, но и свою историческую память, заветы великих славянских просветителей Караджича, Шафарика, Шевченко, Дринова и других, которые мечтали о всеславянском единстве.

Освободив народы Балкан от «диктаторского» режима Милошевича, лидеры Североатлантического альянса принялись за поиск очередного «обездоленного» народа. Таковыми оказались иракцы. Они также управлялись строптивым и неподконтрольным Западу правителем и якобы также ждали, чтобы американцы вызволили их. США вместе со своими натовскими союзниками (на этот раз, правда, не всеми) «развязали» войну с Ираком и сравнительно быстро оккупировали суверенную страну.

Как и следовало ожидать, американцы не принесли Ираку ни мира, ни свободы. Если при диктаторе С. Хусейне жертвами его режима были, как уверяет западная пропаганда, тысячи людей, то в результате его свержения и установления демократии по-американски погибли сотни тысяч иракцев. Зыбкое межэтническое и религиозное равновесие в стране, поддерживаемое авторитарным режимом Хусейна, было разрушено. Фактически сегодня Ирак находится в состоянии гражданской (межэтнической и межконфессиональной) войны. Как, впрочем, и Афганистан, которому цивилизованные европейцы под руководством американцев безуспешно пытаются силой навязать свободу и демократию. На очереди Иран, Северная Корея и др.

Справедливости ради следует сказать, что «демократизацию» многих стран мира Запад осуществляет посредством не только военного вторжения, но и мирного идеологического, поддерживаемого мощными финансовыми вливаниями. США не скрывают этого, убеждая мировую общественность в том, что выделяют средства для поддержания демократических сил, разделяющих общие с ними цивилизационные ценности³.

Как показывает пример Украины, с этой целью на американские и западноевропейские деньги создаются многочисленные общественные фонды и институты, основным содержанием работы которых является борьба за «свободу» и «демократию». Украинской молодежи открыт широкий доступ в различные западные, преимущественно американские, учебные заведения. После завершения обучения и возвращения на Украину большинство из них последовательно отстаивают идею приоритета западных цивилизационных ценностей.

¹ Соловьев В. С. Сочинения : в 2 т. 2-е изд. М., 1990. Т. 2. С. 695–697.

² Шнайдер Э. Европейская культура. Диалог культур и партнерство цивилизаций. СПб., 2008. С. 78–79.

³ В 2008 г. сенат США выделил почти 500 млн долл. на поддержку так называемых молодых демократий.

Так постепенно готовятся «демократические» «цветные» революции. На постсоветском пространстве они уже совершились в Грузии, Украине, Киргизии. Следующей должна была стать Белоруссия. Узнав о раскрытом плане государственного переворота, который планировался на 19 марта 2006 года — день выборов президента Белоруссии, Д. Буш не смог скрыть своего отношения к этому. Первым «отместным» актом с его стороны был донос в сенат о доходах А. Лукашенко, вторым — угроза санкциями, если власти Белоруссии применяют силу против оппозиции. Примечательно, что к последней с подобным предостережением Д. Буш не обратился. Белорусская власть определенно заявила: сила будет применена только в ответ на насилие оппозиции. Но ей американский президент готов был позволить все, лишь бы она свергла режим А. Лукашенко, как это имело место на Украине в 2004 году. Тогда Запад также предостерегал от применения силы только власти Украины и не адресовал подобных призывов оппозиции. Ей было позволено все, даже насильственное отстранение от исполнения своих конституционных обязанностей законного президента.

«Демократизация» Украины обошлась Альянсу, что называется, малой кровью. Дали денег на «оранжевую революцию», устранившую не слишком податливый США и Западу режим Л. Д. Кучмы и водрузившую на президентский трон западника В. А. Ющенко. Победа оказалась неполной, и теперь натовские стратеги (на Украине и за ее пределами) пытаются закрепить ее посредством вступления Украины в военный блок.

Примеры глобализации по-американски можно, к сожалению, продолжить. Но моя цель — не столько в том, чтобы выразить отрицательное отношение к этому явлению, сколько в том, чтобы привлечь внимание к тому, что никакого равноправного диалога культур, а тем более цивилизационного партнерства в мире не существует. Безусловно, мир несовершенен. Конечно, хочется, чтобы он был «нормальным». Но совсем не обязательно идеальный образец этого «нормального» мира создан странами Североатлантического альянса.

Попытки осознать место России в мире, в семье других народов нашли отражение в нескольких ориентациях,

¹ Как считает академик НАН Украины Ю. Н. Пахомов, Западу важно осознать, что мусульманскому Востоку нельзя, не вызвав катастрофических последствий, навязывать формы жизни, основанные на западных ценностях. Реакцией на подобное мессианство могут быть лишь ужесточение сопротивления и приход вместо умеренных режимов фанатиков-фундаменталистов. См.: Пахомов Ю. Н. Мировые цивилизации и отечественный парадокс // София. 2005. № 2–3. С. 15.

² Член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой теории и истории социологии, доктор философских наук, профессор.

Автор более 400 научных работ, в том числе 17 книг и учебников: «Социальная инфраструктура: сущность и пути развития», «Социальное планирование в СССР», «Социальное проектирование», «Идеология и жизнь: социологический очерк», «Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция: этносоциологические заметки», «Парадоксальный человек», «Три особенных лица власти: социологические заметки», «Социология труда (Опыт нового прочтения)», «Этнокрафия: история и современность», «Теократия: фантом или реальность?», «Социология: учебник для вузов», «Социология труда: учебник» и др.

Член Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации РФ, член Комиссии по грантам в области культуры при Президенте РФ, член редколлегии журнала «Общественные науки». Лауреат премии им. М. М. Ковалевского РАН.

Почему западные политические деятели не задумываются о том, что как им многое не нравится в мире, так и лидеров других стран (остального мира) может многое не устывать в западном мире? И как бы они отнеслись, скажем, к тому, если бы какая-либо страна, достаточно сильная и влиятельная и также страдающая навязчивой мессианской идеей переустройства мира под себя, занялась тем, чем занимаются США? Вряд ли такое мессианство было бы признано за этой страной. Достаточно вспомнить, как Запад болезненно реагировал на претензии Советского Союза глобализировать мир по своему образу и подобию.

Особенность современного этапа мирового развития — терроризм. Он также глобален. И как бы ни пытались представить это явление вне цивилизационных и духовных противоречий, в действительности оно является и их порождением. Вынуждая другие народы жить по новым правилам, объективно и более цивилизованным, но ментально неблизким, глобализаторы неизбежно будут сталкиваться (и уже сталкиваются) с отторжением своего мессианства¹. Это отторжение нередко приобретает уродливые формы, от него страдают ни в чем неповинные люди, но справиться с ним сложно. Особенно если учитывать, что причины и следствия этого явления тесно переплелись.

Из сказанного выше явствует, что современная идеология закономерности процесса глобализации мира на базе единой западнорестриктской либеральной модели является глубоко ошибочной. Мир изначально многолик и мультикультурен. Таким он и должен существовать. Разумеется, мир полон противоречий. Но, будучи региональными, они не содержат опасности мирового конфликта. Последний становится вполне реальным в условиях глобализации, когда одна цивилизация признает за собой право на «разумное» мироустройство. Пока еще не поздно, необходимо избавиться от этого заблуждения и строить отношения между народами на основе взаимного уважения традиций их культур и жизненных укладов.

Ж. Т. Тошенко²

ОБРАЗ РОССИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
с раскосыми и жадными очами!

А. Блок

которые в настоящее время преобладают в общественном сознании населения страны.

Во-первых, достаточно отчетливо выражено желание приобщить себя к европейской культуре, цивилизации, влиться в политическое, экономическое и социально-культурное пространство, созданное развитыми странами Западной Европы и Северной Америки. Однако это желание нередко воплощалось и воплощается в гипертрофированном виде. Особенно наглядно это демонстрирует период, когда к власти в начале 1990-х годов пришли радикал-либералы (атлантисты). Были предприняты многочисленные попытки заимствовать у других стран все без разбора, без критического анализа их достижений и завоеваний. Следствием этой ориентации стали огромные «провалы» в экономике и политике, заискивание и уничижительность в сфере культуры, то есть потеря «лица» в прямом и переносном смысле слова.

В принципе в общественном сознании нельзя обнаружить серьезного течения, которое бы противопоставляло себя европейской цивилизации. Речь скорее идет о мере,

в которой воплощается объем, характер и ее влияние на развитие российской действительности. Иными словами, российское восприятие общественной жизни всегда было связано с признанием роли и значимости достижений европейской цивилизации, но это для большинства никогда не означало буквализма, копирования всего без разбора, особенно в таких сферах, как экономика и культура (см. табл. 1).

Таблица 1

Вопрос: «По какому историческому пути должна идти Россия?»
(N = 1600, в % к числу ответивших)¹

Варианты ответов	2000 г.	2008 г.
По пути европейской цивилизации	15	21
Вернуться на путь, по которому двигался Советский Союз	18	14
Идти по собственному особому пути	60	58
Затрудняюсь ответить	7	7

Во-вторых, умеренно, но достаточно значительно в общественной сознании присутствует «азиатское» начало. Это направление, для которого образцом гармонии, благополучия и успехов являются достижения азиатских стран: Японии, Сингапура, Малайзии, Южной Кореи и Тайваня, а также коммунистического Китая, добившихся впечатляющих результатов в социально-экономическом развитии. Сторонники ориентации на Восток стараются убедить общественность в том, что Россия скорее азиатская, чем европейская страна, что русские по менталитету ближе к восточным народам. Поэтому путь процветающих стран Востока — это наиболее приемлемый для нашей страны выход из экономического и социального кризиса. По данным всероссийских опросов, в 1990–2000-е годы к признанию того, что Россия должна развиваться по типу таких азиатских стран, как Китай и Индия, склонялись от 4 до 7 % человек².

В-третьих, все возрастающее влияние приобретает ориентация на самобытное, исключительно собственное развитие, которое основано на специфике исторического пути России, особенностях русской культуры, национального менталитета (см. табл. 1). Данная позиция в одинаковой степени отвергает ориентацию как на западный, так и на восточный опыт, справедливо полагая, что каждая страна имеет уникальный, специфический путь развития, свои место и роль в истории человечества. Но так как сторонники данной точки зрения нередко абсолютизируют специфику российской истории и действительности, то они (хотя бы они того или нет) ведут Россию к изоляционизму, замкнутости, полному и беспрекословному игнорированию чужого опыта. Радетели этой идеи забывают, что никогда ни в одной стране такая ориентация не привела к успеху.

Наконец, имеет определенное значение так называемая евразийская ориентация, которая отражает неудовлетворенность апологией как западного, так и восточного развития и одновременно не приемлет позицию пропагандистов русской исключительности (ее поддерживают 1–2 %). Ее суть (трактуемая по-разному) — концепция уникального пути развития России, в которой переплетены европейская и азиатская культуры, культуры многочисленных народов России, создавших нечто новое, неповторимое на границе соприкосновения христианства, ислама и буддизма. Однако подробный анализ показывает, что это позиция лишь некоторых слоев интеллигенции, а не всего населения страны, тем более что трактовка этого пути у многих ассоциируется с особым путем развития России.

Так как эти логические конструкты в чистом виде затрагивают и характеризуют сознание определенных групп

людей, воплощаясь в значительной мере в мировоззрении интеллигенции, в реальной жизни мы встречаемся с переплетением взглядов, которые порождают весьма причудливые сочетания. Будучи «приправлены» противоречивыми политическими и экономическими взглядами, эти сочетания рождают парадоксы, которые оказывают серьезное влияние на общественную жизнь России. Причем эти парадоксы общественного сознания можно рассмотреть в двух основных ипостасях — оценка России и ее места в мире и оценка самих себя, россиян вообще и русских в частности, в сравнении с другими народами — как с соседями, так и с народами, играющими важную роль в современном историческом процессе.

После распада СССР общественное сознание было взбудоражено дискуссиями, обсуждениями и сомнениями: что же представляет собой новая Россия, каково ее подлинное место в истории и какое будущее ее ожидает? В споры были вовлечены все вышеперечисленные взгляды и концепции, которые по-разному отвечали на эти вопросы (см. табл. 2).

Таблица 2

Вопрос: «С каким из следующих суждений вы в большей мере согласны?»³ (в % к числу ответивших)

Варианты ответов	1994 г.	2000 г.	2008 г.
Россия отстала от большинства передовых стран	41	50	29
Россия всегда была в числе первых	8	10	20
Россия развивается по особому, своему пути	31	34	46
Затрудняюсь ответить	19	6	5
Число опрошенных	3000	1600	1600

Сопоставляя эти данные со сложившимися социально-экономическими и политическими реалиями, можно объяснить рождение и существование многочисленных парадоксов, среди которых необходимо отметить следующие.

Во-первых, это парадоксальная трактовка роли России. С одной стороны, в общественном сознании постоянно присутствует (и внедряется пропагандой) мысль, что Россия была, есть и будет великой страной, без которой трудно представить развитие остального мира. С другой — не менее показательным выглядит тот факт (который находит отражение и в массовом сознании), что Россия вступила в период увядания, перехода из разряда великих держав в региональные. В рамках второго подхода существует точка зрения, согласно которой имперская Россия осталась в прошлом, сам факт существования России находится под вопросом, Россия непременно распалется, как это произошло и с СССР, а еще ранее — со всеми империями: Римской, Византийской, Австро-Венгерской, Британской.

Однако общественное сознание не может примириться с утратой Россией позиции великой страны. Об этом свидетельствуют социологические данные. Если в 1994 году (опрос 1600 человек) только 8 % граждан России относили ее к числу первых, великих, то в 2008-м уже 20 % придерживались этой точки зрения, а 46 % ратовали за ее особый путь, независимый от других — западных и восточных — вариантов (см. табл. 2). Значит, развиваясь от признания скромной роли России, три четверти населения стали придерживаться великодержавных ориентаций (или амбиций?). При сравнении с оценкой роли других стран эти данные впечатляют, ибо одновременно 70 % из этой группы опрошенных великой страной назвали США и 44 % — Японию. Кроме того, эти данные свидетельствуют о том, что немало людей в период кризиса не теряют веру в величие своей страны (это скорее вера, чем констатация существующего положения). Такая

¹ Общественное мнение–2008. М., 2008. С. 143.

² Там же. С. 137.

³ Общественное мнение–2008. С. 137.

противоречивая оценка приводит к удивительному явлению: Россией гордятся и одновременно стыдятся того, что в ней происходит.

Обращает на себя внимание и парадокс, являющийся следствием вышесказанного. Суть его заключается в том, что общественным сознанием *одновременно признается и отрицается будущность России*, ее перспективы. Особенность и специфика этой позиции состоят в том, что эти взаимоисключающие характеристики содержат противоречивые оценки и суждения по поводу реального и перспективного развития российского общества. Если будущее России мыслится в категориях повседневности, то ее современная оценка связывается с социально-экономическим и политическим положением, уровнем и качеством жизни. Такой подход приводит к пессимистическим выводам: в обозримом будущем россиянам не удастся достичь уровня развития западных стран. Если перспективы России рассматриваются через призму геополитики, наличия природных ресурсов, военно-стратегического потенциала, то это позволяет оценивать ее будущее более оптимистично и говорить о нем в более мажорном тоне.

Сопоставление самобытного, евразийского, «европейского» и азиатского подходов приводит к *противоречивой, иногда парадоксальной оценке российской культуры вообще и культурного наследия России в частности*. Одновременно в общественном сознании сосуществуют две точки зрения: а) русская культура — это богатый синтез не только достижений русского, но и всех народов, населяющих Россию; б) русская культура — это эклектичное соединение всех, в том числе и мировых, культур, а наличие в русской культуре великих имен — скорее исключение из правил, чем закономерность развития. Достаточно много людей признают, что культура России не была, не является и не будет представлена в культуре как западных, так и восточных стран, и поэтому нужно не приспосабливаться к ним, а заботиться и растить уникальные плоды своей, российской, или евразийской, культуры¹.

Следует также указать и на такой *парадокс, когда новая Россия одновременно признается демократической страной и по-прежнему источником угрозы и опасности*. Первая точка зрения — о демократическом облике России — господствовала в конце 1980-х — начале 1990-х годов, активно пропагандировалась атлантистами (сторонниками европеизации России). Такая ориентация поддерживалась общественностью многих развитых стран Европы и Америки. Этому стремились соответствовать пришедшие к власти младореформаторы, во многом поступаясь интересами России, но желая «соответствовать» определенным западным стандартам. Причем сторонники приверженности западным демократическим ценностям были настолько неистовы в своих усилиях, что шокировали трезвомыслящих людей на Западе.

Как метко заметил известный публицист М. Соколов, атлантисты, подобные К. Боровому, лидеру Партии экономической свободы (от кого и для кого?), выступающие как «неистовые пропагандисты и поклонники передовых западных ценностей», приводят в недоумение их носителей, поскольку такая приверженность нарушает все правила приличия, извращает суть западной демократии, искажает меру в соотношении самостоятельности и подражания².

Образ России нельзя рассматривать отдельно от осознаваемой людьми оценки образа России другими странами, в первую очередь развитыми (см. табл. 3).

Таблица 3

Вопрос: «Как большинство стран мира сейчас относятся к России?»³ (N = 1600, в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	январь 2007 г.	январь 2008 г.
Как к другу	4	8
Как к партнеру	32	34
Как к конкуренту	33	33
Как к врагу	7	7
Не обращают на Россию особого внимания	15	10
Затрудняюсь ответить	8	10

Очевидно, что и по этому вопросу мнение людей разделилось: примерно одинаковое количество людей видят в отношении России с западным миром как привлекательные черты, так и настороженность и враждебность, а отсюда и необходимость соответствующего поведения.

Образ России неразрывно связан с оценкой личностных качеств россиян, русских в сравнении с аналогичными качествами других народов. Это проявляется во всем, в том числе в самооценке. С одной стороны, русские лучшие, самые надежные, находчивые. С другой — они воплощение инертности, лени, необязательности, непредсказуемости и даже коварства. Эти характеристики в определенной степени подтверждаются данными социально-психологических исследований, в которых эти противоположные черты характера проявляются достаточно наглядно. Так, по данным И. В. Грошева, советский человек обладал, с одной стороны, добротой (38,4 % чел.), терпением (24,4 %), гостеприимством (21,2 %), трудолюбием (18,9 %), мужеством (15,5 %) и такими позитивными характеристиками, как патриотизм, открытость, дружелюбие, отзывчивость; с другой — ему присущи лень (12,1 %), пьянство (8,4 %), безалаберность и беспечность (по 4,7 %) ⁴.

В мировоззрении россиян одновременно сочетаются черты *сверхлояльности к другим странам и народам и в то же время известное недоверие к ним*, которое, как правило, обостряется и актуализируется в связи с экстраординарными политическими событиями. «Мы и мирные, и воинственные» — такой стереотип характерен для сознания многих русских. 2400 респондентам с 1992 по 2006 год постоянно задавался один вопрос: «Как вы чаще всего относитесь к людям других национальностей?» По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в рассматриваемый период при характеристике отношения к представителям дальних зарубежных стран преобладала позитивная настроенность: доброжелательная оценка американцев колебалась в пределах от 74 до 90 %, немцев — от 86 до 93 %, арабов — 84 %, японцев — 95 %. Что касается представителей народов бывшего СССР, то здесь наблюдаются более значительные расхождения. Любопытно отметить, что к концу 1990-х годов отмечается спад неприязни к азербайджанцам, грузинам, армянам и даже к чеченцам⁵.

По данным Института социологии РАН, наибольшие симпатии россияне испытывали к украинцам, белорусам, болгарам, сербам, татарам (как старшее, так и младшее поколение), а среди представителей дальнего зарубежья — французы, финны, итальянцы, японцы, немцы, американцы. В то же время следует отметить «вспышки» конфронтационных настроений, когда по тем или иным причинам происходит ухудшение межгосударственных отношений. Например, это наглядно проявилось в 2005–2008 годах в оценке грузин, когда между Грузией и Россией обострились взаимоотношения, вплоть до серьезных обвинений в адрес друг друга. Иногда эта неприязнь

³ Общественное мнение–2008. С. 146.

⁴ Грошев И. В. Гендерное представление о власти // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 33–41.

⁵ См.: Общественное мнение–2006. М., 2006. С. 154–155.

¹ Подробнее см.: Шендрик А. И. Теория культуры. М., 2004.

² Соколов М. Фельетон // Известия. 2000. 15 мая. С. 4.

переносится на определенные страны, как это произошло весной 1999 года, когда значительно усилилось враждебное отношение к США, вызванное реакцией на бомбардировки Сербии войсками НАТО, ответственность за которые россияне возложили на американские власти.

Среди парадоксов представления образа России обращает на себя внимание противоречивая оценка взаимоотношений Запада и России. По мнению опрошенных, позитивные оценки Запада россиянами выше, чем оценки России европейцами. Так, по данным опроса ВЦИОМ в августе 2000 года, 34 % населения с уважением относятся к странам Запада, в то время как только 8 % полагают, что аналогичное чувство испытывают люди на Западе по отношению к России. По мнению 21 % россиян, население Запада относится к России с презрением, по мнению 12 % — с тревогой, по мнению 24 % — с сочувствием. Таким образом, россияне «уважают» представителей запада больше, чем они нас. Они больше «презирают» россиян или относятся к нам с подозрением.

В этой ситуации точка зрения об особом пути развития России получает все большую поддержку, ибо, как показывают исследования 1999–2000 годов, западные страны перестали быть образцом даже для тех держав, которые в конце 1980–1990-х годов считали необходимым ориентироваться на них. Реалии социально-экономической ситуации в России, оценки ее странами Запада обусловили усиление негативного отношения к ним россиян. В общественном сознании произошел серьезный перелом: то, что раньше представлялось образцом, стало приобретать черты враждебности и недоброжелательности.

Отдельно следует рассматривать данные, которые характеризуют взаимоотношения славянских народов бывшего СССР. Интересные данные в 2006 году получила З. В. Сикевич, исследуя взаимную оценку русскими, украинцами и белорусами друг друга. Согласно ее анализу украинцы и белорусы более высоко оценивают русских, чем русские — украинцев и белорусов¹.

Участие в Лихачевских чтениях — это большое удовольствие и честь. Имя Дмитрия Сергеевича Лихачева ассоциируется с такими понятиями, как гуманизм и честность, основанные на понимании того, что ценности, объединяющие нас, гораздо важнее тех вопросов, что нас разделяют. То, как Д. С. Лихачев отстаивал эти ценности на родине и за рубежом, является для нас примером. В Шотландии, где я работаю, многие достижения Лихачева были признаны не только Эдинбургским университетом, где в 1964 году Дмитрий Сергеевич был удостоен звания почетного доктора, но также Университетом г. Глазго, куда он приезжал в 1980 году.

На протяжении многих лет (включая все советское время) между нашими странами существовали явные противоречия. Эти противоречия были очень ощутимы и да-

¹ Сикевич З. В. Русские, украинцы, белорусы : вместе или врозь? // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 59–67.

² Общественное мнение—2008. С. 147.

³ Профессор политологии Университета Глазго (Великобритания), доктор философии. Ведущий исследователь Университетской школы центрально- и восточноевропейских исследований, главный редактор журнала «Коммунизм и политика переходного периода».

Автор научных публикаций: «Коммунизм и его коллапс», «Политика и правящая группа путинской России», «Политика партий в новых демократических странах», «Путинская Россия и расширенная Европа» и др.

Заметную характеристику общественного сознания составляет так называемое оборонное сознание, которое еще со времен СССР выражалось фразой: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». То, что в общественном сознании преобладает ориентация на мирное сосуществование с другими странами и народами, еще в советское время не было пропагандистской уловкой. Нацеленность на мир, добрососедские отношения постоянно — даже в период обострения отношений — подтверждались уважительным, сдержанным отношением к другим странам. Энергия недоверия и подозрительности скорее адресовалась правящим кругам этих государств, чем их народам. Немалую роль в этом стремлении к миру играла и историческая память, которая постоянно оживляла и подсказывала идею гибельности войн, вооруженного противостояния. Но вместе с тем существовало и до сих пор не исчезло недоверие ко многим странам. Так, всероссийский опрос, проведенный в 1990–2000 годах, показал сложную структуру взаимоотношений России со странами Запада (см. табл. 4).

Таблица 4

Вопрос: «Как вы думаете, отношения между Россией и Западом...?»² (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	1994 г.	1999 г.	2002 г.	2005 г.	октябрь 2008 г.
Могут быть дружественными	60	52	39	44	34
Всегда будут строиться на недоверии	38	38	51	42	52
Затрудняюсь ответить	2	10	11	14	14
Число опрошенных	3000	3000	1600	1600	1600

Таким образом, в сознании людей вновь представлены взаимоисключающие ориентации — доверие и подозрительность к другим странам и народам, что, конечно, не способствует созданию положительного образа русских: мы предстаем как малопредсказуемый народ, от которого можно ожидать многих непредвиденных акций.

Стивен Уайт³

ДИАЛОГ ДЕМОКРАТИЙ?

же овеществлялись: например, Берлинская стена, которая разделяла Германию и ее столицу на две части. Стены больше нет, и в Берлине с трудом можно найти ее следы. Однако «стена» в умах людей продолжает существовать. Это касается не только Германии. Получается, что нас разделял не только железный занавес, но и разное культурное и историческое наследие. Сюда следует еще добавить и разное понимание тех ценностей, которые, как нам кажется, являются общими. К таким ценностям относится демократия.

Президент Владимир Путин четко заявил, что Россия — демократическая страна. И действительно, она внесла свой вклад в развитие демократии, возможно, в чем-то даже опередив остальные страны. К примеру, Россия первой предоставила женщинам право голоса на выборах. Среди государств, где это впервые произошло, была Финляндия, которая в 1906 году входила в состав Российской империи. В 1917 году на выборах в Учредительное собрание женщины голосовали наравне с мужчинами. Конституции советского периода начиная с 1918 года гарантировали равное право голоса мужчинам и женщинам, достигшим 18 лет. В Британии женщины получили право участвовать в выборах наравне с мужчинами лишь в 1928 году, во Франции — в 1944-м, а в Швейцарии — в 1973-м.

Однако, по заявлению бывшего Президента РФ, Россия будет строить свою демократию, и будет делать это по-своему. Она не станет «переизданием, скажем, США или Британии», где либеральные ценности имеют «глубокие исторические корни». Государственная власть, ее институты и структуры всегда играли чрезвычайно важную роль в жизнедеятельности России и ее граждан. Для россиян сильная государственная власть — это не аномалия, от которой следует избавиться. В 2005 году в своем заявлении на словацком телевидении Владимир Путин сказал, что демократия на российской почве будет «адаптирована под реалии жизни современной России, под наши традиции и историю. И мы осуществим этот процесс самостоятельно».

Примерно с этого времени российские лидеры, по крайней мере руководители Администрации Президента РФ, стали развивать этот тезис: Россия должна быть не просто демократией, а «суверенной демократией». Это означает, что государство в состоянии принимать решения, не поддаваясь неправомерному влиянию членов мирового сообщества. В 2006 году господин Сурков на сентябрьском заседании партии «Единая Россия» отметил важность проведения такой политики, при которой Россия вернет свой статус независимой великой мировой державы. Конституции многих государств включают положение о суверенитете, однако лишь несколькими из них удалось реализовать это положение на практике. Остальные не располагают ни военной, ни экономической мощью, которые позволили бы им принимать независимые решения. «Кто сказал, — обратился господин Сурков с вопросом, — что мы должны прекратить попытки стать суверенной нацией?»

Теория «суверенной демократии» приобрела значение в связи с «цветными революциями», имевшими место в последние годы в некоторых странах с коммунистическими режимами в прошлом. С точки зрения участников этих событий, они стали массовыми народными движениями, возглавляемыми молодежью, с использованием новых форм коммуникации — Интернета, мобильной связи и популярной музыки. Эти революции были организованы группами активистов, интерес которых прежде всего вызывали результаты выборов, сфальсифицированные коррумпированной и некомпетентной политической элитой. В результате вынужденных повторных выборов в Сербии, Грузии, Украине и Киргизии первые посты в этих странах заняли Воислав Коштуница, Михаил Саакашвили, Виктор Ющенко и Курманбек Бакиев.

Существует и другое мнение, которого придерживается не только Кремль, его разделяют многие правительства западных стран. Оно основано на том, что упомянутые процессы были в основе своей разработаны Соединенными Штатами Америки и такими номинально независимыми организациями, как Фонд Сороса. Были выделены материальные средства для финансирования этих процессов; подготовлены специалисты по методам ненасильственной смены режима; при поддержке посольств западных стран были организованы опросы на выходе с избирательных участков таким образом, чтобы поставить под сомнение результаты официальных выборов сразу после их объявления. С такой точки зрения, все происшедшее не имеет никакого отношения к демократии, а непосредственно связано с расширением контроля Запада над той частью мира, которая в свое время находилась под советским влиянием. В идеале развитие этой ситуации привело бы к членству в НАТО и, возможно, к членству в ЕС.

Это мнение в некоторой степени преувеличивало единство намерений правительств западных государств и одновременно преуменьшало некомпетентность и коррупционность местных элит. Оба мнения по данному во-

просу, без сомнения, слишком упрощают ситуацию. Во-первых, надо сказать, что речь никогда не шла о разделении на режим и объединенную оппозицию. Были разделены и элиты, и граждане. По крайней мере на Украине общество всегда было разделено, и поддержке «оранжевых» на западе соответствовала поддержка «голубых» на русскоговорящем востоке. Даже во время повторных президентских выборов в декабре 2004 года Ющенко одержал победу, набрав 52 % голосов, что не было подавляющим большинством. Янукович же получил более 44 %, а в некоторых районах — более 90 % голосов.

Но речь идет не только о результатах голосования. Мы с группой коллег проводили исследование преобладающих настроений в фокус-группах в разных регионах страны. По существу, выделялось две позиции. Сторонники «оранжевых» взглядов считали движение, которое привело к проведению повторных президентских выборов, стихийным (неподготовленным), направленным против коррупционного и дискредитировавшего себя «кучмизма». Они воспринимали ситуацию как подлинную революцию, сродни Великой французской революции 1789 года. Вторая позиция резко отличалась от первой. Люди полагали, что кампания «оранжевых» — искусственная, организованная политтехнологами и финансируемая извне, последняя среди кампаний, организованных с целью установить прозападный режим на постсоветском пространстве. В этой группе доминировало мнение, что никакой революции не было, а был лишь совершенный политической элитой государственный переворот, который привел к росту цен и разрыву отношений с Россией.

Важным моментом сложившейся ситуации стали выборы, результаты которых были отменены в ходе народного бунта. Однако тогда встает вопрос: что же было свободными и справедливыми выборами? Некоторое время назад суждение по этому вопросу вполне можно было бы поручить Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) с широким представительством членов. Однако теперь все чаще звучит мнение, что БДИПЧ стал средством насаждения прозападных решений в разных странах. В 2007-м, а затем и в 2008 году не было найдено оснований для организации БДИПЧ наблюдательной миссии на приемлемых для обеих сторон условиях. В действительности даже основания деятельности ОБСЕ встали под вопрос. В результате мы еще более удалились от общего понимания концепции «свободных и справедливых» выборов.

В некотором смысле мы откатились в советское время. Запад заявляет, что соблюдает демократию, при этом игнорируя подобные заявления с Востока (Запад отказывается признать, что Россия и другие страны провели выборы, которые они сами считают «свободными и справедливыми»). А Восток, как и в советские годы, заявляет, что не является демократией в западном понимании, и выдвигает иное определение демократии (теперь это скорее «суверенная» демократия, нежели «социалистическая демократия»).

Есть ли выход? По-видимому, да, и его надо искать прежде всего в диалоге, который может помочь выработать по-настоящему общие нормы. Возможно, для начала странам Запада следует осознать, что в их политической деятельности есть такие аспекты, которые трудно совместить с любым приемлемым определением «демократии». Так, в государствах Балтии русскоязычные граждане, составляющие весьма значительное меньшинство населения, лишены гражданства и права участия в выборах, несмотря на то что являются уроженцами этих стран и прожили там всю жизнь. Мне и самому трудно понять, как Европейский Союз может принимать новых членов без согласия граждан стран — членов ЕС; как Лиссабонский

договор может вступить в силу без референдума, в то время как все стороны (в Британии) договорились о его проведении; и как может получиться так, что необходим повторный референдум, потому что единственная страна (Ирландия) проголосовала на внутреннем референдуме против соглашения.

В равной степени «диалог демократий» проходил бы легче, если бы и Россия признала, что чрезвычайно усложнила процессы гражданского контроля над правительством страны. Многие перемены последовали после захвата заложников в Беслане в сентябре 2004 года и вызванного им кризиса власти. Однако обсуждались они и до этих печальных событий. Одним из ключевых моментов явилась отмена выборов по одномандатным избирательным округам, депутаты от которых составляли половину членов Думы. Кроме того, было упразднено голосование «против всех» партий и кандидатов и требование о наличии кворума. Право участвовать в выборах осталось только у официально зарегистрированных партий. При этом получить регистрацию стало сложно из-за повышения до 50 тыс. минимального числа членов партии. Неправительственные организации оказались под жестким контролем. Независимым средствам массовой информации стало чрезвычайно трудно работать. Антиправительственные демонстрации все чаще подвергались разгону.

Во всем этом не было необходимости, поскольку очевидно, что нынешнее правительство России пользуется народной поддержкой и победило бы на выборах (в какой бы форме их ни проводили). Однако сильная централизация власти может привести к нежелательным последствиям. Чем слабее суды, тем больше вероятность того, что богатые и власть имущие не будут подвергать себя риску, а скорее заплатят за благоприятное для себя решение суда. Чем больше власти сосредоточено в исполнительных структурах, тем меньше у законодательных структур возможностей для выявления недостатков и совершенствования качества законотворчества. Чем меньше возможностей для контроля над правительством через суды, печатные и электронные средства массовой информации, тем выше риск оседания огромных доходов от природных ресурсов в карманах государственных чиновников.

В коротком заявлении перед выборами 2007 года в Государственную Думу президент Владимир Путин заострил внимание на «давней» проблеме российского общества — «отчуждении», которое существовало со времен царской России между правительством и гражданами, чьи интересы это правительство должно представлять. В Европе эта проблема также остается без должного ответа. Мы бы только выиграли, если бы обсудили этот вопрос, не претендуя на монополию правильных решений.

Нильс Г. Хольм¹

МИСТИКА И ДУХОВНОСТЬ

Мистика и духовность — понятия трудноразличимые. Традиционно мистика понимается как путь к достижению гармонии внутреннего духовного мира, в рамках которого человек способен достичь единения с Божественной Сущностью. Такие традиционные толкования можно найти во всех мировых религиях, и начиная со времени Вильяма Джеймса (William James), то есть еще более ста лет назад, элементы мистики в различных религиях стали предметом анализа.

Духовность представляет собой концепт, который подразумевает различные толкования. Духовность часто ассоциируется с такими религиозными традициями, где основное внимание уделяется внутренней жизни и ее развитию. Эти традиции включают, в частности, различные школы, ордена и движения, которые нацелены на культивирование углубленной духовной жизни. В последние годы термин «духовность» до некоторой степени обособился от религии и сделался понятием, которое отражает этические и моральные поиски современного человека в глобализованном мире, где наблюдается осквернение духовных ценностей и где стресс и, наоборот, всяческие развлечения подрывают внутреннюю гармонию человека. В докладе я еще коснусь этих тем.

Исследование пятидесятничества

Моя ранняя исследовательская работа в начале 1970-х годов была направлена на изучение пятидесятничества, по возможности во всех аспектах. Особенно меня интересовали индивидуальные примеры, в первую очередь «говорение на иных языках» и крещение Святым Ду-

хом. Моя диссертация лицензиата 1973 года (опубликована в 1974 г.) представляла собой лингвистическое исследование реального воспроизведения звуков в глоссолалии. Я собрал в записях значительное количество экспериментального материала, а затем приступил к кропотливой работе по анализу примеров говорения на иных языках, записанных на пленку. Передо мной стояла нелегкая задача — подсчет звуков в глоссолалии, сравнение этих звуков с фонетическими явлениями в обычных языках и формулировка предварительных выводов по поводу качественных характеристик звукового ряда у говорящих на иных языках. Результаты показали, что глоссолалия в основном состоит из звуковых форм родного языка говорящего, но представленных в упрощенном варианте. Иногда добавлялись более экзотические звуки из иностранных языков².

Следующий проект представлен в моей докторской диссертации³. Здесь я сосредоточился на исследовании действительных случаев крещения Святым Духом в среде пятидесятников. На основе обширного эмпирического материала я смог прийти к заключению, что крещение Святым Духом представляет собой своего рода ролевую игру, где участники следуют моделям, почерпнутым из реальной жизни религиозных братств, а самое главное — из священной традиции, то есть из Библии. После переходного периода, на протяжении которого человека ожидает духовное крещение, он(а) начинает входить в роль «того, кого Бог щедро одарил Святым Духом». Обряд посвящения обычно начинался с того, что человек начинал говорить на иных языках, готовя себя к принятию роли в целом⁴.

¹ Профессор религиоведения в Академии Або г. Турку (Финляндия), доктор.

Автор многочисленных публикаций и научный редактор сборников: «Знакомое и неизвестное в мировых религиях: проблемы современного религиозного образования», «Скандинавская психология религии» и др. С 1995 г. был президентом Международной ассоциации психологии религии (International Association for the Psychology of Religion — IAPR), являлся одним из редакторов-составителей «Архива по психологии религии».

² Holm N. G. Glossolalins kultmönster och ljudstruktur undersökta på ett material insamlat i Svenskfinland. Lund, 1974; *Idem*. Ritualistic Pattern and Sound Structure of Glossolalia in Material Collected in the Swedish-speaking Parts of Finland. *Temenos*, 1974. vol. 11. P. 43–60.

³ Holm N. G. Tungotal och andedop. En religionspsykologisk undersökning av glossolali hos finlandssvenska pingstvännen. Diss. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis Psychologia Religionum 5. 1976.

⁴ Holm N. G. Pingströrelsen. En religionsvetenskaplig studies av pingströrelsen i Svenskfinland. Ebo, 1978.

Таким образом, мое исследование показало, что говорение на иных языках можно рассматривать как достаточно распространенное умение, которым мог бы овладеть любой из нас, если устранить все социально-психологические препятствия к говорению на языке «мумбо-юмбо». В среде пятидесятников такие препятствия устранены. Здесь глоссолалия связана с ролью духовного крещения, и люди во время групповой молитвы или дома, перед отходом ко сну, часто достигают той стадии, когда начинает проявляться способность говорения на иных языках. И это приводит человека в состояние экстатического возбуждения.

Исследование мистики

Изучение глоссолалии привело меня к дальнейшим вопросам, связанным с экстазом и мистикой. Таким образом, в конце 1970-х годов я приступил к обширному эмпирическому проекту с участием студентов-психологов. Мы исследовали яркий личностный опыт среди шведского населения Финляндии. При этом я в значительной степени опирался на исследование Ральфа Гуда (Hood), проведенное в США. Заручившись его разрешением, я перевел его тест на шведский язык, а студенты-психологи распространяли этот тест, одновременно проводя собеседование и анкетирование. Собранный материал анализировали в ходе исследования участники проекта, а окончательные выводы были сделаны мной. Результаты работы были опубликованы в книге *Mystik och intensiva upplevelser* (1979). Основные выводы были опубликованы также и в других изданиях, например, в *Journal for Scientific Study of Religion* (1982a, № 21).

В книге я прежде всего представил обзор исследований мистики, проведенных в XX столетии. Я отметил, что существовали различные подходы к изучению данного вопроса, но в большинстве своем они базировались на представлениях столетней давности выдающегося американского психолога и религиоведа Уильяма Джеймса. Прослеживались и новые веяния, связанные с йогой, медитацией, а также с использованием наркотических средств. Однако многое оставалось неясным. В этом контексте эмпирическое исследование Гуда оказалось чем-то совершенно новым и крайне интересным. А для меня возможность продолжить его работу стала существенным шагом вперед. Наши результаты в целом совпали с его выводами. Кроме того, мы обнаружили, что у обычных людей случались в жизни ситуации, которые весьма совпадали с описаниями у так называемых «великих мистиков» в рамках той или иной мировой религии. Критерии, которые мы использовали, чтобы сузить проблему мистики, базировались на классификации У. Т. Стейса (Stace), примененной для кратких отчетов и описаний, собранных из трудов великих мистиков на протяжении нескольких столетий.

Затем Институт Доннера организовал в августе 1981 года конференцию в городе Або, посвященную теме религиозного экстаза. Таким образом, я получил возможность представить свое исследование глоссолалии, а также обзор об изучении экстаза. Этот обзор лег в основу введения к 11-му тому, изданному после конференции в серии *Scripta Instituti Donneriani Aboensis* (1982).

В конце той работы я подчеркнул, что, по большому счету, еще остаются нерешенными многие исследовательские задачи, требующие внимания. Среди них такие, как «глубинное исследование природы, истоков и свойств ментального состояния как такового, особенно в связи с гипнозом» или «изучение этноспецифических моделей измененных состояний сознания». В заключение я обратился к социологическим и психологическим проблемам, имеющим отношение к данной теме.

Статью я закончил выводом, что в перспективе следует предпринять исследование неврологических структур человека, чтобы глубже проникнуть в суть феноменов экстаза и мистики. Я отметил также и то, что «человек обладает основополагающей способностью переводить свои нужды, желания и различные религиозные устремления в символическую форму»¹.

Все написанное мною позднее о необходимости исследований экстаза и мистики можно суммировать в виде следующих основных положений. Во-первых, я призывал к проведению исследований ментального состояния как такового, независимо от исследований, непосредственно связанных с культурными проявлениями мистики и экстаза. Для того времени ключевым пунктом здесь было изучение гипноза. Совершенно необходимо исследовать неврологические структуры на базовом, биологическом уровне. Во-вторых, мистику следует рассматривать в общекультурном контексте, изучая при этом взаимодействие между биологией и социальной психологией. Наконец, в-третьих, я утверждаю, что каждый человек обладает способностью переводить свои нужды и желания в ту символическую форму, которой требует соответствующая религия. Ниже я предлагаю беглый обзор основных положений исследования мистики и яркого опыта.

Более поздние исследования мистики

Изучение мистики развилось в последние десятилетия. У меня не было возможности исследовать эти вопросы более глубоко. Рассматривая эту область в целом, мы выделяем исследования, в которых используются подходы, характерные для философии религии, а также исследования, сфокусированные на психологии религии. Конечно, имеются также описания яркого мистического опыта у отдельных личностей в рамках той или иной религии. Кроме того, для нас всегда интересны сообщения о медитациях, йоге и внутреннем духовном мире.

Отправной точкой путешествия в интересный мир философии религии стало в значительной степени учение Уильяма Джеймса, представленное в его знаменитых классических лекциях «Многообразие религиозного опыта». В связи с этим достаточно упомянуть работы Юджина Тейлора (Taylog) «Уильям Джеймс о необычных ментальных состояниях» (1993), Ричарда Джонса (Jones) «Мистика в научном освещении. Философские исследования мистики» (1993), а также Уильяма Барнарда (Barnard) «Изучение невидимых миров. Уильям Джеймс и философия мистики» (1997). Изучение мистики с философских позиций ведется также в Лундском университете (Швеция). Прежде всего мне хочется упомянуть работы Катарини Стенквист (Stenqvist)² и Кристины Рунквист (Runqvist)³.

Из скандинавских специалистов по психологии религии достоин особого упоминания Антон Гильс (Geels) из Лунда. Используя методы психологии религии, он представил обширное описание мистики в мировых религиях. Его работа дала возможность более глубокого понимания мистики всем, кто владеет шведским языком. Гильс, кроме прочего, сосредоточил внимание на личностях, испытавших мистический опыт в наше время.

Экспериментальные психологические исследования в США продолжает Ральф Гуд (Hood). Как уже отмечалось, сфера его интересов распространяется на современные яркие человеческие переживания. В связи с этим

¹ Holm N. G. Ecstasy Research in the 20th Century — An Introduction // Religious Ecstasy. Scripta Instituti Donneriani Aboensis XI. Stockholm, 1982. P. 24.

² Simone Weil om livets tragik — och dess skönhet, 1984; Förundran och förändring. Mystikens teori och livssyn. Förlagshuset ESAK, 1994.

³ Mystik som dialog mellan andligt och världsligt // Mystiken mitt i världen ed. Antoon Geels. Lund, 2002.

хотелось бы назвать его статью «Общепринятый центральный тезис в исследованиях мистики»¹, где он оспаривает то, что мистика является только внутрирелигиозным элементом, утверждая при этом, что она свойственна также людям, не имеющим выраженных религиозных убеждений.

Когнитивные исследования

После того как я написал о неврологических структурах, изучение базовых биологических функций заметно оживилось. Я не принимал активного участия в исследованиях такого плана, но с интересом знакомился с работами на эту тему.

Одно направление в исследованиях религии странным образом отклонилось от общего пути в попытках отыскать биологические основы для лингвистических средств общения, а соответственно и для религии². К этому направлению примыкают такие исследователи, как Д. Спербер (Sperber), П. Бойер (Boyer), Г. Уайтхауз (Whitehouse), Р. П. Маккоули (McCauley), Э. Т. Лоусон (Lawson) и И. Пюсиайнен (Puysiäinen)³. В ряде обширных исследований эти ученые приводят доводы в пользу биологических основ, то есть когнитивно-эволюционного базиса человека, при осуществлении коммуникативных функций религиозно-эволюционного плана. Здесь я не имею возможности назвать все многочисленные исследования в этой области, однако хотелось бы отметить, что в данной сфере наблюдается любопытное возрождение мыслей и взглядов, свойственных ученым сто лет назад. Теория эволюции была тогда весьма модной; в модели включались также различные религии и культуры. В середине прошлого столетия, особенно после бедствий Второй мировой войны, культурный эволюционизм подвергся интенсивной критике. На первый план в исследованиях выдвинулись проблемы социального конструктивизма. Таким образом, поведение личностей рассматривалось исключительно на основе той или иной культуры и среды.

Я всесторонне приветствую возрождение интереса к когнитивным основам. Важно, что в нашем распоряжении имеются исследования, направленные на изучение фундаментальных биологических функций, которые определяют наше поведение, эмоции и мысли. Однако когда религиоведы-гуманитарии отваживаются вторгаться в области, разработанные на основе естественных наук, возникает риск сверх-истолкования или даже неправильного понимания результатов, достигнутых нейробиологами. Я вовсе не утверждаю, что это может относиться к какой-либо форме когнитивного исследования религии, а просто подчеркиваю возможность не вполне четкого основания для когнитивно ориентированных выводов. Многие из них близки к тому, что мы называем спекуляцией.

Когнитивная интерпретация религиозных феноменов, будучи слишком узкой, в недавних исследованиях такого типа, пожалуй, представляет собой исчезающую тенденцию. В качестве примера я бы упомянул статью Иллки Пюсиайнена «Удивительная благодать: религия и эволюция человеческого разума»⁴. В заключение Пюсиайнен пишет: «Религия — это особый вид человеческой актив-

ности, собранный в одно русло когнитивным процессом с эволюционным фоном» (С. 210). Это звучит как само собой разумеющееся, а далее он продолжает: «Не являясь адаптацией по своей сути, религия все еще представляет собой культурное установление, которое преобразовало эволюционный процесс. Мы вынуждены были приспособиться к культурной среде, сформированной религией, поскольку наши предки сымитировали усвоенные образцы поведения... Распространение религии есть следствие скорее генно-культурной коэволюции, нежели прямой биологической адаптации» (С. 221). Иными словами, Пюсиайнен открыто выступает за такое исследование религии, которое принимает во внимание как биологический, так и культурный аспект. Таким образом, в исследовании должен быть соблюден баланс, и в то же время следует оставить место для изучения узкоспециальных проблем. Социопсихологические методы и углубленное изучение души и тела совместно могут привести к более полноценной картине определенного рода феноменов. Тем не менее ментальные и неврологические основы пока еще детально не описаны. Многие еще предстоит сделать в области нейробиологии. Но это, видимо, в конечном счете задача в первую очередь для нейробиологов, а не для религиоведов с только лишь гуманитарным или теологическим образованием. Для понимания феномена религии в целом существенное значение имеют формы культуры, а это — поле деятельности скорее культурологов и религиоведов.

Духовность

Другое важное научное направление, которое сложилось уже после выхода в свет моих тезисов (начало 1980-х гг.), — исследование духовности. В этой области намечилось несколько подходов, но здесь я хотел бы остановиться на исследованиях и влиянии концепций Г. Гарднера (Gardner). Его отправная точка — исследование интеллекта; в своей теории он выделяет семь форм интеллекта. Он также постулирует существование интеллекта, который можно назвать духовным. Иными словами, люди могут проявлять какую-либо форму духовности точно так же, как и демонстрировать свой интеллект.

На основе этого теоретического построения стали развиваться исследования внутри образовательной системы. И здесь на первый план выдвинулись финские исследователи в сфере образования. В Хельсинки Кирси Тирри возглавляет исследовательский проект, направленный на изучение связей между интеллектом и духовностью⁵. Мироздание и жизненные условия побуждают некоторую часть молодежи к тому, чтобы сформулировать принципы некоей общей духовности. Таким образом, люди предрасположены к тому, чтобы ощущать и видеть мир с точки зрения, которую мы могли бы назвать духовной. Следовательно, в контексте школьного обучения преподавание религии должно быть связано с такими базовыми духовными потребностями учащихся, чтобы обеспечить успех самому процессу обучения⁶.

Концепция духовности на протяжении последних лет стала проникать в уже сформированные на общекультурном уровне сферы йоги, медитации, достижения внутреннего равновесия и личностного роста. Данный процесс начался несколько десятилетий назад в рамках так называемого течения «нью-эйдж» (New Age) и отражал всеобщий интерес к внутренним духовным ценностям человека. Термин «нью-эйдж» ныне почти забыт, и нам осталось лишь понятие духовности. В скандинавских языках это слово приобрело новое значение и соответственно стало

¹ The Common Core Thesis in the Study of Mysticism. Where God and Science Meet. How Brain and Evolutionary Studies Alter Our Understanding of Religion. The Psychology of Religious Experience / ed. Patrick McNamara. L., 2006. Vol. 3. P. 125–135.

² Andresen J. Introduction: towards a cognitive science of religion. Religion in Mind // Cognitive Perspectives on Religious Belief, Ritual, and Experience. Cambridge, 2001. P. 7–16.

³ Whitehouse H., McCauley R. N. Mind and Religion. Psychological and Cognitive Foundations of Religiosity. Walnut Creek, 2005.

⁴ Puysiäinen I. Amazing Grace: Religion and the Evolution of the Human Mind. Where God and Science Meet. How Brain and Evolutionary Studies Alter Our Understanding of Religion. Evolution, Genes, and the Religious Brain. Vol. 1. / ed. Patrick McNamara. L., 2006.

⁵ Tirri K. Spirituaaliteetti uskontokasvatuksessa. Teologian uudet virtaukset / ed. Lassi Larjo. Helsinki, 2004. P. 132–142.

⁶ Ubani M. Young, Gifted and Spiritual — the Case of Finnish Sixth-grade Pupils: Research Report 278. Helsinki, 2007.

использоваться по-новому. Это понятие отражает интерес к психологическим механизмам, развивающим личность за пределами того, что традиционно именуется религией. Религия рассматривается как нечто более или менее устоявшееся, статичное, нечто несовременное и не необходимое. С другой стороны, индивидуальная потребность в духовном развитии воспринимается как нечто позитивное, а ответы на насущные вопросы принято искать в духовных движениях, зародившихся в Китае и Индии. Я имею в виду, например, фэн-шуй и различные виды медитации, уходящие корнями в индуизм или буддизм. Этот интерес в значительной степени сказался на образном мышлении и представлениях. На все это нацелены исследования эзотерики и оккультизма.

Таким образом, сегодняшнее религиоведение не только включает исследование того, что мы традиционно понимаем как религии, но также должно учитывать проявления духовности вне религий. Поэтому интересно отметить: то, что я в своем исследовании мистики 1970-х годов назвал «общей мистикой», то есть нечто такое, что свойственно обычным людям, весьма близко к тому, что ныне именуется духовностью. Ральф Гуд приходит к аналогичному заключению в статье «Общепринятый центральный тезис в исследованиях мистики», на которую я ссылаюсь выше. Иными словами, люди обладают некоторым опытом, который сродни мистике и ярким переживаниям и который в настоящее время вполне осязаемо выдвинулся в рамках нашей культуры на первый план. Люди «видят свет», но иначе, чем ранее. Задача исследования — изучение данного явления с учетом биологических и культурных моделей. Взаимодействие природного и культурного начал на личностном уровне также представляет собой важную тему для исследования.

Понимание символов

Следующий пункт моего краткого обзора исследовательских задач более чем 25-летней давности относится к символам. Приблизительно 15 годами позже в статье о ролевой теории, написанной для американских читателей¹, а также в своем руководстве «Символическое построение реальности людьми» (1997; 2006) я принял в качестве отправной точки способность человека мыслить символами, а также описал выражения и формы религии в виде символов, сосредоточенных как во внутреннем мире человека, так и во внешнем пространстве — собственно, в культуре. Затем мне удалось сформулировать некий теоретический подход, который получил название интегрированной ролевой теории и стал дальнейшим логическим развитием ролевой теории Сундена (Sundén). Его способ анализа опыта я назвал перцепционной теорией и дополнил его определенными глубокими психологическими инсайтами, поскольку мы должны рассматривать также процессы, происходящие в глубинах человеческой души, где воспоминания и пережитый опыт обрабатываются на личностном уровне. Сочетание социально обусловленных символических форм, а также тех форм, которые люди развивают внутри себя, создает предпосылки для религиозных и духовных переживаний².

Под символами я понимаю не только конкретные формы выражения в звуках и образах, но прежде всего величественные умозрительные конструкции, такие как «Бог–дьявол», «Небеса–преисподняя», «ангелы–демоны» и другие феномены из мира религии. Сюда же я включил

ритуальные формы, относящиеся к обрядам, связанным с рождением, половым созреванием, бракосочетанием, похоронами и прочие, относящиеся к праздникам, посвящениям и богослужениям. Эти величественные символы в первую очередь реализуются в церкви и обществе силами как государственной религии, так и сект, иными словами — социальными структурами. Однако я считаю важным тот факт, что люди по мере роста и далее в жизни научаются соучаствовать в этих структурах, и, кроме того, добавляют еще и собственные переживания, хранящиеся в их памяти и во всем их ментальном аппарате. При каждом повторяющемся эмпирическом событии его участники присоединяют собственные когнитивные и эмоциональные воспоминания, почерпнутые из их внутреннего экзистенциального пространства, к умозрительным конструкциям и ритуалам, что во многих случаях придает им жизненность и значимость для этих людей. В других случаях, однако, это может оказаться громоздким и негативным. Конечно, весь процесс целиком зависит от того, каким образом личность познала эти умозрительные конструкции и связанные с ними ритуалы. Если процесс обучения позитивен, то символический язык религии обретает способность целесообразно и целенаправленно выделять и интерпретировать внутреннюю суть жизни. С другой стороны, если где-то допущена ошибка, то религиозные символы приобретают негативное значение и воспринимаются как препятствие для духовного развития. То же справедливо и для символов, выраженных в общекультурных формах, в литературе, искусстве и музыке, которые современное человечество, без сомнения, уже не в состоянии оценить по заслугам.

Заключительные замечания

Мы видим, что исследование, в котором я также до известной степени участвовал, развило использование нами указанных концептов, так что понятие мистики сегодня охватывает обширные эмпирические области. Это могут быть интенсивные переживания религиозных деятелей в рамках различных религий или качественные характеристики сегодняшнего опыта обычных людей. Религиоведение указало нам и на то, что существует еще некий вид духовности помимо того, который обеспечивается традиционными религиями. Эта в достаточной степени неопределенная духовность представляет собой нечто такое, что тесно связано с мистикой. Таким образом, концепты мистики и духовности за последние несколько лет стали использоваться гораздо шире, и в настоящее время духовные переживания рассматриваются на общедоступном уровне. Духовность выражается в таких формах, как, например, озабоченность по поводу разрушения нашей планеты, по поводу проблем и возможностей вследствие глобализации, вопросов мира и межкультурного взаимопонимания, переживаний, вызванных изобразительным искусством и музыкой и т. д. Какие последствия все это будет иметь для сферы образования и философии жизни, остается под вопросом. Во всяком случае, в религиозном образовании открываются весьма интересные перспективы, основанные на исследовании современной духовности.

Характерно, что на теоретическом уровне наблюдались повторное появление биологических и когнитивных теорий, что иногда приводило к слишком узким интерпретациям. Тем не менее среди представителей когнитивизма как будто наметилось некоторое отступление, так что вновь были приняты во внимание социально-психологические и культурные позиции. На мой взгляд, разнообразие теоретические перспективы должны быть сбалансированы, чтобы мы получили как можно более полное понимание людей в качестве религиозных и духовных субъектов.

¹ Holm N. G. An Integrated Role Theory for the Psychology of Religion: Concepts and Perspectives // The Psychology of Religion. Theoretical Approaches / eds. B. Spilka and D. N. McIntosh. Westview Press, 1997.

² Illman R. Gränser och gränsöverskridanden. Skildrade erfarenheter av kulturella möten i internationellt projektarbete. Ebo, 2004. P. 134–142.

Леонидас Хризантопулос¹**ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН — ЧЛЕНОВ
ОРГАНИЗАЦИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

Тема нашей конференции — «Диалог культур и партнерство цивилизаций» — изначально важна, поскольку ее эффективное воплощение способно обеспечить само существование человечества.

В своем выступлении я хотел бы кратко рассказать о том, как деятельность ОЧЭС реализует в косвенной форме диалог между культурами, и поскольку ОЧЭС является прежде всего экономической организацией, я подробно остановлюсь на экономических аспектах вклада ОЧЭС в этот процесс.

Черноморский регион, как и другие регионы мира, имеет долгую историю сосуществования народов разных культур и религий. Эти народы на протяжении более трех тысяч лет торговали и взаимодействовали друг с другом. Таким образом, поликультурная деловая среда существует в регионе Черного моря с древнейших времен. Бассейн Черного моря в силу своего географического положения между восточным и западным миром и того факта, что древнейшая из известных цивилизаций развилась именно здесь, способствовал внедрению торговых отношений в общественное сознание народов этого региона, содействуя тем самым ведению бизнеса здесь и в настоящее время. Развивая экономическое сотрудничество среди стран — членов ОЧЭС, мы обеспечиваем еще большую близость народов, представляющих разные культуры.

Основная цель проектно-ориентированного метода ОЧЭС заключается в том, чтобы создавать и реализовывать проекты, которые будут позитивно влиять на повседневную жизнь людей и в то же время укреплять экономическое сотрудничество. Для этого мы подготовили два крупных проекта в области транспортной инфраструктуры — «Черноморское кольцо автострад» (BSRH) и «Морские автострады» в регионе ОЧЭС. Проект ОЧЭС предусматривает систему четырехполосных шоссе длиной примерно 7100 км, что позволит соединить друг с другом не только участников ОЧЭС, но и европейскую автодорожную систему с азиатской. Кроме того, проект будет способствовать торговле, туризму и более тесному знакомству населения стран региона в пределах ОЧЭС, что повлечет за собой рост культурного взаимодействия и взаимопонимания. Этот проект уже находится в стадии реализации. Проект морских автострад ставит целью модернизировать порты Черного моря, тем самым усилить морские связи между государствами и активизировать морское судоходство, пассажирские перевозки и перевозки на судах типа РО-РО.

ОЧЭС также тесно сотрудничает с Программой развития ООН (ПРООН, *UNDP*) в деле расширения внутренней торговли и роста инвестиций ОЧЭС в рамках проекта под названием «Программа торговли и инвестиций на Черном море» (*BSTIP*). Данная программа является совместным проектом двух организаций и финансируется Гре-

цией, Турцией, ПРООН и ОЧЭС. Программа направлена на укрепление торговых и инвестиционных связей между членами ОЧЭС при непосредственном участии деловых кругов. Она объединяет бизнесменов из разных стран в бизнес-форумах, организованных для семи секторов, и к настоящему времени дала очень хорошие результаты.

1 ноября 2006 года Совет министров иностранных дел стран ОЧЭС, собравшийся в Москве, принял решение развивать культурный аспект в разных областях сотрудничества внутри нашей организации. После этого Рабочая группа по вопросам культуры много раз собиралась на встречи и проводила активную работу; мы организовали также совместное заседание министров культуры на Суннионе в Греции. Благодаря деятельности Рабочей группы по культуре народы стран ОЧЭС будут расширять свои представления о разнообразных культурах этого региона, их сходствах и различиях, достигая тем самым взаимопонимания, что приведет к усилению культурной сплоченности в регионе Черного моря. То же относится и к Рабочей группе по туризму, которая координирует свою деятельность с Рабочей группой по культуре, организуя различные культурные маршруты в государствах — участниках ОЧЭС. В сентябре 2006 года ОЧЭС совместно с Фондом всемирного наследия провели семинар по вопросам регионального развития и туризма Карса, который внес скромный вклад в дело сближения Турции и Армении.

Для ОЧЭС задача объединения 12 стран, где граждане пользуются 6 различными алфавитами, в рамках мирного и гармоничного сотрудничества имеет огромное значение и выполняется весьма успешно. Экономическое сотрудничество позволяет людям достигать такого уровня жизни, который обеспечивает их доходы, здоровье, безопасность и комфорт. Поэтому они гораздо более склонны к тому, чтобы жить в мире, и с большей готовностью воспринимают предпринимательство в сфере культуры и традиций.

Тема диалога культур изучается в ООН, в рамках «Альянса цивилизаций», созданного по инициативе ООН и спонсируемого совместно Испанией и Турцией. В начале апреля в Стамбуле состоялся Второй форум «Альянса цивилизаций». Это было совещание на высоком уровне с участием Генерального секретаря ООН, премьер-министров Турции и Испании, Высокого представителя ООН в Альянсе и многих других министров и высокопоставленных лиц. Все дискуссии были интересными; участники обсудили, как следует действовать, чтобы избежать столкновения цивилизаций и сблизить наши культуры и цивилизации, тем самым содействуя сплочению человечества. Многое предстоит сделать для претворения в жизнь решений форума. «Рынок идей» при «Альянсе цивилизаций» является первым свидетельством творческих усилий по расширению диалога цивилизаций.

Позвольте мне поделиться некоторыми собственными мыслями на данную тему, мыслями, которые были высказаны также в процессе дискуссий на форуме в Стамбуле.

Мы должны пересмотреть представления о мире, в котором живем. Наш мир сотрясают распри, столкновения, войны, терроризм, голод, пандемии и другие ужасные беды, причем многих из них, если не всех, можно было бы избежать. Молодые поколения изучают вопросы безопасности, занимаются стратегическими и военными исследованиями. Язык войны проник в язык бизнеса: мы «защищаем» нашу долю рынка, «атакуем» новые рынки и «ликвидируем» конкурентов. Где институты по изучению мира, университеты для диалога культур? Збигнев Бже-

¹ Посол, генеральный секретарь Организации Черноморского экономического сотрудничества (Греция) с мая 2006 г.

Приступил к работе в Министерстве иностранных дел Греции в 1972 г. В 1993-м был назначен послом Греции в Ереване. Работал директором Дипломатического кабинета заместителя министра иностранных дел (до июля 1994 г.) и заместителем генерального директора по делам ЕС; руководителем Управления юстиции С4, Министерства внутренних дел и стран Шенгенского соглашения; представителем Греции в Комитете К-4 и центральной группе стран Шенгенского соглашения при Министерстве иностранных дел (1994–1996).

После назначения послом Греции в Варшаве (1996–2000) и послом Греции в Оттаве (2000–2004) работал генеральным директором по делам ЕС (январь 2004 г.) и генеральным директором по двусторонним экономическим отношениям и многостороннему экономическому сотрудничеству (декабрь 2004 г.) при Министерстве иностранных дел.

Автор книги «Хроника Кавказа — становление нации и дипломатия в Армении».

зинский в одной своей книге утверждает, что XXI век станет самым кровавым в истории человечества. Пусть так, но почему мы продвигаем именно эту точку зрения, а не рассматриваем позитивные перспективы XXI столетия? Человечество достигло прогресса в науке, литературе, искусстве. Следовательно, если бы мы смогли изменить наши представления о мире, это стало бы значительным вкладом в сближение человечества.

Бизнес-структуры и частный сектор могут сыграть и играют важную роль в межкультурном диалоге и взаимопонимании. Будучи заинтересованы в продаже своей продукции, они научились действовать в кросскультурном окружении. Их стратегии корректируются в зависимости от стран, где они продвигают свои товары и услуги. Некоторые компании организуют для своих сотрудников кросскультурные и межкультурные просветительские семинары, чтобы убедиться, что индивидуальные эмоциональные особенности иных культур принимаются во внимание. Десять принципов Глобального договора ООН (практические рамки для более чем 5 тыс. компаний, стремящихся к устойчивому развитию и ответственной деловой практике) охватывают сферы прав человека, труда, окружающей среды, борьбы с коррупцией и другие области. В случае реализации этих принципов они способны привести к позитивным практическим результатам.

Межкультурный диалог может также помочь в противостоянии глобальному финансовому кризису. Если бы западные банкиры изучили вопрос, почему их коллеги в странах ислама сегодня не имеют проблем, они бы уви-

дели, что исламские банки не ориентированы на прибыль и не используют процентные ставки в своих операциях. А более тщательное изучение банковской системы исламских государств, возможно, помогло бы западным партнерам в решении сегодняшних проблем, разумеется при условии, что будет принята во внимание необходимость ограничения прибылей, алчности, которая и является основной причиной финансового кризиса.

И здесь роль веры или религии становится особенно важной. Один из многих объединяющих факторов разных религий — трактовка алчности как греха. В октябре прошлого года в Стамбуле состоялась встреча глав православных церквей. Вот что они зафиксировали в своем коммюнике по поводу глобального финансового кризиса: «Из-за финансового кризиса разительно усиливается разрыв между богатыми и бедными в результате, как правило, маниакальной спекуляции экономическими факторами, которая, при отсутствии антропологического измерения и чувствительности, в конечном счете не служит реальным потребностям человечества. Жизнеспособной является та экономика, которая сочетает эффективность с принципами справедливости и общественной солидарности». Видимо, подобные заявления были сделаны лидерами и других мировых религий. Следовательно, есть возможность помочь частному сектору прислушаться к духовным лидерам человечества.

В заключение я хотел бы поблагодарить организаторов за проведение этой конференции и надеюсь, что результаты наших дискуссий сыграют определенную роль в становлении мира на планете.

**В. А. Черешнев¹,
В. Н. Расторгуев²**

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС: ОЦЕНКА СИТУАЦИИ И ЗАДАЧИ АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ

Смертный грех народа — продажа национальных культурных ценностей, передача их под залог (ростовщичество всегда считалось у народов европейской цивилизации самым низким делом). Культурными ценностями не может распоряжаться не только правительство, парламент, но и вообще ныне живущее поколение, ибо культурные ценности не принадлежат одному поколению, они принадлежат и поколениям будущим. Подобно тому, как мы не имеем морального права расхищать природные богатства, не учитывая прав собственности, жизненных интересов наших детей и внуков, точно так же мы не вправе распоряжаться культурными ценностями, которые должны служить будущим поколениям.

Д. С. Лихачев. Культура как целостная среда

Глобальный кризис имеет множество измерений, среди которых обычно называют экономическое и финансовое, так как они затрагивают главный нерв всякой вла-

¹ Академик РАН, член Президиума РАН, председатель Комитета по науке и наукоемким технологиям Государственной Думы Федерального собрания РФ, директор Института иммунологии и физиологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург), доктор медицинских наук, профессор.

Автор более 400 научных работ и 29 изобретений. Возглавляет секцию экологической политики Научно-экспертного совета при председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ. Президент Российского научного общества иммунологов, председатель Уральского общества иммунологов, член Совета Российского фонда фундаментальных исследований. Кавалер золотых и серебряных медалей РАМН им. В. В. Пашутина, А. Д. Сперанского, И. П. Павлова, Н. В. Тимофеева-Ресовского, золотой медали Российского научного общества иммунологов «За выдающийся вклад в развитие иммунологии», золотых медалей им. П. Эрлиха и Р. Вирхова Европейской академии естествознания (Ганновер).

Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

² Заведующий кафедрой теоретической политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего образования РФ.

Член Научно-экспертного совета и Координационного совета по социальной стратегии при Председателе Совета Федерации РФ, Экспертного

сти — контроль над стратегическими ресурсами. Нечасто называют социальное и экологическое измерения кризиса, поскольку социальные и экологические риски в эпоху нестроений постоянно напоминают о себе социальными взрывами и техногенными катастрофами. При этом почти не вспоминают о цивилизационном измерении и никогда — о личном, связанном как с восприятием причин и масштабов кризиса в сознании людей, по жизненным интересам и планам которых он ударяет, так и с персонификацией ответственности за политические решения, способные усилить или ослабить деструктивные факторы. Чем объяснить столь дифференцированный подход, свидетельствующий о явной недооценке наиболее важных измерений современного кризиса, кото-

совета Комитета по природным ресурсам, природопользованию и экологии Государственной Думы.

Автор свыше 200 научных публикаций, в том числе 20 книг: «Российское зарубежье: история и современность», «Русский вопрос», «Горизонты культурной политики России», «Концепция региональной культурной политики: методологические принципы» и др.

рые открывают его природу и позволяют лечить не симптомы заболевания, а его причины? Многие объясняются узкопрагматическим и сугубо технократическим характером современной мировой политики, из-за чего временной горизонт стратегического планирования и прогнозирования сужается до сиюминутных реакций.

Причина узкопрагматической направленности большинства осуществляемых сегодня антикризисных программ-паллиативов объясняется тем, что корпоративные и групповые интересы в современном мире явно доминируют над всеми другими интересами — будь то ожидания мирового сообщества, связанные с минимизацией запредельных экологических угроз, или надежды народов на решение социальных и этнокультурных проблем. Интересы целых культурных миров, великих цивилизаций, в том числе и российской, не просто игнорируются, но приносятся в жертву новым политическим доктринам, построенным по старому принципу «свой-чужой», разделяющему человеческое сообщество на «цивилизованные страны», входящие в узкий круг «успешных» демократических государств, и «страны-изгой». Последним отказывается и в праве на остатки суверенитета (сужение суверенности — общая закономерность эры глобализации), и даже в неотчуждаемом праве на цивилизационную идентичность.

В современной геополитике просматривается чрезвычайно опасная тенденция, получившая наиболее полное воплощение в теории межцивилизационных конфликтов, которая в условиях масштабного и затяжного кризиса вполне может переродиться в политическую идеологию межцивилизационных и межконфессиональных войн. Рубеж тысячелетий был ознаменован попыткой развязать такие нелокализуемые войны с целью отсрочить наступление финансового и экономического кризиса, что в итоге привело и к активизации транснациональных террористических организаций, и к крушению всей мировой финансовой системы, уже не поддающейся традиционным методам «лечения».

Причина перерождения заурядной научной теории в опасную стратегию — заметное ослабление гуманитарной культуры, опирающейся на национальные традиции, и, соответственно, выхолащивание гуманистического содержания европейской цивилизации. Об этом неоднократно говорил и писал Д. С. Лихачев, по мнению которого не существует непреодолимых различий между европейской и российской цивилизациями, и такая родственная связь сохранится до той поры, пока не возобладают деструктивные изменения. Кризис национальных культур и общей культуры носит труднообратимый характер и усугубляется под натиском коммерческих субкультур, поддерживаемых мировыми СМИ. Среди бесчисленных деструктивных факторов особого внимания заслуживает целенаправленная деятельность по сокращению спектра гуманитарных знаний в системе образования, а также доминирование в информационную эпоху «визуальной культуры» и «сетевых коммуникаций» над культурой чтения (индивидуального и семейного) и традиционными межличностными контактами.

Тот факт, что национальные интересы приносятся в жертву групповым, остается почти не замеченным на фоне постоянных отсылок на планетарные масштабы надвигающейся катастрофы и необходимость признания главенства глобальных проблем над проблемами, имеющими якобы частный, узконациональный характер, хотя именно от их решения зависит грамотная постановка и осмысление глобальных проблем. Подобные аргументы, оправдывающие примат глобального над национальным, воспринимаются как вполне разумные доводы только по той причине, что в эпоху глобализации действительно крайне трудно провести различия между интересами финансо-

вых элит и транснациональных корпораций, с одной стороны, и национальными интересами — с другой. К тому же собственно национальные интересы и в мирное, «некризисное» время с трудом поддаются точному определению: число конкурирующих и трудно совместимых версий «национальных идей» не поддается учету, как и число партий, движений и политических учений, в недрах которых эти идеи постоянно производятся и тиражируются.

Вопрос о том, почему игнорируется личный аспект глобального цивилизационного кризиса, требует обращения к социальной психологии и, пожалуй, к криминологии. Глубокий кризис — это, как известно, самый удобный момент для того, чтобы списать ошибки и даже откровенные преступления (хищения, использование административного ресурса в корыстных целях и другие грубые нарушения действующего законодательства) на внешние обстоятельства. Логика самооправдания предельно проста: если лидеры развитых стран и самые высокооплачиваемые менеджеры ведущих мировых компаний не смогли приостановить лавинообразное обрушение собственных национальных экономик или крупнейших банков, то какие претензии могут быть к доморощенным олигархам и политическим менеджерам? На самом деле кризис должен повышать личную ответственность и включать репрессивные механизмы, так как именно он провоцирует и рост преступности, и разрастание коррупции во всех эшелонах власти. К тому же кризис — это обострение конкуренции, которая переходит в борьбу на уничтожение. Кризис — это сезон охоты на слабых, к какому бы социальному слою или профессиональной группе они ни принадлежали.

При этом современный кризис иногда наивно воспринимают как момент истины: мы наблюдаем еще первые подземные толчки мощных тектонических сдвигов в человеческом мироустройстве, а уже появилось бесчисленное множество публикаций о том, как кризис «открыл глаза» и выявил «суть явлений». Он якобы обнажает подлинное соотношение сил на мировой арене, скрытое в спокойное время, а также проявляет глубоко спрятанную сущность каждого человека, вовлеченного в общий водоворот событий и вынужденного жить в эпоху общества риска, как все чаще называют наше время. В такой трактовке кризиса есть, наверное, толика правды, но куда больше самообмана, да и просто обмана.

Думается, что кризис не столько разрушает иллюзии, сколько порождает новые, еще более опасные. Уже первая волна нынешнего кризиса продемонстрировала готовность экспертного сообщества признать его универсальный характер, а следовательно, и направить поиск антикризисных мер на выработку унифицированных моделей поведения национальных экономик в условиях тотальной дестабилизации. При этом не учитывается риск, который несет в себе сам этот подход применительно к государствам, находящимся в заведомо неравном положении (любой кризис — разновидность управляемого хаоса, дающего преимущества немногим игрокам), в частности к России, которая не вписывается в общемировую схему распространения кризиса. К примеру, по ряду параметров можно говорить о том, что мегатренды, основательно разрушившие целые финансовые империи западного мира, пока лишь раскачивают финансовую и политическую систему нашей страны, не нарушая критического порога ее устойчивости. Этот феномен обычно объясняется эффективностью «финансовой подушки», созданной в эпоху «нефтедолларового допинга». Вместе с тем по другим, не менее важным показателям картина представляется совершенно иной, поскольку механизмы, обеспечивающие степень устойчивости только еще формирующейся экономической и политической системы, не сводятся к набору

политических решений, связанных с созданием и размещением резервного фонда.

Среди иллюзий, порожденных так называемым глобальным финансовым кризисом, особо следует выделить временную потерю «исторической памяти». На фоне происходящих потрясений мы почти забыли о *системном кризисе*, в котором пребывала наша страна с момента крушения СССР и bipolarного мира. Наивно думать, что Россия полностью преодолела его последствия. Еще наивнее было бы предположить, что она избавилась от глубинных факторов исторического и даже трансисторического характера, предопределивших распад великой страны. Но внешние деструктивные воздействия (мировой «мор экономик») могут по-разному «наложиться» на родовые недуги России. Все зависит от способности взглянуть на проблему не с узких позиций «временщика», минимизирующего сиюминутные риски (по принципу «после нас хоть потоп»), а с позиций поистине государственных, учитывающих иерархию долгосрочных целей и исторический контекст. А задача сценарного прогнозирования в том и заключается, чтобы увидеть и предсказать как негативные, так и позитивные последствия такого «наложения». Дело в том, что многие наши возможные преимущества (например, системный ресурсный потенциал) и те очевидные пороки, которые превращают преимущества в факторы повышенного риска, в действительности или представляют собой явления одного порядка, или могут рассматриваться как разные стороны одного и того же процесса.

Академик Д. С. Лихачев лучше многих мыслителей нашего времени понимал природу цивилизационного кризиса и связанных с ним рисков для России, о которых идет речь. По его мнению, «настоящее всегда воспринималось в России как находящееся в состоянии кризиса», поскольку «это типично для русской истории». Констатируя данный факт, Лихачев задает риторический вопрос: а «были ли в России эпохи, которые воспринимались бы их современниками как вполне стабильные и благополучные?» И здесь же убедительно демонстрирует, что само перечисление эпох служит ответом. Какую из них не называли кризисом: «Период княжеских распрей или тира-

нии московских государей? Петровскую эпоху и период послепетровского царствования? Екатерининскую? Царствование Николая I?» Общий вывод из сказанного подтверждается ссылками на позиции выдающихся мыслителей прошлого: «Не случайно русская история прошла под знаком тревог, вызванных неудовлетворенностью настоящим, вечевых волнений и княжеских распрей, бунтов, тревожных земских соборов, восстаний, религиозных волнений». Достоевский писал о «вечно создающейся России», а А. И. Герцен отмечал: «В России нет ничего оконченного, окаменелого: все в ней находится еще в состоянии раствора, приготовления... Да, всюду чувствуешь извесь, слышишь пилу и топор».

Для политиков, финансистов и ученых-экономистов текущий кризис — главная глобальная проблема, по сравнению с которой теряют смысл все прочие, будь то надвигающийся экологический коллапс или лавинообразное обрушение языков и народов, сопоставимое только с динамикой исчезновения видов в живой природе. Но разве угроза исчезновения с лица Земли большей части культур и языков в течение жизни двух-трех поколений (от 60 до 90 % языков и наречий) — это не глобальная проблема, недооценка или замалчивание которой можно приравнять к самому тяжелому из преступлений — преступлению перед человечеством? Известно, что каждые две недели на планете умирает один язык, что означает приговор одному народу. Но масштабы угрозы не воспринимаются, когда все внимание приковано к кризису. Закрадывается сомнение: может быть, кризис и нужен как обезболивающее средство, позволяющее перекраивать под корпоративные интересы политическую, этническую и ресурсную карты планеты?

Вывод, который можно сделать, лежит на поверхности. Пути к разрешению кризиса следует искать не в латании обветшалой мировой финансовой системы (это всего лишь паллиатив, способный отсрочить неизбежную расплату за невозвращенные долги перед природой и культурой), а в совместных усилиях по восстановлению давно утраченного доверия между различными цивилизационными мирами, среди которых особое место занимает российская цивилизация.

А. О. Чубарьян¹

РОССИЯ И ЕВРОПА: ВЗАИМНЫЕ ОБРАЗЫ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ, ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ТРАДИЦИИ

В общем комплексе проблем, связанных с местом России в Европе, важное место принадлежит тем стереотипам, которые влияют на образ России за рубежом. Часто их смысл состоит в том, чтобы отрицать или преуменьшить тот вклад, который Россия вносила и вносит в формирование и эволюцию общеевропейского культурного и политического пространства. Поэтому остается весьма важной и актуальной задача преодоления этих клише и стереотипов, непосредственно связанная с вопросом о межкультурном диалоге в Европе, о принципах и фор-

мах образования и эволюции общеевропейского культурного пространства.

Реальные исторические события, отставание и отчужденность России от Европы в XIII–XVI веках, принадлежность России и к Европе, и к Азии в сочетании с геополитическими и иными интересами западного мира влияли на отношение европейцев к России и привели к формированию устойчивых стереотипов и даже мифов, которые в значительной мере воздействовали на политическое мышление и политическую культуру европейцев, на их бытовое массовое сознание, особенно в XX столетии.

Значительное число современных специалистов — историков и литературоведов, этнологов и психологов, политологов и социологов — занято изучением отношения Запада к России и на уровне элит, и в массовом сознании. Исследования на эту тему облегчаются тем, что в нашей стране за последние 10 лет были в большом количестве изданы или переизданы различные записки путешественников, воспоминания и труды о России, которые были опубликованы в Европе в течение XV–XIX веков. Упомя-

¹ Академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН, ректор Государственного университета гуманитарных наук (Москва), доктор исторических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП. Член Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию.

Автор более 300 научных публикаций, в том числе 11 книг: «Мирное сосуществование. Теория и практика», «Брестский мир. 1918 г.», «Европейская идея в истории. Взгляд из Москвы», «История XX века (Новые методы исследования)» и др. Президент Российского общества историков-архивистов, член редколлегии журнала «Новая и новейшая история», бюро Международного комитета исторических наук, Норвежской академии наук.

нутые исследования ведутся не только в Москве и Петербурге, но и во многих российских региональных центрах и университетах.

В мировой науке уже много лет обсуждается проблема «образ другого», включающая и вопросы теории, и раскрытие механизмов формирования таких образов, причем как на материалах той или иной страны, так и с точки зрения отношений между народами, населяющими разные страны. Применительно к теме «Россия и Европа» можно сказать, что созданные и распространенные на Западе представления о России и русских оказывают существенное влияние не только на отношение стран и народов Европы, европейской общественной мысли к России, но в большой мере влияют и на дискуссии внутри страны на тему принадлежности к Европе, ибо всякое неприятие, критика или осуждение России порождают недовольство и даже протесты в стране и дают дополнительные аргументы тем, кто предостерегает нас от слишком тесных связей с Западной Европой и убеждает в глубоком различии путей развития России и Запада.

Стереотипы такого рода часто весьма устойчивы, они передаются из поколения в поколение и весьма непросты уходят из политики и сознания. Базируясь часто на действительных фактах и проявлениях, они в то же время становятся основой для формирования целой системы мифологических концепций и представлений. Система образов, часто становящихся устойчивыми стереотипами, причем в большинстве своем негативными, влияет на весь комплекс взаимоотношений между странами и народами Европы, включая и культурно-психологическую сферу.

Для того чтобы понять реальное содержание образов России, причины их мифологизации и распространения, следует обратиться к истории их возникновения и к тем модификациям, которые они претерпели на протяжении многовековой истории взаимосвязей России и Западной Европы.

В древний период для многих авторов, живших в западной части Европы, население, находившееся далеко на востоке, ассоциировалось, как правило, с кочевническим миром, с теми «дикими» и «варварскими» племенами, которые представляли угрозу для европейцев. Славянский этнос часто противопоставлялся классическим западноевропейским стандартам. И даже процесс крещения, христианизации Руси и широкие династические связи русских князей с западноевропейцами мало изменили бытующие представления о людях, живших в «русских степях». (В то же время необходимо признать, что в реальности древняя и средневековая Русь развивалась действительно по византийскому образцу.) В XVI–XVII веках Россия постепенно выходила на авансцену европейской жизни, втягиваясь в соперничество европейских держав и на Балтике, и на южных окраинах. На севере Россия соперничала с Ливонским орденом, а на юге вела длительные войны с турками.

В XVII веке связи Руси с Западной Европой становились все более активными и в политической, и в экономической областях. Поставки русского хлеба в 1630-х годах во многом позволили стабилизировать ситуацию с продовольствием во Франции и Голландии. В Англии Кромвель и его соперники стремились заручиться поддержкой Москвы. В ряде стран Западной Европы обсуждались идеи о возможности освоения российского рынка. Именно в XV–XVII веках в Западной Европе появились первые обстоятельные записки дипломатов, торговцев и путешественников, которые закладывали определенную традицию в описании русских и их государства¹. Эти записки при-

влекали внимание и многих российских исследователей, особенно в XIX–XX веках². Появление записок о далекой Московии явилось следствием значительного интереса в политических и общественных кругах Европы к далекой и во многом неведомой стране. Кардинал Ришелье во Франции, английская королева Елизавета I и Кромвель, испанский король Филипп II проявляли живой интерес к Московии, стремясь использовать ее в своих политических и экономических интересах.

Но и в духовной сфере Западной Европы был замечен интерес к России. О ней упоминали Шекспир и Рабле, Сервантес и другие великие писатели той эпохи, ученые Жан Бодэн, Томас Мор, Мишель Монтень и др. В европейских проектах и трактатах XV–XVII веков также нередко были упоминания о России или Московии.

Взросший интерес к России во многом стимулировал поездки в Московию официальных лиц и торговцев, литераторов и архитекторов, простых путешественников. В нашем распоряжении имеются записки и воспоминания немцев, французов, англичан, шведов, итальянцев, австрийцев, голландцев, поляков. В совокупности они составили обширную литературу, богатейшие источники, которые служили, может быть, основным источником информации о России. Подавляющее большинство этих сочинений были изданы в Западной Европе, затем переведены на русский язык и стали достоянием исследователей и широкой общественности и в европейских странах и в России.

Естественно, сочинения западноевропейцев о России по-разному оценивались в российской историографии. Для одних историков это был, прежде всего, важный источник знаний по истории того времени, в котором наибольшую ценность имели многочисленные факты и описания государственного устройства России, ее географии, природы, климата, уклада жизни и настроений людей. Другие выделяли политическую и религиозную пристрастность авторов, критиковали их за тенденциозность и негативные оценки, дававшиеся стране и народу. Остановимся на некоторых наиболее существенных записках, которые оказали влияние на представления о России, на формирование ее образа в официальных кругах и в общественном мнении стран Западной Европы.

Прежде всего следует упомянуть записки венецианского дипломата Амброджо Контарини, посетившего Москву в конце 1476 — начале 1477 года. Контарини прибыл с официальной миссией, встречался с Иваном III, с великой княгиней Софьей Палеолог и во многом способствовал зарождению русско-итальянских отношений. Наибольший интерес вызвало в то время сочинение Сигизмунда Герберштейна. Он родился в Каринтии и с детства общался со славянами, что определило его благожелательное отношение к славянскому миру и Московии. Он также выполнял в Московии официальную миссию: габсбургский император хотел втянуть Русь в борьбу с турками и восстановить хорошие отношения между Русью и Польшей, и Герберштейн вел переговоры на эти темы. Он дважды посещал Московию, в 1517 и в 1526 годах, и встречался с великим князем Василием Ивановичем, со многими представителями русской знати. Вернувшись в Европу, он написал книгу «Записки о московских делах», которая была издана в 1549 году. Это сочинение сыграло весьма значительную роль в информировании европейцев о жизни в далекой и для многих неведомой России.

Джерома Горсея. СПб., 1909; Маржерет Ж. Состояние Российской империи и великого княжества Московии // Россия начала XVII в. : записки капитана Маржерета. М., 1982; Оларий А. Описание путешествия в Московию и через Московию и обратно. СПб., 1906; Невиль де ля. Записки о Московии 1689. М., 1996; Реляция Петра Петрея о России начала XVII в. М., 1976.

² О взаимоотношениях России и Запада и записках зарубежных авторов о России см.: Лимонов Ю. А. Россия в западноевропейских сочинениях XV–XVII вв. // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 3–16.

¹ Контарини А. Рассказ о путешествии в Москву в 1476–1477 гг. // Барбаро и Контарини о России. Л., 1971; Герберштейн С. Записки о московских делах. СПб., 1908; Горсей Дж. Записки о Московии XVI века сра

Русь XVI века описана в сочинении Герберштейна достаточно полно и объективно. Автор дал географическое описание, рассказал об истории возникновения древнерусского государства (о древних племенах — живших на этой территории и пришедших извне), о государственном строе (включая описание церемонии коронации великого князя), о соседях Московии — Литве, Польше, Белоруссии, Украине, о семейных делах российского великого князя, о быте, нравах знати и простых жителей. Сочинение Герберштейна открывало для Европы Русь XV века; оно сыграло значительную роль в представлениях на Западе о России в тот период, когда она постепенно становилась весьма существенным элементом европейской международной жизни.

В XVI веке количество записок и иных свидетельств о России еще более возросло. В тот период особую активность развивали англичане. Из значительного числа записок стоит выделить Джерома Горсея. Он не был официальным представителем, а впервые прибыл в Москву в качестве приказчика-практиканта английской Московской компании.

В XVII веке наиболее известным сочинением стали записки капитана Маржерета. Он был одним из первых французов, который не просто посетил Россию, но и поступил на русскую службу. Находясь до этого во Франции, Маржерет принимал участие в религиозных войнах на стороне протестантов. Затем он воевал против турок на Балканах, служил в войске польского короля. В 1600 году Маржерет завербовался на службу в Россию; при этом сначала он воевал против Лжедмитрия I, а с приходом последнего в Москву перешел к нему на службу. В 1611 году он участвовал в подавлении восстания москвичей против поляков, в поджоге и разграблении Москвы. До этого Маржерет, находясь в Париже, написал книгу о России.

Сочинение Маржерета отражает противоречивость фигуры самого автора, которая повлияла и на содержание его произведения. С одной стороны, в книге содержится масса информации о государственной власти в России, о Боярской думе, приказах, военных силах России, финансовой системе. С другой — авантюризм автора, его участие в борьбе против русских во многом определили его явную тенденциозность, враждебность по отношению к России и к русским. Если личность Маржерета вызывала явное неприятие и осуждение, то его сочинение впоследствии оценивалось неоднозначно. Оно содержало массу сведений и продолжало наметившуюся линию на предоставление западному читателю информации об устройстве, жизни и быте русского государства и его жителях в XVII столетии. Книга Маржерета содержала значительное число критических выпадов против уклада жизни русских, их характера и наклонностей, против государственной политики русских правителей и вносила свой «вклад» в формирование стереотипных представлений о России.

Упомянем еще одно сочинение XVII века, принадлежащее немцу Адаму Олеарию, изданное под названием «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно». Адам Олеарий родился в 1599 году в бедной семье, но получил образование и научную степень в одном из лучших университетов Германии. Благодаря поистине энциклопедическим знаниям он был включен в состав посольства, которое князь Шлезвиг-Голштинии Фридрих III решил направить в Москву в 1633-м, а затем в 1635 году — снова в Москву и в Персию. Итогом посольских миссий стало получение обширной информации о России и ее распространение в Европе. Большую роль в этом сыграла книга Олеария о России, которую он написал и издал в 1634 и 1636 годах. В 1643 году он снова посетил Россию.

В сочинении Олеария освещается множество самых разных сторон российской жизни. Он писал о том, что русские доброжелательно относятся к иностранцам. «У них, — пишет автор, — нет недостатка в хороших головах для учения. Между ними встречаются люди весьма талантливые, озаренные хорошим разумом и памятью»¹. В сочинении Олеария есть значительное число и критических оценок. Будучи протестантом, он не принимал многих православных норм и установлений.

* * *

Наступил XVIII век, который благодаря реформам Петра I коренным образом изменил положение России в Европе. Для России XVIII века характерна не только внутренняя политическая консолидация и впечатляющая международная деятельность, но и бурное развитие наук, образования. Принципы и формы европейского Просвещения получали широкое распространение и в России — с учетом российских традиций и особенностей жизненного уклада. В Европе в XVIII столетии уже смотрели на Россию как на сильного и опасного конкурента. На этой основе начали формироваться и новые представления. Прежние идеи о русских людях как о невежественных и невоспитанных не исчезли, но модифицировались в точку зрения, что хотя в России и начались реформы, все равно она сильно отстает от европейских стандартов.

Следует учесть, что к этому времени на Западе шел процесс формирования сословно-представительной системы (уже функционировали французские Генеральные штаты и английский парламент); развивалось то, что получило название «Просвещенный абсолютизм». Западная Европа вошла в век Просвещения. Всего этого Россия еще не знала и поэтому западноевропейская элита, хотя и с определенными вариантами, продолжала говорить об отсталых народах и архаическом государственном и политическом устройстве, о «диких нравах» и необразованности русских. Правда, в Западной Европе было уже немало людей, которые видели Россию в ином свете — как развивающуюся страну, быстро выходящую на европейский уровень. Они отмечали, в частности, рост в России числа способных и образованных людей.

В то же время именно в XVIII веке, во времена Екатерины II, ряд известных французских просветителей, прежде всего Вольтер и в меньшей степени Д'Аламбер и Дидро, преклонялись перед императрицей и ее политикой; они не сомневались в успехах российской культуры и росте образованности русского общества. Несомненно, эти французские просветители во многом способствовали популяризации России и пробуждали к ней интерес во Франции и во всей Европе. Но, к сожалению, их блестящие труды не отражали мнения большинства (например, Ж.-Ж. Руссо), и в Европе продолжал распространяться образ отсталой и необразованной России.

Для общей характеристики образа России в европейских представлениях XVIII и XIX веков отметим два сочинения, которые могут служить некими символами образа России на Западе Европы. Оба принадлежали французам. Первое сочинение было написано французским аббатом Ш. д'Отерошем («Путешествие в Сибирь»), совершившим путешествие в Россию в 1761 году², причем он посетил не только Петербург и Москву, но доехал до Тобольска. Второе сочинение широко известно; написанное в середине XIX столетия, оно принадлежит маркизу

¹ См.: Мезин С. А. Взгляд из Европы. Французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003.

² См.: L'Impératrice et l'Abbé. P., 2003. Présenté par Hélène Carrère d'Encausse de l'Académie française; о книге Ш. д'Отероша. см.: Элькина И. М. Французские просветители и книга Шаппа д'Отероша в России // Вестник Московского университета. Сер. 9. 1973. № 6. С. 77–81; Элькина И. М. Шапп д'Отерош и его книга «Путешествие в Сибирь» // Вопросы истории СССР. М., 1972. С. 361–388.

де Кюстину, труд которого на многие десятилетия закрепил определенный образ России среди европейских элит и в массовом обыденном сознании.

Французский аббат Ш. д'Отерош по указанию французского короля Людовика XV совершил поездку в Россию для того, чтобы информировать монарха о том, что происходит в далекой и загадочной стране. Автор скрупулезно записывал все детали своего путешествия, включая мельчайшие подробности. В итоге записки аббата, опубликованные во Франции в 1762 году, оказались резко антирусскими. Он не скрывал своего пренебрежения к России и русскому народу. В уничижительных выражениях описывал государственное устройство России, ее быт и нравы. Автору не понравилось в России практически почти ничего. Он обращал внимание на разные стороны русской жизни — на плохие дороги и дома, на внешний вид русских крестьян; у него вызывал неприятие и раздражение даже облик русских женщин. Весь пафос труда французского аббата был направлен на доказательство того, что Россия и ее народ представляли собой варварскую страну, не имеющую ничего общего с просвещенной и цивилизованной Европой. Книга не имела широкого распространения во Франции, а тем более в остальной Европе, но она шла в русле взглядов тех авторов, которые стремились создать негативный образ России в Европе.

Сочинение д'Отероша стало известным в значительной мере потому, что книга попала в Россию и Екатерина II ознакомилась с ней. Реакция императрицы была мгновенной и необычайно острой: она была возмущена и оскорблена. Вскоре здесь была издана книга под названием «Антидот» — ответ на сочинение французского аббата. В течение многих десятков лет велись дискуссии об авторстве «Антидота». Естественно, с самого начала не вызывало сомнений то, что Екатерина II была полностью осведомлена о содержании книги. Постепенно среди тех, кто исследовал эту проблему, все более утверждалось мнение, что автором «Антидота» была сама императрица. В вышедшей недавно во Франции книге под названием «Императрица и аббат» известный французский историк, постоянный секретарь Французской академии наук Элен Каррер д'Анкосс убедительно обосновала авторство Екатерины II.

Автор «Антидота» опровергал нападки аббата, защищая Россию, ее строй и место в Европе. Особое возмущение вызвали грубые нападки д'Отероша на народ. Екатерина II не оставила камня на камне от утверждений аббата о дикости и необразованности русского народа. Смысл «Антидота» состоял в доказательстве равноправности России среди европейских держав, в ее движении по «просвещенному пути». Одновременно автор стремился обосновать своеобразие русского народа, отличительные черты духовного облика, уклада жизни и характера русских людей.

* * *

XIX век, казалось бы, должен был внести существенные перемены в европейские представления о России и русских. После Отечественной войны 1812 года и восстания декабристов тема «Европа и Россия» стала все чаще звучать и даже преобладать в общественных дискуссиях, что получило наиболее яркое выражение в спорах западников и славянофилов. Русская культура стала неотъемлемой частью европейской культуры и получила всеобщее признание. После того как Европа познакомилась с творчеством Пушкина и Достоевского, Толстого и Тургенева, идеи о русской культурной и цивилизационной отсталости должны были постепенно измениться, но в действительности они продолжали распространяться в кругах европейских элит. Разумеется, Россия продолжала отставать в своем политическом устройстве и в демо-

кратических реформах от многих других стран Европы, но реформы, проводимые в начале XIX столетия, обещали дальнейшие перемены в российском развитии.

В XIX веке во Франции была издана еще одна книга, оказавшая значительное влияние на формирующиеся западные стереотипы относительно России. Это была «Николаевская Россия»¹, которая вышла в 1843 году и сразу же вызвала огромный интерес. Она принадлежала перу французского маркиза Астольфа де Кюстина. Для середины XIX века общий тираж книги в 200 тыс. экземпляров был невиданным явлением.

Де Кюстин — сын известных французских роялистов, казненных в пору робеспьеровского террора, ехал в Россию, как он сам говорил, в поисках новых аргументов против «представительного правления». Но в итоге его книга, написанная в резких антирусских тонах, заложила основу для последующих негативных стереотипов, утвердившихся в сознании многих деятелей в Западной Европе. Одно из основных утверждений состояло в доказательстве крайней отсталости России, ее «рабского строя», «дикого» государственного и общественного устройства. Де Кюстин реалистично описал российские порядки того времени. Его рассказы о безудержном произволе чиновников и таможенников (при пересечении границы), об их неуважении к закону и нормам, уже установленным по всей Европе, также отражали действительное положение дел. Весь этот пафос французского аристократа не был неожиданным для русской общественности. Российские писатели и публицисты говорили о том же; российские авторы критиковали самодержавие (насколько это было возможно в условиях жесточайшей цензуры), говорили о бедственном положении крестьянства, находившегося в крепостной зависимости, что было глубоким анахронизмом в условиях тогдашней Европы. Однако не этот пафос де Кюстина вызвал возмущение в России. Главное состояло в том, что он перенес свое осуждение российских порядков на весь народ. Де Кюстин пытался доказать, что отсталость и рабление, дикие нравы — все это было заложено в русских людях с глубокой древности.

Между тем 1830–1840-е годы в России были временем Пушкина и Лермонтова, и для просвещенного европейца было непростительно не замечать этого. Отождествление народа, общества и власти свидетельствовало об узости взглядов де Кюстина и его подходов к анализу российской жизни. Блестящая литература и публицистика, в том числе и явно оппозиционная к властям, опровергали идеи автора.

Российская общественность негативно восприняла книгу де Кюстина. Официально она была запрещена. Власти инициировали выпуск нескольких изданий, подвергающих критике де Кюстина. Среди них были: книга Н. И. Греча, который резко осудил француза и при этом восторженно писал о российских порядках и об императоре Николае I; сочинение Я. И. Толстого — корреспондента Министерства народного просвещения (агента III Отделения), также резко бичующее де Кюстина; книга советника Министерства иностранных дел К. К. Лабенского — также с критикой сочинений де Кюстина.

Книга де Кюстина встретила осуждение и российской передовой общественности. А. И. Герцен и Ф. И. Тютчев, А. И. Тургенев и П. А. Вяземский негодовали после ее издания, о чем говорили в петербургских салонах. «Я не знаю ни одного дома, где бы не было сочинения Кюстина о России», — вспоминал А. И. Герцен в 1851 году.² Ф. И. Тютчев писал об умственном бесстыдстве и духовном растлении авторов, подобных де Кюстину.

¹ Кюстин А. де. Николаевская Россия / La Russie en 1839. М., 1990.

² Герцен А. И. Полное собрание сочинений и письма. Т. 6. С. 364.

Но спустя несколько лет и особенно после выхода раболопной книги Греча тот же А. И. Герцен писал: «рабский, холопский взгляд и дерзкая фамильярность», «цинизм раба, потерявшего всякое уважение к человеческому достоинству», «Греч предал на позор дело, за которое поднял подлую речь». Своим отрицанием всем известных фактов Греч, по мнению Герцена, достигает обратного результата, он лишь усугубляет силу обличения Кюстина¹. А. И. Герцен и некоторые другие представители российской литературной и публицистической интеллигенции резко критиковали самодержавие и преследование свобод в России, но сохраняли резко отрицательное отношение к русофобии де Кюстина.

К сожалению, некоторые идеи и «аргументы» де Кюстина используются в истории XX века и в наши дни. Между тем именно в XX столетии усилились связи России с другими странами Европы, с их общественностью и правящими кругами. На западе континента постоянно возрастал интерес к российской науке, литературе и искусству. В последние годы в России были изданы переводы многих известных западных философов, деятелей культуры. Русский авангардизм занял ведущее место в европейском модерне. Василий Кандинский, основавший в 1911 году школу «беспредметного искусства», получает (правда, уже позднее, в 1925 г.) профессуру в Веймаре. В России выступало множество западных артистов и музыкантов. Эти явления служили ярким подтверждением слов Достоевского, что «у русского человека два отечества: Россия и Европа» и что всякий образованный русский думает прежде всего о Европе².

После распада Советского Союза, перехода России на путь либеральной рыночной экономики и глубоких демократических преобразований фактически отпали глав-

ные аргументы тех представителей общественности Западной Европы, кто говорил о несовместимости российских порядков с европейскими демократическими нормами и принципами. Тем самым постепенно создавались условия для отхода Западной Европы от старых антирусских и антисоветских стереотипов. И действительно, они сильно трансформировались, хотя, к сожалению, не исчезли из европейских представлений о России. Сохраняются обвинения России в тенденции к авторитаризму, в нарушении прав человека, время от времени возрождаются старые антирусские стереотипы. Видимо, действует сильная инерция прошлого, давление клише, сформированных много веков назад и не уходящих из представлений определенных западных элит.

Устойчивость негативных стереотипов базируется на традициях и исторической памяти о многовековом прошлом; на все той же идее, что Россия принадлежит и к европейской, и к азиатской цивилизациям, и, наконец, на том, что в российской действительности, традициях, культуре и менталитете заложены те признаки и особенности, которые отличают нашу страну от классической Европы, придают своеобразие российской политической и общественной мысли, культуре и системе ценностей. Понимание этой специфики отнюдь не устраняет ясного понимания непреложного факта принадлежности России к общеевропейскому культурному пространству. Диалог культур и цивилизаций в различных сферах, затрагивающий разные слои общества, служит сегодня важным средством преодоления негативных образов и стереотипов, утверждению в элитах и массовом сознании идей терпимости и уважения к «другим» ценностям, что в более широком плане изменит систему «образов других».

В. Е. Чуров³

ДЕМОКРАТИЯ И ФОРМЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ МИРА

Уважаемые господа! Позвольте по устоявшейся российской традиции начать свое сообщение, посвященное рассмотрению вопросов сравнения избирательных систем, со слов главы государства.

Не так давно в газетном интервью Дмитрий Анатольевич Медведев сказал, что «демократия — категория историческая и в то же время вполне наднациональная». Некоторые люди, почему-то называющие себя аналитиками, тут же попытались противопоставить это высказывание термину «суверенная демократия». Совершенно очевидно, что демократия как понятие, основной принцип организации общества (а общество без организации не может существовать, иначе где-нибудь реализовалась бы анархическая идея) наднациональна и в настоящее время даже глобальна, поскольку общепризнана лучшей моделью, оптимальным принципом организации общества. Однако формы реализации демократических принципов, организации власти в конкретной стране вполне суверенны. Иначе мы ставим под сомнение независимость существующих государств.

¹ Герцен А. И. Полное собрание сочинений и письма. Т. 3. С. 314–315.

² Многие факты и слова Достоевского взяты из статьи: Степун Ф. А. Россия между Европой и Азией // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 326–327.

³ Председатель Центральной избирательной комиссии РФ, профессор СПбГУП.

Автор более 30 научных работ, в том числе книг: «Тайна четырех генералов», «Голосует вся Россия: о правовых и организационных особенностях грядущих выборов» и др.

Цепочка очень проста: общемировые демократические принципы → суверенная демократия → суверенные выборы → суверенная власть. Отклонения от этой цепочки происходят как с согласия государства, взявшего на себя определенные обязательства, закрепленные в документах, составленных в соответствии с принципами и процедурами международного права, так и без него. В первом случае, на мой взгляд, принцип суверенной демократии действует, во втором, безусловно, нет. Второй случай — это Косово, Босния и Герцеговина, Афганистан (первые выборы), Ирак.

Важно правильное понимание принципа международного контроля над организацией выборов, а соответственно и над процессом формирования властных структур. На мой взгляд, международный контроль ограничивается определенными рамками. Нижняя граница, предел допустимого и возможного для международного контроля — не общепризнанные нормы (каждый трактует их в свою пользу), а общепризнанные и зафиксированные в международном обязательном документе, составленном, подписанном и ратифицированном в соответствии с нормами и процедурами международного права. Верхней границей является формат международного контроля, при котором контроль по просьбе самого государства приводит к ограничению суверенитета (примеры приведены выше).

Следует отметить, что подавляющее большинство граждан под выборами понимают прямые, всеобщие, равные выборы при соблюдении тайны голосования. Однако

форм и видов выборов гораздо больше. Скажем, в суверенной демократии Соединенных Штатов Америки суверенная выборная избирательная система децентрализованная, не всеобщая, не равная, не прямая и в ряде штатов не обеспечивающая тайны выбора. Однако это суверенная демократия.

В Российской Федерации сходным образом осуществляются выборы губернаторов. Категорически неверно говорить о том, что у нас губернатор не является выборным лицом, замещающим государственную должность. Да, сейчас не проводятся прямые выборы губернаторов, но осуществляются не прямые выборы. Сначала избирается представительный орган власти, в котором по только что измененному законодательству кандидатуры на пост губернатора предлагаются президенту партией, обладающей относительным большинством, так же как и большинство выборщиков в Соединенных Штатах Америки избирают президента. Затем кандидатуру губернатора, главы региона вносит на рассмотрение всенародно избранный прямым, равным, всеобщим, тайным голосованием Президент Российской Федерации. И наконец, одобрение кандидатуры, предложенной президентом, осуществляют избранные прямым всенародным, равным, тайным голосованием члены представительного (законодательного) органа власти субъекта Федерации.

Вопрос о том, что лучше — прямые или не прямые выборы, является предметом политической дискуссии и не имеет отношения к организации демократической системы органов власти, не определяет различия между демократической и недемократической системами.

В любом демократическом государстве (мы убедились в том, что демократические принципы формирования органов власти осуществляются в суверенной форме — от конституционной, а иногда даже и абсолютной монархии до прямой парламентской системы — с множеством особенностей для каждого государства) избирательная система является стратегическим ресурсом. Без нее не могут быть сформированы демократические органы власти.

То, что это стратегический ресурс, подтверждает количество групп граждан и общее количество граждан, которые принимают участие в формировании и функционировании избирательной системы. Во-первых, это, конечно, все избиратели страны. Их в России с учетом граждан, проживающих за рубежом, насчитывается более 109 млн. Во-вторых, это политические партии, многочисленные кандидаты, партийные активисты, агитаторы, уполномоченные, доверенные лица, наблюдатели от партий. В-третьих, это институты гражданского общества, специализирующиеся на контроле за организацией и проведением выборов. В-четвертых, это средства массовой информации, их сотрудники, потому что в современном государстве проведение демократических выборов без активного участия СМИ невозможно. Они являются посредниками и не только доводят до сведения избирателей идеи, политические платформы и информацию об участниках избирательного процесса, то есть о кандидатах и партиях, но и обеспечивают исполнение избирательными комиссиями своей функции по информированию избирателей. Никакие избирательные комиссии без средств массовой информации не могли бы в полном объеме проинформировать избирателей об их правах, времени и месте голосования и о кандидатах.

Пятый «отряд» участников избирательной системы — это законодательные органы от уровня нормотворчества до местного самоуправления до Государственной Думы и Совета Федерации. Именно они формируют нормативную базу избирательной системы на всех уровнях.

Шестой «отряд» — это исполнительная власть, сотрудники администраций всех уровней, которые в соот-

ветствии с законодательством создают материальную базу для работы избирательной системы, предоставляют помещения, транспорт, связь, обеспечивают развитие информационных технологий и общественную безопасность избирательного процесса.

И наконец, это 5,5 тыс. сотрудников, работающих на профессиональной основе в территориальных комиссиях, комиссиях субъектов Российской Федерации и Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, к которым на федеральных выборах присоединяется еще 1 млн членов участковых избирательных комиссий.

Хорошо работающая избирательная система обеспечивает в соответствии с международными зафиксированными в обязательных документах нормами демократические выборы с разумной периодичностью.

Вернемся к вопросу о международном наблюдении. В законодательстве Российской Федерации давно закреплена институт международного наблюдения на наших федеральных выборах. Большинство стран Европы сейчас следуют нашему примеру и включают эту норму в свое законодательство. Не так давно это сделала Австрия. Но постоянно возникают споры, связанные с тем, что до сих пор нет признанного, одобренного и подписанного документа о международных стандартах наблюдения. Ни одна методика, которой пользуются многочисленными миссиями наблюдения, не прошла ни научного, ни межправительственного согласования и аттестации. Это не только вызывает многочисленные споры, но и, между прочим, является неплохой базой для развития коррупции, например, при выборе организации, с которой заключают контракт на проведение тех или иных мониторинговых работ. Создается впечатление, что кому-то выгодно такая ситуация, когда отсутствуют международные правила проведения наблюдения за выборами.

Не вдаваясь в подробности, приведу простой пример. Страна, приглашающая к себе миссию международных наблюдателей за выборами, требует от них лишь прозрачности их работы на трех этапах: при формировании миссии, во время ее работы и при формировании итогового доклада. О какой прозрачности миссий можно говорить сейчас, когда методика формирования некоторых из них абсолютно непрозрачна и в их состав входят люди с фальшивым образованием, якобы знающие большое количество языков. Однако когда задаешь вопрос о том, кто проверял это знание при решении вопроса о включении того или иного человека в миссию, не отвечают. Работа миссии лишена прозрачности. Почему накануне дня голосования миссия встречается с тремя из пяти кандидатов в президенты или с четырьмя из восьми участвующих в выборах партий? Непрозрачно и формирование отчетного доклада. Был случай, когда из 150 участников одной из миссий наблюдения итоговый доклад подписали лишь 38 человек, но он был представлен как доклад миссии, как мнение всей миссии.

Устранение этих очевидных недостатков почему-то сталкивается с непониманием и неприятием. Откровенно говоря, не хотелось бы подозревать худшего (намерений, мотиваций).

Лучший способ повышения доверия к избирательной системе — гласность и открытость, которые тоже должны быть подтверждены объективными данными и показателями.

Так, беспрепятственный доступ граждан к общественно значимой информации является одним из главных атрибутов развитого гражданского общества. На основе равного и открытого доступа граждан к сведениям о деятельности государственных органов происходит формирование правовой и политической культуры населения. Осознание гражданами того, как функционируют

ключевые государственные институты, служит основой доверия к существующей политической системе.

Доступ к общественно значимой информации в современном мире осуществляется посредством трех ключевых механизмов:

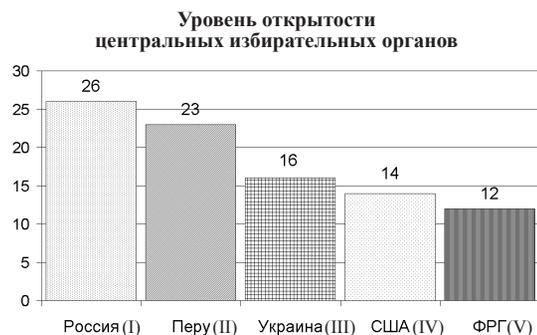
- официального запроса;
- доступа средств массовой информации к материалам государственных органов;
- официального опубликования государственными органами сведений о различных сторонах своей деятельности.

Интернет предоставляет возможность сочетать эти механизмы доступа к информации, в первую очередь путем создания официальных сайтов государственных органов. Подобное соединение основных способов доступа к информации делает сайты государственных органов одним из важнейших каналов информационного взаимодействия власти и общества.

Проведение выборов самостоятельными и независимыми в пределах своей компетенции избирательными органами (комиссиями) на международном уровне признается одним из главных демократических стандартов. Статус и полномочия таких органов устанавливаются конституцией, законодательными актами государства. Анализ объема и качества информации, представленной на официальных сайтах избирательных органов, является одним из ключевых критериев их информационной открытости.

Для сравнения были выбраны сайты центральных избирательных органов следующих стран: Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Республики Перу, Федеративной Республики Германия и Украины. Кроме того, при анализе объемов официальных сайтов центральных избирательных органов в качестве индикатора также был рассмотрен сайт Центральной избирательной комиссии Республики Польша, являющийся одним из крупнейших в мире. Был составлен перечень из 32 критериев, позволяющих установить степень информационной открытости сайтов избирательных органов. Оценивалась доступность для граждан сведений о нормотворческой деятельности, принятых решениях, ходе и результатах избирательных кампаний, результатах международной деятельности и т. д.

Перечень критериев был основан на ряде положений международного права, а также на опыте исследовательских коллективов, прежде всего Института развития свободы информации¹.

Перечень избирательных комиссий:

- I. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации;
- II. Центральная избирательная комиссия Украины (Центральна виборча комісія України);
- III. Федеральная избирательная комиссия США (Federal Election Commission);

¹ Информационная открытость государственных интернет-ресурсов в интересах молодежи. М., 2008.

IV. Федеральный уполномоченный по проведению выборов ФРГ (Der Bundeswahlleiter);

V. Национальная служба по избирательным процессам (Oficina Nacional de Procesos Electorales, ONPE) / Национальный суд Перу по вопросам выборов (Jurado Nacional de Elecciones, JNE).

Критерий	I	II	III	IV	V
1. Нормативные и иные правовые акты, изданные или принятые органами власти	+	+	+	+	+
2. Порядок деятельности по обеспечению реализации определенных законодательством прав, свобод и законных интересов граждан	+	+	+	+	—
3. Обзоры поступивших обращений граждан и организаций, обобщенная информация о результатах рассмотрения таких обращений и принятых мерах	+	—	—	—	—
4. Сведения о структурных подразделениях и должностных лицах, предоставляющих информацию в устной или письменной форме	—	—	—	+	+
5. Перечни информационных систем общего пользования, банков данных реестров, находящихся в ведении государственных органов	+	+	+	+	+
6. Сведения об организациях, которым в установленном порядке переданы государственные заказы на выполнение работ по техническому сопровождению функций, связанных с обеспечением доступа к информации о деятельности	—	—	—	—	—
7. Информация о визитах и рабочих поездках руководителей и официальных делегаций	+	+	—	—	—
8. Сведения об официальных мероприятиях	+	+	+	+	—
9. Сведения о решениях, принятых на официальных мероприятиях, их исполнении	+	+	+	—	—
10. Данные о планах	+	+	+	+	+
11. Тексты официальных заявлений и выступлений руководителей и заместителей руководителей	+	+	—	—	—
12. Информация о нормотворческой деятельности	+	+	+	—	+
13. Сведения о проектах нормативных правовых актов, целевых или иных программ, концентраций	+	+	+	—	—
14. Информация о целевых и иных программах, заказчиками или исполнителями которых являются органы власти	+	+	+	—	—
15. Данные об исполнении бюджетов	—	—	—	+	—
16. Аналитические доклады, отчеты о работе	+	+	+	+	—
17. Сведения об основных показателях, характеризующих ситуацию и динамику развития сфер, входящих в компетенцию органов власти	+	+	+	+	+
18. Официальная статистическая информация	+	+	+	+	+
19. Информация об открытых конкурсах, аукционах, тендерах, экспертизах и других мероприятиях, проводимых государственными органами	+	—	+	—	—
20. Формы заявлений, установленных правовыми нормативными актами, принимаемых к рассмотрению органами власти	+	+	+	—	—
21. Сведения о результатах проверок, проведенных самими органами власти в пределах их компетенции	+	+	—	+	—
22. Перечень и существенные условия договоров гражданско-правового характера, заключенных государственными органами	—	—	—	—	—

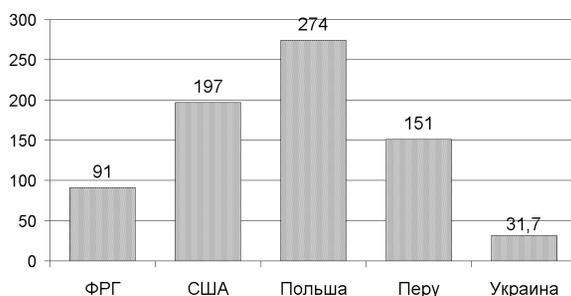
23. Сведения о международных договорах и соглашениях, в реализации которых принимают участие органы власти	+	+	—	—	—
24. Информация о поступлении граждан на государственную службу	+	+	—	+	+
25. Сведения о взаимодействии органов власти, подведомственных им организаций с иными государственными органами	+	+	—	—	—
26. Информация о руководителях государственных органов, их структурных подразделений	+	+	+	+	+
27. Информация об организациях, подведомственных государственным органам	+	+	—	—	+
28. Телефоны и адресные реквизиты	+	+	+	+	+
29. Сведения об участии в реализации международных договоров	+	+	—	—	—
30. Регистры входящих и исходящих документов в государственных органах	—	—	—	—	—
31. Мультиязыковая поддержка	+	—	—	—	+
32. Удобство для людей с ограниченными возможностями	—	—	—	—	—
Итого:	26	23	16	14	12

Анализ показал, что наибольшую информационную открытость демонстрирует сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (удовлетворяет 26 из 32 критериев).

Сайты Национальной службы по избирательным процессам (Oficina Nacional de Procesos Electorales, ONPE) и Национального суда Перу по вопросам выборов (Jurado Nacional de Elecciones, JNE) удовлетворяют 23 из 32 критериев. Поскольку в Республике Перу организация выборов возложена на два органа, объем предоставляемой гражданам информации является значительным. Однако следует отметить, что доступ к ней затруднен из-за отсутствия единого информационного портала по вопросам голосования. Сайт Центральной избирательной комиссии Украины (Центральна виборча комісія України) удовлетворяет 16 из 32 критериев. Сайт Федеральной избирательной комиссии Соединенных Штатов Америки (Federal Election Commission) — 14 из 32 критериев. Сайт Федерального уполномоченного по проведению выборов Федеративной Республики Германии (Der Bundeswahlleiter) — 12 из 32 критериев.

При сравнении официальных сайтов центральных избирательных органов зарубежных стран по объему представленной на них информации выяснилось, что средний объем сайтов составил около 150 Мб.

Объемы сайтов избирательных органов стран мира (Мб)

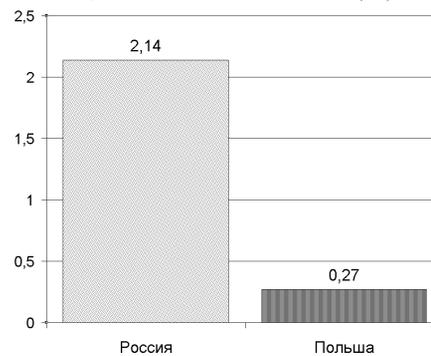

На фоне сайтов центральных избирательных органов зарубежных стран выделяется официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, суммарный объем которого составляет более 2,14 Гб, что почти в десять раз превышает размер сайта Центральной избирательной комиссии Польши (Państwowa Komisja Wyborcza).

Следует обратить внимание на то, что многократное превосходство совокупного объема сайта ЦИК России

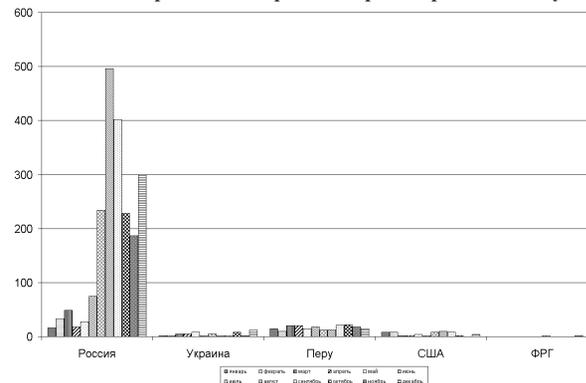
над сайтами иностранных избирательных органов обеспечивает размещенный на нем значительный объем доступной архивной информации, представляемой Государственной автоматизированной системой Российской Федерации «Выборы».

Сравнение объемов сайтов ЦИК России и ПКВ Польши (Гб)

На следующем графике показана динамика публикации материалов на сайте ЦИК России и избирательных органов других стран. С середины 2008 года наблюдается значительный рост информационной насыщенности сайта ЦИК России. Количество опубликованных материалов в десятки раз превышает количество информации, представляемой на официальных сайтах иностранных избирательных органов.

Количество материалов, опубликованных на официальных сайтах избирательных органов стран мира в 2008 году

Проведенный анализ показал, что официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации является наиболее информационно открытым из всех сайтов, включенных в данное исследование, а деятельность ЦИК России отвечает всем международным требованиям гласности.

Данные о сайтах предоставлены Федеральным центром информатизации при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации; для получения информации о сайтах избирательных органов стран мира была использована программа Teleport.

Следует сказать несколько слов об избирательных системах и основных тенденциях их развития, а также привести данные сравнительного анализа некоторых современных избирательных систем.

В настоящее время широко применяются в основном три разновидности систем организации выборов: 1) мажоритарная (относительного (безквотного), абсолютного (50 %) и квалифицированного (2/3 или более) большинства); 2) пропорциональная (с различными модификациями, в том числе в виде системы одиночного передаваемого голоса); 3) смешанные избирательные системы.

На сегодняшний день из 213 государств и территорий (из них 199 государств — члены ООН, 14 — самоуправляемые или зависимые (протекторатные) территории) мажоритарную избирательную систему относительного большинства используют 47 государств, квалифицированного большинства — 22, исключительно пропорциональную (различных видов) — 72, смешанную систему выборов (разные модели) — 30. Остальные государства и территории применяют более «утонченные» варианты указанных избирательных систем. При этом из 31 новой демократии (после распада СССР и социалистического лагеря) первоначально шесть государств избрали мажоритарную систему выборов, а остальные 25 — пропорциональную (из них: смешанную — 6, исключительно пропорциональную — 19).

В мировой практике насчитывается 12 основных видов избирательных систем, использование которых может иметь различные политические последствия для конкретного государства.

1) Мажоритарная избирательная система относительного большинства используется в 47 государствах (на практике иногда модифицируется в исключительно «партийную» систему выдвижения и избрания кандидатов, например в Англии).

2) Система блокового кандидатского голосования — в многомандатном избирательном округе избиратель имеет столько голосов, сколько в округе мандатов. Избранным признается кандидат, получивший наибольшее число голосов избирателей (применяется в 15 странах).

3) Система блокового партийного голосования — в многомандатном избирательном округе избиратель голосует исключительно за партию (жесткий список). Партия, набравшая наибольшее число голосов избирателей, получает все депутатские мандаты в многомандатном избирательном округе (применяется в четырех странах).

4) Система альтернативного голосования применяется в одномандатных избирательных округах при предоставлении избирателю права на выражение предпочтения в отношении кандидатов. В случае если кандидат не получил 50 % голосов, кандидат с наименьшим количеством голосов избирателей исключается и его голоса (предпочтения) распределяются среди остальных кандидатов до избрания одного кандидата депутатом (применяется в трех государствах).

5) Система двухтурового голосования используется, если в первом туре ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов, как правило, более 50 % (применяется в 22 странах).

6) Пропорциональная избирательная система (список кандидатов) — единый многомандатный избирательный округ (применяется в 74 странах, в том числе в Казахстане, Киргизской Республике, России, Украине).

7) Система единственного передаваемого голоса применяется в многомандатных избирательных округах при первоначальном установлении квоты (первых) голосов избирателей для признания кандидата избранным. В случае если кандидат не достиг указанной квоты, кандидат с наименьшим количеством предпочтительных голосов избирателей исключается и его голоса (первая и другие предпочтения) распределяются среди остальных кандидатов до избрания кандидата (кандидатов) депутатом (применяется в двух государствах).

8) Смешанная (классическая) избирательная система — первоначально мандаты распределяются по избирательным округам, а затем между партийными списками кандидатов (применяется в девяти государствах).

9) Смешанная (неоклассическая) избирательная система — фиксированная часть депутатов избирается по из-

бирательным округам, другая фиксированная часть — по партийным спискам (применяется в 17 государствах).

10) Система единственного непередаваемого голоса применяется в многомандатных избирательных округах, в которых избиратель голосует только за одного кандидата. Набравший наибольшее число голосов избирателей кандидат признается избранным (применяется в четырех государствах).

11) Система голосования Борда применяется как в одномандатных, так и в многомандатных избирательных округах с предоставлением избирателю права на предпочтения и приданием им соответствующего удельного веса. Кандидат, набравший наибольший удельный вес предпочтений, признается избранным (применяется в одной стране).

12) Система ограниченного голосования применяется в многомандатных округах при предоставлении избирателю голосов, число которых меньше, чем число кандидатов в избирательном бюллетене (применяется в одной стране).

Избирательные системы № 1–5 являются мажоритарными, № 6–7 — исключительно пропорциональными, № 8–9 — смешанными, № 10–12 — разновидности других систем выборов (своего рода самостоятельные виды избирательных систем). Пропорциональные и смешанные избирательные системы содействуют сохранению и возможному развитию многопартийности, тогда как мажоритарные системы выборов могут привести к политической стагнации двух-, трехпартийной системы.

Необходимо иметь в виду, что в зависимости от использования той или иной избирательной системы результаты выборов могут сильно различаться и иметь последствия для дальнейшего политического развития страны и представительных институтов демократии. Возможно, что в рамках любой избирательной системы может возникнуть и существовать длительное время единственная сильная политическая партия при наличии в целом «карликовой» многопартийности.

Применяемые в рассматриваемых ниже государствах **парламентские избирательные системы** различаются между собой — от мажоритарной избирательной системы относительного большинства (Великобритания) к смешанной избирательной системе (Грузия), к чисто пропорциональной избирательной системе по единому избирательному округу (Нидерланды) либо по соответствующим избирательным округам (Италия), к системе одиночного передаваемого голоса (Ирландия).

Мажоритарная избирательная система (или ее разновидности) применяется, в частности, в Азербайджане, КНР, США, Франции; смешанная система выборов (с учетом структуры парламента) — в Армении, Грузии, Казахстане, Монако, ФРГ; пропорциональная система выборов (с учетом структуры парламента) — в Аргентине, Бельгии, Испании, Италии, Киргизии, Нидерландах, Польше, России, Сербии, Турции, Украине, Финляндии, Швейцарии.

Общей тенденцией является **переход от мажоритарной избирательной системы к смешанной либо полностью пропорциональной**. В последние годы переход от мажоритарной системы выборов к смешанной избирательной системе был осуществлен, в частности, в Монако, а переход от смешанной системы выборов к пропорциональной — в Киргизии, России, на Украине. При этом в Азербайджане в 2002 году на основе результатов национального референдума произошел переход от смешанной избирательной системы к мажоритарной системе организации выборов.

В ряде государств часть депутатов национального парламента, в том числе в рамках двухпалатной парламентской структуры, избирается через фиксированные отрезки

времени (как правило, каждые два-три года) на **ротационной основе**. Например, депутаты палаты представителей Конгресса США (435 депутата) избираются на ротационной основе сроком на два года. Половина избираемых депутатов сената — верхней палаты парламента Казахстана — переизбираются каждые три года. В Аргентине депутаты палаты депутатов избираются прямым всеобщим голосованием на четыре года, причем состав палаты наполовину обновляется каждые два года. Во Франции сенат, состоящий из 321 сенатора, с 2003 года избирается сроком на шесть лет с ротационным обновлением наполовину, а генеральные советы департаментов, избираемые сроком на шесть лет, обновляются наполовину также каждые три года. Единственной страной, в которой должность президента государства замещается на ротационной основе, является Швейцария. Президент Швейцарской Конфедерации — глава государства, избирается из числа членов Федерального совета (правительства) на один год с последующей ежегодной ротацией из числа его членов.

Многие государства, использующие тот или иной вариант пропорционального представительства, имеют пороговые показатели при выборах в парламент — так называемый **заградительный барьер** для допуска политических партий к распределению депутатских мандатов. При этом используются различные комбинации заградительных барьеров — от нулевого до 12,5 %.

Например, в Ирландии, Нидерландах, Финляндии в рамках как мажоритарной, так и смешанной избирательных систем, а также системы одиночного передаваемого голоса какие-либо заградительные барьеры, помимо избирательных, не устанавливаются. В Аргентине, Испании, на Украине установлен заградительный барьер 3 %; в Бельгии, Грузии, Киргизии, Монако, Польше, Сербии, ФРГ — 5 % (при этом в Польше для избирательных коалиций порог установлен в 8 %, а в Грузии в рамках мажоритарной части смешанной избирательной системы — в отношении кандидатов, баллотирующихся по территориальным избирательным округам, — 30 %); в Казахстане¹, России — 7 %²; в Турции и Швейцарии (в отношении верхней палаты) — 10 %; во Франции — 12,5 % для участия кандидатов во втором туре выборов.

При этом в Молдове в 2008 году заградительный барьер для участия политических партий в парламентских выборах был повышен до 6 %. Особая система заградительных барьеров (так называемый «двойной заградительный барьер») использовалась на прошедших в 2007 году парламентских выборах в Киргизии, когда были введены два заградительных барьера: один (5 %), предусмотренный законодательством о выборах, для единого национального избирательного округа, и дополнительный (0,5 %) — решением ЦИК Киргизской Республики — для области (города). В ходе избирательной кампании Верховный Суд Киргизской Республики подтвердил законность введения дополнительного заградительного барьера.

В Российской Федерации законодательство о выборах, конституционность соответствующих положений которого подтверждена решением Конституционного Суда Российской Федерации, предусматривает, что при 7- или 5-процентном (или ниже) заградительном барьере в законодательном (представительном) органе государственной власти в обязательном порядке должны быть представле-

ны не менее двух политических партий с тем, чтобы не допустить установления монополии влияния одной политической партии на государственную власть.

Отсутствие таких норм в законодательстве того или иного государства на практике может привести к ситуации, при которой 100 % депутатских мест в парламенте в результате выборов достанутся по пропорциональной системе одной партии, получившей поддержку большинства избирателей. Примером может служить Казахстан, где на внеочередных выборах депутатов Мажилиса 18 августа 2007 года победила политическая партия «Нур Отан», преодолевшая 7-процентный заградительный барьер, набравшая 88,41 % голосов избирателей и ставшая единственной политической партией, прошедшей в Мажилис.

Вместе с тем нет оснований утверждать, что такой вариант регулирования избирательной системы противоречит международным избирательным стандартам. Это еще раз подтверждает высказанный выше тезис о том, что в регламентации своей электоральной модели каждое суверенное государство обладает широкой дискрецией, пределы которой задаются только необходимостью реального обеспечения избирательных прав граждан и соблюдения взятых на себя государством международных обязательств в электоральной сфере.

Методы распределения депутатских мандатов и принцип пропорциональности. Существуют различные методы распределения депутатских мандатов в соответствии с классическим принципом пропорциональности, которые обеспечивают его реализацию с учетом многопартийности. При существовании небольших партий и необходимости формирования крупных партий используются методы, которые преломляют реализацию принципа пропорциональности в известной мере в пользу мелких партий³. При существовании потребности в формировании многопартийности в виде двух-трех крупных политических партий, которые должны вести политическую (электоральную) борьбу исключительно между собой, используются иные методы или избирательные системы. В частности, метод Д'Ондта (метод наивысшего среднего) является наиболее оптимальным. Данный метод часто и широко применяется в пропорциональных избирательных системах новейшего политического времени.

В целом в избирательном законодательстве используются, например, метод Д'Ондта (метод наивысшего среднего), Имперали (методы наибольшего остатка), квоты Друпа (Хагенбаха–Бишофа), Хэра (Хаара), а также «компенсаторные» депутатские мандаты (для выравнивания пропорциональности между крупными и мелкими партиями), «бонусные» депутатские мандаты (для обеспечения приоритета в формировании устойчивого парламентского

³ Имеется несколько основных разновидностей механизма (методов) обеспечения парламентской представительности мелких политических партий. Так, в рамках **бонусного (итальянского) метода** (так называемого **блокового**) при выборах в Палату депутатов партийная коалиция должна получить 10 %. При этом внутри коалиции политическая партия должна набрать не менее 2 %, чтобы получить депутатский мандат. Политическая партия, которая имеет почти 2 %, также получает депутатский мандат. Политическая партия вне партийной коалиции должна получить 4 %. Если же партийная коалиция получила менее 10 %, но политическая партия в партийной коалиции получила более 4 %, данная политическая партия принимает участие в распределении депутатских мандатов. При выборах в сенат партийная коалиция должна получить 20 % действительных голосов. При этом внутри партийной коалиции политическая партия должна получить не менее 3 %, чтобы получить депутатский мандат. В рамках так называемого **бонусного (греческого) метода (многоступенчатого)** в первом распределении 288 депутатских мест в 56 избирательных округах участвуют все политические партии, выставившие своих кандидатов. Ко второму распределению депутатских мандатов в 13 избирательных округах допускаются только политические партии, набравшие 17 % голосов, двухпартийные политические коалиции — 25 %, коалиции трех политических партий — 30 %. При этом данная система распределения депутатских мандатов предусматривает и «депутатскую премию» для **парламентского политического меньшинства: политические партии, выставившие списки кандидатов в 3/4 избирательных округов и набравшие 2 % голосов, получают 3 депутатских места, от 1 до 2 % — один депутатский мандат.**

¹ В ноябре 2008 г. было принято решение о внесении изменений в указанный Конституционный закон в направлении устранения в парламенте монополии одной политической партии на осуществление государственной власти: в случае если заградительный барьер в 7 % преодолевает только одна политическая партия, то к распределению депутатских мандатов в обязательном порядке привлекается следующая за ней по результатам выборов политическая партия.

² Данное положение реализовано в Федеральном законе РФ от 12 мая 2009 г. № 94-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

большинства и на этой основе определения состава правительства). Кроме того, в партийных списках кандидатов в связи с тенденцией обеспечения равенства политических возможностей для мужчин и женщин в законодательстве ряда стран (на законодательном уровне) введены жесткие требования к чередованию кандидатов одного пола (например, во Франции). При этом такое требование распространяется на все виды выборов представительных органов власти и местного самоуправления.

Так, в Испании списки кандидатов вправе выдвигать партии, коалиции, группы граждан, при этом не менее 40 % кандидатов в списке по округу должны быть одного пола (на всех выборах, кроме в сенат) и не менее 40 % в каждой группе кандидатов внутри списка, состоящей из пяти кандидатов. Данное законодательное положение было обжаловано одной из партий, которой было отказано в регистрации на муниципальных выборах на Канарских островах, так как в список были включены только женщины. 29 января 2008 года Конституционный Суд Испании поддержал такое ограничение и отказал партии в удовлетворении ее требований.

Преференциальное голосование, основанное на использовании так называемых открытых списков кандидатов, выдвигаемых политическими партиями (коалициями), исходит из предоставления избирателю (при голосовании) права определения местоположения кандидата в списке, включенного в избирательный бюллетень. При этом избирателю может быть предоставлена возможность выражения преференции по отношению либо к фиксированному количеству кандидатов в списке, либо ко всему списку кандидатов, либо к кандидатам в различных списках. Кроме того, преференциальные системы голосования используются при проведении не только парламентских выборов, но и выборов выборных должностных лиц, в частности мэров.

Так, в Польше на выборах депутатов сейма — нижней палаты парламента — применяется пропорциональная система в сочетании с преференциальной системой голосования, в рамках которой в пределах каждого списка кандидатов избиратель отмечает *одного* предпочтительного для него кандидата (при этом не имеет значения первоначальное местоположение кандидата в списке). В Бельгии при выборах депутатов палаты представителей избиратель может проголосовать в целом за список кандидатов, проставив знак в квадрате напротив названия политической партии, либо преференциально в отношении кандидатов в списке (преференция предельно широкая — ограничивается только числом кандидатов в списке).

Распределение депутатских мандатов между списками кандидатов производится на основе метода Д'Ондта (наибольшего остатка), при этом внутри списка кандидатов — с учетом преференций, достигающих избирательной квоты, необходимой для избрания (число голосов за список кандидатов делится на число депутатских мандатов в избирательном округе, причитающихся политической партии, + 1). Если избирательная квота не достигнута, то преференциальные голоса передаются кандидату с наибольшим числом голосов и далее по убывающей. При этом в ходе избирательной реформы 2002 года в целях усиления эффекта преференции было установлено, что половина голосов избирателей может быть использована для достижения кандидатами избирательной квоты.

В Ирландии в рамках избирательной системы однокругового передаваемого голоса избиратель вправе проголосовать — в формате преференций — за любое число кандидатов, включенных в избирательный бюллетень. В Испании из 257 сенаторов верхней палаты парламента 208 сенаторов избираются по четырехмандатным избирательным округам и открытым спискам кандидатов,

при этом избиратель имеет право выбора трех кандидатов из списка кандидатов, в том числе из списков кандидатов разных политических партий (то есть применяется так называемое преференциальное панаширование). В Великобритании 10 июня 2004 года при проведении выборов мэра Большого Лондона использовалась избирательная система, в рамках которой избиратель имел два (преференциальных) голоса, которые подсчитывались с использованием соответствующих процедур. При этом в стране продолжается общественная дискуссия о возможности перехода к пропорциональной системе выборов в формате единственного передаваемого голоса (преференциального голосования).

Переход к пропорциональным избирательным системам — основная тенденция электорального развития. В период с 1993 года (когда в Италии был проведен национальный референдум по вопросу о переходе от мажоритарной системы выборов к смешанной избирательной системе) по настоящее время около 30 стран осуществили переход от одной избирательной системы к другой — от мажоритарной к пропорциональной и лишь некоторые — к смешанной системе выборов. Такое положение характерно и для стран СНГ: за последние восемь лет был принят переход к пропорциональным системам, в частности, в Грузии, Казахстане, Киргизской Республике, России, на Украине. Таким образом, ведущей тенденцией развития избирательных систем является переход к пропорциональным и смешанным избирательным системам.

Так, в Италии в настоящее время применяется пропорциональная система выборов на основе региональных списков с рядом порогов (квотный метод), определяющих допуск к распределению мандатов, в том числе используется метод наибольшего остатка. При выборах в палату депутатов был введен заградительный барьер в целом для страны. При выборах в сенат для каждого избирательного округа существует свой заградительный барьер. Как известно, в 1993 году на референдуме был осуществлен переход к смешанной системе выборов, в рамках которой 75 % депутатов избираются в одномандатных избирательных округах в соответствии с принципом относительного большинства, а 25 % — на пропорциональной основе по партийным спискам кандидатов. В декабре 2005 года произошел переход к полностью пропорциональной системе, правда преследующий цель усиления партийных коалиций, а не самостоятельных крупных политических партий.

Для палаты депутатов в 2005 году введен «бонус большинства» для формирования стабильного парламента и правительства в случае, если партия или коалиция изначально не получила 55 %, или 340 депутатских мандатов (ей предоставляется 55 % депутатских мандатов). Сенат — бонусы для каждого избирательного округа. При этом в палате депутатов коалиция должна получить 10 %, партия внутри коалиции — не менее 2 %, чтобы получить мандат. Партия вне коалиции должна набрать 4 %. Если коалиция получила менее 10 %, но партия в коалиции получила более 4 %, данная партия принимает участие в распределении мандатов. В сенате коалиция должна набрать 20 % действительных голосов, а внутри коалиции партия должна получить не менее 3 %, чтобы был мандат. Партия вне коалиции должна получить 8 %. Если коалиция набрала меньше 20 %, но партия в коалиции получила более 8 %, данная партия принимает участие в распределении мандатов.

В настоящее время Европейский парламент избирается на основе национальных законов по правилам пропорциональной избирательной системы (до 2002 г. некоторые страны избирали на основе мажоритарной системы выборов, например Англия).

Основными факторами, оказывающими влияние на переход от одной системы выборов к другой избирательной системе, являются:

1) обеспечение стабильности и эффективности деятельности парламента (как средство против досрочных выборов в условиях прохождения в парламент многих политических партий, в том числе мелких, и образование на этой основе вынужденных парламентских коалиций для обеспечения устойчивой деятельности как парламента, так и правительства, особенно в случаях, когда парламент формирует его состав на основе парламентского большинства);

2) обеспечение максимального учета политического (многопартийного) многообразия как одной из ведущих тенденций европейского электорального наследия;

3) содействие формированию в рамках пропорциональной избирательной системы крупных ответственных политических партий (на этой основе избирательная система призвана играть определяющую роль в обеспечении развития многопартийности, в том числе парламентской)¹ — на это обращено внимание в одном из последних постановлений Конституционного Суда Российской Федерации (2007) по делу о численности политической партии;

4) создание условий для того, чтобы была определена партия парламентского большинства с целью формирования устойчивого правительства (в ряде стран, например в Италии, для достижения указанной цели избирательные системы предусматривают предоставление партии при определенных условиях электорального бонуса (дополни-

тельного количества депутатских мандатов) для формирования правительства);

5) использование заградительного барьера (или квот) для прохождения в парламент определенного спектра и числа политических партий, при этом в ряде стран указанный барьер понижался (до 3 % на Украине), что соответствует одной из последних рекомендаций Парламентской ассамблеи Совета Европы (апрель 2007 г.), в которой признается соответствующим европейскому электоральному наследию установление заградительного барьера, не превышающего 3 %. В других странах такой барьер повышался, в том числе до 7 % (Казахстан, Киргизия, Россия), что также не противоречит европейскому электоральному наследию, поскольку по делу о Турции (2007) Европейский суд по правам человека указал, что 10-процентный заградительный барьер может применяться, если он не препятствует формированию в парламенте политического многопартийного многообразия, то есть не создает политическую монополию одной партии и политических взглядов, а обеспечивает политическое многообразие взглядов гражданского общества. Таким образом, заградительный барьер должен содействовать формированию устойчивого политического многообразия в парламенте, а не препятствовать его формированию и функционированию.

Хочу поблагодарить члена Центральной избирательной комиссии Российской Федерации И. Б. Борисова, начальника Управления общественных связей и информации (УОСИ) ЦИК России И. В. Мостовича и заместителя начальника УОСИ ЦИК России В. И. Лысенко за содействие в подготовке данного материала.

Ю. С. Шемшученко²

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ГАРМОНИЗАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

По мере проникновения человека в космическое пространство актуализируется практическая необходимость в «синхронизации» действия норм национального и международного права, при помощи которых осуществляется регулирование общественных отношений в сфере освоения и использования космического пространства.

Ныне действующая система космического права сложилась в 1960–1970-х годах. Уникальность этого нормативно-правового массива предопределяется спецификой

объекта правового регулирования — общественных отношений в сфере освоения и использования космоса. Таким образом, изначально космическое право представляет собой комплексное образование, объединяющее нормы национального законодательства и международного права.

В основу международного космического права положены следующие правовые акты: Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие

¹ В соответствии с законодательством ряда стран для образования политической партии необходимо соблюдение комплекса организационно-правовых и иных условий, к числу которых, в частности, относится наличие минимальной численности членов политической партии. Минимальная численность различается в разных странах. Например, в 29 странах Европы и Азии требования к минимальной численности членов политической партии следующие: 3 члена политической партии — в Финляндии; 10 — в Венгрии; 20 — в Южной Корее; 30 — в Турции; 100 — в Хорватии; 200 — в Армении, Греции, Словении; 300 — в Грузии; 400 — в Литве; 500 — в Албании, Болгарии, Боснии и Герцеговине, Македонии; 1000 — в Азербайджане, Словакии, Чехии, Эстонии; 10 тыс. — на Украине; не менее 20 тыс. членов, проживающих в не менее восьми территориальных субъектах (областях), включая Республику Каракалпакстан и город Ташкент, — в Узбекистане; 50 тыс. — в Российской Федерации, Казахстане.

Кроме того, в ряде государств установлены иные требования, прямо или косвенно связанные с минимальной численностью членов политической партии. Так, в Законе о партиях ФРГ хотя и прописано законодательное требование о наличии у политической партии определенной численности членов, подтверждающей серьезность ее намерений, сама численность не установлена. В Латвии закреплено, что не менее половины членов политической партии должны составлять граждане Латвийской Республики (учитывая, что членами политической партии могут быть и неграждане как особая (в соответствии с законодательством) группа жителей Латвии). На Мальте членами политической партии могут быть иностранные граждане, однако за девять месяцев до дня голосования на парламентских выборах они утрачивают права членов политической партии (до окончания избира-

тельной кампании). В Польше, Испании, Великобритании, Нидерландах прямых указаний на минимальную численность членов политической партии в законодательстве не содержится. При этом в Нидерландах, например, необходимо, чтобы политическая партия отвечала требованиям, предъявляемым к юридическим лицам, что является достаточным для участия политической партии в выборах. В законодательстве Швеции и Японии отсутствуют какие-либо требования к образованию политических партий, в том числе к минимальной численности их членов. В Италии политические партии не регистрируются как юридические лица. В Бельгии законодательство о политических партиях отсутствует.

В Казахстане в ноябре 2008 г. в законодательство о политических партиях внесены изменения, в том числе в части понижения минимальной численности членов политической партии, необходимой для регистрации, — с 50 до 40 тыс. членов. В России действует Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (в ред. от 12 мая 2009 г.).

² Академик Национальной академии наук Украины, иностранный член РАН, директор Института государства и права им. В. М. Корецкого НАН Украины, доктор юридических наук, профессор.

Автор свыше 800 научных работ, в том числе более 20 книг: «Местные Советы и обеспечение законности», «Человек, природа, закон», «Академическая юридическая мысль», «Государственный и общественный контроль в области охраны окружающей среды», «Правовые проблемы экологии», «Природа и закон» и др.

Академик-секретарь Отделения экологического и аграрного права Академии правовых наук Украины, главный редактор ежегодника научных работ «Правовое государство».

небесные тела (1967); Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство (1968); Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами (1972); Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (1974); Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах (1979).

Оценивая динамику развития космического права, следует подчеркнуть, что за последние десятилетие темпы развития национального космического законодательства превосходили темпы развития одноименного сегмента международного права. Более чем в 20 государствах мира космическое право приобрело самостоятельный отраслевой статус. В ряде стран появились системообразующие законы, регламентирующие правоотношения в космической сфере. Это, в частности, законы Украины «О космической деятельности» (1996), Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии «О космическом пространстве» (1986), Российской Федерации «О космической деятельности» (1993), Южно-Африканской Республики «О космических делах» (1993), Австралии «О космической деятельности и для целей, с ней связанных» (1998) и др.

Более того: наметилась тенденция, связанная с выходом на арену космической деятельности параллельно с государствами новых субъектов — физических и юридических лиц. Речь идет о коммерческой деятельности в областях, связанных с космосом.

Сближение двух нормативных систем — международного и национального космического права — выдвинуло на повестку дня проблему их гармонизации и интеграции. Все более очевидно, что национальное космическое законодательство не в состоянии с единых позиций обеспечить общий правопорядок в космическом пространстве.

В процессе дальнейшего совершенствования международного и национального космического права следует, на мой взгляд, акцентировать внимание как на классических, так и современных проблемах. К классическим, в частности, относятся проблемы правовой терминологии, делимитации космического и воздушного пространства, международно-правового статуса геостационарной орбиты, техногенного загрязнения околоземного космического пространства, разрешения споров и правовой ответственности в рассматриваемой сфере и др.

Космос и контроль над вооружениями

В настоящее время международное право запрещает только размещение на орбите оружия массового уничтожения и испытания ядерного оружия в атмосфере. Использование для военных целей и размещение другого оружия в космосе не запрещены. При этом мировому сообществу удалось избежать милитаризации космоса, а о космических войнах нам известно пока только из кинофильмов.

К сожалению, некоторые космические государства в одностороннем порядке продолжают предпринимать попытки включить космос в зону их национальных интересов, разработать и разместить в космическом пространстве соответствующие военные системы с целью защиты своих интересов.

Техногенное загрязнение околоземного космического пространства

Такое загрязнение опасно не только для космоса, но и для экологии Земли. Речь идет, во-первых, о выбросах продуктов сгорания ракетного топлива в атмосферу, а также при нахождении и перемещении летательных аппаратов на космических орбитах. Во-вторых, по имеющимся оценкам, в околоземном космическом пространстве сейчас находится около 8 тыс. искусственных объектов кос-

мической деятельности. Большинство из них остается в этом пространстве и после выполнения ими соответствующих функций, образуя так называемый космический мусор, представляющий опасность для передвижения космических кораблей и спутников.

Нельзя сказать, что международное космическое право вообще обошло эту проблему. В Договоре о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, в частности, говорится, что государства-участники должны осуществлять изучение и исследование космического пространства таким образом, чтобы избежать их вредного загрязнения, а также неблагоприятных изменений земной среды вследствие доставки внеземного вещества, и с этой целью в случае необходимости принимать соответствующие меры. Аналогичный принцип прописан и в Соглашении о деятельности государств на Луне и других небесных телах.

Но в данных документах этот принцип носит общий характер. Указанные акты принимались тогда, когда экологическая проблема в связи с космической деятельностью была скорее гипотетической, чем практической. Не случайно, в соответствующих документах говорится о предотвращении загрязнения космоса не под углом зрения его использования, а только через призму изучения и исследования. Не ясно также, кто и какие конкретно меры должен предпринимать в соответствующих случаях.

Не вызывает сомнений, что ни одно государство не имеет права в одностороннем порядке принимать решения об осуществлении космической деятельности, в результате которой могла бы измениться окружающая земная среда. В связи с этим представляется целесообразным расширение понятия окружающей среды как в национальном, так и в международном экологическом праве, включение в него в качестве объекта охраны околоземного космического пространства. В контексте концепции управления космическим движением следует закрепить в международном космическом праве обязанность запускающих субъектов по выведению космического мусора на так называемую отлетную орбиту захоронения (200–200 км над геостационарной орбитой).

В более широком плане существует необходимость в принятии международного документа (конвенции или соглашения) о предотвращении потенциально вредных для космоса и земной окружающей среды последствий космической деятельности.

Проблема кодификации международного космического права

Эта проблема не относится к классическим и возникла на рубеже XX–XXI столетий. Она обусловлена, во-первых, недостаточной согласованностью между собой международных актов в этой области; во-вторых, отсутствием стержневого акта для данной отрасли права; в-третьих, наличием пробелов в действующем международном космическом праве; в-четвертых, концептуальными недостатками нынешнего международного космического права, за рамками действия которого оказались такие субъекты космической деятельности, как частные компании и международные неправительственные организации.

Системные изменения в международном космическом праве не произойдут при применении предлагаемых некоторыми западными специалистами метода «латания дыр», то есть путем пересмотра отдельных ключевых понятий международного космического права. Эти изменения, на мой взгляд, должны быть связаны с разработкой и принятием универсальной международной конвенции ООН по космическому праву по типу Конвенции ООН по морскому праву (1982).

М. В. Шмаков¹**ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ КАК ЯВЛЕНИЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ
В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Возрождение России в рамках мирового цивилизационного процесса, радикальная трансформация социально-экономической и духовной реальности влекут за собой изменение всех сторон и аспектов социального пространства. Профсоюзы, составляющие органический элемент этого пространства, сталкиваются с целым рядом вызовов, обусловленных спецификой культурной формации, информационного общества и глобальными мировыми процессами. Кризис традиционной культурной парадигмы, включение локальных обществ в пространство мировой культуры изменили стереотип поведения людей, их менталитет и важнейшие личностные черты и качества, привели к перестройке системы социально-трудовых отношений.

В развитых странах важнейшим достижением профсоюзов к середине XX века стало создание общества, закрепившего такие стандарты, как семейный бюджет, возможность автомобилизации и механизации домашнего хозяйства населения, образования и здравоохранения. Активный и мобильный человек современной культуры получил прочную социально-экономическую основу. Не менее важным достижением рабочего движения явилось завоевание системы социального обеспечения: высоких пенсий, пособий по болезни, безработице, инвалидности, пособий многодетным семьям и т. д.

Наконец, крупнейшим достижением солидарности рабочего движения (и в первую очередь массовых профсоюзов) стали сокращение рабочего дня и увеличение свободного времени. В условиях материального достатка возрос интерес и увеличился доступ населения к образованию, мировой культуре и науке, ко всему духовному богатству, накопленному человечеством.

В длительном историческом плане это главная функция и основное социокультурное завоевание рабочего движения, способствующее переходу к информационному обществу, культуре знаний. Расширилась сфера свободного труда, что позволило людям, работающим по найму, более эффективно овладевать духовным наследием человечества в системе образования. Это, в свою очередь, сказалось на росте умственного и производственного потенциала всего населения. Все это явилось следствием влияния профсоюзного движения как социокультурного феномена современного общества.

Общепризнано, что появление профсоюзов было закономерным итогом развития мировой цивилизации. Зародившись в эпоху индустриального общества, профсоюзы прочно вошли в историю мировой культуры. Появление профсоюзов на арене общественной российской жизни более ста лет назад способствовало ускорению роста гражданского самосознания. В настоящее время профессиональные союзы составляют необходимый и важнейший элемент гражданского общества. Они существовали и будут существовать, пока функционирует система наемного труда, которая неизбежно порождает объективный конфликт интересов между собственником средств производства и собственником рабочей силы — наемным работником.

Логика становления и развития профсоюзов состояла в том, чтобы не дать работодателю произвольно действовать по отношению к работникам. Осуществляя коллективное представительство трудящихся, профсоюзы являются естественными защитниками прав и интересов работающего человека. В то же время функции профсоюзов не ограничиваются лишь защитой интересов наемных работников в социально-трудовой сфере. В орбиту деятельности профсоюзов входит более широкий круг вопросов.

Профсоюзы выступают в одном ряду с другими важнейшими институтами гражданского общества: церковью, политическими партиями, неполитическими общественными организациями. Профсоюзы занимают свое специфическое место в структуре социума. Будучи объединением наемных работников по профессиональному или производственно-профессиональному признаку, они являются самыми массовыми и структурированными общественными организациями. Действуя в базовой для социума системе социально-трудовых отношений, профсоюзы составляют «сердцевину» гражданского общества. Развитие профсоюзов, решивших проблему беззащитности рабочего, стало первой ступенью производственной демократизации, «силовой основой» для будущей системы высоких заработков и создания динамичных массовых рынков качественных товаров.

Программный документ Федерации независимых профсоюзов России «За достойный труд!» по сути ориентирует на формирование принципиально новой культуры социально-экономических отношений. Эта концепция соответствует традициям российской культуры с ее духовностью, нравственностью, постоянным интересом к человеческому фактору. Она представляет собой комплексную систему предложений, направленную на качественный рост оплаты добросовестного и квалифицированного труда; обеспечение занятости трудоспособного населения, безопасных условий труда; соблюдение трудового законодательства; повышение эффективности социального страхования; достойное пенсионное обеспечение; коренное улучшение качества жизни человека; содействие гармоничному развитию работников и членов их семей.

В последние годы благодаря влиянию профсоюзов в российском обществе начал осуществляться процесс гуманизации социально-трудовых отношений, который выражается в отказе от силовых методов разрешения противоречий, активизации переговорных процессов и использовании коллективных соглашений. Данный процесс проходит безболезненно. Главной причиной этого является незрелость гражданского общества в России, в результате чего необходимость диалога между бизнесом, властью и профсоюзами не полностью осознается широкими слоями экономически активного населения, в особенности предпринимателями и большинством чиновников.

Одна из тенденций современной цивилизации — обслуживание прагматических ценностей. Все больше развиваются манипулятивные технологии управления людьми; правящие элиты пытаются вытеснить законы справедливости на «обочину» цивилизации, выработать не пути решения социальных проблем, а способы наиболее эффективной манипуляции обществом. Пытаясь подменить профсоюзы, работодатели все чаще позиционируют себя как социально ответственный бизнес, предлагая будущему работнику «полные социальные пакеты». Работодатель стремится доказать работнику неэффективность и ненужность такого института, как профсоюз.

¹ Председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеевропейского регионального совета Международной конфедерации профсоюзов, почетный профессор СПбГУП.

Координатор Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ. Автор многих публикаций по проблемам трудовых и социальных отношений.

Особенно актуальными эти явления становятся в контексте процессов дегуманизации общества, когда свободный рынок рассматривается как самодовлеющая ценность. В данной социокультурной парадигме остается без внимания то, что новая товарная масса создается при активном участии духовной культуры человека, его идеалов, моды, науки и религии, искусства и образования, то есть является духовным и интеллектуальным производством. В подобной ситуации на профсоюзы ложится обязанность отстаивать духовно-культурные ценности.

Идеология либеральной экономики деформирует представления общества о происходящем: если все зависит лишь от накопления и инвестирования частных капиталов, то даже криминальные эксцессы в современном развитии якобы должны восприниматься гражданами как естественные бедствия неизбежной эпохи первоначального накопления капитала, как оправданная необходимость, против которой нелепо бороться. К сожалению, мы сталкиваемся с подобными проблемами и в России. Немалое число предпринимателей исповедуют в отношении работников принципы, более характерные для периода конца XIX — начала XX веков. На некоторых предприятиях сферы частного бизнеса господствуют отношения периода существования «дикого» капитализма, когда работник был полностью бесправным по отношению к работодателю. По сути, работодатели воссоздают формулы старой экономической модели, нацеленной на достижение максимальной прибыли и игнорирование духовно-нравственных аспектов экономики. Саботируя создание и функционирование профсоюзных организаций, работодатели неизбежно порождают социальную напряженность, дискредитируя саму идею построения социального государства.

Статистика свидетельствует, что сложившаяся в России рыночная экономика с трудом «выдерживает» даже необходимые социальные расходы. 15 % населения страны живут за чертой бедности, а по таким показателям, как продолжительность жизни, уровень образования, потребление на душу населения, Россия занимает 70-е место в мире. В то же время для устойчивого (бесконфликтного) поступательного развития гражданского общества, как показывает практика развитых стран, средняя зарплата должна превышать нормально рассчитанный минимальный потребительский бюджет не менее чем в 2,5 раза, а пенсия — в полтора раза. В условиях, когда 30 % населения живут за чертой бедности, велика опасность социального конфликта.

Серьезные нарекания вызывает методика расчета минимальной потребительской корзины. Она была разработана еще в 1953 году, и с тех пор практически не менялась. Экономические показатели приобретают более широкий социально-культурный смысл. Ведь кардинально изменились экономика и стандарты жизни. Появились платное образование и медицина, платные дошкольные учреждения и различные услуги, коммерческое жилье. Именно поэтому требуется пересмотр размера потребительской корзины. Занимая стабилизирующую позицию, профсоюзы не дают разрушить социальный мир, довести людей до отчаяния.

В Конституции Российская Федерация характеризуется как социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Мы считаем, что труд должен быть высококвалифицированным, высокоинтеллектуальным, безопасным, экологичным, эффективным с точки зрения как производства, так и оплаты.

Во многом успех деятельности профсоюзов зависит от использования современных социально-культурных, коммуникационных и других технологий. Наши социальные оппоненты в достаточной степени вооружены данны-

ми технологиями и эффективно используют их в борьбе с профсоюзным движением. Убежден, что наша задача — соответствовать этим вызовам времени.

Это особенно важно в условиях увеличения числа конфликтов в социально-трудовой сфере, вызванных наступлением глобального экономического кризиса. В полноценном гражданском обществе обязательно должны присутствовать встроенные механизмы прогнозирования, предупреждения, разрешения конфликтов на базе согласования интересов различных социальных групп.

Международный опыт показывает, что успех примирительных процедур во многом зависит от уровня подготовленности и компетентности независимых посредников. До 60 % конфликтов в США разрешаются через систему досудебного разбирательства, ADR (альтернативные формы решения правовых конфликтов). В 85 % случаев согласительные процедуры заканчиваются разрешением спора. Нередко этот механизм называют весьма эффективной процедурой с низкой степенью риска.

В системе гуманитарного образования России отсутствует подготовка трудовых арбитров, тогда как в жизни общества и человека социально-трудовые конфликты становятся нормой повседневной жизни или, по крайней мере, нормой повседневного ожидания конфликта.

Разрешить возникшее противоречие между объективной потребностью в специалистах, способных диагностировать, предотвращать, улаживать социально-трудовые конфликты, и отсутствием формального статуса данной профессии на рынке труда предлагается за счет подготовки специалистов в области осуществления трудового арбитража, подготовка которых будет проводиться на базе Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов.

Сильные, хорошо организованные и вооруженные современными социально-культурными технологиями, профсоюзы должны играть более активную роль в системе социального партнерства.

Россия всегда отличалась тем, что преодолевала трудности коллективно. Социальное партнерство как конструктивный и консолидирующий институт, стабилизирующий фактор развития государства и общества полностью соответствует российской национальной традиции и выступает как коллективный консолидирующий институт. Значение этого института многократно возрастает в условиях отмечаемого сегодня замедления экономического роста, ухудшения внешних конъюнктурных условий из-за снижения цен на основные товары российского экспорта, снижения темпов роста реальных доходов граждан.

Необходимо объективно анализировать причины и масштабы кризиса, расчетливо оценивать резервы и рационально использовать их для принятия взвешенных и действенных решений. По нашему мнению, имеет смысл соотнести оплату труда руководителей, топ-менеджеров со средней заработной платой персонала предприятия, наподобие того, как это сегодня решается при введении новых систем оплаты труда для работников бюджетных учреждений. В этот кризисный период предприниматели могли бы взять на себя обязательства по ограничению доходов топ-менеджеров, дивидендов и бонусной политики.

Необходимо отметить, что на первом этапе развития системы социального партнерства профсоюзы не ощущали поддержки государства, которое считало себя заинтересованным в формировании класса новых работодателей. Однако в последние годы был выработан новый подход к сложившейся ситуации, правила нового стратегического поведения во взаимоотношениях между социальными партнерами. Во многом это произошло благодаря профсоюзам, последовательно отстаивающим идею об ошибочности несправедливого патронирования бизнеса

как единственной опоры государства — в ущерб социально-экономическому балансу.

Обществу необходимо установить баланс между интересами предпринимателей, работодателей и работников. Если в общественном мнении не возобладает идея социального мира, то это может спровоцировать нарастание глубоких социальных конфликтов. Заинтересованность работников в результатах труда, отсутствие каталлизмов — важный фактор для развития экономики. Незаинтересованный работник — неэффективная экономика. Участие в выработке норм и традиций мировой культуры одновременно означает и развитие массовой социальной базы процесса демократизации.

Из сказанного очевидно, что для создания условий высокоуровневого гражданского общества необходим диалог государственной власти всех уровней, объединений работодателей и профсоюзов, совместное участие профсоюзов в регулировании социально-трудовых отношений. Все это предполагает совместность деятельности профсоюзов и государства по обеспечению членам общества достойного прожиточного минимума, благоприятных условий труда для наемных работников, их защиты от негативных воздействий рыночной экономики.

Государство, провозгласившее себя социальным, прежде всего должно быть цивилизованным. Оно базируется на государственном праве, признании и реализации в полном объеме основных свобод человека в сочетании с действительно демократическими отношениями в экономике и обществе. Идеальное социальное государство должно находить оптимальный баланс между возможностями рыночного саморегулирования экономики и государственным регулированием в интересах социальной защищенности наиболее уязвимых слоев и групп населения. Такое государство создает благоприятные организационные и правовые условия для реального участия работников в выработке и социальной экспертизе управленческих решений органов власти, имеющих социальную ориентацию.

Профсоюзы выступают за ориентацию социального государства на духовное, культурное и нравственное развитие граждан. По нашему мнению, идеологической установкой гражданского общества должен стать трудовой образ жизни — как основа благосостояния и развития.

Будучи частью международного профсоюзного движения, профсоюзы России выступают как равноправный субъект мирового диалога культур и цивилизаций. Мы живем в эпоху глобальной экономической интеграции, и ни одна из стран в одиночку не справится с проблемами мирового развития. Преодолению финансового

кризиса должны сопутствовать скоординированные международные действия, направленные на стимулирование роста и создание новых рабочих мест, предотвращение угрозы мирового спада, ориентацию экономики к справедливому и устойчивому развитию. Решение этих задач невозможно без участия представителей трудящихся и учета профсоюзной солидарности в обеспечении глобальных прав людей на достойный труд. Идеология социальной ответственности и социального партнерства должна стать основополагающей в деятельности международных организаций, призванных регулировать и осуществлять международные отношения во всех сферах и формах проявления.

Сегодня весь мир вынужден переосмысливать идеологию традиционного капиталистического мироустройства, заниматься поиском более справедливой модели общества. Человечество стоит на пороге разработки новой архитектуры мировой экономической и финансовой системы. В ноябре 2008 года на встрече лидеров мирового профсоюзного движения была принята Вашингтонская декларация глобальных профсоюзов. Ее можно расценивать как стратегический программный документ, определяющий основные направления действий и требований профсоюзов к своим правительствам в условиях мирового кризиса.

В Декларации указывается, что главной угрозой социальной сплоченности является растущее в условиях кризиса неравенство. Его основная причина — кризис справедливости распределения, приведший к деградации глобальной экономики. Декларация определила в качестве генерального направления противодействия глобальному кризису укрепление реального сектора экономики, финансовых стабилизаторов, таких как: программы пособий по безработице, программы создания рабочих мест, рост занятости, заработной платы. *Наступило время инвестиций в людей — в их образование и здоровье, всестороннее культурное развитие.*

В новой культуре среди предпосылок экономического развития на первое место выходит человеческая способность к творческому труду, следовательно, политические и социальные условия, позволяющие ее реализовать. Являясь значимой частью мировой культуры, профсоюзы должны вернуть уважение к честному труду, возведя его на пьедестал почета. Только так можно будет достичь гармонизации отношений индивида и общества, соблюдения прав личности и общечеловеческих ценностей. Международная солидарность профсоюзов — это «продукт» распространения мировой культуры и включения стран в мировой рынок.

Н. П. Шмелев¹

ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА

Древние греки чтити две заповеди: «Ничего слишком» и «Мера превыше всего». Со временем эти истины были забыты. В результате в России произошло столк-

¹ Академик РАН, директор Института Европы РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор.

Автор свыше 70 книг: «Авансы и долги. Вчера и завтра российских экономических реформ», «Европа вчера, сегодня, завтра», «Европа и Россия. Опыт экономических преобразований», «Европа и Россия: проблемы южного направления. Средиземноморье–Черноморье–Каспий», «Международные отношения» и др. Автор романов «Сильвестр», «В пути я занемог», сборников рассказов и повестей «Последний этаж», «Спектакль в честь господина первого министра», «Пушкинская площадь», «Ночные голоса» и др. Произведения Н. П. Шмелева изданы в переводе на французский, испанский, английский, немецкий, итальянский, шведский языки.

новение двух крайностей — манеры жить и торговать. Если у нас появляется бутик, то в нем работают как минимум два охранника, пять продавщиц и кассир. Продает один раз в день какому-нибудь «простофиле» штаны за неоправданно большие деньги и продолжают скучать. Такие бутики, живущие за счет большой наценки, — суть нашей экономики.

В Америке наблюдается другая крайность: практически вся (95 %) финансовая сфера Америки имеет мизерную прибыль и обслуживает сама себя. Именно поэтому обрушился их «бумажный Эверест»: ценные бумаги, в основе которых лежали ипотечные долги американцев, перепродавались по многу раз. В отличие от российского,

американский бизнес основан на обороте денежных средств, а не на завышенной единичной прибыли. Каждый американец хотел заработать на ценных бумагах. Из-за того что были маленькие наценки, находились покупатели. Ценные бумаги постоянно перепродавались. От одной бумаги зависела судьба еще десяти. Обесценилась первая — обесценились и остальные. И дальше действие этой зависимости одного от другого — по принципу домино — распространилось по всему миру. Кто-то просто не вернул вовремя долг.

Можно ли было предвидеть современный кризис? В США можно было предвидеть, в России — нет. Мы могли бы избежать кризиса, только вернувшись в Средневековье: закрывшись от всего мира и введя монополию на внешнюю торговлю. Это мы уже проходили, когда 70 лет были отгорожены от всех «железным занавесом». Россия провозгласила социально ориентированную экономику. Это хорошо, но сразу ее не удастся построить. Последние 10–15 лет российская экономика была самой (!) социально несправедливой среди всех цивилизованных государств. Постоянное недоверие друг к другу, к бизнесу и государству родилось во время работы правительства Гайдара, которое лишило население 95 % их сбережений. Даже Сталин в 1947 году «отнял» в два раза меньше. Как положительный расцениваю тот факт, что государственные гарантии по банковским вкладам физическим лицам распространяются на суммы до 700 тыс. руб. Хотя можно было бы позволить предоставление 100-процентных гарантий, как в некоторых странах Европы. Массовое доверие к финансовой системе можно вернуть лишь с помощью госгарантий. Без рынка и кредитов современную экономику уже нельзя представить.

Прибыль крупных компаний, которые сейчас государство пытается спасти и которые жили исключительно за счет кредитов, вкладывалась в землю, здания, яхты и футбольные клубы (причем это только то, что на поверхности). На геологоразведку нефтяных месторождений средства почти не выделяются — значит, через 10–15 лет страна останется без сырья. Может быть, внуки современных олигархов будут вести дела более интеллигентно. А на данный момент можно констатировать отсутствие культуры богатства, вкуса, манер. В России устроили Куршевель...

И подобная воровская психология «работает» во многих отраслях. Например, в качестве помощи были выделены деньги, что сразу послужило поводом для подозрений, что часть денежных средств обменяли на доллары и увезли за границу. Государство спасает такие крупные компании вынужденно. Нашу экономику (80 % валового внутреннего продукта) определяет олигархический капитал — это стратегическая ошибка предыдущих десятилетий. И если позволить разориться крупным заемщикам, то «рухнет» экономика в целом. Здесь возникает другой вопрос: почему крупные компании занимали деньги на Западе, а не в России? Почему в нашей стране кредит выдавался под 10–15 % годовых (сейчас — 20–25 %), а в Лондоне — под 6–7 %? Так что нельзя винить во всем только бизнес.

Рассмотрим кредитные ставки по ипотеке. В США 2–3 % годовых оказались опасными, а в России более 20 % — непосильными. Русский бизнес — «жлобский» по натуре. Нереальные условия ипотечного кредитования приведут к тому, что принятая во всем мире система в России не приживется. Поэтому ипотека должна субсидироваться (частично финансироваться) государством, как это происходит во многих странах, которым удалось решить жилищный вопрос. Приемлемая ставка ипотечного кредитования — 5–6 %.

В Европе за 12 месяцев инфляция снизилась с 3,7 до 2,3 %. А в России официальный прогноз на 2009 год — до 15 %. Может быть, на российскую экономику кризис

действует по-особому? Оказывается, нет. Имеются другие причины столь высокой инфляции. Зарплаты россиян в 5–6 раз ниже, чем у европейцев, а наценка на товары иногда доходит до 80–100 % и выше. Это не влияние кризиса, а бандитизм. Нельзя, чтобы квадратный метр жилой площади стоил 6 тыс. долл.! 1500 долл. — красная цена.

Проблема — в человеческом факторе. Это поколение бизнесменов безнадежно избаловано заоблачной прибылью: в сфере строительства годовая прибыль достигает 600 %, в энергетике — 300 % и т. д. В кругах предпринимателей распространено мнение, что если он не обеспечил себе 100-процентной прибыли, то, значит, не слишком умен. А за рубежом 10–15 % прибыли — это удача. Возникает вопрос: зачем отечественным бизнесменам вкладывать деньги в перспективные отрасли, если им и так хорошо живется? Без развития несырьевых отраслей у нас не будет нормальных, адекватных цен. России останутся картельные сговоры, от которых, кстати, Америка давно отказалась. В США, если суд подтвердит факт сговора, предпринимателей жестко наказывают. А предпринимаемые в России антимонопольные меры вызывают усмешку.

В условиях мирового кризиса многие государства, спасая свои компании, фактически их национализуют. Возникает интересный вопрос: возможна ли последующая волна приватизации? Я думаю, скорее всего будет практиковаться государственно-частное партнерство. До тех пор пока предприниматели не научатся вести бизнес цивилизованно (хотя я согласен с тем, что Дерипаска работает намного эффективнее министра промышленности и торговли), можно вернуть предприятия государства, а затем снова продать. В Великобритании именно так и поступают: предприятия то приватизируют, то национализуют. Одно замечание: следующий раунд приватизации надо проводить с учетом ошибок 1990-х годов: тогда Российская Федерация заработала всего лишь 9 млрд долл., а отстала по сравнению с нашей страной Боливия — в 10 раз больше.

Несколько слов о проблеме России как сырьевого придатка Запада. Эта угроза до сих пор существует. В Германии не развиты фундаментальные науки, потому что три поколения назад они выгнали ученых. Половину кадрового состава американского концерна «Боинг» составляют россияне, потому что в России бюджет всей науки всего 150 млн долл., а в то же время выделялось по 6 млрд долл. в год под видом таможенных субсидий ветеранам-афганцам. В настоящее время в науку вкладываются большие инвестиции. Но их хватит лишь для того, чтобы подержать оставшихся с советских времен ученых. Средств для привлечения молодых ученых пока не выделяется.

Другая проблема связана с развитием российского малого бизнеса. Принятые в пользу малого бизнеса законы — это положительный момент. Но главное — изменить мировоззрение. Отношение к рабочим и крестьянам у «высшего» бизнес-сословия остается пренебрежительным. Раньше в России господствовал бандитский рэкет, а сейчас — чиновничий беспредел. В Японии малый бизнес стал развиваться только тогда, когда банки стали рисковать и вкладывать средства в развитие перспективных бизнес-проектов (без процентов). На мой взгляд, именно малый бизнес может спасти российское село.

Каковы прогнозы развития ситуации? Каких ошибок нельзя допускать именно сейчас? На мой взгляд, одна из угроз связана с нехваткой средств. Резервы безграничны, а в неделю тратится по 15–20 млрд долл. Но не исключено, что Россия извлечет из кризиса и положительные моменты. Бизнесменам, чтобы выжить, придется меньше думать о махинациях и больше о спросе на товары, которые производят их предприятия. Если люди не будут покупать их продукцию, то у них не будет прибыли.

Эберхард Шнайдер¹

ОТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР К ДИАЛОГУ РЕЛИГИЙ

По окончании холодной войны в мире стали более отчетливо проявляться культурные различия. Они существовали и ранее, но скрывались за острыми противоречиями между Востоком и Западом. Субъектами современных конфликтов в большинстве случаев являются стороны, принадлежащие к разным культурам.

Диалог культур на международном уровне

К преодолению политических и экономических противоречий и принятию компромиссных решений можно прийти только по доброй воле всех конфликтующих сторон. Это невозможно в культурно обусловленных конфликтах. Принадлежность к определенной культуре определяет идентичность человека. Нельзя говорить об идентичности, приводя их к общему знаменателю.

Это означает, что политики не могут разрешать культурно обусловленные конфликты. Часто эти конфликты восходят корнями не к культурным различиям, а являются сопровождающим элементом в обосновании политических, экономических и социальных противоречий. Вместе с тем переплетение культурных различий затрудняет принятие компромиссного решения. Даже если при рациональном анализе все конфликтующие стороны пришли бы к компромиссу, из-за культурных импликаций это скорее всего было бы расценено как измена собственной культуре.

По той причине, что культурные различия могут использоваться для обоснования конфликтов, диалог между культурами крайне необходим. Он не может вестись только между элитами, так как они иногда преувеличивают в конфликтных ситуациях — часто умышленно — роль культурных различий, чтобы усилить мотивацию населения в конфликте. Поэтому этот диалог должен происходить по возможности на более широкой основе. В этом случае маловероятно «втягивание» людей в массовые конфликты под предлогом защиты собственной культуры.

Сутью культурной личности нередко является религия, так как различные культуры возникли из религии. Религия — это личный момент для каждого отдельного человека. Если язык, история, обычаи, нравы и обряды относятся к культуре, то религия содержит критерии оценки, которыми руководствуется религиозный человек. Невозможно вести переговоры о культурных различиях, тем более о религиозных. Если в конфликте культурные импликации затрудняют переговоры, то они едва ли продвигаются, если религиозные различия будут решающими в этом конфликте или если они осознанно выдвинуты конфликтующими сторонами на передний план.

Диалог между культурами затруднен, если государства или государственные группы принадлежат к различным культурным кругам и в отношениях между государствами существует напряжение. Диалог становится еще более трудным, если *государственная группа* в культурно обусловленном конфликте демонстрирует подавляющую экономическую и военную силу. Тогда вторая сторона

конфликта будет делать акцент на культурных различиях и может отмежевываться с их помощью от другой культуры.

Внутренний диалог культур

Сверхсложным является диалог культур в пределах государства. Представители разных культур, если желают, ведут его каждый день. Если субъекты культурных меньшинств имеют более низкий уровень образования, чем представители преобладающей культуры, то во время экономического кризиса внутренние культурные напряжения получают дополнительную «бризантность».

Культурное напряжение в пределах государства обостряется также в том случае, если представители культурных меньшинств прибегают к фундаменталистской интерпретации своих религий. С требованием вернуться к первоначальным источникам религии законы и заповеди без исторического контекста, без учета современности переносятся в настоящее время. В противоположность требованию обратиться к истинному учению в большинстве случаев возникает фундаменталистская религиозная идеология, преследующая целью регулирование всех сфер жизни общества. Борьба с воспринимаемой несправедливостью объявляется частью всемирно-исторической войны между добром и злом. Наша эпоха объявляется стоящей на пороге конца света. Высвобождается небылая готовность насилия — готовность ради святого дела без страха жертвовать чужой и собственной жизнью.

Заключение

Из этого следует, что диалог культур — дело не только политики. Политика может лишь создавать для его проведения общие условия и содействовать ему. Но не более того. Этот диалог по возможности должен вестись многими людьми и непрерывно, так как с существующими сегодня невежеством и предубеждениями нельзя покончить за один день.

В период экономического кризиса политика не должна поддаваться искушению использовать недовольство людей, вызванное недостаточностью антикризисных мероприятий (они могут быть недостаточными объективно или субъективно считаться таковыми), направлять его против групп меньшинств в государстве, обвиняя последних во всех грехах. Меньшинства не должны являться «громоотводами» для недовольства населения большинства.

Религии также должны вести диалог. Каждая религия служит истине и добру. Она желает привести своих сторонников к спасению. В конечном счете речь идет о человеке и его трансцендентальной ориентации. Но вся религия имеет общего «врага» — возрастающую секуляризацию мира, отказ от трансцендентальных ценностей и погружение в чистую посясторонность. Возможно, религии могли бы созвать Всемирный собор, на котором они обсудили бы вопрос об общей перспективе человеческих ценностей, что могло бы стать неопределимым вкладом в процесс создания интеркультурного мира, характеризующегося большей справедливостью.

¹ Профессор политологии Университета г. Зиген (Германия), доктор философии. Известный специалист в области внутренней политики России и бывшего СССР, до 2006 г. являлся ведущим аналитиком Германского института международной политики и безопасности (Institut für Internationale Politik und Sicherheit) Фонда науки и политики в Берлине. Главный редактор еженедельного бюллетеня «Россия: актуальная внутренняя политика» (Германия). Член Консультативного совета Независимого центра европейско-российского сотрудничества «ЕС-Россия» в Брюсселе. Автор книг: «Политическая система России» (Das politische System der Russischen Föderation), Das politische System der Ukraine и ряда научных статей.

Юрген Штрауб¹

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ — КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Введение

Термин «межкультурная компетенция» широко известен и часто используется в научной литературе, однако в современном глобализованном и, так сказать, «глокализованном» мире данное понятие еще недостаточно прояснено. Я рассматриваю межкультурную компетенцию с точки зрения культуры в широком смысле слова. Изучая это понятие, я опираюсь на научные исследования, особенно в области психологии, проведенные учеными Европы и Северной Америки. Что касается исследователей в этой области из других регионов мира, то они в основном поддерживают теории так называемой современной западной психологии.

Межкультурная компетенция — общее понятие, созданное для анализа и лучшего понимания практических глобальных проблем в многонациональном обществе и при межкультурном обмене. Кроме того, межкультурная компетенция может оказать существенную помощь при решении проблем, возникающих вследствие культурных различий (иными словами, проблем общения представителей разных культур). Соответственно многие аспекты понятия «межкультурная компетенция» играют важную роль в различных научных дебатах, политических и общественных взаимоотношениях. Часто межкультурная компетенция рассматривается как одно из важнейших понятий XIX века. Очевидно, что умение конструктивно применять знания о культурных различиях в общении становится все более необходимым в современной жизни. Однако, несмотря на это, структура и значение такой сложной личностной категории, как межкультурная компетенция, остаются мало и плохо изученными.

В данной статье представлен концептуальный анализ, обсуждаются некоторые теоретические положения, даются определения и модели межкультурной компетенции, в первую очередь с точки зрения психологии. С помощью прагматического анализа многие современные неясные и спорные вопросы обретают очевидные ответы. В то же время результаты работы могут помочь определить плодотворные и инновационные перспективы изучения и развития рассматриваемой компетенции в межкультурном диалоге.

Важность культурных различий

Если какие-либо социальные группы или индивиды считают себя непохожими на других, четко разграничивают и отделяют себя или свою группу от прочих, это означает, что у них существует ясное представление о различиях, включающее психосоциальное значение зафиксированных отличий². В настоящее время такие группы также утверждают, что обладают культурными отличиями, ссылаются на необходимость учитывать это в многонациональном обществе и считают применение знаний об отличиях основным условием межличностного и межгруппового общения, сосуществования и сотрудничества. По их мнению, незнание культурных особенностей или нару-

шение культурных обычаев может привести к серьезным последствиям, мешающим плодотворному общению.

Общезвестно, что те, кто не признает, игнорирует, неправильно интерпретирует такие отличия, скорее всего потерпят неудачу при общении или попадут в неловкую ситуацию. То есть с самого начала успешное общение, сотрудничество или сотрудничество могут не состояться. Не принимая во внимание или не пользуясь элементарными практическими приложениями культурных отличий между разными группами и сообществами, мы рискуем столкнуться с неразрешимыми по своей сути проблемами и конфликтами. Не признавая права на существование культурного многообразия с когнитивной, эмоциональной или практической точек зрения, можно оказаться в ситуации взаимонепонимания или отторжения. Таким образом, цели и задачи общения не будут достигнуты.

Культурные отличия в науке представляют собой проблему особого рода — не только в контексте практического межкультурного общения, но и в тех случаях, когда различные группы заявляют о том, что лишь они обладают знанием истины, и это требует научной проверки³. Правильно интерпретировать и оценить культурные особенности поможет понятие «межкультурная компетенция», которое потенциально настроено на восприятие соответствующих отличий.

Однако не всегда ясно, что именно подразумевается под данным понятием. Существует множество гипотез и предположений на этот счет. Разработкой данного вопроса занимались многие области науки, особенно скрупулезно и тщательно старались изучить эту проблему в лингвистике и межкультурной коммуникации, социологии, а также в психологии⁴. Но прежде чем начать рассмотрение важных аспектов исследуемого понятия, необходимо определить значение термина «культура».

Культура как форма жизни:
к вопросу о развитии понятия

Понятие культуры в данной работе рассматривается отнюдь не с точки зрения культур наций или более крупных образований во времени и пространстве (таких как западная, европейская или христианская, арабская или исламская культуры и прочие современные цивилизации). Напротив, к таким глобальным представлениям о культуре следует относиться скептически, особенно принимая во внимание факт культурной дифференциации и многогранности современных сообществ и постоянно меняющихся в пространстве границ. В последнее время подобное мнение высказывается все чаще.

³ Для изучения этого вопроса с точки зрения психологии см.: Chakkarath P. What can Western Psychology Learn from Indigenous Psychologies? Lessons from Hindu Psychology // Friedlmeier W., Chakkarath P., Schwarz B. Culture and Human Development: The Importance of Cross-Cultural Research to the Social Sciences. N. Y., 2005. P. 31–51; Idem. Kulturpsychologie und indigene Psychologie // Straub J., Weidemann A., Weidemann D. Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kompetenz. Grundbegriffe — Theorien — Anwendungsfelder. Stuttgart, 2007. P. 237–249; Misra G., Gergen K. J., Glueck A. Psychological Science in Cultural Context // American Psychologist. 1996. № 51. P. 496–503; Misra G., Mohanty A. K. Perspectives on Indigenous Psychology. New Delhi, 2002; Misra G., Srivastava A. K. Rethinking Intelligence: Culture and Conceptualization of Competence. New Delhi, 2007.

⁴ Более подробную информацию можно найти в работах: Lustig M. W., Koester J. Intercultural Competence. Interpersonal Communication Across Cultures. Boston, 2003; Straub J. Kultur // Straub J., Weidemann A., Weidemann D. Op. cit. P. 7–24; Idem. Kompetenz // Ibid. P. 35–46. По проблематике межкультурной компетенции см.: Thomas A. Interkulturelle Kompetenz // Erwägen — Wissen — Ethik. 2003. № 14 (1). P. 137–150; вводную лекцию: Bolten J. Interkulturelle Kompetenz. Erfurt, 2001; Lüsebrink H. Interkulturelle Kommunikation. Stuttgart, 2005.

¹ Профессор, заведующий кафедрой социальной теории и социальной психологии факультета социальных наук Университета г. Рур (Германия), доктор философии.

Автор около 200 публикаций, в том числе книг по проблемам межкультурной коммуникации и компетентности, качественным исследованиям и использованию биографического метода в гуманитарных науках, теории действия, проблемам идентичности и нарративному анализу, культурной психологии и культурной антропологии: Verstehen, Kritik, Anerkennung. Das Eigene und das Fremde in den interpretativen Wissenschaften; Historisch-psychologische Biographieforschung. Theoretische, methodologische und methodische Argumentationen in systematischer Absicht и др.

² Tajfel H. Human Groups and Social Categories. Studies in Social Psychology. Cambridge; N. Y.; Melbourne, 1981.

На современное понимание концепции культуры существенное влияние оказал Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803). Однако его взгляды часто подвергаются резкой (часто необоснованной и несправедливой) критике, поскольку его точка зрения упрощает и старается свести к общему знаменателю вышеупомянутые развитые цивилизации и национальные культуры. Помимо прочего, Гердеру ставят в вину, что он рассматривал и описывал культуры как статичные образования, как будто культуры такие же неизменные явления, как предметы или объекты. Однако мы можем привести много примеров, когда культуры создаются и распадаются, восстанавливаются и утверждаются, противопоставляя себя прочим альтернативным, конкурентным «образованиям»; находятся в постоянном процессе общения, испытывая иногда мелкие конфликты и неурядицы и изменяясь иногда совсем незаметно.

Кроме того, в современном мире часто подвергается нападкам концепция, с одной стороны, рассматривающая культуру как латентную и замкнутую форму, своего рода остров или архипелаг, закрытый от внешнего мира; а с другой стороны, считающая культуру неизменной субстанцией, исключая ее из течения времени, не анализирующая ее с исторической точки зрения, как будто характерные черты какой-либо культуры даны навечно и не восприимчивы к любым внешним влияниям, практически постоянны. Это очень спорная позиция, особенно в тех случаях, когда культурная принадлежность расценивается как этническое происхождение и рассматривается с биологической, природной точки зрения¹.

Все эти возражения принято считать справедливыми и правомочными. Благодаря им несколько десятилетий назад наука сформулировала более гибкую концепцию культуры, адекватно отвечающую условиям современной жизни в глобализованном мире². Согласно новой концепции культура есть открытая, подверженная историческим изменениям, динамичная система, обеспечивающая своим представителям ряд определенных практических способов когнитивной ориентации. Она помогает своим представителям консолидироваться, образовывать структуры, организовываться, управляет мышлением, эмоциями и желаниями, дает опыт и способы действия. Таким образом, действия и поступки тех, кто имеет одинаковое мировосприятие, ведет схожую духовную жизнь, представляет единую культуру, а соответственно единое языковое пространство, становятся взаимно скоординированными и взаимосвязанными.

От представителей одной культуры можно ожидать заранее предсказуемых действий и реакций. Их действия будут основаны на их культурных ожиданиях, исходя из жизненного опыта. Это способствует надежности, доверию и дает возможность предугадать поведение, не начинать каждый раз заново коммуникативный анализ. Культура избавляет нас от неприятной необходимости постоянно сопоставлять и сравнивать образцы поведения. Она направляет действия в знакомое русло привычных поступков, о которых мы можем рассказать друг другу, достичь единых совместных целей и задач (применяя для этого культурно значимые средства). Культура дает нам свод правил, применяемых в повседневной жизни или в определенной сфере деятельности. Часто мы должны применять их, чтобы избежать неприятных и неприемлемых последствий, например наказания. Культура создает более или менее устойчивую реальность, но в то же время

открывает новые возможности для «включения» воображения и фантазии, а также инициативы и сообразительности. Одновременно она ограничивает наш выбор, в той же мере, в какой предоставляет возможность его сделать. Культура разделяет достижимое и невозможное, она определяет наше чувство действительного и возможного.

Обычно это происходит едва заметно для сознания, часто на подсознательном уровне. Знания, которые представители определенной культуры получают в результате роста, развития и жизненного опыта, обучения и общения с другими представителями той же культуры, зачастую остаются неосознанными и не воспринимаются непосредственно. Их можно считать осознанными, эксплицитными, дискурсивными лишь частично. В основном это бессознательные, имплицитные, практические, не выраженные словами знания. Мы ощущаем их скорее физически, а не как рациональные средства, с помощью которых мы размышляем, обдумываем и планируем наши действия. Они помогают нам ответить на вопрос «как?», но не на вопрос «что?». Эти знания предоставляют возможность совместной деятельности, сотрудничества, способность принимать участие в коллективных видах деятельности, языкового общения без особых раздумий над тем, как и почему они действуют тем или иным образом.

Основные модели нашего поведения на знании культурных особенностей, мы говорим и действуем естественно, не задумываясь над этим, не оценивая наше поведение на сознательном уровне восприятия. Мы просто оставляем все рассуждения на невысказанном, подсознательном уровне. Часто мы воспринимаем эти знания осознанно только при общении с представителями совершенно иной культуры, не похожей на нашу, кажущейся нам странной и чужой. Только что-то непонятное и непривычное заставляет нас осознать свое, родное, знакомое. Именно это противопоставление помогает увидеть, кем мы являемся, как мы мыслим, чувствуем и действуем, каков культурный отпечаток (импринтинг), определяющий наше поведение.

Совершенно очевидно, что представления, побуждения, практика и деятельность, жизненный опыт людей естественным образом определяются культурой. Именно поэтому они отличаются от представлений, деятельности и опыта представителей других групп. Это замечание справедливо для культуры как крупного территориального, так и небольшого локального или регионального образования (субкультуры, или альтернативной культуры). Под этим подразумевается, что любой человек на протяжении всей жизни или в определенный момент может одновременно принадлежать к нескольким различным культурам. Культурная принадлежность — это плюралистический вопрос. Она существует только в форме множественной принадлежности.

Мы сравниваем культуры для того, чтобы выделить и рассмотреть важные различия, практически значимые. В этом наша позиция существенно отличается от позиции сторонников традиционной, отвергнутой нами нормативной концепции культуры, особенно с учетом следующего положения: культуры могут быть различны между собой, но это не означает, что одна из культур может быть более или менее значима по сравнению с другой. Современные люди начали отвергать или скептически относиться к нормативной концепции, выражающей нетерпимость, считающей собственную культуру лучшей, более развитой, обладающей превосходством, разнообразием, одновременно с этим полагающей прочие культуры примитивными, неразвитыми и низшими.

Концепция культуры, которая в последние десятилетия стала популярна в различных областях науки, а также при обсуждении этой проблемы в обществе, — это

¹ Welsch W. Transkulturalität // Interkulturalität — Grundprobleme der Kulturbegegnung. Mainzer Universitätsgespräche Sommersemester 1998. Trier, 1999. P. 45–72.

² Eagleton T. The Idea of Culture. Blackwell, 2000; Hannerz U. Cultural Complexity. Studies in the Social Organization of Meaning. N. Y., 1992; Straub J. Kultur. P. 7–24.

дистинктивная, а не нормативная концепция. Дистинктивная концепция культуры дает возможность сравнивать культурные формы жизни, языковое общение, способы и стратегии выбора поведения, не оценивая их с предустановленной, иррациональной точки зрения, превозносящей собственную культуру. Однако это не означает, что нельзя обсуждать особенности культурной жизни и мировосприятия, напротив, такие обсуждения должны иметь место. Более того: в этой области неизбежно будут существовать споры и конфликты. Но они касаются только некоторых определенных аспектов культурной жизни: например отношения мужчины к женщине, роли женщин в обществе, отношения к детям, окружающей среде, обращения с животными и т. д. Но это споры не о культуре в целом.

Подобные элементы и аспекты культурной жизни вызывают многочисленные дебаты и могут служить причиной межкультурного непонимания и отчуждения. Здесь нет места соглашательству. Те, кто избегает дискуссий о существенных, главных культурных вопросах, имеющих практическое применение, — этических, моральных, эстетических — и хотят все свести к единообразию для всех отношении, проявляют по меньшей мере безразличие по отношению к представителям другой культуры, к признанию другой культуры важной и имеющей право на существование. Такие люди просто не воспринимают всерьез другую культуру.

Никакое серьезное изучение культуры невозможно там, где существуют укоренившиеся предрассудки и лелеются опасное чувство собственного превосходства, нарциссизм, эгоизм, а также там, где успокаиваются политкорректными лозунгами и признают правильными и необходимыми абсолютно все существующие культурные системы убеждения, действий, мировосприятия, манеры поведения. Диалог и взаимное общение возможны только там, где участники, общаясь друг с другом, обоюдно обсуждают свои убеждения, намерения, действия и культурное знание. Это вовсе не означает стремление соглашаться и без колебаний отвечать всем «да» (это психологически гораздо труднее и требует большего напряжения). Не следует путать высокомерную снисходительность и подлинную толерантность¹.

Очевидно, что развитие гибкой и нейтральной концепции культуры может послужить хорошим уроком истории для западного мира или Европы, ее довольно нелицеприятного прошлого. Вот что пишет об этом Клиффорд Гирц: «Когда-то не так давно, когда у Запада было значительно больше самоуверенности, когда он совершенно точно знал, в чем его сильные стороны и чем он является на самом деле, понятие культуры было фиксированным и имело строго очерченные границы. Во-первых, оно проводило разделительную линию (в пространстве и истории) между Западом — рациональным, прогрессивным, истинным, исторически развитым и не-Западом — полным предрассудков, архаичным, отсталым, неразвивающимся, иррациональным. Позже, когда оказалось, что такое представление слишком невежественное и глупое, слишком явно противоречит многим этическим, политическим и научным принципам и убеждениям, возникла необходимость более сбалансированного и разумного представления об остальном мире, поэтому произошел сдвиг в концепции культуры, и ее стали понимать так, как это происходит сегодня: способ жизни какого-либо народа. Острова, племена, сообщества, нации, цивилизации... в конце концов даже социальные классы, области, этнические группы, меньшинства, молодежные слои имеют свои культуры, то есть способы и манеры действия и поведения, совершен-

но ясно и четко различимые, и каждый отдельный индивид имеет свою собственную культуру»².

Эта концепция тоже не была принята сразу, ее критиковали, пересматривали, вносили в нее изменения. Для наших целей достаточно будет рассмотреть концепцию смыслоориентированной культуры, которая в некоторой степени способствует анализу и разграничению различных культурных картин мира и образов жизни, способов языкового общения, манеры поведения крупных сообществ людей. В этой концепции невозможно автоматически сравнивать и вряд ли имеет смысл ставить культуры в один ряд, а также оценивать их с точки зрения наличия позитивного самоопределения их социума. Данная смыслоориентированная концепция культуры может показаться довольно абстрактной. Такой ее определяют приведенные ниже примеры и выдержки, данные здесь в целях подтверждения этого положения:

«Культура есть понятие универсальное, однако для нации, общества, организации или группы это особая конкретная система поведения. Она составлена из определенных символов, принятых в соответствующем сообществе, группе и т. п. Она влияет на восприятие, мышление, выстраивание категорий и образ действия всех ее представителей, таким образом, определяет их принадлежность к определенному сообществу. Культура как система моделей поведения является особым полем деятельности индивидуумов, которые считают себя представителями определенного сообщества, следовательно, она создает предпосылку для развития автономной системы слияния со средой»³.

«Культура есть поле деятельности, в которое входят как материальные, созданные людьми объекты, так и различные социальные образования, а также мысли и убеждения. Будучи полем деятельности, культура предоставляет возможности и тем же манером обеспечивает условия для деятельности, она предписывает и очерчивает цели, которые возможно достичь определенными средствами, но также она устанавливает границы для истинных, возможных и неверных действий. Отношения между различными материальными и идеалистическими составляющими культурного поля деятельности описываются некоей системой, таким образом, изменения в одной ее части неизбежно влекут изменения в другой. Как поле деятельности, культура не только побуждает к деятельности и контролирует ее, но также может постоянно изменяться в результате деятельности, культура это не только структура, но и процесс»⁴.

«Иногда совершенно явно, но чаще едва заметно, неосознанно культура предоставляет многим людям модели поведения и образа мысли для эмоциональной и умственной идентификации, оценки и структурирования происходящих в мире событий, а также предоставляет принципы и парадигмы для выбора способа деятельности и образа жизни... Культура есть прагматико-деятельностная, межличностная система знаний, знаков и символов. Она состоит из следующих аспектов:

— общие цели, которые индивидуумы определяют в конкретных понятиях, применительно к особенностям ситуации, и исполнителями которых они могут являться;

— культурно обусловленные правила поведения, особенно конкретные социальные нормы (требования, способы оценки поведения, а также культурные ценности);

² Geertz C. Local Knowledge : Further Essays in Interpretive Anthropology. L., 1993. P. 53.

³ Thomas A. Psychologie interkulturellen Lernens und Handelns // Kulturvergleichende Psychologie. Eine Einführung. Göttingen, 1993. P. 380 (немецкий перевод J. Straub).

⁴ Boesch E. E. Symbolic Action Theory and Cultural Psychology. Berlin ; Heidelberg ; N. Y., 1991. P. 29.

¹ Straub J. Verstehen, Kritik, Anerkennung. Das Eigene und das Fremde in den interpretativen Wissenschaften. Göttingen, 1999.

— культурно обусловленная совокупность тем, посредством которых полноправный представитель культуры осознает, создает и распространяет знания о своей уникальности и особенностях, общем и индивидуальном понимании себя и мира.

Эти цели, правила, нормы и ценности, а также темы, составляющие содержание культуры и определяющие деятельность, не обязательно имеют лингвистическое выражение или дискурсивное проявление. Очень часто они проявляются в поступках, обнаруживают себя самое большее в форме намеков и подсказок к действию. Они могут быть выражены нелингвистическими символами. Кроме того, они могут служить в качестве руководства к пониманию культурной области традиций, обычаев, их значений и происхождения. Когда действия интерпретируются, объясняются и анализируются с научной точки зрения, в их основе предполагается существование данных образов мышления, с помощью которых преодолевается индивидуальный уровень деятельности в создании «культурного контекста» и соотношении последнего с конкретной деятельностью»¹.

Проанализировав вышеупомянутую концепцию культуры, мы можем рассмотреть, как она соотносится с межкультурной компетенцией, о которой так много говорят. Межкультурная компетенция признается многими исследователями ключевым понятием XIX века. Наряду со способностью лидерства и работы в команде, физически и психически противостоять стрессу, организационными или компьютерными навыками, межкультурная компетенция принадлежит к так называемым гибким навыкам, являющимся предметно-обусловленными профессиональными знаниями человека. В настоящее время очевидна ее все возрастающая важность в многочисленных профессиональных сферах.

Достаточно назвать следующие сферы ее применения: межнациональный состав персонала в крупных организациях (имеются в виду не только область экономики и предпринимательства); многонациональные коллективы сотрудников; международные деловые связи и маркетинг; культурно обусловленное общение в научно-технической сфере или в научных исследованиях, сфере туризма или развития; необходимость знаний иностранной культуры в учебном процессе или при учебном международном студенческом обмене, в таких областях политики, как интеграционная политика, в религиозных миссиях, при особой образовательной политике, предусматривающей последующее повышение квалификации и участие в обучающих программах в других странах, когда ежедневно сталкиваешься с культурными отличиями, при общении с различными государственными департаментами и бюро (например, бюро регистрации иностранных граждан), в законодательной системе, включающей юридическую практику в судах, в международных военных и полицейских взаимоотношениях, в различных здравоохранительных организациях (лечебных, психиатрических, психологической помощи и т. п.)².

В повседневной жизни общение с представителями других стран и культур, а также знание культурных отличий давно уже стало привычным из-за постоянного процесса миграции, все увеличивающейся мобильности граждан и благодаря новым технологиям общения. В этом отношении каждодневное непрофессиональное общение бесчисленного множества людей различных культур между собой и потенциал, заложенный в этом, совершенно

очевиден. Обладание межкультурной компетенцией просто необходимо, для того чтобы избежать слишком явного и частого взаимонепонимания в области межкультурного общения и сотрудничества или конструктивно преодолеть его в случае невозможности предотвращения.

Культурные отличия в образе мышления, восприятия, намерения, действия обязательно приводят к кризису общения и конфликтам. Хотя и не существует универсального механизма, неизбежно приводящего к борьбе цивилизаций (например, религиозно обусловленной)³. Тем не менее межкультурные различия в поведении людей обладают значительным конфликтным потенциалом, который следует принимать во внимание.

Данную цель преследует настоящая работа — в ней предпринята попытка теоретически объяснить межкультурную компетенцию и найти пути ее практического приложения. Именно поэтому межкультурная компетенция считается безусловно необходимым, нормативным (этически, морально и политически), практически значимым аспектом потенциала человеческого общения. Иногда даже говорят о ее самоценности, о том, что она является идеалом для современного человека. О ней уместно вспомнить при рассмотрении межкультурной компетенции в контексте многочисленных конфликтующих традиций западного и незападного образов жизни. Вообще межкультурной компетенции уделяется особое внимание как самой важной среди постоянно упоминающихся и проводимых в жизнь образовательных целей.

Следует заметить, что в культурной семантике этого понятия происходит постепенный сдвиг благодаря непрекращающимся дебатам о нем. Понятие межкультурной компетенции становится все более ценностно-обусловленной нормативной концепцией, которая относится не столько к идеальной цели, сколько к реально достижимым способностям и возможностям обычного человека. Очевидно, идеальная цель (или идеальный тип) служит своеобразным эталоном, посредством которого можно измерить уровень знаний культурных различий и основанное на них взаимодействие конкретного индивидуума. Это становится ясным, особенно в свете попыток осознать действенные диагностические тесты для определения уровня межкультурной компетенции. Такие попытки неоднократно предпринимались в психологии⁴. При определении составляющих межкультурной компетенции их результаты играют важную роль, поскольку до сих пор не существует удовлетворительного объяснения, что представляет собой межкультурная компетенция.

Межкультурная компетенция — к вопросу об истории развития понятия, определения и моделей

Выражения «компетенция» и «компетентный», дословно переведенные с латинского языка, употребляются в литературе не так давно⁵. Впервые эти термины были упомянуты в немецком языке в XVIII веке и с тех пор употребляются в разных работах. Вначале они появились в юридических документах, а позднее и в работах из других областей. Понятие «компетенция» с самого начала остается тесно связанным с двумя основными концепциями, а именно: «ответственность, полномочия», с одной стороны, и «потенциал, способность, умение» — с другой.

Интересно, что рассматриваемое понятие с самого начала использовалось для определения различных потенциалов, способностей, умений. В их список входил

¹ Straub J. *Handlung, Interpretation, Kritik. Grundzüge einer textwissenschaftlichen Handlungs- und Kulturpsychologie*. Berlin; N. Y., 1999. P. 166–185.

² Более подробно см.: Straub J. *Kultur*. P. 7–24; *Idem*. *Kompetenz*. P. 35–46; Weidemann D. *Akkulturation und interkulturelles Lernen* // Straub J., Weidemann A., Weidemann D. *Op. cit.* P. 488–498.

³ Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N. Y., 1993 (перевод на русский язык: Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. М., 1993).

⁴ Deller J., Albrecht A.-G. *Interkulturelle Eignungsdiagnostik* // Straub J., Weidemann A., Weidemann D. *Op. cit.* P. 741–754.

⁵ По этому вопросу см.: Straub J. *Kompetenz*. P. 35–46.

и действенный потенциал, берущий свое начало в специальном научном аналитическом знании, так же как и в разнообразных практических приложениях и опыте, основанном на знании. Вскоре термин «компетенция» стал употребляться для обозначения всех возможных потенциалов, способностей, умений людей, которые в том или ином случае могли правильно оценить и определить требования ситуации и думать, чувствовать, ощущать, размышлять, принимать решения и действовать соответственно.

Кроме того, в статьях многих немецкоязычных справочников в связи со словом «компетенция, компетентность» (*нем. kompetent, Kompetenz*) употребляется также устаревшее значение «конкуренция, соревнование» (*der Kompetent*). Это отражает элемент соревнования, который до сих пор прослеживается в понятии «компетенция», и выводит на передний план соперничество между людьми, являющееся важным (хотя и часто игнорируемым) для семантического поля понятия «межкультурная компетенция». Для достижения высот профессиональной карьеры и высокой должности соперники должны показать высший уровень компетенции. Следует иметь в виду, что уровень межкультурной компетенции используется сегодня как критерий отбора: те, кто желает получить определенные задания или выполнить задания, должны превзойти своих конкурентов по уровню межкультурной компетенции и доказать это.

С точки зрения коллективов, культур, культурного обмена, исследователей межкультурный диалог рассматривается как деятельность, основанная на соперничестве, в которой группы конкурируют друг с другом и где благодаря постоянному получению новых знаний различные культуры стараются получить выгоду, иногда посредством силового превосходства над другими¹. В противоположность общению отдельных людей основная цель культур в таких «относительно безобидных» межкультурных диалогах может быть сформулирована следующим образом — быть лучшим и превзойти остальных — это древнегреческий принцип жизни и деятельности, перенятый римлянами и существующий по сей день в самых неожиданных проявлениях.

Межкультурная компетенция подразумевает, что человек намеренно ставит себя в ситуации проявления культурных различий, общения с представителями иной культуры, непохожей на его собственную, принимает и способен разумно оценить эти отличия. Человек не реагирует агрессивно или испуганно на эти отличия и не пытается оградить себя и свое культурное «Я» от посягательств, не старается заключить себя в строго и четко очерченные рамки собственной культуры. Человек рассматривает общение с другой культурой как ситуацию, где ему не требуется защита от чужаков.

Открытость такого «идеального человека», которая связана с уверенностью в своих силах и устойчивостью своего эго, дает возможность принимать опыт общения позитивно, как открывающий возможности для дальнейшего роста и развития своей личности, положительных изменений, расширений границ собственной индивидуальности, перехода к иным качествам. Эта открытость проявляется в результате не принуждения или насилия, а свободного волеизъявления, независимых личностных мотивов человека. Но все это может успешно действовать только до определенного момента. Однако даже в ограниченных условиях открытость, которая, по сути, есть главный фундаментальный аспект межкультурной компетенции, может рассматриваться как данность, как показыва-

ют исследования по вопросу моделирования межкультурной компетенции².

Согласно исследованиям Томаса³ главными и зачастую единственными реакциями, проявленными людьми, столкнувшимися с незнакомыми образцами поведения в так называемых ситуациях межкультурного взаимодействия, оказались следующие:

— на эмоциональном уровне: чувство раздражения, неприятия, отсутствия защищенности, отчужденности, отворачивания, антипатии, ужаса, страха;

— на когнитивном уровне особенно проявлялись такие личностные качества, как усиленное проявление стереотипов, устойчивых предрассудков, индивидуального отторжения и другие (негативные) представления о непохожести;

— на практическом уровне: попытки избежать, уединиться, изолироваться, отгородиться, а также гнев и агрессия и прочие модели поведения, которые отвергают взаимные отношения и сотрудничество, не принимают мирные формы долгосрочного сосуществования и в крайних случаях ведут к постепенной эскалации насилия.

Такие негативные последствия появляются в результате постоянно растущего взаимодействия, основанного на проблемах и конфликтах, которое значительно затрудняет последующее общение и вызывает нежелательный рост столкновений. Но в случае, когда участники общения обладают межкультурной компетенцией, все происходит иначе. Почему так происходит? Какие компоненты входят в это понятие и как его можно точно определить?

Ясно одно: если субъектно обоснованные профессиональные умения и навыки определяются в результате деятельности и наличия формальных свидетельств и сертификатов, то такое общее ключевое понятие, как «межкультурная компетенция» совмещает гораздо больше, чем профессиональные знания и субъектно обоснованная деятельность. Это не только вопрос потенциала и возможностей, которые помогут привести к успешному завершению общения для рационально действующих индивидуумов в строго ограниченной более или менее профессиональной среде.

Если мы рассмотрим известные определения, то концепция межкультурной компетенции может показаться довольно абстрактным понятием, как, например, «эффективное соответствующее взаимодействие между людьми, которые принадлежат к определенным физическим и духовным средам»⁴. Формулируя подобное определение, авторы понимают общие правила межличностной коммуникативной компетенции и применяют их в особом контексте, то есть в ситуации межкультурного общения. Тем не менее процитированное выше определение важно в той мере, в какой оно подчеркивает два основных критерия успешного общения, достигнутого своей цели, основанного на межкультурной компетенции, а именно эффективность и адекватность.

Под термином «адекватность, соответствие» понимается следующее: «Действия людей, вовлеченных в общение, соответствуют требованиям и чаяниям данной ситуации. Соответствующее общение означает, что люди используют символы, которые ожидалось использовать в данном контексте»⁵.

² См. исследование: *Weidemann D.* Akkulturation und interkulturelles Lernen, в которое включены известные модели, созданные Джоном Бери, Мильтоном Беннетом и др.

³ *Thomas A.* Forschungen zur Handlungswirksamkeit von Kulturstandards. Handlung, Kultur, Interpretation // Zeitschrift für Sozial- und Kulturwissenschaften. 2000. № 9 (2). P. 231–278.

⁴ *Chen G.-M., Starosta W. J.* Intercultural Communication Competence : A Synthesis // Communication Yearbook. 1996. № 19. P. 358.

⁵ *Lustig M. W., Koester J.* Op. cit. P. 64.

¹ *Cancik H.* Antikenrezeption und Humanismus // Rösen Jörn. Humanismus heute. Schriftenreihe der Landeszentrale für Politische Bildung. Nordrhein-Westfalen, 2009.

Одновременно эффективность можно рассматривать следующим образом: насколько возможно и возможно ли вообще достичь установленных личных целей. «Удовлетворение от общения или достижение особой поставленной задачи есть образец той цели, которую люди желают достичь посредством общения с другими»¹.

Оба критерия встречаются во многих определениях. Однако мы не далеко продвинулись в достижении первоначальной цели, пусть даже теперь известно, что те, кто ведет общение на основе межкультурной компетенции в вышеуказанном смысле, могут действовать адекватно и эффективно. Каким образом определить их далее?

Александр Томас дает следующее определение: «Межкультурная компетенция есть выражение способности понимать, уважать, ценить и продуктивно использовать условия и факторы восприятия, суждения, осознания и действия в отношении себя и других людей в условиях взаимной адаптации, границы которой могут варьироваться от проявлений толерантности к несовместимым понятиям до развития форм общения и сотрудничества, основанных на совместных действиях, и до создания жизнеспособной модели ориентации в мире, восприятия и строения мира»².

Это определение довольно сжато и трудно для понимания. Определения, подобные этому, могут быть лучше поняты, если рассматривать каждую из его составляющих в отдельности и систематически анализировать их. Некоторые из составляющих требуют детального объяснения и тщательной проработки с примерами. Именно это проводится при так называемом компонентном, или составляющем, анализе моделей межкультурной компетенции. Эти модели выделяют главные аспекты очевидно сложной теоретической конструкции, в рамках различных системных положений. Таким образом можно получить более конкретное и разветвленное представление об исследуемой концепции: что лежит в ее основе, каковы ее составляющие части, изучаемые этими «волшебными формулами» компонентного анализа.

Таблицы 1 и 2 представляют собой два типичных примера таких моделей. Как видно из таблиц, они сочетают компоненты согласно разным принципам. Не только сами компоненты, но и их количество, а также категории, к которым компоненты относятся, варьируются. Благодаря подобным моделям становится очевидно, что теоретические конструкции межкультурной компетенции сочетают и аккумулируют в себе множество качеств, умений и навыков. Таким образом, можно сделать вывод, что данная компетенция состоит из многочисленных областей знания, физических склонностей и потенциалов действия. Поэтому ее нельзя описать схематично, коротко.

Таблица 1

Компонентная модель межкультурной компетенции³

Категории	Компоненты
Личностные качества	Самораскрытие, осознание себя, представление о самом себе
Способности к коммуникации	Навыки передачи сообщения, социальные навыки, гибкость, управление взаимодействием
Психологическая адаптация	Фрустрация, стресс, отторжение, неопределенность
Знания культурных особенностей	Общественные ценности, социальные обычаи, социальные нормы, социальные системы

¹ Lustig M. W., Koester J. Op. cit. P. 64.

² Thomas A. Kultur und Kulturstandards // Thomas A., Kinast E.-U., Schroll-Machl S. Handbuch Interkulturelle Kommunikation und Kompetenz. Göttingen, 2003. P. 19–31; *Idem*. Interkulturelle Kompetenz. P. 7.

³ Chen G.-M. Dimensions of Intercultural Communication Competence / Ann Arbor, MI : Kent State University Dissertation. 1987. P. 46.

Таблица 2

Компонентная модель межкультурной компетенции⁴
(для объяснения понятия языковой компетенции)

Категория эмоциональная	Категория когнитивная	Категория лично ориентированная / волевая
Толерантность к двусмысленности; толерантность к фрустрации; способность преодолеть стресс и уменьшить сложность; самоуверенность; гибкость; сочувствие; свобода суждений, открытость; снижение этноцентризма; принятие и уважение других культур; готовность к изучению других культур	Понимание феномена культуры относительно восприятия, мышления, мироощущения, а также образцов действия и поведения; понимание деятельностных взаимосвязей в других культурах; понимание деятельностных взаимосвязей в собственной культуре; понимание культурных различий в ситуациях взаимодействия; понимание особенностей процесса межкультурной коммуникации; способность к метакоммуникации (то есть способность увидеть собственную форму коммуникации со стороны); знание иностранных языков	Желание и готовность к общению с точки зрения возникновение условий для единичных аффективных, эмоциональных качеств; способность общаться (в том числе на иностранных языках); социальная компетенция (способность устанавливать доверительные отношения с представителями другой культуры, участвующими в общении); способность постоянно применять особенности восприятия к действию (как лингвистически, так и экстралингвистически)

Такие модели представляют собой систематизированный список, в котором перечислены важные качества и участники общения, сведущие в межкультурной компетенции. Конечно, во многих случаях внесение определенных областей знания, способностей и умений в список неотъемлемых характеристик межкультурной компетенции оправдано. Однако даже в этих случаях нельзя говорить о хорошо проработанной и развитой теории. Кроме того, многие подобные списки составлены интуитивно, без привлечения теоретических разработок или проведения практических опытов. Даже на современном этапе развития исследований в этой области подобное замечание верно, но оно ни в коей мере не умаляет значения, применения, действенности этих моделей.

Цель, которую они преследуют, очевидна — желание донести основы концепции до заинтересованных лиц, перечислить аспекты, существенные с точки зрения автора и его мировосприятия. Подобные определения концепции межкультурной коммуникации относятся к избранным ситуациям культурного обмена, межкультурного общения, сотрудничества и сосуществования, то есть к таким ситуациям, когда люди достигают предела потенциала своих действий.

Определяющими для глубокого понимания исследуемой концепции служат качества, компоненты, составные части, объединенные в пределах одной категории. В таких моделях решающим является способ, по которому отдельно взятые компоненты (или подобные им) относят к одной категории. Часто, но не всегда исследования по психологии могут помочь в дальнейшем определении концепции (в этой работе нужны ссылки на них, потому что не все употребляемые здесь термины можно объяснить из-за ограниченности объема; кроме того, в некоторых случаях они очевидны). Принимая это во внимание, можно заключить, что вышеупомянутые модели действительны только при первом приближении. Они содержат справедливые замечания относительно того, что есть действительность с точки зрения межкультурной компетенции и какие действия человека она предопределяет.

Не вызывает сомнений, что межкультурная компетенция не начинается со знания иностранных языков, хотя

⁴ Lüsebrink H. Op. cit. P. 77.

это важный компонент, потому что знание иностранных языков тесно связано с возможностью принимать участие в общении с представителями иных культур и образа жизни. Те, кто недооценивает это положение — часто этот пункт не указан в списке компонентов модели межкультурной компетенции, — вероятно, сами не владеют иностранными языками и проецируют ограничение собственного потенциала действия на объект исследования. В таком ракурсе возможно в течение некоторого времени защищать собственное эго и поддерживать уверенность в себе, одновременно с этим ничего не узнавая о предпосылках успешного межкультурного взаимодействия, сотрудничества и сосуществования. Напротив, те, кто выдвигает положение о преимуществах билингвизма и мультилингвизма и призывает к соответствующим изменениям в системе образования, абсолютно правы.

Как было доказано Вильгельмом фон Гумбольдтом в его сложных лингвистических исследованиях, язык взаимосвязан с особым мировосприятием и потенциалом действия. Те, кто говорит на конкретном языке, видят мир определенным образом и воспринимают его с особой точки зрения, которую они разделяют с другими представителями своей лингвистической группы. Эта общая черта способствует обмену, общественным связям и единству, а также увеличивает вероятность вступления в межличностные отношения, создания и поддержания связей, не в последнюю очередь связей с представителями иных культур, существенно отличающихся от собственной.

Дальнейшие аспекты потенциала действия человека становятся основополагающими и важными в той мере, в какой они соответствуют задаче взаимопонимания в конкретной ситуации общения и при краткосрочном сотрудничестве или долгосрочном совместном существовании людей, принадлежащих к разным культурным группам. Вышеописанные модели, как уже было показано, уделяют большое внимание аффективным и эмоциональным совместным качествам. Межкультурная коммуникация, сотрудничество и сосуществование, вне всякого сомнения, не являются лишь вопросом здравого смысла, сознания и накопленного знания или способности мыслить логически. Можно иметь специальное образование или приводить в споре и обсуждениях лучшие аргументы, но тем не менее потерпеть неудачу, когда дело касается восприятия или принятия других, непохожих, и соответственного с ними обращения. Чтобы общаться с людьми, демонстрируя понимание и уважение к их культурно обусловленным особенностям поведения, требуются гораздо большие умения, чем школьные знания или академическая успеваемость.

Эта способность выходит за рамки когнитивной категории межкультурной компетенции. Во-первых, она имеет дело с базовыми, основными чувствами и впечатлениями человека, то есть с аффективными и эмоциональными аспектами человеческого отношения в себе и к окружающему миру. Неважным становится то, что человек может знать или объяснить, что он способен высказать. Особую значимость приобретает вопрос, может ли человек установить контакт с другим и насколько близко, проявить открытость по отношению к нему в сфере аффективной и эмоциональной характеристики, а также в области восприятия.

Чтобы проявить открытость по отношению к практическим знаниям, ожиданиям, умонастроениям, способам действия, опыту, обычаям и желаниям других, необходима эмоционально окрашенная и эмоционально мотивированная готовность. Она не появляется автоматически, даже если люди обладают способностью выказывать благородные побуждения, добровольно объявлять социально требуемые мнения или политически корректные взгляды

(или просто симулировать свое доброе расположение, то есть стратегически управлять им в форме манипуляции). Вот почему некоторые много рассуждают о межкультурной компетенции, но не могут действовать в соответствии с этим понятием.

Сознательные намерения и мысли не всегда совпадают с неосознанными мотивами и побуждениями и действительными возможностями человека. Неосознанные мотивы могут преобладать и доминировать, определяя в той или иной мере высказанные намерения. Едва ли найдется человек, который открыто заявит, что он поддерживает этноцентризм, нетерпимость, ксенофобию. Тем не менее в основе поведения многих людей лежат именно эти качества: этноцентризм, нетерпимость, ксенофобия. Они поступают так не потому, что хотят этого, а потому что в определяющий момент они не могут поступить иначе (и даже не осознают, что именно они говорят, делают или на что провоцируют). Многие из нас полагают, что легко справятся с двусмысленными, поливалентными, двойственными ситуациями, сопереживая чувствам других, принимая их точки зрения — и тем не менее не могут этого сделать, когда требуются терпение и гибкость немного больше обычного или когда их способность сопереживать оказывается не такой сильной, как они ожидали.

Концепцию межкультурной компетенции нельзя рассматривать только на когнитивном уровне знаний и восприятия. Она затрагивает гораздо более глубокие слои личности. Межкультурная компетенция относится к совокупности личностных эмоциональных качеств, которые, в свою очередь, частично происходят от сознания. Отсутствие компетенции в сфере межкультурной коммуникации чаще относится к неосознанным страхам, конкретным ситуациям волнения, неисполненным или подавленным желаниям, чем к недостатку соответствующих знаний. Этому факту уделяется должное внимание во всех серьезных моделях межкультурной компетенции, но из-за него изучение межкультурной компетенции становится слишком сложным, долгим и требующим больших усилий¹.

Многие процессы исследования, проводящиеся в аффективной, эмоциональной и волевой областях, затрагивают глубинные слои психологической личности индивида. Зачастую люди не расположены к общению с другими, особенно с представителями иной, незнакомой культуры. Люди не проявляют желания к такому общению, если у них не существует убедительных оснований полагать, что в результате этого общения и предполагаемого процесса изучения иной культуры они получат вознаграждение или выгоду. Обычно подобные основания коренятся в предыдущем жизненном опыте людей. Требуемая готовность воспринимать новое в основном зависит от уже существующего или, по крайней мере, предполагаемого опыта, свидетельствующего, что процесс познания иной культуры с определенного момента приведет к желаемому и благоприятному усилению своего собственного потенциала действия и расширению своего жизненного опыта. Расширяя и переходя границы своего «Я» и, следовательно, немного изменяясь, наша собственная индивидуальность может подвергаться риску. Кроме того, этот процесс может быть болезненным, пусть даже впоследствии человек и не пожалеет о подобном опыте, так как он откроет новые перспективы и возможности.

Все вышесказанное подтверждается моделями, подобными тем, о которых шла речь. Кроме того, они проливают свет на вопрос, почему межкультурную компетенцию следует рассматривать как нормативную концепцию. Очевидно, что вопрос определения данной компетенции лежит в сфере идеальных задач и условий, которых ни один человек никогда не сможет достичь в полной мере, до высшего

¹ Weidemann D. Op. cit.

уровня, предложенного теоретическими моделями. Откровенно сознавать, что никому не надо стараться достичь уровня человека, идеально владеющего межкультурной компетенцией, чтобы иметь возможность налаживать обогащающее нас общение и удовлетворительные отношения с представителями иной культуры. Кроме того, утешительно знать, что все существующие на данный момент модели межкультурной компетенции далеки от совершенства. Они оставляют нерешенными много проблем. Некоторые из таких проблем заслуживают отдельного упоминания, так как указывают на огромный пробел в знаниях и, возможно, также заставляют размышлять над теоретическими ограничениями таких моделей.

Модели, исследуемые в данной работе, рассматривались как простое перечисление необходимых компонентов межкультурной компетенции. Это не означает, что создатели подобных моделей просто собирают воедино общие качества для исследуемой концепции, которые они полагают существенными и необходимыми. Но подобное перечисление ставит вопрос, какие конкретно положения, теоретические или полученные опытным путем, какие функции или значения свойственны приводимым компонентам межкультурной компетенции? Являются ли эти компоненты строго необходимыми и, кроме того, фундаментальными и общими (то есть применимыми во всех возможных ситуациях межкультурного общения)? Являются ли они достаточными для адекватного и успешного применения (в их общем значении или конкретном, специфическом) в межкультурном общении; и если да — то в каких комбинациях? Как перечисленные компоненты взаимодействуют друг с другом, как они оказывают взаимное влияние друг на друга, уменьшается или увеличивается их воздействие в результате взаимовлияния? Все эти проблемы остаются нерешенными, а нередко даже не ставятся.

Являются ли такие модели общестинными, можно ли их применить для всех существующих и возможных контекстов и ситуаций межкультурного общения в равной мере, имеют ли они практическую ценность и применение в них? Или, возможно, что некоторые компоненты межкультурной компетенции более важны в определенных сферах жизни и деятельности, чем другие? Возможно ли, что подобная ситуация есть случай, когда то, что мы называем «межкультурной компетенцией», будет меняться в зависимости от обстоятельств?

Существуют убедительные причины, чтобы принять дифференциацию прагматической и семантической составляющих межкультурной компетенции. Можно задать вопрос: является ли межкультурная компетенция в стратегических деловых переговорах между руководителями международных корпораций той же самой, что и совокупность знаний, способностей и умений для счастливого межкультурного брака и совместной жизни? То же можно отнести к совместным полицейским операциям и сотрудничеству в области развития, религиозным миссиям и международной психологической поддержке или психотерапии, так же как и к другим многочисленным ситуациям и контекстам общения. Иными словами, является ли понятие межкультурной коммуникации скорее ситуативно обусловленным потенциалом, чем совокупностью общих способностей и умений, определенных знанием, одинаково проявляющей себя в разных областях жизни и деятельности? Этот вопрос следует изучать в сравнительном анализе, но пока данных для такого анализа собрано недостаточно, и его можно проводить только частично.

Можно ли считать современные существующие модели межкультурной компетенции справедливыми и универсальными, общими, несмотря на очевидный факт, что они были созданы, развиты и опубликованы небольшой груп-

пой в основном западных, то есть американских и европейских, ученых? (Представители не-западного мира принимали участие в создании подобных моделей, но в большей степени лишь как консультанты, случайно оказавшиеся рядом в научно-исследовательском центре.)

Складывается довольно парадоксальная ситуация, напоминающая «шутку истории»: до настоящего времени мы долго обсуждали определения, модели и теории межкультурной компетенции и не обращались за советом к представителям иных, других культур, с которыми предполагали вести общение на основе межкультурной компетенции. Подлинное общение на тему межкультурного диалога, общение по поводу тех проблем, которые мы изучаем и будем изучать во многих научных дисциплинах, чтобы проанализировать и понять концепцию межкультурной коммуникации (включая ее нормативные и политические аспекты), до сих пор велось несистематически, непостоянно.

Истинное знание так называемых не-западных культур в этой области остается скрытым¹, что проявляется в самих моделях межкультурной компетенции. Достаточно вспомнить о неписаном правиле ссылок на психологические концепции и теории, которое укоренилось в западноевропейской традиции. Западный образ мысли уже становится очевидным благодаря тому апломбу и самоуверенности, с которой мы говорим, обсуждаем и исследуем концепцию межкультурной компетенции, априори полагая ее интересной для всех и совершенно новым направлением. И лишь немногие задают себе вопрос, а так ли это на самом деле.

Несмотря на эти неясности и оставшиеся без ответа вопросы², которые, несомненно, еще проявятся в будущем, и в настоящее время можно извлечь много ценной информации из процитированных выше определений и моделей. Как было сказано, это вопрос возможностей, заложенных в личности, и аспектов личностного потенциала действия. Обе стороны являются одинаково важными в ситуациях межкультурного общения. Вне всяких сомнений, успех межкультурной коммуникации, сотрудничества и сосуществования зависит не только от личностных факторов и данной конкретной ситуации³. Сюда также входят общественные и политические факторы.

Кроме того, аналогично ситуации социального взаимодействия, действие межкультурной компетенции не есть результат только двух участвующих в общении сторон. Межкультурная компетенция проявляет себя в пространстве коммуникации и взаимодействия, где реальные или воображаемые представители иной культуры тоже имеют значение. Как именно действует наше эго, чего оно может достичь в ситуациях межкультурного взаимодействия, зависит от альтер эго, а следовательно, от волеизъявления, способностей, действий или пассивности противоположной стороны. Это может рассматриваться как одна их характеристик ситуации общения.

Таким образом, межкультурная компетенция отдельного человека, его культурно обусловленное понимание этой компетенции принадлежит к потенциалу действия индивидуума, который всегда зависит от мотивов, намерений, поведения, компетенции другой стороны общения. В этом смысле межкультурная компетенция есть теоретическая система, неизбежно разрывающая границы индивидоцентрированного мышления. Это социальная и культурная теоретическая концепция, открытая для межкультурного диалога.

¹ См.: Chakkarath P. What can Western Psychology Learn from Indigenous Psychologies?; Idem. Kulturpsychologie und indigene Psychologie; Misra G., Gergen K. J., Gluece A. Op. cit.; Misra G., Mohanty A. K. Op. cit.; Misra G., Srivastava A. K. Op. cit.

² Straub J. Kompetenz.

³ Thomas A. Interkulturelle Kompetenz.

Заключительные замечания по вопросу этики межкультурной компетенции

Межкультурный диалог включает этическую и моральную составляющие человеческой деятельности. Межкультурная компетенция представляет для большинства из нас, современных людей, самооценку и определяет нормы и стандарты. Большинство из нас считают ее идеальной и сбалансированной, что, как мы надеемся, послужит поддержкой для наших принципов, даст верное направление нашим действиям. Мы ожидаем от нее успешной, удовлетворительной и в определенной мере мирной деятельности, которая будет сочетаться с обычаями, желаниями и потребностями всех вовлеченных в процесс межкультурного общения, насколько это возможно в каждом конкретном случае.

Межкультурная компетенция касается наших современных представлений о законности морали и политики, а также о желательных социальных действиях. Она представляет собой важный аспект нашего морального и этического образа самих себя. Это верно для большинства представителей Запада и их типа мышления, основанного на представлениях либеральных и демократических обществ. Это также является верным и для других людей во многих частях нашего глобализованного мира. Но, несмотря на это, остается открытым вопрос: является ли вышерассмотренная концепция межкультурной компетенции универсальным, приемлемым во всем мире понятием или же она представляет собой еще одну идеологическую этноцентрическую западную концепцию, необычайно полезную при возрождении и усилении неокOLONIALНОЙ политики в постколониальную эпоху?

Согласно широко распространенному мнению относительно межкультурной компетенции в западной науке и западном обществе каждый человек есть типичный представитель человечества, рассматриваемый как *pars pro toto* (часть вместо целого), который должен быть или стать (или желает быть или стать) компетентным в сфере межкультурного общения. Он должен критически оценивать, судить, воспринимать и постигать себя именно с этой точки зрения. Желанное становление происходит на протяжении всей жизни, это непрерывный процесс познания, который создается и поддерживается системой образования и обучения, начиная с самого раннего возраста (с детского сада) и заканчивая системой образования для взрослых в пожилом возрасте. Этот процесс обязателен для современного глобализованного мира, его трудно оставить незамеченным, а также проигнорировать. Скорее его следует рассматривать как имеющий далеко идущие последствия, но не нужно торопить события. Каждый должен сам для себя критически оценить его необходимость (например, с точки зрения возможных мер наказания, которым может подвергнуться современный человек, или с точки зрения опасности поверхностного понимания межкультурной компетенции, которая остается без практического применения и скорее скрывает, утаивает психологические и социальные потребности, чем решает их). Эти вопросы следует решать в рамках будущего межкультурного общения.

Понятие межкультурной компетенции гораздо шире и значительно отличается от простого потенциала действия, который позволяет людям действовать рационально, обоснованно, достигать поставленных целей и задач или, другими словами, устанавливать адекватные и эффективные межкультурные отношения. Рассматриваемое понятие не касается исключительно способа выполнения или улучшения данной деятельности, которая в противном случае может не только окончиться неудачей, но и привести к серьезным и опасным конфликтам.

Те, кто сейчас говорит о межкультурной компетенции, как правило, заявляют, что рассматривают иную, незна-

комую культуру и ее представителей как самоцель, только лишь для изучения, и не считают эти знания необходимым компонентом при попытках установить и усилить межкультурное общение, сотрудничество и сосуществование. Заявленное во всеуслышание требование уважать другие культуры есть не только способ для стратегического планирования успешного общения, или сотрудничества, или сосуществования, или проявления к нему общего интереса. Уважение иных культур может способствовать расширению границ инструменталистского образа мышления. Незнакомая, другая культура и ее представители, являющиеся второй стороной в межкультурном общении, заслуживают большего, чем простое перечисление или стратегически обоснованное рассуждение об их культурных традициях, особенностях, ценностях и способах деятельности.

Это замечание иногда едва заметно, а иногда явно проявляется во многих научных и общественных обсуждениях и исследованиях по межкультурной компетенции. Эти исследования и обсуждения направлены против инструменталистской концепции мышления. Иная, непохожая на нашу культура не только более или менее подходящее средство достижения личных или коллективных целей. Она выдвигает гораздо более радикальные требования к толерантному отношению, уважению, признанию себя именно как другой и непохожей культуры, чей образ мышления, чувства, желания, действия навсегда останутся частично непознанными, несмотря на успешные попытки понять и объяснить ее. Эта точка зрения, основанная на социальных, культурных, психологических отношениях, важна для данного исследования.

Современные представления о межкультурной компетенции по-новому освещают категорический императив Иммануила Канта в его так называемой «формуле самоцели», которая утверждает, что человек ни в коем случае не должен относиться, обращаться и использовать других людей просто как средство достижения собственной цели. Напротив, он должен расценивать и относиться к ним как к самоцели, в нашем случае — воспринимать представителей иной культуры как таковых, уважать и принимать их как они есть. Эта заповедь касается тех сфер иной, незнакомой культуры, которые, несмотря на старательные, многочисленные попытки соперничества, принятия другого образа мысли и действия, остаются недостижимыми. Они должны оставаться скрытыми как совершенно иная, непохожая культура, которую мы можем различить благодаря явлениям, немного, незначительно отличающимся от нашей культуры¹.

В этом смысле концепция межкультурной компетенции является составляющей широко распространенной современной концепции мира и личности, в которой иная, непохожая культура и ее представители играют совершенно другую роль. Они, как и любая форма непохожести, отличия, гораздо больше ценятся и почитаются и считаются способом борьбы с инструменталистским образом мышления. В современной философии существуют многочисленные доказательства такого способа рассуждений, и все накопленные в этой области знания расцениваются именно с такой точки зрения.

Иная, непохожая культура и ее представители являются точкой отсчета, с которой начинаются этические и моральные отношения личности и мира. Долгое время это утверждение считалось принадлежащим концепции универсализма. Согласно распространенному мнению оно стало обязательным способом мышления для всего человечества, которое не даст культурным различиям затрунить

¹ Waldenfels B. Grundmotive einer Phänomenologie des Fremden. Frankfurt-am-Main, 2006; Leibsch B. Moralische Spielräume. Menschheit und Adnerheit, Zufähigkeit und Identität. Göttingen, 1999.

или положить конец процессу поиска общих черт для всего человечества. Однако такое мнение не только непродуктивно или вредно, но и нелепо из-за того, что уделяется чрезмерное внимание (все-таки до конца непостижимой) другой культуре.

Подытоживая вышесказанное, мы проанализировали концепции межкультурной компетенции и выявили два подхода к этому понятию. Их можно встретить в научных и общественных обсуждениях, и обычно эти подходы строго не разграничиваются. С одной стороны, существует концепция, которая должна служить цели практического улучшения межкультурной коммуникации, сотрудничества и сосуществования. Ее целью является взаимопонимание, достигнутое и удовлетворяющее обе стороны диалога, адекватное по отношению к соответствующим культурным особенностям и эффективное. Многочисленные эмпирические исследования, изучения и практические проекты основываются на этой концепции. С другой стороны, в этой концепции необходимо отразить следующее положение: межкультурная компетенция должна быть самоценной. Это проблема не только восприятия, уважения и признания людей, способы деятельности, языковое общение и образ жизни которых отличаются от наших, но и проблема выявления различий между людьми как мера возможной полной непохожести, как осознание этой непохожести и включение ее в имеющиеся отношения мира и личности.

Это побуждение (которое можно назвать критикой смысла, но ни в коем случае не отказом от смысла) стоит вне этики и морали, то есть вне традиций Канта. Концепция межкультурной компетенции, рассматриваемая таким образом, может относиться к этике несхожести, которая впервые стала отчетливо осознаваться в XX веке (особенно в работах исследователя Эммануэля Левинаса). Она оказала особое влияние и привлекла пристальное внимание, когда в ходе истории прогрессивной, разумно действующей Европы другие, отличные от нее, культуры и их представители неоднократно подвергались геноциду и крайне жестокому обращению.

Когда сегодня речь идет о межкультурной компетенции, необходимо уделить внимание вопросу: «Кем в будущем может стать человек?». Это проблема еще не использованного потенциала действия и жизненного опыта, уси-

ление и расширение которых — главная моральная и этическая проблема, которая может считаться приоритетной политической и педагогической задачей. Многочисленные научные дисциплины (такие как психология, этнология, социология) могут помочь в достижении поставленной цели. Люди, открытые для других культур и их представителей, в некотором роде ущемляют себя и ставят свою личность в зависимость от потребностей и намерений других людей. Они разрывают герметически закрытые, заранее установленные привычные рамки упрямой защиты самих себя, своей личности и позволяют слабость зависимости и взаимозависимости, когда представителям другой стороны диалога разрешается вторгаться и взаимодействовать с их собственной личностью.

Таким образом, мы можем считать концепцию межкультурной компетенции как наиболее впечатляющее проявление устойчивого смещения и изменения центральной роли «Я» в коммуникативном аспекте у современных людей. Это составляет современную социологическую и психологическую концепцию личностного самосознания. Личностное самосознание всегда было противопоставлено идее полностью структурированных отношений мира и личности. «Ничто извне не должно проникнуть вовнутрь, ничто изнутри не должно проникнуть наружу!» Самосознание, возникающее и изменяющееся при межкультурных взаимоотношениях, кардинально отличается от изжившей себя косной идеи самоутверждения¹.

Тесная взаимосвязь между понятиями «межкультурная компетенция» и «самосознание личности» — двумя теоретическими концепциями, возникшими в XIX и XX веке в западном обществе и связанными с политической и повседневной деятельностью именно этого общества, — еще раз заставит задуматься над важным вопросом: являются эти концепции и их прагматическое семантическое значение универсальными (как в эмпирическом, так и в нормативном смысле) или конкретными культурно-обусловленными понятиями, которые не могут быть признаны, приняты и практически использованы в современном мире и с расчетом на будущее? Как уже было сказано, эта сложная и чрезвычайно важная проблема может иметь решение только при постоянном межкультурном диалоге или полилоге.

Михаэль Штюмер²

КАК КРИЗИС УГРОЖАЕТ ЗДАНИЮ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Диалог культур и партнерство цивилизаций — это не только благочестивые намерения, но и необходимое, хотя и недостаточное условие будущего мира и процветания.

¹ *Straub J.* Personal and Collective Identity : A Conceptual Analysis // *Identities. Time, Difference and Boundaries.* N. Y. ; Oxford, 2002; *Straub J., Zielke B., Werbik H.* *Autonomy, Narrative Identity, and Their Critics. A Reply to Some Provocations of Postmodern Accounts in Psychology // The Adaptive Self. Personal Continuity and International Self-Development.* Göttingen, 2005.

² Профессор истории Средних веков и Нового времени Университета им. Фридриха-Александра (Эрланген-Нюрнберг), доктор философии, шеф-корреспондент газеты "Die Welt" издательства «Аксель Шпрингер» (ФРГ). В 1980-х гг. был советником по политическим вопросам в правительстве Г. Коля. В 1988–1998 гг. — директор Исследовательского института по международной политике и безопасности Фонда науки и политики в Эбенхаузене. Член Международного института стратегических исследований (IISS).

Автор многочисленных научных статей и публикаций в прессе, а также книг по истории Германии, Европы и трансатлантической политике в отношении Ближнего Востока: "Putin and the Rise of Russia: the Country that Came in from the Cold"; "Welt ohne Weltordnung. Wer wird die Erde erben?"; "The German Empire, 1871–1919"; "The German Century"; "Allies Divided. Transatlantic policies for the Greater Middle East".

Однако в мире без всеобщего порядка это нелегко осуществить.

Мир постоянно угрожает призраку, который именуется Великой депрессией. Это явление возникло задолго до глобализации нашего времени и означает взаимозависимость между всеми. Она возникла после Первой мировой войны — «матери» всех несчастий, обрушившихся на мир в 1930-е годы. Это ужасное явление не только породило кейнсианскую экономическую теорию, но и погрязло в смятение, кульминационной точкой которого стала Вторая мировая война.

Великие финансовые «волшебники» оказались несостоятельны от Ванкувера до Владивостока. И теперь именно государство при помощи мер государственного вмешательства должно «выкупать» тех, кто не так давно считался хозяином мира. Выкупать приходится не ради них, а для блага человечества. В подсознании каждого политика кроется страх возврата к той цепочке событий,

которую «высвободила» Великая депрессия 1929 года. Он стал истинной причиной, объясняющей, почему расходовались крупные суммы на займы для неуспешных компаний с целью их поддержки на всем протяжении от Уолл-стрит до Ломбард-стрит и Таунусанлаге и далее, за их пределами. Это стало побудительным мотивом для протекционистского желания защитить родную страну. Тон был задан премьер-министром Великобритании Гордоном Брауном, который в ноябре 2008 года во время перебоев на рынках, снижения спроса и переизбытка рабочей силы провозгласил лозунг «Работа в Британии — для британцев».

Россия испытала тяжелейшее потрясение с двух сторон. Финансовый кризис, рассматриваемый вначале как заболевание, поразившее другие страны, вскоре охватил и новую российскую финансовую систему, вызвал остановку строительства и начал опустошать государственную казну. В начале февраля 2009 года на Всемирном экономическом форуме в Давосе Председатель Правительства РФ В. В. Путин признал, что во время разразившейся бури мы все находимся в одной лодке.

Между тем у России возникла дополнительная проблема: в результате снижения спроса на нефть во всем мире цены на нее и природный газ упали ниже предполагаемого критического уровня (гораздо ниже, чем было предусмотрено в государственном бюджете на 2009 г.). В результате миллионы бюджетников оказались в крайне затруднительном положении, предприятия перешли на режим сокращенной рабочей недели и укороченного рабочего дня или вовсе закрылись, последовали демонстрации. Выражаясь абстрактно, можно сказать, что общественный договор оказался под вопросом.

Нефтепотребляющая часть мира замерла в ожидании. Но те, кто получает выгоду от падения цен на нефть, тоже не должны ликовать. При цене нефти ниже 40 долларов за баррель инвестиции в средства производства, например в терминалы, трубопроводы и новые скважины, в большинстве своем сократились. Это будет происходить до тех пор, пока цены на нефть вновь не поднимутся, но на этот раз не за счет повышенного спроса, а из-за сниженной добычи. Отметка в 147 долларов, характерная для лета 2008 года, может быть достигнута вновь и даже повыситься. Основные принципы нефтедобычи и потребления, а также энергетической геополитики не слишком изменились. Если добавить к этому восстановление глобальной экономики — когда бы оно ни произошло, — можно считать, что глобальный кризис завершил полный цикл.

Учатся ли на примерах истории народы и государства? Немецкий философ XIX века Георг Вильгельм Фридрих Гегель, учитель Карла Маркса, несколько туманно выразился по поводу того, что единственное, чему учит история, — что никто не извлекает из нее никаких уроков. Возможно, это так. Но тем не менее следует вспомнить, что случилось после «черной пятницы» на Уолл-стрит в октябре 1929 года. Обвал на Нью-Йоркской фондовой бирже инициировал нисходящую спираль экономики и как естественное последствие — политические бедствия. Американские инвесторы отозвали свой капитал отовсюду, в значительной мере из Западной Европы, и особенно из Германии. Массовая безработица побудила американского избирателя прибегнуть к демократическому рецепту государственного вмешательства.

Соединенные Штаты Америки, долго колебавшиеся между изоляционизмом и кредо Вильсона «сделать мир безопасным для демократии» (1918), сконцентрировали внимание на запутанных внутренних делах, а также на политике и финансовых вопросах «Нового курса» и сократили обязательства по всей Европе, оставив Старый Свет наедине со своими проблемами. Только после втор-

жения Японии в материковый Китай военно-морской флот США, а также Администрация Президента США обратила внимание на Дальний Восток. При президенте Вудро Вильсоне Соединенные Штаты инициировали создание Лиги Наций, чтобы реализовать вековую мечту о всеобщей системе мира и демократии, но им не удалось придать ей жизненность, облечь ее в «плоть и кровь». После 1929 года идею глобальной миссии заменил экономический и финансовый национализм.

В Европе Веймарская республика, как только начала распространяться депрессия, стала «дрейфовать» от демократии в сторону авторитаризма и тоталитаризма: нацистские лидеры заимствовали идеи из книг Муссолини и Сталина, обозначив себя в роли спасителей германской нации. На самом деле они создали некий сплав внутренней тираннии и внешней агрессии. Германия из страны-партнерши превратилась в величайшую угрозу для международного порядка, оставив далеко позади сталинскую революционную риторику. Положение Великобритании и Франции было дестабилизировано под гнетом промышленного спада, дефляции и массовой безработицы. Они не смогли воспрепятствовать подъему Германии, стремясь к разумному компромиссу и «делая хорошую мину при плохой игре» (*Faisant Bonne Mine au Mauvais Jeu*).

«Работы, работы, работы и достойного прожиточного минимума». Тот, кто смог бы обеспечить жизнь городских и деревенских масс насущно необходимым, был бы встречен с благодарностью как спаситель общества. Британия и Франция продолжали двигаться к гражданскому раздору и политическому параличу вплоть до начала Второй мировой войны. И, так же как и в США, только военные действия способствовали выходу этих промышленных демократий из депрессии. Япония и Германия, а также в некоторой степени и Италия, напротив, избрали путь военной экономики уже на ранней стадии, задействовав огромные капиталовложения для производства все большего количества «пушек и масла» на основе беспощадного займа у народа. Но как бы то ни было, к 1938 году им удалось преодолеть депрессию, излечив свои болезни еще более сильнодействующим лекарством. Была обеспечена полная трудовая занятость — после изгнания и заключения в тюрьмы сотен тысяч — и вновь подтвержден общественный договор: работа в обмен на послушание.

Очевидно, что существовали два или три, включая Россию, пути выхода из кризиса: вариант США, советский и нацистский, в то время как прочие демократии западного типа продолжали страдать и с надеждой ждать лучших времен. Локальные войны, такие как «зимняя война» Финляндии против советской агрессии, Гражданская война в Испании и японская оккупация Маньчжурии, стали генеральной репетицией ко Второй мировой войне. Не обязательно связывать неизбежное окончание Великой депрессии с крупномасштабной войной. Но последняя явилась могущественным посредником и многомерным содействующим фактором.

Может ли такое случиться вновь? История редко повторяется, потому что люди имеют возможность помнить и могут предотвращать несчастья, подобные старым, упреждающими мерами. Но глобальный кризис, который разразился в 2008 году, очевидно, имеет тенденцию привнести в систему международных отношений все самое плохое и хорошее. Однако этот процесс следует воспринимать с той оговоркой, что существует глобальная взаимозависимость — как к лучшему, так и к худшему. Если главный игрок нарушает правила глобальной системы и меняет свой просвещенный эгоизм на политику наживы за счет других, то в этом случае события выходят из-под контроля. Один протекционизм (не важно, как он называется) соответствует другому и т. д.

В отличие от 1930-х годов, в настоящее время ни одна из великих держав не стремится к тому, чтобы нарушить баланс между государствами. Все преследуют собственные интересы, но в крайних случаях (глобальное потепление, профилактика массовых заболеваний или политика сдерживания наркогосударств) эти интересы становятся более взаимосвязанными, скорее дополняющими друг друга, нежели несовместимыми. Кроме того, в этом ряду можно назвать и другие значительные угрозы: от развала системы нераспространения ядерного оружия до пиратства в масштабах Мирового океана.

Грустная история Великой депрессии — это решительное напоминание о той цене, которую придется заплатить, если изоляционизм будет считать преимуществом глобальную ответственность. Теоретически существует возможность договориться, чтобы не получилось как в поговорке: «Каждый за себя, один Бог за всех». Однако на практике, как на национальном, так и на международном уровнях, наблюдается стремление к сиюминутной выгоде за счет долгосрочной потери. Необходимы искусное государственное управление и хладнокровие для того, чтобы провести корабль сквозь бурю.

Эль Хасан бин Талаль¹

ДОСТОИНСТВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ: ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Третий мир — это мой первый мир, наиболее обездоленная и опасная, но в то же время и наиболее многообразная и динамичная часть мира. Регион, откуда я родом, — Ближний Восток — воплощает в себе эти качества как никакой другой. Возможно, вследствие трудностей, которые кажутся непреодолимыми, в обсуждениях проблем Ближнего Востока употребляется все больше аббревиатур, цель которых — определить общую динамику региона: БВСА (Ближний Восток и Северная Африка), ЗАСА (Западная Азия и Северная Африка), САБВ (Северная Африка и Ближний Восток), БВСАСА (Ближний Восток, Северная Африка и Центральная Азия) и т. д. Регион простирается от Марракеша до Бангладеш, от Касабланки до Калькутты. В настоящее время в этом регионе ведутся по меньшей мере три войны; число беженцев — рекордное за всю историю человечества. Здесь находятся самые засушливые районы, а также самые богатые — не только запасами нефти, которые иногда кажутся скорее проклятием, чем благом, но и нереализованным человеческим потенциалом, и именно в этой области нам необходимо приложить усилия, чтобы вселить в людей надежду на лучшую жизнь.

Термин «безопасность человека» призван сделать центром борьбы за безопасность не государство, а личность, чтобы сосредоточиться на свободе для человека, а не на страхе и нужде. Я хотел бы отклониться от привычного противопоставления безопасности в смысле *защиты государства* и безопасности в смысле *личного права* и рассматривать этот вопрос более широко, включая всю гамму межличностных, общественно ориентированных и культурно обусловленных отношений, возникающих между личностью и государством. Эта точка зрения знакома мне лучше других, и она, я уверен, дает нам возможность подготовить и осуществить эффективные коллективные действия, направленные на обеспечение безопасности человека.

Страшные стихийные бедствия, произошедшие недавно в Китае и Мьянме, дали нам представление о тех трудностях, с которыми мир будет продолжать сталки-

ваться. Они напомнили о нашей общей уязвимости и единой человеческой природе и в то же время сделали очевидной необходимость перевести понятие безопасности человека из концептуальной в практическую плоскость при осмыслении вопросов ответственности и суверенитета. Мне кажется бесспорным, что мы должны рассматривать значение безопасности в более широком контексте, что безопасность человека теперь должна включать в себя императив *выживаемости человека и его жизнестойкости*.

Нарушения равновесия между нациями — рост населения, нищета, нехватка продовольствия и природных ресурсов, проблемы экологии, миграции, энергетики, финансовой стабильности и культурного понимания — являются центральными вопросами безопасности.

Позвольте мне объяснить, что я имею в виду, с помощью краткого обзора условий современного мира.

Безопасность населения

Сегодня население мира составляет 6,6 млрд человек, и оно увеличивается на 220 тыс. человек каждый день. Рост мирового населения — наряду с повышением зарплат, покупательной способности и потребления в странах с формирующейся экономикой — увеличило потребность в продовольствии, товарах, нефти и других ресурсах. Если к 2050 году в мире будет жить 9 млрд человек, то все они должны иметь право на безопасность, достаточное количество природных ресурсов и достойный уровень потребления в расчете на одного человека.

Продовольственная безопасность

Около двух десятков государств с формирующейся экономикой на Юге достигли экономического роста и стали более зависимы друг от друга; но более бедные страны развивающегося Юга все так же зависят от спроса Севера, как и тридцать лет назад. Миллиард человек все еще живет в крайней бедности, 70 % из них — в Африке. Невыносимые лишения продолжают причинять страдания жителям многих стран Азии и Латинской Америки. Три четверти всех бедняков живут в сельской местности, где на продовольствие расходуется более половины семейных доходов.

Как вам хорошо известно, причинами растущего неудовлетворенного спроса на продовольствие являются:

- неурожаи;
- недостаток пресной воды и плодородной почвы;
- увеличение цен на семена и удобрения;
- использование продовольственных культур в качестве биотоплива;

¹ Коронованный принц Иорданского Хашимитского королевства.

Председатель и попечитель Форума арабской мысли, основатель Исламской академии наук — международной неправительственной организации, содействующей сотрудничеству ученых исламских стран. Основатель и вице-председатель Фонда межрелигиозных и межкультурных исследований и диалога (Женева).

Глава Хашимитского агентства чрезвычайной помощи, Центра развития образования, Института дипломатии в Иордании и Международного университета Аль аль-Байт в Мафраке.

Автор семи книг, в том числе: «Исследование проблем Иерусалима», «Палестинское самоопределение», «В поиске мира», «Христианство в арабском мире» и др.

— расширение пастбищных участков, необходимых для производства мясной и молочной продукции (вместо выращивания злаков для людей);

— повышение цен на нефть и транспортировку;

— субсидии, выделяемые сельскому хозяйству и нарушающие беспрепятственную торговлю;

— ограничения на экспорт продовольствия.

Предложение не в состоянии идти в ногу со спросом. Поставки продовольствия и медикаментов снижаются, в то время как цены растут, что означает для сотен миллионов людей плохое питание и голод, приводит к экономическому спаду и социальным беспорядкам. Сегодня понятно, что вода и еда, необходимые для жизни, являются правами человека, отражающими личное достоинство, общие нужды и благосостояние человечества.

Ресурсная безопасность

Невозобновляемые природные ресурсы также истощаются с огромной скоростью. По мере того как население, промышленное производство и потребление продолжают расти, все больше капитала и энергии необходимо для производства продовольствия и для разведки, добычи и переработки оставшихся ресурсов. Инвестиции в основном выделяются на сельское хозяйство и добычу невозобновляемых природных ресурсов, представляющие собой решающий фактор в удовлетворении человеческих потребностей, но увеличение финансовых спекуляций на рынке продовольствия и природных ресурсов также истощает финансовые ресурсы, которые в противном случае были бы направлены на промышленное производство и увеличение объема основного капитала.

Нерациональное использование инвестиций, которое усугубляется несправедливыми условиями торговли, снижает качество жизни и безопасность населения по всему миру. Очевидно, что непропорциональное распределение мировых ресурсов оказывает огромное влияние на безопасность человека. Каждый из нас должен иметь право на необходимый запас товаров, в основе этого права лежит наша взаимозависимость, интересы нашего будущего и благосостояние наших потомков.

Экологическая безопасность

Потепление и экстремальные климатические условия также оказывают огромное влияние на безопасность человека. Многие люди — особенно бедняки в некоторых наиболее густонаселенных и наименее промышленно развитых районах — страдают от неблагоприятных факторов:

— недостатка питьевой воды и орошения;

— нехватки сельскохозяйственной продукции;

— растущего дефицита природных ресурсов;

— исчезновения живой природы, создающей благоприятную среду обитания;

— распространения инфекций, переносчиками которых являются москиты и другие насекомые;

— ухудшения здоровья;

— экономических потерь, вызванных ураганами, торнадо и циклонами;

— нестабильности объема производства и торговли;

— распространения бедности.

Негативное влияние климатических условий на питание и вообще на жизнь человека, наряду с жесткой конкуренцией за скудные ресурсы, провоцируют войны за территории, продовольственные и водные ресурсы, на почве общественных и культурных различий, родовых и религиозных противоречий. Нерешенные территориальные конфликты, фундаментальные проблемы идентичности и перемещения народов ведут к межрелигиозным и этническим столкновениям, массовой миграции и распространению инфекционных заболеваний. Следует уделить особое вни-

мание здоровью, благосостоянию и правам тех, кто вынужден покидать свои дома и населенные пункты из-за дестабилизации обстановки. Мы привыкли думать о мигрантах и беженцах как о людях, спасающихся от политических конфликтов, но все чаще они становятся жертвами изменения климата. В настоящее время мы зачастую являемся свидетелями такого рода социальных проблем, причиной которых стало глобальное потепление, и перемещения больших групп людей в различных районах Центральной Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки.

Экологическая стабильность, в том числе защита беженцев — это неотъемлемое право человека, которое следует из нашей приверженности человеческому достоинству, связи со всей живой природой и ответственности перед Землей.

Энергетическая безопасность

В мире усиливается озабоченность по поводу того, достаточно ли запасов нефти, чтобы удовлетворить будущие энергетические потребности человечества. Как известно, энергетический сбой в одном регионе мира немедленно отражается на ценах и энергетической безопасности других регионов. Угрозы национальной безопасности, которые возникают вследствие зависимости от импортной нефти, наряду с жесткой конкуренцией за стратегические ресурсы полезных ископаемых вполне могут привести к дальнейшему истощению природных ресурсов, продолжению глобального потепления и в целом экономической нестабильности, в особенности в самых бедных регионах. Все эти факторы могут стать причинами вспышек экстремизма и терроризма, особенно там, где повышение стоимости энергоносителей непосредственно сказывается на питании человека; именно поэтому расширение юридических прав и возможностей бедняков путем предоставления им доступа к правосудию, закону, а также обеспечения их имущественных, трудовых и предпринимательских прав сегодня так важно.

Доступ к надежным источникам экологически чистых видов энергии является сегодня неотъемлемым правом человека, в основе которого лежит обязанность мирового сообщества обеспечить бедным возможность удовлетворить их материальные нужды, способствовать экономической производительности и добиться приемлемого качества жизни людей повсюду.

Финансовая безопасность

Повышение спроса на продовольствие, энергоносители и другие ресурсы стало причиной значительного уменьшения предложения. Хотя страны с формирующейся экономикой и развивающиеся страны уже на протяжении нескольких лет обретают финансовую независимость, они все еще тесно связаны с США в сфере денежной системы. Если производители нефти и государства, чьи валюты «привязаны» к доллару США, решат, что в перспективе ценность доллара неустойчива, они могут перевести свои резервы в другие валюты. Соединенные Штаты будут вынуждены: 1) сократить дефицит платежного баланса за счет существенного снижения стоимости доллара; 2) увеличить объем своих свободных капиталов либо путем значительного урезания потребительских и общих расходов, либо путем резкого сокращения бюджетного дефицита.

Эти два способа финансового регулирования — особенно наряду с продолжающимся ростом цен на продовольствие, товары и энергоносители — стали бы началом ударной волны, которая пронесется по всему миру. Она явилась бы причиной колебаний обменного курса, неустойчивости валют, дестабилизации потоков мирового

капитала, беспорядочных операций по долговым платежам и усиления протекционизма. Национальные бюджеты, торговый баланс, экономический рост, рабочие места, доход и политическая стабильность испытали бы на себе ее пагубное влияние.

Поэтому финансовая безопасность сегодня крайне важна для всех, а особенно для бедных. Наша покупательная способность, которая непосредственно влияет на возможность кормить свои семьи, оплачивать счета, откладывать и вкладывать деньги, — обязательная социальная норма. Право на стабильные валюты — как выражение наших коллективных культурных ценностей, средств к существованию и самоуважения — особенно важно в период изменений.

Культурная безопасность

Деньги, энергоносители, природные ресурсы и материалы являются необходимыми, но не исчерпывающими факторами человеческой жизни. Культурная безопасность, важный, но нередко забываемый фактор безопасности человека, представляет собой базис, на основе которого следует понимать все остальные формы безопасности. Человек не может чувствовать себя защищенным без взаимопонимания и культурной целостности — это реальность, которая становится все более очевидной в развивающемся и развитом мире. Стремительные культурные перемены и «культурная агрессия», обусловленные глобализацией и миграцией, сделали межличностные и межнациональные отношения натянутыми. Надежная безопасность человека и нации возможна только при условии практического подхода, в рамках которого культура понимается как ключевой компонент человеческого опыта и политического диалога.

Превентивная безопасность

Существует еще один компонент безопасности человека, тесно связанный с другими. В государстве, где возможны геноцид, этнические чистки и другие преступления против человечества (а таким может стать любое государство), существует очевидная необходимость защитить людей от зверств раньше, чем они будут совершены. Концепция государств, на которые возлагается «обязанность защищать» граждан всех стран, в последние годы обсуждается Организацией Объединенных Наций в ответ на эскалацию насилия; эта идея остается более эмоционально и идеологически окрашенной, чем обычно свойственно подобным проблемам. Я придерживаюсь мнения, что давно уж пора разрешить этот спор.

Вопрос сегодня состоит в том, является ли вмешательство в дела государства моральным долгом международного сообщества или нарушением суверенности государства; и все же не существует веских причин против разделенного суверенитета, что отражало бы реалии взаимозависимого мира. Превентивные меры безопасности требуют, чтобы мы подготовились к возможным местным и региональным конфликтам с целью защиты людей, над которыми нависла угроза, и это становится решающим фактором, когда мы сталкиваемся с мрачной перспективой массового голода, масштабного экологического кризиса и конфликтов за обладание все более скудными природными ресурсами, такими как нефть и вода в некоторых регионах. Право на предупредительные меры безопасности является результатом нашей коллективной ответственности, заключающейся в гарантии политической стабильности, защиты беззащитных, обеспечения совершенствования человека на основе уникальной ценности каждого.

Государственная и торговая безопасность

Наконец, два последних фактора безопасности человека, которые, как вы, возможно, ожидали, я должен был

назвать первыми. Но я не считаю, что их необходимо подчеркивать; они и так общеизвестны. Я говорю о государствах, которые обязаны обеспечивать политическую безопасность людей, находящихся в пределах их границ. И, конечно, о свободных рынках, в том числе о рынке труда, производства и финансовом рынке, которые представляют собой жизненно важную основу экономической безопасности. Государства и рынки являются краеугольными камнями современной цивилизации, и я бы, наверное, не смог перечислить их многочисленных достоинств в деле предоставления необходимых товаров и услуг потребителям и защиты благосостояния граждан.

Но я также считаю, что мы переоцениваем их значение для безопасности человека. Конечно, так как они существуют практически всюду, есть тенденция полагать, что только правительства и рынки являются единственными оплотами безопасности человека. Конечно, большинство из нас привыкли видеть мир именно таким, что я считаю крайне ограниченной точкой зрения.

Во время своих путешествий я обсуждаю со многими людьми те глобальные трудности, с которыми мы сталкиваемся, и мне становится все более ясно, что существует мало политических или коммерческих решений, которые обеспечат общую безопасность человечества. Нам отчаянно не хватает стратегического планирования и сотрудничества ради будущего планеты.

Я буду откровенен. Настоящей проблемой сегодня является не то, являются ли рынки саморегулирующимися или они нуждаются в государственном управлении. Настоящей проблемой является то, что национальных государств и рынков недостаточно для решения множества проблем, которые выходят за пределы национальных границ, — проблемы мирового голода, истощения природных ресурсов, экономических спадов, неравенства в материальном положении, глобального потепления, загрязнения окружающей среды, инфекционных заболеваний, межкультурных конфликтов и терроризма.

Общее достояние человечества

Сегодня, как никогда раньше, я уверен, что должен быть третий сектор народной воли — мощная сила, направленная на обеспечение безопасности человека и сотрудничества по всему миру. Ответственность и полномочия должны перейти от правительств вниз — к индивидуумам, общественным организациям и гражданскому обществу — и вверх — к международным и региональным организациям и системам. Я также уверен, что вместе, как граждане мира, мы должны сегодня противостоять множеству проблем, которые влияют на нашу жизнь независимо от территориальных границ и вызывают общую озабоченность; проблем, которые правительства и рынки не способны решить.

Настоящие проблемы состоят в следующем:

— государства не отказываются от своего суверенитета с целью более эффективного сотрудничества друг с другом, а решения, движущей силой которых является рынок, неспособны решить системные проблемы по всему миру;

— для экономического и социального развития, экологической гармонии и мира необходимо новое равновесие между общими интересами государств, рынков и людей;

— вопросы, имеющие отношение ко всему человечеству, должны быть поставлены в одну многостороннюю повестку дня, их необходимо обсуждать с участием представителей каждого сектора — правительства, бизнеса и гражданского общества;

— все представители должны немедленно начать *программу глобальных действий*, которая обеспечит победу

над бедностью, надлежащее обеспечение продовольствием, справедливое распределение природных ресурсов и товаров потребления, чистую окружающую среду, защиту мигрантов и беженцев, надежные и доступные энергоносители, стабильную покупательную способность и общий мирный климат;

— этот план общих действий также необходимо рассматривать как пробный шаг по направлению к геополитическим преобразованиям и глобальным экономическим изменениям, что приведет к большей международной сплоченности и созданию глобального правительства.

В настоящее время я возглавляю группу представителей высокого уровня, которая называется Совет интеграции и является консультативным органом по международному переговорному процессу. Мы начали программу международного партнерства — под названием Коалиция для всего человечества, — чтобы привлечь группы гражданских обществ и отдельных людей по всему миру к разработке плана общих глобальных действий.

Уважаемые коллеги, в 60-ю годовщину Декларации прав человека ООН давайте признаем, что принцип «Достоинство и справедливость для каждого» может основываться только на человеческой цивилизации, функ-

ционирующей как единое целое, и поэтому вопрос об *иностранном вмешательстве* против *суверенитета государства* — это совершенно неверное противопоставление. Дать возможность каждому в этом мире жить без страха и нужды, развивать свой потенциал в здоровой и благоприятной среде означает, что личные права, права государств и международные права должны рассматриваться как неделимое и динамичное единство, а не как источник поляризации и конфликта.

Как человеческие существа, мы естественным образом живем в настоящем и будущем — а не только в настоящем. Если кто-то лишился пропитания, воды или крова, то этих людей можно снова обеспечить средствами для добычи еды, воды и крова. Но если человек потерял надежду и ценности, то удовлетворение материальных потребностей не вернет ему будущего. Надежду можно вновь зажечь только восстановив утраченные ценности.

Когда мы говорим, что заботимся о безопасности человека, то имеем в виду, что хотим облегчить ситуацию путем создания системы, которая обеспечила бы будущее в виде все лучших условий в настоящем. Последствием наших действий должно стать улучшение качества жизни и обретение надежды.

А. В. Яковенко¹

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ КАК СРЕДСТВО УСТАНОВЛЕНИЯ МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ И СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Проблематика межцивилизационного общения в последнее десятилетие получила широкое распространение в науке, политике и дипломатии и стала одной из важных составляющих современных международных отношений.

Причина востребованности и актуальности данной темы состоит прежде всего в осознании опасности конфликтного потенциала нарастающих межцивилизационных противоречий современного мира. Причем такие противоречия усиливаются в условиях набирающей силу конкуренции между ценностными ориентирами и цивилизационными моделями развития. Появилась угроза перетекания межцивилизационной конкуренции в состояние конфронтации, а на повестку дня со всей остротой встала задача предотвращения развития международной ситуации по такому опасному сценарию. Подобное положение вещей сложилось после окончания холодной войны.

В связи с этим на современном этапе залог мирного сосуществования и устойчивого развития видится в максимальном и полезном взаимодействии всех культурных и религиозных традиций, что возможно осуществить только путем регулярного диалога между цивилизациями и их представителями. Особо следует отметить все возрастающую роль религиозного фактора в условиях прогрессирующей глобализации мировой политики, экономики и финансов.

¹ Заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

С 1976 г. работал на различных дипломатических должностях в центральном аппарате Министерства иностранных дел, в том числе в Департаменте внешнеполитического планирования и в Постоянном представительстве СССР при ООН в Нью-Йорке. В настоящее время курирует вопросы участия России в международных организациях, международно-правовой проблематике, международного экономического, гуманитарного сотрудничества, в том числе в области прав человека.

Автор книг: «Международная космическая станция», «Прогрессивное развитие международного космического права», «Современные космические проекты: международно-правовые проблемы», «Космические проекты: международно-правовые проблемы», ряда статей по международному праву и внешней политике, соавтор учебника «Международное космическое право» и др.

Концептуальное видение роли этого явления связано с необходимостью сопрягать подходы к актуальным международным проблемам с базовыми ценностями основных мировых религий, составляющими духовно-нравственную основу общечеловеческой солидарности. Без учета этих принципов трудно добиться справедливого решения насущных вопросов мирового развития на подлинно коллективных и правовых началах, создать атмосферу доверия и взаимопонимания в отношениях между государствами в эпоху глобализации, в условиях нарождающейся многополярности, когда конкуренция приобретает межцивилизационное измерение. Опора на общий нравственный знаменатель, всегда существовавший в основных мировых религиях, помогает укрепить межкультурное согласие, определить критерии соблюдения гражданских прав и свобод в контексте ответственности личности перед обществом.

Нельзя не учитывать и осязаемый миротворческий потенциал ведущих религий, который становится все более востребованным для предотвращения столкновения цивилизаций, преодоления различных форм экстремизма, корни которых находятся в прошлом и в то же время провоцируются современными реалиями: диспропорциями экономического развития севера и юга, нарушениями прав человека, в том числе в контексте борьбы с терроризмом, диффамацией религий и угрозой сохранения национально-культурной идентичности народов и традиционных этических принципов.

Свою задачу мы видим в создании благоприятных политико-дипломатических условий для налаживания межрелигиозного диалога, в том числе с целью нейтрализации попыток политизировать религиозный экстремизм.

Россия всемерно поддерживает усилия, направленные на органичное участие диалога религий в международном общении в рамках межправительственных организаций и форумов, в том числе по линии Организации Исламская конференция, Исламской организации по образованию, науке и культуре, Лиги арабских государств,

Межпарламентской ассамблеи православия и др. Важным этапом на пути утверждения такого подхода стало проведение в июле 2006 года в Москве Всемирного саммита религиозных лидеров.

В наши дни этот вопрос дискутируется в Организации Объединенных Наций, Совете Европы, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Содружестве Независимых Государств, других международных организациях и форумах. Большое внимание уделяется инициативам по развитию межрелигиозного диалога и религиозного измерения межкультурного диалога, выдвигаемым различными субъектами международного права, организациями гражданского общества.

Важнейшей площадкой для такой работы является ООН. Именно там существуют наибольшие возможности для утверждения межцивилизационного, межкультурного и межрелигиозного диалога на мировом уровне с участием представителей государств, неправительственного сообщества, деятелей религии, науки, культуры, СМИ.

В рамках этой универсальной организации действует ряд межцивилизационных встреч различных форматов, в которых Россия принимает активное участие. Среди них: Трехсторонний форум по межрелигиозному сотрудничеству на благо мира, министерские встречи по межрелигиозному диалогу и сотрудничеству на благо мира и проведенный в 2007 году Диалог высокого уровня по поощрению межрелигиозного и межкультурного взаимопонимания и сотрудничества на благо мира. Диалог стал самым масштабным за последнее время форумом, посвященным обсуждению проблематики межрелигиозного и межкультурного сотрудничества с целью поощрения терпимости, взаимопонимания и достижения всеобщего уважения к вопросам свободы религий, убеждений и культурного разнообразия. В нем впервые от России принял участие и высокий представитель Русской православной церкви.

В 2008 году эстафета Диалога была подхвачена проведенным в Мадриде по инициативе Саудовской Аравии Международным форумом по межрелигиозному диалогу (16–18 июля 2008 г.) и состоявшимся в рамках Генеральной Ассамблеи ООН заседанием высокого уровня, посвященным этой тематике (12–13 ноября 2008 г.), в котором приняли участие 80 делегаций (среди них — ряд участников на уровне глав государств и правительств).

Видное место в работе ООН в этом направлении занимает созданный в 2005 году под ее эгидой по инициативе Испании и Турции «Альянс цивилизаций», в котором религиозный компонент находится пока на стадии формирования, но имеет все основания занять там более заметное место.

Уже на ранних стадиях формирования Альянса мы увидели заложенный в нем потенциал мобилизации коллективной воли международного сообщества для укрепления межцивилизационного согласия, достижения гармонии и отношений между культурами, обществами и религиями и подключились к его реализации в качестве члена так называемой «Группы друзей» «Альянса цивилизаций».

Накопленный в этой сфере позитивный опыт следует развивать на площадке ООН. В связи с этим я придаю большое значение проведению в 2010 году Международного года сближения культур и поддерживаю участие ведущих религиозных лидеров в проводимых в его рамках мероприятиях.

Нынешний этап развития межгосударственных отношений диктует необходимость придания такому диалогу оперативного характера, когда требуется незамедлительно реагировать на вызовы современности, имеющие в том числе и религиозную составляющую.

В сентябре 2007 года на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Россия выдвинула инициативу создания под

эгидой ООН Консультативного совета религий. Основной задачей Совета, по нашему мнению, должно стать налаживание широкого диалога между представителями конфессий и международными организациями.

Такая структура могла бы объединить представителей христианства (католическая, протестантская, древневосточная, православная церкви), ислама (суннизм, шиизм), иудаизма, дхармических религий (буддизм, индуизм) и синтоизма. Будучи религиозным по своей сути, Консультативный совет религий в своей деятельности использовал бы светские формы и методы. Его компетенция могла бы распространяться на такие вопросы, как межрелигиозный диалог и диалог с нерелигиозными мировоззрениями; борьба с диффамацией религий, проявлениями нетерпимости и ксенофобии; защита мест религиозного поклонения и святынь; сохранение культурно-цивилизационного многообразия в условиях глобализации; содействие урегулированию региональных конфликтов, имеющих религиозную составляющую.

Российская инициатива была встречена ООН в целом с одобрением. В принятую в ноябре 2008 года при соавторстве России резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН «Поощрение межрелигиозного и межкультурного диалога, взаимопонимания и сотрудничества на благо мира» было включено положение, рекомендующее государствам — членам ООН рассмотреть в числе других и наше предложение о создании Консультативного совета религий.

Вместе с тем приходится учитывать, что ряд стран либо отвергает идею встраивания религиозного компонента в международный диалог, исходя из принципа отделения церкви от государства, либо относится к ней негативно, обращая внимание преимущественно на ответственность государств за обеспечение свободы вероисповедания. Порой эта тема рассматривается с точки зрения предоставления дополнительных свобод разного рода нетрадиционным сектам и псевдорелигиозным группам и течениям. Кроме того, некоторые страны опасаются как возможной конкуренции существующим форматам межцивилизационного и межкультурного диалога, инициаторами которых они являются, так и укрепления в целом позиций России в межрелигиозном диалоге.

В ответ на это министр иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров, выступая на конференции министров иностранных дел «Общий мир: прогресс через разнообразие» в Астане в октябре 2008 года, подчеркнул, что «речь идет лишь о создании постоянно действующей консультативной площадки».

В качестве первого шага на пути создания Консультативного совета религий нашим партнерам было предложено образовать подобную структуру в рамках ЮНЕСКО. Двигаясь в этом направлении, Русская православная церковь в обращении к Генеральному директору ЮНЕСКО инициировала создание при Гендиректоре группы высокого уровня по межрелигиозному диалогу. По мнению Русской православной церкви, группа может заниматься содействием межкультурному диалогу через образование, науку, культуру и СМИ в соответствии со Среднесрочной стратегией ЮНЕСКО на 2008–2013 годы. Следует отметить, что с учетом растущего внимания в этой организации к межцивилизационной и межрелигиозной тематике подобное обращение встретило в руководстве ЮНЕСКО положительный отклик.

В заключение хотелось бы сказать, что вне зависимости от того, как будет решен вопрос о механизме межрелигиозного диалога, по словам С. В. Лаврова, необходимость задействования потенциала здоровых сил в мировом религиозном сообществе становится все более очевидной, а его продвижение и укрепление — насущной задачей мировой политики.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- М. А. АГ-ТАЙЕБ** генеральный директор Кабинета иностранных дел Министерства Мекканского региона (Королевство Саудовская Аравия), ректор, профессор Университета «Аль-Азхар», доктор
- О. Т. БОГОМОЛОВ** академик РАН, советник РАН, почетный директор Института международных экономических и политических исследований РАН, заведующий кафедрой мировой экономики Государственного университета управления (Москва), доктор экономических наук, профессор
- М. БОРИСЕНКО** победительница III Всероссийского конкурса творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность», учащаяся 11-го класса школы № 118 (Санкт-Петербург)
- А. Е. БУСЫГИН** заместитель министра культуры РФ, доктор экономических наук, профессор
- П. БЮЛЬ-БЮЛЬ оглы** Чрезвычайный и Полномочный посол Азербайджанской Республики в РФ, доктор искусствоведения, профессор, народный артист Азербайджанской Республики
- Г. А. ГАДЖИЕВ** судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
- Р. ГЕРРА** заведующий кафедрой русского языка и литературы Государственного университета г. Ницца (Франция), президент Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции, доктор филологических наук
- С. ГУАНЧЭН** директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии социальных наук (CASS), доктор философии, профессор
- А. А. ГУСЕЙНОВ** академик РАН, директор Института философии РАН, заведующий кафедрой этики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
- М. ДРЮЭН** президент Национального союза обществ дружбы «Франция–Россия–СНГ», президент Ассоциации Eurcasia («Европа–Россия–Кавказ–Азия»)
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** академик РАО, член Президиума РАО, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, член Президиума Совета ректоров Санкт-Петербурга, ректор СПбГУП, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- И. С. КОН** академик РАО, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), доктор философских наук, профессор
- А. Д. КУЛАКОВА** учитель школы № 118 (Санкт-Петербург)
- В. А. ЛЕКТОРСКИЙ** академик РАН, академик РАО, главный редактор журнала «Вопросы философии», доктор философских наук, профессор
- Е. И. МАКАРОВ** помощник полномочного представителя Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ** академик РАН, вице-президент РАН, директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
- Н. Д. НИКАНДРОВ** президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор
- Х. А. МАРК ПУЖОЛЬ** Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Испания в РФ
- А. РАР** журналист, политолог (Германия), директор программ по России и СНГ Немецкого общества внешней политики
- Э. А. РЯЗАНОВ** кинорежиссер, народный артист СССР, почетный доктор СПбГУП
- В. С. СТЕПИН** академик РАН, научный руководитель Института философии РАН (Москва), и. о. академика-секретаря Бюро Отделения общественных наук РАН, доктор философских наук, профессор
- П. П. ТОЛОЧКО** академик Национальной академии наук Украины, директор Института археологии НАН Украины, доктор исторических наук, профессор
- В. Т. ТРЕТЬЯКОВ** декан Высшей школы телевидения (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова, генеральный директор ЗАО «Независимая издательская группа», главный редактор — генеральный директор журнала «Политический класс»
- А. О. ЧУБАРЬЯН** академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН, ректор Государственного университета гуманитарных наук (Москва), доктор исторических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
- М. В. ШМАКОВ** председатель Федерации независимых профсоюзов России, президент Всеевропейского регионального совета Международной конфедерации профсоюзов, почетный профессор СПбГУП
- А. В. ЯКОВЕНКО** заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Начало Международных Лихачевских научных чтений было положено в нашем Университете выдающимся российским мыслителем, ученым-гуманитарием, специалистом по истории и культуре Древней Руси Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, который был нашим почетным доктором. Чтения начались здесь как Дни науки в 1993 году. Дмитрий Сергеевич видел основной смысл этого мероприятия в создании большого форума, в котором участвовали бы не только ученые, но и специалисты-практики, выдающиеся общественные деятели, представители прессы и самых разных специальностей, достигшие значительных успехов в своей профессиональной сфере. Международные Лихачевские научные чтения задумывались как форум по гуманитарным проблемам современного мира, в котором участвовали бы не просто специалисты, но выдающиеся мыслители и видные деятели современности. Задачей этого форума было по возможности обобщить последние достижения в научной работе существующих в России институтов Академии наук.

История мировой науки — это история дифференциации и углубления научного знания. Сегодня институты Российской академии наук и других академий все более профилируются по определенным направлениям знаний. На различных форумах происходит интегративное осмысление накопленного, и лучшее место для подобных мероприятий — это, пожалуй, университеты, которые изначально предназначены для создания интегрального знания.

Соучредителями Международных Лихачевских научных чтений вместе с Гуманитарным университетом профсоюзов стали Российская академия наук и Российская академия образования.

В 2001 году мы с Даниилом Александровичем Граниным обратились к Президенту РФ Владимиру Владимировичу Путину с просьбой принять ряд мер по увековечению памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева. Вышел Указ Президента РФ, согласно которому нам и было поручено дальнейшее проведение традиционно сложившихся Дней науки, инициированных Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, как Международных Лихачевских научных чтений.

Надо заметить, что в 1999 году был зарегистрирован, также по инициативе Дмитрия Лихачева, Конгресс петербургской интеллигенции. Его учредителями стали семь человек — Дмитрий Сергеевич Лихачев, Даниил Александрович Гранин, Жорес Иванович Алферов, Андрей Павлович Петров, Кирилл Юрьевич Лавров, Михаил Борисович Пиотровский и ваш покорный слуга. Конгресс петербургской интеллигенции также является учредителем Международных Лихачевских научных чтений.

Последние три года Международные Лихачевские научные чтения посвящены тематике диалога культур и партнерства цивилизаций. В значительной степени это связано с тем, что Чтения приобрели международный характер и проходят при поддержке Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Сегодня в Чтениях участвует до полутора тысяч человек, тогда как еще 4 года назад количество участников было около тысячи человек. Такое расширение состава Чтений связано с тем, что мы проводим и Лихачевский форум старшеклассников России, в котором приняли участие около 500–700 школьников со всей страны. Это мероприятие проходит одновременно с Всероссийским конкурсом творческих работ (сочинений) старшеклассников «Идеи Дмитрия Лихачева и современность», посвященным научному наследию академика. Конкурс проводится СПбГУП совместно с Российской академией образования.

В этом году в работе Международных Лихачевских научных чтений, которые продлятся два дня, также бу-

дет участвовать около полутора тысяч человек. На конференцию представлено свыше 300 докладов, из них более 100 докладов выдающихся деятелей, принадлежащих к мировой гуманитарной элите — общественно-политической, научной, публицистической и т. д. Представлено свыше 50 докладов иностранных гостей.

К сожалению, далеко не все гости смогли прибыть. Но здесь присутствует большой отряд выдающихся ученых Российской академии наук и Российской академии образования во главе с вице-президентом Российской академии наук академиком Александром Дмитриевичем Некипеловым. Могу назвать лишь некоторые известные имена — это академик Олег Тимофеевич Богомолов, академик Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов, академик Владислав Александрович Лекторский, академик Юрий Алексеевич Рыжов, академик Вячеслав Степанович Степин, академик Александр Оганович Чубарьян, академик Игорь Семенович Кон, академик Володар Викторович Краевский и др. Я рад приветствовать и наших зарубежных гостей. Это представители 26 стран, то есть выдающиеся общественные деятели и ученые практически со всех континентов мира, а также послы Азербайджана, Испании, Саудовской Аравии, Генеральные консулы Польши, Казахстана, Великобритании, Германии.

В работе Чтений, помимо тех персон, которых я уже назвал, примет участие председатель Центральной избирательной комиссии РФ Владимир Евгеньевич Чуров.

Особо я хотел бы поприветствовать почетных докторов Университета — кинорежиссера Эльдара Рязанова, писателя Альберта Лиханова, замечательного, выдающегося философа Абдусалама Гусейнова.

Я хотел бы поблагодарить всех, кто прислал свои доклады и прибыл сегодня для участия в работе Международных Лихачевских научных чтений. Материалы Чтений размещены на сайте академика Д. Лихачева (<http://www.lihachev.ru/>), причем те доклады, которые были представлены на английском языке, переведены на русский, а доклады, представленные на русском языке, — на английский. Кроме того, мы отпечатали все доклады в виде рабочих рукописей, чтобы участники Чтений имели возможность познакомиться с ними; это делает излишним зачитывание докладов. И если первоначально Оргкомитет предполагал, что каждому из наших уважаемых гостей мы сможем предоставить для выступления 15 минут, то сейчас уже очевидно, что это время сократилось до 7–8 минут. Поэтому я убедительно прошу выступающих не зачитывать доклады, а поделиться своими рассуждениями на тему собственно выступления и докладов других участников.

За последние несколько лет у нас выделились две группы участников Чтений: одни прочитывают доклад, другие выступают со своими соображениями. Обсудив эту ситуацию на Оргкомитете, мы решили, что надо постараться избежать зачитывания докладов — сегодня у нас есть другая возможность и другие формы донесения их до аудитории. Поэтому я бы призвал сегодняшних участников выступать с этой трибуны как можно более неформально. Конечно, выступления будут опубликованы, но прежде все расшифрованные стенограммы будут отправлены на согласование каждому автору, и вы сможете их отредактировать. Поэтому я призываю вас выражать свои взгляды так, как это делал Дмитрий Сергеевич Лихачев и как это свойственно петербургской интеллигенции, — свободно.

Я приношу глубочайшие извинения за все возможные организационные накладки, которые неизбежны при таком огромном составе участников Чтений. В заключение позвольте пожелать всем успешной работы.

IX Международные Лихачевские научные чтения откроет академик Александр Дмитриевич Некипелов.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Уважаемые друзья! Александр Сергеевич напомнил нам историю Лихачевских научных чтений. Российская академия наук, которую мы с коллегами здесь представляем, является одним из учредителей этого форума. Нам очень приятно, что время проведения Чтений практически совпадает с днем рождения Университета. Мы хотели бы поздравить Гуманитарный университет профсоюзов и лично Александра Сергеевича с этим праздником.

К сожалению, Юрий Сергеевич Осипов не сможет присутствовать на Чтениях, но он подготовил доклад для нашей конференции и просил меня передать его вам вместе с наилучшими пожеланиями, а также сказать о том, что мы в Российской академии наук высоко ценим ту работу, которая проводится Университетом в рамках Лихачевских научных чтений.

Уважаемые друзья, я подготовил развернутые тезисы выступления о проблеме интеграции экономического знания и знания, которое представляют другие гуманитарные науки. Там есть ряд соображений, касающихся состояния экономической науки и тех претензий, которые к нашей науке — во многих отношениях справедливо — выдвигают представители других общественных наук.

Общая идея доклада заключается в следующем. Современная экономическая наука, которая сформировалась на базе концепции экономического человека, сформулированной выдающимся английским экономистом Адамом Смитом, с одной стороны, является большим достижением, потому что на ее основе удалось сформировать и развить солидную теорию, а с другой — имеет достаточно серьезные ограничения. Все мы понимаем (особенно остро это чувствуют представители других отраслей гуманитарного знания), что экономический человек — это абстракция. На самом деле никто из нас не является таким человеком, который заинтересован исключительно в максимизации уровня собственного благосостояния и равнодушен к тому, что происходит вокруг него, в каком состоянии находится общество. А значит, задача заключается не в том, чтобы отбросить все, что наработано в рамках так называемого «мейнстрима», а в том, чтобы на его основе «надстроить дополнительный этаж», где попытаться учесть и в то же время снять ограничения исходной концепции экономического человека.

Поздравляю всех с началом работы нашей конференции!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Уважаемые коллеги! Так сложилось, что из учредителей Конгресса петербургской интеллигенции здесь присутствую только я. Даниил Александрович Гранин, к сожалению, находится в больнице. Михаил Борисович Пиотровский сейчас в Голландии, где занят подготовкой визита Президента РФ Дмитрия Анатольевича Медведева. Жорес Иванович Алферов присоединится к нам завтра, когда мы будем чувствовать Александра Дмитриевича Некипелова в качестве нового почетного доктора нашего Университета.*

Я хотел бы предложить сейчас выступить человеку, который, безусловно, является подлинным российским интеллигентом и знаковой фигурой для нашей страны. Он воплотил в своем творчестве чаяния, мысли, чувства народа. Слово предоставляется Эльдару Александровичу Рязанову.

Э. А. РЯЗАНОВ¹: — Дорогие друзья! Честно признаю, я чувствую себя самозванцем в этом замечательном

научном сообществе. Тем не менее я счастлив, что каким-то образом участвую в работе Чтений.

Дмитрий Сергеевич Лихачев — великий человек, проживший выдающуюся жизнь. Он испытал на себе страшный сталинский режим и умудрился не потерять ни на гран человечности, способности к ясному, удивительно-му научному мышлению. Этот человек был святой. И то, что на Чтениях его имени собираются такие талантливые люди, является большой заслугой Университета и Александра Сергеевича Запесоцкого.

Поскольку я никогда в жизни не писал и не произносил ученых докладов, я решил просто прочитать вам свои стихи.

Я очень люблю Петербург, многим ему обязан. В этом городе жил мой учитель Григорий Михайлович Козинцев — великий режиссер. Тут живут мои друзья. Здесь я снял 8 из 26 картин и был удостоен звания почетного доктора этого замечательного Университета. Словом, я очень люблю Петербург. Поэтому я прочту стихотворение, которое называется «Память о Санкт-Петербурге»:

Как обычно, примчался под вечер
Легкий северо-западный ветер.
Он принес разговоры и запахи,
Что случились на северо-западе.

Этот бриз — мой старинный приятель,
Он меня заключает в объятия,
В ухо разные тайны бормочет,
Мы шушукаемся и хохочем,

Ходим-бродим по берегу запани,
Вспоминаем о северо-западе...
А потом налетают жестоко
Ветры знойные с юго-востока,

И меняется все в одночасье,
Убегает мой друг восвоися,
И бреду я домой одиноко
В душных струях, что с юго-востока.

Жду, что завтра примчится под вечер
Свежий северо-западный ветер.
Соткан он из прохлады и влаги,
Он колышет истории флаги,

Принесет дороге известья,
И опять мы закружимся вместе,
Перепутаем шорохи, запахи...
Мое сердце на северо-западе.

Фаина Георгиевна Раневская говорила: «Сняться в плохом фильме — все равно что плюнуть в вечность». Это можно сказать не только о кино, но и о любой сфере жизни. Однажды я написал стихотворение «У природы нет плохой погоды», которое стало затем песней. Сейчас я прочитаю вам поэтическое извинение за то стихотворение:

«У природы нет плохой погоды», —
Написал я много лет назад.
Сколько я упреков от народа
Выслушал, что сам себе не рад.

Был моложе, веселей, беспечней,
Не страшился я держать ответ.
Болтанешь, как будто плюнешь в вечность,
Ан обратной уж дороги нет.

¹ Кинорежиссер, народный артист СССР, почетный доктор СПбГУП. Президент Российской академии кинематографических искусств «НИКА». Лауреат Государственных премий СССР и РСФСР им. братьев Васильевых, награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Дружбы народов и «За заслуги перед Отечеством» II и III степени, а также

французским орденом Искусств и литературы. Призер Международных кинофестивалей в Мадриде, Дели, Брюсселе и др.

Да и мне не скрыться от судьбины:
Отдых! Я приехал на курорт!
Три недели страшной холодины,
Дождь на нас чихал, как злощипый черт.

Мнимый парадокс всегда опасен,
Фраза прилепилась, как печать.
Я и сам с собою не согласен,
Я хочу при солнце отдыхать.

Штормы, вихри, смерчи, ураганы,
Зной, буран, самум и снегопад,
Я скажу вам, очень не желанны.
Я беру свои слова назад!

Отрекаюсь от своей ошибки,
Забираю эту песню вспять.
У природы — редкие улыбки!
Только их и надо привечать.

Жизнь идет, сменяя цикл за циклом.
Ну какая старость — благодать?!
А меня и эту беспринципность
Надо понимать и принимать.

Прочту еще одно стихотворение, навеянное реальной жизненной ситуацией. Когда одна красивая, но бездарная актриса вышла на сцену, ей из зала крикнули: «Ты ничего не играй, ты только ходи туда-сюда, туда-сюда!» Вот и я ощущаю себя порой той самой актрисой, о чем и написал не очень веселое стихотворение:

Я все еще, как прежде, жил, живу,
А наступило время отступленья.
Чтобы всю жизнь держаться на плаву,
У каждого свои приспособленья.

Я никогда не кланчил, не просил,
Карьерной не обременен заботой.
Я просто сочинял по мере сил
И делал это с сердцем и охотой.

Но невозможно без конца черпать —
Колодец не бездонным оказался.
А я привык — давать, давать, давать!..
И, очевидно, вдрызг поиздержался.

Проснусь под утро... Долго не засну..
О, как сдавать позиции обидно!
Но то, что потихоньку я тону,
Покамест никому еще не видно.

Богатства я за годы не скопил,
Порою жил и трудно, и натужно.
В дорогу ничего я не купил..
Да в этот путь и ничего не нужно.

Я благодарен Гуманитарному университету профсоюзов и его ректору Александру Сергеевичу Запесоцкому. Не перестаю восхищаться этим Университетом, потому что я видел много вузов в разных странах, но нигде не встречал такого хорошо оснащенного, великолепного «организма», которым управляет Александр Сергеевич. Здесь, на этой сцене, меня посвящали в почетные доктора, и этот Университет стал для меня родным домом. Я счастлив, что именно здесь проходит Международные Лихачевские научные чтения. Поддерживать и помнить наших генералов, людей, которым мы многим обязаны, — святая обязанность каждого интеллигента.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Спасибо, Эльдар Александрович. Не все знают Вас как поэта, но я видел одну современную энциклопедию российской культуры, где написано, что Алла Пугачева — это певица, которая исполняла песни на стихи Эльдара Рязанова.*

А. О. ЧУБАРЬЯН: — Уважаемый Александр Сергеевич, дорогие коллеги, друзья! Я очень рад и горд, что могу присутствовать сегодня здесь. В этом зале мне также вручали все атрибуты почетного доктора Университета. Я был, смею надеяться, одним из первых, кто понял значение этого вуза.

Это действительно прекрасный университет, и не только по оснащению, как правильно сказал Эльдар Александрович. Здесь ведется инновационная деятельность, связанная с социализацией студентов. Я думаю, у нас нет подобного университета, где бы социальные факторы играли такую большую роль в образовании. Здесь разрабатывается много вопросов культурологии. И огромный пласт уже имеющихся публикаций трудов Дмитрия Сергеевича Лихачева, и продолжение изучения его наследия показывают, как много сделано Университетом для того, чтобы создать и пропагандировать теорию культуры.

Я думаю, что одна из мыслей Дмитрия Сергеевича Лихачева, заложенная в его концепции, сегодня является важнейшей составляющей проблемы межкультурного диалога. Это проблема взаимных образов и представлений. В мировой исторической науке это очень популярная тема. Лет 15–20 назад на международном конгрессе историков была впервые поднята тема, которую обозначили как «Образы других». Теперь уже говорят «образ другого», «образ соседа» — очень широкая палитра представлений. Но это одна из предпосылок диалога. Трудно вести диалог, особенно в сфере культуры, если мы не имеем ясного понимания взаимных образов и представлений.

Существуют добрососедские официальные отношения между странами, добрые отношения между людьми, народами. Но есть и отрицательные образы, и сегодня в науке найдены механизмы, позволяющие определить, как они формируются. В данном контексте часто употребляется термин «стереотипы», при этом подразумевается, что стереотип непременно негативен. Но бывают и устойчивые позитивные стереотипы.

Свое выступление я посвятил проблеме развития и влияния стереотипов на межгосударственные связи — на отношения России с другими государствами и отношения между людьми. Образ России в Европе имеет давнюю историю. К сожалению, сегодня средства массовой информации часто рисуют весьма негативный образ нашей страны. История лишь добавляет аргументы, потому что за долгие века накопилось много фактов и мифов. Значит, одна из проблем — и научная, и теоретическая, и практическая — состоит в том, чтобы понять, что мы, научное, университетское, интеллектуальное сообщество, можем сделать чтобы образы России были не враждебные, а толерантные, как сказано в интересном докладе моего коллеги академика Гусейнова. Необходимо, чтобы эти образы содействовали взаимопониманию, помогали элиминировать расовую ненависть, ксенофобию, способствовали пониманию специфики другого человека, другого народа, другой религии. Эта тема, как мне кажется, может и должна стать одной из центральных, когда мы ведем речь о межкультурном диалоге.

В последнее время на Западе проведено много исследований на тему «Образ России в Европе». Вы знаете, что есть различия между восприятием России в массовом общественном сознании, в интеллектуальных элитах и в политическом плане. Опросы, проводимые на Западе, иногда давали неожиданные, удивительные результаты. Например,

Россия в глазах простого европейца позитивно оценивается в Германии (здесь самый высокий процент положительных ответов). Парадокс: казалось бы, в течение XX века между Россией и Германией произошли две страшные войны, жертвы которых исчисляются миллионами, в том числе и среди немцев. Некоторые ученые, объясняя свою точку зрения психологическими и биологическими факторами, говорят, что эта общая пролитая кровь и создает некую взаимосвязь между нашими странами.

Привлекателен образ России в Испании, и это тоже, я думаю, благодаря некоторым историческим факторам. Своя специфика российского образа есть, конечно, и во многих других западных странах. Можно найти образцы колоссальных исторических наслоений, которые сложно вытравляются из памяти, например в Польше. Есть много и других примеров.

В Институте всеобщей истории РАН ведутся масштабные исследования того, как формируются образы и представления людей, народов друг о друге, насколько устойчивы эти стереотипы, каковы возможности их трансформации и обратного воздействия. Мы намерены продолжать и расширять подобные изыскания, в том числе и на базе сегодняшней конференции.

Я думаю, что образы и представления народов нашего многонационального государства друг о друге — это и внутрироссийская проблема. Она усугубляется тем, что в сферу межкультурного диалога и взаимных представлений входит и межконфессиональный диалог — православных христиан и католиков, мусульман и христиан. Поэтому система взаимосвязей и образов, которые сложились в российском обществе и государстве, — чрезвычайно важная и интересная тема. Она напрямую связана с проблемами толерантности, уважения друг к другу. Разработка этих проблем необычайно актуальна и важна, если мы хотим иметь позитивные образы и представления друг о друге. И это не только решение значимых научных проблем, не только дань памяти Дмитрия Сергеевича Лихачева, но и важный вклад в современную жизнь.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Прежде чем мы услышим сообщение коллеги из Китая, я хотел бы предоставить слово Евгению Ивановичу Макарову, который представляет Администрацию Президента РФ, потому что буквально минуту назад была получена телеграмма от главы государства.*

Е. И. МАКАРОВ: — Уважаемые участники Лихачевских чтений! Позвольте мне огласить телеграмму Президента Российской Федерации, которая поступила в ваш адрес по случаю IX Международных Лихачевских научных чтений:

«Уважаемые друзья!

Приветствую Вас в Санкт-Петербурге по случаю открытия IX Международных Лихачевских научных чтений. Желаю всем их участникам интересного и плодотворного общения и успехов.

Ваш авторитетный форум, собравший представителей мировой интеллигенции, — это всегда событие. Его содержательные дискуссии и доклады, посвященные роли культуры и гуманитарного знания в жизни современного человека, партнерству цивилизаций, и многие другие вызывают большой интерес и широкий общественный резонанс. Важная примета нынешних Чтений — это появление специальной программы мероприятий для юношества: Лихачевский форум старшеклассников России. И нет сомнения, что для нравственного воспитания подрастающих поколений крайне важно обращение к фундаментальным трудам и научному наследию академика Лихачева, чьи гуманистические идеи имеют непреходящее значение.

Уверен, что подготовленные в ходе встречи рекомендации будут востребованы на практике и послужат реализации перспективных международных проектов в гуманитарной сфере.

Желаю участникам и гостям Чтений всего самого доброго.

Дмитрий Медведев».

Позвольте сказать несколько слов об истории Лихачевских чтений. Я прекрасно помню, как готовился проект Указа Президента Российской Федерации в 2001 году, с чего начинались Чтения. Да, это, безусловно, было значимое событие в культурной и научной жизни страны, но сначала оно, конечно, не имело всеохватного масштаба, который постепенно, год за годом, нарастал вокруг Конгресса петербургской интеллигенции, принявшего на себя основные обязанности по проведению форума. Конечно, без Гуманитарного университета профсоюзов было бы невозможно обеспечить такую динамику развития Чтений.

В России существует много гуманитарных неправительственных организаций, которые занимаются продвижением идей академика Лихачева, в частности, фонд имени Дмитрия Сергеевича Лихачева. Но Лихачевские научные чтения — это, пожалуй, единственное в стране событие столь большого, международного масштаба, которое сегодня вышло за рамки чисто научного и превратилось не только в культурное, но и в общественное, политическое событие.

Пользуясь случаем, я хотел бы поблагодарить руководство Конгресса петербургской интеллигенции, руководство Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, Федерацию независимых профсоюзов России — учредителей этого Университета за то, что они в течение длительного времени проводят гуманитарные мероприятия высокого уровня, тратят значительные средства и время и привлекают большое количество научной и творческой интеллигенции для исполнения Указа Президента Российской Федерации, подписанного в 2001 году.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Благодарю Вас, Евгений Иванович.*

Уважаемые коллеги! Последние три года наши Чтения проходят на средства специального гранта Президента Российской Федерации. В связи с этим я хотел бы выразить нашу признательность Евгению Ивановичу, поскольку он представляет здесь аппарат Президента России.

Приглашаю на эту трибуну выдающегося ученого из Китая господина Син Гуанчэна.

С. ГУАНЧЭН: — Уважаемые председатели заседания, дорогие друзья! Я очень уважаю известного мыслителя академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Его научные идеи оказали на меня большое влияние. Академик Д. С. Лихачев большое внимание уделял проблемам культуры и цивилизации. Его научные работы, посвященные вопросам зарождения и развития русской культуры, имеют огромное значение. Сегодня мы обсуждаем тему диалога между различными культурами. Я хотел бы выразить свое мнение по данному вопросу.

1. *Отношения между глобализацией экономики и культурным разнообразием.* Наступил XXI век, и мир сильно изменился. Одной из важных трансформаций является быстро распространяющаяся глобализация, которая стала реальностью современного мира. Глобализация порождает как шансы для развития, так и противоречия и конфликты, ставящие нынешний и будущий мир под угрозу. Другое изменение заключается в том, что существующие мировые культуры трансформируются в зависимости от заметного влияния друг на друга.

Имеется ли сегодня пространство и возможности для существования и развития различных мировых культур в условиях глобализации? Будут ли вымирать эти различные культуры в процессе взаимного конфликта или сосуществовать и развиваться на основе обмена и диалога?

В XXI веке следует уделять внимание образованию глобальной культуры. Сторонники этой идеи считают, что одним из важных последствий глобализации является то, что с каждым днем различные мировые культуры оказываются все более похожими друг на друга. Появилась тенденция гомогенизации. В конце концов, имеющиеся различные культуры будут заменены глобальной культурой.

Следует отметить, что глобализация в качестве исторического процесса полностью не изменяет характер разнообразных культур. Культура формируется не в вакууме, ее появление и развитие связано с определенными обстоятельствами, разные географические и климатические условия и всевозможные организмы придают культуру своеобразие. Нужно еще учитывать, что развитие культур является историческим процессом. У каждой культуры уникальная историческая орбита, определяющая культурную оригинальность. Разнообразие является обязательной формой существования культур и неизбежным результатом развития истории.

Созданные человечеством культуры появляются и развиваются в определенных географических обстоятельствах и исторических условиях, что обуславливает самобытность характера различных культур. Академик Лихачев метко обобщил характеристики русской культуры и их отличие от других культур: индивидуальный принцип, легкое принятие иностранных культур и стремление к свободе.

Жизнь общества включает экономику, политику и культуру. Китайские ученые выделяют материальную, политическую (институциональную) и духовную культуры. Соответственно, экономика и политика — это динамические факторы, а культура — константа. Влияние глобализации экономики на культуру отразилось, прежде всего, на материальной культуре, на политическом режиме, прямо связанном с экономикой. Хотя надстройка общества, политика и культура находятся в зависимости от экономического базиса, однако имеют собственные правила развития. Более того, основные элементы духовной культуры в долговременном историческом развитии сформировали глубокие традиции — ядро культуры. Следует признать, глобализация позволяет различным культурам иметь общие элементы, но лишь отчасти уничтожает различия между ними. Существующие мировые культуры имеют свои особенности. В контексте глобализации экономики надо уважать, защищать и развивать самобытные культуры. Разнообразие культур представляет собой объективную реальность, основную черту сегодняшнего мира и важный импульс человеческого прогресса.

2. *Усиление диалога культур, предотвращение конфликта между ними.* Поскольку мировые культуры характеризуются разнообразием, диалог культур должен быть закономерной тенденцией и реальным выбором. С одной стороны, сближаясь, обмениваясь, учась друг у друга, разные культуры преодолевают свою ограниченность, совершенствуются, их опыт и наследие сливаются, и таким образом человеческая культура в целом добивается прогресса. С другой стороны, именно конкуренция и даже столкновение культур порой способствуют прогрессу человеческой культуры в целом. Не исключено, что различия между культурами могут привести к конфликту, но это не обязательно. Исходя из исторических реалий, конфликтных факторов между культурами много, но в большинстве случаев в их основе лежат экономические и политические интересы. В то же время навязывание конвергенции различным

культурам и стремление к гомогенизации порой быстрее приводит к обострению противоречий, углублению недопонимания и возникновению конфликта между культурами.

Необходимо усилить равноправный диалог культур, который может углубить их взаимопонимание и доверие друг к другу. Если мы уважаем многообразие культур и их различия, то мы должны уважать их сосуществование и стремиться к диалогу. Только таким образом мы сможем построить гармоничный мир. В заключение позвольте мне еще раз сослаться на слова академика Лихачева, который говорил, что у каждой культуры и каждого культурного народа есть своя миссия в истории, своя идея.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Спасибо, господин Гуанчэн Син. Завтра мы сможем продолжить дискуссию на секционном заседании.*

Слово предоставляется академику Николаю Дмитриевичу Никандрову.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Дорогие коллеги! Говоря о диалоге культур, я начну с мысли, которая прозвучала во вступительном слове Александра Сергеевича. Если вы помните, он сказал о том, что наука всегда развивалась путем дифференциации. Нельзя сказать, что мы первые, кто обратил на это внимание. Еще в середине XIX века А. И. Герцен говорил, что ученые так близко подошли к храму науки, что ничего не видят, кроме кирпича, к которому прижался их нос.

Несомненно, излишняя дифференциация мешает, ее опасность была понята достаточно давно. Но какими же может быть средства борьбы с этой все же неизбежной дифференциацией? Единственное средство — это диалог культур и наук.

Следует заметить, что именно в Ленинграде (в те времена город назывался именно так) появилась группа ученых, которые в рамках педагогики и образования занимались так называемой проблемой межпредметных связей. В какой-то мере они предрекли обращение не только к диалогу школьных учебных предметов, но и к диалогу культур. Тогда, впрочем, проблема рассматривалась достаточно узко, лишь в сфере педагогики. Так, например, было установлено, что межпредметные связи позволяют усилить интерес детей к обучению. Сейчас, конечно, ситуация другая.

Еще в Древнем Риме бытовало выражение: “*Cave hominem unius libri*” — «Бойся человека одной книги». То есть бойся людей, которые опираются на какой-то один узкий взгляд, на ограниченный набор источников. Понятно, что тогда представления о количестве были совсем другие. Все мы помним и слова из Книги Екклесиаста: «Во мноюй мудрости мною печали; и кто умножает познания, тот умножает скорбь». Это было написано более трех тысяч лет тому назад.

Что же изменилось сейчас? Конечно, дифференциация продолжается, и бороться с ней бессмысленно, а вот смягчить некоторые отрицательные последствия с помощью диалога культур просто необходимо.

Я бы сказал, что ситуация развивается по следующей схеме: если когда-то диалог культур был желательным и возможным, то сейчас он становится необходимым. Это не значит, что каждый учитель на уроках или каждый преподаватель вуза на лекциях должен касаться данной проблемы. Но в целом мы все должны стремиться к тому, чтобы с помощью любых возможных и доступных нам средств (а они сейчас чрезвычайно разнообразны) представлять образование как диалог культур.

Сегодня Александр Оганович Чубарьян сказал о различных образах себя и другого в разных культурах и о том, что с точки зрения религии это очень серьезная проблема.

На этой почве может возникнуть диалог, а может разгореться конфликт. Об этом же говорил и наш китайский коллега. Разные образы, разные понимания, разные культуры могут привести к конфликту, но это не обязательно.

Сейчас у нас имеются неплохие перспективы. Есть возможность мирно решать вопросы духовно-нравственной сферы, которые необходимо преподавать в школе в виде специальной дисциплины. У меня совсем недавно состоялась встреча с Патриархом Московским и Всея Руси Кириллом (уже вторая после его избрания), на которой речь шла именно о том, что нам совершенно необходимо диалог культур, хотя само слово «диалог» ни разу не было произнесено. Говорилось о другом: о том, что всегда должен быть выбор. И чрезвычайно важно то, что об этом говорил иерарх Русской православной церкви (собственно, мы это обсуждали и раньше, еще когда он был митрополитом). Патриарх предложил организовать на выбор изучение различных культур, их истории (по желанию семьи или самого школьника). Это может быть светская этика или что-то другое, когда вопросы духовно-нравственной культуры мы решаем без обращения к какой-то религии. Или выбор какой-то одной религии, в рамках которой решаются вопросы духовности и нравственности.

Сегодня мы можем поставить вопрос диалога культур в широком плане. Образование рассматривается по-разному и с различных позиций. Я считаю, что рассмотрение образования как диалога культур действительно важно, целесообразно и продуктивно. Подробнее свои взгляды на эту проблему я изложил в тезисах доклада.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Спасибо, Николай Дмитриевич. Еще раз подчеркиваю, что Российская академия образования с самого начала Чтений является одним из их соучредителей.*

Я хотел бы поприветствовать в докладе Николая Дмитриевича обращение к работам коллег и в частности Александра Огановича Чубарьяна. Нам очень важно, чтобы именно здесь, на Лихачевских научных чтениях, был диалог. Тематикой диалога культур непосредственно на Чтениях мы занимаемся последние три года. И группа ученых, на мой взгляд, совершила прорыв в теоретическом осмыслении данных проблем. Я отметил бы, скажем, китайского ученого Ли Цзе Цзина. Два года назад он сделал здесь блистательный доклад, в котором говорилось, что в истории развития цивилизаций опасны уклоны как влево, так и вправо. Развитие социалистического лагеря до краха Советского Союза — это был один уклон: огульное отрицание капитализма; после краха СССР — другой уклон, когда социалистические страны взяли за образец западную модель и начали ее слепо копировать. Это был заметный прорыв в осмыслении данной проблемы.

Есть и еще несколько весьма интересных докладов. К сожалению, сейчас у меня нет возможности сделать их обзор. Скажу лишь, что среди представленных докладов несколько десятков блестящих работ принадлежат отечественным ученым. Особенно я бы выделил три доклада Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова.

Сегодня опубликовано уже много трудов о диалоге культур, начиная с пресловутой работы о конфликте культур американского профессора Хантингтона. Но, как правило, никто из авторов не идет дальше констатации истины, что диалог и сотрудничество лучше конфликта. Тогда как в работах Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова предлагаются практические подходы к построению диалога между культурами во всем мире, содержатся интереснейшие тезисы, открывающие реальный путь для совершенствования мировой международной политики.

Слово предоставляется академику Абдусаламу Абдулкеримовичу Гусейнову.

А. А. ГУСЕЙНОВ: — Спасибо большое, Александр Сергеевич.

Уважаемые коллеги, уважаемый президиум! Я представил доклад на тему «Толерантность и диалог культур». Почему именно эта тема? Во-первых, она вытекает из самой проблемы, поскольку диалог культур — это не сумма особых мероприятий и не какое-то определенное действие. Диалог культур не локализован в пространстве и времени. Это особый способ человеческого общежития в современной ситуации, в условиях глобализирующегося мира. Диалог культур требует соответствующих оснований, нравственно-психологических и других предпосылок в разных областях человеческого сознания и деятельности. Адекватным нравственно-психологическим основанием диалога культур и является толерантность, подразумевающая соответствующий уровень нравственного развития личности, при котором люди способны реализовать диалог культур.

Во-вторых, практическое соображение. Эта тема связана с тем, что в литературе, средствах массовой информации наблюдается ироничное отношение к самому понятию толерантности. Говорят, что толерантностью хотят заменить нравственность, поэтому в толерантности видят своего рода интеллектуально-гуманитарный вирус, запущенный в нашу среду, конечно, с Запада.

Думаю, эти тревожные настроения в значительной степени связаны с неправильным пониманием предмета. Толерантность в обиходной речи чаще всего понимается просто как дружелюбие, уважительность, терпимое отношение людей друг к другу и мягкость, что само по себе в общем-то верно, но такое толкование не фиксирует сути данного понятия. На самом деле это имеет смысл только в том случае, если понимать под толерантностью терпимое отношение к различиям, которые сам человек оценивает негативно, отрицательно, то есть к таким различиям, которые по своей воле он бы не принял.

Поэтому, чтобы понять данное явление, мы должны уточнить, что мы под ним подразумеваем. Прежде всего, толерантность — это терпимое отношение, но терпимость тоже бывает разной: вынужденной, формой равнодушия и неизбежным злом — или благом, условием красоты мира, своеобразного интеллектуального богатства и т. д. То есть понятие толерантности может колебаться в диапазоне от неизбежного зла до абсолютного блага. Конечно, толерантность — это терпимое отношение к различиям, которые выступают как блага, понимаются как некое позитивное, продуктивное начало человеческого общежития.

Требуется также уточнение, о какого рода различиях идет речь. Они также могут быть весьма различными (простите за невольную тавтологию.) Различия могут касаться внешнего вида, моды, вкусов в еде, каких-то профессиональных позиций и т. д. Но могут касаться и более глубоких вещей — верований, убеждений. И это действительно важные различия. В первом случае, когда речь идет, скажем, о моде, они не воспринимаются серьезно, человек не идентифицирует себя с ними. Во втором случае это различия, с которыми человек идентифицирует свою личность, свое существование. Задача состоит в том, чтобы терпимо относиться именно к различиям второго рода, то есть к тому, что, казалось бы, является нетерпимым.

Толерантность как некий общественно значимый феномен появляется только в определенную эпоху — в Новое время и связана именно с новоевропейской цивилизацией. Дело в том, что когда складывалась национальная форма существования, нации как бы преодолевали сословную разделенность общества, но одновременно столкнулись с религиозным расколом. Тогда встал вопрос, как относиться к другому верованию в рамках самого христианства, и прежде всего к лютеранству. На стыке этих

культур развилась настоящая драма человеческого существования, выходом из которой и стала позиция толерантности, когда человеческое общежитие стало протекать в формах взаимодействия и сотрудничества независимо от различий в верованиях.

В настоящее время толерантность, на мой взгляд, подвергается испытанию, поскольку современное общество находится на той стадии глобализации, что взаимодействие и столкновение людей, принадлежащих к разным культурам, верованиям, убеждениям, становится массовым, повседневным. Здесь встает целый ряд вопросов, который требует осмысления и ответа. Распространяется ли толерантность на все убеждения и позиции? Можно ли быть толерантным по отношению к позициям, которые воспринимаются как реакционные? Как сочетать толерантность со стремлением человека стоять на позициях истины? Как быть с толерантностью, когда сталкиваешься с позицией, которая отрицает саму толерантность, можно ли ее распространить на саму себя? Все эти вопросы требуют осмысления. Какие-то возможные решения я попытался предложить в своих тезисах.

Остановлюсь на одном положении. Считается, что толерантность распространяется не на все позиции, а только на продуктивные, позитивные, прогрессивные, она не может распространяться на реакционные идеи. На первый взгляд это верно. Но тогда сразу возникает вопрос: как определить границу между реакционной и прогрессивной позицией? Идеи толерантности именно тогда и возникали, когда люди расходились во взглядах на то, что является прогрессивным, а что реакционным, что добром, а что злом. И если бы мы зафиксировали для себя эти позиции одним образом, то кто-то может думать иначе. Если бы мы неуклонно стояли на своих позициях, то продолжением этого было бы личное насилие, борьба, война и т. п. Так и случалось многократно. А толерантность — это попытка преодолеть данную ситуацию таким образом, чтобы различия в принципах, даже в самых кардинальных, не становились препятствием для практического сотрудничества людей в рамках определенного общества, решения общих проблем и обсуждения взаимно интересных тем. Поэтому сказать, что толерантность не может распространяться на реакционные идеи, равнозначно заявлению: «Нам компас нужен только в том случае, если мы правильно ориентируемся по сторонам света». В том-то и дело, что компас нужен именно тогда, когда мы не знаем, как ориентироваться. Толерантность как раз и является таким «компасом», исходной позицией, которая позволяет решать эти вопросы. Что касается других альтернатив, то они тоже имеют решения. Во всяком случае, могут продуктивно обсуждаться с надеждой на позитивные обобщения.

В свете сказанного я хочу подчеркнуть, как и другие ораторы, значимость нашего форума и всего того, что делает Гуманитарный университет профсоюзов и его ректор академик Запесоцкий. Этот пример показывает, что многое зависит от правильного понимания проблем. Поэтому такие собрания интеллектуалов, как Чтения, и акцентированные обсуждения теоретических проблем очень важны и актуальны.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Александру Владимировичу Яковенко.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Уважаемые коллеги! Внешняя политика и международные отношения тесно связаны с межкультурными отношениями. Все мы представили доклады. Я хотел бы поразмыслить вместе с вами над семью главными тезисами своего доклада.

1. Современный мир стоит перед лицом глобальных вызовов. Серьезную опасность представляет возникнове-

ние новых разделительных линий уже не по идеологическому, а по культурно-цивилизационному признаку.

2. В эпоху глобализации соперничество идеологий уступило место конкуренции систем ценностей и моделей развития. Здесь уместны такие категории, как сосуществование и синтез, а не доминирование и ассимиляция. Одной из характерных особенностей современного мира является возрастание роли религиозного фактора в международной жизни.

3. Приоритетной задачей становится недопущение конфронтации цивилизаций через налаживание конструктивного диалога представителей различных культурных и религиозных традиций. Ясно, что здесь альтернативы нет.

4. Нынешний глобальный финансовый кризис делает очевидным то, на что некоторые эксперты указывали уже довольно давно. Западная модель светского либерализма, проповедующая безудержное потребление, не способна дать реалистичный ответ на ключевой вопрос мирового развития: как нам быть в условиях, когда природные ресурсы неограниченны и при их потреблении происходит деградация окружающей среды? Это объективно создает спрос на альтернативные модели, в основе которых должны лежать проверенные временем традиционные нравственные ценности. Нынешний глобальный финансовый и экономический кризис дает все основания поставить вопрос и об обновлении западной модели, включая перебалансировку действия рыночных сил и участия государства в экономике. Допускаю, что речь может идти и о новой парадигме экономического роста. В любом случае глобализация делает императивом необходимость интеграции мер по решению общемировых проблем в национальные стратегии развития.

5. Попытки представить дело так, будто в мире есть лишь одна подлинная цивилизация — западная, только провоцируют проявления нетерпимости и ксенофобии и дестабилизируют современное общество. Важно понимать, что «масло» в огонь межкультурных противоречий объективно «подливают» не только разного рода экстремисты-маргиналы, но и все, кто руководствуется идеологизированными подходами к международным делам, будь то на Западе или на Востоке. Кстати, убедительно подтверждает этот тезис и то, что у нас в рамках Организации Объединенных Наций запущен диалог «Альянса цивилизаций», и все, что там сейчас обсуждается, также является подтверждением данного тезиса.

6. Россия никому не навязывает свою позицию — это основа российской внешней политики. Но наше понимание того, в каком направлении должна развиваться международная жизнь, строится на обоснованном анализе, верность которого подтверждает развитие событий, и глубокой убежденности в необходимости сопрягать подходы к актуальным внешнеполитическим проблемам с ценностями основных мировых религий, составляющими, на наш взгляд, духовно-нравственную основу общечеловеческой солидарности. Не признавая этих универсальных принципов, трудно добиться справедливого разрешения насущных вопросов мирового развития на подлинно коллективных и правовых началах, создать атмосферу взаимопонимания в отношениях между государствами. Опора на общий нравственный знаменатель помогает в укреплении межкультурного согласия, выстраивании критериев соблюдения гражданских прав и свобод в контексте ответственности личности перед обществом. Без этого нам не обеспечить предсказуемость и доверие в международных делах, нынешнее состояние которых характеризуется как кризис доверия в самом широком смысле этого понятия.

7. Важнейшей задачей нашей деятельности на этом направлении является формирование благоприятных

политико-дипломатических условий для налаживания широкого межконфессионального диалога, который способствовал бы нейтрализации попыток политизировать религиозный радикализм и нахождению оптимальных путей в урегулировании конфликтов, имеющих межконфессиональную подоплеку.

Что для этого предпринимается? Два года назад Россия выдвинула идею о создании консультативного совета религий под эгидой ООН, помимо уже имеющихся площадок. Задача состоит в том, чтобы собрать лидеров всех ключевых религий мира и на этом форуме обсуждать насущные проблемы. Это и деформация религии, и проблема осквернения памятников, и такая крупная проблема, как урегулирование конфликтов. И представители различных религий смогут принять активное участие в работе форума.

Идея была поддержана Генеральным секретарем ООН и Генеральным директором ЮНЕСКО. Мы полагаем, что первое заседание при лидирующей роли Русской православной церкви состоится в этом году. Необходимо искать новые пути диалога, который должен помогать развитию международных отношений на справедливой основе.

В заключение я хотел бы поддержать тезис о важности образов, который был изложен академиком Чубарьяном. Образ России в области внешней политики — это то, что создается политикой нашей страны: образ сильной державы, которая при этом старается находить компромиссы. Так, благодаря усилиям России удалось привести к успешному завершению Дурбанскую обзорную конференцию, где противоречия были очень сильны. Конференция состоялась несколько недель назад в Женеве, и все мы могли видеть, как драматично она проходила. Это говорит о том, что Россия сыграла особую роль в диалоге. Возможности для конструктивного диалога имеются, и это является стержневым элементом российской внешней политики.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Слово предоставляется председателю Федерации независимых профсоюзов России, главе попечительского совета нашего Университета Михаилу Викторовичу Шмакову.*

Михаил Викторович у нас в стране хорошо известен как председатель Федерации независимых профсоюзов России, но во всем мире его знают как одного из крупнейших деятелей международного профсоюзного движения, который одним из первых заявил, что профсоюзы должны противопоставить глобализации мировых монополий глобализацию профсоюзного движения, и предпринял практические шаги в этом направлении.

М. В. ШМАКОВ: — Уважаемый Александр Сергеевич, уважаемые участники Чтений, тема моего доклада — «Профсоюзное движение как явление мировой культуры». Я хочу остановиться на нескольких аспектах культурной миссии профсоюзов как одной из структур, которые ведут активный межкультурный диалог.

В условиях глобализации, бурного развития транснациональных корпораций профсоюзное движение действительно выдвинуло тезис, который сегодня присутствует практически во всех программных документах профсоюзов, а именно — что глобализация экономики профсоюзы противопоставляют глобализацию солидарности и профсоюзного движения. Это заключается в том, что действия и требования профсоюзов сегодня универсальны независимо от того, в какой стране это происходит. Естественно, они предъявляют требования к работодателям и правительству в рамках своих национальных условий, тем не менее эти требования во многом носят универсальный характер и направлены на то, чтобы достичь реальной социальной справедливости. Они доби-

ваются, чтобы принцип «равная оплата за равный труд» торжествовал во всех действиях работодателей во всех странах. Поэтому профсоюзы являются координирующей и объединяющей структурой, в рамках которой межкультурный диалог, на мой взгляд, достиг достаточно большого прогресса.

В профсоюзах состоят люди вне зависимости от своих политических и религиозных убеждений, отношения к тем или иным идеям, политическим партиям и движениям. В профсоюзы люди объединяются для защиты своих трудовых прав прежде всего на своем рабочем месте.

За последние годы мировое профсоюзное движение сделало гигантские шаги в своем развитии. Так, преодолена конфронтация между различными международными профсоюзными движениями, создана и уже на протяжении четырех лет функционирует Международная конфедерация профсоюзов, которая включает практически все крупнейшие международные объединения профсоюзов. В рамках этого органа сформированы континентальные объединения, в частности Всеевропейский региональный совет профсоюзов. На состоявшемся конгрессе Всеевропейского регионального совета профсоюзов меня избрали его первым президентом.

В диалогах и дискуссиях на наших форумах вне зависимости от национальной принадлежности и культурных традиций той или иной страны, которые, естественно, выливаются и в традиции профсоюзного движения, мы находим точки соприкосновения и согласия для того, чтобы межкультурный диалог давал реальные результаты и приводил к глобализации наших требований.

При встречах лидеров ведущих стран в режиме, скажем, «Большой восьмерки» или «Большой двадцатки», который действует в условиях экономического кризиса, мы выдвигаем свои требования и вырабатываем общие решения, несмотря на особенности, например, африканской экономики и африканских профсоюзов, или различия европейских и американских профсоюзов, или профсоюзов Юго-Восточной Азии и т. д. Несмотря ни на что, нам удается выработать документ, который как единое требование предъявляется к лидерам этих стран.

Конечно, должны быть выработаны теоретические основы толерантности, развития межкультурного диалога, и у нас уже есть плоды научных изысканий в данной области. В этом смысле мы нуждаемся в научной опоре, на основе которой мы и дальше сможем развивать межкультурный диалог, укреплять единство и солидарность трудящихся всех стран.

Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов вносит немалый вклад в это дело. В частности, на протяжении последних нескольких лет обсуждаются гуманитарные проблемы в рамках групп профсоюзных активистов из многих стран, которые проходят обучение, в том числе в нашем Университете. Конечно, межкультурный диалог и достижение согласия — не очень простое дело, поскольку история у всех народов разная, так же как и исторические взгляды, традиции, подходы.

В завершение, если позволите, расскажу анекдот на тему межкультурного диалога. Индийский океан, ночь, круизный пассажирский лайнер терпит бедствие. Не всем досталось место на спасательных шлюпках и платах, и рассвет застает трех человек державшимися за один обломок мачты. Как всегда в анекдотах, это оказались люди разных культур — американец, француз и русский. Конечно, никакого разговора нет — языковой барьер. Через некоторое время с большим трудом они «договорились» жестами, в какую сторону грести. Вдруг видят, что с утонувшего корабля всплыл ящик водки. Естественно, они решили тут же попробовать напиток. Открыли одну бутылку, подкрепились содержимым — и стали находить

какие-то похожие слова, понимать друг друга. Конечно, после этого они распивают вторую, и диалог становится еще более оживленным. Открывают третью бутылку, а из нее появляется джинн и говорит: «Я 300 лет просидел в этой бутылке, вы меня освободили, и у меня есть возможность выполнить три ваших желания. Чего вы хотите?» Американец смотрит на часы: «Мы давно должны быть в порту, я торопился на Уолл-стрит. Отправь меня в Нью-Йорк». «Хорошо», — отвечает джинн, и американец исчезает. Француз просит: «А меня ждет моя девушка в Париже, перенеси меня в Париж». И джинн переносит француза в Париж, затем обращается к русскому: «А что ты хочешь?» Тот сетует: «Что ты наделал! Только хороший разговор пошел, а ты их убрал! Верни всех обратно!»

Я желаю всем нам, чтобы наш межкультурный диалог был настолько активным и конструктивным, чтобы нам не хотелось расставаться, а хотелось продолжать его в интересном общении.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Спасибо, Михаил Викторович. Интересно, как звучал бы диалог из Вашего анекдота, если б один из трех собеседников оказался мусульманином?*

Дорогие друзья, в адрес Чтений поступил целый ряд приветствий. Я, если разрешите, не буду их все зачитывать, а только прокомментирую. Приветствие Дмитрия Анатольевича Медведева уже было оглашено. Что касается Владимира Владимировича Путина, все вы знаете, что он неизменно поддерживает наши Чтения, и, наверное, в этом году был бы с нами, если б у него не был намечен визит в Японию.

В адрес Чтений поступило приветствие от Бориса Вячеславовича Грызлова. К сожалению, из-за сложной рабочей ситуации в Думе целый ряд интересных докладчиков не смогли приехать, в том числе и Борис Вячеславович.

Прислал приветствие и Андрей Александрович Фурсенко. Он не смог быть здесь, потому что сейчас на рабочем месте только половина штатного состава министерства. Но свой доклад представил заместитель министра образования и науки РФ В. В. Миклушевский.

Пришло приветствие от министра культуры Российской Федерации, мы его огласим чуть позже. Поскольку министр здравоохранения госпожа Голикова находится в отпуске, пришло приветствие от исполняющего обязанности министра Владимира Сергеевича Белова. От Светланы Сергеевны Журовой также поступило приветствие.

Я должен сказать, что от лидеров государства приветствий было немного меньше, чем в прошлом году, потому что прислано много докладов. Тезисы выступлений и доклады прислали: Юрий Сергеевич Осипов — президент Российской академии наук (Юрий Сергеевич предполагал сегодня здесь выступить), министр иностранных дел профессор Сергей Викторович Лавров и губернатор Санкт-Петербурга Валентина Ивановна Матвиенко. Сама Валентина Ивановна сегодня присутствовать не смогла, но мы опубликуем ее замечательный доклад о Санкт-Петербурге как явлении мировой культуры и о диалоге культур в Петербурге. На Чтениях присутствует вице-губернатор Санкт-Петербурга Алла Юрьевна Манилова, и мы надеемся, что она передаст Валентине Ивановне нашу глубочайшую признательность за интересный доклад, который обогатил нашу конференцию и сборник.

Приветствия прислали также: Бутко Евгений Яковлевич — заместитель руководителя Федерального агентства по образованию, Елена Григорьевна Драпеко — первый заместитель председателя Комитета по культуре Государственной Думы Федерального собрания РФ, Игорь

Михайлович Метельский — председатель Комитета по управлению городским имуществом Санкт-Петербурга, Андрей Константинович Исаев — председатель Комитета по труду Госдумы и многие другие. Еще раз подчеркну, что огромное количество наших друзей откликнулись на нынешние Чтения, прислав доклады, а не приветствия, и мы это очень ценим.

Слово предоставляется господину Хуану Антонио Марку Пужолю.

Х. А. МАРК ПУЖОЛЬ: — «Альянс цивилизаций» — это инициатива Председателя Правительства Испании господина Хосе Луиса Родригеса Сапатеро, с которой он выступил в сентябре 2004 года на ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Мы помним, какой тогда существовал политический контекст: война в Ираке и другие действия предыдущей администрации США на мировой арене, односторонний подход к регулированию международных отношений. По мысли господина Сапатеро, «Альянс цивилизаций» должен был способствовать налаживанию конструктивного диалога между западным и арабским мусульманским миром. Это была революционная идея — особенно если мы сравним ее с теорией Стэнли Хантингтона о столкновении цивилизаций и высказываниями Джорджа Буша.

Многие с сомнением отнеслись к предложению господина Сапатеро, однако Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан поддержал его, и менее чем через год, в июле 2005 года, инициатива была официально одобрена и началась ее практическая реализация. Была сформирована Группа высокого уровня из двадцати человек. Финансирование осуществляли Турция и Испания. К Альянсу стали постепенно присоединяться другие страны. За прошедшие пять лет состоялось два форума — в 2008 году в Мадриде и в 2009 году в Стамбуле. «Альянс цивилизаций» стал реальностью — процесс его формирования завершился.

Каким образом функционирует эта структура? Она работает в основном в двух областях — культуре и политике; стремится поддерживать в людях сознание необходимости уважения к различным культурам, существующим в мире. Альянс стремится усилить влияние тех, кто понимает и защищает сложное многообразие культур, их взаимодействие и сотрудничество. С этой целью мы выделяем четыре приоритетные группы: а) молодежная политика; б) средства массовой информации; в) эмиграция; г) образование. Во всех четырех сферах Альянс поддерживает те инициативы, которые поступают от правительств и общественных организаций и будут содействовать укоренению ценностей и отношений, содержащих зерно взаимного уважения.

На Первом форуме в Мадриде были приняты пять важных проектов, из которых четыре касаются различных сфер культуры: «Механизм быстрого реагирования средств массовой информации в кризисных ситуациях», «Фонд Silatech по трудоустройству молодежи на Ближнем Востоке», «Проект по образованию в сфере СМИ», «Медиафонд “Альянс цивилизаций”» и «Фонд молодежной солидарности». Рассматриваются предложения о создании сети филантропических и частных спонсорских организаций, достигнуто соглашение с Глобальным договором ООН о руководстве действиями в корпоративном секторе, выдвинуты другие инициативы. Постоянно прилагаются усилия для принятия национальных планов, многие международные организации и институты заключили с Альянсом партнерские договоры. К настоящему моменту правительства 22 стран разрабатывают или уже утвердили и начали осуществлять национальные планы. Первыми это сделали Испания и Новая Зеландия, затем Болгария, Великобритания, Румыния, Турция и т. д.

В рамках «Альянса цивилизаций» была сформирована «Группа друзей», которая, образовавшись спонтанно, постепенно стала оказывать все большее влияние. Сейчас она насчитывает 104 участника, 86 из которых — правительства и 18 — организации и институты международного значения. В нее также входят все постоянные члены Совета Безопасности, за исключением США; весь Европейский Союз, и другие крупные государства всех пяти континентов. Группа включает 23 азиатских, 40 европейских, 11 африканских, 10 американских и 2 государства Океании. «Группа друзей» служит осязаемым доказательством универсальности Альянса и, следовательно, самой ООН.

Второй форум, состоявшийся в Стамбуле, означает новый период в развитии «Альянса цивилизаций», в процессе его консолидации и институционализации. Третий форум пройдет в 2010 году в Бразилии, и это означает, что Альянс выйдет за границы Восточного полушария. Мы надеемся, что на этом форуме наши перспективы еще больше расширятся, станет возможно новое восприятие, расширение политического, культурного и религиозного пространства, в котором работает «Альянс цивилизаций».

В построении нового, более справедливого и интегрирующего международного порядка все будут участвовать по мере сил, но, безусловно, каждый из участников сыграет важную роль. Особое значение могла бы иметь Единая Европа, то есть Европа как совокупность цивилизаций, долгое время находившихся в центре человечества. Единую Европу могли бы образовать современные страны Европейского Союза и Россия, и она несет в себе зародыш сложного многообразия. Если мы политически разделим страны ЕС и Россию, то Европе в ближайшие три десятилетия ждет упадок. Необходимо создавать общую историю Западной Европы и России, и для этого у обеих сторон достаточно мотивов и воли. Европа нуждается в России так же, как Россия необходима Европа.

Естественно, я хотел бы упомянуть и о том, что Испания в скором времени будет председательствовать в Европейском Союзе. Я надеюсь, что это станет позитивным фактором в дальнейшем построении общеевропейского пространства. При председательстве Испании в ЕС у России будет партнер, который сможет инициировать важные решения о том, каким образом может действовать новая интегрированная группа.

Нам всем нужно продолжать движение в будущее для того, чтобы международный порядок, который постепенно устанавливается, был максимально наполнен нашими ценностями и принципами. Необходимо объединить силы с целью создания общего мирного, безопасного, процветающего пространства.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Приглашаю к микрофону Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Азербайджан, народного артиста Азербайджана и просто артиста, которого любит весь народ нашей огромной страны, Полада Бюль-Бюль оглы.*

П. БЮЛЬ-БЮЛЬ оглы: — Уважаемые дамы и господа, уважаемые коллеги, уважаемый Президиум! Прежде всего мне хотелось бы подчеркнуть, что организаторами Чтений выбрана правильная форма подготовки конференции. С помощью Интернета все мы получили возможность прислать свои доклады, в которых выражены наши мысли, то, что нас беспокоит. И каждый интересующийся мог ознакомиться с этими материалами. Здесь, на этой высокой трибуне, связанной с памятью великого гуманитария Д. С. Лихачева, можно выразить мысли, которые возникли в ходе конференции.

Сегодня в выступлениях нескольких ораторов прозвучала мысль о том, что мир должен быть толерантным, что

необходим диалог культур, для чего был создан «Альянс цивилизаций». Тем не менее на практике эти идеи продвигаются очень трудно. Конечно, есть научное сообщество гуманитариев. Существуют и какие-то практические рычаги, с помощью которых эти идеи проводятся в жизнь. Но в основном этим занимаются государственные исполнительные органы.

В этом году проходят уже IX Чтения, а на будущий год будет их первый юбилей — десятилетие. Поэтому мне кажется, что необходима какая-то группа, которая, осмыслив все присланные доклады и выступления, прозвучавшие на Чтениях, сформулировала бы их общие идеи и составила рекомендации. Их можно было бы рассылать правительствам разных стран, непосредственно министерствам иностранных дел, образования, культуры, спорта и прочим ведомствам, которые занимаются данными проблемами — для того чтобы они ознакомились с этими идеями и рекомендациями выдающихся современных общественных и политических деятелей, ученых и мыслителей. Таким образом, замечательные мысли, которые высказываются на Чтениях, собирались бы воедино и не оставались бы только в теории, а начали бы работать, распространяясь в мире.

Не может не беспокоить растущая агрессивность, которая проявляется сегодня в людях во всем мире. Подтверждение тому — последние события: в обычно спокойной Швейцарии некий человек расстрелял детей; в американском университете профессор расстрелял своих коллег; в Москве человек, призванный охранять общественный порядок, расстрелял ни в чем не повинных людей в супермаркете; в Баку в академию ворвался человек, который перестрелял 12 человек и столько же ранил и т. д. В мире повсеместно происходят какие-то непонятные акты агрессии, связанные с напряжением, которое присутствует в человеческих взаимоотношениях. И если мы говорим о толерантности, диалоге цивилизаций, то, видимо, нужно более эффективно продвигать эти идеи в жизнь, для того чтобы гасить агрессивность, возникающую иногда по необъяснимым, казалось бы, причинам. Например, столько лет продолжается агрессия в Афганистане, Ираке, Пакистане и т. д. Да и события на Кавказе в августе прошлого года лишь подтверждают сказанное. На днях в нескольких районах Дагестана объявлен режим антитеррористической операции. Можно перечислять бесконечно.

Людям нашего поколения, которые воспитывались в многонациональной стране на идеалах человеколюбия и толерантного отношения к другим народам, конечно, очень трудно воспринимать то, что происходит в мире. Иногда слушаешь последние известия и думаешь, что, может быть, лучше вообще не включать телевизор, потому что с экрана выплескивается уже невыносимо огромное количество негативной информации.

Сегодня, когда разразился мировой кризис, даже самые ярые поклонники рыночной экономики признают, что в вопросах воспитания толерантности большая роль должна отводиться именно государству и государственным органам. Мне хотелось бы подчеркнуть, что Азербайджан, представителем которого я являюсь, является мусульманской, но безусловно светской страной. На протяжении всей его истории различные религии — мусульманская, иудейская, христианская, католическая и многие другие — мирно сосуществуют, толерантно воспринимая иные конфессии. У нас никогда не возникало агрессии друг против друга. Может быть, это связано с географическим положением, ведь мы окружены крупными странами с разными религиями, и поэтому у нас выработалась толерантность. Может быть, Азербайджан является сегодня именно тем «плавающим котлом», где соединяются

тенденции и Запада, и Востока, и Севера, и Юга. За последнее время в Баку был проведен целый ряд различных мероприятий, посвященных диалогу цивилизаций, в частности встреча министров культуры европейских стран. Одновременно по линии Организации Исламская конференция (ОИК) были проведены мероприятия, связанные с мусульманским миром.

В России тоже есть инициативная группа, которая ведет диалог с мусульманским миром. Так, в прошлом году в Джиdde была проведена очень интересная конференция с участием России. Конечно, все это способствует диалогу цивилизаций и толерантности, к которым мы призываем с этой высокой трибуны. Однако хотелось бы, чтобы все, о чем мы здесь говорим, становилось достоянием большей гласности, чтобы общественность большего количества стран узнала, что беспокоит сегодня представителей гуманитарного знания.

Мне хотелось бы пожелать всем участникам конференции, ее гостям и организаторам больших успехов в работе. Желаю вам всем здоровья, удачи, успехов, чтобы все вы смогли принять участие и в форуме будущего года.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Приглашаю на трибуну профессора Андрея Евгеньевича Бусыгина.*

А. Е. БУСЫГИН: — Прежде всего мне хотелось бы поблагодарить организаторов Чтений за применение новейших информационно-коммуникационных технологий, поскольку все тезисы и доклады были заранее размещены в Интернете. Позавчера на расширенной коллегии Министерства связи и массовых коммуникаций РФ был выдвинут тезис, что информационно-коммуникационные технологии — это мост через кризис. Так что мы сейчас находимся на этом мосту. Кстати, во многих тезисах, присланных на Чтения, говорится о том, что темпы развития современного мира неизменно ускоряются, но это ускорение еще не до конца осознано, потому что оно происходит колоссальными темпами и затормозить его невозможно. Однако стараться осмыслить пережитое необходимо, потому что чем выше скорость, тем опаснее каждое необдуманное движение.

Чтения как раз и являются одной из попыток осмысления происходящего с научной, культурной и политической точек зрения, хотя академик Лихачев, надо сказать, всегда подчеркивал, что чужд политике. Научное осмысление происходящих общественных процессов не менее важно, чем новый, но в то же время старый и вечный взгляд культуры на такие понятия, как нравственность, совестливость и духовность. В связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что последняя книга Даниила Александровича Гранина «Причуды моей памяти» для осмысления пройденного Россией XX века не менее, а, может быть, даже и более важна, чем некоторые из научных докладов.

Я подготовил к Лихачевским чтениям тезисы под названием «Культурные разрывы в современном российском обществе и пути их преодоления». И если Александр Оганович Чубарьян сказал об образе того, как один партнер диалога видит другого, то мне хотелось бы порассуждать о том, как россияне видят себя в этом диалоге и что они собой представляют. Господин Хуан Антонио Марк Пужоль говорил об интегрированной Европе, поэтому важно, как Россия сама себя осознает в европейском и мировом сообществе.

В XIX веке культурных «разрывов» в России было гораздо больше, чем в ряде других европейских стран, но сейчас их число еще возросло. И это не может не сказываться на внутреннем самочувствии российского общества. Темой выступления Александра Владимировича Яковенко стала внешняя политика и образ нашей стра-

ны за рубежом, но ведь образ России складывается у иностранцев не только в результате анализа нашей внешней политики и наблюдений за культурной жизнью. В Россию приезжает много иностранцев, и они воочию видят те культурные «разрывы», которые, к сожалению, пока еще сохраняются в нашей стране и требуют преодоления. Это и есть одно из направлений современной культурной политики, которую проводит Министерство культуры Российской Федерации.

В заключение хотелось бы выдвинуть еще один тезис. В 1990-е годы каждый субъект Российской Федерации хотел столько суверенитета, сколько мог «проглотить», а в настоящее время в политике начался процесс объединения. В экономике с точки зрения бюджетного федерализма мы пошли до конца, поэтому федеральный бюджет у нас настолько отделен от бюджетов субъектов Российской Федерации и далек от бюджетов муниципальных образований, что решать культурные вопросы в стране стало очень трудно. С этой точки зрения наш, как мы его называем, базовый Закон о культуре, который был принят еще в 1992 году, в романтический период нашего законодательства, как раз и служил интеграции общества. Думается, сегодня это одна из серьезнейших проблем, на которую мы все должны обратить внимание.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Слово предоставляется академику Вячеславу Степановичу Степину — выдающемуся отечественному философу и мыслителю.*

В. С. СТЕПИН: — Я очень сожалею, что в первый раз участвую в таком замечательном форуме. Но я постараюсь наверстать упущенное.

Сегодня многие говорят о диалоге культур, и почти все согласны, что цивилизация переживает переломный момент. На повестке дня стоит вопрос о смене стратегии цивилизационного развития. Истоки цивилизации, в которой мы живем, уходят корнями в глубокую древность, ее культурная матрица выработывалась в эпохи Ренессанса, Реформации и Просвещения. Именно тогда были заложены основные базисные ценности современной цивилизации — они стали продуктом синтеза античной и средневековой христианской культурной традиции. Далее цивилизация развивалась на их основе. В то время сложилось особое понимание человека, природы, человеческой деятельности, личности, рациональности и власти. Эти жизненные смыслы и составляют своеобразный геном современной цивилизации.

Культура — это надбиологическая программа человеческой деятельности, поведения и общения. По отношению к общественным организмам культура — это аналог генома, своеобразная ДНК социальной жизни. Поэтому если вы хотите что-то изменить, то должны поменять эту ДНК, то есть выработать новые ценности. Цивилизацию, в которой мы сейчас живем, я называю техногенной, потому что на ее знаменах написано: «Технологический процесс как самоценность», и этот процесс включает самые разные технологии, не только производственные, но и социальной регуляции и управления.

Идея самоценности технологий — это идея самоценности инноваций. Но это разительно контрастирует со всеми традиционалистскими культурами, которые предшествовали техногенной цивилизации. Традиционалистские общества были очень разными: Древняя Индия не похожа на Древний Китай, на славянский и античный миры. Из 21 цивилизации, которые обозначил Тойнби, большинство принадлежало к традиционалистскому типу. Люди, жившие в этих цивилизациях, никогда не согласились бы, что инновация имеет большую ценность, чем культурные традиции. Поэтому у них никогда не было идеи будущего

«золотого века», для них «золотой век» был в прошлом, когда жили герои и мудрецы, оставившие святые книги, по которым надо строить свою жизнь. Там нет идеи человека как креативного существа, которое должно преобразовывать мир. Нет идеи природы как резервуара ресурсов для деятельности. Для них природа — живой организм, и человек должен адаптироваться к нему. И для них жить в эпоху бурных преобразований, в эпоху перемен — самая тяжелая участь, как гласит китайская поговорка.

В этих культурах научная рациональность если и возникает, то она обязательно подчинена религиозно-мифологическим типам мышления. А в техногенной культуре рациональность становится автономной. Наука может создавать свою картину мира. Через получение научного знания формируется образование, особый тип личности с особой логикой и мирозерцанием. В техногенной культуре особым образом понимается власть — это не только власть человека над человеком, не только отношения личной зависимости, но и власть над природными и социальными объектами, которые должны быть поставлены под контроль человека.

Вся эта система ценностей с небольшими модификациями дошла до наших дней. Она многое дала человечеству: значительно увеличился срок и несоизмеримо возросло качество жизни людей, человечество добилось огромных достижений во всех сферах. Но эта же система ценностей привела нашу цивилизацию к глобальным кризисам, которые грозят самому ее существованию. Это экологический и антропологический кризис, то есть кризис самого человека, связанный с изменением структуры его существования, огромными нагрузками, стрессами, бесконечной «гонимой», изменением наследственного материала. Эти изменения и мутации привели к ухудшению наследственности. Мы возлагаем надежды на геномную инженерию, но и она открывает новые «шлюзы» будущих проблем. Сейчас говорят о возможности переделки человеческого тела, о постчеловеке. Все это — кризисные ситуации, и предлагается выходить из них одним из двух путей: продолжить существующее направление развития или изменить его.

Современная цивилизация прошла три фазы: доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную. Но, говоря о постиндустриальном обществе, большинство современных политических лидеров не думают о каких-то коренных изменениях ценностей, поворотах в стратегии. Это отражается и в последних сюжетах внешней политики, связанных с диалогом, например, во встрече государственного секретаря США Х. Клинтон и министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, на которой они нажали символическую кнопку, чтобы «перезагрузить» отношения двух стран.

Но что такое перезагрузка? Если у вас зависла программа в компьютере, вы делаете перезагрузку, то есть снова запускаете ту же самую программу, но ничего менять в ней не собираетесь. Значит, мы и дальше будем двигаться в том же направлении, в то время как расширяющиеся новые кризисы будут настоятельно требовать каких-то новых стратегий.

Я считаю, что диалог культур надо рассматривать именно с этой точки зрения. Важно не просто услышать друг друга, а понять, что в диалоге культур могут возникнуть зародыши новых ценностей для будущего развития человеческой цивилизации. Я убежден, что это не будет повторением ни традиционалистского, ни техногенного пути, — это будет нечто новое. Но новая цивилизация сохранит, вберет в себя лучшие достижения современной культуры.

Размышляя на эту тему, можно заметить, как поменялась сейчас научная рациональность, причем без измене-

ния исходных мотивов. Наука как была, так и осталась, ее основная интенция — исследовать объект, установить законы его жизни, изучить мир как объективность. Но сегодня возникают новые смыслы, связанные с появлением новых типов объектов, которые являются сложными саморегулирующимися системами, и наука начинает включать ценности, которые раньше считала внеучеными. Это связано с социально-экологической экспертизой. Возникают ростки новых ценностей, которые можно отследить в разных сферах жизни, например в религии. Я недавно читал Ролсона и Пикока — известных американских протестантских богословов. Они писали, что Бог не закончил эволюцию, она продолжается, и поэтому ответственность за то, как растет сумма зла на Земле, лежит на нас. В худшем случае Бог может прекратить этот эксперимент и начать все заново. Это необычная точка зрения для религии.

В настоящее время главным образом решаются проблемы, связанные с демократией. Как, например, быть со свободой в условиях массового промывания мозгов, которое позволяют осуществлять современные СМИ? Подобные проблемы — точки роста новых ценностей. Таким образом, я делаю вывод: необходимые компоненты диалога культур в современных условиях глобализации и кризиса — это поиск новых ценностей цивилизационного развития.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Следующее выступление выдающегося отечественного ученого, академика Олега Тимофеевича Богомолова. В последние годы Олег Тимофеевич особенно интенсивно разрабатывает проблематику взаимодействия культуры, нравственности и экономики.*

О. Т. БОГОМОЛОВ: — Дорогие участники Чтений, уважаемый президиум! Диалог цивилизаций не может не включать главную и очень болезненную тему, волнующую сегодня миллионы людей — представителей разных цивилизаций. Я имею в виду глобальный экономический кризис, который не обошел и Россию. Кризис болезненно переживается многими нашими соотечественниками. Из этой ситуации, видимо, нам всем нужно сделать определенные выводы. Мой коллега академик Степин говорил о том, что требуется делать в этот переломный момент истории. Я же повторю известную сентенцию, что единственный урок истории состоит в том, что история никому ничему не учит.

Конечно, предсказать исход нынешнего кризиса трудно. Но ясно, что уроки из него все же надо извлечь. И человечество, как мне кажется, уже вступило в переломную стадию переосмысления предшествующего опыта и существующего мироустройства.

Даже Организация Объединенных Наций занимается данными проблемами. Например, на Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), которая является органом Генеральной Ассамблеи ООН, прозвучал доклад «Глобальный экономический кризис: системные провалы и мультilaterальные средства лечения». Под сложным словом «мультilaterальные» скрывается, по-моему, простая мысль о том, что мы достаточно долго находились под гипнозом англосаксонской модели развития экономики и пора бы научиться учитывать разнообразие существующих подходов в построении модели развития, особенно в посткризисный период.

К сожалению, если Запад уже предпринимает попытки сделать выводы из создавшейся ситуации, то мы лишь говорим о текущих мерах и не думаем о более глубоких причинах кризиса. Наши трудности часто объясняются воздействием извне. Но, на мой взгляд, мы в основном

пожинаем плоды серьезных ошибок и просчетов во внутренней экономической политике, в то время как нам следует задуматься о стратегии развития, о том, к чему мы придем в результате осуществления своих пока еще, к сожалению, либеральных реформ.

В упомянутом мной докладе на ЮНКТАД говорится, что либеральный фундаментализм, действующий по принципу *laissez faire, laissez passer*, себя дискредитировал, не выдержал экзамена на прочность. Но мы, к сожалению, все еще находимся в плену англосаксонской модели развития.

Какие, с моей точки зрения, направления в переосмыслении стратегии развития нас ожидают? Прежде всего, это вопрос соотношения между рыночными свободами, с одной стороны, и контрольными и регулирующими функциями государства — с другой. Эта тема сегодня широко обсуждается даже теми, кто до сих пор исповедовал ортодоксальный неолиберальный фундаментализм в рыночных отношениях. Журнал «Экономист» пишет, что мы долгое время находились под влиянием этой модели развития, но сегодня центр тяжести сдвигается в пользу регулирующей роли государства.

Мне кажется, что дилемма, должен ли быть сделан акцент на свободу рыночных отношений или нужно регулирующее воздействие и контролирующее государство, в какой-то мере искусственная, надуманная. Надо освободить рынок от «диких» изъянов, но в то же время навести порядок и в государственном управлении, особенно в наших условиях. Государство, к сожалению, оказалось беспомощным в регулировании многих процессов, и мы пожинаем горькие плоды. Приведу лишь один пример. За годы реформ из России «утекли» на Запад огромные капиталы, оцениваемые экспертами по-разному, но речь идет по меньшей мере о триллионе долларов. Я уже не говорю об утечке умов... Это огромное болезненное «кровопускание». На эти средства можно было заново создать целые государства.

Это произошло, потому что государство устранилось от контроля за движением капиталов в экономическом секторе, и до сих пор, по-моему, существенных перемен в данной области не наблюдается. Добавьте к этим суммам еще и созданные нами колоссальные резервы, которые сегодня, правда, значительно поубавились. Но год и даже полгода тому назад резервы составляли около 600 млрд долл. Это деньги, которые мы храним за рубежом и финансируем тем самым западную экономику, помогаем ей справиться с кризисом, а не развиваем собственную. Если бы эти средства были направлены на создание собственного экономического потенциала, на реальный сектор, мы, наверное, не столкнулись бы с нынешними трудностями.

Как я уже сказал, кризис — во многом продукт нашей собственной деятельности. К этому следует добавить, что мы даже испытывали своего рода «зуд»: включить поскорее экономику России в глобальные экономические процессы, вступить во Всемирную торговую организацию. Но Россия — крупная страна с огромными природными ресурсами, которые дают возможность в первую очередь ориентироваться не на международное сотрудничество и международное разделение труда, хотя они, безусловно, нужны, а на развитие внутреннего рынка, наладить разделение труда в собственной стране.

Неразбериха на внутреннем рынке — одна из причин кризиса. У нас доля экспорта во внутреннем валовом продукте намного больше, чем у других развитых и крупных стран, таких как Китай и США. То есть мы «привязали» себя к мировому рынку, от которого и страдаем, в то время как надо было использовать все возможности внутреннего развития. Мы импортируем то, что могли бы сами производить, — вплоть до зубной пасты и щеток. Подоб-

ные просчеты заставляют задуматься над тем, к какой модели экономического развития мы должны прийти в результате реформ. И я думаю, что в данной области был бы очень полезен диалог цивилизаций, учет опыта других, в частности стран Северной Европы и Китая с его специфическими подходами к реформам и преобразованию экономической и общественной жизни.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *В завершение первой части Пленарного заседания слово предоставляется господину Ахмеду Мухаммаду Ат-Тайебу — дипломату в ранге посла, выполняющему в России функции специального представителя короля Саудовской Аравии.*

М. А. АТ-ТАЙЕБ: — Позвольте мне выразить благодарность за возможность присутствовать в этом Университете, который является одним из центров распространения передовых идей в мире. Для меня большая радость находиться здесь, потому что Россия — великая страна с великой культурой, которая имеет влияние во всем мире. Россия является крупнейшей мировой державой и играет не последнюю роль в мировой политике, и именно она может способствовать закреплению принципов диалога культур.

В действительности диалог цивилизаций — не новое явление. Возникнув при зарождении религий и цивилизаций, он прошел через многие исторические этапы, проявляясь в разных формах: социальных, культурных, торговых. Концепция диалога между человеческими обществами связана с природной потребностью людей в общении. Люди не могут жить в изоляции друг от друга. Диалог между культурами — не роскошь, он необходим для сосуществования и сотрудничества. По нашему мнению, причина конфликта между великими культурами на протяжении длительного времени заключается в том, что каждая из них считает правой только себя. Следствием этого было непонимание и другие проблемы.

Мы надеемся, что сейчас лучше понимаем друг друга и находимся далеко от состояния войны. На самом деле во всех религиях и культурах заложена идея мира и взаимопонимания. Тем не менее на планете до сих пор идут войны, то есть принцип толерантности принимается далеко не всеми. Распространяются преступность и наркомания. Только через диалог мы можем выйти из данной ситуации, обеспечить возможности для признания разных культур, различных мнений. Это позволит нам достигать и поддерживать согласие между народами и отдельными людьми.

Разные культуры — это богатство человечества. Король Абдулла ибн Абдель Азиз сказал: «На этой планете человек человеку равный партнер. Либо они будут жить вместе в мире и согласии, либо сожгут друг друга огнем непонимания, зависти и ненависти». Поэтому сегодня все больше людей призывают к диалогу культур. Эта мысль прозвучала из уст короля и на открытии конференции в Мадриде. Темой конференции были межкультурный диалог и согласие. Необходимо, чтобы подобные мероприятия проходили во всем мире. На 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН король Абдулла ибн Абдель Азиз также произнес эти слова.

В прошлом году состоялся конгресс, где обсуждались отношения исламских стран и России. Этот форум проходил в рамках диалога между Россией и исламским миром, что очень приятно отметить. Диалог культур, как и Альянс цивилизаций, в котором исламский мир играет большую роль, важен и для исламского мира, и для России.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Приглашаю к микрофону профессора университета города Ниццы Ренэ Герра.*

Р. ГЕРРА: — Уважаемый президиум, дорогие друзья! Я здесь уже во второй раз, и тем не менее чувствую волнение, особенно перед портретом Дмитрия Сергеевича Лихачева, имя которого для меня многое значит. Это обязывает, безусловно.

Сегодня прозвучало много интересных и содержательных докладов. Мне очень понравилось выступление академика Гусейнова о толерантности. Это отчасти и моя тема, которую я обозначил вопросом: «Диалог или монолог?». Сразу могу ответить, что речь идет о несостоявшемся диалоге — во Франции, между французской культурой и русской эмигрантской культурой 1920–1970-х годов.

Почему этот естественный диалог не состоялся? Все здесь присутствующие знают, что волею судеб после революции многие представители русской культуры Серебряного века, в том числе и из Петербурга, оказались выброшенными за пределы России, и с 1924 года Париж оказался столицей «второй русской культуры», по выражению Д. С. Лихачева. Париж стал столицей всего русского зарубежья, а не только белой эмиграции. Две великие культуры, русская и французская, начали сосуществовать, что породило множество проблем, пока не получивших, по-моему, достаточного освещения и осмысления в исследовательской литературе.

Главный, на мой взгляд, вопрос, требующий ответа: установился ли в новых исторических условиях между этими двумя культурами диалог «на равных», с учетом того, что они испокон веков имели так много общего? И если нет, то что могло помешать такому естественному, казалось бы, диалогу? Ведь диалог (вряд ли кто-то станет с этим спорить) возможен лишь при условии равенства во влиянии и силе. Диалог же культур предполагает, что между сторонами, которые в него вступают, существуют некие общие принципы и жизненные цели. Таковых вдруг не оказалось: с русской стороны участниками так и не состоявшегося диалога оказались изгнанники, вроде бы потерпевшие историческое поражение. Русские изгнанники для «левой» французской элиты (она осталась такой и до сегодняшнего дня) оказались изгоями и отщепенцами, не принявшими «великую Октябрьскую». Хотели ли те и другие (русские и французы) этого диалога? Были ли готовы к нему?

Подобный диалог был бы вполне естественным в XIX веке. Ф. И. Тютчев и И. С. Тургенев — блестящие тому примеры. Но в межвоенный период 1920–1930-х годов настоящий диалог не мог состояться в контексте идеологических реалий той сложной эпохи. В первую очередь из-за отсутствия толерантности, по крайней мере с французской стороны, а возможно, и с русской тоже — ведь русские эмигранты, в отличие от французских «левых», испытали на себе все прелести «великого Октября»... О чем могла бы заявить зарубежная Россия в то время? Прежде всего, конечно, об опасности, грозящей Западу и всему цивилизованному миру. Но хотели ли это услышать тогда французские деятели культуры?

Зинаида Гиппиус провидчески написала: «Мы не в изгнании, мы — в послании», в сжатой форме сформулировав изначальную миссию белой эмиграции — сохранение и приумножение русской культурной традиции. Когда речь идет о первой волне русской послереволюционной эмиграции, тут же напрашивается вопрос и о второй, и о третьей волнах.

Коллега из Сорбонны Энн Колдифи-Фукар права, когда пишет в своем докладе о том, что не было языкового барьера с теми, кто приехал во Францию после Гражданской войны, после 1920 года. Все эмигранты того периода владели французским языком. Иван Бунин и Борис Зайцев переводили Флобера, «Ватек» Бекфорда и т. д. У них было глубокое знание французского, ни о каком языко-

вом барьере и речи не велось. Но, повторяю, для левонастроенной элиты французского общества они были теми, кто не принял Великую революцию, то есть, грубо говоря, предателями.

В этом отношении больше повезло представителям третьей волны эмиграции, уже в 1970-х годах, когда появился «Континент» (для меня это историческое начало третьей эмиграции — 1974 г.). Для французской интеллигенции они были жертвами советской системы. Это были совсем другие люди. В отличие от представителей первой волны, покинувших Россию с любовью к ней, они (и это не осуждение) уехали с ненавистью к Советскому Союзу.

Кто царствовал в интеллектуальной сфере во Франции 1920–1930-х? Ромен Роллан — друг Максима Горького, Анри Барбюс, отчасти Андре Мальро и т. д. Когда Ромен Роллан в 1935 году приехал в Советский Союз, он «прозрел». Ему, как и другим иностранцам, показывали сталинские потемкинские деревни, и он восхищался «советской действительностью» и презирал эмигрантов, тоскующих по родине.

Прочитую фрагмент из знаменитой речи Ивана Бунина «Миссия русской эмиграции» (1924): «Что произошло? Произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека. Взгляни, мир, на этот великий исход (имеется в виду эмиграция. — Р. Г.) и осмысли его значение. Вот перед тобой миллион из числа лучших русских душ, свидетельствующих, что далеко не вся Россия приемлет власть, низость и злодеяния ее захватчиков...»

Естественно, такие слова не могли нравиться «левой», прокоммунистически настроенной французской интеллигенции. Многие ее представители, такие как Жюль Ромен, например, считали, что в России строится светлое будущее, что на Востоке рождается новый человек, верили в Советский Союз. Любопытно проанализировать и дискуссии, разгоравшиеся по этому поводу. Русские эмигранты поняли, что спорить с этим бесполезно, тем более что в 1930 году положение усугубилось началом мирового экономического кризиса.

Чтобы закончить свое выступление не на минорной, а на мажорной ноте, добавлю: то, что не получилось у писателей (отчасти из-за Романа Роллана, Андре Мальро, Андре Бретона, Луи Арагона и Осипа Брика), к счастью, для художников-эмигрантов оказалось более легким. Им удалось наладить творческие связи — правда, не без усилий. В изобразительном искусстве нет идеологии. Художники сумели не только включиться в художественную жизнь Запада, но и дать старт новым направлениям в живописи. Достаточно упомянуть имена Василия Кандинского, Осипа Цадкина, Николая де Сталь — одного из лучших художников XX века, сына коменданта Петропавловской крепости, Сони Делоне и др.

Можно лишь пожалеть о том, что и после крушения советского тоталитаризма ситуация во Франции не перетерпела больших изменений. Да и вести диалог уже не с кем: «Иных уж нет; а те далече...» Но потребность в объективном и честном осмыслении драматичного прошлого остается. Признать ошибку никогда не поздно. Необходимо воздать должное тем, кто, оказавшись «в послании» на французской земле, достойно нес свою миссию. Будем надеяться, что это все-таки произойдет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Слово предоставляется профессору Гадису Абдуллаевичу Гаджиеву.

Г. А. ГАДЖИЕВ: — Какие вопросы обсуждаются юристами применительно к диалогу культур? Мы признаем, что есть правовая культура как часть целого. Очевидно, что есть европейская и российская правовые культуры и они взаимодействуют. Насколько активно проходит этот

процесс? Какие проблемы возникают в юридической науке в связи с этим?

Мне кажется, эту тематику в большей степени обсуждают представители науки — теории конституционного права и общей теории права. В рамках теории конституционного права в последние годы активно формируется новое направление — правовая аксиология. Что является ее предметом? В каждой национальной конституции (и российская не является исключением) имеется определенный набор так называемых конституционных ценностей. В частности, в ст. 2 Конституции РФ говорится, что высшей конституционной ценностью являются права и свободы человека. Не интересы государства, не соображения безопасности, а права и свободы человека! В качестве конституционных ценностей теорией конституционного права также рассматриваются важные для каждой правовой системы конституционные принципы, такие как верховенство права, уважение человеческого достоинства, демократия, экономическая свобода. Этот перечень можно продолжать.

Четкого разграничения понятий «конституционная ценность» и «конституционные принципы» пока, насколько я знаю, осуществить не удалось. Конституционные ценности в известной степени универсальны, поскольку они воплощают ценности и идеи, общепринятые в современном мире. Таким образом, их включение в конституционный текст позволяет сделать европейские правовые ценности частью национальной конституции.

Возникает удивительный феномен: притом что российское государство суверенное (и мы любим это подчеркивать), в нашей конституции есть нечто общее с конституциями европейских стран, некий «общий знаменатель». Однако с учетом прецедентной практики Европейского суда по правам человека одним и тем же конституционным ценностям может придаваться разный смысл. То есть вербально эти ценности формулируются одинаково, но в одни и те же слова вкладывается разный смысл.

Роль конституционных ценностей в процессе осуществления конституционной политики очень велика. Под конституционной политикой я в данном случае понимаю интеллектуальный процесс, выяснение того, что же кроется за вербальной оболочкой. Происходит создание представлений о конституционных ценностях. В итоге получается, что сам по себе текст конституции не столь важен. Гораздо важнее то, что по поводу этого текста говорят те, кто участвует в конституционной политике: президент, законодательные органы и, конечно, Конституционный суд.

При этом возникает этическая проблема — некоторый дефицит легитимности. В этике это можно объяснить недостаточностью истолкования данного решения обществом. Ведь по сути дела участники процесса — политические органы, Конституционный суд — рассматриваются как носители неких квазисакральных юридических знаний. Получается, что у них есть монополия на то, чтобы сказать, например, что экономическая свобода — это то-то и больше ничто. В этом, на мой взгляд, есть определенная проблема, причем не только юридическая, но и этическая. Так, мы можем говорить о дефиците легитимности в области политологии и юриспруденции.

Какие еще проблемы есть в области правовой аксиологии? Самые сложные из них возникают, когда приходится искать баланс равновеликих конституционных ценностей. Представьте себе: рассматривается дело в Конституционном суде. Избиратель заявляет: «Хочу голосовать против всех. Это часть моего права на свободу выражения мнений». Противная сторона (от лица государства) возражает: «Как же так? Есть и другая конституционная ценность — свобода выбора. Если каждый участник избирательного

процесса будет выливать ушаты некомплементарной информации, касающейся других участников избирательного процесса, то будет ли процесс выборов носить свободный характер? Сможет ли избиратель в таком случае свободно выражать свою волю?» Как видите, с двух сторон предлагаются равновеликие конституционные ценности. Чему отдать предпочтение? Это очень сложный выбор.

Можно ли при рассмотрении особо трудных дел использовать не правовые, а, скажем, социальные, моральные, религиозные ценности — или это недопустимо? Или юридическая система самодостаточна, и в таком случае нет необходимости оперировать какими-то иными ценностями? Это самый сложный вопрос для юриста. От ответа на него зависит очень многое. Скажем, поступает на рассмотрение закон об эвтаназии. Религиозная традиция противится этому, а юридическая правовая культура — допускает. Как быть в таком случае? Каким должен быть процесс сближения данных правовых культур? Ведь европейские правовые ценности в некотором смысле несут космополитичный характер в силу своей универсальности, а мы живем в конкретной стране, и иногда некоторое опережение событий может привести к тому, что раньше времени рожденное правовое решение окажется невосприимчивым, неэффективным. Пожалуй, темпы сближения — это сейчас это самое трудный вопрос в нашей работе и в конституционной политике.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Гадис Абдуллаевич, спасибо за прекрасный доклад, который, безусловно, украсит программу Международных Лихачевских научных чтений.*

Я хотел бы пригласить на трибуну еще одного выдающегося ученого-философа, который сегодня у нас в гостях, — академика Владислава Александровича Лекторского.

В. А. ЛЕКТОРСКИЙ: — Дорогие друзья, я хочу продолжить рассуждения о диалоге культур и его связи с толерантностью и идентичностью. Мысли на эту тему уже высказывались Абдусаламом Абдулкеримовичем Гусейновым, Вячеславом Семеновичем Степиным и еще рядом участников заседания.

О толерантности у нас стали говорить не так давно. Помню, 1996 год был объявлен ЮНЕСКО Годом толерантности, и тогда состоялись соответствующие конференции, в которых я тоже участвовал. Потом, как вы знаете, была принята программа обучения толерантности в школах. О диалоге культур начали говорить еще раньше, и всем казалось, что достаточно провозгласить идею диалога, сказать, что это очень важно — и все проблемы решатся сами собой. Жизнь показала, что это не так. Действительность далека и от толерантности, и от диалога культур.

Мы живем в сложном мире, где много агрессии. Появилась масса новых проблем, которых не было еще 15–16 назад лет. И возникает ощущение, что все разговоры о толерантности, диалоге культур имеют весьма отдаленное отношение к миру, в котором мы живем. К тому же нам не всегда ясно, что такое толерантность и как возможен диалог культур. Какие-то предпосылки этого диалога существуют, но почему он так плохо продвигается? Это сложнейшее или есть сложности внутреннего порядка в организации такого рода взаимодействия разных культур?

Для меня все эти проблемы имеют большой смысл. Они связаны с ситуацией в современной цивилизации, о которой говорил Вячеслав Семенович Степин, — с ее глобальным кризисом. Появились новые факторы развития цивилизации (раньше их не было или они были не так сильно выражены), которые заставляют иначе взглянуть на многие вещи, в том числе и на самого человека, его возможности и ограничения.

Сегодня ставится вопрос о будущем человека. В связи с этим многие привычные ценности не только западной культуры, но и общецивилизационные, свойственные многим культурам, находятся под большим вопросом и заставляют иначе взглянуть на привычные понятия. Такие ценности западной цивилизации, как свобода, рациональность, сейчас поколеблены. Их будущее под угрозой в связи с новым этапом технологического развития, в который вступила западная культура и который ставит перед нами вопросы о переделке человека — о трансформации и телесности, вмешательстве в мозг и т. д. Возникло даже движение трансгуманизма, в основе которого лежит идея о том, что человек должен выйти за пределы самого себя (того человека, который был до сих пор). Смысл бытия для такого человека заключается в том, чтобы продлить некое постчеловеческое существование. Этот человек во многих отношениях будет совсем другим, будет многое понимать иначе.

Это действительно критическая ситуация. Глобализация состоит в том, что разные культуры, которые постоянно соприкасались и даже взаимодействовали друг с другом, сейчас находятся в ситуации глобального взаимовлияния, при этом привычные для одной культуры ценности оказываются неочевидными для другой. Это означает, что происходит трансформация, изменение того, что есть сейчас.

Сформулирую основные идеи своего доклада. Толерантность — это уважение к другой культуре, к другому человеку, к тому, что не похоже на меня. Когда у нас впервые заговорили о толерантности на фоне той унификации, которая была в советские годы, это казалось новым понятием. Но есть довольно распространенная трактовка, подразумевающая, что толерантность исключает диалог культур: ведь если нет уважения к другой культуре, то и диалог невозможен. Приведу два толкования толерантности, при которых диалог культур бессмыслен, а может быть, и невозможен.

Первое исторически связано с тем, как это понятие было введено в философию. Впервые философы стали писать об этом в начале XVIII столетия. Вот их ключевые концепции. Есть некоторые общие ценности, по отношению к которым понятие толерантности неприменимо. Например, ценность науки. Как можно быть толерантным к человеку, который утверждает, что 2×2 не 4, а 5? Значит, ценности науки неоспоримы, так же как и ценности разума, правила логики, морали, правовые ценности. Есть и другого рода ценности, которые являются частью идентичности этнических образований, — специфические религиозные верования, философские представления, обычаи. К ним можно быть толерантным — важно достичь согласия по основным вопросам. Более того, по мере научно-технического прогресса все эти мелкие различия будут становиться все менее заметными, постепенно изживаться, поэтому не стоит вмешиваться в то, что не является существенным, — оно отпадет само собой. Надо терпимо, даже несколько снисходительно относиться к тем людям, которые еще не поняли того, что более разумные давно осознали. При таком понимании толерантности любой диалог, для которого требуется обмен разными взглядами, бессмыслен.

Второе понимание толерантности, современное, появилось в XX веке и состоит в следующем. Все верования, ценности, способы понимания мира и человека глубоко укоренены в способе идентификации культур и этносов. Они, в общем, несущественны, но именно они определяют все остальное. Системы ценностей настолько различны, что понять другую культуру невозможно. А если мы не понимаем друг друга, то о каком диалоге может идти речь, ведь главная предпосылка диалога — это по-

нимание? Такой взгляд на толерантность, связанный с тезисом о невозможности понимания иной культуры и системы ценностей, сегодня широко распространен. Приведу пример, чтобы проиллюстрировать сказанное.

Несколько лет тому назад я участвовал в международной конференции, где присутствовали представители западной и восточной философии. Участник, представляющий одну из восточных стран, сказал, что в их философии много интересных идей. Один американский ученый спросил его: «Правда ли, что для того чтобы понять то, что написано в ваших книгах, нужно знать ваш язык, потому что дословный перевод невозможен?» Философ ответил: «Да, в переводе это понять нельзя, но один способ есть: изучайте наш язык». То есть получается, что можно вживаться в другую культуру, стать на ее точку зрения, а диалог, попытка учиться друг у друга невозможны.

Что касается моей точки зрения, то я считаю, что диалог культур осуществим при трех условиях. Во-первых, это уважение к другой культуре как к равноправному собеседнику. Во-вторых, попытка понять другую культуру (это трудно, но возможно). В-третьих, желание учиться у другой культуры и изменяться самому. Для меня диалог культур — это способ самоизменения, развивающаяся идентичность. Если два типа толерантности, о которых я говорил, это фиксация того, что есть, то диалог культур — это способ самоизменения других культур и самого себя. И такие примеры есть. Это очень сложно, но осуществимо. А без такого диалога культур, видимо, и будущего у нашей цивилизации нет.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Владислав Александрович, завтра мы продолжим эту интересную дискуссию.*

Я приглашаю к микрофону одного из самых известных и заслуженных журналистов России Виталия Товиевича Третьякова.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ¹: — Мне хочется поделиться впечатлениями и мыслями, навеянными выступлениями коллег. Академик Лекторский попытался поставить под сомнение концепцию толерантности, тем самым отчасти затронув тему моего выступления, но я все-таки выскажусь по этому поводу. На мой взгляд, нет ничего более лицемерного в сегодняшнем мире, чем теория толерантности. Если сравнить слова тех, кто больше всего ратует за толерантность, с их делами, то становятся очевидными цинизм и лицемерие этих людей. Кроме того, как я могу быть толерантен и выступать за диалог культур, если я вижу, как русский язык гибнет под натиском иностранных слов, в том числе и таких, как «толерантность», которое многим почему-то кажется лучше, чем слово «терпимость». Почему у нас появились «маркетинг», «аутсорсинг», а тот, кто раньше назывался «продавец», теперь непременно «менеджер»? Все это звучит с экранов телевизоров, то есть развивается организованно, массово, и я буду бороться

¹ Декан Высшей школы телевидения (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова, генеральный директор ЗОА «Независимая издательская группа» главный редактор — генеральный директор журнала «Политический класс», автор и ведущий телевизионной программы «Что делать? Философские беседы». Член Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека; президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП); Национального антикоррупционного комитета; Общественного совета при Министерстве обороны РФ.

Автор книг: «Филантропия в советском обществе» (на англ., фр., нем. и исп. яз.), «Горбачев, Лигачев, Ельцин. Политические портреты на фоне перестройки», «Титус Советологов. Их борьба за власть. Очерки идиотизма российской политики», «Русская политика и политики в норме и в патологии. Взгляд на российскую политику 1990–2000 годов», «Как стать знаменитым журналистом. Курс лекций по теории и практике современной русской журналистики», «Бесхребетная Россия», «Наука быть Россией. Наши национальные интересы и пути их реализации», а также более 2 тыс. статей в российских и зарубежных СМИ.

Лауреат премии «Золотое перо» Союза журналистов России, премии ТЭФИ и др.

против всякой толерантности в данном вопросе, потому что мне дорог русский язык.

Почему я должен отказываться от русского языка в угоду какой-то концепции толерантности? Равным образом, при всем уважении к Конституционному Суду, я не собираюсь вступать ни под какую юрисдикцию Евросоюза. Все навязываемые нам сейчас так называемые европейские правовые ценности лишь отчасти наши и, во всяком случае, созданы не на этой земле. Я могу как-то влиять на российских законодателей, бунтовать против них, даже ниспровергать их, они передо мной ответственны. Пусть они создают правовые нормы, кодифицируют их, а я буду вынужден с этим соглашаться или не соглашаться, зная, что эти законы рождены здесь. Но зачем мне космополитические «универсальные» ценности?

Вообще что такое «универсальное»? Нет ничего универсальнее тоталитаризма. Оттого и получается, что европейские лидеры уже настолько устали от стандартизации, что все чаще говорят: Евросоюз напоминает СССР в худших его проявлениях.

Не нужна нам эта стандартизация, не может мир быть един и абсолютно одинаков. Со многими, кто здесь выступал и утверждал обратное, я мог бы поспорить. Например, я хотел бы подискутировать с господином Герра. Кто же все-таки сохранил русскую культуру, в том числе и русскую классическую литературу? При большевиках, которые 74 года были у власти в нашей стране, образовалась и эмиграция с ее литературой, и диссидентская, и антисоветская, и подпольная, и прочая литература. А сегодня, в постсоветский период, русская культура сохранится больше, чем при большевиках, или меньше? У меня подозрение, что ее вовсе не останется. Это не значит, что я за большевиков, но я вижу, что многие из них при несомненных ошибках и преступлениях — более честные люди, чем некоторые современные деятели. Только в брежневские времена появилась так называемая толерантность, когда говорят одно, а делают другое. А в 1920–1930-е годы политические лидеры не стеснялись делать то, о чем говорили, и говорить о том, что делали. Хорошо это или плохо? Во всяком случае это более честно, чем то, происходит сейчас. И я не уверен, что итог будет утешителен для некоторых деятелей, особенно призывающих к толерантности сегодня.

Заключительный тезис состоит в следующем. С одной стороны, я понимаю, что телевидение — это отвратительно: оно является институтом массовой культуры, а для настоящего искусства и высокой культуры нет ничего более страшного, чем массовая культура. Телевидение убивает высокую культуру (мои тезисы так и озаглавлены). Но, с другой стороны, если не будет национального телевидения, когда существует интернациональное, космополитическое телевидение, то мы не сможем сохранить нашу высокую национальную культуру, которая существует помимо массовой. В таком странном положении, когда ты ненавидишь отечественное телевидение и в то же самое время обязан сделать все, чтобы оно развивалось, я и нахожусь, как декан Высшей школы телевидения.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Спасибо, Виталий Товиевич. Уважаемые коллеги, я уверен, что приглашать крупных журналистов на Чтения необходимо. Конечно, Виталий Товиевич, выступил чисто по-журналистски: аплодисменты зала сорваны. Каждый настоящий журналист — немножко хулиган. У Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова нет возможности ответить по поводу толерантности, у члена Конституционного Суда Гадиса Гаджиева — по европейскому законодательству и т. д. Мы все должны понимать, что под аплодисменты зала был высказан ряд спорных идей, но это на са-*

мом деле хорошо, это оживляет. Завтра у нас пройдет целый ряд дискуссий, и мы с Виталием Товиевичем поспорим. Я готов стоять рядом с вами плечом к плечу, Виталий Товиевич, если мы будем отстаивать русский язык, но, как культуролог, берусь утверждать, что если в нашем с вами обиходе появляются какие-то новые слова — они означают изменившееся явление. Если все остается по-старому, новые слова не требуются.

Я не думаю, что сегодняшний менеджер по продажам — это тот же самый продавец, который существовал в 1970-е годы. Что-то у нас с тех пор определенно изменилось. Все это — тема отдельного интересного разговора. Если же говорить о сближении с европейскими стандартами жизни, хотя в юридическом плане мысль господина Гаджиева была более, так сказать, сложной и многоплановой, то мы должны понимать, что российская правовая система находится в переходном состоянии — от советской к системе нового типа. Да, у нас в судах допускается колоссальное количество чудовищных ошибок, и граждане не знают, как их исправить. За этим стоит целый комплекс проблем.

Я хорошо понимаю, Виталий Товиевич, пафос Вашего выступления, и здесь я с Вами солидарен, однако есть еще и юридическая суть, которая требует отдельно серьезного разговора. Но сейчас мы не имеем возможности вступить в полемику. Ваше выступление блистательно, и я Вам очень за него благодарен. Завтра мы продолжим эту дискуссию, а также обсуждение в кулуарах, для того мы, собственно, все здесь и собрались. В этом диалоге и есть смысл Лихачевских научных чтений.

Я хочу пригласить к микрофону знаменитого немецкого политолога и журналиста, эксперта Александра Рара.

А. РАР: — Дорогие коллеги, дамы и господа! Мне, как потомку представителей белой эмиграции, очень приятно быть в Санкт-Петербурге. Для меня было большой честью приглашение Александра Сергеевича участвовать в оргкомитете Международных Лихачевских научных чтений. Я считаю, что это знак признания нашего сотрудничества, и попытаюсь оправдать ваши ожидания.

Важно, что наша конференция проводится с таким размахом и на таком высоком уровне, несмотря на кризис. Я хотел бы посвятить свое краткое выступление другому кризису — изменению мира. Нам всем следует подумать о корректировке политики пресловутой глобализации, которая, кстати, и привела к кризису.

20 лет тому назад ушел с политической и исторической сцены коммунизм. Возможно, сегодня мы переживаем не только кризис капиталистической экономики, но и уход старой идеологии и политической системы. Действительно, нам выпал колоссальный шанс всем вместе, всем государствам (особенно в рамках «Восьмерки», «Двадцатки» и ООН) подумать о третьем пути — о создании так называемого «справедливого общества», идея которого умерла в человеческом сознании, о введении экологически чистых технологий для всех наших экономик, потому что проблема экологической катастрофы не снята с повестки дня и стоит очень остро. Ледники тают, и я думаю, что эта опасность угрожает человечеству гораздо больше, чем финансовый кризис.

Думаю, сейчас самое время находить нетрадиционные выходы из сложившегося положения. Российский президент Дмитрий Медведев сделал интересные предложения: за два или три месяца до кризиса он высказал идею новой архитектуры Европы. Запад пока не отреагировал на это. На днях президент России предложил новые договоренности и структуры сотрудничества с Европейским Союзом по энергетической безопасности. На Западе обдумывают, как ответить на эту инициативу. Мне кажется, идея

о введении альтернативной мировой валюты вместо доллара может стать актуальной, если американская экономика не сможет преодолеть кризис так быстро, как этого ожидают.

Чтения проходят очень интересно. Здесь в зале присутствуют ученые, мыслители, и нам всем нужно хорошо продумать, в каком мире мы живем и в каком хотим жить. Некоторые решения и новые идеи требуются срочно. И мне кажется, что, в отличие от нас, европейцев, которые в таких конференциях достаточно бюрократизированы, у россиян всегда есть интуитивное понимание того, чем мир «дышит» и в каком направлении надо идти.

Мне хочется высказаться и о толерантности. У нас на Западе как раз разгорелся спор о том, что культура политологии должна быть непременно культурой демократии, то есть в рамках политологии надо объяснять, что мир должен двигаться к демократической или либеральной системе, а кто считает иначе, тот не настоящий политолог. Возможно, это спорный тезис. Сознание меняется. Если мы внимательно посмотрим на наш мир, то поймем, что Соединенные Штаты Америки, по всей видимости, будут ослабевать и освобождать в глобальном пространстве ниши, которые заполняют другие страны. Какие это будут страны — большой вопрос. Многие считают, что уже через несколько месяцев Китай выйдет почти на тот же уровень, что и США, кто-то говорит о биполярном мире. Мне тоже интересно наблюдать за развитием стран Азии. Их экономики обгоняют экономики государств Европейского Союза. Европа прилагает много усилий к тому, чтобы спасти свою социальную систему, который мы очень гордимся. Эта система была выстроена за 200 лет, но нам будет трудно перенести ее в новую эру, она стала слишком дорогостоящей.

Россия, Индия, Бразилия и даже Иран, несомненно, используют свой шанс и будут искать собственное место в новом мировом порядке. Мне интересно наблюдать за тем, как в вашей стране нарастает отчасти традиционный спор, кто России ближе — не стратегически, не в цивилизационном смысле, а в тактическом продвижении вперед к построению нового мирового порядка — Европейский Союз или все-таки Китай и другие азиатские страны?

Это интересный спор. Однако, несмотря на разногласия, я хочу подчеркнуть: важно то, что мы все работаем не друг против друга, как это было раньше во время мировых кризисов, а стараемся выстроить общую линию в рамках существующих институтов. «Большая двадцатка» — важный новый инструмент мировой политики. Всемирная торговая организация (ВТО), по-видимому, дышит на ладан. Надо пересматривать функционирование этого института, и мне кажется, что уже в ближайшие месяцы или годы появятся совершенно новые организации, такие как газовый ОПЕК или БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). Шанхайская организация сотрудничества примет другую идеологию в вопросах безопасности и экономики и будет интегрировать другие азиатские государства вокруг себя.

Мир меняется. Этому способствует и избрание нового президента США Барака Обамы, который, по всей видимости, мыслит по-новому, не так, как его предшественники. Он выступает за партнерство, а не за сохранение монополярного мира. Конечно, о его команде говорить пока рано, но в политике США уже заметны новые веяния: обращение к Ирану, попытки сблизиться с Россией, вояжи президента в страны, нетрадиционные для внешней политики США. По-моему, все это показывает, что у нас действительно есть шанс договориться. И все это происходит во многом благодаря финансовому кризису.

В заключение хочу отметить, что мне очень понравилось выступление испанского посла, который сказал, что

Европа ищет новую стратегию в отношениях с Россией. То, что делалось во время председательства Чехии в Европейском Союзе, без сомнения, напоминало некое сдерживание России, но теперь пришло время перемен.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Уважаемые коллеги, я предоставляю слово профессору Петру Петровичу Толочко.*

П. П. ТОЛОЧКО: — Тема моего доклада звучит так же, как и у коллеги из Франции, — «Диалог или монолог культур и цивилизаций?» Правда, у коллеги рассмотрен экстраординарный случай, когда две культуры встретились в особых условиях, я же имею в виду традиционный смысл — диалог или монолог в развитии человечества.

Как специалист по древней истории и археологии, за много лет работы я пришел к выводу, что диалога культур не было никогда. Поэтому сегодня мы столкнулись с непростой проблемой. Культуры и цивилизации всегда развивались очень сложно, противоречиво. Часто в плавленном котле одной культурной традиции сгорали все остальные. Это же касается и религий, которые являются основой культур и цивилизаций. На общетеоретическом уровне, казалось бы, все признают, что и бог един, и человек богоподобен. Какие тут возможны противоречия? Тем не менее религии развиваются чрезвычайно конфликтно даже в рамках одной религиозной системы — например, православие и католицизм. В ходе IV Крестового похода братья во Христе в 1204 году разгромили православную цивилизацию Византии. И таких примеров можно привести довольно много.

Как сказал академик Лекторский, диалог идет очень тяжело; но так было всегда, если иметь в виду диалог между культурами, цивилизациями. В то же время с диалогом между представителями разных культур никаких трудностей нет — мы все находим общий язык и согласны и с толерантностью, и с уважительностью и т. д. Но как только прения переходят на общекультурный уровень, возникают проблемы. Казалось бы, насколько «диалогическими» должны были быть отношения в Европе в XIX — начале XX века, ведь все европейские монархи были родственниками, тем не менее ничто не могло уберечь их страны от потрясений и конфликтов.

Проблема, как мне думается, заключается в том, что культура, как учили нас классики марксизма, — это все-таки надстроечное явление, а причины конфликтов лежат значительно глубже, в экономической плоскости. Академик Лекторский об этом также сказал. Культурологическая экспансия совершалась не потому, что, скажем, Римская империя хотела осчастливить варваров и донести до них высокую культуру, — она хотела воспользоваться плодами трудов и ресурсами этих варваров. А культура шла за экспансией и выстраивала свои опорные базы, так же как это делается и сегодня во всем мире представителями Североатлантического альянса. Не интересы культуры или какой-то абстрактной демократии движут НАТО, скажем, в Ираке, Афганистане или других странах. Причины этого явления более глубокие. Поэтому когда мы обсуждаем проблему диалога и монолога, всегда надо обращать внимание на то, что же лежит в основе противоречий.

В заключение поделюсь сомнениями, которые возникли у меня сегодня. Во-первых, в одном из выступлений промелькнула мысль, что наша беда в отсутствии всеобщего мирового порядка. Я думаю, что это не беда, а преимущество, потому что как только мы начнем устанавливать всеобщий порядок, наша история закончится. Во-вторых, было высказано мнение, что мы, конечно, люди толерантные, вежливые, уважительно относимся к другим культурам и традициям, но мы не должны молчать, если нарушаются чьи-то права, и т. д. Но если мы не должны

молчать, значит, должны говорить и соответственно действовать, а это означает конфликт. Тогда мы посылаем войска наводить порядок и хотим, чтобы все выглядело так, как нам хочется. Но кто мы такие? Почему мы устанавливаем правила, а не те, кому мы их диктуем? Тут тоже есть проблема. Я думаю, что лучше всего для мира будет, если он останется и многолик, и многокультурен.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Я хотел бы пригласить к микрофону нашего гостя из Парижа господина Марка Дрюэна.*

М. ДРЮЭН: — Дорогие дамы и господа, для меня большая честь быть в этом Университете и участвовать в Чтениях, тем более что я, в отличие от большинства выступающих, не принадлежу к научному сообществу. Однако мое присутствие здесь не случайно, поскольку я своего рода представитель дряхлеющей демократии, которая когда-то была инновационной. Я благодарю тех, кто меня пригласил, за возможность поделиться с вами моим гражданским опытом.

Я являюсь президентом Ассоциации обществ дружбы Россия–Франция, которая объединяет 44 организации. Наша задача — укреплять дружбу между народами, и в первую очередь между Францией и Россией. Здесь особенно важна языковая проблема, ведь язык — это средство не только общения, но и мышления. Язык находится в центре диалектики, которая объединяет свое и чужое.

Извините меня за то, что я решил изъясняться по-французски. Это сделано для того, чтобы вы лучше меня поняли. Кроме того, я хочу, чтобы мой язык твердо звучал в хоре других языков. Так я, может быть, отвечу на тревожный призыв со стороны ЮНЕСКО, которая предсказывает, что если исчезнут национальные языки, то исчезнут и целые этносы, а соответственно и их культура.

Наша ассоциация преследует в первую очередь вполне практическую цель — способствовать культурным обменам, взаимному обучению нашим языкам — русскому и французскому. Задача непростая и для вас, и для нас. Главное — согласиться с тем, что гегемония английского языка не фатальна.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Слово предоставляется академику Российской академии образования Игорю Семеновичу Кону, доктору философских наук, профессору.*

И. С. КОН¹: — Уважаемые коллеги! Я решил, что ничего не буду говорить о своем докладе, ибо он посвящен частной теме. Меня заинтересовал блок философских докладов. Мне показалось очень интересным обсуждение концептуального аппарата и проблемы двух понятий, которые обычно рассматриваются отдельно, — толерантности и идентичности. Для меня нет никакого сомнения, что понятие толерантности, назовете ли вы его терпимостью или нет, фундаментально для диалога культур и вообще для любого диалога. Оно появилось как принцип свободы совести от религиозного диктата.

Однако в разговоре о диалоге культур не менее важно и понятие идентичности, ведь здесь вопрос стоит об изме-

нении субъектов диалога. Когда идет речь о диалоге культур, хочется спросить, кто, с кем и в каких формах ведет диалог? Мне представляется, что существенным моментом для понимания этих проблем является то, что изменяется характер рассматриваемого субъекта. Кто выступает от имени культуры? Когда-то в традиционном обществе это была церковь. Каждая церковь обладает абсолютной монополией на знание, что мы должны делать — чем питаться, с кем спать, какие ценности иметь. Все однозначно определено, поэтому все церкви правильные, а те, кто принадлежит к другим церквям, — еретики или иноверцы. Идеологические разграничения возможны и по другой линии, и тогда на первый план выступает происхождение: иноплеменники, инородцы, иностранцы и т. д. Когда же в дело вмешивается идеология, появляются инакомыслящие. И если нельзя посадить их в тюрьму, но надо как-то обозначить, что мы хорошие, а они нехорошие, что наше — правильное, а чужое — неправильное, рождаются разные символы.

По-моему, важным процессом современного мира является расширение круга субъектов. Более того, субъектом культурного диалога все чаще становятся обычные люди, а не только деятели культуры, которые традиционно выступают от имени культуры, хотя трудно сказать, кто их уполномочил. В современном быстро меняющемся мире человек может родиться в одной стране, получить высшее образование — в другой, работать — в третьей, отдыхать — в четвертой и т. д. Это не делает человека перекачан-полюем, но расширяет круг его источников информации вне зависимости от того, как устроены государственные СМИ и что именно они сообщают. Европейец имеет возможность выбора и поступает по своему усмотрению. Принимая чужую культуру, он усваивает в ней то, что ему подходит. Тем самым он демонстрирует свои пристрастия, симпатии, антипатии и т. д. Чем больше такого рода культурных контактов, тем лучше, ибо они происходят независимо от церквей и государств, которые охотно говорят от нашего имени, знают, что для нас правильно, пытаются убедить, что мир черно-белый, потому что всякая власть стремится максимально расшириться. Но по мере того, как власть ограничивается и уменьшается наша зависимость от государственных, идеологических, официальных структур, расширяются непосредственные культурные контакты. Существенно меняется характер культурного диалога и на бытовом уровне, а это так или иначе сказывается и на других сферах.

Главный вопрос заключается в том, что произойдет раньше: научимся ли мы сами вести культурный диалог и заставим наших руководителей и идеологов прислушаться к нашему мнению — или погибнем от того, что от нашего имени правительство, церкви и другие уважаемые организации не сумеют этого сделать? Без такого диалога все рухнет прежде, чем будет достигнут какой-либо существенный прогресс.

Все, о чем я говорил, свидетельствует о фундаментальных изменениях, которые сегодня происходят в мире. XXI век кардинально отличается от всех предыдущих столетий. Поэтому нам необходимо быть внимательными к происходящему сегодня.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Уважаемые коллеги, в заключение я хотел бы пригласить на сцену Марию Игоревну Борисенко и Анну Дмитриевну Кулакову.*

Дело в том, что наш Университет уже третий год проводит Международный Лихачевский форум старшеклассников, и завтра в этом зале соберутся 700 школьников из разных уголков России. Этому предшествует Всероссийский конкурс творческих работ (сочинений) старшеклассников «Идеи Дмитрия Лихачева и современность».

¹ Академик РАО, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, доктор философских наук, профессор.

Автор более 40 книг: «Позитивизм в социологии», «Социология личности», «Открытие “Я”», «Психология юношеского возраста», «Социальная психология личности», «В поисках себя. Личность и ее самосознание», «Дружба», «Введение в сексологию», «Ребенок и общество», «Психология ранней юности», «Вкус запретного плода. Сексология для всех», «Социологическая психология» и др. Ответственный редактор ряда коллективных трудов и серийных изданий («Словарь по этике», «Этнография детства» и др.).

Почетный профессор Корнельского университета, доктор *honoris causa* университета Суррея (Великобритания).

В 2009 году школьники всей страны писали сочинения на тему «Язык нации является сам по себе сжатым, если хотите, алгебраическим выражением всей культуры нации» — это слова Дмитрия Сергеевича Лихачева. Мы получили на конкурс свыше 400 работ, и среди лауреатов оказались дети из разных уголков нашей страны.

Сегодня перед нами победительница этого конкурса, автор лучшего сочинения — Мария Игоревна Борисенко, учащаяся Санкт-Петербургской средней школы № 118. Рядом с Марией Игоревной находится ее педагог-наставник Анна Дмитриевна Кулакова. В зале, конечно, присутствует и мама победительницы — Александра Михайловна Олейник. Мы благодарим ее за такую замечательную дочь и вручаем Марии Игоревне Борисенко не только диплом победителя конкурса, но и конверт с весьма солидной суммой. Кроме того, Мария Игоревна получает возможность бесплатного обучения в Гуманитарном университете профсоюзов. Мои поздравления Марии Игоревне.

Я с удовольствием вручаю диплом и педагогу-наставнику Анне Дмитриевне Кулаковой. Спасибо Вам большое за такую способную ученицу.

А. Д. КУЛАКОВА: — Я благодарна Санкт-Петербургскому Гуманитарному университету профсоюзов за интересный конкурс и очень рада, что ученица нашей школы заняла в нем первое место. Маша действительно достойна того, чтобы ее признали лучшей не только мы, ее учителя и мама, но и весь город и даже страна.

М. БОРИСЕНКО: — Я искренне признательна организаторам конкурса творческих работ старшеклассников «Идеи Д. С. Лихачева и современность» за оказанную честь присутствовать на IX Международных Лихачевских научных чтениях и находиться среди людей, которым не безразлично духовное наследие Дмитрия Сергеевича Лихачева!

Конкурс предоставил мне счастливую возможность соприкоснуться с творчеством истинного интеллигента, патриота моей страны, историка и публициста академика Лихачева.

Его научные труды и обращения к молодежи позволили мне приоткрыть глубину русского языка, осознать его роль и значение для судьбы моей страны, моей Родины, и в то же время увидеть его уязвимость и незащищен-

ность. Еще и еще раз убедиться в том, как прав был Дмитрий Сергеевич, призывавший беречь русский язык, оберегать его от хамства, которое мы наблюдаем не только на улице, в повседневной жизни, но и, к сожалению, на экранах телевизоров. От горе-литераторов с нецензурной лексикой, от рекламщиков, которые ради денег игнорируют нормы русского языка.

Мое сочинение «Язык нации является сам по себе сжатым, если хотите, алгебраическим выражением всей культуры нации» посвящено как раз проблеме сохранения чистоты русского языка. В процессе работы над темой я соприкоснулась с самым разным материалом! То были и различные нелепые акции и статьи в «поддержку» языка, которые не помогают в сохранении языка, а только калечат его. Были и материалы действительно грамотные и правильные. Но ценнее всего — труды настоящих знатоков и ценителей языка, таких как Дмитрий Сергеевич Лихачев. В рамках сочинения я смогла сделать только маленький шагок в изучении творчества Дмитрия Сергеевича. Но эта работа стала для меня очень важным этапом в жизни. Не стану лукавить — раньше я не была среди тех, кто по праву мог бы назвать себя почитателем Лихачева. Однако работа, в которую я окунулась, позволила мне по-иному отнестись к творческому наследию Дмитрия Сергеевича, мимо трудов которого мы часто проходим без должного внимания в школе.

Мне хочется выразить искреннюю благодарность своим любимым учителям, Анне Владимировне Черкасской и Анне Дмитриевне Кулаковой, а также членам моей семьи за неоценимую помощь при написании работы — помощь и поддержку.

Позвольте пожелать участникам IX Международных Лихачевских научных чтений счастья, здоровья и успехов во всех делах и начинаниях!

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Какой специальности Вы хотите обучаться в Университете?*

М. БОРИСЕНКО: — Журналистике.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — *Пожелаем Вам успехов. Уважаемые коллеги, Пленарное заседание IX Международных Лихачевских чтений подошло к своему завершению.*

Круглый стол «ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

15 мая 2009 г. Конференц-зал «Стасов» гостиницы «Рэдиссон SAS»

Ведущие:

- В. С. СТЕПИН** академик РАН, научный руководитель Института философии РАН (Москва), и. о. академика-секретаря Бюро Отделения общественных наук РАН, доктор философских наук, профессор
- А. О. ЧУБАРЬЯН** академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН, президент Государственного университета гуманитарных наук (Москва), доктор исторических наук, профессор, почетный доктор СПбГУП
- А. В. ЯКОВЕНКО** заместитель министра иностранных дел РФ, доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол

Выступающие:

- А. М. АЛЬ-РАУХАНИ** глава Центра стратегических исследований (Республика Йемен), доктор, экс-посол Йемена в РФ
- Ф. А. АСАДУЛЛИН** заведующий Отделом науки и связей с государственными службами РФ Московского муфтията, шейх, кандидат филологических наук
- Е. М. АСТАХОВ** профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университет) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол
- О. А. БУЗИНА** писатель, журналист, историк (Украина)
- М. ДРЮЭН** президент Национального союза обществ дружбы «Франция–Россия–СНГ», президент ассоциации Eurcasia («Европа–Россия–Кавказ–Азия») (Франция)
- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** академик РАО, член Президиума РАО, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, член Президиума Совета ректоров Санкт-Петербурга, ректор СПбГУП, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- А. КЛЕСС** директор Люксембургского института европейских и международных исследований, доктор
- А. КОЛЬДЕФИ-ФОКАР** профессор Университета Сорбонна — Париж IV (Франция)
- А. П. НАЗАРЕТЯН** главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории», главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор философских наук
- В. В. НАУМКИН** руководитель Центра арабских исследований Института востоковедения РАН, заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор
- В. В. ПОПОВ** директор Центра партнерства цивилизаций МГИМО (Университет) МИД России, кандидат исторических наук
- М. САНАИ** директор Центра изучения России и Восточной Европы Тегеранского университета (Иран), член Казахской академии общественных наук, профессор, доктор
- П. П. ТОЛОЧКО** академик Национальной академии наук Украины, директор Института археологии НАН Украины, доктор исторических наук, профессор
- С. УАЙТ** профессор политологии Университета Глазго (Великобритания), доктор философии
- Н. Г. ХОЛЬМ** профессор религиоведения в Академии Або г. Турку (Финляндия), доктор
- Л. ХРИЗАНТОПУЛОС** посол, генеральный секретарь Организации Черноморского экономического сотрудничества (Греция)
- Э. ШНАЙДЕР** профессор политологии Университета г. Зиген (Германия), доктор философии, главный редактор еженедельного бюллетеня «Россия: актуальная внутренняя политика»

А. В. ЯКОВЕНКО: — Дамы и господа, мы рады приветствовать вас на круглом столе «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Эта тема активно обсуждается в последние пять-шесть лет на разных форумах, которые проводятся во многих странах ООН. На уровне общественных организаций выдвигается большое число инициатив в рамках этой темы.

Несколько лет назад была выдвинута испано-турецкая инициатива по созданию «Альянса цивилизаций» под эгидой ООН. Высоким представителем Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций» был назначен господин Жоржи Сампайю. Прошло уже два форума, на которых обсуждались вопросы взаимодействия различных культур. Все это свидетельствует о том, что проблема диалога культур и партнерства цивилизаций сегодня стоит достаточно остро.

Однако когда беседуешь с участниками этих мероприятий, читаешь статьи, то понимаешь, что практических результатов от проведения такого рода форумов пока немного. Более того, те проекты, которые сегодня осуществляются по четырем направлениям — образование, средства массовой информации, молодежь и эмиграция, — тоже пока не дали ощутимых результатов. В связи с этим я хотел бы заострить наше внимание на одном принципиальном вопросе — насколько вообще возможен диалог цивилизаций сегодня? Многие считают, что невозможно решить проблему, например, взаимоотношений стран Запада и мусульманского мира, пока не погашен ближневосточный конфликт. Соответственно, не будут решены и фундаментальные проблемы, существующие на сегодняшний день, к примеру, с эмигрантами в Европе, которые совершенно не социализируются в этих странах.

Поэтому наш главный вопрос заключается в том, возможен ли диалог вообще? Мы должны разработать практические рекомендации по решению данной проблемы и адресовать их политикам и представителям гражданского общества. Это ключевой вопрос нашего круглого стола, на который я попросил бы вас в своих выступлениях обратить особое внимание. Предоставляю слово академику Вячеславу Семеновичу Степину.

В. С. СТЕПИН:— Говоря о взаимодействии цивилизаций и культур, мы имеем в виду современный глобализирующийся мир. Существуют три фактора, определяющих современную глобализацию: мировой рынок, конфигурация политических или даже военно-политических сил и трансплантация западных культурных традиций на остальной мир.

Я хочу заострить внимание на третьем факторе — трансплантации западных культурных традиций, потому что, на мой взгляд, глобализация — это процесс, который завершил эпоху модернизации. В индустриальную и постиндустриальную эпоху западные культурные ценности, прежде всего технологии и связанные с ними знания, трансплантировались в традиционалистские общества и переворачивали, перепахивали их почву. В России этот трудный процесс начался в эпоху Петра I, потом было несколько догоняющих модернизаций, связанных с трансплантацией западного опыта на российскую почву. Напомню известное многим высказывание Герцена, что на реформы Петра Россия ответила через 100 лет, причем своеобразно — гением Пушкина. Эти процессы в современную, уже постиндустриальную эпоху естественным образом переросли в процессы глобализации. Интенция трансплантации западных культурных ценностей, достижений культуры в традиционалистские общества осталась, но теперь трансплантируется массовая культура, обслуживающая общество потребления.

В связи с этим возникает несколько очень серьезных вопросов. Первый вопрос связан с тем, что главное в организации мирового рынка — контроль над финансовыми потоками. Получилось так, что самая богатая и могучая страна на сегодняшний день — Соединенные Штаты Америки — так организует мировое хозяйство, что сама живет в кредит. Долг США, по разным подсчетам, составляет около 10 трлн долл. и не уменьшается, а растет. Это связано с тем, что их уровень потребления превышает уровень производства. Возникает вопрос: а за счет чего они потребляют? За счет других стран и будущих поколений своих соотечественников. Именно это породило нынешний финансовый кризис.

На мировой рынок выпустили деривативы в объеме 516 трлн долл., что несопоставимо с объемом мирового валового внутреннего продукта, составляющего 51 трлн долл. Понятно, что деривативы не обеспечиваются сразу валовым продуктом — но цифра превышения чудовищна, и она все увеличивается, углубляя финансовый кризис, и непонятно, как быть дальше. Сегодняшняя ситуация показывает, что требуется радикальная перестройка всего мирового хозяйства.

Второй вопрос — о массовой культуре, которая пропагандирует идеалы общества потребления. У ее «деятелей» есть своеобразный лозунг: делайте, как мы, потребляйте, как мы, и вы будете жить красиво — как мы. В свое время в России преобразования осуществлялись под этим лозунгом: давайте делать, как Запад, и станем жить, как на Западе. Вскоре выяснилось, что это невозможно — по одной простой причине: они во многом живут в долг, а нам это не подходит. Таким образом, перед нами встала проблема: как перестроить всю эту конструкцию? Эта проблема сегодня во многом определяет взаимодействие цивилизаций. Как на этой основе вести диалог культур и что из этого получится?

А. В. ЯКОВЕНКО: — Это очень хороший вопрос, на который я бы хотел попросить Вас ответить. Сейчас в мире доминируют западные культурные традиции, они воспринимаются как модель, на которую надо ориентироваться. Как Вы считаете, готовы ли страны Запада в этих условиях вести на равных диалог с другими культурами и принимать соответствующие решения?

В. С. СТЕПИН: — Я думаю, что Западу предстоит не продолжение той программы, которая сейчас «перезагружается», а радикальное изменение, кардинальная модернизация. Или он отыщет новые пути развития, или в мире будут происходить катастрофы планетарного масштаба. Один из таких путей я вижу в сокращении уровня потребления. Трудно сказать, как модернизация скажется на массовой культуре и вообще на жизни западных стран. Но ясно одно: придется жить по средствам.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Как я понял из слов Вячеслава Семеновича, мы вступаем в переходный период, когда экономическая ситуация в мире, роль отдельных стран и их доля в ВВП будут определять и парадигмы их поведения и влияния в области культуры.

В. В. НАУМКИН: — Я хочу сказать о том, без чего невозможен диалог культур, — о толерантности. Дебаты на эту тему демонстрируют необходимость внутривизантионного или внутривизантионного диалога, без которого, на мой взгляд, не может развиваться межкультурное взаимодействие. Особенно важен диалог внутри исламского мира, о чем сегодня много говорят, поскольку взаимоотношения мусульманских стран зачастую оставляют желать лучшего, конфлик-

ты между ними нередко принимают ожесточенную форму. Таким образом, толерантность необходима во взаимоотношениях не только между разными культурами и цивилизациями, но и между представителями разных школ мысли. Стало очевидно, что требуется диалог между сторонниками толерантности и ее противниками.

Нападки на толерантность чрезвычайно опасны. Сегодня они происходят под предлогом защиты русского языка, что выглядит вполне логично, под лозунгами псевдопатриотизма. К сожалению, даже в православии нет единства в отношении толерантности. Когда в Пермской епархии епископ призывает к тому, чтобы запретить преподавание толерантности в школах и ликвидировать эту учебную программу, я думаю, это не то, что нам нужно. Особенно это опасно в условиях непростых отношений между православной и мусульманской общинами в том же Пермском крае.

Подобные проблемы существуют повсюду, и я думаю, что необходимо развивать традицию терпимости, толерантности (что в принципе одно и то же), надо сделать ее нормой, включить в ряд наших культурных ценностей и цивилизационных возможностей развития. Академик Степин говорил о трансплантации западных ценностей — а давайте мы будем трансплантировать свои, когда пойдет процесс кардинального изменения парадигмы сосуществования цивилизаций, культур, государств. Для этого необходимо прежде всего создать свою систему культурных ценностей — тогда, отказываясь от навязываемых чуждых нам идеалов, мы могли бы что-то им противопоставить, не впадая в ненужную агрессивность, скажем, в отношении западной культуры. Конечно, когда речь идет об отторжении консьюмеристской идеологии и массовой культуры, нам надо сплотиться. Но что касается нападков на какие-то важные ценности, пусть и не нами придуманные (такие как демократия, толерантность и т. д.), то, я думаю, отстаивать их должны все вместе — и Восток, и Запад.

И последнее, о чем я хочу сказать, — о необходимости и важности критического взгляда на самих себя. Приведу характерный пример. В прессе постоянно сообщается о насилии над детьми в зарубежных семьях, в том числе и над теми, которые были усыновлены приемными родителями и вывезены из России. В прошлом году у нас развернулась активная кампания, безусловно, оправданная; все СМИ были переполнены подобной информацией. Эти чудовищные события дают повод для острых дебатов, но при этом мы совершенно игнорируем факты насилия над детьми, которые нередки и в российских семьях.

Мы наконец стали понимать, что в нашем обществе гораздо больше проблем, чем в большинстве зарубежных стран. Хорошо, что мы начинаем непредвзято смотреть на себя, с этого начинается исправление ситуации и путь к прогрессу. Я думаю, что мы должны заимствовать лучшие традиции других культур, в том числе и мусульманской, и отказываться от западной исламофобии, которая у нас в обществе, к сожалению, еще широко распространена. Интеллектуальное сообщество должно сделать все, чтобы положить этому конец, и ведущей идеей при этом должна быть идея толерантности.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги, я скажу несколько слов о нашем форуме. Международные Лихачевские чтения мы проводим ежегодно начиная с 1993 года, и я надеюсь, что будем проводить и впредь. Наш Университет негосударственный, и грант Президента России Дмитрия Медведева покрывает наши расходы примерно на 25 %. Все остальные затраты лежат на наших плечах, потому что мы считаем этот диалог чрезвычайно важным для науки и для развития мирового сообщества.

Мы высоко ценим поддержку, которую нам оказывают различные организации, но главное для нас — научный результат. От нашего форума ждут не формальных рапортов, а ярких перспективных идей, которые помогут в продвижении мирового сообщества к более гармоничному развитию. В связи с этим нам очень важно, чтобы от Чтений к Читаниям мы двигались вперед в научном осмыслении тех проблем, которые волнуют весь мир. Необходимо преодолеть сложившееся отношение к научным конференциям как к месту, где каждый участник высказывает свои взгляды, хочет быть услышанным, но в результате получается набор монологов.

В последние годы наши усилия сосредоточены на организации диалога, обмена мнениями. Я считаю, что и вчера, и на Чтениях нескольких предыдущих лет был сформулирован целый ряд идей, которые идут значительно дальше и являются намного более интересными, нежели идеи Френсиса Фукуямы или Сэмюэля Хантингтона. Поэтому я считаю, что мы действительно можем дать мировому сообществу что-то чрезвычайно интересное.

Е. М. АСТАХОВ: — Александр Сергеевич, мы еще раз убедились в безграничных организационных возможностях лично Вас и Университета профсоюзов. В связи с этим разрешите высказать вопрос-предложение: не мог бы Университет взять на себя подготовку документа для доклада, скажем, Правительству РФ по итогам Чтений — этих или следующих, чтобы наша работа приобрела более практический характер?

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Да, спасибо за Ваше предложение, мы действительно считаем, что очень важно подготовить документы в государственные органы по итогам этих Лихачевских чтений. Идеи, которые здесь высказываются представителями разных стран, действительно могут повлиять на мировую политику, если будут донесены до мировых лидеров. Мы регулярно делаем обзоры того, что происходит практически во всем мире в рамках диалога культур. Эта тематика обсуждается уже около 10 лет, но после выхода известной книги С. Хантингтона мы видим, что мировая дипломатия ходит вокруг всего лишь одной мысли — диалог лучше конфронтации, и далее дело не движется.

И вот на последних трех Чтениях был высказан целый ряд идей, продвигающих этот процесс. К таким идеям я бы отнес, например, соображения по поводу формирующейся глобальной культуры. Скажем, Михаил Пиотровский четко сформулировал мысль, что в будущем людям предстоит жить во многих культурах. На самом деле так и происходит, только, как правило, подразумеваются не национальные культуры, а культуры социальных групп, так как каждый из нас живет в семье, работает в коллективе и т. д. А господин Пиотровский имел в виду культуры иного порядка: национальная культура и индивидуальная культура социума. В этом смысле, например, гражданину России или Франции надо будет говорить и на родном языке, и на международном.

Мы, россияне, конечно, хотели бы, чтобы наш язык был общемировым, так же как, допустим, наши гости из Йемена предпочли бы, чтобы арабский язык был международным. Но нам предстоит жить в мире многих культур и языков. И сегодня целый ряд теоретических разработок показывает, что это не просто возможно — это возможно не в ущерб национальным культурам. Выстраивается теория, каким образом малые культуры могут сосуществовать в мире и гармонии.

Чрезвычайно важно, что есть конкурирующие культурные модели: модель однополярного и многополярного мира. На прошлых Чтениях академик Гусейнов

сформулировал интересные идеи о том, какова будет будущая глобальная цивилизация, глобальная культура. По его мнению, она уже почти сформировалась. Размышления академика Гусейнова на эту тему важны с инструментальной точки зрения.

Я мог бы назвать еще несколько десятков интересных идей, которые мы хотели бы донести до правительств разных стран. Эти идеи можно брать в качестве инструмента реальной политики и использовать в интересах всего мирового сообщества. Мы с Александром Яковенко говорили о том, что наш Университет представит материалы конференции президенту Дмитрию Медведеву. Но я думаю, что мы передадим их и господину Сампайну в «Альянс цивилизаций» при ООН, и в целый ряд других международных организаций. По вашим докладам мы видим, что многие сложные узлы, вызывающие сложные противоречия, могут быть развязаны.

Я как организатор международного форума не могу не приветствовать присутствие здесь представителей арабского мира. Их доклады являются выдающимися, потому что помогают европейцам по-иному посмотреть на диалог между западным и мусульманским миром. Доклады представителей стран исламской культуры содержат много ценнейших положений, которые должны быть донесены и до россиян, и до жителей Западной Европы и Соединенных Штатов Америки. Сейчас у большого числа людей на Западе, к сожалению, существует во многом деформированная картина мира, в том числе исламской культуры. И я вижу важную миссию форума в том, что в наших силах перейти от теоретических изысканий к практическим действиям. Поэтому я беру на себя обязательство принять максимум усилий в этом плане.

Нильс Г. ХОЛЬМ: — Я хотел бы добавить несколько идей. Так как мы ученые, то должны непременно сотрудничать, и не только в сфере экономики. Например, институт, в котором мы используем свои научные знания, учит менеджеров, как преуспеть в бизнесе в частности в Китае, но в то же время каждый институт смотрит в будущее, обменивается идеями с предприятиями, с бизнесменами всего мира, чтобы помочь им работать более продуктивно.

В. С. СТЕПИН: — Я сожалею, что не был на прошлых Чтениях. И хотя я знаком с академиком Гусейновым и часто с ним беседую, его идея о том, что уже есть некий абрис будущей культуры, глобальной цивилизации, является для меня чем-то действительно новым. Было бы хорошо принципы и идеи этого абриса вынести на обсуждение круглого стола, и каждый из них рассмотреть: что можно взять из сегодняшней ситуации и инструментально использовать, а что просто мечта и т. д. То есть необходимо наши круглые столы разворачивать вокруг этих уже наработанных идей. Потому что действительно проблемы вроде бы каждый раз одни и те же и при этом каждый раз новые.

Например, проблема, о которой мы все говорим, — массовая культура. Случившийся в мире финансовый кризис показывает те основания, на которых эта культура росла, жила и трансплантировалась. Так что возвраты к той или иной проблеме обязательно будут, но все равно надо двигаться вперед. Любой проект требует определенного фондирования, однако это сложно осуществить в сегодняшних условиях. Так как любой проект — это будущее, которое произрастает из настоящего, то крайне важно обсудить эти вопросы сегодня.

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Спасибо огромное. Ваши доклады и выступления — это наши интеллектуальные сокровища, и я постараюсь, чтобы мы в ближайшее время

распорядились ими с наибольшей пользой и наилучшим образом подготовились к следующим Чтениям.

Мехди САНАИ: — К сказанному предыдущими ораторами хочу добавить, что различные знания, которыми мы все обладаем, — лучший путь к диалогу цивилизаций. Многие из тех конфликтов, что происходят в мире, начинаются по причине отсутствия знаний друг о друге. Поэтому предлагаю, чтобы в каждом университете был департамент по изучению разных стран мира и чтобы между этими департаментами были налажены постоянные контакты. К примеру, мы в Тегеранском университете еще три года назад создали Департамент по изучению России, где общение осуществляется на русском языке. И я хотел бы попросить вашей поддержки в разработке программы по обмену профессорами и студентами, в создании совместных проектов, работ. Я уверен, что это очень поможет в развитии нашего с вами диалога.

Абдулвахаб АЛЬ-РАУХАНИ: — Прежде всего я хотел бы отметить правильные слова Александра Сергеевича насчет языка. Я думаю, для диалога цивилизаций и культур очень важно хорошо понимать друг друга.

Свое выступление я назвал «Гуманитарное партнерство и диалог культур». Я буду говорить не об арабско-русском культурном диалоге, который начался тысячи лет назад, а о наших взаимоотношениях ближе к настоящему времени. Знаменитый арабский путешественник Ахмед ибн Фадлан писал о жизни русского общества, об общении и традициях, о людях, природе и красоте женщин в России. Другие, такие как Аль-Масуди, Аль-Бируни, уделяли большое внимание истории России и описывали ее в разных документах, которые сейчас являются необходимыми источниками для историков.

То же со стороны России: великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин написал много произведений о мусульманско-арабской культуре. Михаил Лермонтов, Николай Гоголь, Максим Горький — все они принимали участие в создании основы диалога между русской и арабской цивилизациями. Мы знаем и многих деятелей нашего времени, которые продолжают этот диалог со стороны России, — Виталий Наумкин, Михаил Пиотровский, Вениамин Попов. Я хочу сказать, что диалог цивилизаций необходим для того, чтобы обсуждать экономические, культурные, социальные проблемы и бороться с отрицательными тенденциями, появляющимися во многих странах из-за плохих условий жизни. Так что надо изучать другие страны — их культуру, социальные условия, экономику, чтобы понимать все нации. По моему мнению, обсуждение этих важных вопросов должно проходить в рамках диалога культур. Спасибо всем.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Как я понимаю, главный тезис нашей встречи заключается в том, что необходимость диалога существует, потребность в этом есть. Надо использовать различные форумы и площадки, в том числе на межгосударственном уровне, так как именно экономическая составляющая является одним из ключевых элементов понимания соотношения культур и их места в мире на сегодняшний день.

Мехди САНАИ: — Постараюсь кратко раскрыть смысл своего доклада. То, что происходит в мире, особенно начиная с 2001 года, ставит на повестку дня вопрос о диалоге цивилизаций. Напомню, те страшные события произошли 11 сентября того года, который по предложению бывшего президента Исламской Республики Иран Сейеда Мохаммада Хатами был объявлен ООН Годом диалога цивилизаций. Эти теракты, а также дальнейшие

события в Ираке и Афганистане не способствовали поддержанию такого диалога. Но мы все собрались здесь для того, чтобы сказать, что партнерство цивилизаций необходимо, так как нет другого пути решения существующих в мире проблем. Мы не можем сдаться.

Я хочу остановиться на двух важных моментах. Первый: то, что происходило в мире после распада Советского Союза, показывает, насколько велика роль культуры в социальной жизни и в политике, и говорит о том, что геополитический подход к решению проблем, базирующийся только на насилии, нефти и газе, не действует. Он не может помочь в сохранении мира и защите жизни. До 1960-х годов на международной арене действовал подход, основанный на силе. Но после того как люди поняли, что он не может разрешить всех проблем в международных отношениях, начали задумываться о роли культуры и религии. Значит, надо попытаться использовать другой подход, на основе не силы, а диалога, партнерства и признания друг друга. Другого выхода нет. Из этого следует второй момент. Мы все, ученые, политики, культурологи, должны стараться признавать и повышать роль культуры и религии в международных отношениях и политике.

Теперь хотелось бы поговорить о таком немаловажном факторе, как налаживание диалога между религиями. Ученые разных стран не борются друг с другом, так как они встречаются и общаются на конференциях, подобных нашей. А религиозные деятели не считают необходимым проводить какие-либо форумы; они выступают с проповедями, считают правильными только свои идеи и свое понимание мироустройства. Многие конфликты происходят из-за того, что представители разных религий понимают существо мира по-своему и не пытаются наладить контакт друг с другом. Наша встреча — это хорошая возможность обратиться к религиозным деятелям всего мира с тем, чтобы они принимали участие в таких конференциях. Это очень важно. Нельзя допустить, чтобы мы отвергали друг друга и шли каждый своим путем.

Все то негативное, что происходит в мире, можно коротко охарактеризовать как противодействие со стороны религиозных деятелей глобализму, а диалог культур во время глобализации необходим. Я разделяю глобализацию и глобализм. Мы должны поддерживать глобализацию, потому что это естественный процесс, модернизация, способствующая диалогу культур, помогающая налаживанию диалога религий. Этот процесс добавит образованных людей, а чем более образованны люди, тем меньше столкновений случается между ними.

Глобализм — это то, что происходило в мире в последние 20 лет. Террористические акты 11 сентября 2001 года и другие события в горячих точках можно прямо назвать протестом против глобализма. Религиозные деятели чувствуют, что какая-то мировая политическая структура вмешивается в их жизнь, и пытаются с этим бороться. Сейчас они разделились на две ветви — те, которые отвергают мировой процесс, и те, которые принимают и участвуют в нем. Поэтому мы должны разделить глобализацию и глобализм и постараться, чтобы глобализация помогала в преодолении религиозных разногласий.

Я хочу закончить тем, что в диалоге культур и цивилизаций диалог религий также очень важен, без него никакие острые вопросы решить невозможно. Мы должны приглашать религиозных деятелей на такие конференции, поддерживать тех, у которых здравый, а не радикальный подход к глобализму. Отделиться от религий и религиозных деятелей — значит усилить опасность резких действий с их стороны. Мы в Иране исповедуем ислам, но именно наш бывший президент Мохаммад Хатами был инициатором диалога цивилизаций. Он по-прежнему ра-

ботает в этом направлении, руководит Международным центром по диалогу цивилизаций при Президенте Исламской Республики Иран и сотрудничает с подобным центром в Женеве.

Несмотря на все изменения в нашей политике, мы по-прежнему верим в диалог цивилизаций. Но этот диалог и многополярный мир должны основываться на справедливом подходе, потому что пока в мире есть несправедливость, решать эти проблемы очень трудно.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Мысль о диалоге между религиями уже получила поддержку генерального директора ЮНЕСКО. Мы надеемся, что в этом году состоится первое заседание Группы высокого уровня, где будут представлены основные конфессии и начнется предметный диалог по тем проблемам, которые волнуют на сегодняшний день мировые религии. Кстати, одной из главных тем этих обсуждений будут региональные конфликты, в разрешении которых роль и влияние религий могут быть весьма существенными.

Леонидас ХРИЗАНТОПУЛОС: — На нашей конференции я представляю Организацию Черноморского экономического сотрудничества, где мы имплицитно, не напрямую, экономическими средствами продвигаем идеи сотрудничества и партнерства между культурами и странами. Диалог, который мы ведем, продолжается уже 15 лет. Мы решаем различные проблемы путем экономического и торгового сотрудничества, которое необходимо для улучшения ситуации в мире.

Что касается вопроса «Альянса цивилизаций», то я согласен с господином Яковенко, что уже сделано довольно много и необходимо продолжать работать. И одним из наиболее интересных аспектов деятельности мог бы стать диалог религий и духовных лидеров, их сотрудничество. В настоящий момент представители Альянса еще не до конца осознали важность участия духовных лидеров в этом диалоге. Поэтому необходимо скоординировать наши действия в целях скорейшего достижения этого понимания внутри Альянса.

Человечество должно поменять позицию, с которой подходит к миру. На нас сильно влияют непонимание, войны, терроризм, пандемии, голод и другие проблемы и катастрофы. Многого из этого, если не всего, можно избежать, если обучать молодое поколение специальным стратегическим дисциплинам. В бизнесе принят язык, похожий на язык войны: мы защищаем нашу долю на рынке, атакуем новые рынки, устраняем конкурентов. Ну а мы являемся институтом мирных исследований, продвигающим диалог культур.

Збигнев Бжезинский сказал, что XX век в истории человечества был наиболее кровавым и полным ненависти. Возможно, это правда. Но почему мы должны поддерживать этот негативный взгляд и сохранять его в XXI веке? Вершины прогресса, которых человечество достигло в науке и искусстве, могут помочь нам справиться с этой проблемой. Если мы изменим наше понимание мира, то сделаем огромный вклад в процесс сближения народов. Также в вопросах межкультурного диалога огромную роль может играть бизнес. Существует очень много международных компаний, которые организуют специальные курсы обучения для менеджеров и сотрудников по работе в кросскультурном окружении. Компании обучают своих работников вести бизнес таким образом, как это принято на тех территориях, где они продают свою продукцию. Подобный диалог может помочь нам и в борьбе с глобальным финансовым кризисом.

Еще я хочу затронуть вопрос исламской банковской системы. В исламских банках нет тех проблем, с которыми

сталкиваются западные банки. Если бы западные финансисты присмотрелись повнимательнее, они бы увидели, что исламские банки не нацелены на прибыль, не пользуются комиссионными процентами в своих транзакциях. Исламская банковская система может помочь западным банкам решить их сегодняшние проблемы, но при условии ограничения потребления. Это позволит преодолеть жадность, а следовательно, приведет к победе над мировым финансовым кризисом.

И здесь я хотел бы подчеркнуть, что роль духовных верований и религии выходит на первый план. Существует много факторов, объединяющих разные религии. Например, одним из самых больших грехов во всех конфессиях признается стяжательство. В октябре прошлого года в Стамбуле проходила встреча Предстоятелей и представителей Поместных Православных церквей, где обсуждался финансовый кризис. Участники встречи говорили о том, что в связи с разразившимся кризисом разрыв между бедными и богатыми быстро увеличивается. Это результат того, что некоторые «деятели» пытаются извлечь выгоду из сложившейся ситуации, не учитывая потребностей простых людей. Необходимо общими усилиями создать живую, стабильную, эффективную экономику. Если подобные сообщения духовных лидеров услышат образованные люди всего мира, то, возможно, это поможет бизнесу, особенно западному, выйти из кризиса и в дальнейшем успешно развиваться.

Если посмотреть на развитие глобальной цивилизации в прошлом, в частности в Средние века, то можно отметить, что, например, в Иране народ был сильнее ориентирован на духовную составляющую жизни, чем сейчас. В Византийской империи мясник и зеленщик могли спорить о том, из чего состоит Святой Дух. Сегодня мы не смогли бы этого понять. Я не говорю, что эта дискуссия в то время могла привести к чему-то позитивному, но простые люди имели возможность участвовать в интеллектуальных беседах, в отличие от того, что происходит сейчас. Этим примером я хочу сказать, что мы должны приглашать обычных людей участвовать в наших дискуссиях и проводить такие встречи на хорошем интеллектуальном уровне, так как это было бы очень полезно для всех.

И последнее, что я хотел бы отметить касательно религии. Межкультурный, межконфессиональный диалог с мусульманским миром, который начался в 1993 году, оказался достаточно эффективным. Его смысл не в том, чтобы спорить, чья религия лучше, а в том, чтобы найти факторы, объединяющие православие и ислам. Этот диалог продолжается и сегодня на многих форумах и площадках, в частности в Женеве. Диалог цивилизаций возможен, а получим ли мы от этого положительные результаты, покажет время.

А. П. НАЗАРЕТЯН: — Мне, как человеку, который занимается исторической психологией и теорией эволюции, хотелось бы понять, может ли диалог или полилог быть на что-то нацелен и что у нас выступает в качестве аттрактора. Нам говорят, что надо избегать, с одной стороны, шовинизма, с другой — космополитизма. Как сказал один из известных физиков: «Между крайностями располагается не истина, а проблема».

Если позволите, я расскажу несколько психологических баек, более или менее известных. В конце 1950-х годов американские психологи исследовали расовые установки населения. Большому числу белых американцев задавали вопрос: «Вы бы согласились, чтобы ваша дочь вышла замуж за чернокожего парня?» В то время начали говорить о политкорректности, и некоторые респонденты отвечали: «Да, если это любовь, то я бы согласился». Пси-

хологи прокомментировали: тот, кто так отвечает, по стандартам своим еще расист. Человек, не имеющий негативных расовых установок, просто не поймет этого вопроса. И я знаю, что в латиноамериканских странах, где действительно такого вопроса не поймут, в отличие от Северной Америки, переставешь замечать, какого цвета кожа у человека. Через некоторое время пребывания там восприятие цвета кожи просто блокируется.

Еще один эпизод. Лет 10 назад в одной самарской газете я прочитал интересную заметку: «В милицию за дебош доставлен гражданин Бойко М. Н. В рейсовом автобусе он ударил кулаком гражданина Мапельмана Н. С., назвав его “жидовской мордой”». Другой рукой ударил гражданина Корякина Б. Н., назвав его “русской харей”. Ногой ударил гражданина Хабибуллина Р. Х., назвав его “татарским хлебалом”. В милиции задержанный объяснил, что обидеть никого не хотел, а просто оскорбился за “хохла”. Судя по всему, это была компания приятелей, которые по-дружески называли его «хохлом», иначе откуда бы он знал, кто к какой национальности принадлежит. Пока были трезвые, обиды не было, а как выпили — отношение изменилось и вспыхнул конфликт. Почему я все это рассказываю. Установки, макрогрупповые идентификации могут быть сегодня более мягкими, завтра более жесткими и т. д. А межмакрогрупповой конфликт — всего лишь вопрос времени, так как эти идентификации тлеют, всегда находятся в латентном состоянии.

Я много лет занимался вопросами, связанными с энергетикой, теорией самоорганизации, изучал закономерности теории эволюции. После ряда исследований мы получили расчеты, из которых следует, что если в ближайшие десятилетия (подчеркиваю, не столетия, не тысячелетия) разум не сможет перебороть макрогрупповых идентификаций, то есть идентификаций по религиозному, национальному, классовому и какому-либо еще признаку, то цивилизация на планете начнет исчезать. Это не пустые слова — выводы основаны на подробных расчетах и изучении механизмов эволюции.

Что касается культурного разнообразия, то в теории систем существует подробно разработанный и математически точно прописанный (причем в России) закон иерархических компенсаций — мы его называем законом Седова. Для того чтобы росло совокупное разнообразие систем, должна происходить унификация, ограничение разнообразия на несущих структурах. Для того чтобы росло культурное разнообразие на данной фазе, должна иметь место унификация макрогрупповых культур, то есть национальных, конфессиональных, классовых и т. д. За счет этого происходит и может продолжаться рост микрогруппового разнообразия. Это закон, который действует в физике, биологии, культурологии, социологии, юриспруденции, морали и т. д. Вопрос в том, способен ли разум в принципе преодолеть макрогрупповые идентификации, религиозно-идеологическое мышление. Это большой вопрос, на который нельзя ответить однозначно, потому что неизвестно, в какой мере диапазон свободы мышления и свободы воображения ограничен физическими свойствами нашей галактики.

И последний тезис, провокационный. Я думаю, что целью диалогов и полилогов может быть только упразднение, перерастание разумом макрогрупповых различий, которые всегда строятся по модели «они — мы, наши — не наши, свой — чужой, кто не со мной, тот против меня», в отличие от микрогрупповых культур, которые в принципе строятся по другой схеме. Спасибо.

Эберхард ШНАЙДЕР: — Я хочу развить мысль коллеги из Тегерана о растущей политической роли религии в мире. По-моему, было бы хорошо в следующий раз при-

гласить на конференцию представителя Московского патриархата. Новый Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, думаю, более открыт для диалога, чем другие религиозные деятели. Он вносил много предложений от имени России о том, чтобы представители религии имели право голоса в ООН и ЮНЕСКО.

Господин Запесоцкий говорил о новых идеях, в связи с чем я хочу выдвинуть глобальное предложение — организовать всемирный собор всех религий, на котором религиозные деятели могли бы говорить о человеческих ценностях, об общей перспективе развития. Если мы создадим советы представителей религий в ООН и ЮНЕСКО, они будут работать на государственном уровне. Конечно, им будет очень трудно достигать каких-то соглашений, но все же, я уверен, они смогут подписывать важные для всего мира документы. Возможно, это будет действовать на верующих гораздо сильнее, чем простые декларации от ООН или ЮНЕСКО.

А. В. ЯКОВЕНКО: — Я с вами согласен, это очень интересное предложение. В июле 2006 года в Москве проходил Всемирный саммит религиозных лидеров, где были подготовлены важные документы, в том числе и в рамках диалога культур. Насколько мне известно, следующий такой форум пройдет в ближайшем будущем в Баку. И эти традиции будут продолжаться. Очень важно, чтобы мы знали о тех документах, которые принимаются на подобных встречах, и о тех идеях, которые там выдвигаются. И здесь, конечно, большую роль играют средства массовой информации.

П. П. ТОЛОЧКО: — Позвольте сделать небольшую ремарку, чтобы несколько обострить дискуссию. Межрелигиозный диалог — это замечательная российская инициатива, которую мы давно поддерживаем и упорно продвигаем. Однако давайте не будем забывать, что есть такая проблема, как сложные взаимоотношения и споры, традиционно возникающие между религиозными и секулярными обществами и между соответствующими государствами. В исламском мире, где особенно много религиозных государств, зачастую очень сложное отношение к секуляризму и светской государственности. Поэтому необходимо решить, каким образом построить диалог религий, чтобы к нему были подключены и атеисты. Это очень существенный момент.

Если в процессе диалога религиозные деятели будут искать общий язык по поводу каких-то второстепенных для них вопросов (имеющих отношение к политике, социуму и т. д.), а не вероучительных проблем, то без атеистов им не обойтись. Не будем забывать, что во взаимоотношениях между контрагентами есть очень болезненные точки. Например, вопрос об отношении к сексуальным меньшинствам или о системе наказаний, которую некоторые общества мира считают унижительной и попирающей человеческое достоинство, и т. д. Эти проблемы часто лежат за рамками диалога, хотя их решение необходимо для преодоления конфликтных ситуаций. Спасибо.

В. В. ПОПОВ: — Я тоже хочу немного обострить дискуссию. О диалоге цивилизаций мы говорим уже около 10 лет, а воз и ныне там. И, видимо, он еще долго не сдвинется с места, поскольку, как многие говорили, получается замкнутый круг. Надо разобраться, почему происходят террористические акты и растет число убитых и раненых в них. Профессор Запесоцкий сказал, что на прошлых Лихачевских чтениях были идеи на этот счет, и я думаю, к ним надо вернуться. Если мы хотим, чтобы диалог был конструктивным, надо проанализировать причины, которые мешают претворить в жизнь высказываемые

идеи. Я считаю, что одна из причин заключается в неправильном соотношении сил в мире, в попытках США доминировать над остальными странами. В связи с этим представители западноевропейских стран говорят о том, что надо, видимо, менять международное право, переходить к новым принципам отношений. Пока мы не сделаем некоторые нормы международного права более строгими, мы не достигнем результатов.

2010-й и последующие годы, к сожалению, будут еще более напряженными в международных отношениях, потому что идет быстрое перераспределение сил на мировой арене. Поднимаются новые цивилизации, которые раньше практически не участвовали в международных делах. Пятьсот лет мир был европоцентристским (под Европой я подразумеваю и Россию тоже), потом Соединенные Штаты Америки определяли события на земном шаре. Сейчас ситуация в корне меняется: на авансцену выходят Китай, Индия и латиноамериканская цивилизация, а роль Запада быстро снижается. Это болезненный процесс, особенно для конфликтных регионов. Трудно сказать, как будет разрешаться ситуация в афгано-пакистанском узле — а ведь там есть ядерное оружие. Поэтому без изменения подходов, без четкого анализа причин, почему мы до сих пор вращаемся в этом замкнутом кругу, мы вряд ли продвинемся далеко вперед.

Еще один момент. Действительно, развал Советского Союза показал, что экономическая модель, которую он отстаивал, несостоятельна. Практически до конца XX века в мире преобладала англо-саксонская модель, поскольку она была единственной обеспечивающей успех. Но в XXI веке ситуация изменилась. Сейчас все больше ученых обращают внимание на то, как работает азиатская модель, так как в Китае, Индии и еще ряде стран Азии наблюдается стабильный экономический рост.

Я согласен с нашим греческим гостем, что исламская модель тоже интересна. Надо изучить, как она функционирует, и, может быть, какие-то элементы заимствовать. Ясно, что модель либеральной экономики, которая господствовала в последнее время, провалилась. Значит, надо сосредоточить внимание на поиске новых экономических моделей. Вопросов очень много, и если мы сумеем найти хотя бы приблизительные ответы, мне кажется, мы в определенной степени продвинемся вперед. Спасибо.

В. С. СТЕПИН: — По поводу современных экономических отношений Эрвин Ласло написал интересную книгу «Суперсдвиг», где он прямо говорит, что для сохранения цивилизации надо отказаться от идеи, что чем больше мы потребляем, тем это лучше для экономики. Этот принцип действительно лежит в основе всей современной мировой экономики. Она была фундирована работами экономистов 1950–1960-х годов, где было показано, что социальная справедливость достигается тогда, когда происходит подтягивание низшего уровня потребления до среднего, то есть увеличивается количество людей среднего класса. Но этот принцип возможен только при условии, что существуют стимулы производства. А они, в свою очередь, появляются за счет роста потребления. То есть возникает система экономики с отрицательно-обратными и положительно-обратными связями.

Функционирующая сейчас система может действовать только как открытая, когда все больше ресурсов вливается в экономику извне. Если так будет продолжаться, то увеличится антропогенное давление на природу, расход мировых ресурсов, все это будет вызывать экологические катастрофы и т. д. Ласло утверждает, что в этом корень основной проблемы организации экономической жизни. Можно ли отказаться от этого принципа? Если можно, то

как? Есть ли какие-то предпосылки для этого? Американский исследователь рынка Виктор Лебов в 1950-х годах писал: для экономики выгодно, чтобы люди привыкли, потребляя вещи, портить их — ломать, сжигать, выбрасывать и заменять новыми. Сейчас в основе производства лежат именно эти идеи.

Я задался вопросом, почему китайские товары, очень некачественные с точки зрения «долгожительств», имеют такой большой успех. Они дешевые, потому что в Китае дешевая рабочая сила. Для рынка действительно выгодно, чтобы люди брали товары, которые служат два-три года, и потом выбрасывали их и заменяли новыми, потому что меняется мода, да и товары совершенствуются. Китай на этом выиграл. Но мы-то ведем речь не о мелочах, которые требуется исправить, а о фундаментальных принципах организации мировой экономики.

— Вячеслав Семенович, может ли расти потребление при одновременном снижении затрат, или это исключено? (вопрос из зала)

В. С. СТЕПИН: — Произноса слово «потребление», я имел в виду не потребление энергии, а совершенно другое — потребление информации в виде знаний, компьютерных игр. Я думаю, что современное постиндустриальное общество открывает именно эту область потребления, которая может соперничать с вечным — энергетикой.

В. В. ПОПОВ: — На Западе был период, когда везде искали «руку Москвы». В связи с этим я хочу сказать, что у замечательного экономиста Джона Кейнса жена была русской балериной, так что, возможно, и об этом говорили как о руке Москвы. Главная идея, которую он проповедовал, заключалась в создании регулируемого рынка.

Мое последнее замечание очень краткое. Мы приблизились к критической черте. У нас слишком много глобальных проблем, к тому же обострилась международная политическая ситуация, поэтому возникает вопрос о самом существовании человечества. Мы должны это понять.

Марк ДРЮЭН: — Как и все здесь присутствующие, я прочитал Декларацию прав культуры и хотел бы напомнить, что эти права вытекают из фундаментального, исторически новаторского документа — Хартии Организации Объединенных Наций, точнее, ее преамбулы. Этот документ совершенно ясно говорит о том, что народы мира решились создать организацию, которая являлась бы инструментом защиты их прав во всем многообразии, а это — главное для всего человечества.

В Декларации я нашел интересной мысль о том, что необходимо распространять, в частности, у нас во Франции русский язык, как мы стараемся здесь, в России, способствовать распространению французского. Это способ подтвердить ценность языка. Мы осознаем, что рискуем создать то, что французский философ Деррида называет лингвистическим и культурным национализмом. Ученый призывает сопротивляться националистическому искушению, которое называет таким же империалистическим захватом, как и захват территории. Возникает противоречие, ставящее нас в тупик, который Деррида называет «человеческой ограниченностью».

В заключение я хочу высказать некоторые мысли о толерантности. Это понятие, безусловно, необходимо, но его недостаточно. Деррида говорит об уважении культуры другого. Понятие «уважение» означает доброжелательность, то есть хорошее отношение к другому. А если мы продолжим этот ряд, то будет и любовь, и, по словам Поля Рикера, гостеприимство культур, то есть культуры должны понимать и принимать друг друга. Уважение культуры другого — это

самое главное, фундаментальное требование, суть которого заключается в том, чтобы не делать другим того, чего не желаешь себе; ценить различия между людьми.

Арманд КЛЕСС: — Здравствуйте, уважаемые коллеги! Здесь была подняты важные и интересные вопросы, которыми я занимался в течение 11 лет. Я хотел бы остановиться на нескольких основных проблемах.

Западная цивилизация в течение многих веков доминировала в мире. И в настоящее время, хоть мы и говорим о том, что ее позиции пошатнулись, она пока остается ведущей, поскольку в ней выработаны многие устойчивые положения.

Мы говорим о противоречиях, о варварском подходе к культуре, даже не вполне осознавая, насколько огромны эти противоречия. XX век показал, что развития цивилизации, прогресса во взаимоотношениях между людьми и во многих других областях не происходит — человеческая природа остается прежней, и цивилизации за многие тысячелетия не изменили свою сущность, особенно в том, что касается отношений людей между собой и с другими живыми существами.

За многие века западная цивилизация пережила много неудачных попыток придать ей гуманистический характер. Религия, философия, наука не смогли поднять глубинную суть цивилизации на более высокий уровень. Научные исследования и открытия теоретически и практически показывают, что нельзя поднимать какую-то одну цивилизацию на очень высокий уровень. Западная цивилизация, часто воспринимаемая как американская, состоит из обломков, которые пытаются склеить в целое, но она остается лишенной содержания, которое постепенно утрачивала в течение столетий. В итоге сегодня в различных сферах жизни торжествует посредственность, теряется ощущение красоты, превозносится вульгаризм.

Например, существует такое явление, как феминизм. Женщины, которые сыграли большую роль в самом развитии цивилизации, оказали решающее влияние на обычаи и нравы, сегодня хотят уподобиться мужчинам. Я рассматриваю феминизм как варварскую идеологию, потому что он означает, что происходит процесс децивилизации. Чтобы избежать этого, я бы на первый план вывел возрождение ислама.

Я думаю, что прежде всего нам необходима радикальная девестернизация всего мира, деколонизация нашего рассудка. Модель цивилизации, которую мы хотим принять, должна быть основана на разнообразии и не иметь диктаторской направленности. Любая цивилизация, в том числе западная, должна существовать в гармонии со всем миром. И самой главной, ключевой ценностью для любой будущей цивилизации должна быть святость жизни во всех ее сферах и формах. В этом смысл моей философской модели.

Я хотел бы закончить свое выступление мыслью, что нельзя рассматривать человеческую жизнь отдельно от жизни животных. Мы до некоторой степени похожи на них в своем поведении. Поэтому современные философы говорят о том, что нам необходимо сфокусировать свое внимание на духовных ценностях, а не на материальных, стремиться жить по Достоевскому, а не по Марксу. Прежде всего мы не должны допускать, чтобы в человеческом сообществе доминировала какая-то одна нация, то есть необходимо равноправное существование различных национальностей. Возвышение одной цивилизации — это варварский подход. Мы должны понимать, что будущее человечества — в устранении любой агрессии и недопущении подавления какой-то одной нацией других, иначе нас ждет деэволюция.

О. А. БУЗИНА: — Мне хотелось бы продолжить мысль о толерантности, потому что, на мой взгляд, она не всеми нами понимается одинаково. Вроде бы толерантность — это уважение, но сегодня тут прозвучала мысль, что нам не надо отказываться от трансплантации западных ценностей в Россию, и самим нам тоже следует трансплантировать свои ценности в другие страны. Но здесь-то и кончается толерантность. Как только мы начинаем взаимно трансплантировать культурные традиции, тогда и начинаются конфликты. Все мы помним, как Советский Союз пытался трансплантировать свои ценности, а остальной мир этому сопротивлялся. Поэтому проблема толерантности не так проста, как кажется. Мы вроде бы ее признаем, но на самом деле воспринимаем не полностью. Если Запад не будет доминировать, то будет доминировать Китай, и будут трансплантироваться традиции другой системы, иные культурные ценности. Может, проблема не в трансплантации, а в эволюционном восприятии культурных ценностей друг друга?

Что касается глобальной культуры, то я, к сожалению, не участвовал в прошлогодних Чтениях и не слышал теоретических выкладок академика Гусейнова. Честно говоря, я не совсем понимаю, что такое глобальная культура. Сегодня один из наших коллег говорил, что нам надо преодолевать макрогрупповую идентичность. Мне представляется, что это путь, ведущий к трагедии. Как только мы начнем бороться с макрогрупповыми идентичностями, начнутся конфликты, потому что непонятно, как это делать. Поэтому, на мой взгляд, проблема глобальной культуры или глобальной культурной цивилизации тоже не такая простая.

Я считаю, академик Степин правильно сказал, что надо собраться и обсудить эту проблему отдельно. Мир должен оставаться мультикультурным. Если мы начнем что-то преодолевать и вырабатывать единую цивилизацию, единую культурную традицию, что сродни общему мировому порядку, тогда мир просто рухнет.

Анн КОЛЬДЕФИ-ФОКАР: — Я хочу продолжить разговор о том, почему мы не продвигаемся в наших размышлениях, хотя есть очень интересные идеи, как верно сказал профессор Запесоцкий. Дело в том, что, на мой взгляд, есть несколько нерешенных вопросов; я остановлюсь на двух из них. Первый касается проблемы глобализации. Здесь говорили, что глобализация — прежде всего экономическое явление, связанное с проблемой потребления. Это, конечно, правда. Но, как мне кажется, глобализация — это еще и тенденция к схематизму и упрощению.

Второй вопрос — о том, возможен ли диалог культур. Интересно, не исчезнут ли в скором времени культуры во всем их многообразии, потому что с этой тенденцией к упрощению и схематичности я не уверена, что они им суждена долгая жизнь. Профессор Запесоцкий говорил о разных слоях культуры и цивилизации, которые скоро войдут в жизнь каждого человека. То есть глобальная, мировая культура перейдет в национальную, личную и т. д. Но у нас есть наглядный пример подобного явления — Евросоюз, где найден «общий язык» и в то же время сохраняются языки и культуры всех стран, которые уважают друг друга. Это сложный, дорогостоящий и, по моему, совершенно неэффективный механизм и не совсем честная система — достаточно посмотреть, как Брюссель или Страсбург относятся к некоторым странам, прежде всего из бывшего Варшавского договора. Ясно, что на словах языки и культуры этих стран уважаемы, но на самом деле их воспринимают как фольклор. Однако если культуры будут продолжать существовать как фольклор (против которого я ничего не имею), я думаю, что это не будет никому интересно.

В. В. НАУМКИН: — Здесь постоянно звучит мысль о том, что постановка самой проблемы диалога культур и партнерства цивилизаций рождает не менее актуальную проблему выработки инструментария для реализации давно сформулированных человечеством высоких идеалов. Господин Яковенко задал риторический вопрос с оттенком пессимизма: а возможен ли вообще этот диалог?

Я полагаю, что спонтанный диалог цивилизаций идет очень давно — это не новация нашей эпохи. Конфуцианская, исламская, западная цивилизации взаимодействовали и 10 веков назад. Достижением же сегодняшнего дня следует считать формат интенсивного обсуждения проблем, с которыми сталкивается человечество в XXI веке.

Думаю, что скорых ответов на вопросы, которые мы сегодня ставим перед собой, искать не стоит, поскольку для того, чтобы прийти к решениям, скажем, Второго Ватиканского собора (напомню, что этот Собор впервые признал ислам небиблейской формой единобожия), должны пройти столетия, в то время как встречи подобного формата, когда интеллектуалы, представляющие разные культурные и религиозные традиции, собираются и ставят друг перед другом острые вопросы, происходят лишь в последние три-четыре десятилетия. Я считаю, что многое, безусловно, будет зависеть от позиций религиозных лидеров. Вполне очевидно (и эта мысль здесь уже звучала в разных интерпретациях), что без мира между религиями мир между народами недостижим. И очень важно, чтобы отношения между исламским и христианским мирами (это сегодня, я думаю, доминирующие религиозные традиции), по возможности, выходили за рамки острой конкуренции двух духовных корпораций.

К сожалению, рецидивы прошлого мы наблюдаем и сейчас, и из недр каждой религиозной традиции можно слышать инвективы в адрес другой религии. В то же время практика живого общения ислама и христианства существует в России уже на протяжении многих веков. По сути дела, мой доклад о формировании культуры диалога — о том, что в России есть опыт, который можно экстраполировать. Я знаю, что проблемы евроислама сейчас остро стоят перед Евросоюзом и часто рецепты решения христианско-мусульманских проблем наши западные коллеги находят в России.

Важно также понять следующее. Когда мир сталкивается с глобальным финансовым кризисом, именно исламское сообщество дает некоторые советы по решению проблем банковской сферы и выхода из подобного рода экономических катаклизмов. Собственно говоря, финансовый кризис — это проблема, скорее, искусственная, вызванная непродуманным использованием финансовых ресурсов. В исламском мире сейчас есть вполне конкретные рецепты. Возможности исламского банкинга сегодня изучаются во многих странах.

Недавно в Москве прошла большая конференция, посвященная тому, как западные финансовые центры могут изучать возможности, инструментарии выхода из подобных кризисов. Важно, как я полагаю, развивать обмен культурными ценностями, что успешно практикует господин Пиотровский. Например, в течение полугода в Казани проходила выставка «Во дворцах и шатрах. Исламский мир от Китая до Европы». То есть каждая культурная традиция может пропагандировать достижения, богатство собственной культуры. Спасибо.

— *Фарид Абдуллоевич, как Вы думаете, можно верить в одни богооткровения и при этом считать, что другие богооткровения имеют такое же право на существование, и все они в равной мере истинны — и мусульманские, и христианские?* (вопрос из зала)

Ф. А. АСАДУЛЛИН: — Ислам не отвергает опыт предшествующих религиозных традиций, и Коран избирательно включает религиозный опыт и христиан, и иудеев. Мы их считаем людьми писания, которые идут в русле единобожной традиции. То есть у них равные права.

Стивен УАЙТ: — Добрый день, уважаемые коллеги! Я представляю Университет Глазго; в 1980-х годах к нам приезжал с визитом господин Дмитрий Лихачев, чем мы очень гордимся. Я хотел бы вернуться к обсуждению правовых вопросов, о которых нам напомнил господин Попов. Естественно, многие из нас изучали историю культур и цивилизаций, мы разбираемся в вопросах диалога и взаимоотношений между людьми — эти знания являются фундаментальными. Но мы знаем, что изменения в этой области действительно произойдут, и довольно скоро.

Мы часто добиваемся прогресса, когда ориентируемся на правила поведения, установленные нами в процессе диалога, а не руководствуемся нормами, «спущенными сверху». Год назад мы говорили о том, что западные страны диктуют свою волю другим, например Ираку, посредством войны. Многие из нас рассматривали это как незаконные действия. И мы рады, что перемены в самих США влекут за собой изменение их поведения в мире.

Теперь я хотел бы высказаться по вопросу, который, как мне кажется, становится все более сложным в практическом плане, — о контроле за выборами в разных странах. Мы все привержены демократическим ценностям и верим, что только та государственная власть, которая сформирована путем выборов, является законной. Выборы в наших странах организованы по-разному, но, к сожалению, механизмы учета их результатов, которые разрабатывает Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ), функционируют плохо. Мы знаем, что по некоторым причинам российская сторона имеет возражения на этот счет.

К сожалению, я не могу сказать, кто виноват в том, что те механизмы, которые мы начали разрабатывать, чтобы наблюдать и контролировать проведение выборов в разных странах, не работают так, как мы рассчитывали. Я надеялся, что в ходе дискуссии на Лихачевских чтениях мы не пройдем мимо вопросов, связанных с верховенством права. На мой взгляд, это очень важный вопрос для понимания различных культур и межкультурных отношений. Мы можем повлиять на решение этих вопросов гораздо более эффективно в среднесрочном периоде, а не в долгосрочном, как думали сначала.

— Я хотел бы образно описать, как я вижу происходящее в мире. Представьте страну, в которой много дорог, не соединенных друг с другом. Каждый идет своей дорогой, используя те или иные возможности. Но что произойдет, если вдруг ночью каким-то чудом все эти дороги соединятся? Конечно, люди смогут легче перейти на другую путь, открыть для себя новые возможности, но в то же время трафик начинает работать гораздо более сложным образом. Вы знаете, что, например, в Великобритании свои правила дорожного поведения, в других странах Европы — свои. Соединение дорог приведет к хаосу. Когда мосты строятся медленно, люди могут адаптироваться по мере их возведения. Но если вдруг такие мосты появляются в течение 24 часов, то возникает хаос.

С помощью этих образов я хотел показать, что люди должны иметь возможность перейти на другую дорогу, увидеть иные цивилизации, но дорожное движение должно быть подчинено определенным правилам. Поэтому бихевиористы, философы и психологи не должны часто оборачиваться на прошлое и искать места, где мы можем потерять свою идентичность. У всех нас — немцев,

испанцев, арабов, русских — замечательные, сильные языковые культуры, которые признаются Организацией Объединенных Наций. Но все мы говорим на своих родных языках, потому что понимаем, что не можем общаться одновременно на 25 наречиях.

Мы не должны так сильно концентрироваться на наших идентичностях в прошлом. Необходимо понять, что мы можем взять из прошлого для того, чтобы определить, какой должна стать наша цивилизация в будущем. Тем не менее следует признать, что в будущем людям необходимы широкие возможности. Философы, психологи, искусствоведы должны работать в «Альянсе цивилизаций», чтобы выработать идею, как помочь в развитии новым цивилизациям. Нужны красивые города, где люди смогут жить, хорошие больницы, в которых они будут лечиться, возможность работать, учиться и путешествовать. И все, что необходимо сделать, — привести в порядок этот трафик (реплика из зала).

Е. М. АСТАХОВ: — Я хотел бы поделиться некоторыми соображениями с учетом моего практического опыта. Межцивилизационный диалог действительно необходим, это совершенно очевидно. Но он не может осуществляться за счет отказа от национальной и внешнеполитической самостоятельности. Я не буду повторять общеизвестных положений относительно того, что мы до сих пор являемся свидетелями монолога одной, условно говоря, западной цивилизации, хотя это очень размытое понятие. В Латинской Америке, например, не совсем понимают, что такое западная цивилизация. Да, идет экспорт либеральных ценностей, но они не принимаются, к примеру, странами Азии.

Есть мнение, что необходима духовно-нравственная основа общечеловеческой солидарности — повторяю, солидарности, а не общечеловеческой цивилизации. С этим можно согласиться, но, к сожалению, нельзя предаваться иллюзиям — человеческая природа осталась прежней, такой, как и тысячи лет назад. Все то же: эгоизм групповой, национальной, эгоизм стран, блоков и т. д. У нас есть печальный пример Михаила Горбачева, который в силу своей культуры поверил в общемировые ценности. Итог известен: его проповеди охотно выслушивались и одобрялись, но результат был негативным для него лично и для страны в целом. Он оказался обманут. Я помню, Фелипе Гонсалес предупреждал Михаила Сергеевича, чтобы он был осторожнее, потому что это создает нежелательный пример для других стран, в частности для Испании.

Здесь прозвучали идеи относительно межрелигиозного диалога, с которыми я совершенно согласен. Он, кстати, уже идет. С приходом патриарха Кирилла, я думаю, мы получили сильного лидера, который будет содействовать дальнейшему развитию диалога религий.

В XXI веке, безусловно, очень важна безопасность государств. Однако нередко наблюдается стремление к достижению абсолютной безопасности за счет безопасности других. Это проявляется и в противоракетной обороне, и в создании все новых видов оружия массового уничтожения. Тезис о том, что современные межцивилизационные проблемы не должны решаться силовым путем, мне представляется бесспорным, но в реальной политике такие решения не исключаются.

Существует точка зрения, что мировая война уже идет, но мы об этом не знаем. Кто знает, к чему приведет неспокойная ситуация в Ираке и Афганистане, к чему придет Иран с его ядерным оружием. Во всяком случае, некоторые тревожные признаки налицо. Я не исключаю, что произойдет обострение международного положения в рамках информационной войны, которая действительно уже идет — мы видели это на примере грузинских событий.

Еще один немаловажный момент: борьба за природные ресурсы — воду, «легкие мира» (Сибирь, Амазонию), энергетические ресурсы — чревата мировой войной. Но, я думаю, не стоит терять оптимизма, а необходимо продолжать межцивилизационный диалог.

Марк ДРЮЭН: — Меня очень воодушевила наша встреча. Когда я находился в Африке или в Индии в качестве наблюдателя, я уважал и ценил культуру и традиции тех людей, у которых останавливался. И во всех странах все было очень похоже, и как будто даже звучали одинаковые слова: я бедный, мне хочется есть, я хочу жить достойно. Да, если все люди воспользуются правом на жизнь, которое будет гарантировать безопасность и здоровье, возможно, диалог культур будет видаться совершенно иначе, и мы более искренне сможем воспринимать и понимать друг друга.

В. С. СТЕПИН: — Я кратко подведу итоги нашего заседания. Здесь было высказано много интересных идей, тем не менее я попытаюсь конкретизировать обозначенные проблемы. Первое, с чем мы все согласны: наступил период развития цивилизации, связанный со становлением нового типа глобального сообщества, когда требуются большие изменения и в экономических, и в культурных традициях. Об этом говорили многие.

Я думаю, что параллельные дороги, которые соединяются, образуя новый трафик, — хорошая модель. Этот наглядный образ можно обобщить на языке теории систем. Если путем объединения, слияния и организации систем создается новая сложная система, то в этом должна быть определенная закономерность. Когда части входят в целое, они должны быть каким-то образом ограничены в своих взаимодействиях — ведь они уже не будут такими, как раньше. Хорошее подтверждение этого тезиса — Евросоюз, о чем сегодня здесь шла речь. Приходится идти на компромиссы, смиряться с ограничениями, чтобы этот организм мог функционировать. Сейчас это проблема глобального мира.

Еще один важный момент — проблема безопасности. Здесь было хорошо сказано о том, что повышение уровня безопасности для одной страны не должно вести к понижению этого уровня для других. Значит, становится актуальной идея коллективной безопасности, что вызывает необходимость внести некоторые поправки в международное право. Но изменять его надо не так, как это иногда делается. Напомню о выступлении немецкого философа Хабермаса на международном конгрессе в Стамбуле, когда он сказал, что сам акт бомбежек Сербии означает отказ от международного права, что это просто его ликвидация актом действия. Такого в принципе не должно происходить. Необходимо достигать соглашений, чтобы государства делали уступки друг другу, находили баланс интересов и т. д. Это все о том же: когда создаются суперсложные системы, входящие в нее элементы — нации, государства — должны идти на самоограничение. Сегодня в нашей дискуссии эта проблема была рассмотрена с разных сторон.

Следующая важная проблема, которая была нами обозначена, касается становления взаимодействия цивилизаций в глобальном мире. Здесь большую роль играет наличие каких-то культурных идей, идеалов, которые могут быть приняты всеми. В этом смысле, я думаю, спра-

ведливо было сказано о необходимости диалога религий, но возникла не менее интересная идея о том, что в этом диалоге должны участвовать и атеисты.

Мы говорили о локальных, национальных, групповых принципах, которые объединяют людей, и господин Запесоцкий напомнил идею Михаила Пиотровского о том, что скоро человек будет жить в разных культурах и ему нужно к этому привыкать. Я считаю, эта мысль очень важна. В связи с этим хочу обратить ваше внимание на то, что сегодня в мире распространены не только национальные или другие групповые культуры, а сквозные профессиональные сообщества, например сообщество ученых. Их сила в том, что они умеют договариваться между собой. Ученые много дискутируют, и даже если возникают какие-то противоречия, то это никогда не доходит до отторжения одного научного сообщества другим или — в рамках научного сообщества — полного раскола и нежелания поддерживать контакт. Наоборот, в науке важен сам акт дискуссии, потому что каждый этап движения к истине дает толчок новому этапу; эти дискуссии помогают сплочению сообщества.

На нашем круглом столе также хорошо было сказано об исламском бизнесе, о том, что исламские банки не ориентируются на получение максимальной прибыли. Это интересные детали, на основе которых в бизнес-сообществе могут быть выработаны новые правила игры, а они, в свою очередь, помогут в становлении глобального сообщества человечества с разумными самоограничениями.

Я думаю, что здесь были поставлены важнейшие проблемы, высказано много интересных мыслей. На основе наших рассуждений можно выстроить некоторую стратегию анализа того, как в различных сферах деятельности — бизнесе, искусстве, политике, экономике, безопасности — появляются ростки нового. При должном внимании к ним и действиях, способствующих их развитию, они могут дать начало процессу общения и интегрирования различных форм культуры. Этот процесс, в свою очередь, сможет привести человечество к хорошему уровню цивилизационного развития и предотвратит катастрофические ситуации, ведущие к гибели цивилизаций. Так я увидел нашу дискуссию сегодня.

А. О. ЧУБАРЬЯН: — Все сегодняшние выступления и заключительное слово академика Степина, по-моему, избавляют от необходимости подводить какие-то итоги. Традиция форума состоит в том, что здесь не принимаются решения, не выносятся вердикты. С моей точки зрения, это некая площадка, трибуна для обмена мнениями. Каждая такая встреча добавляет больше интеллектуального и концептуального смысла в наши обсуждения. Вообще проблема межкультурного диалога, цивилизационного взаимодействия сегодня очень актуальна.

Александр Владимирович Яковенко в начале нашей дискуссии сказал, что сегодня выдвигается масса гипотез, принимается много решений, но они не очень активно внедряются в практику. Его как дипломата беспокоит практическая сторона дела, но, по-моему, речь должна идти не только об этом, но и о научном осмыслении проблем. С моей точки зрения, доклады прошлого года и наши сегодняшние выступления значительно расширили и круг проблем, который перед нами стоит, и возможные подходы к их решению.

Секция 1

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ, ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

15 мая 2009 г. СПбГУП, ауд. № 414

Руководители секции:

В. Ф. ПЕТРЕНКО

член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор

Ж. Т. ТОЩЕНКО

член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой теории и истории социологии, доктор философских наук, профессор

ДОКЛАДЫ

А. В. Агошков¹

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В XXI ВЕКЕ: ГЛОБАЛЬНЫЙ УНИВЕРСАЛИЗМ ИЛИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ?

Анализ изложенных нами ранее концепций² и ряда социокультурных проявлений этих доктрин позволяет сделать два промежуточных вывода: во-первых, о продолжающемся наполнении идеи социальной справедливости национальным и культурным содержанием; во-вторых, о наибольшей адекватности этой идее (в аспекте ее социокультурных оснований) именно социалистической (или социал-демократической, что близко по смыслу) традиции. В то же время многообразие воплощений самой идеи вовсе не мешает нам выделить совокупность базовых ценностей (ключевых смыслов) социал-демократии XXI века, являющихся современной проекцией идеи социальной справедливости, ликвидации эксплуатации и преодоления отчуждения простых людей от средств производства и власти, если использовать терминологию марксизма.

Так, А. В. Лопарев выделяет следующие общие идейные позиции социалистов: «Во-первых, их идейная общность — ориентация на демократический социализм, трактуемый не только как идея, но и как процесс длительных, не ограниченных определенным отрезком времени общественных преобразований; во-вторых, прочные устойчивые связи с местным профсоюзным движением, с разными категориями наемных рабочих физического и умственного труда; в-третьих, принцип нахождения политического консенсуса при решении проблем; в-четвертых, приверженность концепции социальной защищенности трудящихся, всегда имеющей приоритет при решении социально-экономических проблем»³. Все остальные аспекты любой идеологии (политические, экономические и пр.) рассматриваются скорее как элементы тактики и/или особенности конкретного курса тех или иных партий⁴.

¹ Главный редактор журнала «Вопросы культурологии», главный специалист Института научных исследований и информации Российской академии государственной службы при Президенте РФ (Москва), кандидат философских наук.

² См., напр.: Яновский Р. Г., Агошков А. В. Свобода в истории европейской цивилизации. Размышления о свободе и справедливости // Безопасность Евразии. 2005. № 4. С. 91–108; Агошков А. В. Социальная справедливость: история и методология исследований // Вопросы культурологии. 2007. № 11. С. 21–26; Он же. Социальная справедливость в Средние века и Новое время: от Дольчино до Ж.-Ж. Руссо // Вопросы культурологии. 2008. № 4. С. 17–20.

³ Лопарев А. В. Социал-демократия: истоки и современность // Общественное образование в школе. 1998. № 5. С. 13.

⁴ К таковым относятся: в экономическом смысле — сохранение экономической и социальной активности государства; экономическая демократия как непосредственное участие трудящихся в управлении предприятиями и приобщение профсоюзов к совладению предприятиями через повы-

Переноса акценты с политологической на культурологическую, гуманитарную сторону вопроса, можно сказать, что ценностное ядро современного левого движения включает:

— *демократический социализм* как символ социокультурных изменений, означающий совокупность идей, целей, а также конкретных преобразований в политической, экономической, социальной и других сторонах жизни, ведущих к улучшению качества жизни большинства людей, понимаемый динамически (процессуально), то есть в тесной взаимосвязи с конкретным пространственно-временным континуумом, непрерывное движение к идеалам свободы, равенства и братства;

— *солидарность*, понимаемую не только как совокупность интересов определенных общественных сил, но и как партнерство самых различных социальных групп и классов, а также государства и общества, стремление к диалогу и гражданскому согласию;

— *социальную справедливость* как социальную защищенность трудящихся, как общественный контроль за мерой труда и мерой потребления на основе принципа «от каждого — по способностям, каждому — по труду».

Ключевым моментом в понимании ценностей социализма XXI века является выбор методов для проведения социал-демократической политики, основным из которых является реформа. Именно реформы, которые разделяются на «системостабилизирующие» и «системоизменяющие», должны охватывать все сферы общественной жизни и способствовать эволюции буржуазного общества к обществу социальной справедливости. В функциональном плане его понимают как «самоуправленческий социализм», то есть процесс приобщения всех граждан к выработке и принятию решений, руководству самими различными сферами жизни, активизацию широких слоев населения — рядовых членов профсоюзов, общественных организаций, местного самоуправления и прочих, которые должны выступать наравне с партиями, придерживаться

шение доли участия (фонды) в доходах этих предприятий; контроль производственных советов над определенными сферами хозяйственной деятельности (уровнем занятости, социальной политикой, гуманизацией труда, улучшением его условий) и пр.; в политическом смысле — социальная демократия как многопартийность; свобода деятельности для оппозиции; возможность пребывания у власти нескольких партий, их сменяемость в результате выборов и пр.; политические и гражданские права человека, свобода печати, свобода и самостоятельность профсоюзов, правовое государство и т. д.

принципов прямой демократии, при этом находиться под постоянным общественным контролем¹.

Нетрудно заметить, что в рассуждениях сторонников социал-реформизма латентно присутствует «плюралистический парадокс», связанный с их видением цели и средств общественного прогресса. Согласно ему расширение регулирующей роли государства в экономической и социальной жизни свидетельствует о трансформации капитализма в более справедливый общественный порядок, который именуют «смешанным обществом», характеризующимся смешением элементов капитализма и социализма. В терминологии экономизма речь идет, очевидно, о создании смешанной экономики, сочетающей в рамках единого правового пространства разные формы собственности и соответственно различные способы хозяйствования, включающие рыночный, административный, азиатский способ производства и пр. В терминах политологии это означает, по-видимому, мировоззренческий плюрализм, подразумевающий сосуществование (или взаимодействие) самых различных доктрин, появление термина «социал-либерализм» и пр. (Новейшие отечественные исследования подтверждают, хотя и с рядом оговорок, этот тезис, предложенный еще в теории конвергенции, вводя в употребление понятия «социалистический капитализм» или «капиталистический социализм», подразумевающие употребление капиталистических методов хозяйствования, но — во имя реализации социалистических целей общественного развития².)

К слову, данное предположение в определенной мере нашло отражение (притом скорее в онтологическом, а не концептуальном смысле) в целом ряде ведущих программных документов европейской социал-демократии. Так, В. Брандт еще в конце 1980-х годов провозгласил основной целью объединение, которое, с одной стороны, должно было послужить залогом укрепления левого фланга, а с другой — подрывало сами ценности социализма, отказываясь от символики и традиций: «Без сильной социал-демократии Германии не обойтись. Ее этические импульсы еще сильны. Левые в Европе будут привержены социал-демократическим идеям или же они потеряют свое влияние. Названия партий при этом играют второстепенную роль. Если воедино сольются различные идеологические течения, то они могут обрести большую силу»³. В этом же духе была составлена и известная доктрина Блэра—Шредера, идеологически неопределенный документ, апеллирующий к ценностям гуманизма и глобальной безопасности, необходимости постоянно удерживать равновесие между гражданскими свободами и социальной справедливостью и т. д. Вопросы идентичности в нем фактически не ставились.

Возникает вопрос: снимает ли этот социокультурный (идейный, политический, экономический, социальный и пр.) плюрализм саму идею социализма, его социокультурный опыт и воплощения? Станет ли путь утверждения глобального общечеловеческого гуманизма поводом к размыванию социалистической идентичности, к потере исторической преемственности социально ориентированных политических сил? Данный вопрос при всей его внешней, идеологической нагруженности имеет и внутреннее, мировоззренческое содержание. Если Запад, преследующий (в большей мере) цели экономической эмансипации, склонен рассуждать в терминах экономической теории, то русское сознание (шире — восточное), до сих пор неравнодушное к духовному измерению

¹ См.: Лопарев А. В. Указ. соч. С. 14.

² См.: Простов А. Ф., Недотко П. А., Сумина И. С. Конкуренция глобальных и локальных проектов будущего. Комментарий к проекту социального развития трудовых ресурсов и территорий в России «Автономная некоммерческая благотворительность». М., 2008. С. 104.

³ Брандт В. Воспоминания. М., 1991. С. 501.

бытия, вполне способно задаться вопросом: может быть, означенная проблема шире сугубо хозяйственных интересов?

Очевидно, в рамках одного исследования трудно дать однозначный ответ на вопрос, который скорее всего будет поставлен перед мировой социал-демократической общечеловеческой, ибо ответ на него может дать лишь коллективный разум всех ее членов. Мы можем предположить, что по аналогии с глобализационными процессами, — неоднозначность которых стала очевидна, вследствие чего в современном мире имеет место конкуренция глобальных и локальных проектов будущего (термин А. Ф. Простова), — социалистические силы также не пожелают отказаться от своей идентичности и пожертвовать ценностями демократического социализма в пользу универсальных, но абстрактных «общечеловеческих ценностей» и уничтожающего всякую этническую и национальную идентичность «глобального гуманизма». (Заметим, что данная проблема уже нашла подтверждение в программных документах современной российской социал-демократии. В частности, при согласовании целей и задач одной из ведущих левых партий России и руководства Социал-демократии возникли разногласия по ряду вопросов гуманитарного характера. Например, относительно справедливого отношения к сексуальным меньшинствам, однополым бракам, эвтаназии и пр. Состоявшийся обмен мнениями показал различия между позициями России и Западной Европы по отдельным проблемам морали и нравственности, а данные сферы общественной жизни имеют непосредственное отношение к культуре, наряду с традициями, обычаями, обрядами и нормами⁴.)

Возвращаясь к вопросу о национально-культурной специфике реализации идеи социальной справедливости, можно утверждать, что именно специфически культурное, нравственно-сообразное наполнение этой идеи и ее социокультурного воплощения, каковым и является мировое и национальное социалистическое движение, может позволить преодолеть неограниченную делимость, а по сути, эрозию ценностного ядра социализма, адаптировать его к социокультурной ситуации самых разных стран, этносов, национальных государств. (Речь идет даже не о создании очередного «морального кодекса», но об осознании высокого нравственного значения социализма XXI века, его гуманистического характера — обращения к ценностям ненасилия, экологизма, сохранения мирового культурного наследия, заботы о традиционных народах и пр.) Вместе с тем это национально-культурное разнообразие вовсе не отрицает как базовые ценности движения, так и международные правовые и политические институты, доказавшие свою нужность и эффективность в последние 60 лет (в частности, Социалистический интернационал).

Обращаясь к истории, можно говорить, что одним из первых опытов (даже, пожалуй, пред-опытов) такой адаптации явилась теория этического социализма, согласно которой социализм рассматривался главным образом как совокупность морально-этических принципов и требований. Известно, что философско-теоретическое обоснование этического социализма получил в неокантианстве, сторонники которого (Г. Коген, П. Натторп, К. Форлендер и др.) пытались совместить теорию социализма с кантовской нравственной философией (ими был введен в употребление лозунг «Назад, к Канту!»). Понятие «социализм» они отождествляли с «определенным нравственным мировоззрением», выражающим стремление к устранению противоречий в общественных отношениях. По их мнению, именно И. Кант был родоначальником этического социализма, ибо выдвинутый философом категорический импе-

⁴ См.: <http://spravedlivo.ru/news/6500.smx>

ратив отражает основную идею социализма — идею солидарности, которая неотделима от прочих моральных ценностей и воплощается в ходе постепенного нравственного совершенствования человечества¹.

Известно, что это обоснование постепенности, конкретности мер, осуществляемых в процессе повседневной работы, реализации так называемых «малых дел», которые в совокупности и должны составить движение к социализму, было взято на вооружение ревизионизмом (Э. Бернштейн). Основываясь на этих положениях, его лидеры настолько последовательно отдавали приоритет движению перед «отдаленной и абстрактной» целью, так активно делали уступки буржуазному строю и капиталистической идеологии, что не только не смогли предотвратить экономического кризиса 1929–1933 годов, но и оказались не в силах противостоять приходу к власти нацистов. И хотя теоретический и практический опыт правых социалистов пополнил «стратегический запас» левых сил и нашел определенное отражение в послевоенной Годесбергской программе, смерть Э. Бернштейна в 1932 году подвела черту под иллюзиями этой части общественно-политического спектра, ряд представителей которого во время и после войны пополнили ряды более правых (либеральных) или левых (последовательно социал-демократических) сил.

Послевоенный период европейской (шире — мировой) истории вполне обоснованно можно считать эпохой торжества социалистических идей. Помимо сугубо социально-политического и социально-экономического пластов этого социального движения, нельзя не отметить широкое распространение антибуржуазных (левых, марксистских, социалистических) идей среди деятелей науки и культуры, в частности обществоведов. Как справедливо пишет В. Д. Жукоцкий, расшатывание «официальных подпорок» советского марксизма оказалось весьма полезно для самого марксизма, равно как и для левого движения в целом². Освобождение от шор официоза способствовало открытию нами западного марксизма и западноевропейского социализма не в качестве упомянутого выше ревизионизма, а важнейшего фактора в развитии культуры XX века, ее социализации и секуляризации. После опубликования «раннего Маркса» мало кто на Западе не испытал его влияния: А. Грамши, Г. Зиммель (работали до войны, но послевоенная реальность испытала сильное влияние их деятельности³), Д. Лукач, Ж. П. Сартр, Г. Маркузе, К. Корш, Д. Белл, К. Леви-Строс, Ю. Хабермас, М. Фуко, Э. Фромм и др. Труды «новых левых» (Т. Адорно, Р. Барт, Ж. Л. Годар, Ги Дебор, А. Камю, М. Хоркхаймер и др.) изучены достаточно хорошо. Светский гуманизм их произведений апеллировал к нравственным качествам человека будущего, способного воплотить высокие идеи равенства, создать общественный строй, который «прими-

рил бы свободу и справедливость» (А. Камю), вернул бы достоинство трудящимся, облагородил бы власть. Общество социальной справедливости, по их мнению, прежде всего общество духовных, а не материальных (экономических, политических и пр.) ценностей, пространство социального творчества, а не социального принуждения: «Революция способна утвердить себя в сотворении цивилизации, а вовсе не в терроре или диктатуре. <...> Два вопроса, которые время задает нашему заплутавшему обществу, — возможно ли творчество и возможна ли революция — становятся единой проблемой возрождения цивилизации»⁴. Проблема социального прогресса предстает как проблема культурологическая, как рассуждение о возможности безраздельной гуманизации труда, творчества, этики и морали, шире — социальной действительности в целом: «Общество, основанное на производстве, не сможет найти дорогу к цивилизованности, если не вернет труженику статус творца, тем самым не устремив свой интерес и внимание к процессу труда и к его результатам. Та цивилизация, которая нам действительно нужна, не должна разделять труженика и творца и в пределах класса, и в лице конкретного человека, как художественное творчество не разделяет форму и сущность, дух и историю. Только так цивилизация сможет признать всеобщее право на человеческое достоинство, призыв к которому начертан на знаменах бунта»⁵.

В отечественном общественном сознании вопрос социокультурного измерения социалистических преобразований в экономике и политике долгое время не считался ключевым, как не признавалась и важность изучения взаимоотношений культуры, экономики и политики. Предполагалось, что позитивные изменения в базисе должны автоматически привести к повышению культурного уровня большинства населения, что в свою очередь станет залогом дальнейших успехов «развитого» социализма в СССР. Лишь на закате советской эпохи, в конце 1970–1980-х годов, появились работы, освещавшие пути и направления развития собственно культурологической (и культуроцентристской) методологии общественных наук⁶. (Впрочем, некоторые исследования, поставившие во главу угла взаимосвязь сознания и психики, культуры как исторического процесса и социального прогресса, получили общественное признание уже в 1960-е гг.) Тогда же произошло открытие гуманистического, подлинного, несанкционированного (по выражению В. Д. Жукоцкого) советского марксизма, а равно и решающих марксистских влияний в творчестве М. М. Бахтина, Л. С. Выготского, Э. В. Ильенкова, П. В. Копнина, позднего А. Ф. Лосева, М. К. Мамардашвили, С. Л. Рубинштейна и многих других, в произведениях которых отчетливо показана активно-творческая, деятельностная природа культуры⁸. Именно великому Лосеву принадлежит догадка: «Советская власть держится только благодаря платоническим воззрениям русского

¹ См.: *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М., 1991. С. 547.

² См.: *Жукоцкий В. Д.* Маркс после Маркса. Материалы по истории и философии марксизма в России. Нижневартовск, 1999. С. 64.

³ Известны высказывания Антонио Грамши о необходимости контакта между «простыми людьми» и интеллигенцией, о важности борьбы за интеллектуальное возвышение масс. По мнению Грамши, задача интеллигенции состоит в том, чтобы донести «высокие» достижения культуры до народных масс, популяризовать их, превращая тем самым в основу для практической деятельности. Он отстаивал идею общественно-активной роли искусства, ответственности писателя перед народом; критикуя упрощения марксистской теории, сведение к механистичности, жесткой детерминированности, Грамши писал по поводу вульгаризации проблемы соотношения базиса и надстройки марксизма, что нельзя «...представлять и объяснять любое колебание политического и идеологического барометра как непосредственное выражение изменений в базисе...» С целью выхода из тупика вульгаризации наследия Маркса и тоталитаризма Грамши предлагал комплекс «интеллектуальных и духовных преобразований, которые совершат на национальном уровне то, что либерализму удалось сделать лишь для блага узких слоев населения» (*Грамши А.* Тюремные тетради : в 3 ч. : [пер. с итал.]. М., 1991. Ч. 1).

⁴ Камю А. Миф о Сизифе. Бунтарь. Минск, 1998. С. 224.

⁵ Там же. С. 226.

⁶ См., напр.: *Вольинский М. А., Дондурей Д. Б.* Социологические исследования культуры в СССР. М., 1978; Тенденции и перспективы социологии искусства в СССР. М., 1985; Неомарксизм и проблемы социологии культуры / Ю. Н. Давыдов [и др.]. М., 1980; *Ионкус А. П.* Причастность к культуре как показатель образа жизни // Социология культуры : сб. научных трудов НИИ культуры. М., 1982. С. 66–67, 70–71; *Каган М. С.* Человеческая деятельность. Опыт системного исследования. М., 1974; *Он же.* Системный подход и гуманитарное знание. Л., 1981; *Плотников С. Н.* Проблемы социальных показателей развития культуры. М., 1982; *Розовская И. И.* О возможностях междисциплинарного подхода к анализу культуры // Социология культуры : сб. научных трудов НИИ культуры. М., 1982. С. 56–57; и др.

⁷ См., напр.: *Маньшев Ю. Г.* К вопросу о классификации убеждений личности // Проблемы философии и научного коммунизма. Красноярск, 1970; *Носков А. П., Яновский Р. Г.* Два уровня сознания и политические убеждения. Новосибирск, 1974; *Спиркин А. Г.* Происхождение сознания. М., 1960.

⁸ См.: *Жукоцкий В. Д.* Указ. соч. С. 64.

народа»¹, открывающая культурный, социально-психологический, ментальный план советского социализма, который оказывается тесно связанным с национальным характером русских, с глубинно *идеалистическим* и *общинным* (коллективистским) строем нашего общественного сознания. Эти соображения, по меньшей мере, ставят под сомнение ходячий стереотип о чисто силовом характере советской власти, о чуждости социалистических идей русской народной культуре; новейшие исследования подтверждают эти предположения².

Наиболее отчетливо борьба за социальный прогресс, неотделимая от конфликта капиталистической и социалистической идеологии (более того, от противостояния буржуазного и социального мировоззрения) была показана, по нашему мнению, в работах Алена де Бенуа и А. Г. Дугина. Первый из них, вслед за Вернером Зомбартом, склонен противопоставлять социализм как *принцип* системы или особого общественного строя социализму как стилю определенной ментальности, с одной стороны, и социализму как синониму «прогресса» и «теории классово-борьбы» — с другой. А. де Бенуа также указывает на необходимость преодоления вульгарного экономизма в общественной теории и учета национально-культурного фактора при определении социальной справедливости и социализма как такового. Он считает, что исторической задачей национального социализма является «исход из пустыни экономического века» и создание общинного «историко-реалистичного» строя, позволяющего нации выйти на особый «благодатный» *уровень культуры*³.

Развивая идеи Зомбарта, которые в значительной мере относились к более ранней эпохе — времени становления капиталистической формации, — Бенуа обращается к его работе «Торгаши и Герои» («Haendler und Helden»), в которой Зомбарт противопоставляет «торгашескую ментальность» «ментальности героической». «Торгашеская ментальность» неразрывно связана с понятием «интереса», «выгоды»: она основывается на принципах «благополучия» и «прибыли». «Героическая ментальность» связана с «идеями»: ее фундаментом являются представление о жизни как задании, которое необходимо исполнить, императиве служения и самоотверженности. «Сущность “торгашеского” в том, чтобы требовать и стяжать, сущность “героического” в том, чтобы жертвовать». Иными словами, «торгашеская ментальность» ставит перед жизнью следующий вопрос: «Что ты, жизнь, можешь мне дать?» Ее идеал — наибольшее количество материального благосостояния для максимального числа индивидуумов. «Ее добродетелями являются все те, которые гарантируют коммерсантам мирное сосуществование. Это — чисто отрицательные ценности, так как они настаивают на том, чтобы мы не делали того, что сама наша природа заставляет нас делать. Добродетели торгашей — это умеренность, сдержанность, приспособленчество, лояльность, смиренность, терпение и т. д. Героическая ментальность во всем прямо противоположна торгашеской. Ее духовные ценности, напротив, положительные, созидательные, “дающие”: самоотреченность, верность, честность, чувство почитания, смелость, уважение, подчинение, доброта». Исходя из данной оппозиции, мыслитель выделяет и два типа социализма: социализм либеральный, торгашеский, ревизионистский, и социализм «высокий», героический. Очевидно, что его сим-

патии целиком находятся на стороне последнего, который, по его мнению, способен возвысить моральный дух народа, ибо «благородство» умерло в буржуазии, которая обречена на то, чтобы не иметь морали⁴.

Стоит отметить, что ведущей ценностью социально справедливого общества оба ученых считают *труд*, понимаемый не как сущностная «эксплуатация», не как сфера недостойного и проклятого, но как способ самооблагораживания, как возможность полной реализации той привилегии, которой является само пребывание в мире (Dasein als Dienst). В частности, для Сореля наилучший работник — это одновременно и наилучший революционер: только хороший труженик способен быть истинным борцом. Вкус к прекрасно выполненной работе не противоречит социалистическим требованиям, но, напротив, полностью им соответствует. Чтобы обеспечить победу в грядущей битве, пишет Ж. Сорель, необходимо научить молодежь любить свою работу, научить их расценивать все то, что они делают, как произведение искусства, всегда требующее максимального совершенства. Тем самым теоретики национального социализма стремятся не пролетаризировать нацию, но депролетаризировать труд⁵.

Известный российский общественный деятель, публицист и философ евразийской ориентации А. Г. Дугин привносит в понимание социализма историософские и даже религиозно-философские и мистические мотивы. Он также склонен различать революционный, героический социализм и социализм эволюционный, либеральный, ревизионистский, однако делает из своих рассуждений несколько иные выводы. Характеризуя чувство справедливости как «уникальную тягу к Пределу, к полному исчерпанию предлагаемых идеологических возможностей, волю к Абсолютному», Дугин представляет социализм как «идеологическое явление, менее всего укладывающееся в конвенциональные политические схемы», которое является «наиболее близким к самой сущности Третьего Пути», где «Третий Путь» — своего рода консервативная революция, имеющая целью восстановление общины как идеальной единицы социального устройства и торжество общинного, подлинно коллективистского мировоззрения. Вслед за Прудоном и Сорелем, Мюллером ван ден Бруком и Эрнстом Никишем Дугин считает, что «социализм неразрывно связан с волей к Синтезу, с эсхатологией, с мифом о преодолении противоречий дольного мира и наступлении Царствия, в котором будут действовать не законы бледного компромисса и фарисейски прикрываемой несправедливости, но благодать Нового Мира, по ту сторону Холма и Огня. <...> Социализм стремится не сгладить существующие противоречия — как в экономической, так и в духовной жизни, как в политической, так и в культурной сфере, — но, доведя эти противоречия до предела, вскрыв их, обнаружив их, совершить революционный переворот и раз и навсегда покончить с узами вуалируемой Несправедливости и Тирании — тирании социально-

¹ См.: Жукоцкий В. Д. Диалоги о русской революции, народном единстве и государственных праздниках современной России. Нижневартовск, 2006. С. 69. (Сер. Политологические этюды).

² См., напр.: Декларация нравственного социализма // Вестник Института социализма. СПб., 2007. № 4; Путь России к социальному государству: материалы к изданию социалистического манифеста // Вестник Института социализма. СПб., 2007. № 5.

³ См.: Бенуа А. де. Два лика социализма // Вопросы культурологии. 2006. № 4. С. 18.

⁴ Там же. С. 19. Ряд похожих мыслей высказывал и Ж. Сорель. Будучи, по мнению историка З. Стернеля, одним из ярких представителей «моралистического» движения и сторонником «этического социализма» и культурной революции, он понимал справедливость как выражение радикального отказа от «экономического редукционизма человеческой реальности». Справедливость для Сореля — это социальный императив, который требует любыми средствами сохранить и гарантировать человеку максимум творческой спонтанности, свободы, вопреки мертвящим энтропическим ценам одномерных причинно-следственных социальных, правовых, экономических и политических связей. Революция — это радикальный творческий прорыв, формирующийся на основании стачки и заключающийся в тотальной критике существующего строя. Отсюда столь важная для Сореля фигура революционного героя. Именно он является центральной фигурой, мужественным воином революции, ибо он движим высшими нравственными ценностями — самопожертвования и самопреодоления. См.: Салтыеру А. Жорж Сорель: социализм и насилие // Вопросы культурологии. 2006. № 4. С. 28.

⁵ Там же. С. 30.

экономического устройства и тирании Времени, идущего лишь в одном направлении, тирании Материи и политических олигархий, тирании религиозного лицемерия и непокоренного пространства. При этом главным врагом социализма является все то, что стремится сгладить, скрыть существующие противоречия, что хочет выдать Царство Несправедливости за наименьшее зло, а онтологическую или историческую Дриму преподнести как банальную закономерность. Поэтому социализм и вбирает в себя самые радикальные элементы, все кризисные и экстремальные проекты — одни из них иллюстрируют социалистам сущностный Трагизм “Старого Мира”, другие предвосхищают Новое¹. Поэтому, по мнению философа, у общества социальной справедливости и истинного социализма нет большего врага, чем традиционная «западная» социал-демократия.

Подчеркивая эсхатологическую, экзистенциальную суть социализма и социальной справедливости как его ключевой идеи, Дугин также делает акцент на героическом, жертвенном характере социальной борьбы: «Революция — это героическое преодоление максимума онтологической и социальной энтропии, восстание против неумолимого рока, разлагающего органическую ткань общины (Gemeinschaft) и порождающего социальное царство Несправедливости, предельной фазой которого является буржуазный строй. Революция — это кульминационный этап всей социалистической эсхатологии, ориентированной в своей наиболее чистой форме не на развитие, не на эволюцию, не на постепенное совершенствование и «прогресс», но, напротив, на резкий скачок из самого низшего в самое высшее (“кто был ничем, тот станет всем”), на героическое деяние, на сверхпреодоление, на великое восстание против имманентных законов общественной истории»². Конечной точкой этого социального (мирового!) взрыва является построение общества (точнее, мироустройства) социальной справедливости, ключевым звеном которого является, по Дугину, община: «Общество (Gesellschaft), “старый мир”, “мир насилия” подлечит, согласно истинно социалистической доктрине не “улучшению”, а “отмене”, “разрушению”, “уничтожению”. Вместо него должен появиться “новый мир”, “наш мир”, “мир Общины (Gemeinschaft)”, но не той общины (Gemeinschaft), которая была разрушена капиталистическим обществом (Gesellschaft), а значит, несовершенной, не способной охранить себя от тлетворного влияния Отчуждения и Несправедливости, а Новой Общины, Абсолютной Райской Общины, куда вообще не будет доступа стихиям онтологической и социальной энтропии»³. Либеральный же социализм, ориентированный на ускорение социального процесса путем различных социально-экономических преобразований и перераспределения власти над средствами производства, должен быть, по Дугину, отброшен⁴.

* * *

Подводя предварительные итоги этой части настоящего исследования, мы хотели бы вернуться к вопросу, оста-

¹ Дугин А. Г. Загадка и разгадка социализма // Вопросы культурологии. 2006. № 4. С. 35.

² Там же. С. 36.

³ Там же. С. 38.

⁴ Мы не вступаем здесь в дискуссию относительно стремления А. Г. Дугина перенести идею социальной справедливости в «загробный мир», заменить мистикой реальную социальную борьбу, место которой в *этой жизни*. Мы лишь хотели еще раз подчеркнуть религиозный, апокалипсический смысл дугинского социализма, который особенно сильно чувствуется в финале упомянутой статьи, где автор чаёт наступления «планетарной Национальной Революции, Социалистической Революции, Последней Революции, которая положит предел исчерпанному циклу человеческой истории. Новый Человек стоит на пороге. Скоро он войдет в этот погибший мир. Но мир капиталистической тьмы не “обоймет” его... Он грядет, как молния, от края неба до края... И в царстве его начнется Страшный и Праведный Суд над живыми и мертвыми...» Аналогии с христианской догматикой и Библией налицо. См.: Дугин А. Г. Указ. соч. С. 39.

нется ли социальная справедливость ведущей ценностью и/или целью социализма, или она станет принадлежностью каждой обществоведческой теории, социально-экономической модели и идеологической доктрины, тем самым, с одной стороны, став залогом латентной социализации этих теорий, моделей и доктрин, а с другой — получить вполне реальную возможность раствориться, обесцениться в массе «системно» трактуемых тезисов, целей и норм? Иными словами, возможна ли в будущем социалистическая идентичность или же социальные цели окажутся присвоенными всеми сторонами общественных взаимоотношений, даже теми, которые в реальности далеки от воплощения общего блага?

На наш взгляд, здесь возможны два ответа.

1. Синтез противоположных тезисов (в нашем случае ценностей) невозможен в принципе — в силу их различной онтологической природы. (Как невозможно сделать день ночью и наоборот, так нельзя примирить либеральную свободу и социальную справедливость.) Этот вывод, несмотря на свою категоричность, может иметь место. В подтверждение этому и в качестве интеллектуальной иллюстрации можно привести позицию академика А. А. Гусейнова. Рассуждая о разделенности этико-культурной, духовной сферы общественной жизни и возможности диалога равноценных в аксиологическом плане культур, ученый пишет: «Качественные различия культур не только предпосылка и основание диалога. Они являются также его результатом в том смысле, что диалог не снимает этих различий, а в известном смысле обостряет их. Каждая культура замкнута на саму себя и опирается на некую, всегда так или иначе индивидуализированную культовую основу (“национальный эпос”, “святое место”, “исторические битвы”, “легендарные личности” и т. д.). В каждой из них есть своя Илиада, своя Мекка, свой Пушкин, некое начало, которое обладает особенной ценностью только для нее и в этом смысле не переводимо на язык другой культуры. Каждая культура имеет свой символический ряд, свои схемы деятельности, поведенческие образцы, нормы, механизмы самодисциплины и т. д. Кроме того, культуры (в какой бы — этической, религиозной, социально-исторической — определенности мы их ни рассматривали) конституируют себя через противопоставление друг другу, через отношение: “мы” и “они”. Одна культура смотрит в другую не для того, чтобы считаться с ней, найти себя в ней, а для того, чтобы отличить себя от нее, противостоять ей, глубже осознать собственную идентичность. Диалог культур нельзя понимать как процесс, в ходе которого создается некий новый универсальный синтез. Различия культур, неповторимая самобытность каждой из них являются его пределом и ограничением»⁵. Именно поэтому «диалог культур может охватить все темы, кроме мировоззренчески-ценностных оснований самих этих культур»⁶. Экстраполируя эти рассуждения на тему нашего исследования, можно утверждать, что пока социализм сознает себя не только как социально-экономическую доктрину, но и как *социалистическую культуру*, обладающую своей моралью, своими непрекращаемыми образцами поведения (например, обращением «товарищ»), своими святынями (например, красным флагом), никакой «конвергенции» и эрозии социализма и социалистических ценностей (в частности, социальной справедливости) не может быть.

Безусловно, как ответственный исследователь, академик А. А. Гусейнов отнюдь не является сторонником «культурного шовинизма» и не склонен отрицать возможности культурного диалога, более того, он указывает:

⁵ Гусейнов А. А. Диалог культур: возможности и пределы // Вопросы культурологии. 2008. № 9. С. 6.

⁶ Там же. С. 8.

«Все большие культуры современности, за которыми стоят великие религиозные и философско-этические традиции, которые доказали свою жизненность в ходе многовекового опыта многих народов и которые столкнулись сегодня лицом к лицу, все они, несомненно, обладают... общностью. Всем им свойствен пафос истины и справедливости. Более того, в своем предельно абстрактном выражении они одинаково понимают истину и справедливость, отождествляя их с золотым правилом нравственности»¹. Это положение, на первый взгляд ослабляющее высказанную ранее позицию, на деле имеет все шансы укрепить ее. Очевидно, что социалистическая культура, оперировавшая в течение XX века (в основном) секулярными образами и понятиями, вполне может рекультивировать в себе духовно-нравственные (а возможно, и религиозные!) ценности, причем сделать это отнюдь не в рамках очередной насильственной идеологизации или кампанейщины, но в рамках естественного процесса локализации и увеличения культурного многообразия («этико-культурной, духовной разделенности»), который противостоит глобализации-вестернизации и о котором также пишет А. А. Гусейнов². В этом случае социалистический мир получает в свои руки поистине могущественное оружие — христианский («нравственный») социализм (кстати, уже апробированное), благодаря чему социально-экономические воззрения сторонников социальной справедливости приобретают (или укрепляют) «вертикальное» (духовное) измерение.

2. Диалектика противоположных идей и смыслов подразумевает диалектическое же взаимодействие/противоборство разных по целям и задачам политических сил. Это значит, что исторический процесс, как движение маятника, является колебанием от революции к контрреволюции и обратно, от реформации — к контрреформации, от социализации — к капитализации, при этом принцип дополнительности торжествует отнюдь не всегда. Это значит, что социализм, либерализм и консерватизм потенциально ценны для человечества, которое будет развиваться, не отрицая ценностей каждого из этих движений, но чередуя их в матрице (векторе) целей. Данной позиции (в значительной мере) придерживается В. Д. Жукоцкий. Проводя, вслед за Г. Зиммелем, параллель между диалектикой производительных сил и производственных отношений, с одной стороны, и диалектикой культурных форм и культурного содержания — с другой, он пишет, что революция в культуре является следствием появления «совершенно нового и неожиданного культурного содержания, которое не вмещается в прокрустово ложе старых культурных форм»³. При этом автор добавляет, что «все многообразие культурных форм аккумулируется в два устойчивых типа культуры — аристократический и демократический», а «культурно-исторический процесс можно представить как бесконечно длящийся переход от аристократической культуры к демократической и наоборот».

Придерживаясь логики этих рассуждений, можно предположить, что социальные ценности (и в первую очередь социальная справедливость!) на различных этапах социогенеза могут восприниматься и как демократические, массовые, и как аристократические, высокие (вспомним «героический социализм» сторонников теории В. Зомбарта). Соответственно социалистическое движение может становиться и массовым с опорой на широкие «пролетаризированные» слои населения, и «профессиональным», состоящим из кадров — политиков, аналитиков, экспертов, интеллектуалов и пр. (Именно поэтому, по мнению

В. Д. Жукоцкого, социализм несет в себе определенную двойственность. Он может быть как модернистским, провозглашающим «прорыв в будущее», так и консервативным, направленным на «фатальное удержание прошлого... перед личиной либерально-буржуазного хаоса»⁴.) В обоих случаях содержание социализма как общественного движения и социалистической культуры может и должно развиваться и обогащаться.

Интересно, что схожего мнения придерживается и такой немарксистски мыслящий философ, как А. Г. Дугин. Обращая внимание на сложную природу социализма, являющегося точкой притяжения самых различных и подчас взаимоисключающих общественных сил и культурных смыслов — предельно консервативных, традиционалистских, авторитарных, почвенных и спиритуалистских, с одной стороны, и предельно модернистических, прогрессистских, эгалитаристских, технократических и материалистических — с другой, он пишет: «Социализм, таким образом, есть тенденция и консервативная, и революционная одновременно, так как она ориентирована на реализацию в будущем идеала прошлого. В социализме на первый план выступает диалектический фактор, так как возвращение к общине (Gemeinschaft) после ее разрушения капиталистическим обществом (Gesellschaft) должно стать процессом качественно иным, нежели существование общины (Gemeinschaft) по инерции. Поэтому телеологическая ориентация социализма предполагает в будущем не просто общину, но Абсолютную Общину, основанную не на братстве братьев, но на “всеобщем братстве”. Фактически, социалисты хотят вернуться не во вчерашний, а в позавчерашний день, в Золотой Век, к Истоку. Отсюда и кажущаяся подчас странной образность социалистических идей, в которых воспеваются не просто органические, реалистически-общинные отношения, но отвлеченный эдемический идеал, прото-община (Urgemeinschaft).

<...> Какими бы теоретическими соображениями ни облакалась фундаментальная социалистическая идея — от экономических выкладок Маркса до мистических фантазий Кампанеллы или Фурье — он остается принципиально единым, консервативно-революционным в своей основе, “третье-путистским”, “героическим”, модернистическим и реставраторским одновременно»⁵.

Эти обстоятельства являются, по мнению А. Г. Дугина, причиной формирования социальной базы социализма XXI века: «Зона нищеты стала при капитализме единственной сферой сосредоточения Подлинного, Духовного, Справедливого. Именно сюда и стянулась вся “соль земли”, сохранившая верность принципам общины (Gemeinschaft) и отказавшаяся от буржуазно-индивидуалистических правил общежития. <...> Социализм предполагает уникальный революционный альянс между высшей духовной аристократией, “лишенной наследства” режимом сытого буржуа, и народными массами, низшими низами, более всего подверженными эксплуататорскому давлению восторжествовавшей с капитализмом посредственности. Это еще одно “совпадение противоположностей”, свойственное социалистическому учению»⁶. Объединить эти стороны, по А. Г. Дугину, могут ценности социальной справедливости и солидарности, идеалы самопожертвования и служения, противостоящие торгашеской, «договорной» морали буржуазного общества.

Как мы видим, оба представленных нами ответа предполагают не только сохранение, но и надделение новыми смыслами социализма, социалистической идентичности и культуры.

¹ Гусейнов А. А. Указ. соч. С. 6.

² Там же.

³ Жукоцкий В. Д. Диалоги о русской революции... С. 53.

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Дугин А. Г. Указ. соч. С. 36.

⁶ Там же. С. 37.

С. Н. Артановский¹

МИРОВОЕ РАЗВИТИЕ И ГЛОБАЛИЗМ

В публичном обиходе, да и нередко в научной литературе *глобализм* понимается как современная стадия процесса интернационализации мира, как его завершающий этап. С этим положением мы решительно не согласны. На наш взгляд, глобализм есть лишь одна из граней этого процесса, притом одна из самых нетворческих и не несущих пользы человечеству. Постараемся пояснить этот тезис.

Исторический процесс объективной интернационализации мира начался давно, первые элементы его появились еще в древности. На протяжении всей истории человечества этот процесс был разновременным, постепенным и поддерживался самыми различными социальными силами. В рамках статьи возможно показать лишь некоторые его черты:

1. Мировые культурные контакты и обмен культурными ценностями, международный туризм, образование численно значимых диаспор.

2. Формирование терминологических систем: например, латинской терминологии в медицине, фармацевтике и т. д. Международные математические и иные символы.

3. Образование в конце XIX века общего рынка и мировая торговля.

4. Появление международных организаций: Лига Наций, ООН, Красный Крест и других правительственных и неправительственных организаций.

5. Единое информационное поле.

6. Единая система мер и весов.

7. Общие подходы к строительству, технике, медицине и т. д.

Достаточно взглянуть на этот очень короткий список, чтобы бросилась в глаза его разновременность. Эти тенденции возникли в различное историческое время. Например, если единое информационное поле появилось недавно, то мировые культурные контакты в форме обмена артефактами между соседними племенами относятся к эпохе палеолита. Перечисленные нами тенденции развивались медленно, постепенно, с опорой на предшествующее развитие. Эти тенденции претворялись в жизнь усилиями различных социальных групп. Так, великие географические открытия и то, что им сопутствовало, осуществлялись усилиями королей, купцов, смелых мореходов. Другими словами, процесс объективной интернационализации мира, охватывающий многие столетия, а может быть, и тысячелетия, отличается значительной исторической пестротой. В отличие от этого, глобализм исторически одномерен, он возник недавно, его поддерживают однородные социальные силы. Начало глобализации мира можно отнести к концу XIX века, когда появились первые ее элементы: начал складываться мировой хозяйственный рынок, возникла безудержная империалистическая экспансия сильнейших европейских держав. Но по-настоящему глобализм сформировался после окончания Второй мировой войны, в которой США удалось (в основном чужими руками) устранить своего главного конкурента на мировой арене — Германию. С тех пор главным оплотом глобализма стали США и остаются им и по сей день. А главным препятствием на пути осуществления глобалистских замыслов все это время являлась Россия — сначала как Советский Союз, теперь в виде Российской Федерации.

Глобализм является порождением однородных социальных сил — капиталистической системы. Глобализм, по определению Джорджа Сороса, — это свободное, не зна-

ющее национальных границ передвижение капитала из страны в страну и, добавим, переброска самой дешевой рабочей силы в те государства, в которых из нее можно извлечь наибольшую прибыль. Глобализм — это погоня за прибылью в международном масштабе, чуждая всяких сдерживающих начал, лишенная нравственных принципов. Мы не будем здесь развивать характеристику глобализма, для нас важно другое.

Объективная интернационализация мира, распространяясь постепенно и медленно, находила хотя бы относительный контакт с национальным развитием отдельных народов. Так, многие культурные влияния творчески перерабатывались культурой-восприемником. Примером может послужить национальная переработка И. А. Крыловым басен Эзопа и Лафонтена. Гармония международного и национального относительна, но что-то получалось. В отличие от этого, глобализм движется стремительно, опрокидывая на своем пути все национальные формы развития, создавая общее хозяйственное поле, в котором более сильные в экономическом и военном отношении поработают более слабым. Примером может служить сто процентно глобалистский проект включения России в ВТО, который призван безмерно обогатить огромные корпорации России и поставить на грань крушения российское сельское хозяйство, автомобиле- и авиастроение.

В области духовной культуры глобализм продуцирует массовую культуру с такими ее дарами, как поп-музыка, ночные клубы, литература, изображающая человечество как паноптикум нравственных уродов. Глобализм стремится ниспровергнуть традиционные ценности, заменив их (!) рядом надуманных конструкций. Жители Санкт-Петербурга сейчас встревожены настойчивыми попытками построить в исторических местах города ультрасовременные высотные здания, например гигант Газпрома. А Стрелка Васильевского острова — Ростральные колонны и здание Биржи — уже «подмяты» новеньким многоэтажным зданием.

Задача заключается в том, чтобы противопоставить глобализму национальные ценности, идею самобытности каждого народа и его культуры. Если глобализм невозможно преодолеть полностью, ибо он связан современным научно-техническим прогрессом, то, по крайней мере, следует затормозить его развитие, чтобы обеспечить сохранение национальных форм быта и культуры и дать им возможность в некоторой степени адаптироваться к нему. В этих условиях будет возможно культурное и социальное развитие на основе лучших традиций.

В заключение подчеркну, что мои размышления не означают призыва к изоляции России от внешнего мира, жесткого протекционизма. В современном мире переброска капитала и рабочей силы из страны в страну — дело обычное. Однако это должно проходить под строгим контролем правительства страны-восприемника. Только так можно защитить ее национальные интересы. Что касается предложений отдать этот процесс под контроль МВФ и Всемирного банка, то это неприемлемо — по понятным причинам. Международное сотрудничество в наши дни необходимо и полезно, но оно не должно проходить по глобалистической схеме, существующей, к сожалению, в отношениях России и Запада сегодня. В нашей прессе уже приводились следующие факты. Мы продаем нефть за границу, получаем доллары, эти доллары вкладываем в американские ценные бумаги, затем за солидный процент берем деньги взаймы у иностранных банков. Затем иностранные инвесторы в трудную минуту уходят

¹ Почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук.

с нашего рынка и забирают свои деньги. Нашему государству приходится расплачиваться за долги отечественных бизнес-компаний. У нас начинается нехватка ликвидности, финансовые трудности. Это уже не международное сотрудничество, это международное надувательство. И с этим надо решительно бороться.

Факты, изложенные нами, относятся к концу 2008 — началу 2009 года. Теперь о последних событиях. Противоречивое единство мира вновь проявилось весной этого года. В середине февраля 2009 года Президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва в одном из своих выступлений сказал, что в хорошие времена развитые страны много говорили о свободной торговле. Теперь, в трудную минуту жизни они прибегают к старым приемам ее ограничения. Бразильский лидер имел в виду статью закона о помощи экономике США, только что принятую Конгрессом США, которая предусматривает обязанность предпринимателей США покупать собственные материалы и тем самым ограничивает импорт. Можно вспомнить и о том, что осенью 2008 года, когда разразился кризис, государства Западной Европы, которые еще недавно говорили об «атлантической солидарности», бросились

спасать каждый самого себя. Предпринимались, конечно, и шаги в общем направлении, но они носили второстепенный характер.

В перспективе — даже если и не близкой — деглобализация мировой финансовой системы, образование новых международных финансовых центров, в том числе российского. Если человечество желает справедливого и прочного мира, оно должно стремиться к замене однополярной картины мира, где господствует единственная супердержава, на многополярную.

В марте этого года Россия, Китай и Казахстан высказались в пользу новой мировой резервной валюты. Барак Обама сразу ответил, что США вполне удовлетворяют доллар. Иного и ожидать было нельзя, ибо, не будь доллара, кто бы стал вкладывать в экономику США многомиллиардные средства. Международные инвесторы, например Китай, уже и сегодня сомневаются в разумности таких вложений. Рассуждая о глобальных интересах, США как всегда думают о самих себе.

Такова панорама современного международного развития, глобалистских теорий и имперских амбиций, которые стоят за ними.

Е. М. Астахов¹

ДИАЛОГ ИЛИ МОНОЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (О «ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ» ПОДХОДЕ К ИСТОРИИ)

В Западной Европе ситуация иная. Здесь уже сегодня чувствуется негативная реакция на проникновение других культур. Но главное — впереди. Косово и планы создания «великой Албании» — предвестники будущих конфликтов.

Здесь мы подходим к одному важному обстоятельству.

Данилевский считал, что общечеловеческой цивилизации не существует. Без сохранения национального или культурно-исторического многообразия развитие человечества вообще невозможно.

Дж. Тойнби также полагает, что каждая цивилизация — попытка общечеловеческого творчества, а если смотреть ретроспективно — пример общечеловеческого опыта.

Дж. Тойнби, как и О. Шпенглер, не согласен с концепцией единства цивилизаций, объясняя это гипертрофированным чувством «евроцентризма» современных историков. Именно от «евроцентризма», а можно сказать «атлантизма», идет насильственный экспорт демократии и западных ценностей. Запад — за унификацию «культуры и жизни», за глобализацию мира на основе своих ценностей. Тот факт, что они не являются ценностями для других культур, во внимание не принимается. Это — не мессианская слепота западной культуры. Это — холодные геополитические расчеты, борьба за умы, территории и ресурсы.

В этой политике просматривается явный монолог одной цивилизации, пытающейся навязать свою волю другим.

Основные элементы такого монолога:

- отсутствие достоверной информации и нежелание ее иметь;
- пренебрежительное отношение к другим цивилизациям;
- высокомерие современного колониализма, строящего иллюзии о своем превосходстве.

Дж. Неру еще в 1931 году отмечал, что европейцы мнят себя самыми цивилизованными и свысока смотрят

В соответствии с концепцией русского ученого Н. Я. Данилевского, человечество подразделяется на несколько автономных образований, каждое из которых имеет собственную историю. Данилевский ввел понятие «культурно-исторический тип», который приравнивается к понятию «цивилизация». По Данилевскому, существование «культурно-исторических типов» составляет содержание всемирной истории и выражено рядом характеристик. В их числе:

- единая языковая база;
- политическая независимость;
- незыблемость цивилизационных основ (самобытность, духовные, культурно-исторические особенности).

С. Хантингтон определяет цивилизацию как культурную общность людей, объединенных языком, историей, религией, обычаями, институтами.

Другими словами, цивилизация — это «мы», где человек чувствует себя «дома».

Сегодня на Западе остро стоит проблема иммиграции. Начиналось все «либерально и демократично». Как бы заглаживая вину перед колониальным прошлым, западноевропейцы на первых порах широко открыли двери для иммиграции, прежде всего из Африки, Ближнего и Среднего Востока. Впоследствии число иммигрантов стало расти, а их требования предоставить по сути равный с европейцами социально-гражданский статус становились все более жесткими. Сейчас западноевропейцы сталкиваются с внедрением чуждых им культур при реальной опасности растворения в них своей культуры, прежде всего в силу демографического фактора. Придет время, когда вместо «мы», европейцы будут говорить «они».

Сходные процессы происходят и в США. Но там они пока не так заметны, ибо американская цивилизация сравнительно молода и собственной богатой культуры не имеет.

¹ Профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университет) МИД России, Чрезвычайный и Полномочный Посол.

на Азию (сегодня можно сказать, что они также смотрят на латиноамериканские и многие другие страны, не входящие в «золотой миллиард»). Об этом же писал и Н. Я. Данилевский, утверждая, что Европа считает себя «общечеловеческой цивилизацией». Схему всемирной истории как одностороннего восхождения по ступеням общечеловеческого прогресса Н. Я. Данилевский считал ошибочной. Он первым показал, что попытки создать общечеловеческую цивилизацию контрпродуктивны и опасны. Это — путь к созданию единого государства и режима глобального «единодержавного» управления.

Дж. Неру и Н. Я. Данилевский как будто говорят о сегодняшних реалиях. Понятие о западной «общечеловеческой цивилизации» навязывается всему миру политическим руководством евро-атлантического блока, политологами, СМИ. К сожалению, в этом хоре слышен голос и наших «западников», для которых Европа — это прогресс, а Восток — регресс. Только сейчас они нехотя начинают признавать, что Китай и Индия — новые мировые лидеры. В настоящее время производительность труда во многих азиатских странах выше, чем в США и Западной Европе. К 2050 году на долю Азии будет приходиться 57 % мирового продукта. Тем не менее генетическая подкорка у «западников» остается прежней: США и Западная Европа — высшая цивилизация. Налицо попытка придания западным ценностям статуса общечеловеческих, насаждение западных стандартов в рамках концепций демократии и прав человека. Тот факт, что реальная политика Запада фактически противоречит этим постулатам, не волнует ни «золотой миллиард», ни их последователей в нашей стране. Мы это видели в циничных акциях США и НАТО против Сербии, Ирака, в грузино-южноосетинском конфликте.

Жесткий прессинг ведется против России. Свои установки Запад осуществляет через спецслужбы, мировые, в том числе прозападные СМИ в самой России.

Цивилизационный монолог — это насилие и в общественной жизни. В международной политике — это путь к конфликту.

По сути дела уже идет война цивилизаций. Сегодня основное направление «военных операций» — борьба за природные ресурсы. США жизненно необходимы нефть и контроль за ней на Ближнем Востоке. Их расходы на войну в Ираке уже превысили 1,5 трлн долларов. Для достижения своих стратегических целей США ведут идеологизированную пропаганду, в которой они в свое время обвиняли СССР. Причем республиканцы и демократы фактически едины во внешней политике. Американская элита — точная «калька» с ЦК КПСС. Эта пропаганда фактически приобретает характеристики информационной войны. В ней задействовано все государство, а также частные фонды с огромными бюджетами. Монолог Запада — это и использование рычагов soft power, которые на деле являются не мягкой, а жесткой силой.

Диалог Запад–Восток может осуществляться только на основе полного равенства. При этом сближение цивилизаций и тем более переход к «общечеловеческой» цивилизации вряд ли возможны. По сути западная цивилизация — это культура денег. Она основывается на материалистической философии, приоритете технологического развития, массового потребления. Остальному миру предлагается догонять англосаксонскую цивилизацию с целью выхода в будущем на единую глобальную цивилизацию.

Все это экспортируется в Россию и на Восток. Определенные результаты подобного экспорта уже видны в нашей стране и ряде других стран, но в принципиальном плане его возможности ограничены. У Востока есть своя философия и свои ценности. А на российской земле всег-

да было трудно культивировать радикальный либерализм, хотя его сторонники имеются и в российской элите.

Что делать России? До последнего времени она от натиска Запада только защищалась. Такая линия восходит еще к временам Хельсинкского процесса. Мы постоянно оправдывались, говорили о «своем пути», своем понимании права, «действительных» правах человека, «свершенной демократии». Защита — путь к поражению. Мы проиграли Хельсинкский процесс, ибо нам навязали западную концепцию «третьей корзины» (гуманитарные контакты, права человека, демократия). Наш расчет на компенсацию в виде закрепления ялтинских границ провалился в результате внешнего прессинга и внутренних коллаборационистов, чьи личные властные амбиции совпали с геополитическими интересами Запада.

Мы защищались и проигрывали в Совете Европы, Парламентской ассамблее Европы, в западных СМИ. С внешней пропагандой смыкались и внутренние наши либералы. Этот объединенный внутренний и внешний западный фронт защитой не победить.

В этих условиях Россия должна «сосредоточиваться» внутри, укрепляя свою государственность, экономику и повышая благосостояние населения. Одновременно необходимо активизировать наступательность пропаганды вовне. Конфликт с Грузией показал, что в экстремальной ситуации мы своевременно отходим от прежней пассивности на этом поле: в августе и сентябре 2008 года последовала целая серия интервью Д. А. Медведева и В. В. Путина влиятельным западным СМИ. Однако результативность всех этих усилий всегда будет ограничена. Запад имеет свои геополитические интересы и не будет помогать нашей пропаганде. Югославия, Ирак, Афганистан, Грузия — не изолированные акции Запада. Он их будет продолжать. России надо быть сильной и готовой ко всему. Параллельно необходимо укреплять сотрудничество с Китаем, Индией, Бразилией и другими растущими гигантами. Именно эти страны представляют для нас international community, а не то, что внушают миру евроатлантисты.

В широком смысле в понятие Восток входят не только новые экономические лидеры. Это и страны Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии и в целом, как мы говорили раньше, третьего мира. Большая часть этого «мира» пока не может противостоять Западу в военном отношении. Отсюда — асимметричный ответ, прежде всего терроризм. Конфликт западной и исламской цивилизаций уже идет и, по сути, приобретает военный характер. Каким будет будущий сценарий этого конфликта, мы не знаем. Многое будет зависеть от Китая и Индии, их растущего военного потенциала. Но, возможно, готовиться надо к плохому варианту.

О диалоге цивилизаций. Во-первых, его необходимость очевидна и не требует доказательств. Во-вторых, о нем уже написано и сказано немало. Все же отметим следующие элементы.

1. Действительно, императивы глобализации, зависимость государств требуют межцивилизационного диалога. Но ценой международного согласия не может быть отказ от национальной и внешнеполитической самостоятельности.

2. Есть мнение о необходимости духовно-нравственной основы общечеловеческой солидарности. С этим можно согласиться, но не следует предаваться иллюзиям: человеческая природа осталась прежней. Это подтверждается и печальным опытом М. С. Горбачева: его проповеди поощрялись на словах, но на деле были использованы против него лично и нашей страны.

3. Поиск общего нравственного знаменателя всегда существовал в мировых религиях. Сегодня его роль

затруднена из-за цинизма «двойных стандартов», продиктованных геополитическими и блоковыми интересами.

4. В XXI веке безопасность государств неделима. Однако просматривается стремление к достижению «абсолютной» безопасности в ущерб безопасности других (противоракетная оборона, новые виды оружия массового поражения).

5. Тезис о том, что современные межцивилизационные проблемы не имеют силового решения, представляется бесспорным. Но в реальной политике такое решение не исключается.

6. Очевидны попытки реидеологизировать международную политику. В отношении России сейчас в ходу такой тезис: западная либеральная демократия против российского авторитарного капитализма. В связи с этим можно говорить о политико-психологической установке на сдерживание России. Одновременно это используется и как средство сплочения Запада.

7. Серьезный осложняющий момент — полномасштабный экономический и внешнеполитический кризис в США, затрагивающий основы мироощущения американцев, уверовавших в однополярный мир.

8. Рост значения фактора силы стимулирует стремление других к обладанию оружием массового уничтожения. Политика США и Израиля подталкивает к этому, например, Иран.

9. На фоне этих негативных тенденций позитивные импульсы к диалогу могла бы дать ООН — единственная глобальная организация. Параллельно рождается новая «сетевая дипломатия» в гибких форматах взаимодействия: диалоговый механизм между Россией, Китаем и Индией с подключением Бразилии в рамках группы БРИК, Шанхайская организация сотрудничества, ЕврАзЭС.

Представляется бесспорным, что диалог необходимо продолжать. Нельзя исключать, что в истории все уже предопределено, но другой альтернативы нет.

Л. А. Волова¹

ДИАЛЕКТИКА ДИАЛОГА ЭТНОКУЛЬТУР

муникации с другими культурами, по мнению философа, не должны затрагивать ее «ядра».

И. Кант рассматривал культуру как духовный универсум, гармоничную и органичную совокупность элементов, объединяемых духовной доминантой (или «моральной сферой человеческого духа»), которая реализуется в характере народа и рода). Человечество не может обойтись без общения (диалога) людей друг с другом. Но, вступая в общение, люди постоянно противодействуют друг другу. Созданные природой для объединения, они продвигаются к всемирно-гражданскому обществу (cosmopolitanism) через диссоциацию, противоречие, конфликт. Способность к диалогу, по мнению И. Канта, — это родовая характеристика человека как существа разумного, обладающего техническими, прагматическими и моральными задатками. Прагматические задатки создают естественный для человека социальный статус, который помогает ему обрести согласие с другими. Повышая свою культуру, цивилизованность и нравственность с помощью искусства и науки, человек подтверждает свою приверженность добру и реализует собственную социальную природу.

С точки зрения И. Канта, современные ему культуры сформировались в результате многочисленных и длительных культурных взаимодействий. Завершив процесс становления, культуры тем не менее не могут обойтись без дальнейших контактов. Однозначно в каждой культуре существуют механизмы противодействия внешнему влиянию. Но при этом культуры неуклонно движутся к всемирно-гражданскому, космополитическому единству.

Понимание диалога как основания существования культур в культурном универсуме связано с именами Л. П. Карсавина и Н. С. Трубецкого³. Их исходными позициями стали принципы «всеединства» и «триединства» (Трубецкой), а также обоснование персоналистической реальности (или «симфонического» «соборного» субъекта культуры, «культурности»), которая не является простой суммой индивидуальных субъектов, но есть их согласованное «множество в единстве». Это позволяет рассматривать культуру в роли «субъекта», «высшей индивидуальности» наряду с личностью, обществом, человечеством. Основной характеристикой процессов, происходящих

Диалог культур предполагает, что культура в ее целостности существует на уровне процесса, бесконечно меняясь, она обладает ценностями, которые заложены в нее человеком, ибо диалог по своей природе — обмен культурными ценностями. Диалог культур, с одной стороны, способствует углублению культурного самосознания и формированию культурной идентичности, а с другой — приводит к взаимообогащению культурных систем за счет взаимобогатства культурными ценностями.

Уже в ранней философской мысли обозначен определенный уровень осмысления диалогового характера культуры. Трансцендентное содержание культуры как глубинная сущностная ее первооснова было выражено гением Платона. Согласно философу, «через созерцающую способность души нашему сознанию доступны “отблески” трансцендентного содержания культуры, благодаря которым человек способен прийти к пониманию, интуитивному проникновению и любованию “глубинным сверхсущим принципом бытия”»². Но каким образом люди осознают, высматривают его в многоликости и противоречивости культурного опыта? Происходит это посредством диалога.

Современному осмыслению диалога культур предшествовали работы Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Гердера, И. Канта, О. Шпенглера, А. Тойнби, исследователей культурно-антропологической школы. Их подходы к этой проблеме выявляют ее сложность, проявляющуюся в неоднозначности оценок межкультурных отношений. Так, Ж.-Ж. Руссо решительно выступал против всего, что может привести к нивелированию различий между культурами, разрушить их неповторимость и разнообразие. Он был противником объединения народов, наций, ратуя за сохранение уникальных особенностей каждой культуры вне каких бы то ни было культурных контактов.

Противоположную позицию занимал И. Г. Гердер, для которого взаимодействие культур способствовало сохранению культурного многообразия. Культурная замкнутость ведет к гибели культуры. Однако изменения, возникающие в определенной культуре под воздействием ком-

¹ Заведующая кафедрой философии, культурологии и этнологии Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор философских наук, профессор.

² Платон. Государство // Диалог. Харьков, 1999. С. 165.

³ См.: Карсавин Л. П. О началах. М., 2002; Он же. О личности. М., 2002; Трубецкой Н. С. Смысл жизни. М., 2002.

в эмпирической сфере, становится постоянное взаимодействие находящихся в ней субъектов, базирующееся на их взаимопознании и взаиморазвитии. Каждая культура имеет специфику, но не ограничивает ее возможности к взаимодействию. Включаясь в диалог, культура обретает в нем качественно новую целостность.

Идеи Л. П. Карсавина и Н. С. Трубецкого можно рассматривать в качестве философско-методологической предпосылки анализа реального культурно-исторического процесса как последовательности зарождения и смены форм коммуникации. Л. П. Карсавин строит теорию диалогических отношений в культурно-историческом процессе на трех основных принципах: всеединство, триединство и личностный (персонифицированный) характер бытия культуры. Это дает возможность рассматривать динамику культурно-исторических процессов как результат взаимодействия познающих и развивающих друг друга субъектов. Постигая и формируя другого, субъекты на этой базе образуют двуединство, в котором они являются равноправными составляющими. Основные стадии бытия культуры: ее возникновение из недр другой культуры; объединение составляющих ее субъектов в «многоединство»; взаимодействие культуры с другими культурами, в котором каждая из культур, с одной стороны, сохраняет свою идентичность и целостность, а с другой — допускает проникновение ценностей и идей другой культуры.

Диалогическая направленность идей Л. П. Карсавина заключается в том, что он рассматривает культуру и ее составляющие как отличные друг от друга «субъекты», обладающие независимостью по отношению к другому «субъекту» и в то же время внутренней готовностью к постижению сути другого. Эта готовность реализуется в «двуединстве», когда оба «субъекта» являются равноправными участниками диалога, вступают во взаимодействие, в результате чего возникает эффект их взаимообогащения.

С. Л. Франк, а до него Л. Фейербах подчеркивали, что человек обретает подлинно человеческую сущность только в единстве культуры и общества. Речь идет не об обществе, понимаемом институционально, а о том единстве с другими людьми, которое возможно пережить человеку только в подлинной духовной общности. Общество становится сущностью, способствующей переживанию такого состояния только как духовная целостность. Залогом духовной целостности общества является духовная традиция иной культуры.

Следуя логике М. Хайдеггера, подчеркнем, что всякому осознанию культуры, ее осмыслению как целостности или как расчлененного множества предшествует само бытие культуры, тождественное ее предельному смыслу. И в том, что мы можем это постулировать, большую роль играет диалог, диалогическое как феномен. Вопрос о смысле культурного существования через призму диалогизма (диалог в культуре, диалог культур, культура как диалог) представляет для нас особый интерес. Диалог универсален. Явления диалогического общения пронизывают все проявления культурной жизни. Рассмотрим наиболее значимые из них.

На уровне диалог «Я» и «Я», «Я» и «Ты» в сознании «Я» дополняется еще одной диалогической связью, достая до диалога между «Я» и «Мы». Эта ипостась диалога на уровне индивидуального сознания не является ни более, ни менее значимой, появляется не раньше и не позже, чем диалог «Я» и «Ты», только с осознанием собственной принадлежности (или непринадлежности) к «Мы». Сознание «Я» становится способным от этой идентификации перейти к тому, чтобы увидеть не «Я», не «Ты», не «Мы», а мир в целом, мир как глобальное неисповедимое «Оно». В реальности проявление диалогичес-

ких связей находится в единстве. В сознании невозможно отделить диалог «Я» и «Я» от диалога «Я» и «Ты», «Я» и «Мы» — это единство естественного порядка, сложнейшее по своей простоте. Диалог играет роль несущего потока, исток которого — «Я» и тот «океан», куда впадет поток, тоже «Я» (и ничто другое). Диалог — процесс, обеспечивающий живую эволюцию от «Я» до «Я», то есть становление «Я». Этот внутренний диалог является отправным моментом для характеристики проявлений диалога в культуре.

Культура в каждый определенный период своего существования является примером системного целого. Эту целостность обеспечивает диалог между всеми функционирующими элементами социокультурной системы. Очевидны взаимная определенность и взаимообусловленность, скажем, нравственного содержания политики и экономического состояния, экономики и науки, духовного наполнения социальной жизни и тенденций в сфере образования. Политическое, экономическое, художественное, правовое, философское, религиозное сознания находятся в состоянии постоянного диалога между собой. Это находит свое отражение в реалиях социокультурного опыта. Такой диалогизм обеспечивает единство сознания культуры и специфику «жизненного мира» культуры, взятой в контексте ее социально-исторического воплощения.

Диалог между культурами осуществлялся во все времена. В XX веке в связи с развитием культурных коммуникаций он стал носить более противоречивый характер, что находит выражение в конфликте двух тенденций. С одной стороны, культура каждого народа, определяя его духовную уникальность, выражая его творческие силы и способности, в связи с интенсивным развитием коммуникационных процессов и технологий одновременно становится достоянием всего человечества. Осуществляемый в различных формах диалог культур обеспечивает все большее понимание между народами, способствует выявлению их духовной уникальности. С другой стороны, культурные различия народов и неспособность к культурному взаимопониманию и диалогу стали в XX столетии одной из ведущих причин межэтнических войн и международных конфликтов. Характер современных мировых межкультурных отношений определяет многоуровневое взаимодействие глобальных региональных систем: Север–Юг, Восток–Запад, Запад–Запад.

Коммуникация субъектов культуры — это взаимодействие культурных миров, каждый из которых свои смысловые глубины, уникальность и самодоступность обнаруживает и раскрывает в зоне коммуникации — путем взаимосоотнесения ценностей, норм, значений, мировоззрений, способов постижения мира, идеалов и смысла человеческой жизни. Возрастание и приращение смысла в процессе диалога определяются как его природой, так и базисной культуросозидающей возможностью человека, его способностью к символизации и созданию на ее основе культурных образов, кодов (Э. Тэйлор, Г. Спенсер, Л. Уайт, К. Леви-Строс), на обмене которыми строятся межкультурные отношения.

В дальнейшем эта идея окончательно оформилась в трудах М. М. Бахтина, который обосновал сущность диалога как взаимодействия «разностей» на основе общего, сформулировал сущность межкультурной коммуникации, исходя из понятия «вненаходимости». Лишь наличие иного, не совпадающего с твоим сознания позволяет говорить о возможности свершения «эстетического события», которое реализуется в процессе «вживания», то есть переживания чужого переживания. При этом в роли чужого может выступать и человеческая личность, и артефакт, и культура в целом. В дальнейшем эти идеи

получили развитие в таких исследовательских направлениях, как диалогическая антология культуры, школа диалога культур¹.

Таким образом, диалог культур — это процесс, при котором происходит взаимообмен ценностями и каждая

культура в сравнении с другой обретает свою индивидуальность, осознает то, что ее отличает от других. Симбиоз и жизненная диалектика универсально-всеобщего и индивидуально-особенного в культуре осуществляются только в процессе диалога и через диалог.

А. В. Гульцев²

ДИАЛОГ И КОНФЛИКТ КУЛЬТУР ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Для меня большая честь вновь принимать участие в Международных Лихачевских научных чтениях. В настоящее время я возглавляю Административный совет Русской общины Франции. В данной статье диалог и конфликты культур рассматриваются через призму французской, точнее парижской, действительности.

Парижский регион является одним из самых многонациональных в Европе. Во Франции запрещено законом в рамках переписи населения спрашивать жителей об их этнической и религиозной принадлежности, но разрешено задать вопрос о стране рождения. Согласно данным последней переписи населения 1/5 часть жителей Парижа родились далеко за пределами Франции. Культурная столица мира, как еще называют Париж, во все века притягивала к себе множество эмигрантов. Немцы, евреи, итальянцы, поляки, испанцы, португальцы, русские, китайцы и, конечно, арабы, выходцы из бывших колоний, — это лишь основные национальности, представители которых массово иммигрировали во Францию в XIX–XX столетиях. Сегодня, в начале XXI века, с расширением Европейского Союза Париж переживает новый этап переселения во Францию жителей Центральной и Восточной Европы.

Многонациональность подразумевает совместное существование культур. В настоящее время широко обсуждаются вопросы об «арабском лице» Парижа и конфликтов, приписываемых исключительно мусульманам, которые составляют около 15 % жителей города. Конечно, для этого имеются посылы: достаточно вспомнить, какой резонанс вызвали обещание весь мир кадры тысяч горящих автомобилей в пригородах Парижа в 2005 году. Но на самом деле, было бы слишком просто переложить всю вину за шок культур на «не желающих интегрироваться» мусульман.

Во Франции повсеместно можно услышать любимый популистский лозунг националистов: «Вам здесь не нравятся? Уезжайте к себе!» Куда? В Мусульманию? Разве есть такая страна? Те, кто выкрикивает подобные лозунги, даже не задумываются над тем, что большинство мусульманской молодежи, принимавшей участие в беспорядках, родились во Франции. Когда-то, в годы расцвета экономики, их отцов чартерными рейсами привозили для работы на французских заводах. В настоящее время безработица среди арабско-французской молодежи достигает в отдельных парижских пригородах 60 %. «Вы должны интегрироваться», — повторяют им политики и журналисты. Но что стоит за этими словами? Разве обязательно есть свинину, чтобы быть принятым на работу и вырваться из «гетто», в которые превратилось большинство пригородов? Они не выбрали эту жизнь — сорок лет назад

французское правительство для удобства компактно расселило иностранных рабочих, а «подружить» их с остальным населением Франции... забыло.

В своем эссе «Культура как целостная среда» Дмитрий Сергеевич Лихачев сравнивает культуру страны с ледником: «Культуру народа как единое целое можно уподобить горному леднику, движущемуся медленно, но необычайно мощно». Коротко и емко. Пересечение культур, которое наблюдается в Париже, подобно ледникам, движущимся навстречу друг другу. И чтобы не случилось катастрофы, необходимо серьезно работать. Даже если не происходит открытых конфликтов (таких как упомянутые выше), без культурной осведомленности представители разных народов живут обособленно, опасаясь и не понимая друг друга.

При получении французского гражданства иностранец должен пройти экзамен на знание французского языка и ценностей Французской Республики, таких как равенство мужчины и женщины, светскость общества, свобода. Официально этот тест направлен на определение того, сможет ли новоявленный француз интегрироваться во французское общество. Но помимо этого он указывает кандидату на то, что тот должен принять французскую культуру, в некоторых аспектах отказавшись от своей. С одной стороны, требования французского правительства естественны и положительны — в некоторых случаях они действуют как катализатор на эволюцию взглядов и нравов. Но с другой — нельзя утверждать, что в сохранении «приезжих» культур нет ничего положительного. У любого народа есть чему поучиться. На мой взгляд, коренным французам самим нужно готовиться к интеграции в новое французское общество, основанное на партнерстве различий, то есть на партнерстве культур.

Многие коренные жители боятся, что с притоком иностранцев их собственная культура потеряет свою значимость. Этот страх естествен. Но для гармоничного развития общества подобное «вторжение» других культур не только не вредно, но и жизненно необходимо. Согласно Д. С. Лихачеву, «культура не имеет границ и обогащается в развитии своих особенностей, обогащается от общения с другими культурами. Национальная замкнутость неизбежно ведет к обеднению и вырождению культуры, к гибели ее индивидуальности».

Пример бунтов под Парижем показал, что нежелание понять культуру теперь уже своих соотечественников, наладить культурный диалог неизбежно приводит к открытому столкновению. И применение силы может лишь временно решить проблему. Бунты закончились, но напряженность осталась (продолжаются поджигание машин, бросание камней в полицейских). Во многие пригороды культурной столицы мира отказываются ехать не только такси, но и машины «скорой помощи». Подобные явления в развитом правовом государстве просто недопустимы. Именно поэтому первоочередная задача и обязанность политиков — не подавлять и сажать, а объяснять, сближать,

¹ См.: Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963. С. 149; Он же. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 44.

² Генеральный директор Европейского центра Международной ассоциации писателей и публицистов (Париж), президент Конфедерации русских общин Европы.

знакомить людей с другими культурами. Тем более что подобный опыт во Франции имеется.

Каждый из президентов Франции по традиции основывает новый музей. Примечателен тот факт, что предпоследний президент Жак Ширак заложил Музей на набережной Бранли, или, как его еще называют, Музей «примитивного искусства», посвященный истокам культуры и искусства народов всего мира. Примечателен и слоган музея: «Здесь происходит диалог культур».

Хочется также отметить другие инициативы правительства Франции, направленные на сближение культур. Например, уже несколько лет во время празднования Нового года по восточному календарю азиатский квартал Парижа, который считается самым большим Чайна-тауном Европы, украшается традиционными фонарями и по его улицам проходят участники парада, радуя парижан красочными драконами.

Другой пример: в настоящее время в Музыкальном городке Парижа проходят «Креольские встречи». Эти встречи направлены на то, чтобы через музыку, театр и танец познакомить общественность с культурой бывших колоний Франции. Этими великолепными представлениями нельзя не восхищаться. Человеческое мировосприятие так устроено, что любовь к чужой культуре порождает чувство симпатии к ее носителям. Направившись простой вывод: совместное хоровое пение приводит к взаимопониманию. Главное — не надо назначать никого солистом волевым решением. Солисты сами со временем отыщутся.

И, наконец, не могу не сказать о том, какое значение русские иммигранты придают вопросу сохранения своей культуры. Интегрироваться для нас ни в коем случае не значит раствориться в толпе и забыть свои корни. В рамках Русской общины мы постоянно устраиваем мероприятия, которые, с одной стороны, направлены на знакомство французов с русской культурой, а с другой — на сохранение русского языка. Конечно, представляется важной работа с детьми и молодежью. При нашей общине действуют четыре русские школы выходного дня (они постоянно расширяются). Одним из последних крупных проведенных нами мероприятий стала дружеская встреча детских и юношеских команд КВН Западной Европы, России и Казахстана.

Париж — это лишь частный пример. Любая столица Европы и Европа в целом сегодня переживают процесс «притирания» между так называемым коренным населением и иммигрантами. Культурные конфликты — это не аномалия, а нормальное явление. Бояться шока культур бессмысленно. Не следует забывать, что согласно одной из популярных теорий жизнь на Земле появилась именно благодаря столкновению с кометой. Но чтобы это столкновение не привело к гибели планеты, наша задача сегодня заключается в обучении пониманию и толерантности.

На одном из зданий Европарламента в Брюсселе на стене выгравировано высказывание Иегуди Менухина, которым я хотел бы закончить свою статью: «Либо Европа будет Европой культур, либо Европы не будет».

Ю. В. Зобнин¹

ФЕНОМЕН РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ XX ВЕКА В СВЕТЕ ТЕОРИИ ЭТНОГЕНЕЗА А. Н. ГУМИЛЕВА (Предварительные заметки)

Самостоянье человека — залог величия его.

А. С. Пушкин

1. Цивилизационные контакты, одной из форм которых является диалог культур, многообразны. Эмиграция являлась одним из самых популярных в истории цивилизационных контактов — начиная от библейского ветхозаветного Исхода, через эпоху Великого переселения народов и Великих географических открытий до глобальных миграционных процессов в Европе XX века с революциями и войнами.

Значительную роль в отечественной и мировой Новейшей истории играла эмиграция из России. Русский эмигрант стал одним из европейских (прежде всего французских, немецких, чешских и сербских) «исторических брендов» XX века. Берлинский таксист, носящий аристократический титул; русский офицер, поющий «жестокие» романсы в парижском кафе; непризнанные при жизни художники-эмигранты, вдруг получающие посмертное признание в крупнейших мировых галереях, и тому подобное — все это стало компонентом минувшего столетия в быту и в Европе еще с Екатерининской эпохи мифе о «загадочной русской душе», «таинственной России».

Если перейти от мифологии к политической, экономической и культурной реальности, то нельзя отрицать, что в европейских (а с 1940-х гг. и в американских) событиях представители русского зарубежья сыграли важную роль. Но если оценки русского эмигрантского влияния в первых двух упомянутых сферах европейского исторического контекста XX века в настоящее время могут

быть весьма двусмысленными, то сомневаться в ценности созданной русской эмиграцией культуры, насколько мне известно, не позволяет себе никто из зарубежных искусствоведов и культурологов. Между тем оригинальная культура, имеющая, без преувеличения, мировое влияние, вовсе не имманентна существованию диаспоры и является скорее исключением из общего исторического алгоритма формирования и действия подобных этнических феноменов. Учитывая это положение, попробуем оценить специфику русской эмиграции, обнаружившей себя в XX веке наряду с традиционными европейскими креативными нациями и таким мощным национальным «конкурентом», как СССР, субъектом подобного эффектного «культурного строительства».

Каждый, кто занимался историей русской эмиграции XX века, сталкивается с неизбежными вопросами, разрешить которые практически невозможно без выхода в самые широкие обобщения культурологии, связанные с проблемой контакта (диалога) цивилизаций. Даже упоминание о русском зарубежье сейчас необходимо требует уточнения, связанного с понятием так называемых *волн эмиграции* (вполне устоявшийся термин).

Все три волны русской эмиграции XX века весьма многочисленны. Послереволюционная эмиграция включала около 8 млн человек (в том числе около 4–5 млн эмигрантов-европейцев). Количество «военной» эмиграции (1940-е гг.), состоявшей из военнопленных и перемещенных лиц, также исчисляется миллионами. Именно они сформировали костяк мощной русской диаспоры

¹ Заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор.

в Америке, которая затем, на протяжении второй половины XX столетия, неуклонно подпитывалась «валютящей» диссидентской эмиграцией третьей волны. Все эти волны так или иначе формировали культуру русского зарубежья, но качество культурной активности представителей каждой из них было совершенно разным.

Только те русские люди, которые оказались за рубежом в конце 1910-х — начале 1920-х годов, создали свою оригинальную культурную традицию. В частности, если видеть в художественном творчестве высшее проявление креативной воли в культурогенезисе, то только первой волне русских эмигрантов было присуще сознательное желание создать собственное эмигрантское искусство. Это особенно заметно, если обратить внимание на созданную в 1920–1950-е годы литературу зарубежья. Ведь здесь осуществлялся полноценный литературный процесс, породивший «из себя» собственное литературное поколение (Набоков, Газданов, Поплавский, Агеев, поэты «парижской ноты», группа пражского «Скита» и др.). Между тем вторая волна не дала практически никаких сколько-нибудь заметных имен в литературе. Что касается писателей-эмигрантов третьей волны, то все они сформировались в СССР, который затем покинули по идейным соображениям в момент творческой зрелости. Ни одного значительного русского писателя-эмигранта, вышедшего из американской диаспоры во второй половине XX века, мы не знаем. Это неотразимый признак отсутствия развитого литературного процесса.

Подчеркнем: литература первой волны эмиграции была исторически самодостаточна! Это, кстати, раздражало и удивляло литературоведов и читателей «метрополи» буквально с первых лет возвращения эмигрантских писателей в свободный читательский обиход на родине — тогда еще в перестроечном СССР. Уже во второй половине 1980-х годов, когда страницы периодики и полки магазинов заперестрели именами Шмелева, Зайцева, Адамовича, Газданова, Поплавского, Присмановой и других, возникла дискуссия: была ли в XX веке единая русская литература или же в минувшее столетие существовали две автономные литературы на русском языке¹?

Традиционным аргументом в пользу последнего тезиса является сопоставление творчества двух первых русских (в данном случае уместно говорить русскоязычных) писателей — лауреатов Нобелевской премии: Бунина и Шолохова. Эстетические достоинства «Жизни Арсеньева» и «Тихого Дона» несомненны, и создавались эти книги практически одновременно, однако опознать их как явления единого литературного процесса (порожденного, естественно, единой этнической культурой) без насилия над здравым смыслом и эстетическим чутьем невозможно.

Но проблема представляется еще глубже, если вспомнить двух русскоязычных нобелевских лауреатов — Иосифа Бродского и Александра Солженицына (а вместе с ними и других представителей так называемой третьей волны эмиграции — Аксенова, Войновича, Довлатова и др.) — и попытаться ассоциировать их творчество

¹ Такие же дискуссии возникали и в применении к изобразительному искусству (эмигрантскому и советскому) и к театру. Это действительно поражает воображение: у эмигрантов в 1920–1930 годы был свой театр с собственной эмигрантской эстетической программой! Актриса и организатор парижского Интимного театра Дина Кирова и князь Ф. Н. Косакин-Ростовский, осмыслив ситуацию, в которой оказался русский театр в изгнании, сформулировали идейную программу эмигрантского театра. Их творческий манифест «Цели и задачи Интимного театра» был опубликован в интервью к открытию второго театрального сезона в журнале «Театр и жизнь», затем регулярно печатался в программах (см.: Кошкарян В. Культура русского «театрального Парижа» в межвоенный период. Интимный театр Дины Кировой // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 381–384; Он же. «И жизнь, и слезы, и любовь...» Интимный театр Дины Кировой // Новый журнал. Нью-Йорк, 2008. № 253. См. также: Кирова Д. Мой путь служения Театру. Н. Новгород, 2006).

с той литературной традицией, символом которой является творчество эмигранта Бунина (наряду с ним и творчество Набокова, Г. В. Иванова и т. д.).

Здесь уместно процитировать фрагмент из автобиографической повести Солженицына «Бодался теленок с дубом», ярко описывающий самые негативные переживания автора — советского диссидента — после первого знакомства с книгами своих предшественников по эмиграции: «На что растратили они неопределимую свободу? Опять о женском теле, о взрыве страсти, о закатах, о красоте дворянских гнезд, об анекдотах запыленных лет. Они писали так, как будто никакой революции в России не бывало или им слишком недоступно ее объяснить».

В то же время при всем неприятии Солженицыным позиции позднего Шолохова нельзя не видеть того, что «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор» и «Судьба человека» — явления одного порядка если не по идейному, то по стилистическому единству. Они порождены одной советской культурной традицией с ее гипертрофированной тягой к «общественности»!

Все сказанное можно подытожить следующим образом: только та этническая группа русских людей, которая в 1920–1930-е годы находилась в «европейском треугольнике», вершинами которого были Берлин, Париж и Прага, имела коллективную необходимость в создании своей литературы (шире — своего искусства, еще шире — своей оригинальной культуры). Ни массы перемещенных в 1940-е годы, ни их потомки в американской русской диаспоре в 1950–1980-х годах такой потребности не обладали. Таким образом, это были качественно разнородные этнические группы, хотя и объединенные общим понятием «русские эмигранты». Так частные историко-литературные размышления над феноменом русского зарубежья переходят в культурологическую и этнологическую область.

2. В теории Л. Н. Гумилева выделяется несколько этапов этногенеза (процесса возникновения этносов). Элементарным уровнем этногенеза в этой теории является консорция, то есть «группа людей, объединенных общей исторической судьбой»². Если подобная группа не распадается, а начинает вырабатывать однохарактерный быт, приобретает внутренние семейные связи и элементы оригинальной общественно-социальной структуры, она становится конвикцией, которая по мере развития и усложнения своей самобытности вступает в процесс собственно этногенеза сначала как субэтнос, имеющий шанс превратиться в самостоятельный этнос — «устойчивый, естественно сложившийся коллектив людей, противопоставляющий себя всем прочим аналогичным коллективам и отличающийся своеобразным стереотипом поведения, который закономерно меняется в историческом времени»³.

Главным механизмом этногенеза, по Гумилеву, называется комплиментарность, то есть «неосознанная тяга людей определенного склада друг к другу»: «Рождению любой этнической традиции и сопряженного с ней социального института предшествует зародыш — объединение некоторого числа людей, симпатичных друг другу. Начав действовать, они вступают в исторический процесс, сценарированный избранной ими целью и исторической судьбой. <...> Такая группа может стать пиратской бандой флибустьеров, религиозной сектой мормонов, орденом тамплиеров, буддийской общиной монахов, школой импрессионистов и тому подобным, но то общее, что здесь можно вынести за скобки, — это подсознательное взаимодействие, пусть даже для того, чтобы вести споры друг с другом. <...> Те немногие [группы], чья судьба не обрывается ударами извне, доживают до естественной утраты

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 135.

³ Там же.

повышенной активности, но сохраняют инерцию тяги друг к другу, выражающейся в общих привычках, мироощущениях, вкусах и т. п. <...> Она уже... подлежит компетенции не социологии, а этнографии, поскольку эту группу объединяет быт»¹.

Оборотной стороной комплиментарности в этногенезе, по Гумилеву, оказывается ясное *деление на «своих» и «чужих»*, присущее каждому члену консорции и конвикции, причем в первом случае на рациональном (например, с помощью корпоративной символики), а во втором — на интуитивном уровне.

В труде Л. Н. Гумилева описан случай, когда массовая эмиграция, вызванная историческим катаклизмом, стала формой полностью осуществленного этногенеза: «Первые колонии в Америке создавали консорции англичан, превратившиеся в конвикции. <...> Из Англии уезжала консорция, не мирившаяся либо с Кромвелем, либо со Стюартами, а на новой почве, где былые споры были неактуальны, они становились конвикциями, противопоставлявшими себя новым соседям: индейцам и французам»².

Очевидно, что в случае с русской эмиграцией первой волны мы имеем дело с очень похожим явлением. Из России (позже — из РСФСР и СССР) уезжала консорция белых, «не мирившаяся либо с Керенским, либо с Лениным», а оказавшись в Европе, они превращались в конвикцию, противопоставлявшую себя, с одной стороны, Советам, с другой — аборигенам-европейцам. Причем сила этого противопоставления была такова, что к началу 1930-х годов конвикция зарубежья превращалась в эмигрантский «субэтнос», *имеющий внутреннюю волю к утверждению себя в качестве собственно «этноса»*. Этого не произошло и не могло произойти, ибо исторические условия в Европе в первой половине XX века были иными, чем на Диком Западе в XVII–XVIII веках, но само стремление было.

В этом кроется коренное отличие первой волны русской эмиграции от второй и тем более третьей. Послевоенные эмигранты и в Европе (в большей степени), и в Америке (в меньшей степени) не мыслили себя чем-то большим, чем «субэтнос», *оказавшийся скромной системной частью мощных «суперэтносов»* — европейского и американского. Они охотно принимали гражданство, учили языки и их «этническая комплиментарность» не распространялась далее естественной радости при встрече с земляком в русском ресторане или клубе. Что касается упомянутых выше эмигрировавших писателей третьей волны, то Бродский, например, пытался сознательно ассимилироваться в этническом контексте Америки (с тоской ощущая свою всегдашнюю «иностранность» в этой культуре), а Солженицын, все интересы которого были в СССР, жил затворником в Вермонте и вел там собственную одинокую борьбу с «системой». Собственно русское зару-

бежье и его возможная читательская аудитория ни того, ни другого особенно не интересовали.

3. Возникновение «собственного» искусства в целом и собственной литературы в частности в предложенной Л. Н. Гумилевым системе этногенеза возможно только в процессе превращения субэтноса в этнос (удачного или неудачного — неважно, см. выше). Дело в том, что *наследие мировой культуры достаточно обширно, чтобы удовлетворить любые культурные потребности каждой личности на универсальном, «общечеловеческом» уровне*. Для носителя русского языка в XX веке этот соблазн был вдвойне велик из-за чрезвычайно высокого уровня отечественной культуры перевода, практически «снявшей» к середине столетия даже языковой барьер (никогда, впрочем, если речь шла об основных европейских языках, не являвшийся особенно прочным). Действительно, зачем создавать что-то свое в этой сфере, когда в твоем распоряжении уже имеются высочайшие проявления творческого гения в культурах других стран? Например (отвлекаясь от литературы): зачем снимать свое кино, когда мировой кинематограф в изобилии предоставляет продукцию буквально на любой вкус?

Необходимость сказать «свое» возникает только тогда, когда ты остро ощущаешь границу между «своим» и «чужим». А это возможно только на высших стадиях этногенеза и не на личностном, а на групповом уровне.

Собственно это и есть тот диалог культур, о котором идет речь на Лихачевских чтениях. И понятие «чужой» вовсе не должно пугать, ибо современный цивилизационный уровень не предполагает обязательной лишь ту форму диалога, который произошел между колонистами Дикого Запада и аборигенами-индейцами...

В заключение хочется высказать парадоксальную идею. В том диалоге культур, который велся в XX столетии, «от имени России» внятно говорила только белая эмиграция, эмиграция первой волны, исповедовавшая культурную преемственность и *сумевшая создать «форму диалога» — собственное искусство*, мировое признание которого произошло в миг вручения И. А. Бунину Нобелевской премии в 1933 году. Советский Союз, также создавший великое искусство и культуру (и тоже в ходе активизации этногенеза), идее преемственности противопоставлял идею футуристического интернационализма и особенно в довоенный период видел в России как таковой нечто, «что нужно преодолеть». А две другие волны русской эмиграции оказались попросту «безгласны» — своего собственного искусства они не создали. И как знать: сумеет ли нынешняя 150-миллионная Россия, которая выбирает между пристрастиями к уже построенным «внешним» европейским культурным моделям и желанием создать собственную культуру, проявить такую же страстную волю к *самостоянию*, какую проявила неизмеримо этнически немощная, обреченная историей белая эмиграция?..

С. Н. Иконникова³

ПЕРСПЕКТИВЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ И ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В последние годы в гуманитарных науках стремительно развивается компаративистика, основанная на сравнительном изучении информационного и коммуникативного полей социокультурного знания, понятийного и категори-

¹ Гумилев Л. Н. Указ. соч. С. 231–232.

² Там же. С. 111.

³ Заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, профессор СПбГУП, доктор философских наук.

ального аппарата, сходных базовых структур и универсальных, символов и духовных ценностей, антропологического облика и социальных связей. Сравнительная культурология способствует взаимопониманию народов, расширяет диапазон исследований, создает основу для партнерских отношений между странами и цивилизациями.

Компаративистика — перспективное направление в развитии гуманитарной науки, вызванное процессами

глобализации, преодолением национальной изоляции, необходимостью межкультурного диалога и коммуникации. Развитие сравнительных исследований направлено на преодоление национальной изоляции и чрезмерно узкой специализации, в результате которой происходит утрата общего контекста, возникает обособление научного сообщества, затрудняется понимание общих тенденций.

Среди наиболее активно действующих направлений следует отметить историческую компаративистику, сравнительное страноведение, сравнительное литературоведение, религиоведение, сравнительную лингвистику, политологию, социологию, психологию, педагогику. Развиваются сравнительная этнография и этнология, культурная и социальная антропология, культурология. Одни направления имеют прочную методологическую базу, давно сформировались, широко известны в науке. Другие возникли относительно недавно, но действуют весьма успешно. В системе высшего образования были сформированы кафедры компаративистики, читаются курсы, выполняются исследовательские работы, укрепляются междисциплинарные связи, совершенствуется технология сравнительного метода. Успешно действует Международный центр сравнительных и институциональных исследований (Интеркомцентр), реализуется научный проект государственной программы «Сравнительные социальнo-гуманитарные исследования международного сотрудничества».

Компаративистика является основой для реализации принципа толерантности, понимания и диалога культур. Смысл данного подхода состоит в усвоении разных образов в культурах стран и народов. Диалог предполагает установку на взаимодействие и взаимопонимание, желание приобщиться к ценностям иной культуры, принять ее неповторимость и уникальность, не стремясь подчинить ее смыслам своих представлений. Эта задача не только чрезвычайно сложна, но и требует определенного воспитания и эмоционального настроения. Вместо монологического и авторитарного мышления необходим диалогический стиль сознания и поведения.

Диалог как способ реализации человеческих отношений рассматривали в своих трудах философы М. Бубер, В. С. Библер, Л. М. Баткин, литературовед и культуролог М. М. Бахтин, психолог В. С. Выготский. Как справедливо отмечал М. С. Каган, «обретение понятием "диалог" статуса категории в культурологических, социальных и гуманитарных науках отражает процесс формирования на наших глазах нового исторического типа мышления, типа человеческих отношений и взаимоотношений культур, государств, политических партий; это новое состояние цивилизации и следовало бы назвать диалогическим»¹.

Сравнительно-исторический метод направлен на изучение уникальных особенностей культур Севера и Юга, Востока и Запада. Сам термин «сравнение» означает выявление множественности и полифонии культур, пони-

мание другого как равного. Компаративистика раздвигает привычные бинарные схемы сравнения цивилизаций и предлагает гораздо более сложные и широкие «полифонические» схемы, позволяющие отказаться от предвзятых стереотипов и пренебрежительных оценок других культур.

Сравнительно-исторический метод (сравнительный, компаративный кросскультурный) позволяет выявлять общее и особенное, сходства и различия в культурах разных народов, стран, регионов и цивилизаций. Сравнение проводится на трех уровнях: историко-типологическом; историко-генетическом; историко-диффузном. Сравнительная культурология базируется на сопоставлении особенностей культуры повседневной жизни, религиозных символов и смыслов, ценностей прикладного искусства, норм общения, специфики ритуалов, обычаев и обрядов. Устойчивые формы культуры позволяют реконструировать тип, антропологический облик, менталитет людей и их отношения.

В исследованиях используются документы и личные беседы, наблюдения и воспоминания, литература и искусство, философские трактаты и религиозные наставления, передающие национальный колорит духовной ментальности. Сравнительно-исторический метод способствует установлению роли культурных контактов, процессов ассимиляции и интеграции, конвергенции культурных влияний, выявлению культуры-донора и культуры-реципиента.

Особенно активно развивается диалог культур Запада и Востока. «Восточные» мотивы имеют давнюю традицию в европейской и русской культуре. Мудрость индийской философии и ценность жизни во всех формах и проявлениях, гармония человека и природы в философских системах Китая, религиозные смыслы повседневной жизни в учении ислама, афоризмы восточной поэзии вызывали постоянный интерес к культуре Востока. К этому следует добавить увлечение декоративной экзотикой прикладного искусства и дизайна, спецификой кулинарных обычаев китайской и японской кухни, индийскими культурными практиками йоги и аюрведы, спортивными единоборствами, ароматами и специями, искусством интерьера и композициями цветов. В материалах II Российского культурологического конгресса (Санкт-Петербург, 2008)² обсуждались проблемы и перспективы сопоставительной культурологии.

В условиях глобализации стремительно ускоряются процессы взаимовлияния культур, возникает задача сохранения их уникальности и самобытности. Сравнительное исследование 600 культур опубликовано в «Этнографическом атласе». Завершено и переведено на русский язык грандиозное издание, осуществленное по инициативе ЮНЕСКО, — «История человечества» в семи томах³.

Эти и многие другие события свидетельствуют об актуальности развития сравнительной культурологии как исторически обоснованного направления научных исследований.

² Культурное многообразие : от прошлого к будущему : II Российский культурологический конгресс с международным участием : тез. докл. и общ. СПб., 2008.

³ История человечества : ЮНЕСКО. Т. 6 : XIX век / под ред. П. Маттаса, Н. Тодорова ; при участии Г. Каррера Дамаса, А. О. Чубарьяна, Шу-Ли Цзи, И. Д. Тиамы. М., 2005; Т. 7 : XX век / под ред. С. Гопала, С. Тихвинского ; при участии И. А. Абу-Лугода, Г. Вейнберга, И. Д. Тиамы, В. Тао. М., 2005.

¹ Каган М. С. Метаморфозы бытия и небытия : Онтология в системно-синергетическом осмыслении. М., 2006. С. 383.

А. В. Ильичев¹

ИСТОРИОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ КИЕВСКОГО МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА: К ПРОБЛЕМЕ ДИАЛОГА ГРЕКО-ИУДЕЙСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Одно из важнейших обстоятельств, связанных с историей формирования древнерусской культуры, — то, что она возникла в качестве самостоятельного и оригинального переосмысления греко-иудейского наследия. Первый дошедший до нас памятник Киевской Руси — «Слово о законе и благодати» киевского митрополита Илариона — оказался не только ярким примером бережного наследования греко-иудейской традиции, но и образцом оригинальной историсофской концепции. Иларион смог выразить самобытное содержание, творчески переработав культурную традицию, созданную христианством.

В этом отношении «Слово о законе и благодати» может быть осмыслено как своеобразный культурный диалог двух цивилизаций — греко-иудейской и славянской. Более того, оригинальная мысль Илариона нашла свое выражение в довольно сложных образно-символических построениях, ключ к которым обнаруживается в христианской экзегетике.

Исследователи по-разному определяли задачи, стоявшие перед Иларионом. Некоторые полагали, что основной смысл «Слова о законе и благодати» заключается в догматико-богословском противопоставлении Ветхого и Нового Заветов, направленном против иудейского учения. В 1872 году это мнение опроверг И. Н. Жданов, рассматривавший это произведение как зашифрованную атаку на Византию². Это мнение было поддержано в работе Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение» (1947). М. Н. Тихомиров полагал, что «Слово о законе и благодати» направлено против политического влияния Хазарского каганата³. Любопытна аргументация М. Н. Тихомирова, подчеркнувшего, что в произведении нет ни одного образа, как-либо принижающего Византию. Именно это обстоятельство заставило исследователя Тихомирова искать другой объект полемики Илариона.

Действительно, в «Слове о законе и благодати» Илариона Константинополь — это новый Иерусалим; с императором Константином сравнивается Владимир. Несомненно, полемика с Византией существует, но проясняется она только при углубленном внимании к поэтике этого произведения.

«Слово о законе и благодати» Илариона интересно как первый образец русской историсофской концепции, предложенной еще до «Повести временных лет». Так, В. Н. Топоров отмечает «впервые формулируемую в этом памятнике “русскую идею”»⁴. Сравнение традиционной схемы христианской идеи истории и ее варианта, предложенного Иларионом, позволяет сделать некоторые выводы относительно оригинальности взглядов автора. Прежде чем перейти непосредственно к анализу, остановимся на проблеме источников текста Илариона.

С. П. Шевырев полагал, что ряд образов заимствован Иларионом из византийской литературы, в частности из «Слова на Преображение Господа и Бога Спасителя нашего Иисуса Христа» Ефрема Сирина⁵. На другой источник

указывал К. Д. Зеeman⁶ — это Послание к Галатам святого апостола Павла (Гал. 4:21–31). Кроме этого текста, связь которого с первой частью «Слова о законе и благодати» Илариона очевидна, подчеркнем, что в апостольских посланиях развивается тема распространения христианства, обсуждается проблема соотношения иудейства и христианства в самых разных аспектах.

Все это позволяет считать, что Новый Завет был одним из источников образно-символической системы текста Илариона. Причем его влияние вовсе не ограничивается лишь первой частью «Слова о законе и благодати», но обнаруживается в дальнейшем.

Следует напомнить, что первая часть рассматриваемого произведения строится как толкование соотношения закона и благодати; вторая часть посвящена рассказу о распространении христианства на Руси, а третья может быть охарактеризована как похвала Владимиру и завершается молитвой. Д. С. Лихачев справедливо отметил, что «патриотический пафос этой третьей части, прославляющей Владимира, еще выше, чем патриотический пафос второй. Он достигает сильнейшей степени напряжения, когда, пространно описав просветительство Владимира, новую Русь и “славный град” Киев, Иларион обращается к Владимиру с призывом... встать из гроба и посмотреть на плоды своего подвига»⁷.

В данной статье мы подробно рассмотрим то, как создавался образ Киева. Прежде всего следует напомнить о том, что Иларион обращается со своим произведением к «преизобильно насытившимся сладостью книжной»⁸. В другом месте, проводя символическую аналогию между Агарью и законом, Саррой и благодатью, он замечает: «Да разумеет читатель» (с. 35), подчеркивая скрытый, неочевидный смысл.

Предваряет часть, в которой разворачивается повествование о городе, похвала Владимиру, который сравнивается с императором Константином: «О, подобный великому Константину, равноумный, равнохристолюбивый... Он со святыми отцами Никейского собора закон людям устанавливал, ты же, с новыми нашими отцами епископами сходясь часто, с глубоким смирением совещался, как в людях этих, новопознавших Господа, закон установить. Он царство эллинов и римлян Богу покорил, ты же — Русь... Он с матерью своею Еленой крест из Иерусалима принес, по всему миру своему его разнеся, веру утвердил. Ты же с бабкою своею Ольгой, принеся крест из нового Иерусалима, Константина града, по всей земле своей его поставив, утвердил веру, ибо ты подобен ему» (с. 91).

Помимо очевидного сравнения, вернее, уравнивания Константина и Владимира, в подтексте отрывка можно обнаружить многозначную параллель между Константинополем, осмысленным как новый Иерусалим, и Киевом, приравненным к нему. Возникшая параллель между Киевом и Иерусалимом (через сравнение с Константинополем) неожиданная и слишком многозначительная, чтобы остаться незамеченной.

¹ Профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук.

² Жданов И. Н. Сочинения. СПб., 1872. Т. 1. С. 1–80.

³ Тихомиров М. Н. Русская культура X–XVIII веков. М., 1968. С. 132.

⁴ Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1995. Т. 1 : Первый век христианства на Руси. С. 264.

⁵ Шевырев С. П. История русской словесности. 2-е изд. М., 1860. Ч. 2. С. 26.

⁶ Зеeman К. Д. Аллегорическое и экзегетическое толкование в литературе Киевской Руси // Контекст 1990 : литературно-теоретические исследования. М., 1990. С. 78.

⁷ Лихачев Д. С. Великое наследие : Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1980. С. 37–38.

⁸ Иларион. Слово о законе и благодати / пер. В. Я. Дерягина. М., 1994. С. 33. (В дальнейшем в тексте статьи «Слово о законе и благодати» цитируется по этому изданию, с указанием страниц в круглых скобках.)

Ко времени императора Константина сложилась устойчивая доктрина, связанная с особой ролью Византии в христианском мире, опирающаяся на толкование сна Навуходоносора пророком Даниилом (Дан. 2:31–45). Даниил представил четырехчастную периодизацию истории человечества по царствам. На исходе «четвертого царства» произойдет конец царства человеческого и наступит царство мессианское. Первое царство — Вавилонское — названо самим Даниилом, остальные три — различными интерпретаторами: Мидо-Персидская империя, затем — царства Греческое и, наконец, Римское¹.

В комментариях святого Иеронима (IV в.) к книге Даниила утверждается, что период Римской империи как четвертой, последней монархии будет длиться до конца мира². Блаженный Августин развил положение о том, что история разворачивается последовательно с востока на запад: Рим занял место Вавилона³. После раскола Римской империи на западную и восточную с центром в Константинополе византийский император полагал, что именно этот город стал Вторым Римом. Согласно тексту Илариона с перенесением креста из Иерусалима в Константинополь этот город получает титул нового Иерусалима.

Как отмечают Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский, «двойственная природа Константинополя как политического символа позволяла двоякое толкование. В ходе одного подчеркивались благость и священство, в ходе другого — власть и царство. Символическим выражением первого становится Иерусалим, второго — Рим»⁴. Таким образом, Владимир, перенесший крест из Константинополя в Киев, как бы освятил его благодатью (что является темой всего «Слова о законе и благодати» Илариона) и создал возможность для символического соотнесения нового Иерусалима и Киева.

Вслед за этим в тексте произведения приводится сообщение о строительстве церкви Святой Богородицы Марии. С этого момента начинается разворачиваться тема церковного строительства, продолженного сыном Владимиром — Ярославом Мудрым. Сначала упоминается София Киевская (Софийский собор в Киеве), затем — церковь Благовещения. Завершается отрывок темой града Киева.

Внешне перед нами простое перечисление строительных заслуг Владимира и Ярослава Мудрого. Между тем образы церквей и града, безусловно, имеют специальное символическое значение⁵. Это следует из самого текста. Упоминания церкви Богородицы сначала и церкви Благовещения в финале объединяются символическим итогом: «Пусть целование, что дарит архангел Деве, будет граду тому, ибо сказано Ей: “Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!” И граду же: “Радуйся, благоверный град, Господь с тобою”» (с. 95). Это естественным образом способствовало возникновению параллели образа Девы Марии и образа города. Это одна символическая линия, которая возникает в тексте «Слова о законе и благодати».

Другая символическая линия связана с образом Софии Киевской. Во-первых, он обосновывает параллель «Константинополь — новый Иерусалим — Киев», так как София Киевская задумывалась по аналогии с Софией Константинопольской⁶. Тема нового Иерусалима возникает

также в связи с тем, что строительство Софии Киевской сравнивается со строительством храма царем Соломоном. Образ этого храма проходит через всю Библию и оказывается связанным с темой закона и благодати, с одной стороны, и с темой нового Иерусалима — с другой.

На горе Синай Иегова показывает Моисею образец святилища (Исх. 25:10–22). Соломон строит свой храм по его образцу: «Ты сказал, чтобы я построил храм на святой горе Твоей и алтарь в городе обитания Твоего, по подобию святой скинии, которую Ты предуготовил от начала» (Прем. Сол. 9:8). Завершается эта тема в Откровении Иоанна Богослова. Как пророчествует Иоанн, после Страшного суда возникнет новый Иерусалим, в котором не будет храма (Откр. 21:22–23), ибо храм, в котором обитал Бог в земном Иерусалиме, исчезнет, так как Бог теперь пребывает не в храме, а в граде.

Вообще основание храма как бы повторяет «космогонический акт — Сотворение Мира. Следовательно, все, что основывается, основывается в Центре Мира»⁷. Таким образом, параллель между Ярославом Мудрым и Соломоном, Софией Киевской и храмом Соломона вновь проявляется в символической перспективе образ Иерусалима как сакральной точки христианского мировоззрения, некоего символического центра, который, по мысли Илариона, как бы переносится из Константинополя в Киев.

Любопытно, что отмеченная параллель «Дева Мария — город» тоже связана с этой темой. Образ города-Девы упоминается в Библии в связи с Иерусалимом. Например, в обращении к Иерусалиму: «Скажите дочери Сионово: се, Царь твой грядет к тебе кроткий» (Матф. 21:5); «Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе» (Захар. 9:9). Неоднократно встречаются места, где Иерусалим, «дочь Сиона», выступает как невеста, ожидающая жениха: «Но будут называть тебя: “Мое благоволение к нему”, а землю твою “замужнюю”, ибо Господь благоволит к тебе, и земля твоя сочетается <...> и как жених радуется о невесте, так будет радоваться о тебе Бог твой» (Исайя. 62:4–5).

Особенно значимой эта параллель становится в Откровении Иоанна Богослова, где греховный Вавилон изображается в виде блудницы, а новый Иерусалим — в виде невесты⁸: «И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим <...> приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (Откр. 21:2); «Пойди, я покажу тебе жену, невесту Агнца <...> и показал мне великий город, святой Иерусалим...» (Откр. 21:9–10). «Хотя ему [Иоанну. — А. И.] было обещано показать невесту, — пишет комментатор, — но показывается Иерусалим»⁹. Так, посредством образа города-Девы вновь раскрывается тема Иерусалима.

Отметим также следующий момент. В произведении за обращением к городу («Радуйся, благоверный град, Господь с тобою!») следует призыв к Владимиру: «Восстань, о честный муж, из гроба своего! Восстань, отряхни сон, ибо ты не умер, но спишь до общего дня всех восстания. Восстань, ты не умер...» (с. 95), который некоторые исследователи толкуют как языческий заговор¹⁰. На самом деле он продолжает евангельскую тему: «Посему сказано: “Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос”» (Послан. Ефес. 5:14).

Так, в глубине символического подтекста образ Киева «подсвечивается» образом нового Иерусалима. Следует

¹ Петровский А. Комментарий к книге пророка Даниила // Толковая Библия : в 11 т. СПб., 1910. Т. 7. С. 23–25.

² См.: Барг М. Л. Эпохи и идеи : Становление историзма. М., 1987. С. 102.

³ Там же. С. 88.

⁴ Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — Третий Рим» в идеологии Петра Великого : к проблеме средневековой традиции в культуре барокко // Художественный язык Средневековья. М., 1982. С. 238.

⁵ См. об этом подробнее: Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. С. 49.

⁶ Яковсон А. Я. Закономерности в развитии средневековой архитектуры. Л., 1985. С. 95. Об архитектурной самобытности Софии Киевской см.:

Вагнер Г. К. Искусство мыслить в камне : Опыт функциональной типологии памятников древнерусской архитектуры. М., 1990. С. 37–38.

⁷ Эшаде М. Космос и история. М., 1987. С. 43.

⁸ Топоров В. Н. Заметки по реконструкции текстов // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 121–132.

⁹ Орлов Н. Комментарий к Откровению Иоанна Богослова // Толковая Библия. СПб., 1913. Т. 11. С. 605.

¹⁰ См., например: Никольский Н. М. История русской церкви. 3-е изд. М., 1985. С. 29.

обратить внимание на то, что новый Иерусалим в Библии — это будущий рай, который маячит лишь в пророчествах. У Илариона он изображается как воплощающийся, становящийся. Именно это создает атмосферу особой торжественности и красоты города и церквей. «Он дом Божий великий Его святой премудрости создал на святость и священие граду твоему, его же всякою красотою украсил золотом и серебром, и камнем дорогим, и сосудами святыми <...> И славный град свой Киев ты величеством, как венцом, увенчал <...> Узри же и город, величеством сияющий, узри церкви цветущие, узри христианство растущее. Узри город, иконами святых освященный и блистающий, и фиамом курящийся, и хвалами, и молитвами, и песнопением святым оглашаемый» (с. 93, 97).

Это изобилие золота, серебра, драгоценных камней, сияние, блистание есть признак красоты не только материальной, вещной, но и нетленной, духовной. Не случайно в новом Иерусалиме царит вечный день: «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Ангел. Спасенные народы будут ходить во свете его... А ночи там не будет» (Откр. 21:23–25). В произведении Илариона: «Узри город, иконами святых освященный и блистающий...» За внешней телесной красотой просвечивается красота внутренняя, духовная.

Торжество божественного начала на Русской земле изменило традиционный пафос христианской историософии. Английский историк Р. Дж. Коллингвуд полагает, что христианская идея истории «отбросила» грекоримское «оптимистическое представление о человеческой природе», придав истории апокалиптический характер¹. А. Я. Гуревич отмечает, что «историческое время в христианстве драматично»². Б. С. Горский, сравнивший образ истории в «Граде Божием» Блаженного Августина и в «Слове о законе и благодати» Илариона, пишет: «Обращаясь к современному этапу человеческой истории, Августин переполнен скепсиса и пессимизма в оценке его <...> Иларион же как раз <...> принадлежит к тем, кто полагает “славу в самом себе”, в своем времени <...> Для Илариона время, в которое он жил, приобретает абсолютный характер, воспринимаясь как пора реализации идеала, к которому устремлена человеческая история»³.

Это породило особый оптимизм историософии Илариона и создавало в целом не характерную для христианства ситуацию оправдания земной истории, данного времени, исключая его переживание как ущербного. Некоторые исследователи полагают, что в этом выразилось мировоззренческое двоеверие Илариона (языческое чувство прелести мира). Не отрицая возможности подобного рода трактовки, заметим лишь, что это в истоках языческое переживание мира Иларион объясняет и толкует, используя

крайне сложные символические формы, выработанные христианской культурой и экзегетикой.

Представление о Киеве как «святом граде», новом Иерусалиме не исчезло бесследно. Позже в «Повести временных лет» обнаружится вставной эпизод о пророчестве апостола Андрея с характерной деталью: «Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и проплыл в устье днепровское, и оттуда направился вверх по Днепру. И случилось так, что он пришел и стал под горами на берегу. И утром встал и сказал бывшим с ним ученикам: “Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей”. И взошел на горы эти и благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев...»⁴

Здесь не случайно проводится параллель между Римом, Киевом и Богом благословенным городом. Образ Киева совмещает и значение императорского Рима, и Святой Земли обетованной. Но окончательно этот образ не оформился. Причина тому — падение Киева — экономическое и политическое — во время монголо-татарского нашествия. Но задуманная тенденция «сработала» позже — в XVI веке старец Филофей четко сформулировал этот образ и соотнес его с Москвой. Правда, теперь уже на первый план вышла идея не нового Иерусалима, а Третьего Рима.

В качестве подтверждения того, что образ Киева в XI–XII веках приобрел особую характеристику, можно указать на источники не книжные, а фольклорные. Если Иларион рисует Киев как земное воплощение небесного идеала в символах Библии, то в фольклоре Киев эпохи Владимира — время русского эпоса: «Деятельность богатырей — героев эпоса — оказывается связанной <...> с главным центром единой русской земли — Киевом <...> “Эпическое время” русских былин стало временем идеальной “Киевской державы” и ее монарха — Владимира»⁵.

Диалогически переосмысляя греко-иудейскую традицию, Иларион создает оригинальную историософскую концепцию у самых истоков древнерусской культуры, концепцию, которая во многом определит своеобразие русского исторического самосознания не только в Средневековье, но и в Новое время.

Однако судьба русской культуры такова, что осознание собственного прошлого сегодня оказывается проблематичным: русская культура неоднократно кардинально меняла свои культурные коды. В настоящее время необходимо «перевести» древние культурные коды на современный язык. В этом смысле важным представляется осмысление проблем, связанных не только с межкультурным диалогом, но и с диалогом внутри одной культуры.

Ж. К. Кеншимов⁶

ДИАЛОГ КУЛЬТУР, ПОИСК ОБЩИХ ЦЕЛЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ

Вопрос о мирном существовании и конструктивном взаимодействии народов, религий, государств и правительств в наше время приобретает особую актуальность. Из чисто теоретической плоскости он перешел в ряд важнейших практических задач. Именно поэтому продол-

жение диалога религий, культур, цивилизаций, который усилиями многих выдающихся политических и религиозных деятелей, по сути, не прекращался, представляется крайне необходимым.

¹ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 50, 56.

² Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М., 1984. С. 121 (ср.: с. 122).

³ Горский В. С. Образ истории в «Слове о законе и благодати» Илариона // Человек и история в средневековой мысли русского, украинского и белорусского народов : сб. науч. тр. Киев, 1987. С. 41, 45.

⁴ Повесть временных лет // Художественная проза Киевской Руси XI–XIII веков. М., 1957. С. 5.

⁵ Флоря Б. Н. Древнерусские традиции и борьба восточнославянских народов за воссоединение // Пашуто В. Т., Флоря Б. И., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 159. Ср.: Котляр Н. Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986.

⁶ Генеральный консул Республики Казахстан в Санкт-Петербурге.

С первых дней провозглашения независимости наше государство старается вносить посильный вклад в дело укрепления мира и доверия между народами. В активе казахстанской внешней политики: отказ от обладания ядерным оружием, закрытие на своей территории Семипалатинского испытательного полигона, а также предпринимаемые усилия по превращению Центральной Азии в безъядерный регион.

По инициативе Казахстана было созвано Сопровождение по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Проведены два саммита СВМДА, положившие начало предметной работе по выстраиванию доверительных отношений между государствами самого большого континента планеты.

С 2003 года молодая казахстанская столица Астана стала местом проведения съездов лидеров мировых и традиционных религий, явившихся авторитетной площадкой для диалога. Число участников съездов неизменно растет. Республика Казахстан предложила провести очередную III Съезд лидеров мировых и традиционных религий в июле 2009 года. Главная цель предстоящего форума — объединение позитивного опыта лидеров мировых и традиционных религий в решении вопросов созидательного развития отношений между ведущими мировыми религиями.

По предложению Республики Казахстан Генеральная Ассамблея ООН объявила 2010 год Международным годом сближения культур. В 2010 году наша страна возглавит Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), а в 2011 году будет председательствовать на Конференции министров иностранных дел Организации Исламская конференция (ОИК).

Казахстан твердо намерен содействовать разработке темы конструктивного взаимодействия между различными культурами и цивилизациями, добиваться принятия конкретных решений по этому вопросу в рамках этих и других международных объединений.

В преддверии председательства в ОБСЕ республика приняла специальную программу «Путь в Европу», в которой определены конкретные задачи по широкому взаимодействию с европейскими странами в экономическом, политическом и культурном измерениях. В ней поставлены цели совершенствования общественных институтов с учетом опыта демократического развития партнеров по ОБСЕ, базовых требований данной организации. Одновременно Казахстан, как светское государство с преимущественно мусульманским населением, привержен Программе десятилетия ОИК, определившей основные пути трансформации государств исламского мира.

Наша активная позиция по вопросу налаживания глобального межцивилизационного и межкультурного диалога обусловлена прежде всего внутренними потребностями многонационального и поликультурного Казахстана, сложившимся миропониманием казахстанцев. В настоящее время в Казахстане проживают люди более 130 национальностей, 46 религиозных конфессий.

Географически находясь на стыке трех великих цивилизаций — христианского, мусульманского и буддистского мира, — казахстанское общество на протяжении многих столетий вбирало все лучшие их достижения. Оно исторически сформировалось как полиэтничное, поликультурное и поликонфессиональное.

Находясь в центре евразийского пространства, Казахстан был местом пересечения и распространения различных религий, включая буддизм, зороастризм, христианство и ислам. Через земли Казахстана пролегал Великий шелковый путь, который связывал страны Востока и Запада посредством торгового и культурного обмена. Казах-

стан был и остается родным домом для представителей многих национальностей и вероисповеданий.

Наш опыт политического и социально-экономического развития подтверждает возможность конструктивного взаимодействия различных культурных и религиозных ценностей. Также он демонстрирует, что их взаимопроникновение способно быть генератором динамичного роста всех сфер общественной жизни. Синтез научных и культурных достижений Запада и мудрости и традиций Востока дает огромные преимущества.

Республика Казахстан реализовала собственную модель сохранения межнационального согласия и формирования идентичности. Мы создали такой уникальный механизм, как Ассамблея народов Казахстана. Парламент Казахстана принял специальный закон, закрепляющий статус этого уникального института согласования интересов различных этносов и религиозных групп, составляющих единый казахстанский народ.

Республика на протяжении многих лет проводит плодотворную работу в рамках ЮНЕСКО по утверждению интеллектуальных и духовных ценностей: мира, права на разнообразие, сохранения культурного и природного наследия, свободы выражения, науки и образования и др.

Казахстан вносит существенный вклад в усилия ЮНЕСКО, предпринимаемые этой организацией в различных направлениях. Республика является активным участником Центрально-Азиатского форума по образованию, учрежденного в Алматы в 2002 году по инициативе стран региона, ЮНЕСКО и ЮНИСЕФ, и успешно решает задачи, поставленные Всемирным форумом по образованию в Дакаре (2000).

Казахстан всесторонне задействован в проектах ЮНЕСКО «Межкультурный диалог в Центральной Азии» и «Межрелигиозный диалог». В соответствии с целями этих проектов и глобальными задачами ЮНЕСКО по защите культурного многообразия и поощрению диалога Казахстан выступил инициатором проведения конференции министров иностранных дел мусульманских и западных стран «Общий мир: прогресс через разнообразие» (Астана, октябрь 2008 г.).

Общеизвестно, что сегодня развитие мира подвергается значительным испытаниям. Мировую экономику постиг беспрецедентный финансово-экономический кризис, который уже перешел из банковской сферы в область реальной экономики. Нестабильность на мировых рынках энергоресурсов и продовольствия обуславливает рост цен. Снижение уровня жизни населения, рост безработицы не только превращаются в источники социальной и политической нестабильности для стран третьего мира, но и создают реальную опасность развитым обществам.

В мире нет больших или малых культур, сильных или слабых религий. Есть только нерасторжимое их единство. Современный мир подобен мозаике — достаточно выпадет одному камешку, и распадется вся картина. Когда кто-либо выражает неуважение к другой религии, поднимает руку на представителя другого народа, он унижает свою религию, ставит под угрозу собственный народ и его культуру как составные части одного неделимого целого.

В современных условиях важно не допустить размежевания мира по цивилизованному, культурному и религиозному признакам, нужно осознавать единство современного мира, необходимость целостности перед лицом общих угроз человечеству. Диалог культур и цивилизаций призван заложить основу будущего, более справедливого безопасного мирового порядка, основанного на многополярности. Именно партнерство различных стран, культур и религий, каждая из которых внесла свой

уникальный вклад в мировую историю, а не их противоборство должно стать основой для дальнейшего развития нашей планеты.

Только взаимопониманием и искренним уважением друг к другу, основанным на истинных знаниях, а не на

манипуляции сознанием людей, можно обеспечить сближение народов и доверие между ними. Без диалога культурное многообразие нашей планеты может оказаться под угрозой. Диалог должен возобладать над противоречиями, а разум — над безрассудством.

И. Ф. Кефели¹

ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ГЕОПОЛИТИКИ

Геополитический анализ цивилизационного мироустройства, в отличие от культурологического, определяет в качестве акторов мировой политики гецивилизации, которые группируются между центрами силы на геополитической карте современного мира. Гецивилизации предстают как носители и хранители символического капитала культуры, формирующие многоликую мировую цивилизацию. В философии геополитики гецивилизации рассматриваются в качестве акторов современной мировой политики наряду с другими акторами: государствами, межправительственными и неправительственными организациями, транснациональными компаниями и др. Глобальная геополитика, становление которой инициировало формирование философии геополитики как направления политической философии, в отличие от классической, предполагает отход от силовых принципов регулирования международных отношений².

Основа диалога, процветания и развития цивилизаций — в их геополитическом единстве. На мировой арене рождались и исчезали империи, государства, цивилизации, но этническое и духовное ядро последних сохраняется в современных гецивилизациях. На протяжении XX века наметилась тенденция усиления зависимости геополитических сил от межцивилизационных взаимоотношений. Последние к концу XX века оцениваются как столкновение цивилизаций (С. Хантингтон). Современные цивилизации (западная, славяно-православная, китайская, японская, исламская, индуистская, латиноамериканская, тропическо-африканская) достаточно четко коррелируют с геополитической картой мира, на которой просматриваются центры силы. В действительности центрами силы в современном мире выступают США, Западная Европа, Япония, Россия, Китай, Индия, страны мусульманского мира, которые определяют глобальную политику.

Понятие локальной цивилизации (в нашем случае — гецивилизации), сопоставимое с понятием мировой цивилизации, фиксирует закреплённость той или иной гецивилизации за определенным регионом земного шара (например, африканская или японская гецивилизации) или ее распространение по различным континентам (западная или исламская гецивилизации). Поэтому проблема геополитической принадлежности цивилизации тесно связана с проблемой соотношения центра цивилизации и ее периферии, религиозной принадлежности и вариантов государственного устройства.

Очевидно, вопрос об этническом составе гецивилизаций, их конфессиональной принадлежности, политической структуре и социокультурной динамике не может быть окончательно решен, а поэтому не существует однозначной классификации гецивилизаций и границы между ними. В данном случае следует обратить внимание на

суждения Б. С. Ерасова, который в связи с этим отмечал стремление геополитики к цивилизационной символике. В цивилистике, понимаемой как свод различных школ и учений, цивилизация понимается прежде всего как сфера социокультурного и духовного устройства, а территория и политическая организация — как предпосылки такого устройства.

Следуя логике рассуждений Ерасова, можно утверждать следующую эмпирически установленную закономерность: «Чем более развита цивилизация, тем меньше ее географическая привязанность». По этому поводу Б. С. Ерасов, полемизируя с С. Хантингтоном, делает справедливое замечание относительно того, что отношения между цивилизациями не могут быть сведены лишь к столкновениям, конфликтам и противостояниям (что утверждает Хантингтон). Напротив, эти отношения основаны прежде всего на взаимодействии в сфере высокой культуры, точнее — в сфере высокой политики. Конфликты возникают между государствами, конфессиями, претендующими на духовную власть над людьми, этносами, имеющими свою историю и притязаниями на определенное местообитание (свое или других этносов) и т. д.

Поэтому для исследования необходимо разделять единство и борьбу противоположных начал, присущих факторам и пластам истории: этнических, конфессиональных, государственных, геополитических, которые в своем единстве свойственны как отдельным гецивилизациям, так и мировой цивилизации в целом. Социокультурные структуры гецивилизаций организуют духовное пространство, «раздвигая и упорядочивая ценностные объемы бытия», обеспечивая ее «манацию» и миграцию в другие географические регионы, а геополитическая динамика фиксируется в политической организации пространства над территорией³.

Основа диалога цивилизаций — норма, а не сила. Думается, что в становлении нового мирового порядка, определяющего устройство мировой цивилизации, следует выделить два направления развития гецивилизаций и их принадлежности к полюсам силы. Первое направление — формирование многополярного мира, нейтрализующего мировую гегемонию США, которые претендуют на господство в однополярном мире. В философии геополитики такими центрами многополярного мира признаются гецивилизации, образующие устойчивую мировую геополитическую систему и сохраняющие социокультурные структуры, ментальные характеристики каждой цивилизации.

Второе направление связано со сменой парадигмы мирорегулирования в утверждающемся многополярном мире — от главенства силы в международных отношениях к главенству нормы — моральной и юридической. Переход от однополярного мира к многополярному еще не обеспечивает смену силы нормативным регулированием, а заменяет одну силовую конструкцию другой, еще более

¹ Заведующий кафедрой культурологии и глобалистики Балтийского государственного технического университета «Военмех» им. Д. Ф. Устинова (Санкт-Петербург), главный редактор журнала «Геополитика и безопасность», доктор философских наук, профессор.

² См. подробнее: Кефели И. Ф. Судьба России в глобальной геополитике. СПб., 2004; *Он же.* Философия геополитики. СПб., 2007.

³ Ерасов Б. С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 94–98.

сложной и запутанной, поскольку снижает ответственность каждого полюса силы.

В теории международных отношений под силой и ее проявлением в мировом сообществе понимается способность государства влиять на поведение другого государства в обеспечении собственных интересов. Различаются экономическая, финансовая, научно-техническая, информационная, военная, политическая и другие виды силы. Нормы, в отличие от силы, представляют свод правил поведения государств на международной арене. В процессе реализации эти правила проходят ряд фаз своего утверждения. Сначала они появляются как действующая норма, потом становятся установленной (согласованной) практикой; далее правила обретают статус моральной нормы и лишь после этого кодифицируются в юридическом документе, получая статус правовой нормы в системе международного права.

Из сказанного выше следует, что нормативное мирорегулирование все более явно обнаруживает свою эффективность по сравнению с мирорегулированием силового порядка. Ю. П. Давыдов аргументирует это следующим образом. Во-первых, сила отражает возможности, интересы одного мощного государства или группы государств, тогда как норма — интересы и возможности всего мирового сообщества или его наиболее влиятельной части. Во-вторых, норма как категория международных отношений более устойчива и стабильна, нежели сила. В-третьих, как следует из предыдущего положения, норма — более предсказуемый и демократичный феномен, нежели сила. В-четвертых, сила есть орудие как созидания, так и разрушения, причем в непредсказуемых масштабах. Норма же не способна к разрушению, ею можно пренебречь, проигнорировать и изъять ее из обращения¹.

Из этих рассуждений следует сделать вывод о том, что глобальная геополитика, в отличие от классической, в своих методологических основаниях должна ориентироваться на нормативное мирорегулирование. В этом проявляется необходимость международно-правового регулирования геостратегии и геэкономике как ведущих компонентов глобальной геополитики, которая, в свою очередь, рассматривает геоцивилизации в качестве акторов международных отношений и мирорегулирования. По сути, в русле этих двух направлений становления нового мирового порядка происходит формирование политического пространственно-временного континуума цивилизационного мироустройства.

В диалоге цивилизаций раскрывается смысл геополитической истории. Предметом философских размышлений выступает смысл геополитической истории, геэкономических и геостратегических устремлений мировых центров политической и экономической силы. Рассуждения о мировом правительстве, преследующем тайные цели, обуславливают вопрос, какие неведомые силы разрывают наш мир на процветающее меньшинство и беднеющее большинство? Каков смысл дальнейшей поляризации мира, борьбы или консолидации геоцивилизаций, устойчивого развития человечества и т. д.?

На любом этапе развития человечество ставит перед собой определенные цели и придает смысл своей деятельности, направленной на достижение этих целей. В цели заключается результат человеческой деятельности, но смысл шире цели, поскольку смыслу присуща внутренняя логика, которую познающий субъект представляет как некий «идеальный план», выражающийся в осмыслении всех этапов исторического развития социальной действительности. Поэтому можно утверждать, что нам стано-

вится понятен смысл (геополитической) истории, тайных и явных социальных интересов и целей.

«Смысл истории» получает более точное выражение — как «смысл исторической деятельности». Осмысленной оказывается прежде всего та деятельность, которая согласуется с исторической необходимостью, но она непременно включает свободу, реализующуюся в творчестве, созидании материальных и духовных ценностей, составляющих богатство человеческой культуры. Философская рефлексия, как отмечал К. Ясперс, содержит притязание «обрести смысл жизни поверх всех целей в мире — явить смысл, охватывающий эти цели, — осуществить, как бы пересекая жизнь, этот смысл в настоящем — служить посредством настоящего одновременно и будущему — никогда не низводить какого-либо человека или человека вообще до средства»².

Результат диалога цивилизаций — глобальный этос и глобальная культура. Этос, понимаемый как сложившийся в процессе деятельного существования устойчивый нрав человека, а также социальная общность, рождающийся в процессе совместной деятельности, представляет ценностно заданное единство общественной жизни. Этос характеризует человека и социальную общность с точки зрения единства их ментальных черт, привычек, образцов поведения, которые проявляются в повседневной культуре. Возникает вопрос: может ли сформироваться глобальный этос, понимаемый как продукт диалога культур, в ходе которого формируется единая общечеловеческая (глобальная) культура?

В данном случае прав, на мой взгляд, А. А. Гусейнов, утверждающий, во-первых, что идея диалога культур (в отличие от их конфликта, столкновения) является замаскированной и мягкой формой противостояния духовной агрессии Запада и, во-вторых, что глобальный этос обретает зримые черты в текущем опыте интенсивных международных и межкультурных взаимодействий на основе диалога. Причем глобальный этос формируется не вместо национальных форм бытия человека, а над ними — как следствие глобального синтеза.

А. А. Гусейнов обращает внимание еще на один сюжет глобального синтеза: и западный, и восточный сценарии глобального общества лишены философско-исторической глубины и перспективы. Западный сценарий ориентируется на количественное увеличение, улучшение, расширение того, что есть, в рамках общества массового потребления: увеличение продолжительности жизни, улучшение экологии, повышение комфорта быта и т. д. Восточный сценарий, реализующийся в первую очередь в китайской цивилизации (речь идет о социально-политических целях и идеалах, воплощенных в государственных программах), ориентируется на ускоренное развитие с целью «догнать» Запад.

И в том и в другом случае научно-технический прогресс и технологические утопии вытесняют из социального бытия человеческую утопию. Поэтому эти сценарии начинают утрачивать свой исторический смысл, поскольку лишены вдохновляющей человеческой утопии и демонстрируют угасание социального проекта индустриальной цивилизации. Это угасание связано с такими глобальными феноменами, как экстремизм, терроризм, наркомания, психозы, СПИД и тому подобным, что является следствием потери смысла жизни.

А. А. Гусейнов считает, что подобная ситуация отнюдь не означает, что время утопий закончилось, но изменился их характер. Утопия уже не может быть столь фантастичной, как прежде, а должна быть представлена в проективной форме, обретая универсальный характер и возвращая

¹ Давыдов Ю. П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М., 2002. С. 51, 85, 114.

² Ясперс К. Смысл и назначение истории : пер. с нем. М., 1991. С. 500.

новейшим технологиям и научно-рациональной организации жизни утерянный витальный смысл¹. Притязания религии на свершение «гуманной революции», по мнению А. Тойнби, могут помочь в решении проблем, порожденных бурным ростом научного знания, автоматизацией, техногенной цивилизацией.

А. Тойнби дает расширительное толкование религии, выделяя в ней такие формы, как вера в научный прогресс, национализм и коммунизм, которые на Западе были вызваны к жизни «отступлением христианства в XVII столетии». Тойнби, определяя религию как отношение к жизни, которое обуславливает возможность справиться с трудностями человеческого бытия, полагает, что ее будущее заключается в сохранении новой цивилизации и предоставлении возможности человечеству превзойти зло. Речь идет о зле, которое несет угрозу человеческому выживанию: алчность, войны, социальная несправедливость, искусственная окружающая среда. Поэтому будущее, как полагает ученый, — за «правильной религией», которая должна вернуть человечество к пантеизму, вновь обрести «уважение и внимание к достоинству нечеловеческой природы», «святость всей природы»².

По сути, здесь идет речь об идеологии глобального гуманизма, то есть об идеологии, которая порождается современной социокультурной ситуацией: человеческая деятельность, культура во всех проявлениях все более ориентируются на выживание человека в окружающей среде.

Идеология эпохи Просвещения выражала пафос покорения сил природы и человека: прометеевский дух этой идеологии привел технологическую цивилизацию к антагонистическому противоречию с природой. Постмодернистская инверсия этой идеологии, с одной стороны, сохраняет изначальную интенцию «покорения», обретая форму манипулирования сознанием массового человека, ориентированного на необузданное потребление материальных благ. С другой — обретает контуры рассмотренной выше идеологии глобального гуманизма, которая строится на диалоге культур, отказе от идеологии эгоцентризма и социал-дарвинизма и должна ориентироваться на возрождение социалистических ценностей, выстраданных человечеством и впервые реализовавшихся в нашей стране.

Социальный проект будущего не может создаваться только на основе вдохновляющей человеческой утопии, о чем писал Ф. Энгельс в работе «Развитие социализма от утопии к науке». Для этого нужны новые открытия в социальном знании, подобные принципу материалистического понимания истории и теории прибавочной стоимости. Реализация русского проекта прорыва в будущее, учитывающего цивилизационную и геополитическую самодостаточность и целостность современной России, стоит на пороге новых открытий в социальной науке. Философия геополитики с полным основанием может включиться в разработку мировоззренческих и методологических обоснований этих открытий.

И. С. Кон³

ЗАПРЕЩЕНИЕ ТЕЛЕСНЫХ НАКАЗАНИЙ — ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Современная цивилизация имеет ряд общих глобальных проблем. Одной из них в начале XXI века стали телесные наказания. Совет Европы и ООН добиваются полного запрещения телесных наказаний, рассматривая их не как форму воспитательного воздействия, а как нарушение прав ребенка и физической насиле над ним: «Любое телесное наказание детей является нарушением их основных прав на человеческое достоинство и физическую неприкосновенность. Тот факт, что эти телесные наказания по-прежнему остаются законными в ряде государств, нарушает основополагающее право детей на такую юридическую защиту, как и у взрослых. В европейских обществах запрещено бить людей, а дети — это люди. Необходимо положить конец общественной и правовой приемлемости телесных наказаний детей».

Это чрезвычайно сложная задача. Все древние цивилизации считали суровые, в том числе физические, наказания необходимыми и полезными. По словам Платона, «ребенка гораздо труднее взять в руки, чем любое другое живое существо. Ведь чем меньше разум ребенка направлен в надлежащее русло, тем более становится он шаловливым, резвым и вдобавок превосходит дерзостью все остальные существа. Поэтому надо обуздывать его всевозможными средствами...» (Законы, 808 d). «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его»; «Не оставляй юноши без наказания;

если накажешь его розгою, он не умрет»; «Розга и обличение дают мудрость; но отрок, оставленный в небрежении, делает стыд своей матери» (Притчи Соломоновы. 13:24, 23:13, 29:15). Эти установки широко представлены и в русской народной педагогике.

Задача ограничения и полного отказа от телесных наказаний сначала в школе, а затем и в семье впервые была поставлена гуманистами, а вслед за ними — просветителями XVII–XVIII веков. По мнению М. де Монтеня, наказание розгами приносит детям только вред и порождает ненависть. Особенно бережно нужно относиться к мальчишкам, которые самой природой «предназначены к известной независимости». Эразм Роттердамский полагал, что «...обучение должно основываться на соединении строгости с мягкостью, а не так, как это делается обычно, когда, вместо того, чтобы приохотить детей к науке, им преподносят ее как сплошной ужас и жестокость. Откажитесь от насилия и принуждения...» «Не следует приучать ребенка к ударам... Тело постепенно становится нечувствительным к тумакам, а дух — к упрекам... Будем настаивать, повторять, твердить! Вот какую палкой нужно сокрушать детские ребра!»

По словам Яна Амоса Коменского, воспитывать детей необходимо «хорошими примерами, ласковыми словами и всегда искренним благорасположением». «Я решительно стою за то, что розги и палка — это орудия рабства, совершенно не подходящие для людей свободных, — совсем не должны иметь места в школах, должны быть изгнаны из них». Исключение могут составлять случаи, когда ученик допустил богохульство или проявил строптивость.

Джон Локк, не отрицая телесных наказаний в принципе, требовал применять их умеренно, так как рабская дисциплина формирует рабский характер. Порка в качестве

¹ Гусейнов А. А. О возможности глобального этоса // Диалог культур в глобализирующемся мире : мировоззренческие аспекты / под ред. В. С. Степина, А. А. Гусейнова. М., 2005. С. 179–186.

² Тойнби А. Диалог Тойнби–Икеда. Человек должен выбрать сам. М., 1998. С. 375–380, 386.

³ Академик РАН, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), доктор философских наук, профессор.

средства убеждения «порождает в ребенке отвращение к тому, что воспитатель должен заставить его полюбить», исподволь превращая его в скрытное, злобное, неискреннее существо, чья душа оказывается в конечном счете недоступна доброму слову и позитивному примеру. «Кто желает, чтобы его сын относился с уважением к нему и его предписаниям, тот должен сам относиться с большим уважением к своему сыну».

В XVIII веке эти идеи приобретают популярность среди родителей и воспитателей. Джонатан Свифт написал, что порка ломает дух благородных юношей. Его мнение поддержал Уильям Шеридан. Сэр Филип Фрэнсис, вручив в 1774 году своего единственного сына воспитателю, написал: «Поскольку моя цель — сделать его джентльменом, что предполагает свободный характер и чувства, я считаю несовместимым с этой целью воспитание его в рабской дисциплине розги... Я абсолютно запрещаю битье». Сходные инструкции давал воспитателю лорд Генри Холланд: «Не надо делать ничего, что могло бы сломить его дух. Мир сам сделает это достаточно быстро».

Однако реализация этих идей растянулась на несколько столетий. Это связано, помимо теоретических трудностей (нужно было преодолеть авторитарные традиции в философии воспитания и осознать отличие наказания от насилия), с социально-структурными преобразованиями и демократизацией общества. Авторитарное общество не может поддерживать систему воспитания, основанную на диалоге, а демократическое воспитание неизбежно подрывает авторитарную власть.

В России до 1861 года положение осложнялось наличием крепостного права, позволявшего пороть и даже забивать насмерть не только преступников и детей, но и взрослых мужчин и женщин. Причем ни каратели, ни их жертвы ничего противоестественного и унижительного в этом не видели. Дискутировались лишь: а) вопрос о допустимой мере жестокости, понимаемой как строгость, и б) сословные привилегии: можно ли пороть дворян и представителей духовенства? Древнерусское право практически не делало в этом отношении сословных различий. Торговой казни и битью батогами подвергались и высшие духовные особы, и светские чины. Таким «подбатожным» равенством особенно отличалась эпоха Петра Великого. Привилегированные социальные группы тех, кого нельзя было высечь, появляются в России лишь в конце XVIII века. Жалованная грамота дворянству от 21 апреля 1785 года постановляла, что «телесное наказание да не коснется благородного». В том же году это положение было распространено и на купцов первых двух гильдий и именитых граждан, а в 1796 году — на священнослужителей.

На детей, независимо от их происхождения, льготы не распространялись. Бесправные и сами неоднократно поротые воспитатели с особым удовольствием вымещали свою ярость на беззащитных детях. Дискуссии о пользе и вреде телесных наказаний, характерные для середины XIX века, касаются преимущественно школы. Родительский произвол осуждали редко, законодательно ограничить родительские права было и вовсе не возможно. Но и о телесных наказаниях в школе говорили «умеренно».

В знаменитой статье «Нужно ли сечь детей?» (1858) Н. И. Пирогов доказывал, что применение розог антипедагогично, телесные наказания уничтожают в ребенке стыд, развращают детей и должны быть отменены, но для русского общества этот взгляд был слишком радикален. В циркуляре «Основные начала правил о поступках и наказаниях учеников гимназий Киевского учебного округа» (1859), принципиально отвергая применение розог, Н. И. Пирогов, тем не менее, считает невозможным полностью обойтись без них и советует применять их в гимназиях нечасто и в каждом отдельном случае лишь по

постановлению педагогического совета. Н. А. Добролюбов язвительно высмеял этот циркуляр в стихотворении «Грустная дума гимназиста лютеранского исповедания и не Киевского округа» (1860), которое, в свою очередь, вызвало оживленную полемику.

Позже, особенно в XX веке, в большинстве западных стран телесные наказания в школах были запрещены. Однако в семьях положение менялось значительно медленнее. Международные опросы свидетельствуют, что многие родители во всех странах мира считают их законными и неизбежными. Например, 90 % американских родителей «верят» в порку. Даже среди семей среднего класса, которые значительно либеральнее рабочих и фермерских семей, не применяют телесные наказания лишь 17 %. Также широко распространены и соответствующие практики.

Доказано, что степень распространенности и жестокости телесных наказаний коррелирует с общим индексом «мачизма», распространенностью культуры насилия, включая полицейский произвол, а также со степенью политического авторитаризма и консерватизма. Самые неистовые поклонники телесных наказаний в США — христианские фундаменталисты и ультраправые. Некоторые православные фундаменталисты рекомендуют родителям пороть своих детей как можно чаще и сильнее, причем «девочек можно наказывать и чаще, и сильнее», чем мальчиков, «не боясь переборщить». Особенно полезны заведомо несправедливые наказания: «Наказание, которое кажется ребенку справедливым, вредно для ребенка, так как укрепляет его в гордыне» (Соловьев, Шишимаров, 1996).

Данные о том, кого наказывают чаще — мальчиков или девочек, противоречивы (Gershoff, 2002). Одни исследователи утверждают, что мальчиков физически всегда наказывали и наказывают чаще, чем девочек, потому что они совершают более серьезные проступки и тем самым провоцируют применение силы по отношению к себе или потому что родители считают нужным «закалять» их. Другие исследования, в том числе метаанализы, этого не подтверждают, утверждая, что мальчики и девочки подвергаются телесным наказаниям одинаково часто, это зависит от установок культуры. Однако при прочих равных условиях мальчиков наказывают суровее и больше.

Согласно большинству источников матери физически наказывают детей чаще, чем отцы. Возможно, это обусловлено тем, что они проводят с детьми, особенно с маленькими, больше времени и несут за них непосредственную ответственность. Однако другие исследования такого различия не проводят. Много зависит от пола и возраста ребенка. С мальчиком-подростком матери зачастую физически не могут справиться, поэтому «серьезная» порка составляет, как и в прошлом, прерогативу отца.

Важный вывод современных исследований — воспитательный эффект телесных наказаний является мнимым и чаще отрицательным (Bugental, Grusec, 2006). Согласно метаанализу, обобщившему 88 исследований, выполненных в течение 62 лет (Gershoff, 2002), физическое наказание может давать желаемый краткосрочный педагогический эффект, но его долгосрочные последствия большей частью отрицательны, провоцируют у ребенка возникновение неприязни и агрессии. Другой метаанализ (70 исследований, опубликованных между 1961 и 2000 гг., с общим числом испытуемых 47 751 чел.) показал, что телесные наказания не оказывают влияния на когнитивные способности и учебную успеваемость ребенка, но вредно воздействуют на его эмоциональное состояние и провоцируют негативное поведение (Paolucci, Violato, 2004).

Суровые телесные наказания в детстве коррелируют с жестоким обращением с животными или с проявлением насилия в партнерских отношениях у взрослых людей, но направление причинной связи неизвестно. Кембридж-

ское лонгитюдное исследование развития делинквентности у 411 лондонских мальчиков, показало, что суровые дисциплинарные практики в 8-летнем возрасте — важный предиктор раннего начала противоправного поведения (причем особенно сильно влияет жестокость отца). Впрочем, отрицательно сказывается не столько наказание само по себе, сколько его сочетание с отсутствием эмоционального тепла и родительской заботы. При наличии последних порка может не испортить отношений мальчика с родителями, воспринимаясь им как проявление заботы (Farrington, 2000, 2004).

Наказания, как и реакции на них, бывают разными. Психологи, возражающие против тотального запрета телесных наказаний, указывают, что нельзя ставить знак равенства между поркой и шлепком открытой ладонью, который не наносит ущерба здоровью ребенка и который сами дети признают законным (Vaumrind et al., 2002).

Важным представляется культурный контекст: насколько в данной среде приемлемыми считаются телесные наказания? Ненормативные телесные наказания, с которыми ребенок не согласен, как правило, вызывают у него протест и агрессию. Если же они считаются допустимыми, отрицательных долгосрочных последствий не возникает. Видимо, долгосрочные последствия обуславливают не наказание, а то, как ребенок его интерпретирует, какой урок он из него извлекает. Например, в семьях белых американцев, где жесткая дисциплина не практикуется, ребенок воспринимает телесные наказания как проявление нелюбви к нему родителей. Напротив, в афроамериканских семьях, где телесные наказания считаются признаком хорошего родительства, они не оскорбляют ребенка и не вызывают у него чувства отверженности (Lansford et al., 2005).

Независимо от степени серьезности долгосрочных отрицательных психических последствий телесных наказаний, общественное сознание XXI века считает их морально недопустимыми. Соответствующая эволюция происходит и в России, но это сложный и долгий процесс. Советская власть телесные наказания в школе запретила, но контролировать семейные практики государство не могло, а общественное мнение относилось к семейному насилию снисходительно.

В советское время не проводилось профессиональных опросов на эту тему. Н. Н. Филиппов в 1988 году провел анонимное журналистское анкетирование 7,5 тыс. детей в возрасте от 9 до 15 лет в 15 городах страны. Выяснилось, что 60 % родителей в процессе воспитания своих детей использовали телесные наказания: 86 % среди наказаний занимала порка, 9 % — стояние в углу (на коленях на горохе, соли, кирпичках); 5 % — удары по лицу и голове. Иногда наказание за проступки трудно отличить от битья и сексуального насилия (когда унижительно оголяют, бьют по половым органам и т. п.).

Многие дети, как поротые, так и непоротые, считали этот стиль воспитания нормальным и собирались в будущем, когда вырастут, бить собственных детей. «*Какое наказание без ремня?*» — спрашивает 10-летний мальчик. — *Воспитывать детей надо строго, а не сюсюкать с ними, как с маленькими*. Девятилетняя Аня, лукаво улынувшись, прощелкала: «*Конечно, буду бить, как меня мама, что они, лучше что ли?*» Одиннадцатилетний Вова: «*Меня наказывают ремнем ради профилактики по понедельникам, средам и пятницам. Своего же ребенка я буду бить каждый день*». Рассудительный 14-летний Роман говорит: «*Меня бьют очень редко. Но если бьют, то по-настоящему — «опускают почки»*. Обязательно буду бить свою дочь или сына, только наказывать нужно ремнем, чтобы не сломать позвоночник ребенку». Это ли не эстафета поколений?

После краха советской власти было проведено несколько больших репрезентативных опросов (всесоюз-

ный опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 1992 г.; национальные опросы Левада-Центра в 2000 и 2004 гг.; опросы Фонда «Общественное мнение» (ФОМ) в 2004 и 2008 гг.; национальный опрос Исследовательского центра портала SuperJob.ru в 2008 г.) и ряд локальных анкетирований. Их выборки и вопросы не вполне сопоставимы. В одном случае спрашивают о детях вообще; в другом — о школьниках; в третьем — о подростках старше 13–14 лет. «Физически наказывать» и «пороть» — это не одно и то же. В одних анкетах речь идет о семье, в других — о школе. Не различаются виды телесных наказаний и их социально-педагогический контекст, кто имеет право и должен их осуществлять. В одних анкетах спрашивают об установках респондентов, в других — об их собственном опыте. Тем не менее эти опросы предоставляют пищу для размышлений.

На вопрос анкеты ВЦИОМ (апрель 1992 г.) «*Допустимо ли наказывать детей физически?*» утвердительно ответили только 16 % россиян, против высказались 58 % опрошенных. Россияне оказались гуманнее других народов бывшего СССР: телесные наказания детей считали нормальными, допустимыми 24 % эстонцев, 29 % литовцев и 39 % узбеков.

При опросе ФОМ в 2004 году телесные наказания детей сочли допустимыми свыше половины (54 %) россиян, против высказались 47 %. Наиболее либеральны москвичи — 48 %, молодежь в возрасте от 18 до 24 лет — 50 % и те, кого в детстве физически не наказывали — 52 % (Преснякова, 2004). При опросе ФОМ в 2008 году с мнением, что телесные наказания детей школьного возраста «иногда необходимы», согласились 67 %.

На вопрос Левада-Центра (2004) «*Имеют ли право родители подростка 13–14 лет наказывать его физически?*» утвердительно ответили 37 % (в 2000 г. — 27 %), отрицательно — 61 % (Зоркая, Леонова, 2004).

В опросе Исследовательского центра портала SuperJob.ru (март 2008 г.) телесные наказания сочли необходимым методом воспитания лишь 9 % россиян. Некоторые полагают, что такая мера допустима только в отношении мальчиков. Другие апеллируют к собственному опыту: «*Нас же тоже шлепали, и ничего... Выросли нормальными*»; «*На себе испытала — полезно*». Физическое воздействие на детей с воспитательными целями рассматривают как крайне нежелательное и допустимое только в исключительных случаях 61 % россиян. Но лишь 30 % считают телесное наказание детей в принципе недопустимым, полагая, что применение ремня или подзатыльников порождает лишь «*негативную реакцию, страх, подавляет самостоятельность*», «*способствует развитию у ребенка различных комплексов*».

Мужчин, считающих телесные наказания неотъемлемой частью воспитательного процесса, вдвое больше, чем женщин (12 против 6 %), а неприемлемыми их считают 34 % женщин и 25 % мужчин. Чаше других о пользе шлепка и подзатыльника говорили люди старше 50 лет, а наибольшее число их противников — среди молодежи до 20 лет. Категорически против телесных наказаний 25 % россиян, имеющих детей, и каждый третий (33 %) среди бездетных. Личный опыт опрошенных тесно связан с их возрастом. Из респондентов ФОМ (2004) не испытывали физических наказаний 27 %, в отличие от 40 % подвергавшихся наказаниям. «Били тем, что было под рукой», «веревкой, палкой», «крапивой или прутиком», «офицерским ремнем». О реальном смягчении нравов ясно свидетельствуют возрастные показатели: среди 18–24-летних оказалась 33 % непоротых, а среди 55–64-летних — лишь 18 %.

В опросе ФОМ 2008 года телесные наказания пережил каждый второй респондент, причем 16 % из опрошенных

часто и 33% редко. Мальчиков наказывали значительно чаще, чем девочек: совсем не наказывали 40 % мужчин и 55 % женщин; часто — 20 и 12 %, редко — 37 и 29 %. При этом 52 % мужчин и 32 % женщин считают, что их пороли заслуженно. Лишь 2 % участников опроса высказали мнение, что сегодня в России нет родителей, которые бы физически наказывали своих детей.

Сравнивая современную ситуацию с периодом своего школьного детства, 26 % опрошенных высказали предположение, что сейчас детей стали реже наказывать физически, 17 % — что чаще, 17 % респондентов полагают, что в этом отношении мало что изменилось (остальные затруднились ответить). Некоторые (5 %) считают, что «раньше строже относились к детям», а сейчас их «больше жалуют, балуют». Другие придерживаются мнения, что «сейчас изменились подходы к воспитанию»; «сейчас как-то не принято бить детей»; «нецивилизованные методы — так все считают»; «больше уговаривают».

Некоторые участники опросов видят в этом признак возросшего уровня педагогической и общей культуры родителей («более грамотные родители»; «более педагогически грамотные»; «люди стали цивилизованнее»; «повышается культурный уровень» — 3 %), другие — свидетельством родительского невнимания, наплевательского отношения к детям («безразличия больше со стороны родителей: чем бы дитя ни тешилось...»; «взрослым не до детей — работают»; «вообще не заботятся о детях»; «их не воспитывают, они брошены по улицам, бегают по помойкам»; «наплевать на детей» — 3 %).

Отдельные респонденты полагают, что причиной перемен в методах воспитания являются не столько родители, сколько сами дети: «дети сами не позволяют так с ними поступать»; «дети стали знать свои права»; «дети стали умнее, лишний раз их не тронешь»; «дети ранимы, очень грамотные сейчас, могут и отпор дать» (2 %). Собственных детей или детей, в воспитании которых они принимают или принимали участие, физически наказывали 25 % участников опроса (примерно треть от числа имеющих опыт воспитания детей), причем 10 % сожалеют об этом, а 14 % — нет.

Из опрошенных в 2001 году московских старшеклассников (7–11-й класс) только 3,1 % мальчиков и 2,8 % девочек признали, что родители применяют к ним в качестве наказания физическую силу (Собкин, 2003, с. 168). Однако следует учитывать, что это Москва и речь идет о старшеклассниках.

По некоторым оценкам отечественных авторов, уровень применения физических наказаний в российских семьях составляет от 50 до 95 %, при этом не менее 5 % детей постоянно испытывают физические оскорбления: пощечины, толчки, подзатыльники (Григорьев, 2006). Согласно профессиональному опросу 46 % из 600 родителей во Владивостоке практиковали телесные наказания по отношению к своим детям. Хотя этот показатель ниже показателей применения других методов дисциплинирования, тем не менее это значительное количество, близкое к американским данным (Лысова, Истомина, 2008).

Сложность проблемы заключается в том, что за наказанием часто скрывается насилие над детьми. По данным Комитета Государственной Думы РФ по делам женщин, семьи и молодежи, по заказу которого в 2001 году было проведено масштабное исследование, в России около 2 млн детей в возрасте до 14 лет ежегодно подвергаются избиению в семье. Более 50 тыс. таких ребят убегают из дома. При этом мальчиков бьют в три раза чаще, чем девочек. Две трети избитых — дошкольники. 10 % зверски избитых и помещенных в стационар детей умирают. Число избиваемых детей ежегодно растет. По данным опросов правозащитных организаций, около 60 % детей сталкиваются с насилием в семье, 30 % — в школах. Уголовная статистика отражает лишь 5–10 % от реального количества избиений (Гетманский, Коньгина, 2004).

Таким образом, перед нами стоит сложная цивилизационная проблема, философско-гуманитарные аспекты которой, касающиеся сущности воспитания, органически переплетаются с психолого-педагогическими (соотношение наказаний и поощрений и эффективности тех и других) и социально-правовыми (способы обуздания насилия и агрессии). Это требует широкой междисциплинарной кооперации ученых разных специальностей.

В. А. Конев¹

М. К. МАМАРДАШВИЛИ И А. М. ПЯТИГОРСКИЙ ОБ ОСНОВАНИЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Трактат М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского «Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке», вышедший в 1984 году (а написан он был десятилетием ранее), до сих пор носит характеристики темного текста. Действительно, это текст труден для восприятия, прежде всего вследствие абсолютно нового подхода к вечной для философии проблеме сознания. Если философия, обращаясь к сознанию, рассматривала основания его универсальности: что делает возможным существование истинного (для всех!) познания, как в сознании рождается знание, то авторы «Символа и сознания» рассуждают о том, что делает возможным существование этого человека в сознании, когда и благодаря чему конкретный человек оказывается в состоянии сознания, которое мы обычно называем пониманием².

¹ Заведующий кафедрой философии гуманитарных факультетов Самарского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

² Анализ позиции авторов книги «Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке» см.: Конев В. А. Критика

в рамках этих рассуждений авторы затрагивают и проблему межкультурной коммуникации: как возможно понимание другой культуры?

В первом издании трактата, которое вышло в Иерусалиме в 1984 году³, опубликовано специальное приложение ко второй главе, которое называется «Рассуждение о проблеме межкультурных коммуникаций: язык, знание и понимание». Обращение к этому тексту, которое было опущено в издании 1999 года, полезно для понимания философских оснований диалога культур — проблемы, которая активно и продуктивно обсуждается на Лихачевских чтениях.

Как пишут авторы, в приложении конкретизируется понятие «понимание», которое абстрактно трактовалось

опыта сознания (Самарские семинары по трактату М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского «Символ и сознание»). Самара, 2008.

³ Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и сознание. Метафизические размышления о сознании, символическом и языке. Иерусалим, 1984. (В дальнейшем в тексте статьи все ссылки на цитаты из трактата «Символ и сознание» приводятся по этому изданию в круглых скобках. Все выделения в цитатах, если специально не оговорено, принадлежат авторам трактата.)

во второй главе книги (с. 142). Эта конкретизация реализуется благодаря тому, что «понимание» помещается в такую ситуацию, где оно себя не может не обнаружить, — в ситуацию коммуникации. Всякая коммуникация требует понимания сообщения. Но не во всяком общении понимание непосредственно раскрывает условия своего появления. В семиотике, которая описывает процесс знаковой (языковой) коммуникации, утверждается, что отправитель и получатель сообщения должны знать код, который позволит расшифровывать послания. Эта общность кода служит основой для понимания сообщения и т. п. Но не рассматривается, как появился этот код, то есть остается за границами анализа само условие понимания. Именно это условие авторы и хотят обнаружить.

Поэтому М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский рассматривают такую коммуникативную ситуацию, где заведомо отсутствует общий код, — межкультурную коммуникацию, где участники общения пользуются заведомо *разными* языками. Причем, чтобы не усложнять ситуацию понимания, авторы определяют коммуникацию только как трансляцию и ретрансляцию культурных фактов без их селекции и адаптации (оценки, ранжирования и т. п.). Тогда ««понимание» здесь иллюстрирует «мгновенное» (или во всяком случае «непроцессуальное») овладение некоторыми *начальными условиями*, порождающими конкретный способ употребления языка в данной коммуникативной ситуации. Говоря иными словами, «понимание» здесь есть понимание того, «как и почему эта культура сейчас себя ведет именно таким (то есть внешне наблюдаемым) образом»» (с. 142).

Прежде чем перейти к рассмотрению структуры межкультурной коммуникации, авторы указывают на ряд исходных ограничений. Во-первых, они рассматривают культуру исключительно как «особый способ использования языка в коммуникативной ситуации» (с. 140). При этом способ использования языка включает и сам факт его использования, то есть всякое конкретное проявление языка указывает и на его принадлежность культуре. Поэтому язык выступает границей культуры, данного культурного пространства. Во-вторых, авторы рассматривают естественный язык как основу для всех искусственных видов сигнализации. В-третьих, при анализе межкультурной коммуникации они абстрагируются от информации, содержания сообщения, индивидуальную значимость которого в такого рода коммуникациях, с точки зрения авторов, невозможно установить. При этом авторы указывают, что наблюдатель межкультурной коммуникации (в данном случае тот, кто ее рассматривает) должен различать роль содержательного и формального знания в такой коммуникации. Ибо их взаимоотношение обуславливает: «А. Что нужно понять, чтобы знать? В. Что можно узнать без понимания? С. Что можно понять, не имея в виду последующего (или одновременного) знания?» (с. 142).

Если учитывать, что понимание трактуется авторами как мгновенное овладение некоторыми начальными условиями, порождающими конкретный способ употребления языка, а способ употребления тождествен факту употребления, то, следовательно, принимающий сообщение (А) должен обладать определенным знанием до понимания (по крайней мере знание того, что есть язык; это формальное знание), (В) и потому он может узнать, что есть сообщение (это содержательное знание) до всякого его понимания, или (С) понять нечто в сообщении (содержательное знание) без формального знания языка этого общения.

Далее в трактате авторы обсуждают то, как культуры (язык) проявляют себя в ситуации межкультурной коммуникации, а в связи с этим — как выражается в таких ситуациях понимание.

М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский различают два типа культур по их отношению к межкультурной коммуникации: культуры, которые ориентированы на внешекультурные коммуникации и постигают себя в этих коммуникациях, и культуры, которые осознают себя во внутрискультурных коммуникациях. Первые сознательно или бессознательно стремятся сообщить о себе другим культурам, а вторые во всех ситуациях межкультурных контактов ведут себя в пределах внутренней ориентировки. Это порождает, по мнению авторов, различное языковое поведение (проявление) культуры.

Авторы трактата полагают, что современные культуры относятся ко второму типу, что не совместимо с осознанными этими культурами целями и ценностями и с господствующими в них институтами. В действительности современные культуры включаются в процесс глобализации, участвуют в межкультурных коммуникациях. Но это участие ориентировано на их внутренние установки. В этом случае, как указывают М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский, в культуре проявляются тенденции, которые можно реально наблюдать.

Некоторые культуры изнутри и для себя начинают использовать язык таким образом, как если бы они употребляли его в межкультурных коммуникациях. Происходит специализация языков, которые требуют знания. И знание начинает вытеснять понимание. Последнее порождается незнанием и несет в себе внеязыковое содержание культуры. Как писал в своей известной книге английский ученый Ч. Сноу, в середине XX столетия это привело к расколу культуры на две составляющие — на культуру специализированных (научных) языков и гуманитарную, а в нашей отечественной истории — к знаменитому некогда спору физиков и лириков.

Другая культурная тенденция, обусловленная несогласованием исходной интенции культуры второго типа и реальных межкультурных коммуникаций, — вытеснение из культуры объектов, для знания которых требуется предварительное понимание (например, высокого искусства), и возрастание значения таких объектов, которые не подразумевают предварительного понимания (например, все феномены массовой культуры). Существование и тенденции в культуре — реальный факт. Представляется интересным проследить их выведение из собственно культурных оснований (в таком аспекте этого никто не рассматривал).

Другой интересный аспект рассуждений авторов трактата — возможные с точки зрения культуры модусы использования языковых средств в реально существовавших и существующих культурах (с. 148). Следует помнить, что культура в понимании М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского — это способ использования языка. Поэтому модусы использования языка указывают на некую типологию культур по типу его функционирования. Всякая культура обладает собственным набором скрытых механизмов, которые обеспечивают ее существование в определенном регионе и ее продление в течение более или менее длительного времени.

Эти механизмы называются скрытыми, потому что сторонний наблюдатель не может их обнаружить только посредством знания языка и способов его употребления. Они постигаются через то, что условно можно обозначить как «символический аппарат», который открывает человеку некие смыслы культуры, ее неповторимость и «аромат» и который находит свое выражение в сложнейшем комплексе внутренних представлений и внешних опико-акустических средств окружающей человека среды.

Авторы полагают, что в культуре действует *несуществующая* норма использования естественного языка, который, занимая промежуточное положение между симво-

лическим и сигнальным аппаратом, ориентируется либо на внутреннее начало культуры, либо на ее внешнее окружение, которому посылается сигнал. Стабильность исторических культур, считают М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский, обеспечивалась динамическим равновесием между центристским (к символическому началу) и центробежным (к сигналу) устремлением языка. Когда в культуре побеждает центристская тенденция использования языка, то изменения в укладе жизни, психике и мировоззрении людей приводят к его отмиранию, так как новый уклад становится несовместимым со старым символическим аппаратом. И наоборот, когда язык ориентирован на сигнальную функцию, то культура и язык сохраняются (с. 148–149). Это наблюдение представляет интерес для теории культуры и, конечно, требует эмпирической проверки.

Другой аспект рассмотрения центристских и центробежных тенденций в культуре связан с проблемой понимания материала внутри данной культуры. Материал авторами трактуется как способ использования и как содержание того, что может быть транслировано. Однако трудно представить, что существующие в реальных исторических культурах механизмы языковой и неязыковой трансляции могли бы сообщать *все*, что могло бы быть сообщено при помощи них. Но даже если предположить, что согласно данной культуре было сообщено все, то оно заведомо *принималось неполностью*. И это не результат «помех» или «шумов», а специфика самих коммуникативных ситуаций культуры.

В культуре всегда содержится больше материала, чем может быть передано. В сообщении должно заключаться больше материала, чем может быть понято. *Понято* не в смысле рефлексивном или психологическом, а в смысле *культурного феномена*, то есть как овладение некоторыми начальными условиями данного культурного действия или ситуации. Представляется, что эти замечания авторов трактата обнаруживают одну из важнейших черт культуры — культурная ситуация по материалу богаче любой ее интерпретации. Именно это делает культуру жизненной силой человеческого существования. Если бы этот материал можно было исчерпать, жизнь бы прекратилась. Поэтому когда какая-нибудь культура объявляет, что в ней все известно и ясно, она гибнет. В качестве примера можно назвать официальную советскую культуру.

Конкретизируя характеристики понимания культурных феноменов в процессе культурных коммуникаций, М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский представляют их следующим образом: «При рассмотрении культурных феноменов пониманием будет полагаться такая операция с уже переданным индивиду культурным содержанием, которая по отношению к данному содержанию и данному индивиду уже никогда больше не будет повторена, хотя в культуре в целом она повторялась и будет повторяться сколь угодно много раз» (с. 151).

Понимание содержания означает, что оно «попадает» в сознание индивида, и второй раз его постигать не нужно. Если осмысление этого культурного феномена происходит во второй раз, то в нем понимается уже что-то другое, и т. д. Но каждый раз *это* понимание не повторяется. Понимание данного культурного содержания означает для индивида его причастность к жизни культуры, а знание того же содержания — лишь продление возможности этой сопричастности, которая может закончиться, если знание ушло, забылось. Понятое не уходит, а остается в индивидуальном сознании. Познанное же существует как воспроизводство индивидом всеобщего (трансцендентально-го) сознания.

По мысли авторов, понимание существует только как индивидуальное осмысление, условия которого должны

быть заданы объективно. Поэтому «оно полагается и объективно включенным в культуру в качестве одного из важнейших имманентных условий ее существования, и, как таковое, оно в принципе может и не быть связанным ни со способами употребления естественного языка во внутрикультурных коммуникациях, ни с понятием языка вообще» (с. 152). Это объективно существующее в культуре понимание, по нашему мнению, открывается («вдруг») благодаря функционированию особых культурных форм, или культурных категорий, — остенсивных, императивных, аксиологических и форм-принципов¹.

Когда содержание передается путем демонстрации, то сам факт принятия демонстрации как формы представления содержания культуры ставит принимающего в ситуацию отождествления себя с тем, кто предъявляет материал, в *ситуацию понимания* своего подобия (родства, единства) с ним, понимания единства «Мы». Императивные формы рожают у принимающего определенное культурное содержание — понимание зависимости, подчиненности, идею «Он», идею должностности. Аксиологические формы ставят человека в ситуацию выбора и открывают ему смысл «Я», а формы-принципы содержат указание на зависимость утверждаемого принципами мира, зависимость «Ты» от действия человека. Именно потому, что любое культурное сообщение не только обладает содержанием (включает определенный культурный материал), но и предстает в культурной форме, категориально оформлено, оно «должно обладать некоторой двусмысленностью» (с. 153). По моему мнению, эта двусмысленность заключается в том, что она понимается как содержание данного культурного сообщения и как его значение (смысл) для человека.

Неполнота понимания культурного сообщения как свойство культуры (что и свидетельствует об объективной включенности понимания в культуру) проявляется в таком феномене, как «понимание культурой самой себя». Это понимание раскрывается в том, что всякая культура выступает как замкнутая целостность. «Выражаясь метафорически, — пишут М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский, — про всякую в принципе культуру можно сказать, что она “ведет себя по отношению к другой культуре (в конкретной ситуации межкультурной коммуникации) так, как если бы она при этом имела определенное отношение к самой себе, знание о самой себе и понимание самой себя”» (с. 154). Она является для себя самодостаточной и самоидентифицирующейся.

Понимание культурой самой себя осуществляется через «схватывание» (понимание непроцедурно!) в создаваемых в ней текстах (любых сообщениях) отдельных фундаментальных условий ее начала (порождения) и продолжения (существования). «Только понимание этих условий дает культуре возможность коммуницировать с собой реально (то есть культура “понимает” такие вещи в самой себе, относительно которых можно утверждать, что они не изменяются по крайней мере в течение реального или воображаемого акта коммуникации)» (с. 155). Я полагаю, что эти условия включают некие доминантные для данного времени смыслы, значения, ценности, интуиции культуры, которые ясны каждому ее носителю, хотя они не определяются². Потому что такие интуиции не могут иметь точного определения, отсутствует полное осознание культурой самой себя. «В этом смысле, — пишут М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский, — чрезвычайно показательно и интересно то обстоятельство, что чем более репрезентативен текст в отношении культуры,

¹ См. об этом: Конев В. А. *Онтология культуры*. Самара, 1998. С. 36–47; *Он же*. *Социальная философия*. Самара, 2006. С. 215–226.

² См.: Конев В. А. *Онтология культуры*; *Он же*. *Социальная философия*.

тем больше он содержит возможностей его понимания» (с. 155). Таковы, в частности, «тексты сознания», то есть священные, мистические, метафизические и т. д. Такие тексты называются «текстами глобального культурного значения» (с. 156).

Все предыдущие рассуждения о культурных феноменах связаны с наблюдением за культурами второго типа, ориентированными в межкультурной коммуникации на себя. В культурах первого типа, которые сознательно или стихийно стремятся сообщить понимание о себе другим культурам, происходит, по мнению авторов, изоляция сигнальной функции естественного языка. Язык теряет вариативность, контекстуальность, идиоматичность и синонимичность, приобретаая критерии и характеристики сигнального сообщения. Такие культуры менее стойки, они утрачивают творческий потенциал, так как на индивидуальном уровне человек данной культуры все менее осознает себя продолжателем культуры, а все более — ее представителем (с. 156–157).

Введенное авторами трактата различие культур по типу их ориентации в коммуникации показывает, что характер организации диалога культур зависит от внутреннего строения культуры, способа использования языка, который укоренился в данной культуре. И диалог культур не становится более успешным, если культуры заранее готовы открыть самое сокровенное другим. Это становится ясно, когда встает проблема особой межкультурной коммуникации.

Наиболее интересным представляется обсуждение авторами «Символа и сознания» проблемы характера сообщений «в таких условиях межкультурных коммуникаций, когда по крайней мере одна из участвующих в этих коммуникациях культур неизвестна другой (с точки зрения механизмов, критериев и норм языкового употребления)» (с. 162). В этом случае отчетливо выявляется общий характер и свойства сообщения как такового. «Согласно нашей концепции “идеальное сообщение” представляет собой текст без начала и конца, как бы случайно выплеснувшийся из спонтанного континуума передаваемого содержания» (с. 163).

Поэтому М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорским предполагается, во-первых, заведомая непонятность любого сообщения, поскольку всякая культура устроена так, чтобы в ней не могло быть текста, служащего ключом к ее пониманию. Во-вторых, такое понимание сообщения содержит идею текста, который может быть понят, и идею понимания, которое не может быть извлечено из знания значений дешифрованных сигналов. Следовательно, возникает вопрос о представлении содержания сообщения (с. 163). И здесь авторы высказывают парадоксальную мысль о том, *что* нужно передавать в межкультурной коммуникации (особенно если это космическое послание).

Критерием для отбора содержания сообщения в интеркультурной коммуникации, по их мнению, должна быть значимость данного феномена *внутри и для* культуры, от которой это сообщение посылается. «Как правило, чем специфичнее такое содержание для данной культуры, то есть чем меньше вероятность (с точки зрения данной культуры, конечно), что нечто подобное может оказаться и в другой культуре, тем, по-видимому, вероятнее (с точки зрения постороннего наблюдателя), что в последней окажется какое-то содержание, коррелятивное данному» (с. 164).

М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорский вводят, на мой взгляд, продуктивное понятие — *коррелятивное содержание*, или *коррелят понимания*. Это такое содержание в принимающей культуре, которое требует для своего понимания ситуаций, аналогичных или близких внут-

рикультурным ситуациям сообщающей культуры (с. 164). Подобные корреляты, справедливо замечают авторы, чаще всего обнаруживаются при изучении переводов «текстов глобального культурного значения» с языка одной локальной культуры на язык другой. В качестве примера корреляции можно привести содержания ветхозаветного закона и новозаветной благодати. Культурный смысл того и другого для каждой культуры подобен, он возникает в аналогичных ситуациях — осмысления верующим своего отношения к Богу.

Понятие коррелятивного содержания предметно связано с такими фундаментальными условиями культуры, которые могут быть *выполнены* (а не *описаны*) только в естественном языке и в порядке *избыточного содержания*, транслируемого последним (с. 164). Потому что содержание, выражаемое естественным языком, всегда может выходить за пределы конкретных значений употребленных выражений. Аналогичное содержание возможно высказать иными словами. И поскольку постулируется, что все культуры обнаруживают себя в способе употребления языка, то объективная возможность коррелятивного содержания «встроена» в культуру, что создает реальную возможность понимания культурами друг друга, несмотря на то что каждая из них — монада. Я думаю, что понятие «коррелятивное содержание», которое еще не вошло в язык культурологии, должно получить в ней «права гражданства». Оно позволит раскрыть новые подходы к решению вечной проблемы культурологии и искусствознания — интерпретации.

Исходя из такого понимания общей сущности сообщения, авторы трактата описывают правила построения проекта сигнальной системы посредством введения заведомо избыточного содержания. Такая сигнализация могла бы стать основой космического сообщения (это крайнее выражение «межкультурной» коммуникации). Система «должна проектироваться как можно менее четко и точно, с максимально возможными зазорами, пропусками и излишествами» (с. 165). В сообщении должно включаться содержание, заведомо непонятное, то есть такое, объектное знание которого не будет имплицитно включать возможность понимания. Можно предположить, что такое содержание найдет коррелят в неизвестной или другой культуре с большей вероятностью, чем тогда, когда речь идет об абсолютно понятном содержании. На семантическом уровне должно вводиться как можно большее количество конкретных смыслов, ценность которых для данного сообщения тем выше, чем больше у них связей с другими смыслами. А на синтактико-прагматическом уровне необходимо производить «разряжение» материала разрывами, «выбрасывая», как бы теряя, отдельные фрагменты сообщения. «Это делает смысл сообщения в целом более емким, а его предполагаемый прием — менее детерминированным условиями культуры, от которой сообщение исходит» (с. 166).

Я думаю, что эта теория построения сообщения межкультурной коммуникации может быть приложена ко всем сообщениям, которые посылал в культурное пространство сам Мераб Константинович Мамардашвили. Он таким образом строил свои выступления. Не случайно Ю. Н. Давыдов назвал речи Мамардашвили «шелестом листьев священного дуба». Они требовали именно коррелятивного понимания. Поэтому аудитория, слушая, как замороженная, лекции или выступления М. К. Мамардашвили, мало что понимала непосредственно, но получала абсолютное ощущение присутствия при рождении мысли (не только у лектора, но и, главное, у себя).

На мой взгляд, эти правила построения сообщения вполне применимы в дидактике, которая всегда реализует своеобразный межкультурный диалог, диалог между

культурой учителя и ученика. На лекции нельзя подробно разяснять материал. В ней должно быть заведомо непонятное, тайна, которая будет пробуждать поиск коррелятов в собственной жизни и представлениях студентов для своего понимания.

Концепция межкультурной коммуникации Мамардашвили–Пятигорского интересна тем, что она, во-первых, выводит основания межкультурной коммуникации из ее природы. Любое взаимодействие культур опирается на

те же принципы, что и взаимодействие внутри культуры. Поэтому и становится возможен диалог культур. Во-вторых, межкультурная коммуникация осуществляется тем успешнее, чем более четко и осмысленно каждая культура опирается в этой коммуникации на свою самобытность. Философское обоснование этого тезиса приобретает большое значение в условиях глобализации. Может быть, именно в этом заключается возможность и жизнеспособность глокализации?

В. В. Краевский¹

КСЕНОФОБИЯ КАК БОЛЕЗНЬ ОБЩЕСТВА И СРЕДСТВА ЕЕ ПРОФИЛАКТИКИ

Продолжая тему прошлогоднего выступления на Лихачевских научных чтениях², рассмотрим в этом сообщении один из важных, в значительной мере педагогических, аспектов проблемы диалога культур — предупреждения и преодоления главного препятствия на пути такого диалога и сближения культур — ксенофобии. Люди, которым небезразлична судьба России и мира, независимо от их конфессиональных убеждений и философской ориентации (и либералы, и клерикалы) считают ее опасным «недугом» индивидуального и общественного сознания. Болезнью назвал ксенофобию Патриарх Московский и всея Руси Кирилл³.

По общепринятому научному определению ксенофобия — это «негативная установка, иррациональный страх и ненависть к чужакам. Объектами ксенофобии могут быть как конкретные группы — представители чужой религии (иноверцы), расы, племени или нации (иноплеменники, инородцы), государства (иностранцы) и тому подобное, так и вообще все «чужие» («обобщенный Чужой»), по выражению известного российского социолога Ю. Левады⁴.

Проблема профилактики и преодоления ксенофобии неизбежно возникает в контексте изучения возможностей и условий диалога культур в современном обществе. Первое, что необходимо выяснить, — какова природа ксенофобии, ее происхождение и формы проявления в современном обществе. Это инстинктивный, изначально не осознанный комплекс в виде психологической фобии, то есть нелюбви, нетерпимости к не своему, чужому? При этом неприязнь обусловлена не выявлением отрицательных качеств объекта, а отличиями объекта фобии от субъекта, непохожестью одного человека на другого. Существует предположение, что человек обретает инстинктивную враждебность не при жизни, а получает ее по наследству, генетически — от предыдущей, дочеловеческой стадии.

Степень наличия или отсутствия этого, в сущности, инстинктивного чувства — показатель «окультуренности» человека или какой-либо общности, в которую он входит. Простой ответ на вопрос: «Зачем нужна культура?» звучит так: «Чтобы человек уцелел сам и помог уцелеть другим».

Однако простые ответы не самые надежные. Преодоление ксенофобии — общественная, а не только личная задача. Существуют грани этой проблемы, невидимые с первого взгляда. В своей публикации И. С. Кон приво-

дит пример временной «приостановки» ксенофобии, проявляющейся в форме национализма, у футбольных фанатов, болеющих за национальную команду, когда они принимают за своих играющих в этой команде разноцветных «чужаков»⁵.

Сомнение в генетической предрасположенности к этому унижающему человека чувству появляется при чтении получившей в свое время широкую известность статьи известного ученого-генетика В. П. Эфроимсона, в которой автор доказывает, что в человеческих существах генетически заложены некие этические качества, далекие от примитивной «пещерной» ксенофобии⁶.

В то же время проявления ксенофобии на разных уровнях — бытовом, общественном и государственном — очевидны, а их последствия для отдельных народов и человечества в целом пагубны и долгосрочны.

А. Муравьев предлагает различать два явления: инстинктивную ксенофобию — неосознанный социальный рефлекс и ксенофобию-идею — идеологию этнической вражды⁷.

Идейная форма ксенофобии связана с проявлением индивидуальных эмоций на уровне идеи. В отличие от инстинктивной ксенофобии, она не социальный рефлекс, а политическая идея, возникающая во времена испытаний и страданий, в пору потрясения государственных основ и народной жизни.

Поскольку инстинктивная ксенофобия есть часть архаических социальных инстинктов, правильным способом отношения к ней следует считать культурную рефлексию. Выявляя ущербность или недостаточность враждебного отношения к «чужакам», культура делает возможным осознание этой недостаточности и ее преодоление. Чем более гласным и очевидным становится присутствие ксенофобских элементов в культуре или политике, тем менее они будут оказывать эффект. Бороться нужно не столько с рефлексами, сколько с идеями.

Однако обращение к культуре позволяет не только лечить болезнь в запущенной форме, но и предупреждать ее появление. Просвещение «заблудших» через СМИ, показательные суды над фашиствующими убийцами таджикских детей были бы полезны, но, к сожалению, они не могут исправить непоправимое, когда преступления, порожденные ненавистью, уже совершены. Возможна ли социальная профилактика этого тяжелого заболевания, даже если признать его врожденный характер? Опыт последнего времени доказывает, что это возможно.

¹ Академик РАО, главный научный сотрудник Института управления образованием РАО (Москва), доктор педагогических наук, профессор.

² Диалог культур и партнерство цивилизаций : VIII Международные Лихачевские научные чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 404–406.

³ Российская газета. 2007. 9 марта.

⁴ Кон И. С. Ксенофобия // Кругосвет–2008 : энцикл. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

⁵ Кон И. С. Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов н/Д, 2006. С. 82.

⁶ Эфроимсон В. П. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека) // Новый мир. 1971. № 10. С. 198–213.

⁷ Муравьев А. Ксенофобия : от инстинкта к идее // Отечественные записки. 2004. № 4 (18).

Совсем недавно мы были свидетелями «чудесного» излечения наиболее тяжелой формы ксенофобии — расизма. В Америке, где еще вчера (по историческим временным меркам) процветали суды Линча, а чернокожим запрещалось садиться в один автобус с белыми, президентом страны избрали представителя именно этого этнического меньшинства. Слово «чудесное» употребляется в кавычках, потому что на самом деле это вовсе не чудо. Была проведена трудная массовая работа по осуждению расизма на всех уровнях и во всех общественных и государственных учреждениях, в науке и искусстве, наконец, в быту, чтобы «чудо» свершилось. Но главное — в школе. Новое поколение избирателей получило образование, свободное от проявлений ксенофобии в форме расизма — «чумы» XX века.

Избавление от ксенофобии важно для нашей страны и народа в современных условиях. Существование Российской Федерации зависит от успеха этого дела. Здесь возникает самый трудный вопрос. Уже много было сказано и написано в ответ на первый вопрос: «Кто виноват?» и совсем мало — на второй: «Что делать?»

Ответ найти не так сложно, как может показаться на первый взгляд. Прежде всего не нужно закрывать глаза на то, что ксенофобия в России существует. Известно, как полезно дьяволу неверие в его существование. Нужно показать ксенофобию во всех ее проявлениях и последствиях, публично «пригвоздить» к позорному столбу, развенчать в книгах, газетах, театре, кино, на телевидении. Тем самым вызвать стремление к культурной рефлексии. Но главное — предупредить появление болезни на начальной стадии — в школе.

Культурную рефлексию могут осуществить люди, приобщенные к культуре во всей ее полноте, а не только к основам наук. Пора прекратить разговоры о сокращении, а фактически о сведении на нет гуманитарной части образования. Успехи в почитаемых по праву учебных предметах: математике, физике, химии — не дадут знаний о ксенофобии и ее антиподоле — толерантности, не научат школьников презирать первую и поощрять вторую. Следует задуматься о том, случаен ли тот факт, что среди убийц, преследующих «чужаков» за «не тот» цвет кожи или разрез глаз, так много несовершеннолетних, то есть школьников.

Конечно, нет панацеи от всех болезней, в том числе и этой. И толерантность тоже явление многослойное. Всегда и ко всем ли надо быть терпимыми? К фашистам, к нацистам — никогда! Но об этом нужно знать, говорить. И все же терпимость — это лекарство. Однако о программе воспитания толерантности, принятой несколько лет назад Министерством образования РФ, о том, какие предпринимались меры, ничего не известно.

Что касается теоретической части проблемы, то она в значительной степени прояснена. Сформирована куль-

турологическая концепция содержания образования, главные характеристики которой были изложены на Международных Лихачевских научных чтениях в 2008 году. Результатом организации образовательного процесса в соответствии с этой концепцией должно быть становление человека, в частности, терпимого к представителям других культур и национальностей, независимого в суждениях, открытого для иного мнения и неожиданной мысли, способного не только действовать внутри наличной социальной структуры, но и изменять ее.

Именно эти качества характеризуют человека, толерантного по отношению к представителям других взглядов, иной национальной, государственной или религиозной принадлежности.

В русле личностно ориентированного обучения, естественным образом сочетающегося с культурологическим подходом к содержанию образования, диалогическая форма учебной работы — единственно возможная при трансформации социального опыта в опыт личный. Способы организации такой работы хорошо известны преподавателям средней и высшей школы.

Примером служит применение сократического метода, предполагающего широкое использование диалога. Сущность метода состоит в следующем. *Во-первых*, учитель и ученик в диалоге приходят к согласию в общем предмете обсуждения. *Во-вторых*, собеседники отыскивают среди разных случаев то общее, что является определяющим для частных, то есть формулируют определение понятий. *В-третьих*, в ходе диалога применяется внутренний критерий истинности возникающей мысли, то есть осуществляется проверка, согласуется ли она сама с собой и с вытекающими из нее следствиями или нет. *В-четвертых*, в процессе целенаправленной социализации ученик является не только объектом, но и субъектом образовательной деятельности в той ее части, которая относится к его собственному учению. Он выступает в этом качестве в первую очередь в реальном диалоге с учителем, и это дает ему возможность проявить личностное отношение к учебному материалу, своим товарищам. Воспитанник — субъект эмоционально-ценностных отношений, возникающих в процессе межличностной коммуникации, осуществляемой в диалогической форме.

Следует подчеркнуть, что эффективной такая работа может быть не в любом случае, а только в единстве с содержанием образования, построенным в соответствии с ориентирами, позволяющими реализовать диалог культур и как средство образовательной деятельности, и как ее цель. Естественно, для ксенофобии и ее проявлений, хотя бы на бытовом уровне, в процессе такой работы просто нет места. Она готовит к диалогу, обсуждению, обмену мнениями, а не к межличностным или межэтническим конфликтам.

И. И. Лешенко¹

ТЕОРИЯ «СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ» — ОПОРА РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ (История преемственности)

Возрождение исконно русской идеи, благодаря которой в спокойные и самые трудные времена выстояла Святая Русь, сегодня особенно актуально. Преемственность духовных ценностей необходима для сохранения русской цивилизации в современном мире. Идеалом церковно-государственных отношений официально признавалась

¹ Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Донецкого национального университета (Украина), кандидат исторических наук.

«симфония властей», которая была крепкой духовной опорой Византии и России.

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн (Снычев) так определял сущность «симфонии властей»: «...церковь, как власть духовная, наряду с властью светской служит одной из главных опор национальной государственности: не смешиваясь, впрочем, и не подчиняясь ей... Такое взаимное разделение и гармоническое

сочетание властей есть непрменная черта богоугодного государственного устройства¹.

Именно в таком отношении царской власти к церковной теория «симфонии властей» вошла в основные церковные акты и государственное законодательство, начиная с Юстиниана и до царя Алексея Михайловича. Ярким доказательством тому служат Кодекс Юстиниана Великого (преамбула к 6-й новелле), Эпанагога императора Василия Македонянина (IX в.), а также Синтагма (распространенное руководство византийского права) Матфея Властаря (сер. XIV в.), русская Кормчая книга и Стоглав.

Эти документы определили основу симфонического взаимодействия двух властей, согласно которой, во-первых, мир и благоденствие подданных зависят от единомыслия и согласия царской и патриаршей властей. Во-вторых, власть царя необходимо дополняется и ограничивается властью патриарха. Царь и патриарх являлись не представителями разных властей, государственной и церковной, а двумя головами одного и того же церковно-государственного тела, знаменующего полноту верховной власти. В-третьих, обязательное согласие законов и канонов. Святые каноны почитались выше гражданских законов, гражданские законы не должны были противоречить церковным. Все противоречащее правилам церкви не должно было допускаться. В-четвертых, «симфония властей» заключалась в таком отношении царей к церкви, при котором они считали своей главной обязанностью охранять догматы, противостоять еретизму, содействовать процветанию и распространению православной веры, заботиться о благоденствии церкви. Для государства в ее осуществлении усматривали благо, а в нарушении — большую опасность.

Теория «симфонии властей» попала в Россию через Номоканон (Свод духовной и светской властей) патриарха Иоанна Схоластика, названного позже Кормчей книгой, и стала основой русского права. Великие князья и цари действовали исходя из идеи «симфонии властей», защищая и поддерживая православную церковь. Примером тому были соборы.

В 1551 году Собор принял Стоглав, который стал сводом законов для церковной жизни более чем на сто лет. Он заменил собой Кормчую книгу и был обязательным руководством для всех, не исключая царей. В этом документе были рассмотрены все вопросы того времени, отражено положение церкви не только в ее внутреннем устройстве, но и в отношениях с государственной властью. Идеи «симфонии властей» содержались в предисловии ко второй главе документа. Все это было присуще России до тех пор, пока «симфония властей» не была нарушена царской властью во второй половине XVII века, что имело пагубные последствия.

Каковы причины этого нарушения? Несмотря на наличие тесных взаимоотношений между церковью и государством, произошли изменения в государственной политике по отношению к церкви. Процесс усиления царской власти вообще, что было законодательно закреплено в Соборном уложении 1649 года, и ее намерение подчинить себе церковную власть в частности стали основными *политическими* причинами нарушения симфонического взаимодействия. Это проявилось прежде всего в усилении царской власти в духовной сфере:

- в ограничении сферы церковного суда;
- в создании независимого от церкви государственного органа — Монастырского приказа, который участвовал в финансовом управлении церковью и вмешивался в вопросы конфискации церковного имущества.

Так, в XIII главе «О Монастырском приказе» Уложения регламентировался вопрос о подсудности духовенства и зависимых от церкви людей. Они должны были судиться по основным делам в государственном, а не в церковном суде, для этого и был создан специальный государственный орган — Монастырский приказ, в который входили только светские лица, и он был совершенно независим от церкви. Судьи Монастырского приказа назначались и увольнялись царем без согласия церкви.

Государственная власть намеревалась контролировать церковь. Новые тенденции в церковной политике государства проявились в решении вопроса о церковных вотчинах. В ст. 42 XVII главы «О вотчинах» Уложения запрещалось дальнейшее увеличение количества церковного имущества посредством приобретения духовенством вотчин. За нарушение запрета имущество безвозмездно отбиралось в пользу государства. Фактически это действие заключало нарушение одной из основ симфонии — почитания священства и защиты церковного имущества. Патриарх Никон выступил против этого нарушения и стал защитником симфонии. Он усматривал опасность во вмешательстве в церковные дела и даже захват церковной власти светской с нарушением святых канонов, что впоследствии и произошло.

Главной *религиозной* причиной нарушения «симфонии властей» явился *церковный раскол*, ставший великой трагедией для России и церкви, глубоко поразивший русское общество. Решение Собора 1667 года было последним актом, законодательно закрепившим церковный раскол, который способствовал разрушению единства духовности и духовной власти в государстве. В расколе прежде всего просматривается идея губительности любого гражданского противостояния. В настоящее время эта проблема особенно актуальна в связи с церковным расколом на Украине, который в 2005 году усугубился расколом гражданского общества. Церковный раскол в России привел, с одной стороны, к взаимным противодействиям сторонников нововведений и противников, что лишь ослабляло их силы, а с другой — к предоставлению возможностей для быстрой секуляризации общества, прежде всего дворянства, которое всегда стремилось ограничить влияние церковной власти на государственную.

Традиционному духовному укладу России, «расшатанному» изнутри церковными распрями, все более угрожало постепенно усиливающееся влияние западной культуры и идеологии. Особенно это проявилось после войны с Польшей, когда новые идеи, быстро распространявшиеся с Запада, начали подрывать духовную основу Московской Руси. В страну по приглашению правительства в большом количестве прибывали иностранные специалисты по военному делу и технике. Кроме того, иностранные предприниматели получали промышленные концессии. На промышленных предприятиях наряду с русскими работали пленные поляки, литовцы, шведы и немцы.

«Эти вольные и невольные иностранные засельники России входят в русское общество, влияют на него, передают ему свои взгляды и привычки», — писал С. А. Зеньковский². Очевидно, что европеизация московской жизни происходила не так быстро, как при Петре I. Но его начинания стали возможны только потому, что при царе Алексее Михайловиче уже свершились большие духовно-культурные изменения. Старый быт высшего московского общества начал уступать новомодному западному влиянию.

Нарушению «симфонии властей» способствовали также *причины личного характера*. Речь идет о главных деятелях того периода и их роли в определенных событиях. Характерно, что разрешение спорных вопросов внутренних личностных взаимоотношений царя и патриарха было

¹ Митрополит Иоанн (Снычев). Русская симфония. Житомир, 2003. С. 542.

² Цит. по: Патриарх Никон : трагедия русского раскола : сб. ст. М., 2006. С. 513.

вынесено на обсуждение восточных православных патриархов, в том числе Константинопольского.

В ответах патриархов и Правилах касательно власти царской и власти церковной, присланных в 1664 году, во-первых, фактически определялись юрисдикция царя в отношении с церковью и пределы царской власти в отношении патриарха. Во-вторых, отсутствовали регламентации патриарха в сфере духовной и, наоборот, определялись права царя, содержались указания, подчинявшие патриарха в гражданских и административно-церковных вопросах решению царя. В-третьих, новые пределы власти царя были ограничены церковно-административными вопросами. В-четвертых, церковь в основном оставалась свободной только в сфере догматов. Фактически в этих документах формулировалось явное превосходство государственной власти над церковной, обосновывалось это божественным правом царя. Это было новое утверждение господства царя и государства над церковью, близкое к тенденциям западного абсолютизма, что вело к прямому искажению принципов «симфонии властей».

Московский Поместный собор 1666 года принял решения по основным вопросам, существенно изменившие взаимоотношения церкви и государства. Восточные патриархи совместно с некоторыми русскими архиереями заявляли о несостоятельности претензий России на преемство наследования православной империи от Византии, в свою очередь воспринявших ее от Рима, таким образом разрушая все обоснования религиозно-политической концепции «Москва — Третий Рим». Они утверждали, что «Русь оказалась хранительницей не чистоты православия, а грубых богослужебных ошибок»¹.

Это была попытка переосмыслить русскую историю, цель которой — превращение православного Русского го-

сударства в обычную монархию, что не соответствовало истинно русской идее. Результатом стали серьезные последствия. Во-первых, не было восстановлено единство русской церкви, напротив, противостояние между правительством и церковными иерархами с одной стороны и сторонниками старообрядцев — с другой еще более усилилось. Во-вторых, внутрицерковный характер борьбы был усугублен тем, что старообрядцы оказались вне церкви. В-третьих, пагубным для единства церкви стало осуждение Стоглавым собором деяний митрополита Макария, а именно защиты русской идеи «Москва — Третий Рим». Таким образом, нарушение взаимного согласия властей явилось следствием указанных причин и легло в основание последовавших коренных преобразований, направленных на еще большее «нарушение симфонии» властей, чем то, которое произошло при Петре I и Екатерине II.

Сегодня, рассуждая о русской истории, можно уверенно говорить о том, что в кризисные периоды российской истории народы всегда делали правильный выбор — в пользу государственной соборности, духовного и государственного единства. Как отмечал И. Снычев, «...лишь восстановив благодатную преемственность русского религиозно-национального самосознания, мы можем рассчитывать на успешное выздоровление. Иного пути нет!»² Современные государственные «нестроения», касающиеся не только России, но и, особенно, Украины, стали следствием нарушения такого государственного устройства, где важнейшую роль в построении верховной власти играла «симфония властей». Это осознается в результате рассмотрения преемственности, причин и последствий ее нарушения. России и Украине предстоит сделать главный выбор и извлечь исторический урок.

В. Н. Лукин³

СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ДИСКУРСЫ КУЛЬТУРНОГО И ГРАЖДАНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Соотношение культурного и политического компонентов в структуре национальной идентичности, а также переход от преимущественно культурной к политической идентичности в различных странах имеют свою специфику. Для понимания проблем и рисков трендов к преимущественно культурному или политическому национализму важно учитывать характер и динамику развития структуры национальной идентичности на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Трудности европейского тренда к общеевропейской культурной идентичности, формируемой на основе политических идей, норм и стандартов демократической гражданской культуры, объясняются многообразием культурных идентичностей стран, входящих в европейское сообщество, различиями в соотношении культурных и политических компонентов в структуре национальной идентичности этих обществ.

В частности, интегративные процессы, осуществляемые на основе создания общеевропейской гражданской культурной идентичности, затруднены в связи с сохранением в ряде стран достаточно жестких традиционных культурных идентичностей. К такому типу относится, на-

пример, традиционная культурная идентичность германского общества, базирующаяся не столько на глобальных идеях гражданственности, сколько на неполитических и во многом примордиалистских нормах этнического единства и однородности, общности языка и культуры.

Таким образом, структура немецкой идентичности в значительной степени остается комплексом культурного и этнического компонентов, и политическая составляющая в ее динамике играет менее значимую роль. Концепция статуса гражданства в Германии основывается на принципе принадлежности к немецкой расе и культуре⁴.

Ряд исследователей, например Дитмар Скирмер, относят Германию к обществам, в которых национальные аспекты культуры являются определяющим источником национальной идентичности. По его мнению, в Германии культурный национализм выступает предшественником политического национализма. Это означает, что в данной стране политический национализм формируется с опорой не столько на супранациональные идеи демократической гражданской культуры, сколько на понятие культурного национализма.

В Федеративной Республике Германия, в которой периодически пересматриваются системы политических норм и ценностей, культурный национализм выступает

¹ Николин А. Церковь и государство (история правовых отношений). М., 1997. С. 75.

² Митрополит Иоанн (Снычев). Указ. соч. С. 232.

³ Заместитель директора Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, доктор политических наук, профессор.

⁴ Schirmer D. Integration and Fragmentation Discourses : Demanding and Supplying Identity in Diverse Societies // Identity and Intolerance : Nationalism, Racism and Xenophobia in Germany and the United States. Washington, 2003. P. 117.

наиболее стабильным, действенным и единственно надежным стратегическим способом политической легитимации.

Д. Скирмер исходит из наличия в современном дискурсе идентичности в Германии двух основных концепций и соответствующих им политических стратегий общественной интеграции на основе преодоления фрагментированной идентичности. Обе стратегии ориентированы на формирование новой, преимущественно политической (гражданской), идентичности как культурного основания процесса политической консолидации и интеграции.

Правыми (консерваторы и национал-либералы) разрабатывается стратегия формирования политической идентичности как культурной национальной идентичности, основанной на традиционной концепции единой немецкой нации с общей культурной и этнической идентификацией.

Стратегия левых предполагает формирование политической идентичности как гражданской, характеризующейся общей разделяемой всеми системой политических ориентаций, норм и ценностей. Неотъемлемым аспектом данной стратегии является также установка на развертывание системы институтов по поддержанию соответствующих демократических стандартов, их продвижению через механизмы развития гражданского общества¹.

В настоящее время особый интерес представляет оценка эффективности американских дискурсов и стратегий политической (гражданской) идентичности, эффектов их реализации и влияния на процессы интеграции/фрагментации, а также сопряженных с ними рисков.

Достаточно распространенной является трактовка американского дискурса политической идентичности как гражданской религии (Civil Religion), которой в своем исследовании придерживается и Д. Скирмер². Данной концепцией определяется взаимосвязь социальной идентичности как совокупности ценностей, символов, ритуалов и стандартов и их политической институционализации в качестве механизма консолидации и интеграции общества.

Тип американской национальной идентичности характеризуется как основанный в значительной степени на политических ценностях (Political Values) свободы и демократии, чем на примордиальных установлениях, таких как этническая и культурная гомогенность, общность традиций, языка и др. Основополагающими в совокупности политических ориентаций и ценностей американской идентичности выступают индивидуальная свобода, равные возможности и универсальность американского образа жизни.

Политическая идентичность и сегментация в США, создающие риски консолидации и стабильности в обществе, структурируются сложным переплетением кливеджей: расовых и этнических (белые — небелые), миграционных (коренные американцы — иммигранты), классовых (высшие слои, средний класс, бедные), поколенческих, религиозных и др. Структура американского типа политической (гражданской) идентичности, отличающаяся относительно менее развитыми, чем гражданская, культурной и этнической составляющими, не обеспечивала преодоления многочисленных кливеджей.

Традиционные дискурсы и стратегии формирования американского типа политической идентичности предусматривали преодоление этих «разломов» за счет прове-

дения политики обеспечения прав человека и равенства граждан, соответствующей институционализации данной нормативной ценности.

В настоящее время стали очевидны недостаточность политики обеспечения правового равенства (Legal Equality) и необходимость перехода к проведению политики обеспечения социального равенства (Social Equality) для снижения рисков, структурируемых сложившимися в американском обществе многочисленными кливеджами.

Современные дискурсы политической идентичности и общественной интеграции определяют необходимость изменения стратегии формирования идентичности, которая предусматривает переход к новому этапу политики прав человека — политике позитивного действия (Affirmative Action).

Концепция позитивного действия как основа политики по преодолению дискриминации соответствующих социальных групп и предоставлению им равных возможностей самореализации имеет непосредственное отношение к дискурсу идентичности (как национальной, так и социальной).

Помимо концепции равенства (Equality), второй составляющей современного дискурса и стратегии политической идентичности в США выступает концепция многообразия культур (Diversity), или мультикультурализма (Multiculturalism).

В отличие от традиционного дискурса и стратегии синтеза культур (Cultural Synthesis), нашедших отражение в представлении о США как о «правильном котле» различных культурных идентичностей, дискурс мультикультурализма в большей мере отвечает реалиям фрагментированного американского общества.

Компаративный анализ современных дискурсов культурного (Германия) и гражданского (США) национализма и соответствующих им стратегий общественно-политической интеграции, проведенный Д. Скирмером, позволил выявить в качестве общих тенденций глобального развития переход от классовых к культурным кливеджам. Последние, по мнению ряда аналитиков, выступают детерминирующими факторами социального и политического развития в условиях глобализации³. Во-вторых, общим трендом, определяющим специфику дискурсов, концептуальных подходов и стратегий в этих и других развитых странах, выступает постмодернизм и связанные с ним идеи постиндустриального общества.

В рамках постмодернизма и соответствующих ему теоретических подходов (постструктурализм) выдвигаются и разрабатываются политические концепции гражданского общества, мультикультурализма и другие, являющиеся основой многообразных национальных, региональных, а в ряде случаев и глобальных стратегий развития. В условиях глобализации концепция культурных кливеджей становится доминирующей категорией политического анализа.

Согласно теории Р. Инглехарта⁴, отличительной чертой перехода к культурным кливеджам стало возникновение постматериалистической системы ценностей, создавшей условия для развертывания разнообразных политических движений (зеленые и др.), а также политических стратегий, разрабатываемых в рамках концепций мультикультурализма, гражданского общества.

Источником культурных кливеджей является материалистическая система ценностей, определяющая сохранение в структуре идентичности традиционных (религиозных ценностей и этнических паттернов) ценностных

¹ Schirmer D. Op. cit. P. 125.

² Bellah R. N. Civil Religion in America // Daedalus. 1967. № 96. P. 1–21; Gebhardt J. Politische Kultur und Zivilreligion // Politische Kultur in Deutschland: Bilanz und Perspektiven der Forschung. Opladen, 1987. P. 49–60; Zelinsky W. Nation into State: the Shifting Symbolic Foundations of American Nationalism. Chapel Hill, 1988. P. 232–245.

³ Schirmer D. Op. cit. P. 129; Huntington S. The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs. 1993. Vol. 72. № 3. P. 22–49.

⁴ Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics. Princeton, 1976.

ориентаций. В условиях глобализации, как отмечают аналитики, определяющим является конфликт ценностей (Value Conflict)¹.

Изменение структуры кливиджей в современном мире сопоставляется с динамикой диалектически связанных тенденций фрагментации и интеграции. В условиях глобализации нарастают потребности в сохранении культурных и этнических особенностей и соответственно культурной и этнической идентичности как механизмов защиты от стремительного движения к гомогенному (однородному) миру.

Именно этими явлениями во многом объясняется столкновение в условиях глобализации отдельных этнических и культурных групп на мировом уровне. С ними также связаны процессы фрагментации и сегментации на национальном и локальном уровнях развитых обществ, создающих риски активизации терроризма².

Американская стратегия диверсификации означает отход от идеи синтеза культур на основе культурной ассимиляции меньшинств в направлении гражданской идентификации и продвижение идеи сосуществования разнообразных культур.

Немецкий дискурс гражданского общества и разрабатываемые в его рамках стратегии сосредоточены на утверждении нормативных основ демократии и вытеснении культурно-этнической (во многом расистской) концепции национальной идентичности гражданской идентичностью.

Немецкую концепцию национальной идентичности и гражданства можно отнести к домодернистскому типу (Premodern), в то время как американский дискурс — к классическому модернистскому (Modern).

Американский дискурс диверсификации и мультикультурализма — движение от модернизма к постмодернизму. Ориентация на мультикультурализм связывается в данной трактовке с рисками разрушения общей гражданской идентичности и усиления партикуляризма и многообразных культурных, а также этнических ценностей меньшинств, что интерпретируется как тенденция, противоположная прогрессу.

Асинхронность дискурсов выражается также в том, что немецкий дискурс ориентирован на сохранение в структуре идентичности культурного и этнического компонентов как основы ее однородности (Homogeneity). Соответственно основной угрозой национальной идентичности в Германии выступает фрагментация. Американ-

ский дискурс, напротив, предполагает диверсификацию (Heterogeneity) как предпосылку и основу дальнейшей интеграции.

Сходство обоих дискурсов состоит в том, что они отражают реакцию на прекращение воспроизводства макроуровневых политических и культурных отношений в данных обществах. Снижение интегративного потенциала политической системы имеет следствием активизацию поиска как такового в сфере культуры. Оба дискурса ориентированы на выявление такой системы норм и ценностей, которая способствовала бы поддержанию сосуществования различных групп и идентичностей, с одной стороны, и обеспечивала бы лояльность и поддержку системы — с другой. Дискурсы и стратегии формирования гражданского общества в Германии и диверсификации в США (мультикультурализма) являются ответом на риски глобализации и фрагментации, направленным на предотвращение экстремизма, сепаратизма и националистического терроризма.

Преобладание институциональной линии в политике европейского культурного национализма и неразработанность его культурной, а также во многом гражданской составляющих не позволили обеспечить эффективность европейской интеграции. Транснациональная модель европейского культурного национализма предстает составной частью общего интеграционного проекта, но продолжает уступать институциональной составляющей европейской интеграции. Вместе с тем опыт реализации этой стратегии показывает, что культура предстает определяющим фактором формируемой европейской идентичности, обеспечивающим легитимность создаваемой институциональной системы и демократическую безопасность в регионе. Проблема разработки эффективной инновационной политики остается ключевым элементом моделей и стратегий преодоления «дефицита демократии» в условиях глобализации для стран рассматриваемого региона.

Анализ стратегий культурного национализма США, Германии показывает, что соотношение культурного и политического компонентов в структуре национальной идентичности, а также приоритетность культурной или политической идентичности в политике различных стран имеют свою специфику. Для понимания проблем и рисков реализации преимущественно культурного или политического национализма важно учитывать характер и динамику развития структуры национальной идентичности на национальном, региональном и глобальном уровнях.

М. А. Мануильский³

РОССИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЕ И МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ (По материалам эмпирических исследований)

Цивилизационно-культурный статус России и его оценка разными социальными субъектами и группами многопланова и многогранна. Представители властных и силовых структур, интеллектуалы, художественная интеллигенция, религиозные деятели, а главное — многочисленные «обыватели градские» могут быть близки в понимании сверхзадач развития страны и в то же время принципиально расходятся в видении путей и методов их решения. В данной статье представлена попытка анализа

результатов проведенных недавно эмпирических исследований (общероссийского и региональных), посвященных образу России, в том числе его этнокультурному срезу.

Так, недавно опрошенные (по всероссийской выборке) представители политической, интеллектуальной и творческой элиты⁴ единодушно оценили роль и место России в мире: 46,6 % считают, что она должна быть одним из мировых лидеров в многополярном мире; 25,7 % полагают, что в России можно создать процветающее общество, которое станет примером для других; 23 % уверены,

¹ Shamir M., Shamir J. Competing Values in Public Opinion : A Conjoint Analysis // Political Behavior. 1995. Vol. 17. № 1. P. 107–133; Мусиенко Т. В. Микрополитика в современном мире. СПб., 2003. С. 423–433.

² Schirmer D. Op. cit. P. 129.

³ Заместитель главного редактора журнала «Человек», старший научный сотрудник Института социологии РАН (Москва), кандидат философских наук.

⁴ Опрошены 386 представителей политической и культурной элиты, силовых структур, научной и творческой интеллигенции, проживающих в мегаполисах и крупных городах — областных, краевых и республиканских центрах, всего в 30 регионах страны. (Подробнее см.: Бокон М. Б. Самовоспроизводящийся дух миссионерства // Человек. 2008. № 6. С. 43–54.)

что наша страна должна быть миротворческой державой, гарантом мира; 17,5 % отводят России роль посредника, связующего звена между Востоком и Западом.

Если конкретизировать идеи о цивилизационно-культурной роли России применительно к конкретному многонациональному региону, складывается следующая картина. Общий вектор мнений региональной элиты, как правило, близок к обозначенным выше представлениям. Вместе с тем более «выпуклым» становится значение этнокультурного фактора. В качестве примера приведем результаты опроса, проведенного в Республике Башкортостан, участниками которого были представители властных структур, научной и творческой интеллигенции¹. Respondентов спрашивали: «Кем вы себя ощущаете?» «Россиянином», — ответили 49,1 % башкир, 58,5 % татар, 62,3 % русских; «представителем своей национальности» — соответственно, 41,5, 28,3, 28,3 %; «представителем своей национальности и россиянином» — 24,5, 26,4, 32,1 %. Таким образом, для башкир локальная и общенациональная идентичности практически равнозначны. Для татар и русских приоритетом является общегражданская идентичность. Достаточно велика доля опрошенных, которые, кроме того, называют себя гражданами Советского Союза (22,6 % башкир, 13,2 % татар, 18,9 % русских).

Вместе с тем следует отметить два факта, которые свидетельствуют об определенной противоречивости установок представителей разных этнокультурных общностей. С одной стороны, «нетитульное население [Республики Башкортостан. — М. М.] дистанцируется от региональной идентичности», видимо, опасаясь всплесков национализма и возможного ущемления прав нетитульных народов. С другой — положительный образ собственной этнической группы сочетается с толерантным отношением к другим этническим общностям².

Приведенные данные, на мой взгляд, не согласуются с результатами ряда исследований и представленными в СМИ фактами о якобы сильных, но латентных этно-

изоляционистских настроениях у представителей многих этнокультурных общностей в России.

Вместе с тем в оценке данных следует учитывать и следующие обстоятельства. Во-первых, участниками упомянутых опросов являлись представители властных и интеллектуальных элит, преимущественно региональных. В условиях стабильности (когда проводились опросы) местнические и националистические установки отходят на задний план, и в структуре интересов преобладают сотрудничество и диалог.

Во-вторых, немаловажную роль играет межпоколенческий аспект. Молодое поколение более мобильное (а подчас и более лабильное), прагматичное, чем их родители. Однако молодежь не собирается отказываться от традиций своих этнокультурных общностей. Так, результаты опроса участников Фестиваля мусульманской молодежи свидетельствуют, что большинство из них ассоциируют себя с исламом; 57,5 % ответивших выполняют основные его требования³. Вместе с тем, по оценке одного из экспертов (члена Оргкомитета), «это не какие-то там подростки-максималисты», а вполне состоявшиеся молодые люди, которые учатся в вузах, причем светских. 92 % опрошенных считают, что ислам не акцентирует внимания на этнических различиях; 97 % полагают, что, общаясь с людьми, надо ориентироваться на их личностные качества, а не на национальность. При этом 82 % опрошенных указали, что помнят о своей национальной принадлежности.

Характерно в данном отношении и исследование пяти поколений Республики Тува. Молодежь этой республики в настоящее время тяготеет к ценностям общества модерна⁴.

Таким образом, можно сделать вывод, что представления о цивилизационно-культурной роли России восходят своими истоками в том числе к локальным этнокультурным идентичностям, а не только к глобальным историко-культурным построениям.

А. П. Марков⁵

КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Современный мир стремительно меняется, и перспективы этого изменения туманны, а события даже ближайшего будущего (в том числе и личной биографии) предельно неопределенны. Динамика этих процессов существенно «взвинчена» так называемым глобальным финансово-экономическим кризисом, размышления о природе которого носят культурологически окрашенный характер, причем с использованием определенного количества мистической лексики⁶.

¹ Опрошены 159 экспертов. Предполагалось, что состав опрошенных отражает этническую структуру населения республики: из которых русские составляют 33 %, башкиры 29 %, татары 24,1 %; остальные 10 % — белорусы, удмурты, казахи и представители других народностей. (Подробнее см.: *Азметова Р. Ф.* Структура этнических и гражданских идентичностей в Башкортостане // *Человек*. 2007. № 5. С. 51–60.)

² Там же. С. 59.

³ III Фестиваль мусульманской молодежи, 22–29 июня 2009 г., Республика Татарстан. Подробнее см.: *Гарипов Я. З., Нуруллина Р. В.* Социальные и этноконфессиональные установки мусульманской молодежи // *Человек*. 2009. № 1. С. 42–48.

⁴ *Ламажаа (Даргын-оол) Ч. К.* Поколения Тувы XX века // *Человек*. 2008. № 4. С. 57–73.

⁵ Профессор кафедры рекламы и связей с общественностью СПбГУП, доктор культурологии, доктор педагогических наук, заслуженный деятель науки РФ.

⁶ В китайской эзотерической литературе существует версия, согласно которой «старт» мирового кризиса был предопределен таинственным

И это не случайно — у современного кризиса нет видимых объективных причин: не было переизводства; не поменялись традиционные показатели благополучия экономики, такие как производительность труда, соотношение спроса и предложения, средняя норма прибыли. Случился кризис доведенной в 1970-е годы до своего совершенства англо-американской монетаристской модели, приоритетами которой были безграничные финансовые спекуляции, сверхконцентрация капитала, несправедливая для большинства населения налоговая система. При этом последняя компенсировалась возможностью жить в долг, для чего и была создана многоярусная система ничем не обеспеченных деривативов — «мыльных пузырей» экономики, доведших человеческую алчность до невысказанных размеров. Не случайно начало кризиса было связано с обвалом ипотечной «пирамиды», который обрушил финансовую систему США, а потом и всего мира.

В политэкономической плоскости причины кризисов подобного рода известны. В качестве примера можно назвать описательную модель глобального экономического

смыслом, образуемым сочетанием пяти восьмерок, символизирующих *Начало всемирного триумфа Китая* (победой на Олимпийских играх) и одновременно *Конец западной цивилизации* (как известно, Олимпиада была открыта 08.08.08 в 8 часов 08 минут).

кризиса конца XX века, охватившего Юго-Восточную Азию, пик которого пришелся на 1998 год. Его базовой предпосылкой стала сформировавшаяся в XX веке западная система индикаторов и критериев, позволяющая описывать ключевые параметры экономического организма в символической плоскости, игнорируя прямые свидетельства эффективности экономики (в частности, такой классический показатель эффективности, как «затрата труда на единицу продукции»).

Эта виртуальная по своей природе структура экономических показателей и косвенных индикаторов, фиксируемых финансовыми институтами (биржами, банками), со временем стала важнейшей частью инфраструктуры всемирной экономики. С помощью взаимосвязанных контрольных показателей и символов (учетных ставок, курсов национальных валют, квот и т. д.) она была способна давать совокупный «диагноз» экономического «самочувствия» Европы и США. При этом выработанная система критериев позволяла опережать на одну фазу движение волн реальной экономики, предвидя тем самым ее возможные отклонения от нормы и предоставляя информационную основу для корректирующих действий.

Таким образом, сконструированное экономическое зеркало позволяло видеть отраженную опасность чуть раньше, чем она обрушивалась на головы производителей и потребителей (А. Секацкий). В итоге классическая политэкономия сдала свои позиции, и на смену ей пришла макроэкономика — с инфраструктурой экономической диагностики, правилами «виртуальной» экономики, игнорирующими процессы в реальных секторах производства, рекламными «миражами» себестоимости и цены производственного продукта.

Макроэкономическая идеология вначале породила эпоху экономических «чудес» — пресса вдруг заговорила о японском, южно-корейском и других экономических «тиграх». Но в 1998 году «мыльный пузырь» виртуальной экономики внезапно лопнул: в странах Юго-Восточной Азии начался системный кризис модели, который сопровождался разладом в интегральных показателях экономического организма: обвалами национальных валют, падением котировок акций, снижением индекса деловой активности, сокращением потока инвестиций и т. д. Затем кризис перекинулся в Южную Корею, Японию, Индонезию. При этом экономистов поражала немотивированность происходящего. Естественно, причину кризиса усматривали в психологическом факторе, что вполне закономерно: символическая система параметров, фиксирующих состояние экономического организма, не могла исключать такой фактор, как настроения крупных игроков экономических рынков. Следовательно, спроектировать и сотворить экономические деформации могла целенаправленно спровоцированная паника.

Дело в том, что символическое «зеркало» макроэкономики во многом держится на вере и в ситуации малейшего возмущения общественного мнения утрачивает способность адекватно отражать реальность. В макроэкономической модели все показатели начинают «зашкаливать» и «перегорать» как бы сами собой, не столько отражая, сколько опережая и провоцируя собой в реальной системе хозяйствования (по выражению А. Секацкого, макроэкономический термометр «взбесился»). В такой ситуации «лживое зеркало» становится онтологическим фактором, творящим мир реалий.

Период «наркотической» эйфории макроэкономических критериев в экономике пережила и Россия в середине 1990-х годов, который закончился «ломкой» 1998 года (как известно, рубль девальвировался тогда по отношению к доллару в четыре раза).

Сегодня мировой экономический кризис развивается по схожей траектории, хотя масштаб и глубина его несоизмеримы с кризисом 1990-х годов. В связи с этим важно понять и объяснить те глубинные причины, которые ввергли большую часть человечества в состояние неопределенности и необходимости минимизировать свои потребительские запросы, а россиян — в уныние и бесперспективность в связи с непрерывным ростом безработицы, цен и тарифов, невозможностью рассчитаться по долгам, расширением социальной базы депрессивных настроений, которые продолжают стимулировать асоциальные и противоправные формы жизнедеятельности (такие как рост преступности, дальнейшая алкоголизация и наркотизация населения и т. д.). При этом в жанре классических «пьес абсурда» целенаправленно «работает» психологический фактор, стимулирующий такого рода настроения, в том числе среди высших государственных чиновников¹.

Мировоззренческие, ценностно-ориентационные причины кризиса — в экономической модели, истоки которой начали складываться в Западной Европе еще во времена Реформации. Духовный кризис западноевропейской цивилизации XIV–XV веков стал предпосылкой формирования новой идеологии, составившей основу современной западной цивилизации. Мировоззренческая суть Реформации (которая идеологически оформилась в концепции кальвинизма и протестантизма) состояла в ревизии этического идеала христианства, принципиальной корректировке тех ценностей, которые положены в основу Нагорной проповеди.

Структуру нового смысла человеческого бытия и человеческой истории составила новая концепция избранных с ее ценностями богатства и успеха в мирской деятельности («блаженные» стали богатые, успешные, активные, трудолюбивые, творящие мир и преобразующие его в своих целях). Ценностно-ориентационная «формула», которая лежит в основе всей капиталистической цивилизации, убедительна и проста: «Работа — религиозное служение; богатство — критерий богоизбранности». Этот смыслоориентирующий вектор был дополнен механистической картиной бытия, в которой мир рассматривался как пространство человеческой самореализации, а природа — как чуждая человеку среда, которую надо совершенствовать и овладевать ею.

Культурная революция «расчистила» поле для безудержной активности человека — свою избранность человеку теперь надо доказывать все новыми успехами в земных делах. Новый смысл бытия стал основой и источником той потрясающей человеческой энергии и активности, которые сотворили западную капиталистическую цивилизацию. Новые ценности обретали культурную легитимность в западной цивилизации постепенно, начиная с фундаментального философского обоснования (в этом плане показательны работы английского философа-материалиста Томаса Гоббса). Утверждение этих ценностей в качестве цивилизационной основы длилось более двух веков: XVI век был «потрачен» на мировоззренческую революцию, в XVII веке «созревшая» система ценностей породила промышленную революцию, а XVIII век завершился становлением капитализма как цивилизации.

Таким образом, глубинные культурологические причины современного финансово-экономического кризиса коренятся в духовном надломе западной цивилизации,

¹ Мы помним, как министр финансов, вероятно посчитав, что россияне слишком оптимистично смотрят в будущее, пообещал, что снижение роста ВВП будет продолжаться и еще лет пятьдесят нам не придется ждать лучшей жизни. Это заявление, как известно, было сделано за день до массированного размещения государственных ценных бумаг. Хотелся верить: не ведают, что творят.

которому предшествовал отказ от базовых морально-нравственных основ христианства. Реформация, открыв дорогу капитализму, поставила западного человека перед главным искушением Антихриста — сытостью. И человек, предварительно «обработанный» и мировоззренчески подготовленный, этого испытания не выдержал, что нашло выражение в предельно антихристианской, языческой идеологии общества потребления, которая в качестве реальной основы западной цивилизации окончательно оформилась во второй половине XX века. Ее неотъемлемыми атрибутами стали успех, богатство, материальное благополучие, погоня за статусами.

В Россию потребительская идеология пришла с большим опозданием — лишь в 1990-е годы, породив при этом невиданные парадоксы стиля жизни новых русских, а также «гримасы» малообеспеченных слоев населения, копирующих образ жизни своих кумиров. К сожалению, у общества не оказалось социального иммунитета против этой псевдоэкономической (а на самом деле социальной и духовной) «чумы», которая парализует общество почти два десятилетия.

Следует отметить, что свою фатальную роль в утверждении потребительской идеологии в «новом времени» сыграла русская интеллигенция, которая — впервые в русской истории! — потребительство, спекулятивный капитализм и погоню за статусами возвела в принцип, «освятив» теорией и своим авторитетом¹ (но эта тема может стать предметом особого исследования).

Возвращаясь к культурологической проблематике финансово-экономического кризиса, следует подчеркнуть, что все ключевые ценности общества потребления в определенной мере культурно оправданы в структуре человеческого бытия. Речь идет об их гипертрофии, когда обладание той или иной ценностью становится целью и смыслом жизни:

- стремление постоянно наращивать качество потребления формирует потребительскую зависимость — худшую из возможных зависимостей по своим формам проявления и последствиям для человеческой души;

- повышение любой ценой материального благополучия рождает невиданные масштабы отвратительной алчности, а последняя — атмосферу постоянного страха потерять (страх на почве алчности — это базовый «человеческий» фактор финансово-экономического кризиса);

- рационализация человеческих отношений и нравственных качеств, в том числе добра и сострадания, которые в системе пиар-акций пересчитываются на дивиденды от приращенного имиджа или бренда, ведет к системной деградации человеческой духовности;

- успех как жизненный смысл «распирает» человеческую гордыню и «кормится» ею. Не случайно в хри-

¹ В рамках здравого смысла перспективы оздоровления экономики минимальны. В частности, в Институте экономики РАН прошла презентация доклада «Задачи для будущего президента», в котором академики развеяли миф о необычайных экономических достижениях России в 2000–2008 годах и представили собственную программу для страны на 2008–2016 годы. Говоря о перспективах России на 2008–2016 годы, докладчики пришли к выводу, что системные проблемы развития страны «поставили вопрос о пересмотре проводимого в стране социально-экономического курса». По их мнению, за последнее десятилетие власть не смогла воспользоваться благоприятной мировой конъюнктурой. Экономика не смогла диверсифицировать и не сумела обеспечить развитие своих высокотехнологичных секторов. Не была решена задача создания эффективного частного собственника как доминирующей фигуры экономики. Мелкий и средний бизнес не получил ни правовой, ни экономической основы для цивилизованной конкуренции. А крупные производства и целые сегменты экономики в результате приватизации получили монопольное положение на рынках и снизили свою эффективность. По словам академика РАН Н. Петракова, власть и общество оказались перед сложнейшей дилеммой: проведенная приватизация стала тормозом для экономического развития, а возврат в исходную точку уже невозможен. К очевидным провалам этих двух десятилетий можно отнести рост социального неравенства: в 2000 году доходы самых богатых превышали доходы самых бедных россиян в 14, а в 2007 году — уже в 16 раз.

стианстве гордость является одним из смертных грехов (наряду с сребролюбием, чревоугодием, завистью, злопыхательностью, гневом, отчаянием) и считается «исчадием помянутого ума»;

- массовое поклонение золотому тельцу (мамоне, как писали наши соотечественники в конце XIX — начале XX в.) разрушает основу нравственности, делает человека готовым принести в жертву материальному благополучию самое дорогое — семейное счастье, сострадание к ближнему.

На последних двух факторах разрушения ядра христианской цивилизации следует остановиться отдельно. Поклонение мамоне и культ гордыни создают идолов «свободы», несут неумеренность в жизни плотской и равнодушные к духовной сфере. Не случайно Христос обращает внимание учеников на то, что нельзя одновременно служить Богу и мамоне. Поклонение мамоне есть не просто культ денег — это сущностное перераспределение духовной и психической энергии, когда в погоне за богатством, деньгами, славой распалются все человеческие страсти и бессмысленно растрачиваются невозполнимые человеческие ресурсы — время и энергия, когда суетное стремление к почестям «пожирает» энергию души и сердца. Культ денег, наживы, стяжательства — базовый фактор деградации мира. Жажда богатства сужает спектр человеческих интересов, делает его сознание легко манипулируемым.

Концептуально и культурологически убедительно символическую «миссию» денег обосновал Жак Аттали в своей программной книге «Линии горизонта»², где он описывал грядущую третью эру — эру денег, которые становятся универсальным эквивалентом всех ценностей, в том числе духовных. Новый порядок, по его мнению, завершится наступлением мессианской эры космополитизации человечества. Формой глобального общества станет кочевничество, которое определит образ жизни, культурный стиль, форму потребления. В таких условиях деньги станут еще и формой тотального контроля: «Магнитная карточка станет... подлинным протезом индивидуальности, его полноценным заместителем, неким искусственным органом, являющимся одновременно паспортом, чековой книжкой, телефоном, телефаксом и удостоверением. Магнитная карточка станет подлинным “протезом Я” человека, открывающим ему доступ к универсальному Рынку». Горе тому, кто будет лишен денег и кто угрожает мировому порядку, человек «будущего» утратит возможность выбора: либо стать молекулой общества, либо быть из него исключенным. Наверное, не случайно деньги в этой концепции становятся главным фактором порабощения человеческой свободы — величайшей ценности христианства³.

Такого рода сущностное перерождение духовного ядра христианской культуры стало основной причиной мирового финансово-экономического кризиса. Можно иначе сказать: культура своими средствами пытается вернуть мир в границы добра, справедливости, милосердия, духовности — тех базовых ценностей, вне которых человек теряет свой образ и подобие. В экономическом плане это

² Жак Аттали — известный деятель глобализма, член Бильдербергского клуба, бывший советник президента Миттермана, до 1993 года — директор Европейского банка реконструкции и развития.

³ Не случайно ростовщичество в русской культуре всегда подвергалось осуждению. В. П. Рябушинский в своей книге «Русский хозяин. Статьи об иконе» (написана в 1920-е гг.) отмечал, что православный хозяин, уважая богатство, не считает и бедность признаком божьего гнева, но осуждает ростовщиков. В народном сознании наибольшим почетом пользовались заводчики и фабриканты, на втором месте были купцы, ниже всех стояли люди, занимавшиеся коммерческим учетом, «процентщики». Западный человек веру в свое «божественное предопределение» сочетает с убеждением, что материальное благополучие есть признак праведности и угодности Богу. Отсюда — неудержимое желание разбогатеть любыми средствами, в том числе путем ростовщичества.

означает реабилитацию труда как сферы личностной самореализации, утверждение человека-творца, по своим задаткам создающего и в меру потребляющего, — человека, исповедующего национально-культурную укоренность и моральную ответственность как за результаты своего творения, так и за свое земное призвание, которое он может осуществить лишь на двух земных поприщах: в любви и труде.

ненность и моральную ответственность как за результаты своего творения, так и за свое земное призвание, которое он может осуществить лишь на двух земных поприщах: в любви и труде.

В. М. Межуев¹

СУДЬБА НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Глобализация — объективно протекающий процесс, означающий формирование единого экономического, социального и культурного мирового (наднационального) пространства, функционирующего по общим для всех законам и в едином режиме времени. В ходе глобализации мир постепенно утрачивает былую многоликость и разнородность, происходит своеобразная гомогенизация мира, причем не только в производственно-экономической сфере, но и в бытовой, повседневной жизни. В разных странах люди все больше пользуются одними и теми же видами транспорта и коммунальных услуг, носят одинаковую одежду, потребляют одну и ту же пищу, смотрят одинаковые телепередачи, слушают одни и те же новости. Создаваемые современной цивилизацией технологии, товары, услуги, информация и прочее, входя в жизнь разных народов, делают их похожими друг на друга.

Экономическая глобализация дополняется информационной. В настоящее время информация, получив техническую возможность распространяться по всему земному шару, захватила в свои сети практически весь мир. По словам М. Кастельса, «технологические революции с информационными технологиями в центре заново и ускоренными темпами формируют материальную основу общества. Национальные экономики во всем мире стали глобально взаимозависимыми, создавая в системе с изменчивой геометрией новую форму отношений между экономикой, государством и обществом»². Что означают эти изменения в плане культуры?

Многие исследователи в России и за рубежом сходятся во мнении, что в процессе глобализации культура постепенно выходит за рамки национальных границ, перестает функционировать исключительно в национальной форме. Приведем два подобных мнения. Одно из них принадлежит известному немецкому социологу У. Беку. По его мнению, мы живем в мире, превратившем представление о замкнутых пространствах в фикцию. В этом мире «ни одна страна или группа стран не может отгородиться друг от друга»³. В таком обществе приходится заново переосмысливать «самоочевидности западной модели», ставить вопрос о том, как могут воспринимать себя в нем люди и культуры. Ведь глобализация «имеет в виду процессы, в которых национальные государства и их суверенитет впадают в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности»⁴. Она ставит под сомнение важнейшее представление эпохи модерна, согласно которому общества после распада империй могут существовать только в границах национальных государств. Глобализация рушит эту связь, создавая между национально-государственными и транснациональными акторами и процессами новые взаимоотношения. В контексте происходящих перемен нельзя считать современной ту политику, которая

во имя ложно понятого патриотизма или национализма отгораживается от мира, пытается изолироваться от него, мыслит себя вне логики общемирового развития.

В том же духе высказывается и отечественный философ В. С. Малахов — известный специалист в области национальных отношений. В своей книге «Государство в условиях глобализации» он пишет: «В современном обществе производство, распределение и потребление культурных продуктов все более решительно выходит за пределы национальных границ... Глобальному спросу соответствует глобальное предложение. Фирма-производитель того или иного культурного товара ориентируется на потребителя далеко за пределами государства, где находится ее штаб-квартира»⁵.

Глобализация отрицает не уже сложившиеся национальные культуры, а возможность дальнейшего существования и развития культуры в этой форме. В мире глобальных трансформаций индивид, вовлеченный в транснациональные «сети», уже не может ограничиться плодами только своей национальной культуры. В результате возникают новые глобальные локальности, которые не сводятся к разделявшим ранее культуру национальным границам. Они объединяют людей не по национальному признаку, а по общности их культурных предпочтений, то есть на основе свободного выбора ими своей культурной идентичности. Так, поклонники популярной и классической музыки существуют во всем мире, образуя культурные общности, одновременно глобальные и локальные.

Современные средства связи позволяют людям находить культурных единомышленников по всему миру, объединяться с ними по признаку не только своего национального, но и культурного родства. Иными словами, глобализация создает не национальную, а глобальную локальность, которая одновременно и связывает людей в планетарном масштабе, и различает их в зависимости от сделанного ими культурного выбора.

Для обозначения этого нового типа культурной общности был изобретен особый термин — «глокализация», образованный из слов «глобализация» и «локализация». В научный оборот его ввел английский социолог Роланд Робертсон с целью фиксации происходящих в глобальном мире двух взаимосвязанных процессов — гомогенизации и гетерогенизации. По его словам, в мире происходит не просто глобализация, а глокализация, то есть гомогенизация и гетерогенизация. Эти одновременные тенденции взаимодополняемы и взаимопроникают друг в друга, хотя в конкретных ситуациях они могут прийти (и действительно приходят) в столкновение друг с другом.

По смыслу данный термин направлен против тех концепций глобализации, которые исходят из логики становления унифицированной мировой системы транснациональных связей, исключающей все различия и несходства. Под мировой системой в них понимается либо капиталистическая система, образцом для которой служат развитые страны Запада, прежде всего США, либо глобальные информационные сети, находящиеся под контролем наднациональных органов власти. Против унифицирующей

¹ Главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва), доктор философских наук, профессор.

² Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 25.

³ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001. С. 25.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Малахов В. С. Государство в условиях глобализации. М., 2007. С. 206.

направленности этих концепций выступил ряд видных западных социологов, противопоставив им концепцию культурной глобализации, отрицающую возможность полного преодоления в глобализирующемся мире культурной разнородности. В плане культуры, по их мнению, глобализация не подавляет, а сохраняет и даже актуализирует ее локализацию, хотя не по национальным, а по другим признакам.

Глокализация как осмысление глобализации в понятиях теории культуры отличается от чисто экономической или социологической интерпретации этого процесса. Для теоретиков данного подхода главным следствием культурной глобализации является рождение новых разграничительных линий, локальностей, которые уже не совпадают с традиционными — местными, региональными, национальными, этническими и прочими — формами культурной идентификации людей. То, чему люди во всем мире отдают предпочтение, порой значит для них больше, чем их национальные обычаи и привычки. Фирмы, реклама, торговые организации, работающие на массового потребителя во всем мире, менее всего озабочены национальным составом своих клиентов. И те, кому удается выйти за рамки национальной клиентуры, выигрывают в конкуренции с другими.

В ходе культурной глобализации национальные символы, касающиеся разных сторон человеческой жизни, становятся элементом свободного общения людей в транснациональном масштабе. Глобализация воспроизводит в национальной культуре только то, что стало благом, ценностью для людей другой культуры, что отобрано ими на основе их собственного культурного выбора. Свобода личного выбора, не ограниченная местными и региональными барьерами, становится главным условием включения индивида в глобальную культурную связь.

Право каждого на свободный выбор культурных предпочтений есть, по нашему мнению, базовое условие существования культуры в ее глобальном измерении. Только оно может обеспечить культурное равенство людей в планетарном масштабе. Никто не должен мнить себя культурным монополистом. Следовательно, под глобальной культурой следует понимать не одинаковую и обязательную для всех культуру, а такой способ ее функционирования, при котором каждый житель планеты может пользоваться благами и достижениями любой национальной культуры.

На свободном выборе строится и национальная культура с ее многообразием индивидуальных предпочтений и самовыражений, но этот выбор со стороны людей, осуществляющих его, еще во многом определяется осознанием ими своей национальной идентичности. Каждый оценивает здесь другого с позиции той культурной группы, к которой принадлежит по факту своего рождения. В мире глобальных связей и коммуникаций подобный выбор диктуется не столько национальными, сколько личными пожеланиями, потребностями и запросами индивида. В этом мире трудно представить человека, чьи культурные пристрастия и предпочтения ограничены рамками его национальной культуры, стремящегося изолировать себя от других культур. Подобная изоляция — свидетельство неспособности жить в современном мире.

Но как в таком случае должна строиться культурная политика государства в отношении собственной культуры и тех культур, с кем она встречается в современном мире? Сегодня на Западе (особенно в США) широко пропагандируется политика мультикультурализма, ставящая своей целью сохранение малых этнических групп с их культурными особенностями, традициями и обычаями. Однако подобная политика вызывает критику со стороны тех, кто искусственному сохранению культурных особенностей малых групп предпочитает право каждого индивида

на свободный выбор своей культурной идентичности, что позволяет разным культурам свободно конкурировать между собой.

По мнению авторов такого подхода, культурная идентичность должна строиться не на обязательных и неизменных предписаниях, определяющих до мелочей жизнь индивида в группе, а на его собственном выборе, позволяющем ему постоянно реконструировать социальную реальность, изменять образующие ее смыслы, значения и цели. «Социальный конструктивизм», в отличие от мультикультурализма, по мнению американского социолога Сейлы Бенхабиб, исходит из предположения, «что культура групп людей не является данностью, а формируется и меняется с течением времени через обычаи. Культуры не выступают целостностями с четко обозначенными границами; они представляют собой смысловые сети, вновь и вновь переопределяемые через слова и дела своих носителей»¹.

Движениям за религиозную, национальную, любую другую культурную идентичность, пытающимся «заморозить во времени и пространстве границы, разделяющие группы людей и культуры»², то есть имеющим преимущественно идеологическую природу, следует противопоставить демократически-эгалитарную политику государства в сфере культуры. Целью такой политики является не только сохранение уже существующих культур национальных меньшинств, но и вовлечение все большего числа людей в процесс межкультурного диалога и общения, их демократическое участие в духовной жизни, что ведет к появлению новых групп и их инкорпорированию в гражданское общество.

«В отличие от мультикультуралиста, — пишет Бенхабиб, — теоретик демократического направления признает, что в зрелых обществах политическое инкорпорирование новых групп приведет скорее к гибридизации культурного наследия на обоих полюсах. Современные люди могут выбрать, поддерживать ли им свои культурные традиции или разрушить их... Короче говоря, демократическое инкорпорирование и сохранение преемственности культур могут и не быть взаимоисключающими. Если все же выбирать между ними, то я поставила бы распространение демократического участия и равенство выше сохранения культурных особенностей»³.

Культурное равенство, достигаемое путем предоставления каждому права на свой собственный культурный выбор, отнюдь не означает ликвидации культурных различий, культурной «уравниловки» и всеобщей стандартизации. В отличие от мультикультурализма с его искусственной консервацией этнических особенностей малых групп, политика демократического участия членов общества в процессе производства культурных смыслов и значений позволяет каждому самостоятельно решать вопрос о своей культурной идентичности. Важно, чтобы такое решение диктовалось не внешними предписаниями, принудительно навязанными индивиду его принадлежностью к той или иной этнической или социальной группе, а было его собственным свободным решением. Только так в глобальном масштабе можно сохранять то ценное, что есть в культуре каждого народа, одновременно сочетая его с нормами и представлениями, необходимыми для жизни в демократическом обществе. Во всяком случае именно в культуре, формирующейся по индивидуальному выбору и заказу, следует искать ключ к глобализации, не делящей мир на экономически процветающий центр и нищую периферию, но развивающейся по пути свободы и равенства всех жителей планеты.

¹ Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. С. 35.

² Там же.

³ Там же. С. 52–53.

А. А. Мельникова¹ПРОБЛЕМА ДИАЛОГА В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ПАРТНЕРСТВЕ
В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКА

Возрастающее количество межкультурных контактов делает актуальной проблему адекватности построения стратегии общения при диалоге. Один из способов понимания глубинных оснований социальных действий партнеров — представителей другой культуры — обращение к анализу их языка как носителя базовых ментальных смыслов. В качестве примера обратимся к анализу русского и английского языков. Цель — выделить сущностные основания, которые являются ключом к пониманию особенностей и социальной иерархии представителей русской и англоязычной культур.

Для анализа особенностей статусной позиции в русской культуре обратимся к социологическим теоретическим разработкам составляющих социального статуса. Теоретики функциональной школы (Т. Парсонс, Р. Мертон, К. Дэвис) при анализе социальной структуры разводят понятия «престиж» и «уважение». Престиж соотносится с формальной характеристикой занимаемого положения (это «одобрение, которое связано только с занимаемым положением»), а уважение — с тем, как человек «относится к правильному выполнению обязанностей положения»² (то есть с сущностным наполнением социальной роли).

Основываясь на анализе, можно предположить, что второе (уважение) гораздо значимее для российской культуры, нежели первое (престиж). Действительно, собственного концепта, закрепляющего входящие в понятие «престиж» смыслы, в русском языке нет. Заимствованное из французского слово низкочастотное в языке, причем используется оно в основном как прилагательное (престижная должность). В то время как «уважение» не только высокочастотно (вплоть до анекдотического «Ты меня уважаешь?»), но и имеет разработанное семантическое поле (существительное «уважение», глаголы «уважать» и «уважить», прилагательные «уважаемый» и «уважительный» с краткой формой «уважителен», обращение «Уважаемый!»). Такое распределение значимости между «престижем» и «уважением» в русском языке свидетельствует о том, что наша культура при оценке социального статуса важным считает не саму должностную позицию, а общественно значимое (правильное) поведение индивида.

Данные утверждения подтверждает и сравнительный анализ лексического материала. Сравним данные русского и английского языков (у второго жесткий порядок расположения членов предложения и аналитический характер слово- и формообразования) и рассмотрим, какие смыслы входят в понятие «уважение». Существительное «уважение» в русском языке имеет только одно значение — «почтительное отношение, основанное на признании чьих-либо достоинств»³. В английском у существительного *respect* значений гораздо больше: согласно словарю⁴ 1. Отношение (*in every respect* — во всех отношениях). 2. Уважение, почтение. 3. Привет, поклон (*he sends you his respects* — он передает вам привет (поклон)). То есть в русском языке смысл четко определен, и он единственный; в английском — смыслов несколько, и они располагаются в разных семантических областях.

Подобная ситуация наблюдается и в отношении слов других частей речи, производных от существительного

«уважение». В русском языке значения слов этих частей речи напрямую связаны с однозначно трактуемым существительным, и если различаются, то весьма незначительно (например, один из смыслов глагола «уважать» — считаться, принимать во внимание чьи-то интересы — уважать окружающих). Английские слова, производные от *respect*, других частей речи транслируют гораздо больше различных смыслов, чем существительное: оберегать, относиться заботливо; соблюдать, не нарушать, признавать; касаться, иметь отношение. Последнее значение наиболее далеко отстоит от русского смысла (*He Could not Agree With Him Respecting the Price*. — Он не мог согласиться с ним *относительно* цены).

Высокая частотность и семантическая разработанность концепта «уважение» в сочетании с однозначно определяемым смыслом указывают на его повышенную значимость в русской культуре при определении иерархического статуса почтительного отношения, основанного на признании чьих-либо достоинств (акцент на внутреннем), а не формальной должностной позиции, занимаемой индивидом (акцент на внешнем).

Обратимся к анализу содержания существительного «авторитет». Именно это существительное обозначает социальный вес, который приобретает индивид в общественной жизни. Проведем исследование наполнения данного термина в русском и английском языках (последнему присущ аналитический способ слово- и формообразования). Согласно словарю⁵ английское *authority* включает четыре варианта употребления: 1) оно маркирует определенное качество, связанное с влиятельностью, властью. В словаре⁶ конкретизируется этот пункт: это слово с исконным значением «право требовать подчинения» (*to exercise authority* — осуществлять правление; *These employees are under my authority*. — Эти сотрудники находятся у меня в подчинении); 2) относится к сфере официальной власти и обозначает полномочия (*He was given authority to sign the agreement*. — Ему были даны *полномочия* подписать соглашение); 3) обозначает городские власти — управление, отдел (*The Port of London Authority*. — Управление Лондонского порта); 4) об источнике — надежный, общепризнанный (*He is an authority in this field*. — Он авторитет в этой области). Таким образом, в английском понятие *authority* «ядром» являются влиятельность и власть, в значительной степени связанные с официальным статусом индивида, его должностным положением, наделяющим его властью.

Трактовка существительного «авторитет» в русском языке⁷: 1. Общепризнанное значение, влияние, общее уважение. 2. Лицо, пользующееся влиянием, признанием. Русский вариант существенно отличается от английского: во-первых, здесь имеется концентрация смысла — словарь отмечает лишь два значения, которые не различаются сущностно, как в английском варианте (смысл, стоящий за понятием «авторитет», один, но в первом словоупотреблении это признак, а во втором — лицо, обладающее этим признаком); во-вторых, русский вариант связан не с должностным положением, наделяющим индивида властью, и самой властью, а с уважением и общественным признанием.

Таким образом, лексический анализ показывает: в российской культуре индивид приобретает авторитет (высокий

¹ Доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат философских наук.

² Davis K. A Conceptual Analysis of Stratification // *American Sociological Review*. 1942. Vol. 7. № 3. P. 321.

³ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 822.

⁴ The Modern Russian Dictionary for English Speakers. M., 1982. P. 513.

⁵ The Modern Russian Dictionary... С. 49.

⁶ Lingvo : словарь. Англо-русская версия ABBYY Software House. 2002.

⁷ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 17.

социальный статус, связанный с уважением и общественным влиянием) не вследствие того, что он занимает определенную должность (что является внешней, формальной характеристикой), а когда реализует значимые для русского менталитета ценности (ориентируется на внутренние мотиваторы). То есть представлена взаимосвязь «воплощение ценностей» — «уважение» — «авторитет», где каждый последующий элемент детерминирован предыдущим. Для менталитета носителей английского языка отправной точкой социального статуса является должностная позиция, наделяющая индивида соответствующими властными полномочиями, то есть характерна взаимосвязь «формальное положение в социальной иерархии (должность, звание)» — «власть» — «авторитет/престиж».

Выводы, сделанные на основании лексического анализа, подтверждают и расширяют психологические исследования, уточняя, какие именно ценности должны быть у носителя русского менталитета, чтобы он имел максимально высокий статус, то есть пользовался наибольшим уважением. Психологическое тестирование показывает, что это в первую очередь «умение отказываться от себя в пользу чего-то, гораздо более высокого, чем “я”, то есть... полная *бескорытность* и строгое (иногда даже педантичное) *соблюдение моральных правил*»¹. Именно человек, ставящий на первое место не свое, личное дело, а общее, проявляющий бескорыстие и даже жертвенность, отзывчивый и склонный действовать для достижения различных целей социально одобряемыми средствами имеет в нашей культуре максимально высокий личностный статус, наибольшее уважение.

Исследования характерных для нашего менталитета представлений в этой сфере дополняются тестовыми материалами, направленными на изучение поведенческих

установок людей, обладающих высоким статусом. У них диагностируются высокие показатели действий на основании долга, моральных образцов, образующих «эго-сверхконтроль», а также по шкале альтруизма².

Для более глубокого понимания оснований такого положения вещей обратимся к концепции социального действия М. Вебера. «Социальное действие, как и любое действие, детерминировано, а именно: 1) целерационально, когда существуют определенные ожидания относительно поведения объектов внешней среды, а также других лиц, и с помощью этих ожиданий осознанно оцениваются и рассчитываются “условия” и “средства”, с точки зрения рационально поставленных целей; 2) ценностно-рационально, когда имеется в наличии сознательное убеждение в том, что определенная линия поведения абсолютно ценна сама по себе с точки зрения этической, эстетической, религиозной или какой-либо другой совершенно независимо от ее результатов; 3) аффективно, то есть сильно эмоционально, окрашено аффектами или чувствами; 4) традиционно, когда оно основано на установившейся практике»³.

Анализ тестовых материалов позволяет сделать вывод, что в российской культуре существуют иные архетипы целеполагания и целедостижения, непохожие на западноевропейские, а именно: «наш соотечественник в среднем, оказавшись в ситуации действия, отдает *предпочтение действиям ценностно-рационального типа* перед целерациональными»⁴. Таким образом, в русской культуре важна деятельность не сама по себе, а соответствующая определенным, культурно значимым целям-ценностям. Проанализированный материал подтвердил: обращение к языку помогает конкретизировать национальные представления, что способствует облегчению межкультурного диалога.

В. В. Михайлов⁵

ОПЫТ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВА В ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ ТЮРКСКИХ МУСУЛЬМАН В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Понятия «диалог культур» и «партнерство цивилизаций» сравнительно недавно вошли в научный лексикон, сменив на территории России имперские советские лозунги, призывающие к дружбе народов и интернационализму. Однако исторический опыт нашей страны содержит успешные способы сотрудничества общностей с различными культурами, в определенном смысле отличающимися цивилизационными основаниями. В первую очередь это отношения с включенными в состав Российской империи тюрко-мусульманскими народами.

Являясь с XVI века покоренными завоевателями — остатками Золотой Орды, господствовавшей над Русью 300 лет, эти народы долгое время воспринимались властью и обществом как периферия государственного и правового пространства. Однако в начале XX века общее промышленное и политическое развитие империи положило начало переменам в отношении «инородческих» окраин. Начался процесс мусульманского культурного самоопределения в рамках Российской Империи. Мусульманские организации особенно усилили свою деятельность

после поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 годов. Она стала носить в основном политический характер, поэтому среди фракций первых российских государственных дум была и мусульманская, в числе видных представителей которой можно назвать С. Максудова, Г. Еникеева, М. Джафарова. В политическом отношении мусульманская фракция была близка кадетской. Основные вопросы — гражданское и религиозное равноправие мусульманского населения, а также автономия мусульманского духовенства. В 1914 году в Санкт-Петербурге был проведен Всероссийский мусульманский съезд, на котором рассматривались прежде всего политические вопросы и было выработано общее направление — союз с правящей властью и легальное признание прав мусульман на определенную культурную и религиозную самостоятельность в границах Российского государства.

При этом процесс национально-культурного самоопределения проходил в России различными, часто противоположными путями. Так, в Османской империи именно российские тюрки-мусульмане стали основателями новой идеологии — пантюркизма: «Пантюркизм, как и панисламизм, возникает в России в 1880-х годах как культурно-либеральное движение татарской интеллигенции»⁶.

⁶ Червоная С. Пантюркизм и панисламизм в российской истории // Отечественные записки. 2003. № 5 (14).

¹ Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. С. 281.

² Там же. С. 331.

³ Parsons T. The Structure of Social Action. N. Y., 1938. P. 642.

⁴ Ibid. P. 164.

⁵ Доцент кафедры истории СПбГУП, кандидат исторических наук.

«В атмосфере революционных настроений, бродивших тогда призраком по территории Российской империи, в интеллектуальной среде татар-тюрок Поволжья родилось и оформилось национал-революционное движение — “джадидизм”. Самыми авторитетными среди джадидистов следует признать Исмаила Гаспринского и Юсуфа Акчура»¹. Их последователем являлся приехавший из Баку в Константинополь Гусейн-заде Али. «Так как идеи тюркизма были чужды большинству турок, иммигранты из России взяли на себя задачу их переубеждения»². Именно Гусейн-заде напечатал в турецких газетах стихотворение под заголовком «Туран», которое «является первым криком, извещавшим о рождении нового политического плода»³. В период Первой русской революции 1905 года Гусейн-заде сформулировал основные лозунги пантюркизма: «Стремитесь к тюркизации, исламизации, европеизации!» Впоследствии принятый и популяризованный в несколько видоизмененном виде, этот лозунг сделался боевым кличем тюркизма в Османском государстве. В Азербайджане эти три слова будут «символизированы в трех национальных цветах независимой республики»⁴.

Примерно в то же время Юсуф Акчура (Акчурин), бывший секретарь газеты «Казанский вестник», бежал в Турцию и с помощью представителей партии «Единение и прогресс» организовал в Стамбуле Русское мусульманское общество, целью которого была пропаганда в среде российских мусульман идеи всеобщего мусульманского восстания⁵. В 1903 году в каирской газете «Тюрк» он опубликовал программную статью «Три политических системы», в которой на основе идей пантюркизма изложил принципы нового государственного управления. Эта статья для пантюрков имела такое же значение, как для радикальных социалистов и революционеров XIX века «Манифест коммунистической партии» Маркса.

Возрастание политической и идеологической активности мусульманских организаций происходило на фоне экономических успехов мусульманской буржуазии Российской империи. Появились первые удачливые коммерсанты — татары-миллионеры, поддерживавшие рост национального и религиозного самосознания мусульман, выделявшие денежные средства на создание периодической печати, мусульманских школ, общественных и политических организаций. Идеология пантюркизма была близка кругу новых мусульман. Начали издаваться газеты: «Тарджиман», «Юлдуз», «Вакт», «Кояш» — и это только в местах компактного расселения татар, в Казанском и Оренбургском краях⁶.

С началом Первой мировой войны противодействие пантюркистской агитации и выработке оснований для привлечения населения мусульманских народов на свою сторону приобрело особое значение, поскольку Россия имела противником Османскую империю, в которой был лидером халиф всех мусульман — турецкий султан. Правительство отнеслось к «мусульманской теме» с особым вниманием. «В 1914 году было создано... межведомственное совещание для рассмотрения целого комплекса проблем, связанных с “мусульманским вопросом” в России. Для обсуждения деталей устройства духовного управ-

ления, таких как штаты, оклады и тому подобное, были приглашены представители мусульманского духовенства»⁷. Представители татарской и мусульманской буржуазии получали выгодные военные заказы. За период с декабря 1914 по апрель 1915 года только в Казани, Уфе и Оренбурге было отпечатано больше двух десятков названий брошюр с песнями о войне, подражающими тюркскому эпосу. Муллы и муфтии призывали прихожан к сбору денег и посылок для солдат армии русского царя. Газета «Каспий» 3 января 1915 года сообщала, что «почти все мусульманки поступили сестрами милосердия в лазареты»⁸.

В целом правительство приняло все меры к тому, чтобы мусульманское население империи не было увлечено исламистскими лозунгами Турции, а духовенство заинтересовалось сотрудничеством с властью. Так, низшее духовенство получало содержание наполовину от казны и приходских обществ. Средства в иных случаях составляли 400–550 руб. в месяц. Для привлечения на свою сторону мусульман использовались религиозные праздники — Навруз и Ураза-байрам, во время которых духовенство и мусульманские общественные деятели получали значительные суммы для организации гуляний и помощи неимущим. «Событием в жизни татарской общественности стало открытие первой татарской гимназии 29 октября 1916 года в Казани»⁹.

Взгляды военного министра на мусульманскую проблему в начале 1915 года изложил Н. Зинченко: «Последствия настоящей войны неизбежно отразятся на всем мирозерцании мусульман... Поэтому надо направить соответственно мышление наших мусульман, постепенно ввести их в смысл и значение свершающихся событий и надлежаще подготовить к восприятию нового представления о мировом смысле ислама. Это представляется совершенно необходимым и безотлагательным»¹⁰.

Успехи русских войск еще более отдалили мусульман России от турецкого влияния. «1916 год начался рядом впечатляющих побед России, и жители Баку вскоре привыкли к виду длинных колонн турецких военнопленных, направлявшихся через город к лагерю, находившемуся на острове Наргин. Мгновенно переменяя свои позиции, что может быть объяснено шиитской традицией “такия” (правом на обман и отступничество), азербайджанские религиозные деятели сочли политически необходимым произнесение благодарственных молитв по случаю входа русских войск в Эрзерум». В том же духе лояльности по отношению к России «Каспий» осудил восстание среднеазиатских мусульман в 1916 году, назвав его «темным пятном, ослабляющим нас в борьбе с внешним врагом». Во время последнего этапа войны азербайджанское национальное движение поддерживалось лишь усилиями находившихся в Турции эмигрантов¹¹.

Показательна история, которую рассказывает в своей книге П. Н. Краснов: «Император Вильгельм собрал всех пленных [русских] мусульман в отдельный мусульманский лагерь и, заискивая перед ними, построил им прекрасную каменную мечеть.

<...> По окончании осмотра образцово содержанного лагеря и мечети на плацу было собрано несколько тысяч русских солдат-мусульман.

— А теперь вы споете нам свою молитву, — сказал проверяющее лицо.

⁷ Воробьева Е. И. Власть и мусульманское духовенство в Российской империи (вторая половина XIX в. — 1917 г.) // Исторический ежегодник. Омск, 1997. С. 40–55.

⁸ Каспий. 1915. 3 янв. С. 5.

⁹ Амрханов Р. У. Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань, 2001. URL: <http://www.lib.ru>.

¹⁰ Климович А. Ислам в царской России. М., 1936. С. 326–327.

¹¹ Светоховский Т. Указ. соч. Гл. «Мировая война и Азербайджан».

¹ Подколызин Д., Шатров А. Пантюркизм — глобальный вызов России. URL: <http://www.livejournal.ru>.

² Светоховский Т. Русский Азербайджан. 1905–1920 // Хазар. 1990. № 1–3. Гл. «Появление интеллигенции». URL: <http://www.kitabxana.org/site/sventoch.htm>

³ Зареванд. Турция и пантюркизм. Париж, 1930. URL: <http://www.kitabxana.org>.

⁴ Светоховский Т. Указ. соч.

⁵ Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 133. Д. 472. Л. 204.

⁶ Аршаруни А., Габидуллина Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931. С. 47.

Вышли вперед муллы, пошептались с солдатами, и тысячеголосый хор под немецким небом, у стен только что отстроенной мечети, дружно грянул: “Боже, царя храни!..”

Толпа опустилась на колени и трижды пропела русский гимн! Иной молитвы за Родину не было в сердцах этих чудесных русских солдат»¹.

А. Н. Мосейко²

ОБРАЗЫ ДРУГ ДРУГА В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: РОССИЯ–ЗАПАД. ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Диалог цивилизаций начинается и разворачивается на фоне взаимного отражения, формирования образов друг друга, своеобразного диалога этих образов. В основе формирования образов (культур, цивилизаций) лежит известная дихотомия «я» — «другой». Субъект («я») в процессе своей идентификации стремится самоопределиться по отношению к «инаковости» «другого», в связи с чем образ «другого» неизбежно будет окрашен переживаниями, интересами, связанными с обретением собственной идентичности. Во взаимоотношениях культур образ другой культуры задается видением себя, своих интересов, ценностей, то есть образом своей культуры — «я-образом». Формирование образов друг друга у взаимодействующих культур определяется идентичностью каждой из них, в силу чего образ «другого» не может существовать и развиваться вне «я-образа», причем их взаимодействие долгосрочно и имеет различные формы.

Собственный образ («я-образ») моделирует коллективную идентичность культуры в оппозиции, диалоге с образом «другого», другой идентичности. Диалог культур, идентичностей, образов — это полифоническое (по терминологии М. М. Бахтина) поле диалога взаимодействующих культур, цивилизаций.

Формирование образа другой культуры не является стихийным процессом. Разворачиваясь в пространственно-временном континууме, образ «другого» испытывает множество влияний, связанных с социально-экономическим, политическим, военным статусом стран — субъектов взаимодействующих культур, с их международными отношениями.

Следует обратить внимание на то, что такое сложное, многофакторное явление, как культура, не может иметь единого «я-образа», так же как и образа «другого». Каждая культура включает множество субкультур, этнических культур со своими субъектами. В России «я-образы» сообществ ученых, политиков, крестьян, художников, артистов, военных будут отличаться друг от друга, даже если эти образы касаются родной страны — России. Также резко будут различаться образы «другого» — западной культуры — в различных субкультурах, категориях населения в разные периоды и при различных обстоятельствах. Многовариантность образов приводит к диалогичности их отношений, причем некоторые из этих внутренних диалогов непосредственно воздействуют на российскую идентичность, формируя, изменяя ее, делая само ее поле пространством диалога. Таков, например, вековой диалог западников и славянофилов.

В свою очередь образ России в западной культуре также многослоен и многообразен. Он развивается и изменяется около пяти столетий, на него оказывают влияние мно-

Опыт Первой мировой войны показал, что меры российского правительства по вовлечению мусульманского населения в культурное, политическое и экономическое партнерство явились наиболее действенным фактором, препятствующим распространению разрушительной идеологии пантюркизма.

жество факторов: войны с Россией и угрозы с ее стороны; свидетельства путешественников; экономические, технологические и научные достижения; русские литература и искусство и т. д. И этот образ тоже не является монолитом, он распадается на множество «подобразов», образов временных, локальных, профессиональных, различных категорий населения. И между ними также существуют явные или неявные, скрытые диалоги. Следует заметить, что образы друг друга и самих себя, возникающие в среде ученых, более адекватны и понятны, чем соответствующие образы ученых и, например, военных или политиков. Естественно, что диалог ученых России и Запада будет более продуктивен, чем диалог российских ученых с западными политиками или бизнесменами.

Образы друг друга предстают как сложно организованное смысловое поле, включающее множество видовых образов (политических, военных, обыденных, национальных, художественных, мифологических и т. д.), а также стереотипов, символов, эмблем, метафор, мифологем.

В диалоге цивилизаций России и Запада образы друг друга содержат основополагающие мифологемы, некоторые из которых представлены в следующей таблице.

№	Отношение Запада к России	Отношение России к Западу
1	<i>Я</i> — носитель высоко-развитой западной цивилизации. <i>Другой</i> — носитель восточноазиатской цивилизации или даже недоцивилизации, варвар, несущий угрозу	<i>Я</i> — носитель особой, высокодуховной цивилизации. <i>Другой</i> — носитель высокотехнологичной, но бездуховной и агрессивной цивилизации
2	<i>Я</i> — цивилизатор, просветитель. <i>Другой</i> — недоцивилизованный, варвар, ученик	<i>Я</i> — носитель высокой миссии открытия новых путей для всего человечества. <i>Другой</i> — носитель прагматизма, десакрализации, деградации
3	<i>Я</i> — носитель западного образца модернизации. <i>Другой</i> — носитель утопического экспериментаторства	<i>Я</i> — представитель особого, самобытного пути развития. <i>Другой</i> — представитель идеалов общества потребления

Образ России на Западе неоднороден, дискретен, мозаичен прежде всего потому, что неоднороден сам Запад. Уже давно Запад стал собирательным понятием, куда включаются различные страны Европы (Западной, Центральной, Северной) и страны Северной Америки (США, Канада). Несмотря на существенные различия, эти страны объединяют общие социополитические параметры.

Естественно, что в силу исторических, политических, социокультурных причин образ России в этих странах различается. Так, однородно негативным (иногда скрыто негативным) является образ России в Польше практически во все исторические периоды. В основном позитивный образ России сформирован в объединенной Германии, у народа, дважды в XX веке воевавшего с Россией.

¹ Краснов П. Н. Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской российской армии. М., 1992.

² Ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат философских наук.

Возвращенные в Германию после Второй мировой войны (в 1955 г.) немецкие военнопленные, десять лет прожившие в России и тесно общавшиеся с ее населением, рассказывали о своих ощущениях. Эти впечатления очевидцев и участников жизни в России, часто критичные, достаточно объективные и в основном положительные, оказали большое влияние на формирование повседневного массового образа России.

Как правило, позитивные характеристики образа России формируются в условиях тесных культурных контактов. Так, во Франции и Италии, несмотря на «зигзаги» политической конъюнктуры, образ России всегда содержал позитивные моменты, которые «подпитывались» взаимным интересом и обогащением в процессе культурного диалога.

Диалог России и Запада — это противостояние, в котором на первый план выступают то резкие противоречия, то сходства. В образе России на Западе проступают то варварские, то провидческие черты; то метафора «анти-Запад», то надежда на спасение от бездуховности и десакарлизации. Даже в целом негативном образе России в Польше проявляются эти противоречивые черты. Известный польский писатель Т. Конвицкий говорит о ненависти и одновременно восхищении Россией, своеобразным «заражением» ею, что объясняется, по его мнению, духовным сходством народов России и Польши. Он пишет, что наши грехи в русских вырастают стократ, а их высокие достоинства в нас странным образом мельчают.

Метафоры своеобразной «одержимости» Россией встречаем у В. Шубарга, Ж. Нива. В Германии среди русистов часто употребляется выражение «взаимное отражение друг в друге».

Россия также постоянно проверяет свои действия и устремления Западом. Отношение к Западу, образ Запада — это часть идентификационной модели России на протяжении веков. В то же время отношение к Западу, образ Запада в России развивались в постоянно противоречии и противоборстве, символом которых стало историческое противостояние западников и славянофилов. Запад привлекал прежде всего своими просветительскими идеями и утопиями, идеалами свободы, равенства, братства, развитием личного начала, а также технологическими успехами и устремством быта. Одновременно он отталкивал своими отличиями от традиционных отечественных ценностей, несходством веры. В народе живет память о нашествиях с Запада, западной угрозе.

Западничество и славянофильство стало в России тем вечным внутрицивилизационным диалогом, каждая из сторон которого не может существовать без другой. Победа одной из сторон будет означать ее поражение, как это произошло в эпоху массового перестроечного увлечения западными ценностями. Вскоре возникло столь же массовое отторжение этих ценностей и «дрейф» к другому полюсу этого диалога-противостояния.

Следует отметить, что в смысловом поле диалога цивилизаций и образов друг друга обнаруживаются три уровня: настоящего, прошлого и будущего.

Уровень настоящего — это уровень актуальной самоидентификации. Построение западной и российской идентичности — перманентный процесс, лишь меняющийся в хронологическом измерении свои конфигурации, — предполагает существование концептуальной пары «я» — «другой» и репрезентацию «другого» в своей идентичности. В западной традиции Россия выступает как значимый «другой», причем эта значимость увеличивается вместе с ростом влияния России в мире. В то же время Россия предстает как символ важнейшей геополитической и культурной дихотомии Восток–Запад, где Россия представляет Восток.

Для России Запад, отношение к нему — также значимая сторона самоидентификации, ибо Россия в своих культурно-ментальных основаниях принадлежит в равной мере и Западу, и Востоку, являясь, по определению Н. Бердяева, особой частью света, «Востокозападом».

Уровень прошлого — это исторические образы друг друга, история формирования образов России и Запада на протяжении веков, традиции восприятия друг друга, мифы, сложившиеся в разные эпохи, исторические свидетельства путешественников, историческая память о взаимоотношениях, исторических личностях, друзьях или врагах.

При взаимодействии культур интерес к другой культуре, тяготение к ее ценностям обусловлено, как правило, дефицитом этих ценностей в принимающей культуре. Открытие и обостренное восприятие культурного явления имеют место тогда, когда они отвечают ожиданиям и потребностям принимающей культуры, которые в свою очередь отражают некие лакуны культурно-духовного развития, часто неотрефлексированное культурное ощущение дефицита своей идентичности. Стремление восполнить недостающее или утраченное в своей культуре и самоидентификации определяет интерес к другой культуре.

Во взаимодействии культур Запада и России также проявляются взаимные дефициты, стремление восполнить недостающее, утолить аксиологическую жажду. В западной культуре к концу XIX — началу XX века особенно острыми стали ощущения недостатка духовности, десакарлизации мира, отчуждения и потерянности человеческой личности в модернизирующемся мире. В русской культуре, широкое знакомство с которой на Западе состоялось на рубеже XIX–XX веков, западная культура обнаружила глубокие духовные смыслы, поиск абсолютных ценностей, трагические глубины человеческой личности, открыла для себя богатство русско-восточных традиций.

Основную роль в открытии русской культуры и ее рецепции в западную сыграл русский роман. С конца XIX века произведения Н. Гоголя, Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова прочно вошли в духовную культуру Запада, западную ментальность XX века. Их герои стали знаками, эмблемами русского национального характера, русской души, во многом они маркировали образ России. В русском романе и русской культуре вообще западные (а позже и восточные) национальные культуры находили идеи, образы, проблемные коллизии, созвучные времени, конкретным обстоятельствам и запросам этих культур. Интересно отметить, что ни более ранние знакомства с русской культурой, например с творчеством А. Пушкина в пересказе П. Мериме (ибо Пушкин не переводим), ни литература русского зарубежья не произвели столь сильного впечатления на западного читателя. Русские романы, особенно Достоевского и Толстого, оказались наиболее созвучны потребностям западной культуры практически на протяжении всего XX века.

Следует отметить, что среди мыслителей русского зарубежья в наибольшей степени отклик у западной интеллигенции вызвал Н. Бердяев. Причем воспринимались лишь те идеи Бердяева, которые вписывались в порядок собственных размышлений, давали ответы на наиболее волнующие вопросы: о роли рационализма, смысле социализма, духе капитализма.

Вторым по важности культурным явлением после знакомства с русским романом стала антреприза С. Дягилева (Русские сезоны), просуществовавшая на Западе с 1909 по 1929 год. Труппа Дягилева гастролировала в европейских странах и США. Ее спектакли представили западному зрителю богатейший совокупный образ русской художественной культуры. На протяжении всего XX века русский балет был символом высокой русской культуры.

Уровень будущего включает связанные со взаимодействием цивилизаций проекты, предположения, утопии, иллюзии и является частью идентификационных моделей России и Запада. Представления о будущей роли России в судьбе Запада включены как в уровень прошлого, так и в уровень настоящего. Например, метафора России как «земли будущего» существует с XVIII века и встречается до наших дней у деятелей различных направлений. С Россией связывали будущую судьбу Европы многие ученые и политические деятели. Уже во второй половине XX века

социал-демократ Ж. Мартин писал о левой интеллигенции, которая, убедившись в нереальности революции во Франции, уносится мечтой вдаль и тщится обрести ее в дальних странах (имелся в виду Советский Союз).

Россия также не может строить свои планы на будущее, не учитывая Запад — его политику, планы, отношение к России. Мировой кризис со всей очевидностью показал необходимость конструктивного диалога западной и российской цивилизаций, их взаимодействия в антикризисных программах.

**Т. В. Мусиенко¹,
Н. Ю. Яргина²**

СТРАТЕГИЯ КУЛЬТУРНОГО НАЦИОНАЛИЗМА В КИТАЕ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В ГЛОБАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ

Новый китайский национализм оформляется как влиятельная политическая сила к концу 1990-х годов. Характерной его чертой являются отсутствие в нем иррационального экстремизма, рационализм и определенная сбалансированность его позитивных и негативных аспектов. В связи с этим представляет интерес вывод Бена Хиллмана о преобладании конструктивной линии в стратегии современного китайского национализма и связанных с ней позитивных эффектов (обеспечение единства нации и формирование в общественном сознании гордости за свою национальную культуру).

Большинство аналитиков в качестве отличительной черты стратегии современного китайского культурного национализма отмечают его ориентированность на обеспечение национальной интеграции, национального единства, легитимности действующего политического режима и политической стабильности, с одной стороны, и нераспространение идей и принципов национализма на мировую политику и международные отношения — с другой³.

Приоритетность формирования национальной общности, характерная для стратегии нового культурного китайского национализма, связана с высоким уровнем фрагментации китайского общества и многообразием этнических групп, уровень интеграции которых в единую китайскую нацию существенно различается. Ряд этнических меньшинств весьма близок титулярной этнической группе хань, другие этносы существенно отличимы. Часть последних компактно расположена в стратегически значимых регионах вблизи государственной границы Китая, что создает предпосылки для расширения связей с международными террористическими группами и угрозой национальной безопасности Китая в частности и международной безопасности в целом.

Проведение правительством Китая политики уступок в рамках экономической и социальной политики в отношении национальных меньшинств не решает проблему напряженности, существующей в отношениях между центральной частью Китая и его отдельными провинциями, в которых сохраняется угроза как социально экономической, так и политической стабильности. Наиболее сильны

сепаратистские настроения этнических меньшинств, проживающих в таких провинциях, как Тибет, Хэнань, Внутренняя Монголия и Нинся.

Оценивая уровень национальной интеграции в Китае, современные аналитики отмечают определенный успех объединения на уровне создания эффективно функционирующего общенационального государства (Nation State)⁴.

Вместе с тем большинство исследователей склонны придерживаться точки зрения, что современный Китай — это пока лишь государство, ориентированное на формирование китайской нации.

Незрелость нации и неустойчивость интеграционных процессов в Китае подтверждаются активностью сепаратистских движений этнических меньшинств в провинциях Хэнань и Тибет, а также движением за независимость Тайваня. Для Китая проблема национальной интеграции сопряжена с выбором пути ее проведения: либо в рамках стратегии авторитаризма, либо посредством постепенной демократизации общества⁵.

Политика национальной интеграции, проводимая в Китае в рамках идеологии и стратегии культурного национализма, осуществляется, по сути, в соответствии с классической формулой Д. Ростоу о соотношении демократии и национальной интеграции. Модель демократического транзита Д. Ростоу разработана в соответствии с принципом «единство прежде демократии»⁶. Проводимая правительством современного Китая политика укрепления национальной идентичности как основы сохранения национального единства рассматривается аналитиками в качестве начального этапа, предшествующего полномасштабной демократизации⁷. В рамках современного политического анализа соотношения национальной интеграции и демократии в указанную концептуальную формулу вводится фактор глобализации.

Л. Ли обосновывает положение о многосторонности эффектов глобализации, ее влияния на процессы национальной интеграции и формирования национальной идентичности. Глобализация способствует экономической интеграции Китая и Тайваня, создавая тем самым условия для возможного их воссоединения.

¹ Начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии, доктор политических наук, профессор.

² Ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии.

³ Cheng J., Ngok K. Chinese Nationalism and Sino-US Relations: the NATO Bombing of the Chinese Embassy in Belgrade // Nationalism, Democracy and National Integration in China. L.; N. Y., 2005. P. 85–104.

⁴ Mackerras C. China's Minorities and National Integration // Nationalism, Democracy and National Integration in China. P. 147–169.

⁵ Liew L. H., Smith D. The Nexus between Nationalism, Democracy and National Integration // Nationalism, Democracy and National Integration in China. P. 15.

⁶ Rustow D. Transitions to Democracy: Towards a Dynamic Model // Comparative Politics. 1970. Vol. 3. P. 337–363.

⁷ He B. China's National Identity: a Source of Conflict between Democracy and State Nationalism // Nationalism, Democracy and National Integration in China. P. 170–195.

Вместе с тем эффекты глобализации могут иметь вектор, противоположный демократизации. Так, в условиях глобализации расширение экономических связей между провинцией Хэнань и родственными мусульманскими меньшинствами Центральной Азии не содействует укреплению национального единства Китая и его демократизации, а, напротив, укрепляет этническую идентификацию меньшинств, проживающих в этой провинции, провоцируя риски сепаратизма, этнических конфликтов и применения насилия с участием международных террористических организаций¹.

Проблема взаимоотношений Китая и Тайваня, рассматриваемая через призму определения национальной идентичности, является предметом специальных политических исследований². Общим в подходах к исследованию данной проблемы, на наш взгляд, является отнесение так называемого тайваньского национализма к типу политического национализма, в отличие от китайского, который рассматривается преимущественно как тип культурного национализма, включающего в качестве важной составляющей и политический (государственный) национализм.

Ни этничность, ни культура не являются факторами возникновения тайваньского национализма, который формируется на основе появления политической оппозиции правительству Китая, придерживавшейся линии авторитаризма и поддержки демократии. Данные ориентиры не являлись ни антиконфуцианскими (культурологический аспект), ни антиханьскими (этнический аспект). Политический по своему характеру национализм Тайваня стал результатом процесса формирования национальной идентичности в условиях политической модернизации и демократизации этого региона.

Тайваньский тип национализма Л. Ли и Д. Смит соотносят с концепцией креольского национализма Бенедикта Андерсона. Данный тип национализма характерен для населения колоний, имеющего религию, язык, традиции и обычаи, общие с культурой метрополии, но испытывающего в отношении этой страны ощущение отчужденности и страха угрозы оказания давления³.

Ряд исследователей, в частности Д. Линч, рассматривают тайваньский национализм как форму интеграции в глобальную (современную) культуру (Global or Modern Culture). Под глобальной культурой в данном случае понимается совокупность основных норм формирования современного национального государства, устанавливающих необходимость обеспечения рационализма, индивидуальной свободы, материального благосостояния, удовлетворенности институтами исполнительной и законодательной власти как условия их политической легитимности, развития рыночной экономики, формального закрепления принципа равенства граждан. Тенденция к интеграции Тайваня в глобальную культуру, полагает Д. Линч, не совпадает с целями и ориентирами стратегии современного китайского культурного национализма и оставляет открытой перспективу воссоединения Тайваня и Китая⁴.

Авторитаристская линия институционального осуществления процесса национальной интеграции в Китае существенно отдалает интеграцию национальной куль-

туры Китая в глобальную (современную) культуру. Отсутствием современного содержания в современном китайском национализме обеспокоены многие аналитики. Признавая, что религиозный фундаментализм и агрессивность во многом не свойственны китайской цивилизации и ее культуре, они считают, что отсутствие в структуре нового китайского национализма такого важного компонента, как современный рационализм и сохранение нерационального эмотивизма, создает риск для возникновения элементов фундаментализма в форме идеи религиозной или цивилизационной исключительности китайского этноса (Exclusivist Elements), чреватой рисками потенциальных социальных импульсов насильственного характера⁵.

Сами китайские аналитики видят необходимость предотвращения угрозы распространения в идеологии и стратегии нового китайского культурного национализма идеи эксклюзивности и использования последней в качестве обоснования антизападной ориентации и закрытости (изоляция) как основы национального единства и идентичности.

Дж. Ю подчеркивает значимость для Китая стратегии современного национализма, открытого процессам глобальной модернизации. Характерный для стран демократического транзита конфликт национализма и модернизации в форме противостояния Западу, по мнению Дж. Ю, имеет место и в Китае. Преодоление данного конфликта предполагает понимание принципиального различия между модернизацией и вестернизацией.

Современный антивестернизм транзитных государств основан на рассмотрении модернизации как вестернизации. Данный стереотип сложился по причине распространявшегося стандарта восприятия успешной модернизации, прежде всего в западных демократиях.

Вместе с тем радикальное изменение глобальной ситуации во второй половине XX века показало, что, помимо западных моделей модернизации стран Западной Европы и Северной Америки, существуют и другие эффективные модели, подтвердившие свой конструктивный потенциал в рамках модернизации Японии, отдельных стран Восточной Азии, Южной Америки и Восточной Европы.

В западной модели модернизации выделяются американская, английская, французская, немецкая, северо-европейская модели, имеющие свою национальную специфику.

В условиях глобализации модернизация не обязательно означает конфликт с национализмом. Важнейшей целью стратегии современного национализма должно стать определение национальной модели модернизации со специфическими характеристиками, учитывающими особенности Китая. Это позволит усилить в структуре китайского национализма элементы современной идентичности — такие важные характеристики, как открытость и ориентация на интеграцию с процессами глобальной модернизации.

Основными недостатками нового китайского культурного национализма аналитики считают отсутствие базового политического содержания, прежде всего имеющего отношение к ценностям и нормам модернизации и демократии. Новый китайский культурный национализм с его системой ценностей, символов и норм культурной идентификации должен быть дополнен структурными компонентами, обеспечивающими современную политическую (демократическую) идентификацию с соответствующей системой ценностей и типом политической системы. Особый дискурс китайского национализма требует включения конструктивных элементов, отражающих ценность

¹ Liew L. H. Reaching Out To Taiwan, Keeping in Xinjiang : The Impact of Marketization and Globalization on National Integration // Nationalism, Democracy and National Integration in China. P. 196–218.

² Chion C. L. Taiwan's Evolving Nationalism : Ideology for Independence // Nationalism, Democracy and National Integration in China. P. 107–121; Lin C.-L. The Political Formation of Taiwanese Nationalism // Ibid. P. 122–144.

³ Liew L. H., Smith D. Op. cit. P. 14–15; Anderson B. Western Nationalism and Eastern Nationalism : Is There a Difference That Matters? // New Left Review. 2001. Vol. 9. P. 31–42.

⁴ Lynch D. Taiwan's Democratization and the Rise of Taiwanese Nationalism as Socialization to Global Culture // Pacific Affairs. 2002–2003. Vol. 4. P. 567–574.

⁵ Xu J. Intellectual Currents behind Contemporary Chinese Nationalism // Exploring Nationalisms of China : Themes and Contents. Westport ; Connecticut ; L., 2004. P. 27–40.

рыночных отношений, свободы, демократии, законности как сущностных элементов модернизации.

Таким образом, эффективность стратегии продвижения китайского культурного национализма как основы обеспечения стабильности и единства нации связывается с изменением структуры национальной идентичности и включения в нее элементов современного политического контента, обеспечивающего гражданскую национальную идентичность (Civic National Identity).

Обсуждая вопрос о взаимоотношении больших социальных групп, обычно ставят вопрос о диалоге, взаимной терпимости при сохранении качественной определенности, самобытности и макрогруппового (этнического, конфессионального) самосознания. Это обосновывается ссылкой на разнообразие и «совокупное культурное богатство человечества».

Данная точка зрения была отчетливо выражена и в ряде выступлений на VIII Международных Лихачевских научных чтеньях в 2008 году². Так, академик А. А. Гусейнов утверждал: «Культуры (в какой бы — этнической, религиозной, социально-исторической — определенности мы их ни рассматривали) конституируют себя через противопоставление друг другу, через отношение “мы—они”. Одна культура смотрит в другую не для того, чтобы считаться с ней, найти себя в ней, а для того, чтобы отличить себя от нее, противостоять ей»³.

В данном докладе представлена попытка показать, что ориентация на сохранение разнообразия и идентичности макрогрупповых культур сегодня уже несвоевременна, и защитить позицию, которую А. А. Гусейнов справедливо назвал *космополитической*. Она остается у нас крайне непопулярной, а потому для ее обоснования я прибегну к соображениям, почерпнутым из исторической социологии, психологии, а также синергетики и теории систем. Тезисно обозначенная здесь аргументация развернуто изложена в монографии «Антропология насилия и культура самоорганизации» (М., 2008)⁴.

1. Согласно синергетическому определению общество представляет собой неравновесную систему особого типа, устойчивость которой обеспечивается искусственным опосредованием внешних (с природой) и внутренних отношений. Совокупность опосредующих (антиэнтропийных) механизмов составляет *культуру* в единстве ее материальной и духовной ипостасей.

По законам термодинамики жизнедеятельность устойчиво неравновесной системы сопряжена с разрушениями среды, служащей источником свободной энергии, необходимой для антиэнтропийной работы. Поэтому все процессы в такой системе *нелинейны*. В частности, монотонное наращивание антиэнтропийных механизмов накапливает изменения в среде, которые угрожают дальнейшему существованию системы: поработанные прежде механизмы

Очевидно, что перспектива реализации этой задачи означает формирование современного китайского национализма как имеющего в своей структуре компоненты политической (государственной и гражданской) идентичности, культурной и зависимой от них этнической национальной идентичности. Разработка стратегии продвижения культурного национализма представляет собой систему мер по блокированию этнического национализма, обеспечению национального единства, стабильности и безопасности.

А. П. Назаретян¹

ИДЕОЛОГИЯ VERSUS ЦИВИЛИЗАЦИЯ?

становятся контрпродуктивными, то есть чреватými противоположным эффектом — катастрофическим ростом энтропии.

Действие закона эволюционной дисфункционализации прослеживается во всей истории биосферы: ее сопровождали локальные, региональные и глобальные кризисы, спровоцированные собственной активностью организмов, популяций и биоценозов. Обострение кризисов такого рода (в синергетической модели они называются *эндо-экзогенными*) влечет за собой фазу полифуркации: если нет возможности сменить среду обитания, система либо разрушается, либо вырабатывает новые антиэнтропийные механизмы с более высокой удельной продуктивностью (объем полезного эффекта на единицу разрушений). Последнее всегда требовало возрастающей сложности и «интеллектуальности».

Именно кризисы служили творческим импульсом для развития сначала биосферы, а затем и общества. Добавим, что шанс системы на спасительное обновление во многом определялся *избыточным разнообразием*, накопленным в относительно спокойной фазе и служившим ресурсом для новых стратегий жизнедеятельности.

2. На прасоциальной стадии эволюции эндо-экзогенные кризисы приобретают характер *антропогенных*. Используя искусственно заостренные галечные отщепы (чопперы), *Homo habilis* нарушили *этологический баланс* между естественной вооруженностью и инстинктивным торможением внутривидовой агрессии, обеспечивающий жизнеспособность животных популяций. По законам природы эти химерические существа должны были друг друга уничтожить и, похоже, были близки к такому финалу. Согласно наиболее фундаментальной гипотезе, выжить и положить начало новому витку эволюции смогла небольшая популяция с патологическими изменениями в психике. Невротический страх мертвых послужил первым искусственным ограничителем агрессии и импульсом к биологически бессмысленной заботе о больных и раненых сородичах.

С тех пор существование гоминид (включая неантропов — людей современного вида) не имело естественных гарантий. Жизнеспособность коллективов определялась отношением между последовательно возраставшей возможностью разрушений и способностью к ограничению агрессии.

Исследование антропогенных кризисов разного масштаба, различной географической и исторической локализации позволило вывести системную зависимость между тремя переменными: технологическим потенциалом, качеством культурной регуляции и внутренней устойчивостью общества. *Чем выше мощь производственных и боевых технологий, тем более совершенные средства сдерживания агрессии необходимы для сохранения социальной*

¹ Главный редактор журнала «Историческая психология и социология истории», главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Российской академии государственной службы при Президенте РФ (Москва), доктор философских наук.

² Диалог культур и партнерство цивилизаций : VIII Международные Лихачевские научные чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб., 2008.

³ Там же. С. 66.

⁴ См. также: Назаретян А. П. Смислообразование как глобальная проблема современности : синергетический взгляд // Вопросы философии. 2009. № 5.

системы. Эта общеисторическая зависимость обозначена как *закон техно-гуманитарного баланса*.

Появление новых технологий обычно влекло за собой всплеск экологической и/или геополитической агрессии, сопровождавшийся эйфорией всемогущества и вседозволенности. В результате кризисные тенденции обострялись, а за ними чаще всего следовала катастрофическая фаза. В этой фазе интенсифицировались конкуренция и отбор, происходила «отбраковка» разбалансированных социумов (многие очаги цивилизации пали жертвой собственного могущества), и на передний план выдвигались общества, способные освоить адекватные новым технологиям ценностно-нормативные комплексы. Особенно показательны в этом отношении крутые переломы общечеловеческой истории, следовавшие за масштабными антропогенными кризисами.

Так, драматически, посредством кризисов и катастроф, трагедий и обвалов культура регуляции поведения последовательно восстанавливала баланс с возрастающей мощностью орудий. Специальные расчеты *коэффициента кровопролитности* показывают, что в долгосрочной исторической ретроспективе, с ростом убийной силы оружия и демографической плотности, процент жертв социального насилия от численности населения нелинейно сокращался.

3. Как отмечалось, объем накопленного разнообразия составляет важнейшее условие динамической устойчивости системы. Вместе с тем обращение к закону необходимого разнообразия (фундаментальному обобщению кибернетической теории систем) часто приводило к недооценкам, так как бесконтрольный рост разнообразия за границей некоторого оптимума снижает внутреннюю управляемость и эффективность динамической системы.

Формальные и неформальные регламентации и санкции за их нарушение, сопровождающие почти все аспекты социального взаимодействия, нацелены на ограничение разнообразия в поведении и даже мышлении людей — без этого общество теряет жизнеспособность. Сложные механизмы, препятствующие бесконтрольному росту видового и поведенческого разнообразия, выработала и природа. В 1980–1990-х годах российские ученые исследовали соотношение разнообразных характеристик в системах любого рода — от космофизических до когнитивных — и механизм изменения этого соотношения в процессе эволюции. В итоге был сформулирован *закон иерархических компенсаций: рост разнообразия на верхнем уровне иерархической организации обеспечивается ограничением разнообразия на предыдущих уровнях*.

Закон иерархических компенсаций сопоставим по предмету и объему с законом необходимого разнообразия и дополняет его.

4. Еще 50 лет назад многие не верили в грядущее наступление XXI века. Нарастание мощи ядерного оружия, числа боеголовок и дальности средств доставки актуализовало угрозу глобальной военной катастрофы, которая предельно обострилась к 1960-м годам. К ней добавились регулярные испытания боезарядов, отравлявшие атмосферу, почву и гидросферу, побочные эффекты мирной атомной энергетики, бесконтрольное разрушение природы развивающейся промышленностью передовых стран и демографическим взрывом в странах третьего мира.

Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах, заключенный в 1961 году после трудных дипломатических баталий, стал вехой в развитии экологического сознания. Даже те страны, чьи правительства отказались подписать договор (Франция, Китай), вынуждены были постепенно под давлением общественности свести испытания к нулю. В последующем и наивное убеждение в многократной автоматической защищенности

атомных электростанций сменилось адекватным осознанием угроз, что существенно сократило опасность непредумышленных (не спровоцированных террористами) аварий. Впечатляющие успехи принесли локальные, региональные и глобальные экологические меры. Межгосударственные коалиции, не направленные против третьих сил, — мечта гуманистов Нового времени — сделали знаменем эпохи. Экоберегающие психологические установки охватили многие сферы производственной и бытовой активности, дав дополнительный импульс развитию информатики.

Перелом в политическом сознании связан с компромиссным разрешением Карибского, Берлинского и Ближневосточного кризисов. Люди убедились в способности политиков воздержаться от использования наиболее разрушительных средств, и это ослабило катастрофические ожидания. Имеются признаки того, что к концу XX века фаза культурно-психологической привыкания к атомной энергетике успешно завершилась и «классическое» ядерное оружие превратилось из инструмента агрессии в инструмент взаимного сдерживания. Человечество научилось сосуществовать с баллистическими ракетами, так же как в прежние эпохи люди сумели «укротить» (в порядке хронологического убывания) огнестрельное, стальное, бронзовое и дистанционное оружие, грозившее деградацией общества.

Однако избежать ядерной войны удалось ценой переноса глобальных противоречий в русло почти непрерывных локальных войн. В них в общей сложности погибли до 50 млн человек. И только на фоне ожидавшихся (при худшем сценарии) миллиардов жертв, а также благодаря тому, что реальные жертвы были рассредоточены в пространстве и времени, полувековой период мировой политики был назван холодной войной. В действительности жить без «горячих» войн люди по-прежнему не научились.

К XXI веку ситуация стала решительно меняться. С «классического» ядерного оружия реальная опасность сместилась в иную сферу: век оружия массового поражения сменяется веком *знаний массового поражения*. С одной стороны, разрабатываются все более изощренные и дешевые виды оружия, связанные с ядерными минизарядами, нанотехнологиями, робототехникой и геной инженерией. С другой стороны, доступ к информации и образованию во всем мире необычайно облегчается и расширяется. В совокупности эти два фактора ведут к тому, что государства и вменяемые правительства постепенно утрачивают контроль над новейшими технологиями.

При таких обстоятельствах локальные конфликты уже не могут, как в XX веке, служить надежной защитой от глобальной катастрофы. Расчеты показывают, что в современном мире социальное насилие снизилось до беспрецедентно низкого уровня: например, по данным Всемирной организации здравоохранения, среднегодовое число убийств, включая политические репрессии, военные и бытовые конфликты, уступает количеству суицидов. Но чрезвычайно повысилась *чувствительность* людей к насилию (чем и вызвана иллюзия его роста) и, что здесь особенно важно, значительно возросла социальная *цена* его потенциальных последствий. Множащиеся технологии террора делекализируют военные конфликты, делая каждый из них чреватым глобальными последствиями.

До сих пор совершенствование социокультурной саморегуляции сопровождалось драматическим устранением социумов, не сумевших своевременно восстановить нарушенный баланс. Закон техно-гуманитарного баланса предполагает и реальную возможность гибели планетарной цивилизации под обломками собственного декомпенсированного могущества. При этом небывалая скорость

обострения глобальных проблем сочетается с беспримерной скоростью распространения и переработки информации, обеспечивающей способность культуры к динамическим переменам. Соответственно ключевой вопрос эпохи заключается в том, останется ли цивилизация способной совершенствовать механизмы внутреннего и внешнего контроля в соответствии с ускоренно растущими технологическими возможностями, обеспечивая им надежный противовес.

5. Существуют физические, теоретико-системные и психологические основания полагать, что инструментальные возможности управления массэнергетическими процессами принципиально неограниченны, и это открывает перспективу космического распространения интеллекта. Вместе с тем очевидны сценарии саморазрушения цивилизации в обозримом будущем. Ряд концептуальных соображений приводит к выводу об *универсальном естественном отборе* планетарных цивилизаций: на космическую стадию прорываются те из них, которым на всех предыдущих стадиях удалось справиться с последствиями инструментального прогресса; остальные становятся расходным материалом метagalacticкой эволюции.

При этом независимые расчеты свидетельствуют о том, что очередная полифуркационная фаза в развитии Земли наступит не позже середины текущего века. Так что деятельность нынешних поколений определит, окажется ли земная цивилизация в числе фаворитов или «лузеров» универсальной эволюции. Сегодня просматриваются контуры сценария, выводящего события на сохраняющийся («прогрессивный») аттрактор.

6. Фундаментальная задача гуманитарной культуры состояла в том, чтобы *упорядочивать* социальное насилие, по возможности предотвращать его хаотические формы. Это во многом достигалось переносом агрессии на внешний мир: конкурировавшие и сменявшие друг друга *идеологии* надежно обеспечивали деление людей на «своих» и «чужих».

Идеология — *негэнтропийный механизм объединения людей в большие группы путем противопоставления другим людям по признаку приверженности определенному набору сакральных символов*. Символы конструируются посредством мифологизации реальных или вымышленных событий, персонажей, речевых фигур, зрительных образов, наделяемых мистическими смыслами. При бесконечном многообразии сакральных маркеров всем идеологиям по определению присуще в разной мере акцентированное религиозное или квазирелигиозное ядро — объединение единоверцев совместным отвержением неверных, а неизменным спутником идеологического мировосприятия остается реальная или потенциальная война.

В переломных фазах истории совершенствование культурных регуляторов обычно включало расширение групповой идентификации. Так, типичная для палеолита племенная вражда сменялась межплеменными объединениями (вождествами) неолита. В бронзовом веке некоторые вождества дальнейшими захватами образовали города и полиэтничные, но враждебные друг другу государства. Стальное оружие необычайно повысило кровопролитность сражений, и для сохранения передовых цивилизаций потребовался переворот осевого времени, изменивший систему ценностей на огромном пространстве от Иудеи и Греции до Индии и Китая.

В осевое время начали формироваться идеи общечеловеческого единства. Но они оказались чересчур изысканными для рабов и варваров, захлестнувших историческую сцену на спаде первой волны осевого времени и не умевших мыслить мир без хозяина или вождя. Учения, отвергавшие подчинение человека антропоморфной небесной

власти и групповую конфронтацию, были вытеснены на периферию духовной культуры в качестве «избыточного разнообразия». На передний план выдвинулись мировые религии, апеллировавшие к слепой вере, мистическому страху и упованию. Племенные и государственные размежевания сменил пресловутый меч, расчленивший людей по конфессиональному принципу. С распространением мировых религий масштаб групповой идентификации (даже сравнительно с имперскими общностями) в очередной раз увеличился. При этом, однако, внутрисоциальная терпимость к иноверцам сменилась беспримерным фанатизмом.

К концу Средневековья с развитием огнестрельного оружия религиозный фанатизм сделался настоящим бичом европейцев. В Тридцатилетней войне погибло до 90 % взрослого мужского населения Центральной Европы. Вестфальский мирный договор и созданная на его основе политическая система на 266 лет избавили Европу от кровопролития, сравнимого с войнами позднего Средневековья. Однако размытые религиозные барьеры стали замещаться национальными, сословными и классовыми: идеология оставалась атрибутом общественного сознания, а война — атрибутом общественного бытия.

Военные, а также производственные технологии второй половины XX века, предельно обнажив угрозу глобальной катастрофы, потребовали неконфронтационных межгосударственных и межклассовых коалиций, образование которых спасло Землю. Но и концепция общечеловеческих ценностей стала «обрастать» идеологическими акцентами, обернувшись в ряде случаев инструментом давления. На противоположном фланге в качестве протеста против вестернизации распространились «цивилизационные» теории, под эгидой которых реанимируются национальный и религиозный фундаментализм.

Негэнтропийный механизм религиозных и квазирелигиозных идеологий тысячелетиями выполнял стабилизирующую функцию. Но по закону эволюционной дисфункционализации на новом этапе истории он себя исчерпал. Идеологическое мировосприятие, изначально ориентированное на упорядочение насилия, не способно решить исторически беспрецедентную задачу, продиктованную развитием технологий, — *устранение насилия из политической жизни*.

В этом заключается одна из коллизий эпохи. Гуманитарное уравнивание быстро развивающихся технологий настоятельно требует освобождения разума от религиозно-идеологических пут, но без них человек чувствует себя неуютно. Можно предположить, что в обозримом будущем либо человеческий (постчеловеческий, человеко-машинный?) разум перерастет инерцию идеологического мышления, либо идеология уничтожит цивилизацию.

В связи с этим оценка глобальных перспектив во многом определяется ответами на два вопроса. Первый: возможны ли в принципе стратегические смыслообразующие мотивы в последовательно светском контексте? Приняв, что смыслообразование в конечном счете непременно сходится на (квази)религиозной установке по логике априорных идей, мы не можем избежать печального вывода. Существует некоторый предел технологического развития, достигнув которого всякая планетарная цивилизация саморазрушается, и эволюция на Земле вплотную приблизилась к этому пределу. В этом случае превращение интеллекта в космический фактор, допустимое с точки зрения физики, синергетики и эвристики, запрещено законами социальной психологии, поскольку возможности внешнего управления превосходят диапазон интеллектуальной саморегуляции. Соответственно жизнь, культура, разум суть эпифеномены некоторой стадии развития

физической Вселенной, которым в принципе не суждено играть в ней какую-либо активную роль.

При положительном ответе на первый вопрос уместно полагать, что способность освоить стратегические смыслы вне (квази)религиозного контекста является условием космического распространения той или иной цивилизации на данной стадии универсального отбора. А «молчание» Космоса может свидетельствовать о том, что либо ни одна из цивилизаций Метагалактики пока не достигла необходимого уровня развития, либо ни одна из развившихся ранее цивилизаций не прошла теста на светское (критическое) смыслообразование. Отсюда возникает второй вопрос: успеет ли земная цивилизация достигнуть интеллектуального совершенства прежде, чем сползание к пропасти станет необратимым?

Какие смыслообразующие стратегии могли бы сыграть ключевую роль новых мировоззренческих ориентиров — тема отдельного обсуждения. Повод для надежды дает то обстоятельство, что элементы последовательно светского мировоззрения накапливались в мировой философской мысли на протяжении 2,5 тыс. лет. Они присутствуют в учениях античных и китайских философов у истоков осевого времени, арабских зиндиков X века, гуманистов Возрождения, прогрессистов и просветителей Нового времени, материалистов пантеистического направления, агностиков и скептиков.

Великие мыслители, отвечая на запросы своих эпох, искали основания нравственности, свободной от потусторонних оценок и санкций, опорные линии жизнедеятельности, выводящие за рамки индивидуального существования без апелляции к служению небесным повелителям или коллективному тотему, духовности без мистики и солидарности без конфронтации. Идеи, не оцененные по достоинству большинством современников, теперь становятся по-настоящему востребованными историей, и их

«избыточное разнообразие» могло бы составить каркас нового мировоззрения.

Материальным фактором расшатывания религиозно-идеологических установок становится широкое распространение компьютерных сетей с параллельным совершенствованием механизмов и языков представления информации. Под их влиянием линейное («книжное») мышление сменяется мышлением «мозаичным» и паллиативным, менее склонным к оперированию догмами. Размываются границы государств, конфессий и региональных «цивилизаций»: интенсивность индивидуальных контактов все менее определяется географическим фактором.

Этот процесс объективно ведет к сетевой организации мирового сообщества, ограничению разнообразия и отмиранию *макрогрупповых* культур, всегда выстроенных по схеме «они-мы». В соответствии с законом иерархических компенсаций *унификация базовых ценностей и норм создает предпосылку для растущего разнообразия микрогрупповых культур*, построенных на общности актуальных интересов, многократно переплетающихся, а потому по сути неконфронтационных и не нуждающихся в идеологической «склеяке».

Противоречие двух тенденций — реанимация фундаментализма, «религиозный Ренессанс», с одной стороны, и глобализация с размыванием макрогрупповых размежеваний — с другой, — составляет лейтмотив нынешнего этапа мировой истории. Если диалог культур не устремлен к становлению единых космополитических и надрелигиозных оснований, то он непременно дрейфует к «шовинистическому» полюсу. Эффективную альтернативу глобальной катастрофе составляет только мышление, освобожденное от макрогрупповых идентификаций. От того, как быстро такое мышление будет распространяться, во многом зависит судьба цивилизации на Земле.

В. В. Наумкин¹

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ

Данный доклад — лишь размышления по поводу отдельных аспектов диалога, который я считаю возможным назвать межцивилизационным. Этот термин устоялся, вошел в глобальный политический лексикон и, несмотря на большую привлекательность и корректность употребления иной схемой — «одна цивилизация — много культур», вполне допустим как инструмент теоретического дискурса. Конечно, при еще более строгом подходе к терминологии и «цивилизация», и «культура» — абстракции, и в этом смысле прав академик А. А. Гусейнов, говорящий о них как о некоей «обобщенной характеристике множества эмпирических объектов», а сама «цивилизация, как и культура (если говорить о последней в значении, которое соразмерно цивилизации), не имеет субъектности, не существует как эмпирический объект»².

Взаимодействуют, действительно, не какие-то абстрактные цивилизации, а люди, являющиеся носителями различных культурно-цивилизационных ценностей. Однако идеационные мотивации и культурно-цивилизационный «фрэйминг» поступков не только индивидов, но и го-

раздо более крупных сообществ людей, таких как нации или государства, зачастую приобретают столь великую силу, что могут выступать, без преувеличения, в роли извещного «двигателя истории».

Именно поэтому межцивилизационный/межкультурный диалог в нашу просвещенную, но конфликтную эпоху глобализации стал императивом. Он является важным средством преодоления отчуждения, недопонимания, враждебности между людьми, сегодня особенно опасных для судеб мира. Этот диалог является не линейной, а многомерной конструкцией, и он может быть успешным только в том случае, если будет дополнен диалогом внутрицивилизационным, спорами о сути той или иной культуры, ведущимися самими ее представителями. Как мы знаем, эти споры иногда носят более ожесточенный характер, чем споры между представителями различных культур.

Достаточно привести пример дебатов, ведущихся между мусульманскими мыслителями вокруг фундаментальных постулатов вероучения (в частности, по вопросу о понятии джихада), с самого начала своего существования допускавшего разномыслие и разнообразие мнений и толкований. Известно, что межцивилизационные отношения по линии «Запад — мир ислама» в последние годы, в первую очередь в силу политических причин, становились все более напряженными. Появлялись целые проекты, нацеленные на преодоление этого противостояния, но

¹ Руководитель Центра арабских исследований Института востоковедения РАН, заведующий кафедрой региональных проблем мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор.

² Гусейнов А. А. О чем мы говорим, когда говорим о диалоге цивилизаций // Диалог культур и цивилизаций в глобальном мире : VII Междунауч. Лихачевские науч. чтения, 24–25 мая 2007 г. СПб., 2007. С. 57.

обреченные на невыносимые трудности действий людей, присвоивших себе право выступать от имени религий и культур (джихадизм — с одной стороны, «война против террора» — с другой).

Очевидно, что два момента являются ключевыми для успешного ведения диалога. Первый — желание и умение понять Другого, отказаться от стереотипов и мифических представлений друг о друге. Второй — готовность отказаться от насилия, навязывания своей культуры Другому, толерантность, принятие разнообразия культур как неизбежной данности мира. Коль скоро речь зашла о пресловутом джихадизме, замечу, что представление о том, что мусульмане хотят огнем и мечом распространять свою веру, как раз и является тем злым стереотипом, который требует решительного преодоления. Но для окончательного и бесповоротного преодоления стереотипов Других и о Других сначала необходимо всем — и христианам, и мусульманам — хорошо разобраться в своем собственном доме.

Отношение к иноверцам в Средневековье было непростым. Вспомним, какие небывалицы о мусульманах поначалу сочиняли христиане. То, что писали о пророке Мухаммеде, сейчас даже некорректно цитировать. Прославленный христианский богослов, святой Иоанн Дамаскин самым оскорбительным и непозволительным образом отзывался о пророке и Священной книге мусульман¹. Справедливости ради надо сказать, что мусульмане ни тогда, ни сегодня не позволяли себе подобных высказываний в адрес пророков других религий. Конечно, то была эпоха полного отсутствия взаимопонимания между двумя культурами, но арабы-мусульмане (притом что я вовсе не склонен их идеализировать — то была эпоха всеобщей жестокости, жестоким языком люди говорили с людьми и от имени религии), хотя и вышли из пустыни, все же относились к Другому с большим пониманием.

О полном нежелании узнать суть новой религии со стороны христиан свидетельствовало объяснение Константином Багрянородным² фундаментального мусульманского выражения «Аллаху Акбар»: это будто бы *Alla oia Koubar*, то есть «Бог и Афродита»³. Иначе говоря, истоковые арабийские единобожники оказывались будто бы язычниками, поклонниками Венеры. Воспоминание об этом осталось в исторической памяти. Не случайно так остроотреагировал мусульманский мир на то, что папа Бенедикт позволил себе процитировать неуважительное и в корне ошибочное высказывание жившего в XIV веке византийского императора Мануила II Палеолога в адрес ислама⁴. Конфликт удалось погасить, а ранняя эпоха невежества европейцев в отношении ислама сменилась желанием понять, а затем и адекватно оценить. Правда, впереди были еще крестовые походы и никак не изживаемое навязчивое стремление силой обратить в христианскую веру всех мусульман⁵.

Кстати, именно терпимое отношение средневековых исламских государств к иноверцам (за исключением некоторых отдельных периодов в истории халифата) стало отличительным признаком этой религии, обеспечившим ей высокую привлекательность. Иноверцы принимали ислам вовсе не под угрозой меча: достаточно сказать, что в Ибе-

рии в VIII веке, непосредственно после арабского завоевания, насчитывалось лишь несколько тысяч мусульман, а в X веке «практикующие» приверженцы мусульманства составляли уже подавляющее большинство населения⁶.

Конечно, при этом играли роль и экономические, меркантильные соображения: принятие ислама освобождало от *джизы*, специального подушного налога на *ахль аз-зимма* («людей, находящихся под покровительством»), уплата которого гарантировала полную свободу исповедовать свою религию в *дар аль-ислам* («земле ислама»). Кстати, именно этот налог, а также существовавший в отдельные периоды эпохи халифата порядок, требовавший от христиан и иудеев носить отличную от мусульманской одежду (пояс и шапочку), иногда использовались как аргументы теми, кто считал мусульманскую терпимость недостаточной, говоря о дискриминации иноверцев. Но ислам все равно превосходил в толерантности другие религии. Не случайно на территорию халифата из средневековой христианской Испании бежали жестоко преследуемые там иудеи.

Как известно, ислам сурово осуждает вероотступничество: переход из ислама в другую веру карается смертью, равно как и хула на пророка или Коран. Правда, как уже говорилось, разномыслие в средневековом мусульманском мире было удивительным. Христианство же в Средние века боролось с ересями самым жестоким образом. В 1209 году, взяв город Берзиер во Франции, крестоносцы сурово расправились с последователями секты катаров — они не без гордости докладывали папе, что перебили 15 тыс. человек. А что уж говорить о пресловутой католической инквизиции, которой, кстати, не было в православии, хотя на наших кострах, бывало, тоже жгли. Когда в 1099 году крестоносцы взяли Иерусалим, «они безжалостно убивали в сущности всех, кого находили, — и мусульман, и иудеев»⁷. Арабы в ходе своих завоеваний в отношении «людей Писания» такой жестокости не проявляли.

Хронисты пишут, что первые крестоносцы, которых вели на Святую землю фанатики-лжепроповедники, устраивали кровавую резню неверных везде, где могли. А разве нам ничего не напоминает возводимая к Августину концепция «справедливой войны», в соответствии с которой святой благословлял христиан при определенной ситуации брать в руки оружие. Вот папа Урбан и провозгласил «малый джихад» против неверных, то есть крестовый поход. Освобождать Святую землю папе понадобилось почему-то через четыре с половиной века владения ею мусульманами.

Как пишет американский историк и богослов Р. Армур, вдохновитель Второго крестового похода, епископ, святой Бернар Клервоский оставлял живущим на Святой земле мусульманам лишь один выбор: обращение в христианство или смерть⁸. Понятно, почему так болезненно был воспринято уподобление экс-президентом Бушем войны в Ираке «крестовым походам». Столь же острую реакцию вызывает в мире ислама и безоговорочная поддержка Вашингтоном Израиля, оккупировавшего землю, которую арабы — и мусульмане, и христиане — считают своей, к тому же обильно политой кровью их предков еще в Средние века.

Это ничуть не оправдывает антисемитских высказываний, нередко раздающихся в мусульманских странах. Они отвратительны. Но исламофобия, поразившая, к сожалению, и некоторых наших сограждан, не менее омерзительна. Вспоминаю чувство изумления, которое возникло

¹ См.: Армур Р. Ислам и христианство: непростая история. М., 2004. Гл. 100–101 «О ересях». С. 78.

² Византийский император Константин VII Багрянородный (905–959) известен широкому кругу российских читателей как человек, ставший согласно изложенной в «Повести временных лет» версии крестным отцом святой равноапостольной княгини Ольги.

³ Meyendorf J. Byzantine Views of Islam // *Dumbarton Oaks Papers*. Washington, 1964. № 18. P. 118.

⁴ Напомним, что Бенедикт XVI выступил в Регенсбургском университете с речью, в которой процитировал это высказывание.

⁵ К примеру, политику насильственного обращения мусульман в христианство проводил папа Григорий IX.

⁶ См. об этом: Bulliet R. W. *Conversion to Islam in the Medieval Period*. Cambridge, 1979.

⁷ Runciman S. *A History of the Crusades*. Cambridge, 1968. Vol. 1: The First Crusade and the Foundation of the Kingdom of Jerusalem. P. 287; также см.: Армур Р. Указ. соч. С. 124.

⁸ Армур Р. Указ. соч. С. 116.

у меня при знакомстве с отрицательными высказываниями о палестинцах хорошо известной в нашей стране израильской писательницы Дины Рубиной. Не должен так думать «инженер человеческих душ». После таких мыслей писательские достоинства этого человека меня перестали интересовать.

Но вернемся к диалогу и толерантности как его предпосылке. Показательны дебаты вокруг самого понятия толерантности¹, которое, несмотря на свою кажущуюся этическую безупречность, вовсе не пользуется безоговорочной поддержкой со стороны религиозных деятелей различных конфессий. В современном православном дискурсе существует подозрительность, вызванная тем, что это понятие будто бы навязано извне некими враждебными православной идентичности силами, может способствовать размыванию исконных морально-нравственных ценностей и — в случае с Россией — пошатнуть ведущие позиции православия. Иначе говоря, толерантность рассматривается не как религиозно-философское понятие, а как политическая категория, отношение к которой непосредственно связано с соперничеством конфессий, обостряемым прозелитизмом некоторых направлений в них.

Проповедь толерантности не всегда находит поддержку среди части мусульманского духовенства. Приведем в пример нападки на российского ученого-исламоведа сирийского происхождения Тауфика Ибрагима, интерпретирующего основные источники исламского вероучения в духе толерантности. Особенно острую реакцию вызвало понимание ученым сути отношения ислама к христианам и иудеям и, в первую очередь, его тезис о том, что согласно Корану эти «люди Писания» могут, подобно мусульманам, достичь спасения в загробной жизни (более того, Ибрагим распространяет это утверждение частично и на атеистов). Именно этот тезис вызвал наиболее острую реакцию среди части российских мусульманских богословов, один из которых в Интернете обвинил ученого в том, что он является наймитом зарубежных антиисламских сил, поскольку сомневаться в том, что всем немусульманам уготован адский огонь, — преступление. Этот мусульманский богослов вскоре, к сожалению, сам пал жертвой религиозных фанатиков (по версии, озвученной прессой, «ваххабитов», против которых он выступал с не меньшей энергичностью, чем, как ни парадоксально, против ученого, проповедовавшего кораническую терпимость).

В отношении призывов Ибрагима реформировать ислам (а таких попыток, как известно, в истории было немало) российский богослов вынес неумолимый приговор: «Много было попыток реформировать Ислам и в Египте, и в Пакистане, и в других странах. Не прошло и полвека, как народу стали видны коварные замыслы и ядовитые кльки этих реформаторов». И совсем стандартное в таких случаях обвинение: ученый «помогает тем, кто хочет ослабить Ислам в России»². Были и прямые угрозы: если кто разгневет Аллаха, «то Всевышний сделает так, что гнев этих же людей падет на такого человека. Это послужит ему наказанием. Тауфик Ибрагим, Вам нужно осознать это, ведь никто из людей не вечен».

Нет ничего удивительного в полемике, которая разгорелась вокруг ряда наиболее непривычных тезисов Ибрагима, вроде заключения о том, что «...кораническая полемика с определенными догматами христианства и иудаизма не подтверждают тезис о фальсификации библейского текста». В ответ на это один из его критиков ссылается на южноафриканского мусульманского проповедника Дида-

та, который «грамотно показывает и доказывает, что Библия уже не является оригинальным и неизменным словом Божиим». И опять ученого, истинного знатока священных текстов и мусульманской экзегетики, обвинили во всех грехах: теперь он, оказывается, хочет привести российских мусульман «к синкретизму сирийских алавитов, которые молятся в церквях и причащаются вином»³.

Вернемся к критике концепции толерантности отдельными православными священнослужителями, которая отчасти перекликается с высказываниями вышеназванных представителей мусульманского духовенства. Девиз недавнего открытого письма епископа Пермского и Соликамского Иринарха к согражданам и местным властям региона однозначен: «Толерантность — это когда тебя выжидают из твоего дома, а ты не сопротивляешься»⁴.

Владыка Иринарх утверждает, что когда с Запада «нам пытаются навязать некую толерантность», то есть «вместо любви к ближнему как образу и подобию Божию в межнациональной сфере и вместо культивирования свободы совести в духовной сфере пытаются навязать некую терпимость», тем самым нашему народу хотят привить «приемлемость порока» и даже осуществляют «прямую экспансию против российской государственности». Епископ призвал всех православных граждан не участвовать в конференциях по толерантности, а всю родительскую ответственность — требовать запрещения уроков толерантности в школах без согласия родителей. О каком диалоге тут можно говорить!

Конечно, когда под толерантностью понимается терпимость к наркомании, моральному разложению и прочим болезням цивилизации, я склонен поддержать религиозных деятелей. В этом смысле можно по-разному толковать высказывание священника Георгия Рябых о том, что Россия «не нуждается в заимствовании, в том числе в системе образования, таких понятий, как “толерантность”»⁵. Священник справедливо обратил внимание на то, что во многих докладах и документах, «которые формируются на Западе и содержат жесткую критику России, слово “толерантность” является как раз одним из ключевых». Но повод ли это отказаться от этого важного понятия, которое мы можем понимать в таком смысле, в каком оно и должно пониматься. Вообще, вся эта полемика весьма напоминает историю с многострадальной демократией. А ведь тоже хорошее слово!

Показательно, что беспокойство по поводу нашей российской духовности выражают не только религиозные деятели, но и ученые. Приведем, к примеру, мнение экономиста А. В. Акимова, который считает, что духовность «в настоящее время утеряна или выродилась. Роль православия в качестве духовного наставника невелика, некоммерческое искусство прозябает, низок престиж знаний, если они не приносят дохода, бескорыстие рассматривается общественным сознанием как блажь или неполноценность, трудовая мотивация слаба, престиж труда невелик, если он не приносит высоких доходов, огромное количество бездомных детей при живых родителях⁶, тяжелое положение стариков при живых детях, чисто формальное социальное обеспечение, безразличие к судьбам бездомных и заключенных со стороны государства и большинства россиян оставляют мало места для иллюзий относительно высокой духовности современного российского общества»⁷.

³ Абдулхаков М. К синкретизму алавитов? Куда зовут российских мусульман Т. Ибрагим? URL: <http://www.islam.ru/pressclub/islamophobia/taufiq>.

⁴ См.: <http://www.permeparhia.ru/index.php?id=1016>

⁵ Иерей Георгий Рябых. Россия не нуждается в таких понятиях, как «толерантность». URL: <http://www.rusk.ru/newsdata.php?idar=730225>

⁶ По данным российской прессы, в результате семейного насилия в российских семьях ежегодно погибает не менее 20 тыс. детей.

⁷ Акимов А. В. Цивилизационные аспекты демографических проблем в России. М., 2006. С. 20.

¹ Используемые понятия «толерантность» и «терпимость» не идентичны: терпимость понимается здесь как качество, толерантность — как норма, категория.

² Рамазанов Курамахаммад-хаджи. Кому верить: Тауфику Ибрагиму или Корану? URL: <http://www.islam.ru/lib/warning/taibmi>

Иногда высказываются сомнения в целесообразности межрелигиозного диалога вообще, основанные на том, что каждая религия, естественно, потеряет смысл, если откажется от постулата о своем превосходстве над остальными. Тем не менее межрелигиозный диалог существует и постепенно становится нормой взаимодействия конфессий. Это, однако, не снижает остроты межрелигиозного противостояния, особенно в тех случаях, когда конфессиональные группы населения живут в непосредственном соприкосновении друг с другом. Даже группы, верования которых имеют репутацию терпимых, склонны в этих случаях проявлять агрессивность с применением насилия в отношении инаковерующих. Я имею в виду индуистов Индии — страны, где живет одна из самых многочисленных мусульманских общин в мире (по примерным подсчетам, не менее 150 млн человек), которые повинны в убийствах мусульман и разрушении святынь (это, естественно, не означает, что мусульмане, в свою очередь, не готовы платить индуистам той же монетой).

На мой вопрос о том, почему буддисты отдельных районов Бирмы не проявляют такой терпимости, как буддисты в некоторых других странах Юго-Восточной Азии, один из местных религиозных деятелей ответил, что дело в географической близости Индии и соответственно большим влиянием индуизма, склонного к большей жесткости к иноверам. Впрочем, и такая буддистская, да к тому же традиционно монархическая страна, как Таиланд, тоже не проявила терпимого отношения к мусульманскому населению южных провинций, что даже стало источником напряженности в отношениях между Таиландом и Малайзией, обвиненной чуть ли не в поддержке сепаратизма. Естественно, речь идет не о самой религии, а о людях, которые проявляют жестокость, совершают насильственные действия от имени религии, не имея для этого никаких оснований.

Чем же так страшна эта толерантность, если ее сторонников бьют со всех сторон? Бьют не только экстремисты, террористы и тому подобные, но и призывающие к добру священники и имамы. Как же быть тогда с диалогом — и межцивилизационным, и межрелигиозным? Конечно, священнослужители не обязательно толерантности противопоставляют нетерпимость, тем не менее найдутся люди, которые делают из атаки на толерантность именно такой вывод. Но нетерпимости и злобы в нашем обществе и так хватает. Иначе говоря, те, кто призывает к высокой моральности, как раз и бьют по морали. Может быть, дело как раз в извечном соперничестве религий? Нельзя проявлять толерантность даже к приверженцам религий, появившихся из одного и того же авраамического корня, к людям, верующим в одного Бога.

Впрочем, вопрос о том, веруют ли христиане и мусульмане в одного и того же Бога, является одним из наиболее сложных для богословия — и христианского, и мусульманского, а я не хотел бы вторгаться в богословскую сферу. Конечно, православным есть о чем беспокоиться: зона распространения ислама растет, причин тому много, и они не только демографического характера. Грустно, когда на Ближнем Востоке постепенно теряют свою христианскую идентичность традиционно христианские города Палестины Рамалла и Вифлеем, становится меньше христиан в Сирии, Ливане, Иордании. Но, может быть, как раз в этих условиях нам и нужна толерантность?

Еще больше она необходима в традиционно конфликтных отношениях между верой и неверием, религией и атеизмом, религиозностью и секуляризмом. Европа давно дала свой ответ на извечный спор между ними, сделав светский характер своей цивилизации ее краеугольным камнем. Много атеистов и в нашем обществе, где вера, к сожалению, преследовалась в течение всего совет-

ского периода нашей истории — как раз толерантности атеистической власти и не хватало. Сегодня неверие не в моде, стало непривычным открыто исповедовать атеизм, как это делает, к примеру, живущий в Санкт-Петербурге нобелевский лауреат академик Виталий Гинзбург. Однако парадокс состоит в том, что истинно верующих людей совсем немного, и уже привычно стоящие со свечами в руках в церквях руководители ведут себя вовсе не по-христиански.

Третья мировая религия — буддизм — более терпимо относится к секуляризму, чем две другие, возможно, в силу своего *нетеистического* характера. «Для того чтобы проявлять заботу о других, нам необходима определенная энергия, которую мы черпаем в любви и сострадании, — сказал духовный глава буддистов Далай-лама в выступлении перед калмыцкой диаспорой США, — это общечеловеческие ценности, которые не имеют прямого отношения к религии. Это то, что я называю “секулярной этикой”»¹. По словам Далай-ламы, для того чтобы развивать любовь в человеческом обществе (а именно это является абсолютным императивом для буддистов), можно прибегнуть к трем способам: вышеназванной «секулярной этике»; теистическим религиям (христианство, иудаизм, ислам, признающие личность Бога-творца); нетеистическим религиям (джайнизму и буддизму).

Выступая на VIII Лихачевских научных чтениях, Высокий представитель Генерального Секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций», экс-президент Португалии Жоржи Сампайо призвал «развивать новые стратегии и принципы межкультурного и межрелигиозного диалога» и правомерно поставил ряд вопросов, касающихся взаимоотношений между обществом, государством и религией, в том числе: «Каково значение взаимоотношений между политическими доктринами, основанными на принципах демократии или религии? Как преодолеть взаимное недоверие между государственными и церковными деятелями и достичь конструктивного диалога?»².

Для адекватного ответа на подобные вопросы очевидным императивом является необходимость организовать процесс интракультурного и межкультурного глобального диалога между культурами, который бы охватывал максимально большое число участников. Ссылаясь на одного из известных авторов, разработавших теорию диалога, — Макинтайра, Хернан Лопес-Гарай пишет о его идее, «чтобы западные университеты стали живыми моделями — для общества в целом — таких совокупностей, в которых единство жизни коллективно поддерживается через развитие и сохранение традиций морального исследования»³.

Важно то, кто является субъектом межцивилизационного диалога, в котором есть и светская, и религиозная составляющие. Глобализация вносит свои коррективы в сущность и структуру диалога. В числе ученых, кто пытался концептуализировать динамику изменения конфигурации традиционных цивилизаций в современном глобализующемся мире, можно назвать, к примеру, А. И. Салицкого. Он выделяет три «вертикальные цивилизации» в современном мире: политико-идеологическую, деловую и творческую⁴.

В русле данных попыток идет дискурс, в рамках которого цивилизационный подход дополняется социаль-

¹ Текст выступления Его Святейшества Далай-ламы перед калмыцкой диаспорой США. Филадельфия, 16 июля 2008 г. URL: <http://savetibet.ru/2008/09/26>

² См.: Диалог культур и партнерство цивилизаций : VIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 32.

³ Lopez-Garay H. Dialogue Among Civilizations : What for? // Dialogue among Civilizations. N. Y., 2005. Vol. 1 : Global Scholarly Publications. P. 247.

⁴ См.: Салицкий А. И. Размышления после Родосского форума // Восток — ORIENS. 2004. № 1. С. 173.

ным. К примеру, авторы монографии «Население и глобализация»¹ пишут о формировании всемирной «социально-демографической пирамиды глобализации». Эта пирамида включает «глобальную элиту»; глобалистскую предэли-ту; людей, вовлеченных в процесс глобализации в национальных рамках; людей с достаточно высоким уровнем жизни, получающих доходы в наименее глобализированных секторах национальной экономики; всех остальных (4,5 млрд человек), не выходящих на уровень глобализированной экономики, но опосредованно от нее зависящих.

Но надо заметить, что нынешний всемирный экономический кризис продемонстрировал столь высокую взаимозависимость экономик и социумов различных стран, что такое деление, возможно, нуждается в пересмотре. Если все же принять этот принцип пирамиды, то следует заметить, что предрасположенность к межкультурному диалогу проявляют представители ее вер-

хних слоев. В то же время это могут быть такие люди, которые адекватно представляют ценности и нормы своей культуры, а не космополитически ориентированные интеллектуалы.

Что же касается нашей страны, то особую значимость для ее судьбы имеют традиционные нормы взаимоуважения, взаимодействия, сотрудничества и сплочения, установившиеся во взаимоотношениях между различными религиями, которые исповедуют россияне. Нельзя не согласиться с мнением К. Фролова, который писал в связи с избранием нового Патриарха Московского и всея Руси: «Одновременно Патриарх может призвать к большей социальной и национальной ответственности политический класс, предложить формулу исторического прорыва России. Это формула национальной модернизации на основе традиций и свободы, помноженной на нравственную ответственность каждой личности»².

**О. А. Омаров³,
Р. М. Абакарова⁴**

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

Духовная культура в истории человечества существует исключительно в форме диалогичности, ибо живой человеческий дух противоречив, диалектичен по своей природе, так как созидание возможно только путем преодоления противоречий, как вне человека, так и в самом человеке. Диалог — своего рода лаборатория, одушевленное поле поисков истины, он невозможен без соприсутствия в нем духовной культуры. Диалог понимается не только как живое общение, но и гораздо шире — как отношение человека к миру, самому себе, историческому наследию и общечеловеческой культуре современных народов.

Усвоение культуры делает личность открытой для диалога как с прошлым, так и с настоящим и даже с будущим. Поликультурное пространство как единая система, объединяющая традиционное с прогрессивным, инновационным, способно сохранить уникальность при условии, если в своей основе оно имеет общечеловеческие нравственные ценности, выраженные в формах диалога. Диалог в поликультурном пространстве может быть основан на уважении себя и себе подобных, умении понять себя через другие нации, конфессии, то есть на владении всеми законами общения: приобщение к ценностям другого и приобщение другого к своим ценностям.

Необходимость диалога и даже полилога в поликультурной системе Дагестана обосновано тем, что эта республика — своего рода лаборатория, макромир в миниатюре, где, не допуская явных конфликтов, совместно проживают около 60 народностей и все мировые традиционные и инновационные конфессии. Важно выявить среду, систему для поиска устойчивого развития в поликультурной среде. Функцию стабилизатора в поликонфессиональном, многонациональном, поликультурном Дагестане может выполнять интеллигенция, воспитанная на отечественных научных и культурных традициях. Дагестан сегодня оказался в сложной ситуации экономического, по-

литического и духовного противостояния. Высокая безработица обуславливает явные и латентные конфликты элиты и народа, традиционных и инновационных религиозных направлений.

Кризис духовности многонационального и многоконфессионального Дагестана связан прежде всего с переоценкой традиционных духовных ценностей, пока еще неприятием ни современных прозападных ценностей, ни восточных традиционно мусульманских ценностей и, к большому сожалению, частичной потерей «советских» ценностей. Эта многополярность требует поиска стабильности. В современном мире демократические принципы жизнеустройства не допускают доминирования определенных ценностей, исключения или пренебрежения иных взглядов, позиций. Обеспечить стабильность, противостоять крайним взглядам, деструктивным нормам поведения возможно с помощью создания центров, институтов национальных и культурных проблем, в рамках которых ученые, педагоги, психологи будут выступать примером и условием стабилизации и поиска диалога в поликультурном пространстве.

Диалог — это интеллектуальное общение самостоятельно и по-разному мыслящих субъектов⁵. В диалоге только с себе подобными, равными возникает мораль и возможность моральной оценки обстоятельств и ситуации. Самосознание, ментальность формируется только в соотношении с ментальностью другого.

Очевидна важность диалога для сохранения уникальности этнокультуры и индивидуальности человека. Диалог — это прежде всего общение с человеком, с «текстом», с самим собой (как логика мышления — диалогика), со всем миром — миром бытия. Диалог как средство общения имеет свое особое «культурное пространство-время», выходящее в своем «действии» за пределы состояния общения. Диалог в этнокультурной традиции разворачивается в диахронном его проявлении и синхронном его осуществлении. Диахронное проявление диалога связано с изучением культуры в историческом контексте.

Всякое явление в культуре имеет причину происхождения, то есть контекст культурного проявления, впоследствии сохраняющийся как культурная память, культурный

¹ Население и глобализация / под общ. ред. Н. М. Римашевской. М., 2002.

² Фролов К. Я не хочу, чтобы нашу Русь считали Русью глупой: историческая миссия Патриарха Кирилла // Политический класс. 2009. № 1 (49). С. 26.

³ Директор Дагестанского научного центра РАО, заведующий кафедрой физической электроники Дагестанского государственного университета (Махачкала), доктор физико-математических наук, профессор.

⁴ Заведующая кафедрой теории и истории культуры Дагестанского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

⁵ Касан М. С. Мир общения: проблемы межсубъектных отношений. М., 1988. С. 10.

код. Культура как ненаследственная память всегда связана с историей, всегда подразумевает непрерывность нравственной, интеллектуальной, духовной жизни человека, общества и человечества. И поэтому, когда мы говорим о современной культуре, мы, может быть сами того не подозревая, говорим и об огромном пути, пройденном этой культурой. Путь этот насчитывает тысячелетия, перешагивает границы исторических эпох, национальных культур и погружает нас в одну культуру — культуру человечества.

Диалог в синхронном пространстве реализуется в поиске общего в понимании мира, человека представителями разных национальностей, народов, конфессий. В поликультурном пространстве обнаруживается необходимость диалога нескольких поколений, действующих в едином пространстве: детей — родителей — престарелых родителей; субкультур — традиционной и инновационной; консервативности и свободы воли индивидов. Диалог предполагает особый тип отношений общения — как активное взаимодействие равноправных субъектов, а равноценными считаются только нравственно свободные субъекты. Субъектами могут быть свободные носители единичных и особенных ценностей, которые они пытаются сохранить в процессе толерантного диалога, опираясь на общечеловеческие ценности. Синхронный диалог возможен только при условии свободы субъектов диалога.

Диалог консервативности этнокультурной традиции и свободы самовыражения личности может рассматривать традицию с позиции человека как субъекта материального и духовного производства, в котором реализуются его потребности в труде, познании, оценке, общении. Так возникает системное исследование реализации человеческой свободы воли, что, как мы полагаем, позволит понять, каким образом человек реализует себя как субъект свободы в рамках консервативности этнокультурной традиции. Традиция, как и культура, может существовать только благодаря человеку. «Где существует человек — там существует и традиция. Традиция становится тем “механизмом” культуры, который заменил ей действие генетического кода, сохраняющего и передающего информацию. Иначе говоря, она оказывается особым типом памяти, совокупной памятью человечества, наций, социальных групп»¹.

Человек в диалоге традиции и инновации предстает как единство противоположностей, так как в процессе культурогенеза у человека сформировалась своего рода потребность выходить за пределы повторения созданного, за пределы репродуцирования известного, за пределы традиционных форм поведения и создавать новое, совершенствовать усвоенное, разгадывать неизвестное. Особенностью человека является творческое начало, осно-

ванное на повторении усвоенного (традиционного) и желании преодолеть существующие стереотипы. Человек не может быть полностью растворен в социальных структурах, он укоренен не только в современном ему обществе, но и в истории, культуре, этносах и даже в ареалах своих биологических предков.

Еще с древнейших времен существуют представления о человеке как микрокосме, в котором отражается макрокосм. Обращение к проблеме человека через призму морального сознания основано на необходимости обращения должного внимания к человеческой субъективности, к гуманистическому содержанию культуры, определяющему саму возможность диалогичности культур. Этнос и человек создают свою культуру, которая регламентирует их нормы поведения, определяет ценности, закрепляются при многократном повторении как привычка для человека или ритуал для этнокультуры. В этнокультуре и в человеке мировосприятие основано на поиске диалога рационального и чувственного, причем чувственное должно быть ведомо рациональным. Определяющими в проявлении индивидуальности или уникальности являются нравственные принципы, на которых базируется весь комплекс культуры — индивидуальный или этнокультурный. Духовная культура в истории человечества существует исключительно в форме диалогичности, ибо живой человеческий дух противоречив, диалектичен по своей природе, и созидание возможно только путем преодоления противоречий как вне человека, так и в самом человеке.

Полидиалог является способом обеспечения межэтнического общения и сохранения уникальности определенных этнокультур в условиях технологической унификации культурного мира современного общества. Поиск стабилизации, диалога в конфликтном регионе может быть обеспечен творческой интеллигенцией, утверждающей базовые ценности российской научной ментальности. Примером тому может служить созданный нами «институт национальных проблем» — Дагестанский научный центр РАН, который в течение десяти лет работает в направлении поиска механизмов стабилизации латентных и явных конфликтов в поликультурном пространстве, объединяя силы всей творческой интеллигенции Дагестана.

Таким образом, научная, творческая интеллигенция способна обеспечить диалог в полиэтничном, поликультурном, поликонфессиональном Дагестане, основываясь на общечеловеческих ценностях, которые являются основой и гарантией уникальности этнокультуры в рамках мировой культуры; диалог при этом — единственная форма сосуществования особенностей и уникальности этнокультуры и всеобщности мировой культуры.

И. Н. Панарин²

РОССИЯ И США: БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Отношения с США — один из приоритетов внешней политики России, важный фактор международной стабильности. В условиях глобального кризиса ключевыми задачами являются обеспечение их устойчивого развития в конструктивном и предсказуемом русле, расширение сфер совпадения интересов, сужение зон разногласий на основе поиска компромиссов с учетом национальных интересов друг друга.

¹ Кэган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 313.

² Профессор Дипломатической академии МИД России (Москва), доктор политических наук.

В 1942 году президент Ф. Рузвельт в послании Конгрессу США писал: «Мужественное сопротивление русского народа является огромной помощью всем народам, сопротивляющимся нацистской военной машине. Это сопротивление полностью нарушило нацистские планы и развеяло миф о непобедимости нацистов». Под Сталинградом и Курском наступил перелом в великой битве с фашизмом, а в мае 1945-го знамя Победы уже реяло над рейхстагом.

Эти исторические обстоятельства определяют важность современной «перезагрузки» и улучшения взаимоотношений наших великих государств. Ведь глобальный

мировой кризис — *главная угроза современной системе международных политических и экономических взаимоотношений, уровню и образу жизни народов наших стран.*

В принятой 6 апреля 2008 года Декларации о стратегических рамках российско-американских отношений отражен комплексный характер взаимодействия между Россией и США по основным направлениям в целях обеспечения стабильной преемственности на перспективу. В 2009 году наметились позитивные предпосылки для улучшения диалога России и США. Хотелось бы, чтобы эта проявившаяся тенденция развивалась и укреплялась, чтобы был найден баланс взаимных интересов в условиях глобального кризиса.

Можно выделить следующие ключевые тезисы, связанные с определением возможностей для придания российско-американскому диалогу нового динамизма.

1. Оптимальной идеологической формулой, которая будет содействовать успешной реализации антикризисного курса России в ближайшие годы, по нашему мнению, является формула *интеграции Евразии*, опирающаяся на духовно-геополитические взгляды Александра Невского и современные модели интеграционных процессов Европейского Союза. Евразия — это великая «чертежная доска» для деятельности самобытных цивилизаций, способных к совершению инновационного технологического рывка. В связи с этим создание Евразийского Союза к 2012 году, использующего конструктивный опыт межгосударственного строительства ЕС, СНГ, ЕврАзЭС, — позитивная перспектива в борьбе с глобальным кризисом. У Евразийского Союза может быть две столицы: северная — Санкт-Петербург, южная — Алма-Ата. Лидером нового межгосударственного образования — Евразийского Союза, по нашему мнению, должен стать В. В. Путин.

2. *Граждане нашей страны настороженно относятся к усилению военной мощи США у европейских границ России.* Тем более что российская военная группировка в районе Калининграда уменьшилась в несколько раз, что является как раз примером вполне открытого и прагматичного подхода к безопасности.

В России *в 70 раз больше людей, чем в США, погибло в годы Второй мировой войны*, поэтому россияне крайне негативно воспринимают приближение военной инфраструктуры к границам страны. И граждан России можно понять. Ведь именно с Запада дважды в XX веке на нашу землю приходили незваные жестокие гости. В связи с этим актуальной для России является проблема заключения нового договора о европейской безопасности «Хельсинки плюс».

3. *Назрела необходимость совместных российско-американских действий по преодолению мирового кризиса.* По нашему мнению, США и России следует объединить усилия по преодолению глобального кризиса. В связи с этим представляется целесообразным обсудить несколько предложений:

— разработка совместной антикризисной программы и предложений для осенней встречи стран «Большой двадцатки»;

— совместный анализ проблем, связанных с созданием новой международной валюты АКЮРЕ и введением рубля в «корзину» МВФ;

— постепенный и плавный переход на новые взаиморасчеты между нашими странами (50 % — рубли, 50 % — доллары).

4. *Совместный анализ 200-летних российско-американских дипломатических отношений.*

Здесь можно вспомнить о том, что Россия из всех государств мира больше всего сделала для появления независимого американского государства. Во время освободительной войны американцев с Великобританией (1775–

1783) российская императрица Екатерина Великая отказалась послать в Америку по просьбе англичан русский экспедиционный корпус для подавления восстания против английского короля.

А во время Гражданской войны в США (1861–1865) две русские эскадры в течение трех лет находились в Нью-Йорке и Сан-Франциско, обеспечивая защиту американских берегов от возможного вооруженного вмешательства английского флота на стороне южан. Таким образом, *дважды Россия внесла решающий вклад в дело сохранения американской государственности.*

В XXI веке Россия может в третий раз помочь США сохранить свою государственность. Кратко напомним о своей гипотезе возможности распада США в 2010 году. Она впервые была публично представлена в 1998-м на международной конференции в Австрии. Мне бы очень не хотелось, чтобы мой давний прогноз оправдался. Однако последние события в США (крах Уолл-стрит, рост безработицы, банкротство General Motors, заявления губернатора Техаса и т. д.) вызывают у меня как у аналитика определенную тревогу.

В условиях нарастания негативных тенденций в американской и мировой экономике *возможность конструктивного развития российско-американских отношений* остается важнейшим фактором сохранения американской государственности. *Именно на такой взаимной заинтересованности могут и должны строиться и развиваться российско-американские отношения в дальнейшем.*

5. *Совместное формирование антикризисной (новой) элиты мира.* Важным условием успешной борьбы с глобальным финансово-экономическим кризисом является *формирование новой политической элиты мира, нацеленной на устойчивое бесконфликтное развитие мира, реализацию стратегических целей при максимальном учете интересов национальных политических элит.*

Следует подчеркнуть, что в конце XX — начале XXI века американской политической элите *не удалось сформулировать* оптимальную модель развития мира после распада СССР. Уникальная возможность построения новой модели развития мира после распада Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи была, к сожалению, упущена. Аналитические центры США при анализе новой ситуации в мире не смогли выйти за рамки стереотипов холодной войны. Проблема в том, что американские аналитические центры продолжили действовать так, как будто бы СССР все еще существовал.

Стереотипы мышления некоторых американских аналитиков оказались чрезвычайно живучими. Они ведь выиграли *стратегическую игру у КГБ СССР и ЦК КПСС*, но затем не смогли объективно выйти за пределы своих действий в ходе борьбы против СССР, хотя мир кардинально стал меняться. Они остались во временном континууме 1980-х годов и не смогли перестроиться, изменить свое мышление в соответствии с изменениями мира. Следует отметить, что определенные попытки построения новой концептуальной модели мира предпринимались американскими политологами (Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, Т. Грэм и т. д.), однако их деятельность не привела к успеху. *Адекватно реагировать на изменения мира, формулировать оптимальные модели мира в условиях глобализации, совместно искать пути выхода из глобального финансового кризиса — именно эти задачи стоят сегодня перед политической элитой США и России.*

Важным шагом в борьбе с глобальным кризисом могло бы стать создание специального российско-американского информационно-аналитического Центра противодействия мировому кризису с соответствующими экспертно-аналитическими и проектно-прогнозными подразделениями. Именно центр может предложить лидерам

наших великих государств совместные усилия по выходу из глобального мирового кризиса. В его составе должны работать ученые, аналитики, журналисты, представители гражданского общества. Специальные аналитические доклады и прогнозы данного центра целесообразно систематически доводить до лидеров стран — членов Совета Безопасности ООН.

В целях разработки новой устойчивой модели мира можно создать специальную международную неправительственную структуру (Пятистороннюю комиссию). Необходимо международный механизм частно-государственного партнерства, учитывающий интересы как национальных государств, так и транснациональных корпораций.

Напомню о том, что в 1970-е годы была создана Трехсторонняя комиссия (Северная Америка — Западная Европа — Азия). До распада СССР она являлась важным инструментом согласования интересов национальных элит Запада и транснациональных корпораций. Однако мир после этого события кардинально изменился, и Трехсторонняя комиссия не смогла адаптироваться к этим изменениям.

Международные Лихачевские научные чтения, посвященные имени Дмитрия Сергеевича Лихачева и посвященные диалогу культур, стали поистине неправительственным форумом российской интеллигенции, где обсуждаются базисные идеи и ценности, лежащие в основе современной цивилизации. Изданный по материалам VIII Международных Лихачевских научных чтений сборник позволяет обратиться к высказанным участниками форума идеям, сделать критические замечания и обозначить собственные соображения по поводу тех или иных мыслей.

Академик В. С. Степин определяет культуру как своеобразный генетический код, задающий генезис и развитие социального организма. Эта метафора представляется весьма эвристичной и порождает ряд модельных аналогий с эволюционной биологией. В частности, в эволюционной теории А. Н. Северцева и И. И. Шмальгаузена эволюционной единицей считается не отдельный индивид или особь, а целостная совокупность животных данного вида. И хотя существует очень жесткая внутривидовая борьба, как, впрочем, и описанные П. А. Кропоткиным и А. А. Богдановым формы кооперации, борьба за существование вида как эволюционной единицы осуществляется в форме борьбы за выживание и сохранение генотипа, информационной матрицы, порождающей морфофизиологическую организацию и врожденные поведенческие реакции организма.

Биологически человечество принадлежит к одному виду *homo sapiens* (о чем свидетельствует возможность межнационального и межрасового потомства). В отличие от животного мира информационная матрица, формирующая сознание и картину мира человека, не задана генетически, а заложена в культуре, которой он принадлежит, в языке, литературе, искусстве, науке, религии и в исторической памяти того или иного народа. И этот культурный генетический код, определяющий менталитет этноса или нации, также имеет тенденцию к самосохранению и борьбе за существование.

Настало время создания новых международных структур. Будущее мира, успех антикризисных мер во многом будут определяться тем, сможет ли интеллектуальная элита России и США адаптироваться к реальному раскладу сил в мировой политике. Время требует создания мощных информационно-аналитических и информационно-пропагандистских структур. Речь идет о комплексном информационно-аналитическом и идеологическом сопровождении проекта «Устойчивый мир — 2012».

В состав Пятисторонней комиссии мы предлагаем включить следующих участников:

1. США.
 2. Китай, Индия, Япония (Азиатско-Тихоокеанский регион).
 3. Россия (Евразия).
 4. Бразилия (Латинская Америка).
 5. Европейский Союз.
- Всего 25–40 человек.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что российско-американские отношения должны конструктивно развиваться во благо наших народов.

В. Ф. Петренко¹

ДИАЛОГ ИЛИ КОНКУРЕНЦИЯ КУЛЬТУР

Из века в век сменяются волны поколений, рождаются и умирают люди, внося свой вклад в национальную культуру, но во все времена Франция остается Францией с уникальным французским менталитетом, Россия — Россией, а Япония — Японией. И прав, на мой взгляд, был В. Л. Рабинович в своем ироничном выступлении по поводу уж слишком оптимистического ожидания от диалога культур, которые сольются в «любловном экстазе». «Юг должен остаться Югом, Север — Севером, монолог — монологом. И никаких диалогов! Тем более диалогов культур и цивилизаций», — эпатирует он оппонентов.

Действительно, в прогнозе, высказанном В. В. Поповым, о том, что «если нынешние тенденции сохранятся, то в Европе, где каждый год становится на один миллион мусульман больше, к 2025 году будут проживать уже около 40 миллионов человек, исповедующих ислам, через одно-два поколения европейцы-христиане станут в Европе меньшинством». Европа при таком сценарии развития просто потеряет свою культурную идентичность, ибо, как показали события 2007 года в пригородах Парижа, арабские эмигранты второго и третьего поколения вовсе не стремятся стать французами по менталитету и этническое напряжение не уменьшается, а нарастает. На мой взгляд, при такой перспективе развития следует не делать акцент на диалоге культур как равноправных партнеров, а договариваться о соблюдении правил конкуренции, ограничивая ее жесткие формы. Ибо конкуренцию культур никто не отменял, и закрывать на нее глаза — значит осуществлять страусиную политику.

Человек — существо не только прагматичное, стремящееся максимально удовлетворить свои индивидуальные желания и потребности; не только социальное, желающее занять достойное место в обществе, где область его «Я» распространяется и на ближайшее окружение (родителей, детей, друзей, коллег по работе, город, страну), но и символическое, живущее в мире языка, знаков, символов. Здесь, помимо экономической и политической борьбы за ресурсы и влияния, наблюдается конкуренция в ментальном семиотическом плане за доминирование значимых символов и представлений, за собственную трактовку

¹ Член-корреспондент РАН, заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор.

и интерпретацию исторических событий — словом, ведется идеологическая борьба за доминирование собственной картины мира, того или иного индивидуального или коллективного субъекта.

Наконец, человек еще и существо трансцендентальное, стремящееся выйти за рамки собственного «Я» и обрести смысл своего конечного бытия, соотносясь с чем-то вечным, служа, работая ради чего-то непреходящего, выходящего за рамки собственной жизни. Мое индивидуальное «Я» через идентификацию с историей моей семьи, рода, страны, с профессией, наукой, искусством, которые могут восприниматься как форма служения чему-то вечному, непреходящему, обретает смысл собственного существования. Наконец, религиозная вера (и не только религиозная), как показывает история человечества, является наиболее апробированным путем обретения смыслов существования как единичного человека, так и человечества, дает множество символов, выступающих нравственными ориентирами человека в мире.

Дискуссионным представляется мне и тезис о равенстве культур в мире. Как пишет академик А. А. Гусейнов: «Попытки игнорировать эти различия, как если бы культуры реально, по своему фактическому состоянию были равновелики, оборачиваются снижением критериев, по сути дела имеют антикультурный смысл». Но далее он, в угоду политкорректности, снижает потенциал собственного утверждения: «Первые вполне могли бы быть на месте вторых, точно так же, как вторые — на месте первых. Следовательно, те культуры, которые по факту являются более отсталыми, заключают в себе потенциал, позволяющий подняться до уровня передовых. Имея перед глазами пример последних и, в особенности, получая при этом поддержку и помощь, они, возможно, могут сделать это быстрее и лучше». С последним утверждением позволю себе не согласиться. Так как, на мой взгляд, Абдусалам Абдукеримович подменил проблему уровня развития культуры экономическим развитием.

Можно перенять технологические инновации и даже опередить страну, чьи изобретатели породили эту технологию. Но невозможно, например, китайской культуре опередить Европу в развитии классической западной музыки, как, впрочем, и европейцам превзойти китайцев в музыкальном строе пентатоники. К тому же, даже переняв ту или иную технологию у страны-донора, не просто наладить «выпуск людей», способных создавать инновации, порожденные в иной культуре. Пользуясь метафорой Х. Л. Борхеса, можно сказать, культуры — это сад расходящихся тропок и каждая культура идет своим путем. Есть, конечно, и определенные инварианты различных культур, отсюда «единство в разнообразии», есть культурный обмен и взаимопроникновение культур. Но именно уникальность и неповторимость культуры и создает ее ценность, обеспечивая вариативность, если вспомнить биологическую метафору В. С. Степина, «культурного генофонда» человечества.

Тем не менее проблема оценки уровня развития культуры сохраняется. Иначе мы просто не имеем критериев развития и возможности оценить состояние прогресса или регресса, в котором она находится. И здесь как одна из форм оценки уровня культуры мне представляется перспективной теория техно-гуманитарного баланса А. П. Назаретяна, согласно которой экзамен на выживание проходят те культуры и цивилизации, которые ограничивают все нарастающую мощь боевых и производительных технологий развитием культурных средств регуляции и сдерживания. Развитие осевых цивилизаций (термин К. Ясперса) и появление мировых религий было вызвано именно такой необходимостью. Ветхозаветный принцип «не убий», появившийся в период, когда на смену бронзовому оружию пришло относительно дешевое оружие из железа, позволившее тем самым создать многотысячные армии, не отменил человекоубийство, но через моральное порицание (присутствующее в сознании где-то на периферии) ограничил геноцид по отношению к побежденным.

В рамках теории техно-гуманитарного баланса вся человеческая история рассматривается как серия техногенных кризисов и катастроф, крах одних цивилизаций или выживание других при нахождении гуманитарного противоядия собственного могущества. Теория техно-гуманитарного баланса нуждается как в выделении набора базовых ценностей, лежащих в основе каждой культуры, так и в оценке возможных последствий развития тех или иных технологий и их риска для выживания человечества. И здесь опять обратимся к метафоре культуры как генетического кода социума, данной В. С. Степиным. В развитии этой модельной аналогии А. В. Смирнов на роль элементов культурного генома ставит базовую систему категорий сознания, выделенную на историческом материале А. Я. Гуревичем. Гуревич убедительно показал, как категории сознания, такие как причинность, пространство, время, ценность и тому подобные, являются культурно-исторически изменчивыми и различаются в разных культурах, опосредуя многообразие картин мира.

В нашем собственном исследовании проводилось кросс-конфессиональное сопоставление религиозных ценностей. На основе фрагментов сакральных канонических текстов, содержащих ценностные суждения (из Ветхого и Нового Завета, Корана, иудейского Исхода, Бхагават-гиты, «Алмазной сутры» и т. п.), и оценок их представителями религиозных культов (православные и католические священники, буддийские ламы, исламские имамы, иудейские раввины) строились многомерные семантические пространства, позволяющие выделить базисные категории, объединяющие и противопоставляющие различные конфессии, каждая из которых получила свои координаты в многомерном пространстве религиозного сознания. Исследование показало наличие определенных инвариантов в системе ценностей различных религий, которые могут выступать основой межконфессионального диалога.

А. Е. Петров¹

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ОСВОЕНИЕ ПРОШЛОГО В ВОЙНАХ ПАМЯТИ

События последних двух лет, стремительно разворачивающиеся перед нашими глазами, подтвердили одну

древнюю истину: «И это пройдет...» Я имею в виду миф о незыблемости постиндустриального информационного общества. Кризис основанной на информационной коммуникации глобальной экономической системы, кризис PR-технологий в политике и рекламе наглядно свидетельствуют о том, что незыблемость ментально принятая

¹ И. о. заместителя академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, заместитель председателя Координационного совета по делам молодежи Совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию (Москва).

обществом системы, построенной на «играх разума», поκειται лишь на самовоспроизводящейся мифе. Это не оставляет сомнений в том, что и этот этап развития человечества пройдет. Конечно, не завтра, но, несомненно, пройдет. Логично, что ему на смену должен прийти период переосмысления и производства реальных ценностей. Что станет с культурой? Останется ли она в том виде, как мы ее знаем (но не до конца понимаем) сейчас? Останется ли она вообще как ценность? Эти серьезные вопросы достойны обсуждения на самостоятельных конференциях.

Мое выступление сегодня посвящено более узкой теме: извечному союзу и непримиримой борьбе истории и памяти в современном обществе. Это вечное сосуществование приобрело в эпоху глобализации особенные, неповторимые черты, заставившие некоторых интеллектуалов говорить о конце истории, а в несколько ином виде — о гибели национальных историй и описательной истории. В частности, сейчас активно обсуждается, насколько правомерно сегодня ставить вопрос о национальной истории. Описательная история национальных государств с развитием глобализации и снижением роли институтов национального государства должна уйти в прошлое. Если мировой экономикой владеют транснациональные корпорации, то причем здесь национальная история. Появились специальные труды на эту тему, смысл которых сводится к тому, что традиционная объясняющая история умирает. Возникшая в XVIII–XIX веках классическая история национальных государств становится все менее и менее важна, нужна и интересна. Так ли это?

В теории такой процесс действительно мог бы иметь место, но реальность, которую мы видим перед собой, говорит о новом возрождении национальной историографии. После распада Советского Союза и появления новых, суверенных государств одновременно идут процессы выстраивания новых национальных идеологий и обновления методологии исторических и в целом обществоведческих исследований. Феномен стран ближнего зарубежья, постсоветских государств дает иной пример: он показывает нам высочайший интерес к национальной истории и всплеск неонационализма в исторических исследованиях. И в этом смысле, конечно, нам очень далеко до закрытия институтов традиционной истории.

Сегодня для построения национальной исторической картины необходим подход освоения истории. Он в принципе характерен и для идеологии. Под «освоением» понимается соответствующий определенным параметрам отбор, приложение и тенденциозная интерпретация отдельных исторических фактов и процессов к национальной, этнической или партийной программе. Собственно, эти попытки в постсоветских учебниках уже вызвали, особенно в России, достаточное количество разнообразных откликов, в том числе и юмористических. Диву даешься, какие интересные открытия в области нашей совместной истории делают наши коллеги из ближнего зарубежья! Российскому читателю все это нравится; посредством Интернета анекдоты переходят от одного к другому и вызывают у большинства читателей заслуженное недоумение.

Допустим, из эстонского учебника мы узнаем про 100 эстонцев в дружине Вещего Олега, которые взяли Константинополь, пока 20 тыс. воинов князя спали в ладьях. В том же учебнике присутствует другой интересный момент. Два эстонца взяли сено, а навстречу по дороге ехала карета А. В. Суворова; он попросил уступить дорогу, а два гордых и неуправляемых эстонца не пропустили захватчика-фельдмаршала и намяли ему бока. Это было единственное поражение Суворова. Если национальную гордость удовлетворяет то, что два здоровых

«лба» справились со старым и больным человеком, довольно хилым по своему физическому развитию, то вполне можно делать выводы об особенностях такой национальной гордости.

Такие примеры можно привести по самым разным странам. Официальная история Молдовы теперь мыслится как часть истории Румынии, а из соответствующего учебника мы можем узнать, что переход Румынии на сторону антигитлеровской коалиции и предопределил исход Второй мировой войны. Классикой стал знаменитый украинский учебник для 7-го класса, который открывается сообщением о том, что украинцы населяли землю Украины 140 тыс. лет назад. То есть они существовали еще до неандертальцев. Такие примеры у кого-то вызывают законное возмущение, у кого-то — иронию, но на самом деле в них заложен очень опасный смысл, поскольку в этих вновь открытых занимательных сюжетах по нашей совместной истории так или иначе достается России как наследнице Российской империи. Именно здесь заложена реальная проблема.

Я как ученый искренне убежден в том, что истина реально существует, она даже достижима, а история может быть не мифологической, а научной. Но мы должны, конечно, отчетливо осознавать границы нашего незнания по тем или иным вопросам и делать на это скидку. При этом ряд вопросов для нас совершенно очевиден. Мы восстанавливаем историю по источникам, и соответственно возникает вопрос: как препарировать эта история? В связи с этим, конечно, упоминается постмодерн. Истину не существует. Есть лишь различные мнения — тексты. Этот подход сейчас очень распространен: что-то происходит, и сразу эксперты дают комментарии; так как у каждого из них свое мнение, то появляется набор текстов, живущих самостоятельной жизнью. Оказывается, эти события можно представить так, а я их вижу иначе.

Более того, появился тезис о суверенитете национальной истории и невмешательстве в ее внутренние дела. Это особенно заметно в кругах радикальных украинских политиков и депутатов, которые призывают: «Дайте нам самим писать нашу национальную историю. Зачем вы вмешиваетесь в обсуждение вопросов, связанных с украинской историей?» Это в ответ на разговор по поводу переписывания истории Великой Отечественной войны и переоценки роли ОУН-УПА и бандеровского движения. Речь идет уже не только о том, что признается возможность все что угодно говорить об очевидных вещах и по-своему их трактовать, но и о том, что вообще существует табу на вмешательство во «внутренние исторические дела». И есть ли такие внутренние исторические дела на самом деле или нет? Вот это, на мой взгляд, тоже один из любопытных вопросов.

История не может замыкаться в узких рамках, даже если эти рамки являются государственными границами. Если строго соблюдать эти границы, то ни одну историческую проблему по-настоящему решить нельзя. Генезис длительных исторических процессов крайне пренебрежительно относится к нынешним таможенным барьерам. Если строго следовать методике украинских коллег, проблемная история быстро превратится в историческое краеведение.

Научная история предъявляет особые требования к историческому пространству. Сейчас ежегодно проходит Форум творческой и научной интеллигенции государств — участников СНГ. В этом году он должен состояться в Кишиневе. Там очень четко ощущается потребность интеллигенции и ученых стран Содружества в двух вещах: первое — это язык реализации творческого потенциала, второе — это пространство его реализации. Когда выступает казахский режиссер и говорит, что с распадом

Советского Союза он перестал снимать фильмы и стал писать какие-то аналитические записки для министерства, для меня это трагедия, потому что понятно, что с развалом СССР сузилось до размеров лужицы и пространство его собственной творческой реализации. И в истории мне видится нечто подобное.

Хотим мы того или нет, но в период с XVII до XX века большинство государств ближнего для России зарубежья оказались в составе единой империи и в дальнейшем развивались в одном пространстве. Российская империя и Советский Союз вполне обеспечивали полноценное функционирование единого исторического пространства, поля, влияние которого распространялось гораздо дальше физических границ романовской империи и СССР.

Поэтому не может быть разговора о вмешательстве или невмешательстве в историю. Могут быть дискуссии по отдельным историческим вопросам, потому что в рамках освоения и подаживания исторического процесса под нужды нарождающейся государственности можно что-то приспособить к запросам идеологии. Да, такие моменты существуют, мы это видим везде. Но когда происходят такие манипуляции, очень часто затрагиваются конкретные политические, экономические интересы соседей, и вот тогда вопрос выходит за рамки наших круглых столов, обсуждения ученых и становится политической проблемой всего населения этого пространства. Можно привести массу примеров, когда гуманитарные по своей сути вопросы становились предметом политических кризисов с экономическими санкциями.

Каковы должны быть наши действия в данных условиях? Нам не просто смеяться или плакать надо от тех или иных трактовок совместной истории в современных учебниках. Конечно, у нас крайне ограничены рычаги влияния на процесс создания таких сочинений в государствах СНГ, хотя бы потому, что это действительно суверенные государства. Там имеется своя интеллигенция, новая элита, которая строит собственную идеологию. Но нужны четкие меры, четкая система в России для реакции на подобные вещи, потому что все провокации, связанные с историческими вопросами, произрастают прежде всего на почве исторической безграмотности населения. Безграмотными людьми легко манипулировать. В этой связи большие задачи стоят перед российской системой образования.

Я исторический оптимист и считаю, что у нас и в этом вопросе рано или поздно все наладится, но нужны определенные коррективы. Первый момент: необходимо учитывать, что время ставит перед нами определенные задачи. Поэтому очень важно, чтобы вчерашний школьник, выходя после 11-го класса в эту суровую и полную общественных бурь жизнь, был хотя бы в общих чертах подготовлен и снабжен информацией о том, какие проблемы могут возникнуть в его взаимоотношениях с окружающим миром и соседями.

Второй момент — это, конечно же, перевод вопросов из плоскости политической в плоскость общественной и научной дискуссии. Давайте встречаться, конструктивно обсуждать спорные вопросы, а потом уже принимать законы и вводить уголовные санкции (сейчас на Украине ставится вопрос об уголовном наказании за непризнание там геноцида). Ведь обсуждение вопроса о голоде 1931–1932 годов учеными трех стран началось уже после того,

как кандидат в президенты Украины В. Ющенко на своем официальном сайте вывесил лозунг о том, что вопрос о геноциде голодом украинского народа в 1932 году — это вопрос об отношении к украинской государственности. Это пример политического использования исторической проблемы, которая была известна историкам, но острота которой не была доведена до общества. Необходимо поднимать подобные вопросы в научной и общественной дискуссии еще до того, как они становятся политическими лозунгами.

Третий момент: Россия должна проявлять собственную активность в историческом поле. Для соотечественников нужно создавать и распространять специальную учебную, методическую, дополнительную литературу, которая обязательно будет соответствовать российским федеральным принципам образования, чтобы эти люди могли при случае реализоваться в России. И плюс ко всему: они должны получить углубленные знания по тем вопросам, которые наиболее остры в Казахстане, Украине, Прибалтике и т. д.

Наконец, четвертый момент, наверное, самый важный. Необходимо задуматься о том, как мы сами поступаем с собственной историей. В принципе все отмеченные методики мифологизации и искажения мы можем увидеть и в России, как на федеральном, так и на региональном уровне. Когда мы вытаскиваем поддельные мощи национальных героев, придумываем непонятные юбилеи и псевдоисторические праздники, мы не имеем морального права упрекать соседей в тех же грехах. Здесь необходима коллективная ответственность интеллектуалов. Только от нас зависит, решится ли вопрос по совести, так как политики, принимающие решения и подписывающие указы, обязаны действовать исходя исключительно из политической и экономической целесообразности. А целесообразность далеко не всегда основана на совести.

Не надо питать иллюзий о том, что мы — гуманитарии, ученые, собравшись здесь, примем замечательные решения, пойдем в свои вузы, школы, всех научим, и все изменится. Нет, к сожалению, в современном мире не мы определяем общий фон исторических представлений, а средства массовой информации, фильмы, Интернет. Обыватель легче верит ярким образам, нежели сухим фактам. Информационную войну за историческую память выигрывают Пикуль и Радзинский, потому что это образно. В конце концов, все же знают о том, как «на самом деле» происходили взаимоотношения в элите французского королевства XVII века по романам Дюма. Не Ришелье был прогрессивным деятелем, а четыре мушкетера. Именно эти «источники» определяют сегодня восприятие истории. А научной литературы с ее сухим языком и мизерными тиражами, можно считать, просто нет в общественном и информационном обороте.

Конечно, нужно создавать официальные ресурсы, выходить в Интернет, делать специальные программы в средствах массовой информации — это все делать надо. Но то, что в наших силах, и то, что реально мы способны сделать, — это в рамках обучающих программ научить наших детей воспринимать информацию через анализ источника. Тогда будущие поколения перестанут быть «пушечным мясом» в интеллектуальных войнах. Именно в этом будет заключаться наш вклад в гармонизацию исторических отношений, в мирное разрешение войн памяти на всем нашем историческом пространстве.

К. С. Пигров¹

ПЕТЕРБУРГ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Чтобы всерьез поставить проблемы диалога, особенно в таком необычном ракурсе, как диалог культур в городе, необходимо прежде всего осмыслить некоторые глубинные основания природы диалога. Хотя в отечественной гуманитарной литературе, вдохновленной наследием М. М. Бахтина, диалогу сегодня уделяется много внимания, однако философские основания теории диалога в своих существенных пунктах остаются до сих пор недостаточно проясненными.

Чаще всего диалог представляется как форма субъект-субъектного взаимоотношения, где происходит воздействие друг на друга субъектов (как элементов некоего множества, социума). В подобных дефинициях остается в тени тот факт, что сама категория субъекта имеет строгий смысл лишь в той новоевропейской традиции, которая идет от Р. Декарта, трансцендентальной философии И. Канта и диалектической философии Г. Гегеля. В этой традиции (будем называть ее «трансцендентальной») субъект может быть, в конечном счете, только один, а потому странными химерическими конструктами предстают «субъекты» (во множественном числе!) и «субъект-субъектные отношения». «Другой субъект» в таком видении реальности — это в лучшем случае «субъект» как бы «второго сорта», несмотря ни на какие вполне понятные оговорки.

В результате развертывания и «додумывания до конца» такой концепции мы видим, собственно, не диалог, а смертный поединок между «субъектами», где нет Другого, а оба претендуют на то, что они — Первые. «Конфликт — это изначальный смысл бытия-для-другого»². Диалог здесь лишь прелюдия к уничтожению Другого и к воцарению монолога в качестве тотального способа человеческого бытия.

Если же авторы пытаются рассуждать именно о диалоге, то они, может быть, сами того не подозревая, оказываются в русле иной новоевропейской традиции, во многом противоположной (хотя и комплементарной) первой. Западная, особенно немецкоязычная, философская литература именует эту иную традицию «диалогической философией» (*dialogische Philosophie*). Она базируется не на первично заданном субъекте («Я»), а на некотором интерперсональном «Между», на исходно заданных отношениях «Я» с «Ты». Мир диалогической философии исходит из первичного «бытия-вместе» (*Miteinandersein*), который реализуется, прежде всего, в межличностных отношениях, по преимуществу в языке, речи.

Поэтому не случайно, что тематически диалоговая концепция была подготовлена именно в философии языка И. Гаманом и В. Гумбольдтом. Далее она была развита Ф. Якоби и Л. Фейербахом, а окончательное выражение получила в религиозно-философской концепции М. Бубера. Для последнего «сфера-между» (*Sphäre des Zwischen*) предстает как исходная ситуация (*Uhrsituation*), из которой и благодаря которой «Я» и «Ты» могут вступать во взаимные действительно равноправные отношения³.

Общезвестно, что диалог является формой инновационной деятельности, творчества, созидания. Зафиксирована высокая и специфическая продуктивность диало-

га, особенно в таких формах, как, например, «мозговая атака»⁴. В творческой деятельности, немислимой без воображения, появляются новые значимые результаты. Существен вопрос об источниках энергии воображения. Откуда берется эта энергия? Почему человек воображает? Известно, что в коллективных формах инноваций воображение активизируется. Однако эта эмпирическая связь сама нуждается в объяснении. Почему, собственно, коллективность стимулирует воображение?

Трансцендентальная традиция заключается в техноморфном, механистическом представлении об источниках воображения. Такое представление о возникновении нового в процессе воображения изображает дело таким образом, что новое вторгается в сознание индивида как чужеродное случайное. Индивид, придавая смысл этому чужеродному случайному, осваивает его, превращает «чужеродное случайное» в «свое необходимое». Так, мол, и совершается творческий процесс. Соответственно, всякая коллективность, пребывание в диалоге с такой точки зрения оказывается продуктивной, потому что Другому отводится роль такого «чужеродного случайного».

Другой в инновационном диалоге — это, в сущности, специфический объект, который способствует своими «флюктуациями» творческому процессу в моем «Я». Эти «флюктуации» были тематизированы еще Эпикуром в знаменитых клинаменах, «случайных отклонениях атомов», благодаря которым в мире существует необратимое развитие. Вот и город, место интенсивной коммуникации, без сомнения, способствует творческой активности.

Однако такое внешне случайное «способствование» Другого в Моем творчестве опасно. Сотрудники, соавторы, соратники есть, в сущности, потаенные враги; каждый из них видит в другом соперника. Они нуждаются друг в друге, поскольку видят здесь источник оригинальности, но в то же время мучимы взаимной завистью и тайной ненавистью. Именно такова ситуация пушкинского Сальери, за которой стоит библейский архетип Каина. Мало того, любой «творческий коллектив» — это «клубок змей». Сам творец или коллектив, представляющие инновацию обществу, оказываются по отношению к социуму враждебными. Ведь если источник новизны — это случайность, то инновация легко может принимать патологические, разрушительные формы. Наиболее мягкий и безобидный характер носит «энергия заблуждения», которую привносит Другой, более опасны, например, формы безумия или даже — преступления. Воображение, спровоцированное Другим в диалоге, предстает как происки дьявола. Налицо, в конечном счете, безысходная «трагедия творчества»⁵. Вот так же и город в качестве места интенсивной коммуникации превращается в средоточие ненависти⁶.

Однако если иметь в виду основания творческой активности в рамках диалогической философии, то источник человеческого воображения может быть прояснен принципиально иначе. Он коренится как раз в упомянутой «сфере-между», скажем, в «божественной среде» (П. Тейяр де Шарден). Диалог оказывается такой формой обмена между «Я» и «Ты», которая не столько

¹ Заведующий кафедрой социальной философии и философии истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор.

² *Сартр Ж.-П.* Первичное отношение к другому: любовь, язык, мазохизм / пер. с фр. В. В. Бибихина // Проблема человека в западной философии / сост. и авт. послесл. П. С. Гуревич. М., 1988. С. 207.

³ См. подборку текстов М. Бубера на эту тему в кн.: *Buber M. Auf die Stimme hören. Ein Lesebuch. Ausgewählt und eingeleitet von Lorenz Wachinger.* München, 1993.

⁴ См., например: *Альтшуллер Г. С., Верткин И. М.* Как стать гением: жизненная стратегия творческой личности. Минск, 1994; *Гаджиев Ч. М.* Организация коллективного изобретательства // Исследование проблем психологии творчества. М., 1983. С. 266–279; *Гильде В., Штарке К.-Д.* Нужны идеи. М., 1973; и др.

⁵ *Степан Ф.* Трагедия творчества (Фридрих Шлегель) // Логос. 1910. Кн. 1. С. 170–192.

⁶ См., например: *Бодрийяр Ж.* Город и ненависть // Логос. 1997. № 9. С. 107–117.

опосредована «сферой-между», сколько оказывается ее обнаружением, то есть создана ею. Именно в этой сфере, вообще говоря, и таится источник нового, источник воображения, источник инновации. Но мы говорим не об альтернативной концепции источника воображения, но о концепции комплементарной.

Не случайно, что в диалоге Мне и Другому источник воображения видится не в «сфере-между», а персонифицируется, реифицируется, опредмечивается в партнере диалога. Не случайно, что Другой как источник новизны предстает не в качестве врага, а в качестве развивающей меня проблемы, в качестве влекущей тайны¹. Признавая исходность, так сказать, первичность «сферы-между», мы видим и структурированность этой среды, ту самую, которая оказывается источником ее развития.

Чтобы понять онтологическую сущность диалогов в городе, нужно иметь в виду указанную комплементарную оппозицию двух подходов к диалогу — с точки зрения трансцендентальной философии и с точки зрения диалогической философии. Диалоги любого города, в том числе и Петербурга, — это полемос, война, периодически разгорающаяся и затихающая, но в то же время *диалог в любви*, которая опредмечивается в формах культуры. С одной стороны, диалоги Петербурга разворачиваются с самого начала как смертельная вражда, гибель многих тысяч работников на строительстве города, как восстания, революции, блокада (тоже своеобразный «полемос» русского «окна в Европу» с некоторыми «европейскими феноменами», такими как фашизм). Но с другой стороны, диалоги Петербурга разворачиваются в подлинной культуре как любовь, совместное исходное «бытие-между», где субъекты появляются из этой любви и из этой культуры.

Это диалоги в хорошей питерской общеобразовательной школе, где субъекты *возникают* (они вторичны) из диалогов с талантливыми и самоотверженными учителями (причем не только талантливые учителя воспитывают детей, но и дети воспитывают своих учителей, делают их действительно талантливыми). Это диалоги в театрах, музеях, где атмосфера взаимной любви субъектов, их уважения к человеческому достоинству друг друга возникает из общей любви, «источаемой» произведениями искусства, науки, культуры. Это диалоги в храмах разных конфессий, где также культивирование взаимной любви формируется из любви к Богу.

Вот эти диалоги двух модусов (условно назовем их соответственно модусами полемоса и любви) переплетаются друг с другом, перетекают друг в друга. Они разворачиваются как в пространстве города, так и в его истории. Диалог социальных общностей города разворачивается здесь подчас как смертельный диалог во время революций и войн, как убийство таджикской девочки или как безумие фанатов во время футбольного матча «Зенита». Или — мирное культурное любопытство, которое обнаруживают русские, заглядывая в буддийский храм или мечеть.

Петербург — это, с одной стороны, мощная индустриальная культура (заводы, верфи, теплоцентрали и т. п.), культура торговая (к примеру, история и наши дни Садовой улицы, включая «Апрашку» с ее драматическим переселением на улицу Руставели). Но есть, с другой стороны, и духовный Петербург — Петербург Университетов, Храмов, Музеев. Это напряжение диалога между духовным и материальным проявляется подчас в экзотических борьбы за «жизненное пространство», когда, скажем, на месте известного книжного магазина появляется игровой клуб или бутик, когда Университет сдает свои поме-

щения торговым фирмам, чтобы как-то «заработать». Петербург — это также диалог культур во времени: скажем, диалог XVIII и XIX веков на Васильевском острове. Или диалог их обоих с XX веком на Петроградской стороне, в районе Политехнического института и с нарождающимся XXI веком. Взять хотя бы это странное, очень просторное, чем-то напоминающее XVIII век, чистое поле вокруг Гуманитарного университета профсоюзов.

Иногда весьма сложно отличить, где подлинное человеческое в диалоге, а где отчужденное. Подчас любовь принимает весьма опасные, прямо скажем, смертельные формы. Иногда, напротив, полемос рождает нечто весьма позитивное. Немаловажно то обстоятельство, что в диалогах города невозможно — даже в идеале! — оставить одну любовь и полностью устранить ненависть, убийство, полемос, войну.

Если мы не можем убрать диалоги полемоса, то *мы должны научиться с ними жить*. И Петербург в истории России сделал в этом плане весьма много. Он научил нашу страну терпимости, дал примеры толерантности. Отсюда выступающая как характерная черта подлинного петербуржца — *вежливость и сдержанность*, не свойственная многим другим городам России. Единственное, что мы можем сделать в борьбе со смертным, дионисийским началом в диалогах, это придать им аполлонические формы толерантности, вежливости.

Таким образом, диалог может быть типологизирован в двух модусах — в модусе любви и в модусе вежливости. Да, в Петербурге подчас больше вежливости, чем любви, больше общности, чем соборности. Это может не нравиться. Здесь могут видеть неискренность, холодность, даже лицемерие. Но таковы условия, в которых сложился наш город, таков его вклад в русскую культуру, в русскую социальность.

Далее мы рассмотрим эти особенности диалогов Петербурга в некоторых конкретных областях.

Прежде всего, посмотрим на диалоги Петербурга с точки зрения соотношения целей и средств. Здесь нам помогло бы философское краеведение Петербурга, до сих пор еще не созданное, хотя усилия в этом направлении предпринимаются. Этот город «трагического империализма»² представляет мощное и парадоксальное напряжение целевых отношений. Поначалу задуманный с вполне определенной целью как форпост и градостроительная авантюра, он был вызывающе неуместен как в этой финской природе, так и в культурной вселенной Западной Европы, куда он стремился трепещущим напряжением своих золотых шпилей. Здесь господствовал полемос. Напряженное противостояние со шведами, безусловное вытеснение местных жителей, «чухонцев». Здесь тысячами гибнут русские крестьяне, в результате почва Петербурга если и не полита кровью, то «бучена человеческими костями». Здесь Петербург выкрикнул в диалоге со старой Россией что-то страшное, злое и непростительное.

Но старые цели ушли: никто не думает Петербургом «грозить шведу», а средства остались, вросли в почву. Петербург в своей вызывающей архитектуре стал самоцелью. И вызов стерся. Но до сих пор мы живем в героическом усилии только для того, чтобы хотя бы сохранить это сыплющееся из рук наследство средств уже забытых целей, которое мы неосмотрительно еще и умножаем.

В плане диалога с местной природой Петербург — это арена битвы со стихией воды. Битва разыгрывается и на поверхности свинцовых неvkских вод, и в темной подземной глубине, где невидимые течения размывают тоннели и рвут магистрали. Стихия воды, воспетая Ф. И. Тютчевым как архетип, грозна в Петербурге, как грозна была для исторической деревянной Москвы стихия огня.

¹ См.: *Лигров К. С.* Блеф и тайна как феномены человеческой жизни // Жизнь человека : опыт междисциплинарного исследования : материалы конф. / Ин-т биологии и психологии человека. СПб., 1997. С. 34–36.

² *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. Л., 1990.

Петербург умирляет стихию средствами техники, он строит корабли, мосты, он насыпает грунт на болото, вбивает сваи. Строительство дамбы — это продолжение все той же безнадежной и авантюрной истории Медного всадника. И былая полемика вокруг дамбы как средства и самоцели есть продолжение старой полемики вокруг Петербурга как «умышленного города».

Такое напряжение целей и средств дается и на экзистенциальном уровне. Поздним осенним дождливым вечером прогуляйтесь, а лучше сядьте на велосипед и прокатитесь по нашему городу, хотя бы по его историческому центру. Петербург откроется вам всерьез во всем своем окаменелом полемосе, причем неожиданно, не так, как на ярких лаковых картинках, где «небо синее над Невой». Этот город прекрасен и страшен. Он в таком своем обличье, когда мы захватили его врасплох, раскрывает нам не только глубины своего бытия, но и бытия вообще. И прежде всего это касается уже упомянутого полемоса с водой. Показателем здесь «Медный всадник» А. С. Пушкина.

В чем метафизический смысл наводнения в Петербурге? Тема воды как фундаментальной стихии возникает не только у Тютчева, но уже у Фалеса. Наводнение — образ Всемирного потопа, потопа без Ноева ковчега. Наш город не Ноев ковчег, так как он отчужден от маленького человека, от Евгения в качестве державы. Ноев ковчег по библейскому мифу не отчужден. Да, держава, олицетворенная в Петербурге, выступает как защита от стихии воды. Такая же защита, как Ноев ковчег от потопа. Смысл державы — усмирение стихии. Но держава сама становится рукотворной стихией по отношению к человеку. Евгений гибнет во время наводнения, тысячи и тысячи Евгениев гибнут во имя безжалостной державы во время блокады.

Медный всадник в его тяжело-звонком скоке — символ научно-технического прогресса, метафора торжествующих средств, созданных державой. Собственно, появление танковых заводов во время блокады, или бесконечное строительство дамбы, как и Кольцевой автодороги вокруг Петербурга, — это продолжение все той же истории «Медного всадника», соединение державы и научно-технического прогресса, вроде бы спасающее маленького человека, но в то же время безжалостно его уничтожающее.

Тема стихии в диалогах Петербурга — диалог со стихией природы, иностранного нашествия или собственного государства приводит Евгения к выводу: «Чума на оба ваши дома!» Чума как на державу (олицетворенную Петром или военным руководством, скажем, Жуковым во время Великой Отечественной войны, готовым на любые человеческие жертвы ради удержания Ленинграда), так и на унылый быт Акакия Акакиевича, беспросветный быт во дворах-колодцах, в близких спальных районах Купчино, в бесконечной тоске и отчаянии общежитий гастарбайтеров. Этот унылый быт есть олицетворение несостоявшегося благополучия Евгения из «Медного всадника».

В фильме Никиты Михалкова «Несколько дней из жизни Обломова» даются многозначительные заставки на фоне *разрушенного* Петербурга. Здесь намек на внутреннюю необоснованность города, его «умышленность», его, так сказать, «неискренность» в «порыве к звездам». Держава предстает как холодная и помпезная архитектура Петербурга. На человеческом уровне Петровское начало олицетворяет Штольц, с энтузиазмом усвоивший установки Петра. Напротив, Обломов в диалоге с этой державой являет собой совершенно противоположное начало маленького человека, фундированного в своем бытии некоторыми радикально иными, но также фундаментальными принципами мира.

Где же выход? Выход, как я полагаю, в *бытии культуры*, решение вопроса — в пушкинском «Из Пиндемонти». Выход — в дворянских салонах пушкинской поры или

в салонах Серебряного века. Выход — в одиноком бытии мыслителя или мечтателя в «Белых ночах» Достоевского, в Публичной библиотеке, в музейной жизни, в жизни художественных мастерских. («Нас мало избранных, счастливых праздных») Выход в той коморке Евгения, куда после его исчезновения поселился *бедный поэт*.

Безумие Евгения как трагический провал между державой и унылым бытом, неспасительное спасение, в то время как поэзия, дух, творчество — это действительное спасение, действительный выход из этого противоречия. («Не дай мне бог сойти с ума...») — перед поэтом все время угроза безумия.) Интеллигенция, при всех ее недостатках и даже пороках, тем не менее смогла оставить образцы таких диалогов, которые прорывались к подлинному, то есть к действительной культуре. Пушкин как Петр и Пушкин как Евгений — некоторое золотое сечение в образе поэта: «Я памятник себе воздвиг», но этот памятник «нерукотворный».

Не надо думать, конечно, что выход интеллигента — это универсальный и всеобщий выход. Нет! Это также один из способов взглянуть в глаза смерти, ничем не лучший, чем другие с точки зрения вечности. Интеллигент, как и каждый настоящий человек, жаждет принести жертву в своем стремлении к тому началу, которое выше каждого отдельного субъекта в диалоге. Но почему-то кажется, что именно жертва интеллигента будет принята.

Здесь особую роль приобретают опредмеченные формы культуры, некоторые инварианты, архетипы, задающие смыслы будущему. Бесконечная духовная игра вокруг этих форм, придающая им все новые и новые смыслы. Скажем, тот семенной фонд, который хранился в голломном блокадном Ленинграде и который оказался под угрозой в гораздо более благополучные 1990-е годы. Определенные формы культуры, символические по своей сути, являют собой точки, в которых и концентрируется *диалог*. Диалоги ведутся *по поводу* таких символических вещей, как Спас на Крови или небоскреб Газпрома.

Памятник — весьма относительное, подвижное олицетворение культуры, но абсолютное олицетворение державы. Грозить памятнику, уничтожать памятник — грозить державе, уничтожать державу. С каким наслаждением сбивали революционные матросы короны с двуглавых орлов на узорных решетках Петрограда! Свержение памятника Дзержинскому в Москве, свержение памятников сначала царям, а потом Ленину в Петербурге — это вечно длящаяся реализация угрозы Евгения по отношению к Медному всаднику. Так же как и угрозы «прогрессивной обществуности» начала XXI века по отношению к небоскребу Газпрома.

В «Желтом доме» А. Зиновьева бесконечно ироническое обсуждение памятника Марксу в Москве и якобы серьезные и благонамеренные советы московским властям: как, мол, защитить гениальную голову Маркса от пачкающих голубей. Голуби есть олицетворение обыденности, растущей энтропии, наводящегося беспорядка, разрушающего державу. Медный всадник и памятники в Александровском саду, рядом с Адмиралтейством, памятники с человеческим лицом — Глинка, Лермонтов, Гоголь, Жуковский. Казалось бы, это абсолютные символы, не подлежащие критике последующих эпох. Но вот в постсоветское время туда добавили еще и Горчакова, явно выпадающего из общекультурного ряда. Неизвестно, приживется ли он.

Город, таким образом, это игра целей и средств, где они превращаются друг в друга, имеющая и обязательную духовную подоплеку. За взаимным перетеканием целей и средств в городе стоит постоянное возникновение смыслов, «оседающих» на предметах «материальной культуры». Это постоянное возникновение новых смыслов и есть «продукт» многообразных диалогов города.

Говоря о диалогах города, рождающих смыслы, нельзя не упомянуть и, может быть, самую существенную, потаенную *мифологическую сторону этих диалогов*. В самом деле, каким образом возникает диалог между социумом города и тем топосом, ландшафтом, где этот социум обитает? Здесь характерны процессы (и эксцессы) обживания, освоения. Освоение, конечно, имеет материальный аспект. Оно связано с собственностью, выступает прежде всего как присвоение, практическое распоряжение ландшафтом, право на его изменение. Но освоение ландшафта предполагает и необходимую духовную составляющую. Это *мимесис* в широком смысле, удвоение его в эмоциональных образах, представлениях, научных понятиях, философских концептах, религиозных догматах и др.

Особенно важны в таких диалогах эмоциональные образы. У жителей города они складываются уже в детстве. Всякое вновь приходящее поколение получает своеобразный импринтинг: в его сознании и подсознании отпечатывается тот ландшафт, который будет родным на протяжении всей жизни. Юный петербуржец, скажем, впечатывается в образный строй своей души Исаакиевский собор, Адмиралтейство, морскую перспективу со стрелки Елагина острова, Спас на Крови и другие достопримечательности.

Архитектура, памятники, городская скульптура — все это становится частью нас самих. Причем идентификация с «родными местами» всегда содержит эмоциональный порыв, императив, который не укладывается только в рациональный дискурс. Эти столь существенные «конструкты первого порядка» естественным образом уже в детстве происходят *через мифологию*, мифологическое измерение, которое не может быть сведено к рациональным понятиям и категориям, вырабатываемым, скажем, при школьном изучении краеведения. Роль мифологии, привязанной к топосу, в культурном освоении последнего незаменима. В то же время ее трудно ухватить в исследовании.

Эмоциональное освоение родного пейзажа адекватно обнаруживается как открытие, создание *мифологии места*¹. Самоидентификация социума со своим топосом осуществляется через *genius loci*. **Ландшафт осваивается** тогда, когда *genius loci становятся зримыми*. **Обнаруживаются** некоторые силы, духи, существа, которые служат посредниками между нашим сложным, таинственным городским топосом и нашими смущенными, мягущимися душами. **Genius loci выражают настроение наших родных мест**. Сознание ребенка легко усваивает, что в невских водах, каналах, подвалах, чердаках и закоулках живут водяные, домовые, привидения и русалки, черти и ведьмы, и пр.

Совершенно не важно, что и наука, и официальные религиозные конфессии в один голос готовы заклеить всю эту иногда забавную, а иногда и опасную нечисть как несуществующую. Что эти ученые и священники знают о зыбких, сложных отношениях каждой страдающей петербургской души со своим городом?! Об этом знали только Гоголь и Достоевский... Дело вовсе не в том, существуют ли водяные и домовые «по науке» и «на самом деле», а в том, что такое «допущение» необходимо для эмоционального освоения нашего родного города. Человеческая душа терпима к противоречию с научными данными или с догматами религиозной веры. Ведь аналогичным образом мы уже привыкли мыслить темное, случайное, неясное в нашей жизни в образах астрологии, хотя «научных оснований» для нее не больше, чем у бывальщины о петербургской нечистой силе.

Мифология бытийствует прежде всего в устных рассказах, но ей не заказаны и цивилизованные формы: мифология обнаруживается в романах и повестях («Петер-

бургские повести» Гоголя, к примеру). Она закрепляется в памятниках и городской скульптуре: скажем, миниатюра «Чижик-пыжик» на Фонтанке или странные кошки на карнизах Малой Садовой. Поскольку мы укоренились в мифологии своего места, наладили контакт и можем сосуществовать с этой проказливой, но, в конечном счете, безобидной нечистью, то можем быть счастливы, хоть немного, в своем городе. В этом городе, *моем месте* — лучшем месте в мире, все становится родным и привычным, здесь все начинает помогать.

И вот здесь возникает *диалог на мифологическом уровне*, так сказать, диалоги среди потустороннего. Почему так мучительно, в течение сотен лет осваивалась дельта Невы? Потому что издревле здесь жили «не наши» лешие, домовые и русалки. Новации Петра, приехавшие в большом количестве чужие люди, которые привезли и своих мифологических персонажей, перепугали издревле обитавшую здесь нечисть. Эти финские домовые и лешие, русалки и водяные, обитавшие в темных и недоступных местах дельты, от массового вторжения чужаков, шума, гама и беспорядка, который был с ними принесен, начали мелькать и суетиться, делать мелкие пакости. Они начали ссориться и драться с русской нечистью, которая нечаянно была завезена Петром и его командой. У пришедших сюда людей, прежде всего у простых крестьян и ремесленников, от соприкосновения с чуждой «нечистой силой» возникло устойчивое чувство тревоги, страха. Отсюда бесильное ворчание маленького человека, который не любит и боится чужих *genius loci*.

Но постепенно чужие водяные, черти и домовые частью погибли, частью сбежали, частью приспособились. Воцарилась уже наша, русская нечисть. Не сразу старые *genius loci свыкаются с настырной настойчивостью и преобразовательным пылом пришельцев*, с новыми чертями и водяными. Оставшиеся уже не так сердятся и не проказничают. Все успокаивается. Привыкает и народ: ему становится уже уютно на этом месте, ему помогают *свои* домовые и водяные. И теперь, в начале XXI века, все страшные предсказания, что Петербургу «быть пусту», не пугают, они уже «не актуальны». (Хотя, конечно, кто знает? Может быть, самые вредные остались, затаились и еще ждут своего часа... Никогда нельзя быть спокойным полностью, ведь бродит же где-то в подсознании мысль, что, может быть, Петербург отойдет назад к Финляндии.)

Динамику развития мифологии Петербурга мы можем глубже понять на других образцах: например Калининград. Трудно это слово сегодня написать без кавычек. Он есть некая мифологическая модель Петербурга, каким тот был в первой трети XVIII века. Правда, эта модель проблематичнее моделируемого, ведь Кенигсберг в 1945 году был гораздо основательнее освоен немцами, чем довольно малонаселенная бухта Невы в конце XVII века. В Калининграде до сих пор русскоязычный социум чувствует себя как на границе или на фронте. Своей мифологии все еще нет. Ландшафт до сих пор чужой, немецкий. Он с самого начала заселения русских взрывался массовыми переименованиями, что было судорожным усилием присвоить себе это место.

Гении места, связанные со старыми именами, здесь все еще чужие и враждебные. Они — немецкие. Тени прежних жителей, которых выселили из их домов за 48 часов и недвижимое имущество которых, поскольку оно сохранилось, было присвоено поселившимися здесь, все время витают над самими пришельцами. Эти призраки — как большая совесть. Конечно, и немцы в этом ландшафте когда-то были пришельцами, но они за столетия выстроили новый ландшафт. За прошедшие два поколения русских в Калининграде, конечно, появились свои русские гении места, но они еще молоденькие и слабенькие... Диалоги

¹ См.: Frank M. Der kommende Gott. Vorlesungen über die Neue Mythologie. Frankfurt am Main, 1982; Анциферов Н. П. Указ. соч.; и др.

«нашей» и «не нашей» мифологической нечисти, диалоги дионисийские и потому созидающие, плодоносные, которые уже склонились в «нашу пользу» в Петербурге, еще пока не перешли на нашу сторону в Калининграде.

Таким образом, мы приходим к выводу, что диалоги, которые происходят в Санкт-Петербурге, есть, по существу, способы сотворения и освоения городского места и городского времени. Всякий город в своей динамике, в своей

диалектике целей и средств, в опредмечивании и распределении фактов культуры, в своем ежеминутном творении живет как бы в гуле диалогов, которые витают над ним. Петербург постоянно проговаривает сам себя и тем живет, тем развивается. Сознательная созидательная работа интеллигенции с диалогами города, их философско-художественное и научное артикулирование — необходимое условие его действительного, полноценного бытия.

В. В. Попов¹

О ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗАПАДА И ИСЛАМСКОГО МИРА

Сейчас человечество переживает критический этап своего развития. В течение ближайших пяти-семи лет на Земле произойдут крупнейшие перемены в расстановке сил, роль одних цивилизаций усилится, влияние других ослабнет.

Несмотря на величайшие прорывы в науке, технике и информации, тем не менее, XX век и начало XXI века показали, что решать накопившиеся в человеческом обществе противоречия мировое сообщество не научилось. Их пытаются разрешить с помощью силы, будь то Первая или Вторая мировые войны или страшный теракт 11 сентября 2001 года. И это не говоря уже о многочисленных кровавых региональных и локальных конфликтах, число которых со временем только возрастает.

Академик Никита Моисеев накануне своей смерти в начале XXI века предупреждал, что человечеству осталось в своем относительно спокойном развитии максимум 30–40 лет, потому что слишком большой ущерб нанесен природе. Потепление климата, зараженность больших городов, угасающая экология — это только отдельные симптомы нездоровья. Кроме того, к этому надо добавить огромный запас оружия массового поражения, достаточный для того, чтобы уничтожить мир несколько раз. Характерно, что для ликвидации химического оружия понадобится гораздо больше средств, чем для его разработки. В нынешних международных обстоятельствах возможность применения этого оружия не исключается, хотя противоречит и здравому смыслу, и самой логике развития.

Сегодняшний мир — это мир перехода от начавшегося почти 500 лет назад господства западной (западноевропейской) цивилизации к постепенному усилению роли и веса других цивилизаций. Налицо очевидное перераспределение сил, мощи, возможностей и потенциалов на планете.

На Западе ошибочно расценили итоги конца холодной войны: неоконсерваторы США увидели в обвале советского блока триумф политики Вашингтона и доказательство его вечного превосходства, что оказалось иллюзией.

К концу XX века стало ясно, что Запад, определявший ход мирового развития по многим важнейшим показателям в большинстве отраслей и сфер, *прошел пик своего влияния* и сталкивается с глубоким кризисом в социально-экономической, духовной и прочих областях.

Если в начале XX века те страны, которые ныне входят в «семерку», контролировали примерно 60 % мирового производства, то сейчас, по данным МВФ, их доля уменьшилась до 42 %. При этом ВВП США, составлявший ранее 35 % от совокупного мирового ВВП, ныне упал до 20 % (даже бывший советник президента США по национальной безопасности З. Бжезинский признавал, что «единственная сверхдержава» находится в глубоком кризисе).

¹ Директор Центра партнерства цивилизаций МГИМО (Университет) МИД России, кандидат исторических наук.

Последние два десятилетия страны, расположенные за пределами индустриального Запада, развиваются впечатляющими темпами. Костяком мировой экономики стали не 7, а уже 20 стран, в том числе государства Азии и Латинской Америки. В 2007 году две трети глобального экономического роста приходились на развивающийся мир; именно он становится ведущей силой в глобальном экспорте.

В своей книге «Глобальное столкновение наций или рас — дипломатия 2006 года» индийский ученый Гаур делает вывод, что XXI век станет веком Азии, и Китай будет лидером этого континента.

Сегодня самый мощный инвестиционный фонд находится в Объединенных Арабских Эмиратах (Абу-Даби), киноиндустрия — в Индии, а в производстве автомобилей все увереннее лидирует КНР. С каждым днем появляется все больше доказательств того, что западные научно-технические достижения энергично используются странами Востока.

Уже в 2006 году совокупный ВВП развивающихся государств впервые превысил совокупный ВВП индустриальных держав. США потеряли первенство в том, что касается производительности труда; их обгоняют некоторые европейские государства, в частности Норвегия; заметно сокращается разрыв и с азиатскими странами, прежде всего с Японией и Южной Кореей.

На фоне отката евроцентризма наблюдаются негативные и порой деструктивные процессы, ставящие под вопрос будущее индустриального мира. Существует разрыв между достигнутым здесь огромным научно-техническим прогрессом, уровнем развития производительных сил и способностью общества правильно и адекватно применять их на всеобщее благо в глобальных масштабах.

Особенно остро стоят такие проблемы, как контроль за распространением оружия массового поражения, надвигающееся потепление климата, его экологические и прочие эффекты, риск техногенных катастроф и природных катаклизмов. Революционные открытия в области биотехнологий, генетики (в частности клонирование живых существ) сталкиваются с неспособностью человечества четко осознать и представить их морально-нравственные последствия.

Запад переживает острейший нравственный и морально-духовный кризис. В материально обеспеченных и «сытых» обществах налицо деградация социальных связей и основных этических ценностей. Культивирование гедонизма, мания потребления, растущее отчуждение людей приняли гипертрофированный характер. Продолжается рост преступности, падение нравов, системный упадок и наркотизация общества; каждый третий ребенок в США рожден вне брака; все больше распространяются однополые браки и т. п.

Угасание роли современного Запада ярко выражается в сегодняшних демографических тенденциях, так называемый «золотой миллиард» фактически превращается

в государствах пожилых людей, где доля молодежи из года в год падает. Рождаемость в большинстве европейских стран и Японии упала до такого низкого уровня, что население этих государств в XXI столетии (при отсутствии подпитки иммиграции) сократится. На фоне острых демографических проблем индустриального общества контрастом выглядят галопирующие темпы рождаемости в странах третьего мира.

Сегодняшний экономический и финансовый кризис по многим показателям отбрасывает западное сообщество назад. Раздаются голоса о том, что нынешние процессы могут стать началом конца капитализма в его современном виде. (Газета «Гардиан» 22 декабря 2008 г. отмечала, что «преобладающая экономическая модель последних 30 лет в ходе нынешнего кризиса по существу вышла из строя, подобно тому, как после Первой мировой войны не оправдала ожиданий социал-демократическая модель».) По многим экономическим показателям доля Запада в мировом хозяйстве заметно снижается, особенно в период сегодняшнего глобального кризиса. Это дало возможность некоторым аналитикам утверждать, что Китай, учитывая продолжающийся рост его экономики, может перегнать США не в 2025–2030 годах, как предполагалось, а значительно раньше¹.

Нынешние болезненные сдвиги в расстановке сил на земном шаре связаны с демографическим фактором — сокращением численности населения в индустриальных государствах на фоне увеличения рождаемости в развивающемся мире. Так случилось, что в качестве важнейшего антипода Запада на нынешнем этапе развития выступил исламский мир. Этот процесс ознаменовался прежде всего целой серией крупных терактов, в том числе особенно потрясшим планету 11 сентября 2001 года. С тех пор противостояние Запада и исламского мира только нарастает. Несмотря на все принятые усилия, количество терактов в мире не снижается, хотя число жертв несколько уменьшилось. Ислам стал не просто самой быстрорастущей религией, но и вероучением, которое привлекает все больше сторонников. По прогнозам американского Фонда Карнеги, к 2023 году число мусульман в мире обгонит число христиан (сейчас число последователей пророка Мухаммеда оценивается в 1,5 млрд, а к христианам в различных деноминациях относят себя 1,8–1,9 млрд человек).

На фоне четко обозначившейся тенденции снижения влияния западной цивилизации особенно ярко выглядит процесс консолидации исламского мира. Он прежде всего выражается в том, что солидарность верующих в различных мусульманских странах проявляется в новых и достаточно действенных формах. Ярким примером этого является набирающая активность деятельность Организации Исламская конференция (ОИК), 40-летие создания которой будет отмечаться в конце 2009 года. В последние годы в рамках ОИК предпринято немало шагов с тем, чтобы усилить координацию действий мусульман всего мира.

По существу, ОИК становится своего рода зонтичной организацией наподобие ООН; наряду с ней мусульманские государства создали такие учреждения, как Исламский банк развития, Исламская организация по вопросам образования, науки и культуры (ИСЕСКО), общество Красного Полумесяца и т. п. Ислам является единственной религией, которая создала свою межгосударственную организацию. ОИК, объединяющая 57 государств (Россия

с 2005 г. является наблюдателем в ней), успешно организует борьбу с исламофобией и предпринимает энергичные меры в отстаивании интересов мусульманских меньшинств за пределами исламского мира.

Следует отметить особую роль исламских стран в добыче и экспорте энергоносителей: по существу, более двух третей запасов нефти и газа на нашей планете находятся в государствах мусульманского Востока. Эти нефтеэкспортирующие государства обладают серьезными финансовыми ресурсами. Даже сегодня в условиях экономического кризиса Саудовская Аравия и некоторые другие государства Персидского залива обладают значительными денежными средствами, не случайно их так обхаживают страны Запада. Примечательно, что в двадцатку стран, которые должны определять судьбы мировой экономики на нынешнем этапе, входят три мусульманских государства — Индонезия, Турция и Саудовская Аравия (но не входит, например, такая держава, как Испания).

За последние два-три десятилетия в мусульманском мире появилась новая элита, которая по уровню своего образования не хуже подготовлена, чем западная. Многие ее представители заканчивали университеты в Европе или Америке, хорошо знают западную культуру, но одновременно прекрасно разбираются в традициях, обычаях, ценностях и достижениях мусульманской цивилизации (этого подчас не хватает многим западным политикам). Даже американские политологи признают, что в некоторых случаях государственные деятели мусульманского мира выглядят сильнее своих западных коллег.

Политика Запада в последние годы приводит к радикализации мусульманской молодежи. Это выражается в таких страшных, чудовищных действиях, как террористические акты, которые нельзя оправдать. Тем не менее нужно хорошо понять причины этого явления. Унижение и чувство отчаяния, которые испытывают мусульмане, толкает некоторых из них на насильственные акции, хотя ислам, как и любая другая монотеистическая религия, отнюдь не проповедует культ силы. В условиях, когда западные державы пытаются навязать свои воззрения и рецепты другим народам, многие отчаявшиеся молодые люди в исламском мире встают на путь экстремизма, ибо не видят другого способа сопротивления.

Противостояние западного и исламского миров выражается также в обострении конфликтных ситуаций между ними. На сегодняшний день стоит выделить четыре основные проблемы, которые вызывают трения между США и другими западными державами и большинством мусульманских стран.

Во-первых, это палестинская проблема. Последние годы, несмотря на военное превосходство Израиля, показали, что решить ее силовым способом невозможно. Израиль по сути дела проиграл две войны: в 2006 году с «Хизбаллой» в Ливане и на рубеже 2008–2009 года в секторе Газа против ХАМАСа. В ближневосточном конфликте, который имеет светское происхождение, в последние годы все острее проявляется религиозный аспект. Этот фактор является мощным раздражителем и для 1,5-миллиардного исламского мира. Многие объективные наблюдатели приходят к выводу о том, что если арабо-израильский конфликт не будет решен в течение ближайших пяти-семи лет, то само существование 6-миллионного Израиля среди трехсотмиллионного арабского мира может быть поставлено под угрозу. Другими словами, время работает не в пользу Израиля и Запада.

Во-вторых, это проблема американского вторжения в Ирак. Мощная арабская страна в результате действий США и их союзников, по существу, находится на грани выживания. Объявленный уход американских войск

¹ США во время визита Х. Клинтон в Пекин в феврале 2009 года выступили с идеей подумать о совместных предложениях к «двадцатке» в начале апреля сего года в Лондоне. Для этого министр иностранных дел Китая приглашен в Вашингтон. Разумеется, это не означает создания какого-нибудь американо-китайского кондоминиума, но многие расценивают это, как шаг, свидетельствующий о том, что США реально признают усиливающуюся роль Китая.

к 2011 году может привести к серьезным гражданским столкновениям в этой стране, которая представляет собой один из главных очагов современной цивилизации.

В-третьих, сохраняющаяся напряженность вокруг Ирана, и особенно в связи с ядерной программой этого государства, которое в последнее время становится серьезной региональной державой.

В-четвертых, это афгано-пакистанский узел: здесь налицо прогрессирующий процесс укрепления позиции талибов в Афганистане и усиления влияния радикальных элементов в Пакистане — единственной мусульманской стране, обладающей ядерным оружием.

Кроме того, имеется немалое количество других конфликтных ситуаций, в которых позиции западного и исламского миров серьезно расходятся. Здесь следует упомянуть прежде всего о положении в Дарфуре и решении международного уголовного суда взять под стражу действующего президента Судана О. Башира, которому предъявлено обвинение в военных преступлениях. Очагом напряженности остается и обстановка в Сомали, которая далека от стабильности.

Нельзя не отметить также напряженность, складывающуюся вокруг мусульманской общины в Западной Европе. Сейчас количество мусульман в странах Евросоюза оценивается примерно в 20 млн человек (после Второй мировой войны было менее полумиллиона человек). В таких государствах, как Франция, Германия, Великобритания, Голландия и других, мусульманское меньшинство становится весьма активным, прежде всего в отстаивании своих прав, и это вызывает рост трений.

Неприятие людей другой культуры и религии ведет к упрочению влияния в целом ряде западноевропейских государств правых партий и движений, выступающих под антииммигрантскими, а зачастую и ксенофобскими, лозунгами. Учитывая, что рождаемость среди мусульманских общин остается высокой, а процесс воссоединения семей продолжается, многие аналитики делают вывод о том, что численность мусульман в Европе будет быстро расти, а их активность увеличиваться. Уже в настоящее время правительства многих западноевропейских государств вынуждены принимать решения по ближневосточным делам с учетом мнения своих мусульманских меньшинств. Этот процесс будет и дальше набирать силу.

Из-за непродуманных действий США, прежде всего их иракской авантюры, стопроцентной поддержки Изра-

иля, радикализм распространяется среди широких слоев мусульманской молодежи. Следует иметь в виду, что из 40 более бедных стран половина относится к исламским государствам. И именно здесь таится наибольший потенциал для взрыва, поскольку концентрация социальной несправедливости, неурядиц и обездоленности приближается к критической отметке. В какой-то степени ислам выражает ожесточение всего третьего мира.

Вышеперечисленные раздражители в отношениях между Западом и исламским миром носят во многом объективный характер. И это дало право некоторым французским ученым сделать вывод о том, что последующий этап в международных отношениях будет своего рода холодной войной между Западом и исламским миром, и победителем в этой схватке, в конечном счете, окажется Китай, а в более широком плане — другие азиатские государства, и в первую очередь Индия, позиции которых в мировой политике и экономике усилятся.

В этих условиях для достижения разрядки в отношениях Запада и мира ислама, поиска мирных развязок локальных конфликтов становится все более востребованной и актуальной посредническая роль России. Для этого есть объективные предпосылки. В силу своего геополитического положения и истории Россия — великая евразийская держава, занимающая громадную территорию, расположенную на стыке Запада и Востока, ислама и христианства, с огромной историей не просто сожительства, а взаимодействия православного населения и граждан мусульманского вероисповедания, обладает уникальным опытом межконфессиональных отношений.

Иные поднимающиеся цивилизации, такие как китайская и индийская, менее расположены для выполнения этой роли, поскольку имеют свои внутренние проблемы с исламом, особенно четко это видно на примере Индии, где исламская община насчитывает свыше 150 млн человек, а продолжающийся спор с Пакистаном способствует развитию националистических тенденций. В Китае проблема мусульманского меньшинства стоит менее остро, но периодически обостряется.

Россия имеет все основания позиционировать себя в качестве полюса сдерживания и миротворчества, раскрыть свой большой конструктивный потенциал с целью содействия компромиссным и сбалансированным решениям различных конфликтных и спорных проблем с учетом интересов государств, принадлежащих к разным цивилизациям.

К. С. Романова¹

ПОНЯТИЯ «МУЛЬТИКУЛЬТУРИЗМ», «ТОЛЕРАНТНОСТЬ», «ИДЕНТИЧНОСТЬ» В РУССКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Развитие любой научной теории предполагает активное внедрение в язык науки иностранных терминов, понятий. Однако надо учитывать специфику гуманитарных наук, которые в первую очередь отражают ментальные, а значит, и языковые особенности сообщества.

«Мультикультуризм — это практика и политика бесконфликтного сосуществования в одном жизненном пространстве множества разнородных культурных групп. Для мультикультуризма характерно стремление снять напряжение между локальным и универсальным, между желанием локальных культур сохранить свою идентичность и

необходимостью обеспечения целостного большого общества»².

Как известно, в России государство выполняло функции обеспечения не национального, а цивилизационного единства своих многочисленных народов с их разнообразной культурой, оставаясь наднациональным. Отличительной особенностью Российской империи было отсутствие правовых различий между подданными по национальному или территориальному признаку. Все это не могло отразиться в особенностях русского менталитета, который

¹ Старший научный сотрудник отдела философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург), кандидат философских наук, доцент.

² Чукин С. Г. Ю. Хабермас versus А. Макинтайр : к вопросу об основах современного философствования // Размышления о философии на перекрестке второго и третьего тысячелетий : сб. к 75-летию профессора М. Я. Корнеева. СПб., 2002. Вып. 11. С. 76–77. Сер. Мыслители.

можно охарактеризовать как «всечеловечность», «способность всемирной отзывчивости» (Ф. М. Достоевский), «привычку воспринимать других людей как братьев независимо от национальной принадлежности» (Д. А. Хомяков). Ментальные черты и особенности природных условий нашли адекватное отражение в языке. Об этом в свое время ярко и образно рассказал Д. С. Лихачев в своей известной работе «Заметки о русском».

Толерантность (от *лат.* — терпение) означает терпимость к чужим мнениям и верованиям. Русскоязычное содержание понятий «терпение», «терпеть» значительно объемней и охватывает как само явление, так и его состояние и действие. В толковом словаре русского языка под редакцией профессора Д. Н. Ушакова «терпение» в первом значении — это способность терпеть, сила, напряжение, с которым кто-нибудь терпит что-нибудь. Например: «Всякое терпение потерять можно», «Мое терпение лопнуло». Во втором значении «терпение» означает настойчивость, упорство в каком-нибудь деле в ожидании результатов, перемен. Например, пословица: «Терпение и труд все перетрут». Третье значение «терпения» означает смирение, возможность не противодействуя, не жалуясь, безропотно сносить что-нибудь бедственное, тяжелое, неприятное, мириться с чем-нибудь в ожидании перемены. Например, афоризм В. Даля: «Лучше самому терпеть, чем других обижать» или пословица: «Терпи, казак, атаманом будешь»¹.

Из вышеизложенного вытекает, что, когда мы используем научное понятие «толерантность» как синоним «терпения», то должны учитывать ментальность российского человека, которая отражается в первую очередь в языке, фиксируя многозначность понятий и их модальность. Поэтому терпеливость выступает в качестве социально-психологического свойства россиянина, которое проявляется во всех сферах жизнедеятельности. А христианская православная вера в истории России, формируя крайнюю форму терпения — чувство смирения, способствовала созданию образа Святой Руси.

Главной формой толерантности на Западе является конформизм — морально-политический термин, обозначающий приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка вещей, отсутствие собственной позиции. Поэтому западная толерантность — это рационально осознанная необходимость терпимости к «другому», в основе которой лежит безразличие и отчуждение.

В России формирование связей между людьми происходило на базе традиций укорененных этнических культур, сельской общины, которые воспроизводились в сознании и образе жизни маргиналов, мобилизованных для жизни в городе в эпоху индустриализации страны. Более того, несколько поколений россиян прожили всю жизнь или большую ее часть в общежитиях и коммунальных квартирах. Такие условия способствовали выработке определенной психологии поведения. Верно, что российская толерантность основана прежде всего на нравственно-понимающем сопереживании².

Особая ментальность, формирующая такие социально-психологические качества, как равнодушие, сочувствие, со-переживание, участие, определяется всем ходом истории России, в которой доминируют социальные потрясения, а не стабильность. В течение жизни одному-двум

поколениям вместе со страной пришлось пережить революцию, коллективизацию, индустриализацию, Великую Отечественную войну, перестройку, капитализацию. Готовность сострадать и способность оказать помощь тому, кто в ней нуждается, делясь последним, называется милосердием. Полагаю, что это российская форма толерантности, где терпеливость, терпимость к кому-нибудь перерастает в участие. Отсюда — милосердие не только к своим, но и к «чужим»³.

В настоящее время, в период коренных экономических и социально-политических преобразований, которые привели к возникновению кризисных ситуаций, ибо разрушился привычный стабильный социальный мир существования и деятельности людей, идентификация (по-русски — поиск своего «Я», своей «самости», своей субъектности) приобрела подражательный характер поведения, в котором главное — «казаться», а не «быть». Такое подражательство носит характер социальной мимикрии.

Социальная мимикрия означает сложный комплекс защитных мер и приспособлений социально-политического характера, позволяющих выжить и самосохраниться тем социальным группам, слоям, индивидам, для которых в обществе возникли невыносимые условия жизни и деятельности. С одной стороны, это вынужденное средство самозащиты в кризисных ситуациях. Например, для проживающих в Прибалтике русских, чтобы избежать клейма «оккупант» и не получить позорного статуса «не гражданин», необходимо демонстрировать знание национального языка и быть сверхлояльным в оценке политической и иной деятельности современных национальных властей. С другой стороны, происходит беспринципное приспособление к окружающей социально-политической среде, к сложившимся условиям жизни ради достижения каких-либо выгод.

В современной политической практике социальная мимикрия выступает достаточно распространенным приемом создания имиджа того или иного политика или депутата в ходе предвыборных кампаний. Создание образа «своего парня» — беспринципный вариант для удовлетворения ожиданий и притязаний электората, для завоевания поддержки масс, идентифицирующих себя с этим лидером.

Мотивы, побуждающие личность вместо борьбы за переустройство мира стать на путь приспособления к нему, могут быть самыми разными: осознание ограниченности своих возможностей; искреннее принятие существующего миропорядка в качестве единственного возможного; просто желание «плыть по течению», потому что так легче. Столь же различны и формы такого приспособления: это может быть реальная идентификация с теми, на чьей стороне сила (физическая, экономическая, политическая и т. п.), благодаря чему индивид начинает чувствовать себя сильнее, или иллюзорное чувство свободы, приносимое верой в Бога или судьбу, или напряженная внутренняя активность, направленная на самопознание и самосовершенствование, то есть изменение своего внутреннего «Я». Развитие личности, ее деятельность невозможны без осуществления выбора и идентификации с определенными социальными структурами. Ибо, как известно, «жить в обществе и быть свободным от него нельзя».

¹ См.: Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940. Т. 4. С. 691.

² *Петрицкий В. А.* Толерантность как принцип нравственной культуры общения // Проблемы нравственной культуры общения. Вильнюс, 1986. С. 265.

³ *Романова К. С.* Толерантность : конформизм или милосердие? // Дискурс-Пи. Екатеринбург, 2003. № 3. С. 15–16.

И. В. Следзевский¹

ОБРАЗ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Доклад представляет собой презентацию результатов выполненного в 2006–2008 годах исследовательского проекта «Идеи и идеалы российской цивилизации как фактор формирования образа России». В проекте, поддержанном Российским гуманитарным научным фондом, участвовали И. Н. Ионов (Институт всеобщей истории РАН), А. Н. Мосейко (Институт Африки РАН), И. В. Следзевский (Центр цивилизационных и региональных исследований РАН, руководитель проекта), Е. В. Харитоновна (Институт Африки РАН), Я. Г. Шемякин (Институт Латинской Америки РАН), О. Д. Шемякина (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова).

Ключевая проблема, на решение которой был направлен проект, заключалась в оценке состояния и тенденций развития исторического сознания в России, его структуры, места в ней цивилизационных представлений, открытости и готовности к культурному диалогу.

Уже длительное время историческое сознание в России переживает кризис. Он проявляется прежде всего в том, что неуклонно воспроизводятся бинарные оппозиции образа страны по типу «западники–славянофилы», которые затрудняют либо внутренний диалог (с крестьянством, традиционалистами, левыми и традиционалистами за границей), либо внешний диалог (с демократически и либерально ориентированными кругами).

Результатом данного проекта является теоретическое изучение механизмов, порождающих такого рода бинарные оппозиции (прежде всего процессов самоидентификации в рамках цивилизационного сознания), а также поиск выхода на путь диалога как внутри сообщества исследователей российской цивилизации, так и в межкультурном диалоге внутри страны и в современном мире. Удалось существенно уточнить представления о роли предпосылочного знания вообще и цивилизационного сознания в эпоху модернизации и в современную эпоху, которые касаются прежде всего разницы имперского (колониального, цивилизаторского) и постколониального дискурса. Они связаны со специфически историческим способом преодоления референциальной неопределенности, с которым сталкивается исследователь прошлого. Референтом может быть как отдельное событие, биография, так и целостный образ страны, мира. В результате следует референциальный выбор, ориентированный либо на целостные образы, либо на совокупность частных образов.

В первом случае доминируют единичные референты, интенциональные образы, заданные прежде всего естественной идентификационной установкой. Они имеют субстанционалистскую природу, иерархическую структуру, легко манипулируемы и следуют заданной автором логике. Результатом является возобладавшая в колониальный период субстанционалистская самоидентификация, позволяющая рассматривать себя самого как субъекта по преимуществу, носителя цивилизационной миссии, а свою историю — как ось истории человечества.

В отношении к образам других (прежде всего колониальных стран) применяется стратегия деисторизации, которая позволяет в «ориенталистском стиле» (Э. В. Саид) относиться к образам Иного как к чистому объекту (субъект-объектная стратегия) или антисубъекту (Э. Дуссель, А. Ройг), игнорировать или фальсифицировать их прошлое. Применение этих стратегий к России создает стереотип либо «неправильной» (с точки зрения Запада) цивилизации, либо «правильной империи», страдающей от

ига Запада. В обоих случаях мы имеем дело с апофатическим знанием «от обратного», которое выстраивается как антитеза либо архаическому, общинному стереотипу жизни, либо модернизаторскому, западному стереотипу общества «достижений и потребления».

Во втором случае доминируют агрегатные, множественные и разнокачественные референты, которые интерпретируются субъектом исследования как субъекты диалога (субъект-субъектная стратегия), идентификация исследователя становится полифонической (М. В. Глостанова), открывается пространство для появления неинтенциональных образов. Это картина России регионов, местного разнообразия, основы описания которой заложили в свое время историки Н. И. Костомаров и А. П. Щапов. Как показывают работы крупнейших современных историков Запада (Ю. Остерхаммель, Р. Осборн), именно такие образы России являются наиболее близкими научному сообществу и привлекательными для массовой аудитории.

Проблема референциального выбора исследователя имеет прямое отношение к остроактуальной теме самоопределения России в современном мире. Расколота исторического сознания заставляет враждовать различные социальные слои, непрерывно воспроизводить традиционную антитезу «западники-славянофилы». Вместе с тем это в большой степени следствие стремления к тотализации образа России, что не соответствует современным тенденциям развития научного исторического знания.

На протяжении последних десятилетий в цивилизационных исследованиях сложились новые познавательные условия, и некоторые из них уже оформились в дисциплинарные правила исторической науки. Господствующей при этом становится не тотальная, холистическая, а дифференцированная, частичная, конвергентная, симметричная версия сравнительного описания, учитывающая как общие черты, так и различия цивилизаций, их отдельных регионов, институтов, уровней и секторов, и помещающая их в горизонт «нормальной» исторической науки. С этой позиции Россия выглядит уже не как «варварская цивилизация», а как часть Европы, наряду со Швецией и Турцией, равноправный участник модернизационных процессов середины XIX века.

В связи с этим новое значение приобретает цивилизационный образ России на Западе: его эволюция, структура, степень однородности. Традиционное восприятие России на Западе обусловлено противоречивым сочетанием двух цивилизационных стратегий исторической самоидентификации. Одна из них ориентирована на то, чтобы посредством внедрения на российской почве западных ценностей и институтов расширить ареал западной цивилизации. Другая, напротив, направлена на то, чтобы возвести барьер между Россией и западным сообществом. Эти стратегии соответствуют двум парадигмам восприятия России, выработанным на протяжении последних трех веков. В рамках первой она воспринимается как страна, влекомая силой необходимости, как и все народы, по «столбовой дорожке» прогресса (модернизации), но сильно отстающая от лидера этого движения (разумеется, Запада). В рамках другой Россия рассматривается как особый человеческий мир, глубоко чуждый Западу и, по сути, ему враждебный. Первая парадигма дает некоторые ограниченные возможности для диалога. Вторая его вообще исключает.

Очевидно, противостояние Россия–Запад — это форма межкультурного взаимодействия, в которой на первый план выходят то резкие противоречия, то сходства. В образе России проступают то варварские, то провидческие

¹ Директор Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), доктор исторических наук, профессор.

черты; то ярлык «Антизапад», то надежды на спасение от бездуховности и десакрализации. Это говорит о своеобразном многовековом диалоге, иногда подсознательном, иногда выходящем на поверхность, об «оборачиваемости» образа России, который выступает своими различными, часто противоположными сторонами.

В формировании образа России на Западе оптимистичной перспективой представляется, прежде всего, обращение к культуре как основе диалога. Именно диалог культуры, обладающей широчайшей аудиторией, способен сформировать образы России и Запада на основе взаимного узнавания, знакомства с обычаями, нравами, ценностями друг друга, то есть культурного диалога. Однако традиционная дихотомия цивилизационных образов России и Запада сегодня уже не исчерпывает всего содержания восприятия и интерпретации этих образов. Она не соответствует ни новому (мультикультурному) контексту восприятия культурных различий, ни ощущению трансформации в постмодернистскую эпоху цивилизационных представлений, которые постепенно утрачивают свои преимущественно идентификационные функции и спекулятивно-риторическую составляющую, больше чем раньше ориентируются на коммуникативные и когнитивные составляющие цивилизационных образов.

На этом новом фоне современного исторического знания изменяются условия для конструирования и оптими-

зации образов России, прежде всего цивилизационных. Возникает актуальная и комплексная тема (проблема) формирования *диалогического образа* российской цивилизации как неотъемлемого и равноправного участника глобального межкультурного диалога.

При построении диалогического образа России наибольшее значение имеют традиции межкультурного диалога. Во-первых, это традиции авраамических религий, таких как христианство и ислам, которые в процессе векового взаимодействия выработали сходное отношение к власти, собственности, общественным отношениям, породили синкретические культуры и обеспечили существование России как поликонфессиональной державы. Во-вторых, это традиции архаических религий и верований, «подстилающие» монотеистические верования и организации и обеспечивающие совместное проживание крестьян в поликонфессиональных регионах. В-третьих, это модернизированная составляющая религиозных и нерелигиозных представлений (в том числе *цивилизационных*), тесно связанных с мифологией и утопическими представлениями и порожденных в процессе кризисов исторического сознания.

В контексте проблем современного межкультурного диалога в исследовании была поставлена актуальная проблема основных путей (стратегий) оптимизации образа России во внутреннем и внешнеполитическом плане.

А. В. Смирнов¹

ТИПОЛОГИЯ КУЛЬТУР И КАРТИНА МИРА

нимается здесь, к принятому в философии и лингвистике его употреблению.

Как правило, говорят о языковой картине мира и о научной картине мира. Под первой понимают то структурирование мира, которое предзадано сознанию человека его родным языком, прежде всего — арсеналом формальных средств данного языка. В этом, наиболее принятом толковании понятие «языковая картина мира» восходит к идеям Гумбольдта и гипотезе Сепира–Уорфа. Под научной картиной мира понимают совокупность научных теорий, взятых в их мировоззренческом аспекте и определяющих в массовом сознании наиболее общие представления об устройстве мира. Научная картина мира — это не сама наука, а лишь то представление о выводах науки, которое сложилось в сознании людей и носит более или менее популярный характер.

Различие между языковой и научной картинами мира, лежащее на поверхности и бросающееся в глаза, заключается в том, что первая стихийна, тогда как вторая от-refлектирована. Ведь родной язык невозможно выбрать и невозможно сменить: языковая картина мира, формируемая в сознании носителя языка, предзадана ему. Исходным постулатом современной лингвистики служит представление о языке как о естественном феномене, подчиняющемся естественным (а значит, объективным, не зависящим от наших волевых усилий) законам, и в данном отношении это представление оправдано. В отличие от этого, наука как источник научной картины мира не предзадана ни обществу, ни индивиду; ни как таковая, ни в ее конкретном варианте.

Если владение языком служит критерием принадлежности к человеческому роду, то наличие науки в обществе или причастность к ней индивида не играет такой роли. Далее, научная картина мира, если она вообще имеется, может кардинально измениться на протяжении одного по-

Построение любой типологии основывается на нехитрой мысли о том, что объект типологизации обнаруживает как сходства, так и различия. Объяснить, как строится типология культур, можно, растолковав, что такое культура и как культуры различаются.

Слово «культура» можно понимать в очень и очень разных смыслах, и вряд ли кто-то станет утверждать, будто обладает единственно верным и точным пониманием этого термина. Ученый или философ принимает то или иное определение культуры, исходя из потребностей своего поиска и исходных интуиций. Я понимаю культуру как способ смыслополагания.

Что означает слово «смысл» в контексте этого определения? Я понимаю его не в соответствии с разведением понятий «значение» и «смысл», которое сложилось в XX веке, и не в плане придания особого звучания этому слову, когда под осмысленностью понимают причастность некоему высшему, выходящему за рамки повседневности смыслу. Напротив, «смысл» для меня — понятие самое обыденное и вместе с тем универсальное. Смысл — это та среда, в которую погружено наше сознание; осмысленность — это все то, с чем «работает» наше сознание и что составляет его содержание. Если так, то стремление к осмысленности — наиболее фундаментальное стремление человека. Без этого нет нашего сознания, а значит, нет и нас.

Что такое «картина мира» и какое отношение это понятие имеет к типологии культур? Если понимать под «миром» универсум, все то, с чем может иметь дело наше сознание, то картина мира — это полотно осмысленности, в пределах которого оно движется. Из этого определения вытекает отношение понятия «картина мира», как оно по-

¹ Член-корреспондент РАН, заместитель директора Института философии РАН (Москва), заместитель главного редактора «Философского журнала», доктор философских наук, профессор.

коления; языковая картина мира, хотя и модифицируется с развитием языка, не претерпевает столь радикальных трансформаций при жизни одного человека. В отличие от языковой, научная картина мира формируется благодаря сознательным усилиям и общества в целом, которое решает, что наука нужна для него, и научного сообщества, которое производит научные знания, и сообщества популяризаторов, ответственных за «растекание» этих знаний по слоям общества, и каждого отдельного индивида, который с большей или меньшей готовностью впитывает их и тем самым формирует собственную научную картину мира.

То, о чем я буду говорить здесь, близко к такому пониманию термина «картина мира», хотя и не совпадает с ним полностью. Основное отличие заключается в том, что разделение и соотношение двух уровней (стихийно-языкового и теоретически-отрафлексированного), а также сами эти уровни будут интересовать меня в аспекте смыслополагания. Главным станет вопрос о том, каким образом фундаментальное (обще)человеческое стремление к осмысленности реализуется на этих двух уровнях построения целостного полотна осмысленности — стихийном, предзаданном человеку и отрафлексированном, созданном благодаря его сознательному и целенаправленному усилию и подчиненном логическому упорядочиванию. Первый уровень будем называть языковым, второй — логико-философским, поскольку философское понимание целостности мира и фундаментальных принципов его устройства лежит в основе отрафлексированной картины мира.

Осмысленность означает связность. Это положение — ключевое для нашего дальнейшего движения. Связность непосредственно связана с единством. Конечно, «единство» — очень неопределенное и потому богатое понятие: единство можно мыслить совершенно по-разному, и нам еще предстоит столкнуться с этим. Понятия связности и единства вкупе, как мне представляется, хорошо передают исходное, интуитивное представление человека о мире. Я бы сказал, что для человека характерно стремление к формированию полотна осмысленности мира как связанного и единого. В глубине души, в глубине нашего существа мы стремимся представить мир как монистичный.

В каком смысле? Не в том, конечно, что каждое утро, вставая с постели и нащупывая тапочки, формулируем для себя эту идею как задание на сегодня. Дело в другом. Мы ощущаем, что не можем представить мир расколотым на не сообщающиеся части, на никак не связанные одна с другой области. Это верно и для временного, и для пространственного аспектов. Не может быть, что зеленое сегодня станет красным завтра, как не может быть, что в другой части мира вещи будут падать вверх, а не вниз. Я намеренно привожу наивные примеры; читатель легко может выстроить более сложные. Но именно наивные, наименее обдуманные представления показывают фундаментальность предчувствования осмысленности как связности и единства мира.

И открыв для себя однажды, что уличное движение бывает не только правосторонним, но и левосторонним, то есть столкнувшись с существенными различиями в устройстве законов, управляющих поведением мира, мы поспешим интерпретировать такие различия не как принципиально несводимые и раскалывающие мир на изначально разным образом устроенные части, а напротив, как варианты некоего инварианта, не противоречащие, невзирая на все различия между ними, глубинному единству мира. Даже говоря об эволюции Вселенной и, соответственно, физических законов, ею управляющих, мы представляем этот процесс как закономерный, устанавливая для себя единство и связность его частей. Иначе — бессмыслица кафкианского типа, где может происходить все;

иначе — «зона» Стругацких–Тарковского, которую, в самом деле, и представить-то невозможно, поскольку она отрицает всякую связность и всякое единство.

Итак, при всем своем разно- и многообразии мир ведет себя неким устойчивым образом, и эта устойчивость предчувствуется нами как связность и единство полотна осмысленности мира, которое мы и называем «картиной мира». Такова интенция. Каков же результат, достигаемый на двух уровнях ее осуществления, предзаданном нам и складывающемся стихийно — и целенаправленно создаваемом, логически упорядоченном, и отрафлексированном, то есть на языковом и логико-философском уровнях, примерно соотносимых с тем, что называют языковой и научной картинами мира?

Прежде чем отвечать на этот вопрос, определим объект исследования. Я буду говорить о двух крупных культурных ареалах — о Западе и арабском мире. Насколько выводы, сделанные на основе арабского материала, приложимы к родственным семитским языкам и основным на них культурам, прежде всего к ивриту и еврейской культуре, остается открытым вопросом. Распространима ли сама методология рассуждения (а не просто его выводы) на другие языки и культуры за пределами названных двух, составляет куда больший вопрос. Я не буду далее специально оговаривать это ограничение: формулируя общие утверждения, я делаю их только для указанных двух языково-культурных ареалов.

Начнем с языкового уровня. Язык предлагает нам не монистичную (построенную по принципу единого начала), а сегментированную картину мира. Я имею в виду тот фундаментальный важный факт, что язык осуществляет *категориальное структурирование мира*. В нашем распоряжении имеются категории имени (существительного, прилагательного), глагола, наречия, числительного и др.

Mutatis mutandis это справедливо для арабского или иврита, как и для русского, английского, греческого и прочих европейских языков. Верно, что система категорий не во всех языках одинакова, однако она, во-первых, приблизительно совпадает, а во-вторых, непременно присутствует. Это значит, что язык сегментирует мир, разрезая его на *несообщающиеся* части. Имя существительное ни при каких условиях не может превратиться в глагол. Иначе говоря, имя не может занять то место, которое в высказывании занимает глагол, тогда как оно может занять место другого имени.

При замене одного имени на другое мы получаем осмысленную, хотя, может быть, ложную фразу; при замене имени на глагол или наоборот мы получаем не ложную и не истинную, а бессмысленную фразу. *I walk up the drive* и *I walk up the lane* равно осмысленны, хотя могут быть не равно истинны; но из двух фраз *I drive a car* и *I lane a car* только первая осмысленна. Это фундаментальной важности свойство языка отражает тот факт, что вещи-субстанции действуют, но сами не являются действиями; и, напротив, действия, наблюдаемые в мире, не являются вещами-субстанциями. То же относится и к прочим категориям.

Обратим внимание на Аристотелеву систему десяти логических категорий. Их смысл в том, что они устанавливают, во-первых, субъект-предикатное разделение; во-вторых, разделение между девятью категориями, которые могут служить предикатами, то есть сказываться о субъекте. И, наконец, в-третьих, эти категории не сводятся, как говорит Аристотель, в единое понятие, они не имеют рода, сами будучи родами бытия.

Первое и третье обстоятельство заинтересуют нас чуть позже, а сейчас обратим внимание на второе. Категориальное деление, подчеркнутое Аристотелем, фиксирует сегментированность мира, его разрезанность на дольки,

разделенные перегородками, которые непроницаемы для того, что находится внутри такого сегмента. Представитель каждой категории принадлежит исключительно ей, без всякой надежды найти прямой контакт с представителем другой категории, поскольку смысл категориального деления — именно в том, чтобы обнаружить нередуцируемые различия между классами слов. Вот почему какое-либо прямое приравнивание категорий невозможно по самой их сути. Нет возможности приравнять разные категории и через что-то общее для всех них: категории — высшие роды, над ними нет никакого объединяющего их рода.

Итак, категориальное деление является фактом. И в данном случае не имеет значения, насколько конкретный вид категориальной системы привязан к конкретному языку; важно лишь, что категориальное членение в принципе имеет место.

Взятый изолированно, этот факт должен свидетельствовать, что на языковом уровне мы не достигаем истинной цели создать связанное полотно осмысленности мира. Язык лишь по видимости служит инструментом связанного описания мира; на деле он описывает мир, выделяя в нем несводимые один к другому аспекты: аспект действия; аспект субстанциальности; аспект числа и т. п.

Обратим теперь внимание на третье обстоятельство. Все категории, сегментирующие мир, являются родами бытия, а значит, говорят о чем-то едином. В самом деле, единство бытия служит настолько глубоким философским убеждением, что оно редко проговаривается. Представление о единстве бытия отражает наше фундаментальное стремление к связанному осмыслению мира, эту интенцию нашего сознания. Но, как видим, такое стремление не может быть реализовано — постольку, поскольку категории несводимы в нечто единое, а различия между ними нередуцируемы.

Это обстоятельство, открытое Аристотелем, сохраняет свою значимость и за пределами западной мыслительной традиции. Арабский язык предполагает несколько иную систему категорий, нежели созданная Стагиритом, — но он ее, тем не менее, предполагает, с теми же последствиями для построения связанной картины мира, что были выяснены, и это самое главное. Для рассматриваемых культурно-языковых ареалов категориальная сегментация мира и вытекающая из нее бессвязность полотна языкового осмысления мира служат несомненным фактом.

Язык — теоретическая конструкция; в реальности мы всегда имеем дело не с языком, а с речью. *Связная речь* — это речь сказывающая; а сказывание — это формирование субъект-предикатных конструкций. Иначе говоря, связанная речь — это последовательность связанных предложений, а связанное предложение — такое, в котором есть подлежащее и сказуемое, или, если использовать логические термины, субъект и предикат. Я не говорю, что связанная речь исчерпывается этим; я говорю, что без этого нет связанной речи.

Вот где решение проблемы сегментированности мира, которую мы замечаем в языке: речь связывает сами по себе бессвязные сегменты-категории, и такое связывание — это построение субъект-предикатных конструкций. Предикация — узловой пункт; она служит установлению монизма картины мира.

Каким же образом? Пришло время обратить внимание на первое из обстоятельств, отмеченных при рассмотрении Аристотелевой системы категорий.

Оказывается, десять категорий неравноправны; они имеют разный вес. Лишь одна из них — то, о чем сказывается; остальные — то, что сказывается. Так разрешается затруднение: монизм мира — это монизм субъекта, подлежащего. То, о чем мы говорим, *едино*. Единое не в том,

конечно, смысле, что это нечто одно; едино не арифметически. Едино именно в том смысле, какой подсказан Аристотелевой категориальной системой: едино потому, что все, о чем мы можем говорить и что служит подлежащим в предложениях нашей связанной речи, принадлежит одной категории — той, что мы называем «субстанция».

Высказанное утверждение о разрешении проблемы монизма мира благодаря открытию предикационного механизма, преодолевающего категориальную множественность и сегментированность, — это утверждение слишком оптимистично, чтобы быть верным. Так предполагается, так должно быть; и традиционная логика, созданная Аристотелем, основывается на этом предположении. Сделаем вид, будто и мы согласны с этим, оставив в стороне очевидный вопрос, заданный еще в античности: как может быть, что в субъекте собираются предикаты, *разнородные* по отношению друг к другу и *инородные* по отношению к самому субъекту? Как получается, что разнородность и инородность, зафиксированные и настойчиво подчеркнутые категориальным делением, вдруг становятся неважными, коль скоро мы решаем, что девять категорий-акциденций — лишь характеристики единственной категории, составляющей «что» мира, категории, в которой вся эта разнородность как будто преодолевается, становясь не более чем аспектом, описанием субстанции? Я подчеркиваю, что затруднение это — принципиальное; однако мы не будем здесь развивать эту мысль.

Вместо этого обратим внимание вот на что. Язык дает возможность построить высказывания, в которых подлежащим будет вовсе не вещь-субстанция, а процесс. Например, я могу сказать: «прибытие поезда откладывается», «введение конвертируемости рубля невозможно по причине кризиса». «Прибытие», «введение» и тому подобные слова, обозначающие *процессы*, являются с точки зрения языка настоящими подлежащими и играют эту роль ничуть не хуже, чем ее сыграли бы «поезд» или «рубль». Но в отличие от «поезда» и «рубля», «прибытие» и «введение» — не субстанции. С точки зрения Аристотелевой логики это означает, что они не могут быть *настоящими* подлежащими, то есть не могут выполнять функцию субъекта—носителя предикатов. На эту роль подходит только субстанция, и никакая другая категория, — говорит нам Аристотель.

Налицо конфликт между возможностями, предоставляемыми языком, и их реализацией в той картине мира, которую мы, следуя за аристотелевской мыслью, приняли выстраивать, стремясь к ее монизации. Логически верная, подчиненная рефлексии и претендующая на научную точность картина мира *беднее*, нежели та, которой мы обладаем на языковом уровне, причем беднее не в каком-нибудь второстепенном аспекте, а именно *логически*. Как раз на логическую точность претендует научная картина мира — но эта точность достигается только за счет урезания логических возможностей, предоставленных на уровне языковой картины мира.

Я подчеркиваю слово «логический», и цель дальнейшего рассуждения — продемонстрировать его оправданность. Верно, что оно употреблено сейчас, так сказать, авансом; но это важно сделать, чтобы показать, насколько *не* совпадает выстраиваемая здесь позиция с общепринятой. Ведь логик или философ языка, да что там — любой студент скажет: языковые формы выражения избыточны в сравнении с логически правильными. Сказать «вечерняя звезда» и «утренняя звезда» значит указать на один и тот же объект, но выразить это разными словами; смысл различен, значение — одно и то же. Сказать «прибытие поезда откладывается» и «поезд прибывает позже» значит указать на одно и то же событие. Естественный язык просто-напросто слишком богат, скажет логик.

Пестрящее обилие языковых форм предстает как досадная помеха, мешающая выбрать единственно правильную форму, — ту, что соответствует подлинному устройству мира. А мир устроен как собрание вещей-субстанций, обладающих качествами и распределенных в пространстве и времени. Именно поэтому логически правильным будет субъект-предикатное высказывание, в котором подлежащее представлено именем существительным, указывающим на субстанцию («поезд»), а вовсе не на процесс («прибытие»). Мы можем придумать много фраз, синонимичных высказыванию «прибытие поезда откладывается», и их количество будет ограничено лишь нашей фантазией и богатством языка.

Более того, мы можем высказать эти фразы не на одном, а на разных языках. И все это многообразие языковых представлений избыточно в том смысле, что подлинность мира представлена одной-единственной фразой («поезд прибывает позже»). Логически правильная форма сводит к единству не только разнообразие выражений одного языка, но и межъязыковое многообразие, а значит, служит основанием для межъязыкового перевода. Остается лишь нащупать эту глубинную структуру, чтобы понять, к чему сводить многообразие поверхностных структур.

Этот стремительный бросок от Аристотеля к Н. Хомскому спрямил многие изгибы, но не искажил главного: для западной мысли характерна *субстанциальная картина мира*. Мир предстает здесь как совокупность вещей-субстанций. Именно так понятия вещи составляют «что» мира и обосновывают его единство, тогда как разнообразие и многоцветие мира, его «как» представлено свойствами, качествами, отношениями между этими вещами. На этой основе выстроена аристотелевская физика, объяснявшая в античности и Средневековье строение мироздания; от этой основы не отказалась и нововременная наука.

Конечно, мы не можем не видеть, что вещи, понятия как субстанции, действуют или описываются числовыми параметрами; но мы замечаем это после того, как установили примат субстанциальности. Я хочу сказать, что многое в мире не будет укладываться — либо вовсе, либо без существенных искажений — в субстанциальную картину мира, однако это не заставит нас отказаться от нее и от соответствующей ей логики. Математика, изобретенная греками и развитая западной традицией, *не* стоит на фундаменте логики. Это служит помехой ее логическому осмыслению, не дает схватить ее единство (хотя совершенно не мешает ей развиваться), — но не приводит к отказу от оснований субстанциальной картины мира и к созданию полноценной логики, которая могла бы стать фундаментом математики.

Другой пример. Камнем преткновения для западной философии всегда служило осмысление процесса. Процессуальность не укладывается в субстанциальную картину мира, поскольку не может быть адекватно схвачена в ней. Дело в том, что истинность в субстанциальной картине мира связывается с вневременным состоянием вещи, с ее абсолютной вынесенностью из потока изменений. Западная философия потому и остается лишь рядом примечаний на полях сочинений Платона, что им выражено это понимание, составившее фундамент всего гигантского здания не только философии, но и, шире, мыслительной традиции Запада.

Погруженное в поток времени изменяется, а значит, не тождественно самому себе, то есть неистинно, следовательно, не может служить субъектом в субъект-предикатных конструкциях, описывающих подлинность мира (вспомним закон тождества), а значит, исключено из связной научной речи. Это — аксиома, задающая дихотомию временного-вневременного как изменчивого-по-

стоянного, неистинного-истинного, чувственного-разумно-непостижимого.

Раз так, процесс, протекающий во времени, просто не может быть причастен истинности, он не может быть схвачен через такое понимание истины. А потому мы либо вслед за Аристотелем сведем процесс к фиксации отдельных состояний вещи, не меняя субстанциальную картину мира, где становление превратится в загадочный перескок от потенциальности, представляющей собой одну вещь-субстанцию, к актуальности, являющейся фактически другой вещью-субстанцией; либо вслед за Делезом, толкующим в своей «Логике смысла» стоиков, признаем иррациональность процесса и намеренно пойдём по пути его *бессвязного* описания.

Подведем итог сказанному. Язык не дает возможность построить связную картину мира, поскольку, во-первых, фактом категориального деления фиксирует сегментированность мира; а во-вторых, закрепляет эту сегментированность тем, что позволяет использовать в речи едва ли не любую из категорий в качестве подлежащего. Решительный шаг к связности совершается в философской логике, которая пробивается к монистическому видению мира через утверждение о том, что лишь одна из категорий представляет «что» мира и служит подлинным субъектом субъект-предикатных конструкций.

Различение двух способов построения картины мира — стихийно-языкового и отрефлектированного — это различение плюрально-сегментированного и монистического видения мира. Но вот что важно заметить: переход от плюральности к монизму происходит за счет ужимания много- и разнообразия возможностей, предоставленных нам на языковом уровне, и отсечения всех вариантов построения осмысленной картины мира в пользу единственного, избираемого в качестве истинного. А истина *едина*, как один мир, поэтому такое ужимание трактуется как благотворное избавление от размытости языковой стихии в пользу твердости и четкости научного познания, руководствующегося только интересами истины.

Здесь — поворотный пункт нашего рассуждения. Это связано вот с чем: ужимание языкового многообразия в пользу субстанциально-логического монизма следует составлять *не* как переход от неопределенно-размытого состояния к ясно-фиксированному. Напротив, его приходится трактовать как *урезание* возможностей осмысления, представленных на уровне языка и исчезающих на уровне логически-выстроенной монистической картины мира.

Этот момент очень важен, поэтому хочу остановиться на нем. Речь идет об урезании *логических* возможностей. Это значит, что построить логически-связную монистическую картину мира можно *разными* способами, а отнюдь не единственным, представленным опытом создания субстанциальной картины мира. Собственно, это должно было бы быть довольно очевидным, поскольку, во-первых, на такую возможность недвусмысленно намекает язык; а во-вторых, субстанциальная картина мира неспособна исчерпать мир и оставляет за своими границами то, что не может быть в ней осмыслено (два примера были приведены выше). Альтернативная картина мира, таким образом, не просто возможна (подсказка языка), но и необходима (неисчерпанность мира в субстанциальной картине мира).

Помимо логических возможности и необходимости, отметим и настойчивые попытки западной мысли отказаться от субстанциализма и выстроить альтернативное видение мира. Учения такого типа называют по-разному, в том числе и «философия процесса». Я имею в виду прежде всего построения А. Бергсона и А. Н. Уайтхеда. Обратим, однако, внимание вот на что: несмотря на как будто радикальный разрыв этих мыслителей со всей

предшествующей западной традицией, он остается скорее декларацией, поскольку не меняет наиболее фундаментального факта: дихотомии «бытие-становление» как задающей различие вневременного и временного, а значит, неизменного и меняющегося.

«Философия процесса» переустанавливает акценты, не вторгаясь в эту схему по существу, и, по большому счету, пытается лишь убедить нас в том, что истину надо связывать с временным, а не вневременным. Явно незначительный успех в философии (отсутствие сильной школы и существенной разработки этих идей) — и серьезный отклик в научной мысли XX века: популярность идей эволюции и коэволюции, историчности, процессуальности.

Наблюдается разрыв между очевидной потребностью в новой, несубстанциальной картине мира и ее явно недостаточной выстроенностью. Трудность здесь в том, что необходимо сменить самый глубинный фундамент, — а сделать это сложнее всего. Прибавим к этому наблюдавшееся до сих пор отсутствие сведений о реальном опыте построения иной, несубстанциальной картины мира. Смысл моего рассуждения — в том, чтобы эту лауну восполнить.

Прежде чем приступить к этому, отмечу одно обстоятельство. Целенаправленно построенная на началах философской логики, созданная для того, чтобы соткать единое полотно осмысленности, субстанциальная картина мира в принципе не справляется с этой задачей. Вероятно, того же можно ожидать и от альтернативной картины мира: она также будет упускать определенные аспекты мира, в том числе и те, что удачно схвачены субстанциальной картиной мира. В этом смысле язык более универсален, чем логико-философская картина мира: он содержит в себе намек на разные варианты построения монистических картин, ни одна из которых не может вместить все аспекты мира.

Такие логико-философские картины альтернативны и именно поэтому множественны. Оказывается, что логико-философская картина мира культурно зависима, тогда как языковая картина мира универсальна, — вывод, который покажется парадоксальным сознанию, привыкшему связывать универсальность с наукой, а культурную специфику — с языком.

Картина мира, альтернативная субстанциальной, развита классическим арабским мышлением. Она построена на интуиции процесса, поэтому я называю ее *процессуальной картиной мира*. Рассмотрим ее на стихийно-языковом и логико-философском (отрелефированном) уровнях.

Арабский язык предлагает своему носителю категориальное членение мира и в этом смысле не отличается от русского и других европейских языков. Система категорий имеет свои особенности, но они для нас в данном случае не важны. Отметим только, что в арабском есть категория, называемая *масдар* — буквенный «исток». В русском ей приблизительно соответствует отглагольное существительное (например, «хождение», «сидение», «говорение»), в английском — герундий. Рассмотренный в составе формальных средств арабского языка *масдар* не обнаруживает существенных особенностей, разительно отличающих эту категорию от тех, что встречаются в европейских языках. Мне важно подчеркнуть это, поскольку *масдар* как раз и выражает *процесс* — то, что лежит в основании арабской языковой и логико-философской картин мира.

Связь языка и мышления — один из излюбленных вопросов прошедшего века, и коль скоро мы говорим о соотношении языковой и научно-отрелефированной, целенаправленно выстроенной логически упорядоченным мышлением картин мира, этот вопрос не мог не возникнуть у читателя. Вот почему я хочу еще раз отметить, что

арабский язык как таковой, то есть как именно язык, не обнаруживает в себе ничего, что с необходимостью предполагало бы процессуальную, а не субстанциальную картину мира. Более того, с точки зрения своих формальных средств этот язык не обнаруживает даже сколько-нибудь заметной склонности к формированию процессуальной картины мира.

Такая склонность обнаруживается не в арабском языке, а в речи на арабском языке. Это вещи, конечно, связанные, но вместе с тем совершенно различные, и различие это имеет прямое отношение к мышлению. Обычная речь спонтанна: мы ведь не можем сказать, что имеется некий сознательно применяемый нами механизм по формированию нашей речи, который был бы отличен от самой речи, каким служит, к примеру, перо для письма. И тем не менее некий «механизм», несомненно, действует, поскольку «на выходе» мы имеем то, чего не имеем «на входе»: в речи на арабском языке обнаруживается ярко выраженная склонность к процессуальному осмыслению мира, отсутствующая в арабском языке.

В самом общем виде это выражается в том, что *отглагольная лексика* в хорошем (то есть созданном природой носителем) арабском тексте составляет неизмеримо более значительную долю, чем в тексте на русском, английском или французском языках. Под отглагольной лексикой подразумевается *масдар* «исток» (≈отглагольное существительное), *'исм фа'ил* «имя действителя» (≈действительное причастие) и *'исм маф'ул* «имя претерпевающего» (≈страдательное причастие), как эти категории именуются арабской грамматикой. Я указываю в скобках условное соответствие терминам русской грамматики только для ориентира, вовсе не предполагая их эквивалентность; как увидим, эквивалентность-то как раз отсутствует.

Наблюдение о преобладании отглагольной лексики в арабском тексте принадлежит не мне, а моему учителю, выдающемуся арабисту В. С. Сегалю. В ходе обучения арабскому, а затем в процессе устной и письменной переводческой работы мне не раз приходилось убеждаться в точности этого наблюдения и, более того, в его практической пользе (оно помогает правильно понимать текст). Арабисты, с которыми я обсуждал этот вопрос, не выдвигали возражений, и я думаю, что статистическая обработка текстов на арабском и каком-либо из европейских языков выявит уверенные числовые закономерности, подтверждающие это.

Рискну предположить, что львиная доля стандартных «корявостей» русско-арабского перевода, стабильно наблюдаемых у студентов и начинающих (или плохих) переводчиков, объясняется простой вещью: носитель русского языка неосознанно пытается воссоздать на арабском языке *естественную* для него субстанциальную картину мира, используя пласт неотглагольной лексики и строя фразы соответствующим образом. Корявость таких переводов — это не неправильность (они могут быть абсолютно правильными с точки зрения грамматики и, следовательно, понятными), а их несоответствие процессуальной картине мира, предполагаемой арабской языковой привычкой (то есть привычкой к построению речи).

Более того, я думаю (да простят меня иранцы), что в классические времена великолепно писавшие по-арабски иранцы, не просто включенные в традицию классической арабоязычной науки, но и в значительной мере создавшие ее, строили свои тексты не так, как их строили арабы, и это «не так» объясняется контрастом субстанциальной и процессуальной картин мира, характерных для носителей персидского и арабского языков. Эта особенность текстов, созданных иранцами, безошибочно чувствуется при арабско-русском переводе: как бы ни были они

сложны, эти тексты обычно гладко укладываются в естественный строй русского языка, в отличие от арабских, требующих отказа либо от гладкости русского языка ради адекватной передачи их строя (я имею в виду процессуальность), либо от попытки отразить процессуальность ради гладкости русского перевода.

Итак, отглагольная лексика преобладает в арабском тексте. Но это означает не только ее изобилие, то есть не просто перераспределение пропорций в ее пользу за счет снижения частотности лексики других категорий. Это было бы слишком просто. Говоря о преобладании отглагольной лексики, я подразумеваю также и то, что она замещает лексику других категорий. Это *замещение* представляет собой куда более значительное явление, нежели простое количественное *вытеснение* других категорий.

Повторюсь: ни замещение, ни вытеснение не означают, что замещаемые и вытесняемые категории исчезают из языка. Вовсе нет. Я говорю только о речи, но не о языке. Рассматривая арабский язык, мы не смогли бы заметить обе эти крайне важные закономерности, замещение и вытеснение. Дело не в языке и его формальных средствах, а в том «механизме», который формирует речь. Эта область ускользает из виду в рассуждениях вроде тех, на которых построена гипотеза Сепира–Уорфа. Отсюда и неустраиваемая шаткость утверждений о зависимости мышления от языка, равно как и необедительность противоположной позиции. А дело в том, что напрямую язык и мышление соотносить нельзя, несмотря на многочисленные свидетельства их взаимной согласованности; можно и нужно говорить о соотношении речи и мышления. А речь — это не язык; речь — это язык + механизм порождения связной речи.

Слово «связность» здесь — ключевое; именно связностью речь отличается от языка. Можно было бы сказать, перефразируя известное выражение, что в речи нет ничего, чего не было бы в языке, кроме связности. В tomto и вопрос, как возникает связность и откуда она берется; но прежде того — *что такое связность*. Лингвистика не отвечает на этот вопрос; она изучает в лучшем случае следы связности, которые обнаруживает как синтаксис предложений. Не отвечает на него и философия, погруженная в рассмотрение языка, а не речи; речь если и становится предметом анализа, то скорее в своих маргинальных проявлениях, а не в этом узлом, центральном пункте — в вопросе о связности.

Вернемся к замещению. В арабской речи два из трех представителей отглагольной лексики — имя действительного и масдар — замещают глагол. Не буду утверждать, что этот список полон; однако об этих двух типах замещения можно говорить уверенно.

Первый тип замещения заключается в том, что *'исм фа'ил* «имя действительного» употребляется вместо *фи'л* «глагола». Это замещение встречается повсеместно в устной и письменной речи, оно характерно и для классического арабского языка, и для современных разговорных диалектов. Сохраняя свою устойчивость на протяжении почти полутора тысяч лет и пережив естественную эволюцию языка (я имею в виду современные диалекты, далеко отошедшие от классического арабского), этот тип замещения доказал свою неслучайность.

Он, конечно, указывает на механизм завязывания речи, обеспечивающий ее связность, и мы попытаемся ниже осветить эти следствия. Но прежде надо сказать, в чем он заключается. Его суть проста: там, где мы употребили бы глагол, арабоязычный оратор употребит имя действительного. Например, уходя утром на работу и прощаясь с домашними, мы говорим по-русски: «я ушел», — а по-арабски: *'ана захиб*. Когда нас кто-то настойчиво зовет, мы отвечаем: «иду!», — а по-арабски скажем: *джа'и* (или в полной

литературной форме: *'ана джа'ин*). И так далее: арабист легко умножит подобные примеры.

В чем же разница между русскими и арабскими фразами? На первый взгляд, она невелика: вместо глагола в арабской фразе употреблено то, что арабская грамматика называет «имя действительного». Этот факт будет расценен лингвистом в большинстве случаев (если не всегда) как свидетельство склонности носителей арабского языка выбирать одну из языковых форм вместо другой. Ведь все дело в том, что по-арабски можно употребить и глагол. Мы могли бы перевести эти фразы на арабский слово в слово, используя словарные эквиваленты для местоимения и двух глаголов. Грамматика это позволяет, и такие фразы не являются неправильными. Арабский язык, таким образом, позволяет сказать ровно то же, что сказано по-русски, и если в арабской речи эта форма замещается другой (не глагольной), то это свидетельствует лишь о *случайных* с точки зрения лингвистики предпочтениях носителей языка.

Но давайте приглядимся повнимательнее к тому, что сказано по-арабски. Мы так и не перевели эти две фразы на русский; попробуем же понять, что сказано в этих арабских фразах буквально.

Что может быть проще буквального перевода? Вопрос риторический: открой словарь да подставь эквиваленты. Однако я утверждаю, что фразы *'ана захиб* и *'ана джа'ин* и им подобные *непереводимы на русский язык*.

Почему? Это вытекает из простого наблюдения: *захиб* и *джа'ин* являются именами действительного для глаголов *захаб* «уходить» и *джа'а* «приходить», а в арабском имя действительного, равно как и имя претерпевающего, не указывают на время ни прямо, ни косвенно, поскольку не указывают на совершенность или несовершенность действия. Словарь скажет нам, что арабскому имени действительного соответствует в русском действительное причастие — но это не так. «Уходящий» альтернативно «ушедший»: одно по импликации указывает на настоящее, другое — на прошедшее, и это верно для любого причастия, действительного или страдательного. Именно указания на время, ни прямого, ни по импликации нет в арабских именах действительного и претерпевающего. Причастия в русском языке «принадлежат» глаголу, а в арабском — масдару, и разница здесь все та же: масдар, в отличие от глагола, не указывает на время.

Непереводимость этих (и им подобных) фраз заключается, следовательно, вот в чем: эти арабские фразы не указывают на время. В русском языке мы не можем построить «эквивалентную» фразу, которая не указывала бы на время. В английском указание на время будет встроено в связку; так же и во французском.

Подчеркну еще раз: арабский язык позволяет (то есть обладает для этого достаточными формальными средствами) выстроить речь так, чтобы указание на время имело. В самом деле, если арабоязычному оратору надо указать на время, он без труда построит естественную фразу на арабском языке, в которой такое указание будет содержаться. Но если такой специально выраженной потребности нет, указание на время исчезнет, — и это позволяет арабским языком, хотя не допускается русским, английским или французским.

Мы можем теперь дополнить наши наблюдения о соотношении языка, речи и мышления. Арабский язык не предопределяет использование в арабской речи связных фраз (типа рассмотренных), не указывающих на время, но лишь предоставляет такую возможность. Русский, английский, французский не предоставляют своему носителю такую возможность вовсе. На русском и арабском можно было бы высказываться эквивалентно, поскольку и там и здесь можно строить речь с указанием на время.

Оказывается, однако, что речь носителей арабского языка устроена так, что эквивалентность в принципе отсутствует, если носитель языка не испытывает необходимости в специальном указании на время.

Почему же это так важно? Вот почему: процесс для арабского языкового мышления не связан с изменением. Впрочем, это свойство не только арабского языка: мы легко поймем, о чем идет речь, вспомнив слова вроде «ожидание» или «говорение». Но роль таких слов в русской речи — совсем не такая, как в арабской. В субстанциальной картине мира неизменность и истинность связаны вовсе не с процессами, а с вневременным состоянием вещи-субстанции, которое исключает любую длительность, вынесено за ее пределы. В отличие от этого, процесс — это длительность; но такая длительность, которая не предполагает изменения.

Вот почему арабская речь избегает, где только возможно, указания на время: для завязывания этой речи важно сохранить процессуальность. Связка в арабском — не глагольная, а местоименная, она также не передает значение времени.

Процесс устойчив во времени; протекая во времени, он не изменяется. В этом его отличие от действия: действие, совершаясь, предполагает постоянное изменение. Процесс в арабском выражается масдаром, действие — глаголом. Вот почему отглагольная лексика — масдар и его два «подопечных», имя действителя и имя претерпевающего, — вытесняет лексику других категорий и замещает глаголы: на уровне речевой практики процессуальность доминирует. Процесс — это своего рода устойчивая «стяжка» между действующим и претерпевающим, располагающаяся «между» ними и фиксирующая их связанность.

Рассмотрим замещение второго типа: масдар вместо глагола. Я имею в виду обороты вроде *дарбу-ха 'иййа-ху*. Обычно их переводят, используя глагол: «тот факт, что она ударила его...» Мы могли бы передать арабскую фразу и буквально: «ударание его ею». «Ударание» — процесс, в отличие от действия «ударил». В арабском мы не знаем, сколько длился (или все еще длится) процесс «ударания» и сколько, следовательно, действий «ударания» было совершено, то есть сколько ударов было нанесено: может быть, один, а можем быть, много. В этом смысле русское «ударание» точно передает то, что сказано по-арабски, — но мы так не говорим. А по-английски можно передать то же вполне естественно для этого языка: *Her beating him...*, продолжив и получив нормальное предложение.

Для этого типа замещения контраст между арабским и европейскими языками не абсолютен, он может быть более или менее заметен. Это подтверждает высказанную выше мысль: язык более универсален, чем логико-философская монистическая картина мира, поскольку содержит в себе возможности, избыточные для построения того или иного варианта монистической картины мира и потому урезаемые в ней.

Процессуальность, склонность к которой обнаруживает арабская речь и удобные средства выражения которой предоставляет арабский язык (именно в этом может быть замечен его контраст с европейскими языками), проявляется и на уровне теоретического мышления. Здесь придется сказать об этом очень кратко, пунктиром обозначив только некоторые яркие моменты. Подробную разработку этих вопросов заинтересованный читатель найдет в других моих работах.

Если для мышления, движущегося в рамках субстанциальной картины мира, мир состоит из вещей-субстанций, то для мышления, видящего мир процессуально, он складывается из вещей-процессов. Под словом «вещь»

я понимаю нечто устойчивое, то, о чем можно говорить как о равном себе и истинном. Именно процесс обладает такими характеристиками для классического арабского теоретического мышления. Внимание сосредоточено на исследовании процессуального перехода между двумя сторонами процесса, исходной (инициализирующей) и результирующей; эти две стороны и представлены в языке категориями имени действующего и имени претерпевающего. Так устроено практически все здание ранней, еще не подвергшейся тотальному влиянию греков и потому автотонной мутазилиитской мысли, прежде всего в области философии.

Интереснейшие построения, приведшие к созданию атомистической теории времени и пространства, имеют эту архитектуру и только в силу этого оказываются в ней абсолютно логичными — и потому несовместимыми с построениями на аналогичные темы, выполненными в античности в рамках субстанциальной картины мира (я имею в виду аристотелевскую концепцию времени и пространства). На этом же основании стоит физика мутазилиитов и их этика. Примеры можно продолжить, выходя за пределы философии и проникая в другие сферы классической арабской культуры. Определяющее влияние процессуальной картины мира обнаруживается во всех ее областях, включая невербальные.

Субстанциальная картина мира плохо справляется с осмыслением процессуальности. Для процессуальной картины мира должно быть верно обратное: в ней должно плохо удаваться отражение субстанций. Я приведу лишь один, но очень яркий пример, подтверждающий это.

Общим местом историко-философской арабистики служит утверждение о том, что арабы, имея в своем распоряжении тексты Платона, не восприняли платоновский идеализм. Они прошли мимо него, как если бы его не было. Пока в науке были позволительны неполиткорректные высказывания, это объясняли философской невосприимчивостью арабов; позже перестали как-либо объяснять, поскольку другой причины просто не видели. Между тем причина проста: платоновский идеализм — это самый фундамент субстанциальной картины мира, и для арабов с их процессуальным мышлением его действительно все равно что не существовало.

В своей знаменитой статье Л. Массиньон красочно описывает отличие арабского мировосприятия от греческого, полагая его прежде всего в отсутствии какого-либо представления об устойчивости вещей и мира в целом. И ученый прав — постольку, поскольку сам он, вслед за греками, ищет и находит устойчивость только как субстанциальную, а с такой устойчивостью у «автотонных исламских философов» (выражение Массиньона) и в самом деле были большие проблемы. Но Массиньон совершенно неправ — постольку, поскольку не видит, что арабское мышление процессуально и обнаруживает устойчивость не в субстанции, а в процессе. Мир устойчив для него как процесс, а не как субстанция.

Пришло время подвести итог. Понимание культуры как способа смыслополагания позволяет дотянуться до наиболее фундаментального пласта — того «механизма», который отвечает за формирование осмысленности, понимаемой прежде всего как связанность и единство. Культуры различны во многих отношениях, едва ли не бесчисленных; однако наиболее фундаментальное различие — в работе этого «механизма». Оно разделяет далеко не все культуры. Мы не испытываем существенных неудобств в том, чтобы говорить о «западной культуре» или «западной мысли».

При всех гигантских различиях во времени и пространстве между тем, что относят к «Западу», единство этого культурного ареала невозможно отрицать. Думается,

его основание — тот фундаментальный механизм смыслополагания, который приводит к формированию субстанциональной картины мира. Точно так же для арабского (возможно, шире — семитского) культурного ареала

его глубинное, фундаментальное единство обеспечивается функционированием механизма смыслополагания, результатом которого становится процессуальная картина мира.

А. В. Успенская¹

АНТИЧНОСТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ: А. А. ФЕТ О ЗНАЧЕНИИ ДИАЛОГА ЦИВИЛИЗАЦИЙ И КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Эпоха античности отделена от нас двумя тысячелетиями, однако вопрос о ее смысле и значении для современной России достаточно актуален. Античность — не просто начальный этап европейской цивилизации, но и фундамент, на котором базируется современная культура в целом. Научные методы, сам способ мышления, не говоря уже о множестве терминов и понятий, пришли в современный мир из мира древних греков и римлян.

Многое разделяет, разъединяет современное человечество, далеко не во всем совпадают пути России и Запада. Но именно изучение античности дает возможность ощутить общие корни западноевропейской и русской культур, то, благодаря чему мы ощущаем духовное родство с Европой, способны слышать и понимать друг друга.

А. А. Фет, творческое наследие которого представлено не только поэзией, но и блестящими критическими статьями и философскими эссе, написал статью «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании» (Лит. б-ка. 1867. Т. 5. Кн. 7/8) в эпоху жарких дискуссий о возвращении преподавания классических языков в гимназии. С 1866 года, когда министром народного просвещения стал Д. А. Толстой, начинается подготовка реформа гимназического образования (осуществлена 19 июня 1871 г.). Ее суть — вернуть в классические гимназии отмененное в 1849 году преподавание греческого языка и литературы и значительно увеличить число часов по латыни. Не только радикально-демократическая общественность, но даже тонкий знаток античности И. С. Тургенев приняли начинающую реформу в штыки. Школьный классицизм воспринимался как способ отупления молодежи, отвлечения ее от проблем современности.

По-иному отнесся к этому Фет. Почувствовав новые веяния, вдохновленный попытками властей провести в начале 1860-х годов одну из величайших в истории России реформ, Фет пишет программное публицистическое эссе, движимый именно реформаторскими идеями. Он ставит вопрос не столько об изучении древних языков, сколько о роли античной культуры в деле воспитания нового поколения и еще шире — о диалоге культур разных эпох, о роли античного наследия в современном мире, и прежде всего — в России.

Обрисовывая современное состояние общества, Фет противопоставляет два подхода к жизненным явлениям. Само время реформ ставит девизом «разумность, сознательность». Но повсеместно торжествует иной подход — сиюминутное, беглое, частное перескакивание с одного на другое. Девиз — «вперед! вперед! некогда!» Фет дает этому явлению название «сектаторство». Само изобретение этого хлесткого термина подтверждает мысль Фета о важности владения древними языками. «Сектаторство» произведено от двух различных глаголов: *sector* — «следовать» и *сесо* — «резать, стричь, косить, оскоплять, расчленять». Если учесть контекст, объявляющий сектаторов

порождениями и воплощениями мрачного хтонического чудовища Пифона, то зловещий смысл этого термина несомненен. Поверхностность, бойкое невежество — лишь симптомы более серьезной болезни.

Беда в том, что невежество вечно строит «узкую, близорукую систему», главная особенность которой — тупость, ограниченность, неспособность к широте взгляда, склонность к догматизму и агрессивность — все то, что является антиподом духовной свободы. Кого имеет в виду Фет? Сектаторы — те, кто (корыстно или бескорыстно), руководствуясь слепой догмой, пытаются живую жизнь загнать в рамки своих теорий. Это могут быть социалисты-утописты, беспощадно разоблаченные Фетом в статье о романе Чернышевского, и шире — любые догматики, нигилистически прославляющие «пользу», прикладные знания в противовес высокой науке и искусству. Жажда упростить образование, обучать молодежь набору бессвязных умений и фактов — значит, по Фету, привести к узости, навязать несамостоятельное, рабское мышление.

Пифону и его порождениям Фет противопоставляет светлое, гармоничное, аполлоновское начало, впервые проявившееся в греческой культуре, исполненной мировоззренческой широты и духовной свободы. Когда же на смену античности пришло Средневековье — одержали победу варвары, разрушившие Рим, «узкие сектаторы», приверженцы мировоззренческой узости, упрощения: «Было время, когда Пифон, в образе стоголовой внешней силы варваров нагрянул на своего лучезарного врага и похоронил его под величавыми обломками его же собственного святилища. Но Феникс возродился и духовному миру дана возможность снова согреваться в лучах всестороннего образования». Однако, как отмечает Фет, в современном человеке еще слишком много средневекового варварства. «Стоит нам только забыть непосредственное общение с богом света — и наш родимый варварский Пифон в ту же минуту с яростью подымет тысячи черных, узких сектаторских голов своих». И если современный человек «желает быть сопричастным единственно всесторонней культуре, то нужно прежде, чтобы *Аполлон убил в нем Пифона*».

По мнению Фета, современные сектаторы опасны тем, что, хлопоча о насущной пользе, о реальном образовании, они отказываются принять интеллектуальный, нравственный багаж, накопленный античностью и переданный Европе, то, что отличает цивилизованного человека от варвара. В итоге сектаторы-«Пифоны» высказывают, чем именно им так враждебна завещанная древними культура: «Они не могут ей простить благоговения перед высшими проявлениями человеческого духа — наукой и искусством».

Почему современному человечеству необходим постоянный диалог с культурой античного мира?

1. По мнению Фета, только приобщение к великой сокровищнице древней мысли может воспитать философа-мыслителя, человека, способного на универсальный, системный взгляд на мир. «Только он стоит на громадной

¹ Профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук.

вершине пирамиды человеческой деятельности... Только он один в силах задавать существеннейшие вопросы небу и земле».

2. Фет призывал не к поголовному изучению древних языков, а к созданию умственной и нравственной аристократии. Это становилось первоочередной задачей в России, где только что были фактически отменены сословные различия. Изучение древних языков, по мнению Фета, должно послужить молодежи великолепной гимнастикой ума, ибо эти занятия прививают умение четко и системно мыслить. Но главное — это нравственное воспитание, возвращение широты взгляда, свободы духа. Ведь весь духовный строй древней Греции — это возвышенный, героический духовный строй. Воспитанная таким образом молодежь могла бы стать новой российской аристократией — но уже не по рождению, не по крови. «Человек делается ей сопричастен в силу... доблести, любви, а не озлобления, в силу сосредоточенности, а не разбросанности и надломленности, в силу благодатного труда, а не завистливой праздности».

3. Изучение античной культуры — это способ приобщения России к магистральному пути развития, приведшему Европу от античности к великим идеям эпох Возрождения и Просвещения. Фет писал: «Идеал европейского образования есть всестороннее развитие человека. Факт всемогущества Европы — у всех перед глазами», это «глава и повелительница всего света... Народу, не желающему неподвижности летаргии, духовного и вещественного рабства и, наконец, политической смерти, не остается ничего другого, как примкнуть к европейскому идеалу образования». Заметим, что Фет вовсе не был слепым поклонником западного пути, о чем свидетельствуют и многие его стихотворения, и очерки «Из-за границы». Но в изучении античности он видел необходимое для новой, идущей по пути реформ России обращение к истокам мировой цивилизации и в то же время — к важнейшим фундаментальным ценностям, сближающим Россию и Запад, тем общим ценностям, которые и обеспечивают возможность культурного диалога между народами.

Р. И. Хаиров¹

АЛЬЯНС ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ПУТИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ: ОПЫТ СИСТЕМНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

В 2008 году профессор И. Валлерстайн, выступая на Международных Лихачевских научных чтениях, предположил, что «движущей силой столкновений является не просто различие культур, но их разница во влиянии и силе... Диалог и партнерство возможны только при условии равенства во влиянии и силе (...фактическое военнополитическое равенство противоборствующих групп, народов, культур, цивилизаций)»².

В диалоге с И. Валлерстайном профессор А. Гусейнов справедливо отметил, что «культуры и цивилизации сами по себе субъектности не имеют. То есть они между собой не встречаются. Встречаются люди, которые принадлежат к тем или иным культурам... и не по поводу культурных различий, а по поводу конкретных проблем, которые их взаимно волнуют... и если мы будем рассматривать диалог, как если бы речь шла о взаимодействии отдельных людей... тогда проблемы получают разрешение»³.

Эта дискуссия побудила меня вновь обратиться к тематике, которая была весьма популярна в конце XX века в рамках так называемых исследований проблем мира (Peace Research), — первопричины возникновения международных конфликтов⁴.

Цель этого сообщения — предложить классификацию многочисленных теорий о возникновении войн и возможных путях их предотвращения, исходя из системной связи причин (основного источника конфликта) и вытекающих из них способов сохранения мира.

Существующие концепции причин конфликтов, как правило, классифицируются по принципу их принадлежности к той или иной научной дисциплине (социальная психология — социально-психологические концепции, биология — биологические концепции и т. д.). Подобная

классификация весьма продуктивна для анализа в рамках этих дисциплин, поскольку допускает использование их терминологии, методологии и т. д. Для цели нашего исследования удобнее делить множество концепций по другому принципу, исходя из главной причины или основного источника конфликта, что позволяет проанализировать аргументацию различных авторов в тесной связи с их предложениями по сохранению мира.

В рамках такой классификации можно выделить четыре основные группы теорий возникновения международных конфликтов:

- 1) природа человека с его биологическим и инстинктивным естеством;
- 2) природа цивилизации, закономерности ее развития;
- 3) божественная воля;
- 4) случайная совокупность разнообразных факторов.

Первая группа теорий определяет человеческую природу как главный источник конфликта. В эту группу входят широко распространенные в настоящее время биологические и социально-психологические концепции, утверждающие, что международные конфликты и разрушительные войны происходят по причинам, заложенным в природе человека, независимо от эпохи или социальной системы. Их следует рассматривать как проявления врожденной естественной агрессивности индивида.

Концепции естественной агрессивности человека весьма многочисленны и разнообразны. Они включают фрейдистские учения о врожденных инстинктах смерти и разрушения человека; популярные в настоящее время гипотезы этологов о человеческой агрессивности; концепции социальной фрустрации; концепции авторитарной личности и т. д. Авторы этих теорий утверждают, что человек агрессивен по своей сути и что причины международных конфликтов кроются в его природе.

Например, теоретики психоаналитических школ полагают, что агрессивность человека коренится в его базовых инстинктах. «Необходимо считаться с большой долей стремления к агрессии как частью инстинктивного капитала человека», — писал в одной из своих последних

¹ Исполнительный директор Международного общественного фонда «За выживание и развитие человечества», кандидат философских наук.

² Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 37.

³ Там же. С. 38.

⁴ Барсегов Ю., Хаиров Р. Изучение проблем мира // Журнал исследований проблем мира. Осло, 1972. № 1. (На яз. оригинала.)

работ основатель психоанализа Зигмунд Фрейд¹. (Широко известна фраза из его письма Альберту Эйнштейну: «В конце концов, она (война), как представляется, вполне естественное дело, чтобы иметь хорошую биологическую основу и на практике быть едва избегаемой»².)

Сходные гипотезы выдвигаются этологами, которые пытаются объяснить поведение человека, используя данные науки о поведении животных. Р. Ардри, например, пишет: «Если мы защищаем право на свою землю либо суверенитет нашей страны, мы делаем это по причинам, не отличным, не менее врожденным, не менее неискоренимым, чем более низкие животные»³. Обзор динамики зоопсихологических и этологических концепций насилия сделан в работе А. Назаретяна⁴.

Представители концепции социальной фрустрации утверждают, что неудовлетворенные желания и амбиции накапливаются и превращаются в агрессивность, которая и является главной причиной социальных конфликтов⁵. Д. Флогель считает, что «страна, в которой основные потребности населения достаточно удовлетворены, с меньшей вероятностью может начать войну, чем страна, народ которой страдает от серьезных лишений и тягот»⁶.

Сторонники концепции авторитарной личности возлагают вину за международные конфликты на определенную группу «агрессивных» людей, принадлежащих к особому типу личности⁷. Авторитарный тип стремится к самоутверждению за счет подавления других, более слабых людей. Именно эти люди, став лидерами, подстрекают народные массы к войнам. В свою очередь массы обладают необъяснимой склонностью подчиняться таким личностям. В частности, представители этой концепции объясняют приход к власти нацистов в Германии и начало Второй мировой войны авторитарными тенденциями немецкой нации.

Некоторые ученые говорят о наличии инстинкта агрессивной толпы⁸, или агрессивности, иррациональной враждебности и так далее, якобы присущей некоторым нациям и расам⁹.

Теоретики этих школ видят способ предотвращения войн в массовой психотерапии, направленной на совершенствование человеческой природы и подавление воинственных инстинктов человека. Широко распространены психоаналитические рекомендации «сублимировать» агрессивность, то есть попытаться ослабить ее и обратить в социально приемлемые виды деятельности. «Мы не можем убрать из человеческих проявлений свойство, столь чрезвычайно удовлетворяющее без нахождения и поддержания отдушин-заменителей», — пишет Р. Ардри¹⁰. Специалисты психоанализа предлагают в качестве таких «отдушин» деловую конкуренцию, массовые спортивные соревнования, творческие конкурсы, благотворительность и даже космические исследования. Серьезные на-

дежды возлагаются на изменение содержания и характера средств массовой информации, радикальное изменение воспитания и образования молодежи¹¹.

Предлагается также установление контроля над возможными проявлениями агрессивных побуждений человека через тщательный отбор лидеров, пресечение замещения ответственных постов воинственными людьми. В ряде работ эмпирически доказывается превосходство женщин в качестве лидеров государств.

Сторонники социально-психологических концепций предлагают изменить существующую систему воспитания детей в частности и систему образования в целом. Некоторые ученые настаивают на исключении традиций, ритуалов и игр, имеющих военную окраску, а другие, наоборот, предлагают полностью удовлетворять агрессивные побуждения детей¹². Многие социальные психологи рассматривают нравственное самосовершенствование людей как наиболее эффективное средство предотвращения конфликтов¹³.

Следует также отметить концепцию взаимного непонимания, которая широко распространена среди современных западных социологов. Согласно этой концепции главный источник конфликтов лежит в психологических механизмах человека, которые искажают реальность и затрудняют правильное понимание интересов и намерений партнеров (других людей, государств). Сторонники этого подхода внесли свои предложения, например, по «одностороннему взаимному разоружению»¹⁴, «постепенному одностороннему разоружению»¹⁵, основная цель которых — преодолеть психологические препятствия на пути к взаимопониманию.

Вторая группа основополагающих причин конфликтов наиболее близка к тематике Лихачевских чтений. Эта группа концепций сосредоточивается на закономерностях развития цивилизаций: философско-исторических концепциях ротации культур, циклического развития и так далее, а также на социальной природе государства.

Прежде всего эти концепции включают историософические работы А. Тойнби¹⁶, в которых вся история социального развития рассматривается как история рождения, роста, падения, распада и гибели отдельных цивилизаций. Войны трактуются как обычное проявление таких циклов развития и происходят как результат рождения цивилизации, ее роста или распада. Столкновение различных цивилизаций, по мнению А. Тойнби, может также служить одной из причин войны. В этом контексте в настоящее время наиболее известна работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций»¹⁷.

Сходные концепции излагают представители так называемых социокультурных школ философии и истории, которые рассматривают войны как один из элементов культуры¹⁸. Согласно этим теориям каждая культура основана на системах истин или ценностей. Изменение культурных ценностей в одной системе, превращение одной социокультурной системы в другую приводит к непри-

¹ Фрейд З. 1955–1964 : Стандартное издание трудов Зигмунда Фрейда. Т. 21 С. 685–686. (На яз. оригинала.)

² Фрейд З. Неизбежна ли война? : Письмо Альберту Эйнштейну // По ту сторону принципа удовольствия. М., 1992. С. 213. (На яз. оригинала.)

³ Ардри Р. Территориальный императив. Нью-Йорк, 1966. С. 5. (На яз. оригинала.)

⁴ Назаретян А. Насилие и ненасилие в исторической ретроспективе // Историческая психология и социология истории. 2008. № 1. С. 9–32.

⁵ Фрустрация и агрессия / Д. Доллард [и др.]. Нью-Хейвен, 1939. (На яз. оригинала.)

⁶ Флогель Д. Некоторые игнорируемые аспекты всемирного объединения // Психологические причины мира и войн / ред. Т. Перт. Л., 1950. С. 129. (На яз. оригинала.)

⁷ Исследование авторитарной личности / Т. Адорно [и др.]. Нью-Йорк, 1950. (На яз. оригинала.)

⁸ Ле Бон Г. Толпа. Нью-Йорк, 1947; Тромпер У. Стадный инстинкт в войне и мире. Нью-Йорк, 1947. (На яз. оригинала.)

⁹ Кон Х. Идея национализма. Нью-Йорк, 1961; Сегал Р. Расовая война. Лондон, 1966. (На яз. оригинала.)

¹⁰ Ардри Р. Указ. соч. С. 340.

¹¹ Материалы Международного форума «Альянс цивилизаций». Стамбул, 2009.

¹² Альтернативы войне и насилию / ред. Т. Данн. Лондон, 1963; Нортрон Ф. Идеологические различия и мировой порядок. Нью-Хейвен, 1963. (На яз. оригинала.)

¹³ Гойял Д. Исследование современного политического мышления. Дели, 1964.

¹⁴ Осгуд Ч. Альтернатива войне или капитуляции. Урбана, 1962; Постепенные односторонние инициативы в интересах мира // Предотвращение третьей мировой войны : некоторые предложения / ред. О. Райт [и др.]. Нью-Йорк, 1962. (На яз. оригинала.)

¹⁵ Этциони А. Трудный путь к миру. Новая стратегия. Нью-Йорк, 1962. (На яз. оригинала.)

¹⁶ Тойнби А. Война и цивилизация. М., 1950; Он же. Постигание истории. М., 1990.

¹⁷ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2006.

¹⁸ Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Лондон, 1957.

миромому конфликту и в конечном счете к войнам. Подробное рассмотрение этих теорий проводится в Международном институте П. Сорокина — Н. Кондратьева¹. По моему мнению, упомянутую в начале сообщения гипотезу профессора Валлерстайна можно отнести к этому разделу.

Сторонники философско-исторических концепций возникновения войн считают, что мир может быть установлен путем слияния (конвергенции) различных культур², создания новой системы культурных ценностей, новой мировой религии, развития единого мирового языка, становления «интегральной цивилизации»³ и т. д. «Избежать глобальной войны цивилизаций можно лишь тогда, когда мировые лидеры примут полицивилизационный характер глобальной политики и станут сотрудничать для его поддержания»⁴.

Анализ этой проблематики в целом активно проводится на Международном форуме под эгидой ООН «Альянс цивилизаций»⁵ и на двух российских площадках: Международных Лихачевских научных чтениях в Санкт-Петербурге⁶ и Мировом общественном форуме «Диалог цивилизаций»⁷.

Следующая группа концепций этого раздела принадлежит противникам национального суверенитета и суверенного национального государства. Эти ученые утверждают, что само существование независимых суверенных государств, их стремление к самосохранению и независимости приводят к конфликтам⁸. Войны, по мнению этих исследователей, являются естественным результатом существования суверенных государств. В конечном счете это проистекает из самого понятия национального суверенитета⁹.

Единственный способ обеспечения мира заключается в том, чтобы отказаться от национального суверенитета и создать своего рода наднациональный орган в мировом масштабе (мировое правительство), изменить международное право. Существуют различные проекты по формированию федерации государств, в частности по изменению функций Организации Объединенных Наций или созданию специальной Организации Непредставленных Народов (ОНН)¹⁰.

Третья группа включает концепции, согласно которым основной и важнейшей причиной войн является божественная воля. Она содержит множество теорий, провозглашающих войну либо результатом всеобщей греховности людей, либо средством установления «истинной» религии, либо божественным наказанием, которое может привести к концу света. Среди причин любой войны называются «отступление от веры», отказ от «истины чистой жизни» и другие подобные аргументы.

Исходя из этих точек зрения, мир возможен только как акт божественного благословения, который может

быть заслужен лишь путем всеобщего стремления к безгрешной жизни, соблюдению постулатов веры и т. д. Мир на Земле может быть достигнут только тогда, когда будет строго соблюдаться порядок, установленный божественным посланием¹¹. Среди этих работ можно назвать современные труды российских авторов, например «Проект Россия. Третье тысячелетие»¹².

К четвертой группе концепций возникновения международных конфликтов можно отнести геополитические, политические, демографические и другие теории, рассматривающие войну как следствие той или иной объективной ситуации.

Геополитические концепции считают войну результатом географического расположения той или иной страны, ее природных условий, климата и т. д.¹³ Среди причин войны называются даже конфигурация континентов¹⁴ или процессы, происходящие на Солнце.

Жизнеспособная нация, по мнению сторонников этой теории, не может свободно развиваться и использовать свои потенциальные возможности, если она экономически и политически «замкнута» в неудобных территориальных границах. Поэтому нация должна стремиться к созданию стратегически безопасных «естественных» границ или необходимых источников сырья и т. д. Стандартная интерпретация жизненного пространства в немецком, британском, японском, американском и других вариантах изложена в работах Ратцеля, Челлена, Маккиндера, Хаусхофера, Фицджеральда, Спокмена, Хантингтона, Вейгерта и других столпов геополитической науки.

Современная геополитика видит путь к прекращению войны в «справедливом» перераспределении территорий между государствами с помощью международного арбитража или других мирных способов.

В демографических концепциях предполагается, что основной причиной войны является динамика народонаселения, причем у представителей данного направления нет единого мнения: одни считают причиной конфликтов рост населения (неомальтузианство), тогда как другие выделяют в качестве таковой его стабилизацию или уменьшение¹⁵.

Согласно неомальтузианским концепциям рост численности населения неизбежно ведет к войне, создает потенциальную угрозу агрессии «голодающих стран» по отношению к «богатым странам» с низким уровнем рождаемости. Ученые утверждают, что «война решает проблему перенаселения и нищеты, уничтожая большое количество людей и гарантируя, таким образом, лучшую обеспеченность выжившей после войны части населения»¹⁶. Гуманные представители этих концепций предлагают решать современные международные проблемы с помощью различных методов контроля над рождаемостью.

В настоящее время популярны концепции, объясняющие войны религиозным экстремизмом: «Религия и война суть две вещи нераздельные»¹⁷.

¹ Яковец Ю., Кузык Б. Ответ на вызовы XXI века — становление интегральной цивилизации. М., 2009.

² Проблемы цивилизации / ред. О. Андерле. Гаага, 1964. (На яз. оригинала.)

³ Яковец Ю., Кузык Б. Указ. соч.

⁴ Хантингтон С. Указ. соч. С. 14.

⁵ Официальный сайт: www.unaoc.org.

⁶ Диалог культур и партнерство цивилизаций : VIII Международные Лихачевские научные чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб., 2008.

⁷ Вестник Мирового общественного форума «Диалог цивилизаций». Избранные материалы. 2003–2007. М., 2008.

⁸ Бакэн Э. Война в современном обществе. Лондон, 1966; Бозанкет Б. Философская теория государства. Лондон, 1951; Херцог Э. Мирно-военный истеблишмент. Нью-Йорк, 1960. (На яз. оригинала.)

⁹ Ростон У. Стадии экономического роста. Кембридж, 1960. (На яз. оригинала.)

¹⁰ Барр С. Граждане мира. Нью-Йорк, 1952; Мир : власть национального мира / ред. П. Ван Слик. Бостон, 1963; Кларк Г., Сон Л. Б. Мир на основе международного права. Кембридж, 1966; Вальт М. ван. К вопросу об Организации Непредставленных Народов и Наций. Гаага, 1989. (На яз. оригинала.)

¹¹ Папа Римский Иоанн XXIII. Энциклика «Мир на земле» (*Pacem in Terris*). 1963; Аристегю А. Доктрина католического общества. Сеута, 1961; Стейли Р. Мир на земле. Лос-Анджелес, 1964. (На яз. оригинала.)

¹² Проект Россия. М., 2009. Кн. 3 : Третье тысячелетие.

¹³ Кон Х. Указ. соч.; Хантингтон Э. Принципы социальной географии. Нью-Йорк, 1961. (На яз. оригинала.)

¹⁴ Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.

¹⁵ Следующее столетие / Х. Браун [и др.]. Нью-Йорк, 1957; Лэндис П. Проблемы народонаселения. Культурная интерпретация. Нью-Йорк, 1954; Кризис численности населения и использование мировых ресурсов / ред. С. Мадд. Гаага, 1963; Роббинс Д. Слишком много азиатов. Нью-Йорк, 1959. (На яз. оригинала.)

¹⁶ Озер Д. Должны ли люди голодать? Нью-Йорк, 1957. С. 95. (На яз. оригинала.)

¹⁷ Назаретян А. Указ. соч. С. 91.

Концепции, рассматривающие войну как результат определенной *политической ситуации*, в последнее время получили широкое распространение. «Обстоятельства обеспечивают предлог, в то время как политическая ситуация служит причиной»¹. Эта позиция перекликается с марксистско-ленинским тезисом о том, что «политика — концентрированное выражение экономики, а война есть продолжение политики насильственными средствами».

Согласно сходным концепциям ни природа человека, ни закономерности развития цивилизации, ни отдельные факторы, как, например, географическое положение страны, не могут сами по себе служить причиной войны. Лишь определенная совокупность различных причин, объединенных в определенную структуру, ведет к вооруженному конфликту. Войну следует рассматривать как своего рода стихийное бедствие, которое может произойти совершенно случайно.

Для предотвращения войн последователи этих концепций предлагают изучить различные факторы, влияющие на формирование политических ситуаций, сопряженных с опасностью вооруженного конфликта; прогнозировать возникновение таких ситуаций, используя современные информационные технологии, методы глобального моделирования цивилизационных процессов и т. д.²

В настоящее время на многочисленных площадках в разных форматах и аудиториях обсуждаются проблемы диалога (или полилога) религий, цивилизаций, мировоззрений. Цель таких дискуссий — поиск взаимоприемлемых решений для противоборствующих сторон, нахождение методов и способов избежания конфронтации, конфликтов, предотвращения насилия. На состоявшемся в апреле 2009 года Международном форуме «Альянс цивилизаций» в Стамбуле внимание участников было сконцентрировано на прикладных конкретных проектах в этой области: изменении содержания средств массовой информации, образовательных программах для молодежи, миграционной политике.

В связи с этим представляется важным использовать в этих проектах значительный объем уже наработанных научных предложений и рекомендаций в пространстве таких дисциплин, как психология, этология, философия и социология истории, культурология, международное право, религиозные учения и так далее, изложенных в этом сообщении.

При этом важно учитывать новые современные разработки ученых в области исследований проблем мира и войны, понимания причин социального насилия, в частности такие эмпирические факты, как «осознание в обществе только в начале XX века неприемлемости войны»; «снижение порога чувствительности общества к насилию»; «увеличение социальной защищенности современного среднего человека», гипотезу о техно-гуманистическом балансе в развитии цивилизации и т. д.³

В приведенной ниже таблице представлена попытка классификации концепций причин возникновения международных конфликтов и способов их предотвращения.

Данное сообщение дает лишь общее представление о школах, теориях, гипотезах причин возникновения войн и способах их предотвращения, существующих в современной науке, и, я надеюсь, может служить в качестве вспомогательного средства при обсуждении проблем диалога цивилизаций и культур.

¹ Бутуль Г. Социология политики. Париж, 1967. С. 55. (На яз. оригинала.)

² Человечество 2000 / ред. Й. Галтунг, Р. Юнгк. Осло ; Лондон, 1969. (На яз. оригинала.); Пределы роста / Д. Медоуз [и др.]. М., 1972; Медоуз Д. Пределы роста тридцать лет спустя. М., 2003.

³ Назаретян А. Указ. соч. С. 81–83.

Группа	Концепция	Предложения
1. Природа человека как главный источник конфликтов	Концепции человеческой агрессивности (инстинктивистские, фрустрации, катастрофофилии, «авторитарной личности» и др.). Концепции «психологических искажений и взаимонепонимания» и т. д.	Массовая психотерапия, изменение генома человека, сублимация, отдельные реформы и социальные мероприятия, упразднение макрогрупповых различий, контроль и отбор руководителей; радикальные изменения в существующей системе пропаганды, изменения в системе образования и воспитания детей и т. п.
2. Природа цивилизаций как главный источник конфликтов	Философско-исторические, социокультурные концепции и т. д. Концепции государственного и национального суверенитета	Мировая культура, слияние культур, «интегральная цивилизация», неконфронтационная солидарность, изменение от макро- к микроидентификации Создание мирового правительства; наднациональные органы, конфедерации государств, теория мирового гражданства, изменение международного права
3. Божественная воля как источник войн	Концепции божественного наказания, эсхатологические концепции и т. д.	Добродетельная жизнь, соблюдение религиозных требований
4. Совокупность объективных факторов	Геополитические концепции Демографические концепции Концепции случайных ситуаций Религиозные войны	Справедливое распределение территорий Контроль рождаемости Прогнозирование ситуаций, контроль за факторами, влияющими на создание опасных ситуаций Экуменистические идеи

Более того: принадлежность некоторых концепций к той или иной группе в предлагаемой классификации не всегда бесспорна. Например, историсофическая концепция А. Тойнби, согласно которой война рассматривается как логический результат определенных этапов развития цивилизации, относится ко второй группе. Однако в то же время ее можно отнести к первой группе, поскольку основная движущая сила развития цивилизации представлена так называемым творческим меньшинством людей, чья «агрессивность» возрастает по мере роста цивилизации. Эту же концепцию можно частично отнести к четвертой группе, потому что «творческое меньшинство» вынуждено бороться в том числе из-за потребностей в тех или иных природных ресурсах. Кроме того, эта концепция может быть рассмотрена и в группе религиозных теорий, так как Тойнби считает, что развитие цивилизации в конечном счете определяется некими высшими космическими силами.

В предложенной классификации не рассматриваются концепции, из которых логически следует практическая неизбежность войн и невозможность их предотвращения. Среди них — так называемые социально-дарвинистские, которые называют главной причиной войны всеобщий биологический закон естественного отбора, якобы существующий не только в животном мире, но и между отдельными людьми в обществе, между обществами, народами и государствами. Частным примером таких концепций является теория элиты, которая рассматривает войну как результат борьбы между элитами, приходящими к власти в силу действия механизма естественного отбора. К этим концепциям относятся и расистские взгляды на войну как на вечную борьбу между расами за мировое господство. Данные концепции не предлагают никаких реальных способов сохранения мира, из них проистекает безнадежное подчинение «слепым силам природы» до полной победы «жизнеспособных» людей, наций и государств над остальными.

Петер Шаллер¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Хотелось бы поблагодарить Университет за возможность поделиться с научным сообществом некоторыми мыслями по поводу темы Лихачевских чтений, которая, несомненно, является крайне важной. Так как я являюсь действующим дипломатом, то в своем сообщении буду опираться на личный опыт. Следует сказать, что мои идеи не отражают официальную линию правительства Германии.

Все убеждены в необходимости ведения диалога между мировыми цивилизациями и соблюдения их партнерства. Тем не менее очевидно, что плодотворный и гармоничный диалог — весьма сложное явление. Нередко получается не диалог, а конфронтация. В межкультурном диалоге имеются свои недостатки, но как их можно исправить? Более важный вопрос: существует ли возможность того, чтобы молодое поколение, будущие лидеры, могло участвовать в этом диалоге, не руководствуясь фактическим разочаровывающим и неэффективным опытом? Решение нельзя найти, основываясь только на политических маневрах. Истинным «ключом» к таким переменам являются: образование и наличие принципов, воспитание сдержанности и доверия, создание стабильных условий жизни для всех народов и ограничение политики, проводимой с позиции силы.

Диалог требует определенного равенства. Но равенство не означает отрицание различий. Они существуют и могут быть значительными. Но даже если различия значительны, они не могут воспрепятствовать конструктивному диалогу.

В целом у человечества есть твердый фундамент. Мы принадлежим к одному виду, руководствуемся одинаковыми фундаментальными ценностями, пользуемся одними способами коммуникации. Если обратиться к сути мировых религий, их трактовке человека, то станет очевидной их идентичность. В сущности, существуют десять заповедей, которые были положены в основу построения человеческого общества.

Следует принять тот факт, что каждая страна обладает собственной историей, традициями и ценностями, историческим опытом, а иногда — навязчивыми идеями. Каждое общество состоит из личностей, но последним присущ определенный набор основных характеристик, которые определяют их как, например, русских или немцев. Такой процесс выстраивания нашей идентификации в качестве члена той или иной нации, гражданина пожизненно воздействует на личность, является своего рода отпечатком.

Культурный диалог — это прежде всего диалог между людьми. Это значит, что мы должны осознавать себя в качестве отдельных личностей и членов национального образования со всеми ограничениями и возможностями. Также необходимо понимать, что не существует ни одной культуры, ни одной религии, которая была бы лучше или хуже. Все они существуют независимо друг от друга.

Итак, диалог подразумевает наличие хорошо образованных участников, с высоким уровнем самосознания и уверенных в себе. Они должны быть целенаправленными личностями, способными работать и творчески управлять межкультурными различиями, не доводя их до конфликтов.

Диалог предполагает, что нельзя действовать подобно миссионерам, желающим распространить по всему миру свою религию, и силовыми методами. Понимание диало-

га будет неверным, если мы станем рассматривать нашу систему, набор ценностей, идеологию в качестве примера, которому обязан следовать каждый, некоей программы, обязательной для остального мира. Это вовсе не означает, что люди должны молчать, когда нарушаются базовые общественные принципы, объединяющие человечество. В процессе диалога следует убеждать оппонента, а не навязывать ему свою волю. Если мы принимаем равенство, то нет необходимости заострять внимание на различиях и использовать их в качестве элементов конфронтации. В этом состоит суть толерантности.

Главная проблема — это проведение политики с позиции силы. Применение силы возможно также и в межличностном диалоге, поэтому невозможно отделить силовую политику от межличностных и внутриличностных факторов.

Например, политические лидеры добиваются своих постов в борьбе, и им приходится постоянно сражаться, чтобы удерживать позиции. Во многих случаях амбиции политических лидеров связаны с сильным «эго». Они рискуют, чтобы позволить этому «эго» и другим качествам доминировать над их действиями. Это может нанести ущерб интересам их страны и народа.

Другая важная характеристика особенность заключается в том, что политики в подавляющем большинстве имеют ограниченный опыт в области международных и межкультурных отношений. Их специальность — внутренняя политика, они не могут стать политическими лидерами определенной страны, проживая за границей. Конечно, имеются советники по международным делам, но они не принимают решений.

С учетом влияния, которым они обладают (имеются в виду крупные экономические и военные державы), государственные лидеры и члены правительства должны быть выдающимися личностями с высоким уровнем самосознания, понимания собственной психологии и механизмов собственной личности, с устойчивым набором ценностей. Эти качества ориентируют на сотрудничество, а не на конфронтацию, сглаживают, а не усугубляют различия. Следует добавить, что необходимо проявлять чуткость по отношению к оппонентам, главным образом, когда речь идет о межкультурных контактах. Даже в политике, чтобы достичь успеха, не надо постоянно быть мужественным. Однако реальность диктует свои условия: лидеры должны принимать трудные решения, они не могут всегда учитывать интересы всех. Возникает серьезный вопрос: кто способен объединить все противоречивые требования? Что необходимо сделать, чтобы выдающиеся личности заняли руководящие посты?

Действия политиков в основном определяются требованиями внутренней политики, в том числе и когда речь идет о международных отношениях и культурном диалоге. Политики откликаются на чувства, предубеждения, беспокойство, ксенофобские тенденции и социальную напряженность, возникающие внутри обществ. Такие конфликты иногда весьма существенно ограничивают диапазон их действий.

Только стабильное общество способно активно и плодотворно участвовать в культурном диалоге. Такое общество способно создать процветающую экономику, содействовать тому, чтобы все люди пользовались экономическими и культурными достижениями и социальным обеспечением. Каждый человек прежде всего должен иметь работу, чтобы ощущать себя достойным членом своего

¹ Генеральный консул Федеративной Республики Германия в Санкт-Петербурге.

общества. Невозможно достичь этого без образования и обучения в течение всей жизни.

Качественное образование не имеет альтернативы. Оно предусматривает приверженность таким нормам и ценностям, которые «работают» на благо диалога и компромисса. И родители не должны возлагать эту задачу нравственного воспитания только на образовательную систему. Образование начинается дома. То, к чему нам следует стремиться, — это воспитание интеллектуально активных, хорошо образованных и психологически стабильных личностей, которые способны сами решать свою судьбу, иными словами, людей, которые не боятся испытаний будущего. Ощущение себя лишенным привилегий, неудачником приводит к тому, что человек занимает позицию

и предпринимает действия, враждебные по отношению к внешнему миру.

Мы должны обеспечить молодому поколению возможность активного участия в культурном диалоге. Необходимо посылать их учиться или работать за рубеж, в обществах разнообразных культур, и следует приглашать молодых иностранцев в наши страны. Молодежь должна осознавать, что жизнь вместе с иными культурами есть обогащение, а не угроза.

В заключение хотелось бы сказать, что необходимо обеспечить достойное руководство обществом и страной. Мы способны активно строить мир и не должны стать жертвами безликих сил. Человеческий фактор имеет большое значение.

Т. Е. Шехтер¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Размышляя о современном состоянии культуры, о способах ее существования и направлениях развития в эпоху глобализации, мы не можем не обратить внимание на то, что изменения, которые произошли в сфере культуры (и прежде всего художественной) за прошедшие четверть века, вряд ли могут быть сопоставлены с какими-либо процессами в истории мировой культуры за все известное нам время ее существования.

Что же такое глобализация? В самом общем определении глобализация — это процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-экономического пространства на базе новых технологий (в основном компьютерных), а ее атрибуты — глобальное телевидение, Интернет, виртуальная реальность, интерактивность.

Все эти явления далеко не однозначны, обладают разными функциями по отношению к человеку и культуре, но они объединяются в один ряд, так как обуславливают друг друга и направлены на создание совершенно нового образа жизни и построения отношений в современном мире, в котором отныне гуманитарная проблематика связана с влиянием новых информационных технологий на человека и человечество в целом.

Сегодня цель преобразования не материальная среда, как это было до сих пор, а человеческое сознание, как индивидуальное, так и коллективное. Бизнес строится не столько на приспособлении товара к потребностям людей, сколько наоборот, приспособляя людей, их потребности и сознание к имеющемуся товару. Об этом прекрасно говорил еще Бодрийяр. Он задавал вопрос, как бедному потребителю определиться и выбрать необходимую ему кофемолку из имеющихся пятисот видов? И тут же отвечал — да ту, которую выберет для вас реклама («Система вещей»).

Формирование сознания — важнейшее направление современного бизнеса, отсюда такое внимание к рекламе, PR, любым технологиям воздействия на выбор и потребности личности. *В общекультурном плане это означает то, что человечество теперь меняет не окружающий мир, а само себя.*

Первоначально глобальность понималась как связанность мира и воспринималась почти исключительно в оптимистическом ключе (Римский клуб Аурелио Печчеи). Это были 1960–1970 годы. Затем в следующие два десятилетия (1980–1990 гг.) процессы глобализации стало оп-

ределять становление мировых финансов. В последние годы развивается третья форма глобального преобразования мира — это становление глобальной культуры, вмещающей в себя разнообразие мировых культурных практик.

В процессе развития глобальной культуры, неразрывно связанной с развитием новых технологий, освобождаются неизвестные способности и формируются иные духовные потребности, способы творческой деятельности и творческого мышления. Ведущим методом культуры становится *интерактивность*, которая в наши дни далеко не только способ работы в сети Интернет, но и важнейший принцип существования и творческой деятельности в условиях глобализации.

Отличительной особенностью современного мира и современной культуры в их глобальном развитии является раздвоение на *материальный и виртуальный способ существования*. Неуклонно расширяющийся виртуальный мир структурирован не относительно стабильными образованиями, а подвижными сетями и потоками.

Культура, рожденная в условиях глобализации, это, с одной стороны, новая целостность, в которую вовлечено практически все цивилизованное население земного шара, а с другой — именно процессы *интеграции*, сближения, взаимодействия порождают бездну новых форм и способов отношений между людьми, культурами, странами, которые, участвуя в общем процессе глобального объединения, могут принимать агрессивные, порой первобытно-атавистические формы. И эта контрастность глобальной культуры опасна тем, что именно на фоне интегративных процессов она получает возможность широкого распространения со всей силой атавистического пафоса. Терроризм — наглядное тому подтверждение.

Надо сказать, что в условиях сближения огромных людских масс и информационных и экономических ресурсов, неизбежного столкновения мнений и оценок, идеалов и верований нравственная проблематика начинает играть все более значительную роль в обществе, нравственное сознание которого фактически недееспособно, инфантильно, ибо в течение долгого периода не было востребовано. И здесь не стоит кивать только на постмодернизм; эпоха НТР постаралась в этом направлении не меньше.

Постмодернизм же отразился в этом процессе своим конформизмом, когда культура, трактуемая как текст, воспринималась как равнозначная во всех своих проявлениях и модификациях. Такая ситуация в постмодернистической культуре не вылилась в эстетический беспредел лишь по

¹ Заведующая кафедрой искусствоведения СПбГУП, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

причине того, что структурной основой художественного творчества являлось мировое культурное наследие, строгость принципов которого определила границы центростремительного текстуального сознания постмодерна.

И несмотря на то что каждая культура создается во спасение (хотя что такое спасение, людьми понимается по-разному) и что в каждой живой культуре заложен позитивный потенциал, вторая половина XX века потрясла устои европейской культуры прежде всего тем, что уравняла в их значении все явления культуры прошлого и настоящего, и, упразднив понятие истины, девальвировала иерархию ценностных эстетических представлений, ценностных эталонов, которые в той или иной мере прежде имела каждая культурная эпоха. Постмодернизм делает их ненужными. Конечно, это открыло возможность для проявления *маргинальных процессов* в искусстве, культуре, на этом фоне заявили о себе формы творческой деятельности и способы человеческих отношений, которые никогда не могли бы существовать раньше, но в целом система культуры оказалась расшатанной.

В процессе глобализации культура начинает собираться вновь, но новая ее целостность вызывает множество вопросов, которые спровоцированы технологиями, лежащими в основании процесса глобализации. Эти интернет-технологии и технологии СМК, развивающиеся в эпоху утраты критериев, ведут к беспризорности культуры, ее беспомощности и, по большому счету, неспособности выполнять важнейшие функции — утверждение общечеловеческих идеалов. А что такое эти идеалы — это представления, позволяющие сохранить жизнь и дать возможность ей развиваться дальше, то есть соответствие важнейшему принципу культуры, провозглашенному Альбертом Швейцером в его замечательной работе «Этика и культура», — принцип благоговения перед жизнью. Глобализация провоцирует идеологию туриста, удовлетворяемого быстрыми и поверхностными впечатлениями лучше, нежели экзотическими, воспринимающего культуру через глянцево-набор экскурсионных услуг и сувенирную лавку.

Но самая распространенная форма культурной амнезии — шоу-бизнес. Это концерты, где голос делается компьютерными средствами, ток-шоу с перебиванием костей друг друга, а особенно тех, кто далеко, шутки на уровне малого таза, но без раблезианской мощи, персонажи с интеллектом инфузории. И это понятно: в эпоху утраты ценностных критериев не культура поднимает людей, а люди адаптирует ее под себя, причем в этом процессе побеждает массовый вкус. И даже яркие представители современной культуры вынуждены работать, приспособившись ко вкусу массовки. Театр Петросяна и Дом-2 — ярче примеров не придумаешь.

Глобальную культуру уподобляют плазме, в которой образуется и гибнет множество культурных образований. Эта культура балансирует на грани произвола и творческого открытия. Но в то же время ученые считают, что на современном этапе научного знания ведущая прогностическая роль будет принадлежать не строгой науке, а культуре. Ибо «культура как совокупность верований и норм, традиций и ценностей задает определенные программы развития или вероятные траектории развития событий»¹.

Нельзя не заметить, что в современной науке и искусствоведческой практике идет процесс переосмысления существующих подходов к пониманию и анализу искусства, трансформация способов его восприятия. В первую очередь это объясняется тем, что сфера художественного утратила свою изолированность и стала естественным дополнением человеческой практики в различных ее про-

явлениях, подтверждением чему можно считать широкое развитие дизайна, за короткий срок превратившегося в одно из популярнейших средств утверждения глобализирующегося мира. Подобные синтезирующие процессы происходят и в человеческом сознании, ведь теперь художественное, мифологическое и символическое мышление в их единстве нередко оказывается ведущим, контролирующим логику решений в разных ситуациях. Известно, что «постантропологическое»² поколение перестало читать.

Если совсем недавно мы трактовали тексты, углубляясь в их многослойность, то теперь все чаще материалом для мышления становится изобразительная семантика. В экранную эпоху именно *icon* становится способом концентрации и выражения информации, что откровенно демонстрируют современные журналы, изобилующие рекламно-имиджевыми материалами, в которых тексты становятся развернутыми комментариями к картинкам. Формируется привычка воспринимать информацию через картинку, визуальный знак и образ.

По существу новая методология мышления стала выражением потребности современной культуры в преодолении деструктивного опыта цивилизации, разрушительно действующей не только на природу, но и на человека и его психику. Интереснейшим отражением модификаций психики современного человека становится трактовка и толкование реализма в современной художественной культуре. Распространенная сегодня тенденция — гиперреализм или реалистическая фантазмагория, как его еще называют.

В гиперреалистическом произведении происходит переакцентировка внимания с целого на его свойства и мельчайшие признаки, при этом изображение получает максимальное физическое сходство с прототипом, но в то же время сообщает ему некое инобытное состояние, превращая изображаемое в мертвое застывшее явление, абсолютно подобное жизни и в то же время безвозвратно выпавшее из нее. Фактичность, очевидность здесь доведены до самоотрицания. Таков современный способ выражения неуверенности, ненадежности, неустойчивости действительности. В гиперреалистичности раскрывается переживание собственной незащитности, незащитности реальности, к которой утрачена дорога.

В период глобализации, оказавшись на перекрестке культур, нетрудно утратить устойчивые представления о первоочередном и второстепенном, тем более на фоне противоречивых подходов, за каждым из которых своя национально-историческая программа. И потому художественное наследие в целом и его отношение к личности становится не просто социально значимым, но может рассматриваться как одно из условий психического выживания личности. На рубеже XX–XXI веков интерес к «чистому искусству» ослабевает, все меньше привлекают фактологическая и биографическая трактовки истории искусства. Возникает потребность проникнуть в скрытые смысловые закрома произведения, в его, так сказать, «подсознательное» и найти в нем генетически заданную программу понимания мира и самого себя.

Если наука требует от нас разумного восприятия действительности, то исторический художественный опыт проявляет естественную природную связь всего сущего, определяя при этом место человека в едином целом, далеко не ведущее, как правило. Искусство видит зависимость, которым наука еще не дала названия. И если рациональное мышление направлено на утверждение человека, несмотря ни на что, противореча при этом естественному положению вещей, то искусство ставит его в контекст

¹ Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М., 2000. С. 44.

² Марков Б. В. Проблема человека в эпоху масс-медиа // Перспективы человека в глобализирующемся мире / под ред. В. В. Порцвания. СПб., 2003. С. 66.

реальности, открывая для нас в этом процессе как раз те самые опорные типы взаимодействия с окружающим миром, которые мы тщетно пытаемся найти способом разумного вычисления.

Сейчас очень важно открыть новые стороны исторического процесса, раскрыть в нем глубоко личностное, эмоционально-интимное содержание, позволяющее современнику преодолеть отстранение от собственного прошлого. Известный философ О. А. Кривцун в статье «Человек в его историческом бытии: опыт психологических и художественных измерений»¹ приводит цитату Л. Февра, который с удивлением замечает, что «у нас нет истории любви! Нет истории смерти. Нет ни истории жалости, ни истории жестокости. Нет истории радости». Поэтому важнейшей задачей современной науки Кривцун полагает восстановление истории менталитета как совокупности явных и неявных установок мысли, умонастрое-

ний, навыков психики и т. п. Так утверждается *необходимость осмысления истории искусства как человеческой истории*.

Теперь актуальной задачей признается необходимость достижения равновесия во взаимоотношениях человека с миром и прежде всего — психическое равновесие личности. Для этого необходимо восстановление истории ментальности — постижение явных и неявных установок мысли, умонастроений, эмоциональных реакций и тому подобного, имевших место в историческом становлении личности. Пристрастия, желания, стремления, фобии и заблуждения прошлых эпох складываются в целостный опыт, лежащий в основе психики современного человека. В произведениях искусства, многообразии его историко-психологических мотивов раскрывается внутренняя сторона эволюции культуры, выступающая в настоящее время на первый план.

Ю. М. Шор²

ДИАЛОГ С ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРОЙ — НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ

Помимо диалога цивилизаций, общения с другими культурами, феномен диалога включает взаимодействие с собственной культурой, ее историческим наследием, ценностями и достижениями, наиболее яркими образцами, духовным содержанием. Собственная культура — это и корни, и основы, и уроки (которые, впрочем, часто не усваиваются). Диалог с культурой необходим в контексте «сверки пути», поисков формулы самоидентификации, корректировки маршрута.

Кроме того (и это, возможно, самое главное), традиции отечественной культуры выступают в качестве важного духовно-эстетического и духовно-нравственного критерия, масштаба измерения. Мы живем в эпоху утраты критериев, разрушения смысловых опор жизненного процесса — того, что в истории культуры именовалось идеалом. Гибель идеала в конце XIX века была отчетливо выражена Ф. Ницше: «Бог умер». Но дух по определению не может существовать без критериев, иерархии, несущих конструкций. Диалог со своей культурой — это возрождение критериев, переосмысление опыта, расстановка приоритетов.

Парадоксальны, противоречивы, драматичны исторические судьбы России. Но у нас есть бесспорные ценности, то, что невозможно подвергнуть сомнению. К ним в первую очередь относится наше духовное наследие, философская, художественная классика, религиозные святыни. Это наследие Древней Руси, великое искусство и литература, высочайшего уровня философская мысль XIX–XX веков, духовные богатства русского православия. Диалог с русской культурой — это общение с А. Пушкиным и Ф. Достоевским, Л. Толстым и И. Тургеневым, М. Горьким и М. Булгаковым, А. Ахматовой и Н. Рубцовым, постижение красоты русских былин и Слова о полку Игореве. Это встреча с очарованием русских церквей и проникновение в философские миры Н. Бердяева и С. Франка, И. Ильина и Н. Лосского, А. Лосева и М. Бахтина. Это погружение в волшебную музыку М. Глинки и П. Чайковского, С. Прокофьева и Д. Шостаковича, Г. Свиридова и А. Шнитке.

Все это должно рассматриваться не просто как историко-художественные или историко-философские явления, а в качестве феноменов духовной культуры, национальной творческой стихии, смысловых конструкций нашего менталитета.

В этом плане характерными представляются работы историософа В. В. Кожина³. Ученый постигал русскую литературу не просто как художественный факт, он видел в ней неотъемлемую составляющую российского духовного опыта, органический элемент исторического процесса. История политическая, социальная, событийная незримо, но прочно сливались для него с историей художественной, литературной, поэтической. С. Аксаков и А. Пушкин, Н. Гоголь и Ф. Тютчев, Ф. Достоевский и М. Пришвин были для В. Кожина органическим воплощением национального духа, культурной традиции. Они выражали в совершенной художественной форме ценностные ориентиры русской духовности, ее глубинные этические и эстетические измерения. Они виделись В. Кожину и как поиски предпочтительных для России путей, исторических судеб.

Нельзя не упомянуть работы замечательного историка литературы, пушкиниста В. Непомнящего. В. Непомнящий постигает А. Пушкина как средоточие исходных смыслов русской культуры, в контексте русской ментальности, русской картины мира, в тесной связи с общей, коренной для нас проблемы исторического жребия России⁴.

Особо следует обозначить необходимость диалога с культурой советского периода. Сравнивая с ней то, что происходит сейчас, мы все отчетливее осознаем, что советская цивилизация тоже несла с собой несомненные и важные для человека ценности. Социализм (даже тот «реальный социализм», который у нас возник) осуществил некие глубинные для российского менталитета идеалы, а советская культура, несмотря на идеологическую изуродованность, дала высокие образцы и бесспорные достижения. Между тем мы утратили с ней связь.

Об этом написал в начале 1990-х годов А. В. Михайлов: «Вместе со всей накопившейся за долгие десятилетия

¹ Кривцун О. А. Человек в его историческом бытии: опыт психологических и художественных измерений // Психологический журнал РАН. 1997. Т. 18. № 4. С. 26–36.

² Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, доктор философских наук.

³ См.: Кожин В. В. Победы и беды России. М., 2002; Он же. История Руси и русского слова. М., 2001; Он же. Пророк в своем отечестве Федот Тютчев. М., 2002.

⁴ См.: Непомнящий В. С. Пушкин. Русская картина мира // Непомнящий В. С. Пушкин. Избранные работы 1960–1990-х: в 2 т. М., 2001. Т. 2.

ложью нашей жизни, которую мы разоблачили и всемирно прокляли, выбросили, стараются забыть и ту несомненную правду, которая пробивала себе путь сквозь ложь... На место прежней, теперь открывшейся лжи водрузили новую, огромную и непроглядную ложь, которая под звон лозунгов о возрождающейся духовности попирает всякую правду человеческих отношений, всякую нравственность, всякую духовность и культуру»¹.

Не опасаясь некоторых упрощений, попытаемся суммарно выделить некоторые наиболее важные ценности российской культуры, диалог с которыми должен быть восстановлен. Это целостность истины, для постижения которой используются ресурсы и научного, и художественного, и философского, и религиозного сознания. Это

первостепенность образа Человека, взятого всесторонне, многомерно, во всем богатстве своих определений. Это «антитехнократизм» русской мысли, имманентно присущая ей гуманитарность, сосредоточенность на духовно-нравственной составляющей человеческого бытия. Это понимание культуры как идеально-смыслового «жизнестроительного» измерения существования социума. Это, наконец, экзистенциальность русской философии и русского искусства, сочувственное понимание жизни личности, сопереживание ее болям и радостям, ее нередко трагическим судьбам.

Без возвращения к этим ценностям, полноценного диалога, живого соприкосновения с ними не сможет состояться подлинное возрождение России.

¹ Михайлов А. В. Эстетика и оживление человека // Михайлов А. В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. СПб., 2006. С. 473.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- А. С. БОЛЬШАКОВ** — заместитель декана экономического факультета СПбГУП, доктор экономических наук, профессор
- Ю. В. ЗОБНИН** — заведующий кафедрой литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук, профессор
- А. Ф. ИЗМАЙЛОВ** — главный редактор журнала «Балтийский диалог» (Санкт-Петербург), кандидат исторических наук
- С. Н. ИКОННИКОВА** — заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, профессор СПбГУП, доктор философских наук
- А. В. ИЛЬЧИЧЕВ** — профессор кафедры литературы и русского языка СПбГУП, доктор филологических наук
- В. В. КРАЕВСКИЙ** — академик РАО, главный научный сотрудник Института управления образованием РАО (Москва), доктор педагогических наук, профессор
- С. М. ЛАРЬКОВ** — председатель городской секции библиофилов Санкт-Петербурга
- И. Л. ЛЕБЕДИНСКИЙ** — профессор Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, доктор экономических наук
- М. А. МАНУИЛЬСКИЙ** — заместитель главного редактора журнала «Человек», старший научный сотрудник Института социологии РАН (Москва), кандидат философских наук
- А. А. МЕЛЬНИКОВА** — доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат философских наук
- А. Н. МОСЕЙКО** — ведущий научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат философских наук
- М. С. МОТЫШИНА** — декан экономического факультета СПбГУП, доктор экономических наук, профессор
- Н. Л. РУМЯНЦЕВА** — доцент Российского государственного института интеллектуальной собственности (Москва), кандидат технических наук
- А. В. СМИРНОВ** — член-корреспондент РАН, заместитель директора Института философии РАН (Москва), заместитель главного редактора «Философского журнала», доктор философских наук, профессор
- Ж. Т. ТОЩЕНКО** — член-корреспондент РАН, главный редактор журнала «Социологические исследования», декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва), заведующий кафедрой теории и истории социологии, доктор философских наук, профессор
- Г. Ф. ФЕЙГИН** — доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат экономических наук
- И. О. ФОНЯКОВ** — поэт

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Мы предлагаем для обсуждения следующие проблемы. Первая. Каковы критерии определения понятия «цивилизация»? Существует термин «мировая цивилизация», предполагающий единственное число. Наша же конференция рассматривает разные цивилизации: латиноамериканскую, европейскую, китайскую, индийскую и др. Я встречал мнения, что есть даже чувашская цивилизация. Поэтому предлагаю определить пределы употребления данного понятия и то, как оно соотносится с термином «культура».

Вторая проблема — что такое «глобализация»? Данное понятие в настоящее время все больше подвергается критике. Когда мы говорим о диалоге культур и цивилизаций, то, как правило, сосредоточиваем внимание на общих чертах, на поиске объединяющих характеристик. А может, не стоит искать общие черты разных цивилизаций, а, наоборот, надо ставить вопрос о необходимости понять их разнообразие, уникальность, специфику и соответственно на основе понимания и признания автономности и важности каждой цивилизации и культу-

ры строить подход к ним? Тем более что под «общим» часто понимают вестернизацию, европеизацию или даже американизацию. В нашем журнале «Социологические исследования» была опубликована статья профессора Н. Е. Покровского на эту тему: «Глобализация или американизация: ценностные структуры популярной культуры в России конца XX века».

Третья проблема: а что, собственно, мешает диалогу цивилизаций и культур? Здесь часто оказывают влияние религиозные и этнические противоречия, связанные с устоявшимися представлениями о Юге и Севере, Западе и Востоке. Именно такие стереотипы и мешают диалогу.

Мы сможем обмениваться мнениями, дискутировать друг с другом и, таким образом, уточнить свои позиции и характеристики обсуждаемых понятий и явлений.

Разумеется, обсуждаемые проблемы можно дополнить, расширить, предложить новые вопросы.

— Мне хотелось бы поставить вопрос о том, что такое диалог. Ни на Пленарном заседании, ни в тезисах докладов

участников конференции я не нашла данного определения. Мы ставим общие вопросы о цивилизации, толерантности и диалоге культур, но не уточняем, что такое диалог. *(вопрос из зала)*

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Коллеги, мы сформулировали основные проблемы для обсуждения, но это не значит, что мы на этом и остановимся. Разумеется, вы можете предложить любой вопрос, входящий в контекст обусловленной проблематики.

А. В. СМИРНОВ: — Известно, что существует несколько сотен определений культуры и цивилизации и соответственно столько же пониманий их соотношения. Поэтому не стоит даже пытаться их классифицировать; я просто предложу свою версию. Для меня более важным, операциональным является понятие культуры, которую я понимаю как способ смыслополагания. Как говорил известный профессор Преображенский, «разруха — в головах». Но и культура — тоже у нас в головах. Конечно, я не отрицаю правомерности и плодотворности подхода к культуре как к сумме продуктов — материальных или духовных, уже объективированных. Но все-таки, прежде чем эта сумма продуктов возникнет, должен быть найден механизм их производства. Механизм производства и есть то, что я называю культурой.

Второй основополагающий тезис — что такое культура. Понятно, что слово «культура» сегодня употребляется в самых разных смыслах, применительно едва ли не ко всему — есть культура общения, культура чаепития, культура речи и т. д. Культурой можно назвать все что угодно. И в этом смысле можно говорить о разных культурах, дробить понятие культуры сколько угодно мелко.

Известно, что Петербург является особой культурой — это мы уже усвоили. Наверное, у нас будет культура Москвы. В конце концов, каждая деревня может быть особой культурой, почему бы и нет. Любой дом является культурой, любая семья. А в семье каждый ребенок представляет особую культуру. Как мы знаем, если у нас двое детей, то они разные, у каждого своя культура. Где же границы размывания этого понятия? Ведь если мы понимаем культуру как способ смыслополагания, то тем самым устанавливаем определенные границы.

С моей точки зрения, необходимо разделять два принципиально разных модуса различия культур. Культуры могут различаться содержательно. В том случае, если мы понимаем культуру как механизм функционирования нашего сознания, содержательное различие культур означает несходство в наполнении. Это один тип различия, который встречается наиболее часто. Есть и другой — когда мы говорим не о содержании, а об архитектонике сознания. Это гораздо более глубокий тип различия, причем принципиально иной, нежели по содержательному признаку, и он встречается гораздо реже. Если мы указываем последний тип, то можем значительно ограничить сферу нашей дискуссии о различии культур и вместе с тем обрести определенную почву.

Что я имею в виду под различной архитектоникой сознания? Если опустить всю аргументацию, которую можно разворачивать в течение многих часов, и перейти сразу к выводам, то можно сказать следующее. Есть по меньшей мере два принципиально разных способа смотреть на мир и две принципиально различные архитектоники сознания, которые демонстрируют нам западная и арабская культуры. Первую из них я назову вещественной, а вторую процессуальной. Если говорить попросту, не углубляясь, то западное сознание пришло с греческой культурой, греки научили нас видеть мир как совокупность вещей, а арабское сознание, от языковых особенностей до теоретических построений, — это способ видеть мир как совокупность процессов. Это принципиально разные видения, которые не просто различны, — они не сводимы, не редуцируемы друг к другу. Вы не можете возвести одну архитектонику, преобразовав отдельные элементы другой. Вам придется все разрушить и выстроить заново. Это означает, что культур, которые различаются архитектоникой сознания, больше чем две. Но я буду говорить о двух. Если мы имеем дело с такого рода различиями, то не можем употреблять уже ставшие привычными слова «культурная специфика» и т. п. Такие культуры не специфичны относительно друг друга, потому что у них нет того общего, по отношению к чему они могли бы считаться специфичными. Повторяю, они не редуцируемы, не сводимы одна к другой путем перестройки.

Для того чтобы обозначить такой тип различия, я употребляю термин «одинаковость» — они одинаковы по отношению друг к другу, поскольку такая одинаковость целостна. Я не буду развивать эту тему, хотя она очень интересна, и не буду показывать, в чем именно состоит данная архитектоника, поскольку это требует отдельного обсуждения. Перейду к самым очевидным возражениям, которые всегда делаются в таких случаях. Обычно говорят, что такие культуры абсолютно закрыты друг для друга (вспомним, как об этом пишет Штемблер и др.). Но так ли это? Думаю, дело обстоит не столь просто. Конечно, уровень общечеловеческого имеется, как ни парадоксально это выглядит в свете того, к чему привыкло наше мышление, воспитанное на греческой философии. Сфера универсального лежит не в области мышления, теоретической рефлексии или логики. Наоборот, логика как раз специфична, поскольку привязана к определенной архитектонике сознания. Именно логика доводит эту архитектонику до отточенных форм и «вытаскивает» на свет. И потому логики разных архитектур сознания будут одинаковы, а язык, который мы привыкли считать как раз специфичным и привязанным к определенной нации, напротив, будет различным. Разные языки дают нам возможность почувствовать, как могут быть выстроены различные архитектуры сознания.

Но если это закрытые культурно-исторические типы, цивилизации или культуры, то как же они могут коммуницировать? Условием диалога вовсе не является понимание, как часто считают. Мы все коммуницируем, но означает ли это, что мы понимаем друг друга? Далеко не всегда. Разве в семье, где происходит ежедневная, ежесекундная коммуникация между мужем и женой, они сразу понимают друг друга? Конечно, нет. Поэтому выдвигать такой довод в качестве главного аргумента, с моей точки зрения, некорректно. Можно коммуницировать, строить образ другого, совершенно не понимая этого другого. Можно выстраивать образ чужого сознания по закону своей архитектоники и отражать его в своем сознании совершенно неадекватно. Можно приводить бесконечные примеры.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Вы очертили общее понятие культуры, но мне кажется, в этой схеме важны детали. На мой взгляд, культура — это прежде всего система идентичности. Как, по Вашему мнению, соотносятся культура и идентичность?

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Вы очертили общее понятие культуры, но мне кажется, в этой схеме важны детали. На мой взгляд, культура — это прежде всего система идентичности. Как, по Вашему мнению, соотносятся культура и идентичность?

А. В. СМИРНОВ: — Человек выстраивает свою идентичность на перекрестке разных культурных влияний. В этом смысле идентичность можно противопоставить понятию культуры. Но есть иной подход, при котором считается, что идентичность человеку задана культурой, что человек, так сказать, находится «в силках» культуры. Наверное, эта позиция близка Вам. Мне же ни та,

не другая позиция не близки, потому что мое определение культуры не является ни социалистским, ни антисоциалистским и я не указываю на ее сущность. Для меня культура — это механизм, который производит нечто, но механизм не является сущностью. В этом смысле можно говорить о западной культуре, начиная с греков и заканчивая сегодняшним днем. Это, кстати говоря, чувствуется всеми. Вряд ли кто-то скажет, что неправильным или некомфортным является употребление словосочетаний вроде «западная философия». Это нормально для нас, хотя есть античность, Средневековье, Ренессанс и так далее — разные этапы истории. Казалось бы, все это разные культуры, которые не сводимы одна к другой, тем не менее все они являются одной традицией. Если же мы присоединим к ним исламскую культуру, получится «дракон», у которого тело от одной традиции, а хвост — от другой. Это будут две разные архитектурники.

— Основная мысль Вашего доклада заключается в том, что в культуре доминирует различие. То есть подтверждается известный тезис о том, что Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись... По сути дела, Вы разделяете именно эту позицию. Но, может быть, с течением временем эти культуры все же сходятся? (*вопрос из зала*)

А. В. СМОРНОВ: — У Киплинга немного иначе: «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с места они не сойдут, / Пока не предстанут земля и небо на страшный Господен суд». А дальше, как Вы помните, сходятся два человека, с Запада и с Востока, и прекрасно понимают друг друга.

Можно, конечно, нарисовать «розовую» картину мира, где все мы люди, все одинаковы и можем друг друга понимать, потому что все мы утром завтракаем, а вечером ужинаем. В конце концов у нас одна и та же физиология. Все мы спим, видим солнце, ходим вверх головой, а не наоборот. Поэтому нам очень легко коммуницировать. Можно на этом уровне строить диалог культур? Что из этого получается, я думаю, мы все видим. Если же подходить к проблеме серьезно, то надо заняться рефлексией, осознать, как вы понимаете собеседника, что слышите в его словах и почему его реакция на ваши именно такая, какая есть...

— Вы противопоставили западную и арабскую культуры. К чему же Вы относите российскую цивилизацию и культуру? (*вопрос из зала*)

А. В. СМОРНОВ: — Российская не относится ни к той, ни к другой.

В. В. КРАЕВСКИЙ: — Что меня побудило участвовать в разговоре о диалоге культур и партнерстве цивилизаций? То, что эти, казалось бы, абстрактные вопросы вторгаются в нашу жизнь. Достаточно выйти на улицу — и вы увидите этнический диалог культур, чаще всего с использованием ненормативной лексики. Ксенофобия, толерантность — все это вы видите ежедневно. Чтобы правильно относиться к подобным явлениям, культура должна соответствующим образом формировать сознание каждого нового поколения. В конце концов, есть самое простое определение культуры — это способ устройства нашей жизни таким образом, чтобы всем было хорошо. Это, конечно, шутка, но, как известно, в каждой шутке...

Ответ на поставленный сегодня вопрос предполагает субъективность, но я хотел бы напомнить, что известными учеными уже были даны определения понятий «культура» и «цивилизация», которые я со спокойной совестью

воспринимаю. Например, Л. Морган и Ф. Энгельс определяют цивилизацию как ступень общественного развития, следующую за варварством, то есть как исторически определенный уровень развития общества и человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях. Этому противостоит другое, локальное значение понятия «цивилизация», суть которого фактически сводится к отдельным рационализирующим культурам — европейской, египетской и т. д.

Я придерживаюсь позиции, что диалог культур — это действие, которое в конечном счете выливается в цивилизационный процесс, и все страны — национальные участники этого диалога. Диалог культур ведет к новому уровню человечества. Культура может быть исламской, европейской, российской или иной, но в конечном счете в построении диалога культур рождается движение цивилизаций к объединению, и этот процесс неодолим. Можно назвать его и глобализацией.

Это, конечно, схематичная модель, которая соответствует действительности и представляет собой средства ее познания. Сегодня объективно идут противоречивые процессы, и одна из главных проблем заключается в размытости понятия толерантности при нарастающей ксенофобии.

Существуют ли границы понятия толерантности? Возможна ли, например, терпимость к нетерпимости? Урок холокоста мы уже проходили. Терпимы ли мы к холокосту, к тому, что происходило в Германии в середине XX века и что в итоге нашло отражение в Нюрнбергском процессе? Как тут быть с толерантностью? Должны ли мы останавливать подобное? Несомненно. Человечество в своем цивилизационном процессе терпимо лишь до определенной границы.

История не учит, но наказывает за незнание своих уроков. Если мы у нее не учимся, то проигрываем. История, согласно известному высказыванию, не терпит сослагательного наклонения. Но так ли это справедливо? Почему бы нам не смоделировать историю? Мы можем предположить, например, то или иное развитие событий и что за ними последует. История не остановится от того, что мы в своем воображении «перематываем» тот или иной ее отрезок, но результат данного действия будет полезным.

На мой взгляд, проблема ксенофобии и толерантности «замешена» на разнице двух понятий — свободы и воли. Свобода предполагает ответственность. Мы имеем право только до тех пор быть свободными, пока не посягаем на свободу других. Этим же и ограничена толерантность. Ограниченная толерантность предполагает свободу, а неограниченная — вседозволенность.

— Как связаны, на Ваш взгляд, образование и толерантность? (*вопрос из зала*)

В. В. КРАЕВСКИЙ: — В содержание образования входят культурологические концепции, которые предполагают передачу не абстрактного объема знаний, а структурного социального образа культуры, форм социального бытия, которые каждый человек самостоятельно осмысляет и применяет.

А. С. БОЛЬШАКОВ: — Вы сказали: свобода и воля. Но есть еще промысел и рок.

В. В. КРАЕВСКИЙ: — Промысел. Я бы сказал, это относится к религии...

А. С. БОЛЬШАКОВ: — Это не религиозный вопрос, а идеологический.

В. В. КРАЕВСКИЙ: — Могу сказать одно: если в человеке присутствует та самая искра высшего, он имеет совесть как мерило всех своих поступков и намерений.

А. Н. МОСЕЙКО: — Говоря о культуре и диалоге культур, я оттолкнулся от определения культуры, упомянутого Андреем Вадимовичем Смирновым.

Я понимаю культуру как образ мира. С этой точки зрения западная культура резко отличается от российской, в которой выработался свой образ мира. Моя первая специальность — африканист, поэтому я знаю, что в африканской культуре нет разделения добра и зла, неба и земли, прошлого и будущего, жизни и смерти. Все обратимо. Человек может превратиться в животное, а животное — в человека... Мир един, неразделим. Это резко отличается от западной традиции, истоки которой находятся в античности. Об этом сегодня уже упоминали.

Очень интересен российский образ мира. Это образ незавершенного мира, в котором все неокончательно, вечно идет поиск завершенности и справедливости. Неокончателен и выбор — это одна из главных особенностей русской ментальности. Мы любим обращаться к прошлому: можно ли его вернуть и все исправить? Может быть, и можно. Эта неокончателенность выбора существует и на уровне нации, и на уровне личности, и на всех иных уровнях.

Кроме того, российский образ мира четко разделен: черное–белое, правда–ложь, справедливость–несправедливость. Наш мир не триален, по терминологии А. Ф. Лосева, а дуален. Если мы переходим к чему-то новому, то полностью ломаем старое; потом возвращаемся к старому и поклоняемся тому, что разрушили. Этот дискретный, незавершенный образ очень интересен по отношению к российской цивилизации.

Что есть диалог? М. М. Бахтин определил диалог как взаимодействие «я» и «другого». Он утверждал, что если нет другого, то сознание не видит ни себя, ни мира. Только в диалоге с другим возникает осознание себя и мира. Поэтому диалог — это прежде всего создание образов друг друга и сравнение этих образов, что сопоставимо с самоопределением, идентичностью. Для того чтобы осознать себя, надо иметь перед собой другого.

Я изучаю образы России на Западе и Западе в России. На Западе примерно с XVI века существуют две мифологемы. Во-первых, Россия для Запады — в первую очередь угроза; об этом говорили Нойман, Аденауэр и многие другие крупные ученые. Известны слова Уинстона Черчилля: «Варвар стоит у ворот Европы». Во-вторых, Россия — недомодернизированный, а иногда вообще немодернизированный ученик. Миссия Запады — учить Россию, цивилизовать Россию, окультуривать ее. Повторяю, эти две основные мифологемы существуют на Западе на протяжении многих веков и время от времени актуализируются. Но они могут и оборачиваться в свою противоположность. Так, например, кардинально изменился образ России в начале XX века, в период кризиса после Первой мировой войны, особенно после работы Н. А. Бердяева «Новое средневековье», вышедшей на четырнадцать языках. Россия стала восприниматься как носитель некоего гнозиса, тайного знания, спасения для секуляризированной Европы, потерявшей свою духовность и погрязшей в рационализме. То есть, с одной стороны, Россия — варвар, а с другой — носитель особого тайного знания. Так, православные русские философы-эмигранты внесли большой вклад в развитие идеи о мессианстве России и возможности через Россию спасения для Европы. Тогда согласно второй мифологеме, с одной стороны, Россия — ученик, а с другой — учитель. Не случайно Н. А. Бердяева называли русским Гегелем и русским пророком.

Я не буду подробно останавливаться на образе Запады в России, иначе нам придется углубиться во внутренний российский диалог между славянофилами и западниками, а это особая тема, которая требует отдельного обсуждения.

— В своем докладе Вы в первую очередь говорили о традиционных образах, истоках. Но со временем они, вероятно, меняются. Например, сейчас во главе многих африканских государств стоят выпускники Кембриджа и Оксфорда, они привносят новое, и культуры этих стран, несомненно, меняются, не так ли? До какой степени традиционные образы меняются в результате диалога культур? (*вопрос из зала*)

А. Н. МОСЕЙКО: — Здесь возникает проблема столкновения. С одной стороны, университеты в Африке — это большое достижение, с другой — огромная трагедия для этого континента. Весь научно-образовательный комплекс построен по западному образцу, университеты работают только по западным программам, долгое время в них преподавали исключительно западные профессора, и в итоге эти университеты представляют собой искусственные анклавы внутри традиционной культуры. В этих вузах обучаются молодые люди исключительно из элитарных слоев населения. Огромная трагедия состоит в том, что выпускники африканских университетов не находят применения в своих странах. Если они становятся, скажем, учителями в африканских деревнях, то это заканчивается печально: образованного человека воспринимают там как колдуна и в конце концов убивают. Выпускник университета не может найти работу и в городе, потому что города не в состоянии вместить всех молодых людей с высшим образованием, а тяга к знаниям и еще больше — к карьере у них огромна.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Вы говорили об африканской картине мира. В связи с этим у меня несколько взаимосвязанных вопросов. Как я понял, вся так называемая Черная Африка (как я понимаю, Вы исключаете Северную Африку) — это нечто единое? Или все же там есть дифференциация в образах мира? Вы описали африканскую картину мира как единую, но затем сказали, что одно переходит в другое. Следовательно, есть различие между противоположностями, если одно переходит в другое. Но если есть различия между противоположностями, то переходят они друг в друга или нет? Если есть еще что-то третье, отличное от этих групп противоположностей, то что их объединяет в этой картине мира? Или третьего нет?

А. Н. МОСЕЙКО: — Я имела в виду, что нет диаметрального разделения, нет дуальности, антикодов. Все переходит одно в другое: после жизни — смерть, за смертью — жизнь; медиатор отсутствует. Этот переход естествен. Подобная мифологическая картина мира существует и сегодня. Кстати, когда я говорю об Африке, то, конечно, я имею в виду Африку южнее Сахары.

— А что происходит сейчас в Сомали? (*вопрос из зала*)

А. Н. МОСЕЙКО: — Мифологическая картина в целом едина. Она отличается лишь у народов банту — в деталях, более кардинально — у дагонов, имеющих свой астрономический календарь.

Что касается Сомали, то это была единственная страна, в которой существовали так называемые группы мщеников. Члены этих очень воинственных групп расправлялись

с человеком, совершившим какое-либо преступление. Позже они стали не убивать, а брать выкуп с провинившихся. Таким образом, начала формироваться традиция выкупа. Сомалийцы, как и многие африканцы, считают, что представители белой расы виноваты перед ними настолько, что должны платить и платить им. Если же белые не платят, то африканские пираты берут сами все, что им нравится. Это сомалийская традиция, но она распространена на всей территории Африки.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Я кратко скажу о некоторых данных, полученных в результате опроса. Речь идет о том, как воспринимают Россию и межнациональные отношения представители разных национальных групп (русские, татары, башкиры, удмурты).

Опрашивались и рядовые граждане, и представители властных и культурных элит, а также специалисты, эксперты. Преобладали следующие мнения: Россия должна занимать лидирующие позиции в мире, быть «мостом» между Востоком и Западом; с одной стороны, у России особый путь, с другой — она не должна никому навязывать свои представления. Кроме того, у каждой этноконфессиональной культурной группы есть свои соображения, как этого достичь.

По ряду причин я не очень хорошо знаком с ситуацией в российско-исламском, российско-иудейском и российско-буддийском мирах. Могу более или менее профессионально судить лишь об элементах православной культуры. Одно дело декларации митрополита в СМИ о том, какое у нас замечательное православие и как оно ведет диалог с другими конфессиями, и совсем другое — как рядовые священнослужители это понимают. Первый пример. Я недавно был в Белгороде. На его центральной улице висит большая растяжка, на которой изображен недавно появившийся у них свой святой покровитель города и надпись: «Бог есть». Это прямолинейное утверждение вывешено с согласия местных властей.

Второй пример. Не так давно я побывал на конференции по православному образованию в Переславле-Залеском. Это недалеко от Москвы, но все же периферия. Там было оживленное выступление молодого человека, предложившего соединить рок-культуру и отчасти православную традицию. Благообразные люди в гневе топтали ногами и кричали с мест.

Не могу сказать, что это тенденции, но хочу подчеркнуть, что, кроме продекларированных принципов взаимопонимания, взаимодействия, диалога и тому подобного, надо не забывать о том, что в многонациональной стране существуют разные субъекты. И на это надо обращать внимание.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Поделюсь своими размышлениями над докладами участников Чтений. Я хотела бы обратить ваше внимание на формулировку нашей темы: диалог культур и партнерство цивилизаций. Очевидно, что в этих терминах есть различия и сходство. Они взаимосвязаны: диалог предполагает партнерство, так же как культура и цивилизации. Но нам требуется определенность понятий. Я бы сказала, что мы стали жонглировать понятиями культуры, цивилизации и диалога, не определяя их достаточно четко. Кроме того, в данном контексте почти исчезает такое понятие, как общество. Как соотносятся общество и культура, общество и цивилизация, и как это назвать?

Применительно к XX веку можно говорить о советской цивилизации. В связи с этим я хочу обратить внимание на недавно изданную книгу «Грамматика цивилизаций» Фернара Броделя, французского исследователя исторической школы «Анналов», очень любимого в Рос-

сии. Написанная в 1960-е и переведенная на русский язык в 2008 году, теперь она включена в наше обсуждение. Фернар Бродель выделяет целый набор цивилизаций: мусульманский мир, Черная Африка, Европа и «другая Европа», которой оказывается Америка, Россия (автор имеет в виду Россию от Московии до 1960-х гг.). То есть за понятием цивилизации скрывается огромное разнообразие, различие — территориальное, историческое и т. д.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Светлана Николаевна, простите, я Вас прерву. Я уже приводил пример, что в одной статье нашего журнала упоминалась и «чувакская цивилизация». Где же пределы употребления слова «цивилизация»?

С. Н. ИКОННИКОВА: — Да, совершенно верно, так говорят. У меня был аспирант из Чувашии, который вел историю чувашской цивилизации с незапамятных времен. В этом направлении проводятся обширные исследования, следовательно, необходимо обратиться к этим новым понятиям, разобраться в их соотношении и границах, представить те социальные процессы, которые их сближают и разделяют, но могут продолжаться еще длительное время, пока существует человечество. На мой взгляд, мир не может слиться в единое, как предполагают глобалисты.

Прежнее наше представление, начиная по крайней мере с XVIII века, о цивилизациях как о колоссальном накоплении, которое существует исторически и социально, сегодня вновь возвращается, но на новых основаниях. Это требует специального обдумывания.

Гуманитарное мышление в какой-то степени ориентировано на те монолиты, в которых выражена гуманитарная наука. А современный мир — это мир процессов, перемен. Известный польский и английский социолог Зигмунд Бауман даже применил выражение «текучесть». Правда, он употребил эту метафору по отношению к обществу, имея в виду текучесть социальных процессов. Но эта вездесущность действительно характерна для воды — она разрушает «стены», проникает во все «щели» и является своего рода символом, метафорой тех коммуникаций, которые происходят сейчас.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Светлана Николаевна, все мы знаем «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына. С моей точки зрения, это не совсем метафора, а нечто гораздо большее. Как Вы считаете, система лагерей в России и концлагерей в Германии — это культура или антикультура, цивилизация или антицивилизация?

С. Н. ИКОННИКОВА: — Если считать, что культура археологична, ценностна, то все, что связано с пытками, душегубками, холокостом и любым уничтожением, — это антицивилизация. А если придерживаться мнения о том, что культура есть то, что создается, принимается и разделяется, то для Германии и России нацизм и советский режим являются неотъемлемой частью той культуры, в которой выросло человечество. В этом смысле, мне кажется, применим термин текучести. Мы видим, как ушедшая и не применяемая на практике идеология по-прежнему существует в наших суждениях о различных социальных процессах.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Это имманентно присуще человеческому организму или это издержки его эволюции?

С. Н. ИКОННИКОВА: — Да, может быть, издержки. Есть еще в культуре «вирус» разрушения, который проникает во все сферы. Например, современные криминальные

структуры, коррупция, употребление в речи воровского жаргона и многое другое. Этот вирус разрушает современную культуру, но он ее часть.

М. А. МАНУИЛЬСКИЙ: — Я задал вопрос о ГУЛАГе, потому что, как мне кажется, сложившееся представление о том времени не совсем верно. Все-таки советская система была относительно самодостаточной и в любом случае является большой цивилизацией.

С. Н. ИКОННИКОВА: — Конечно, часть той советской цивилизации неотделима от нашей. Но мы привыкли познавать цивилизацию только по вершинам гуманистических достижений. Как вчера говорил Виталий Товиевич Третьяков, русскую культуру узнали лучше в российской цивилизации.

И. О. ФОНЯКОВ: — На фоне тонких философских категорий, которые обсуждаются здесь, может быть, мое мышление покажется чересчур приземленным, но для меня нет вопроса, что такое диалог культур. Когда я слышу слово «диалог», то представляю себе лица конкретных людей или, в иных случаях, текст иноязычного поэта, который я должен понять и перевести, чтобы сделать понятным для своих современников. При этом важно сохранить то, что хотел сказать иноязычный поэт. «Писать стихи, учиться говорить, слов не хватает, я ищу слова, чтобы сказать вам то, что больше слов», — вот для меня определение культуры. Это то, что больше слов, но что при наличии мастерства или таланта может быть выражено в слове.

Для меня диалог культур, взаимопонимание цивилизаций ассоциируются с конкретными точками на земном шаре. Например, это замечательный остров Готланд (Швеция) в нашем любимом Балтийском море, где уже 15 лет функционирует международный Балтийский центр писателей и переводчиков (Baltic Centre for Writers and Translators). Там мы встречаемся и ищем взаимопонимания, что подчас довольно трудно и мучительно, потому что мифы существуют и о нас, и о других народах. Мифы надо развеивать, но какие-то из них и утверждать. Мифы — это не всегда плохо. В нашем центре один раз в два года проводятся так называемые «Балтийские встречи» писателей и переводчиков. Состоялись уже две встречи: в Калининградской области и на острове Готланд, третья вскоре должна пройти в Санкт-Петербурге. Я подчеркиваю, *должна* пройти, поскольку все может быть. Так, в свое время я имел удовольствие на том же острове Готланд огласить приглашение от имени нашего губернатора, обращенное к зарубежным коллегам, но в последний момент чиновники, сославшись на кризис, сочли возможным захлопнуть двери перед носом приглашенных гостей. Однако традиция, к счастью, не прервется. Маленькая Эстония, которой кризис также коснулся, все же изыскала возможность принять гостей, в том числе и российских, в русскоязычном городе Нарва.

Диалогу культур часто мешает бесправие носителей культуры, особенно художественной. Мы, члены творческих союзов, существуем сейчас без права в прямом смысле слова: закон о творческих организациях отсутствует, и мы вообще находимся вне правового поля. В лучшем случае к нам относятся как к обществам любителей певчих птиц или любителей пива. Мы беззащитны перед прихотями, переменами настроений чиновников, которые, казалось бы, должны отвечать за состояние культуры. Так что пока у нас не будет закона о культуре, настоящего диалога не получится. Я не говорю, что его не будет, он в любом случае продолжится: мы все равно будем встречаться, переписываться, переводить труды друг друга и продол-

жать ту работу, которую на нас возложила судьба. Но этот диалог будет очень затруднен, до тех пор пока наше правовое поле не будет приведено в соответствие с необходимостью вести тот самый диалог культур и цивилизаций.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Я хочу поблагодарить Илью Олеговича за интересное выступление. После того как в течение многих лет общаешься с людьми сомневающимися, вечно колеблющимися, приятно встретиться с человеком, которому понятно, что такое диалог, и который не сомневается в его необходимости. Спасибо за эту уверенность. Она стимулирует и других быть более уверенными.

Вы, конечно, знаете таких многих восточных поэтов и владеете традицией перевода. Вы заявили, что все переводы их стихов оказались сегодня неудовлетворительными, сейчас идет большая работа по переводу этих поэтов, и вы стараетесь понять, о чем они пишут. Есть ли осознание того, что Вам не всегда понятны переводимые Вами авторы, или Вы никогда не сомневаетесь?

И. О. ФОНЯКОВ: — Разумеется, я сомневаюсь. Если бы не сомневался, то ничего бы не смог сделать. Что касается того, почему сейчас вдруг оказались неудовлетворительными переводы тех великих поэтов Востока, о которых Вы говорите, то это естественное явление. Каждый настоящий глубокий поэт неисчерпаем. Собственных классиков мы прочитываем в разном возрасте по-новому. Например, Гоголя мы сейчас читаем иначе, чем нас учили в школе. Это совершенно естественно, мне кажется.

— Спасибо Вам за эмоциональное и красивое выступление. Скажите, есть ли у Вас стихи о диалоге и партнерстве цивилизаций? Можете прочитать хотя бы одно? (*вопрос из зала*)

И. О. ФОНЯКОВ: — Я могу лишь повторить трехстишие шведского поэта Ларса Бэкстрема:

Писать стихи — учиться говорить.
Слов не хватает. Я ищу слова,
Чтобы сказать вам то, что больше слов.

Так я его понял, так я его перевел.

— Спасибо. Прекрасно. (*реплика из зала*)

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Напомню один исторический факт. Группа наших ученых, возглавляемая академиком Юдиным, перевела трехтомник Мао Цзедун. И если академик Юдин не знал, как перевести с китайского то или иное высказывание, он писал так, как должен был писать истинный марксист. Поэтому говорили: неизвестно, где в этих переводах кончается Мао Цзедун и начинается Юдин.

И. Л. ЛЕБЕДИНСКИЙ: — Мне хочется сказать о том, что Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов за последние 15 лет сделал огромный рывок. Из захудалого вуза он превратился в один из ведущих университетов России, в том числе и по культуре. И дело, конечно, не в том, что когда вы входите, здесь принимают пальто так, как не принимают ни в одном российском вузе, и не в том, что построены прекрасные новые здания. Многие наши университеты имеют даже лучшие помещения. Дело в Лихачевских научных чтениях — именно они создали университет. Ничего подобного даже близкого к этому не смог сделать ни один вуз России. После развала СССР диалог культур в России, как известно, резко сокра-

тился по всем направлениям, но именно в этот сложный момент Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов сумел сделать большой рывок в будущее.

В этом году исполняется 10 лет Санкт-Петербургскому международному семинару по взаимовлиянию культур славянских народов. Семинар посвящен научному осмыслению культурного развития и диалога культур. Межгосударственные отношения время от времени обостряются, в то время как культура соединяет. Поначалу семинар проходил лишь по линии взаимодействия культур Польши и России, а сейчас усиленно развивается по линии Украины и России. Украинское правительство наградило руководителя семинара орденом Святой княгини Ольги III степени. Это уже международное признание.

Как дальше будут развиваться Международные Лихачевские научные чтения, как будет прогрессировать диалог культур, зависит от всех нас.

— Возможен ли вообще диалог в сегодняшней ситуации? (*вопрос из зала*)

И. Л. ЛЕБЕДИНСКИЙ: — Есть два пути развития. Один из них — дальнейшее совершенствование и повышение достигнутого уровня. В этом году на Чтения приехали представители 28 стран, на будущий год или через год, возможно, приедут делегаты из 35–40 стран. Нам представляется, что в существующих рамках Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов нужно создавать под эгидой Чтений параллельные культуроведческие мероприятия: коллоквиумы и семинары с ограниченной тематикой, подобные тем, что уже организованы и доказали свое право на существование. Я имею в виду уже упоминавшийся международный семинар по взаимодействию культур славянских народов. В Петербурге имеются консульства не только Польши и Украины, которые уже принимают участие в его работе, но и Болгарии, Белоруссии и др. Надо создавать новые ветви диалога, тогда «дерево» будет более могучим.

Работа первой секции включает около 20 докладов, но только два из них по Востоку — по Африке и Дагестану. Очень хорошо, что они есть, но этого крайне мало. Мы не ведем диалог с иными восточными культурами, в частности с культурой Китая, который завтра будет главным экономическим гигантом в мире.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Согласен. Если мы не поймем Восток, то не поймем 11 сентября.

И. Л. ЛЕБЕДИНСКИЙ: — Мы не обращаемся к культурам Индии, Бразилии, Японии и других стран. Это, конечно, надо исправить.

Есть проблемы и дискуссионного плана. Мне представляется, что необходимо создать телеканал «Лихачевские научные чтения». Где его открыть? Рядом, в студии Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения, есть студия. Можно объединить усилия. Имеются специалисты по обработке телематериалов — студенты и преподаватели этого вуза. Мне кажется, что стоит использовать великолепнейший киноконцертный зал Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения. И, разумеется, необходимо взаимодействие с Санкт-Петербургским Гуманитарным университетом профсоюзов.

А. С. БОЛЬШАКОВ: — Господа ученые! Мы должны научиться измерять культуру, понять, как это делать, с помощью каких критериев. Если мы говорим о диалоге культур, то должны понимать, что такое культура, каковы ее параметры, переменные, как они коррелируют. Мы все

это должны знать. Однако на эту тему не пишут диссертаций. Кроме того, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что вчера ни слова не было сказано о духовности. Что такое духовность? Как она влияет на человека, какой потенциал ему дает? Наверное, следовало бы пригласить на Чтения православных священнослужителей — тогда конференция перешла бы на качественно иной уровень.

Мы не поймем культуру, пока не определим, что такое духовность, благодать, промысел. Многие ученые этого не понимают или не хотят понимать. Поэтому я предлагаю ввести и исследовать хотя бы одно новое духовное измерение.

— Я хотел бы сказать о проблеме измерения уровня духовности... Мне кажется, что проблема заключается как раз в том, что на самом деле декларируемая религиозность часто расходится с теми чувствами, которые декларирует. Мы следуем традициям, определенным канонам, когда говорим о православии. Социологические исследования показывают, что лишь небольшое число людей после принятия православного исповедания посещают храм, религиозные собрания и совершают какие-то культовые ритуалы. Многие идентифицируют себя как верующих, даже убежденных верующих, но при этом никак не участвуют именно в ритуальных мероприятиях. Каким образом можно сопоставлять субъективные и объективные показатели? Это научная проблема. На самом деле объективные и субъективные сферы духовности не измеряемы математически, в том числе и религиозность. Можно лишь говорить об этом. (*реплика из зала*)

А. С. БОЛЬШАКОВ: — Я вкладываю в слово «духовность» совершенно иной сакрально-энергетический смысл. Человек способен видеть мир по-другому и духовно подпитываться. Это подтверждает духовная практика.

Ю. В. ЗОБНИН: — Любопытно, какой чиновник Министерства культуры СССР описал бы вам те параметры, причем четко сформулированные, которыми измеряется степень интенсивности культурной жизни в стране. Собственно говоря, этими же параметрами измеряется и культура. Это прежде всего количество изданных за год книг, посещений библиотек, музеев и иных объектов культурной сферы. Эти цифры отражают не только советский формализм, но и заинтересованность нации в развитии собственной национальной культуры. И еще один важный момент. По моему, у нас все перепуталось: культура личности и культура народов, разных этносов.

— Академик Крылов сказал: «Математика подобна мельнице. Какое зерно в нее насыплешь, такую муку и получишь». Если в мельницу математического анализа заложить глупость, то и получишь глупость, как правило, еще большую. У меня есть тому подтверждение. К нам пришел один человек, который нигде не мог получить согласие на апробацию своей педагогическо-математической концепции. Он перемножал показатель совести на творимость, духовность и еще что-то. Он прямо-таки писал формулы педагогики. В конечном счете можно и до этого дойти. (*реплика из зала*)

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Я обращаюсь к первому оратору, который говорил об архитектонике сознания и о способах его выстраивания. Интерес как раз в проблеме выстраивания, в том, как задаются смыслы. В моем представлении национальные смыслы, в том числе и структуры языка, задаются не только лексикой (этот вопрос достаточно подробно рассмотрен), но и синтаксисом. К примеру, в русском языке есть некие основания,

которые можно представить как способ задания некоего смысла. Мы можем различным образом переставлять слова, которые связаны друг с другом за счет определенных формообразующих структур. У нас есть специфика формообразования, словообразования и связи, согласования слов. Мне кажется, синтаксические структуры влияют на то, как мы смотрим на реальность. В своей диссертации я выстраиваю нашу онтологию: как мы видим картину мира, способ познания мира, социальную реальность и представление о человеке, исходя из синтаксических особенностей нашего языка.

В лингвистике есть два типа формообразования — аналитический и синтетический. Например, если форма задается за счет присоединения внешнего артикля, это аналитическое формообразование. В русском языке структура слова остается, но меняются приставки, суффиксы. Это синтетический способ словообразования. С одной стороны, за счет этой гибкости получается некое общее слово. С другой — в большой гибкости есть определенная тонкость. С моей точки зрения, в этом и заключается наша особенность, некий внутренний стержень.

Это имеет прямое отношение к диалогу культур и цивилизаций. Предположим, встречаются представители русского и англоязычного мира. В английском языке как раз аналитический способ словообразования. Для них оно связано с формальными процедурами, а у нас это скорее некий алгоритм действий. Если рассматривать диалог и его участников, то для нас это подстраивание под мир, под ситуацию, притом что внутренняя основа неизменна.

Я считаю, что нельзя мыслить в рамках категорий «плохо–хорошо». В какой-то ситуации русские проявляют гибкость, которая не только способствует диалогу культур, но и создает определенную сложность. К примеру, встречаются два бизнесмена, француз и русский. Француз, исходя из жесткой структуры предложения, приносит по процедуре собранные материалы о том, что представляет собой фирма, в которой он работает. А русскому с его подстраиванием под ситуацию неважно знать эту фирму. Для него главное — посмотреть на человека, который ее представляет, и понять, насколько этот человек соответствует его внутренним представлениям. Не фирма с бумагами важна, а личность. Так же и наше словообразование подстраивается не под структуру предложения, а под его смысл, как мы прилаживаемся друг к другу. Для русского главное — понять, кто перед ним. И он приглашает партнера в баню или куда-нибудь выпить, чтобы понять, что у того внутри и как под него подстроиться. И как только он это поймет, ему все станет ясно, а формально собранная информация, в том числе и документы, не дают ему ответа. У француза все наоборот — ведь у него формальный подход.

— На Ваш взгляд, каждая культура имеет такие формы взаимодействия, диалога? Скажем, в одной из восточной цивилизаций основой этики является так называемый «обмен позициями». Каждый человек, вступая в общение с другим, мысленно обменивается с ним позициями, то есть ставит себя на место другого, интуитивно чувствуя, какова его позиция. Другой делает то же самое. Происходит диалог как обмен позициями. Французы, пообщавшись с представителями этой цивилизации, сочли их скользкими, двоедушными людьми, потому что каждому новому собеседнику они говорили по-разному об одних и тех же вещах, на ходу подстраиваясь под этого человека и становясь на его позицию. *(реплика из зала)*

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Мне кажется, в Вашем вопросе уже содержится ответ на него. Конечно, я говорю о русском языке, утверждая, что у нас есть способ под-

страивания, при котором внутренняя суть остается прежней, а подстраивается периферия. Например, кому-то я улыбнусь и буду просто милой дамой, для кого-то я буду представителем науки, доцентом, потому что надену очки и т. д. Я подстраиваюсь под ситуацию, но внутри остаюсь той же. В Вашем же примере другой тип подстраивания, когда «я» изменяется. А, скажем, в Соединенных Штатах «я» неизменно, американец не меняется ни периферийно, ни сущностно. Вступая в диалог, надо это понимать. Анализ языка — один из способов познания другого, ибо язык отражает присущий нам метод общения с миром. Если мы его понимаем, нам проще вести диалог. И я не стану обвинять собеседника в лживости, понимая, что это просто его форма диалога.

— Приходилось ли Вам наблюдать русских бизнесменов во время их переговоров с западными коллегами? У меня такой опыт был, и, честно говоря, он расходится с тем, что Вы сказали относительно русского человека, которому якобы наплевать на то, какие бумажки ему принесли. Я как раз видел обратное. *(реплика из зала)*

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — У нас появляются новые тенденции, увеличивается количество людей, которые владеют иностранными языками. Это влияет на нас. С моей точки зрения, влияние иностранного языка, фактор двуязычности изменяет нашу структуру. Когда я изучала сферу бизнеса, то разговаривала с людьми, которые долгое время работали за границей. У них совершенно другой стиль мышления. И поэтому они предъявляют к нам, русским, претензии, какие предъявил бы иностранец: безалаберность, панибратство и т. п. Конечно, человек меняется. Но в рамках языка все равно есть некая субъективность. С одной стороны, я — носитель всеобщей культуры русского языка, а с другой — у меня есть собственное выстраивание, я вступаю со своим языком в диалог. Конечно, я не проводила специальных социологических исследований и не знаю, каков процент подобных явлений. Но, изучив данную проблему, я вижу, какова реальная тенденция в ведении бизнеса в России и на Западе. Все в диалоге.

— Спасибо. Я как раз в этом диалоге встал на сторону докладчика. Разумеется, каждый знает, что если требуется перевести статью на английский, то бесполезно отдавать ее переводчику, а надо просто заново написать на английском языке. Потому что если я изъясняюсь на английском, то я говорю иначе, и моя статья будет написана по-другому. Она будет о том же самом, та же по сути, но при этом совершенно другая. Я согласен, что язык задает все. Надо не примитивно понимать, что язык влияет на произвольное мышление или на что-то еще. Принимая язык, мы принимаем ситуацию. *(реплика из зала)*

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Картину мира.

— Можно ли, изучая язык, понять тип поведения его носителя? Ведь язык — это тоже целостность. Мне как раз понравилось, что Вы такую нить протянули. Но вопрос остается: что является мостиком, который позволяет осуществить переход от языковых особенностей к культурным, или это просто метафора? Вы говорили о синтаксисе. Есть ли параллель между концептами русского языка, чем занимаются Людмила Вербицкая и другие, и теми синтаксическими особенностями, о которых Вы говорили? *(вопрос из зала)*

А. А. МЕЛЬНИКОВА: — Здесь играют роль не только языковые концепты, например синтаксис, но и некие

культурные проявления. К примеру, тема человека, антропологическое представление о русской культуре. С этой позиции задается свободный порядок слов в предложении, которое не имеет жесткой структуры. Один из разработанных концептов — русская широта. Задается некое расширение, в рамках которого ты свободен. Такая широта проявляется в разных способах существования. То же самое можно сказать и о свободе эмоциональных проявлений (о чем пишет Вербицкая), которая в большей степени свойственна русской культуре, чем английской, связанной жесткой структурой предложения, что вводит некие рамки. Так что, безусловно, концепты связаны со структурой. Мне кажется, что структура задает некую направленность, которая уже уточняет концепты. Мало того, возникает вопрос о том, что русская культура непостоянна. Например, есть культура русского Средневековья, и есть смысл рассматривать концептуальные положения, которые были характерны для того времени, потому что синтаксис более или менее постоянный. То есть синтаксис — это направленность. А как данная культура развивалась, мы сможем понять, анализируя концепты.

Ю. В. ЗОБНИН: — Мы говорили о «диалоге культур», но ведь существует еще и диалог личностей. Илья Олегович поставил вопрос: «Что такое диалог?» Это когда два субъекта коммуникации каким-то образом вступают в контакт. Я представил сцену, как ваш покорный слуга и его английский коллега Майкл Баскер ведут диалог — но мы можем это сделать только как личности. Я задал себе вопрос: «Вступая в диалог с Майклом, ощущаю ли я себя еще и представителем русской культуры, которая вступает в диалог с представителем английской культуры?» И вынужден был ответить: «Нет». Майкл интересен мне не как носитель английской культуры, а как личность. Боюсь, что я для него тоже не интересен как носитель русской культуры. А вот если бы я вступил в диалог с представителем народа Сомали (об этой стране упоминала сегодня уважаемая Аида Николаевна Мосейко), думаю, он был бы мне очень интересен и как личность, и как представитель своей национальной культуры. Не знаю, насколько я был бы интересен ему в аналогичном качестве. Это значит, что русская культура сейчас переживает состояние глубокого упадка, — по той простой причине, что она неконгениальна сомалийской культуре, которая гораздо более активна.

При диалоге культур я должен остро ощущать себя представителем некоей корпорации (в данном случае русского народа), который имеет в качестве партнера по диалогу представителя другой корпорации. Но я не уверен, что для нас данная культурная корпоративность сейчас актуальна. В этом смысле говорить о диалоге культур мы можем только тогда, когда встречаем другое.

Главная идея моего доклада заключается в том, что существовало три волны русской эмиграции: первая — белая эмиграция, вторая — так называемые перемещенные лица, третья — американская диаспора (это не только диссиденты). Первая волна эмиграции создала яркое явление — литературу с двумя поколениями писателей, а также философию и искусство. Вторая волна практически ничего не создала. А третья почти на сто процентов состояла из деятелей искусства, диссидентов, приехавших из Советского Союза, сформировавшихся именно в том контексте. То есть потребность создания собственного искусства была только у первой волны эмиграции. Именно первые эмигранты воспринимали себя как некую корпорацию «Русские люди за рубежом». И это хорошо накладывалось на концепцию этногенеза Льва Николаевича Гумилева: оформление общности от консорции через конвекцию в субэтнос и этнос. Причем, заметьте, Лев Гумилев говорил, что может быть удачный и неудачный этногенез, но

только в высших проявлениях этногенеза возможно создание форм индивидуального искусства. По сути дела, искусство — это одна из главных форм диалога культур. Об этом я и хотел сказать.

— Юрий Владимирович, меня несколько смутила Ваша фраза о том, что некий англичанин неинтересен Вам как носитель английской культуры. Я хотел бы продолжить эту мысль и задать вопрос. Например, общаются главы государств — России и Германии. Кроме политических проблем они обсуждают серьезные вопросы в рамках диалога культур, отстаивая интересы своих стран. Да и рядовые граждане (русские, татары, немцы, баварцы) не просто общаются, у них тоже есть какие-то свои интересы. Они не подходят друг к другу и не говорят, что ты мне интересен как баварец. Чаще они говорят что-то вроде: «Я хочу у тебя купить то-то и то-то» или «Покажи мне мюнхенскую пивную» и т. п. То есть бывает общение ради общения, и в основном диалог культур строится не по интересам. (*реплика из зала*)

Ю. В. ЗОБНИН: — Глобализация, по сути дела, — это разрушение национальных культур и создание некоей единой универсальной культуры. Я так ее понимаю. Ни о каком диалоге здесь и речи нет. Это трансформация.

— То есть Вы стоите на позиции В. М. Межуева, который считает, что вместо глобализации — глокализация? (*вопрос из зала*)

Ю. В. ЗОБНИН: — Скажем так, глобализация — это в какой-то мере культурная деградация, как ни дико это звучит. Аналоги этому уже были, например в Римской империи.

А. Н. МОСЕЙКО: — А другие процессы культуры?.. Глобализация, с одной стороны, а с другой — сильнейшая реакция отрицания, и, кстати, в первую очередь молодежь. Кто вчера аплодировал, когда В. Т. Третьяков говорил о разрушении русского языка и русской культуры при помощи массовой культуры? Не мы, профессора, а студенты, девочки и мальчики. А Вы знаете, какие песни поют сегодня школьники? Здесь присутствует Ольга Шемякина, жена известного ученого. Она рассказывает, что ее сын и его друзья, ученики пятого класса, поют советские и русские народные песни. Причем их выбор принципиален.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Я не так давно стал работать в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов на кафедре управления. Многие аспекты этой тематики мне близки по ряду причин. Довольно долго я занимаюсь проблемой развития национальных экономик в условиях глобализации. В 2004 году после защиты докторской диссертации в Германии вышла моя книга на немецком языке о позициях и перспективах российской экономики в условиях глобализации. Совсем недавно издательство нашего Университета выпустило мою книгу «Национальная экономика в эпоху глобализации», где также рассматривается ряд вопросов, имеющих отношение к тематике нашей конференции.

Когда мы говорим о культурах и их взаимодействии, возникает вопрос, в чем истоки данной проблематики. Почему разным культурам зачастую так трудно вести диалог, который просто необходим в нынешних условиях?

С моей точки зрения, различие культур исторически закладывается тем многообразием условий для жизни и хозяйственной деятельности, которые существуют в разных точках земного шара. Если посмотреть на животный

и растительный мир, то очевидно, что там царит почти абсолютная территориальная привязанность. Каждая особь живет на строго ограниченной территории земного шара и не выходит за ее рамки. Человек же создает вторую природу, но это очень длительный процесс. Когда-то социальные общности развивались на ограниченных, удаленных друг от друга территориях. Это обусловило культурные особенности, различия идентичностей. Вести диалог в условиях этих различий действительно трудно.

Мы говорим сегодня о диалоге культур в условиях глобализации. Почему раньше — скажем, до 1970–1980-х годов — у нас не было глобальных форм ведения хозяйственной деятельности, а сегодня мы пришли к глобализации? Человек развивается технологически, экономически и в результате получает все больше возможностей преодоления территориальной привязанности. Так, появляются информационно-коммуникационные технологии, которые делают контакты мгновенно возможными, стоит лишь зайти на нужный интернет-сайт в любой точке земного шара. Если говорить об экономике, то сегодня появляется универсальный потребитель. Например, то, что «мерседес» лучше «запорожца», понятно любому человеку независимо от его культурной принадлежности. Появляется все больше моментов, в которых мы одинаковы.

Я думаю, что есть и культурные факторы глобализации. В результате всех накопленных предпосылок очень интенсивным стало культурное общение. Предыдущий докладчик рассказал об общении со английским коллегой. Вообще люди, принадлежащие к разным культурам, контактируют все более интенсивно.

Здесь возникает удивительный момент. Я часто общаюсь с немцами и однажды услышал следующее. Они вдруг обнаружили, что китайцы во многом похожи на них — именно поэтому в Китай приходит много иностранных инвестиций. Да, западная цивилизация имеет развитую демократическую систему. Китай же отличается стабильностью, умением выполнять договорные обязательства. В этом китайская культура близка к европейской и американской. По общему объему прямых иностранных инвестиций Китай сегодня сопоставим с США, и все ожидают, что вскоре он будет лидировать в данной сфере.

Что касается глобализации на американский манер, то, как мне кажется, мы зачастую впадаем в некую крайность. Нельзя сказать, что глобализация автоматически означает исчезновение всех национальных культур и появление чего-то среднего. Кроме того, нельзя, наверное, ставить знак равенства между глобализацией и американизацией. Приведу в пример европейскую интеграцию. Разве это не глобализация? Безусловно, да. Но на американском континенте нет ничего похожего на подобные процессы. То есть в США интеграционные связи не такие, как в Европе, не говоря уже об Индии и Китае, которые являются важными игроками на мировой политической арене. С моей точки зрения, дело, наверное, не в том, что у нас осуществляется глобализация на американский манер, а в том, что экономическая основа глобализации очень близка к законам рыночной системы. В США более рыночная хозяйственная система, чем в Европе, поэтому и создается впечатление, что происходит именно «американизация».

И последнее. Во время недавнего трехмесячного пребывания в Германии я впервые столкнулся с выражением «другая глобализация». В мире все чаще употребляют этот термин, который предполагает, что до сих пор процесс глобализации был односторонним. Мы не учитывали интересы беднейших стран, многие социальные и культурные аспекты. Мы действовали однобоко. Учтя эти ошибки, теперь мир глобализуется по-другому.

Вообще, когда мы говорим о глобализации, то не имеем в виду что-то конкретное. Глобализация — это станов-

ление мирового хозяйствования. Предполагается, что теперь нам всем надо действовать как-то по-другому. Например, развитые страны как самые активные игроки на этом глобальном поле должны осознать, что необходимо изменить модель.

Я думаю, что и в контексте диалога культур проблема другой глобализации также имеет значение. Если в экономике не очень трудно найти какие-то общие моменты и параметры измерения, то в плане культуры глобализоваться сложнее. Существуют две тенденции. С одной стороны, культурное общение отличается многообразием, все активнее идет поиск разных точек соприкосновения. С другой — культурные устои очень прочны, их трудно размыть; историческая основа так глубока, что своеобразие культур преодолеть непросто. Взаимодействие двух данных тенденций, очевидно, и будет определять направление культурного диалога в условиях глобализации.

— Вы различаете понятия «диалог культур» и «конвергенция культур»?.. Вы нарисовали модель разделенных стран и затрудненных контактов, но, на мой взгляд, диалог культур только в такой ситуации и возможен, а вовсе не затруднен. Если же речь идет о столкновении с помощью современных технологий двух ярко выраженных культур, то это уже не диалог, а что-то вроде «встречи» двух айсбергов с образованием третьего. (*реплика из зала*)

Г. Ф. ФЕЙГИН: — На самом деле между диалогом культур и конвергенцией культур, с моей точки зрения, провести четкую разделительную линию затруднительно. Допустим, есть две культуры, которые четко осознают собственную идентичность, и они общаются. Другая ситуация, когда идет взаимопроникновение, что невозможно без диалога. По моему мнению, если диалог ведется, то он многообразен и интенсивен, хотим мы того или нет. Конвергенция — тоже элемент диалога, но, конечно, она происходит по-разному. Приведу пример — страны Шенгенского соглашения. По сути дела, между ними нет государственных границ. Португалец может переселиться в Италию, итальянец в Чехию и т. д. Казалось бы, все европейцы могут разъехаться кто куда — но этого не происходит! Культурная общность все-таки удерживает большинство людей, родившихся и выросших в одной стране, именно на ее территории, несмотря на то, что формально границ не существует. Культура удерживает людей вместе на родной земле. Конвергенция культур происходит медленнее, чем их диалог, но ограничить ее, мне кажется, тоже трудно.

— Спасибо за интересный доклад. Как Вы считаете, не происходит ли в Ваших рассуждениях о глобализации то же, что и в самой глобализации, то есть не подменяете ли Вы универсальный, общечеловеческий глобальный опыт опытом Европы, с которым Вы, очевидно, хорошо знакомы? Аргумент, что китайцы похожи на немцев, поскольку пунктуально выполняют контракты, наверное, ничего, кроме улыбки, вызвать не может.

Это такое серьезное отношение к другой культуре, понимание глубоких различий культур или, наоборот, архипositивистическое убеждение, что все мы будем похожи на самую хорошую из культур, причем неизвестно, какая из них самая хорошая? Нет ли у Вас ощущения, что так не бывает, чтобы культура осознавала себя как другую? Но как это, извините, бывает? Весь опыт Советского Союза об этом говорит. В мусульманских республиках, которые были окраинами СССР, представители мусульманских культур всегда воспринимали себя именно как «других». Когда я приезжал туда с арабами, местные партийные функционеры всегда находили с ними общий язык, не зная

ни слова по-арабски, — с помощью одного слова «муслим». Они говорили: «Я муслим. Коммунист. Председатель райкома. Ты муслим» и т. п. Так они сразу устанавливали культурную идентичность. Они себя осознавали представителями культуры, которая противопоставлена культуре русских, европейцев и иных народов. Это самый простой пример.

Относительно Вашего примера о сравнении «запорожца» и «мерседеса» в пользу последнего могу сказать только одно. Для того чтобы был глобальный потребитель, требуется, чтобы были глобальные одинаковые условия. Боюсь, что Вы давно не бывали в русских деревнях. Например, в той деревне в Тверской области, где я живу, никто не ездит на иномарках, хотя могли бы. Люди предпочитают отечественные автомобили в силу известных особенностей наших дорог и всего прочего. (*реплика из зала*)

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Благодарю Вас за высказанные комментарии и вопросы. Я далек от мысли (и уже говорил об этом), что сегодня глобализация полностью стирает культурные различия. Более того, я подчеркивал, что как раз культурная глобализация гораздо труднее, чем экономическая, потому что именно культурные особенности имеют глубокие исторические корни. Поэтому установленные контакты принимает самые различные формы, в том числе и те, о которых Вы говорите.

Когда мы говорим, что глобализация — это распространение американской, европейской или еще какой-то модели на все человечество, то в этом есть определенная доля истины. Однако я считаю, что глобализация — это становление (по крайней мере в экономике) глобального мирового хозяйства. Она не обусловлена желанием какой-либо одной страны, одного народа. Это то, к чему человечество шло на протяжении всей истории. Кстати, в моей книге приводится краткий исторический обзор движения мирового хозяйства к состоянию глобальности. Я анализировал, в какой степени в каждую эпоху мировое хозяйство было более или менее глобальным или неглобальным. Конечно, сегодня есть разные подходы к данной проблеме, в том числе национальные, цивилизационные, но, по моему мнению, глобализация — это продукт развития всего человечества.

А. Ф. ИЗМАЙЛОВ: — Тема моего сообщения — межкультурная коммуникация и осмысление культурного пространства города в текстах Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Отечественная текстология пытается ответить на вопрос, каким образом городские сообщества на протяжении веков сумели объединиться, взаимодействовать, функционировать, строить информационные и культурные отношения. Город можно рассматривать как открытую систему информационных отношений в природной и урбанизированной среде. По мнению Дмитрия Сергеевича Лихачева, информационное пространство не имеет административно-географических границ. Оно принадлежит всем: государственному и негосударственным структурам, физическим и юридическим лицам, природным силам и человеку — как объединенному сообществу, так и отдельной личности.

Возникновение и развитие информационного пространства в эпохи античности и Средневековья является исторической закономерностью. В 1982 году Дмитрий Сергеевич отмечал, что наши города-памятники, такие как Новгород, Суздаль, Ростов Великий, сопоставимы с западными городами, такими как Верона и другие культурные центры. В статье «Заметки о русском» Дмитрий Сергеевич Лихачев приводит пример многовекового

действия византийского закона о виде, открывающемся от здания. Этот античный градостроительный закон отразился и в русском архитектурном законодательстве. В нем есть четыре статьи, и первая — относительно вида на местность, который открывается из дома.

Дмитрий Сергеевич Лихачев оставил нам изображение будущего Петербурга, он хотел видеть город «горизонтальным», ансамблевым, сохраняющим гамму историко-культурных ассоциаций.

Продолжая развивать лихачевские идеи экологии и культуры, можно сделать следующие выводы.

1. Внимательно глядя на современное информационное пространство городов, можно увидеть, что, несмотря на интенсивное развитие информационных технологий, таких как телевидение и Интернет, в жизни общества продолжает сохраняться разнообразие информационных потоков. В народной среде — на уровне слухов и обыденного общения, в официальных кругах — посредством печатных электронных текстов, в культурном сообществе — на основе устной, печатной, электронной коммуникации. То есть по-прежнему коммуникация в городской среде продолжает нести знания в различные слои общества. И этот информационный поток, можно сказать, закономерен.

2. Поиск модели механизма социального взаимодействия в городской среде приводит к мнению, что информационное пространство человека формируется в результате деятельности его памяти. Информационное пространство семьи — это результат семейной памяти, города — суммарной памяти горожан. Информационное пространство семьи развивает информационное пространство человека и т. д. Значит, наука, которая занимается охраной, восстановлением и развитием нравственного информационного пространства в городской среде, можно назвать информационной экологией. Информационная экология призвана изучать нравственное значение влияния на человека всех информационных взаимосвязей в городской среде.

3. Закон информационного пространства города должен обеспечивать диалог и устойчивое развитие как минимум четырех информационных пространств: личности, семьи, трудового коллектива и территориальной единицы.

М. С. МОТЫШИНА: — До сих пор здесь речь шла о существенных явлениях, связанных с диалогом культур. Я хочу перевести это в плоскость прагматики и посмотреть на диалог культур с точки зрения различных сообществ — не этносов, не личностей, а сообществ. Можно ли говорить о диалоге культур в рамках социума, в том числе и в России? Есть культура общества, и есть культура правящей элиты. Насколько они совпадают? Это очень важно, потому что траекторию развития, динамику российской цивилизации во многом определяет то, как эта траектория формируется правящей верхушкой. И что бы мы ни говорили, во многом эта траектория для нас установлена институционально — теми решениями, которые принимаются правящей элитой. Не считается с этим нельзя. Но важный вопрос — насколько возможен договор между обществом и властью, совмещение интересов общества и того, что происходит во властных кругах?

Меня на эту мысль навела работа Олега Тимофеевича Богомолова и его группы. Результаты реализации их проекта изложены в книге «Экономика и общественная среда. Неосознанное взаимовлияние». Взаимодействие экономических аспектов и культуры очень важны, и точки над «i» здесь, безусловно, не расставлены. Что тут является базисом, что надстройкой? Возможно, для культурологов данный вопрос не имеет смысла, но для экономистов, которых учат, что есть факторы производства, являющиеся

базисом, а на них формируется надстройка, в том числе и в виде культуры, это очень существенно. И для старшего поколения экономистов, которые зубрили политическую экономию К. Маркса, и для современных специалистов, изучающих экономическую теорию, которая восходит к Адаму Смиту, те же самые факторы производства являются доминирующими, формирующими базис. В этом смысле ни концепция воспроизводства Маркса, ни либеральная, ни неолиберальная модель экономики ничем не различаются — базис формирует надстройку, экономика определяет культуру.

Все это не было бы столь печально, если бы не стало основой наших политических документов, в том числе и стратегии развития. После выступления у нас в Университете московской группы, рассказавшей о своей работе, я ознакомилась с концепцией социально-экономического развития России до 2020 года, утвержденной правительством. Документ представлен на сайте Министерства экономического развития и сопровождается большим количеством иллюстративных материалов. В этом документе, который определяет траекторию развития нашей страны на ближайшие 20 лет, основные направления социально-экономического развития очень похожи на те, которые публиковались в центральной прессе для общественного обсуждения. Все этапы и шаги нашего движения описаны в экономической терминологии. Фигурируют исключительно экономические показатели. Несмотря на то что этот документ называется концепцией социально-экономического развития, я увидела в нем план только экономического развития, а не социального. Культура там по-прежнему рассматривается в узком смысле — как отрасль. В данном случае интерес социума, и в частности его научного сообщества, в корне отличается от интересов одной социальной группы — той, которая руководит развитием нашей страны.

Как декларируются в концепции цели государственной политики в области культуры? Каковы обеспечение максимальной доступности для граждан России культурных благ, образования в сфере культуры и искусства, создание условий для повышения качества и разнообразия услуг, сохранение и популяризация культурного наследия, использование культурного потенциала, совершенствование организационных и правовых механизмов развития культуры? Традиционные, четкие, часто повторяемые формулировки. Но каковы результаты? Реализация данных приоритетных направлений государственной политики в сфере культуры к 2020 году «позволит оптимизировать и модернизировать сеть государственных и муниципальных учреждений, создать условия, обеспечивающие равный и свободный доступ населения ко всему спектру культурных благ, раскрыть творческий потенциал каждого россиянина». Далее примерно в том же духе. В одном ряду стоят задачи: оптимизировать сеть муниципальных учреждений и раскрыть творческий потенциал. Нонсенс. А ведь это официальный документ, утвержденный правительством...

На мой взгляд, все предшествующее вело к тому, что принципиальной особенностью государственной политики в сфере культуры у нас становится децентрализация управления отраслью. Речь идет о финансах — о том, чтобы сократить бюджетные ассигнования на культуру и перейти к внебюджетному финансированию. Вот в чем беда.

Как сделать так, чтобы действительно работали механизмы культурного взаимодействия, чтобы наша цивилизация развивалась? Сама культура и общество во многом, мне кажется, недорабатывают в плане формирования необходимых механизмов. Например, в сфере образования: мы, по сути, воспроизводим все тех же экономистов, ко-

торые потом идут работать в бизнес-структуры. Они формируются как специалисты на базе все тех же стандартов образования, то есть прежней экономической теории. Никаких проблемных, междисциплинарных образовательных программ, которые позволяли бы по-другому увидеть ядро развития современного общества, практически нет, хотя это должно быть свойственно университетам. Ведь наряду с формационными существуют и цивилизационные концепции, но эти знания заложены лишь в кандидатский минимум, и то далеко не во всех университетах. Студенты о них даже не подозревают, как и о многом другом, хотя по этому поводу написаны замечательные книги. Мы проходим мимо этого, и наши усилия, наверное, недостаточны.

По-моему, надо выработать больше рекомендаций по итогам, например, наших Чтений, чтобы они становились достоянием гласности. У нас на конференции присутствует представитель президента. Может быть, следует приглашать не только представителей академического сообщества, но и тех, кто принимает решения в стране, чтобы они могли, так сказать, взглянуть на себя со стороны.

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Во время выступления Егора Гайдара ему задали вопрос: «Какие главные ориентиры в Вашей политике?» Он ответил: «Макроэкономические показатели». Тогда его спросили «А как же человек?» — «А это, — говорит, — нас пока не интересовало».

М. С. МОТЫШИНА: — Егор Тимурович — приверженец леволиберальной модели. Кстати, он очень уважает Карла Маркса; как я уже упоминала, в его учении основа та же, что и в современном, — экономический базис. Это опасная тенденция, что человек вновь фигурирует в экономической литературе в качестве «человеческого капитала», фактора производства. Капитал — это то, что приносит дополнительный доход, добавочную прибыль. Этот подход необходимо изменить, но не посредством противодействующих усилий, а с помощью понятных и убедительных аргументов. Надо противопоставить этому подходу не менее действенные концепции, чем те, которыми оперирует тот же Егор Гайдар.

— Марина Станиславовна, как я понял из Вашего доклада, Вы не согласны с тем, что экономика (базис) определяет культуру (надстройку). Вы считаете, что проблема скрыта в наших учебных программах, где нет достаточного информационного опровержения данного подхода? (*вопрос из зала*)

М. С. МОТЫШИНА: — В том числе и это. Например, сегодня нигде не представлена концепция академика Российской академии естественных наук Ю. В. Яковца.

— То есть надо модернизировать экономическое образование таким образом, чтобы другие концепции, в частности Ю. В. Яковца, стали известны студентам? (*вопрос из зала*)

М. С. МОТЫШИНА: — Да. Университетское образование должно быть совокупным, а не следовать тем стандартам, которые составляются чиновниками.

— Дело в том, что концепция человеческого капитала, человеческих ресурсов давно в прошлом. Сегодня специалист оперирует концепцией человеческого потенциала и человеческого развития. Я не говорю, что все это применяется в политике, но во всяком случае мы под этим документом подписывались. Так, у нас ежегодно издается доклад «Развитие человеческого потенциала в России».

Человеческий капитал — это официальный термин. (*реплика из зала*)

М. С. МОТЫШИНА: — Но пока все это публикуется для ознакомления и активно муссируется в обществе.

Н. Л. РУМЯНЦЕВА: — Я впервые на Чтениях и ощущаю себя здесь как в некоем ковчеге, который, может быть, спасет Россию в эти годы экономического лихолетья. Мне хочется вступить в дискуссию с авторами отдельных прозвучавших здесь докладов и ответить на некоторые поднятые ими вопросы.

Начну с того, что я кандидат технических наук, и тем не менее я также взялась за проблему культуры, ее места и роли в жизни общества. Я готова участвовать в дискуссии о том, что такое диалог культур и возможен ли он, но со своим инструментарием и с позиций своего специфического видения проблемы. Это системный подход, разработанный в основном технарями, — гуманитарный, философский и идеалистический, в котором рассматривается процесс в развитии, от зарождения.

Главная моя установка — как найти единое основание, на котором можно выстраивать диалог культур? Без такого основания не будет успеха и понимания, и тогда говорить о диалоге, культур или людей, мне кажется, невозможно. Поиск этого единого основания и есть цель моего исследования.

Отсюда первый вопрос: «Есть ли ценность культуры как содержащей в себе представление о ценности?» И второй: «Есть ли ценность, общая для всех людей, которая объединяет все культуры и все общности?»

Поиск ответа на эти вопросы заставляет меня рассмотреть, как зарождалась жизнь и как формировались представления о ценности. Здесь я придерживаюсь витального методологического подхода, который в естествознании противопоставлен механистическому. Витальный подход говорит о том, что жизнь имеет некоторые свойства, в частности, ее особенность в том, что у всего живого есть стремление к выживанию в неблагоприятных условиях. Распространяя данный подход на все более сложные живые формы, мы понимаем, что человек тоже имел это свойство. Человеческие сообщества, образовавшиеся в процессе биологической эволюции, обладали способностью к выживанию, которая была обеспечена инстинктивной природой человека. У него есть не только инстинкт самосохранения, но и инстинкт сохранения коллектива. Об этом же говорят и экологи. Популяция животных не могла бы выжить, не обладая инстинктом коллективности. Человек, по крайней мере на этапе биологической эволюции, также этот инстинкт сохранял, он был необходим для выживания.

В результате социальной эволюции инстинкт коллективности как средства выживания перестал быть актуальным и постепенно сменился традициями, сознательной трудовой деятельностью. Сознательная деятельность сформировала новые средства выживания, такие как традиции, мифы, со временем переросшие в культуру. Таким образом, культура, по моему мнению, формируется как средство достижения главной цели; способность к выживанию на биологическом этапе перерастает в цель осознанной деятельности в процессе социальной и культурной эволюции.

Данные категории системного анализа целей и средств, связанные вместе, говорят о том, что культура как средство выживания сформировалась на этапе социальной революции. Это позволяет говорить о том, что есть нечто общее, объединяющее все человечество и разные культуры: жизнь и способность и средства ее сохранить. На этом основании уже можно строить диалог культур.

Конечно, в диалоге культур могут быть и непонимание, и конфликты (достаточно вспомнить 11 сентября). Они возникают, когда общего основания нет. Именно с поиска такового и надо начинать, а не с того момента, когда возникает конфликт.

В тот момент, когда целью сообщества в западной цивилизации стало не выживание, а экономическое процветание, культура начала деградировать. Эта, казалось бы, более высокая цель должна была привести к лучшей жизни, но на самом деле с XX века стала отрицать исходную цель — выживание. Мы имеем объективные статистические данные, демонстрирующие, что это самое передовое общество не выживает — по причине того, что изменило исходную цель. Процветание, как оказалось, не способствует выживанию, а напротив, приводит к вымиранию. Утрата культуры как средства выживания — глубинная причина деградации.

Я хотела бы ответить коллеге, который сетовал, что здесь не упоминают о духовности. Духовность я понимаю не теистически. У меня есть четыре критерия, по которым я определяю человека, достигшего духовного уровня развития. Поясню: всего этих уровней шесть, духовным же человеком можно считать того, кто пятого уровня по четырем критериям. Первый критерий: мышление, развитое до уровня рефлексивного. Второй — развитая этическая система, которая проходит путь от категорий «добро–зло» как основы до категорий «истина–ложь», в которую также входит категория истинного добра. Третий — понятие воли, которую я не разделяю со свободой. Для меня это воля, достигающая свободы на духовном уровне развития. Это осознанная свобода воли, в отличие от неосознанной свободы и несвободы внутренней и внешней. Наконец, четвертый критерий — открытие новой природы. Это прорастание задатков, инстинктов коллективности, то есть приход к новой природе. Инстинкты — это природная основа человека, и она мной не отрицается.

— Вы рассматриваете культуру как целенаправленный процесс, характеризуя его через взаимодействие двух параметров — цели и средств. А между тем есть и третий — результаты... (*реплика из зала*)

Н. Л. РУМЯНЦЕВА: — Говоря о категориях системного анализа, я выделила только две из них — цель и средства. Всего есть по крайней мере пять категорий, в том числе и процесс, и результат, и субъект.

— Следуя известной формуле — цель, средства, результат, — можно обнаружить, что результат не соответствует цели, поскольку между ними стоят еще и средства. И, кроме того, кто ставит цель? (*вопрос из зала*)

Н. Л. РУМЯНЦЕВА: — Цель рождается так же, как в филогенезе и онтогенезе. Они очень близки, у них много общего, но в то же время разные и параметры, и субъекты, и средства реализации, и результаты. Если человек ставит цель, то он является субъектом. У человеческого общества субъектом является представительство его через власть. Обязанность власти — реализовать выживание в культурной революции.

— Вся эволюция управляется властью, не природой? (*вопрос из зала*)

Н. Л. РУМЯНЦЕВА: — Да. С тех пор, когда на определенном цивилизационном этапе образовалось государство. Да и раньше у племен были вожди, которые отвечали за их сохранность...

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — Нина Леонидовна, может быть, мы перейдем от высокой абстракции к конкретности? Меня как социолога интересует, есть техническая культура или нет?

Н. Л. РУМЯНЦЕВА: — Я противник деления культуры на правовую, социологическую, техническую и т. д. Я преподаю курс «Концепции современного естествознания». Начинается он с тезиса «две культуры — научная и гуманитарная» и заканчивается тезисом «путь к единой культуре». Мы со студентами ищем и находим такое понятие культуры, в котором главное — ценность. А когда мы говорим о естественно-научной, гуманитарной или правовой культуре, понятие ценности исчезает. Меняя, трансформируя понятие культуры, мы ее теряем. Я даю своим студентам разные определения культуры, в том числе и с позиций так называемого инструменталистского, американского подхода. Для меня культура — средство активизации человеческой деятельности.

С. М. ЛАРЬКОВ: — В отличие от предыдущего оратора, я считаю, что в мире существуют разные культуры. Есть математическая культура, языковая, политическая, юридическая, философская и т. д. И все они объединены единым понятием национальной культуры, например русской. О единстве культуры говорил и Дмитрий Сергеевич Лихачев. Доказательством тезиса о разности культур может служить и произошедший сегодня инцидент, когда Александр Сергеевич Большаков допустил выражение, негативно воспринятое другими участниками конференции. С точки зрения математического сообщества его слова воспринимались бы лишь на уровне юмора, но никоим образом не как личное оскорбление. Это также пример диалога культур.

Дмитрий Иванович Менделеев говорил, что «наука начинается с измерения». Так, для математики характерна краткость, минимум словесных выражений. Хотелось бы отметить эти различного вида и уровня культуры, которые объединяет единая русская культура. Скажем, в полной ли мере обладают языковой культурой наши политические деятели? На вчерашнем Пленарном заседании было отмечено засилье иностранных слов, которые засоряют русский язык. Этот факт давно и хорошо известен. Тем не менее Корней Иванович Чуковский говорил, что слова и выражения, которые попадают в наш язык из других языковых культур, естественным образом фильтруются. У народа чуткое ухо. Некоторые слова трансформируются, другие исчезают.

Есть и другая тенденция, на которую я хотел бы обратить внимание: преднамеренное искажение слов и понятий, закрепленных в различного рода словарях русского языка и специальных словарях. Например, благодаря широко известной серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия» появилась новая тенденция. Ее создатели изменили семантическую насыщенность слова «замечательность», «замечательный». Известно, что данное слово должно иметь положительный оттенок, но теперь это уже неочевидно. Эта новация началась в 2002 году с книги Феликса Лурье «Сергей Геннадьевич Нечаев», который, как известно, послужил прообразом отрицательного героя романа «Бесы» Ф. М. Достоевского.

Представляете, что сейчас происходит? В прошлом веке замечательным человеком был сам Ф. М. Достоевский. Сейчас же «замечательный» превратился в беса. И в библиотеке на книжной выставке «Террористы», приуроченной к 11 сентября, среди прочих экспонатов я увидел глянцевою обложку томика «Сергей Геннадьевич Нечаев», книги о замечательном человеке... Какое-то уродливое смешение понятий.

Мы обратились в Институт лингвистических исследований РАН с просьбой дать заключение по данному вопросу. Заключение было получено. В нем говорилось, что понятие «замечательность» применительно к человеку подразумевает наличие у него общепризнанных положительных, то есть заслуживающих одобрения качеств. Таким образом, специалисты новацию редакции «Молодая гвардия» отвергают.

Но кто у нас должен принять решение по данному вопросу? Специалисты сказали, что это плохо. Политические деятели, обладающие своей политической культурой и довольно слабой языковой культурой, молчат. Как член общества, я хотел бы обратиться к вам с просьбой дать комплексную оценку допустимости издания книг, посвященных такого рода героям, в серии «Жизнь замечательных людей». В последнее время она выглядит просто устрашающе: появились книги о Мазепе — изменнике, предателе; о Карле XII, который, помимо его прочих заслуг, известен как автор фразы «настоящее занятие мужчины — это война». Вот так положительные герои!

Язык — это основа культуры, с его помощью мы думаем и общаемся. Если нарушаются основные принципы языка, то и диалог культур невозможен. Таким образом, вопрос о серии «Жизнь замечательных людей» комплексный, поскольку касается понятия, которое философией не определено. Философия не может вне контекста сказать, хороший человек или плохой, — это нонсенс, нелепость. Если же мы не определяем основное понятие, то и характеризовать его невозможно.

Какие аспекты диалога культур здесь затрагиваются? Философские, литературоведческие, юридические и прочие. Автор серии «Жизнь замечательных людей» задумал ее как издание, состоящее из 200 томов, и оно завершилось в 1915 году. А потом произошла деформация понятий. Максим Горький подхватил эту идею, но развил ее с точки зрения принципа партийности литературы. Так у нас появились совсем другие «положительные» герои. Сегодня происходит новая трансформация. И в этой мешанине понятий у нас издается литература, предназначенная для молодежи.

А. В. ИЛЬИЧЕВ: — Диалог культур как явление насчитывает уже много веков и отражен еще в древнерусской литературе. Например, одно из первых оригинальных произведений русской литературы «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона написано на непонятном для современного читателя языке, поскольку это памятник церковной письменности, христианского искусства, созданный на почве взаимодействия культур. С одной стороны, автор следовал греко-римской традиции, с другой — сформулировал то, что сегодня принято называть русской идеей. Это произведение позволяет, помимо темы диалога, выйти на более широкие проблемы, например языка. Символика, к которой обращается автор, настолько глубока, что для прочтения смысла требуется найти определенный ключ или код.

Сегодня речь шла о диалоге между культурами, разными социальными группами. Я бы предложил рассмотреть еще одну проблему — диалога внутри одной культуры. Не знаю, как прочие культуры, но наша уже в который раз оказывается в драматическом положении. Например, такая проблема, как «русский язык и заимствование», приобретает актуальность уже в третий или четвертый раз.

Таким образом, данные проблемы уже многократно обсуждались. А стало быть, выявляется еще один важный вопрос — отношение к своему прошлому, которое мы разным образом воспринимаем, толкуем, осознаем и пр. Это уже внутренний диалог с самим собой.

Мы сегодня вспоминали Н. А. Бердяева в связи с так называемой русской идеей. Философ толкует собственное сознание как итог становления всей русской культуры от момента ее зарождения. Нечто подобное я и хотел бы предложить в качестве еще одной темы для обсуждения.

— Понятие диалога чрезвычайно широко. В. С. Библер, как вы помните, широко трактовал и понятие культуры. На мой взгляд, культура — это диалог с самим собой в форме методологической рефлексии, поскольку любому ученому, если это настоящий ученый, свойственно сомнение. Но я хочу сказать о том, как диалог внутри одной культуры, одной нации может привести к преодолению ксенофобии, ранее поддерживаемой обществом. Здесь никто не вспомнил о недавнем событии, которое поразило мир. Там, где совсем недавно процветали рабство и расизм, чернокожий человек избран президентом страны. Пятьдесят лет тому назад это невозможно было представить, а сейчас стало реальностью. Что к этому привело? Напряженная энергичная работа, свободная дискуссия, мобилизация всех сил общества на борьбу с ксенофобией. Но самое главное — школа. Выросло поколение, которому чужды расовые предрассудки.

Я хотел бы обратить внимание на то, что в конечном счете все наши рассуждения только тогда продуктивны, когда воплощаются в жизнь, изменяя ее. Надо жить так, чтобы на улицах Петербурга не было нападений ни на представителей других рас и национальностей, ни на инакомыслящих. Подобного изменения сознания возможно добиться только воспитанием в школе, направив на это все силы общества. *(реплика из зала)*

А. Н. МОСЕЙКО: — Последние выступления поставили перед нами важный вопрос о судьбе культуры в эпоху глобализации. Во второй половине XX века, как известно, в мире возник так называемый антиколониальный дискурс, который длится по сей день. Он часто ассоциируется с постмодернизмом. В его рамках прошла целая серия конгрессов по культуре. Была сформулирована важнейшая мысль о том, что океан мировой культуры силен ручейками самобытных национальных культур, которые вливаются в него. Если эти ручейки будут перекрыты, то прекратится обогащение мировой культуры за счет национальных и региональных культур, и мировая культура погибнет. Поэтому глобализация культуры, с моей точки зрения, — нонсенс. Это ее гибель.

Как вы слышали, деятели культуры жалуются на отсутствие правового поля в сфере их деятельности, что сверху спускаются какие-то традиционные директивы и т. д. Мы все являемся свидетелями того, как министр образования и науки РФ А. А. Фурсенко вводит мировые стандарты проверки знаний при помощи ЕГЭ. Мы в нашей группе собираемся провести дискуссию по поводу ЕГЭ, пригласив многих ученых и работников образования. В результате реформ сегодня сокращаются уроки литературы, в связи с чем школьникам по существу перекрывается канал доступа к русской художественной литературе. Здесь уже говорили о девальвации многих понятий, таких как «замечательность» и т. д.

Культура, на мой взгляд, имеет собственные законы развития, несмотря на давление экономических факторов и директивы чиновников. Эти законы действуют одинаково во всем мире. Приведу пример. Сегодня глобализация распространилась и на Африку, где заимствованная западная система образования способствовала формированию тонкого слоя элиты. Но одновременно в Африке ширится движение американского ренессанса. Существует теория афроцентризма, которая во многом поддерживается

и в Европе, в частности один из английских ученых выпустил книгу о том, что мировая цивилизация зародилась в Египте. Суть теории афроцентризма в том, что Африка — колыбель цивилизации.

Другой пример. В наш сборник включены доклады профессора Сорбонны Анн Колдефи-Фокар и профессора Ренэ Герра. Оба они русисты. Кстати, русисты — это особое сообщество людей, одержимых любовью к русской культуре. Они живут в разных странах, и их довольно много. Самые крупные русисты — Вальтер Шубарт, Жорж Нива, Ренэ Герра, Джералд Майклсон (сын известного американского журналиста), Дора Штурман и Роза Глинтерщик. Пишут они, естественно, все по-разному. Анн Колдефи-Фокар говорит о том, что вторая и третья волны эмиграции ставили перед собой цель слиться с обществом, в котором оказались, то есть добиться аккультурации. Одновременно существовала и противоположная позиция. Примерами могут служить, с одной стороны, Василий Аксенов, который своим творчеством показал возможность аккультурации, с другой — Саша Соколов, который не смог в «Полисандрии» и других романах оторваться от русских корней. Он пишет о том, что снова возникает духовная вертикаль и русская культура в конце концов будет забыта теми ее представителями, которые живут в США. Жорж Нива, представитель третьей волны эмиграции, интересно написал об этих людях. Прибыв в Европу в 1980-х годах, еще до перестройки, они были счастливы избавиться от брежневского режима, но спустя какое-то время почувствовали, что объятия Запада на самом деле кюстиновские. (Как вы знаете, маркиз Астольф де Кюстин в своих записках резко высказывался о России. В XIX в. это была очень популярная книга.) Эти люди столкнулись с представлением о русских как о рабах, не имеющих своей культуры, цивилизации и т. д. И диссиденты, избавившиеся от гнета брежневского режима, стали ощущать дискомфорт. В конце концов, как говорит Жорж Нива, они приходят к тому, что бросают «ненавижу» в лицо оторопелому Западу.

Третий пример из нашего времени — вчерашние аплодисменты студентов в ответ на выступление В. Т. Третьякова.

Говоря о культуре, мы не можем рассматривать только культуру политической элиты и культуру общества. Наша культура разнообразна, разделена на множество сообществ и субкультур. Например, все мы знаем сетевые молодежные сообщества — это самостоятельные культуры. Так, в Центре цивилизационных и региональных исследований РАН, сотрудником которого я являюсь, работает молоденькая девочка Оля, панк и антиглобалистка. Она написала прекрасную книгу о панках, которая вышла огромным тиражом, а сейчас переиздается. Девочка эта — уже кандидат наук.

Представители движения антиглобалистов (оно существует и в Москве, и в Петербурге, и в других городах) — молодые люди, которые протестуют против глобализма. Их цель — построить свою реальность, прежде всего в культуре. Они борются за чистоту русского языка, против засилья иностранщины во всех сферах жизни. Это общемировая тенденция — во всех странах есть люди, активно выступающие против глобализма.

Приведу примеры из разных областей, я хочу продемонстрировать, что судьба культуры не столь печальна, как нам иногда представляется. Я убеждена, что глобализация не может разрушить национальную культурную самобытность. Если это произойдет когда-нибудь в будущем, то погибнет и мировая культура, и человек. Что такое человек без культуры? Ничто, во всяком случае не человек. И хотя Егор Гайдар и говорил, что нам пока недосуг подумать о человеке, тем не менее человек существует

как субъект и экономики, и перестроечных реформ, и всего прочего.

— Я нахожусь под большим впечатлением от предшествующей реплики. Приведено большое количество примеров, показывающих, какими сложными являются взаимодействия культур. Действительно, культуры настолько многообразны и устойчивы, столь специфичны, что само их взаимодействие рождает проблемы, которые находят разнообразные формы проявления. Прекрасно, что мы сегодня прикоснулись к тематике, которая еще очень долго будет актуальна. Видимо, на данную тему будет защищена еще не одна кандидатская и докторская диссертация.

Я хотел бы обратить внимание на следующий вопрос. Считается, что глобализация культуры означает ее разрушение, смешение с другими. Но, по-моему, опасно впасть и в другую крайность. Как бы борьба за сохранение культурной чистоты не обернулась желанием вновь укрыться за железным занавесом, стать невосприимчивым ко всему «другому». Традиции национальной культуры, несомненно, важны, но полезно обогащать себя и знанием других культур.

К тому же нельзя забывать и об эволюции. Общаясь с людьми старшего поколения, я часто сталкиваюсь с тем, что у них есть некая ностальгия по прошлому, особенно в культурном плане. Поэтому они убеждены, что в наши дни не создается таких талантливых фильмов, как в советское время, что в нашей культуре уже нет многого из того, чем мы могли гордиться раньше. Все современное — отрицательно. Однако при этом добавляется что-то новое, появляется большое информационное поле, то есть широкий выбор. Даже книги тех авторов, имена которых раньше нельзя было произносить, сегодня продаются на каждом углу.

Надо понимать, что культура эволюционирует, постоянно движется. И, наверное, вряд ли надо четко детерминировать слова «русская культура», или «европейская культура», или «западная цивилизация», ибо нельзя считать эти понятия абсолютно устойчивыми, которые останутся такими всегда.

Мы коснулись очень сложной и многообразной темы, и я думаю, что мы к ней еще вернемся. *(реплика из зала)*

Ж. Т. ТОЩЕНКО: — В заключение я хотел бы подвести краткие итоги нашей встречи. Наверное, все согласны, что мы обсуждали актуальную и насущную проблему, которая является одной из важнейших для всех социальных и гуманитарных наук. Мы пришли к выводу, что разнообразие культур и цивилизаций необходимо, но в то же время тенденция глобализации неоспорима. Была высказана идея, что если глобализация в какой-то мере оправдана в связи с экономическими, техническими, технологическими и организационными реалиями, то в сфере культуры к этому явлению надо относиться очень осторожно, чтобы не скатиться в эволюционизм, но и не потерять самобытность.

Когда я работал в Сибири, то узнал об одном маленьком народе, численность которого всего 1200 человек. Это рыбаки, живущие на берегу Подкаменной Тунгуски. Необходимо сохранить их культуру.

Я часто думал, понимаем ли мы, чего лишится человечество, если потеряет культуру какой-то одной маленькой этнической группы с ее обычаями, традициями и другими особенностями, которые нигде, ни у какого народа не встречаются? Сегодня происходит повсеместная аккультурация, поэтому упомянутый мною маленький народ когда-нибудь все же исчезнет и, я думаю, все мы за это ответственны.

Сегодня мы остановились на необходимости максимального учета особенностей различных форм культуры, которые проявляются во всех сферах общественной жизни. Возможно, мы уделили недостаточно времени вопросу о том, что препятствует диалогу культур, который затронул академик Краевский. Мы должны точно представлять, что мешает взаимопониманию, несмотря на все наши различия.

Обмен мнениями обогатил нас, позволил уточнить позиции и может послужить импульсом к изложению своих идей в новых статьях и других работах. Благодарим всех участников Чтений.

Секция 2

ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

15 мая 2009 г. СПбГУП, ауд. № 405

Руководители секции:

Н. Д. НИКАНДРОВ

президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор

Ю. С. ДАВЫДОВ

академик РАО, президент Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук, профессор

ДОКЛАДЫ

**Б. Ш. Алиева¹,
З. Н. Алибекова²**

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ДАГЕСТАНСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Историография научных исследований, посвященных педагогическим идеям, свидетельствует, что изучение опыта семейного воспитания как социально-исторического феномена на всех этапах исторического развития входило в круг научных интересов педагогов прошлого и настоящего. Семья понималась как «колыбель» человеческой цивилизации, хранительница общечеловеческих, культурных и нравственных ценностей, семейное воспитание связывалось с развитием способностей человека. Учитывая особую роль семьи в воспитании ребенка, ее непреходящую ценность, прогрессивные педагоги, общественные деятели говорили о необходимости помощи родителям в воспитании детей. Проблемам воспитания уделяли огромное внимание как классики, так и современники.

Как известно, прошлое — это не прошедшее, а наше сегодняшнее отношение к нему. Отсюда возникает так называемая проблема воспитания историей, которая приобрела большое значение в настоящее время. Разумное и бережное обращение с историей как с коллективной памятью народа предполагает высокий уровень культуры, исторического мышления, мировоззренческой взвешенности, методологической собранности и дисциплины.

Антидемократична, антигуманистична, антипатриотична и невежественна сама память, если она не обращена к духовному наследию предков и не питается «корнями» их интеллектуального опыта.

В условиях демократизации мышления в научной сфере все шире и проникновеннее становится исследовательский взгляд на социальное и духовное прошлое народов Дагестана. По-новому предстают целые этапы развития национальных культур, открываются неизвестные страницы истории зарождения и становления здесь целостной художественной системы, зримее и полнее вырисовываются интеллектуальный и творческий облик мыслителей и художников прошлого. Все это позволяет не только воссоздать правдивую картину собственно национально-го развития, но и по достоинству оценить реальный вклад каждого из народов этого своеобразного края в культур-

ную сокровищницу всей страны, а в конечном счете — в общечеловеческую цивилизацию.

Действительно, Дагестан никогда не стоял в стороне от «столбовой дороги» исторического развития человечества. Любой из народов этой республики был причастен к судьбам духовного движения крупных регионов и зон цивилизации. Этносы выдвинули из своей среды крупных деятелей национальной культуры, науки и литературы, сыгравших выдающуюся роль в формировании национального самосознания своих народов и оставивших неизгладимый след в дальнейших судьбах их развития. В настоящее время мы начинаем осознавать немалую ценность нравственного опыта многих подвижников веры, этических исследований ряда религиозных мыслителей.

Магомед из села Кудутль (ум. в 1716 г.) был одним из выдающихся ученых и мыслителей Дагестана. Гасан Алкадарский называет его «корифеем среди ученых, знаменитейшим из универсальных ученых». В основанную им философскую школу входили Магомед Убринский, Дауд Усишинский, Саид Ибрагим Гидатлинский и др. По сообщению местных историков, Магомед Кудутлинский и его ученики оставили много произведений по философии, логике, риторике, астрономии, математике и физике.

Представители школы Магомеда Кудутлинского выступали в защиту прав женщин. «Когда, ссылаясь на шариат, мужа выгоняли жен с пустыми руками, — сказано в «Биографиях», — Саид Ибрагим Гидатлинский выступал в защиту человеческого достоинства женщин». Магомед Кудутлинский и его последователи убеждали горцев в том, что нельзя разводиться с больными и беременными женщинами, а также кормящими детей.

Вопреки установлениям Корана и шариата Магомед Кудутлинский настаивал на том, чтобы вопрос о браке решался самими вступающими в брачный союз на основе любви. Ссоры в горских семьях он объяснял отсутствием любви и взаимного понимания между супругами. В тех условиях эти мысли звучали как ересь, протест против веками установленных обычаев и традиций.

Исключительно самобытной личностью и яркой индивидуальностью вошел в историю дагестанской многонациональной культуры Гасан Алкадарский (Алкадари) (1834–1910). Он родился в семье крестьянина-узденя. Этические

¹ Профессор кафедры общей педагогики Дагестанского государственного университета (Махачкала), ученый секретарь Учреждения РАО «Институт национальных проблем в образовании», доктор педагогических наук.

² Старший преподаватель кафедры педагогики начального образования Дагестанского государственного педагогического университета.

воззрения Г. Алкадарского основываются на положительных традициях, выработанных горцами на протяжении многовековой истории, а также обусловлены потребностями новой эпохи. Несмотря на то что в этих взглядах немало наивных и незрелых представлений, в целом они были прогрессивными.

В своих статьях, опубликованных в «Экинчи», Г. Алкадарский выступал против отсталости, замкнутости и консерватизма горцев. Например, он заботился об улучшении планировки деревни. В тесноте и скученности домов в аулах Дагестана он видел причину многих бед и несчастий, пожаров, заболеваний. Г. Алкадарский рекомендовал строить дома «на расстоянии друг от друга», расширять улицы до 8 аршинов, а подсобные помещения размещать подальше от жилых домов.

Если бы горцы «занимались изучением... внешнего хорошего влияния», — пишет он, — одни стали бы учеными, другие — богатыми, и установилась бы дружба между ними. Необходимо одолеть эти препятствия, чтобы мы и наши потомки избавились от этого позорного положения».

Будучи выходцем из арабо-мусульманской среды, Алкадари тем не менее являлся ярким представителем последователей русской ориентации. Он одним из первых в Дагестане осознал, оценил и приветствовал знаменательный с точки зрения исторической перспективы акт окончательного вхождения Дагестана в состав России. В представлении Гасана Алкадари приобщение к общероссийской государственности обещало народам Страны гор — и это отражено в «Асари Дагестан» — порядок, спокойствие, справедливость. «Для дагестанцев, — писал он, — открылись двери к просвещению и поприще для мирного труда».

Прогрессивный характер взглядов Гасана Алкадари на общество, огромную роль семьи в воспитании подрастающего поколения, значение науки и образования нашел отражение в его научных трудах. Среди его сочинений важное место занимает упомянутое выше «Асари Дагестан» («Исторические сведения о Дагестане») — крупное историческое полотно, посвященное политической истории дагестанских народов на протяжении около полутора тысяч лет, увлекательный рассказ о жизни народа, полной лишений и невзгод, о борьбе с многочисленными внешними врагами.

В своем завещании, датированном 28 февраля 1908 года, Гасан Алкадари написал: «Я завещаю моим сыновьям, братьям, родственникам и другим моим друзьям жить в любви и согласии».

С именем Гасана Алкадари связано составление семейных хроник. В коллекции профессора А. А. Гусейнова сохранился дневник Гасана Алкадари, фактически представлявший собой семейную хронику, где фиксировались все важные события в жизни автора: его женитьба, рождение детей и внуков и т. д. Он также защищал права женщины-горянки, но не поднялся до выдвижения требования равноправия женщин и мужчин. Он воспевае любовь к женщине как самое возвышенное и благородное чувство и проповедует гуманное отношение к ней.

Башир Керимович Далгат (1870–1934) — эрудированный ученый, прогрессивный мыслитель и общественный

деятель. Б. Далгат оставил значительное научное наследие. Его исследования посвящены главным образом изучению религии, культуры, быта и обычного права народов Кавказа.

Б. К. Далгат писал о положении женщины в Дагестане: «На Кавказе и в Дагестане, в частности, там, где еще сохранились большие семейные общины, рядом со старшим мужчиной была и старшая женщина: работы и обязанности по общему хозяйству строго распределялись между мужчинами и женщинами, женщины занимали почетное положение, в особенности в общине... Выдающиеся женщины, — отмечает автор, — пользовались в старое время уважением; опытная, умная женщина нередко была советником и помощником своего мужа во всех затруднительных случаях жизни».

Важную роль в распространении передовых идей русской культуры в Дагестане сыграл выдающийся этнограф, филолог и просветитель П. К. Услар. Он доказывал, что можно и нужно приобщать горцев к русской культуре. «Склад понятий народных, цивилизации подлежит быстрым изменениям. Самостоятельных центров цивилизации немного: к тому или другому все небольшие народы тяготеют волею или неволею, лишь только попадают в их сферу. Эти народы в известных пределах усваивают себе чужую цивилизацию, внося в нее какие-то оттенки».

Передовые представители России требовали с уважением относиться к обычаям, культуре и образу жизни горцев. Услар по этому поводу писал: «В покоренном народе естественным образом, хотя бы даже и бессознательно, возникает опасение за сохранение индивидуальности. Утрата индивидуальности как для отдельного человека, так и для целого народа равноценно смертельна».

«Горским языкам, — пророчески высказался П. К. Услар, — суждено прожить еще длинный ряд веков и сыграть большую роль в просвещении горцев». «Сколько бы языкам ни выучились, — писал он далее, — ни один не запечатлится в целом духовном мире нашем так глубоко, как язык родной — язык, которым непосредственно выражается своеобразный склад наших понятий. Нельзя же смотреть на горцев, как на безъязычных; нельзя же оставить без внимания, что бог одарил их языками самостоятельными, чуждыми как арабскому, так и русскому. Эти родные языки составляют самые надежные проводники для распространения между горцами нового рода понятий. Забрать эти проводники в свои руки, суметь распорядиться ими — дело трудное, но и заслуживающее того, чтобы подумать о нем».

Под влиянием русской науки и культуры и их передовых представителей, работавших в Дагестане, на арену науки выдвинулась целая плеяда просвещенных горцев, которые сыграли важную роль в распространении русской грамоты и культуры среди народов Дагестана.

Изучение трудов дагестанских просветителей дает ключ к пониманию многих проблем современного воспитания. Их высказывания созвучны реалиям современной действительности. Между идеями классиков мировой педагогики и дагестанских просветителей наблюдается общность, прослеживается диалог культур в воспитании.

В. И. Андреев¹

О ГАРАНТИРОВАННОСТИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЗАКОНАХ МНОГОМЕРНОЙ БИНАРНОСТИ РАЗВИТИЯ И САМОРАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ

В науках о человеке, его жизнедеятельности используются различные характеристики, понятия, которые позволяют описать, объяснить и прогнозировать его развитие и саморазвитие. Если посмотреть на жизнедеятельность человека с позиции некоторых универсалий-закономерностей, то обращает на себя внимание тот факт, что жизнедеятельность человека протекает в координатах многомерной бинарности. Понятие «бинарный» используется в значении двойной, двоичный, состоящий из двух компонентов.

В различных ситуациях, в решении многочисленных задач жизнедеятельности человека мы прямо или косвенно можем обнаружить и цели, и содержание, и формы, и методы, и результаты, которые по сущностным основаниям имеют бинарный характер. Это материальное и духовное, радость и горе, нравственное и безнравственное, добро и зло, героическое и трагическое, конкретное и абстрактное, теоретическое и практическое. Этот список бинарностей человеческой жизнедеятельности можно продолжить. Однако нас интересует не список бинарностей как таковой, а то, что мир жизнедеятельности человека подчиняется законам многомерной бинарности. Другими словами, «мятник» человеческой жизнедеятельности и человеческих взаимоотношений раскачивается не в одной плоскости, а одновременно в системе координат многомерной бинарности, которые универсальны и распространяются на все сферы человеческой деятельности, в том числе на процесс и результат образовательной деятельности.

Действительно, если рассматривать образовательную деятельность с точки зрения бинарного подхода, то мы обнаружим много значимых бинарностей, которые чрезвычайно важны как для понимания и развития педагогической теории, так и для совершенствования педагогической практики, особенно для достижения гарантированного качества образования.

Например, в педагогической теории и практике постоянно выделяются следующие бинарности: образование и самообразование; воспитание и самовоспитание; развитие и саморазвитие; теория и практика; индивидуальное и коллективное; управление и самоуправление; диагностика и самодиагностика; оценка и самооценка; контроль и самоконтроль. Этот перечень бинарностей можно продолжить.

Но нас интересуют формулировки соответствующих педагогических законов и закономерностей, поэтому следует уточнить сущностные характеристики этих понятий. Под законом обычно понимают необходимое, существенное, устойчивое повторяющееся отношение между явлениями как в природе, так и в жизнедеятельности человека.

Проблема выявления законов и закономерностей остается актуальной для любой науки, в том числе и для педагогики. Формулировки соответствующих педагогических законов и закономерностей можно найти в работах И. Я. Лернера², Ю. К. Бабанского³ и многих других отечественных ученых-педагогов.

Не вдаваясь в подробный анализ понятия «педагогический закон», возьмем в качестве исходного то опреде-

ление, которое используется в нашем учебном курсе «Педагогика» (учебный курс для творческого саморазвития)⁴: педагогический закон — это педагогическая категория для обозначения объективных, существенных, необходимых, общих, устойчиво повторяющихся явлений при определенных педагогических условиях, взаимосвязь между компонентами педагогической системы, отражающая механизмы самоорганизации, функционирования и саморазвития целостной образовательной (воспитательной) системы.

Следует отметить, что в педагогических исследованиях понятия «закон» и «закономерность» часто используются как синонимы. Однако, на мой взгляд, понятие «закон» выступает как более широкое, а «закономерность» — как частное проявление закона.

Прежде чем перейти к описанию сущности законов многомерной бинарности развития и саморазвития образовательных систем, отметим, что для любой образовательной системы — будь то система высшего или среднего образования, инновационная система образования или традиционная — удастся выделить чрезвычайно большое число бинарных взаимодействий. Перечислим наиболее характерные из них: преподаватель и студент; преподавание и учение; управление и самоуправление; индивидуальное и коллективное; контроль и самоконтроль; оценка и самооценка; воспитание и самовоспитание; развитие и саморазвитие.

Этот ряд бинарностей можно продолжить. Например, в образовательной системе можно найти традиционные и инновационные элементы, позитивные и негативные результаты и т. д. Интересно и с научной точки зрения значимо, что образовательной деятельности как педагогической системе присуща многомерность бинарностей. Диаметрально противоположные элементы бинарностей функционируют далеко не случайно и не стихийно, а подчиняются вполне определенным педагогическим законам. Именно их мы и будем рассматривать, так как это углубляет и расширяет наше педагогическое знание относительно того, как и в каких направлениях следует развивать современную педагогическую теорию и совершенствовать педагогическую практику, чтобы повысить эффективность и гарантировать качество образования.

Однако сразу отметим, что осознание того, что образование как воспитание является сложной, многомерной, точнее многомерно-бинарной системой, пришло не сразу. В процессе работы учителем в школе и преподавателем в вузе, функционирования как в традиционном, так и инновационном режиме, накапливался богатейший эмпирический материал, который незримо аккумулировался и систематизировался при написании учебных пособий и разнообразных дидактических материалов, содержательно отражающих бинарный подход.

Кроме того, в процессе научного руководства аспирантами и докторантами, осмысления процесса и результатов многочисленных педагогических исследований осуществлялось незримо «восхождение» от конкретного к абстрактному и, наоборот, от абстрактного к конкретному. Также путем целенаправленного мысленного моделирования различных видов бинарностей нам удалось выделить и сформулировать ряд законов, которые мы назвали

¹ Академик РАО, заведующий кафедрой педагогики Казанского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор.

² Лернер И. Я. Процесс обучения и его закономерности. М., 1980.

³ Бабанский Ю. К. Педагогика. М., 1983.

⁴ Андреев В. И. Педагогика творческого саморазвития. Казань, 1996. С. 171.

педагогическими законами многомерных бинарностей развития и саморазвития образовательных систем:

1. Закон гармонизации многомерных бинарностей.
2. Закон оптимизации противоположных элементов бинарностей.
3. Закон фазового перехода в системе однородных бинарностей (закон гарантированности качества образования).
4. Закон субъектной интеграции элементов однородных бинарностей.
5. Закон субъектной диверсификации элементов однородных бинарностей.
6. Закон коэволюции однородных бинарностей.
7. Закон педагогического резонанса однородных элементов бинарностей.

Раскроем сущностные характеристики вышеперечисленных законов в контексте главной цели образования и воспитания — ориентации на существенное повышение эффективности функционирования и гарантированности качества образовательных и воспитательных систем.

1. *Закон гармонизации многомерных бинарностей.* Суть этого педагогического закона может быть сформулирована следующим образом: чем полнее и всестороннее учитываются и гармонизируются многомерные бинарные процедуры (механизмы) взаимодействия в образовательной (воспитательной) деятельности, тем выше степень эффективности и гарантированности качества образования (воспитания). Современная педагогика накопила обширный эмпирический материал, который подтверждает эту закономерность.

Например, если мы учитываем, а главное гармонизируем такие бинарные процессы, как образование и самообразование, воспитание и самовоспитание, но не учитываем и не гармонизируем процессы развития и саморазвития субъектов образовательной деятельности, то есть педагогов и учащихся (студентов), то тем самым мы осуществляем образовательную деятельность далеко не лучшим образом.

Реальный перечень бинарных элементов, которые должны быть гармонизированы, достаточно большой, но одновременно ограниченный. Что необходимо гармонизировать и в каких пределах, должен решать педагог (преподаватель) с учетом педагогических целей и задач. Существует ли предел количества бинарных взаимодействий, которые следует учитывать и практически реализовать? На наш взгляд, для повышения эффективности и качества образовательной (воспитательной) деятельности педагог должен охватить как можно больше бинарностей.

Очевидно, что педагог-мастер отличается от начинающего преподавателя именно тем, что способен учесть и практически гармонизировать достаточно большое число бинарных взаимодействий: развитие и саморазвитие; управление и самоуправление; индивидуальное и коллективное; репродуктивное и творческое; теоретическое и практическое.

С позиции закона гармонизации многомерных бинарностей талантливый, эффективный педагог отличается от неэффективного именно тем, что он способен всесторонне и творчески реализовать себя в координатах многомерных бинарностей, гармонизируя их сочетание и взаимодействие. Не вдаваясь в подробности интерпретации этого закона, в качестве примера приведем тот факт, что талантливый педагог еще на этапе проектирования своей педагогической деятельности целостно и одновременно многомерно гармонизирует такое число бинарно противоположных компонентов образовательной, воспитательной и развивающей деятельности, которое необходимо и достаточно для достижения поставленных педагогических целей.

Приведем еще один пример. Представьте себе, что педагог прекрасно осуществляет свою деятельность как преподаватель, но недостаточно реализует себя как воспитатель. То есть в образовательной деятельности не гармонизированы бинарные взаимодействия воспитания и самовоспитания, с одной стороны, и обучения и самообучения — с другой. У такого педагога эффективность образовательной деятельности будет недостаточно высокой.

2. *Закон оптимизации противоположных элементов бинарности.* Суть этого закона заключается в том, что чем большая оптимизация достигается в противоположных элементах бинарного взаимодействия, тем выше эффективность функционирования и саморазвития образовательной системы.

Следует отметить, что этот закон не новый. Проблема оптимизации широко исследовалась (особенно в дидактическом плане) и получила свое обоснование в работах Ю. К. Бабанского. Однако в работах Ю. К. Бабанского чаще всего речь шла об оптимизации содержания учебного материала, оптимизации его проблемности, трудности с целью повышения эффективности учебного процесса. Механизмы бинарного взаимодействия, оптимизация диаметрально противоположных элементов в условиях образовательной деятельности, на наш взгляд, в работах Ю. К. Бабанского отдельно и всесторонне не исследовались. Например, если рассмотреть такие бинарно противоположные элементы образовательной деятельности, как репродукция и творчество, то для повышения эффективности образовательной деятельности соотношение репродуктивных и творческих ее видов должно быть максимально оптимизировано.

Следует заметить, что закон оптимизации противоположных элементов бинарности указывает лишь направление деятельности субъектов образовательной деятельности (педагога и учащихся). Таким образом, закон выполняет прогностические функции: он указывает, что без должной оптимизации репродукции и творчества образовательная система не будет саморазвиваться и гарантировать качество ее функционирования. Научная ценность и практическая значимость закона оптимизации противоположных элементов бинарности заключается в том, что чем более осознанно и целенаправленно осуществляется деятельность педагогов и учащихся в направлении оптимизации противоположных процедур, методов и так далее, тем большей эффективности мы достигаем в саморазвитии субъектов образовательной деятельности.

В контексте вышеприведенного примера о соотношении репродуктивного и творческого компонентов можно дополнить следующее. Хронометраж времени и в школе, и в вузе, которое отводится на разнообразную творческую деятельность, свидетельствует о том, что удельный вес творческой деятельности учащихся и студентов составляет 0,2–2 % учебного времени. Этот показатель характеризует современные школу и вуз как далеко не оптимальные с точки зрения внутреннего потенциала для творчества и творческого саморазвития учащихся (студентов).

3. *Закон фазового перехода в системе однородных бинарностей (закон гарантированности качества образования)* был сформулирован мной в 1996 году в учебном курсе «Педагогика для творческого саморазвития» и назван законом гарантированного качества образования.

Образование в том случае достигает гарантированно качества, если переходит в самообразование, воспитание — в самовоспитание, а развитие — в творческое саморазвитие личности. Можно привести многочисленные примеры, особенно из жизнедеятельности выдающихся людей, когда они добивались вершин профессионального мастерства и творчества за счет не столько образования,

сколько самообразования, самовоспитания и творческого саморазвития.

Типичный пример — Л. Н. Толстой, который, проучившись в Казанском университете всего шесть месяцев, уехал в Ясную Поляну и разработал там обширный план самообразования, или, как он писал в дневниках, «самоусовершенствования души». В результате он стал тем, кем мы его знаем, — всемирно известным писателем.

Подчеркнем, что сформулированный выше закон не отвечает в деталях на вопрос, как осуществить фазовый переход одного элемента бинарности в другой. Он указывает только на то, что фазовый переход — это одновременно и цель, и условие гарантированности качества образования. Таким образом, педагог-мастер отличается от неэффективного педагога тем, что создает такие условия, которые оказывают стимулирующее действие для перехода обучения в самообучение, воспитания — в самовоспитание, развития — в творческое саморазвитие личности.

В связи с формулировкой данного закона может возникнуть вопрос: если педагог реализует закон фазового перехода в системе однородных бинарностей и гарантирует качество образования, то для чего нужны другие законы и закономерности? Ответ очень прост. Поскольку образовательная (воспитательная) система многомерно-бинарная и верхней границы качества образования и воспитания не существует, то каждый раз действует принцип дополнительности. Выявление и практическая реализация других законов и закономерностей будет лишь способствовать дальнейшему повышению эффективности и качества образовательно-воспитательной деятельности.

4. *Закон субъектной интеграции элементов однородных бинарностей* проявляет себя в следующем. Чем большая субъектная интеграция элементов однородных бинарностей достигается в процедурах и механизмах их взаимодействия, тем выше эффективность и качество образования и воспитания. Проиллюстрировать и понять суть этого закона можно, проанализировав бинарные процедуры педагогического управления и самоуправления учащихся (студентов) в образовательной деятельности.

Например, педагог-исследователь поставил своей целью оптимизировать функции контроля и самоконтроля. Контроль и самоконтроль в данном случае выступают как два сопряженных элемента однородных бинарностей. Разработав соответствующие критерии, показатели и условия контроля и самоконтроля в образовательной деятельности, педагог-исследователь доказывает, что это повышает эффективность образовательной деятельности. Но эффективность образовательной деятельности можно существенно повысить, если интегрировать функции контроля в целостную систему управления педагога, а самоконтроля — в целостную систему самоуправления учащихся. В связи с реализацией закона субъектной интеграции элементов однородных бинарностей важна интеграция элементов управления, но отдельно, то есть субъектно, для педагога и учащихся.

Другой пример характеризует субъектную интеграцию элементов содержания образования в более крупные блоки. Действительно, обучение крупными блоками дает больший эффект, но при этом необходима структуризация и интеграция содержания образования, вновь отдельно для педагога и учащихся.

5. *Закон субъектной диверсификации элементов однородных бинарностей*. Суть этого закона заключается в следующем. Чем выше диверсификация в процедурах, приемах, методах и других элементах однородной бинарности, тем выше эффективность образовательной (воспитательной) деятельности. В качестве примера, иллюстрирующего этот закон, проведем следующее сравне-

ние. Рассмотрим высокопрофессионального педагога-мастера и начинающего педагога. Они могут отличаться по многим профессиональным и личностным качествам, но главное — репертуаром приемов и методов педагогической деятельности и способностью расширять диапазон их эффективного применения. Репертуар приемов и методов учебной деятельности отличника и учащегося с низкой эффективностью учебной деятельности также отличается. Таким образом, диверсификация (расширение, разнообразие) приемов и методов со стороны как педагога, так и учащегося существенно влияет на повышение эффективности образовательной (воспитательной) деятельности.

6. *Закон коэволюции однородных элементов бинарностей* проявляется в следующем. Эволюция, то есть развитие одного из элементов бинарного взаимодействия, детерминирует развитие другого однородного элемента бинарного взаимодействия, что в конечном счете ведет к повышению эффективности развития и саморазвития всей образовательной (воспитательной) системы в целом.

Для иллюстрации проявления этого закона можно привести несколько примеров. Общеизвестно, что если педагог активно работает над собой, постоянно развивает свои личностные и профессиональные качества, то это оказывает положительное влияние на повышение эффективности и качества развития его учащихся (студентов). Другой пример особенно характерен для вузовской практики. Если научный руководитель сам активно ведет научно-исследовательскую работу и развивается как педагог-исследователь, то это с неизбежностью сказывается на саморазвитии его аспирантов, докторантов и в целом на эффективности их исследовательской деятельности. В этой ситуации происходит интенсивная коэволюция творческого потенциала научного руководителя и его аспирантов и докторантов.

7. *Закон педагогического резонанса однородных элементов бинарностей*. Суть этого закона заключается в следующем. В процессе взаимодействия однородных элементов бинарностей достигается своеобразный педагогический резонанс, который ситуативно приводит к достижению наивысшей эффективности образовательной (воспитательной) деятельности. Практическое проявление этого закона можно проиллюстрировать следующими примерами.

Наилучшее усвоение учебного материала происходит в том случае, когда достигается фаза педагогического резонанса процесса объяснения и полного и глубокого понимания этого учебного материала учащимися. Другой пример иллюстрирует, что отсутствие психологической совместимости между педагогом и учащимся приводит к резкому падению эффективности образовательной (воспитательной) деятельности и наоборот. Следующий пример: если высокий уровень творческой активности педагога совпадает и соответствует высокой творческой активности учащихся, то этот педагогический резонанс создает реальные условия для наивысшей продуктивности образовательной (воспитательной) деятельности.

Что дает для педагогики и реальной педагогической практики выявление и применение сформулированных выше законов? Как было отмечено, знание и понимание педагогических законов и закономерностей позволяет не только описать и объяснить, но и прогнозировать, в каком направлении и как следует совершенствовать образовательную (воспитательную) деятельность для того, чтобы достичь полного эффекта развития и саморазвития субъектов этой деятельности, то есть и педагога, и учащихся (студентов).

Кроме того, обобщая вышеизложенное, можно дать принципиально новое определение того, что представляет

собой образовательная деятельность как система. Образовательная деятельность — это система совместной деятельности педагога и учащихся (преподавателя и студентов), которая осуществляется на основе педагогических законов многомерных бинарностей, функционирование

и взаимодействие которых, включая такие системообразующие бинарности, как обучение и самообучение, воспитание и самовоспитание, развитие и саморазвитие, направлены на повышение эффективности и гарантированности качества образования.

Е. В. Вершинина¹

БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС И СИСТЕМА НЕПРЕРЫВНОГО ОБУЧЕНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Последнее десятилетие академическое сообщество европейских стран и государств других регионов мира живет под знаком Болонской декларации. Небольшой по размеру документ, подписанный в 1999 году в Болонском университете в Италии 29 европейскими странами, стал отправной точкой в процессе реформирования европейских систем образования. Никогда за всю историю существования человечества реформы в системе образования не были такими значительными, как в последнее десятилетие. За истекший период число участников Болонской декларации выросло до 46 государств.

Отголоски или, лучше сказать, «приливы» новых тенденций все более ощущаются в странах Латинской Америки, Северной Африки, Австралии, Соединенных Штатах Америки. Необходимо отметить, что Болонский процесс нелегко давался всем — и представителям академических кругов, и чиновникам, и обучающимся и их родителям. Однако прежде чем судить о том, хороши или плохи грядущие изменения, необходимо проанализировать причины появления и последствия возможных изменений.

Понимание необходимости радикальных реформ в сфере образования возникло в первую очередь в управленческой сфере. По сути, корни этого процесса восходят к началу второй половины прошлого века — ко времени зарождения Европейского Союза. К концу XX столетия стало ясно, что европейская экономическая платформа сформировалась и настала очередь реформирования социальных надстроек. Добровольные обязательства, взятые государствами по реформированию своих образовательных систем, являются продолжением идей европейской интеграции в новой сфере.

Так же, как пали экономические границы, должны быть разрушены и границы в образовательном пространстве. При этом границы должны не просто пасть — взамен совокупности отдельных образовательных систем должна быть построена европейская зона высшего образования, основанная на общих принципах и взаимном доверии. Другими словами, Болонский процесс можно сопоставить с макроэкономической теорией конвергенции.

Европейские менеджеры первыми осознали, что без реформирования системы образования дальнейшее развитие европейской экономической платформы будет очень затруднительным. Некоторой тактической ошибкой в развитии Болонского движения стало «волюнтаристское» принятие на государственном уровне решения о необходимости реформирования образовательной сферы без обсуждения целей и задач с основными исполнителями и «потребителями» реформ — академическим сообществом, обучающимися и их родителями. Однако с учетом консервативности академического сообщества согласование потребовало бы значительного времени, что в усло-

виях быстроменяющейся экономики — непозволительная роскошь.

Причин появления Болонской декларации много. В числе основных можно выделить: необходимость обеспечения функционирования единого европейского экономического пространства; противостояние влиянию американского образовательного рынка; оптимизацию государственных затрат на образование; подготовку квалифицированной и восприимчивой к новым знаниям и новым умениям рабочей силы. Болонская декларация — это набор инструментов и средств для достижения поставленной цели. При этом необходимо отметить, что декларация не догма, а «живой», развивающийся организм, включающий постоянный обмен предложениями, наработками в среде экспертов из разных стран; обобщение передового опыта; разработку европейских рамочных документов как руководств к действию на национальном уровне; апробацию новых идей на практике; постоянное привлечение новых участников из разных сфер функционирования государства.

Основные положения, заложенные в Болонской декларации 1999 года, хорошо известны. Это создание двухуровневой структуры высшего образования (позднее трансформировавшейся в трехуровневую); введение системы кредитов, или зачетных единиц; создание системы оценки качества обучения; разработка приложения к диплому и расширение академической мобильности всех участников образовательного процесса. В каждом из направлений за прошедшие годы были сделаны значительные успехи.

Наряду с указанными активно развивались и сопряженные с ними направления: разработка европейской квалификационной рамки; признание документов об образовании; расширение доступа к высшему образованию (социальный аспект); поддержка системы «двойных дипломов»; создание регистра аккредитационных агентств; разработка «концепции трех L» — **Life Long Learning** (обучение на протяжении всей жизни) и др. Примечательно, что все эти инструменты и механизмы взаимосвязаны между собой и взаимозависимы.

В последнее время в большей степени внимание уделяется направлению трех L как наиболее перспективному и прогрессивному. Реализация принципа трех L призвана «перевернуть» весь образовательный процесс. На смену принципу «образование в одном месте в установленные сроки и на всю жизнь» приходит принцип «образование, распределенное во времени и пространстве и на протяжении всей жизни».

Что даст государству и индивидууму реализация нового принципа обучения? Обучающемуся — возможность (при наличии других условий) самостоятельно выстраивать свою образовательную траекторию в отношении временного фактора и выбора качественного учебного заведения; обновлять и совершенствовать на протяжении всей жизни свои знания; получать новые квалификации,

¹ Начальник отдела Управления международной деятельности и общественных связей Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки.

что становится особо актуальным в условиях быстро меняющегося техногенного мира и неустойчивой экономики.

Одновременно государство может оптимизировать свои затраты на обучение, получая большую отдачу от вложенных средств, также расширяется участие работодателя в образовательном процессе. Переориентация образовательного процесса на принцип трех L позволит изменить менталитет индивидуума, будет стимулировать его к получению новых знаний и компетенций, что, в свою очередь, должно стать благом для человека в частности и для экономики и общества в целом.

Интерес к данной проблеме был инициирован на конференции министров образования государств — участников Болонской декларации, проведенной в 2001 году в Праге. Основные положения были отражены в Меморандуме непрерывного образования Европейского Союза от 30 октября 2000 года, подготовленном Комиссией европейских сообществ, в докладе Европейской комиссии об образовании взрослых «Учиться никогда не поздно», в декабрьском отчете за 2007 год Комиссии по культуре и образованию Европейского парламента с тем же названием, в докладе Организации экономического сотрудничества и развития за 2008 год «Признание результатов неформального и информального образования и создание системы перезачета кредитов», а также в других документах.

Задача создания системы непрерывного образования очень непростая. В первую очередь должна быть разработана концепция национальной системы непрерывного обучения и национальная система квалификационных рамок. Необходимо изменить сознание людей и настроить их на осознание потребности в получении новых знаний на протяжении всей жизни. При этом должны быть созданы условия для желающих получать эти знания в наиболее удобном для них виде и месте. Это в свою очередь связано с развитием новых современных технологий обучения, позволяющих сблизить индивидуума и источник знаний. Требуется также пересмотреть систему признания всех действий индивидуума, связанных с получением образования, то есть должны быть разработаны наряду с формальными принципами признания неформального и информального образования и др.

Значимость системы трех L была подтверждена на конференции, проводимой министерствами образования государств — участников Болонской декларации, состоявшейся в апреле 2009 года в Бельгии, на которой задача создания европейской системы трех L была отнесена к приоритетным на период до 2020 года.

Значимость системы трех L была подтверждена на конференции, проводимой министерствами образования государств — участников Болонской декларации, состоявшейся в апреле 2009 года в Бельгии, на которой задача создания европейской системы трех L была отнесена к приоритетным на период до 2020 года.

Г. Н. Волков¹

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПАНСОФИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Этнопедагогика может функционировать только в системе межэтнических диалогов, учитывающих также своеобразие межконфессиональных, возможно даже межпрофессиональных, диалогов, исключая при этом всякого рода духовно-нравственные, интеллектуальные и другие возможные конфликты.

О диалоге следует сказать особо. Диалог является универсальной, пожалуй, единственной формой сосуществования этнических культур и интерпретируется не только как способ взаимодействия личностей, но и как средство их взаимоотношений с объектами, явлениями искусства и различных культур в исторической перспективе.

Только в этом смысле можно вести речь о межкультурном диалоге. В ходе такого диалога происходит духовное обогащение участников. «Чем больше культура в себя вбирает, тем больше она отдает человечеству» (Д. С. Лихачев). Диалог есть средство для каждого утвердить свое бытие, но вынужденно — через бытие других, общение с другими. Диалог все оживляет, всех уравнивает — ради человеческого самоутверждения. Диалог можно рассматривать в более широком контексте и на более общей основе понимания — это любой процесс движения, развития, обусловленный многообразностью подходов, позиций, обеспечивающий возможность обмена разным содержанием (М. М. Бахтин). В любой момент развития диалога существуют неограниченные множества забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога они вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде. По мнению Н. А. Бердяева, диалог — божественный феномен: «От Бога исходит зов, чтобы человек совершил творческий акт, осуществил свое призвание, и Бог ждет ответа на свой зов».

Вся человеческая деятельность во всех формах является непрерывным диалогом. Диалог принципиально

первичен, он основа всех речемыслительных процессов. Подлинное бытие язык обнаруживает лишь в диалоге (Л. В. Щерба). Диалогические отношения — это почти универсальное явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще все, что имеет смысл и значение. Диалог — это всегда объединение, а не разложение. Диалогическая природа и диалогический характер человеческого сознания есть отражение диалогической природы самой человеческой жизни. Все это с особенной убедительностью представлено в «Педагогике диалога» профессора С. В. Беловой, где межкультурный диалог рассматривается как феномен этнопедагогической пансофии. В конечном счете именно всеобщая мудрость, суммируя диалоги, подводит их к приемлемому, согласованному выводу, принающему статус монолога.

Взаимодействие личности с объектами другой культуры, взаимоотношения носителей различных культурных ориентаций, с одной стороны, позволяют глубже осознать уникальность духовного и культурного достоинства своего этноса, с другой — создают условия для познания и понимания ценностей культуры других этносов, формирования уважительного отношения к иным этносам и их представителям (Н. П. Очирова). Единственной формой сосуществования этнокультур является диалог, так как осмысление судеб чужой культуры помогает лучше понять себя. Культура в таком диалоге выступает как один из решающих факторов сближения людей. Без диалога культура нет ни истории, ни развития личности. Этническая культура позволяет глубже познать чужое через свое, а свое — через чужое. Актуально дальновидное предостережение Д. С. Лихачева: «Национальные отличия сохраняются и в XXI веке, если мы будем озабочены воспитанием души, а не только передачей знаний». Таким образом, дух, духовность, душа располагаются в сфере межкультурного диалога.

В этнопедагогике диалог не сводится только к межкультурному диалогу, он проявляется и используется как

¹ Академик РАО, директор НИИ этнопедагогике Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева (Чебоксары), доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

диалог логик, личностей, смыслов, голосов... Диалог становится не только приемом, но и методом обучения, который отличается от проблемного, частично-поискового или исследовательского тем, что направлен на реализацию в содержании образования эмоционально-ценностной составляющей. С помощью диалогового обучения представляется возможным уйти от однозначности и стереотипности, шаблонности в обучении, создать наиболее благоприятные условия для реализации индивидуального стиля учебной деятельности каждого ученика, а в конечном счете — для его личностного роста. Именно диалоги Сократа вывели педагогику из-под действия стереотипов, дали жизнь мертворожденной схоластике. Сократическая беседа является эвристической, и она вечна — независимо от выдуманных и надуманных инновационных технологий.

Разнообразие личностей, понимание их специфических этнических особенностей открывает путь к взаимопониманию народов и межкультурному диалогу, предполагающему не просто ознакомление с этнокультурой, но и формирование на рубеже культур личности, умеющей увидеть чужое через свое и наоборот. Последнее, в свою очередь, связано с формированием умения сопоставлять, что необходимо для реализации целей и задач этнокультурного образования. Межкультурный диалог актуализируется в общении личностей. Без диалога культур нет развития личности. Взаимодействие личности с объектами другой культуры, взаимоотношения носителей различных культурных ориентаций, с одной стороны, позволяют глубже осознать уникальность духовного и культурного достояния своего этноса, с другой — создают условия для познания и понимания ценностей культуры других этносов, формирования уважительного отношения к иным этносам и их представителям. Сущность определенной этнокультуры познается на границах, рубеже культур. Осмысление чужой культуры помогает лучше понять себя, глубже познать чужое через свое, а свое — через чужое. Культура в таком диалоге выступает как один из решающих факторов сближения не только людей, но и народов.

Проблемно мыслящий Дмитрий Сергеевич Лихачев определенным образом допускает глобальный характер диалога: например, диалог не между городским интеллигентом и сельским мудрецом, а между городской и сельской культурой и их носителями. Сельская культура (специфическая, не в городском ее понимании!) была своеобразной, высокой, самодостаточной. В то же время едва ли можно уверенно, однозначно говорить о самодостаточности городской культуры. Может быть, уместно расширить толкование культуры, в данном случае — до сельской цивилизации.

Хочу поделиться одним своим наблюдением: 5-летний сельский мальчик в природе разбирается лучше, чем московский пятиклассник. Возможно, мой вывод недостаточен репрезентативен, ибо я сужу по воспоминаниям о своих ровесниках и о сыне и его ровесниках.

Нация как историческая «личность» состоит из значимых индивидуумов. О народе судят по вершинам. Это тема, пожалуй, наиболее сложная, спорная, которая может сбить нас с пути конструктивного диалога, ибо масштабы личности измеряются субъектами в зависимости от социальных ситуаций. Сложность моего положения в современных условиях состоит в том, что мои сознание и убеждение сохраняют величие великих: разрушались памятники, а у меня ни один камень не вынут из пьедестала, хотя не может быть однозначных оценочных суждений о гениях, пассионариях, личностях-символах.

В качестве отступления хочу заметить, что чрезвычайно интересны староверы, хотя, вероятно, это звучит

несколько легковесно. Поражает их нравственная стойкость. Сожжение Аввакума, вся его многотрудная судьба — трагедия для русской культуры. Диалог Д. С. Лихачева с Аввакумом символичен и в то же время величествен.

Среди моих аспирантов и докторантов — представители 32 национальностей. Межкультурный диалог между ними не только конструктивен, но и пансофичен. Все мои аспиранты и докторанты (их более ста) независимо от меня заинтересованно относятся к наследию Д. С. Лихачева, с благодарностью воспринимают его гуманистические идеи. Ведя диалоги друг с другом, обращаются за советами к творчеству Дмитрия Сергеевича Лихачева.

В связи с участием в Международных Лихачевских научных чтениях неожиданно выяснилось, что обращение к духовному наследию Д. С. Лихачева стало массовым, многосторонним, постоянным, естественным, закономерным. Первые мои ссылки на идеи Д. С. Лихачева относятся к 1971 году. Наследие Д. С. Лихачева распространено на территории бывшего Советского Союза гораздо шире, чем можно представить. Следует обратить особенное внимание на переводы на национальные языки изречений и афоризмов Дмитрия Сергеевича, цитируемых или используемых в качестве эпиграфов к публикациям, не близким по содержанию к научным интересам Д. С. Лихачева.

Приведу один пример: *«Жизнь человека вне культуры лишена всякого смысла»*. Этот эпиграф к статье Ольги Ухсай о своем отце — народном поэте Чувашской Республики Якове Ухсае, знатоке творчества Д. С. Лихачева. Эти слова, «прошедшие» мимо меня, предопределили стиль, тон, общий настрой публикации дочери поэта. Перечитывая собственные давние работы, постоянно встречаю ссылки на идеи Д. С. Лихачева. Это было естественно, и поэтому, вероятно, я не фиксировал внимания на конкретных примерах. В этом тоже проявляется пансофическое своеобразие межкультурного диалога, в котором естественным образом посчастливилось участвовать и мне.

Народность великих педагогов созидательна, в их сочинениях преобладают художественные образы, приемы, формы, поэтому они стимулируют диалог культур. Часто теоретические труды с необыкновенной легкостью предаются забвению, а, например, диалоги Сократа, включая предсмертные диалоги с друзьями, вечны, так же как воспитание и человечество.

Все сказанное, вероятно, можно отнести к житейской, бытовой сфере. На мой взгляд, классический диалог «Анти-Дюринг» Ф. Энгельса мог быть дополнен удивительным диалогическим сочинением В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Я считаю «Философские тетради» Ленина лучшими диалогами за всю историю философии. Вряд ли Гегель был бы понят в России без этого легендарного уникального конспекта.

В юности я был удивлен и восхищен главой о сенокосе в романе «Анна Каренина». Константин Левин в мучительных думах о человеческой жизни приходит к мысли о самоубийстве, но образ труда всех живых существ на земле разрывает мрачный круг тягостных раздумий. И Константин Левин, любимый герой Льва Николаевича Толстого, его идеал, приходит к мысли о всепобеждающей любви к земле и бессмертной красоте жизни.

Приведу небольшой отрывок: «— Да, надо опомниться и обдумать, — думал он, как бы ведя диалог с самим собой, пристально глядя на помятую траву, которая была перед ним, и следя за движением зеленой букашки, поднявшейся по стеблю пырея и задерживаемой в своем подъеме листом снытки».

Три образа — зеленая букашка, пырей и снытка — и тот факт, что граф Лев Николаевич Толстой, живя в имении и занимаясь земледелием, творил великие произведения, обратили меня в жизни и творчестве лицом к родной земле, на которой я родился и провел золотое детство (до начала войны).

Надо сказать, что уникальными представляются диалоги индивидуумов, масштабных личностей, с народами. А. С. Пушкин, например, в диалогическом письме П. А. Вяземскому от 7 июня 1824 года делает ироническое признание: «Критики у нас, чувашей, не существуют, палки как-то неприличны, о поединке и смех и грех было и думать: то ли дело цып-цып или цыц-цыц». Оба варианта ироничны, в них крайности, действительно исключающие настоящую критику. Тем не менее межкультурный диалог и здесь пансофичен.

Л. Н. Толстой пошел еще дальше, организовав межкультурный диалог чувашского народа в лице умного чуваша с пророком Магомедом, подняв тем самым национальный статус в целом обиженного в то время народа на невероятную — даже по нынешним масштабам — высоту. Каковы стиль, тон Льва Николаевича! Каков призыв-пожелание! Каков диалог: «Сделаемся чувашами и послушаем двух не пророков, а людей». Свое письмо Асфендияру Зайнетдинову Толстой построил в форме острого полемического диалога. Окончательный вывод таков: «...Убедить меня может только то, что я сам сознаю и могу проверить рассуждением и внутренним опытом».

В связи с изложенными фрагментами хотелось бы привлечь внимание к величию непедагогов как учителей человечества, в числе которых и Д. С. Лихачев, с которым диалоги не прекратятся. Свободная, не академическая, а художественная форма передачи истины нередко содержит прогнозы на будущее, часто на многие годы опережающие академическую теорию, в том числе и громко провозглашаемую инновационной. В связи с этим хочу сказать, что никого не оставляют равнодушным смелые, новаторские суждения А. С. Запесоцкого в диалогах с новыми русскими, деятелями СМИ и др.

Этнопедагогика вроде бы неотъемлемая отрасль педагогики. В то же время можно заметить, что непедагоги по образованию существенно расширяют территорию (пространство!) этнопедагогики до невероятных масштабов. Тем самым этнопедагогика превращается в педагогику души и сердца. Ни один великий человек не может оставаться равнодушным к детям, подрастающему поколению своего народа — в этом случае он этнопедагог и педагог одновременно.

К. Д. Ушинский, В. И. Ленин — юристы. (За два года Гражданской войны Ленин написал почти 200 педагогических работ, последнее, предсмертное сочинение «Странички из дневника» посвящено святой миссии учителя — это и завещание, и благословение.) Н. И. Пирогов, Януш Корчак, Н. М. Амосов, Ф. Г. Углов — великие медики. Николая Ивановича Пирогова, лучшего из хирургов в мире, Ушинский считал своим учителем. Русских гениев — химика Д. И. Менделеева, математика Н. И. Лобачевского, химика Н. Н. Семенова, восхищавшегося делами и идеями В. А. Сухомлинского, — следует отнести к плеяде лучших педагогов России. Великий генетик Н. П. Дубинин, на наш взгляд, лучше всех разобрался в гуманистических идеях и идеалах А. С. Макаренко. Композитор Д. Б. Каба-

левский создал собственную замечательную систему музыкального воспитания.

В романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» представлен расширенный этнопедагогический цикл, как бы два круга — от прадеда до правнука Миши — тезки Шолохова. Правда, у Шолохова имелся небольшой педагогический опыт — он работал учителем начальной школы, но специально педагогики никогда не изучал. Естественная педагогика, несмотря на стихийный характер, много значит для народного воспитания. И в этом тоже проявляется ее пансофия.

На встрече со студентами Московского педагогического государственного университета им. В. И. Ленина великий физик современности Жорес Иванович Алферов проявил себя педагогом-новатором... Я называю деятелей, которые никогда специально не изучали педагогику, а основывались на системе конструктивных творческих диалогов. Например, Томас Эдисон не получил нормального образования, но сумел основать «школу Эдисона» — 4-летний университетский курс для лучших выпускников средней школы. На вступительных экзаменах он вел диалог, задавая на первый взгляд странные вопросы, например: «Ради чего ты бы мог пожертвовать своим успехом? Ради счастья, комфортабельной жизни, репутации, гордости, денег, любви?»; «В какой ситуации ты считаешь возможным солгать?» и т. д. Самыми необходимыми в жизни качествами Эдисон считал независимость и общественный склад ума. Именно по этим качествам он подбирал своих учеников. Честно говоря, «Единый эдисоновский экзамен» мне нравится больше, чем отечественный Единый государственный экзамен. Айседору Дункан я также отношу к выдающимся представителям этнопедагогической пансофии и ее книгу «Моя жизнь» ставлю рядом с «Педагогической поэмой» Макаренко.

В заключение хотелось бы сказать, что мною был прочитан спецкурс по этнопедагогике профессионального образования в одном из филиалов Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Директор филиала Н. Т. Савруков полагает, что человек без рода и племени не может быть хорошим специалистом, надежным работником и интересной личностью. Он провозгласил этнопедагогику важнейшей из общеобразовательных дисциплин. По итогам прочитанного курса студенты написали контрольные рефераты, лучшие из них отобрали и издали отдельным сборником. К сожалению, вынужден признать, что он получился гораздо содержательнее, нежели издания аспирантов-педагогов.

Начиная с 1956 года я прочитал полные и фрагментарные курсы по этнопедагогической пансофии более чем в 50 университетах: в Сорбонне, Цюрихе, Праге, Эрфурте, Вене, Регенсбурге, Софии, Хельсинки, конечно же, в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова, Якутском государственном университете... В Калмыцком госуниверситете спецкурсы начинаются с предметов по выбору уже на I курсе. Деятельность и идеи Д. С. Лихачева специально выделены и включены в учебное пособие «Введение в этнопедагогическую пансофию».

Этнопедагогическая пансофия межкультурного диалога, расширяя пространство своего влияния, все более эффективно содействует инновациям в сфере современного воспитания и образования.

Е. О. Галицких¹

ДИАЛОГ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Культура — это огромное целостное явление, которое делает людей, населяющих определенное пространство, из просто населения народом, нацией.

Культура — это святыня народа, святыня нации.

Д. С. Лихачев

Актуальность диалога в образовании обусловлена полифоничностью мира, поликультурностью как свойством социальной реальности, культурным плюрализмом как признаком духовной атмосферы нового века. Потребность общества в развитии поликультурного образования связана с демократизацией общественного сознания, наличием культурного многообразия и межнациональных проблем. Межкультурный диалог раскрывается как способ реализации диалектики «вопрошающего бытия», процесс приобщения личности к культуре, вопросно-ответному познанию, самопознанию, профессионально-личностному становлению в поликультурном контексте образования.

Исследования М. М. Бахтина, В. С. Библера, М. Бубера, Г. Буша, В. В. Горшковой, А. С. Запесоцкого, М. В. Кларина, И. А. Колесниковой, Е. И. Казаковой, В. В. Краевского, Л. М. Лузиной, А. А. Сыроедовой, В. И. Сободчикова, А. П. Тряпицкой позволили увидеть и вычленил следующие тенденции изучения проблемы диалога в поликультурном образовании.

Тенденция первая — *повышение интереса общества, философии, науки к человеку, и как следствие — актуализация интереса к диалогу*. Эта тенденция объясняется тем, что актуализация проблем человека как субъекта познания и действия создает условия для сознательного принятия диалога в образовании, так как диалог обладает объясняющей, вдохновляющей, понимающей и развивающей функциями.

Вторая тенденция — *интегративные процессы в науке значительно расширили терминологический смысл понятия «диалог»*, который дал название диалоговому стилю и вошел в тексты педагогических исследований. В контексте философии диалог — это специфический способ реализации сущности человека, всеобщее определение гуманитарного мышления, его неделимых начал; уникальный всеохватывающий способ существования культуры и человека в культуре, ситуация поиска смысла ценностей.

С точки зрения профессионального образования диалог — это обмен информацией между участниками процесса обучения, образовательная технология, совместный поисковый труд, способ работы с содержанием учебного материала, это определение самого содержания предмета обучения, души, речи, мыслей человека. Важно отметить, что в атмосфере диалога происходит становление человека, творение ценностей его духовной жизни. Таким образом, диалог рассматривается как цель, результат и содержание образования, способ познания действительно-сти и дидактико-коммуникативная среда, обеспечивающая рефлексию и самореализацию личности будущего специалиста: врача, юриста, педагога, — творящих себя в профессиональной сфере «человек–человек».

Третья тенденция — *востребованность вузами, общеобразовательной школой, гимназиями и лицеями диалоговых форм обучения, диалогового стиля преподавания*. Широкая известность школы диалога культур, школы самоопределения А. Тубельского, школы-общины В. Каравковского, Московского культурологического лицея, внедрение современных личностно ориентированных технологий в высшее профессиональное образование сформирова-

ли потребность в преподавателе, владеющем диалогом как необходимым, перспективным, результативным методом.

Тенденция четвертая — *интегративный подход к изучению диалога*, рассмотрение его как ключа, который открывает познание жизни как участие в диалоге с миром, другой культурой, людьми, самим собой.

Пятая тенденция связана с *пониманием сложности взаимодействия с внутренним миром человека*, потому что духовные ценности нельзя передать при помощи объяснения, заучивания, приказа, строгого контроля, внешнего целеполагания. Они формируются посредством образа жизни, сознательного жизнетворчества, нравственных поступков, деятельного сопереживания, ответственного отношения к своему призванию. Нельзя забывать, что человек, всматриваясь в другого, «ставя доминанту на лицо другого» (А. Ухтомский) и вступая с ним в воображаемый или реальный диалог, понимает себя, становится потенциально неисчерпаемым, выходит за рамки собственных представлений о себе, погружаясь в другую культуру. Студент «включается» в интегративное взаимодействие с миром культуры, науки, профессии, практики познания другого человека. Исходными основаниями формирования межкультурного диалога в обучении являются следующие положения:

1. Диалогичность — свойство жизни, поэтому «жить — значит участвовать в диалоге»; «искусство жить состоит в искусстве Диалога. Человек, владеющий этим, владеет своей жизнью» (И. Н. Калинаускас), интегрируется в «жизненный мир» (Э. Гуссерль). Сократ изобрел механизм проявления смысла и сущности явлений через диалог, в котором используется предзнание, выстраивается «умное незнание» (Н. Кузанский), рождается «живое знание» (С. Франк, А. Ф. Лосев, В. П. Зинченко).

2. Знание по природе своей диалогично, потому что оно как продукт учебно-познавательной деятельности есть результат интеграции внешнего воздействия и внутренней активности студента. Поэтому диалог в обучении формирует самостоятельность, ответственность, открытость, культуру жизненного самоопределения, способность пользоваться своим умом как инструментом понимания. Диалог обладает большим творческим и развивающим потенциалом, потому что оттачивает мысль, требует гармонии формы и содержания, резонансного совпадения вопросов и ответов, оптимальной аргументации и ясности выражения, единства эмоционального и рационального.

3. Диалог имеет социальную природу, он реализует фундаментальную потребность человека в общении, взаимодействии, сотрудничестве, сотворчестве. М. М. Бахтин подчеркивал, что мысль рождается не в голове отдельного человека, а между людьми, совместно ищущими истину.

4. Диалог формирует деятельную, активную позицию всех его участников, создает условия для речевой деятельности. Способность к поступку, выбору, инициативе в поликультурном диалоге востребована.

5. Познавательный диалог в поликультурном образовании обладает специфической структурой. Предмет его обсуждения содержит неопределенность, которая в ходе обсуждения проясняется в определенность. Обязательно наличие различных, но соизмеримых позиций, что особенно востребовано на консилиумах, совещаниях, семинарах. Поэтапное развитие диалога приводит к единому результату, в основе которого — интеграция всех мнений

¹ Заведующая кафедрой русской литературы Вятского государственного гуманитарного университета (Киров), доктор педагогических наук, профессор.

и позиций, прошедших путь отрицания, сопоставления, дополнительности, углубления понимания, взаимной критики и самокритики.

Участники диалога находятся в состоянии сомышления, каждый предлагает собственный вариант решения. При этом предполагается, что один вариант ответа в одном культурном контексте должен быть обогащен за счет других культурных смыслов. Отмечается взаимная заинтересованность в суждениях, дружелюбность лиц, вытесняется нежелание слушать друг друга и воинственно отстаивать свою позицию, несмотря на изменившуюся ситуацию и новую информацию. Продуктивными являются и моменты соработности: паузы, точки изменения течения диалога, мгновения открытия новых смыслов, последиалоговая рефлексия. Способность к диалогу с конкретным представителем культуры народа, его творческой индивидуальностью, духовным опытом, системой ценностей повышает эффективность деятельности педагога.

Кроме этого, философская и профессиональная культура педагога опирается на способность к диалогу с самим собой, в основе которого — диалогичность мышления, умение слышать эго и альтер эго, спор со своей совестью. Диалог с самим собой — самый искренний самоанализ, который спасает врача и преподавателя от усложнения на достижении, ограниченности, застоя, превращения в ментора. Диалог с самим собой отражает внутренний скрытый процесс профессионально-личностного становления, является стимулом самосовершенствования, саморазвития, постоянного обновления.

Диалог как процесс взаимодействия качественно различных позиций, выраженных в слове, вызывает речевую активность его участников, требует сформированных речевых умений. Способность оформлять и предъявлять свои суждения, сопоставлять их с другими, владеть репликой и паузой, переходить с языка одной науки на язык другой формируется в процессе диалога. Взаимосвязь диалогичности и творчества открывает преподавателю возможности поиска диалоговых технологий и совершенствования своего мастерства.

Каким образом в поликультурном образовании можно эффективно использовать диалог как метод? Позиция ценностно-смыслового равенства всех собеседников, установка на диалоговое общение, сотрудничество и сотворчество — главные условия реализации диалога, его эмоционального и развивающего потенциала. Раскроем диалоговое взаимодействие в поликультурном образовании через следующие проявления:

— умение «ставить доминанту на лицо другого»; выдвигать в совместном поиске воспитательные, личностно значимые цели поликультурного образования;

— способность строить партнерские отношения, готовность внимательно слушать и адекватно понимать собеседника;

— активность в прояснении своей ценностно-смысловой позиции, гуманистической, субъектной, диалоговой, профессиональной;

— учет индивидуально-творческих способностей, жизненного, познавательного опыта каждого участника диалога;

— организация диалогового пространства, активизирующего всех участников;

— овладение искусством диалогичности, культурой вопрошания;

— максимальное использование самостоятельности участников, их инициативы, критического мышления, актуализация творческого потенциала студентов, включение их в поиск истины;

— использование комплекса образовательных технологий, современных диалоговых форм в обучении, формирование и расширение социального и коммуникативного опыта будущих специалистов;

— прояснение понятий, текстов, контекстов, использование символов, метафор, эпиграфов, графических организаторов, разных языков искусства;

— осуществление постоянной обратной связи, рефлексии, наблюдения за развитием творческой индивидуальности и преподавателя, и студента;

— использование индивидуальных особенностей темперамента, речи, интуиции, импровизации;

— построение результатов, итогов путем дискуссионного обсуждения, прояснения, понимания, интеграции индивидуальных выводов, сотрудничества.

Межкультурный диалог ориентирует на принципиально новое качество поликультурного образования. Он создает условия для профессионально-личностного становления человека, способного к эффективной жизнедеятельности в многонациональной среде, в условиях кризиса. Этот человек имеет многообразные связи и отношения со всем универсумом человеческой культуры. Именно здесь он обретает свой подлинный облик как личность и собственно человеческое измерение. Высшее профессиональное гуманитарное образование, в первую очередь его университетская составляющая, определяет перспективы диалоговых форм научной жизни. М. М. Бахтин был убежден в том, что «жизнь по природе своей диалогична, жить — значит участвовать в диалоге, вопрошать, отвечать, соглашаться... в этом человек участвует весь и всю жизнь: глазами, губами, руками, душой, духом, всем телом, поступками».

Можно сказать, что сохранение традиции Международных Лихачевских научных чтений — это знаковое событие, которое не только отражает накал научного поиска путей диалога культур и партнерства цивилизаций, но и дает возможность обсуждать проблемы, определять перспективы их решения в современном поликультурном динамичном мире.

Ю. С. Давыдов¹

ПОЛИКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

В многонациональном российском государстве всегда уделялось особое внимание воспитанию молодежи в духе уважения к другим культурам и их носителям. В дореволюционный период эта задача решалась прогрессивными мыслителями и педагогами-практиками в ходе согласования народных и общечеловеческих ценностей. В Совет-

ском государстве большое значение придавалось интернациональному воспитанию молодежи. Однако в конце XX — начале XXI века социальная и культурная ситуация в России претерпела существенные изменения. Характерная тенденция развития современного российского общества — усиление его культурного многообразия. Это обуславливает необходимость поиска новых подходов к воспитанию и обучению молодежи. Остро стоят задачи

¹ Академик РАО, президент Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук, профессор.

формирования поликультурной личности, то есть личности, обладающей целостным мировоззрением, развитым лингвистическим, географическим, правовым, художественно-эстетическим сознанием.

Представляется, что поликультурное образование начинается с усвоения человеком ценностных представлений, признанных в окружающей социокультурной среде. Вместе с тем подготовку молодежи к жизни в многокультурном обществе следует осуществлять на основе разнообразных нравственных ценностей, сложившихся в ходе развития человечества. Это представления о добре, красоте, истине, любви, имеющие общечеловеческую значимость, то есть принимаемые и разделяемые большинством людей во все времена. Высоким нравственным потенциалом обладают ценности русской культуры: служение обществу, долгу, открытость, бескорыстие, сострадание и др.

В содержание поликультурного образования важно включать понятия, отражающие ценности других народов РФ, например такие, как отвага, почитание старших, гостеприимство и другие, одобряемые всеми народами Северного Кавказа. Источником поликультурного образования могут стать западные представления о самооценности человека, равенстве, свободе, предприимчивости и восточности, отражающие идеи ненасилия, самоотверженности, уравновешенности, подвижничества. Главное — чтобы ценностные ориентиры способствовали нравственному совершенствованию человека, его переходу от существа биологического к культурному, обогащали нравственную, интеллектуальную, эмоциональную сферу жизни, помогали становлению гуманистического мировоззрения.

Таким образом, поликультурное образование является важным механизмом приобщения молодежи к родной, российской и мировой культурам. В ходе овладения гуманистическими ценностями разных народов создаются благоприятные условия для становления культурно образованного человека. Культурно образованный человек — это свободно мыслящая, открытая, толерантная личность, способная к осознанному нравственному выбору в мире многообразных культурных ценностей, духовно-нравственному самосовершенствованию и творческому саморазвитию. В логике поликультурного образования культурно образованный человек является носителем, хранителем и транслятором лучших образцов родной, российской и мировой культур.

Охарактеризованные концептуальные положения позволяют сформулировать цель, задачи и содержание поликультурного образования студентов. Цель поликультурного образования и воспитания состоит в формировании человека, способного к активной и эффективной жизнедеятельности в многонациональной и поликультурной среде, обладающего развитым чувством понимания и уважения других культур, умениями жить в мире и согласии с людьми разных национальностей, рас, верований.

Эта цель определяет конкретные задачи поликультурного образования и воспитания:

- глубокое и всестороннее овладение учащимися, студентами культурой своего народа, что является непременным условием интеграции в другие культуры;

- формирование представлений о многообразии культур в мире и России, воспитание позитивного отношения к культурным различиям, обеспечивающим прогресс человечества и условия для самореализации личности;

- создание условий для интеграции учащихся в культуры других народов;

- развитие умений и навыков продуктивного взаимодействия с носителями различных культур;

- воспитание учащихся в духе мира, толерантности, гуманного межнационального общения.

Содержание поликультурного образования многоаспектно отличается высокой степенью междисциплинарности. Она позволяет рассматривать проблемы поликультурного образования как в составе учебных дисциплин гуманитарного, естественнонаучного, художественно-эстетического циклов, так и в специальных курсах по истории и культуре отдельных народов.

Важно, чтобы содержание образования отвечало следующим критериям:

- отражение в учебном материале гуманистических идей;

- характеристика уникальных самобытных черт в культурах народов России и мира;

- раскрытие общих элементов в культурах российских народов, традиций, позволяющих жить в мире и согласии;

- введение учащихся, студентов в мировую культуру, раскрытие все ускоряющегося процесса глобализации, тенденции взаимозависимости стран и народов.

Освоение этнокультурного опыта должно способствовать осознанию учащимися того, что родная культура является одной из форм культурного многообразия мирового сообщества, частью достижений целостного зависимого мира. В контексте поликультурного образования акцент смещается на заложенные в этнических культурах ценности, имеющие прогностическое значение, способствующие развитию личности, духовному, социальному и научно-техническому прогрессу, установлению добрососедского сотрудничества на межличностном, государственном, международном уровнях.

В логике поликультурного образования целесообразно знакомить студентов с отечественной историей, искусством, традициями, но в контексте культурного развития России и мира. Это позволит более четко определить роль и место родной культуры в общецивилизационном процессе, не допустить самоизоляции этноса, обеспечить единое культурное и образовательное пространство и в конечном счете будет способствовать расширению социальной мобильности личности.

В содержании образования могут быть использованы сведения и идеи религиозного характера. Но религия может способствовать формированию общечеловеческих моральных понятий и убеждений лишь при условии, что религиозное просвещение построено на основе равной представленности в содержании образования гуманистических ценностей всех мировых верований и осуществляется в форме межкультурного диалога.

Важнейшим условием поликультурного образования и воспитания является приобщение студентов к языкам народов, проживающих как в России, так и за рубежом. В многонациональном Российском государстве особую роль в становлении личности и реализации ее творческих возможностей, воспитании культуры мира играет русский язык как язык межнационального общения, имеющий богатые культурные традиции и литературное наследие. Владение языком межнационального общения расширяет образовательные, научные и культурные перспективы личности, включает ее в богатый контекст нравственных образов русской литературы, приобщает к культурным, научным и техническим достижениям России и мира.

Очевидно, что развитие национально-русского двуязычия в школе — объективная необходимость, так как создает благоприятные условия для более полного развития личности, формирования сопричастности и ответственности за судьбу российского общества. Обучение русскому языку является важной государственной задачей, решение которой вносит вклад в обеспечение целостности государства, достижение межнационального согласия. Вместе

с тем русско-национальное двуязычие содействует включению носителей русской культуры в уникальный мир проживающих в России этносов, формированию уважительного отношения к другим народам.

В рамках поликультурного образования изучение иностранных языков позволяет не только развивать лингвистическую компетенцию, но и знакомить молодых людей с культурой страны изучаемого языка, познанием ее ценностей, обычаев и традиций, норм поведения носителей иной культуры.

Сопоставление элементов культуры другой страны со знанием родной культуры дает возможность получить подтверждение идеи многообразия культур; уяснить особенности культурных проявлений, обусловленных спецификой географических условий, экономического, политического и социального развития; принять эти особенности как данность; учитывать их во взаимоотношениях с носителями инокультурных систем; испытывать чувство уважения к культурным достижениям другого народа, сопричастность к его проблемам и трудностям, стремление к межкультурному сотрудничеству. Вместе с тем необходимо помочь молодежи выработать невосприимчивость к худшим образцам поп-культуры, которая насаждает бездуховность, цинизм, жестокость, меркантилизм.

На мой взгляд, следует прислушаться к мнению Владимира Петровича Лукина, уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, выражающего глубокую обеспокоенность тем, что наша действительность «перечеркнула мечтание поэта Некрасова о том, что настанут времена, когда русский мужик “Белинского и Гоголя с базара понесет”. Но на базаре, который наступил и именуется сегодня рынком, людям вместо Гоголя и Белинского навязывают продукцию оглупляющую, приводящую к дебилизации. Делается это сознательно. Круглосуточно идут беспрерывные тупые хохотушки, аншлаги, низкопробные жестокие фильмы и прочие поделки. Это не проблема недосмотра начальства. Это создание сознательных структурных отношений между народом и властью. Это очередной опиум. Как будто накурившиеся опиумом люди — хороший материал для стабильного общества. Совсем наоборот».

Приведу пример, иллюстрирующий то, как пытаются «отбить» желание изучать российскую классику. В издательстве «Эксмо» в серии «Популярная энциклопедия» вышла книга Ю. В. Щербатых под интригующим названием «Психология личностных качеств». В ней автор предлагает читателю познакомиться с такими «качествами» Л. Н. Толстого, как необъективность, зависть, кокетство, сладострастие. У А. Н. Толстого он выделяет непостоянство и подхалимство; у И. С. Тургенева — безответственность, вранье, инфантилизм; у Ф. М. Достоевского — сексуальность и подхалимство. Н. А. Некрасову приписывается суеверие; И. А. Крылову — чревоугодие и лень и т. д. Учительница русского языка и литературы из Омска с 35-летним стажем М. А. Ольховская спрашивает: «Как после этого нам, учителям, преподавать литературу?»

Поликультурное воспитание возможно лишь на основе активных и личностно ориентированных методов обучения, когда молодые люди активно включаются в познавательную деятельность, вводятся в ситуацию диалога с культурой, с собой, сверстниками, преподавателями. Важно, чтобы содержание диалога ставило их в ситуацию выбора и поднимало жизненно важные вопросы, в ходе которых они изучали бы себя и других, определяли свои предпочтения, симпатии и антипатии, самостоятельно строили заключения, приходили к определенным выводам к обобщениям.

Особое значение для решения задач поликультурного воспитания имеет общественно полезная практика, в ходе которой усвоенные понятия и выработанные убеждения приобретают характер привычных способов поведения и деятельности. Работа по охране окружающей среды и сохранению памятников культуры, помощь инвалидам и престарелым, детям беженцев, участие в международных программах и проектах помогают воспитанию уважения к другим народам, странам, способствуют формированию качеств гражданина России, развитию планетарного сознания.

Успех поликультурного образования может быть достигнут в том случае, когда учитываются нравственные ценности и образовательные потребности различных групп молодежи. В настоящее время этнокультурная самобытность воспринимается многими молодыми людьми как личностная ценность. Есть основания считать, что этническая идентичность становится в современных условиях важным фактором при выборе друзей и спутника жизни. Результаты социологических исследований показывают, что большинство студентов Пятигорского государственного лингвистического университета положительно относятся к межнациональным бракам. Но в Северной Осетии 62,5 % старшекурсников считают, что такие браки разрушают народ.

По мнению участников V Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру» (Пятигорск, 2007), необходимо развивать поликультурное обучение таким образом, чтобы вся система образования — от начальных до высших ступеней — не только основывалась на ценностях общего гуманизма, но и учитывала специфику сложившихся на Северном Кавказе обычаев, традиций, этикетов и ритуалов.

Требуется усилить контроль над созданием учебной литературы с целью недопущения фальсификации истории в пользу одних и в ущерб другим народам. В связи с этим представляется целесообразным проведение согласительных совещаний историков, филологов и этнологов с целью достижения консенсуса по наиболее спорным вопросам историографии и этнической истории народов. В образовательной и культурной политике необходимо актуализировать идею о роли русского народа в формировании северокавказской социокультурной идентичности, разделяя понятия «народ» и «государство» при оценке прошлых реалий.

Включение в учебные планы интегрированных курсов литературы, культуры, истории, религии, искусства народов региона помогает понять взаимовлияние, взаимопроникновение и взаимообогащение культурно-исторического опыта различных этнонациональных общностей, выявить его общечеловеческий потенциал.

В настоящее время возникла потребность в подготовке и издании учебника «История народов России», который, не дублируя, а дополняя учебник «История России», мог бы укреплять «иммунитет» школьников против этнического и религиозного шовинизма, воспитывать толерантность и уважительное отношение к представителям различных народов.

В рамках гуманитарного цикла, который требует расширения, представляется целесообразной разработка интегрированного спецкурса «Основы религиозной культуры народов Северного Кавказа» с включением страноведческого, историко-литературного, лингвистического, философского материалов и использованием языковой практики, что позволит преодолеть проблему бездуховности современной цивилизации и заложить основы формирования толерантной поликультурной личности.

С. Ф. Егоров¹

НРАВСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТИВ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Понять современность... можно только на огромном историческом материале — в свете минувших веков.

Д. С. Лихачев

Лаборатория истории отечественной педагогики Института теории и истории педагогики РАО ведет исследования по тематике, близкой Лихачевским научным чтениям. В настоящее время сформулированы некоторые положения (тезисы), которые хотелось бы предложить вниманию участников Чтений.

1. В современных СМИ (как западноевропейских, так и отечественных) распространяется версия, согласно которой Россия во все времена стремилась обособиться, упорствовала в своем нежелании воспользоваться достижениями западной культуры, вследствие чего оказывалась страной в культурном отношении извечно отсталой.

Такая версия, конечно, рассчитана на людей малосведущих. Для добросовестных ученых-историков она не более, чем нонсенс, не заслуживающий внимания. Как справедливо констатируется в одном историко-культурном исследовании, выполненном под руководством Д. С. Лихачева, «Россия всегда была связана с другими европейскими странами в различных сферах общественной жизни — экономической, политической, культурной. Эти связи то крепили, то слабели, но никогда не прерывались»².

Данный тезис можно проиллюстрировать бесконечным количеством фактов из истории гуманитарных наук. Приведу лишь один пример, относящийся ко времени царствования последнего российского императора Николая II. В России в то время выходило более трехсот специализированных периодических педагогических изданий. Они оперативно несли информацию обо всем происходящем в мире образования. Российские ученые-педагоги знали обо всех течениях общественной мысли Запада, о главнейших философских, психофизиологических идеях в зарубежных странах (чего нельзя сказать об их западных коллегах по отношению к России). Проблемы и достижения Запада широко освещались в культурологических журналах. Можно сказать, что к началу XX века в России были переведены на русский язык монографии и книги всех известных деятелей образования и культуры Запада.

Характерен и такой факт: только за 1913 год в России было издано 34 006 наименований книг общим тиражом 133 млн экземпляров, то есть столько же, сколько в Англии (12 379), Соединенных Штатах Америки (12 230) и Франции (10 758), вместе взятых. Можно ли при этом всерьез говорить о замкнутости и извечной отсталости России!

2. Как известно, диалог культур на образовательном пространстве — процесс чрезвычайно сложный, внутренне противоречивый, протяжен во времени, измеряемом десятилетиями и даже столетиями. Миф о нежелании России воспользоваться достижениями Запада может быть рассмотрен в ассоциативной связи с историей культуры духовной, с историей христианства, религиозным самоопределением России, естественным стремлением русского народа (как, впрочем, и других народов мира) к духовной свободе, то есть в связи с теми глубинными факторами, лежащими в основе национального образования и соответствующего ему образа жизни.

Гуманитарная культура Запада и России исторически имеет общий источник — это христианство. Но со временем оно разделилось на восточное (православие) и западное (католичество). На Западе христианство, приспособившись к мирской жизни, оказалось в непосредственной зависимости от изменяющихся временных условий, адаптировалось к ним. Восточное, напротив, противостояло временным факторам, стремилось сохранить в неизменности фундаментальные заповеди христианства. Оно не приспособивалось к жизненным стихиям, но служило формированию народов, особенно народа русского, отвечающего изначальным духовным ценностям христианства.

Отличие православия от католицизма состоит не только в догматах, но и в жизненных проявлениях, в светской культуре: искусстве, художественной литературе, живописи, музыке. В то время как западные «братья во Христе» наслаждались чтением «Декамерона» Боккаччо, наши предки с любовью читали повести о житии святых подвижников. Когда западные художники пребывали в услужении культу обнаженного тела, чувственности, на Святой Руси высочайшей степени совершенства достигла иконопись, обращенная прежде всего к духовной красоте человека. В костеле звучал орган, а в православном храме — мелодика человеческого голоса, непревзойденное унисонное пение знаменного распева. Различными были любимые литературные образы женщин: на Западе это Кармен, а в России — Татьяна Ларина.

Совершенно очевидно, что к подобным различиям в культуре Запада и России неприменимы (даже неуместны) оценки «передовая» или «отсталая». Можно лишь констатировать определенные различия нравственных оснований, на которых зиждутся образ жизни народов и светская культура, им обусловленная.

История не знает каких-либо значительных фактов, свидетельствующих о замкнутости как доминирующей черте русского характера. «Но, — утверждают современные исследователи истории культуры, — было стремление противостоять напору западных идей, подтачивавших духовную сердцевину русского народа, начиная с XVII века, в виде протестантизма и протестантских сект, деятельности иезуитов, масонов, а позже и прямой пропаганды атеизма»³.

3. Диалог культур... В сочетании этих двух слов можно увидеть сакральный смысл, а именно — равноценность и равнозначимость каждой из культур — участниц диалога. Такой диалог возможен лишь на основе общечеловеческой нравственности, обеспечивающей прогрессирующее, плодотворное, взаимообогащающее развитие каждой из участвующих в диалоге сторон. Лишенный такой нравственности диалог культур неизбежно обращается в их противоборство с непредсказуемыми последствиями.

Немало подтверждений тому мы находим в истории России Нового времени. Типичным примером безнравственного «диалога» можно назвать события XVII века, когда под видом приобщения «отсталой» России к «передовой» культуре Запада был произведен раскол в православной церкви (дела церковные, конечно, относятся к компетенции богословов, а не ученых, однако нас не могут не интересовать образовательные составляющие

¹ Академик РАО, заведующий отделом Института теории и истории педагогики РАО (Москва), доктор педагогических наук.

² Из истории международных культурных связей России / под ред. Д. С. Лихачева. Л., 1980. С. 278.

³ Очерк русской философии истории. Антология. М., 1996. С. 213.

подобных событий). Церковный раскол впоследствии спровоцировал раскол в сознании русского народа. Более того: он стал национальной катастрофой, трагические последствия которой давали о себе знать в течение трех столетий и до конца не преодолены и в наши дни.

Первый акт этой трагедии России начинался с малого — с подмены содержания и смысла в слове «раскольник». По условиям того времени это слово невозможно было внедрить в массовое сознание, поскольку тогда не было современных СМИ. Как сказал один из классиков-материалистов, идеи становятся материальной силой тогда, когда они овладевают массами. В то время стараниями иноземных «просветителей» России это слово было внесено в постановление Церковного собора и тем самым превратилось в догму, которую уже не могли отменить ни церкви, ни патриархи, ни тем более Синод, учрежденный вместо патриаршества при Петре I.

В последующем для России диалог культур не всегда был плавным, беспроблемным процессом. И в XIX веке российское образование испытывало сильное влияние французской и английской культур. В дворянской среде франкомания сменялась англomanией. На роль опекуна российского образования претендовала, и небезуспешно, Германия. Но вопреки этим влияниям (может быть, отчасти и благодаря им) в XIX веке, ориентируясь на одну из трех составляющих знаменитой триады Уварова («Православие, Самодержавие, Народность»), русская национальная культура ознаменовалась небывалым расцветом мирового значения в таких областях, как художественная литература, музыка, театр, живопись, педагогика.

Российская педагогика вырабатывает уникальные концепции образования, в которых оптимально разрешается проблема соотношения национального и общечеловеческого.

4. В заключение следует сказать об актуальности прошлого. Сегодня возникший в давние времена миф о культурной отсталости дополняется распространением взгляда на Россию как на географическое пространство, где интернациональный бизнес хотел бы извлекать для себя материальную выгоду. Небезызвестный западный благотворитель-меченат и миллиардер требует «вывести бизнес за рамки морали». Ему оказывают информационную поддержку некоторые русскоязычные СМИ. (Понятие «бизнес» стало распространяться на производство не только материальное, но и духовное, в том числе на образование.) Этот «благотворитель» внедрил в России свою образовательную программу, «выведенную за рамки морали». В действительности она оказалась «хищением» мозгов, покупкой талантов с вывозом их на запад и разрушением моральных устоев российского общества. Из 23 рос-

сийских регионов ее внедряли у себя 9 областей, которые и оказались на грани моральной деградации.

Мы являемся свидетелями того, что образовательная система стала наиболее уязвимым местом, своего рода ахиллесовой пятой России, полигоном для сомнительных экспериментов.

5. В XVII веке недоброжелатели России внедрили всего одно искаженное слово в постановления Церковного собора, что спровоцировало процесс огромной разрушительной силы. Сегодня можно наблюдать то же самое действие, но только с другими техническими средствами и в несравненно больших масштабах. Слова русского языка в СМИ подменяются лексикой иноземного происхождения. Цель замены русских слов иноземными очевидна — это разрушение традиционной для России нравственности. Но нравственность для каждого человека, так же как и для общества, государства, такое же необходимое условие существования, как невидимая, неосознаваемая нами озоновая оболочка — для существования жизни на Земле.

Сравните, например, такие пары слов и понятий: наемный убийца — киллер; проститутка — путана; блуд, половая распущенность — секс и т. д. В русских словах содержится нравственная оценка поступков и действий человека. В иноземных аналогах мы не всегда можем различить их нравственный смысл, поскольку в большинстве случаев не знаем и не чувствуем этимологии иностранных слов.

Последствия таких технологий, изобретаемых некоторыми руководителями СМИ и дополняемых рекламой сигарет, алкоголя, прелестей «свободной» любви, предсказуемы. За последние 15 лет числа курящих подростков увеличилось в три раза. Сегодня алкогольные напитки употребляют 80 % молодежи (почти 40 % из них — школьники). Среди наркоманов более 80 % — дети и молодежь. Около 30 % детей рождаются в незарегистрированных браках. Число детей-сирот возросло более чем на 75 %. Только за 2007 год в России зарегистрировано 140 тыс. детских преступлений.

Вместе с тем «культуртрегерская» деятельность электронных СМИ набирает обороты. Социологи за один день просмотра семи федеральных каналов телевидения увидели сцены 160 драк, 202 убийств, 6 ограблений, 10 половых актов, 66 сцен распятия спиртных напитков, 30 случаев нецензурной брани, 32 негативные новости. Такой «вклад» в развитие российской культуры внесли лишь семь телевизионных каналов, при этом не учитывались другие электронные СМИ. Все попытки создать какой-либо контроль над нравственностью на телеканалах потерпели фиаско.

Что бы сказал об этом Дмитрий Сергеевич Лихачев?

В. И. Загвязинский¹

О СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРАХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

С конца 1980-х годов реформирование российского образования происходит практически непрерывно. Это обусловлено рядом объективных факторов, среди которых особенно важными и действенными являются социальный заказ, национальные культурные традиции и мировой опыт преобразований в образовательной сфере.

Представляется бесспорным, что современная гумано-личностная парадигма образования (ориентация на че-

ловека, его развитие и готовность к самореализации и творчеству во всех сферах деятельности), которую российское образование выстрадало всей своей многотрудной историей, должна оставаться основным стратегическим ориентиром функционирования и развития образования. Также не вызывает сомнений, что содержательным наполнением этой парадигмы, как и самого образования, является культура во всем ее многообразии, прежде всего ее ценностное ядро, порождающее личностные смыслы, жизненные ориентации становящейся личности (М. М. Бахтин, Л. П. Буева, Д. С. Лихачев, Л. Н. Коган, М. К. Мамардашвили и др.).

¹ Академик РАО, заведующий кафедрой методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор.

Конечно, социальная ситуация, особенности современного постиндустриального этапа культурного развития мира и страны требуют новых интерпретаций, определенных корректив, учета приоритетности в решении назревших и назревающих проблем развития.

Российское образование выжило в трудные 1990-е годы, сохранило самобытность, многие признанные достижения именно потому, что оно постоянно обновлялось, стало значительно более демократичным, вариативным, диверсифицированным и технологичным. Вместе с тем в период глубокого социального и экономического кризиса оно утратило некоторые позиции, особенно в сфере воспитания. В последние годы (начиная с 2004 г.), когда начался новый, активно иницируемый властью и в общем совершенно необходимый этап реформирования, связанный с возрождением и стимулированием инновационного развития страны в целом и образования в частности, с задачами материально-финансового и кадрового обеспечения образовательной сферы, обострилась проблема стратегических ориентиров развития образования. Это связано с заметным снижением качества общего и профессионального образования и с реальной угрозой перехода от гуманно-личностных и социокультурных традиций к сугубо прагматическим и технократическим ориентирам в образовательной стратегии, реальной политике и практике реформирования.

Практика оптимизации сети и структуры образовательных учреждений, связанная со свертыванием в 1990-е годы сети дошкольных учреждений, а в последние годы — с ликвидацией нескольких тысяч сельских школ; введение Единого государственного экзамена (ЕГЭ) в форме тестов как единой и единственной обязательной формы аттестации выпускников средней, а сейчас и основной школы и приема в вузы, другие учреждения профессионального образования; переход к нормативной оплате труда педагогов; значительное расширение сферы платных образовательных услуг; трактовка образования как сферы услуг породили множество вопросов. Они побуждают педагогическую (и не только) общественность ответить на ключевые вопросы: каковы стратегические ориентиры развития образования; нужно ли сохранять традиционную гуманно-личностную парадигму образования; нуждается ли она в корректровке, уточнениях, новой интерпретации, допустимы ли отступления от нее ради требований ситуативного характера, получения определенных выгод; насколько допустимы (и допустимы ли?) расхождения между социальной стратегией, образовательной политикой и практикой реформирования сферы образования и т. д.

В перестроечный период возникли и стали общепризнанными (хотя еще далеко не полностью реализованной) концепция и методика личностно ориентированного образования (Н. А. Алексеев, Е. В. Бондаревская, В. В. Сериков, И. С. Якиманская и др.). Они явились естественной реакцией на игнорирование личностного подхода в идеологизированной системе коллективистического, ориентированного только на общественные ценности воспитания. Однако в развиваемых психологами и педагогами концепциях изучения и воспитания человека произошла неоправданная переоценка самодостаточности и самостоятельности личности. Потребности общества, его влияние, готовность человека отдавать ему свои силы и способности оказались на втором плане. Возобладала ориентация на «само-»: самоанализ, саморегуляцию, самоидентификацию, самоотдачу и т. д. Если продолжить этот понятийный ряд, то придем к самодостаточности, самонадеянности, самомнению и другим не столь положительным характеристикам.

По всей видимости, полезное «приближение» образования к личности, ее потребностям и интересам, ориен-

тация на то, чтобы сделать человека субъектом образовательного процесса и жизненного самоопределения, должны быть сбалансированы социальными запросами, объективным содержанием культуры. В этом случае возникает не только личностная, но и социально-личностная ориентация образования. Ее условно можно выразить аббревиатурой СЛОВО (вспомним: «В начале было Слово») — **социально-личностная ориентация воспитания и обучения**.

Личностная ориентация, предполагающая учет индивидуальных особенностей обучающихся (воспитуемых), стремление помочь им стать субъектами собственной жизни и деятельности, то есть сформировать умение видеть проблемы и сложности жизни, ставить цели, находить средства их реализации, регулировать и оценивать собственную деятельность, остается, но включается в широкий социокультурный контекст, социальную ситуацию развития, осуществляемую на базе общей и профессиональной культуры. В социальном заказе общества и государства (государственный заказ должен адекватно отражать общественный заказ, но не всегда удается достигнуть адекватности) должны органически интегрироваться текущие и перспективные интересы общества (социума), семьи и отдельного человека.

Следует отметить и тот факт, что согласно рекомендациям психологов и данным практики «само-» не рождаются самопроизвольно, а создаются через «со-» — совместное дело, общую деятельность в группе, коллективе: сотрудничество, соучастие, сопереживание, сотворчество, сострадание, событие, созидание, соревнование, солидарность.

В современных условиях качественное образование стало дороже. Современная техника в школе — это компьютерные классы, Интернет, видеосвязь, мультимедийные электронные информационные системы и многое другое. Назрела острая необходимость достойной оплаты труда педагогов и других работников образовательных учреждений, в связи с чем федеральные и региональные программы и проекты развития предполагают отказ от остаточного принципа финансирования образования и «вписывания» последнего в рыночные отношения. Поэтому вполне оправданно особое внимание к решению экономических и финансовых проблем обеспечения образования. Однако своевременный, но все же аспектный подход к решению проблем не изменяет общей концепции образования, стратегии его развития, хотя и определяет границы возможного воздействия на определенный период времени. Антикризисные меры требуют реальной ответственности и конкретных действий государства, но обязательно в рамках общей гуманистической парадигмы и принципа культуросообразности.

В действительности в ходе последнего (с 2004 г.) этапа реформирования российского образования на уровне стратегических установок гуманно-личностная (культурологическая) парадигма находит свое подтверждение, а в реальной политике и практике преобразований происходит отход от гуманно-личностной парадигмы и возврат к уже пройденному этапу господства ЗУН-концепции (знания, умения и навыки как результат образования, его основной продукт) и прагматической рыночно-финансовой парадигме, которая трактует образование как сферу услуг, а не как явление культуры.

Появилась и соответствующая терминология: «человеческий капитал», «человеческий ресурс», «человек-час» (аналогия — «койко-день» в медицине). В тюменском опыте преобразований (в области опережающими темпами вводились все инновации последнего периода, предлагаемые Министерством образования и науки РФ и активно внедряемые «сверху» в админист-

ративном порядке) появился еще один любопытный термин — БОР — бюджетно ориентированный результат. Он определяется по итогам года, и требуется доказать, что бюджетные деньги «сработали»: улучшились результаты ЕГЭ, уменьшился или ликвидирован отсев учащихся, стало больше победителей соревнований и олимпиад и т. д. Показатели действительно стали улучшаться, но ведь то же самое уже было с так называемой процентоманией. И тогда (в середине XX в.) стало ясно, что погоня за показателями — дело опасное и вредное. Кроме того, следует учитывать, что основные развивающие результаты обучения и особенно воспитания имеют отсроченный характер, проявляются далеко не сразу и не «улавливаются» тестами ЕГЭ.

Таким образом, происходит превращение средства, инструмента, пусть даже востребованного, в цель. Культурологическая сущность, человекоосозидающая миссия образования выхолащиваются, подменяются рыночными категориями, гуманный и гуманитарный подходы — технократическим. Происходит усиление формального подхода в ущерб содержательному и созидательному. Лучшая иллюстрация этого положения — административное введение ЕГЭ и еще более — использование его показателей для управленческих нужд, сравнительных оценок качества образования.

В заключение следует сказать о некоторых важных направлениях реализации образовательной стратегии в современных условиях. Среди них можно выделить:

— Необходимость коррекции образовательной политики в центре и регионах с приведением ее в соответствие с принятыми стратегическими установками (отмена или серьезная трансформация ЕГЭ; восстановление статуса воспитания и воспитателей; принятие мер по сохранению и углублению гуманитарного образования; реализация государственной поддержки не только учителей, но и других работников образования: социальных педагогов, психологов, руководителей секций и кружков, медработников и т. д.).

— Действенное научное обеспечение и поддержка развития образования. Продолжение уже проводимых мер по обеспечению качества и востребованности научных исследований, призванных обеспечить перспективное развитие образовательных систем, научное обоснование управленческих решений.

— Усиление интегративного начала образовательных программ и в качестве важной результирующей овладение системой знаний естественно-научной, социальной, а затем и целостной картины мира с осознанием их выпускниками и определением последними своего места в общей системе отношений человека с природой, социумом и самим собой. Для этого (наряду с предметным построением содержания по сферам: природа, общество, человек — и деятельностью по его освоению) необходимо ввести в стандарты и программы надпредметные области, фрагменты, понятия.

— Выяснение и реализация способов интеграции традиционных и новых подходов, идей, методов и технологий образования, для того чтобы в процессе освоения новых информационных и коммуникативных технологий образования обеспечить их развивающее влияние, используя потенциал педагогики сотрудничества, личност-

но ориентированных подходов, уровневой и типологической дифференциации, проектной и учебно-исследовательской деятельности, диалогового и контекстного обучения, методики коллективной творческой деятельности и других зарекомендовавших себя подходов.

— Продуктивным направлением в русле комплексного культурологического подхода в настоящее время выступает компетентностный подход к определению ориентиров, содержания и методов образования. Последовательное и полное воплощение компетентностного подхода — один из способов реализации культурологической концепции, так как он включает ценностно-мотивационную, знаниевую, деятельностно-операциональную составляющие, предусматривает готовность к деятельности, активному участию в различных сферах жизни, закладывает основу жизненной успешности и самореализации. О компетентностном подходе в настоящее время говорят и исследователи, и практики, но для его освоения нужны вполне конкретные меры:

1) необходимо отразить в стандартах общего и профессионального образования, в подборе контрольно-измерительных инструментов возможность и способы оценки основного образовательного продукта: личностных и профессиональных качеств выпускников, их готовности к труду и продолжению образования;

2) нужно продумать и опробовать варианты сочетания предметного обучения с элементами комплексного межпредметного и надпредметного обучения и практики (например, за счет расширения или введения курсов «Я и мир», «Человек в развивающемся мире», «Человековедение», «Религиоведение», «Основы естествознания», комплексных практик); использования новых подходов при построении учебного плана школы, например с выделением в качестве стержневой идеи «вхождения» человека в культуру с учетом трех «каналов» (А. И. Уман): языка (инструментальный цикл — родной язык, математика, информатика, иностранный язык, изобразительное искусство, музыка, черчение), природы (физика, химия, биология, физическая география), общества (история, литература, обществознание, экономика, право) и межпредметных курсов (основы безопасности жизнедеятельности, физкультура, технология и др.).

— В последние годы в качестве обобщающих наряду с понятиями «педагогическая система», «авторская система», «комплексный подход» употребительными стали понятия «технология» и «технологический подход». Расширительная трактовка указанных терминов включает и общие ориентиры, и концепцию, и методы обучения, и то, что всегда относилось к технологиям, — алгоритмизированные процедуры деятельности. В такой трактовке технологический подход способствует выполнению стратегических функций современного образования, дает возможность сочетать алгоритмизацию и творчество, логику и образность в обучении, воспитании и научно-методическом поиске. Но тем не менее в этой области, как и везде, нужны мера и осторожность. Сомнительно говорить о технологии воспитания и развития, технологии интеграции человека в культуру. Эти процессы очень интимны, нестандартны, вариативны и трудно формализуемы, они требуют создания нестандартных индивидуализированных авторских методик.

А. Ф. Закирова¹О РОЛИ ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ ЗАПАДА И ВОСТОКА
В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ МИРОПОНИМАНИИ

В ряду общих требований к образованности современного педагога Государственный образовательный стандарт² предусматривает «владение системой знаний и представлений о человеке как о существе прежде всего духовном», научно-гуманистическим мировоззрением, а также различными способами познания и освоения окружающего мира, к числу которых с полным правом должны быть отнесены и способы интерпретации знаний о человеке, предлагаемые герменевтикой — теорией и практикой понимания феноменов гуманитарной культуры (искусства, языка, религии, народных традиций).

Говоря о разнообразных формах познания действительности, нельзя обойти вниманием особую тему, которую традиционная наука обычно выводит из сферы исследовательской деятельности, — это *религиозно-мистические традиции духовного постижения жизненной реальности*. Применение при истолковании педагогических явлений и процессов научных методов исследования и художественно-эстетического взгляда на педагогический процесс недостаточно для обретения *духовного зренья* и настроя на понимание как *духовное творчество*. Педагог как человек духовной культуры и духовных исканий, преследуя цель помочь раскрыться в ребенке *сокровенному*, обратившись к мистической культуре Востока и духовным традициям Запада, обнаружит много ценных и привлекательных для теории и практики образования идей.

Проблема взаимоотношений веры и знания, религии и науки во все времена была злободневной. Синтез разума и иррационального начала, заложенного в людях, сегодня называют ключом, способным открыть дверь в будущее человечества (Н. Моисеев). Высказываются и более смелые утверждения, что наука как идеология научной элиты должна быть лишена центрального места и уравнена с мифологией, религией и даже магией (П. Фейерабенд). Однако подлинного диалога науки с религиозно-мистическим мировоззрением до сих пор не произошло, хотя он давно назрел, и создание науки подлинно интегральной, цельной неизбежно³.

Что касается теории и практики образования, то, к сожалению, сегодня в них практически не присутствуют понятия «душа», «дух», «духовность», «трансценденция», «тайна», «созерцание», «просветление». Духовная составляющая педагогической деятельности сведена к минимуму. Парадоксально, но даже психология, призванная в соответствии с этимологией понятия быть наукой о душе, не рассматривает ее как предмет постижения. Вместе с тем религиозная антропология в составе человеческого существа наряду с телом выделяет душу и дух и настаивает на необходимости целостного видения человеческой природы. В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев на основе гуманистических идей М. Шелера и его последователей пытаются дать определение *духовного человека*, для которого характерна личная независимость от всего органического (телесного), свобода от принуждения. Ученые, комментируя идеи М. Шелера, подчеркивают, что именно понятие «дух» выражает подлинную природу человека. По М. Шелеру, это понятие родственно выдвинутому

древними греками понятию «разум», но кроме способности мыслить идеи предполагает *умение созерцать первофеномены, абсолютные ценности* и включает такие высшие эмоциональные проявления, как доброта, любовь, раскаяние, свободное решение⁴.

Вместе с тем классики отечественной педагогики уделяли серьезное внимание духовным началам педагогической деятельности, хотя в советский период развития педагогики и образования большинство этих идей не были популярны. Так, К. Д. Ушинский в работе «О пользе педагогической литературы» и в «Психологических монографиях» писал, что наставническая и воспитательная деятельность, может быть более, чем какая-либо другая, нуждается в постоянном одушевлении. «Если цель естественных наук состоит в изучении явлений природы, то каким же образом можно выкинуть из области природы явления души человеческой? Разве есть где-нибудь границы этой области?»⁵

Характерно, что отец российской педагогики в качестве ее особого достоинства выделяет возможность *непосредственного усмотрения истины* педагогом, при котором для наблюдения за явлениями душевной природы ребенка не требуется каких-либо специальных инструментов (ножа, микроскопа, весов): «Эта непосредственность наблюдения есть высочайшее достоинство науки, а не недостаток ее. Через микроскоп или непосредственно пройдет мысль, чтобы явиться на суд ума, — не все ли это равно? И не более ли даже ручательства в ее верности, если она явится непосредственно?»⁶ Неудивительно, что эти мысли великого ученого не были популярны в советский период развития педагогики: в них вопреки канонам классической науки приветствуется идея непосредственного усмотрения истины, традиционно воспринимаемая только в контексте религиозной и эзотерической литературы.

К. Д. Ушинский, оставаясь признанным мировым научным сообществом ученым-классиком, тем не менее отвергает идею конечности душевной природы ребенка, тем самым ставя под сомнение возможность подчинения строгим законам развитие его духовной природы: «В каждом явлении душевной природы... мы непременно встретимся с бесконечностью, потому что она везде и во всем! Если же мы не видим ее, то это верный признак того, что мы не вникли глубоко в явление... отвернулись от раскрывшейся перед нами бесконечности и, побуждаемые нетерпением и самолюбием, превратили ее в конечность, группируя верно одни факты, насилуя другие, забывая о третьих с свойственным человеку увлечением»⁷. Основоположник отечественной педагогики в своих трудах обращал внимание на ущербность поспешного употребления психологических терминов (таких, как «способность представления», «сознание» и др.), таким образом предостерегая от насильственного и искусственного подведения под понятия сложных проявлений души человека.

Понятие духовности присутствует и в трудах Н. И. Пирогова. Так, в частности, в статье «Быть и казаться» ученый патетически восклицает: «Должны ли мы... оставаться хладнокровными к духовному миру наших детей?» Ведь ученых интересует духовная сторона жизни даже

¹ Профессор кафедры методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета, доктор педагогических наук.

² Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. URL: <http://www.edu.gov.ru/>

³ *Казначеев В. П.* Великое объединение наук // Наука и религия. 1990. № 8. С. 6–7.

⁴ *Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. М., 1995.

⁵ *Ушинский К. Д.* О пользе педагогической литературы // Ушинский К. Д. Педагогические сочинения: в 6 т. М., 1988. Т. 3. С. 342.

⁶ Там же. С. 343.

⁷ Там же. С. 347.

умалишенных. Обнаруживается, что и эти «отверженцы общества» обладают собственной логикой и последовательностью в действиях. Важно *духовно сблизиться с детским миром*. Педагог, по Н. И. Пирогову, «исторгая ребенка из его собственного духовного бытия, ...заставляя его смотреть на мир по-нашему (по-взрослому), достигает того, что ребенок начинает нам казаться не тем, что он есть (последствия псевдопонимания)»¹.

Приведенные свидетельства подтверждают назревшую необходимость более пристального обращения к *религиозно-философским познавательным практикам и мистической духовной традиции* с целью поиска духовных источников понимания человека и жизненной реальности. При этом изначально важно учесть, что между основными мировыми религиями не существует принципиальных противоречий. Так, и *христианство*, и *ислам*, будучи религиями — духовными наследницами *иудаизма*, преследуют общую цель — духовно-нравственное совершенствование личности, проповедуя доброту, сострадание и любовь к ближнему.

Знаменательно, что многие религиозные идеи перекликаются с подходами герменевтики как науки и искусства истолкования и интерпретации реальности. В частности, в *христианстве* вера признается высшей формой познания и особой формой восприятия действительности, благодаря которой человек видит, ощущает и понимает то, что не могут воспринимать внешние органы чувств. Только благодаря вере происходит восприятие и постижение благодати. Определяющая роль в христианстве отводится любви, без которой и наличие дара пророчества, и знание всех тайн — ничто. Любовь в христианской религии ставится выше любого знания. Представляется, что без принятия этой идеи подлинное одухотворение педагогики недостижимо.

Ценными для теории и практики интерпретации и постижения педагогических реалий, воплощенных в текстах, являются многие *откровения ислама*. Так, чрезвычайно интересной для педагогики и гуманитарных наук в целом является идея *диалогического* (восстанавливающего смысл) *духовного прочтения* религиозного текста, основанного на *сочетании образно-эмоционального восприятия, рационального истолкования и духовно-нравственного постижения истин*. Одной из трудностей восприятия Корана является полемический характер изложения (откровения приходили пророку Мухаммеду как ответы на вопросы). В Коране зафиксирована только речь Мухаммеда без вопросов, ее породивших. Таким образом, текст Корана зачастую представляет собой одну сторону диалога. Для полного понимания необходимо восстановить диалог. Выход может быть следующим: читать суры, *вникая в содержание духом*, рисуя в воображении картины и, главное, предполагаемого собеседника, к которому обращена речь пророка. Непосредственное отношение к проблематике герменевтики гуманитарного знания имеют религиозно-философские понятия «захир» (в переводе с арабского — открытое, видимое, общедоступное) и противоположное по смыслу «батин» (в переводе с арабского — тайное, скрытое, сокровенное, требующее глубоко личностного осмысления и духовного очищения).

Полезными и привлекательными для герменевтического осмысления гуманитарных, в том числе педагогических, явлений представляются *идеи буддизма*. Буддист не рассматривает себя отдельно от окружающих предметов: нет человека и предмета, а есть «человек, видящий предмет»; нет ни солнца, ни «Я», а есть «Я, смотрящий на солнце». То есть в буддизме происходит *неразрывное*

*соединение субъекта и объекта*². Очевидно, что, вникнув с профессиональным интересом в этот принцип восточного мирозерцания, прочувствовав его через обращение к восточной (например, японской) поэзии, духовно вырастая, педагог-гуманист сможет более полно постигнуть идею отказа в межчеловеческих взаимоотношениях от губительной и подавляющей объективации, отчуждения, научиться не только оперировать привычными для западного сознания полярностями, не только управлять и руководить, но и с уважением и благоговением прислушиваться к окружающему миру и себе.

Осознавая ответственность, которую несет ученый, мы, тем не менее, сочли необходимым, помимо герменевтического осмысления идей общепризнанных мировых религий, привлечь внимание и к некоторым подходам нетрадиционных религиозно-мистических течений, содержащих ценный опыт познания человеческого духа. Как верно замечает П. С. Гуревич, мистическая духовная традиция сопровождает всю человеческую историю, это древний и постоянный пласт культуры. Невозможно представить себе изначальное восхождение к знанию без тайноведения, а современность — без теоретического описания мистического опыта. Очевидно, что без такой формы духовной жизни, как мистика, представление о мире не может быть полным. Знаменательно, что крупнейшие русские философы Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев видели в мистике древнюю форму универсального постижения бытия, способ, при помощи которого постигается изначальное единство мира.

В интерпретации и понимании реальности, в том числе педагогической, участвуют не только рационально-логические, но и интуитивные начала. Для изучения последних полезно исследовать (*предельно взвешенно и критично!*) характерные особенности такого сложного и загадочного явления, как *мистические переживания* (вспомним Н. А. Бердяева: «В мистике есть духовное дерзновение и почин внутреннего человека, глубочайших глубин духа»).

На наш взгляд, для широко и нестандартно мыслящего педагога, исследующего разнообразные методы осмысления и понимания человека и жизненной реальности и пути освоения искусства педагогического ясновидения, в качестве материала для размышлений и духовного творчества могут выступать: идеи Н. Рериха о мировом единении и взаимном понимании, духовном очищении и самосовершенствовании; подходы Р. Штейнера, в частности его мысль о том, что переживание будет всегда сопровождаться пониманием, если каждый шаг, который нужно сделать, будет основываться на здравом суждении; мысли А. И. Клизовского об очищении сознания, духовном просветлении, духовном зрении и воспитании человека одухотворенного и утонченного; учение П. Д. Успенского, который всю свою жизнь стремился выйти за пределы логического мышления и отстаивал идеал «просвещенной духовности».

Вполне объяснимо, что, отходя от вульгарного материализма, многие современники с интересом обращаются к различным формам идеализма и мистицизма («эффект маятника»). Мы видим в таком внимании к многогранному духовному опыту человечества и собственной духовной жизни немало позитивного. Представляется, что настало время рассматривать педагогику не только как область научного знания или свод методов и форм практического воздействия на человека, но и как подлинную *духовную деятельность*. Однако важно подчеркнуть в идее божественного откровения, мирового логоса *созидающее начало, пафос возвышения и раскрепощения человека, побуждающий его не к власти над людьми и миром или*

¹ Пирогов Н. И. Избранные педагогические сочинения / сост. А. Н. Алексюк, Г. Г. Савенок. М., 1985. С. 95, 97.

² Андреев О. А. Духовное возрождение личности через анализ мировых религий. Ростов н/Д, 2003. С. 207.

к уходу от реальности, а к подлинному гуманизму и творчеству. Необходим настрой не на ожидание и принятие готовых решений, истин и откровений (что было бы возвратом к павловскому «все — в методе» и как следствие — закрепощение новыми догмами), а глубоко и всесторонне осмысленная личностная интерпретация жизненных реалий на основе соединения «участного мышления» (М. М. Бахтин) с многомерным духовным и эмоционально-чувственным постижением самого себя и окружающего мира.

Будучи построенными на единой эмпирической базе, научный и венаучный блоки гуманитарного, в том числе и педагогического, знания находятся в отношениях сосуществования и имеют большие внутренние возможности для взаимодействия и взаимодополнения. При этом важно изучать не только научные закономерности, но и, как писал Д. С. Лихачев, «антизакономерности». Синкретизм, соединение в педагогической деятельности разнообраз-

ных методов познания человека и действительности — это условие эффективного творческого постижения педагогической реальности с позиций красоты и гуманизма на основе оптимистической веры в высокое предназначение и возможности человека. В свое время М. М. Пришвин писал: «Поэзия — это предчувствие мысли». Вместе с тем Ш. А. Амонашвили, рассуждая о важности педагогической веры в жизненную миссию каждого ребенка, называл веру, постулаты которой не поддаются или не всегда поддаются научному доказательству, «предчувствием знания».

Нам представляется, что поиски своего рода «ключа» герменевтического понимания (или, выражаясь языком традиционной науки, «формулы» понимания) следует вести в контексте культурного диалога о предмете педагогического истолкования между искусством, наукой и верой (по В. С. Библеру, между «разумом эйдетическим», «разумом познающим», «разумом причащающим»).

И. А. Кузнецова¹

МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ МИРОВОСПРИЯТИЯ СТАРШИХ ШКОЛЬНИКОВ

В период юности человек осознанно или бессознательно ищет для себя привлекательные идеалы. Молодые люди в силу возрастных и психологических способностей более восприимчивы, чем взрослые, к общечеловеческим, морально-этическим ценностям. В групповом общении, которое складывается преимущественно в свободное от учебы время, у подростка вырабатываются определенный стиль и нормы поведения, вкусы, ценности, моральные установки, то есть собственная культура.

Психологическая сущность старшего школьного возраста имеет принципиальное значение как для общей теории психического развития ребенка, так и для воспитания школьников. «В переломные моменты развития ребенок становится относительно трудновоспитуемым вследствие того, что изменение педагогической системы, применяемой к ребенку, не успевает за быстрыми изменениями его личности»². Зная конкретные особенности критического возраста, можно при помощи особого способа воспитания добиться, чтобы преобладали созидательные, а не разрушительные моменты в становлении мировоззрения подростков. Психологическое изучение закономерностей формирования личности при переходе от подросткового к юношескому возрасту особенно актуально в настоящее неустойчивое динамическое время.

Переходный период — очень ответственный этап возрастного развития. Л. С. Выготский писал, что к началу этого возрастного периода складывается совершенно своеобразное, специфическое для данного возраста, единственное и неповторимое отношение между ребенком и средой, которое он назвал социальной ситуацией развития³. Под социальной ситуацией развития понимается система отношений между ребенком и средой. Именно переживание ситуации, каких-либо особенностей среды определяет то, какое они будут иметь влияние на ребенка, его дальнейшее развитие. А. Н. Леонтьев обратил внимание на то, что своеобразии возрастной характеристики ребенка во многом определяется тем местом, которое он

объективно занимает в системе человеческих отношений на разных этапах своего развития⁴.

Одной из наиболее существенных и психологически осознанных характеристик человека является его личностное отношение к миру, людям, самому себе. Самое главное — молодой человек с еще неустоявшейся психической сферой, на которую «давит» юношеский максимализм, не всегда находит себя социально в нужном месте и в нужное время, что вызывает психологическое внутреннее рассогласование. В поведении подростков значимыми средовыми факторами являются:

- крайне низкий культурно-нравственный уровень родителей;
- несостоятельность семейного и школьного воспитания;
- выход подростков из сферы влияния школьных и внешкольных общественных организаций на свободу;
- отчуждение, самоизоляция подростков от школы;
- активная пропаганда СМИ жестокости, садизма, физического и сексуального насилия;
- алкоголизация, курение.

Одно из существенных изменений внутренней позиции подростка — *возникновение особого комплекса потребностей*, выражающегося в стремлении выйти за рамки школы и приобщиться к жизни и деятельности взрослых. В период юношества молодой человек вступает в первые контакты с соседским окружением, обществом и некоторыми сферами общественной жизни.

Особо следует выделить важный момент новой внутренней позиции подростка — появление формирующей потребности, стремление соответствовать собственным требованиям и самооценке. Общение подростка со сверстниками, сравнение себя с другими, интерес к собственной личности, своим способностям, возможностям, их оценке создают благоприятные условия для развития самосознания в этом возрасте. И наконец, для внутренней позиции подростка становится значимой потребностью найти и занять свое место в коллективе сверстников.

Молодые люди перед лицом идентичных проблем сплываются в тесные группы друзей-ровесников, в кругу которых они вместе сочувствуют и со-участвуют в том,

¹ Старший педагог Социального центра развития семьи и детства Невского района г. Санкт-Петербурга.

² Тарасов С. В. Образовательная среда и развитие школьника. СПб., 2003.

³ Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1991.

⁴ Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971.

что им запрещается обществом. Данное поведение получает одобрение именно в кругу сверстников, оказывается наиболее ценным и значимым для молодых людей.

Л. С. Выготский отмечал: «Когда говорят: “Подросток открывает свой внутренний мир с его возможностями, устанавливая его относительную независимость от внешней деятельности”, — то с точки зрения того, что нам известно о культурном развитии ребенка, это может быть обозначено как овладение внутренним миром. Недаром внешним коррелятором этого события является возникновение жизненного плана как известной системы приспособления, которая впервые осознается подростком»¹.

Формирование личности предполагает становление определенной системы жизненных ценностей человека. При этом «наличие ценностей есть выражение небезразличия человека по отношению к миру, возникающего из значимости различных сторон, аспектов мира для человека, для его жизни»². Юношеский возраст сенситивен для формирования ценностных ориентаций как устойчивого образования личности, способствующего становлению мировоззрения и отношения к окружающей учащейся действительности.

Постоянное воздействие на психику человека СМИ, телевидения, радио, кино, современной музыки зачастую приводит к необратимым изменениям в ее структуре. Несомненно, чем менее развита личность, тем сильнее она ощущает идеологическое воздействие³.

В образе жизни молодого человека выражается его отношение к обществу, труду, другим людям, себе. Эти отношения отражаются в мировосприятии, ценностных ориентациях, жизненных позициях, личностных установках, потребностях и способностях человека, стиле его жизни и поведении.

Среди основных психологических оснований типологии образа жизни в качестве типобразующего признака выделяются ценностные ориентации, а в качестве критериев — преобладание какого-либо вида активности людей, учет их интересов и потребностей.

Структура образа жизни (по определению ряда психологов и педагогов-исследователей) включает ряд взаимосвязанных компонентов:

— аксиологический, то есть ценностный, нормативный, ориентированный на соблюдение некоторых правил, поведения;

— поведенческий, выражающийся в привычках, установках, способах реагирования на различные социальные ситуации;

— когнитивный, связанный с содержанием картин мира, познавательных стереотипов;

— коммуникативный, связанный с включенностью человека в систему социальных связей.

Современный учебно-образовательный процесс, в котором длительное время находятся подростки, достаточно консервативен, ибо сохраняется модель интериоризации на уровне сознания. Сам процесс обучения, усвоения знаний, по А. Н. Леонтьеву, предполагает, что любой объект может превратиться в мотив (предмет деятельности) только тогда, когда он попадет в определенную систему деятельности⁴.

Именно в деятельности человек проявляет активность, которая непосредственно связана с познанием себя и окружения. Деятельность — это не реакция и не совокупность реакций, а система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие. Деятель-

ность — это система, включенная в общественные отношения. Она всегда определяется формами материального и духовного общения, которые порождаются развитием производства социокультурной среды. Источник мотивации человека находится в нем самом, то есть в психологии личности. Деятельность при этом побуждает не просто предмет, а предмет потребностей. Только став предметом устойчивых эмоциональных отношений, идеалы, обязанности, нормы поведения превращаются в реальные мотивы деятельности.

Человек социализируется через самореализацию, и, наоборот, самореализация происходит через социализацию. Система ценностных ориентаций определяет содержательную сторону направленности личности и составляет основу ее мировоззрения, ядра мотивации жизненной активности.

В начале XXI века проблемы воспитания молодежи, взаимодействия поколений необходимо рассматривать в контексте развития науки и техники, поскольку возрастание воздействия информационных, технических средств на психику и нервную систему личности, ее ценностный мир ведет к новым формам отчуждения личности, ее закрытости. Резкий поворот массовой культуры от книги сначала к кино и телевидению, а затем к компьютеру и Интернету лишает молодое поколение возможности опереться на собственное живое воображение.

Индустриально развитые страны, а затем постиндустриальные общественные системы принесли с собой новое явление биологически и физиологически взрослых «социальных детей», нуждающихся, как и все люди, в самоутверждении и самовыражении. Выход из этой ситуации для подростков и юношества был найден в молодежной субкультуре, отличной от культуры отцов, поскольку в их мире молодой человек не мог проявить себя должным образом.

Потребность в самовыражении и неопределенность социальной роли молодых людей, порождающая значительную неуверенность в занимаемых социальных статусах, приводит подростков к спонтанному созданию частичной культуры, каковой является молодежная субкультура. Каждому отдельному подростку создать свою индивидуальную субкультуру практически невозможно. Кроме того, смысл молодежной субкультуры состоит именно в самовыражении и выработке собственного социального статуса, признаваемого окружающими (в данной ситуации хотя бы себе подобными).

Важнейшая функция молодежной субкультуры — признание первичного статуса ее членов, которые входят в общество сверстников и получают тот престиж, в котором им отказывает общество взрослых. Таким образом, группы формируются на свободном социальном пространстве не столько ради заранее заданных целей, сколько ради самих себя. Прямой контакт со сверстниками ценен для молодежи как таковой. В случае с молодежной субкультурой мы имеем дело с культурой, созданной и создаваемой самими молодыми людьми для себя. Поэтому она призвана отвечать тем их потребностям и интересам, которые актуальны именно для них и только в это время.

Молодые люди уходят в молодежную субкультуру из макрокультуры, изолируют себя от нее, создают собственную культуру со своим языком, символикой, обрядами, отличными от принятых в базовой культуре.

Не учитывать основы и потребности молодежной культуры, не стремиться к познанию ее целостности влияния на личность — путь к неудаче любого педагогического процесса, особенно когда речь идет о формировании миропонимания, мировоззрения индивидов старшего школьного возраста.

¹ Выготский Л. С. Указ. соч.

² Леонтьев А. Н. Указ. соч.

³ Тарасов С. В. Указ. соч.

⁴ Леонтьев А. Н. Указ. соч.

А. А. Лиханов¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ЗАБОТА ВЗРОСЛЫХ О СУДЬБАХ ДЕТСТВА

1. В сущности, всякий серьезный диалог о настоящем и будущем должен начинаться и завершаться простым вопросом: для чего и для кого мы существуем? По-человечески, обыденно мы должны заботиться прежде всего о детях и стариках. В историческом смысле — о прошлом и будущем. А мы находимся между двумя этими полюсами.

Основная энергетика любой цивилизации и культуры, несмотря на декларации, учения, объяснения, войны и умиротворение, кризисы и подъемы, во всех общественных стратах с разной степенью возможностей (экономических, социальных, нравственных) тратится не на себя (точнее, не только на себя), а на прошедшее и будущее. И в этом заключается большой смысл, подсознательное стремление цивилизации продолжать жизнь — собою и своими детьми. Но получается по-разному.

2. Что касается России, ее казенной политики, то я всю свою жизнь поражаюсь явно выраженному непризнанию приоритета детства. Когда хотят о чем-то отчитаться, вначале всегда следуют сообщения о квадратных метрах и кубометрах, суммах и процентах, размерах, расстояниях — словом, о любых параметрах, и только потом, в последнюю очередь, вспоминают о пресловутом «материнстве и детстве» (при подзабытом отцовстве) как о некой тяжкой, тянущей вниз необходимости.

Удивительно! Ведь логика продолжения жизни связана с рождением человека. Точнее — с предпосылками благополучного рождения, что, увы, отсутствует или действует ненадежно. Любой экономический и социальный прогноз, тесно связанный с политическим решением, должен начинаться с простой арифметики: сколько у нас сегодня детей? Сколько из них и в каком качестве достигнут «взрослости»? Какую судьбу мы уготовили им через 15–17 лет? Как и кому они станут нужны и на что будут способны?

Назовем этот вектор мысли и практики привычным, простым, экономически и социально отработанным, потому что *так было* многие годы, и, видимо, *так надо* мыслить впредь. К этому подводит нынешняя невнятность развития именно этой части социума.

В *привычном* отношении к детству «*расчетность*» и *осторожность* выходят на первый план. Практика последних двух десятилетий показывает, что так называемая реформаторская разрушительность наибольшего успеха, то есть разрушительности, достигла именно применительно к детству, а в конечном счете к государству.

Чтобы «ударить» по детям, достаточно выбить почву из-под ног родителей: снизить зарплату, повысить цены, лишит работы, закрыть заводы (точнее, *позволить закрыть* новоявленному частнику, за которого государство не отвечает, но берет с него налог, если этот частник доходен).

Еще недавно российская семья зарабатывала немного, но квартплата была низкой, детсад доступен, обучение школьное и высшее, лечение бесплатное. И нация, не ставя цели обогащения, *могла себе позволить* одного-двух, реже трех детей, обеспечивая элементарное демографическое воспроизводство. Но когда этого лишают целый народ?

Посмотрите результат. В общей возрастной структуре населения в 1991 году было 40 152 440 детей. В 2008-м эта цифра составляет 27 млн. По данным статистики, в 2007 году население России насчитывало всего 142 млн 221 тыс. че-

ловек, из них граждане «моложе трудоспособного возраста», то есть дети, составляли 22 755 360 человек, или 16 %.

Как можно определить «усушку» и «утрастку» детского населения за 17 лет? «Потерю» 13 млн детей в первом отчете и 17,3 млн во втором? Эту воочию явленную данность можно назвать *необъявленной войной детству*, завершающуюся позорной победой самих над собой.

Сколько мудрости заключено в пушкинской фразе: «Народ безмолвствует». Он, безмолвствуя, бедствуя, лишаясь работы, теряя уверенность, социальную (материальную) и прочую (медицинскую, образовательную, культурную опору), пьянствуя, рожая в безбрачии и разводясь при первом скандале, не по дням, а по часам утрачивая нравственные устои, стыд, совесть и надежду, — потому как видит вокруг, сверху донизу, «блистательные» образцы воровства и коррупции — в конце концов приходит к главному и трагическому решению — *отказывается рожать*. Молчаливо отказывается продолжать себя. Речь идет не о каком-то недостатке, пустяке, малости, но о неслышимом стоне России, о плаче нерожденных детей — самом негромком, но наиболее существенном признаке самоуничтожения.

Существует понятие «точка невозврата». Справедливо спохватившись, власть придумала материнский капитал, который в отдаленном будущем можно будет присовокупить к материнской пенсии, а теперь оплатить им жилищный кредит. Кто откликнулся на призыв? В этом рассказе, если он будет честным, мы услышим немало грустного. По этническому статусу, как известно, в настоящее время в России учет не ведется. Возникает много других недоумений: почему нельзя потратить деньги, если они нужны на лечение ребенка? Впрочем, напрашивается и другой вопрос: почему вообще стало необходимо платить за лечение детей?

При скорее пропагандистской, нежели социальной идее материнского капитала, полезном решении, но слишком микроскопическом и явно не решающем проблему, «точку невозврата» в 13–17 млн детей мы прошли. Капиталами, пусть даже гуманными и полезными, столь глобальную массу «нерожденных» с одной стороны и «выросших» — с другой не восполнить.

Это означает только одно — нужна новая политика и практика, не только узкая, отраслевая, называемая «материнство и детство», а всеобщая, повышающая благосостояние нации. В сущности требуется новая социальная реконструкция, и страна располагает для этого целой армией здоровых экономистов, социологов, политологов, но их почему-то никто не слышит. Не только для меня очевидно, что число детей убывло *катастрофически*. Эта убыль не может быть восполнена обычными мерами и всевозможным социопиаром. Она может быть компенсирована заботой, прежде всего *о родительстве*, «выравниванием» социального статуса миллионов граждан (если не полной ликвидацией социальных порогов между богатыми и бедными, то экстренным сближением этих уровней, даже принудительным). Без силы здесь не обойтись. Я говорю не про «отнять и поделить», а про социальную справедливость, политическую волю и, если хотите, применение этой силы воли для спасения России, ее детства, без которого в скором будущем не останется и «взрослости».

3. Следует сказать несколько слов о векторе «детской» мысли, практике не привычной, а *экстремальной*, которая помогает анализировать данность, то, что есть, но, как правило, не явилось само по себе, а является продуктом развития социальной практики.

¹ Академик РАО, писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов, почетный доктор СПбГУП.

Между прочим замечу, что в силу развития нынешней ситуации почитаю Александра Сергеевича Грибоедова с его «Горем от ума» самым современным сочинителем. Чего стоит одна его фраза о смешении «французского с нижегородским»! Это поистине исторический диагноз российского (может быть, врожденного) лизоблюдства и низкопоклонства.

Существовавший в стране родительский — да и учительский! — мир помог выучить целые поколения грамотных людей, возвысивших державу до Космоса, ядерного синтеза, научных достижений, прежде на Руси невиданных. И вдруг кому-то захотелось, чтобы российские дипломы признавались Западом. Но разве Запад что-нибудь когда-либо предложил России бескорыстно? Замысел привлекательно прост: если хотите, чтобы ваши дети служили в парижках, разделите общий вузовский результат на два уровня — магистрат и бакалавриат, а школьные знания сведите к компьютерному измерению под названием ЕГЭ. Чем не блистательная иллюстрация смешения «нижегородского с французским»? Без всякой государственной нужды в школе искусственно был внедрен Единый государственный экзамен, на котором проверяются не знания, а выбирается правильный ответ. Эти «потуги» сразу привели к позорному результату.

В 2008 году экзамен сдавали (закончили школу) 1 097 690 человек. «Двойки» по литературе получили 25,3 %, или 277 715 человек, по математике — 23,5 %, или 257 957 выпускников. «Стобалльников» (то есть отличников) по разным (но не всем) предметам всего 989 ребят во всей России! По русскому языку — 620 человек, по математике — 62, по физике — 86, по химии — 42, а по иностранным языкам — ни одного!

Вывод прост: современная система образования уже создала в России неграмотное, кое-как обученное поколение. Я не говорю здесь о воспитании, потому что за него никто не ответствен: в России теперь работает не Министерство просвещения, а Министерство образования!

Вопрос: зачем, с какой целью был введен ЕГЭ? В-первых, отличников, особенно по естественным и точным дисциплинам, из России Запад и так «переманивает». Во-вторых, результаты ЕГЭ свидетельствуют, что полуграмотная молодежь из России станет востребована на Западе не на передовых рубежах науки и техники, а в лучшем случае в сфере obsługi, чему свидетельство — множество драматических автобиографий. В-третьих, почему, имея когда-то лучшую школу в мире, Россия стала подстраиваться под западные стандарты, а не Запад — под наши?

Здесь возникает основной непростой вопрос: где в России пригодятся сотни тысяч этих «полузнаек»? В торговле, менеджменте, милиции? Но ведь это сферы не созидательные, не производящие, а исполняющие обмен или в лучшем случае надзор. Как же станет выглядеть держава меняя, пусть и оптовых, да бюстителей порой неизвестно чего? С кем и в чем она сможет состязаться?

Здесь в самую пору вернуться к *привычному* вектору детской политики, которая вполне недетская. В начале 2009 года, после признания кризиса, стали слышны возгласы властей предрежащих, которые, впрочем, априори за все это отвечают. Мэр Москвы озаботился проблемой: множество выпускников столичных вузов ходят безработными. Но куда смотрели пять лет назад, когда этих ребят принимали в студенты? Нельзя было посчитать, что произойдет, когда они окончат вузы и станут специалистами? Оказалось, нельзя, вузы брали, берут и будут брать столько студентов, сколько придет абитуриентов (на платные отделения). А бюджетные места в общем хаосе — и экономическом, и политическом — планировать тоже некому. Получается, и в этом вопросе власть далека от принятия простых мер — спрогнозировать заранее, что станет

с подрастающими детьми в обозримом ей будущем. Прогноз вообще самое слабое место нашей государственной практики.

4. Школьный выпускной — первый итог для всякого человека. Как бы ни были бедны или, напротив, состоятельны родители, перед выпускником — может быть, именно в этот день — встает лично к нему обращенный вопрос: что ты можешь сделать сам? Честно говоря, этот вопрос для многих уже запоздал. По каким позициям?

В нынешние времена слабые знания, неразвитость, отсутствие интереса к учению, выход на первый план мнимых целей, несущественных знаний и поверхностных интересов завладевают человеком очень рано. На мой взгляд, если раннее школьное детство обычных детей еще можно спасти (но к этому спасению надо школе в частности и государству в целом вложить много прямых инвестиций), то начиная с 5-го класса, когда дети вступают в период отрочества, а затем юности, следует уже не строить душу, а перестраивать ее, капитально «ремонттировать». При этом хорошо известно, что капремонт всегда дороже нового строительства.

Про состояние здоровья школьников давно и много говорится профессионалами из области здравоохранения. Дети, учась в школе, теряют зрение, физически становятся не сильнее, а слабее. Культ физической культуры и спорта в массовых школьных формах «покинул» образование, уступив место повсеместному курению, потреблению слабого алкоголя («Кто за Клинским?»), созданию нивелированного сознания стандартности, сознанию толпы, наконец токсико- и наркомании (долгое время в СМИ указывалось, что 3 млн школьников хотя бы раз попробовали наркотики). Какова эта цифра сейчас?

Еще одно подлинное, но замалчиваемое бедствие, так сказать, массовая «кинновация», — преждевременный секс. Школа под влиянием западных стереотипов не восстала против раннего секса, а принялась за предупреждение школьной беременности, контрацепцию. Иные головы предлагали устанавливать в школах западные автоматы с подобными средствами! Дескать, с сексом бороться бесполезно, так давайте предупреждать школьную беременность, аборт и их неприятные последствия.

Все «сдали» взрослые — и национальные традиции, и русскую нравственность, и православное целомудрие! Понадобилось не такое сильное боевое давление противника, чтобы многие — и родители, и учителя — предательски покинули «окопы» чести и морали, уступив место — чему?

Эти уступки носят не только этический, но и экономический характер, развивающий внутреннюю неустойчивость, способствующий утрате смысла самостроения, самовоспитания, заниженной ответственности перед собой и окружающими. Малый социум — семья и школа — слишком легко смиряется с непутевостью, слабостью как в труде, так и во взглядах подрастающего дитя.

Физическая близость, чаще всего неразборчивая, бытовая, стала данностью молодой части общества. Не только юношество, отрочество, но и дети включены в эти соблазнительные «труды», полагая, что учатся взрослости.

Приведу характерную цитату из доклада о положении детей в Российской Федерации Минздрава России (2006): «Ежегодно в России погибают 15 тыс. несовершеннолетних в возрасте до 14 лет, из них 50 % умирает от неестественных причин, и более 2 тыс. становятся жертвами убийства или тяжелых телесных повреждений». И далее: «В 2004 году на территории РФ зарегистрированы свыше 50 тыс. преступлений, связанных с насильственными действиями против несовершеннолетних. 6 тыс. стали жертвами преступлений, связанных с действиями сексуального характера: 2091 ребенок изнасилован,

2103 подверглись насильственным действиям сексуального характера, 1086 — развратным действиям».

Данные из последнего обращения президента Д. А. Медведева: в 2008 году жертвами насилия стали 126 тыс. детей, в результате погибли 1914 ребят, 2330 детей «подверглись насилию» и «получили тяжкий вред здоровью». За 9 месяцев 2008 года зафиксировано 784 случая «сексуальных действий» против несовершеннолетних. Заметим: это только зарегистрированные, выявленные случаи. 12,5 тыс. детей находятся в розыске. Это значит, что многих из них не найдут никогда.

За последние годы, как свидетельствуют некоторые документы, количество «действий сексуального характера с лицом, не достигшим 16-летнего возраста», увеличилось в 30,8 раза (по сравнению с чем?), «развратных действий» — в 3,6 раза, «изготовление и сбыт материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних» — в 10 раз (в сравнении с чем?). «Количество только выявленных фактов вовлечения несовершеннолетних в занятие проституцией» возросло в 11,8 раза. Как утверждает Министерство внутренних дел, количество сайтов с детской порнографией увеличилось почти в треть, а «количество интернет-материалов с детской порнографией» — в 25 раз. Следует спросить у МВД: может, не считать это надо, а просто уничтожить? Чего не хватает для этого: сил, компетенции, приказа? По оценкам независимых экспертов, число подобных «грязных» ресурсов достигло более 300 млн веб-страниц. При этом средняя посещаемость одного сайта составляет около 30 тыс. человек в месяц!

А что можно сказать о детской проституции, торговле детьми для тех же целей, добровольной «развратности» детства? Кто и как очертит эти границы? Мой знакомый доктор медицинских наук, один из светил детской невропатологии и одновременно священник, глава душепопечительского центра при Крутицком Патриаршем подворье отец Анатолий (Берестов) утверждает, что недозволенный, ранний секс не просто грех, но очевидное разрушение человеческой органики. Такой человек, в сущности совершенно еще не устоявшийся, теряет целостное восприятие мира, смотрит на окружающее псевдо-взрослым циничным взором, видит только плохое и ждет только его.

Детский секс приводит к задержке или остановке психического и интеллектуального развития, сосредоточившись лишь на своей узенькой псевдоцели. Это обуславливает, так сказать, побочные последствия: секс всегда связан с курением, выпивкой, свободой слововыражения и в конечном счете с примитивизмом сознания. Еще неустоявшийся организм — и физиологически, и психически, слабый телом и духом, — всю свою энергетику тратит на интимный акт. Его сознание посвящено преждевременной цели, а духовная работа, интеллектуальное развитие сокращаются, снижаются, вообще исчезают. Это происходит сплошь и рядом. Важная часть жизни человека, начавшаяся слишком рано, до естественно наступающей зрелости, выматывает его, не дает накопиться взрослой энергетике, тратится попусту и «опрIMITивливает», оглуляет личность, делает ее мельче, грубее, примитивнее.

Не слишком ли много внимания я уделяю этому непубличному фактору? Нет! Ведь если речь идет о целой генерации, можно доказательно утверждать: ранняя греховность опрошает, выхолащивает огромные человеческие пласты, которые теряют свою историко-генетическую самоценность, не интересуются, кто они и зачем явились в этот мир. Это поколение жрущих, пьющих и немало требующих *homo sapiens*, органически созданного быдла, о котором кое-кому так мечтается за рубежами, да и в рубежах нашего милого отечества. Пьющие, жру-

щие, бездумные и бесчувственные соискатели «хлеба и зрелищ» — это всегда только услуга кого-то, но не здоровая нация, полная энергии и желаний продолжить добрые дела предков во имя упрочения Отечества!

Всякая массовая нравственная аномалия всегда таит в себе экономическое фиаско. Великое множество потребителей, ложно сориентированных, невысоко парящих «птиц» ненадежны по всем параметрам: им недоступен высокий профессионализм, достойная цель, они неспособны «цементировать» собой семейные отношения — помогать, прощать, улучшаться.

Наивно полагать, что это неуправляемые процессы. Напротив, они сверхуправляемы. Осознание этого обстоятельства вызывает естественный человеческий протест. Чья-то цель — сделать страну державой дураков — почти осуществилась, и процесс этот занял немного времени. Происходящее — безусловно осознанное, хотя уже не всегда управляемое действие. Некоторые начала неуправляемости дают раскрутиться псевдосистеме. Сила инерции набирает мощь, уничтожающую и ломающую все на своем пути. Настает момент несоответствия ложной практики созидательным целям и конструктивному смыслу государства.

5. Однако вернемся к детям «экстрима», к тем, кто явлен к жизни, но какой? Каково *качество* русского детского мира объемом в 27 млн душ?

На сегодняшний день в России проживают 800 тыс. детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения. Пересекая черту 18-летия, возраста взрослости, дети-сироты становятся взрослыми-сиротами, и наша социальная система освобождает себя от заботы об этих людях. За последние 20 лет число ежегодно вновь выявленных сирот и детей, лишенных родительского попечения, составляет примерно 2 млн.

В стране 700 тыс. детей-инвалидов. Большинство из них остаются в семьях, и тогда уровень благополучия такой семьи резко падает, хотя они и так находятся в зоне бедности. Передача маленького инвалида в интернатное учреждение при всех усилиях не самого лучшего персонала и крупных государственных затратах малоэффективна.

В России существует мощная система специальных (коррекционных) школ-интернатов, как назвал их один сочинитель — «школ для дураков». В 2006 году насчитывалось 1342 таких заведений (из них 232 — для детей-сирот) и в них проживали 157,2 тыс. детей, в том числе 24,5 тыс. детей-сирот. Огромная, тяжелая, дорогостоящая и печальная обязанность государства! Но какая же необходимость кроется в ней! Дети, которым справедливо, по диагнозу или хотению взрослых навесили ярлык — ЗПР (задержка психического развития) — навсегда получают приговор и априори не могут подняться со дна! В этих школах детей кормят, поят, одевают, кое-как за ними присматривают и ждут, когда их выпустят или в какое-никакое ПТУ (где они?), или в следующую богадельню — уже для взрослых.

Здоровье (нездоровье) детей, наверное, самый болезненный признак здоровья (нездоровья) страны в целом, включая любые ее возможности и надежды. Но если у нас осталось 27 млн детей, что означает статистика, по которой в 2006 году было зарегистрировано больных детей от 0 до 14 лет с диагнозом, *установленным впервые в жизни*, — 37 млн 388 тыс., а подростков 15–17 лет — 7 млн 593 тыс.? Эта статистика отражает детскую заболеваемость: у одного ребенка в течение года может быть *впервые в жизни* зафиксирован не один диагноз, а два-три-четыре... сколько еще?

Что касается заболеваемости детей вообще, то в 2005 году было зафиксировано нездоровых детей от 0 до

14 лет — 36 млн 837 тыс., а 15–17 лет — 7 млн 730 тыс. В 2004 году — 36 млн 471 тыс. (первая группа), 7 млн 802 тыс. (вторая). В 2003-м — 37 млн 118 тыс. (первая), 7 млн 802 тыс. (вторая). В 2000-м — 38 млн 225 тыс. (первая), 6 млн 621 тыс. (вторая).

Конечно, часть детей от каких-то заболеваний излечилась. Но ведь постоянно прибавляются те, у кого выявились диагнозы впервые в жизни. И несмотря на то что почти каждый малыш переносит немало «естественных» болезней, общая статистика просто уничтожающая: *нация больна с детства!*

Несколько слов о детях, проживающих в малоимущих семьях. В 2002 году число таких детей до 6 лет составляло 2,1 млн человек, от 7 до 15 лет — 5,8 млн. Статистики по учету детей 16–17 лет из подобных семей не существует. Сократилось ли число малоимущих семей за прошедшие годы? Можно определенно сказать — выросло. Почему оно выросло: в связи с кризисом, из-за безработицы родителей?

Число несовершеннолетних, состоящих на учете в милиции, в 2002 году составило 363,2 тыс., из них до 13 лет — 81,5 тыс., 14–15 лет — 133,6 тыс., 16–17 лет — 171,3 тыс. Число осужденных несовершеннолетних — 88 334 человек. Отчаянные дети, называемые несовершеннолетними людьми, совершили 2 526 305 преступлений.

О беспризорности сегодня почти не говорится. Дети, которые попрошайничали у вокзалов больших городов, как будто исчезли: их рьяно «отлавливает» милиция, передают во временные приюты, потом отправляют по месту жительства, и кругооборот повторяется. Но ведь и дети чему-то учатся. Беспризорность обрела скрытые, часто камуфлированные формы. Статистические показатели на эту тему звучат приглушенно, а число задержаний несовершеннолетних составляет 1–1,5 млн в год.

Приведу показатель, говорящий сам за себя: в 2007 году в 3358 учреждений, специально созданных для социального обслуживания семьи и детей (приюты, кризисные центры для родителей и реабилитационные центры для детей) обратились и были обслужены 11 923 624 человека. В 2007 году в школах по разным причинам не обучались 21 223 ребенка: от состояния здоровья, материального положения до необучаемости (это при великой русской школе коррекционного образования). Впрочем, в 2003 году таких детей было 40 579 человек.

Возвращаясь к беспризорным, укажу данные публичной статистики. В 2007 году в лечебно-профилактические

заведения было доставлено 58 304, в 2006-м — 64 361, в 2005-м — 65 587 детей. Подавляющее большинство было госпитализировано. Поправившихся — 321 ребенка (2007) — отправили в центры временного содержания несовершеннолетних МВД (то есть преступивших черту), в учреждения здравоохранения продолжить лечение — 9198 (2007), умерло 111 человек. В этой статистике имеется любопытный раздел: «прочее». В «прочих» оказались 48 714 детей (2007), 52 679 (2006) и 53 423 (2005) Это те, кто ушел на волю продолжать беспризорничать, выбыв из сферы внимания государственных органов.

Все эти обстоятельства порождают нестабильность детства — его неуверенность в бытовом пространстве, в близком и отдаленном будущем, особенно при введении платных медицины и высшего образования и почти полном отсутствии среднетехнического образования, разнообразных профтехучилищ и техникумов, которые, не закрывая двери в вуз, давали достойный оптимум в качестве перспективной рабочей профессии, для сирот и вовсе спасительный.

6. Если сложить количество детей, пребывающих в состоянии нестабильности и прямой депривации, то по самым скромным подсчетам получается около 10 млн (из 27 млн детей). Десять миллионов людей, только начинающих жить и не имеющих твердой надежды в собственном будущем.

Что это? Вопросы политики? Безусловно! Вопросы образования и воспитания — всего того, что прежде справедливо называлось просвещением. Это слово содержит такое важнейшее понятие, как цель молодой жизни, ее смысл.

Вопросы экономики? Но какую экономику можно построить, если ее строители, исполнители, работники — люди без смысла и знания, без семьи, с преступным началом и просто больные — пассивные потребители экономики, которых нельзя бросить?! Экономика без людей немислима — это аксиома, без людей слабых — слаба, без грамотных — примитивна.

Но ведь люди, слабые и сильные, приходят во «взрослость» из детства. Ясно, что детство — важная часть не только экономики, но и сегодняшней практики и завтрашней истории государства, всей российской цивилизации.

Чем больше вложишь в детство, тем больше от него получишь. Доходов или убытков. Славы или бесславия. Взлетов или падений. Инвестиции в детство — первое и краеугольное условие развития.

И. А. Мироненко¹

О ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ МИССИИ УНИВЕРСИТЕТОВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

После советского периода, когда воспитание полагалось основной функцией образовательной системы на всех ее уровнях, в постсоветское время российская школа вместе с тоталитарной идеологией отбросила и «ярмо» воспитательной работы. В самом деле, какое воспитание школа может и должна предложить? В поликультурном мире, где декларируется свобода личности выбирать убеждения, ценности, вероисповедание, имеет ли право на существование система, ставящая своей целью целенаправленное формирование того или иного мировоззрения молодых людей? Какое именно мировоззрение она должна формировать?

Если для начальной и средней школы можно указать некоторые базовые, общечеловеческие идеи воспита-

ния, то для школы высшей, куда приходят взрослые молодые люди, чтобы получить профессиональную подготовку, простых ответов найти не удастся. Мир вокруг нас меняется все быстрее. Маргарет Мид в своей известной работе «Культура и мир детства» выделила три основных типа культуры. Основанием для выделения послужил характер отношений между поколениями. М. Мид определила *постфигуративный* тип культуры, где дети прежде всего учатся у своих родителей, взрослых; *конфигуративный* тип, где дети и взрослые учатся у своих сверстников, и *префигуративный*, где взрослые учатся у своих детей.

По мере того как убыстряется процесс изменения социума, ускоряется ход культурно-исторического прогресса, происходит переход от постфигуративного типа культуры, где настоящее повторяет прошлое, к конфигуративному и,

¹ Декан факультета культуры СПбГУП, доктор психологических наук, профессор.

наконец, к префигуративному. М. Мид утверждает, что сегодня мы вступаем в новый для истории период, когда молодежь с ее префигуративным схватыванием еще неизвестного будущего наделяется новыми правами. В самом деле, почти каждый университетский преподаватель сегодня испытывает чувство растерянности перед агрессивным разнообразием культурных образцов поведения, декларируемых ценностей окружающего нас поликультурного мира. Чему, кроме своего предмета, может научить студента профессор, чье знание современной жизни, как правило, далеко не совершенно?

Возникает вопрос: должен и может ли университет брать на себя воспитательную миссию? Прежде чем предложить свой ответ на этот вопрос, я процитирую отрывок из доклада профессора Д. Ч. Капура, сделанного им на Лихачевских чтениях в 2008 году. Профессор Д. Ч. Капур приводит слова из исторической речи, произнесенной в 1835 году лордом Маколеем в парламенте, когда Великобритания стремилась утвердить свое господство в Индии: «Я проехал вдоль и поперек по всей Индии и нигде не увидел нищих или воров. Я наблюдал такое благосостояние, такие высокие моральные ценности, таких достойных людей, что, думаю, мы никогда не сможем завоевать эту страну, если вначале не уничтожим ее культурное и духовное наследие, своеобразный спинной хребет этой нации. Для этого я предлагаю заменить ее древнюю систему образования и культуру. Если индийцы будут считать, что все иностранное и английское хорошо, лучше, чем их собственное, то они... станут теми, кем мы хотим, — полностью покоренной нацией»¹. История доказала правоту лорда. И здесь мы видим удивительный по яркости пример воспитательного воздействия, имманентно присущего определенной образовательной системе.

Университет является той социальной средой, в которой происходит становление будущей элиты общества.

Стремление университетов пренебречь воспитательной миссией подобно попытке страуса спастись от опасности, спрятав голову в песок. Хотим мы этого или нет — именно университетские преподаватели воспитывают своих учеников. Довольно часто мы не знаем, как *нужно* жить в современном мире. Более того: часто мы не знаем, как *не надо* поступать, как нельзя жить. Сфера нашего незнания неизбежно расширяется по мере ускорения эволюции общества. Надеюсь, что студенты, молодые люди, лучше нас воспримут «еще неизвестное будущее» и будут действовать в соответствии с законами. Однако, как мне представляется, мы обладаем умением, чрезвычайно ценным для жизни в поликультурном мире, значимость которого лишь возрастает по мере ускорения процесса изменения культур и роста культурного разнообразия. Мы можем передать молодым умение подвергать сомнению преподносимые нам системы ценностей и других атрибутов культуры, не принимать их на веру. Преподносимые тем больше и агрессивнее, чем больше культурное разнообразие социальной среды нашего обитания.

Каждая культура представляет собой целостную систему и как таковая противостоит разрушению своей целостности. Самая большая опасность поликультурной социальной среды — это ее «сползание» от диалога культур к их конкуренции в обществе и головах отдельных членов общества. Конкуренция культур в обществе порождает социальные столкновения, конкуренция в головах — всеверие и иррационализм — ту самую глупость, о которой А. А. Зиновьев сказал: «Наиболее вероятный конец человечества — воинствующая глупость. Человечество погибнет от своей глупости»². Для того чтобы жить в поликультурном мире, необходимо обладать способностью критичного и в то же время толерантного восприятия чужой и своей культуры. Воспитание такой личности возможно именно в университете.

А. М. Мосолова³

ПОЛИКУЛЬТУРНАЯ РОССИЯ В ФОКУСЕ ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Тема IX Международных Лихачевских научных чтений — «Диалог культур и партнерство цивилизаций» — сегодня представляется исключительно актуальной для выявления роста и развития человеческого и культурного капитала, прежде всего нашей страны.

В настоящее время в науке и образовании складывается *новая коммуникативная парадигма*. В ее основе лежит направленность на диалог и взаимодействие, целевые установки на сотрудничество и партнерство, то есть не на обособление через культивирование различий, а на сохранение *эффективности обособления* ради достижения *единства многообразия*. Речь идет об укреплении единства культурного пространства страны и обеспечении необходимой доступности богатейших культурных ценностей России для молодого поколения и тем самым о развитии ее творческого потенциала. Этот вопрос актуализируется в контексте расширяющейся глобализации, миграционных процессов, развития информационных систем и др.

Освоение молодежью основ рациональной коммуникации в непрерывно усложняющейся социокультурной сре-

де страны и мира требует адекватной учебной литературы о поликультурности России в истории и современности. В этом убеждает опыт общения со многими студентами, приехавшими учиться в Санкт-Петербург из других регионов страны. Им мало известно о взаимодействии народов страны, они невысоко оценивают тот вклад, который был внесен в мировую культуру региональными общностями, а все нечто более высокое и значимое ищут в столицах и за рубежом. Это, конечно, сковывает творческие интенции молодежи на местах. Существуют, как известно, и противоположные оценки, связываемые с фетишизацией этнических культур в регионах. Что касается столичной молодежи, то значительная ее часть не имеет историко-культурной компетентности и проявляет цивилизационное высокомерие по отношению к жителям регионов, их культурному наследию и современной деятельности.

Необходимость воспитания в студентах навыков толерантных межэтнических контактов, межкультурной коммуникации, формирования современного исторического сознания и культурной идентичности, а также подготовки студентов к профессиональной деятельности в сложных условиях многокультурности России заставила пересмотреть и обновить содержание историко-культурного образования студентов университетов.

Специально созданный научный коллектив Российского государственного педагогического университета

¹ Диалог культур и партнерство цивилизаций : VIII Международные Лихачевские научные чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 57.

² Зиновьев А. А. Фактор понимания. М., 2006. С. 521.

³ Заведующая кафедрой теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), доктор искусствоведения, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

в содружестве с преподавателями региональных университетов подготовили выпуск новой серии учебной литературы, нацеленной на то, чтобы обеспечить обучение специалистов, способных эффективно решать задачи оптимизации социокультурной сферы. Речь идет о новой интеграции историко-культурных процессов в регионах, формировании у студентов адекватных представлений о культурных ценностях разных народов, внедрении технологий межкультурных коммуникаций, способных помочь в обеспечении диалога различных социально-этнических групп и консолидации россиян.

Серия учебных пособий имеет общее название «Поликультурная Россия в истории и современности» и состоит из семи книг: «Культура Северо-Запада», «Культура Урала», «Культура Центральной России», «Культура Поволжья», «Культура Южной России», «Культура Сибири» и «Культура Дальнего Востока». По ряду характеристик этот комплекс представляется инновационным.

Во-первых, в нем осуществлена попытка, с одной стороны, представить *всю целостность общенационального культурного наследия* как результат взаимодействия народов в истории, а с другой — показать разнообразие и уникальность этнорегиональных систем культурного творчества. В соответствии с этой целью *таксономической единицей* регионализации пространства России *стала историко-культурная зона*, обладающая высокой степенью устойчивости и в своих очертаниях примерно совпадающая с современными федеральными округами.

Во-вторых, поликультурная Россия была представлена не в механической совокупности этнографических, искусствоведческих, географических и других материалов разных времен, а в историко-типологических интегративных описаниях. Это описание опиралось на обобщение итоговых данных разных специальных наук, которые накопились в археологии, фольклористике, музееведении, культурной антропологии и т. д.

В-третьих, понимание культуры не редуцировалось к искусству, каким-либо «нормам воспитанности» и т. д. *Под культурой* понимался *целостный способ бытия народов* регионов в единстве целей, смыслов, средств, технологий и результатов деятельности в материально-практической, духовной и художественной сферах. Общей для описания каждой этнокультурной или региональной системы являлась совокупность отношений людей к природе,

обществу, культуре, истории, себе, жизни, смерти, смыслам бытия.

В-четвертых, феномен полиэтничности и поликультурности России *рассматривается на всех исторических этапах: древнейшем, древнем, средневековом, нововременном, современном*. Существенно, что анализ развития культуры на каждом конкретном этапе истории регионов *соотносится с синхронными процессами*, имеющими место в культурах Европы и Азии, с целью *увидеть развитие российской культуры в мировой истории*.

В-пятых, существенно, что представление исторической панорамы развития региональных культур страны совмещается с описанием отдельных наиболее ярких явлений и памятников регионально-этнических культур России, что позволяет видеть общее и особенное в творчестве народов и на этой основе развивать межкультурный диалог.

В-шестых, в каждом из учебных пособий присутствуют параграфы, посвященные выдающимся людям из разных этнических и региональных общностей, действовавших на благо своих народов в разные периоды истории. Образы и поступки этих личностей, безусловно, важны для воспитания молодых российских граждан.

В-седьмых, инновационной частью представленных учебных пособий является разработка соответствующих их содержанию аудиовизуальных мультимедийных комплексов, которые включают в свой состав географические и историко-культурные карты, памятники материальной и духовной культуры, произведения изобразительного, архитектурного, музыкального, театрального искусства, литературы, кино и портретные галереи выдающихся личностей России. В данном случае учитывается огромное воздействие визуальных образов на развитие культуры современной молодежи.

Таким образом, подготовка новой серии учебной литературы является ответом системы образования на те вызовы, с которыми встретилась культурологическая наука и ее гуманитарные технологии. Вызовом являлся дефицит межкультурного образования и технологий консолидации гражданского общества. Обретение историко-культурной компетентности и навыков адекватного понимания представителей разных культур, опыта взаимодействия культурной адаптации у молодежи действительно может способствовать сложению рациональной коммуникации россиян и развитию полицелостной культуры Отечества.

Г. В. Мухаметзянова¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ КАК ГУМАНИТАРНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В условиях глобализации человечество все больше интегрируется в единую целостность, постоянно сталкивающуюся с необходимостью культурного плюрализма при решении проблем современности. Философско-культурологическая интегративная концепция глобализации на современном этапе развития человечества отражает тенденции прогресса мировой истории и культуры. Проблемы глобализации и взаимодействия цивилизаций, предотвращения их столкновения и урегулирования локальных междивизиационных конфликтов привлекли особое внимание ученых и общественности, вызвали волну публикаций. По мнению специалистов, международные отношения в XXI веке будут определяться диалогом культур и партнерством цивилизаций.

¹ Академик РАО, директор Института педагогики и психологии профессионального образования РАО (Казань), доктор педагогических наук, профессор.

ООН инициировала идею создания проекта «Альянс цивилизаций», направленного на преодоление разрыва между мусульманским и христианским сообществами. С инициативой создания «Альянса цивилизаций» выступили Испания и Турция. Высокий представитель Генерального секретаря ООН по «Альянсу цивилизаций» Жоржи Сампайю назвал четыре основных условия, необходимых для преодоления разрыва между странами исламского мира и Западом.

По мнению бывшего президента Португалии, основные проблемы в отношениях двух цивилизаций связаны с образованием, массмедиа, воспитанием молодежи и иммиграцией. Для решения обозначенных проблем «Альянс цивилизаций» в 2006 году предложил Генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну рассчитанный на два года комплекс проектов и инициатив, направленных на сближение двух культур. Среди них — создание медиафонда, моло-

дежного центра трудоустройства на Ближнем Востоке и несколько новых программ студенческого обмена. Помимо этого, Альянс предлагает учредить «медиа механизм быстрого реагирования», который будет призван предоставлять платформу для конструктивной дискуссии по актуальным вопросам межкультурных отношений.

Диалог культур можно рассматривать как принципиально новую парадигму общественных отношений, базирующуюся на взаимном доверии и партнерстве. Он подразумевает искреннее уважение, стремление перенять опыт и предполагает определение своеобразия каждой из национально-культурных систем на основе анализа и сопоставления. При этом выявляется, с одной стороны, общечеловеческое содержание каждой национальной культуры, с другой — характерные для них «национальные картины мира» и особенности мировоззрения и мировосприятия. Таким образом, диалог — это предпосылка взаимопонимания, нахождения общих точек зрения.

Следующая форма — это партнерство, объединение усилий на постоянной основе для решения сложных проблем, представляющих взаимный интерес. Именно партнерство цивилизаций взято МИД России за основу при разработке и принятии решений, направленных на укрепление взаимодействия между христианами и мусульманами, а также между представителями других конфессий. Это связано с тем, что мировое сообщество осознало необходимость установления подлинно равноправного диалога между основными мировыми религиями на основе новых принципов межцивилизационного взаимодействия для быстрого преодоления эскалации напряженности и конфликтов во всем мире.

Безусловно, важнейшим моментом является то, что России принадлежит особая роль в установлении партнерства цивилизаций. По мнению главы Центра партнерства цивилизаций — Научно-координационного совета по международным исследованиям при МГИМО МИД РФ, созданного 29 мая 2007 года, посла по особым поручениям МИД России В. В. Попова, «у нашей страны накоплен уникальный, а потому бесценный опыт взаимодействия между христианами и мусульманами и представителями других конфессий. Этот положительный опыт мы можем предложить всему миру в целях установления диалога между Востоком и Западом».

Диалог и партнерство цивилизаций — исторический императив современности. Сегодня ясно, что отсутствует альтернатива продолжению целенаправленной работы по углублению межцивилизационного диалога, более полноценному и действенному подключению России к соответствующим партнерским структурам. В условиях глобализации, в процессе становления мировой информационной цивилизации обостряется проблема взаимодействия обществ с различными культурно-философскими стандартами и логиками воспроизводства, что не только инициирует поиск общих, универсальных ценностей и оснований философских культур, но и проблематизирует традиционные для определенных обществ способы поддержки и обоснования этих ценностей, в частности толерантности. Мораль, религия, право, философия и культура «ригористического» типа не «срабатывают» в условиях полисубъектной социальности, когда разнообразие жизненных укладов и философских культур можно считать состоявшимся фактом. Тем самым классический просвещенческий ход, апеллирующий к некой идеальной схеме человеческих отношений, структуре общества и мироздания, содержанию сознания, оказывается несостоятельным.

Система образования занимает особое место в партнерстве цивилизаций. Это обусловлено тем, что познание носит межцивилизационный характер. Цивилизационные

ограничения могут лишь сковать его ход. Образование передает накопленные знания и навыки, культурные и этические ценности из поколения в поколение. При этом оно не отличается радикально по цивилизациям. Современное общество ставит перед всеми типами учебных заведений и прежде всего перед профессиональной школой задачу подготовки выпускников, способных:

- ориентироваться в меняющихся жизненных ситуациях, самостоятельно приобретая необходимые знания, применяя их на практике для решения разнообразных возникающих проблем, чтобы на протяжении всей жизни иметь возможность найти в ней свое место;

- самостоятельно критически мыслить, видеть возникающие проблемы и искать пути их рационального решения, используя современные технологии; четко осознавать, где и каким образом приобретаемые ими знания могут быть применены; быть способными генерировать новые идеи, творчески мыслить;

- грамотно «работать» с информацией (собирать необходимые для решения определенной проблемы факты, анализировать их, делать необходимые обобщения, сопоставления с аналогичными или альтернативными вариантами решения, устанавливать статистические и логические закономерности, делать аргументированные выводы, применять полученный опыт для выявления и решения новых проблем);

- быть коммуникабельными, контактными в различных социальных группах, уметь работать сообща в различных областях и условиях, предотвращая или умело выходя из любых конфликтных ситуаций;

- самостоятельно работать над развитием собственной нравственности, интеллекта, культурного уровня.

Инновационный педагогический процесс должен протекать в форме сотворческого поиска преподавателем и студентом решения не отдельных задач, а экзистенциальных (вечных, общечеловеческих и мировых) проблем. Результатом этого процесса оказывается смысловое творчество как формирование ценностно-мировоззренческих установок. Реализацию их на практике можно определить как жизнотворчество, которое и выполняет интегративно-преобразующую роль в развитии человека. С этой точки зрения все содержание педагогического процесса, «разложенное» современной педагогической доктриной на ряд отдельных учебных дисциплин, становится не целью учения и воспитания, а средством выявления студентами и преподавателем собственных творческих уникальностей как субъектов развития культуры.

В профессиональном образовании можно выделить две составляющие, обусловленные партнерством цивилизаций, — содержательную и технологическую.

Содержательная составляющая определяет образовательную стратегию, ориентированную на формирование личности, способную к активной и эффективной жизнедеятельности в многокультурной среде, обладающую развитым чувством уважения и понимания различных культур. Данная образовательная стратегия способна решать следующие задачи:

- во-первых, содействовать глубокому и разностороннему овладению студентами основ национальной культуры, что, в свою очередь, выступает важнейшим условием их интеграции в другие культуры;

- во-вторых, способствовать формированию у студентов представлений о многообразии культур, воспитанию толерантного отношения к национально-культурным различиям, что создает условия для самореализации личности в поликультурной среде;

- в-третьих, всемерно приобщать к основам мировой культуры, раскрывать объективные причины процесса глобализации в современном мире, взаимозависимости

и взаимопомощи этносов в решении актуальных проблем развития цивилизации.

Для оптимальной реализации данной образовательной стратегии в педагогической практике необходима совокупность следующих условий:

1. Диалектическая взаимосвязь национального самосознания обучаемых с освоением социальных и нравственных норм поведения («Я — представитель своего этноса», «Я — россиянин», «Я живу в содружестве народов России», «Я — гражданин мира»). Диалог культур в образовательно-воспитательном процессе предполагает определение своеобразия каждой из национально-культурных систем на основе анализа и сопоставления. При этом выявляется, с одной стороны, общечеловеческое содержание каждой национальной культуры, с другой — характерные для них национальные картины мира и особенности мировоззрения и мировосприятия.

Необходимо, чтобы приобщение к другой культуре не отчуждало личность обучаемого от родной, не ослабевало, не ущемляло национальные чувства. При этом эффект идентификации может осуществляться в нескольких вариантах. В одном случае студенты узнают в другой этнической культуре знакомое, близкое, но в ином национальном контексте. В другом происходит усвоение непривычных мировоззренческих взглядов, эстетических вкусов и представлений, что в конечном итоге способствует расширению социального и нравственно-этического опыта самих учащихся.

2. Формирование системы общекультурных императивов посредством диалектической включенности национальной культуры в систему российской и мировой культуры. Система общекультурных императивов присуща в равной степени всем этнокультурным образованиям. Несмотря на определенное своеобразие, каждая этнокультура характеризуется универсальными поливариантными составляющими, связанными с одинаковыми для каждой монокультуры стадийными факторами развития. Национальная категория, выражая категорию единичного, включена в мировую культуру, выступающую в качестве всеобщего. В условиях глобализации мировых процессов и культурной конвергенции система образования рассматривается как эффективный механизм этнокультурной идентификации личности и одновременно как средство гармонизации межэтнических отношений.

Очевидно, что глобализирующее движение приведет к обновлению и возрождению различных языков и культур. Многообразие, а не однородность будет стержнем динамичной глобальной системы и явится одним из самых трудных испытаний человечества перед будущим. Поэтому важно, чтобы в педагогическом процессе нашло свое практическое воплощение поликультурное взаимодействие различных социокультурных образований. Современная образовательная практика должна выбрать вектором своего развития плюрализм, подчеркивающий множественность культур и самодостаточный характер каждой культуры.

3. Формирование целостного поликультурного мировоззрения у всех субъектов учебно-образовательного процесса, коммуникативных особенностей личности в современном мире, включающих преодоление языковых, религиозных, расовых, национальных барьеров. Данное условие должно выступать доминирующим фактором в определении содержания образования, привлечении информационных, коммуникативных форм и методов организации образовательного процесса. Этнокультурное образовательное пространство должно быть максимально открыто для идей прогресса, гуманизма, непрерывного диалога культур, их взаимодействия и взаимообогащения в ходе сложного исторического развития данного этноса.

При этом национально-региональные аспекты образования должны служить составной частью общемирового культурно-образовательного процесса. Реализация данного положения в образовательной практике обуславливает особые требования к деятельности преподавателя. Педагог должен выступать не только как носитель и передатчик национальной культуры со всеми ее специфическими особенностями, но и как широко мыслящий, образованный наставник, способный определить место национальной культуры в общемировой поликультурной системе, как посредник между различными культурами.

Технологическая составляющая в профессиональном образовании связана прежде всего с социокультурным проектированием студентов. Термин «проектирование» происходит от *лат. projectus* — брошенный вперед. Проектирование — это процесс создания прототипа, образа предполагаемого или возможного объекта, состояния; специфическая деятельность, результатом которой является научно, теоретически и практически обоснованное определение вариантов прогнозируемого и планового развития новых процессов и явлений. Именно в процессе проектной деятельности у студентов формируется целостная гуманитарная картина мира, происходит становление гуманистического мировоззрения и гуманитарной грамотности, создаются условия для самопознания, саморазвития и самореализации в системе поликультурности современного мира. Человек, обладающий целостным миропониманием и поликультурной ориентацией в познании окружающей действительности, способен найти применение своего жизненного и творческого потенциала, самореализоваться в системе открытого диалога и цивилизованно значимой деятельности.

Проектный метод обучения пользуется большой популярностью. Работа по методу проектов предполагает не только наличие и осознание какой-то проблемы, но и процесс ее раскрытия, решения. Это включает планирование действий, наличие замысла или гипотезы решения этой проблемы, четкое распределение (если имеется в виду групповая работа) ролей, то есть заданий для каждого участника при условии тесного взаимодействия. Метод проектов используется в том случае, когда в учебном процессе возникает какая-либо исследовательская (в данном случае учебно-исследовательская) творческая задача, для решения которой требуются интегрированные знания из различных областей, а также применение исследовательских методик.

Для метода проектов существенным является вопрос практической, теоретической и познавательной значимости предполагаемых результатов. Метод проектов всегда ориентирован на самостоятельную деятельность — индивидуальную, парную, групповую, которую студенты выполняют в течение определенного отрезка времени. Работа над проектом включает следующие этапы: организационный (постановка задач и формирование группы студентов для работы над проектом); деятельность (работа над проектом, оформление результатов, подготовка презентации); итоговый (презентация проектов, их коллективное обсуждение). Применение метода проектов позволяет актуализировать разные виды познавательной деятельности студентов: воспроизведение, творчество и пр.

Обобщая вышеизложенное, можно выделить следующие принципы развития профессионального образования в условиях диалога культур и партнерства цивилизаций:

1. *Принцип диалектической включенности национальной культуры в систему российской и мировой культуры*, который отражает систему общекультурных императивов, присущих в равной степени всем этнокультурным образованиям. В рамках данного принципа понятие «национальная культура» приобретает обширный, всеобъемлющий

и многоаспектный смысл и рассматривается как интегративная категория, объединяющая всевозможные аспекты идентификации социума в российской и мировой культуре. Данный принцип ориентирует участников педагогического процесса на диалектический анализ места и роли своего народа и народов-соседей в общей культурной традиции России и всего мира.

2. *Принцип поликультурной идентификации и самоактуализации личности*, основанный на включении в национально-региональный компонент содержания образования знаний о человеке и обществе. Личностно ориентированный подход позволяет формировать у подрастающего поколения гуманистическое мировоззрение и гуманитарную грамотность, создавать условия для самопознания, саморазвития и самореализации в системе поликультурности современного мира. Самоактуализация человека выражается в стремлении к возможно полному выявлению и развитию своих личностных возможностей в условиях быстро меняющегося мира. Человек, обладающий целостным миропониманием и поликультурной ориентацией в познании окружающей действительности, способен найти применение своему жизненному и творческому потенциалу, самореализоваться в системе открытого диалога и цивилизованно значимой деятельности.

3. *Принцип аксиологичности*. Каждая цивилизация основана на определенной исходной духовной предпосылке, большой идее, сакральной ценности или первичном символе, вокруг которых в ходе развития формируются сложные духовные системы. Процессы глобализации дали новый импульс динамике и диалогу современных цивилизаций. Имеет место универсализация культурных ценностей, которая является закономерным процессом, подготовленным всем ходом истории человечества. Именно по системе ценностей культурологи разделяют цивилизации Востока и Запада, а также смешанные цивилизации типа евразийской, восточноевропейской или латиноамериканской.

«Система ценностей определяется преобладающими в данном этносе этическими, идеологическими, религиозными приоритетами и предпочтениями; она передается из поколения в поколение с помощью семейного воспитания и школьного образования, литературы и искусства, средств массовой информации. Система ценностей определяет от-

ношения людей в семье, быту, на производстве, в социально-политической сфере деятельности, области научно-технического творчества, а также взаимодействие между этносами, нациями, государствами, цивилизациями»¹.

Система ценностей как ядро социокультурного строя не только определяет различия между цивилизациями и соответственно культурами, но и является общей основой диалога, общения и взаимодействия между ними. Система общечеловеческих ценностей как стержень и квинтэссенция культуры «цементирует» и гарантирует единство человечества. Благодаря общечеловеческим ценностям культура является феноменом диалогичным; культура — это диалог с прошлым, другими эпохами и людьми. Поэтому важно наполнить сферу образования и воспитания молодежи новой системой ценностей, идеями диалога и сотрудничества цивилизаций, культуры мира и населения.

4. *Принцип мультикультурализма*. Термин «мультикультурное образование» появился в 1970-е годы, когда проблема мультикультурализма была уже сфокусирована на человеческих отношениях. Данное направление продолжает развиваться и в настоящее время. Сегодня в поддержку этой концепции активно выступают Совет Европы, Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и ряд других общественных организаций. В основе этой концепции лежит тезис, что ни одна культура не является незванным гостем в истории человеческой мысли и ни один человек не должен рассматриваться как культурный «самозванец» в Европе.

Основной вопрос, поднимаемый мультикультурным образованием: является ли целью образования обнаружение и развитие в каждом индивидууме сторон, делающих его похожим на всех других и опирающихся прежде всего на его разум, деятельность и принципы которого считаются универсальными? Или это диаметрально противоположный процесс, который состоит в интеграции индивидуума в специфические группы, действующие как ролевые модели и поэтому защищающие свое право на существование и самовыражение. В настоящее время этот вопрос решающий. Мультикультурное образование стремится обеспечить взаимозависимость и взаимосцепление, посредничество, помогая будущим гражданам осознавать культурное многообразие нашего общества.

Г. А. Норкин²

ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ

Рост молодежных девиаций (наркомания, алкоголизм, аморализм и т. д.) наблюдается практически во всех странах. В России эта тенденция принимает характер социальной катастрофы, угрожает генофонду нации. Представители различных медицинских, гуманитарных и социальных наук обязаны объединить усилия для поиска эффективных методов нормализации процессов социализации, тем более в условиях мирового финансового и экономического кризиса.

Одним из самых эффективных методов решения социальных проблем является бенчмаркинг — изучение и использование передового отечественного и мирового опыта. В первую очередь следует обратиться к оставшемуся в прошлом опыту социалистических стран. Советский

Союз, ГДР и другие страны имели нравственно привлекательную единую идеологию, широкую структуру институтов социализации, включая детские сады, спортивные секции, молодежные организации, ДОСААФ и т. д.

Каждый человек, вовлеченный в деятельность молодежных объединений, не только занимался интересными делами, но и контролировался. Все это было названо проявлением тоталитаризма, и в борьбе за либеральные ценности «выброшено за борт».

В исламских странах существенную роль в противодействии девиации молодежи играют религиозная идеология и религиозный контроль. К сожалению, Русская православная церковь пока еще далеко не полностью использует свой потенциал нравственного воспитания молодежи.

Япония, несмотря на высокий уровень индустриального развития, сохраняет исторические традиции уваже-

¹ Яковец Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2003. С. 330–331.

² Доцент кафедры управления СПбГУП, кандидат философских наук.

ния к семье, трудовому коллективу, общине, нации. Японская полиция, не страшась обвинений в тоталитаризме, навещает семьи на дому, помогает родителям в воспитании детей и разрешении конфликтов. Японское руководство снизило до минимума уровень коррупции в правоохранительных органах и системе здравоохранения и провозгласило воспитание молодежи вопросом национальной безопасности.

Во всех странах, где уровень алкоголизма и наркомании среди молодежи ниже, чем в мире, наблюдается не декларируемое, а реальное, реализуемое на государственном уровне уважение к этическим принципам справедливости и трудолюбия. Христианская и марксистская нравственная максима «Кто не работает, тот не ест» фактически игнорируется в новой России. Материальный успех любой ценой в качестве принципа социализации культивируется СМИ при молчаливом попустительстве политической элиты. Олигархи с весьма сомнительными нравственными принципами предьявляются в качестве персонафицированных символов современной России. Этика труда и справедливости с ее главной идеей, что материальное бла-

гополучие достигается упорным трудом, честностью, бережливостью, образованием, даже не декларируется.

Все больше людей не способны или не желают адаптироваться к вновь созданному порядку. Эти люди, «сошедшие с поезда», живут в российском обществе номинально. К ним относятся бездомные, алкоголики, наркоманы. Это так называемая эскапистическая девиация, проявляющаяся в уходе от реальности.

В то же время наблюдается рост наркомании и алкоголизма среди «золотой молодежи». Она создает субкультуру «вызова», сенсации, безграничного гедонизма в абсолютном соответствии с рекламным слоганом «Бери от жизни все!» Эта субкультура нарциссизма, нигилизма активно насаждается как поведением экономической и политической элиты, так и СМИ.

В настоящее время задача не только науки, но и всего гражданского общества заключается в том, чтобы, пока не поздно, «достучаться» до сознания представителей государственных органов и убедить их в том, что страна приближается к точке невозврата, перейдя которую она может потерять государственность.

Ю. В. Сенько¹

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В УНИВЕРСИТЕТЕ

Образование как способ становления человека в культуре предполагает свою сообразность и человеку, и культуре. В институционализированной образовательной практике — педагогическом процессе — взаимодействуют ее компоненты: преподаватель, студент, средства образования, среда. Это взаимодействие осуществляется на основе различных связей и отношений, существующих между ними. Но центральным отношением, которое конституирует процесс образования и придает ему собственно педагогический смысл, являются отношения «преподаватель—студент» и «преподавание—учение».

Однако в *действительном* образовании, развертываемом как гуманитарная практика, исчезают преподаватель и студент. Остаются живые люди, обращающиеся друг к другу за сочувствием, сомыслием, содействием. И в этом контексте «преподаватель», «студент» — обозначение социальных ролей, функций, «масок» людей, которых образование свело друг с другом. В таком случае лекция, семинар, беседа — это не только события университетской жизни, но и со-бытие двух и многих индивидуумов в горизонте личности. Смысл педагогического процесса — в выращивании человеческого в человеке. Иначе в результате мы получим, говоря словами М. Вебера, «бездушных профессионалов, бессердечных специалистов».

Тенденция к построению педагогического процесса в университете как гуманитарной практики отражает понимание того факта, что ядром личности является ее гуманитарная составляющая, а педагогическое явление — гуманитарный феномен. Создаваемые ныне культурологические модели школы свидетельствуют о становлении в России гуманитарной парадигмы образования. Эта парадигма в противовес технократической модели образования ориентирована на становление человека в культуре, раскрытие истинного, глубинного в нем. Со-бытие преподавателя и студента строится в культурологической парадигме на основе диалога культур преподавателя, студен-

та и «ставшей» культуры, зафиксированной в содержании образования в его практике.

Парадоксальность ситуации заключается в том, что нарождающаяся культурологическая школа утверждает свои гуманитарные ориентиры прежде всего за счет предметоцентризма, путем увеличения в учебном плане объема дисциплин, изначально считающихся гуманитарными (к сожалению, в государственных стандартах высшего профессионального образования от поколения к поколению этот объем сокращается, подобно шагреновой коже). Ограничиваться таким экстенсивным способом решения проблем, «вялой гуманитаризацией» (К. Ясперс) нельзя. При этом главное — атмосфера, стиль отношений «преподаватель—студент» — не подвергается сколько-нибудь радикальному обновлению. Необходима гуманитаризация образования не только учебного предмета, но и учебного процесса. Это прежде всего гуманистический стиль отношений в университете, гуманитаризация образовательной среды в нем, приобщение непосредственных участников педагогического процесса к культуре как живому воплощению мира человеческих ценностей и смыслов.

Содержание классического образования наполнено гуманитарными ценностями и смыслами. Чтобы этот потенциал был эффективно использован, его необходимо обнажить, вычленив в самом процессе образования. С этой целью мы отказались от ряда привычных в образовании положений, сместили акценты с явного в нем на менее очевидное. Этот отказ связан с преодолением представления о содержании образования как части исключительно научного знания.

Пришлось отказаться и от научного «высокомерия» при оценке довузовского опыта студента как узкого, ограниченного, несущественного по сравнению с научным опытом. Довузовский опыт студента более ограниченный в гносеологическом плане, имеет потенциально широкие возможности в плане образовательном, для приобщения к «чужому» опыту, превращения в «свое—чужое». Ведь усваивать — значит объединять продукты «чужого», общественно-исторического опыта с показаниями собственного.

¹ Академик РАО, заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), доктор педагогических наук, профессор.

Самоценность и значимость для профессионального образования довузовского опыта студента означают признание носителя этого опыта равноправным участником образовательного процесса. Такое возможно в случае отказа от патернализма как универсального принципа построения профессионального образования.

Следствием этого отказа стало изменение расстановки персонажей на сцене образования с привычного и очевидного (преподаватель с научным знанием — к студенту) на принципиально иное: преподаватель со студентом — к профессиональной культуре. «Вместе со студентом» означает отказ (или хотя бы ограничение) от привычной и очевидной модели профессионального образования как «наполнения» будущего специалиста добытыми кем-то и когда-то профессиональными и иными знаниями. В этом случае происходит смещение акцента с просветительской модели профессионального образования на культуротворческую.

Сегодня в контекст общего и профессионального образования вторгается личный опыт студентов, а вместе с ним и многообразные феномены молодежной субкультуры. Мозаичность, полифункциональность, разнокачественность этой культуры не оставляют места для ее однозначной и одномерной оценки. В связи с этим перед педагогическим составом встает весьма сложная задача: воспитывая в себе толерантность по отношению к традиционному содержанию учебных занятий и способам развертывания этого содержания, вместе с тем постоянно утверждать статус нетленных эстетических, нравственных и других ценностей. Открытость преподавания и преподавателя молодежной субкультуре, преодоление разрыва между духовным миром студента и привносимым извне содержанием образования — один из путей построения диалога культур в университете.

Пристального внимания преподавателей заслуживает также усиливающаяся этническая неоднородность студенчества, а следовательно, и тех эталонов культуры, с которыми они входят в мир образования. Многие вузы (причем не только столичные) уже накопили опыт билингвизма, но тут проблема не только языковых барьеров — она куда шире и труднее: необходимо в самом содержании образования реализовать идею диалога (полилога) культур как парадигмы нового педагогического мышления, выражающей его демократическую и гуманитарную направленность. Учитывая, что наши стандарты образования и учебники в высшей степени европоцентричны, можно представить всю сложность работы по реконструкции функционирующих ныне «сценариев» педагогического процесса.

Сложность оптимизации содержания образования состоит в том, что оно традиционно игнорирует личный опыт преподавателя. Между тем приобщение студентов к принципиально не формализуемой «культуре Мастера» (М. М. Бахтин) — глубинная основа диалога культур непосредственных участников педагогического процесса. Однако современная высшая школа по-прежнему подчинена целям, для которых личностное знание, интимная культура педагога есть нечто второстепенное, необязательное.

Диалог культур в качестве особого элемента содержания образования предполагает культуру самого педагогического процесса. Именно в ней наиболее рельефно выражается авторство (соавторство) обучающихся и учащихся, их готовность к взаимопомогающему поведению, наличие (или отсутствие) у них установки на собеседника, изначальную адресованность своей активности «значашему Другому» (В. С. Библер), на «презумпцию понимания» (Г. С. Батищев). Выделив наряду с логической, математической, филологической и другими педагогическую культуру, включив ее в содержание подготовки специалистов любого профиля, мы получили еще одну возможность оптимизировать педагогический процесс в университете.

Преобразование «ставшей» культуры в живое знание, построение личностного знания предполагают переход от монолога к диалогу. На основе диалога как обмена не только значениями, но и личностными смыслами, вероятнее всего, создаются условия для совместного «проживания» процесса образования его непосредственными участниками. Разумеется, в образовательной практике имеют место случаи (и их не мало), в которых монолог уместен и необходим. Однако монолог как стиль взаимодействия «преподаватель—студент» существенно ограничивает возможности образования, снижает его эффективность.

Но в рамках традиционного понимаемого образования и его задач проблема гуманитаризации образования в принципе не решаема. Прежде всего потому, что диалог как «гуманитарное определение мышления, взятое в его всеобщности» (В. С. Библер), не рассматривается в качестве онтологического основания самого образовательного процесса. Отсюда — живучесть патернализма, авторитарности, предметоцентризма в теории и практике образования, трудность перехода к «другодоминантности», пониманию, рефлексивности, метафоричности.

Где возможен разрыв того «естественно-научного» круга, по которому движется гуманитарный по своей природе педагогический процесс? В общем виде ответ очевиден: в процессе гуманитаризации, то есть построения содержания, способов развертывания образования, организации образовательной среды, адекватной гуманитарной (естественной) природе педагогического процесса. В то же время не следует упускать из виду то обстоятельство, что этот культуротворческий процесс соотнобразует с культурой, на фундаменте которой он выстраивается.

Таким образом, реализация в современных условиях выдвинутых и обоснованных классической педагогикой (Я. А. Коменский, И. Г. Песталотци, А. Дистерверг, К. Д. Ушинский и др.) принципов природо- и культуросообразности предполагает построение педагогического процесса как гуманитарной практики. Иными словами, гуманитаризация образования — это «превращенная форма» принципов природо- и культуросообразности, то есть соотнобразности, соответствия природе человеческого, в которой диалог культур «гуманитарно» определяет педагогический процесс.

Т. А. Скопицкая¹

ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНО-МОТИВАЦИОННЫХ УСТАНОВОК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ НОВЫХ ПОДХОДОВ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Модернизация системы отечественного образования ориентирована на вхождение России в мировое образо-

вательное пространство. Этот процесс сопровождается существенными изменениями в педагогической теории и практике учебно-воспитательного процесса. Происходящие в социальной, экономической и духовной сферах

¹ Методист факультета развития профессионального образования Ленинградского областного института развития образования.

общества изменения, утрата ранее значимых ценностей и возникновение новых оказывают существенное влияние на развитие образования, современное состояние которого не удовлетворяет в полной мере ни одну социальную группу общества. В настоящее время одна из ведущих тенденций развития образовательной сферы — это смена образовательной парадигмы, когда образование становится универсальной ценностью и человек рассматривается не как орудие и средство достижения экономических целей, а как ценность, подчиняющая экономические задачи его развитию и благополучию.

Современный ценностно-мотивационный подход в образовании, обогащающий знаниями и побуждающий к осознанной деятельности, нашел отражение в программе образования в интересах устойчивого развития (ОУР), принятой Международной комиссией по окружающей среде и развитию в 1987 году. Главная цель ОУР — помочь учащимся принять такие ценности, развить такие знания и умения, которые позволяют им в дальнейшем принимать индивидуальные и коллективные решения локального и глобального характера для улучшения качества современной жизни без угрозы для будущего планеты (проблема ограниченности ресурсов, экологическое состояние окружающей среды, демографический рост, социальные конфликты и т. д.).

Характеризуя российское образование и тенденции мирового развития, в Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года подчеркивается, что школа должна стать «важнейшим фактором гуманизации общественно-экономических отношений, формирования новых *жизненных установок личности*». Обществу нужны образованные предприимчивые люди, «которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, способные к сотрудничеству... обладают развитым чувством ответственности за судьбу страны» и мира в целом¹.

Для реализации обозначенных положений объективно требуется развитие концептуальной системы взглядов, интегрирующих ценностно-мотивационные основания традиционных и инновационных процессов. В последние годы проблема находит свое выражение в различных областях научного знания:

- в философии образования складываются контуры педагогической аксиологии (учение о ценностях) (Б. С. Гершунский, В. М. Розин, Ю. Б. Тупалов, М. И. Фишер, П. Г. Щедровицкий, В. Н. Максимова и др.);

- в психологии, философии исследуется мотивационно-ценностное отношение учащихся к познавательной деятельности (Б. И. Додонов, Б. Г. Кузнецов, Е. А. Мамчур, В. Б. Миронов и др.);

- в педагогике рассматривается проблема ценностных ориентаций в образовании (С. Г. Вершловский, З. И. Равкин, В. С. Собкин и др.); ценностные подходы к управлению образованием (В. А. Караковский, Г. Б. Корнетов, О. Е. Лебедев и др.).

Вопросы ценностной ориентации, осознанно мотивационной деятельности приобретают все большее значение в развитии общества, Современная школа призвана обучать с опережением, прогнозируя и учитывая потребности общества и индивида завтрашнего дня, опираясь на прочный методологический фундамент педагогической науки, правильно строя систему средств и способов, которые обеспечивают социальное становление индивида в необходимом для общества направлении. Последним в настоящее время выступает подготовка ученика с довольно высоким уровнем компетентности и личностного развития, показателем которых является природно-

социальная направленность, наличие у выпускника интереса и любви к познавательной деятельности, осознание трудностей и радостей профессиональной деятельности и межличностного общения, соизмеримости желаний и потребностей во всех сферах жизнедеятельности, реальное признание природной среды высшей ценностью для развития человечества.

Результаты педагогической практики показывают, что часто выпускники средних школ не готовы к реальной оценке жизненных ситуаций, затрудняются в выборе приоритетов, не несут ответственности за свою деятельность, не желают прогнозировать последствия своих деяний. Имея достаточный багаж теоретических знаний, испытывают трудности в процессе выбора жизненного пути, обладают неадекватной самооценкой, мотивируют свою деятельность (поведение) потребностями сегодняшнего дня, материальными ценностями, что констатирует факт недостаточной разработанности или отсутствия в общеобразовательной школе последовательной целостной системы действий, направленных на формирование ценностно-мотивационных установок деятельности учащихся.

Для более полного обоснования темы раскроем основные понятия исследования. Сегодня одна из ведущих тенденций развития образовательной сферы — это смена образовательной парадигмы. Образование, как и все сферы деятельности людей, должно изменяться кардинальным образом, ориентироваться на будущее и быть основополагающей *частью устойчивого развития* («поддерживаемого» — общепотребительный перевод английского словосочетания *sustainable development*) как *новой социоприродной формы развития*. По утверждению современного исследователя проблем экологии, образования и человека А. Г. Асмолова, «человечество для собственного спасения от экологической катастрофы стоит перед необходимостью реализации стратегии устойчивого развития и необходимостью, вследствие этого, изменения характера жизнедеятельности человека XXI века. Для этого ему необходимо построить качественно иную, ноосферную систему образования и воспитания, которая, по-нашему мнению, включает: новые знания об окружающей среде и здоровье (в широком смысле) человека, новые психолого-педагогические и производственные технологии, новые нормы поведения людей Земли, основанные на ноосферных общечеловеческих ценностях»².

Цель образования для устойчивого развития — создание условий для становления поколения, способного реализовать концепцию устойчивого развития на основе:

- улучшения базового образования;
- переориентации образования на достижение устойчивого развития;
- усиления озабоченности общественности состоянием окружающей среды;
- обеспечения понимания вопросов устойчивого развития;
- повышения уровня подготовки населения в области устойчивого управления территориями и ресурсами.

Образование для устойчивого развития призвано предлагать учащимся:

- понятие о путях и перспективах реализации концепции устойчивого развития;
- учет потребностей, необходимых для обеспечения устойчивости и уменьшения воздействия каждого человека и общества в целом на окружающую природную среду;
- условия для *становления постматериальной системы ценностей*, основанной на осознанном ограничении потребностей, ориентированной не на количественный рост, а на качественное развитие (гуманизм, свободу,

¹ Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. М., 2004. С. 3.

² Асмолов А. Г. Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М., 2002.

творчество, нравственность, диалог и сотрудничество, профессионализм, самореализацию, качество жизни, понимание своей роли в природе и ответственности за ее восстановление и сохранение для будущих поколений).

Термин «*формирование*» в педагогике определяется как «процесс становления личности под влиянием внешних воздействий, обучения, социальной среды»¹, как вид развития личности (ее созревание), изменение (совершенствование) ее динамической функциональной структуры, главным образом содержания, под влиянием внешних воздействий. Корнем слова «*формирование*» является «форма» (лат. *forma*) — нечто устойчивое, «внешнее выражение какого-либо содержания»².

Следовательно, в психолого-педагогических исследованиях формирование можно рассматривать как «фазу стабилизации, придания определенной формы» характеру, внешнему облику, содержанию деятельности человека в системе развития и становления личности³. В своем исследовании мы исходили из того, что формирование предполагает конкретный видимый (ощутимый) результат на основе заранее выдвигаемого предположения или создания желаемого образа при многообразии «раздражителей», воздействующих на личность в разных средовых ситуациях.

Деятельность как способ существования людей лежит в основе развития, формирования, становления... личности, следовательно, является основой педагогической практики как «единственный путь к знанию» (Б. Шоу) и становлению индивида. При этом формирование рассматривается как педагогический подход и к организации деятельности («формирование общественно ценных новообразований»), и когда «деятельность реально формирует эти новообразования»⁴.

В нашем исследовании мы рассматриваем *деятельность* в виде спектра мотивации, установок, готовности, настроенности на разных уровнях активности личности, когда устанавливается единство смысловых и мотивационных моментов, определяются их типичная для субъекта связь и субординация.

Понятие «*установка*» в Толковом словаре русского языка (С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова) имеет значения «назначить, утвердить, ввести в действие как цель, направленность, руководящее указание». Представители Вюрцбургской школы (Ватт, Мессер, Кюльпе) утверждали, что это состояние, находящееся «на пороге сознательного и бессознательного», в котором много неосознанного. З. Фрейд причислял установку к сфере бессознательных

явлений, приравнивал ее к переживаниям. По мнению Д. Узнадзе, если в психологии вместо понятия «бессознательное» использовать понятие «установка», можно избежать многих трудностей.

На основе понятия «установка» возможно познание закономерностей деятельности (активности, поведения) индивида, что важно для педагогической практики. Под понятием «*установка*» подразумевается процесс, «протекающий без участия сознания, однако, несмотря на это, оказывающий решающее влияние на все содержание сознательной психической жизни... В этом случае возникает мысль, что понятие бессознательного должно быть отвергнуто и вместо него введено понятие, имеющее позитивное содержание, а именно понятие установки»⁵.

Педагогические определения расширяют смысловое значение термина. Установка выступает готовностью человека действовать в определенной ситуации на основе эмоционально-ценностного отношения к элементам данной ситуации. Мы рассматриваем ее как приемлемость или неприемлемость человеком ситуации и предметов действительности, избирательность его поведения (деятельности, активности) и объяснение возможностей педагогического воздействия на личность учащегося в учебно-воспитательном процессе.

Как реальное содержание, установка выражает ту позицию человека, которую он занимает при рассмотрении определенного вопроса и на основе которой непосредственно чувствует и переживает приемлемость или неприемлемость данного положения.

Таким образом, проведенный анализ деятельности учащихся средней школы в экспериментальной группе подтвердил предположение о том, что формирование ценностно-мотивационных установок деятельности имеет целевое направление при формировании личности. Результаты проведенного эксперимента подтверждают необходимость и возможность формирования ценностно-мотивационных установок деятельности в учебно-воспитательном процессе. Эффективность становления установок деятельности обеспечивается совокупностью применяемых форм и методов воспитания и обучения, благоприятным психологическим климатом в среде формирования, эмоциональным переживанием учащимися своей деятельности и ее прогнозируемых результатов. Массовое внедрение разработанной технологии позволит улучшить качество обучения учеников средней школы и их умений в сфере жизнедеятельности.

О. В. Сюткина⁶

ДАЛЬНЕЙШИЕ ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ МЕЖПРЕДМЕТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ, ГЕРМАНИИ И США В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОСТИ

Поликультурность, все чаще становясь ведущей педагогической стратегией современного образования в разных странах, ориентирована на вариативность, паритетность, свободу принятия решений, диалогизм, уважение личности, реалистичность, культивирование не только по-

лезности, но и достоинства личности. В современной педагогической практике перечисленные принципы приобретают приоритетное значение, прежде всего в условиях интегративного образования. Развитие межпредметной интеграции в будущем, с нашей точки зрения, обусловлено новыми тенденциями в мировой системе образования, спецификой образования отдельных стран — России, ФРГ и США, исторически сложившимися условиями каждой из них и конкретными проблемами обучения.

Поликультурность пространства жизнедеятельности человека стала неотъемлемой чертой современного индустриально развитого мира. Растет осознание мировой общественностью нарастающего противоречия между

¹ Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1991. С. 26.

² Формирование системного мышления / под ред. З. А. Решетовой. М., 2002.

³ Выготский Л. С. Указ. соч. С. 181.

⁴ Узнадзе Д. Н. Общая психология / пер. с грузин. Е. Ш. Чомахидзе; под ред. И. В. Имеладзе. М.; СПб., 2004.

⁵ Там же.

⁶ Доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Кировского филиала СПбГУП, кандидат педагогических наук.

повышением уровня полиэтничности социальной среды, в которой живет и трудится человек, и его неподготовленностью к этим изменениям. В последнее время в целях решения этой задачи образование в мире было направлено на преодоление социального неравенства и укрепление социальной сплоченности на национальном и общемировом уровнях.

Исполнение данных задач обуславливает необходимость поиска новых форм и решений в поликультурном образовании, увеличение количества интегрированных курсов именно данной тематики. В Германии и США имеется большой опыт применения данных программ. Безусловно, повышенный интерес к ним будет сохраняться. Это в свою очередь может привести к некоторой смене приоритетов в межпредметной тематике в США. С одной стороны, из-за низкого уровня подготовки по математике и естественно-научным дисциплинам¹, безусловно, будут продолжены разработка и внедрение межпредметных интегрированных программ по данной тематике. С другой стороны, в США существенно увеличится количество интегрированных курсов, синтезирующих знания из разных областей (из художественно-эстетического и гуманитарного циклов).

Общеизвестно, что в США разработка поликультурного методического обеспечения межпредметных программ осуществляется централизованно институтами подготовки и переподготовки учителей². Заимствование лучших примеров данного опыта может сыграть благотворную роль для развития поликультурного образования, к которому в последнее время в России проявляется большой интерес в связи с развитием национального самосознания. В Германии разработка интегрированных курсов по всей номенклатуре тематики осуществляется на уровне институтов по

подготовке и переподготовке учительских кадров и органов образования, что позволяет избежать многих затруднений педагогов. Данные программы, жестко регламентируя тему, допускают адаптацию их к конкретным условиям школы, класса. Опыт предоставления готового методического обеспечения можно перенять и успешно использовать в российских условиях (на курсах повышения квалификации, в институтах усовершенствования учителей и др.).

В ФРГ, так же как и в США, скорее всего будет сохраняться интерес к поликультурному образованию, особенно в высшей школе, где свидетельства об образовании, полученные в других странах Европейского Союза и дающие право на поступление в вуз, признаны достаточными для поступления³, что приводит к увеличению количества иностранных студентов. Например, в настоящее время в старых федеральных землях Германии 30 % иностранных студентов составляют выходцы из Азии. Воспитание в духе толерантности, понимания других народов и осознания ценности их культуры становится одной из главных задач немецкого образования. Это требует создания новых межпредметных интегрированных курсов гуманитарной и художественно-эстетической направленности.

Большое количество интегрированных курсов поликультурной тематики, разрабатываемых педагогами США и Германии, открытость и доступность методического обеспечения в зарубежной педагогической литературе и Интернете помогут учителям России в разработке подобных программ, базирующихся на апробированных методиках.

Ее вышеперечисленное позволяет создать основу для возможного развития межпредметной интеграции в системе образования России, ФРГ и США.

В. И. Толкачев⁴

КУЛЬТУРА И ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ

метки о русском», «Земля родная», «Письма о добром и прекрасном», будут всегда притягивать многочисленных исследователей, поклонников, последователей великого дара и таланта корифея русской словесности, летописной истории, нравственности души и эстетики мысли.

«Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саде, который они возделывали, в вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек не любит старые дома, старые улицы, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, значит, он равнодушен к своей стране»⁵.

В этом высказывании великого русского мыслителя Д. С. Лихачева содержится его мировоззрение, миропонимание, мироощущение. Образно говоря, это его боль, крик души, отчаяние. В нем содержится надежда, уверенность, призыв. В нем содержится наказ всем нам, как нужно действовать, что нужно делать и как поступать, чтобы сохранить самих себя, свой дом, свою страну, родную землю и человеческую цивилизацию в целом.

Сегодня можно констатировать, что нынешняя человеческая цивилизация вступила в полосу глубочайшего кризиса своего развития. Бездуховность, стяжательство, нищета души, моральная деградация, алчность, стремление

Литературное, историческое и философско-культурологическое наследие академика Д. С. Лихачева — это громаднейший пласт, неиссякаемый родник духовного, нравственного, культурного, этического развития народа. Труды Дмитрия Сергеевича служили и будут служить основой для многочисленных исследований и разработок, научных семинаров и симпозиумов по проблемам бережного отношения к родному языку, истокам национального самосознания, стремления понять и осмыслить, в чем величие и в чем низость человеческих деяний и поступков.

Безусловно, глубинные и всесторонние по сути проникновения, доходчивости идеи, разносторонность и глобальность размышлений Д. С. Лихачева имеют значение для всего человеческого сообщества, затрагивают глобальные, вселенские проблемы нравственности, эстетики, гуманности, духовности, внутренней чистоты. Его многочисленные публикации, статьи и исследования, в частности «Поэтика древнерусской литературы», «Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили», «Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.)», «Слово о полку Игореве» и культура его времени», «За-

¹ Алферов Ю. С. Мониторинг развития образования в мире // Педагогика. 2002. № 7. С. 88–95.

² Гаганова О. К. Поликультурное образование в США : теоретические основы и содержание // Педагогика. 2005. № 1. С. 86–95.

³ Джуринский А. Н. Интернационализация высшего образования в современном мире // Педагогика. 2004. № 3. С. 83–92.

⁴ Ректор Международного института трудовых и социальных отношений (Минск, Белоруссия), кандидат исторических наук, доцент.

⁵ Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. Заметки о русском : избранное / ред. Т. Шамова. СПб., 1998. С. 548.

к несправедливому богатству, уродливость чувств и поступков — вот далеко не все эпитеты, которыми можно определить, что с нами нынешними происходит. И имеем ли мы право после всего называться *homo sapiens* — человек разумный?

С экранов телевизоров, кинотеатров потоком распространяется культ насилия, секса, жестокости, самых низменных человеческих инстинктов и поступков. Массовые сцены насилия, кровавых убийств, сатанинские пляски стали нормой в производстве и демонстрации фильмов, спектаклей как отечественного, так и зарубежного производства. Современные писатели в своих книгах соревнуются, кто больше изобразит на страницах половых извращений, постельных сцен, секса. Ненормативная лексика употребляется героями чуть ли не на каждой странице. Главными героями книг, кинофильмов, песен становятся маньяки, убийцы, насильники, грабители, люди, обогатившиеся за счет соседа или друга, лишённые чувств сострадания ближнему, помощи друг другу, уважения и простой человеческой морали. (Например, вышедший в массовый прокат американский фильм «Адреналин-2» — верх цинизма и надругательства над нравственностью и моралью!)

Интеллигентность подменяется цинизмом, словоблудием, предательством и подлостью. Такие человеческие чувства, как совесть, долг, порядочность, образованность, воспитанность, или отошли на второй план, или исчезли вообще со страниц книг, журналов, экранов телевизоров и киноэкранов.

Разлагающее влияние на сознание молодежи, этическое поведение, культурность оказывает современное шоу-искусство, поп- и рок-музыка. К примеру, только из названий рок-коллективов («Красная плесень», «Крематорий», «Ногу свело», «Чума», «Крысы» и т. д.) ясно, какую музыку они играют и к чему призывают. Мракобесие, нигилизм, низкий уровень культуры и образованности — все это стало нормой, глубоко проникло в общество и, как коррозия, ржавчина, изнутри разъедает и уничтожает его здоровые клетки.

«Итак, мир русской культуры, — отмечает Д. С. Лихачев, — благодаря ее восприимчивости необычайно богат. Однако мир этот может не только обогащаться, но и постепенно, а иногда и катастрофически быстро, беднеть. Обеднение может происходить... потому, что сегодня мы все чаще прибегаем к словам пошлым, пустым, стертым,

не укорененным в традиции культуры, легкомысленно и без всякой надобности заимствованным на стороне»¹.

Раковая опухоль стяжательства, паразитизма, бомжевания, бродяжничества, наркотического и алкогольного опьянения охватила всю человеческую цивилизацию, угрожает ей гибелью и исчезновением. Фантастические картины апокалипсиса, нарисованные художниками и писателями 30–40 лет назад, уже не кажутся чем-то нереальным, воспаленным воображением и взрослыми страшилками. Реальная действительность и ближайшее развитие человечества в несколько раз может превзойти эти мрачные прогнозы.

А что же интеллигентность, как и в чем она должна проявляться, какова ее степень воздействия на различные слои и категории общества? К сожалению, следует констатировать, что интеллигентность, образованность, культурность сегодня не в почете, не в чести и не в моде. Какого-либо зримого влияния культура (настоящая, а не массовая), мораль, этика на общественное сознание, к сожалению, не оказывают.

Необходимо приложить поистине титанические усилия, зазвонить во все колокола с самых высоких колоколен, включить все здоровые силы общества, чтобы перекрыть дорогу низменным, негативным порокам, постараться вернуть человечество на путь цивилизованного, культурного, высоконравственного и морального развития.

Д. С. Лихачев в своих трудах по теории мировой и отечественной литературы, много размышляя об интеллигенции и интеллигентности, сформулировал обобщающие черты, присущие высокообразованной, интеллектуально развитой личности: мужество, интеллектуальная свобода, высокая нравственность, сострадание, совесть, человеческое достоинство, порядочность, благородность. В «Декларации прав культуры», разработанной научным коллективом СПбГУП под руководством академика Д. С. Лихачева, отмечается, что культура является основой социального и экономического развития народов, государств и цивилизаций, духовного и нравственного возрождения человека.

«Культура является определяющим условием реализации созидательного потенциала личности и общества, формой утверждения самобытности народа и основой душевного здоровья нации, гуманистическим ориентиром и критерием развития человека и цивилизации. Вне культуры настоящее и будущее народов, этносов и государств лишается смысла»².

М. Н. Фроловская³

ТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ⁴

существуют свои, общие для разных аспектов культуры тенденции; как пространство, глубина которого измеряется степенью понимания текстов культуры, сотворчества автора и воспринимающего. По сути своей образование — это встреча культур: культуры студента, в том числе его жизненного опыта, культуры преподавателя, в том числе его профессионального опыта, и «ставшей», зафиксированной в стандарте профессионального образования культуры (Ю. В. Сенько).

Культура — это и предпосылка, и процесс, и результат творения людьми жизненно необходимых им обращений друг к другу и к самим себе за сочувствием, сомыслием, содействием⁵. Обращение участников педагогического процесса и рефлексия собственного опыта, конечно же, возможны на основе понимания. Отмечается два на-

Педагогический процесс в высшей школе наполнен текстами. Это не только тексты, запечатленные в проектах содержания образования, но и тексты, которые создаются «здесь и сейчас» во взаимодействии «преподаватель–студент». В этих текстах педагог вместе со студентами обнаруживает смыслы, интерпретирует наличную ситуацию как образовательную, переводит ее на язык внутренней речи.

Д. С. Лихачев представлял культуру как некое органическое явление, сотворенную человеком среду, в которой

¹ Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 356.

² Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб., 2007. С. 391.

³ Доцент кафедры педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул).

⁴ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 08-06-00161а).

⁵ Михайлов Ф. Т. Избранное. М., 2001. С. 266.

правления «работы» культуры. С одной стороны, она делает людей схожими, и это условие понимания, но с другой — она нас делает и разными, порождая непонимание. Чем своеобразнее личности, чем ярче их собственные точки зрения, тем труднее понимание, тем ценнее информация, которую преподаватель и студент передают друг другу в образовательном процессе.

Любой учебный курс университета представляет собой не только систему знаний, которую можно было бы передать другим и тем самым обучить их. Становление знания — это всегда акт, который «вспыхивает, опосредуя другие действия». И этот акт всегда связан с преобразованием информации в знание. Как считает М. К. Мамардашвили, мысль должна быть «исполнена» как всякое духовное явление: «А какие мысли оказываются не-мыслями? Те, которые помыслены так, что исключен тот, кому эта мысль сообщается»¹. Через взаимодействие с Другим (в том числе с автором текста «ставшей культуры») происходит становление собственного профессионального образа мира. Как справедливо замечал Д. С. Лихачев, «подлинно новая ценность возникает в старой культурной среде <...> предполагает поиск живого в старом»².

В таком случае основная задача профессионального образования состоит не только в том, чтобы довольствоваться передачей традиций и научной информации, но и в том, чтобы развивать способности, которые дают участнику педагогического процесса возможность находить универсальные смыслы собственной профессиональной деятельности в диалоге с текстами культуры.

Для этого будущему специалисту и преподавателю необходимо ощутить себя частью мира и увидеть себя в Других. По Ю. М. Лотману, «текст жизни» — это не просто метафора, «это выход понятия “текст” за узкие для него феноменологические границы. Дело заключается в том, что культура вообще тяготеет к тому, чтобы рассматривать созданный Богом и Природой мир как Текст, и стремится прочесть его сообщение, в нем заключенное»³. Образование сводит друг с другом людей, стремящихся обнаружить смыслы как в предметном содержании, так и во взаимоотношениях.

Можно предложить такую аналогию. Восхождение от значения к смыслу подобно движению от наличной ситуации к педагогической задаче. В этом движении преподаватель не только фиксирует «знаки», в которых представлены ситуации, и оценивает их значения, но и обнаруживает скрывающиеся за ними смыслы, преобразуя и обогащая при этом саму наличную ситуацию и свой внутренний мир. Речь идет о педагогическом понимании, которое целостно, как сам человек.

В профессиональном образовании студента и в повышении квалификации преподавателя постоянно происходят встречи с текстами культуры (научными, художественными), которые могут стать условием обнаружения собственных смыслов через понимание авторской позиции. Природа этого взаимодействия диалогична. Проблема заключается в том, насколько педагогический процесс

отвечает диалогичности как фундаментальному свойству культуры. Мерой этого соответствия определяется то, насколько и преподавателю, и студенту открываются ценности, образцы культуры, смыслы, запечатленные в ее текстах. Вхождение в пространство текста открывает возможность развития индивидуальности, становления собственного профессионального образа мира.

Круговая структура понимания текста культуры составляет герменевтический круг: в своем приближении к смыслу понимание постоянно переходит от целого к части и обратно к целому. «Понимание того, что содержится в тексте, заключается в разработке предварительного наброска, который подвергается постоянному пересмотру и углублению в смысл текста»⁴. И все эти акценты — смена установки самого преподавателя высшей школы: стать педагогом, умеющим слушать и говорить в диалоге, имеющим герменевтическое (понимающее) сознание, быть восприимчивым к позиции Других, их инаковости.

Для организации диалогических отношений с текстами культуры необходима установка на поиск и решение задач, интересных для преподавателя и для студента. Здесь важно понимание смысла собственной профессиональной деятельности, умение слышать «голоса» и откликаться на них.

Понимание текстов — не самоцель, в их содержании отражены отношения вещей (предметов), имеющих значение для образа мыслей, поступков, намерений людей. Именно эти отношения существенны для людей, желающих понять тексты. Каждый вносит нечто свое в понимание, раскрывает новые, неизвестные даже самому автору смыслы и значения в их интерпретации, а тем самым, как подчеркивал М. М. Бахтин, не только открывает их «наличный смысл», но делает к нему «прибавление путем творческого соиздания»⁵. Герменевтический круг в педагогическом процессе как раз и демонстрирует расширение и углубление явлений духовной жизни, произведений культуры.

При пересечении мира текста и мира читателя возникает «горизонт ожидания» (М. Хайдеггер), происходит столкновение ожиданий автора и надежд читателя, осуществляется акт интересубъективного общения. Понимание текста есть внутренняя работа читателя, соединение с «даром» текста, стимулированное им: тема тонет в памяти читателя и зовет к продуктивному воображению. В процессе понимания текста перед человеком высвечиваются новые перспективы отношений к истории, обществу, собственному бытию. Иными словами, индивидуальное бытие становится бытием, «задатым за живое»: понять себя — значит понять себя до текста и получить от текста условие иного «Я» (П. Рикер).

Такое «сочувственное понимание» необходимо преподавателю современной высшей школы. Существенно, чтобы профессиональное образование ориентировалось не на трансляцию социального опыта, а на диалог культур, представленных пересекающимися в образовании текстами.

¹ Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1992. С. 22.

² Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб., 2006. С. 334.

³ Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Труды по знаковым системам. Тарту, 1981. Вып. 12. С. 10.

⁴ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 318.

⁵ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 362.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- В. И. АНДРЕЕВ** академик РАО, заведующий кафедрой педагогики Казанского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор
- С. М. БЕЗУХ** профессор кафедры социальной работы и социальных наук Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, доктор медицинских наук
- Е. О. ГАЛИЦКИХ** заведующая кафедрой русской литературы Вятского государственного гуманитарного университета (Киров), доктор педагогических наук, профессор
- В. В. ГОРШКОВА** заведующая кафедрой социальной работы СПбГУП, доктор педагогических наук, профессор
- Ю. С. ДАВЫДОВ** академик РАО, президент Пятигорского государственного лингвистического университета, доктор экономических наук, профессор
- С. Ф. ЕГОРОВ** академик РАО, заведующий отделом Института теории и истории педагогики РАО (Москва), доктор педагогических наук
- В. А. КОЛЕСНИКОВ** директор областного ГОУ СПО «Иркутский государственный педагогический колледж № 1», доктор философских наук, заслуженный учитель РФ
- С. С. ЛЕБЕДЕВА** профессор кафедры социальной работы и социальных наук Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, доктор педагогических наук
- Н. Д. НИКАНДРОВ** президент Российской академии образования, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор
- А. А. ОРЛОВ** член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. М. ПОМЕРАНЦЕВ** профессор кафедры технологии катализаторов Санкт-Петербургского государственного технологического института (технический университет), доктор химических наук
- Ю. В. СЕНЬКО** академик РАО, заведующий кафедрой педагогики Алтайского государственного университета (Барнаул), доктор педагогических наук, профессор
- Т. А. СКОПИЦКАЯ** методист факультета развития профессионального образования Ленинградского областного института развития образования
- О. В. СЮТКИНА** доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин Кировского филиала СПбГУП, кандидат педагогических наук

Н. Д. НИКАНДРОВ: — На сегодняшнем секционном заседании мы будем говорить о реформе образования, о том, насколько она успешно (или неуспешно) проводится. Нам предстоит выяснить, какие за период реформ высшей школы были выявлены положительные и отрицательные моменты, оценить приобретения и потери. Речь пойдет о проблемах в образовании в широком смысле слова (не только в высшем).

Недавно в Государственной Думе обсуждалась концепция нового закона об образовании. Первая редакция этого законодательного акта была принята в 1992 году. Она получила положительную характеристику, причем не только в России, но и за рубежом. Это прогрессивный и интересный закон. Впоследствии развернулась серьезная борьба за его изменение, было внесено много поправок, трансформировавших закон как в худшую, так и в лучшую сторону (на этот счет существуют разные мнения).

Одно изменение, которое было внесено в 1996 году, касалось основ, первых статей закона. Если в первом варианте закона 1992 года было указано, что образование — это обучение и воспитание в интересах личности, обще-

ства и государства, то в 1996 году — что образование есть воспитание и обучение в интересах человека, общества и государства. Акцент смещен с обучения на воспитание. На мой взгляд, это было правильное решение, я оцениваю данное изменение положительно. Слово «личность», широко распространенное на Западе, было заменено словом «человек» (слово славянского происхождения), ведь речь идет о законе, принятом в России. Но это частность.

В настоящее время также ведется работа по созданию Образовательного кодекса. Должен действовать не только закон (относительно краткий документ), но и целый набор законов, которые составят Образовательный кодекс. Работа по его созданию идет давно, но очень медленно, и далеко от своего завершения.

Ю. С. ДАВЫДОВ: — Дорогие коллеги, Николай Дмитриевич определил круг вопросов, которые мы должны обсуждать, обозначил проблемы, связанные с концепцией проекта Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». В Государственной Думе при Комитете по образованию и науке были созданы несколь-

ко советов с целью изучения общественного мнения, один из них — Экспертный совет по вопросам образования. Недавно была официально представлена концепция проекта Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Здесь необходимо обратить внимание на следующие моменты.

Николай Дмитриевич говорил о Законе «Об образовании», принятом в 1992 году. Не знаю, согласитесь вы со мной или нет, но я считаю Закон «Об образовании» от 1992 года одним из лучших в мире. Если бы мы осуществили все требования этого закона, то ни одна из последующих реформ нам была бы не нужна. По моему убеждению, каждый должен быть знаком с тем, что ему предлагают. В целом ряде случаев законодательные инициативы идут вразрез с мнением образовательной общественности.

Наиболее яркий пример — Единый государственный экзамен (ЕГЭ). С одной стороны, он административно утвержден, его поддерживает большинство, поскольку он позволяет объективно оценить знания и обеспечивает доступность образования. С другой стороны, некоторые общественные и государственные деятели, в частности мэр Москвы Юрий Михайлович Лужков, считают, что ЕГЭ нужно отменить.

Представители других экспертных советов Государственной Думы, в частности бывший министр общего и профессионального образования РФ Владимир Георгиевич Кинелев, высказывают мнение о том, что необходимо объявить мораторий на все реформы, проводимые в образовании, по крайней мере на ближайшие три года. Но вместо этого нам предлагают новую концепцию закона.

На мой взгляд, в настоящее время созрела необходимость внесения изменений в закон. В период с 2002 по 2008 год в образовательном законодательстве было принято 35 новых законов. Они дополняли образовательное законодательство, но в то же время были самостоятельными законами. Кроме того, административными решениями было внесено около 200 изменений в Закон «Об образовании», причем эти изменения далеко не всегда имели прогрессивный характер. Я считаю, что они негативно отразились на законе 1992 года.

Закон «Об образовании» 1992 года существенно изменен. Например, из него была изъята статья «Государственные гарантии образования». Но если не существует государственных гарантий образования, следовательно, нет и самого образования. Также в законе отсутствует статья, связанная с обеспечением материально-технической базы образования, и т. д.

Я прошу внимательно отнестись к краткому изложению концепции об образовании и некоторым комментариям. Мне поручено обобщить все предложения образовательной общественности в записке, которая будет представлена в Комитет по образованию Государственной Думы. Я считаю ошибочным и несправедливым тот факт, что в разработке этой концепции (сроков, этапов работы) не учтена стадия ее обсуждения в кругах образовательной общественности.

Например, предусмотрено согласование концепции и проекта технического задания на разработку законопроекта заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, внесение концепции проекта технического задания на разработку законопроектов правительства в июне 2009 года. Далее предлагается внесение проектов законов в правительство в июле 2009 года и внесение проекта Федерального закона в Государственную Думу в ноябре 2010 года. Среди этих пунктов нет указаний на то, что общественность должна обсудить этот закон.

В новой концепции представлен интегрированный закон «Об образовании». Хотя словосочетание «интегрированный закон» не употребляется, проект закона предпола-

гает приостановление действия всех предыдущих законодательных актов («Об образовании», «О высшем образовании») и изменений, которые были в них внесены.

Я считаю, что требует совершенствования внесение изменений в существующие в настоящее время законы «Об образовании» и «О высшем образовании». Изменения следует внести до принятия интегрированного закона, например восстановить те статьи, о которых уже говорилось, — о государственных гарантиях образования, о материально-технической базе. Поэтому в концепции утверждается, что необходимо совершенствование законодательных основ отечественной системы образования.

Что представляет собой новая концепция закона? Прежде всего я хотел бы обратить ваше внимание на то, что вместо выражения «образовательные учреждения» предлагается употреблять словосочетание «образовательные организации». Напомню, что подобного рода предложение уже было высказано несколько лет назад: предлагалось создать коммерческим организациям возможность создавать образовательные структуры. Если коммерческая организация создаст филиал или представительство, то нужно какое-то помещение, в котором будет осуществляться образовательный процесс. Главное — это предложение вносится для того, чтобы предоставить коммерческим структурам возможность создавать образовательные учреждения.

Кроме того, в настоящее время некоторые законодательные инициативы расходятся с некоторыми статьями Конституции РФ, законов и положениями, связанными с деятельностью образовательных учреждений. Предполагается законодательно оформить те изменения, которые имеют место, в частности Единый государственный экзамен, ступенчатость образования (двухуровневая система).

В современной редакции закона последнее положение зафиксировано, но отличие от новой редакции заключается в том, что студенты по закону 1992 года могут делать это добровольно. (Принятие закона 1992 года привело к тому, что в ряде вузов был осуществлен переход к двухуровневой системе.) В настоящее время предлагается готовить 80 % бакалавров и 20 % магистров. Но я считаю такое положение дел неправомерным. На мой взгляд, в новой концепции нужно указать, что многоступенчатость должна базироваться на добровольной основе.

Что касается Единого государственного экзамена, который концепция также предлагает утвердить как постоянное явление, то я полагаю, что он полезен с точки зрения определения «болевых точек» образования. Что показал ЕГЭ в 2008 году? Что изучение математики в школах никуда не годится, а русского языка требует улучшения.

Если говорить о ЕГЭ, то я считаю предложения об установлении границы, когда абитуриентам не разрешается подавать документы в высшие учебные заведения, если они не набрали положенное количество баллов, антиконституционными. В законопроекте также предлагается это положение конституировать, то есть определить.

Я предлагаю тем, кто хочет высказать свое мнение по этому законопроекту, прислать мне по электронной почте свои замечания, с тем чтобы я их обобщил и представил их в Государственную Думу. Таким образом, я предлагаю считать работу нашей секции, работой проведенной в рамках Экспертного совета по вопросам образования Госдумы.

Еще одно положение нового законопроекта наводит на размышление: в концепции предполагается изменить структуру высших учебных заведений, отдельно выделить особый университетский комплекс. Причем упоминаются только федеральные исследовательские институты и университеты, а о высших учебных заведениях вообще не говорится.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Юрий Степанович. В любом законе, специальном юридическом документе существует много подводных камней. Юрий Степанович сказал о том, что в законопроекте слово «учреждения» заменили на «организации». Учредитель должен оплачивать функционирование учреждения. Но если учреждение будет названо организацией, то возможны варианты: совсем не обязательно учредитель и объединившиеся в организацию должны ее финансировать. Возникает вопрос: должно платить государство или кто-то конкретно обязан это делать. Например, в России существуют шесть государственных академий, президентом одной из которых я имею честь быть. Они финансируются из государственного бюджета.

Другой пример связан с Единым государственным экзаменом. Результаты ЕГЭ за 2008 год показали, что математика и русский язык в школе преподаются плохо. Возможно, это так. Но что представляет собой ЕГЭ, как и любой другой способ проверки? Мы устанавливаем некую норму и в соответствии с ней что-то оцениваем. Например, мы установили, что норма для всех, кто занимается прыжками в высоту, — 1 метр. У некоторых людей со взятием этой высоты уже могут возникнуть проблемы, а полтора метра будет совсем трудно преодолеть. Такого рода подводных камней может быть очень много.

Поэтому посмотрите, пожалуйста, текст нового законопроекта об образовании, и, может быть, у вас возникнут идеи, которые следует учесть его авторам.

Е. О. ГАЛИЦКИХ: — Юрий Степанович, результаты ЕГЭ выявили у выпускников вопиющую неграмотность по русскому языку и низкий уровень подготовки по математике. Были ли предприняты какие-либо меры для решения этой проблемы? Или ограничились лишь констатацией факта?

Ю. С. ДАВЫДОВ: — В настоящее время о математике говорят много. Что касается русского языка, то Людмила Алексеевна Вербицкая также борется за то, чтобы были приняты дополнительные меры. Но в настоящее время не осуществляется никакой финансовой поддержки в разрешении этих проблем. Зато имеются «Десять легальных способов достичь высшей оценки на Едином государственном экзамене», опубликованные в газете «Московский комсомолец».

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Коллеги, некоторые высказываются о том, что необходимо отправить в отставку министра образования А. А. Фурсенко. Конечно, многое зависит от личности. Но я считаю, что эту ситуацию хорошо проиллюстрирует отрывок из басни Ивана Андреевича Крылова «Лягушки, просящие царя»:

Вам дан был Царь? — так тот был слишком тих:
Вы взбунтовались в вашей луже,
Другой вам дан — так этот слишком лих:
Живите с ним, чтоб не было вам хуже!

На мой взгляд, бороться надо против идей, определенных правил, законов, но я не уверен, что нужно так рьяно бороться против личности.

В. И. АНДРЕЕВ: — Уважаемые коллеги, я разделяю озабоченность присутствующих относительно очередных реформ. В Казанском государственном университете была написана докторская диссертация, посвященная системному анализу российских реформ. Основной вывод: ни одна российская реформа (начиная с советского периода) не доведена до конца. Причем, как правило, ни одна реформа не финан-

сировалась адекватно поставленным задачам. Многие наработки, которые были сделаны по реформам, практически остались неиспользованными. В этом я вижу российскую беду — мы всякий раз хотим реформироваться.

Недавно я прочитал небольшую книгу о совести. В ней приводится интересный факт: у китайцев сын не имеет права ничего изменять в доме в первые три года после смерти отца. Вероятно, истоки этого — в китайском конфуцианстве. Человек должен осмотреться, для того чтобы понять, насколько он способен изменить то, что было сделано его родителями. Поэтому надо очень бережно относиться ко всему, что наработали наши предки и мы.

Я хочу рассказать о качестве образования, точнее — о гарантированности качества образования и педагогических законах многомерной бинарности в развитии и саморазвитии образовательных систем. Дело в том, что в настоящее время в Европе создано много центров гарантированного качества образования.

В Казанском государственном университете в скором времени будет защищаться диссертация по интеграции учреждений гарантированного качества с учетом зарубежного опыта, в которой проанализировано много зарубежных, в частности европейских, работ. В Европе и России предпринимаются определенные меры. Можно сказать, что существует движение по гарантированности качества образования. Цель — выявить резервные колоссальные возможности, которые еще не использованы. На мой взгляд, самая неиспользованная резервная возможность — это воспитание духовно-нравственной культуры. Знания, умения, компетенции вторичны, если мы не задействуем эту резервную возможность. Стержнем личности, ее созидания является духовно-нравственная культура. Этот пласт в России не использован.

Полгода назад я выступал в Болгарии на конференции по гуманизации образования. Выводы, к которым пришли исследователи: растет толерантность, значит, и духовность, но в то же время в обществе процветают наркомания, преступность, увеличивается количество самоубийств и т. д. Получается, что исследователи говорят об одном, а жизнь течет совершенно в другом русле. Поэтому я поставил задачу — выявить закономерности. Ведь закон отвечает на вопрос, что надо делать.

В образовательной сфере существуют определенные законы, которые нельзя не учитывать (иначе все будет сделано неправильно). В 1991 году с моей помощью был сформулирован закон гарантированного качества образования. Образование в том случае достигает гарантированного качества, если оно переходит в самообразование, воспитание — в самовоспитание, а развитие — в творческое саморазвитие личности. И можно привести много примеров, свидетельствующих о том, что этот закон подтверждается.

Первый пример: Лев Николаевич Толстой создал программу самообразования, в которой расписал план действий по изучению французского, английского, писательского ремесла и т. д. Он выполнил ее не за запланированные 5 лет, а за 3 года. В Ясной Поляне стоят 12 дубовых шкафов с книгами, и в каждой книге Лев Толстой собственноручно сделал пометки. Вот что дает самообразование. Но вы можете сказать: «Это же Лев Толстой». Ничего подобного. Когда я работал в школе, то обратил внимание на то, какие ребята достигают гарантированного качества. Те, которые умеют самостоятельно решать творческие задачи. Если человек может решать эти задачи, то он будет учиться замечательно и далее.

В образовании существуют определенные закономерности. Они лежат в русле многомерных бинарностей. Образование вообще бинарно. И мир бинарен: материальное и духовное, добро и зло, управление и самоуправление,

образование и самообразование, воспитание и самовоспитание, развитие и саморазвитие. Мир, как и образование, — это многомерная бинарность.

В рамках этой многомерной бинарности существуют определенные законы. Закон фазового перехода я уже называл. Он отражает то, в каком направлении мы должны двигать самообразование, чтобы давать устойчивое, а в идеале гарантированное качество образования. Существуют и другие законы, например закон гармонизации одномерной бинарности «контроль—самоконтроль». Если мы постоянно будем кого-то контролировать, то никто не выдержит. Представьте, что вас постоянно контролирует заведующий кафедрой. Очень скоро вы напишете заявление и уйдете. То есть тотальный контроль — это плохо. А какой контроль можно считать хорошим? Тот, который сочетается с самоконтролем. Здесь одномерную бинарность «контроль—самоконтроль» нужно оптимизировать в закон «управление—самоуправление».

Над решением этих проблем много работал Юрий Константинович Бабанский. Но он определял задачу не как многомерную бинарность, а как оптимизацию. Здесь сокрыты огромные резервные возможности. Сколько можно воспитывать? Надо сделать так, чтобы воспитание перешло в самовоспитание.

То есть существуют определенные закономерности. Обобщая, я хочу акцентировать внимание на некоторых законах, сформулированных мною и опубликованных в рабочих материалах к Читаниям. Например, закон коэволюции однородных бинарностей, распространяющийся, в частности, на управление—самоуправление. Если управление «застывшее», то оно не дает результатов. Управление как процесс, деятельность должно эволюционировать с учетом возникающих задач, поставленных целей и т. д. То же самое относится и к репродукции, и к творчеству.

Почему ЕГЭ отвергается общественностью? Дело в том, что не все в образовании сводится к знаниям. Знания — это то элементарное, чего достигает образование. ЕГЭ не оценивает качества образования, не учитывает, например, творческий процесс. В некоторых школах и вузах дается сертификат творческих достижений. И учащиеся, и педагогическая общественность проявляют к нему большой интерес. По 10-балльной шкале оцениваются достижения учеников в учебном и научном творчестве, в спорте, в досуговой деятельности. Ребенок, студент имеют конкретный сертификат и гордятся тем, чего достигли. Речь идет об оценках, которые они получили не только в результате поисков альтернативных ответов, но и благодаря разнообразной, в том числе проектно-творческой, деятельности.

То есть в России имеется колоссальное множество резервных возможностей. Но это множество нужно реализовать для того, чтобы состоялась та личность, которая определяется самостоятельно. В исследованиях мы постоянно проводим идею ориентации на *само-*: на саморазвитие, самоопределение, самоуправление, творческую самореализацию. Этот механизм самодвижения нужно включить.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Валентин Иванович, всегда интересно слушать Ваши сообщения. Возникают вопросы о том, что говорится в законе по поводу того, как поступать, почему все это происходит. Валентин Иванович Андреев высказал интересные идеи о бинарности. Одно дело ремесло, а другое — развитие и саморазвитие.

В. И. АНДРЕЕВ: — Казанский государственный университет издает журнал о саморазвитии, входящий в перечень ВАК. Все желающие могут с ним ознакомиться на сайте университета.

Е. О. ГАЛИЦКИХ: — Уважаемые коллеги! Мир исключительно тесен и открыт. От имени ведущей научной организации я написала отзыв на диссертацию, о которой уже говорилось, — об экспертизе качества с точки зрения иностранного опыта. Как видите, мы работаем в общем пространстве.

В этой уважаемой и авторитетной аудитории я хочу рассказать о трех наблевших и важных моментах. Первый момент — образовательная политика. В жизни наблюдается разрыв между словом и делом, теорией и практикой. Недавно я присутствовала на конференции учителей-филологов Москвы и Московской области. И когда один из докладчиков выразил мысль, что настольной книгой учителя-филолога должен быть стандарт по литературному образованию, зал просто «взорвался» смехом.

Для того чтобы настольной книгой преподавателей и ректоров вузов стал закон «Об образовании», необходимо, чтобы общественное мнение существовало отдельно от образовательной политики. В этом случае возникнет ситуация, когда общественное мнение, образовательная политика и педагогическая наука существуют сами по себе, и никто никого не слышит. Присутствующие на Конгрессе петербургской интеллигенции прекрасно осознают, что интеллигентность начинается со способности к пониманию. И выступление Ю. С. Давыдова было обращено к общественному мнению.

Когда обсуждали ЕГЭ, собрались литераторы, педагоги, на страницах «Литературной газеты» развернулась дискуссия. Но нас никто не услышал, несмотря на то что было высказано очень много нареканий, суть которых заключалась в том, что ЕГЭ исключает диалог из процесса образования. Когда программа по литературе была сокращена и экзамен по литературе вообще исключен из образовательного процесса, то это, несомненно, повлияло на духовно-нравственное состояние общества. Потому что ученик перестал ориентироваться на освоение потенциала национальной культуры, а направил свои усилия на достижение внешних показателей, которые, как полагают, объективно оценивают знания.

Для того чтобы кризис был осознан и дал нам возможность развиваться, важно вспомнить мысль Антония Сурожского. Он в знаменитой статье «О встрече» писал, что глобальный духовный, образовательный кризис обязательно предусматривает установку на возможность осмыслить свои ошибки и оценить ресурсы, перспективы. Мне бы хотелось, чтобы эти перспективы распространялись не только на столичное, но и на общероссийское образование.

Вятский государственный гуманитарный университет недавно отметил 95-летие со дня основания. Еще пять лет — и он перейдет в разряд классических. М. Гаспаров говорил, что тексту, чтобы стать классическим художественным, нужно «прожить» сто лет. Классическое образование всегда было основано на фундаментальных научных идеях. И поэтому вторая моя мысль — о сохранении национального, отечественного образования.

В настоящее время происходит глобализация образования. Основная проблема, обсуждаемая на нашем сегодняшнем заседании, — проблема развития высшего образования в новом мировом пространстве. Нам хорошо известно, какое влияние оказывает российская национальная культура на другие культуры, но мы еще не изучили, как влияют другие культуры на отечественную.

Например, сейчас в нашем вузе набраны группы китайских студентов. У нас нет ресурсов, наработанных методик, мы не знаем, как организовывать образовательный процесс, когда в аудитории находятся половина русских студентов, а половина — китайских. Мы говорим на

разных языках. (Если китайцы изучают русский язык, то мы китайский — нет.) Мы не можем точно сказать, как они повлияют на качество нашего образования. Для нас это важная проблема. И. Кон высказал прекрасную мысль о том, что студенты рождаются в одной стране, учатся в другой, работают в третьей и отдыхают в четвертой. В России появился новый тип студентов, которых преподаватели не знают. Они для нас мир, который еще следует открыть, они знают больше языков, чем их преподаватели, и требуют особых форм диалога для общения, понимания друг друга.

Глобализация имеет и положительные, и отрицательные стороны. Диалог, диалоговая позиция преподавателя высшей школы всегда была сильной стороной отечественного образования. Поэтому, наверное, настало время не только с восхищением смотреть на Запад, но и очень внимательно изучать собственные достижения и ресурсы. Российские студенты, которые приезжают из-за границы, пройдя стажировки в других иностранных вузах, говорят о том, что им бы очень хотелось в той образовательной среде, в той материальной структуре увидеть мастерство наших преподавателей. Также они высказываются о том, что российская система общения преподавателя и студента ярче, человечнее, гуманнее и интереснее, чем то взаимодействие, которое происходит в Болонской системе образования.

Третий момент, на который мне хотелось бы обратить внимание. Диалог, его тенденции и развитие, влияние на образование отчетливо видны. Но с введением ЕГЭ диалог исчезнет из общения ученика и преподавателя. На конференции в Москве главный редактор журнала «Педагогика» сказала: «Уважаемые коллеги, необходимо начать заниматься духовно-нравственным воспитанием молодежи». Услышав это, я подумала: чем же мы занимались до этого? Наверное, пора уже осмысливать ошибки и недостатки этого воспитания, а не начинать его.

Мне бы очень хотелось, чтобы мы не только писали книги, но и читали все то, что написано до нас, изучали исторический опыт отечественного образования, сохраняли совершенно уникальную традицию — диалоговую позицию наших преподавателей высшей школы, потому что она является достижением национального отечественного образования.

Я хочу поблагодарить СПбГУП за то, что он сохраняет прекрасную традицию встреч профессоров, академиков вузов разных регионов нашей страны. Тем самым он поддерживает в нас надежду на то, что в Петербурге и Москве будут решаться важные для нас проблемы.

Если погубят отечественное образование в провинции, то это скажется и на качестве образования в столице. А закрыть все вузы, которые работают в регионах, очень просто, достаточно только перевести их на коммерческую основу. Благодарю за внимание.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Елена Олеговна, за интересное выступление. Я надеюсь на то, что будет сформирована такая образовательная область, как духовно-нравственная культура, с широким выбором возможностей в воспитании, прежде всего в духовно-нравственном. Один изучает религию и ее точку зрения на воспитание; другой — историю различных религий или светскую этику. Это большой специальный вопрос.

В. В. ГОРШКОВА: — Прежде всего я хочу сказать: замечательно, что сегодняшнее секционное заседание представляет импровизированный диалог. Возможно, наши идеи повлияют на принимаемые в Москве законодательные акты. Если это произойдет, то, вероятно, тогда мы сможем сдвинуть дело с мертвой точки.

Закон 1992 года «Об образовании» можно рассматривать как судьбоносный. Когда был принят первый закон, все ликовали: это был первый закон новой России об образовании. Те пять положений (возможно, больше) ведущей образовательной политики, которые в нем были заявлены, остались неприкосновенными. Это свобода, плюрализм, выбор, адаптация под возможности ученика и воспитанника (то есть система образования должна адаптироваться, а не ученик под систему), гуманизация и т. д.

Позднее по поводу этого закона высказывалось много негативных мнений. Сегодня мы совершаем ту же ошибку. Те анонимные авторы, ученые или политики, которые создают новый закон, не помнят об этом. На мой взгляд, они все понимают и делают это концептуально.

Известно, что любая идея, тем более российский закон, рождается и живет не в изолированном сознании отдельного человека. Если она возникнет в изолированном отдельном сознании, то будет уничтожена, это мертворожденное дитя. Но тем не менее она будет требовать исполнения, а следовательно, будут задействованы все механизмы, включая фискальные, финансовые, и т. д. Новая идея или начинание может жить, только находясь в отношениях с другими, возможно даже чуждыми, идеями. Когда мы объединяем их, возникнет что-то другое, новое.

Я поддерживаю идею о том, чтобы собрать и обобщить высказываемые нами предложения с перспективой сохранения и преумножения традиций, достижений (которые у каждого здесь имеются) и представить их в отечественном образовании. На местах много делается для реализации закона, и, может быть, даже больше, чем прописано в законе.

Сегодня человек живет не просто в мире, а в бытии с другими людьми, даже если находится наедине с собой. Поэтому стремление быть с другими, но при этом оставаться собой, развивать себя — это самая важная идея.

Хотелось бы сказать о нашем участии, общественном влиянии в обсуждении закона до его принятия. Николай Дмитриевич Никандров, возможно ли собранную информацию блоком отправить в Госдуму, заявить о том, что думает общественность? Даже если это ни на что не повлияет, то у нас хотя бы совесть будет чиста, что мы это сделали.

Я поддерживаю идею самости. Безусловно, она должна быть прописана в законе. В педагогике существует проблема субъекта, вообще диалогических отношений, включения непосредственно обучаемых людей, участвующих в образовательном процессе, в то, чтобы они сами, своими усилиями помогли себе. Задача педагогов — создать для них условия (своими идеями, участием). Если будут созданы условия, то человек, которого мы учим, точнее — с которым мы взаимодействуем в образовательном процессе, сам начнет себя творить, двигать и т. д.

Безусловно, важен не только диалог. Я написала книгу «Диалог в образовании человека», имея в виду образование не в смысле знаний, а как человеческий и божественный образ человека. Если мы будем думать о том, что все зависит только от человека, а реформы будут продолжаться, то, на мой взгляд, в конечном счете государство снимет себя тотальную ответственность за образование, людей, развитие, представление нации всему миру и т. д. Но параллельное движение, развитие российского человека, нации, которая выживет в любых условиях, не исчезнет. Мы видим, как нация сохраняет, преумножает и придает импульс для того, чтобы жизнь не прекращалась в лучших ее проявлениях.

Не случайно сегодня актуально обращение граждан к духовности. Недавно в Москве прошла конференция по взаимодействию духовных религиозных и светских концепций. Все парадоксально меняется, и, наверное, можно

наладить диалог со всеми. М. М. Бахтин говорил, что необходимо найти невозможные точки соприкосновения для того, чтобы выжить самим и России, а значит, всему человечеству. Я также советую прочитать книгу В. Сорокина «День опричника».

Конфуцию принадлежит фраза, которую мы всегда обсуждаем со студентами на семинарах: «Если встретишь учителя — убей его». Что это значит? Я не знаю. Диалог, умение жить, вместе сотворять друг друга дают возможность, наряду с государственной концепцией и законами, проводить человеческую национальную, народную политику образования, жизни и бытия. В этом случае, наверное, диалог будет продолжен после нас, и, может быть, даже лучше, чем при нас. Спасибо.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Валентина Владимировна. К вопросу о влиянии. Влиять, конечно, можно и нужно. Я приведу два конкретных примера. Один касается Российской академии образования. В. В. Путин недавно утвердил перечень учреждений, подведомственных нашей Академии. Соответственно государство обязано их финансировать. Эта работа потребовала целого года. Приходилось много беседовать, вести диалог с Министерством финансов РФ, Министерством экономического развития РФ, Министерством образования и науки РФ о том, чтобы утвердили список этих организаций (его хотели сократить, что-то добавить, изменить по номенклатуре и т. д.). Это наш личный узкий вопрос.

Другой пример более важный. На общем собрании РАО мы приняли обращение к четырем руководителям — Д. А. Медведеву, В. В. Путину, Б. В. Грызлову, С. М. Миронову — по поводу работы СМИ и их роли в воспитании. Это не новый вопрос, но он всегда актуален. Мы получили согласованный ответ через Министерство спорта, туризма и молодежной политики, в котором говорилось о том, что они разделяют нашу озабоченность. Но в то же время подчеркнули, что СМИ — это свободные организации, с ними необходимо вести диалог, что мы, конечно, делаем. В ответе было написано много хороших слов о нашем обращении, про нашу озабоченность, но была поставлена точка.

Одновременно президент дал поручение представить предложения по повышению ответственности средств массовой информации за публикации, которые отрицательно влияют на воспитание молодого поколения. Так что влиять можно и нужно. Давайте помнить об этом и поступать соответствующим образом.

В. М. ПОМЕРАНЦЕВ: — Существуют две области разных проблем. Одна большая, чрезвычайно сложная, связанная с управлением, организацией, с законами, с проблемой управления образованием вообще. Другая область соотносится с сущностью образования. Это уже не управление, а физическая сущность образования. И в этом случае сельская учительница и присутствующие здесь специалисты, профессионалы выступают на равных.

Без разделения на образование и обучение всякое обсуждение и попытки улучшить или ухудшить положение беспредметны. Суть образования, даваемого на первом этапе жизни, когда человек еще не приступил к практике, заключается в том, что доля воспитания, когда образование и воспитание смешаны, составляет по крайней мере не менее половины.

Сложность и сущность современного этапа заключается в том, что с переходом ко всеобщей компьютеризации, распространением Интернета компонент «воспитание» значительно изменился и усложнился. Сложность — в том, чтобы компенсировать влияние компьютеризации, Интернета на воспитание (не на процесс образования,

а только на воспитание). Можно утверждать, что на воспитание компьютеризация и Интернет влияют негативно. Необходимо восполнить этот фактор, который устранился, ликвидировался в связи с компьютеризацией и появлением Интернета.

Образование делится на две части. Во второй части, связанной с профессиональным образованием, воспитание как таковое отсутствует. И мы этот компонент туда не можем поместить, потому что по условиям ему там нет места. Самое главное — что плоды воспитания, которые человек пожинает на этапе обучения, не связанного с практической жизнью, мизерны. Однако есть одно «но». Всякое обучение должно заканчиваться клятвой, подобной клятве Гиппократу, — не навреди. Человек с высшим образованием (и не только с высшим) управляет сложными, огромными, колоссальными системами, которые влияют на людей и окружающую среду, поэтому необходимо использовать элемент морального воздействия — не навреди людям, матери Земле, грядущим поколениям. В этом плане воспитание на стадии обучения должно обязательно заканчиваться.

Я хотел бы сделать ремарку по поводу выступления Юрия Степановича Давыдова: может быть, хорошо, что в России реформы не доводятся до конца?

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо Вам. Хотелось бы многое сказать, но остановлюсь на одном моменте. Приведу пример «замечательного» влияния Интернета. Некоторое время назад я имел удовольствие беседовать с одной трехлетней девочкой. «Ты любишь петь песенки?» — «Люблю». «А какие песенки ты любишь?» — «Песенку про гусей». Набрав соответствующее название, я обнаружил, что в Интернете ничего подобного нет. Я предложил поступить иначе: «Ты помнишь, как в фильме про Буратино зовут черепаху?» — «Тортилла». — «Давай нам Тортилла споет песенку». Действительно, после того как я набрал в поисковой интернет-системе словосочетание «песенка Тортиллы», задача была решена. Появилась картинка: поет Рина Зеленая, и цитируются, как в караоке, слова этой песни. Но по бокам экрана компьютера показывали порнографию (фото, видео). Трехлетняя девочка ничего не поняла, но если бы ей было не три года, а немного больше, скажем, девять? Я вовсе не против этого, но хочу, чтобы подобная информация была не так общедоступна. Свобода предполагает ответственность, но если ее нет, то могут быть самые неприятные последствия.

А. А. ОРЛОВ: — Уважаемые коллеги! Мне бы хотелось раскрыть следующие положения. Мы говорим о диалоге в образовании, прежде всего в высшем профессиональном. Само образование можно рассматривать как поликультурный диалог. Но, к сожалению, в настоящее время образование культивируется как монолог преподавателей. Это показывает и опыт, и специальные исследования: студенты и вузовские преподаватели из всех форм организации обучения больше всего ценят лекцию. Причем большинство студентов предпочитают лекцию, которая проводится в форме предметного диктанта, чтобы можно было записывать. То есть сохраняется старая советская система образования (лекция как предметный диктант была популярна при советской власти, знания всех должны быть одинаковыми).

Но если говорить о диалоге, то ситуация меняется. Можно по-разному относиться к компьютеризации и Интернету. Но компьютеризация жизни изменила образовательное пространство и характер его получения, ведь сегодня существует некоторое количество детей, получающих образование вне школы. То есть меняется сам характер социальных институтов, дающих образование.

Постмодернисты вообще отрицают роль школы в получении качественного образования в современных условиях. Сегодня культивируются дистанционные формы организации обучения.

Каков образ современного студента в представлении преподавателей? Сегодняшних студентов можно характеризовать по-разному, но я их называю «жертвами ЕГЭ»: они практически не могут учиться. Кризис I курса затягивается надолго, у многих он переходит в кризис второго года обучения. А каков образ преподавателя у студента? Ведь для того чтобы мотивировать студентов учиться, развивать субъектность студента в образовательном процессе, необходимо, чтобы они видели перед собой успешного преподавателя.

Что представляет собой успешный преподаватель? Это вопрос об аксиологическом аспекте образования и нашей жизни, о ценностных ориентациях. Каковы главные ценностные ориентации студентов и их представление об успешности? Елена Олеговна Галицких говорила о необходимости культивировать традиции в национальном образовании. Действительно, у студентов разные модели жизни, разный менталитет.

Недавно были опубликованы результаты интересного исследования, связанного с определением ценностных ориентаций американских и отечественных студентов через отношение к тому, как оценивают одни и другие, что такое успех и помощь. И выяснилось, что студенты разные. Для российских студентов успех — это прежде всего эмоциональное состояние, а для американских прагматиков — это карьера. Для наших студентов помощь — это позитивная часть жизни, для американцев — унижение.

Но я бы хотел сказать, подчеркивая диалоговый характер образовательного пространства, о необходимости выстраивать это пространство на основе выявления межпоколенческих, этнических, возрастных и других различий индивидуальной и социальной культуры студентов и преподавателей. Естественно, что у преподавателей и студентов разный уровень индивидуальной и социальной культуры. Современные студенты обычные с нашей точки зрения слова просто не понимают, поэтому в процессе лекции они пытаются декодировать ту информацию, которую до них доносит преподаватель. А потом на экзамене преподаватели пытаются декодировать то, что рассказывают в своих ответах студенты.

В связи с этим я хочу обратить внимание прежде всего на необходимость изучения особенностей студентов с целью формирования и развития их познавательного потенциала. Сегодня мы можем впасть в крайность, когда будем реализовывать стандарты третьего поколения, начнем формировать компетенции, не совсем понимая, что это такое, и не затрагивая других сфер человеческой личности. Необходимо избежать этой ошибки и на диалоговой основе формировать познавательный потенциал студентов. К сожалению, образовательный процесс в вузе часто ограничивается лишь учебной деятельностью студентов. Результаты наших и других исследований свидетельствуют, что в исследовательской работе в гуманитарных вузах участвуют менее 10 % студентов. И, как ни парадоксально, сегодня, когда студенты пишут выпускную квалификационную работу, абсолютное большинство из них не считают, что это участие в исследовательской работе.

Если мы не будем культивировать диалоговый характер образовательного процесса, то не получим тех результатов, которые нам необходимы.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Александр Андреевич. Вы сказали о том, что в советское время существовал предметный диктант. Но он был распространен и ранее. Приведу пример. Гёте в «Фаусте» приводит слова Мефи-

стофеля, который разговаривает с будущим студентом: у вас есть пять часов в день (тогда столько длились занятия), чтобы хорошо подготовиться, проштудировать все параграфы. Самое главное — чтобы вы видели, что профессор ничего не говорит, кроме того, что написано в книге. Это буквально сказано Мефистофелем; имелась в виду немецкая высшая школа XIV века.

Следует отметить, что не все понимают, что такое компетенции, о которых говорил Александр Андреевич Орлов. Они стали использоваться как способ подготовки программ, стандартов и т. д. В конце 1960-х — начале 1970-х годов в Америке было замечено, что учителя стали готовиться хуже, потому что они много занимались теорией и мало — практикой. Сравните с тем, что происходит сейчас. Тогда была составлена программа подготовки учителя на основе профессиональной компетенции. В ней было отмечено, что изучение теории образования начиная с Яна Амоса Коменского — это положительный момент, но также важно «провести» образовательную теорию через систему компетенций, то есть учебной практики.

В. В. ГОРШКОВА: — Александр Андреевич, Вы сказали, что надо культивировать образовательный потенциал. Почему только образовательный? Может быть, и онтологический, и познавательный? Это тоже диалог, причем не только субъектов.

С. С. ЛЕБЕДЕВА: — Я буду говорить с позиции кафедры социальной работы. Юрий Степанович Давыдов коснулся ряда очень актуальных проблем, связанных с образованием. Особенно меня озаботило и даже почти испугало положение, которое сейчас, возможно, будет практиковаться, что образовательные учреждения заменяются образовательными организациями. Это тревожно вообще для образования, особенно для образования социально незащищенных групп населения, в частности инвалидов.

В России примерно 11–14 % населения — это люди с ограниченными возможностями. Они представлены во всех системах образования — от дошкольного до высшего. Именно образование, образовательные учреждения дают возможность таким людям в дальнейшем адаптироваться (хотя и не всегда полностью) к социуму. В последние годы мы наблюдали положительные тенденции в этом направлении: создавались новые образовательные учреждения для этой социальной группы; нам помогали зарубежные партнеры; появились замечательные инновационные учреждения для маленьких детей, которые имеют различные психомоторные, психосенсорные ограничения, и т. д. Например, в Санкт-Петербурге действует единственное в России учреждение, которое было создано немецкими партнерами, — это Санкт-Петербургский профессионально-реабилитационный центр, дающий профессиональную подготовку людям с инвалидностью.

Если в законе будет зафиксирована тенденция умаления роли этих учреждений, то большое количество людей, в основном детей, будут лишены поддержки государства. Более того: за последние несколько лет были проведены два больших круглых стола, посвященных данной проблематике, а 20 мая 2009 года состоялась конференция с участием преподавателей и инвалидов, которые исследуют эту тему. Кстати, вопросами непрерывного образования инвалидов мы начали заниматься в Институте образования взрослых РАО под руководством академика Конушкина.

В последние годы мы наблюдаем тенденцию, когда за счет систем сопровождения, которые стали организовываться в этих образовательных учреждениях, можно было социализировать, адаптировать эти группы населения. Поэтому, учитывая все положения об образовательных учреждениях, нужно иметь в виду и защиту этой социаль-

ной группы, а также других социальных групп, которые тоже нуждаются в образовательных учреждениях.

Так как речь идет об историко-культурном диалоге, то мне хотелось бы напомнить о том, что Россия может гордиться своей системой образования. Уже в середине XVII века существовала Киевская духовная академия, которая разработала все основные положения, известные сейчас в системе образования: задачи, цели, содержание образования, формы образования, кадры. Там осуществлялась многоступенчатая подготовка кадров. Вообще была разработана вся система духовного образования, которая в дальнейшем была принята в России как система образования вообще (типы учреждений со всеми функциями и т. д.). Ничего нового впоследствии не придумали, за исключением новых терминов и категорий, которыми «обросла» эта совершенно уникальная и замечательная система. Самое главное — эта система отличалась особым духовно-нравственным потенциалом.

Приведу один пример. Например, дети, которые поступали в младшие классы Киевской духовной академии, должны были жить либо при академии, либо на квартирах у родственников, либо родители специально снимали им квартиру. Тот человек или та семья, которая брала ребенка на этот период жизни, несла за него полную ответственность. Она должна была не только кормить, одевать его и т. п. Этот ребенок, приходя домой и выполнив домашнее задание, должен был рассказывать вслух все уроки. И если ребенок не выполнял и плохо занимался, то тогда эта семья или родители несли полную ответственность за него. Причем больше всего обращалось внимания именно на духовно-нравственное воспитание этого ребенка: насколько он проявил доброту, кому оказал помощь, был ли уважителен со старшими и т. д. То есть в России существует совершенно удивительный опыт образования и воспитания.

В дальнейшем императрица Екатерина II поддерживала эту систему. Видя, что духовное образование обладает большим патриотическим, духовно-нравственным потенциалом, она рекомендовала, чтобы дети из духовного сословия продолжали карьеру своих отцов. В специальных указах поощрялось, чтобы мужчины из многодетных семей имели возможность поступать на гражданскую и военную службу. Если посмотреть биографии замечательных российских писателей, военачальников, то можно увидеть, что их предки — это духовные лидеры, духовные лица. Например, семья Милорадовичей и многих других героев войны 1812 года. Поэтому нам нужно более уважительно относиться к заслугам предков, помнить их и приумножать их заслуги. Благодарю за внимание.

Ю. В. СЕНЬКО: — Спасибо, Николай Дмитриевич. Уважаемые коллеги, хочу поделиться с вами некоторыми соображениями по поводу общей ситуации. И это не только моя личная оценка образования, она совпадает с оценкой некоторых уважаемых мною людей. Мне кажется, что от образования сегодня «отлетает» дух, и мы являемся свидетелями тому и в определенном смысле участниками этого. Чего стоит признание нашей профессиональной педагогической деятельности как рыночной услуги. Один из героев Федора Михайловича Достоевского заметил: «И хоть жизнь наша... выходит зачастую дрянно, но все-таки жизнь, а не одно только извлечение квадратного корня». Жизнь, конечно, богаче, возвышеннее и значительнее...

Речь идет о том, что, конечно, жизнь больше, шире, чем наука, искусство, даже культура. Педагогика тоже жизнь, но только в культуре. Это жизнь человека, становящегося в этой культуре, в своей духовно-практической деятельности.

Когда мы ведем разговор об образовании, возникает справедливый вопрос: зачем я стал педагогом? Я задавал этот вопрос в различных аудиториях и получал разные ответы: чтобы связать настоящее с прошлым; помочь социализироваться, войти в культуру; объяснять, помогать и др. Я отвечаю следующим образом: педагоги нужны для того, чтобы помочь ученику, студенту связать чужую общественно-историческую культуру и опыт с его духовным опытом. Усвоить — значит объединить продукты чужого опыта с общественно-историческим. И если такого слияния не происходит, ни о каком усвоении, тем более развитии речи быть не может.

Тема Лихачевских чтений — «Диалог культур и партнерство цивилизаций». Имеется в виду не диалог между культурами народов или эпохами (Античности, Нового времени, Средневековья). Речь идет о диалоге культур, которые встречаются в реальной образовательной практике. Как я себе это представляю, нет преподавателя, студента, учителя, ученика и тем более нет воспитателя и воспитанника. И когда Конфуций говорил: «Встретишь учителя — убей его», я думаю, что имелось в виду не физическое устранение другого лица. Из всех преступлений человечества самое большое — это воспитание. Имеется в виду навязывание своих представлений, оценок, смыслов и всего остального. И это убийственно.

Кто же есть, если нет преподавателя и студента? Есть живые люди, которых образование свело друг с другом. Именно выстраивание возникающих при этом отношений является фундаментальным условием, в том числе и качества образования. Педагогический процесс принципиально не определен и не определяем. В свое время А. С. Макаренко, которому очень многое удавалось, говорил, что каждое наше воспитательное действие, решение любой педагогической задачи связано с риском.

Итак, обратимся к диалогу. Для меня важно, что происходит встреча. Образование, реальная образовательная практика — это встреча культур.

Идеологическое клише «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» определило развитие отечественного образования на 70 с лишним лет. Но в реальной образовательной практике встречается не только старшая мертвая культура, но и живые люди, которых образование свело друг с другом, то есть культура студента, в том числе его жизненный опыт, и культура преподавателя, в том числе его профессиональный опыт. Взаимодействие этих трех культур — это три кита, на которых строится реальная образовательная практика.

Мне хотелось бы обратить ваше внимание на существенное отличие содержания образования от содержания обучения. Содержание образования всеобщее — это стандарт, оно черпается главным образом отсюда. А содержания обучения не существует до того момента, пока не начался процесс. Содержание обучения создается здесь и сейчас на основе диалога, через мое обращение к другому, к каждому из вас за «сомыслием», сочувствием и содействием.

В одной книге конфессионального характера написано, как следует образовывать послушника. Нужно, чтобы послушник познал религиозную истину, а познавши — полюбил, полюбив — начал действовать. Итак, знать, относиться, действовать.

На мой взгляд, существенное отличие обучения от воспитания заключается в ответе на вопрос, к какой по структуре личности мы обращены. В обучении мы обращены к интеллектуальной и когнитивной личности, а в воспитании — к эмоциональному посылу. Это принципиально, потому что, не прожив, не прочувствовав, «и не повернув

головы кочан / и чувств никаких не изведав, / берут, не моргнув, паспорта датчан / и разных прочих шведов».

Диалог культур — это не какая-то абстракция, а конкретное отношение людей, которых образование свело друг с другом. Возникает вопрос, что происходит в рамках этого отношения. Важно, что эту позицию в первую очередь определяет тот, кто профессионально занимается образованием, то есть педагог. А для того чтобы педагог встал на соответствующую диалогическую позицию, он должен сместить акцент от предмета, объяснения (а мы все предметоцентристы) к пониманию, основываясь не на абстрактных воспитании, самовоспитании, обучении, самообучении, развитии, саморазвитии.

В свое время это корректно было показано исследователем Бабанским, но совершенно с других позиций. При обсуждении темы оптимизации процесса обучения он говорил о методах, потому что центральным отношением, которое интегрировало педагогический процесс и придавало ему педагогический смысл, была идея взаимодействия. Это было примерно в 1975 году. Я написал по этому поводу статью «Анализ категорий мира в теории оптимизации процесса обучения», опубликованную в новых исследованиях «Педагогических наук». Чтобы процесс был оптимален, необходимо наличие следующих групп методов обучения: организация и самоорганизация, стимулирование и мотивация, контроль и самоконтроль, оценка и самооценка. На их основе оформлялась позиция, которая помогала оптимально выстраивать этот процесс.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо. Коллеги, позвольте высказаться по поводу интересного выступления Юрия Васильевича Сенько. У Юрия Васильевича жесткое разграничение между нашей культурой и развивающейся. Дело в том, что Юрий Васильевич не сторонник политической культуры, последователи которой еще остались.

Проезжая мимо гостиницы «Октябрьская», расположенной напротив Московского вокзала, на другой стороне Лиговского проспекта, я вспомнил, что раньше этот дом назывался ГОП (государственное общежитие пролетариев), а жившие там люди — гопниками. Они вели себя плохо, нападали на людей, отнимали у них кошельки и пр. И мне пришла в голову мысль, что Пушкин писал о правах человека в следующем стихотворении:

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
И не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать...

И особенно:

И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.

Это и про журналистику, и про права человека, и про политэкономия и т. д. Я хотел бы поблагодарить Юрия Васильевича Сенько за то, что он обратился к теме Чтенный — диалогу культур. Предполагалось, что мы будем говорить прежде всего об этом, но на заседании секции был смещен акцент с учетом ее названия — «Обучение и воспитание молодежи в поликультурном мире».

Т. А. СКОПИЦКАЯ: — Я благодарна ораторам, которые выступали до меня, потому что многое из того, что я хотела затронуть и о чем хотела рассказать, уже прозвучало. Я не так долго и много занимаюсь научными исследова-

ниями и больше отношу себя к практикам, чем к теоретикам, но тем не менее внести какие-то предложения и сделать определенные выводы я могу. Мое выступление будет перекликаться с положениями предыдущих докладчиков.

Мы говорим о том, что следует изменить в образовании. Я в основном работаю с учащимися средней школы. Специалисты, которых готовит высшая школа, приходят и вливаются в коллектив преподавателей и работают с ребятами именно среднего звена. От того, как мы подготовим учеников средней школы, зависит то, какие студенты будут учиться в высшем учебном заведении.

Как отмечалось в докладе Международной комиссии по образованию для XXI века, система образования, прежде всего школьная, застыла и целиком погружена в прошлое. Используются устаревшие методы для передачи устаревших знаний, вызывающих скуку у школьников и студентов, а иногда и отвращение к учебе. Следовательно, изменив подходы к содержанию образования и ценностям образования и обучения, можно создать новую модель образовательной системы, соответствующую реалиям и перспективам сегодняшнего времени.

Одна из ведущих тенденций развития образовательной сферы сегодня — это смена образовательной парадигмы, когда образование становится универсальной ценностью, а человек рассматривается не как орудие и средство достижения экономических целей, а как самоценность, подчиняющая экономические задачи его развитию и благополучию.

И здесь хотелось бы обратить внимание на то, что когда мы сегодня говорили об общем образовании, о структуре, редко звучали высказывания об отдельном ученике, с которым работают педагоги. Мы свои выступления ориентировали прежде всего на то, что представляли концепцию системы образования, приемов, подходов, содержания, и уже на втором плане рассматривали тех, с кем мы работаем, кого мы обучаем.

Последние четыре года я много занималась разработкой направления, связанного с устойчивым развитием. В 2005 году ООН объявила Десятилетие образования в интересах устойчивого развития. В принципе ничего нового для учителей и преподавателей эта система не содержит. Инновационным оказалось то, что на первое место были выдвинуты вопросы воспитания и деятельности, активности ученика, который должен принять идеи устойчивого развития.

Эта программа позволяет воспринимать мир целостным — это природа, общество, человек. В этом случае интегрируется предмет, и математика, физика, литература не рассматриваются отдельно, а создаются программы, позволяющие показать, что мир целостный и изъять из этого мира какое-либо звено просто нельзя. Человек — часть этого большого мира.

В Санкт-Петербурге в течение двух лет проводился эксперимент школы общественного признания, когда непосредственно школы вырабатывали критерии оценки своей деятельности и определяли пути развития с целью создания ученика, конкурентоспособного и на рынке труда, и при поступлении в высшее учебное заведение. Результаты еще до конца не подведены, но десять школ, которые участвовали в этом эксперименте, на заключительном мероприятии рассказали о том, как улучшилась успеваемость учащихся, как изменились сами ученики, насколько возросли их потребности в обучении не только в школе, но и в желании читать дополнительную литературу, общаться с людьми. Сейчас без подробных результатов сложно о чем-либо говорить, тем не менее инициатива снизу иногда бывает полезной и приносит положительные результаты.

Хотелось бы остановиться на двух статьях, которые появились совсем недавно и размещены в Интернете. Они служат доказательством того, что процесс устойчивого развития в настоящее время очень важен, и образование для устойчивого развития имеет не меньшую ценность. Это статья Миренко, в которой показывается, каким должен быть человек, чтобы обеспечить устойчивое развитие. Автор говорит о нравственности человека, саморазвитии, самопознании, устремленности к изменениям, об отвлечении от тех материальных благ, которые сейчас приоритетны, и направлении его к мысли, что человек может быть счастливым и удовлетворен именно своим саморазвитием, самопознанием мира, в котором он живет. Вторая большая статья — это исследование О. Л. Кузнецова и Б. Е. Большакова под названием «Мировоззрение и теория устойчивого развития в системе “природа—общество—человек”». Прочитав эти статьи, можно понять причины кризиса, происходящего сейчас в стране.

Кризис заключается не в том, что у нас нет ресурсов, рабочей силы, а в том, что денежные накопления, не обеспеченные товаром, привели к той ситуации, с которой в настоящее время не могут справиться страны всего мира. Если мы будем ориентироваться на то, что каждый человек работает и может купить необходимые ему вещи, что это не сверхприбыль, не установка на то, что у меня должно быть больше, чем у других, то, возможно, результаты обучения в высших и средних учебных заведениях будут значительно выше, человек будет ориентирован на саморазвитие, самопознание, познание того мира, в котором он живет. И даже прогнозируемый эколого-социальный кризис, наверное, станет менее угрожающим для нашей планеты. Благодарю за внимание.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Татьяна Анатольевна. Хочу добавить, что устойчивое развитие — это достаточно старая идея, не 2006 года. Но в образовании действительно она появилась позднее. Дословный перевод с английского языка — поддерживающее развитие. Это более точное название: то есть то, что не потребляет имеющееся, а, наоборот, поддерживает его. Интерес представляет высказывание Татьяны Анатольевны Скопицкой о счастье. Было предпринято много попыток рассмотреть, что такое счастье, не в общефилософском плане, а в социологическом: в какой стране люди ощущают себя счастливыми — в развитых и богатых или в других? Оказалось, что между деньгами и счастьем не существует прямой корреляции. Выяснилось, что деньги не самое главное условие для счастья. Без них плохо, но это не самое главное.

В. А. КОЛЕСНИКОВ: — На мой взгляд, следует заниматься не разработкой проекта нового закона «Об образовании» и его принятием, а начать с совершенно иного — с прояснения образовательной ситуации на научном, научно-теоретическом, объемно-философском уровнях. Прежде всего необходимо ответить на вопросы: что представляет собой образование сегодня? Какова его миссия в XXI веке? Каково предназначение образования в наше время?

На мой взгляд, необходимо начать с определения на научно-теоретическом уровне картины образовательной реальности современного и будущего периодов для того, чтобы мы имели перед собой ориентиры, перспективы для последующего развития. Почему следует говорить именно об этом? Потому что разразился мировой экономический кризис; современная цивилизация чрезвычайно противоречива. С одной стороны, она действительно опирается на многовековые культурные традиции, с другой — активно содействует массовой индивидуализации

социума. А индивидуализация как таковая отказывается от традиций.

Необходимость прорисовывания картины образовательной реальности сегодня объясняется еще и тем, что современному образованию XXI века необходимо ответить на целый ряд вызовов. Я думаю, что образование, которое мы имеем сегодня, на эти вызовы не ответит. Речь идет о вызовах глобализации. Глобализация — это естественный процесс, бороться с ней бесполезно. Но, на мой взгляд, обновленное образование, наверное, смогло бы решить проблему смягчения последствий глобализации для человека. Также речь идет о вызове информатизации, о все большем погружении человечества в окружающую его искусственную среду. Имеется в виду кризис современной семьи и семейных отношений, кризис межпоколенческих отношений. Главным, на мой взгляд, является мировоззренческий вызов.

Способно ли современное образование изменить ориентированность человека в мире, чтобы он не только был исполнителем чьей-либо воли, указаний и распоряжений, но и обладал собственными принципами и убеждениями, самостоятельностью, критичностью, конструктивно-созидательной позицией в жизни?

Начать следует с проведения экспертизы инноваций, применяемых в педагогической практике, потому что далеко не каждая инновация, которой мы присваиваем этот статус, таковой является. Необходимо перевести отдельные, разрозненные инновации на уровень системных инновационных образований. Я бы дополнил современную педагогическую науку, в том числе об образовании, которая грешит очень узкоспецифическим взглядом на образование, целым рядом акцентов (как сказал Юрий Васильевич Сенько) и в большей степени — идеями и методами непедагогических по своей сути наук, таких как искусство, где царствует полноценная индивидуальность, герменевтика, психоанализ, психотерапия и т. д.

В философской автобиографии Николая Александровича Бердяева «Самопознание» сформулирована ценная мысль: педагогика, удовлетворяющая требованиям одной эпохи, может быть совершенно непригодна для другой и абсолютно вредной для третьей. Мне кажется, для того чтобы не случилось последнего, необходимо обновить понимание образования и самой педагогической науки, которая в настоящее время является одним из главных средств ее формирования. В современной реальной образовательной практике необходимо говорить о реализации свободы для личностного развития ученика, школьника, студента.

Николай Александрович Бердяев также высказал интересный взгляд о том, что каждый человек должен пройти через свободу, испытание свободой, воспитание в себе способности отторгать соблазны свободы. И когда мы пройдем через это, то сможем определить новые ориентиры в образовании.

В XXI веке мировоззренческой концепцией должна стать концепция образовательного развертывания личности. Я согласен с пониманием личности с точки зрения психологии, социологии и целого ряда других наук, но, на мой взгляд, XXI век требует объемно выраженного понимания и толкования личности и ответа на вопрос: где сегодня начинается личность? В современных условиях мы имеем дело с обучением, воспитанием и образованием. Современное обучение и воспитание все больше расходятся с образованием как таковым, потому что у них совершенно разное предназначение.

Сближить, реализовать диалог в современных условиях между обучением, воспитанием, образованием помогла бы работа по становлению полноценной личности. На мой взгляд, полноценность учебно-воспитательного процесса заключается в том, что этот процесс под руководством

опытного, мудрого, квалифицированного педагога должен подвести человека к ситуации выбора, к реализации и наполнению жизни смыслами, помочь ответить на вопрос, кем он в жизни будет. До тех пор пока этого не произойдет, мы будем говорить только об обучении и воспитании, а не об образовании. Здесь уместно привести строки из стихотворения Мандельштама:

Я и садовник,
Я же и цветок.

Только в том случае, когда человек будет себя образовывать, можно говорить об образовании, или об образовании себя, о чем упоминал Гегель в своей работе «Философская пропедевтика». У Омара Хайяма есть замечательные рубаи, одно из которых гласит:

Все, что видим мы, — видимость только одна,
Далеко от поверхности моря до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей не видна.

Нам необходимо с позиции XXI века, тех принципиальных изменений, которые происходят в реальной действительности, попытаться создать образ образования. Видному отечественному ученому, мыслителю Сергею Петровичу Капице принадлежит емкая мысль: «Не понимая масштабов изменений, невозможно создавать новое». Поэтому когда мы будем рассматривать образование как производное от социальной действительности, которая принципиальна и на 200 % стала иной, тогда мы сможем успешно решать те проблемы, которые стоят сегодня перед нами, и принимать нужные нам законы. Спасибо.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Виктор Алексеевич. Уже много написано о том, что представляет собой образование в XXI веке. Здесь следует упомянуть книгу Я. М. Нейматова «Образование в XXI веке: тенденции и прогнозы». С этими работами, конечно, можно поспорить. В подобных исследованиях представлены попытки рассмотреть, что такое автономный человек со своим представлением о мире и о себе. Но, конечно, к этим темам нужно постоянно обращаться.

Ю. В. СЕНЬКО: — Виктор Алексеевич, я хотел бы сказать, что мысли, высказанные Вами, очень современны. Они занимают не только отечественных ученых. Я приведу высказывание одного немецкого профессора: «Перед тем как начинать нововведения, следовало бы произвести генеральную оценку того, от чего мы при этом отказываемся». Именно это, на мой взгляд, необходимо сделать, прежде чем принимать новые законы. Ценна мысль о том, что видимое и реальное различаются. Когда я студентам рассказываю об этом, тот задаю два вопроса: «Сколько длилась Столетняя война?» (Она продолжалась 116 лет, но называется столетней.) Второй вопрос: «Как звали английского короля Георга IV?» (Альберт.)

С. Ф. ЕГОРОВ: — Уважаемые коллеги, в данном контексте уместно вспомнить слова Дмитрия Сергеевича Лихачева: понять до конца современность можно только в свете истории. Название моего доклада — «Нравственный императив диалога культур в истории отечественной педагогики нового времени». Здесь я не имею возможности полностью воспроизвести эти тезисы, но в нескольких предложениях приоткрою их смысл.

Диалог культур — это очень широкая тема, и сколько бы мы ни говорили о ней, исчерпать ее до конца просто невозможно. Но с темой диалога культур неразрывно

связаны другие идеи. Одна культура более прогрессивная, развитая, а другая кажется консервативной и уже отжившей и т. д. Как это проявляется в истории отечественной педагогики? Если мы обратимся к истории, то увидим, что диалог культур — процесс очень сложный и противоречивый. Еще неизвестно, что именно каждая из культур приобретает или теряет в процессе диалога.

Существуют различные культуры: западная и восточная, в том числе российская. В западноевропейских и отчасти русскоязычных СМИ нередко звучит идея, что русские «отстали». Но здесь тоже возможно различное понимание. Россия в культурном отношении всегда была отсталой по той причине, что она отгораживалась от более передовой культуры Запада. Так ли это на самом деле? Когда начинаешь анализировать это мнение, то возникают вопросы иного порядка.

Например, что представляла собой Россия в целом и система российского образования в конце XIX — начале XX века? В России в 1913 году вышло столько книг, сколько в том же году в Англии, Германии, Соединенных Штатах Америки, вместе взятых. Можно ли в данном случае так категорично говорить о том, что Россия «отставала» в то время? Кстати, русские педагоги и деятели образования следили за всем, что происходит в мире образования. Об этом свидетельствует большое количество публикаций и книг. Но этого нельзя сказать про Запад по отношению к России. Происходил односторонний процесс.

Если посмотреть историю, то можно сделать важные для темы «Диалог культур» наблюдения. На Западе зачитывались произведением Боккаччо «Декамерон», на Руси читали жития святых подвижников, то есть одно контрастирует с другим. В католическом костеле звучал орган, в православном храме — мелодика человеческого голоса с неподражаемым знаменным распевом. До сих пор никто из композиторов не превзошел мелодику знаменного распева. В западноевропейской живописи Средневековья господствовал культ обнаженного тела, а на Руси — иконопись, которой западные люди стали интересоваться позже. Если взять образ женщины, то на Западе это Кармен, на Руси — Татьяна Ларина. Это совершенно противоположные образы.

Можно ли в данном случае характеризовать страну как передовую или отсталую? По-моему, это неуместно. Можно только констатировать, что культуры Запада и России были различными, и это нужно принять во внимание.

Может ли происходить диалог культур, их сближение, в какой-то мере обогащение? Россия всегда именно так относилась к культурам других регионов. И поэтому она развивалась прогрессивно. Процесс диалога российской и западной культур никогда не характеризовался плавным течением, беспроблемностью, скорее наоборот.

Например, в первой половине XIX века была распространена франкомания. Затем на смену франкомании пришла англомания. Совершенно очевидно прослеживается влияние, особенно на образованный слой российского общества. Вопреки этим влияниям, отчасти даже благодаря им в середине XIX века развитие культуры в области живописи, музыки, литературы, театра можно назвать золотым веком развития российской культуры. Об этом нельзя забывать.

Вообще словосочетание «диалог культур», его сакральный смысл предполагает то, о чем мы иногда забываем, а именно равноправное положение культур, участвующих в диалоге. Диалог может состояться только тогда, когда есть основание, которое можно назвать общечеловеческой нравственностью. Если его нет, то никакого плодотворного диалога не состоится, а будет лишь противоборство культур (кто кого одолеет). В диалоге культур это достигается разными средствами.

В XVII веке произошло одно знаменательное событие, которое непосредственно относится к нашей сегодняшней теме, — церковный раскол. Что за ним стояло? Влияние Запада на Россию через Польшу, Киев, причем совершенно неплодотворное для русской культуры. Какими средствами осуществлялось это влияние, агрессивное по отношению к отечественной культуре? Во всех хрестоматиях фигурируют такие имена, как Симеон Полоцкий, Епифаний Славинецкий, которые несли культуру с Запада. Но когда начинаешь изучать исторические источники, то оказывается, что историки многие десятилетия повторяют одно и то же.

В результате вырисовывается такая лубочная картина: Русь была безнадежно отсталой, а с Запада шло влияние. Между прочим эта мысль представлена и в современных учебниках по истории воспитания и образования. Самый распространенный учебник по истории образования и педагогической мысли, который вышел под редакцией Алексея Ивановича Пискунова, содержит лубочную картину об отсталости безнадежной России. Оказывается, что свет просвещения исходит не с Востока, а с Запада.

Что же происходило на самом деле? Царь Алексей Михайлович обратился к представителям христианства на Востоке с просьбой прислать знающих, образованных людей разобратся с церковными книгами. Ему прислали не того, кого он просил, а Симеона Полоцкого, к примеру. До сих пор историки не знают, кто такой Симеон Полоцкий. По некоторым сведениям, он происходил из Белоруссии. В других источниках Симеон Полоцкий говорил известному писателю XVIII века Аввакуму, что он из Киева. Точных сведений о его рождении, родителях, происхождении мы не имеем.

В историко-педагогической литературе Полоцкого характеризуют положительно, как великого деятеля культуры, и употребляют по отношению к нему соответствующие эпитеты. Однако никто не приводит сведений тех современников, которые называли его совершенно иначе: оккультистом, астрологом и т. д. Не упоминают и того, какую он играл роль в воспитании 13 царских детей Алексея Михайловича.

Главный момент — что более грамотным, более образованным западным деятелям удалось внести раскол в русскую церковь. Тема церковного раскола — это область деятельности богословов, а не ученых. Но не может не интересовать образовательная составляющая этого судьбоносного события, которое на 300 лет раскололо не только церковь, но и фактически национальное русское сознание. Раскол до сих пор не преодолен, хотя Русская православная церковь предприняла некоторые меры, для того чтобы положить ему конец. Будем надеяться, что это произойдет в течение нашей жизни.

Вопреки логике русского языка раскольниками стали называть тех, кто исполнял старые обряды и оставался верен православной церкви. Представители официальной церкви для этой цели отменили постановление Стоглавого собора при Иване Грозном, а потом говорили: «Нельзя изменить, потому что это решение Собора, и мы не можем этого сделать». Но «раскольники» создали прецедент, выступив в защиту некоторых решений и обрядов Стоглавого собора. Позднее было установлено, что эти проблемы должна решать не только церковь, но и государство. Если вас интересуют подробности, то они опубликованы в журнале «Педагогика» за 2008 год (№ 2).

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Я согласен с Семеном Филипповичем Егоровым, который говорил о «вечном отставании» России. Приведу один факт. В 1861 году в России было отменено крепостное право, а спустя несколько лет, в 1865-м, в Америке было отменено рабство. Все по-

нимают разницу между крепостным правом и рабством. В Америке рабство было отменено позднее, чем в России крепостное право.

Другой момент связан с противопоставлениями «Декамерона», культя обнаженного тела и прочего российским реалиям. Я думаю, что в данном случае важен диалог культур. Невозможно читать только жития святых. «Декамерон» — это исключительно интересное произведение. И Кармен, и Татьяна Ларина — это неплохо. А когда нет диалога, и то, и другое, и противопоставление, наверное, плохо.

Я хочу процитировать стихотворение поэта Федора Кони, творившего в 1860-е годы. (Он был отцом известного адвоката, юриста Кони, который дожил до советских времен.) У него было стихотворение «Не жди, чтобы цвела страна» — своеобразный документ той эпохи. В нем зримо представлены недостатки, которые мы иногда возводим к советской эпохе:

Не жди, чтобы цвела страна,
Где царство власти, не рассудка
И где зависит все от сна
И от сварения желудка!
Где есть закон, чтоб понимать,
Как он изменчив и непрочен;
И где звездами лечат знать
От заслуженных ей пощечин!
<...>
Где всё правительство живет
Растленьем нравственным народа;
На откуп пьянство отдаёт
Для умножения дохода!
<...>
Где недостатка нет в полах,
А веры не видать от века;
Где бог в одних лишь образах,
Не в убежденьи человека!
<...>
Где в прихоть барства и чинов
Даны на жертву поколенья,
Где для затмения умов
Есть министерство просвещенья.

Это 1855 год, и все это уже было. Конечно, недостатки постепенно накапливались, в частности в советскую эпоху. Но нельзя окрашивать только в черную и белую краски то, что досталось нам в наследство. В частности, положительный опыт, о котором рассказал Валентин Иванович Андреев, — что в Китае сын, который является наследником отца, должен был ждать три года, пока он поймет, что надо менять, а что нет. Но, увы, это правило в настоящее время не действует, нарушается, и в Китае, наверное, тоже, судя по тому, как проходят их реформы.

О. В. СЮТКИНА: — Я убежденный западник. Сегодня прозвучало очень хорошее высказывание, что именно реальная образовательная практика поможет найти ответы на вопросы. Я реальный практик. Теоретики, генерируя определенные идеи, не задумываются о том, что практики оказываются в условиях, которые не могут изменить. То есть мы должны работать, не выходя за рамки определенного документа. Я не только 13 лет занимаюсь сравнительной педагогикой, но и являюсь практикующим конфликтологом.

Я знаю, что отторжение западного опыта происходит только по одной причине — потому что нам его навязывают, не предоставляют возможность выбора решений, нам говорят: «Идите туда, делайте то, занимайтесь компетенциями, компетентностью» и т. д. Нам это не нравится,

потому что мы не можем выбирать, поэтому мы отторгаем западный опыт. Но ведь и на Западе работают реальные люди. Там перед учителями-практиками встают те же самые проблемы, что и перед российскими учителями.

В 1997 году на конференции в Глазове я говорила, в частности, о том, что у учителей в Германии имеются затруднения при реализации компетентностного подхода. Меня не стали слушать и сказали, что компетентностный подход в России никогда не будет применяться, это никому не интересно. В том же 1997 году в институте в Мюнхене провели исследование, в котором было определено, какие затруднения у учителей возникают и при помощи каких способов их можно преодолеть. Но мы практически не интересуемся этим.

Возвращаясь к тому, о чем говорила Елена Олеговна Галицких, я хочу сказать, что есть опыт поликультурного образования в Америке, есть опыт поликультурного образования и его реализации через интеграционные (межпредметные) курсы в Германии. Более того: при институтах и университетах Америки существуют институты повышения квалификации учителей, где обобщается этот опыт и информация бесплатно размещается на сайте. Интеграционный курс для поликультурного образования подробно описан, вплоть до раздаточного материала. Но ведь об этом надо знать.

В России, когда проходит конкурс, связанный с повышением квалификации учителей, обычно его результаты, практические наработки, используемый опыт, методические материалы куда-нибудь сдаются. Куда они исчезают — совершенно непонятно. Это положительный опыт, который можно использовать. Зачем видеть только плохое?

Другой вопрос имеет отношение к людям с ограниченными возможностями. Я занималась исследованием межпредметных связей и соответственно интеграцией. Последняя предусматривает создание интеграционных программ, помогающих инвалидам учиться в обычной школе. В этой области накоплен большой опыт, защищены диссертации. Но почему вновь мы видим только плохое?

Интернет — отдельная тема. Как бы наши студенты увидели питерскую хорошую профессию, если бы не было видеоконференций, проводимых при помощи Интернета?

Сравнительная педагогика позволяет не только отвергнуть плохое, но и взять хорошее. Странно слышать, что толерантность — это плохо, потому что она так называется. Это та же терпимость. В связи с этим хотелось бы рассказать восточную сказку: к слону привели трех слепцов. Один подергал его и сказал: «Слон — это веревка», потому что дергал за хвост. Второй обнял и сказал: «Слон — это колонна», потому что он касался ноги. А третий потрогал и сказал: «Слон — это труба», наверное, потому что он трогал хобот. Мы, как слепцы, ходим около какого-то явления и называем его по-разному. Но ведь явление существует, почему же не использовать положительный опыт?

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Это очень интересно. В России западники появились гораздо раньше, например Чаадаев. И то, что Ольга Викторовна — западник, — это возможный вариант. Однако, на мой взгляд, нельзя говорить о том, что происходит отторжение западного опыта. Я был на Западе, в Америке, примерно две недели назад. И могу совершенно определенно сказать, что американцы в среднем говорят по-английски хуже, чем я, пишут совершенно ужасно. Мне приходилось общаться не только с образованной элитой, но и с простыми людьми. Это уже не английский язык. Как писал Марк Твен, не обязательно всем говорить по-английски. Американцы вообще никогда не

говорили по-английски. То, о чем я говорю, — это падение качества образования в Соединенных Штатах Америки. Я не имею в виду специальные хорошие школы.

Обращаясь к вопросу о компетентности. Я не понимаю, почему это нужно называть компетентностью, если это знания, умения и навыки, которые были у нас всегда. Я пришел к следующему выводу: слово «компетенция» охватывает знания, умения, навыки и мотивацию, имеет практический уклон. Я не думаю, что отторжение обусловлено именно тем, что влияние идет с Запада. Но есть вещи, которые нам на самом деле мешают.

Другой вопрос связан с Интернетом. Я не могу представить себе дня без него. Интернет — обоюдоострое оружие. Если я хочу найти для трехлетней девочки песенку «Жили у бабули два веселых гуся», а получаю порнографию в фото- и видеовариантах (против которой я тоже ничего не имею), то это плохо, я не просил этого. Может быть, не следует так категорично утверждать, что у нас отвергается Интернет. Нет, отвергаются некоторые его составляющие. Речь идет об общедоступности. Между прочим американцы примерно семь лет тому назад приняли первые попытки ограничения доступа к Интернету. Теперь даже в школе введены четкие ограничения. Доступ к Сети дома — это другой вопрос. И в остальных странах тоже вводится контроль за доступом к Интернету. А мы боимся. Не потому, что нет аппаратной части и софта, то есть программного обеспечения, все это достаточно просто. Мы боимся, что нас обвинят в недостатке любви к свободе...

Приведу еще один пример, не новый, но очень показательный. Полтора года назад в одной колонии в городе Льгове вскрыли себе вены заключенные, права которых, как они по крайней мере думали, нарушались. Конечно, этих прав не так много, и защищать права заключенных тоже надо. Но эта информация была оглашена в средствах массовой информации, и заключенные около десятка других колоний примерно в течение месяца сделали то же самое. Мы хотим, чтобы по показателю «уровень свободы прессы» Россия переместилась со 175 места, на котором мы сейчас находимся, на 150, потому что это важно. Или, если расставлять приоритеты, чтобы другие заключенные не резали себе вены, следуя примеру, озвученному в СМИ. То есть здесь существует много сложных вопросов.

И последний вопрос Ольге Викторовне: Вы говорите, что являетесь западником. А на каком уровне Вы знаете Запад?

О. В. СЮТКИНА: — Я 13 лет занимаюсь своей темой — историей возникновения и развития межпредметной интеграции в системе образования в России, Германии и США. Владею английским и немецким языками. Николай Дмитриевич, Ваш первый пример связан с падением уровня владения английским языком в Америке. У меня возникла идея: обратившись к педагогам Америки, можно узнать, как они с этим борются. В России обычно происходит следующее: западные учителя плохо работают, у них отрицательные результаты, мы этот опыт перенимать не будем. Но западные педагоги понимают, что они плохо работают, и борются с этим, предпринимают какие-то меры. Может быть, их опыт можно позаимствовать? Я занимаюсь исследованием именно этого вопроса. В этом, на мой взгляд, и заключается диалог.

Н. Д. НИКАНДРОВ: — В Америке и во многих других странах, где я бывал, увы, с образованием дела обстоят плохо. Но ни в одной стране к педагогической науке не предъявляют столь высоких требований, как в России. Педагогическая наука должна обеспечить, чтобы было все хорошо. Но кроме образования существует и социализа-

ция, которая во многом перечеркивает то, что делает образование.

— Скажите, пожалуйста, немецкая и французская школы высшего образования развиваются по-разному? *(вопрос из зала)*

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Если говорить о лингвистической стороне вопроса, то эти языки принадлежат разным семьям. И чем на более высокий уровень общения люди поднимаются, тем ближе языки. Скажем, во французском и английском языках в сфере философского курса много общих слов. Зная, допустим, только французский, можно понять слова в английском, и наоборот. А если сравнить немецкий и французский языки, то различия настолько существенны, что почти ничего не понятно. Но это к вопросу о трудностях изучения языка.

Немецкая и французская школы высшего образования очень близки. Но, конечно, они имеют различия. Например, в Германии нет некоторых названий квалификаций. Когда-то существовала степень магистра, в настоящее время остались только специалисты (не как ученая степень, а уровень образования). Степень бакалавра появилась в средневековых университетах Западной Европы и использовалась везде. Затем образовательные процессы развивались по-разному. Если в Германии термин «бакалавр» используется в латинском понимании, то во Франции он применяется к выпускникам полного среднего учебного заведения, то есть это полное среднее образование. По американской системе, восходящей к английской, бакалавр — это студент, прошедший четырехлетнее обучение в высшем учебном заведении, который не считается специалистом. Например, он не может быть учителем, а может работать помощником учителя, в школьном аппарате, но он не является специалистом или учителем. Это отдельный большой вопрос.

С. М. БЕЗУХ: — Я хотела бы остановиться на трех моментах. Первое — педагогика, с моей точки зрения, много выиграет, если станет междисциплинарной. Приведу два примера. По специальности я невролог. В настоящее время рождаются только 5 % здоровых детей, 95 % новорожденных имеют ту или иную патологию, в том числе со стороны нервной системы. Это подтвержденный факт. Второй пример — Институт мозга человека РАН (Санкт-Петербург) провел исследование среди первокурсников с первой группой здоровья (то есть это абсолютно здоровые дети). В течение года их обследовали специалисты, которые пришли к выводу, что из 100 детей к обучению были готовы только 30 %, а к адаптации в условиях школьного режима — лишь 40 %.

В связи с этим я хотела бы подчеркнуть важность междисциплинарности педагогики и соотнесения уровня образовательных программ с уровнем здоровья обучающихся. Все ли программы дети смогут освоить, и как они будут перерабатывать полученные знания, обучаться?

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Спасибо, Светлана Михайловна. Вы затронули очень серьезную тему. Конечно, в отношении здоровых новорожденных детей существуют разные статистические данные. Но здесь важно критическое понимание. Врачи иногда говорят: «Нет здоровых людей, есть недообследованные» (и так подходят к этой проблеме). Для нас это вопрос нормы и патологии.

Необходимо установить, откуда происходит проблема, что такое практическое здоровье, пределы возрастных изменений, когда возникают такие изменения, что такое абсолютное здоровье. Совершенно бесспорно, что здоровых людей становится меньше. В настоящее время на уча-

щихся лежит огромная нагрузка. Следует учитывать и социальные причины: экологию, питание, причем не только его количество (хотя теперь, увы, и количество), но и рацион.

Возвращаясь к тому, о чем говорила Светлана Михайловна, следует сказать об Институте возрастной физиологии РАО, который «воюет» с Министерством образования по поводу стандартов. Постоянно уменьшается количество часов по педагогике, в частности по истории педагогики, что плохо не только потому, что история интересна, но и потому, что она действительно важна.

То, о чем говорила Светлана Михайловна, совершенно справедливо: здоровых людей действительно становится все меньше. Главное — чтобы люди были компетентны.

— Диалог пока осуществляется на уровне обмена или взаимодействия. Николай Дмитриевич правильно заметил, что мы создаем новый продукт. Этого мы еще не умеем делать. Результат диалога — это создание совершенно новых, может быть духовных, продуктов.

Педагогика не может быть без счастья. Счастье — это то, чем мы хотим и можем поделиться. Если нам нечем делиться или мы не хотим — это несчастье.

На одной конференции, проводившейся в Санкт-Петербурге, говорили о новой программе, о том, как учить и готовить детей к жизни, чему должны учиться дети. Они должны, во-первых, создать себя, с детства создавать себя; во-вторых, организовать себе место; в-третьих, научиться зарабатывать деньги, значит, продавать себя, свой труд и прочее; в-четвертых, когда они всему научатся, они должны желать и мочь поделиться с другими, то есть отдавать то, что умеют. Такую программу выстраивают для России.

Что я почерпнула из нашей сегодняшней встречи? В 1967 году в Париже проходил международный медицинский конгресс. Там к врачебной клятве «Не навреди» добавили еще одно предложение: «Клянусь обучаться всю жизнь». Это единственный случай в мировой практике, когда клятву Гиппократу дополнили. А учиться всю жизнь, мне кажется, можно только в диалоге, то есть в диалоге учиться, в диалоге жить, и только тогда диалогу быть. *(реплика из зала)*

— Мероприятия, подобные нашим Читаниям, проводились в России начиная с конца XIX — начала XX века. Наша страна была инициатором проведения международного конгресса по нравственному воспитанию. Второй и последний Международный конгресс по вопросам нравственного воспитания прошел в 1909 году, его материалы были опубликованы в 1911 году. Следующий конгресс должен был состояться в 1918 году. Второй конгресс проходил в Гааге по инициативе России. На нем присутствовали 900 специалистов, в том числе 263 человека из России (из них около 130 из Санкт-Петербурга). Среди участников конгресса в основном были военные педагоги, преподаватели юнкерских училищ, кадетских корпусов, академий и много врачей. Наши Читания в какой-то степени продолжают эту давнюю традицию. *(реплика из зала)*

Н. Д. НИКАНДРОВ: — Бесспорно, воспитание и обучение — это разные явления. Теперь это понимают все. Но если человек в процессе обучения сегодня что-то не выучил, то он это восполнит завтра. К сожалению, этого нельзя сказать о воспитании. Если человек сегодня не воспитан, то придется много работать над тем, чтобы «довоспитать» или перевоспитать его.

— Воспитание важно, а социализация сильнее. *(реплика из зала)*

Н. Д. НИКАНДРОВ: — На заседании нашей секции обсуждались различные вопросы, и мы можем подвести краткие итоги. Выступили 16 человек, которые представили интересные содержательные сообщения. Никому не было отказано в возможности высказать свое мнение.

Мы ушли от главной темы Чтений — диалога культур — и начали обсуждение с того, что педагогов интересует больше всего — дальнейшее развитие образования, судьба реформ образования. Прозвучали разные мнения. Наверное, еще раз стоит вспомнить мудрых китайцев, которые, прежде чем что-то реформировать, три года ждут и смотрят, а надо ли собственно реформировать. Также много говорилось и том, что существует опасность незавершения реформ. Но без изменений невозможно. Советское образование было хорошим, в этом нет сомне-

ний. Но оно было хорошим для того времени. Изменились время, мы и значительно — младшее поколение. Соответственно сохранить то, что было раньше (даже хорошее), на самом деле нельзя.

Юрий Степанович Давыдов начал сегодняшний разговор с того, что сказал, что он работает в составе Экспертного совета по вопросам образования при Госдуме. Он взял на себя обязательство перед теми, кто хотел бы ознакомиться с текстом проекта нового закона, и предложил обращаться к нему с предложениями. Это очень хорошо.

Очень интересными были конкретные выступления, которые я старался комментировать. Я благодарен выступавшим за то, что были представлены интересные доклады. Я желаю вам успехов в дальнейшей педагогической деятельности и в жизни.

Секция 3

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ КУЛЬТУРЫ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

15 мая 2009 г. СПбГУП, ауд. № 522

Руководители секции:

С. В. ПОЛЕНИНА

заведующая сектором общей теории и социологии права Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ

Р. А. РОМАШОВ

научный руководитель юридического факультета СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

ДОКЛАДЫ

М. В. Андреев¹

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Право международной безопасности как системообразующая отрасль международного права основано на соответствующих базовых, общепризнанных принципах международного права. Прежде всего это принципы, непосредственно закрепленные в Уставе ООН: суверенного равенства государств; неприменения силы или угрозы силой; мирного разрешения международных споров; территориальной целостности и неприкосновенности государства; равноправия и самоопределения народов; невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государства; добросовестного соблюдения взятых на себя международных обязательств и сотрудничества.

В последующем, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, 1970 года и в Заключительном акте СБСЕ 1975-го подробно раскрывается содержание указанных принципов, а также появляются новые, среди которых уважение прав человека и нерушимость границ; последний является некой трансформацией принципа территориальной целостности.

Все указанные принципы имеют системообразующее значение и должны в соответствии с идеологией Устава ООН рассматриваться во взаимосвязи. Применимость всех указанных принципов непосредственно в системе обеспечения международной безопасности не вызывает никакого сомнения. По существу, императивные принципы являются той юридической основой, на которой формируются нормы, институты и вся система международной безопасности.

Актуальной для рассмотрения с точки зрения международной безопасности является проблема соотношения принципов международного права. В принятой 24 октября 1970 года Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, четко указано, что «при толковании и применении изложенные выше принципы являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен рассматриваться в контексте всех других принципов»². Несмотря на то что декла-

рации, принятые Генеральной Ассамблеей ООН, носят лишь рекомендательный характер, авторитет данного положения не вызывает сомнения, так как Декларация была принята при абсолютном согласии всех членов ООН, без голосования и каких-либо разночтений и применяется в дипломатической практике уже почти 40 лет.

Тем не менее проблема соотношения, взаимосвязи принципов международного права становится все острее именно с точки зрения международной безопасности. На стыке двух принципов: неприменения силы и угрозы силой, уважения территориальной целостности и суверенитета государств, с одной стороны, и уважения прав и свобод человека — с другой, возникла теория возможных «гуманитарных интервенций», реализация которой на практике привела к акции НАТО в Югославии в 1999 году, в Ираке — в 2003-м и по настоящее время. А соотношение принципов территориальной целостности и права наций на самоопределение в последнее время, ввиду прецедентов с провозглашением независимости Косово и Южной Осетии с Абхазией, стало одной из самых обсуждаемых тем не только в науке международного права, но и в самых разных кругах современного общества.

В первую очередь нужно отметить, что появление в Уставе ООН принципа равноправия и самоопределения народов нисколько не противоречило принципу территориальной целостности и во все последующие годы рассматривалось как правовая основа процесса деколонизации. Более того, данный принцип означает главным образом правовую возможность самоидентификации отдельного народа в рамках существующих государственно-властных институтов. Для того чтобы реализовать данное право, субъект (народ) должен обладать рядом критериев. В доктрине обычно выделяют следующие: проживание на одной территории, экономическая и социальная целостность, наличие определенных элементов общей культуры³.

Конечно, теоретически право на самоопределение может быть реализовано вплоть до отделения. Именно в этом случае и возникает конфликт с точки зрения толкования

¹ Заведующий кафедрой права, истории и политологии Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан (Казань), кандидат юридических наук, доцент.

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соот-

ветствии с Уставом Организации Объединенных Наций // Организация Объединенных Наций : сб. док. / под ред. В. В. Вахрушева. М., 1981. С. 459–469.

³ Черниченко С. В. Содержание принципа самоопределения народов (современная интерпретация). М., 1999. С. 16.

принципов, и, как следствие, может произойти подрыв обстановки мира и безопасности в целых регионах мира. С правовой точки зрения ситуация с отделением представлена в нормах международного права следующим образом. В Декларации ООН 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, четко определено: «...всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава ООН»¹.

Однако при этом должен быть соблюден ряд условий. Так, для раскрытия содержания принципа равноправия и самоопределения народов в Декларации отдельно отмечено: «Ничто в вышеприведенных абзацах не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, действующих с соблюдением принципа равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий к данной территории, без различия расы, вероисповедания и цвета кожи»².

Все это означает, что отделение претендующего народа от существующего государства, если в нем этому народу предоставлены все условия для самоопределения (представительство в институтах власти и управления, свободный выбор формы внутригосударственной самоорганизации и др.), — неправомерно. Но в то же время, если государство действительно нарушает эти условия, а при этом, возможно, еще и другие принципы международного права — неприменения силы, мирного разреше-

ния международных споров (как это было в Грузии начиная с 1991 г.), указанная запретительная норма Декларации ООН 1970 года перестает действовать в отношении этого народа и теоретически он имеет право на самоопределение вплоть до отделения.

Подобный подход находит свое отражение в доктрине. По мнению профессора С. В. Черниченко, «вопрос об отделении может быть поставлен только тогда, когда соответствующему народу государство не предоставляет возможности для участия в управлении этим государством, когда государство не соблюдает принцип равноправия и самоопределения народов»³.

Есть также определенные сложности в толковании принципа невмешательства во внутренние дела государства. Как в отечественной, так и в зарубежной доктрине встречаются суждения, что «отсутствие в Уставе ООН нормативного закрепления критериев того, что следует считать внутренними делами государства и что составляет вмешательство в эти дела, обуславливает довольно широкое социально-политическое пространство для действий ООН в каждом конкретном случае»⁴.

Нужно отметить, что отсутствие четкого общепринятого толкования принципов международного права, особенно в их соотношении, продолжает приводить к серьезным кризисным ситуациям. По мнению многих авторов, в том числе иностранных исследователей, отсутствие четкого соотношения данных принципов — залог кризисных моментов в целом всей системы обеспечения международного мира и безопасности под эгидой ООН⁵. В связи с этим не раз выдвигались инициативы о кодификации принципов международного права. Остается надеяться на то, что рано или поздно это произойдет, так как данная проблема, без сомнения, является краеугольным камнем дальнейшего позитивного развития всего международного права.

Х. Н. Бехруз⁶

ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОЙ ПРАВОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Исследование проблемы ментальной сферы общественной жизни, которая в значительной степени влияет на политическую, экономическую, духовную, культурную, а также правовую жизнь, не утрачивает своей актуальности. Понятие «правовой менталитет» является одним из фундаментальных в общей теории права, поскольку без данного структурного элемента правовой культуры невозможно уловить сущность юридической психологии, познать идейные основы правосознания как индивида, так и социальной группы общества.

Менталитет определяется как обобщенное понятие, отчасти образно-метафорическое, политико-публицистическое, обозначающее в широком смысле совокупность и специфическую форму организации, своеобразный склад различных психических свойств и качеств, особенностей и проявлений⁷.

¹ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г. // Международное право в документах / сост. Н. Т. Блатова. М., 1982. С. 18–20.

² Декларация о принципах международного права... С. 459–469.

³ Черниченко С. В. Указ. соч. С. 24.

⁴ Бекмурзаев Б. А. Внутригосударственные вооруженные конфликты и международное право : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 106.

⁵ См.: Husain A. The United States and the Failure of UN Collective Security // American Journal of International Law. July 2007. Vol. 101. № 5. P. 581.

⁶ Профессор кафедры права Европейского Союза и сравнительного правоведения Одесской национальной юридической академии (Украина), доктор юридических наук.

⁷ Политология : энцикл. слов. / общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов. М., 1993. С. 175.

Менталитет любого народа обуславливается сложившимся национальным характером, духовными потребностями, способами ведения хозяйственной жизни, общественным укладом. В феномене менталитета отражаются накопленные культурные ценности, этнические стереотипы, жизненный опыт. Каждый представитель того или иного этноса испытывает на себе сильное влияние ментальности. Менталитет является уникальным способом восприятия окружающего мира каждой этнокультурной общностью, а также важнейшим фактором в определении поведения человека и его отношения к окружающему правовому пространству.

На ментальную сферу влияют все формы общественного сознания, такие как религия, искусство, нравственность и др. И особо важную роль в определении менталитета играет мораль, нравственная форма общественного сознания. Выделение в структурах сознания правового сознания, а в правосознании — правового менталитета и ментальности условно, так как они взаимосвязаны, взаимообусловлены и представляют единое целое.

Правовой менталитет отражает уровень правовой культуры, так как оценка правовых явлений обуславливает изучение ментальной сферы их бытия. Правовой менталитет также представляет собой определенную направленность правового сознания. Без учета правовой ментальности становится невозможным исследование идейных основ правосознания индивида, социальной группы, общества. Существование менталитета предполагает наличие нера-

циональных механизмов жизненного понимания права. Таким образом, понятие «правовой менталитет» необходимо для изучения правовой культуры и правового сознания общества.

Правовой менталитет имеет большую практическую направленность. В частности, опыт правового регулирования общественных отношений ориентирует людей на то, что из правового арсенала предыдущих поколений следует использовать и развивать, а от чего следует отказаться, чего необходимо избегать.

Правовой менталитет — это духовно-психологическая основа положительного права. Ментальность закрепляет стереотипные модели поведения, составляющие основу общественного порядка. При этом правовой менталитет не связан с государственной идеологией, также он не зависит от научных концепций и доктрин, правовых течений по объяснению и реализации тех или других новаций в праве.

Таким образом, в правовом менталитете заложены специфические способы восприятия и понимания этносом своего внутреннего мира, основанного на системе ценностей, обуславливающие все сферы жизнедеятельности людей.

Правовой менталитет формируется в рамках различных правовых традиций, обусловленных разными цивилизациями. При оценке правового развития следует учитывать различие социокультурных миров со специфическими представлениями о мироздании, человеке, условиях его бытия и связанных с ним формах общественной жизни. Речь идет в первую очередь о различии Востока и Запада как обособленных цивилизаций. Несмотря на активный диалог между ними, их ценностные парадигмы существенно расходятся.

Если восточная традиция характеризуется утверждением единства общества и человека, господством таких понятий, как справедливость, гуманность, искренность, уважение к родителям и старшим, сохранение семьи, самосовершенствование, то западная традиция определяется противопоставлением личности и общества, приоритетом индивидуальных ценностей над общественными с определяющим нормативом изменения мира, а не изменения себя¹. Если для западной цивилизации главной ценностью и главным механизмом саморегуляции является право, то для восточной цивилизации главной ценностью, главным саморегулятором является не право, а традиции, обычаи и религия.

Различие между Западом и Востоком, по мнению Ю. Н. Оборотова, просматривается в существовании двух традиций права. Западная традиция права, связанная с автономностью, обособленностью права от морали, религии, политики, идеологии, основное внимание уделяет правам и свободам, четко разграничивает сферы частного и публичного права. Восточная традиция права связана с проникновением в сферу права иных систем социального регулирования².

Таким образом, западная и восточная цивилизации базируются на принципиально разных ценностях, принципиально разных традициях, принципиально разных механизмах саморегуляции. На специфику развития данных цивилизаций влияет ряд существенных факторов, которые в широком понимании отражают идеологические, политические, религиозные, культурные особенности формирования и развития этих обществ, самым непосредственным образом оказывающие влияние на формирование их правовой ментальности.

На основе общецивилизационных критериев выделяются западная и восточная правовые ментальности. В данном контексте Восток является собирательным понятием историко-цивилизационного характера, включающим множество восточных цивилизаций, которые обладают некоторыми общими чертами, присущими тому, что мы называем традиционной цивилизацией. Для всех восточных цивилизаций традиционный характер является общим.

Духовно-культурологическое восприятие восточной ментальности позволяет выявить специфические черты ее психологии. К ним можно отнести иррациональность, алогичность, импульсивность, внушаемость, наивную идеалистичность, стремление к справедливости, терпимость, а также тесную связь с религиозными ценностями и др.

В рамках восточных обществ на протяжении тысячелетий взаимодействовали многие народы и этносы, в ходе чего вырабатывались схожие правовые представления, ценностные ориентации и установки, все же есть определенные религиозные, культурные и прочие отличия, носящие основополагающий характер, что отразилось на формировании общей правовой ментальности.

Важнейший признак правового менталитета — его историчность, поскольку он является продуктом исторического развития. Правовой менталитет характеризуется определенной устойчивостью относительно изменений правовой жизни общества. Ведь национальные характеры интуитивно ясны и остаются неизменными в течение сотен и даже тысяч лет. Восточный правовой менталитет формировался и эволюционировал вместе с восточным обществом, вобрав в себя его основные черты. В частности, восточному правовому менталитету присущи консерватизм и традиционализм, проявляющиеся в том, что восточные правовые традиции направлены на ограничение тех новаций, которые могут разрушить фундаментальные ценности восточных цивилизаций, складывающиеся на протяжении тысячелетий.

Для восточного правового менталитета характерна определенная настороженность к реформам. Это проявляется в том, что на пути адаптации к новым условиям большим препятствием является осознанная и неосознанная неготовность общества воспринимать те ценности, которые соответствуют сложившейся политико-правовой реальности.

Восточный правовой менталитет, как известно, изначально отличался небрежным, отрицательным отношением к праву. В восточных правовых традициях сложилась атмосфера недоверия к праву и негативного отношения к закону. Например, в рамках китайской правовой традиции призыв Конфуция был направлен на то, чтобы строить отношения людей на основе морали, началах добродетели. Традиционно-этическая концепция правовопонимания, основанная на конфуцианских философских воззрениях, не отрицает право и его значение в обществе и отводит ему второстепенное значение. Эта концепция заключается в том, что человек в своем поведении должен следовать в первую очередь не праву, а согласию и гармонии, и соответственно, право должно служить средством обеспечения такого согласия и гармонии в обществе.

По этому поводу Р. Давид отмечал, что, в отличие от Запада, народы этих стран не склонны верить в право как средство обеспечения социального порядка и справедливости. Разумеется, в них существует право, но оно надделено субсидиарной функцией и играет незначительную роль. В суды здесь обращаются и право находит применение лишь тогда, когда исчерпаны все другие способы разрешить конфликт и восстановить порядок. Строго очерченные решения, которые дает право и связанное с ним принуждение (все это встречает неодобрение),

¹ См.: Философия : учебник / под ред. В. Н. Лавриненко. М., 1998.

² Оборотов Ю. Н. Традиции и новации в правовом развитии. Одесса, 2001. С. 71.

здесь исходят из того, что социальный порядок должен охраняться, преимущественно, методами убеждения, техникой посредничества, самокритичными оценками поведения, духом умеренности и согласия¹.

Анализируя особенности этатистской психологии восточных обществ, важно отметить специфику взаимоотношения государства и личности. Восточный правовой менталитет противоречиво или безразлично относится к субъективным правам и свободам. В частности, речь идет о естественных, неотчуждаемых правах человека, о правовой автономии индивида в рамках юридического сообщества, о доминанте права над государством и т. д.

Для восточного правового менталитета характерна чрезмерная ориентация на государственную власть, отличающая его от западного. В западной цивилизации личность больше полагается на собственные силы и возможности, государство же рассматривается как арбитр, строго охраняющий индивидуальную свободу, безопасность, собственность своих граждан и действующий в соответствии с предписаниями права. В восточном обществе индивид не обладает тем чувством позитивной правовой ответственности и долга, которое характерно для западного общества, что затрудняет правовой прогресс.

Важнейшим фактором, определяющим восточную правовую ментальность, является религиозный. Благодаря правовому регулированию, не в последнюю очередь, обеспечивается структурирование общества и сохраняется его единство, а религиозные мировоззрения и догмы способствуют объединению людей в рамках единых канонов, столь необходимых для общественного развития. Роль религии в разные периоды развития восточных обществ, государств и права, а также правовых систем трудно переоценить.

В рамках каждой из составляющих восточной цивилизации религия, религиозные традиции и формируемые ею стереотипы культуры, поведения, речи, взаимоотношений

и тому подобное были призваны конкретизировать заданную установку и соответствующим образом ориентировать общество. Для этого использовались веками складывавшиеся в данном регионе либо навязанные извне, но общепризнанные ценности, культы, обряды, мифы и многое другое, вплоть до исторически сложившихся форм восприятия и характера ментальности.

Важно обратить внимание на геокультурный фактор и его влияние на формирование ментальности вообще и правовой ментальности в частности. Геокультурный фактор выступает своеобразным макрокритерием классификации, отличающим западные системы права от восточных, определяющим правовые традиции, правовую культуру, правовое сознание и правовой менталитет населения, проживающего в рамках различных обществ.

Геокультура выступает как система устойчивых культурных реалий и представлений, формируется на определенной территории в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, направленных на восприятие особенностей функционирования общества. Геокультурный фактор является основанием для отнесения различных правовых систем и культур к различным правовым традициям. Например, благодаря этому фактору становится возможным установление генетической связи исламских правовых традиций с традиционным исламским обществом.

Таким образом, восточная правовая ментальность обусловлена особенностями происхождения и эволюции различных цивилизаций, отражающими функционирование различных человеческих сообществ на разных этапах их развития. В правовом менталитете каждого народа коренятся исходные этнические и культурно-исторические основы национальной правовой культуры. В рамках национальных правовых традиций формируется собственный правовой менталитет.

С. А. Боголюбов²

ПРАВО И ЭТИКА В ЭКОЛОГИИ

Две большие области знаний, порожденные современным уровнем развития культуры и цивилизации, постоянно интересующие интеллигенцию, развивающиеся параллельно или рядом друг с другом, либо совместно, обозначаемые как право и этика, получают достойное отражение в самостоятельных научных исследованиях. Реже сравниваются и накладываются друг на друга правовые нормы и этические правила. Еще реже проводится сопоставление правовых и этических требований в области охраны окружающей среды, критическое состояние которой в условиях дальнейшего развития научно-технического прогресса и глобализации природопользования вызывает все большую тревогу мирового сообщества.

Обсуждение правовых, этических, нравственных проблем соотношения права и этики, права и культуры, науки и практики носит перманентный характер и представляется одним из вечных и всегда актуальных вопросов. Еще М. Ю. Лермонтов писал, что в России «бывали хуже времена, но не было подлей». Так казалось не только его по-

колению. И в этой во многом заезженной проблеме всегда найдется что-то неизвестное, острое, особенно касающееся широкой и относительно новой для нашей страны сферы деятельности, каковой считается защита окружающей среды.

Теория права, экологическая, гражданская, предпринимательская и иные отрасли российского права предусматривают определенное соотношение этики и права. Многие положения Конституции РФ рассматриваются большинством как имеющие этический, нравственный характер.

В преамбуле Конституции РФ предусматриваются наша общая судьба на своей земле, вера в добро и справедливость, память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству. Защита нравственности упомянута в качестве основания ограничения федеральным законом прав и свобод человека и гражданина в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ.

В ч. 1 ст. 7 Конституции РФ указывается, что Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. В ст. 42 предусматривается право каждого на благоприятную окружающую среду. Не являются ли эти положения слишком декларативными, не определенными достаточно категорично, аморфными пожеланиями?

¹ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1998.

² Заведующий отделом аграрного, экологического и природоресурсного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва), заместитель главного редактора «Журнала российского права», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Законодательные и иные нормативные правовые акты порой содержат ссылки на этику и мораль, необходимые и ожидаемые для совершения надлежащих законных действий, поступков, обосновывающие решения законодателя, предполагающие этичность правовых требований.

Моральные и этические основы предусматриваются в ч. 2 ст. 1 «Основные начала гражданского законодательства» и ч. 2 ст. 6 «Применение гражданского законодательства по аналогии» Гражданского кодекса РФ, в ст. 2 «Основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» Трудового кодекса РФ, в ст. 6 «Принцип справедливости», ст. 7 «Принцип гуманизма» и ч. 2 ст. 43 «Понятие и цели наказания» Уголовного кодекса РФ, в ст. 3 «Основные принципы охраны окружающей среды» Федерального закона РФ «Об охране окружающей среды».

Для того чтобы право не потеряло своих признаков категоричности, обязательности, нормативности, чтобы оно стало более эффективным, надо продолжать обосновывать этические подходы к правовым требованиям, вырабатывать критерии этики, предусмотренной в указанных нормативных правовых актах, наполнять ее юридической определенностью, правовым содержанием и реальными последствиями. Без этого отрасли российского права не избежать размытости, эгоистичности законодателя, волюнтаризма правоприменителя.

Заложенные в нормативных правовых актах принципы законодательства и этические постулаты являются наиболее общими, служащими ориентирами для поведения большинства граждан и способами правового воздействия на состояние морали граждан, формирование их экологической культуры. Многие этические ценности не отражены в праве, проявляются лишь в представлениях, высказываниях, мыслях людей.

По поводу этики, как, впрочем, и права, существует немало иронических высказываний. У А. В. Амфитеатрова в «Быть бычку на веревочке» написано: «От ставки выдержаться не можем, а туда же — о нравственности! Нет, брат, кому этика, а нам этикетки... с бутылок. Кричим мы громко: этика! Но царствуют шантаж, расчет и арифметика; в итоге — авантаж (то есть выгода. — С. Б.)». У П. П. Гнедича находим: «Профессор медицины, судя по его печатным трудам, был человек увлекающийся, ставивший этические задачи на первый план, постоянно впадающий в парадоксы».

В то же время некоторые граждане считают, что не все правовые нормы отражают существующие этические воззрения, соответствуют им. В связи с обострением природоресурсных проблем и экологического кризиса в настоящее время важно понять, насколько важны в жизни и как охватываются правовым регулированием понятия этики, чести, долга, совести, нравственности как факторов поведения людей в области экологической деятельности.

Право и этика достаточно близко смыкаются и приближаются друг к другу в области экологии, охраны окружающей среды, обеспечения рационального природопользования, где существуют достаточно общие для всех представления об этическом, нравственном по отношению к среде своего обитания, к окружающей природной среде.

Общепризнанными становятся выражения: природа — мать наша, наше общее богатство; надо ее беречь и для себя, и для всех, для нынешнего и будущих поколений; не портить, не ломать зеленые насаждения в городах и иных населенных пунктах; аморальны те, кто самовольно захватывает землю и иные природные объекты, кто загрязняет природу; совершающих экологические преступления и иные правонарушения надо наказывать по всей строгости закона, и она еще недостаточна.

Большинство этих воззрений и представлений впервые стали нормами, принципами российского законодательства и права еще в 1960 году в Законе РСФСР «Об охране природы в РСФСР»; однако его эффективность оказалась достаточно низкой ввиду «перебора» этических норм и «недобора» юридических требований, поддержанных санкциями, в тексте закона. Отчасти это объясняется бытовавшими в то время лозунгами об отмирании права и государства и наращивании, преобладании моральных кодексов и требований.

Этическими категориями можно считать предусмотренные в Федеральном законе РФ «Об охране окружающей среды» взаимодействие общества и природы, обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности человека, презумпцию экологической опасности планируемой деятельности, сохранение биологического разнообразия, запрещение деятельности, последствия которой непредсказуемы для окружающей среды. Эти правильные в целом соображения остаются в основном не реализованными ввиду отсутствия механизмов обеспечения исполнения.

В природоохранном праве заложены не только положительные этические, но и заведомо аморальные (в общепринятом понимании) нормы. Например, в указанном законе:

— планируются загрязнения атмосферного воздуха, водоемов и иных компонентов окружающей среды, за которые предполагается взимание платы, и заранее предусматривается повышенное загрязнение окружающей среды с повышенной оплатой;

— регулируется проектирование предприятий, агрегатов, иных объектов хозяйственной деятельности, заведомо загрязняющих окружающую среду, с учетом экологической емкости региона;

— устанавливаются нормативы, сроки и виды загрязнений компонентов окружающей среды; подписанием Киотского протокола предполагается продажа невыбравших квот на загрязнения атмосферного воздуха;

— допускается антропогенное доведение территорий до состояния чрезвычайной экологической ситуации и экологического бедствия с необходимостью последующего принятия экстренных мер для их преодоления;

— за умышленное уничтожение в городе зеленого насаждения предлагается взыскание с причинителя вреда материального возмещения, которое должно пойти на высадку и выращивание других зеленых насаждений; однако количество посаженных и новых насаждений получается неизмеримо меньше вырубленных, а взысканные средства могут пойти на иные цели.

Можно объяснить предвидение и регулирование загрязнений и деградации окружающей природной среды уровнем научно-технического прогресса, невозможностью и нецелесообразностью его остановки, урбанизацией, но законом не запрещаются, а планируются, заведомо оправдываются загрязнения, вырубки городских зеленых насаждений, экологические бедствия, чрезвычайные экологические ситуации.

Иначе говоря, деградация, уничтожение, загрязнение природных объектов узакониваются, подчиняется с помощью права иным, то есть экономическим, и не всеобщим, социальным, а порой групповым интересам. Представления о добре и зле в области природопользования и охраны окружающей среды, таким образом, усложняются и в определенной части расщепляются, становятся неоднозначными, неодинаковыми для разных слоев населения.

Несмотря на относительно устойчивый и более стабильный характер по сравнению с правом и законодательством, тем более экологическим, этика очень зависит от

материальных условий жизни ее носителей. Сколько раз за последние десятилетия можно было наблюдать резкое изменение представлений о справедливости у граждан, разного уровня чиновников и олигархов в зависимости от изменения их служебного либо материального состояния.

Дискуссии об этике в области экологии могут быть весьма многоплановы и не имеют общего вывода ввиду различных представлений разных лиц о самой этой этике, ее критериях, даже основных подходах к охране окружающей среды.

Распространенные беседы, разговоры и споры о соотношении права, этики, нравственности должны учитывать наличие различий в представлениях о добре и зле у разных слоев населения, групп, классов, элит общества, причем каждая из этих групп считает свои представления приоритетными, наилучшими, наиболее правильными.

А побеждает и становится сильнее, по крайней мере на определенном этапе, та этика, которая воплощается в законодательстве, обладает его энергией и аппаратом обеспечения, заинтересованностью носителей этой этики, желанием отстаивать и осуществлять свои права и навязывать другим гражданам обязанности, предусмотренные в законодательстве.

Право чутко отражает экономические противоречия и настроения граждан, правящих элит, участвующих в формировании нормативной правовой базы отношений общества и природы, будь то завоз и захоронение радиоактивных отходов; приватизация лесов и лесных участков; экологические требования к импорту продовольственной продукции и материалов; бесплатное отчуждение сельскохозяйственных земель; ослабление требований государственной экологической экспертизы; функционирование полноценных и полномочных природоохранных и правоохранительных органов.

По признанию некоторых специалистов, происходит безнравственная деэкологизация законодательства, государственного и муниципального управления, обусловленная сиюминутными экономическими интересами (а они всегда антагонистичны экологии, заботам об озеленении, думам о благосостоянии настоящего и будущих поколений), погоней за прибылью немногих сегодня и игнорированием того, что наступит для большинства завтра.

Оптимизм, связанный с созданием в ходе административной реформы двух природоохранных органов — Ростехнадзора и Росприроднадзора, постепенно гаснет: прошедшие годы показали неразбериху в области формирования системы экологического контроля и надзора, разграничения функций природопользования между Федерацией, ее субъектами и муниципальными образованиями, продолжающейся реорганизации природоохранных организаций и учреждений.

И у многих граждан, предпринимателей экологические мотивы, забота о деревьях и кустарниках, иной растительности и животном мире, чистой воде и чистом воздухе отступают на задний план по сравнению с другими более насущными материальными интересами и проблемами, а рассуждения об украденных у народа недрах, лесах и иных природных богатствах носят в основном обыденный, неконкретный, «кухонный» характер.

Отдельной темой и проблемой формирования экологической культуры может стать неумелость, пассивность в реализации своих либо общечеловеческих правовых и этических норм: национальная ли это черта, насколько она связана с правосознанием, правовым воспитанием

и экологическим просвещением, системой этических и иных социальных норм?

Экологические решения варьируются в зависимости от преобладания тех или иных группировок в законодательных органах, силы и масштабов лоббирования их интересов. Площадь водных объектов, которые могут находиться в частной собственности, в последнее десятилетие может то ограничиваться, то не ограничиваться; устанавливается то максимум, то минимум земель сельскохозяйственного назначения, которые могут быть у одного лица в одном регионе.

Даже у конкретных индивидов этические ценности варьируются и отличаются разной степенью их адекватности общепринятым воззрениям. Например, все граждане выступают за охрану природы, против ее загрязнения. Общество и большинство граждан требуют реализации прав на благоприятную окружающую среду, приостановки или закрытия наиболее вредных производств и предприятий, а между тем число закрываемых из-за экологии цехов и организаций уменьшается. Почему?

От загрязнений в наибольшей степени страдают проживающие вокруг загрязняющих предприятий граждане, но именно они выступают против закрытия, потому что заводы и фабрики нередко являются градообразующими, дают их работникам — жителям прилегающих территорий основной доход, а то и средства к существованию. Их этические подходы к экологии подчиняются материальным интересам и меняются.

Экологическое зло часто видится абстрактным, олицетворяется с дальними и далеко отстоящими во времени и пространстве феноменами, с требованиями ужесточения ответственности за экоцид и иные экологические правонарушения. Когда дело доходит до главного инженера или иного ответственного работника предприятия — основного загрязнителя местности, этические взгляды видоизменяются, смягчаются, выдвигается общественный защитник, правонарушителю просят снисхождения, прощения, находят оправдание.

Известны многочисленные случаи равнодушия граждан к свалкам, выбросу бытовых и производственных отходов: некоторые водители самосвалов, вывозящих мусор, рады его скинуть при малейшем ослаблении надзора за путями следования или отсутствию контроля за местами складирования и захоронения отходов, что является актуальной проблемой современных мегаполисов. Но эти же водители и другие граждане становятся весьма активными в сигнализировании и конкретной борьбе со сбросом отходов под окна их собственных домов и в места, где они живут, трудятся и отдыхают.

Область экологии не является исключением в проблеме соотношения права и этики — они повсеместно не совпадают и нуждаются во взаимодействии. Особенность состоит в том, что экологические проблемы, веками отражаемые в этических взглядах, зафиксированные полвека назад и породившие правовые требования, обуславливают дальнейшее взаимопроникновение этих социальных норм в интересах обеспечения природного благополучия планеты и диалога цивилизаций.

Международное взаимовыгодное сотрудничество в области добычи и потребления полезных ископаемых, использования других природных ресурсов при сохранении ответственности государства за социальное развитие и создание условий для достойной жизни своих граждан не может не базироваться на сочетании общепризнанных этических принципов, норм международного и требований национального права.

Н. В. Бутусова¹

О СОЗДАНИИ ПРАВОВОЙ ОСНОВЫ ДЛЯ ПЕРЕХОДА НА НОВУЮ ЦИВИЛИЗАЦИОННУЮ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ (Проблемы науки и практики)

Результаты фундаментальных научных исследований, проведенных в мире в последние десятилетия прошлого века, со всей очевидностью доказали, что ресурс стихийного развития человечества и каждого отдельного государства исчерпан. Полюса бедности и богатства и иные социальные контрасты свидетельствуют о социально-экономической дисгармонии современного общества, которая усугубляется, и его глубокоом духовном кризисе. Традиционная мировая система с ее темпами роста экономики и населения, с ее господствующим способом производства является нежизнеспособной.

Стало очевидно, что антропогенная нагрузка на биосферу, создаваемая хозяйственной деятельностью человека, оказалась чрезмерной: природа не успевает восстанавливаться, и глобальный экологический кризис в последние годы превратился в самую серьезную угрозу развитию и самому существованию человеческой цивилизации. В связи с этим в Обращении российских ученых к международному научному сообществу содержится призыв *признать необходимость сохранения земной цивилизации в качестве фундаментальной цивилизационной цели человечества*².

У человечества нет иного выхода, кроме кардинального изменения самой модели развития, иными словами, существует объективная потребность в переходе всех государств, то есть всего человечества *на новую цивилизационную модель развития*. И глобализация, отражающая процесс мирового сближения, наиболее быстрыми темпами развивающийся с середины XX века, создает необходимые условия для объединения и мобилизации усилий государств для решения планетарных проблем.

Прежде всего предстоит обеспечить переход от стихийного развития и утилитарно-ресурсного подхода к окружающей природной среде к целенаправленному биосферно-экологическому подходу, означаемому управляемое, целенаправленное гармоничное развитие человечества как единого целого с природой³.

Новая стратегия развития цивилизации в международных документах получила наименование **sustainable development** (от *англ.* — устойчивое, долговременное, продолжительное, прочное, поддерживающее, сбалансированное развитие), на русский язык переведено как *«устойчивое развитие»*⁴. Этот термин получил широкое распространение после публикации доклада «Наше общее будущее», подготовленного в 1987 году Международной комиссией по окружающей среде и развитию ООН. Названное понятие, таким образом, призвано отразить *новую парадигму развития человечества, взаимоотношения человека, общества и природы*.

«Устойчивое развитие» предполагает научно обоснованное, то есть основанное на глубоких, всесторонних, системных научных исследованиях, государственное

управление всеми сферами жизни общества, в котором: 1) достигнуто гармоничное взаимодействие человека и биосферы; 2) преодолена социально-экономическая и духовная дисгармония и созданы условия для гармоничного развития каждого индивида, сферы разума и духа, названной академиком В. И. Вернадским ноосферой.

Устойчивым может быть только развитие на основе общечеловеческих ценностей, главной из которых является человек как всесторонне развитая личность, существующая в единстве и гармонии с природой, неразрывной частью которой она является. Только построение общественных отношений в планетарном масштабе на основе общечеловеческих ценностей способно объединить усилия всех государств и народов и отвести угрозу глобальных катастроф.

К сожалению, научно корректной и обоснованной теории устойчивого развития общества и государства человечество пока создать не смогло, и актуальность ее создания, по мнению ведущих российских ученых, следует признать *«приоритетом номер один»* для всей современной науки⁵. Так, российским ученым, сосредоточившим внимание на проблеме государственности третьего тысячелетия, предстоит сконструировать модель государства XXI века, **совместимую с моделью устойчивого развития**, которая бы исходила из необходимости решения общецивилизационных проблем и в то же время учитывала специфику и интересы России.

В связи с этим перед российской правовой наукой, и прежде всего наукой конституционного права, стоит ответственная задача — разработать *теоретическую основу для правового фундамента новой модели развития общества и государства, определить черты «устойчивой государственности» России*.

Но важно то, что ученые уже выявили вектор развития, своего рода «древо целей», критерий, позволяющий определить важность тех или иных исследований не только для дня сегодняшнего, но и для самого ближайшего будущего. И следует признать, что в соответствии с выводами ученых *международным сообществом определены основные черты устойчивого развития и направления деятельности государств в данном направлении*. Ведь на современном этапе, по мнению академика Н. Н. Моисеева, правильно было бы говорить не о стратегии устойчивого развития, а о *стратегии переходного периода к такому развитию*⁶.

В частности, можно сослаться на международно-правовые документы, принятые в первую очередь конференциями ООН по окружающей среде и развитию, состоявшимися в 1992 году в Рио-де-Жанейро и в 2002-м в Йоханнесбурге. Главные акты: Рио-де-Жанейрские глобальная программа действий «Повестка дня на XXI век» и Декларация по окружающей среде и развитию, а также Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию и План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию⁷.

«Повестка дня на XXI век» представляет собой стратегию дальнейшего развития человеческой цивилизации. В соответствии с рекомендацией конференции ООН на

¹ Профессор кафедры конституционного права России и зарубежных стран Воронежского государственного университета, доктор юридических наук.

² Обращение российских ученых к международному научному сообществу // Парламентская газета. 2003. 26 нояб.

³ Причем, по общему мнению ученых, предложивших различные модели и сценарии развития современной цивилизации на ближайшие десятилетия, у человечества не так уж много времени для осуществления этого перехода, и именно первая четверть XXI века — **критический момент** в человеческой истории (см.: Федотов А. П. Глобалистика: начала науки о современном мире: курс лекций. М., 2002. С. 83–88).

⁴ См.: Основные положения стратегии устойчивого развития России // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2002. № 9–10. С. 17; Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке / под ред. А. Г. Гранберга [и др.]. М., 2002. С. 29.

⁵ См.: Обращение российских ученых к Международному научному сообществу.

⁶ Моисеев Н. Н. С мыслями о будущем России. М., 1997. С. 148.

⁷ См. подробнее: Бутусова Н. В. Проблема устойчивого развития России: международно-правовые и конституционные аспекты // Международно-правовые чтения / отв. ред. П. Н. Бирюков. Воронеж, 2003. Вып. 2. С. 25–30.

основе вышеназванного документа каждой стране предлагалось утвердить свою национальную стратегию устойчивого развития. И большинство стран такую работу провели. В России Основные положения государственной стратегии РФ по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития были одобрены Указом Президента РФ в 1994 году¹. Однако этот документ, имея прежде всего политическое значение, не сыграл существенной роли в активизации процессов перехода России к устойчивому развитию.

Концепция перехода РФ к устойчивому развитию² также имеет предварительный характер, она призвана создать основу для подготовки собственно Государственной стратегии устойчивого развития РФ, работа над которой началась в 1996 году, но до сих пор не завершена. С октября 2000 года доработку проекта Стратегии осуществляла рабочая группа, созданная при Комиссии Государственной Думы Федерального собрания РФ по проблемам устойчивого развития³. Однако в 2004 году после выборов депутатского корпуса эта парламентская комиссия, к сожалению, была упразднена и деятельность над Государственной стратегией устойчивого развития РФ прекращена, что нельзя признать обоснованным.

На начальном этапе перехода к устойчивому развитию государства в первую очередь должны создать необходимую нормативно-правовую базу. В соответствии с названными выше международными документами это следовало бы сделать повсеместно еще к 2005 году, когда мировое сообщество должно было приступить к реализации комплексной системы мер по переходу к устойчивому развитию. Международно-правовые документы, принятые конференциями ООН по окружающей среде, являются основой в подготовке соответствующих национальных документов и проведении конституционных реформ. Кстати, и в Обращении российских ученых к международному на-

учному сообществу фундаментальную цивилизационную цель человечества — сохранение земной цивилизации — всем государствам — членам ООН предлагается «вести... в качестве конституционной основы государств»⁴.

Таким образом, необходимо прежде всего возобновить и в ближайшее время завершить работу над Государственной стратегией устойчивого развития РФ, а также над проектом Федерального закона «О государственной политике по обеспечению перехода РФ к устойчивому развитию». Упомянутый закон должен быть комплексным с точки зрения отраслевой принадлежности; в том числе он должен включать конституционно-правовые нормы, определяющие цели, задачи, исходные принципы устойчивого развития. Основным положением этого закона в дальнейшем должна быть предана конституционная значимость.

Перевод всей системы действующего законодательства на модель устойчивого развития неизбежно придется начать с проведения конституционной реформы. Эту задачу в ближайшие годы предстоит решить всем странам, так как ни в одном государстве мира действующие конституции в полной мере не отвечают требованиям обеспечения устойчивого развития. В России реформирование принципиальных вопросов российской конституции, как известно, возможно только в результате принятия нового Основного закона.

В Конституции РФ в концентрированном виде должны быть закреплены основные цели, задачи и принципы современной цивилизационной модели развития; определены полномочия и ответственность государства по отношению к народу, обществу, индивиду в новых исторических условиях; указана роль науки и научного сообщества как интеллектуального центра преобразований; а также заложена юридическая основа для правового регулирования отношений в русле устойчивого развития всеми отраслями российского права.

Н. В. Витрук⁵

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В СИСТЕМЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Понятие и основные характеристики конституционно-правового мировоззрения. Национальная правовая культура — многоэлементное образование, состоящее из неоднородных по своему онтологическому статусу и функциональному назначению правовых явлений. Правовая культура характеризуется особым состоянием юридической науки, правосознания (массового, профессионального, индивидуального), правовой политики, нормативно-комплекс в виде законов и подзаконных актов, иных источников (форм) права, законодательной, судебной и иной правоприменительной практики, правомерного поведения субъектов права, правового просвещения, воспитания и юридического образования.

Все указанные правовые явления находятся в известной связи и взаимодействии, имеют различную степень развитости. Чем полнее составляющие правовую культу-

ру компоненты отвечают общественным потребностям, закономерностям общественного развития и достигнутому уровню общечеловеческого прогресса, тем выше правовая культура.

Смена общественно-экономического строя в России привела к коренному изменению конституционного строя, перестройке всех элементов, определяющих национальную правовую культуру; выдвинула новые, повышенные к ней требования, продиктованные общемировыми цивилизационными процессами, в том числе новыми вызовами и проблемами.

Особый, переходный период развития российского общества и государства обусловил неравномерность развития основных элементов, формирующих национальную правовую культуру, известный разрыв в уровнях их становления и действия, их дисгармонию и дисбаланс. Юридическая наука по многим параметрам оказалась неподготовленной к новым условиям, и в то же время научные достижения в достаточной мере не используются законодателями, органами исполнительной власти, судами.

Конституция РФ 1993 года отвечает лучшим образцам конституций государств с устоявшейся, традиционной демократией. Однако вряд ли такую оценку можно дать законодательству, о чем, в частности, свидетельствует практика судебного конституционного нормоконтроля.

¹ Собрание актов Президента и Правительства РФ. 1994. № 6. Ст. 436.

² Собрание законодательства РФ. 1996. № 15. Ст. 1572.

³ См.: Основные положения стратегии устойчивого развития России. С. 13–14.

⁴ Обращение российских ученых к международному научному сообществу.

⁵ Заведующий кафедрой конституционного права Российской академии правосудия (Москва), судья Конституционного Суда РФ в отставке, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ.

Нестабильность законодательства, несовершенство юридической техники, правовой романтизм законодателей, коммерческий лоббизм, разрыв конституционно-правового пространства в условиях Федерации, слабая исполняемость Конституции РФ и законов негативно влияют на правовую культуру.

К судам и другим правоохранительным органам у граждан нет доверия в силу их недостаточного профессионализма, коррумпированности. Массовое правосознание поражено правовым нигилизмом, неверием в право, правосудие и справедливость. На низком уровне находится правовое воспитание и обучение, консервативным остается юридическое образование.

Общеправовое сознание (массовое, профессиональное) имеет мировоззренческий уровень, на который в науке и практике, юридическом образовании и правовом воспитании все еще обращается недостаточно внимания.

Общеправовое мировоззрение связано с осознанием смысла и назначения права в жизнедеятельности гражданского общества, в отношениях личности и государства. В гносеологическом плане немаловажное значение приобретает проблема правопонимания, которая получает особую дискуссионность в период слома общественно-экономической системы, перехода от одной правовой системы к другой. Мировоззренческое значение приобретают такие категории, как право, свобода, демократия, правовое государство, правосудие, равенство и равноправие, справедливость.

Общеправовое мировоззрение формируется системой общественных отношений, юридической наукой, прежде всего философией, аксиологией, социологией и теорией права, самим содержанием позитивного права, судебной и иной правоприменительной практикой.

В контексте позитивного права особым мировоззренческим потенциалом обладает Конституция РФ — основной закон общества и государства, имеющий верховенство и высшую юридическую силу, прямое действие и являющийся обязательным в соблюдении для всех субъектов общественных отношений. Конституция РФ явилась результатом известного политического согласия, достигнутого в гражданском обществе, своеобразным «общественным договором». Она является общественным компромиссом и правовым консенсусом, в котором в основном согласованы экономические, политические и иные интересы, представленные различными слоями общества и политическими силами.

Конституция РФ есть фундаментальная социально-правовая ценность, достигнутая российским народом в ходе социальной революции, коренных системных преобразований. Как особый правовой акт, Конституция РФ одновременно представляет собой историко-политический, духовно-идеологический, культурологический, внешне-политический документ. Это позволяет говорить о конституционно-правовом мировоззрении как разновидности общеправового мировоззрения.

Конституционно-правовое мировоззрение представляет собой философско-правовое осознание сущности конституции, конституционных ценностей, их роли и назначения в построении справедливого общественного строя. Конституционно-правовое мировоззрение есть критическое осмысление всего того, что противоречит принципам права, добра и справедливости, дает ценностную ориентацию процессу познания истины правового бытия, в построении разумного, справедливого, гуманного общества.

Уровень конституционно-правового мировоззрения в немалой мере определяет степень цивилизационной зрелости социальных общностей, общества в целом. На основе конституционно-правового мировоззрения формируется конституционная идеология и конституционно-

правовая политика. Конституционно-правовое мировоззрение есть фундамент образования и деятельности юриста-профессионала. Верность конституции является основой формирования конституционно-правового мировоззрения и конституционной идеологии.

Содержательная характеристика конституционно-правового мировоззрения связана с интериоризацией *конституционных идеалов и ценностей*, нашедших свое системное закрепление и развитие в преамбуле Конституции РФ, в гл. 1 «Основы конституционного строя» и гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина», с их усвоением в качестве знаний, умений, норм (образцов) поведения. Конституционные ценности определяют лицо современной России, являются символом современной эпохи, цивилизационного развития человечества. Конституция РФ утверждает гражданский мир и согласие многонационального народа России, любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, принципы равноправия и самоопределения народов, суверенность, государственное единство, неизбежность демократической основы российской государственности.

В Конституции РФ выражен как мировоззренческий подход, так и государственная идеология по созданию свободного гражданского общества, демократического правового социально ориентированного светского государства с республиканской формой правления и федеративным устройством. В целом Конституция РФ выражает национальную идею, сплачивающую русскую и все иные нации, этносы и народности России в единую российскую нацию, монолитный многонациональный народ России.

Конституционно-правовое мировоззрение выражает *общенародное сознание*, основанное на преемственности и ответственности поколений, на достижении известного согласия и консенсуса интересов всех социальных слоев общества и политических сил. Российское общество в целом приняло общие правила, установленные Конституцией РФ.

Конституционно-правовое мировоззрение имеет ярко выраженную *гуманистическую направленность*. В основу конституционного строя положен абсолютный постулат о высшей ценности человека, его прав и свобод. Согласно ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Несмотря на многократное повторение, цитирование данного конституционного установления, оно не приобрело характер конституционно-правового мировоззрения судей и других правоприменителей, должностных лиц органов законодательной и исполнительной власти. Об этом, в частности, свидетельствуют «странные решения», выносимые судами общей и арбитражной юрисдикции, которые каждодневно освещаются средствами массовой информации.

Судебные решения о выселении детей на улицу без предварительного определения их судьбы в интересах защиты прав собственников жилья иначе как позорными назвать нельзя. Такие решения судов вызывают недоумение и общественный протест. Кто в этом виноват? Законодатель? Суд? Судебные приставы? Органы социальной защиты? Думаю, что все в равной мере. Им не хватило постижения глубинной гуманистической сущности Конституции. Их конституционно-правовое мировоззрение оказалось ущербным. Примеры действительности конституционно-правового мировоззрения дает Конституционный Суд РФ. Но не всегда.

Граждане А. Х. Дитц и О. А. Шумахер обратились в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение их конституционных прав и свобод положением ч. 3 ст. 5 Федерального закона РФ «О национально-культурной автономии», в соответствии с которым им было отказано в регистрации второй региональной национально-культурной автономии, объединяющей немцев, проживающих в Кемеровской области. Как известно, федеральный закон допускает создание местной, региональной и федеральной национально-культурной автономии.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 3 марта 2004 года по делу о проверке конституционности ч. 3 ст. 5 Федерального закона РФ «О национально-культурной автономии»¹ правильно отметил, что федеральный закон не содержит прямого указания на то, что в пределах субъекта РФ может быть образовано не более одной региональной национально-культурной автономии, не содержит закон и прямого запрета на создание и государственную регистрацию в субъектах РФ более одной региональной национально-культурной автономии. Такой запрет установил Конституционный Суд, пришедший к выводу, что в субъекте РФ может быть образовано не более одной подлежащей регистрации региональной национально-культурной автономии.

Такое постановление Конституционного Суда РФ в связи с жалобами граждан А. Х. Дитц и О. А. Шумахера иначе как странным назвать нельзя.

Создание одной региональной национально-культурной автономии, как правильно отмечает Конституционный Суд, не препятствует деятельности не вошедших в нее местных национально-культурных автономий и созданию других объединений граждан, относящих себя к той же этнической общности, содействующих сохранению самобытия, развитию языка, образования, национальных культур. Но Конституционный Суд ограничил свободу объединения так, что искал тем самым сущность права на объединение. Конституционный Суд пытался увязать создание одной региональной национально-культурной автономии с необходимостью государственной поддержки. Но государственная поддержка может быть оказана двум и более региональным национально-культурным автономиям, объединяющим граждан одной этнической общности, *соразмерно* имеющимся у органов публичной власти возможностям².

Конституционно-правовое мировоззрение и проблемы реальной правовой жизни. Конституционно-правовое мировоззрение характеризуется социально-правовым оптимизмом и нацеленностью на активные действия, на соблюдение принципа верности Конституции РФ, на борьбу за права человека и гражданина, на уменьшение разрыва между конституционными идеалами и реальной действительностью.

В Конституции РФ не просто выражены иррациональные идеи, а содержатся положения, обусловленные назревшим прогрессивным общественным развитием, системой разнообразных условий и факторов — экономических, социальных, духовных, культурологических, международных и др. Углубленное познание смысла (духа) Конституции РФ должно идти в контексте учета всех указанных условий и обстоятельств.

Цели и идеи Конституции РФ повсеместно овладевают умами и становятся определяющими для политических сил, выступающих за обновление, качественную модернизацию общества. Действие Конституции РФ, реализация ее установлений показали, что она стала фунда-

ментом и инструментом мирного развития гражданского общества и политической системы, перехода к устойчивому, системному развитию общественных отношений. Этому служат и такие новые цели и идеи, как национальное возрождение, патриотизм, единое и сильное суверенное государство, режим правопорядка, конституционности и законности в обществе.

Конституциализация в сфере частного и публичного права, в судебной и иной правоприменительной практике по обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина есть общественная потребность, объективная тенденция и условие социального и правового прогресса. Однако если быть реалистом, нельзя не отметить, что действие конституционных положений ослабляется рядом негативных причин объективного и субъективного свойства. Они вызваны экономической нестабильностью, кризисными потрясениями, неуверенностью основной массы населения в своем материальном благополучии, закрытостью, коррумпированностью публичной власти, недоверием к ней граждан, правовым нигилизмом, деформацией правового сознания должностных лиц, их низкой правовой культурой.

Существенную роль в процессе конституциализации всех сторон жизни общества и государства играют решения и правовые позиции Конституционного Суда РФ, конституционных и уставных судов субъектов РФ, а также судов общей и арбитражной юрисдикции, мировых судей.

У отечественных ученых и практиков зачастую нет желания и умения оценивать реальную государственно-правовую действительность с позиций конституционно-правового мировоззрения, в контексте действия конституционных установлений. Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин справедливо отмечает: «Общество, которое не умеет и не хочет учиться жить по действующей Конституции, не сможет жить и по любой другой»³.

В организации и функционировании публичной власти преобладают тенденции централизации, унификации, выстраивания жесткой вертикали власти, что приходит в явное противоречие с принципами реального федерализма и местного самоуправления. Об этом свидетельствуют выстроенная система органов государственной власти на федеральном и региональном уровнях, нарастающая унификация избирательных систем в субъектах РФ.

Попытки реанимировать и возродить общинность, разрушенную столыпинскими реформами и сталинской коллективизацией, в виде местного самоуправления не имеют успеха. Местное население в силу своего социально-экономического, духовно-психологического состояния не способно взять на себя ответственность для решения вопросов местного значения. Федеральная власть диктует организацию местного самоуправления сверху, игнорируя даже решение Конституционного Суда РФ о возможности сохранения местных (территориальных) органов государственной власти. Поселенческий принцип организации местного самоуправления провозглашен, но не проведен последовательно в федеральном законе о местном самоуправлении.

Мировоззренческий характер приобретают вопросы организации и функционирования правосудия, судопроизводства, достижения истины как цели в познавательно-оценочной деятельности суда в условиях действия принципа состязательности и равноправия сторон, активности суда и иных участников судебного процесса.

Как известно, объективная истина в процессе судебного правоприменения устанавливается относительно фактических обстоятельств дела (жизненных фактов), их правовой квалификации и юридических последствий.

¹ Собрание законодательства РФ. 2004. № 11. Ст. 1033.

² Указанное решение Конституционного Суда РФ получило критическую оценку со стороны судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова и в научной среде (Конхова И. А. Международное право: теория и практика взаимодействия. М., 2006. С. 235–237).

³ Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд., доп. М., 2008. С. 63.

В попытке преодоления классической парадигмы А. И. Овчинников предлагает пересмотреть, скорее, отказаться от достижения истины в правоприменении¹. Ряд авторов отстаивают идею установления «судебной» истины², по существу, как метко заметила Э. М. Мурадян, «суррогата истины». На подобного рода суждениях лежит печать крайнего субъективизма и формализма. Они выгодны лишь «сильной» процессуальной стороне (должностным лицам, представляющим публичную власть, крупным работодателям) и не соответствуют принципам справедливого правосудия.

Основные направления конституционно-правовой политики в современной России. Сущность и содержание конституционно-правовой политики состоит в последовательном, наиболее полном и эффективном действии и реализации установлений Конституции РФ.

Основным ориентиром и приоритетом конституционно-правовой политики служит человек, его потребности и интересы, достоинство личности, права и свободы. Конституционно-правовая политика направлена на реальное соблюдение обязанности государства по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека в единстве с его обязанностью и ответственностью. В основе взаимоотношений личности, общества и государства лежит гармония общественных, корпоративных и личных интересов.

Рациональная, прагматичная конституционно-правовая политика предполагает постановку осуществимых целей, выбор адекватных, эффективных способов ее реализации. В частности, она должна формировать условия для соблюдения конституционного принципа социальной справедливости, для ликвидации огромного разрыва в положении различных социальных слоев общества, должна создавать равные стартовые условия для каждого в отстаивании, защите прав и свобод.

Необходима большая организационная, воспитательная работа по адаптации граждан к новым условиям в отстаивании и защите своих прав, свобод и законных интересов, к использованию всех предусмотренных законом правовых средств защиты.

В осуществлении конституционно-правовой политики в сфере прав и свобод личности немаловажное значение имеет учет реалий российской действительности, соблюдение лучших традиций правовой культуры и учет правовых ценностей, укоренившихся в образе жизни и поведении индивидов и всего народа (например, учет и культивирование коллективистских и нравственных начал).

Основные направления конституционно-правовой политики в правовой сфере:

— создание устойчивой нормативно-правовой основы, развитие законодательства, основанного на принципах свободного гражданского общества, демократии и правового государства, закрепленных в Конституции России. Нельзя считать, что с принятием Конституции РФ в 1993 году проведение конституционной реформы завершено. Это лишь начало глобального процесса конституционализации отраслевого (текущего) законодательства и его реализации, применения в сфере частного и публичного права. Необходимы серьезные меры по регулированию всех форм собственности, рыночных отношений, свободы договоров, добросовестной конкуренции. Новые подходы необходимы в законодательстве социальной сферы: по урегулированию трудовых отношений в целях усиления коллективистских начал, социальной ответственности капитала, оказанию социальных услуг, социальному обеспечению;

¹ См.: Овчинников А. И. Правовое мышление : теоретико-методологический анализ. Ростов н/Д, 2003. С. 206–224.

² См.: Аверин А. В. Специфика судебного познания // Судебное правоприменение : проблемы теории и практики. М., 2007. С. 29–36.

— формирование правовых основ складывания и функционирования институтов гражданского общества, системы народовластия (референдум, выборы и др.), политической системы общества (политические партии, общественные объединения);

— последовательная реализация конституционных принципов разделения властей, федерализма, местного самоуправления, проведения административной реформы. Остается актуальной задача продолжения судебной реформы (обеспечение доступа к правосудию, создание специализированных судов и форм судопроизводства, подготовка кадров и др.);

— в основу правореализационной деятельности, прежде всего органов публичной власти, их должностных лиц, должны быть положены принципы конституционности и законности, усиление конституционного и общего контроля и надзора. Особая роль в осуществлении конституционного и конституционно-уставного контроля принадлежит Конституционному Суду РФ, органам конституционного правосудия в субъектах РФ, а также судам общей и арбитражной юрисдикции, мировым судьям;

— в правоохранительной и правозащитной деятельности акцент следует перенести на ее реальность и эффективность, на профилактику правонарушений, на восстановление нарушенных прав, свобод и обязанностей в сочетании со справедливым возмездием, наказанием за совершенные преступления и другие правонарушения;

— качественный подъем правового просвещения и воспитания населения, должностных лиц, перестройка юридического образования с целью подготовки юристов новой формации, с общеправовым и конституционно-правовым мировоззрением, адекватных социальным потребностям и ожиданиям.

Конституционно-правовое мировоззрение и мировое общественное мнение в контексте современной глобализации. В XXI веке нет альтернативы глобализации современного мира, сотрудничеству государств в самых различных областях жизни, сближению национальных правовых систем, появлению наднационального права. В современном мире возникли новые угрозы и вызовы, связанные с международным терроризмом, локальными конфликтами, техногенными и природными катастрофами и катаклизмами, наркобизнесом, организованной преступностью и другими явлениями и процессами. Объективно это ставит проблему формирования и развития международно-правовой безопасности общества, государства и каждой личности.

В конституциях многих государств провозглашается положение об абсолютном приоритете международного права перед внутригосударственным правом, в том числе перед национальной конституцией. В ряде стран международное право и конституция стоят в одном ряду, за ними признается равная юридическая сила.

В основе конституционно-правового мировоззрения лежит *мировое общественное мнение*, выражающее достижения в прогрессивном развитии человечества, прежде всего в области фундаментальных, универсальных прав и свобод. Конституционно-правовое мировоззрение пронизано осознанием России как части мирового сообщества, активного участника общемирового демократического развития, противостоящего новым глобальным вызовам и решающего новые проблемы глобального характера в сотрудничестве с другими государствами.

Своеобразно в Конституции РФ решен вопрос о соотношении конституции и международного права. Конституция РФ ч. 4 ст. 15 устанавливает: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы». Данное конституционное установление

требует известного разъяснения прежде всего по вопросу соотношения Конституции РФ и общепризнанных принципов и норм международного права, Конституции и международных договоров РФ.

Строго говоря, в правовую систему РФ входят общепризнанные принципы и нормы международного права, воплощенные, к примеру, в Конвенции о защите прав человека и основных свобод и в Протоколах к ней, ратифицированных Российской Федерацией, в том числе в интерпретации Европейского суда по правам человека. При этом Конвенция и Протоколы к ней, как и воплощенные в них общепризнанные принципы и нормы международного права, по юридической силе приравниваются к юридической силе Конституции РФ. Международные договоры РФ должны соответствовать Конституции РФ и обладают приоритетом по отношению к федеральным законам.

Уяснение содержания правовых позиций Европейского суда по правам человека и их учет в законодательной, судебной и иной правоприменительной практике национальных государств является одним из направлений выполнения обязательств государств — участников Конвенции и Протоколов к ней. Национальный суд либо иной правоприменитель не лишен известного усмотрения и

права выбора правовых позиций, содержащихся в решениях Европейского суда по правам человека.

По нашему мнению, назрела потребность в создании межведомственной комиссии при Правительстве РФ, в которую входили бы представители палат Федерального собрания, исполнительных органов государственной власти, высших судебных инстанций, Генеральной прокуратуры РФ, научного сообщества и общественности. Комиссия могла бы рассматривать решения Европейского суда по правам человека о нарушении Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней, в том числе с учетом решений и по другим делам, с целью разработки мер и рекомендаций по искоренению условий и причин нарушения Конвенции и Протоколов к ней, и осуществлять мониторинг за их реализацией. В настоящее время эта работа протекает стихийно, никем не направляется и не координируется.

В завершение следует признать злободневным призыв члена-корреспондента РАН Н. Н. Скатова использовать уникальную возможность не впадать в крайности «большевизма», а идти к сбалансированной жизни, «воздерживаясь, но не голодая, делясь, но не разоряясь, не угрожая, но защищаясь». Идти вместе со всем современным миром, но со своей головой на плечах¹.

В. Г. Графский²

ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Появившиеся сравнительно недавно исследования юридического аспекта глобализации были и остаются горячей дискуссионной проблемой и темой. Однако различные споры и расхождения в восприятии причин их сегодняшней актуальности чаще всего имеют историческое объяснение и связаны с толкованием направленности человеческой истории. Поэтому наиболее существенным в этом обсуждении стали истории и судьбы теорий и идей о естественном праве и законе природы, международном праве, сравнительном правоведении и даже глобальном праве.

Многовековое сосуществование фундаментальных правовых систем, западных и восточных, и уяснение его перспективы в эпоху интенсивной экономической и политической глобализации (в частности, масштабного роста международного и межкультурного общения, торговли, обмена идеями и людьми) представляют собой одну из актуальных и малоизученных тем. Историческое изучение этой темы показывает, что важнейшими социальными регуляторами, посредством которых осуществлялась необходимая унификация общественного и политического устройства и общения в рамках плюралистических сообществ на протяжении тысячелетий, были мифологическая, теологическая или смешанная мировоззренческая (мирообъяснительная) система, а также государственно-властное и законодательно-властное регулирование.

При этом если в основе «религиозной унификации» было обращение к трансцендентальным, обрядовым и морально-нравственным установкам и ценностям, то право представляет собой иной, социально обусловленный и политически ориентированный способ упорядочивания взаимодействия людей и коллективов.

Современная национальная правовая система определенной национально-государственной общности пред-

стает в нескольких измерениях: как совокупность отраслей законодательства, как воплощение правовой традиции и культуры и как система, взятая в более широком социальном-культурном контексте — региональном и международном. Каждая правовая система такого рода является принадлежностью к той или иной разновидности правовых семейств (фундаментальных правовых систем).

Французский исследователь основных современных правовых семейств Р. Давид полагал, что если нормы права выказывают теснейшую связь с нашим образом мыслей, то правовая система более всего взаимосвязана с «концепцией социального строя», то есть со структурой общества, его нравами, верованиями, языком. И все это помимо теснейшей взаимосвязи с юридико-техническим опытом сообщества — со способами разработки, систематизации и толкования правовых норм, особенностями правоприменительной и социально-контролирующей правовой деятельности³.

Американский правовед Л. Фридман полагает, что правовую систему следует считать воплощением правовой культуры общества, которая включает убеждения людей, их ценностные установки, идеалы и ожидания⁴. С учетом того, что право предстает не только в виде норм, принципов и терминов, но также в виде определенной социальной практики, некоторые исследователи говорят о возможности именовать эту практику неким «правовым образом жизни», или правовой культурой данной правовой общности (*legal community*)⁵.

³ Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988. С. 38–39.

⁴ Фридман Л. Введение в американское право. М., 1993. С. 11.

⁵ Van Hoeske V., Warrington M. Legal Cultures, Legal Paradigms and Legal Doctrine : towards a new model for comparative law // International comparative law quarterly. 1998. Vol. 47. P. 498; см. об этом: Муромцев Г. И. Правовая культура как объект научного исследования // Правовые культуры : история, эволюция, тенденции развития : материалы межвуз. конф. М., 2003. С. 8.

¹ Литературная газета. 2005. 16–22 февр.

² Главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор.

Таким образом, и право, и правовая культура предстают весьма сложной теоретической конструкцией, некой суперсистемой, которая включает несколько подсистем: понятия и термины, теорию и практику, техническую и этическую подсистемы и т. д. Кроме того, и право, и правовая культура в зависимости от своих носителей и пользователей могут быть индивидуальными (персональными, личностными) и групповыми (коллективными, общинными, профессиональными и т. д.).

В настоящее время существует несколько классификаций национальных правовых систем в зависимости от их сходства, родственности или историко-региональной принадлежности. Легче всего проводятся различия по критерию религиозной связанности правовых установок и ценностей, например, у права иудейского, христианского, мусульманского, индусского и др. Былая дихотомия социалистическое/буржуазное право заменяется сегодня на дихотомию западное/внезападное (К. Осаке). Более усложненной выглядит классификация основных систем в виде романо-германской, англосаксонской, социалистической и постсоциалистической (М. Н. Марченко)¹.

Беспорным и очевидным является восприятие плюрализма правовых систем как следствие плюрализма правовых культур. Разновидности правовой культуры заметны различаются, если воспринимать существующие правовые системы как особым образом упорядоченные комплексы культурно-правовых норм на уровне общества. О правовой культуре можно говорить одновременно на уровне личности и на уровне нации-государства как юридического субъекта. В связи с этим представляет значительный интерес положение о том, что культура отдельной развитой личности — это совокупность исторически сложившихся разумных способов ее поведения, методов деятельности, а также ее мыслей и оценок результатов деятельности.

Правовая культура, так или иначе, ориентирована на формирование правового сознания людей, их ценностного и нормативного комплексов, которые обеспечиваются закреплением определенных взглядов, духовных ценностей и невозможны без трансформации правового сознания (в частности, без введения в правовое сознание личности новых взглядов, новых правовых ценностей, ломки устаревших стереотипов оценок и поведения).

В правовой культуре находятся в единстве ценностные ориентации и непосредственные мотивации правового поведения. Напомним, что согласно определению, данному П. Сорокиным, право есть «1) совокупность правил поведения, указывающих дозвоительно-должное поведение путем распределения полномочий и обязанностей; 2) такие правила или нормы даны в психике людей в виде правовых убеждений, указывающих должное поведение

путем признания и разграничения определенных прав и обязанностей за теми или иными лицами в различных случаях жизни; 3) эти правовые убеждения реализуются или объективируются: а) в правовых устных суждениях; б) в символически-правовых обрядах; в) в писанных законах; г) в поведении и поступках людей, вызванных к жизни этими убеждениями и представляющих осуществление их; д) во всей социально-политической организации общества и в укладе его отдельных институтов и учреждений»².

Исходя из этого, индивидуальная правовая культура представляет собой, помимо всего прочего, интеллектуально-эмоциональное образование, включающее адекватную сознательную позицию по отношению к правовым целям и требованиям, правовую осведомленность и готовность к правомерному поведению.

В области международного общения в настоящее время усиливается главная тенденция в эволюции международных отношений, политики и права — все большее распространение международно-правового регулирования на те сферы, которые ранее попадали исключительно под национальную юрисдикцию отдельных стран. Эта тенденция также вносит свою лепту в плюрализацию правовых систем современности.

Кроме того, существенно изменился круг участников международного общения — отныне субъектами международного права являются не только национальные государства, но также неправительственные организации и частные корпорации.

В итоге границы между различными областями международно-правового регулирования все чаще и во все большей мере переплетаются, становятся менее различимыми и в ряде случаев стираются, делаются малосущественными. Сегодня нередко экологическое право тесно переплетается с торговым, торговое с уголовным, уголовное с гражданским и т. д. Эту новацию следует отнести к новациям межотраслевого и междисциплинарного плана, когда обнаруживаются многочисленные проявления тесной переплетенности самых различных отраслей правового регулирования в общении между государствами, неправительственными организациями, частными корпорациями и частными лицами.

В области внутригосударственных отношений и традиций влияние мировых процессов опосредовано множеством обстоятельств самого различного свойства: многовековыми традициями и опытом нескольких последних поколений, сложившейся или складывающейся правовой и политической культурой, реформаторской стихийностью и незавершенностью создания элементарных институциональных атрибутов благоустроенного общества и государства.

Е. Г. Драпеко³

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ ПО ВОПРОСАМ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Культуры различных стран взаимно влияют друг на друга, происходит их взаимопроникновение. На конференции в Мехико государства признали, что культурная

¹ См.: Осаке К. Сравнительное правоведение в схемах. М., 2002. С. 30; Марченко М. Н. Курс сравнительного правоведения. М., 2002. С. 481.

² Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства. Ярославль, 1919. С. 31.

³ Первый заместитель председателя Комитета по культуре Государственной Думы Федерального собрания РФ, профессор СПбГУП, кандидат социологических наук, заслуженная артистка РФ.

самобытность народов обновляется и обогащается в результате знакомства с традициями и ценностями других народов. Культура — это диалог, обмен мнениями и опытом, постижение ценностей и традиций других; в изоляции она увядает и погибает.

Общие вопросы сотрудничества в области культуры нашли свое отражение в таких многосторонних документах, как Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года,

в которой провозглашается право каждого человека свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 19 декабря 1966 года, в котором государства зафиксировали свою обязанность обеспечить равное для мужчин и женщин право пользоваться всеми культурными правами (ст. 3) и признали право каждого человека на участие в культурной жизни (п. 1а ст. 15). Участвующие в Пакте государства признали пользу, извлекаемую из поощрения и развития международных контактов и сотрудничества в научной и культурной области (п. 4 ст. 15).

Многосторонние договоры общего характера были приняты и на региональном уровне. Из них особо следует отметить Европейскую культурную конвенцию от 19 декабря 1954 года, принятую в рамках Совета Европы. Конвенция интересна тем, что все ее содержание исходит из признания наличия общего культурного достояния Европы, которое государства обязались защищать и развивать. В данном договоре страны сформулировали общие положения, которые обязательны для ведения культурного сотрудничества. Государства также признали необходимость принятия надлежащих мер для защиты и поощрения развития своего национального вклада в общее достояние Европы (ст. 1).

Государства — участники Содружества Независимых Государств 15 мая 1992 года заключили Соглашение о сотрудничестве в области культуры, в котором нашла отражение широкая программа культурного сотрудничества — общее обязательство создавать благоприятные условия для развития культурных связей (ст. 1), для организации гастролей художественных коллективов и отдельных исполнителей (ст. 4), содействовать созданию единого информационного пространства (ст. 5) и организации международной гастрольной и выставочной деятельности (ст. 7) и др.

Для проведения скоординированной политики в области культуры в соответствии с Соглашением 1992 года государства — участники СНГ создали Совет по культурному сотрудничеству, подписав соответствующее Соглашение 26 мая 1995 года.

На сегодняшний день в международном праве насчитывается до 600 нормативных документов, регулирующих межгосударственные отношения в сфере культуры. Большую часть этих источников составляют рекомендации и резолюции международных организаций и отдельных их органов, характерной чертой которых является отсутствие императивной силы и, как следствие, необязательность их применения на практике.

Международные договоры в сфере культуры делятся на многосторонние и двусторонние, универсальные и региональные. При этом специфической чертой международно-правового регулирования в сфере культуры является то, что к предмету регулирования отнесены не только собственно отношения в сфере культуры, но и отношения в сфере образования, охраны ландшафтов и природной среды обитания человека, отношения в сфере защиты прав национальных меньшинств, телевизионного вещания и информации.

Для Российской Федерации особый интерес представляют универсальные международные договоры; договоры, заключенные в европейском регионе; а также договоры, заключенные в рамках СНГ. По состоянию на 9 февраля 2009 года Российская Федерация принимает участие в большинстве действующих международных договоров в сфере культуры.

Между тем Россия не принимает участия в ряде международных договоров в сфере культуры, которые представляются весьма важными. В то же время в российском

законодательстве широко представлено право народов на национально-культурную автономию и на государственную поддержку культурного самовыражения этносов.

В первой строке текста Конституции РФ зафиксировано, что народ нашей страны многонационален. На территории России проживает более 100 народов, как больших, так и малых, причем каждый из них обладает уникальными особенностями культуры. Право на национально-культурную автономию принадлежит всем российским народам, как имеющим свои административные образования, так и не имеющим, и не зависит от численности народа (этноса). Федеральный закон РФ «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 года определил правовые основы национально-культурной автономии.

Несмотря на политическую актуальность названной проблемы, уровень ее исследования весьма незначителен. Сам термин «национально-культурная автономия» появился в конце XIX века, однако теоретическая разработка этой проблемы практически не велась. В советский период развития истории России ее трактовали как проявление «буржуазного национализма». В зарубежных странах, за исключением непродолжительного периода первой трети XX века, эта проблема освещалась отдельными фрагментами в рамках более широких исследований о судьбах национальных меньшинств.

Теоретиками и разработчиками программы культурно-национальной автономии были видные австрийские социал-демократы К. Реннер и О. Бауэр. К. Реннер делал основной упор на нацию как на некую духовно-культурную общность. О. Бауэр, в свою очередь, добавлял к этому и такой признак, как исторически сложившийся психофизический тип людей, связанных общностью языка и территории. Сам этот термин, где слова «национальный» и «культурный» часто менялись местами, употреблялся австромарксистами лишь описательно.

Спор возник из-за вопроса о том, как должны «автономизироваться» нации — по территории проживания либо персонально по всей территории Габсбургской монархии. К. Реннер полагал, что только государство может дать юридическо-правовые рамки межнациональным отношениям. О. Бауэр, со своей стороны, считал, что, решая в долгосрочном плане национальную проблему, государство обеспечивает собственное благополучие, минимизируя центробежные тенденции. У этих исследователей не было четкости в обосновании своей точки зрения: они смешивали воедино территориальную автономию, элементы федерализма (предлагая двухпалатный парламент) и национально-культурной автономии.

Российское государство неоднократно обращалось к проблемам свободного развития культур населяющих нашу страну народов. В качестве примера можно привести федеральную целевую программу «Развитие и сохранение культуры и искусства в Российской Федерации (1997–1999 годы)», которой был присвоен статус президентской Указом Президента РФ от 1 июля 1996 года № 1010 «О мерах по усилению государственной поддержки культуры и искусства в Российской Федерации».

Свободное развитие культуры, языка, традиций и обычаев людей различных этнических общностей является важнейшей составляющей образования, развития культуры, традиций и обычаев граждан многонационального народа Российской Федерации, соединенного общей судьбой на российской земле.

В то же время вполне очевидно, что учреждение национально-культурной автономии актуально, прежде всего, для этнических групп, находящихся за пределами территории проживания «материнских этносов», для народов Севера — аборигенов, большая часть которых не имеет своих автономных образований. А это — одна из главных

идей Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств Совета Европы от 1 февраля 1995 года, ратифицированной Россией в 1998-м.

Конституция РФ не только закрепляет основные принципы национальных отношений, но и устанавливает разграничение предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами в области регулирования и защиты прав национальных меньшинств, защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей.

Согласно Конституции к ведению РФ относится «регулирование и защита прав национальных меньшинств» (п. в ст. 71). К совместному ведению РФ и субъектов Федерации отнесены «защита прав национальных меньшинств» и «защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей» (п. б и м ч. 1 ст. 72). Таким образом, обеспечение прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в РФ осуществляется сразу на двух уровнях — федеральном и субъектов Федерации.

Система действующих в данной области законодательных и иных нормативных актов РФ включает в себя два уровня актов.

На федеральном уровне это уже упоминавшийся Федеральный закон «О национально-культурной автономии», а также другие законы. К их числу относятся прежде всего: Закон РФ от 9 октября 1992 года № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре», Закон РФ от 25 октября 1991 года № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации», Закон РФ от 10 июля 1992 года № 3266-1 «Об образовании». Названные законы содержат отдельные нормы, касающиеся развития национальной культуры, использования национального (родного) языка, получения образования и воспитания на национальном (родном) языке.

Помимо вышеназванных существует целая группа международно-правовых документов, непосредственно направленных на удовлетворение прав народов и национальных меньшинств в области их национально-культурного развития. Наибольшее значение среди них имеют Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, от 18 декабря 1992 года; Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, подписанная государствами — членами Совета Европы 10 февраля 1995 года; а также Конвенция МОТ от 1989 года № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах». Указанные документы содержат нормы, направленные на удовлетворение национально-культурных интересов и потребностей народов и национальных меньшинств.

Так, Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств указывает, что создание обстановки терпи-

мости и диалога необходимо для того, чтобы культурное разнообразие было источником и фактором обогащения, а не раскола каждого общества. Стороны, подписавшие настоящую Конвенцию, обязались содействовать созданию условий, необходимых для обеспечения лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, возможности поддерживать и развивать свою культуру, а также сохранять основные элементы их самобытности, а именно: религию, язык и культурное наследие (ст. 5).

Рамочная конвенция Совета Европы о значении культурного наследия для общества от 27 октября 2005 года. Конвенция вводит понятие культурного наследия, права, обязанности, а также ответственность государств. Для Российской Федерации Конвенция не вступила в силу.

Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) от 16 января 1992 года. Конвенция вводит понятие элементов археологического наследия, порядок их идентификации и меры по защите, сбор и распространение информации, порядок осуществления мер по предотвращению незаконного обращения элементов археологического наследия, осуществление технической и научной взаимопомощи. Российская Федерация подписала Конвенцию 16 января 1992 года, однако до настоящего момента не ратифицировала.

Европейская конвенция о правонарушениях в отношении культурных ценностей от 23 июня 1985 года. Конвенция вводит понятие правонарушения в отношении культурных ценностей, регламентирует порядок возвращения культурных ценностей, порядок применения мер наказания и юрисдикцию. Конвенция не вступила в силу. Российская Федерация не участвует.

Европейская конвенция о защите культурного наследия в форме аудиовидеопроизведений от 8 ноября 2001 года. Конвенция вводит понятие видеоматериала, кинематографической работы, регулирует хранение аудиовидеоматериалов.

Европейская конвенция о трансграничном телевидении от 5 мая 1989 года. Конвенция регулирует вопросы осуществления трансграничной трансляции и ретрансляции программ. Российская Федерация подписала Конвенцию 4 октября 2006 года, но до настоящего момента не ратифицировала.

Европейская конвенция о ландшафтах от 20 октября 2000 года. Конвенция вводит понятийный аппарат, закрепляет сотрудничество государств европейского региона по сохранению ландшафта. Российская Федерация не участвует.

Несмотря на то что Российская Федерация не ратифицировала ряд международных конвенций, имплементация норм международного права в российское законодательство носит системный характер. И по мере внедрения этих норм в национальную правовую систему Россия рассматривает возможность присоединения к указанным Конвенциям.

З. Н. Каландаришвили¹

РОЛЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРА

Следует заметить, что если в последние годы вопросам правовой культуры в современной научной мысли уделяется должное внимание, то исследование функциональной роли (то есть выполнения функций) правовой культуры как самостоятельного социального явления представлено все еще недостаточно, определены лишь подходы к изучению

¹ Доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат юридических наук, кандидат педагогических наук.

данного вопроса. Хотя необходимо подчеркнуть, что комплексное исследование функций правовой культуры позволяет раскрыть сущностные черты правовой культуры, ее место и роль в правовой и социальной системе современного глобализированного мира, который включает совокупность интериоризированных социальных систем общества.

По мнению автора статьи, функциями правовой культуры следует считать направления ее воздействия на

сознание и поведение граждан и их организаций, в которых проявляются ее сущность, социальная и специально-юридическая роль и назначение в механизме правового регулирования общественных отношений.

По верному суждению М. Г. Баумовой, «без анализа функциональной роли правовой культуры невозможно понять ее сущность, содержание и закономерности развития»¹.

Чтобы уяснить функциональную роль, которую выполняет правовая культура в эпоху современного глобализированного мира, необходимо проанализировать сами функции этого феномена.

По нашему суждению, в широком понимании существуют две большие группы функций правовой культуры: общесоциальная (которая включает экономическую, политическую, социальную, идеологическую и экологическую функции) и специально-правовая (которая включает правообразующую, регулятивную, функцию охраны прав и свобод граждан, аксиологическую, правосоциализаторскую и коммуникативную функции). Дадим правовой и социальный анализ каждой из этих функций.

Юридическим основанием экономической функции в жизни любого государства являются соответствующие статьи конституции, закрепившие единое экономическое пространство, свободное перемещение товаров и услуг, свободу экономической деятельности, которые должны найти свое отражение в концептуальных правовых программах и актах. Цель данной функции — убедить граждан в ценности рыночных отношений и принципов, важности и необходимости экономической активности, соблюдении экономического законодательства. Современная реальность такова, что былые общечеловеческие ценности в значительной степени утрачены, новые только формируются. Поэтому в таком ракурсе правовая культура должна содействовать новой экономико-правовой культуре, формированию нового понимания происходящих в обществе процессов, внедрению новых экономических и правовых ценностей.

Важной задачей экономической функции правовой культуры является и установление разумного сочетания публичных и частных интересов в правовом регулировании экономики. Автором предлагается закрепить на конституционном уровне социальный характер собственности и социальные обязанности собственника перед обществом, суть которых состоит в том, что использование собственности должно служить, прежде всего, благу людей.

Как нам кажется, роль политической функции правовой культуры заключается в создании для индивида возможности осознания себя в качестве полноправного участника политических процессов, распространении в обществе законопослушного политически активного поведения. Политическая функция правовой культуры реализуется по различным направлениям².

Целью социальной функции правовой культуры является социальная безопасность индивидов, то есть обеспечение всех социальных прав и свобод, которые защищают человека от негативных последствий влияния рынка. По нашему мнению, в основе реализации рассматриваемой функции правовой культуры должна лежать концепция, согласно которой государство берет на себя заботу об основных социальных нуждах индивида, а человек должен сам заботиться о себе и своей семье. Данная идея отвергает иждивенчество, требует повышения социаль-

ной активности трудоспособного индивида, воспитывает у него чувство ответственности не только за себя, но и за семью, детей, родителей и близких людей. Ее осуществление в современном мире — крайне непростое дело: отдельные индивиды и социальные группы имеют завышенные притязания на социальные блага, которые при этом не соответствуют их реальному вкладу в развитие общества.

Назначение идеологической функции правовой культуры заключается в создании идейных основ общества, выработке и поддержании политических, юридических, нравственных и прочих принципов и ориентиров. Цель данной функции — формирование правовой идеологии, распространение ее в обществе.

Экологическая функция правовой культуры направлена на обеспечение, сохранение и восстановление естественной среды обитания человека. Она отражает осознание людьми потребности в устранении и предотвращении вредных последствий, связанных с антропогенной деятельностью человека, его вмешательством в окружающую среду, интенсивным использованием природных ресурсов. Гармоничные отношения общества и природы в современных условиях не могут сложиться без воздействия всей совокупности правовых, экономических, педагогических и иных механизмов, побуждающих каждого индивида рационально и бережно относиться к ее ресурсам. Правовая культура выступает особо эффективным механизмом воспитания у граждан высокого уровня экологического правового сознания, понуждает всех природопользователей поддерживать предписанный законом уровень экологического правопорядка.

Как верно замечает профессор, в прошлом Генеральный прокурор РФ, А. И. Казанник, «низкая экологическая культура в сфере государственного и муниципального управления проявляется в бездумных перестройках системы природоохранительных органов нашей страны, в слабом экологическом контроле за охраной природы и использованием природных богатств, нарушении служебного долга... нетерпим ведомственный подход, который резко снижает эффективность использования капитальных вложений, препятствует проведению единой политики в осуществлении природоохранительных мероприятий, порождает безответственность за экологические последствия принимаемых решений, ведет к мнимой экономии, которая, в конечном счете, оборачивается большими потерями. ...показателем низкой правовой культуры вполне можно считать и участвовавшие в последние годы случаи халатного отношения работников природоохранительных органов к своим обязанностям, нарушение ими служебного долга»³.

Отсюда можно сделать вывод, что проблема правовой культуры в России, проблема формирования правильного мировоззрения и правового сознания — это важнейшие задачи в обществе, без решения которых не может быть и речи о законности, построении правового государства.

Правообразующая функция заключается в активизации правотворческого процесса, повышении качества принимаемых законов. Кроме того, специфика данной функции кроется в том, что она прежде всего проявляется через функционирование органов государственной власти. Поэтому актуальной задачей сегодняшнего дня является повышение уровня правовой культуры представителей органов государственной власти путем: а) усвоения ими правовых знаний, развития правового мышления, профессиональной подготовки; б) расширения политического и экономического кругозора; в) проявления

¹ Баумова М. Г. Коммуникативная функция правовой культуры // Проблемы государства, права, культуры и образования в современном мире: материалы II Междунар. науч.-практ. интернет-конф., 22 марта 2005 г. / отв. ред. В. Н. Окатов. Тамбов, 2005. С. 376.

² Степанов В. Д. Политическая культура современного общества. М., 2006. С. 62.

³ Казанник А. И. Проблемы формирования экологической культуры государственных служащих. Омск, 2000. С. 48–49.

профессионально-этических и юридических качеств (профессиональная безупречность, служебная дисциплинированность, добросовестность, честность и т. д.).

Регулятивная функция правовой культуры включает, с одной стороны, процесс создания соответствующих юридических идеалов, правовых принципов и норм, стандартов, эталонов поведения разнообразных субъектов права, а с другой — привнесение этих явлений в общественную жизнь с целью упорядочения общественных отношений, удовлетворения личных и общественных потребностей и интересов.

Значение этой функции правовой культуры заключается в том, что созданные наиболее юридически грамотными членами общества идеи, отражающие прогресс в развитии общественных отношений, овладевают сознанием большинства и воплощаются в реальных поступках. Ее задача — превращение правовых предписаний в привычку и во внутреннее убеждение личности.

Особенностью этой функции является то, что правовые нормы не единственное ее основание. В качестве регуляторов поведения выступают также принципы права и другие социальные нормы. В повседневной жизни индивид чаще избирает вариант поведения, основанный не на знании конкретных норм права, а на общих представлениях о должном и правильном¹.

Немаловажное значение имеет и функция охраны прав и свобод граждан, так как центральное место в осуществлении этой функции занимает решение центрального социального вопроса о взаимоотношении личности и государства.

По нашей мысли, современные взаимоотношения личности и государства должны строиться на идее партнерства, равных прав и обязанностей. Подобный тип отношений позволяет избежать гиперболизации роли государства, с одной стороны, и крайнего проявления индивидуализма — с другой, максимально эффективно защитить права и свободы личности, усилить гуманистическую направленность всей правовой системы общества. Подобный подход уже намечен, например, в российском трудовом законодательстве, где многие вопросы локального регулирования разрешаются в рамках социально-партнерских отношений (например, в рамках коллективного трудового договора).

Аксиологическая функция правовой культуры проявляется в том, что существующие правовые ценности выступают в качестве критериев оценки реально существующих юридических явлений, процессов и состояний. Правовая культура включает разнообразные ценности, оценки, нормы, оценочные критерии и социальные институты.

В правовых ценностях, выраженных в праве, правовом сознании юридической практике заложен огромный регулятивный потенциал. И здесь мы видим тесное взаимодействие аксиологической и регулятивной функций правовой культуры. Ценностный характер приобретают и охваченные правом позитивные человеческие поступки, правомерное поведение людей. Правотворчество, правоприменение, использование и соблюдение права представляют собой области человеческой деятельности, основанные на определенной системе ценностей. В связи с этим важнейшая задача аксиологической функции — сис-

тематизация всех присущих правовой системе ценностей и создание их иерархии. Вне ценностей правовая культура существовать не может. Ценность не просто атрибут культуры — это то, что заложено в ее основе.

Как справедливо подмечает известный социолог М. Б. Смоленский: «Через правовую культуру происходит усвоение индивидом ценностных ориентаций в сфере права. Институционализированные образцы поведения, мышления, ценностного выбора становятся... основой устойчивой позиции человека в жизни, специфическим “встроенным” стимулом к правомерному поведению. В этом смысле правовая культура как внутренний механизм социальной регуляции выступает мощным средством осуществления социального контроля»².

Правосоциализаторская функция правовой культуры выражается в усвоении индивидом на протяжении его жизни правовых ценностей того общества, к которому он принадлежит. Она предполагает включение личности в ценностно-нормативную систему, охраняемую правом, и связана с формированием и модификацией системы средств и качеств, а также механизмов саморегуляции поведения личности, необходимых для ее адаптации к специфике поведения и взаимоотношений в сфере действия права и для обеспечения ее социально-активного правового поведения.

Коммуникативная функция правовой культуры опосредует процесс общения людей в правовой сфере, реализует передачу правовой информации по различным коммуникационным каналам от одних субъектов к другим.

В настоящее время в современном глобализованном мире правовая коммуникация и коммуникативная функция правовой культуры характеризуются жесткой односторонностью направления информации и асимметричностью передающей и принимающей сторон.

В подавляющем большинстве случаев в качестве коммуникатора выступает законодатель или иной государственный орган, который обладает определенными властными полномочиями в отношении граждан. По этому каналу идет односторонняя передача правовой информации: «государство — индивид».

В связи с этим правовая культура должна выступать средством двусторонней связи, по которой гражданин мог бы проявить правовую активность, подать юридически значимый информационный сигнал о своих предпочтениях.

Таким образом, можно сделать вывод, что функциональная роль, которую выполняет правовая культура в современном обществе, весьма обширна и значима. Она определяет правовую социализацию индивида, типизируя социально-правовой опыт и образцы нормотипности, работу государственного аппарата, его звеньев, деятельность граждан, коллективов и организаций, конструирует правотворческую и правоприменительную деятельность, способствует правовому воспитанию, интеграции индивидов в социальные отношения, законности и правопорядку, то есть выполняет важнейшие социально-правовые задачи.

Без анализа функциональной роли правовой культуры невозможно понять ее сущность, содержание и закономерность развития, преемственность правового опыта и совершенствование общества в целом³.

¹ Каландаришвили З. Н. Деформация правового сознания молодежи и юридические способы ее преодоления. СПб., 2005. С. 62.

² Смоленский М. Б. Правовая культура : опыт социокультурного анализа. Ростов н/Д, 2002. С. 32.

³ Каландаришвили З. Н., Евдокимов А. С. Правовая социализация и правовая культура. СПб., 2006. С. 42–44.

Т. В. Кленова¹

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНОСТИ

Уголовно-правовое регулирование отношений, возникающих в связи с совершением преступлений, осуществляется на двух уровнях — внутригосударственного (национального) уголовного права и международного уголовного права, выражающего интернациональные интересы.

Образование и развитие международного уголовного права связано с определением международных преступлений (преступлений против мира и человечности, военных преступлений) и преступлений международного характера (конвенционных преступлений). К последним относятся преступления, совершенные как в пределах, так и за пределами юрисдикции государства, ответственность за которые устанавливается международными соглашениями с учетом общепризнанной опасности и трансграничного характера таких преступлений. Это преступления против прав и свобод личности, экономические и коррупционные преступления, преступления против общественной безопасности, транспортные и связанные с транспортом преступления, преступления против здоровья и общественной нравственности, а также преступления, посягающие на культурное наследие народов².

Международное уголовно-правовое регулирование в историческом развитии рассматривается как вторичное по отношению к внутреннегосударственной кодификации уголовно-правовых норм, потому что международное уголовное право формировалось много позже национальных уголовно-правовых систем, на их основе, и до сих пор нет всех необходимых предпосылок для признания международного уголовного права самостоятельной отраслью права. Первичное значение внутригосударственного (национального) уголовного права проявляется и в том, что принципы и нормы международного уголовного права осуществляются в соответствии с принципами суверенного равенства и территориальной целостности государств и принципом невмешательства во внутренние дела других государств, а также нормами внутреннего законодательства государств — участников международного соглашения, что специально оговаривается в конвенциях.

Не подменяя уголовное право государств — участников международных соглашений, международное уголовное право определяет пределы и возможности международного сотрудничества в сфере противодействия преступности, в его источниках устанавливается совокупность преступлений, уголовное преследование за которые обязуются обеспечить договаривающиеся стороны. В отличие от международного уголовного права, в источниках внутригосударственного уголовного права системным методом определяются общие и специальные условия уголовной ответственности, составы преступлений, правила наказания и применения иных мер уголовно-правового воздействия.

Оба направления уголовно-правового регулирования развиваются во взаимодействии. С одной стороны, принципом кодификации норм национального уголовного права стал принцип соответствия уголовного закона общепризнанным принципам и нормам международного права. С другой стороны, международное право испытывает сильное влияние национальных уголовно-правовых систем. Универсальные нормы международного уголовно-

го права появляются в результате взаимодействия национальных правовых культур, прошедших многие этапы развития, сохранивших традиции, выраженных в законодательных, научных, а в некоторых государствах и в религиозных источниках.

Российское уголовное право, испытывая определенное влияние международного уголовного права, не стало отраслью права, безусловно «открытой» для воздействия внешних источников. Даже в 1990-е годы, когда государственная власть затрачивала много сил, чтобы преодолеть обособленность страны в международном сообществе, в Российской Федерации был принят Уголовный кодекс (далее — УК РФ), обеспечивающий централизованное уголовное-правовое регулирование. В ст. 1 УК РФ определено: «Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс (часть 1). Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права (часть 2)».

При буквальном толковании ст. 1 УК РФ обнаруживается коллизия норм Конституции РФ и УК РФ. По Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором РФ установлены иные правила, чем определенные законом, то предусматривается применение правил международного договора (ч. 4 ст. 15). В УК РФ принципы и нормы международного права не определяются составной частью уголовно-правовой системы государства или частью уголовного законодательства. Предполагается их имплементация, то есть воспроизведение и конкретизация в Кодексе.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 5 от 10 октября 2003 года «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» разъяснил судам, что «международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом (например, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года, Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года). Исходя из ст. 54 и пункта «о» ст. 71 Конституции РФ, а также ст. 8 УК РФ уголовной ответственности в Российской Федерации подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации» (п. 6)³.

Опыт имплементации норм международного уголовного права в национальное уголовное законодательство не всегда оценивается положительно. Одной ссылки на обеспеченность нормы российского уголовного права конвенционными предписаниями недостаточно, чтобы в общественном мнении и профессиональном правосознании введенное правило признавалось правовым, в смысле правильным, единственно возможным.

¹ Заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Самарского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

² Иногамова-Хегай Л. В. Преступления международного характера // Российское уголовное право: курс лекций / А. И. Коробеев [и др.]. Владивосток, 2004. Т. 8: Международное уголовное право. С. 174.

³ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12. С. 5.

Так, в соответствии с Федеральным законом РФ от 27 июля 2006 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”» предусмотрена конфискация имущества, но не как наказание, а как иная мера уголовно-правового характера. В новой ст. 104 УК РФ конфискацией признано принудительное безвозмездное обращение по решению суда в собственность государства имущества, либо полученного в результате совершения преступления, либо используемого в преступных целях. Эта новелла законодателя сразу стала предметом критики, как и предыдущее решение — об исключении конфискации имущества 21 ноября 2003 года из системы наказаний и санкций статей Особенной части УК РФ.

В связи с установлением новых правил конфискации имущества законодателя обвиняют и в классовом подходе при определении уголовно-правовых последствий преступлений, поскольку в отказе от конфискации имущества как наказания видится, прежде всего, либеральное отношение к представителям класса собственников, и в нарушении принципа системного регулирования охранительных отношений нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства, где теперь одновременно регламентирована специальная конфискация. Кроме того, обращается внимание, что в отличие от наказания, для конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера не создано необходимых гарантий для предупреждения произвола при применении¹.

Отдельные примеры неуспешной адаптации норм международного права во внутригосударственном законодательстве — это не аргумент против международного уголовного права, а повод для размышлений о взаимодействии этих форм уголовно-правового регулирования. Актуальность проблемы взаимодействия внутригосударственного (национального) и международного уголовного права повышается в современных условиях глобализации преступности. Глобализация экономических и политических процессов обуславливает существенное схождение в криминальной ситуации многих государств, повышение организованности интернациональной преступности. Глобализация, а также возникшее как ответ на вызов явление антиглобализации являются социальными факторами динамики преступности.

Как верно отмечает О. Н. Ведерникова, с глобализацией связаны не только социальные, экономические и политические блага, но и «серьезные отрицательные последствия, в том числе: усиление неравенства между богатыми и бедными странами, рост нищеты, безработицы, финансовой и политической нестабильности в мире, потеря государством в условиях открытой экономики своей прежней регулятивной роли, утрату социальных ценностей, распространение потребительской идеологии, рыночного стиля жизни»². Такая совокупность условий продуцирует совершение преступлений самых разных видов. Что касается антиглобализма, то это движение сопряжено, прежде всего, с правонарушениями экстремистской направленности, в крайних своих проявлениях выражается в насильственном поведении.

Усиление процессов глобализации может привести к развитию событий, при котором будет исключен ме-

ханизм согласования воли разных государств, а значит, снизится значение или вообще будет уничтожено международное уголовное право. По оценке А. Г. Кибальника, относительно места и роли международного уголовного права уже существуют научно и политически обоснованные противоположные позиции, он называет их «глобалистская» и «антиглобалистская». В соответствии с первой точкой зрения выделяется стратегия движения от международного уголовного права к глобальному уголовному законодательству правового государства во всемирном масштабе. Суть второй позиции — в признании преимуществ национальной уголовно-правовой системы и отрицании положительного значения международного права³.

Выделенные варианты развития уголовно-правового регулирования в условиях глобализации преступности соответствуют космополитической и шовинистической стратегиям в отношении различных культур. Об этих стратегиях на VIII Международных Лихачевских научных чтениях говорил А. А. Гусейнов, называя их противоположными и деструктивными: «Первая игнорирует различия культур, вторая абсолютизирует их. <...> Эти опасные тенденции, однако, в одном отношении полезны: они обозначают края пропасти, уходя от которых только и можно достичь желанной золотой середины»⁴.

Уход от крайностей применительно к уголовно-правовому регулированию означает равно уважительное отношение как к национальным уголовно-правовым системам, так и к международному уголовному праву. Эффективная совместная деятельность государств по противодействию международным преступлениям и преступлениям международного характера возможна только при наличии базового соглашения, что принципы и нормы международного права осуществляются в соответствии с принципами суверенного равенства и территориальной целостности государств и принципом невмешательства во внутренние дела других государств, а также нормами внутреннего законодательства государств — участников международного соглашения.

Очевидно, статьи УК РФ должны быть приведены в соответствие с международными договорами, к которым наше государство присоединилось. Исключение коллизий между нормами всех уровней правовой регламентации обязательно при системном законотворчестве. Вместе с тем международные договоры не могут иметь прямого действия на территории России и не являются приоритетными по отношению к нормам внутригосударственного права.

Буквальное следование конституционному положению о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы, во-первых, невозможно, с учетом особенных методов регулирования в международном уголовном праве, где обычно отсутствуют уголовно-правовые санкции, и пробельности конвенционного регулирования, по сравнению с общей частью кодифицированного государственного уголовного закона. Во-вторых, непосредственное применение норм международного уголовного права представляет определенные угрозы. Когда идея приоритета норм международного права получает официальное признание государствами, и не только в связи с правовыми отношениями между государствами и другими участниками международной системы, но и в связи с внутригосударственным правовым регулированием, это объективно снижает значение кодификации национальных правовых норм.

¹ См., например: Институт конфискации имущества в законодательстве государств — членов Совета Европы и в российском законодательстве: материалы Междунар. семинара, 3–6 октября 2007 г. / отв. ред. С. В. Землюков. Барнаул, 2008.

² См.: Тогоидзе Н. В. Глобализация общей, организованной и коррупционной преступности (материалы круглого стола) // Государство и право. 2001. № 12.

³ См.: Кибальник А. Г. Международное уголовное право и национальные интересы России // Российский ежегодник уголовного права. СПб., 2006. № 6. С. 51.

⁴ Гусейнов А. А. Диалог культур: возможности и пределы // Диалог культур и партнерство цивилизаций: материалы VIII Междунар. Лихачевских науч. чтений, 22–23 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 66.

При этом допускается отступление от принципа законности при обосновании уголовной ответственности, что является угрозой для режима законности и государственного правопорядка. В соответствии со ст. 8 УК РФ никто не может быть привлечен к уголовной ответственности и осужден за деяние, не предусмотренное внутренним уголовным законодательством, в том числе и за преступление международного характера. И еще. Вывод о приоритетности международного права неизбежно связан с рекомендацией о выдаче лиц с российским гражданством для осуществления правосудия на территории иностранных государств Международным уголовным судом или другими судами. А это уже может расцениваться как угроза государственному суверенитету.

Нормы международного права не предназначаются для применения вместо национальных кодифицирован-

ных уголовных законов и не должны быть результатом навязывания воли одного или нескольких государств, или даже большинства государств. Унификация уголовно-правовых норм возможна лишь в той части, в которой договорятся представители государств, пользуясь правом свободного волеизъявления. Только путем диалога носители национальных правовых культур могут определить уравновешенную позицию по уголовно-правовым вопросам.

Хотя криминальная глобализация — явление новое, противодействие ему должно осуществляться посредством правил, создаваемых с учетом устоявшихся принципиальных положений национальных уголовно-правовых систем. В российском уголовном праве такими основополагающими идеями являются законность, справедливость, равенство граждан перед законом, принцип личной виновной ответственности, гуманизм.

В. В. Лапаева¹

ВЫБОР МОДЕЛИ ДЕМОКРАТИИ КАК ПРОБЛЕМА ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИИ

Вставшая перед постсоциалистической Россией проблема выбора модели демократического государственного устройства — это, по сути дела, проблема цивилизационного самоопределения страны, связанная с поиском ее места в формирующейся системе глобальных отношений. В той или иной мере с этой проблемой сталкиваются сейчас самые разные страны и народы². Но для нашей страны самоидентификация в новом глобализирующемся мире совпала по времени с трудным (без преувеличения — судьбоносным) выбором пути постсоциалистического развития, центральным звеном которого является выбор модели демократического государственного устройства.

Главная задача в политической сфере, которая стояла перед новой российской властью в 1990-е годы, — найти стык либерализма и демократии в отношении собственности, власти, партий и так далее — решена не была. Наш либерализм оказался верхушечным, недемократическим, ориентированным на свободу для некоторых и выросшим на обмане народа. Между тем в современных условиях либерализм без демократии обречен на перерождение в авторитарный режим власти.

Именно отсутствие стыковки либерализма и демократии породило концепцию *управляемой демократии*, которая понадобилась для того, чтобы оправдать усиление авторитарных тенденций, неизбежное в ситуации, когда общество не просто догадывается, а уже твердо убеждено в несправедливости итогов постсоциалистической приватизации (о чем свидетельствуют результаты многочисленных опросов общественного мнения). Однако довольно скоро концепция «управляемой демократии», как бы признающая некоторую свою ущербность, сменилась агрессивной идеологией суверенной демократии, которая сделала суверенную самобытность «предметом своей гордости. Она объявила, что никакой настоящей демократии и не бывает. А наша, настоящая и обманная, — во-

все не переходное и временное явление, а, напротив, новое слово в социальной истории человечества...»³

Термин «суверенная демократия» с теоретико-правовой точки зрения представляет собой эклектичную словесную конструкцию, искусственно стыкующую принадлежащие к разным категориальным рядам понятия *суверенитета* как верховенства и независимости государственной власти и *демократии* как формы правления, то есть способа организации и формирования этой власти⁴. Лукавство этой идеологии состоит в том, что ее авторы и сторонники, хорошо понимающие наличие существенных отличий сложившейся в стране формы правления от стандартов западной модели *либерально-правовой демократии*, маркируют самобытность отечественной «демократии» словом, обладающим большой притягательной силой.

Суть такой позиции состоит в оправдании авторитарного доминирования государства над обществом как самобытной особенности России, объективно обусловленной ее принадлежностью к евразийской цивилизации. Оппонировать подобным суждениям очень трудно, потому что они не только притупляют болезненность комплекса правовой неполноценности, но и как бы вписываются в правильную, на мой взгляд, стратегию перехода от политики так называемой «догоняющей модернизации» к выработке национальной модели модернизации, связанной с осознанием коренных национальных задач и поиском новых, прорывных путей их решения с учетом западного опыта, но на основе российской специфики⁵. Тем не менее ответственный подход требует признать, что если в условиях глобализации Россия (при всей своей специфике, с учетом этой специфики и с опорой на нее) не сумеет сделать выбор в пользу правовой демократии, она останется на обочине общецивилизационного развития.

Показательно, что сторонники концепции суверенной демократии говорят только о суверенитете государства,

³ Рогов К. Схватка между ненастоящими демократиями // Новая газета. 2008. 26–28 мая. С. 10.

⁴ Как справедливо отмечает С. А. Авакьян, «никакой особой связи государственного суверенитета и демократии не существует (в отличие от народного или национального суверенитетов). <...> Может быть, единственное толкование сочетания суверенитета и демократии — это правление народа посредством демократических институтов... тем самым государство становится защитником интересов народа, в том числе и на международной арене» (Авакьян С. А. Понятия «суверенитет» и «демократия» соединит воедино только подлинное народовластие // Российская газета. 2008. 28 окт.).

⁵ Там же. С. 178–179.

¹ Главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук.

² «Почти повсюду, — пишет известный американский исследователь С. Хантингтон, — люди вопрошают, переосмыслиют и переопределяют то, что у них общего и что отличает их от других людей» (Huntington S. Who are We? The Challenges to America's National Identities. N. Y., 2004. P. 12–13). Цит. по: Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / отв. ред. В. С. Степин. М., 2007. С. 172.

забывая более важное положение Конституции РФ о народном суверенитете. Между тем в конституциях подавляющего большинства демократических государств акцент сделан на признании народного суверенитета, потому что, согласно правовой концепции государства, государственный суверенитет — это лишь следствие народного суверенитета, уходящего своими корнями в право гражданина участвовать в управлении делами государства. Когда же понятие суверенной демократии связывают лишь с суверенитетом государства, то за этим, как верно подмечено, скрывается «попытка государства в очередной раз обрести полный суверенитет от российского демоса, не допустить его самоорганизации и превращения в гражданское общество, дабы оно не вздумало ему указывать»¹.

В предложенном В. Ю. Сурковым определении суверенной демократии как «образа политической жизни общества, при котором власти, их органы и действия выбираются, формируются и направляются исключительно российской нацией во всем ее многообразии и целостности ради достижения материального благосостояния, свободы и справедливости...»² акцент делается на фразе «*исключительно российской нацией*», на которую и приходится смысловая нагрузка эпитета «суверенная».

Эта фраза на первый взгляд звучит привлекательно для всех, кого не может не тревожить то обстоятельство, что «цветные революции», вспыхивающие по периметру российских границ, достаточно наглядно показали, что у Запада есть большие возможности для влияния на общественное мнение внутри молодых демократий и использования стандартов прав человека в качестве инструмента ограничения государственного суверенитета этих стран.

По этому поводу можно сказать следующее. Да, Запад действительно использует право как свое важнейшее достижение для давления на окружающий его мир (для чего уже создана целая система международных правоохранительных институтов, включающая суды и трибуналы). Но в то же время он ставит целью введение этого мира в правовые рамки. С точки зрения Запада в понимании демократии акцент должен делаться на том, что органы власти действительно выбираются, формируются и направляются *самими гражданами той или иной страны, реализующими свою свободную волю*, а не навязываются им за счет использования административного ресурса и политического давления (как внешнего, так и внутреннего). Запад будет признавать суверенность только того государ-

ства, органы власти которого сформированы и действуют на демократической основе.

Такое положение дел для России унижительно, а при каких-то поворотах событий, возможно, и опасно. Но в то же время оно соответствует потребности нашей страны в правовом развитии. Для нас самих право и правовая демократия являются жизненной необходимостью, у нас самих есть потребность в праве, причем уже вполне осознанная обществом, вскормленная долгим опытом бесправия и выросшим на его основе пониманием того, что свобода возможна только в правовых формах. Сейчас импульс движения российского общества к праву задавлен усталостью, разочарованием, чувством бессилия людей перед несправедливостью, а в итоге — перед неправовым по своей сути характером очень многих жизненно важных процессов — начиная от приватизации в сфере экономики и кончая созданием моделей разного рода управляемых и суверенных демократий в области социально-политических отношений.

Именно нереализованность этой потребности в праве делает постсоциалистические общества беззащитными перед разного рода политтехнологическими манипуляциями со стороны Запада. Но потребность в праве и правовой свободе и является именно объектом, а вовсе не результатом манипулирования, как это иногда пытаются представить. И чем острее та или иная неосуществленная жизненная потребность, тем уязвимей субъект этой потребности перед манипуляторами. Поэтому единственно возможный для нас выбор — это путь честного выстраивания такого правопорядка, который будет вписываться в принятые (в том числе и самой Россией) международно-правовые стандарты демократии.

В заключение хотелось бы отметить, что при разработке концепции российской демократии важно удержаться от соблазна простых решений сложных проблем, которые предлагаются с позиций авторитарно-силового подхода. Конечно, неприятно признавать, что в своем демократическо-правовом развитии Россия отстает от западных демократий. Гораздо легче заявить, что у нас свое самобытное право и своя особая суверенная демократия. Однако, говоря и действуя в этом направлении, мы, по сути дела, предопределяем такой цивилизационный выбор, который не вписывается в основной вектор движения человечества, в рамках которого «свобода индивида (ее мера, характер, содержание и т. п.) выступает в качестве главного критерия и основного итога достижений человеческой цивилизации на соответствующей ступени ее развития»³.

О. В. Мартышин⁴

РОЛЬ ИДЕОЛОГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Политическая и правовая культура как составная часть культуры общества складывается в основном естественным, эволюционным путем, представляет собой продукт длительного исторического развития, определяется условиями и традициями национальной жизни. В то же время государство небезразлично к политической и правовой культуре, пытается активно воздействовать на нее. В истории любого государства бывают периоды, когда это

воздействие особенно активно. Обычно они совпадают с крупными реформами и революциями, как удавшимися, так и неудавшимися.

В России последних трех столетий выделяется несколько периодов особой активности государства в формировании политической и правовой культуры:

— эпоха реформ Петра I, **покончившая с традиционным укладом Московской Руси**;

— николаевская эпоха, когда в качестве противоядия от освободительных идей, приведших к выступлению декабристов, была разработана теория официальной народности, просуществовавшая с незначительными изменениями до 1917 года;

¹ Клямкин И., Кутковец Т. Как нас учат любить Родину // Новая газета. 2006. 24–26 июля. С. 11.

² Сурков В. Ю. Национализация будущего // Эксперт. 2006. № 43 (537).

³ Нерсисян В. С. Право — математика свободы. М., 1996. С. 3.

⁴ Профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии, доктор юридических наук.

— советская эпоха, когда на основе коммунистического мировоззрения формировалась новая политическая и правовая культура;

— постсоветская эпоха, призванная решить те же задачи в принципиально изменившихся условиях.

Между названными этапами развития российской политической и правовой культуры имеются не только различия (порой очень существенные), но и преемственность, в одних случаях открыто провозглашаемая (петровский и николаевский абсолютизм), в других — отрицаемая, но выступающая как историческая неизбежность, груз традиций (советское время). С падением советского строя Россия вступила в период формирования новой политической культуры, которая и на сей раз не строится на голом месте и утверждается при активном участии государства.

Связь складывающейся в постсоветское время культуры с идеологией, пропагандируемой государством, может породить сомнения в связи с текстом ч. 1, 2 ст. 13 Конституции РФ 1993 года («В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной»). Эти положения в значительной мере носят публицистический характер. Любое государство, особенно современное, не может не прибегать к идеологическому обоснованию своей власти (Г. Моска называл это формулой власти). Каждая современная конституция выполняет определенные идеологические функции. Но в демократических государствах несогласие с признанными властью установками, если оно не представляет собой посягательства на основы существующего строя, не влечет уголовного наказания и любого иного ограничения прав. Видимо, именно это и хотели сказать авторы текста Основного закона РФ.

Идеологические принципы, положенные в основу Конституции РФ 1993 года, в известной степени явились продолжением тенденций, складывавшихся в годы перестройки. Упор делался на общечеловеческих ценностях. Особое место среди них занимали свобода, права человека, демократия, развитие институтов гражданского общества, плюрализм, гласность.

В период перестройки эти ценности, имеющие непосредственное отношение к политической и правовой культуре, мыслились в рамках коммунистического мировоззрения. Конституция 1993 года покончила с советской системой и коммунистической идеологией, поставив на первое место в перечне видов собственности частную собственность и не установив для нее никаких ограничений. В то же время идея общечеловеческих ценностей сохраняла значение, приобретя несколько иную форму «мировых стандартов». Последние распространялись не только на экономику, товары, но и на государственную и правовую систему, на политическую и правовую культуру.

Была выдвинута идея «современного государства», принципиально однотипного во всех «цивилизованных странах». Авторы текста Конституции видели цель в том, чтобы создать «современное государство» в России, руководствуясь мировыми стандартами. Они разработали возвращенную систему демократических институтов, принципов, свобод, не уступающую во многих отношениях либеральным режимам Запада. В этой системе есть, однако, одно чрезвычайно важное исключение. Это широкие полномочия Президента РФ, совершенно не сравнимые с компетенцией глав государств и правительств стран Запада, выводящие его из сферы действия принципа разделения властей и ставящие его над ветвями власти.

С позиций «мировых стандартов» это явление предстает как изъян демократии. Президентская власть не только по германскому, но и по французскому и даже по

американскому образцу, не говоря уже о парламентской республике, больше соответствовала бы критериям «современного государства». Но в этом отступлении от канонов сказалась политическая мудрость не составителей текста, а тех политических деятелей, которые были подлинными авторами конституции.

Широкие полномочия президента вывели власть из паралича, которым она страдала на рубеже 1980–1990-х годов, создали условия для реального выполнения государственных функций. Президент получил возможность во многом действовать независимо от кипения страстей в органах народного представительства. Сравнение политической ситуации в России и на Украине после изменения конституции этой страны, имевшего место в связи с избранием В. Ющенко президентом, свидетельствует в пользу российского варианта решения проблемы.

В целом идеология новой политической и правовой культуры при первом президенте России ориентировалась на мировые стандарты, декларировалось стремление как можно скорее воплотить их в жизнь. Ситуация несколько изменилась, когда меры второго президента по укреплению вертикали власти вызвали критику внутри страны и за рубежом. В этих условиях в политическую идеологию была внесена существенная поправка. Было заявлено, что руководствуясь общими принципами и идеалами демократии, Россия не может не считаться с национальными традициями и условиями.

Принципиально это правильная установка, применимая ко всем странам в зависимости от степени своеобразия их политической культуры и исторических обстоятельств. Споры возникают лишь в связи с реализацией этого принципа. Мысль о том, что в России должна сложиться совсем особая форма демократии, названной «суверенной», не приобрела широкой популярности и вызвала немало саркастических замечаний.

То что российскую наследственность не назовешь благоприятной с точки зрения демократии, не нуждается в доказательствах. Наша традиция — самодержавие и диктатура партии, легко склоняющаяся к личной диктатуре. В таких условиях демократическая культура сложиться не могла, и опыт постсоветской России об этом свидетельствует. Отсюда неизбежность переходных, несовершенных форм. Так называемая «суперпрезидентская республика» представляет такую форму. Концентрация власти способна повысить ее эффективность и оказаться, в конечном счете, благотворной, но сама по себе она ни в коей мере не содействует становлению демократических начал. В таких условиях исключительное значение приобретают методы осуществления власти, культивируемые ею традиции, пропагандируемые и отстаиваемые ею ценности.

Несмотря на преобладание начал единовластия, российская правовая и политическая традиция неоднородна. Отношение к ней не поддается однозначному определению. Именно поэтому важно решить, что из национальных традиций подлежит укреплению и развитию, что следовало бы отбросить, а что — преобразовать.

Ряд явлений, наблюдаемых в последние годы, ставит под сомнение демократическую ориентацию или, во всяком случае, противоречит ей. Эти явления непосредственно связаны с отношением к национальному культурному наследию и формированием новой политической и правовой культуры.

К их числу относятся:

1. Историческая мифология (выражение политолога И. Глебовой), выражающаяся в приукрашивании монархического прошлого, изображении отечественной истории до 1917 года как неуклонного роста благополучия, культуры, укрепления единства народа, поддержки власти с его стороны, утверждения прогрессивных начал во

всех сферах жизни; полное отрицание социально-экономической и особенно политической отсталости России, глубокого кризиса самодержавия. Применительно к государственно-правовым вопросам историческая мифология предлагается в двух модификациях — одни восхваляют так называемый «конституционный период», подавая его как логическое завершение эволюции русского абсолютизма, другие отстаивают самодержавие в чистом виде как единственную пригодную для России форму власти.

2. В связи с культом «России, которую мы потеряли» пропаганда резко отрицательного отношения ко всем русским революциям, отрицание их социально-экономической и политической обусловленности. В традиции «Вех» революции подаются как результат незрелости и злокозненности, «отщепенства» интеллигенции. Современная монархическая отечественная историография прибавила к этому лишь зарубежные правящие круги, власти, разведки и деньги. Какие бы то ни было положительные последствия революций не признаются. Многие сегодняшние отечественные монархисты склонны в советской истории выводить из-под огня критики только один период — Великой Отечественной войны, и только одно лицо — И. В. Сталина.

3. Неуклонно расширяющиеся и активизирующиеся внедрение православия в политическую и правовую культуру, наблюдающееся ныне не только в общественно-политической жизни, но и в теоретической юриспруденции. Религия как частное дело гражданина, церковь как важный институт общественной и нравственной жизни не устраивают многих ревнителей православия. Все громче раздаются призывы сделать православную церковь государственной, а православие — государственной идеоло-

гией. Сторонники этой точки зрения каждый день празднуют маленькие победы на намеченном пути.

4. Признание социального неравенства плодотворным, культ богатства, призывы не подавлять «активные слои» во имя справедливости. Популяризация идей элитизма, создания национально ориентированного «правящего слоя».

5. Наконец, провозглашение в качестве социально-политического кредо консерватизма, характерное для идеологов «Единой России» и находящее подтверждение в отмеченных выше положениях. Все это «идеологическое наполнение» позволяет отодвинуть на задний план или снять полностью проблемы социальной стратификации и справедливости.

Определение названных тенденций, за исключением приверженности «Единой России» консерватизму, как государственной политики может вызвать возражения. Но их пропаганда в средствах массовой информации, в значительной степени контролируемых государством, очевидна. Массовая пропаганда не может не влиять на состояние политической и правовой культуры. Правильно ли взятое направление? Разумно ли пытаться возродить в России XXI века в слегка измененной форме «теорию официальной народности», идеологию русского самодержавия? Во всяком случае напрашивается вывод, что эти идеи плохо вяжутся с принципами демократического, светского, правового и социального государства, зафиксированными в Конституции РФ 1993 года. Их полное осуществление в современных условиях едва ли возможно. Какой-то переходный период необходим, но он должен вести к провозглашенному идеалу, а не в противоположном направлении.

А. А. Моисеев¹

ЭКОНОМИКА И ПРАВО В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Глобализация является объектом исследования представителей обществоведческих и других наук практически всех государств: философов, экономистов и юристов-международников, историков, социологов, культурологов, экологов, географов, представителей технических наук. Разнообразие определений и характерных признаков глобализации, отмечаемых исследователями, поражает воображение своим многообразием. Однако, исследуя глобализацию как всеобъемлющий всемирный феномен, наука к настоящему времени так и не пришла к общепринятой позиции относительно этого общественно-исторического явления.

История возникновения глобализации

Как известно, термин «глобализация» был введен в научный оборот Р. Робертсоном, который впервые использовал его в 1983 году, а в 1992-м изложил основы концепции глобализации в своем исследовании «Глобализация, социальная теория и глобальная культура». С того времени применительно именно к международным экономическим отношениям стал широко использоваться термин «глобализация». Характерно, что основная масса всех научных исследований, посвященных глобализации, появилась только в начале 1990-х годов, после чего количество книг и статей по этой проблематике стало увеличиваться в прогрессии.

¹ Профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России (Москва), руководитель Центра международного права и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, доктор юридических наук.

Но возникновение глобализации не произошло мгновенно, в один исторический момент. Некоторые ученые считают, что зачатки глобализации можно обнаружить уже в эпоху античности. В частности, Римская империя была одним из первых государств, которое в VII–IV веках до н. э. утвердило свое господство над Средиземноморьем, что привело к глубокому переплетению различных культур и появлению местного разделения труда в регионах Средиземного моря.

Другие видят глобализацию прямым продолжением интернационализации капитала, начало которой отнесено к периоду Великих географических открытий земного шара XV века и устойчивого экономического роста в Европе XVI–XVII веков. Тогда было положено начало созданию «мировой экономики» в нескольких центрах становления европейского капитализма, во время проникновения европейцев в иные культуры, когда португальские, испанские, британские торговцы распространились по всему миру и занялись колонизацией Америки.

Третьи связывают возникновение глобализации с идеями немецкого философа И. Канта (1724–1804) относительно формирования мирового правительства как гарантии «обретения вечного мира».

Четвертые полагают, что глобализация появилась в XIX веке и была вызвана быстрой индустриализацией, которая привела к росту торговли и инвестиций между европейскими державами и США, а также к империалистической эксплуатации их колоний. Причем, по их мнению, в первой половине XX века процессы глобализации были прерваны двумя мировыми войнами и разделявшим их

периодом экономического спада. Их оппоненты, наоборот, считают, что мировые войны были исторически самым первым проявлением взаимозависимости и целостности мира — первоначальным опытом глобализации, а вторым подобным опытом — пришедшее на XX век становление техносферы — искусственной среды жизнедеятельности человека.

Однако все попытки определить период начала процесса глобализации не отвечают на ряд важных вопросов: почему, несмотря на существование с 1960-х годов термина «глобальные проблемы», термин «глобализация» не возник раньше, а только в 1990-е годы; чем отличается «глобализация» от таких понятий, как «государственная интеграция» и «интернационализация», «международное» и «межгосударственное сотрудничество», «международная кооперация» и т. п.; носит ли «глобализация» объективный характер; почему не назвать «глобализацией» все то, что относится к истории человечества или хотя бы к истории межгосударственного сотрудничества?

Для ответа на вышепоставленные вопросы попытаемся выявить общее, позволяющее установить начало отсчета для представления о процессе глобализации, его формах проявления и месте глобализации, занимаемом в истории развития человечества.

Западные ценности

Большинство исследователей увязывают развитие глобализации с экономическим развитием государств и, в частности, с распространением рыночных отношений. Начиная с 1980-х годов лидеры США и Великобритании Р. Рейган и М. Тэтчер стали проповедовать идеологию свободной рыночной экономики, утверждая, что простое распространение рыночных отношений способно уничтожить бедность и объединить культуры разных государств.

Как известно из академического курса, базовые экономические ценности западной цивилизации сводятся к «четырем свободам»: перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. При достижении упомянутых «свобод» национальные рынки товаров, услуг, капиталов и рабочей силы начинают активно сближаться. Далее возникают условия для создания межгосударственного экономического субъекта международного права, способного координировать внутреннюю и внешнюю политику государств в определенных сферах из единого центра, создавать механизмы прямого действия международно-правовых норм в государствах-членах и даже вводить единую валюту.

Вплоть до азиатского финансового кризиса 1997–1998 годов теоретики глобализации получали подтверждения правоты продвижения глобального рынка как приоритетной тенденции в современном мировом развитии. Действительно, в то время западный мир продемонстрировал способность развиваться на собственной основе и решающим образом влиять на основные общемировые тенденции, проводить собственную стратегию глобализации в мире, так называемую политику «вестернизации» по принципу *the West and the Rest*.

В работах отечественных ученых часто отмечается западочентричность глобальных процессов, которая выражается в «экспансии мирового капитализма». В зарубежной научной литературе глобализация в первую очередь рассматривается в связи с феноменом вестернизации как основного направления модернизации современного мира, глобального проникновения культуры евроатлантической цивилизации, распространения западного капитализма и западных институтов.

Возникают вопросы: где находятся истоки вестернизации, какова ее идеологическая основа? Отвечая на него, сразу вспоминается несколько позабытая концепция «золотого миллиарда». Безусловно, мы не устанавливаем

прямой аналогии между вестернизацией, глобализацией и «золотым миллиардом», но очевидно, что все эти концепции направлены на создание особых условий для граждан одних и тех же известных государств.

«Золотой миллиард»

Теория «золотого миллиарда» как целостная геополитическая, экономическая и культурная концепция образовалась в результате пессимистического признания ограниченности земных ресурсов и невозможности их распространения на все население планеты. Идеология глобализации из всего содержания концепции «золотого миллиарда» выделяет одну ее сторону — необходимость доступности ресурсов планеты для лидеров мировой экономики как наиболее приспособленных к мировому рынку, подразумевая, прежде всего, США и ведущие государства Европы.

Идеологи концепции «золотого миллиарда» исходят из того, что для благополучной жизни на Земле при оптимальном использовании ресурсов сырья и энергии достаточно только для 1 млрд человек. Численность населения планеты непрерывно растет: на начало 2007 года она составила 6,6 млрд человек.

Не является открытием, что «золотой миллиард» составляют в основном граждане США, Европы и Японии, а 80 % земного населения — из Азии, Африки, СССР, Латинской Америки. Этим странам, обладающим основной массой ресурсов, предписывается роль сырьевых колоний упомянутых государств, и функциональной ценности для избранного «миллиарда» они не представляют.

Западные специалисты справедливо считают, что удерживать простыми уговорами 6 млрд человек нищего населения практически невозможно. Согласно этой концепции, для сохранения высокого уровня потребления для своих граждан промышленно развитые государства должны экономическими и военными мерами держать остальной мир в промышленно неразвитом состоянии в качестве сырьевого придатка и зоны сброса вредных отходов. Меры по контролю над природными ресурсами Земли уже предпринимаются представителями Запада.

Термин «золотой миллиард» приобрел широкое хождение на Западе и стал означать население стран «первого мира», в основном входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (*Organisation for Economic Cooperation and Development — OECD*). Разумеется, в отличие от термина «глобализация» термин «золотой миллиард» не употребляется в официальных документах. Он, как правило, заменяется набором понятий и определений, а реальный смысл становится ясен из контекста.

Не удивительно, что вопреки Декларации Генеральной Ассамблеи ООН 1974 года об установлении нового международного экономического порядка, из декларативных программ ООН на 1990-е годы изъятые положения о суверенитете государств над их естественными и природными богатствами. Фактически ставится под сомнение принцип суверенитета государств над их территорией и ресурсами под предлогом избежания «риска разбазаривания сырья по национальным квартирам». Обладание Российской Федерацией огромными природными ресурсами также рассматривается как несправедливый исторический факт.

В чем же проявляется глобализация в настоящее время?

Экономика

Практически все ученые-обществоведы признают объективный характер глобализации, делая акцент именно на ее экономической составляющей, полагая, что сегодня именно в экономике связи между государствами становятся теснее, взаимная зависимость — жестче, а потребность в многосторонней координации — насущнее.

Экономическая наука выделяет пять основных направлений глобализации: финансовую глобализацию, интенсификацию мировой торговли, регионализацию экономики, развитие всемирных транснациональных корпораций (ТНК) и процессы сближения национальных экономик — конвергенцию. Развитие глобализации приводит к таким экономическим явлениям, как проницаемость межгосударственных границ для свободного движения финансовых потоков, перемещения товаров, услуг, технологий, рабочей силы, то есть к распространению правовых режимов наибольшего благоприятствования и национального режима в упомянутых сферах.

Странники глобализации отмечают целый ряд ее преимуществ. По их мнению, в отличие от протекционизма глобализация ослабляет предпосылки конфликтов, способствует миру во всем мире, установлению и укреплению демократии, развитию глобального гражданского общества, подотчетности властей и верховенству закона.

Всемирная торговля способствует «открытию» национальных границ, развитию производства, распространению западных стандартов потребления, быта, мировосприятия на другие государства. Благодаря глобализации произошел рост производительности в сельском хозяйстве, улучшилась сфера здравоохранения, при помощи технического прогресса разработано множество новых материалов, уменьшивших потребность в сырье, снижена материалоемкость в тех производствах, где заменить натуральное сырье на синтезированное не удалось. В то же время происходит быстрый рост добычи разведанных запасов полезных ископаемых.

Негативные стороны процесса экономической глобализации заключаются в том, что спекулятивная функция современного капитализма не просто начинает доминировать над конкурентно-производительной сферой общественной жизни, но и делает абсолютной ценностью мотив получения прибыли.

Глобализация в экономике приводит к неравномерности развития развитых и развивающихся государств, ведет к эксплуатации труда капиталом и расслоению общества: обогащению богатых и обнищанию бедных. В промышленных отраслях политику производства определяет достаточно узкий круг высокопрофессиональных специалистов и интеллектуалов, что порождает элитарность как организующий принцип экономической жизни.

В условиях глобализации работодатели нуждаются в наиболее продуктивных сотрудниках, что напрямую связано с уровнем образования. Инвесторы вкладывают капитал туда, где от него можно получить максимальную отдачу. В условиях информационно-технологической революции претендовать на достойное место могут лишь государства, граждане которых обладают достаточно высоким уровнем образования.

Транснациональные корпорации

Наиболее активными субъектами глобальных экономических отношений являются транснациональные корпорации (ТНК). Процесс глобализации упрощает взаимоотношения ТНК с правительствами государств, заставляет компании оптимизировать управление, активно вовлекать новые технологии, увеличивать объемы, скорость и интенсивность трансгосударственного перемещения капиталов, информации, услуг и человеческих ресурсов и, таким образом, оптимизировать возможности компаний из разных государств на мировом рынке.

Никогда в истории частные компании не были столь финансово могущественными. Финансово слабые государства попадают под прессинг ТНК и становятся их жер-

твами, отдавая рычаги экономического управления индустриально развитому Западу.

В результате деятельности десятков тысяч ТНК и сотен тысяч их дочерних филиалов мировая экономика функционирует как единая экономическая система, глобальный организм с развитой сетью мировых коммуникаций, всемирным Интернетом. Эффективная деятельность ТНК связывается с гибким подходом этих компаний к работе на национальных рынках и высокой компетентностью их сотрудников. ТНК используют в конкретном регионе мира наиболее подходящие условия для бизнеса, учитывая состояние социальной и промышленной инфраструктуры, производственные стандарты и национальное законодательство, квалификацию рабочей силы, уровень ее социальной защиты и оплаты, паритет покупательной способности национальной валюты, ее обменный курс и соотношение с твердыми валютами, близость к источникам сырьевых ресурсов и даже климатический фактор.

ТНК диверсифицируют свой процесс производства, чтобы падение стоимости одной составляющей компенсировалось ростом другой, и сбывают свою продукцию на международном рынке, планомерно выстраивая спрос и предложение. Суть возникшего в связи с этим противоречия заключается в том, что руководство ТНК в своем устремлении получать сверхприбыли утрачивает чувство гражданской ответственности, демонстрируя безразличие к судьбам не только конкретных народов, но и человечества в целом.

Неправильно было бы отгораживаться от глобализации лишь на том основании, что она основывается на западных принципах построения бизнеса через «сетевые структуры», менеджмент, производство и распределение. Сегодня глобализация уже существует, и государствам для благополучного существования необходимо активно в ней участвовать и влиять на международные процессы.

Коммуникации и человеческий фактор

К концу XX века был достигнут принципиально новый уровень информационного охвата планеты. Благодаря информационной революции мир сжался, стал доступным, проницаемым и информационно тесным. Стремительное развитие телекоммуникаций и информационных инфраструктур способствовало усилению взаимосвязанности мира.

В условиях глобализации распространение информации преследует вполне понятные задачи обеспечения «идеологии глобализации» как совокупности взаимосвязанных установок, призванных обосновать преимущества и неизбежность тенденций, направленных на объединение мира под руководством его цивилизованного центра, под которым так или иначе подразумеваются государства Запады. Глобализация — это не только то, что существует на самом деле, но и то, о чем людям предлагают думать и что они думают о происходящем и его перспективах. Как и любая идеология, идеология глобализации фальсифицирует мировоззрение, она направлена на сокрытие конкурентного противостояния региональных центров сил — Северной Америки, Западной Европы и Восточной Азии.

В результате государства получают распространение пиара, мощный поток рекламы во всех СМИ, размывание четких различий между информацией и рекламой, уверенность управленцев, менеджеров, представителей СМИ, что все проблемы можно решить «промывкой мозгов».

Идеология глобализации развивается в условиях духовного кризиса, когда общечеловеческие ценности перестают играть роль регуляторов социальной жизни, размываются понятия добра и зла применительно к общественному прогрессу. Реальный мир пытаются заменить фикциями потребительской культуры.

Не секрет, что концентрация экономической мощи часто преобразуется в контроль над СМИ, который становится ступенькой на пути к власти, а приобретенная власть часто используется для дальнейшего укрепления экономической мощи и так далее по замкнутому кругу.

Ценности западного общества хорошо известны: они связаны с культом потребления и приобретательства, желанием господствовать над природой ради удовлетворения своих потребностей. Торжество прагматизма, рациональности, «профессионализма» как высших добродетелей общества приводит к снижению общего нравственного уровня. В подобной конструкции мира цели развития оказываются подчиненными корыстным интересам финансовой олигархии, стремящейся унифицировать и стандартизировать человеческий интеллект, превратить его в «производительные силы» и основной источник экономического роста.

Глобализация лишь тогда сможет избавиться от негативных социальных последствий современного мира, когда люди изменят свои жизненные ценностные ориентиры с принципа «иметь» на «быть», поставив в центр своих приоритетов социальное развитие личности, самобытность, творческий потенциал, профессиональное мастерство каждого человека.

Начало глобализации

Отвечая на вопрос, какой исторический момент следует считать началом глобализации, вспомним, на смену чему пришла глобализация, что происходило в мире до 1990-х годов. Ответ простой — международное сообщество находилось в биполярном противостоянии, в состоянии конфронтации между капитализмом и социализмом, которая закончилась развалом СССР 26 декабря 1991 года.

Уже 22 мая 1992 года Россия вступила в Международный валютный фонд и Всемирный банк. 17–19 июля 1995 года в Женеве прошло первое заседание Рабочей группы по присоединению России к ВТО. Кроме этого, важно учитывать, что всемирная сеть Интернет стала общедоступной только с 1991 года, несмотря на то что предшественник Интернета — сеть ARPANET — появился еще в 1969-м.

Другими словами, если ранее международное сообщество было идеологически и экономически разделено на два полюса, то с начала 1990-х годов правила рыночной экономики приняла и «одна шестая часть суши» — бывшие республики СССР. Мир стал экономически единым или глобальным. В связи с этим согласимся, что глобализация — это «воспроизведение в мировом масштабе того, что в XIX столетии национальный капитализм создал в отдельных странах». Все другие глобальные признаки, относящиеся к более ранним периодам истории, упоминания о которых встречаются в научной литературе, носят характер предпосылок глобализации. Таким образом, в 1990-е годы на большей части планеты утвердился новый международный экономический порядок, получивший название «глобализация».

Государства в условиях глобализации

Какова же роль государства в современных международных отношениях, как она преобразовывается? Угрожает ли глобализация суверенному государству и национальным экономикам?

С помощью СМИ продвигается идея о том, что глобализация открывает эпоху отмирания национальных государств, которые не вписываются в современную ситуацию и противоречат логике развертывания мировых процессов; идея о неизбежном превращении граждан государств в «граждан мира», объединенных в мировое «гражданское общество» с единым правительством.

Мировой порядок уже не вращается вокруг оси национальных государств, как это было со времен вестфальской системы, что принуждает правительства суверенных государств вырабатывать новую стратегию поведения в сверхвзаимозависимом мире. Однако государства сохраняют суверенитет над своей национальной территорией и статус основных субъектов международного права со времен Вестфальского мира 1648 года, приспособив свои функции и возможности к условиям и вызовам глобализации.

Государства перестали быть единственными влиятельными субъектами международных экономических отношений. Активизировалась деятельность частных компаний, крупных ТНК, увеличилось влияние неправительственных международных организаций, защищающих демократические интересы гражданского общества. Меняются функции государств: например, в связи с облегчением условий перемещения капиталов и свободной миграции физических лиц правительства вынуждены усиливать свои возможности в части контроля за перемещением капиталов и граждан¹.

Определение глобализации

Глобализация — это объективный исторически обусловленный процесс, начавшийся после окончания биполярного мироустройства в 1990-е годы, характеризующийся восприятием и тотальным распространением рыночных ценностей западной цивилизации; расширением частных транснациональных потоков товаров, услуг, капиталов, технологий, информации, знаний и рабочей силы через межгосударственные границы; повышением регулирующей роли международных финансовых и экономических организаций под воздействием политики либерализации и научно-технического прогресса, при сохранении универсального значения международного права.

Перспективы глобализации и Россия

Из истории известно, что именно на перепутьях водных и сухопутных торговых путей возникали все успешные города. Как известно, кратчайший путь между самыми быстроразвивающимися регионами Западной Европы и государствами Тихоокеанского региона лежит через Российскую Федерацию. Расположение России между Востоком и Западом является существенным экономическим ресурсом государства. Развитие транссибирской транспортной системы России — транссибирская железнодорожная и воздушная магистрали, Северный морской путь — должно стать одним из центральных звеньев глобальной экономики. В современном глобальном мире развитие России мы связываем с традиционным сохранением ее суверенного статуса как равноправного партнера, а не сырьевого придатка других государств.

¹ Например: Федеральная миграционная служба России: Постановление Совета Министров — Правительства РФ от 15 февраля 1993 г. № 124 «О реорганизации подразделений виз, регистраций и паспортной работы милиции в паспортно-визовую службу органов внутренних дел»; Федеральная служба по финансовому мониторингу: Указ Президента РФ от 1 ноября 2001 г. № 1263 «Об уполномоченном органе по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем».

Л. А. Нудненко¹**ПРАВО НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ
КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Правовая культура неразрывно связана с отдельной личностью, реализацией конституционных прав и свобод, выполнением конституционных обязанностей. Правовая культура общества складывается из правовой культуры каждой личности, ее правовой активности, степени использования предоставленных ей прав и свобод в экономической, политической и социальной сферах. Благодаря такой активности граждане обеспечивают себя и общество материальными и духовными благами, создают необходимые условия для эффективного действия политико-правовых сфер общества. При этом каждый индивид должен обладать глубокими правовыми знаниями, иметь возможность получать квалифицированную юридическую помощь и активно бороться с правонарушениями, допускаемыми другими лицами².

В полном соответствии с международными обязательствами и процессами глобализации правовых систем Конституция РФ в ч. 1 ст. 48 закрепляет право каждого на получение квалифицированной юридической помощи.

В юридической литературе высказано мнение о том, что формулировку ст. 48 Конституции РФ нельзя признать удовлетворительной, поскольку в ней не указаны органы, обязанные предоставлять квалифицированную юридическую помощь. Думается, что круг субъектов оказания квалифицированной юридической помощи вполне может быть детализирован текущим законодательством. Из содержания федерального законодательства РФ вытекает, что квалифицированную юридическую помощь кроме адвокатов обязаны оказывать сотрудники юридических отделов организаций, органов государственной власти и местного самоуправления, юридических фирм, а также нотариусы и патентные поверенные, чья деятельность хотя и направлена на оказание юридической помощи, но в силу закона не является адвокатской.

Согласно пп. **д п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах** от 19 декабря 1966 года каждый имеет право при рассмотрении любого предъявленного ему обвинения защищать себя лично или через посредство выбранного им защитника. Если он не имеет защитника, то должен быть уведомлен о праве иметь назначенного ему защитника.

Право на самостоятельный выбор адвоката (защитника) не означает право выбирать в качестве защитника любое лицо по усмотрению подозреваемого или обвиняемого и не предполагает возможность участия в уголовном процессе любого лица в качестве защитника. Закрепленное в ст. 48 (ч. 2) Конституции РФ право пользоваться услугами адвоката не может быть истолковано в отрыве и без учета положений ч. 1 этой же статьи, которая гарантирует квалифицированную юридическую помощь.

Гарантируя право на получение именно квалифицированной юридической помощи, государство должно, во-первых, обеспечить условия, способствующие подготовке квалифицированных юристов для оказания гражданам различных видов юридической помощи, в том числе в уголовном судопроизводстве, и, во-вторых, установить с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования и критерии.

Возможность пользоваться помощью адвоката для каждого задержанного, заключенного под стражу, обвиня-

емого в совершении преступления возникает, соответственно, с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ст. 48 Конституции РФ).

Возникает вопрос: каковы формы общения адвоката с клиентом? Практика Европейского суда по правам человека в отношении возможностей, которыми должен располагать адвокат, уточняет, что по общему правилу адвокат должно быть разрешено беседовать с клиентом без свидетелей. Контроль за контактами адвоката с клиентом-обвиняемым не совместим с правом на получение эффективной помощи адвоката. Вместе с тем нельзя утверждать, что право обвиняемого беседовать со своим защитником и обмениваться с ним инструкциями и конфиденциальной информацией не может быть подвергнуто ограничениям. Однако такие ограничения не должны наносить ущерб самой сути данного права, а значит, и принципу справедливого судебного разбирательства³.

Весьма актуальной является проблема границ или пределов права личности на квалифицированную юридическую помощь. Из практики Европейского суда по правам человека в понимании этого вопроса можно выделить принцип, согласно которому обвиняемый не располагает неограниченным правом использовать для своей защиты любые аргументы. Понятие «право на защиту» будет сверх меры расширено, если допустить, что обвиняемый получит возможность умышленно возбуждать необоснованное подозрение в отношении свидетеля или любого другого лица, участвующего в судебном разбирательстве. Возможность в последующем привлечь за это к ответственности обвиняемого не означает умаления права на защиту⁴.

Весьма важной является проблема оплаты квалифицированной юридической помощи, которая, как правило, стоит довольно дорого. Однако если у обвиняемого нет средств для оплаты услуг адвоката, ему должна быть предоставлена возможность воспользоваться услугами защитника бесплатно.

Государство, провозглашенное Конституцией РФ социальным, обязано создать условия, при которых реализация права на доступ к правосудию не будет зависеть от личной правовой осведомленности человека или его финансовых возможностей.

Вместе с тем в практической реализации права на бесплатную юридическую помощь есть существенные трудности. Многие юридические консультации сельских районов почти всех субъектов РФ из-за бедности населения дотируются из фондов адвокатских коллегий. Примерно в 200 районах адвокаты вообще отсутствуют. Для проведения защиты по назначению президиумы адвокатских коллегий командировывают адвокатов из соседних районов или областного центра. В результате отдельные граждане не имеют возможности получить квалифицированную юридическую помощь. В связи с этим в юридической литературе высказана мысль о целесообразности принятия федерального закона о гарантиях квалифицированной юридической помощи малоимущим лицам⁵.

¹ Профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия (Москва), доктор юридических наук.

² См.: *Сырых В. М.* Теория государства и права. М., 2004. С. 144.

³ Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под общ. ред. В. А. Туманова, Л. М. Энтина. М., 2002. С. 95.

⁴ См.: Там же.

⁵ *Хоруженко О. В.* Организация адвокатуры и адвокатской деятельности // Российское правосудие. 2007. № 3. С. 94.

С. В. Поленина¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНВЕРГЕНЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

В специальной литературе, и не только юридической, нет какого-либо устоявшегося понятия глобализации. На наш взгляд, глобализацию можно охарактеризовать как макромасштабный многоплановый внутренне противоречивый процесс нарастания общего в элементах мировых экономических, социальных и правовых систем².

Как известно, наиболее явно процессы глобализации проявили себя в сфере экономики и коммуникационно-информационных процессов, с положительными и отрицательными последствиями чего мир смог основательно познакомиться в условиях нынешнего финансового кризиса.

Применительно к праву наиболее заметным проявлением процесса глобализации следует назвать конвергенцию правовых систем стран, входящих в различные так называемые «правовые семьи». Понятие «конвергенция» охватывает в данном случае сближение источников и форм права, стирание различий между структурой отраслей и институтов права, а также законодательства, методы формирования и формы проявления индивидуально-го и коллективного правосознания граждан.

Влияние конвергенции на право весьма противоречиво. Оно может иметь положительный эффект в вопросах внедрения таких прав и свобод человека, как право собственности, и в то же время препятствовать, как это имеет место в России, реализации конституционного требования (ст. 7 Конституции РФ) построения не просто правового, а подлинно *социального* государства, создающего не на словах, а на деле условия, обеспечивающие достойную жизнь и свободное развитие каждого человека.

В связи с этим в правоведении все более отчетливо проводится разграничение «ценностно необремененных», транснациональных сфер права, в которых глобализация протекает в форме конвергенции — с одной стороны, и «ценностно обремененных», локальных сфер, в которых процессы конвергенции, а тем более унификации права, не протекают или, во всяком случае, крайне затруднены на практике — с другой³.

Очевидно, проблема правового положения женщин, правового равенства мужчин и женщин относится к «ценностно обремененной» сфере в праве, так как лежит в глубинных основах общественной морали. Она представляет собой их генетический элемент, в том числе формирует идеологию конкретного общества, составляет основы его самоидентификации, культурной самобытности.

Радикальная смена отношения к женщине как субъекту права, как предполагалось, должна была произойти с принятием по итогам Второй мировой войны и победы над фашизмом в середине XX века Устава ООН, подтвердившего в числе прочих гуманистических ценностей приверженность государств — членов ООН утверждению веры в равноправие мужчин и женщин. А также с принятием Всеобщей декларации прав человека, провозгласившей свободу и равенство всех людей в своем достоинстве и правах. Однако последующая практика во многом не оправдала этих надежд.

Причину этого, с нашей позиции, следует не в последнюю очередь искать в закономерностях развития права и правовых систем разных государств мира. Так, сегодня исследователи все чаще отмечают, что явления конвергенции и заимствований в правовых системах носят ограниченный характер. Наиболее «неконвергентные» (а точнее — наименее склонные к конвергенции) сферы и институты права, по данным компаративистов⁴, — уголовное и семейное право — сферы, в которых сильно проявляется влияние культуры и традиций. Тогда как, например, институты экономической природы все больше приобретают поистине глобальный характер, формируют существенно унифицированный массив, стимулирующий процессы глобализации.

Идея гендерного равенства, впервые провозглашенная в преамбуле Устава ООН и ст. 1 Всеобщей декларации прав человека, на протяжении второй половины XX века постепенно наполнялась все более конкретным содержанием на международном и национальном уровнях.

В 1954 году вступила в силу Конвенция ООН о политических правах женщин, закрепившая на международном уровне необходимость наличия у женщин активных и пассивных избирательных прав, а в 1958-м — Конвенция о гражданстве замужней женщины. Впервые на международном уровне было провозглашено, что ни заключение, ни расторжение брака кем-либо из граждан страны с иностранцем, ни перемена гражданства мужем во время существования брачного союза не будут отражаться автоматически на гражданстве жены. Кроме того 14 декабря 1960 года была принята Конвенция ООН о борьбе с дискриминацией в области образования.

Следующим важным этапом создания международного антидискриминационного стандарта гендерного равенства явилось принятие в один и тот же день — 16 декабря 1966 года — двух Международных пактов — о политических и гражданских правах и об экономических, социальных и культурных правах. Оба международных пакта гарантировали женщинам и мужчинам равные политические и гражданские права, а также равенство в социальных, экономических и культурных правах. Эти международные документы имеют много общего, в том числе и потому, что носят персонцентристский характер.

Дело в том, что они представляют собой хартию прав индивидуума — отдельно взятого человека и гражданина. Вопрос о возможности закрепления в качестве норм международного права стандартов правового статуса тех или иных групп населения, вычлененных по присущим им общим признакам (социальным, национальным, возрастным, половым и т. п.), долгие годы не только отрицался — сама постановка его тем или иным государством или группой государств трактовалась, в том числе на форумах ООН, как пропагандистская акция.

Жизнь постепенно ломала догму об исключительно индивидуальном характере прав человека. Нарождалось третье (после политических, гражданских и социально-экономических прав) поколение прав человека, охватывающее права тех категорий людей, которые по социальным, политическим, физиологическим и иным причинам не имеют равных с другими гражданами возможностей осуществления общих для всех людей прав и свобод и в силу этого нуждаются в определенной поддержке со стороны как государства, так и международного сообщества в целом.

¹ Заведующая сектором общей теории и социологии права Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук информации, информационных процессов и технологий, заслуженный юрист РФ.

² См.: Теоретические и практические аспекты развития правовой системы РФ в условиях глобализации / С. В. Поленина [и др.]. // Государство и право. 2005. № 12. С. 12.

³ См., например: Michaels R. Two paradigms of jurisprudence // Michigan Journal of International Law. 2006. Vol. 27. P. 1005.

⁴ Ibid.

Круг носителей таких коллективных прав достаточно широк. Он охватывает, в частности, молодежь и пенсионеров, инвалидов и безработных, беженцев и лиц некоренной национальности. Однако в эпицентре этого круга стоят женщины, поскольку они не только нуждаются в особой защите со стороны государства, так как в силу причин физиологического характера не имеют равных с мужчинами возможностей осуществления общих для всех людей прав человека, но и могут быть одновременно подростками, престарелыми, инвалидами, беженцами, безработными и т. д. Иными словами, ущемленными в реализации прав и свобод по этим основаниям¹.

Переломным моментом в деле защиты на международном уровне не только индивидуальных, но и коллективных прав граждан и одновременно создания исходной базы международного стандарта гендерного равенства явилось принятие в декабре 1979 года Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. В ней дано определение понятия «дискриминация в отношении женщин» и указывается, что не являются дискриминацией по признаку пола временные специальные меры, имеющие целью выравнивание возможностей женщин и мужчин: например, квотирование при приеме на работу, предоставление льгот предпринимателям, принимающим на работу женщин с малолетними детьми и т. д.

Во исполнение решений Всемирной конференции по правам человека (Вена, 1993), провозгласившей, что права женщин и девочек являются неотъемлемой, составной и неделимой частью всеобщих прав человека (ст. 18). В том же 1993 году Генеральной Ассамблеей была принята Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, которая до сих пор еще, несмотря на неоднократные требования мировой женской общественности, так и не переработана в конвенцию ООН.

ООН провозгласила **XXI век Веком демократии и женщин**. Однако сами по себе международные стандарты гендерного равноправия не способны изменить сложившиеся веками в повседневной жизни и получившие закрепление в культурных и религиозных догматах народов положение. С тех пор, как человеческие общества и культуры стали взаимодействовать и сравнивать себя друг с другом, положение женщин и детей, а также ритуалы, связанные с сексом, женитьбой и смертью, занимают особое место в том, как культуры воспринимают друг друга.

Не только такие межкультурные сравнения, но и «женский трафик» — то есть обмен женщинами, производившийся мужскими представителями человеческого рода с помощью бартера, женитьбы, войн и завоеваний, — повсеместно были устойчивыми чертами большинства известных нам обществ². В этих условиях понятно стремление ряда культурных, этнических и конфессиональных групп и сообществ максимально отстранить государство от регламентации семейной и личной жизни граждан, обособив ее в некую частную сферу, отделенную от сферы общественной.

Дополнение, как указывалось выше, строго персонцентристской ориентации развития международного права в первые десятилетия после создания ООН социалистическими конвенциями и декларациями в конце **XX века** отнюдь не означало, что весь мир принял к руководству и соблюдению *обе (индивидуальную и коллективную) концепции прав человека* без каких-либо оговорок. Тем более что они базируются на внутренне противоречащих друг другу социокультурных установках, национальных обы-

чаях, традициях и исповедуемой большинством населения той или иной страны религии.

Казалось бы, мусульманский мир, религиозные представления которого базируются во многом на коллективистских началах, должен был бы безоговорочно поддерживать ту часть международно-правовых документов, которые носят социалистический характер. Однако именно закрепленные в Конвенциях ООН 1979 года (о правах женщин) и 1989 года (о правах ребенка) права женщин и детей относятся согласно шариату к числу так называемых прав личного статуса (брак, развод, наследование, опека над детьми и т. д.). При этом личный статус считается одной из сторон религиозной принадлежности индивида, частью свободы вероисповедания, которая предполагает и свободу регулирования личного статуса в соответствии со сложившейся в той или иной конфессии нормой. Соответственно, споры по поводу личного статуса в мусульманских странах (а также и Израиле) не подлежат компетенции государственным судам, а разрешаются религиозными судами.

В этих условиях понятно, почему целый ряд азиатских и африканских государств, ратифицируя Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 года, сделали большое число весьма существенных оговорок и заявлений, часть которых была, правда, снята в дальнейшем.

В результате, по данным ООН, к лету 1996 года Конвенция 1979 года была ратифицирована 161 государством. На тот период она была вторым по масштабам участия договором о правах человека, но вместе с тем она оказалась договором, по отношению к которому государства-сторонники высказали наибольшее число весьма существенных оговорок (54).

Особые возражения со стороны мусульманских государств вызвала ст. 2 Конвенции — центральная с точки зрения предмета и целей документа. Пункт «д» этой статьи обязывает государства, присоединившиеся к ней, отменить все положения уголовного законодательства, которые являются дискриминационными в отношении женщин, в том числе основанную на нормах Корана смертную казнь за убийство, вероотступничество (а также совершенные порочащих ислам действий) и внебрачные сексуальные отношения.

Уходящее в глубину веков, такое дискриминирующее женщин положение во многом сохранилось и поныне. При анализе трудностей, связанных с сосуществованием разных культур, наукой выявлено 12 практик, особенно часто вызывающих у их представителей противоположную оценку. Из них 7 (то есть больше половины) касаются положения женщин в различных культурных сообществах. Это женское обрезание, полигамия, браки в пределах запрещенных степеней родства, исламский запрет на участие девочек в совместном с мальчиками занятии спортом и плаванием, браки по договоренности, исламское указание, чтобы девочки и женщины носили головной платок (хиджаб)³.

В начале **XXI века проблема взаимодействия правовых систем мира** приобрела, как известно, резкую конфликтность. Наряду с терроризмом, наркобизнесом, компьютерной преступностью, торговлей людьми и другими отрицательными проявлениями охватывающих все большее число государств глобализационных процессов, неожиданную остроту приобрели вопросы национальной культурной идентичности каждого отдельного человека, а также тех или иных вычислений по этому признаку общности людей. При этом первостепенная роль и функция традиционной константы в иерархии идентичности,

¹ Поленина С. В. Закон и коллективные права женщин как социального слоя населения // Теория права : новые идеи. М., 1995. С. 4–5.

² Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. С. 98–100.

³ Parekh B. Rethinking Multiculturalism Cultural Diversity and Political Theory. Cambridge, 2000.

как и во многие другие периоды истории человечества, по-прежнему принадлежит религии.

Между тем, по мнению Беназир Бхутто, которое она незадолго до своей смерти изложила в вышедшей в 2008 году в Нью-Йорке книге «Примирение. Ислам, демократия и Запад», ислам как религиозное учение вполне совместим с демократией. Б. Бхутто считает парадоксальным тот исторический факт, что с течением времени ислам становился все менее терпим, а христианство, отличавшееся на первых порах сильной доктринальной нетерпимостью, превратилось в толерантную религию.

При этом, в то время как теоретически ислам вполне совместим с демократией, на практике в большинстве мусульманских стран господствует та или иная форма авторитаризма. Во главе большинства мусульманских государств, отмечает Б. Бхутто, стоят силы, не заинтересованные в развитии свободы и демократии, предоставлении населению гражданских прав и совершенствовании юридической системы. Огромную роль играет в этом процессе пренебрежение к правам женщин. Сохранение гендерного неравенства — одна из неясных целей политики, проводимой во многих исламских государствах. К этому добавляется притеснение бедных и неграмотных, среди которых также большинство женщин¹.

В то же время современная мусульманская мысль по этим вопросам не стоит на месте, учитывая происходящие в мире изменения.

Это нашло отражение во Всеобщей исламской декларации прав человека, провозглашенной Исламским советом Европы в 1981 году, и в Декларации прав человека в исламе, одобренной на исламской конференции в Каире в сентябре 1990-го. Правда, на этом основании существенных подвижек в сторону либерализма в вопросах прав человека в мусульманских странах ожидать едва ли можно. Ведь согласно ст. 24 Декларации 1990 года: «Все права и свободы, закрепленные в настоящем документе, ограничены нормами шариата», а ст. 25 этого документа провозглашает, что «Исламский шариат является единственным источником для толкования любой из статей настоящей декларации»².

Особенно безнадежно с учетом названных и других норм Декларации выглядят надежды на изменение в сторону свободы и гендерного равенства личного статуса мусульманских женщин. Это так, поскольку семейное законодательство большинства исламских государств, с одной стороны, признает за женщиной личные свободы и социальные права, а с другой — признает равноправие жен-

щин с мужчинами лишь при условии выполнения женщинами своих семейных обязанностей и соблюдения требований исламской этики в отношении защиты ее чести и достоинства.

Тем не менее определенные положительные шаги со стороны отдельных мусульманских стран по пути сближения основных концепций прав человека имеют место. Из газет мы узнаем, что в тех или иных странах, расположенных вокруг Персидского залива, женщинам предоставлено избирательное право, хотя им по-прежнему не дозволяется управлять автомобилем.

К сожалению, далеко не всегда меняет к лучшему судьбу женщин-мусульманок и эмиграция в демократические страны Запада.

При всех условиях следует согласиться с мнением заместителя министра иностранных дел РФ А. Яковенко по поводу того, что глобализации в отношении прав человека достичь трудно. Такой вывод он сделал по завершении в Женеве так называемого сегмента высокого уровня первой сессии Совета ООН по правам человека летом 2006 года. По мнению А. Яковенко, работа сессии показала, что различия существуют не только между нациями и народами, но и на региональном уровне. И игнорирование региональных различий может оказаться контрпродуктивным, что особенно ярко видно при попытке механического перенесения даже самой «прогрессивной» модели в условия, к которым она не приспособлена или вообще не применима. Так, оказалась неудачной попытка перенести без изменений богатый опыт Совета Европы по установлению правозащитных стандартов и соблюдению прав человека на международном уровне в американский регион. В Африке в этом смысле ситуация несколько иная: с учетом американского опыта на континенте удалось создать собственную систему, основанную именно на широком понимании культурного и исторического разнообразия, существующего в регионе³.

Россия и населяющий ее народ, рассмотренные под углом зрения национально-культурной идентичности, представляют собой специфическое государственное образование, которое создавалось на протяжении веков и сохранилось в значительной своей части, несмотря на разрушительные действия либеральных псевдореволюционеров в 1990-х годах.

В этих условиях крайне важно добиваться проведения оптимальной национально-культурной политики в РФ — светском государстве, в котором согласно Конституции «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст. 14).

И. В. Попов⁴

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СУД КАК ИНСТРУМЕНТ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ

Проблема трансграничного загрязнения природной среды и опасность возникновения вследствие этого межгосударственных конфликтов имеет глобальный характер. В мире регулярно происходят аварии, влекущие тяжелые экологические последствия. Так, в апреле 2009 года на ни-

келевом заводе бразильской компании «Вале Инко», расположенном на тихоокеанском острове Новая Каледония, принадлежащем Франции, в результате аварии в окружающую среду вылилось около 5 тыс. л серной кислоты, которая стекла в Северную бухту. Погибло множество рыбы и ракообразных. Местные власти объявили режим чрезвычайной ситуации⁵.

Реалии таковы, что загрязнение природы в какой-либо отдельно взятой стране прямо или косвенно сказывается на экологическом благосостоянии сопредельных

¹ Белокреницкий В. Беназир Бхутто и исламская демократия // Свободная мысль. 2008. № 9. С. 5–16.

² Сюкияйнен Л. Р. Исламская концепция прав человека // Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. М., 2002. С. 306–321.

³ Яковенко А. Глобализации в отношении прав человека трудно достичь // Российская газета. 2006. 27 июня.

⁴ Доцент кафедры гражданского права Омской академии МВД России, директор ООО «Юридическая фирма «Магистр»».

⁵ В Новой Каледонии разлилось 5000 л серной кислоты. URL: <http://lenta.ru/news/2009/04/03/pollution/>

государств и всего мирового сообщества. Опасность возникновения международной напряженности из-за трансграничных загрязнений обязывает мировое сообщество создать четко функционирующий механизм правового урегулирования подобных споров.

Поводом для обращения к теме исследования явился факт трансграничного загрязнения Российской Федерации, когда 13 ноября 2005 года в результате аварии на химическом заводе в провинции Цзилинь (КНР) произошел сброс около 100 т химических веществ в реку Сунгари, являющуюся притоком реки Амур. Вблизи места сброса концентрации бензола и нитробензола превышали норму в 108 раз¹. Загрязненные воды из реки Сунгари попали в реку Амур и угрожали экологической безопасности населенных пунктов Хабаровского края.

Экологическая обстановка в ряде сопредельных с Российской Федерацией стран, в частности в КНР, вызывает опасность новых трансграничных загрязнений. Например, в средствах массовой информации отмечается, что в промышленном центре КНР — провинции Хунань — вследствие сбросов промышленными предприятиями загрязненных стоков вода реки Сянцзян максимально загрязнена содержащимися в ней тяжелыми металлами (хром, свинец, марганец, цинк, мышьяк и т. д.) в значениях, многократно превышающих ПДК. В результате этого резко сократилось количество рыбы в реке, на тысячах гектаров земли не ведутся сельскохозяйственные работы, здоровье 40 млн человек, живущих вдоль реки, подвергается опасности².

Опасность трансграничных загрязнений природной среды исходит не только с территории КНР, но и с территории Республики Казахстан. Крупнейшим трансграничным водным объектом, связывающим наши страны, является река Иртыш, которой угрожает ртутное загрязнение. Дело в том, что в течение 18 лет, вплоть до 1993 года, в АО «Химпром» г. Павлодара (Республика Казахстан) работал цех по производству каустической соды методом электролиза. В качестве электродов использовалась металлическая ртуть. За период работы предприятия попадание ртути в грунт на территории АО «Химпром» составило 928,9 т. По данным Киевского НИИ «Еврохим», загрязнение почвы ртутью распространилось на глубину до 21,8 м на площади 520 кв. м.

По заключению специалистов, если меры, принятые руководством Республики Казахстан, не предотвратят распространение ртути, она, ориентировочно через 80 лет, достигнет реки Иртыш, до которой всего 7,5 км. В этом случае может произойти экологическая катастрофа³. Проблема ртутного загрязнения реки Иртыш в свое время стала предметом парламентского запроса Государственной Думы Правительству РФ⁴. В настоящее время руководством Республики Казахстан принимаются меры по недопущению распространения ртути и попадания ее в реку Иртыш. Но если эти меры не приведут к положительному результату, каким образом Российская Федерация сможет защитить свои интересы?

Современное международное право не допускает разрешения споров с помощью силы или угрозы ее применения. Главенствующими являются принципы мирного урегулирования межгосударственных споров и невмешательство во внутренние дела другого государства⁵. Этими

¹ Российская газета. 2005. 25 нояб.

² Загрязнение реки в Китае поставило под угрозу здоровье 40 млн человек. URL: <http://vz.ru/news/2009/4/27/280555.html>

³ Соловьев А. А., Пеков В. И. Проблема ртутного загрязнения реки Иртыш. Омск, 2000. С. 10.

⁴ Постановление Государственной Думы от 3 апреля 2002 г. // О парламентском запросе Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации М. М. Касьянову «Об экологической ситуации в бассейне реки Иртыш». URL: <http://smolin.ru/duma/inquiries/2002-04-03.htm>

⁵ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соот-

же принципами субъекты международного права обязаны руководствоваться в случае возникновения межгосударственных конфликтов по поводу природной среды⁶.

Альтернативой войне является созданная мировым сообществом система разрешения споров с помощью международных судов. Наиболее авторитетная международная судебная инстанция — Международный суд ООН. Согласно ст. 92 Устава ООН⁷, Статут Международного суда является его составной частью. Международный суд — главный судебный орган ООН. Статья 36 Статута Международного суда относит к его ведению все дела, которые будут переданы Суду сторонами, и все вопросы, специально предусмотренные Уставом ООН или действующими договорами и конвенциями.

Однако с момента его создания в 1946 году Международный суд рассмотрел чуть более 120 дел, 80 % из которых — это споры между государствами, а 20 % — просьбы о вынесении консультативных заключений, представленные органами или специализированными учреждениями ООН. Более половины дел касается территориальных и пограничных споров. Значительное число связано с морскими спорами и вопросами, касающимися морского права.

Почему такое малое количество дел рассматривается Международным судом? По нашему мнению, это связано с некоторыми причинами: а) сторонами судебного разбирательства могут быть только государства (субъекты международного права); б) Суд рассматривает спор лишь с согласия спорящих сторон; в) Суд не приветствует принуждение для исполнения своих решений, предпочитая, чтобы спорящие мирно урегулировали конфликт; г) Суд слишком долго рассматривает свои дела.

Существенной преградой для быстрого и эффективно судебного разбирательства является то обстоятельство, что спор между суверенными государствами о нарушении норм международного права может быть рассмотрен только с согласия спорящих государств⁸.

Такое согласие может быть выражено тремя способами:

— специальное соглашение: стороны спора заключают соглашение о передаче спора на разрешение Суда;

— статья в международном договоре: в международном договоре, в котором участвуют стороны конфликта, содержится условие (юрисдикционные статьи), что стороны заранее обязуются признать юрисдикцию Суда в случае возникновения спора;

— одностороннее заявление: участники Статута Суда могут сделать заявление о признании юрисдикции Суда обязательной в отношении любого другого государства, взявшего на себя такое же обязательство (факультативная оговорка). Каждое из этих государств имеет право возбуждать в Суде дело против любого другого государства, входящего в эту группу. Из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН только Великобритания сделала такое заявление. Франция и США отозвали свои заявления, а Россия и Китай никогда таких заявлений не подавали.

ветствии с Уставом ООН : Рез. ГА ООН от 24 октября 1970 г. // ООН. Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН на XXV сессии. Нью-Йорк, 1970. С. 151–155; Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета : Рез. ГА ООН от 21 декабря 1965 г. A/Res/2131 (XX). URL: <http://www.un.org>; Декларация о предотвращении и устранении споров и ситуаций, которые могут угрожать международному миру и безопасности, и о роли ООН в этой области : Рез. ГА ООН 43/51 от 30 ноября 1988 г. URL: <http://daccessdds.un.org/doc/resolution/GEN/NRO/534/92/ING/NR053492.pdf?>

⁶ Экологическая перспектива на период до 2000 года и далее : Рез. ГА ООН 42/186 от 11 декабря 1987 г. URL: <http://www.un.org/>

⁷ Международное право в документах : учеб. пособие / сост. Н. Т. Блатова. М., 1982. С. 658.

⁸ Шестаков Л. Н. Понятие международного права // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 1997. № 6. (Приводится с использованием правовой системы «Гарант».)

По нашему мнению, деятельность Международного суда станет эффективней, если появится возможность обращаться в него без предварительного получения согласия другой стороны конфликта. Это право может быть обосновано следующим образом. В соответствии со ст. 93 Устава ООН, все члены Организации являются *ipso facto* участниками Статута Международного суда. Поскольку все члены ООН присоединились к Статуту Суда, значит, они согласились с его юрисдикцией. То есть согласие на разрешение спора Международным судом выражено субъектом международного права в момент его вступления в ряды ООН. По сути, на всех членов ООН должно быть распространено правило об «одностороннем заявлении». Тем более что иного вывода из анализа гл. XIV «Международный суд» Устава ООН не вытекает.

Особый статус Международного суда заключается в том, что он обладает эффективным инструментом для принуждения к исполнению вынесенных им решений. Статья 94 Устава ООН гласит, что каждый член ООН обязан выполнять решения Международного суда по тому делу, в котором он являлся стороной. В случае, если какая-либо сторона не выполнит обязательства, возложенные на нее решением Суда, другая сторона может обратиться в Совет Безопасности ООН, который может сделать рекомендации или принять меры для приведения решения в исполнение.

На основании ст. 5 и 6 Устава ООН, если в отношении какого-либо члена Организации Советом Безопасности были предприняты действия превентивного или принудительного характера, Генеральная Ассамблея может приостановить членство, а если такой член систематически нарушает принципы, содержащиеся в Уставе, может быть исключен из Организации. Угроза применения международно-правовых санкций должна побуждать стороны судебного разбирательства исполнять судебные решения. Однако Суд старается не использовать этот механизм принуждения.

Один из факторов, снижающих, по нашему мнению, эффективность деятельности Международного суда, — продолжительное по времени рассмотрение дел. Можно привести один пример. Так, в 1992 году Венгерская Республика подала заявление о возбуждении дела против Чешской и Словацкой Республик в связи со спором, касающимся отвода вод Дуная (Проект Габчиково-Надьямарош, Венгрия/Словакия). Дело связано с разногласиями, которые существуют между государствами в отношении осуществления и прекращения действия Будапештского договора от 16 сентября 1977 года о строительстве и эксплуатации плотины Дуная на 1851,7 км реки на чехословацкой территории и связанных с этим последствий для водостока и судоходства.

Только в сентябре 1997 года Суд вынес свое решение по данному спору¹. Однако Словакия, против которой оно вынесено, не исполняет его. Во всех последующих докладах Суда, вплоть до настоящего времени, указывается, что Венгрия представила письменное заявление с изложением своей позиции относительно просьбы Словакии о вынесении дополнительного решения 7 декабря 1998 года. С тех пор стороны только ведут переговоры и информируют Суд об их ходе².

Суд объясняет длительность судебных разбирательств тем, что он «по самой своей природе не может действовать быстро. Его разбирательства, во время которых используются различные методы систем общего

и континентального права, были задуманы таким образом, чтобы он мог рассматривать дела на самом высоком профессиональном уровне, при этом следует учитывать также, что в разбирательствах участвует 15 и более судей. Существуют также пределы скорости разбирательств в Суде, поскольку стороны в спорных делах являются суверенными государствами. Одной из главных причин является увеличение числа и объема состязательных бумаг»³.

Потребность в наднациональной судебной инстанции по разрешению межгосударственных экологических споров весьма высока. Однако исследование деятельности Международного суда показывает, что он редко рассматривает дела, связанные с экологией и защитой природных ресурсов. К таким делам можно отнести разве что: спор 1993 года между тихоокеанским островом Науру и Австралией в связи с эксплуатацией районов залегания фосфатных руд на острове и уничтожением его природной среды; заявление 1973 года Австралии и Новой Зеландии против Франции в связи с ее предложением проводить ядерные испытания в атмосфере в южной части Тихого океана; уже упоминавшееся дело 1992 года о проекте Габчиково-Надьямарош по сооружению системы плотин для ГЭС на Дунае. Одним из последних дел Международного суда является заявление Аргентины в 2006 году о возбуждении разбирательства против Уругвая в связи с предполагаемыми нарушениями им обязательств, лежащих на нем согласно Статуту реки Уругвай 1975 года, так как правительство Уругвая намерилось построить на реке два целлюлозных завода⁴.

Во многом это объясняется тем, что данная международная структура весьма громоздка и тяжеловесна для оперативного разрешения экологических конфликтов, количество которых в связи с ухудшением экологической обстановки с каждым годом будет возрастать.

В юридической литературе высказывались предложения по созданию международного экологического суда (МЭС). Так, при подготовке к Конференции ООН в Рио-Жанейро (1992) силами международной юридической общественности была сделана попытка создания такого суда в системе ООН как независимой инстанции, состоящей из 15 судей, избираемых Генеральной Ассамблеей ООН. По мнению юристов-экологов, такой суд «...способен помочь справедливому и экологически корректному разрешению споров по охране окружающей среды»⁵.

Главной задачей суда представлялось не наказание, а установление виновника экологического правонарушения. Стороны должны добровольно исполнять решения суда о компенсациях или прекращении какой-либо вредной для окружающей среды деятельности. Предложено было в юрисдикцию суда включить не только межгосударственные споры, но и споры с участием отдельных лиц и организаций. Предполагалось, что в международный экологический суд могут обращаться лица с жалобами на государство, гражданами которого они являются. Однако предложение о создании международного экологического суда в рамках ООН не нашло своего понимания.

Вместо создания экологического суда Международный суд ООН в 1993 году образовал Камеру по экологическим вопросам в составе семи членов, с тем чтобы продемонстрировать свою готовность рассматривать дела в области экологии. Но, насколько нам известно, за прошедшие 15 лет Камера не разрешила ни одного экологического спора.

¹ Доклад Международного суда на 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН за период с 1 августа 1998 г. по 31 июля 1999 г. A/54/4. URL: <http://www.un.org/>

² Доклад Международного суда на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН за период с 1 августа 2006 г. по 31 июля 2007 г. A/62/4. URL: <http://www.un.org/>

³ Международный суд в действии. URL: <http://www.un.org/russian/icj/ch6.htm>

⁴ Доклад Международного суда на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН...

⁵ Колбасов О. С. Международный экологический суд // Советское государство и право. 1991. № 9. С. 148.

В связи с этим необходимо вернуться к идее создания в системе ООН международного экологического суда (МЭС). Следует ввести правило, согласно которому государство, подписавшее конвенцию о создании международного экологического суда, должно соглашаться на возбуждение против него спора в этом суде при обращении только одной из сторон конфликта. Для обращения в суд согласия такого государства уже не потребуется. Спор должен разрешаться судом даже в случае отказа другой стороны конфликта от участия в судебном заседании.

Решения МЭС должны содержать не только констатацию факта нарушения государством своих международно-правовых обязательств, но и указание на перечень мероприятий по устранению последствий правонарушения и сумму возмещаемого вреда. Решения должны исполняться добровольно, а в случае уклонения — с помощью применения международных механизмов принуждения, имеющихся у Совета Безопасности ООН.

Основанием для обращения в Международный суд и привлечения субъекта международного права к ответу является нарушение им международного обязательства или совершение иного противоправного деяния.

Принцип международной ответственности за трансграничный ущерб, нанесенный окружающей среде, не может быть полностью реализован без детально разработанного института такой ответственности¹.

В последние годы наметилась тенденция к сужению правовых оснований привлечения субъектов международного права к ответственности. Так, Генеральная Ассамблея ООН 12 декабря 2001 года приняла Резолюцию 56/589, которая в качестве приложения содержит документ «Об ответственности государств за международно-противоправные деяния»². Этот документ является всего лишь приложением к Резолюции ГА ООН, которая по своей юридической силе имеет характер рекомендаций государствам-членам, поскольку резолюции являются нормами так называемого «мягкого права» (*soft law*)³. Однако в настоящее время ведется работа над нормами об ответственности государств за международные противоправные деяния в рамках рабочей группы Шестого комитета Генеральной Ассамблеи ООН с целью подготовки конвенции по этому вопросу⁴. В этом случае нормы об ответственности государств станут обязательными.

По мнению весьма авторитетных ученых, принятие этого документа явилось важным шагом на пути формирования права международной ответственности⁵. Следует согласиться с этим мнением. Но саму тенденцию к ограничению международным сообществом ответственности государства за противоправное деяние следует изменить.

Юридический анализ положений Резолюции ГА ООН 56/589 от 12 декабря 2001 года показывает, что государство несет ответственность только в случае совершения международного противоправного деяния: а) органом государства; б) лицом или образованием, не являющимся органом государства, но наделенным законодательством этой страны осуществлять элементы государственной власти; в) лицом или группой лиц, если они действуют по указанию, либо под руководством или контролем этого государства; г) лицом, осуществляющим функции государ-

ственной власти в тот момент, когда официальная власть отсутствует (например, в случае государственного переворота).

Значит, если загрязнение природной среды совершено не органом государства или лицом, наделенным функциями органа государства, либо по указанию или контролю органа государства, то субъект международного права не отвечает за нанесение вреда другому государству.

Однако основными загрязнителями природной среды, в том числе и в трансграничном контексте, являются промышленные производства и лица, осуществляющие опасную деятельность (перевозку радиоактивных или химических материалов, отходов и т. д.).

Ограничение ответственности государства не отвечает интересам защиты природной среды, сохранению мира и безопасности, а также противоречит имеющимся международно-правовым актам. Например, в Конвенции ООН о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния, принятой в Женеве в 1979 году⁶, содержится следующее положение: «Стороны Конвенции... учитывая соответствующие положения Декларации Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды, и в частности принцип 21, согласно которому государства, в соответствии с Уставом ООН и принципами международного права, имеют суверенное право разрабатывать свои собственные ресурсы исходя из своей политики в области окружающей среды и несут ответственность за обеспечение того, чтобы деятельность в пределах действия их юрисдикции или контроля не наносила ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции...». Аналогичное положение содержится в Конвенции ООН о трансграничном воздействии промышленных аварий, принятой в Хельсинки в 1992 году⁷.

Из названных положений международных актов следует вывод о том, что в международном экологическом праве действует принцип, согласно которому государство несет ответственность за вредную деятельность хозяйственных и иных субъектов, находящихся на ее территории: «Ответственность государства базируется на международном принципе, согласно которому хозяйственная деятельность, осуществляемая на всей его территории, не должна наносить ущерб окружающей среде как в пределах, так и за пределами его юрисдикции»⁸.

Какое же практическое значение для защиты интересов Российской Федерации имеют наши рассуждения?

Из анализа имеющихся международно-правовых актов в сфере экологии мы приходим к следующему выводу: в случае трансграничного загрязнения с территории Китайской Народной Республики Российская Федерация не сможет возбудить дело в Международном суде ООН о возмещении причиненного вреда. Это объясняется тем, что КНР не является участником Конвенции ООН о трансграничном воздействии промышленных аварий, а двухсторонние соглашения между странами не предусматривают возможности передачи спора на разрешение какому-либо международному суду.

В совместной декларации Российской Федерации и Китайской Народной Республики (Пекин, 21 марта 2006 г.) стороны согласились с необходимостью активизации совместных усилий по защите окружающей среды в районе

¹ Тимошенко А. С. Глобальная экологическая безопасность — международно-правовой аспект // Советское государство и право. 1989. № 1. С. 91.

² Московский журнал международного права. 2004. № 3 (47).

³ Дикусар В. М. Роль ООН в охране окружающей среды // Законодательство и экономика. 2006. № 10. (Приводится с использованием правовой системы «Гарант».)

⁴ Доклад Шестого комитета на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Ответственность государств за международно-противоправные деяния». A/62/446. URL: <http://daccessdds.un.org/doc/UNDOC/GEN/N07/545/66/PDF/N0754566.pdf?OpenElement>

⁵ Лукашук И. И. Право международной ответственности. М., 2004. С. 9.

⁶ Конвенция ООН о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния от 13 ноября 1979 г. // Международное публичное право : сб. док. : в 2 ч. / сост. и авт. вступ. ст. К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. М., 2006. Ч. II. С. 2231.

⁷ Бюллетень международных договоров. 2000. № 6. (Приводится с использованием правовой системы «Гарант».)

⁸ Боголюбов С. А. Глобализация и развитие экологического законодательства // Журнал российского права. 2004. № 5. (Приводится с использованием правовой системы «Гарант».)

границы, предотвращению техногенных катастроф и минимизации ущерба от возможных аварий и природных катастроф для людей и природы по обе стороны границы. В январе 2008 года стороны подписали Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о рациональном использовании и охране трансграничных вод¹. Однако стороны не включили в него нормы о возмещении вреда, причиненного трансграничным загрязнением, а также не закрепили право на передачу спора в Международный суд ООН. Поэтому требование о возмещении вреда, причиненного России трансграничным загрязнением, должно разрешаться в ходе двухсторонних межгосударственных переговоров.

По-иному разрешается ситуация в случае трансграничного загрязнения с территории Республики Казахстан. Российская Федерация и Республика Казахстан являются участниками Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер², а также Конвенции о трансграничном воздействии промышленных аварий. Участвуя в этих конвенциях, Республика Казахстан взяла на себя международное обязательство не допускать причинение ущерба природной среде других государств. Кроме того, указанные конвенции содержат юрисдикционную оговорку, позволяющую спорящим сто-

ронам обратиться за разрешением спора в Международный суд. Поэтому в случае трансграничного загрязнения природных объектов с территории Республики Казахстан, если стороны добровольно не урегулируют спор, Российская Федерация вправе обратиться за его разрешением в Международный суд.

Подводя итог нашим размышлениям, необходимо отметить, что Российской Федерации следует продолжать диалог с государствами, от которых исходит потенциальная угроза экологической безопасности России. В частности, с Китайской Народной Республикой работа должна вестись в двух направлениях. Первое — включение в двухсторонние межгосударственные соглашения обязательства КНР не допускать трансграничного загрязнения природы, а также юрисдикционной оговорки о праве обращения в Международный суд для разрешения возникшего спора. Второе — привлечение Китайской Народной Республики к участию в конвенциях ООН о трансграничном загрязнении природы.

Благодаря этому Российская Федерация побудит соседнее государство более строго относиться к опасным производствам, функционирующим на ее территории, и заложит механизм возмещения вреда в случае, если трагедия все же произойдет.

Р. А. Ромашов³

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРОСТРАНСТВО НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ЗАКОННОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

1. Понимание системы национального законодательства осуществляется в нескольких смысловых контекстах:

— в качестве системы официально установленных (предписываемых, санкционируемых) общеобязательных норм поведения. В данном случае законодательство предлагается рассматривать как локальную общность нормативно-правовых актов, издаваемых (признаваемых и ратифицируемых) государством (а также негосударственными структурами, наделенными полномочиями делегированного нормотворчества) и действующих в пределах государственной юрисдикции;

— в качестве иерархической конструкции («пирамиды законодательных актов»), задающей критерии соотношения и соподчиненности действующих нормативно-правовых актов, образующих материально-правовую основу законодательной системы;

— в качестве механизма законодательной деятельности, объединяющей нормативную, организационную, инструментальную (компетентностную) и функциональную составляющие. В таком понимании система законодательства — это совокупность институтов и процессов, характеризующих законодательство и как законодательный процесс (форму юридической деятельности, направленной на разработку законопроекта, принятие закона и его внедрение в систему законодательства), и как формальный результат этого процесса — нормативно-правовой массив, объединяющий действующие законодательные акты;

— в качестве системы законодательных актов, регламентирующих межнациональные отношения, а также принимаемых и действующих в рамках национальных субъектов РФ.

2. Законность представляет собой одновременно принцип и режим правового регулирования. В первом случае речь идет о приоритете юридической формы и процедуры, закрепляемых в законе, по отношению к целесообразности, обусловленной субъективной мотивацией принятия властных решений в условиях изменяющейся политико-правовой реальности. Во втором случае законность рассматривается в качестве инструмента установления и охраны правопорядка, характеризующего состояние существующей политико-правовой реальности.

Глобализационные процессы обуславливают двуединство векторов развития национальных систем законодательства, находящихся в состоянии конкуренции—кооперации. При этом подобная двойственность определяет необходимость формирования специфического межгосударственного пространства наднациональной законности, в рамках которого вырабатываются общие принципы мирного сосуществования стран и народов, а также определяются средства и методы разрешения правовых коллизий и конфликтов, возникающих в процессе межкультурного взаимодействия.

3. Взаимодействие национальных законодательных систем в рамках пространства наднациональной законности актуализирует проблему правового сорегулирования, представляющего собой многоуровневую систему, объединяющую разноуровневые субъекты и нормативные массивы (международное право и национальное законодательство). В основу правового сорегулирования может быть положена концепция диалектического (реалистического) позитивизма, обеспечивающая признание общезначимости правовых регуляторов на уровне правовой психологии и идеологии, а также их результативное воздействие на поведение вовлеченных в соответствующие правоотношения субъектов.

¹ Российская газета. 2008. 2 февр.

² Бюллетень международных договоров. 1999. № 10.

³ Научный руководитель юридического факультета СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Н. А. Румянцева¹

О ПРАВЕ КУЛЬТУРЫ НА СОХРАННОСТЬ

Разрушение культуры «передовой» западной цивилизации (Шпенглер и др.), а вслед за ней и культуры России как следствие стремления последней войти равноправным членом в эту цивилизацию, взятую за образец, не могло не волновать Д. С. Лихачева, предложившего для ее спасения «Декларацию прав культуры». В декларации говорится о том, что культура — это не только «отдельные объекты», но и «традиции и навыки» в духовных сферах жизни общества, что «культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла». В этом документе вводится понятие самокупаемой культуры — это такая культура, «которая оказывается материально и духовно полезной в целом, положительно воздействует на общество, поднимая его нравственность и умственный потенциал людей».

Но для сохранения культуры декларации недостаточно. Почему лишается смысла самостоятельное существование государств вне культуры? Ведь в странах западной цивилизации достигнуты высокий уровень жизни, высокие показатели качества жизни. Они представлены в индексе развития человеческого потенциала (ИРЧП) тремя параметрами: средней продолжительностью жизни, уровнем образования и уровнем дохода.

Ответ может дать системно-диалектический подход к анализу идеологии общества, который базируется на двух основных принципах:

— человеческое общество в рамках страны или группы стран (цивилизации) можно рассматривать как систему, в которой выстроена иерархия целей из главной цели общества;

— человеческое общество — это развивающаяся система и инструмент ее анализа — категории и законы диалектики.

Необходимо проанализировать ту глобальную систему, которая взята за образец. Здесь следует искать аргументацию невозможности существования государства без культуры.

Какова основная исходная цель человеческого сообщества? Главное свойство живого — стремление и способность выживания в неблагоприятных условиях — лежит в основе витального, в противовес механистическому, подхода к пониманию жизни. Эти стремление и способность привели к объединению живых индивидов в сообщество. Согласно витальному подходу, распространённому на сообщество, каждая группа стремится выжить. Это относится и к человеческому сообществу, во всяком случае на этапе его биологической эволюции. Сознательная деятельность человека преобразовала природное стремление в осознанную цель. Жизнь, ее сохранение и продление стали исходной отрефлексированной целью объединения людей в сообщество. Объединение сформировало новые, «человеческие» средства ее достижения.

Сообщества Европы многие века устраивали и преобразовывали свою жизнь, стремясь выжить, сохранить себя и собственное сообщество, иногда агрессивным путем расширяя ареал своего обитания. Традиции и позднее культура народов были средством выживания, несущим через сознание идеи коллективизма, гуманизма. В Западной Европе культура гуманизма была связана с философией и христианством.

В эпоху зарождения капитализма противостояние стихийной природе и агрессивным соседям перестало быть актуальным, произошла смена ценностей (храброго воина или смиренного христианина). Главной ценностью был объявлен индивид, вокруг него и его индивидуализма начали «разворачиваться» другие ценности и представления. Первое: «Если хорошо каждому, то хорошо всем» — это отношение, связывающее элементы в систему (вытекавшее «любовь к ближнему»). Следующим представлением был ответ на вопрос, что означает «хорошо каждому»? Ответ, давно известный человечеству, определил зарождающийся капитализм: собственность, богатство. Но необходимое условие для реализации этого блага — свобода индивида в его деятельности. Свобода индивида в обществе не может быть абсолютной, что обозначило следующую ценность — закон, право. Благодаря их развитию фактически эта формула была заменена на следующую: «Если хорошо каждому, то с помощью права можно добиться того, чтобы (здесь и сейчас) было хорошо всем». Из цели индивида «быть богатым», первичной при капитализме, как следствие «вытекает» цель общества — экономическое процветание. Эта цель (как пройденный этап) сменила исходную — выживание общества.

С развитием капитализма витальные потребности людей постепенно начали удовлетворяться. Можно отметить исторический момент — XX век, когда основные жизненные потребности были удовлетворены. И удовлетворение, исходное необходимое условие успешного бизнеса, утратило свое значение. Его сменило новое условие обогащения — удовлетворение искусственно формируемых постоянно растущих материальных потребностей человека. Человек-потребитель превратился в средство достижения цели обогащения производителя, причем это не разные люди, а один человек в разных ипостасях.

Стремление к достижению этой цели привело к возникновению нового социального типа — человека-потребителя. Ориентируясь на его «взращивание», перестроилась вся система образования, просвещения, культуры западного общества. Потребительство стало губительным для природы и человека — пороки и слабости человека превратились в главный источник получения дохода. При этом общество все более удалялось от собственных культурных традиций, как философских, так и христианских, от аскетизма протестантской общины.

В итоге процветание при приоритете вышеназванных ценностей сменилось (при переходе «мерь») отрицанием исходной цели — выживания. Об этом свидетельствует статистика ООН: «Для всех европейских стран (кроме мусульманской Албании) характерно падение уровня рождаемости ниже уровня воспроизводства... При сохранении текущего уровня рождаемости к 2100 году население Европы будет составлять менее 1/3 от нынешнего»². Распадается институт семьи, обеспечивавший воспроизводство и воспитание потомства.

Культура, исходно являвшаяся средством сохранения общества, вырождается в средство его распада, то есть в свою противоположность. При этом оказались забыты лучшие образцы этой культуры, многие века дававшие миру другие ценности. Отсюда — нравственное разложение и физическое вымирание, глобальный кризис, охвативший современный мир. Но может ли не только избежать кризиса, но и выжить общество, построенное на приоритете материальных благ индивида и ценности индивидуализма, не сопряженного с коллективизмом, то

¹ Доцент Российского государственного института интеллектуальной собственности (Москва), кандидат технических наук.

² Бьюкенен П. Америка против Америки. Смерть Запада. М., 2003.

есть на целях и ориентирах, противоположных ценностям культуры?

Приведенная выше статистика ООН свидетельствует о том, что выживание индивида не влечет за собой выживание общества индивидов. Это позволяет использовать системный подход, так как главное свойство системы — целостность — означает, что свойства системы не выво-

димы из свойств элементов, подсистем. Основное свойство живой системы — способность к выживанию — из лозунга «хорошо каждому» не выводится. Однако в эпоху модерна, когда складывались эти представления, еще не возник системный подход, и вместо него был принят редукционизм, сводящий свойства системы в механистической картине мира к сумме свойств ее частей.

А. В. Скоробогатов¹

ЗАЩИТА ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ (ЭТНИЧЕСКИХ) МЕНЬШИНСТВ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Современное демократическое общество основано на принципах взаимного уважения и равноправия граждан. Однако декларативное и нормативное наделение равными правами не всегда означает равные возможности пользоваться ими из-за пробелов и коллизий как в правотворчестве, так и в правоприменении. Особенно остро этот вопрос поставлен по отношению к группам и лицам, находящимся в численно деноминирующем положении, в иноэтничном и инокультурном окружении. Современное российское законодательство уделяет недостаточно внимания данному вопросу, отсутствуют реальные механизмы правового регулирования национальных отношений в полиэтничном обществе. В то же время в ряде регионов имеется положительный опыт нормативных и правореализационных гарантий прав национальных меньшинств. Рассмотрим этот вопрос на примере Республики Татарстан (РТ).

Конституции РФ и Республики Татарстан закрепляют исключительное ведение России в регулировании прав национальных меньшинств, однако защита прав национальных меньшинств относится к совместному ведению.

Одним из определяющих в развитии и сохранении культурной самобытности народа является языковая компонент. В связи с этим первоочередную задачу республиканский законодатель видит в наделении национальных меньшинств языковыми правами и их обеспечении.

Законодательное обеспечение прав национальных меньшинств на развитие национальной культуры, прежде всего в языковой сфере, реализуют Конституция РТ, Законы РТ: «Об образовании», «О культуре», «О национально-культурных автономиях в Республике Татарстан», «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан».

Законодательство РФ и Республики Татарстан наделяет национальные меньшинства следующими культурными правами:

1) определять и указывать свою национальную принадлежность (ч. 1 ст. 26 Конституции РФ и ч. 1 ст. 34 Конституции РТ);

2) пользоваться родным языком, иметь свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 2 ст. 26 Конституции РФ и ч. 2 ст. 34 Конституции РТ);

3) выступать на заседании, совещании, собрании в государственных органах, организациях, предприятиях и в учреждениях на том государственном языке, которым человек владеет (п. 2 ст. 15 Закона РФ «О языках народов РФ»; п. 3 ст. 13 Закона РТ «О государственных языках РТ и других языках народов в РТ»);

4) обращаться в государственные органы, организации, на предприятия и в учреждения РФ с предложениями

ми, заявлениями, жалобами на государственном языке России, родном языке или на любом другом языке народов РФ (п. 4 ст. 15 Закона РФ «О языках народов РФ»);

5) использовать родной язык в официальной обстановке, в сферах промышленности, связи, транспорта и энергетики (п. 2 ст. 11, п. 1 ст. 14, п. 2 ст. 21 Закона РФ «О языках народов РФ»; п. 2 ст. 10, п. 2 ст. 12, п. 3 ст. 19 Закона РТ «О государственных языках РТ и других языках народов в РТ»);

6) пользоваться родным языком, свободно выбирать язык общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 2 ст. 26 Конституции РФ и ч. 2 ст. 34 Конституции РТ; п. 1 ст. 9 Закона РФ «О языках народов РФ» и ст. 7 Закона РТ «О государственных языках РТ и других языках в РТ»);

7) иметь равные права на сохранение и развитие языков и всех национальных групп, проживающих на территории РТ (п. 2 ст. 8 Закона РТ «О национально-культурных автономиях в РТ»);

8) сохранять родной язык, создать условия для его изучения и развития (ст. 69 Конституции РФ);

9) получить основное общее образование на национальном (родном) языке и выбрать язык воспитания и обучения (п. 3 ст. 8 Федерального закона РФ «О национально-культурной автономии»; п. 2 ст. 7 Закона РТ «О национально-культурных автономиях в РТ»; ст. 6 Закона РФ «Об образовании») и др.

Реализация прав национальных меньшинств в Татарстане обеспечивается прежде всего при помощи Государственной программы Республики Татарстан по сохранению, изучению и развитию государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2004–2013 годы, в которой намен перспективный план реализации государственной политики в области развития национальных языков и культур: 1) создание условий для функционирования национальных языков в системе органов местного самоуправления в местах компактного проживания их носителей; 2) содействие всем формам национально-культурной деятельности, способствующей сохранению и развитию языка и культуры; 3) разработка правовых основ деятельности воскресных школ по изучению родных языков; 4) обеспечение совместно с соответствующими ведомствами РФ и ее субъектами подготовки кадров для учебных заведений республики, организующих обучение на других национальных языках; 5) включение в межправительственные соглашения специальных пунктов, направленных на удовлетворение духовных потребностей народа, развитие его языка и культуры (п. 2.2).

В рамках реализации государственной программы во всех городах Республики Татарстан приняты собственные программы, направленные на защиту культурных прав национальных меньшинств. Так, в Казани были утверждены Программа по сохранению, изучению и развитию языков народов, проживающих в г. Казани, на 2003–2007 годы;

¹ Заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института (филиала Российской правовой академии Министерства юстиции РФ), доктор исторических наук, доцент.

Программа по сохранению, изучению и развитию языков народов, проживающих в г. Казани, на 2008–2012 годы. Целью программы было объявлено создание комфортной психологической атмосферы для народов, проживающих в Казани. Программа предусматривает создание оптимальных условий для обеспечения сохранения, изучения и развития языков народов, проживающих в этом городе.

Для ее реализации были намечены следующие задачи: формирование условий для обучения и воспитания на родном языке детей в дошкольных образовательных, общеобразовательных учреждениях и в многонациональной воскресной школе, в том числе путем создания компьютерных классов и обеспечения методическими и учебными материалами (п. 1.2); создание условий для улучшения культурного обмена, а также для поддержания культурных и просветительских связей между народами, проживающими в Казани, и их исторической родиной; повышение роли национальных культурных учреждений в реализации программы; развитие сети национальных учреждений образования г. Казани и организация обучения родному языку на билингвальной основе (п. 1.3). Ответственной за выполнение программы была назначена Постоянная комиссия по социальной защите, культуре и национальным вопросам Казанской городской думы.

В Решении «О ходе выполнения Программы по сохранению, изучению и развитию языков народов, проживающих в г. Казани, на 2008–2012 годы» № 5-31 от 26 июня 2008 года Казанская городская дума отмечает, что в городе проводится планомерная, целенаправленная работа по реализации данной программы. В результате была выполнена значительная часть намеченных на этот период мероприятий, способствующих появлению уникального опыта города в обеспечении условий мирного сосуществования проживающих в нем народов и предупреждении межнациональных конфликтов.

В городе созданы условия для обучения и воспитания детей на родном языке в дошкольных образовательных

и общеобразовательных учреждениях. Продолжается работа в 22 национальных отделениях Центра образования «Многонациональная воскресная школа», где обучаются дети армян, евреев, украинцев, марийцев, чувашей и других национальностей на своем родном языке. Для учащихся Многонациональной воскресной школы в 2008 году впервые был организован летний отдых в загородном лагере «Заречье». Упрочиваются традиции по проведению фестивалей, национальных праздников народов, проживающих в городе.

Исполнительным комитетом г. Казани изменен порядок финансирования мероприятий программы. Основными распорядителями и получателями бюджетных средств определены управления культуры, образования, социальной защиты, комитеты по делам детей и молодежи, по транспорту и связи, физкультуры и спорта, аппарат и районные администрации Исполнительного комитета г. Казани.

Постоянная комиссия по образованию, культуре и национальным вопросам Казанской городской думы осуществляет систематический контроль за реализацией программы, анализирует ход ее выполнения, рассматривает итоги с выездом на места.

Таким образом, опыт Республики Татарстан в правовом регулировании национальной сферы показывает, что государство способно создать комфортный этнический фон, значительное место в формировании которого занимают гарантии культурных прав национальных меньшинств. Однако принятие нового Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между государственными органами РФ и государственными органами Республики Татарстан, в котором существенно ограничены права республики в социально-политической сфере, показывает, что накопленный опыт может оказаться невостребованным как в республике, так и в других многонациональных субъектах Федерации, на которые он мог бы быть экстраполирован.

А. А. Тарасов¹

УСЛОВИЯ И ПРЕДЕЛЫ КОНВЕРГЕНЦИИ СОВРЕМЕННЫХ СИСТЕМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

1. С известной долей условности можно считать, что в современном мире сложились две основные концептуально оформленные системы уголовного судопроизводства: англосаксонская (англо-американская), к которой относятся Великобритания, США, Канада, Австралия и другие, и континентально-европейская (романо-германская), в которую входят ФРГ, Франция, Италия, Бельгия и др. Ко второй группе стран традиционно примыкает Россия. Условность определяется схематичностью такой типологии, основанием которой выступают глобальные, существенные характеристики названных систем. Проводя подобное разграничение, авторы вынуждены абстрагироваться от многих особенностей, связанных с разным пониманием используемых в этом контексте понятий «семья», «система», «модель», «образец» и т. п. Здесь также не учитываются множественные различия между национальными системами уголовного судопроизводства, относящимися по своим типологическим характеристикам к одной из названных мировых систем.

2. Разграничение двух систем уголовного судопроизводства отчасти основано на известных общей теории права критериях разграничения соответствующих правовых семей (соотношение ролей кодифицированного законодательства и судебного прецедента в системе источников права), отчасти имеет собственно уголовно-процессуальную специфику. В числе главных уголовно-процессуальных (процедурных) критериев разграничения названных систем уголовного судопроизводства можно выделить наличие (континентально-европейская система) либо отсутствие (англосаксонская система) формализованного, то есть урегулированного нормами уголовно-процессуального права и облекаемого в унифицированную документальную форму, досудебного производства по уголовным делам.

3. В англо-американской системе уголовного судопроизводства собственно уголовный процесс (как деятельность субъектов, наделенных уголовно-процессуальным статусом и вступающих в уголовно-процессуальные правоотношения) начинается только в суде. До суда стороны обвинения и защиты на равных основаниях собирают сведения, подтверждающие либо опровергающие обвинение. Эти сведения не приобретают силы доказательств до тех

¹ Профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета, доктор юридических наук, советник Уполномоченного по правам человека в Самарской области.

пор, пока они не будут признаны таковыми судом. Впоследствии обвинение выдвигается обвинителем перед судом, а состязавшиеся на равных правах стороны обосновывают свою правовую позицию, которая судом либо принимается, либо отвергается.

Правовое значение термина «судопроизводство» в этих условиях соответствует значению словосочетания «производство по уголовному делу в суде», или «уголовное правосудие». Сама процедура производства по уголовному делу весьма схожа с процедурой искового производства по гражданским делам с тем отличием, что по подавляющему большинству уголовных дел «истцом» выступает государство в лице органов уголовного преследования (прокуратуры и ее аналогов). Англо-американский уголовный процесс характеризуется так называемой «чистой состязательностью».

4. В континентально-европейском уголовном процессе существует формализованное досудебное производство, в котором по общему правилу сторона обвинения в лице органов уголовного преследования — прокуратуры и полиции в их разных национальных вариантах — обладает властными полномочиями и ведет в предписанных законом процедурных рамках досудебную подготовку уголовного дела для последующего направления этого дела в суд. Обвинение перед судом выдвигается в случае подтверждения обвинения доказательствами, собираемыми государственными органами с участием стороны защиты и облакаемыми в установленную законом документальную (письменную и наглядно-образную) форму. Сторона защиты, не имея по определению властных полномочий на осуществление производства по уголовному делу, сама доказательств не собирает, но вправе ходатайствовать перед государственным органом, ведущим процесс, принять в качестве доказательств собранные ею материалы или привести доказательства во исполнение ходатайства защиты.

Континентально-европейский уголовный процесс отличается от «чисто состязательного» и называют «смешанным», то есть основанным на розыскных началах до суда и на началах состязательности в суде. Термин «уголовное судопроизводство» в описанной схеме понимается не только как производство по уголовному делу в самом суде, но и как обязательно предшествующий этому этап формализованного досудебного производства. Иной смысл приобретают и понятия менее общего порядка. Например, одно из основных прав человека и гражданина — право на доступ к правосудию — в континентально-европейской системе уголовного судопроизводства следует понимать как право на доступ ко всем процедурам, обеспечивающим в конечном счете законное и справедливое разрешение судом социального конфликта в сфере уголовного права.

5. В период реформирования национальных правовых систем (Россия с начала 1990-х годов и по настоящее время переживает именно такой этап) возникает естественное стремление выбрать наиболее прогрессивные, целесообразные, адекватно отражающие объективные потребности общества правовые формы отправления правосудия. В этих поисках разные исследователи проявили впечатляющую множественность мнений, которая во многом была обусловлена попытками механического соединения элементов двух разных систем уголовного судопроизводства.

Предложения приравнять по доказательственной силе материалы и сведения, собранные сторонами обвинения и защиты до суда¹, вплоть до введения так называемого «параллельного адвокатского расследования», обосновывались необходимостью усиления состязательных начал

в уголовном судопроизводстве. Такие суждения перекликались с предложениями принять в качестве доказательств оперативно-разыскную информацию², полученную в результате деятельности, которую в Российской империи называли «полицейским разведыванием» и рассматривали исключительно за рамками уголовного процесса. Существование этой преимущественно тайной, негласной деятельности в современных условиях не изменилось.

Авторы, предлагавшие и то и другое, преследовали противоположные цели: первые стремились к развитию демократических основ правосудия, вторые — к усилению его репрессивной направленности, необходимой для преимущественной защиты публичных, а не частных интересов. Однако в обеих позициях звучит косвенный призыв отказаться от континентально-европейской (смешанной) системы уголовного судопроизводства и «сделать» российский уголовный процесс «чисто состязательным» по англо-американскому образцу.

6. Системы уголовного судопроизводства принципиально не делятся на хорошие и плохие. Подобные попытки, к которым вольно или невольно прибегают разные исследователи, ведут в тупик. Системы уголовного судопроизводства объективно обусловлены и формируются в ходе истории конкретной страны под влиянием множества разнообразных факторов. Обе рассмотренные типовые системы уголовного процесса сосуществуют в течение нескольких столетий, и за время своего сосуществования ни одна из них не доказала своих бесспорных преимуществ перед другой.

7. С одной стороны, деформализованное досудебное производство (по англосаксонскому образцу) уравнивает правовые возможности обвинения и защиты в доказывании, что обеспечивает полную состязательность до суда, а затем и в суде, куда стороны приходят с одинаковым по юридической силе набором сведений, подтверждающих или опровергающих обвинение. С другой стороны, доказательственная деятельность обвинения (представленного органами уголовного преследования) и защиты до судебного разбирательства полностью выпадает из-под юридического контроля. Деформализация досудебного производства по уголовным делам с неизбежностью влечет за собой такие особенности исследования доказательств в суде, над которыми следует задуматься до кардинальной «ломки» российского уголовного процесса.

Так, обстановка места происшествия должна будет восстанавливаться в суде не на основании протокола осмотра, составленного в режиме реального времени в присутствии понятых, а по свидетельским показаниям полицейских, иллюстрируемым фото- и видеоматериалами, изготовленными вне процессуальных форм. То же касается предъявления для опознания любых объектов (что особенно актуально для тех случаев, когда обвиняемый в нем не участвует), обысков, выемок, то есть таких действий по сбору доказательств, которые в отечественной криминалистике относят к числу неповторимых.

8. Однако из этого вовсе не следует, что системы уголовного судопроизводства, сохраняя свою качественную определенность, не могут заимствовать друг у друга отдельные элементы с целью адаптации к национальной почве. Например, в современной России уголовный процесс которой весьма схож с германским и французским, существует типичный для англосаксонской системы уголовного правосудия суд присяжных. Сохраняется он также в Бельгии и Австрии, относительно недавно был введен в Испании, тогда как Франция, распространившая когда-то классический суд присяжных в Европе одновременно с военными победами Наполеона, от такой формы народ-

¹ Александров А. С. Язык уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 10, 209–210.

² Баранов А. М. Законность в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2006. С. 16, 261.

ного участия в правосудии отказалась (как и Германия). В некоторых континентально-европейских странах неравенство сторон обвинения и защиты в досудебном производстве по уголовному делу существенно нивелируется фигурой следственного судьи (как, например, в Италии) или судебного следователя (как в Российской империи) — представителя судебной власти, ведущего производство по уголовному делу до судебного разбирательства.

9. Конвергенция систем уголовного судопроизводства — это процесс эволюционный, не терпящий «бросаний» из крайности в крайность. Уголовное судопроизводство — это сфера наиболее энергичного вторжения государства в область основных прав и свобод человека и гражданина, властную деятельность в которой объективно невозможно приостановить ни на один день. Здесь особенно нетерпимо явление, которое председатель Конституционного Суда РФ профессор В. Д. Зорькин образно назвал «правовой шизофренией» — «погоней за сиюми-

нутными изменениями, когда каждый год — новая статья, а каждому правительству — своя Конституция»¹.

Не может не вызывать сожаления тот факт, что с начала действия Уголовно-процессуального кодекса РФ 2001 года в него было внесено около тысячи изменений. Считать процесс реформирования отечественной системы уголовного судопроизводства завершенным нет никаких оснований. Создается впечатление, что авторы законодательных инициатив, а вслед за ними и сами органы законодательной власти до настоящего времени окончательно не определили концептуальных основ развития российской системы уголовного судопроизводства. Во многом такое положение обусловлено практиковавшимися уже более двух десятков лет попытками «соединить несоединимое» в нашем уголовном процессе, приукрасить зарубежный опыт или собственный российский исторический опыт, сочтя его универсальным и пригодным для всех времен и народов.

И. Л. Честнов²

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Право — это явление культуры, ее аспект. Изучение права, как и любого социокультурного явления, возможно только с позиций контекста, выступающего метаоснованием права. В этом смысле сущность, назначение права не могут находиться и быть обнаруженными в нем самом, как предполагают сторонники аналитической юриспруденции³, а существуют в социокультурном, историческом контексте — в социуме, находящемся на определенном этапе своей эволюции.

Такой антрополого-культурологический подход к онтологии и гносеологии права не размывает юриспруденцию, не подрывает ее статуса самостоятельной научной дисциплины, но является единственно обоснованным⁴. Догматический позитивистский подход, продолжающий господствовать в юриспруденции, особенно в отраслевых дисциплинах, исходит из недоказуемой в ее рамках (догматической, самодостаточной, замкнутой системы права⁵) либо воли законодателя (элиты), либо мифической основной нормы. В первом случае приходится выходить за рамки права и юриспруденции в социальный (прежде всего политический) контекст, а во втором — доказывать априори задаваемую «основную норму» в метасистеме. Только научная критика догмы права, которая, безусловно, должна при всех условиях соблюдаться и исполняться, дает возможность оценивать и вовремя изменять действующее законодательство. Однако в любой науке можно открыть

что-либо новое, только выйдя за ее рамки, — с позиций метасистемы.

Антрополого-культурологический подход к изучению права⁶ предполагает анализ не только догмы права, но и ее конкретизаций в рамках обычного права, постоянную изменчивость права, его воспроизведение ментальными образами и практическими действиями, обусловленными контекстом культуры, конкретными индивидами.

Наиболее важными проблемами, требующими своего решения в рамках антрополого-культурологического подхода к исследованию права, являются:

— социальное конструирование правовой реальности, механизм ее воспроизводства;

— правовая идентичность как содержание правовой культуры;

— влияние на процесс социокультурного конструирования правовой идентичности процесса глобализации.

Право, правовая реальность — результат деятельности человека. Р. Харре справедливо отмечает, что в социальном мире ничто не возникает до тех пор, пока оно не будет введено в этот мир социальным конструирующим действием человека⁷. При этом конструкционистская активность человека обусловлена множеством социокультурных факторов: историческим контекстом, господствующей картиной мира, идеологемами, политико-экономическими соображениями, существующей правовой системой, особенностями культуры, здоровыми стереотипами, эстетическими предпочтениями и т. д. Иными словами, правовая реальность сконструирована человеком, но отнюдь не по его произволу, не по заранее разработанному плану. В этой связи важно не просто констатировать факт сконструированности правовой реальности, но и показать механизм превращения «первичного произвола» (по терминологии Б. Паскаля и П. Бурдьё) в якобы «естественный ход вещей», продемонстрировать, как именно это превращение («социальная амнезия») происходит.

⁶ Авторскую позицию см. подробнее: Социальная антропология права современного общества : моногр. / под ред. И. Л. Честнова. СПб., 2006. См. также: Gephart W. Rechts als Kultur : Zur kultursoziologischen Analyse des Rechts. Frankfurt-am-Main, 2006.

⁷ Harre R. Material Object in Social Worlds // Theory, Culture and Society. 2002. № 5/6.

¹ Зорькин В. Д. Конституционные основы развития цивилизации в современном глобальном мире // Журнал российского права. 2007. № 4. С. 4.

² Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук.

³ В этом случае необходимо опровергнуть ограничительные теоремы К. Геделя и А. Тарского.

⁴ Если в настоящее время вообще можно обосновать какую-либо научную дисциплину в ситуации «разрушения больших нарративов» и постклассических критериев рациональности-научности. См. о проблематичности обоснования классических критериев научности в связи с их исторической изменчивостью: Putnam H. Realism with a Human Face. Cambridge, 1990. P. 21. Применительно к юридической науке см.: Честнов И. Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права : учеб. пособие. СПб., 2004; Поляков А. В. Теория права в глобализирующемся обществе : постмодернистская интерпретация // Правоведение. 2007. № 4. С. 7–12.

⁵ Тем более что, как утверждает второй закон термодинамики, замкнутых систем в природе не существует, любая жизнеспособная система неизбежно обменивается веществом и энергией со средой.

В связи с этим эвристически ценной представляется методология социальных представлений, разрабатываемая школой С. Московичи. Социальное представление — это когнитивная схема, упорядочивающая образ мира, понятия, убеждения и объяснения, выступающие способом обретения и передачи знания, благодаря чему конструируется социальная реальность и здравый смысл¹. Основой социального представления является ядро, связанное с коллективной памятью, репрезентирующей историю соответствующей социальной группы². Конструирование коллективной памяти, осуществляемое правящей элитой и референтной группой, производится с помощью механизмов выравнивания, акцентуализации, ассимиляции и конвенционализации определенных воспоминаний для «приспособления» воспоминаний о травмирующих событиях прошлого к доминирующим в настоящем убеждениям и ценностям и для создания и сохранения положительного образа прошлого³.

Другими словами (если не использовать близкую к фрейдизму терминологию), этот механизм включает селекцию — отбор социально значимой информации, ее фиксацию, хранение и воспроизводство действиями (зачастую ритуализированными) представителей данной социальной группы. Таким образом, в основе конструирования социального представления лежит соотнесение реалий настоящего с историческим опытом реконструирования прошлого для формирования или упрочения социальной идентичности соответствующей группы. Более того, именно конструирование коллективной памяти является базой формирования групповой идентичности и приводит к производству «воображаемых сообществ» (по терминологии Б. Андерсона⁴), в том числе наций, этносов, классов.

Центральным элементом правовой системы является субъект права. С позиций антрополого-культурологического подхода субъектом права является человек, хотя не всегда он выступает от своего имени. Более того: социальным субъектом в эмпирической реальности является именно человек, находящийся в диалогическом отношении идентификации с социальным статусом, социальной группой. Осознание себя личностью уже предполагает отождествление, то есть идентификацию, с исторической эпохой, конкретным социумом (возможно, в эпоху глобализации — с миром в целом) и собственным представлением о своей неповторимой самости, возникающей из самооценки, определяемой во многом мнением окружающих (прежде всего референтной группой, социально значимым Другим).

Субъект права, как и социальный субъект, конструируется социумом. Это делает не только власть (государственная власть, правящая элита), как утверждал Л. Альтюссер⁵, но и прежде всего референтная группа, которая,

¹ *Social Representations*. Cambridge, 1984. P. 345. При этом социальная реальность понимается как мир значений, складывающихся по поводу происходящих событий и объектов внешнего мира.

² *Abric J.-Cl.* Central System, Peripheral System: Their Functions and Roles in the Dynamics of Social Representations // *Papers on Social Representations*. 1993. Vol. 2. № 2. P. 75–78.

³ См.: *Barlett F.* Remembering: A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge, 1950; *Collective Memory of Political Events: Social Psychological Perspectives* / ed. by J. Pennebaker, D. Paez, B. Rime. Mahwah, 1997.

⁴ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма : пер. с англ. М., 2001.

⁵ Идеология, отмечал Л. Альтюссер, осуществляет узнавание и интерпелляцию (запрос, призыв) субъекта, а тем самым — его рекрутирование. «Идеология “действует”, или “функционирует”, так, что среди индивидов она “рекрутирует” субъектов (она рекрутирует их всех); или “трансформирует” индивидов в субъектов (она трансформирует их всех). Происходит это в той самой операции, которую я называю *интерпелляцией*, или окликанием. Эта операция стоит за самыми обычными действиями, например, когда полицейский (или кто-нибудь другой) окликает тебя: “Эй, ты!”... Индивид, которого только что окликнули на улице, обернулся. В результате

по сути, формирует юридические (социальные) статусы, внося правовые инновации в существующую структуру — правовую систему (понимаемую структуралистски). Однако формирование субъекта права осуществляет также и народ — широкие массы, которые легитимируют правовую инновацию элиты (референтной группы). Закрепление правовых статусов — важнейшее условие категоризации существовавших, существующих и будущих людей, превращающее их в субъектов⁶. Приходя в этот мир, мы застаем правовые статусы, сложившиеся до нас, и вынуждены своими действиями их реализовывать. В то же время существует (хотя бы гипотетическая) возможность их трансформировать в соответствии с личностными устремлениями.

Таким образом, субъект права — это юридический статус, закрепленный в норме права (понимаемой как структура), и конкретный человек, его осуществляющий своими практическими действиями и психическими процессами, неотделимыми от поведенческих актов. Поэтому субъект права конструируется как людьми, которые формируют правовые статусы, так и теми, кто вынужден играть по правилам этих статусов.

В условиях глобализации происходит интенсификация информационных процессов, которые приводят к кризису идентичности. Действительно, по мнению многих философов и социологов, социальные идентичности размываются, а личность становится носителем множественности идентичностей. Особенно актуальной в этой связи представляется проблема национальной идентичности⁷, если тезис о «закате» национального государства верен. Так, С. Хантингтон отмечает наметившуюся в настоящее время тенденцию к «денационализации элит», «их космополитической идентичности»⁸. Очевидно, что противостоять этим процессам невозможно. В связи с этим плодотворной представляется программа мультикультурализма, предполагающая признание и невмешательство во внутренние дела компактно проживающих субкультур при существовании единой политической культуры в рамках национального государства⁹.

этого “психологического поворота на 180 градусов” он превратился в субъекта. Почему? Потому что он распознал, что оклик был “действительно” адресован ему и что “окликнули действительно его” (а не кого-то другого)... И вы, и я всегда уже субъекты и как таковые постоянно исполняем ритуалы идеологического узнавания, гарантирующего, что мы действительно есть конкретные, индивидуализированные, различные и (естественно) незаменимые субъекты». См.: *Althusser L.* Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards an investigation) // *Mapping Ideology*. L., 1994. P. 130–131. Приблизительно так же рассуждает П. Бурдьё, ставя на место идеологии символическую власть номинации, действующей через габитус: «... слова, названия конструируют социальную реальность в той же степени, в какой они ее выражают, и являются исключительными ставками в политической борьбе за навязывание легитимного принципа видения и делания...» «Чтобы изменить мир, нужно изменить способы, по которым он формируется, то есть видение мира и практические операции, посредством которых конструируются и воспроизводятся группы». См.: *Бурдьё П.* Социальное пространство и символическая власть // *Социология социального пространства*. М.; СПб., 2005. С. 79, 84. «Право, безусловно, является наивысшей формой символической власти номинации, создающей именованные вещи и, в частности, группы». См.: *Бурдьё П.* Власть права : основы социологии юридического поля // *Социальное пространство : поля и практики*. М.; СПб., 2005. С. 104.

⁶ Субъект есть позиция в дискурсивной структуре, то есть люди занимают определенную позицию в зависимости от того, как к ним обращается дискурс (социально значимый Другой — в терминологии символического интеракционизма). См.: *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. L., 1985. P. 115.

⁷ По некоторым данным, в середине 1990-х годов 11 % жителей государств Европы и Северной Америки соотносили себя с миром или континентом, 29 % — со страной и 57 % — с городом или провинцией. См.: *Global Civil Society 2001*. Oxford, 2001.

⁸ *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности : пер. с англ. М., 2004. С. 39.

⁹ *О политике мультикультурализма см.: Taylor Ch.* Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition. Princeton (N. J.), 1994; *Etzioni A.* Next. The Road to the Good Society. N. Y., 2001.

Карола Шульце¹

ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИЯ

Правопорядок любого государства — это важный аспект его культурной эволюции, который отражает правовую (юридическую) культуру народа на данном этапе общественного развития. В условиях всеобщей глобализации, партнерства цивилизаций и диалога культур национальные правовые порядки становятся важными факторами сравнения и обсуждения не только для нахождения общих корней и традиций, но и для определения тенденций развития и особенностей становления национальных правовых порядков. Подобные сравнения правовых традиций, порядков и обсуждение данной тематики происходят в международном, преимущественно европейском, контексте и являются частью общего демократического процесса.

Правовой порядок Федеративной Республики Германия

Правопорядок любого государства представляет собой совокупность норм, которые устанавливают правила поведения в межличностных отношениях и взаимодействиях, а также регулируют отношения внутри социума и закрепляют систему действий его органов для исполнения, поддержания данного порядка². Подобный порядок может быть представлен как единая система, включающая два уровня. На уровне внешней системы речь идет о координации правовых норм по различным формальным критериям, на уровне внутренней — об упорядочивании, связи правовых норм в зависимости от их целей³. Правопорядок неотделим от общества. Но только в том случае, когда правовая система создает и гарантирует исполнение норм, он является правовой частью этого сообщества.

Правопорядок Федеративной Республики Германия является одной из составных частей его общественного порядка. Его функция состоит в том, чтобы закреплять неизменные установки и формы, а также ценности и принципы в жизни общества. Он охватывает совокупность позитивных (урегулированных законом. — *Прим. пер.*) правил внутри немецкого социума. Основной закон представляет собой основу и важную составную часть всего федерального правового порядка, суммирует весь обширный юридический материал в федеральном правовом порядке, соотнося его с нормой — единицей широкого спектра действия. Первоначально правовая система способствует урегулированию в отдельных областях, упорядочению социальных связей внутри немецкого социума, а затем его фактическому закреплению в современных рамках жизнедеятельности этого общества. И наконец, правовая система представляет как неразрывная связь множества правовых предписаний, объединенных основополагающими идеями или принципами, а также ценностями, значимыми для федеративной республики⁴.

Традиции и корни немецкого правового порядка

Правопорядок Федеративной Республики Германия неразрывно связан с общим развитием европейских и англо-американских правовых порядков. Общие корни, определенные исторические моменты и ценности определяют структурное сходство юридических порядков. В то же время

различия внутри данных правовых порядков являются ответом на вопрос об их особенностях или ложных путях политического или правового развития.

Какие традиции и причины, а также особенности и своеобразные пути политического и законодательного развития повлияли на правовой порядок Федеративной Республики Германия?

1) Влияние европейского Просвещения XVII–XVIII столетий в тесной связи с внутригосударственными стремлениями к объединению в XVIII веке способствовало кодификации в ряде важных юридических областей и созданию Германского гражданского уложения (BGB), Торгового кодекса (HGB), Гражданского процессуального кодекса (ZPO) и уголовного права (StGB) и т. д. Данные правовые документы накладывают отпечаток кодифицированного правового порядка на немецкое право. Не в последнюю очередь именно поэтому немецкое право принадлежит к континентальной юридической семье⁵.

2) Как и все правовые порядки в рамках континентальной правовой семьи, немецкое право вплоть до современности испытывало глубокое влияние римского права. Особенно показательны заимствования, имевшие место в XVIII веке, ставшие основой современного гражданского права Германии.

3) Современное состояние немецкого права нельзя рассматривать без внимания к событиям, происходившим в ходе национал-социалистского господства и катастрофы правового порядка в период 1933–1945 годов. Вследствие данных явлений немецкое право и правовая культура лишились западноевропейских корней и были вынесены за пределы европейской традиции и юридической культуры. Вплоть до сегодняшних дней нормы законов и правовая практика Германии во всех направлениях ориентированы на предотвращение подобных преступлений и массовых нарушений прав человека. Это также является причиной того, что Конституция ФРГ как Основной закон демократического федерального социального и правового государства содержит основы других отраслей права. Из-за массовых правонарушений в период национал-социалистского господства важную часть современного немецкого права составляют основные права человека и принципы правового государства, которые определяют структуру и направление всего немецкого правового порядка вплоть до разрешения отдельных догматических вопросов. Все вышесказанное дополняется юрисдикцией конституционных судов как важнейшей составляющей политики в области права общественных интересов⁶.

4) Объединение стран Европы в Европейский Союз способствует унификации национальных юридических разработок: в настоящее время вряд ли имеется хотя бы одна область немецкого права, которая полностью или частично не была бы охвачена правовым регулированием норм права Евросоюза⁷. Кроме этого, право Европейского Союза само по себе является самостоятельным правовым порядком, тесно связанным с правовыми порядками государств — членом Европейского Союза.

Внутренняя классификация правового порядка по областям права

Каждый правовой порядок имеет внутреннюю классификацию по предметным областям (например, конституционное, административное, уголовное, гражданское,

¹ Декан юридического факультета, заведующая кафедрой истории законодательства и правовых учений, государственного права Университета Потсдама (Германия), профессор.

² Henkel H. Einführung in die Rechtsphilosophie. München, 1977. S. 38; Creifelds Rechtswörterbuch. München, 1992. Stichwörter Rechtsordnung. Recht. S. 924; Rütters B. Rechtstheorie. München, 2008. S. 93.

³ Rütters B. Op. cit. S. 106.

⁴ Henkel H. Op. cit. S. 39.

⁵ Robbers G. Einführung in das deutsche Recht. Baden-Baden, 2006. S. 19.

⁶ Ibid. S. 20.

⁷ Ibid. S. 19.

налоговое право и т. д.), которые называются отраслями права. Они тесно связаны друг с другом, но внутренняя структура — система — правопорядка их различает. Например, право независимо от уровня правового регулирования (это федеративный уровень или законы земель) подразделяется на три большие группы — частное, публичное и уголовное право¹.

Частное право регулирует отношения индивидуумов друг с другом. Оно исходит из основной идеи частной автономии индивида как свободного юридического субъекта и регулирует такие юридические сферы, как договор, собственность, владение, брак или общество в зависимости от развития личности. Центром частного права, отраженного во многих областях права, является свод гражданских законов.

Публичное право охватывает отношения индивида к государству или другим носителям суверенной силы, а также носителей суверенного права и их органов друг с другом. В отличие от частного публичное право включает нормы, которые уполномочивают и обязуют всех, за исключением носителей общественной силы (теория привилегии). Дополнительная составляющая этого права охватывает субъективные права и свободы граждан (защитная теория нормы). Вопреки представленному выделению *уголовного права* как самостоятельной области правового регулирования оно остается частью публичного права, потому что только государство располагает штрафной компетенцией.

Конституционное право

и его основополагающее значение для правопорядка Федеративной Республики Германия

Основной закон — это основа немецкого государственного законодательства. Он устанавливает правовой порядок внутри федеральных земель, определяет полномочия и иерархию в государстве и закрепляет важные составляющие федерального правопорядка. На основе изложенного Основным законом порядка совершаемые в политической жизни объединения и интеграция (Германии как единого целого. — *Прим. пер.*) рассматриваются как центральные конституционные функции².

Основополагающий принцип, заложенный Основным законом Федеративной республики, — это неприкосновенность человеческого достоинства. Человеческое достоинство — это внутреннее и в то же время социально-ценностное право внимания, которое неотделимо от человека³. Внимание к человеческому достоинству означает, что государство должно воздерживаться от всего, что его ущемляет. Защита человеческого достоинства означает, что государство должно делать все, чтобы противодействовать нарушению прав, связанных с человеческим достоинством (даже в отношении третьих лиц). Для соблюдения и защиты человеческого достоинства требуется такой порядок общества, который определяет значимость человеческого достоинства в организации государства. Этому служат так называемые устойчивые конституционные принципы⁴.

Конституционный порядок Федеративной Республики Германия традиционно определяется пятью законодательными (структурными) принципами — это республика, демократия, правовое государство, федерализм и соци-

альная государственность. К основополагающему определяющему принципу федеративной республики относится принцип правового государства. В нем заключено понимание образа Федеративной Республики Германия.

Принцип правового государства означает:

— *конституционность*, то есть определение Конституции как высшей правовой нормы и основы государственного порядка;

— *свобода и равенство* — законный порядок взаимоотношений гражданина и государства рассматривается сквозь призму основных прав человека;

— *правовое обоснование*, что означает, что право есть основа и барьер любых государственных действий;

— *запрет чрезмерного вмешательства* в права граждан, то есть соблюдение необходимой пропорциональности при совершении государственных действий;

— *судебная защита* как гарантия всесторонней и эффективной юридической защиты независимыми судами в установленном законом порядке;

— *действие закона* (нормативного акта) — состояние реального функционирования (воздействия и правового регулирования);

— *защита доверия*⁵, что означает сохранение действия предписаний закона в установленный отрезок времени на определенной территории в отношении назначенного круга лиц;

— *возмещение* как система ответственности государственных органов при юридическом нарушении интересов гражданина их действиями или ненадлежащим ведением дел⁶.

Кроме того, в рамках конституционного порядка федеративной республики, исходя из неприкосновенности человеческого достоинства, был сформулирован обширный список основных прав. Это конституционно гарантированные субъективные права. Например, право свободы защищает индивидуальную сферу личности от доступа государственной власти, право равенства гарантирует правовое равноправие внутри государства.

Эти основные права являются непосредственно действующими требованиями в отношении государственной власти, законодателей и органов исполнительной власти. Они могут быть задействованы в рамках каждого судебного производства, а также при подаче индивидуальной жалобы Конституционному суду земли или Федеральному конституционному суду.

В рамках современного понимания выше рассмотренных вопросов расширяется толкование субъективных прав индивидов. Основные права рассматриваются сквозь призму конституционных решений, которые выходят за рамки конституционного права и развивают во всех областях права опосредованное третье действие⁷. Это означает, что основные права защищают индивидуальную свободу в рамках частных (необщественных, негосударственных. — *Прим. пер.*) правоотношений от злоупотреблений субъектами как частной, так и государственной власти.

Юрисдикция по соблюдению правопорядка

Задача каждого правового государства — гарантировать соблюдение правового порядка. При возникновении спора о праве или коллизии правовых норм прерогативой

¹ Avenarius H. Die Rechtsordnung der Bundesrepublik Deutschland. Bonn, 2002. S. 9.

² Sachs M. Grundgesetz. Kommentar. München, 2009.

³ Avenarius H. Op. cit. S. 16–17.

⁴ Vgl. dazu Art. 97 Abs. 3 Grundgesetz nach dem eine Änderung des Grundgesetzes, durch welche die Gliederung des Bundes in Länder, die grundsätzliche Mitwirkung der Länder bei der Gesetzgebung oder die in den Artikeln 1 (Menschenwürde) und 20 (Republik, Demokratie, Bundes-, Rechts- und Sozialstaatlichkeit) berührt werden, unzulässig ist.

⁵ Защита доверия — это часть принципа правового государства в рамках Основного закона. В частности, она предусматривает установление определенного срока вступления в силу правовых актов, изменений законов и тому подобное, чтобы граждане и иные лица, интересы которых могут быть затронуты после вступления указанных документов в силу, смогли ознакомиться и подготовиться к соответствующим юридическим изменениям (Прим. пер.).

⁶ Stern K. Staats- und Verfassungsrecht // Stern K. [u. a.]. Einführung in das deutsche Recht. München, 1990. S. 28–29.

⁷ Pieroth B., Schlink B. Grundrechte. Staatsrecht II. Heidelberg; München, 2008. S. 20, 42.

суда является разрешение спорного вопроса. У гражданина есть право на рассмотрение его спора в суде, а также на судебное разбирательство, правовую защиту и справедливый судебный процесс¹.

Компетенция судов в Федеративной Республике Германия распределяется по пяти отраслям: общая юрисдикция, подсудность трудовых дел, юрисдикция административного суда, социальная и финансовая юрисдикция. Также существует юрисдикция конституционных судов и европейская юрисдикция.

В Германии отсутствует единый суд со всеохватной юрисдикцией, например как Федеральный суд Швейцарии или Верховный суд США. Объективная причина для подобной фрагментации юрисдикции немецких судов, которая иногда приводит к разным оценкам по отдель-

ным вопросам и возникновению проблем, связанных с определением подсудности, лежит в особенной компетентности, которая делает возможной такую специализацию судов².

Конституционность закрепляет особое положение юрисдикции Конституционного Суда. Но на практике существование такой функциональной способности Конституционного Суда не должно высоко оцениваться³. Это одна из классических конституционных дилемм, так как в настоящее время в федеральной практике доминирующей юрисдикцией конституционных судов является защита индивида и его основных прав по противодействию вмешательству и принуждению государственной власти в процессе рассмотрения жалоб, поданных в Конституционный Суд.

¹ Degenhart C. Staatsorganisationsrecht. Heidelberg, 2008. S. 151.

² Robbers G. Op. cit. S. 31.

³ Sachs M. Verfassungsprozessrecht. Heidelberg, 2004. S. 23.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- М. В. АНДРЕЕВ** заведующий кафедрой права, истории и политологии Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан, кандидат юридических наук, доцент
- Х. Н. БЕХРУЗ** профессор кафедры права Европейского Союза и сравнительного правоведения Одесской национальной юридической академии (Украина), доктор юридических наук
- С. А. БОГОЛЮБОВ** заведующий отделом аграрного, экологического и природоресурсного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва), заместитель главного редактора «Журнала российского права», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- Н. В. БУТУСОВА** профессор кафедры конституционного права России и зарубежных стран Воронежского государственного университета, доктор юридических наук
- В. Г. ГРАФСКИЙ** главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор
- М. Б. КАСЕНОВА** профессор кафедры международного частного права Дипломатической академии МИД России (Москва), кандидат юридических наук
- Т. В. КЛЕНОВА** заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Самарского государственного университета, доктор юридических наук, профессор
- В. В. ЛАПАЕВА** главный научный сотрудник Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук
- О. В. МАРТЫШИН** профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии, доктор юридических наук
- Л. Г. МАТВЕЕВА** доцент кафедры теории и истории государства и права Одесского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук
- А. А. МОИСЕЕВ** профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России (Москва), руководитель Центра международного права и международной безопасности Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, доктор юридических наук
- Г. Н. МУРТАЗАЕВА** докторант Отдела административного и финансового права института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины (Киев), кандидат экономических наук, доцент
- Л. А. НУДНЕНКО** профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия (Москва), доктор юридических наук
- С. В. ПОЛЕНИНА** заведующая сектором общей теории и социологии права Института государства и права РАН (Москва), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ
- И. В. ПОПОВ** доцент кафедры гражданского права Омской академии МВД России, директор ООО «Юридическая фирма “Магистр”»
- А. Л. РОГАЧЕВСКИЙ** профессор кафедры юридической психологии и правоведения Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор юридических наук
- Р. А. РОМАШОВ** научный руководитель юридического факультета СПбГУП, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- А. А. ТАРАСОВ** профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета, доктор юридических наук, советник Уполномоченного по правам человека в Самарской области
- И. Л. ЧЕСТНОВ** профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук
- К. ШУЛЬЦЕ** декан юридического факультета, заведующая кафедрой истории законодательства и правовых учений, государственного права Университета Потсдама (Германия), профессор

С. В. ПОЛЕНИНА: — Заседание нашей секции начнется с выступления Хашматуллы Набиевича Бехруза, профессора кафедры права Европейского Союза и сравнительного правоведения Одесской национальной юридической академии.

Р. А. РОМАШОВ: — Так как не все из присутствующих знают этого человека, следует сказать о нем несколько слов. Если говорить о космополитизме как об одном из факторов диалога культур и партнерства цивилизаций, то профессор Бехруз является живым воплощением этого явления. Афганец, живущий в Одессе и считающий себя настоящим одесситом, женат на этнической афганке, гражданке Германии; его родители живут в Сан-Франциско, брат — в Лондоне, сестра — в Копенгагене. В этом наглядно проявляется современная глобализация.

Х. Н. БЕХРУЗ: — Первое, что я хочу отметить: диалог культур и партнерство цивилизаций — это очевидный факт. В настоящее время, несмотря на различия между цивилизациями, культурами различных народов, диалог необходим. Однако мы вкладываем в это понятие разный смысл, поэтому диалог у нас не всегда получается.

На Пленарном заседании академик РАН А. А. Гусейнов выступил с интересным докладом, в котором был поднят вопрос о смене стратегии диалога. Основой новой стратегии должна стать толерантность. Но толерантность, по его мнению, также может толковаться двояко. На самом деле надо спокойно относиться к инакомыслию, к тому, что цивилизации и культуры разные. Для того чтобы диалог был плодотворным, необходимо воспринимать другую сторону наравне со своим статусом, своей позицией. Если диалог будет построен на основе диктата, вряд ли состоится разговор на равных.

Вместе с тем здесь существуют две проблемы. Первая связана с тем, что во многих сферах господствует европоцентризм, европейские ценности рассматриваются как краеугольный камень, на основе которого можно построить диалог. В последнее время говорят о том, что необходимо отойти от европоцентризма, но здесь возникает другая проблема — востокоцентризм. Некоторые полагают, что Восток возьмет верх и в экономической сфере, и в перспективах развития цивилизации. Поэтому акценты развития сдвигаются в другую сторону. Это тоже неправильно: мы пытаемся преодолеть одну крайность, но устремляемся к другой. Что может способствовать диалогу? Новая стратегия, о которой я говорил.

Проблематика сближения правовых систем в последнее время не сходит с повестки дня крупных мероприятий, посвященных правовым вопросам. Но сближение правовых систем не самоцель. Дело в том, что ряд вызовов затрагивают интересы всего человечества, и если различные правовые системы смогут совместно предложить какой-то рецепт — это будет полезно представителям всех цивилизаций и культур.

Существует несколько механизмов реализации такого диалога. Самая известная в настоящее время форма сближения правовых систем — формирование региональных правовых пространств. Когда речь идет о региональных правовых пространствах, то в первую очередь все вспоминают европейское правовое пространство, потому что Европа в этом смысле показала пример всему миру. Но вместе с тем возникают сомнения. Страны Европы имеют общую культуру, цивилизацию, общие корни и правовые традиции. А возможно ли формирование правовых пространств, в которые могут войти представители разных правовых систем, культур, цивилизаций? В этом плане имеется интересный пример. На североамериканском континенте располагаются два представителя одной, за-

падной цивилизации — Соединенные Штаты Америки и Канада. Латинская Америка — это другая цивилизация. Тем не менее мы видим примеры сотрудничества в рамках этого регионального объединения. Количество подобных объединений на сегодняшний день увеличивается.

Кроме того, в диалоге правовых систем важную роль играет формирование такого явления, как наднациональное право. Чем оно отличается от международного права? Нормы международного права принимаются на основе консенсуса, и на каждом этапе идет согласование позиций различных государств. Наднациональное право — это когда государство на добровольной основе делегирует часть своих полномочий некоему центру. Далее, в конкретных мерах, момент согласования отсутствует; из центра «спускаются» стандарты, на основе которых формируется общеправовое пространство. В данном случае часто возникают противоречия — интересы транснациональных корпораций не всегда соответствуют национальным правовым интересам.

Что касается правовых средств, то сейчас часто употребляется словосочетание «правовая культура». Я думаю, можно прийти к созданию правовых стандартов, которые не будут затрагивать самобытность национальных правовых культур. Можно выработать механизм, который будет удовлетворять интересам различных сторон. В этом плане правовая культура нации в состоянии способствовать налаживанию диалога, хотя и здесь возможны «перегибы».

С. В. ПОЛЕНИНА: — Хашматулла Набиевич, в контексте разговора о диалоге культур ответьте, пожалуйста: как Вы относитесь к тому, что, хотим мы того или нет, западные ценности и Интернет — это некая объективная реальность? Интернет не может существовать без системы западных ценностей, на которых базируется, и мы рано или поздно их примем.

Х. Н. БЕХРУЗ: — На мой взгляд, цивилизационные западные ценности — это одно, а Интернет — другое. В 2008 году на Лихачевских научных чтениях прозвучал интересный вывод, что, пока Запад способен разрабатывать инновационные технологии, его преимущества будут сохраняться. В технологическом плане, естественно, это необходимо. Даже китайский экономический бум — это всего лишь копирование западных образцов. Технологическая составляющая важна для инновационного развития.

Что же касается моральных ценностей, прав человека, то они декларируются и представителями восточных цивилизаций. Но как только дело доходит до их реализации, проявляется совершенно другая ментальность.

Например, мы говорили о том, какие правовые средства могут способствовать налаживанию диалога. В связи с этим возникает вопрос: но ведь западная цивилизация опирается на право, и оно рассматривается как сильный, чуть ли не единственный регулятор, который, как локомотив, может «потащить» за собой все вагоны и заставить общество двигаться вперед. На Востоке все иначе. Но мне кажется, что здесь тоже можно найти факторы, которые объединят даже, казалось бы, абсолютно разные, противоположные явления.

Восток чрезмерно ориентирован на государственную власть, на государство как собственника. Представители восточной цивилизации остаются при своих ценностях, и цивилизационные основы восточной и западной культур сохраняют различия. По-моему, трудно говорить об объединении цивилизаций вообще, потому что у всех разные основы. Да и нет такой необходимости, чтобы одна и та же система принципов служила фундаментом для развития цивилизаций.

Р. А. РОМАШОВ: — Не считаете ли Вы, что в настоящее время более целесообразно говорить не о партнерстве, а о конфликте цивилизаций? И что при конфликте технократической цивилизации и менее технически развитой всегда в конечном итоге выигрывает та, которая в культурно-техническом плане более примитивна?

Х. Н. БЕХРУЗ: — Американские исследователи пишут, что в XIX веке конфликт цивилизаций основывался на территориальном разделении; в XX столетии — на разных идеологических подходах; в XXI — на религиозных. Хотя идеологическая составляющая остается и в наше время. Выступая на Пленарном заседании, заместитель министра иностранных дел России А. В. Яковенко говорил о том, что в основе диалога должны лежать цивилизационные ценности. Конечно, это сложно, но иного выхода нет.

КАРОЛА ШУЛЬЦЕ: — Правопорядок любого государства — важный знак его культурной эволюции. Он отражает правовую (юридическую) культуру народа на данном этапе. В условиях глобализации обсуждение национальных правопорядков нужно не только для нахождения общих корней и традиций, но и для определения тенденций развития и особенностей становления национальных правовых порядков. Рассмотрение и сравнение правовых традиций проводится в международном, преимущественно европейском, контексте и является частью общего демократического процесса.

Правопорядок Федеративной Республики Германии — одна из составных частей общественного порядка. Его функция состоит в том, чтобы закрепить неизменные установки и формы, а также ценности и принципы жизни общества. Он охватывает совокупность позитивных, или урегулированных законом, правил, действующих внутри немецкого социума. Основной закон представляет собой базис и важную составную часть всего федерального правопорядка. Конституция суммирует обширный юридический материал и привязывает его к норме — единице широкого спектра действия.

Правопорядок определяется традицией и корнями. В то же время различия внутри правопорядков являются ответом на вопрос об их особенностях или ложных путях политического или правового развития. Правопорядок ФРГ неразрывно связан с развитием европейских и англо-американских правопорядков.

Я хочу рассказать о некоторых особенностях и традициях немецкого правопорядка. Влияние европейского Просвещения XVII–XVIII столетий совместно с внутригосударственными стремлениями к объединению в XVIII веке способствовали кодификации норм в ряде важных юридических областей. Поэтому правовые документы, такие как Германское гражданское уложение, Торговый кодекс, кодификации гражданского процессуального права наложили на немецкое право отпечаток кодифицированного правопорядка.

Свод гражданских законов ФРГ входит в континентальную юридическую семью и отражает ее основные ценности. Как и все правопорядки в рамках континентальной правовой системы, немецкое право вплоть до настоящего времени испытывало сильное влияние римского права. Показательными являются заимствования XVIII века, которые послужили основой современного гражданского права Германии.

Но современное состояние немецкого права нельзя рассматривать безотнотительно к печальным событиям, которые имели место в ходе национал-социалистской диктатуры и катастрофы правового порядка, имевшей место с 1933 по 1945 годы. Вследствие данных явлений немецкое

право и правопорядок утратили западноевропейские корни, остались за пределами европейской традиции и юридической культуры. Сегодня нормы законов, правовая система и правовая практика Германии ориентированы на предотвращение подобных преступлений и массовых нарушений прав человека, поэтому наша Конституция содержит основы и других отраслей права. Не в последнюю очередь из-за массовых правонарушений в период господства национал-социалистов важную часть современного немецкого права составляют основные права человека и принципы правового государства.

Объединение стран Европы в Европейский Союз способствует унификации национальных юридических разработок: на сегодняшний день вряд ли имеется хотя бы одна область немецкого права, которая полностью или частично не была бы охвачена правовым регулированием норм права ЕС. Можно даже говорить о том, что право Европейского Союза само по себе является самостоятельным правопорядком, но оно тесно связано с правопорядками государств — членов ЕС.

И в заключение я хочу сказать несколько слов о конституционном праве и его основополагающем значении для правопорядка ФРГ. Основной закон — это основа немецкого государственного законодательства. Он устанавливает правовой порядок внутри федеральных земель, определяет полномочия и иерархию внутри государства и в то же время закрепляет важные составляющие федерального правопорядка. Основополагающий принцип, заложенный конституцией, — неприкосновенность человеческого достоинства. Он стал особенно актуален после того, как Германия пережила национал-социалистическую диктатуру, когда права человека грубо попирались и правопорядку Германии был нанесен ощутимый урон.

Что такое человеческое достоинство? Это внутреннее и в то же время социально-ценностное качество, неотделимое от человека. Уважение к человеческому достоинству гарантирует, что человек — не объект, а субъект государства. Защита человеческого достоинства означает, что государство должно сделать все, чтобы противодействовать нарушениям и унижению человеческого достоинства. На это ориентирован весь правопорядок Германии.

Также в немецкой Конституции закреплены определенные конституционные принципы. Законодательных структурных принципов пять: республика, демократия, правовое государство, федерализм и социальная государственность. К основополагающему определяющему принципу Германии относится принцип правового государства, и в нем отражено понимание образа Федеративной Республики Германии. Правовое обоснование означает, что право есть основа и норма любых государственных действий; что все действия государства основаны на принципах, которые определяют правовое государство; что происходит кооперация всех правовых действий государства. Это основные права, непосредственно действующие в отношении государственной власти, законодателей и органов исполнительной власти.

К принципам правового государства также относится судебная защита граждан (при помощи традиционных судов и Конституционного Суда). Сюда же входит так называемая защита доверия, которая означает сохранение действия предписаний закона на определенном отрезке времени на определенной территории в отношении определенного круга лиц. К принципам правового государства также относится возмещение как система ответственности государственных органов при юридических нарушениях интересов гражданина.

М. В. АНДРЕЕВ: — Насколько я понял, правопорядок, общественный порядок в основном строятся на

национальных культурных традициях Германии. Госпожа Шульце, скажите, пожалуйста, как Вы относитесь к стремлению Евросоюза, Североатлантического альянса к расширению? Ведь оно предполагает вхождение в эти организации слишком разных государств. Каково Ваше отношение к этому процессу, перспективам его развития?

КАРОЛА ШУЛЬЦЕ: — Я считаю, что расширение Евросоюза — необходимый процесс, хоть он и связан с правовыми и культурными проблемами. Это хорошо видно на примере дискуссии о вступлении Турции в ЕС: здесь мы имеем дело с совершенно другой — исламской — культурой. В немецком правительстве развернулась бурная дискуссия, посвященная вопросу членства Турции в Евросоюзе: будет она полноправным членом ЕС или просто партнером. По моему мнению, Турция не должна иметь особых привилегий. Что касается права, то, как отмечал предыдущий докладчик, оно должно обеспечить мирное решение конфликта, для этого оно и существует.

Т. В. КЛЕНОВА: — Госпожа Шульце, как в условиях относительной самостоятельности европейского правопорядка и правопорядка Германии решается проблема возможного конфликта норм, то есть коллизии или конкуренции? Какие нормы в случае конфликта имеют приоритет или преимущество — нормы европейского правопорядка или германские? Спасибо.

КАРОЛА ШУЛЬЦЕ: — В нашей Конституции записано, что европейский правопорядок стоит выше национального правопорядка.

Однако в действительности Германия все время пытается привести европейские правовые нормы в соответствии со своими. Но в этом случае, конечно, следует соблюдать ограничения, потому что существует Европейский суд по правам человека и необходимо выстраивать основные направления своей внешней политики в соответствии с интересами Европы. Создается такая ситуация, что материальные вопросы решает Европа, а конкретные немецкие правовые вопросы — немецкие суды.

А. А. ТАРАСОВ: — С какими проблемами столкнулся немецкий правопорядок после объединения Западной и Восточной Германии?

КАРОЛА ШУЛЬЦЕ: — Специалисты полагают, что правопорядок бывшей ГДР еще 10 лет будет существовать в прежнем статусе, а потом постепенно станет подстраиваться под правопорядок ФРГ. Политическое развитие этого процесса не оправдало ожиданий, все стало развиваться иначе, чем предполагалось.

Можно говорить о том, что процесс «опередил» прогнозы ученых. Восточные немцы как бы передали свой правопорядок ФРГ, то есть часть правопорядка бывшей ГДР ныне существует в ФРГ. Отношения между Восточной и Западной Германией определялись двусторонними договорами и соглашениями, в которых осталось мало юридических предписаний ГДР. Восточная Германия была недовольна этим.

В ГДР не было правовой системы федеративного государства. Конечно, восточным немцам сначала было сложно осознать это. При социализме не было частной собственности, и им было трудно привыкнуть к новой ситуации. Например, бывшие граждане ГДР потеряли свои дома (около 80 % населения) в окрестностях Берлина, так как они перешли в собственность бывших владельцев из ФРГ. На этой почве возникали конфликты. То есть в правопорядке ГДР не было положения о возмещении ущерба, передаче собственности в качестве компенсации.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Госпожа Шульце, существуют ли различия в трактовке принципа правового государства (которому скоро исполняется 200 лет) в Германии и других странах, где он закреплен?

КАРОЛА ШУЛЬЦЕ: — Я думаю, что немецкое государство можно характеризовать как правовое. В Германии для разрешения споров во всех случаях и ситуациях привлекаются суды. Это отличительная характеристика немецкого федеративного государства.

С. В. ПОЛЕНИНА: — В связи с выступлением Каролы Шульце хотела бы отметить, что когда она говорила о канцлере ФРГ, то произнесла название должности так, как сказано в специальном указе, — *Kanzlerin Bundesrepublik* (то есть, если переводить дословно, «канцлерша»). Я буду говорить о том, как происходит конвергенция правовых систем, если на нее посмотреть с точки зрения практической проблемы — гендерной.

Российские юристы много занимаются вопросами гендерной политики. Как правило, освещаются такие моменты, как источники, формы, правоструктуры и т. д. В этом плане сделано достаточно много, но в последнее время во многих странах усилилось внутреннее напряжение.

Специалисты, занимающиеся сравнительным правом, все больше говорят о необходимости различения двух видов отношений. Есть социально нейтральные области права, например право собственности. Проблемы, связанные с собственностью, регулируются законом. Но еще существует ценностно обремененные отношения, с которыми всегда связано много проблем. Здесь можно выделить два вида отношений — это уголовное и семейное право. Последнее неудивительно: в истории человечества вопросам, связанным с семьей, детьми, женщинами, всегда уделялось большое внимание. В этих вопросах население стремилось ограничить влияние государства. Не случайно в исламском праве существует понятие «частный статус», связанное с семьей, браком, разводами, то есть с тем, что соотносится с семейным правом.

Один из самых острых вопросов — о том, как взаимодействуют правовые системы. В Уставе ООН записано, что мужчины и женщины имеют равные права. Следовательно, не может быть такого положения, которое наблюдается во многих мусульманских странах, что любой старший родственник (даже не отец) решает вопрос о том, кто должен стать мужем подрастающей девушки.

Равноправие мужчин и женщин прописано также во Всемирной декларации прав человека, в двух пактах 1966 года, которые были приняты одновременно (второй из них касался и культурных проблем). В 1979 году была предпринята попытка решить эту проблему на уровне международного права — в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. С юридической точки зрения она имеет одну особенность — все предыдущие документы, в которых говорилось о равноправии, имели в виду только индивидуума, а в этой Конвенции впервые в праве появилось новое понятие — коллективные права.

Однако впоследствии международное право мало обращалось к решению этого вопроса. В 1993 году в Вене была проведена Всемирная конференция по правам человека. В России об этой конференции почти не упоминают. А в Венской декларации и программе действий (в 18 пункте) было сказано, что права женщин и девочек (я подчеркиваю это, потому что более всего невинно страдают маленькие девочки) являются неотъемлемой составной частью прав человека. На этой конференции рассматривались два вопроса: о правах малочисленных народов и о положении женщин во всем мире. После этого наука

продолжала исследовать вопрос, как относиться к положению женщин в мусульманских странах. Я хочу порекомендовать интересную статью «Что написала Беназир Бхутто в своей последней книге», опубликованную в журнале «Свободная мысль» (2009. № 1). В статье говорится (по существу это аннотация к книге), что Б. Бхутто поставила интересный вопрос: почему так произошло, что мусульманский мир стал развиваться в другом направлении по сравнению с христианским? Когда-то христианство было агрессивным, старалось все подчинить своему влиянию. Затем его основным свойством стала толерантность. А мусульманский мир, наоборот, пошел в другом направлении и пытается не просто проявлять активность, но и доминировать. Б. Бхутто связывает это с тем, что во многих мусульманских странах у власти находятся такие силы, которые стремятся быть как можно более авторитарными, в том числе используют для этого приниженное положение женщин. Почему именно женщин? Потому что они, как правило, неграмотные и у них нет собственности. В этом власти могут сделать многое.

Но вернемся к практическим вопросам. Специалисты, занимающиеся сравнением правовых культур, отметили, что в мире имеется 12 практик, по которым то, что существует в исламском мире, не соответствует тому, что происходит в других цивилизациях. Из 12 практик семь (то есть больше половины) касаются прав женщин. Я называю лишь две из семи, которые можно связать с российской действительностью: 1) полигамный брак; 2) мусульманские платки (хиджабы). Верховный Суд РФ разрешил их носить. Это принципиальный вопрос. Верховный Суд, видимо, забыл, что написано в ст. 15 Конституции РФ о приоритете международной нормы. В Конвенции 1979 года в п. f ст. 2 написано, что государство обязано «принимать все соответствующие меры... для изменения или отмены действующих законов, постановлений, обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин».

Недавно президент Чеченской Республики обратился в Общественный совет (это был хитрый ход с его стороны) с вопросом о разрешении многоженства, мотивируя его тем, что в республике мало мужчин. А ведь проблема решается просто: надо запретить кровную месть. Это не первый случай в российской практике. В Ингушетии Р. Аушев уже вводил институт многоженства. Особенно приятно отметить, что первой, кто признал это неконституционным, была женщина-ингушка, член Верховного суда Ингушетии. Аушев предпринял следующую попытку — изменить Семейный кодекс. В данном случае я выступала в качестве эксперта. Я неслучайно говорю о кавказских проблемах: мы допускаем много послаблений в этом вопросе, в то время как необходимо подумать о возможных последствиях.

Х. Н. БЕХРУЗ: — Не подрывает ли основы семейных ценностей то, что в европейских странах женщины более защищены и у них больше прав, чем у мужчин? Это проблема общедемографического характера и вообще западной цивилизации.

С. В. ПОЛЕНИНА: — Ваш вопрос связан с традицией отношений между мужчинами и женщинами в условиях различных правовых культур. Мы привыкли, что в исламской культуре один мужчина может иметь четырех жен, а если кто-то возражает, то ему предлагают почитать Коран. Но традиции меняются.

Я не была в Афганистане, но с интересом слежу за тем, что там происходит. Для меня стало полной неожиданностью, что до того, как советские войска вошли в Афганистан, он считался одним из передовых мусульман-

ских государств (и в отношении женщин тоже), так же как бывшие советские среднеазиатские республики. Но все это уже в прошлом. Когда к власти пришли талибы, они запретили женщинам работать, выходить на улицу без сопровождения лиц мужского пола и т. д.

Здесь уместно вспомнить то, о чем говорили Бхутто (в своей книге, судя по статье) и А. Яковенко, — что любые направления в религиях можно воспринимать не слишком серьезно, без надрыва и попытки принуждения. Американцы в Афганистане попытались изменить ситуацию, даже создали специальные школы для девочек, но их взорвали одними из первых. После того как американцы оставляли какую-нибудь территорию, особенно на границе с Пакистаном, там все начиналось заново.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Светлана Васильевна, является дискриминация универсальным или контекстуально, культурно окрашенным понятием? Ведь если большинство женщин не считают ношение чадры или хиджаба ущемлением своих прав, может быть, это и не дискриминация?

С. В. ПОЛЕНИНА: — Два года назад в Комиссии по правам женщин Европейского Союза депутат из Азербайджана выступала с докладом о положении женщин в странах Европы. Я была экспертом на том мероприятии. Она задала аналогичный вопрос. В ответ я спросила: «За что борется Европа?» Европа борется за права и свободы человека. Если женщина хочет жить четвертой женой у какого-то мужчины и он при этом выполняет то, что положено по исламу (кормит, обеспечивает жильем), — это ее личное дело. Но государство не должно стоять на позиции, что это нормальные, естественные отношения.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Тема моего выступления — правовые традиции. Этот термин впервые появился в европейской литературе в 1980-е годы. В начале 1990-х мною была написана брошюра «Русская государственность: традиции и обновление». Эта тема важна для понимания расхождений и конфликтов, диалога и партнерства культур.

Я хочу высказать несколько своих суждений по поводу идей, прозвучавших на Пленарном заседании. По-моему, присутствует все: и диалог, и конфликты, и партнерство культур. Общение — это уже диалог. Поэтому дискуссия о том, что из всего этого главное, несущественна — надо обозреть все одновременно, причем исторически и, может быть, фрагментарно, потому что есть носители культуры. Одно дело — общение глав государств, другое — общение исследователей, ученых, третья — туристов и т. д. Законодатель, у которого на столе лежат разные папки — дореволюционные, советские и постсоветские законы, европейские законопроекты — тоже наблюдает своеобразный диалог.

На мой взгляд, актуальная в настоящее время тема глобализации является фрагментом большой темы диалога, партнерства и конфликтов культур. Но, к сожалению, она обсуждается фрагментарно. У нас еще не создано традиции, которую можно назвать, если воспользоваться терминологией Д. С. Лихачева, прогрессивной линией в истории русского правоведения. Однажды эта тема возникнет, и сравнительное правоведение станет генеральной прогрессивной линией. Но сейчас этого нет.

Я размышлял над тем, что представляет собой правовая культура в общении с другими правовыми культурами. Культура предстает атрибутом человеческого достоинства; диалог — это общение равнодостоинств культур, а правовая культура — это общение равнодостоинств субъектов права. Интересно посмотреть, как это выглядит в разных государствах. Например, в Древней Греции существовал термин, который Михаил Гаспаров удачно

перевел одним словом «равнозаконие», а не привычным словосочетанием «равенство перед законом». У греков общение происходило на равных — это было равнодостойное общение, равноуважительное положение каждого из участников правового общения. Но философский, исторический взгляд на эти вопросы пока не сформирован.

В. В. ЛАПАЕВА: — Владимир Георгиевич, Вы сказали, что глобализация у нас представлена фрагментарно. Скажите, пожалуйста, в каких фрагментах она проявляется? Глобализация — явление национальное, народное?

В. Г. ГРАФСКИЙ: — В России, к сожалению, нет сравнительного правоведения, как, собственно, и темы глобализации. Поэтому я считаю, что изучение глобализации имеет спорадический характер — это фрагментарное изучение с пропусками и креном то в одну, то в другую сторону. Именно это я имею в виду.

С. А. БОГОЛЮБОВ: — Темой своих размышлений я избрал соотношение права и этики в экологии. Это давний вопрос, и для нашей профессиональной аудитории соотношение разных социальных норм — морали, нравственности, этики и права — пройденный этап, но применительно к экологии он имеет свою специфику и актуальность.

Конечно, все отрасли российского права так или иначе содержат этические нормы. Однако случилось так, что в экологическом законодательстве они применяются в максимальной степени. Для этого имеются объективные и субъективные причины. Даже в законе «Об охране окружающей среды» есть такие понятия, как экологическая культура, экологическое просвещение, этика. Главный экологический постулат — граждане должны думать об охране окружающей среды для настоящего и будущих поколений, об обеспечении биологического разнообразия, о сохранении естественных экологических систем — не является чисто юридическим, а имеет в основном морально-нравственный характер.

Десятилетиями писались диссертации о воспитательном значении нормотворчества, законов, декретов и других нормативных актов. Но избыток нравственных пожеланий приводит к тому, что российское законодательство вообще и экологическое в частности не отличаются большой эффективностью.

Простейшие механизмы перехода к рынку, не обеспечивающие подлинной конкуренции, и социально-экономический кризис, сталкивающий экологию и экономику, обостряют проблему состояния окружающей среды. У слов «экология» и «экономика» общий корень — «эко», но они находятся в антагонистическом противоречии друг с другом. Все уговоры, что надо думать о состоянии природы, птичках и цветочках, несостоятельны, когда речь идет о прибыли (а экология — это всегда вычет из доходов). И сегодня выбор зачастую делается не в пользу окружающей среды.

Это можно было бы «списать» на отечественный менталитет. Но европейские и американские «экологические» законы также содержат много призывов, не подкрепленных юридическими санкциями. Тем не менее внимательный их анализ и сравнительное правоведение привели к подкреплению всех этических экологических требований соответствующими правовыми процедурами. В частности, в США были приняты законы об административных процедурах в экологическом законодательстве. В Европе разработаны статьи о возмещении ущерба, об исках граждан и общественных объединений по поводу приостановки и прекращения деятельности экологичес-

ки вредных предприятий. Предприятия, пренебрегающие этическими и соответствующими правовыми юридическими требованиями в области экологии, доведены до банкротства. Таким образом, речь идет не о менталитете. Каждое требование, если оно является юридическим и нуждается в исполнении, должно подкрепляться соответствующими санкциями. Неслучайно мы говорим о гипотезе диссолюции.

Наверное, среди нас нет ни одного человека, который выступал бы против сохранения природы. Тем не менее отношение к экологическим требованиям значительно различается по группам населения. Как это ни парадоксально, количество предприятий, остановленных вследствие нарушения экологической ситуации, в России неизменно уменьшается, потому что основными противниками приостановки их деятельности являются работающие на них люди. Всеобщее требование жить в чистой среде проигрывает, сталкиваясь с необходимостью получения заработной платы. Этические соображения, что окружающая среда — общее благо, отступают на второй план.

Можно сделать следующий вывод: в настоящее время имеют место знания о соотношении социальных и правовых норм. Но в экологическом праве их применение должно быть практическим: сопровождаться быстрой переработкой нормативных актов в области охраны окружающей среды, направленностью от общих призывов, декларации к конкретным юридическим требованиям с наличием всех составных частей юридической нормы.

И. В. ПОПОВ: — Сергей Александрович, какое место Вы отводите уголовному праву в экологической сфере?

С. А. БОГОЛЮБОВ: — В Уголовном кодексе РФ 1996 года существует 26-я глава под названием «Экологические преступления». Но юристы-экологи включают некоторые главы и статьи из других отраслей права либо в сложную, либо в составную, либо в комплексную отрасль экологического права (тут можно дискутировать). Ясно, что экологическое право без административного, уголовного подкрепления действовать не может. Самое главное — что статьи 26-й главы УК РФ мало применяются на практике. Одна из часто используемых — статья о лесном браконьерстве. В год по этой статье осуждаются около тысячи человек — и это при массовом вывозе древесины на востоке и северо-западе страны!

С. В. ПОЛЕНИНА: — Сергей Александрович, может быть, во многих случаях надо перейти от уголовной ответственности к административной, то есть к штрафам. Например, в США, как и в других странах, случается насилие в семье. Там борются с этим в первую очередь при помощи штрафов. И это действует: человек лучше разведется, чем будет дома устраивать скандалы. Это тот случай, когда экономическая санкция оказывается более рациональной.

С. А. БОГОЛЮБОВ: — Проблема декриминализации наказания выходит за рамки экологического права. Уголовный кодекс 1996 года принимался под знаком декриминализации наказаний, но спустя 13 лет был дополнен изменениями, которые усиливают наказание. И сейчас министр юстиции, в чьем ведении находится исполнение наказаний, и многие другие юристы полагают, что не нужно сажать в тюрьму.

В США за экологические административные правонарушения присуждаются огромные штрафы, исчисляемые десятками и сотнями тысяч долларов. Там работает блестящий инспекторский состав. Мы, конечно, выступаем за то, чтобы и у нас была введена такая система.

Н. В. БУТУСОВА: — Применение штрафных санкций сильно осложнено. Оно осуществляется в русле последующего заключительного социального контроля. Возможно, приоритетными с точки зрения социального управления должны быть так называемый предварительный контроль и правовое воспитание? Какие меры принимаются в этой области? Достаточно ли их? Выскажите, пожалуйста, свою точку зрения о формах и путях такого правового воспитания.

С. А. БОГОЛЮБОВ: — Конечно, предварительный контроль и правовое воспитание — генеральный путь борьбы с экологическими правонарушениями. Но этим путем наша страна идет уже 50 лет, начиная с принятия в 1960 году закона об охране природы, и предстоит еще долгий путь, который мы должны пройти вместе.

Главным профилактическим средством с 1990 года является предварительная государственная экологическая экспертиза всех проектов, связанных с вмешательством в природу. С 2007 года согласно Градостроительному кодексу РФ была исключена экологическая экспертиза в отношении населенных пунктов, потому что для бизнеса это дополнительное бремя. А населенные пункты и есть главные загрязнители, предприятий вне населенных пунктов строится не так много. Мы, юристы-экологи, сейчас ведем борьбу за восстановление экспертизы при населенных пунктах. Добились восстановления ее действия в зонах особо охраняемых природных территорий и особо опасных объектов. Но сегодня даже особо опасные объекты пока не подвергаются предварительной государственной экологической экспертизе.

В. В. ЛАПАЕВА: — В своем выступлении я хотела бы оттолкнуться от публикации шотландского профессора Стивена Уайта «Диалог демократий», представленной в сборнике рабочих материалов. В ней речь идет о том пока гипотетическом диалоге между Россией и Европой, в ходе которого могли бы выработаться такие подходы к формированию модели демократии, которые устроили бы обе стороны. Автор статьи политкорректно говорит о том, что Европа должна сделать первый шаг и признать, что в ее политической практике встречаются случаи, которые не вписываются в представления о демократии, и обсуждать эти проблемы. Речь идет о двойных стандартах и т. д. В то же время необходимо, чтобы Россия тоже выступила с достойной концепцией демократии.

Владимир Георгиевич Графский справедливо сказал о том, что диалог предполагает взаимное уважение достоинства, но участвующие в нем стороны должны быть достойны этого диалога: говорить на соответствующем языке, выступить с достойной концепцией. Вот об этой концепции, с которой Россия могла бы выступить, я и хотела бы кратко рассказать.

Прежде всего следует упомянуть о том, что за короткий постсоветский период в России сменились три официальные доктрины демократии. Вначале была взята установка на праволиберальную демократию, то есть на классическую либеральную правовую демократию западного образца. Однако носители этой идеи, отстаивая ее в политико-правовой плоскости, в сфере экономических отношений продемонстрировали ярко выраженный своекорыстный элитаризм. Приватизация общенародной некогда собственности была проведена в интересах очень малой прослойки общества.

В этой ситуации неизбежным было усиление авторитарных тенденций, которые на идеологическом уровне привели к появлению концепции управляемой демократии. Эта концепция имеет много сторонников. Существующие в России в большом количестве идейно-политичес-

кие течения охотно ее подхватили, потому что в основе этой концепции лежит отход от принципов либеральной демократии, базирующейся на признании универсального характера прав человека.

В России новые теории наложились на старые идеи коммунистов (которые всегда говорили, что коллектив важнее личности), державников (для которых государство стоит над гражданином), евразийцев (для которых право народа выше права человека) и, наконец, Русской православной церкви (которая тоже недавно объявила, что есть ценности, стоящие выше права, во всяком случае не ниже). На этом тезисе я хотела бы остановиться, потому что он прозвучал в разных выступлениях. В Конституции РФ прописан приоритет прав человека, но это не означает, что данный приоритет для отдельного человека может быть выше нравственных и религиозных ценностей. Здесь я согласна с Русской православной церковью. Однако для государства право человека выше, потому что как только государство отступает от него, оно вступает в сферу произвола, какими бы нравственными ценностями оно при этом ни прикрывалось.

Концепция «управляемой демократии» получила в России много сторонников, но просуществовала недолго, потому что налицо была ее ущербность, и сменилась более агрессивной концепцией «суверенной демократии», которая утверждает, что именно она является настоящей. Эта концепция тоже имеет много сторонников. Она наполнена смыслом, потому что слово «суверенная» фиксирует наиболее болезненную точку глобализационных процессов, в которой пульсирует нерв этих процессов. Речь идет о том, что формируются новые принципы мирового правопорядка, которые предполагают изменение прежней системы государственного устройства, сложившегося в результате Версальского мира несколько столетий назад на европейском пространстве. Эти процессы характерны для национальных государств, где право есть результат политического процесса, в котором действуют разные политические силы и в результате формируется общая воля. Согласно принципу формального равенства это и есть право. На наднациональном уровне пока не задействованы в должной мере демократические механизмы правообразования, и зачастую решение принимается на уровне европейской бюрократии. Такие опасения высказывают противники европейской интеграции, которые критикуют эти процессы с правовой точки зрения.

Россия также критикует эти процессы, но с точки зрения силовой концепции суверенитета. У России, как известно, только два союзника — армия и флот. Эта позиция основана на понимании права как права сильного. До настоящего времени наша страна действовала на международной арене, основываясь именно на данном принципе. Это невыигрышная позиция, на языке силы с нами разговаривать никто не станет. Может быть, такой подход адекватен современной политической практике, но если мы хотим разговаривать с миром, а не быть, как говорит Сурков, тем, кто «слушает, а потому слушается», то должны принять тот язык, на котором с нами будут общаться, — язык концепции правовой демократии и правового суверенитета. Именно с учетом этих доктрин следует строить диалог России с Европой.

Я считаю, что при всем своеобразии Россия должна не пугать мир своей доморощенной самобытностью, а встраиваться в общий вектор правового развития. Иначе мы останемся на обочине и будем кричать о том, какие мы великие, своеобразные, евразийские и так далее, но нас никто не услышит — все уйдут вперед.

Л. Г. МАТВЕЕВА: — Валентина Викторовна, не кажется ли Вам, что предложенная Вами классификация

моделей демократии отражает крен вправо, усиление консерватизма в идеологии и поведении российской политической элиты? Это нашло отражение в концепции управляемой, или суверенной, демократии, которую в определенной степени обусловили неудачи тех либеральных технологий, которые изначально пытались «отработать» на нашей стране, и несформированность некоторых институтов, например эффективной партийной системы, без которой, наверное, праволиберальная модель демократии не может работать.

В. В. ЛАПАЕВА: — Я сказала не только о том, что это отражает деградацию модели демократии, но и о том, почему это произошло, — потому что не были найдены точки соприкосновения демократии и либерализма в вопросах собственности. Население вновь отвернулось от власти, поскольку вопрос о собственности был решен не в пользу населения, и власть пошла по пути авторитаризма, и стала неизбежной ликвидация многопартийности.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Почему недостаточно принципов международного права, приоритет которых провозглашается?

В. В. ЛАПАЕВА: — Что такое международное право? Это прежде всего нормы. Например, страны договариваются о том, как им использовать прибрежный шельф, — это договорные нормы. Но международное право основано на приоритете прав человека. В настоящее время Запад определяет, что такое права человека, причем часто это решается на уровне не международных норм, а национальных международных стандартов, которые трудно назвать правовыми нормами, потому что они выработаны (по процедуре) на основе не демократического волеизъявления равноправных партнеров, а тех или иных решений европейской бюрократии. Россия в настоящее время от этого процесса правообразования изолирована, нам необходимо в него активно включиться.

Т. В. КЛЕНОВА: — Я хочу продолжить разговор о национальных правовых культурах и международном праве в контексте глобализации. Моя область деятельности — уголовное право. Сегодня это сфера правовых знаний, в которой конфликтно взаимодействуют национальная и международная правовые культуры. Можно высказать предположение относительно того, почему именно в уголовном праве проблемы взаимодействия стоят особенно остро. Я не думаю, что это связано с тем, что преступность имеет национальную окраску. Скорее причина кроется в том, о чем говорила Светлана Васильевна Поленина: уголовное право относится к ценностно обремененным отраслям права. В уголовно-правовых нормах ярко проявлена воля того, кто имеет возможность диктовать правила с позиции силы. Если речь идет о внутригосударственном праве, то носители власти активно регулируют даже те сферы, в которых уже существуют устойчивые правила и которые должны быть консервативными и не нуждаются в пересмотре.

В уголовном праве проводятся эксперименты относительно такого, казалось бы, классического состава преступления, как кража. Но этому есть политическое и экономическое объяснение: все, что связано с защитой собственности, важно для государства. Если обратиться к опыту отечественного законодателя, то можно увидеть, что для него очень важно уголовное право, и не только на этапе начала проведения правовых реформ. В 1990-е годы за принятием Конституции последовало глобальное правовое реформирование. Именно Уголовный кодекс был одним из первых принятых кодифицированных законов.

До сих пор законодатель постоянно вносит изменения в этот документ. Если учитывать все годы действия Уголовного кодекса РФ начиная с 1 января 1997 года, то можно измерить интенсивность внесения изменений и дополнений в кодекс — один раз в 2,5 месяца! А ведь кодекс существует уже 15 лет.

В этой сфере проявляется конфликт законодателя и научной общественности. Мы не можем договориться внутри страны, потому что среди представителей власти, которые имеют непосредственное отношение к уголовно-правовому регулированию, тоже не выработано единого мнения о правовой культуре и правосознании, уголовной политике, концепции наказания — зачем оно нужно и средством решения каких задач может быть.

Государство не может определиться — различные его представители проводят разную уголовную политику. Если в 2003 году в уголовно-правовом регулировании наблюдался всплеск либерализма, то в последние годы были приняты законы, направленные на ужесточение уголовной ответственности. В то же время официально создается комиссия (кстати, без участия научной общественности), цель которой — подготовить новую редакцию Уголовного кодекса. В ней предполагается декриминализация деяний, сегодня отнесенных законодателем к группе преступлений небольшой и средней тяжести. То есть налицо совершенно разные стратегии.

В международном праве сформировалась самостоятельная область знаний — международное уголовное право. Если его оценивать исторически, то оно имеет вторичный характер по отношению к внутригосударственному праву: международное уголовное право возникло позже, опирается на тот категориальный ряд и те основные правила, которые сформированы внутригосударственными системами уголовного права, ориентируется на принцип суверенитета государств. Здесь речь идет не собственно о наднациональном уголовном законодательстве и тех правилах, которые обязывают всех следовать тем или иным путем, а о международном сотрудничестве и взаимодействии в сфере противодействия преступности.

В международном уголовном праве существуют два основных предмета воздействия. Первый — преступления против мира и человечества, второй — преступления международного правового характера, представляющие общепризнанную общественную опасность. В первом случае роль международной общественности гораздо выше, так как этот предмет непосредственно относится к международному праву. Во втором случае основной акцент делается на внутригосударственном законодательстве.

Международное уголовное право не стало отраслью права, так как в нем не обнаруживаются классические характеристики отрасли права. Речь все еще идет о формирующейся сфере относительно самостоятельных знаний. Что касается наднационального законодательства, то это актуальная проблема, и практическая деятельность именно в этой сфере уголовного права осуществляется очень давно.

После Второй мировой войны под эгидой ООН, то есть в рамках международного права, были поставлены задачи и осуществлены многие мероприятия, направленные на их решение и связанные с разработкой уголовного кодекса, регламентирующего преступления против мира и человечества. Этот вопрос до сих пор не снимается с повестки дня. Постоянно разрабатываются проекты, меняются разработчики, но работа под эгидой ООН продолжается. Конечно, выход на уровень наднационального регулирования уже предпринимался.

Я расцениваю глобализацию как имеющую скорее негативный, чем позитивный характер, подразумевая прежде всего ее последствия. Как бы то ни было, глобализация стала реальностью и с ней надо считаться.

Глобализация как явление для меня представляет интерес в связи с тем, что она оказывает влияние на состояние преступности. Несмотря на то что происходит унификация, которая вроде бы должна устранять противоречия, экономические и социальные отношения, наоборот, осложняются. Речь идет не о социальном неравенстве (которое, конечно, существует), а об экономическом. Таким образом, при провозглашении равенства неравных все равно будет существовать конфликтное поле. Поскольку речь идет об агрессивном явлении (унификация неизбежно вызывает сопротивление), естественно, защищаются суверенитеты, правосознание, сформированное с учетом традиций. Возникает противодействие в виде антиглобализма, и состояние преступности меняется, она откликается на эти вызовы. Уже существует преступность, в том числе экономическая, связанная с антиглобализмом. В данном случае чаще всего происходит развитие экстремистской преступности. Массовые публичные выступления неизбежно выливаются в разные формы насильственного поведения, и эти небезопасные последствия тоже следует учитывать при моделировании ситуации.

Моделирование ситуации в настоящее время вызывает большие трудности при решении вопросов правотворческого процесса, в частности в уголовном праве. Область экспертизы, одним из направлений которых должно быть моделирование развития ситуации, сейчас находится в кризисном состоянии, гораздо худшем, чем в 1990-е годы. Ни в какой форме не осуществляются криминологические экспертизы при решении важных вопросов уголовно-правового регулирования. Но, насколько мне известно из опыта общения с представителями правовых культур зарубежных государств, там в области решения проблем моделирования ситуации и последствий принимаемых правовых решений тоже отнюдь не все благополучно. То есть это общие проблемы.

Решение вопросов и выработка конкретных предложений по взаимодействию или соотношению внутригосударственного и международного права и возможности создания наднационального законодательства, мне кажется, осуществляется в большей степени с позиций идеологических и политических, чем собственно правовых. Я солидарна с теми выступавшими, которые говорили о международном праве как об упрежном для использования на территории страны. И уголовное право показательное в этом смысле.

Я считаю, что надо развивать взаимодействие между внутригосударственным и международным правом. В этом я вижу залог предупреждения глобализации в уголовно-правовом регулировании, проявляющейся в создании наднационального законодательства. Уголовно-правовые нормы имеют свою специфику — это основные нормы, которые использует власть. И если будет принят единый уголовный кодекс для мира и человечества, то неизвестно, как та или иная власть будет им пользоваться. Гораздо проще, когда государства договариваются и на основе договоренностей принимают международные нормы, имеющие согласительный характер. Я расцениваю эту процедуру уголовно-правового регулирования как более демократическую и понятную.

На мой взгляд, надо усиливать и упорядочивать и внутригосударственное, и международное право. А глобализация в законодательстве небезопасна и имеет большие издержки, что необходимо учитывать.

М. Б. КАСЕНОВА: — Интересно узнать Ваше мнение по поводу киберпреступности. Известно, что Россия подписала соответствующую конвенцию. Как трактовать, моделировать киберпреступность в уголовном праве?

Т. В. КЛЕНОВА: — Моделировать, конечно, необходимо. Существуют два пути развития законодательства — запаздывающий и опережающий. Я в этой сфере отношений выступаю за запаздывающий путь. Хотя, конечно, там, где говорится о совершении преступлений с использованием современных технологических средств, о преступлениях против интеллектуальной собственности, большое опоздание тоже опасно. Существуют злоупотребления, и права людей необходимо защищать. Знания в этой сфере в отечественном уголовном праве еще не являются достаточно сформированными. В настоящее время на эту тему защищается диссертация. Это свидетельствует о создании учения, его формировании.

С. А. БОГОЛЮБОВ: — В защиту международного права следует сказать: сам термин «международное уголовное право» очень условный. В российском праве, в отличие от международного, есть уголовный процесс. Когда Вы говорите, что нужно развивать конвенционный механизм, который все предусмотрит, то мы понимаем, что речь идет о криминализации только в общих чертах. В конвенции более прописаны преступления против человечности, отсутствует финализация, есть лишь процесс. Поэтому не стоит упрекать международное уголовное право. Оно существует как область знаний, а все остальное отсутствует.

Т. В. КЛЕНОВА: — Я с этого и начала свое выступление. Здесь речь идет о большой политизации и идеологической насыщенности решений.

А. А. МОИСЕЕВ: — Татьяна Владимировна, когда Вы говорите о разработке наднационального законодательства, то имеете в виду разработку многосторонних международных правовых норм и не более того?

Т. В. КЛЕНОВА: — Уголовный кодекс как кодифицированный акт.

А. А. МОИСЕЕВ: — Когда Вы говорите о глобализации в сфере законодательства и всего остального, речь идет об унификации? Я вновь обращаю Ваше внимание на термины.

Т. В. КЛЕНОВА: — Спасибо за замечание. Да, глобализация — это унификация, если говорить о терминах. Когда речь идет о кодифицированном уголовно-правовом регулировании, где бы оно ни осуществлялось — внутри страны или за ее пределами, оно в любом случае обладает большой централизацией и предполагает в дальнейшем централизацию власти.

О. В. МАРТЫШИН: — Политическая культура — это действительность, которая выступает как объективная необходимость по отношению к государству. Государство не пассивно — оно пытается оказать воздействие на политическую культуру, и их взаимосвязь мне напоминает «базис» и «надстройку» согласно марксистскому учению. В истории каждого государства бывают периоды, когда его вмешательство в формирование политической культуры особенно заметно. Сейчас Россия переживает именно такой период, потому что советская культура разрушена и создается новая политическая и правовая культура.

Государство воздействует посредством политики. Правда, когда политика начинает ставить цели, она превращается в идеологию. Это идеолого-политическое воздействие государства на формирование политической культуры совершенно очевидно в современной России. Я думаю, что нас не должно смущать утверждение действующей Конституции (ст. 13) об идеологическом плю-

рализме. Реальный смысл этого утверждения состоит в том, что официальной коммунистической марксистско-ленинской идеологии нет, но вместо нее есть другая.

Профессор В. В. Лапаева четко объяснила: новая идеология — либеральная. Авторы (я бы сказал, технические авторы) Конституции РФ 1993 года исходили из идеологии либерализма мировых стандартов. В итоге наш Основной закон представляет собой каталог мировых стандартов со сверхзадачей — оказаться впереди, превзойти всех в перечне демократических и правовых принципов.

Теория сразу откликнулась на идеологию мировых стандартов. Было выдвинуто положение о современном государстве, которым часто пользовались отечественные теоретики государства и права, — это прежде всего цивилизованное государство цивилизованной страны. Наряду с идеализмом юристов, которые писали текст Конституции, в этом документе, к счастью, проявились и противоположные, сугубо реалистические тенденции, которые нашли выражение в институте сильной президентской власти, что противоречит мировым стандартам. Такой президентской власти, какая существует в России, нет ни в одной цивилизованной стране, но, на мой взгляд, это положительный момент: он обеспечивает эффективность государственной власти (достаточно сравнить этот институт, не отвечающий мировым стандартам, с более соответствующим им институтом распределения властей на Украине).

Ситуация несколько изменилась при втором президенте РФ, когда необходимость осуществления широких президентских полномочий привела к укреплению так называемой «вертикали власти». Это сразу отразилось на идеологии, где был совершен переворот: мировые стандарты не отрицались, однако в одном из посланий президента Федеральному собранию было сказано, что идеал демократии остается идеалом, но Россия не может не считаться со своими традициями и условиями. Это влияние реальности, от которого нельзя избавиться.

С теоретической точки зрения постулат, что страна не может не считаться со своими традициями и условиями, бесспорно, правилен. Вопрос заключается в том, как он применяется, в мере соотношения мировых стандартов и национальных особенностей. Я еще раз подчеркиваю, что идея сильной президентской власти в определенной степени была спасительной и благотворной для России. Однако сильная централизованная власть, в общем, не способствует демократии. Вопрос в том, как понимается новая концепция демократии, которая получила название суверенной.

В Российской Федерации при активном воздействии государства на формирование идеологии и посредством нее — на политическую культуру имеется целый ряд отступлений (я бы назвал их искривлениями), которые не содействуют демократическому процессу. Прежде всего, это историческая мифология. Дореволюционная Россия объявляется царством благополучия, справедливости, народной поддержки. Эта прекрасная, изумительная страна, которую мы потеряли, шла по пути прогресса, а в 1917 году положил конец безмятежному эволюционному развитию. В этом заключается историческая мифология.

Кстати, эта концепция отражена в грамотно составленном документе «Основы социальной платформы Русской православной церкви». Когда я прочитал его, то невольно сделал вывод о том, что церковные деятели по многим параметрам превосходят юристов и политиков.

Другим элементом исторической мифологии является абсолютно отрицательное отношение ко всем русским революциям и к революции в принципе в стиле выступавшего на Пленарном заседании профессора Р. Герра из Франции. Он передал в своем докладе бунинские настроения и метафоры. Революция для него — это катастрофа,

падение России, конец Российской империи. Для объяснения феномена русских революций не было найдено лучшего источника, чем сборник «Вехи», который стал для некоторых современных авторов чем то вроде Священного Писания. Революцию, согласно веховской трактовке, организовали отщепенцы, жалкая русская интеллигенция. Постсоветская историография к этой концепции прибавила свои примитивные конструкции: интересы зарубежных стран, причем даже тех, которые находились в антагонистических отношениях друг с другом, иностранные правительства и разведки, инородцы. Кто ведет подобную пропаганду? При Фонде культуры (первым руководителем которого, кстати, был академик Д. С. Лихачев) сегодня существует дирекция президентских программ, которая выпускает так называемые историко-документальные фильмы о русской революции. Фальсификации в этих фильмах просто вопиющие.

Еще одно явление, свидетельствующее об искривлениях, — клерикализм, который проникает во все сферы жизни (он проявляется даже на нашей конференции). На Пленарном заседании заместитель министра иностранных дел России А. В. Яковенко выдвинул семь тезисов, и главный из них — религия как единственная основа нравственных устоев современного общества. Но разве нет других основ? Кстати, будучи государственным служащим, он заявил о том, что западная идея светского государства не отвечает требованиям, которые выдвигает эпоха глобализации. А ведь Россия — это светское государство (по Конституции 1993 г.).

Следующее момент, который представляется мне глубоко неверным, состоит в том, что формируемая сейчас государственная идеология пренебрегает социальными отношениями и противоречиями. Вопрос социального государства недостаточно разработан в Конституции РФ 1993 года, там не описан механизм осуществления этих функций.

И последнее — консерватизм, который сейчас выдвигается в качестве официальной идеологии, в первую очередь партией «Единая Россия». Консерватизм, связанный с элитизмом. На Пленарном заседании тоже говорилось об элитизме, о необходимости подготовки элитных кадров. По этому поводу прекрасно высказался Евгений Евтушенко: те, кто называет себя элитой, — это представители плебса, которые хотят сформировать себя в качестве правящей элиты. Настоящая элита таковой себя не назовет.

Если политическую культуру, представляющую собой нечто объективно данное, сравнить с указанными тенденциями, то вывод будет следующим: установление демократии по английскому образцу в современной (и несомненной) России — утопия, этому противоречит русская политическая культура. Идея о необходимости приспособления идеала демократии к российским условиям, безусловно, верна — Россия должна идти к демократии. Однако при этом неизбежен переходный период, и вопрос заключается в том, какое направление мы выберем. Куда мы движемся — к развитию демократии или к возрождению идеологии русского самодержавия, так называемой народности? К сожалению, второй направление преобладает.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Орест Владимирович, скажите, пожалуйста, чем отличается правовой статус президента России и президента Франции с формальной точки зрения? И в чем заключается неограниченная роль президента в России?

О. В. МАРТЫШИН: — По современным законодательным актам президент утверждает главу исполнительной власти. Во Франции главу правительства утверждает Национальное собрание, парламент.

С. В. ПОЛЕНИНА: — Вы считаете, что либерализм является господствующей идеологией в России?

О. В. МАРТЫШИН: — Являлся в первое десятилетие постсоветской истории, сейчас всеми проклинаемое.

Г. Н. МУРТАЗАЕВА: — Орест Владимирович, как взаимосвязаны понятия «политическая культура», «моральные ценности» и «государственная власть»? Как бы Вы оценили уровень политической культуры государственной власти на Украине?

О. В. МАРТЫШИН: — Если позволите, я начну со второго вопроса. Политическая культура современной Украины формировалась в советское время, поэтому, я думаю, нет острых противоречий или принципиальных различий между политической культурой России и Украины, исключая один, так сказать, нюанс, связанный со стремлением последней к *независимости*. Это вызвано какой-то глубокой антипатией ко всему московскому, которая постоянно подогревается. Сложности, которые претерпевает сейчас Украина, я связываю с теми изменениями в ее конституционном строе, которые были произведены после ухода с поста президента Украины Л. Кучмы и прихода к власти В. Ющенко. Тогда парламент получил большие права, в том числе право отменять решения президента. Б. Ельцин предвидел, что этого ни в коем случае нельзя допускать, а Л. Кучма допустил, и изменение конституции повлекло за собой тяжелые последствия. Думаю, что нынешнее критическое положение не будет долгим. Украина в конце концов придет в соответствие с общей картиной в постсоветских республиках, где установлена сильная президентская власть.

Теперь ответу на Ваш первый вопрос, Гульнара Наримановна. В моем понимании культура не обязательно предполагает наличие высокого уровня морали. Культура — это то, что есть. Так называемое бескультурье — это вариант культуры, точнее, уровень развития культуры. Аморальность, увы, заложена в нашей политической культуре. Мы это замечаем на каждом шагу, и ни у кого не вызывает сомнений, что это затрагивает в одинаковой мере и простых российских граждан, и представителей власти разных ветвей и разных уровней.

А. А. ТАРАСОВ: — Орест Владимирович сказал о важном моменте: действительно, на определенном этапе сильная президентская власть для России была спасением, выходом из тупика. Мы можем как угодно к этому относиться, но это факт. Ведь та власть пришла на смену бесправию и хаосу, а практически любая власть лучше, чем безвластие.

Но как развивается наша правовая система, правосудие? Из уст Кароль Шулце я услышал неожиданное словосочетание: «*Deutsche national richt Ordnung*» — «Немецкий национальный правовой порядок». Призываю прислушаться к этому видному теоретику права. Правовый порядок не есть национальная система права или национальное законодательство. Это наднациональное понятие, такая организация жизни, которая подчиняется не закону, а праву. Но вместе с тем Германия (и не только она) позволяет себе сохранять свою качественную определенность. В принципе, в этом нет ничего плохого. Но я не знаю, как относиться к тому, что германская конституция ставит европейский правовой порядок над национальным. Я услышал сегодня еще одну важную вещь: когда произошло объединение Восточной и Западной Германии, Западная Германия не стала давить на ГДР, хотя имела возможности для этого, а пошла по пути реализации чаяний всего населения страны.

В свое время Ф. М. Достоевский сформулировал и вложил в уста Ивана Карамазова важный постулат: нет для человека заботы непрерывнее и мучительнее, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться. Увы, никто еще не смог опровергнуть этих слов. Поэтому надо выработать схему, в которой преклонение не повлечет за собой утрату человеком его достоинства, стремления к равенству и свободе, но при этом наша свобода не должна мешать столь же свободно жить другим. В уголовном и процедурном праве это достаточно четко расписано, однако возникает та же проблема, что и в других отраслях права. В разных системах правосудия есть веками выработанные институты, и сейчас находится достаточно много желающих переместить их на российскую почву. Ожидается, что Россия откажется от дореволюционной, имперской правовой системы и от советского опыта в данной сфере и непременно воспримет то, что есть в других странах.

Что касается истории суда присяжных с точки зрения принадлежности к разным правовым семьям, то она тоже очень противоречива. В свое время Франция заимствовала идею суда присяжных у Англии и с военными победами Наполеона разнесла практически по всей Европе. Что произошло после этого? После Первой мировой войны Германия фактически отказывается от суда присяжных, оставляя лишь название. Франция также в 1945 году аннулирует этот институт. Трудно сказать, почему это происходит. Наши реформаторы частенько говорят о том, что идея такого суда изжила себя. Ничего подобного! Почему американцы, имея практически неограниченную возможность обратиться к суду присяжных в случае обвинения в преступлении, наказание за которое превышает один год лишения свободы, обращаются к нему лишь в 4 % случаев? Потому что они доверяют профессиональному правосудию. Нам же для того, чтобы прийти к этому выбору — преклониться перед идеей настоящего правосудия, нужно пройти тот путь, который прошли американцы, пережить страшную коррупцию в судах, которая была у них во время Великой депрессии.

Сейчас доверие населения к правосудию нам необходимо больше, чем что-либо иное. До тех пор пока люди не понимают, что происходит в наших судах (а это, увы так), никакие судебные реформы не могут осуществиться. И суд присяжных — нравится он кому-то или нет — это способ сделать происходящее в нашем правосудии понятным людям. Суд присяжных — это институт не только демократии, но и формирующегося гражданского общества. Государство как бы говорит людям: я твоя правосудие настолько справедливо, что любой из вас может в этом убедиться. А если мы по причине дороговизны или малограмотности населения откажемся от суда присяжных, то система правосудия превратится в систему судов, то есть просто неких чиновничьих служб, и правосудия как такового не будет, а будет производство судебных дел. Поэтому я не за «доморощенную самобытность» или «махровую самостийность», а за то, чтобы мы уважали себя, свою историю, и за то, чтобы наше стремление к мировой цивилизации и к участию в процессах глобализации не позволило бы нам утратить свое лицо.

С. В. ПОЛЕНИНА: — В чем Вы видите преимущество суда присяжных перед народными заседателями?

А. А. ТАРАСОВ: — Честно говоря, эту идею я позаимствовал у профессора Позднышева, который высказал ее в начале 1920-х годов. И то и другое нужно России. Суд присяжных — дорогая процедура, и ввести ее по огромному количеству дел в принципе невозможно, это не под силу никакому бюджету. Кстати говоря, в законодательстве

Украины предусмотрены обе формы народного участия, но суда присяжных там фактически нет.

С удалением народных заседателей и введением суда присяжных сложилась интересная ситуация — лишь в 4 % дел участвует население, причем в подавляющем большинстве — в среднем звене судебной системы, а на уровне районного суда народных представителей нет. И происходят удивительные вещи. Приведу пример. Рассматривается гражданское дело, судья закрепляет право собственности на два гектара самарской городской набережной (у нас красивая благоустроенная набережная, которая тянется на 12 км вдоль Волги) за владельцем кафе, расположенного на этой набережной. Но судья лишен таких полномочий, и всем понятно, почему так происходит. Во время дискуссии по поводу участия «народного элемента» в судебном процессе один саратовский коллега сказал: «Даже собаки стесняются, совершая неблагоприятный поступок, а здесь речь идет об уважаемых людях. Уж при народных заседателях судья такое решение принять, наверное, не осмелился бы».

А. Л. РОГАЧЕВСКИЙ: — Мое сообщение посвящено довольно специфической теме — историческому опыту различных стран в вопросе закрепления территории. Делалось это с помощью колонизации — заселения в организованном порядке. Это традиционный и довольно эффективный инструмент, которые брали на вооружение различные государства, но он во многом зависел от грамотно проводимой переселенческой политики.

Расскажу, какая ситуация складывалась на границах прусского государства с Польшей и Литвой. Я собирал материалы на протяжении ряда лет, изучал как литературу, так и из архивные источники. Некоторые материалы были мной почерпнуты в берлинском архиве, где мне довелось работать.

В прежние времена область расселения немцев была значительно обширнее, чем сегодня. В частности, на территории бывшей Восточной и Западной Пруссии еще 60 лет назад проживало в основном немецкое население. Как известно, Вторая мировая война положила этому конец, территории были отрезаны и переданы Польше и Советскому Союзу.

В Средние века здесь господствовал Тевтонский орден, завоевывая территории на протяжении ряда столетий. К 1422 году положение стабилизировалось, был подписан мирный договор с Польшей и Литвой, закрепляющий границу, и в течение следующих 500 лет — до 1919 года — Литва была одной из самых стабильных стран в Европе. Один из участков этой границы сохраняется и сегодня — это кусочек границы Калининградской области с Литвой от Немана до стыка с границей Польши.

В тот период Пруссия представляла собой довольно мощную державу, но после ряда войн с Литвой и Польшей западная ее часть (наиболее развитая и богатая, где находились Эльбинг и Данциг) отошла к Польской короне. В руках Ордена осталась Восточная Пруссия с центром Кёнигсбергом. Именно отсюда, после того как были преодолены последствия политического кризиса, начала разворачиваться колонизация приграничных территорий, потому что эти обширные земли оставались незаселенными. На базе этих двух частей возникли Западная Пруссия и Восточная Пруссия, которая впоследствии, после секуляризации в XVI столетии, была преобразована в светское герцогство.

Такова была ситуация, сложившаяся в XVI веке на этой земле, за которой простиралась так называемая «Великая глушь» — обширная незаселенная территория, покрытая дремучим лесом, постепенно заселяемая людьми. Так, можно наглядно проследить здесь развитие городов.

В восточных регионах городская сеть значительно реже, урбанизирована была в основном западная часть страны. После подписания Польшей и Литвой Люблинской унии в XVI столетии часть этой территории, так называемая Княжеская Пруссия, осталась в руках местного герцога. В 1701 году Пруссия превращается в королевство, и в XVIII веке все ее земли снова оказываются под скипетром Гогенцоллернов.

На протяжении всей своей истории колонизационный процесс находился в центре внимания властей Пруссии. Основой его стала знаменитая Кульмская грамота — памятник права Пруссии XIII века. Немецкие колонисты первую привилегию, которая существенно облегчала условия их поселения. Это было модернизированное по тем временам Магденбургское право с рядом изменений. Оно вдвое уменьшало размеры судебных штрафов, чтобы переселенцы уютнее себя чувствовали на новом месте; существенно облегчало налогообложение и гарантировало колонистам ряд других льгот.

Приступая к заселению этих обширных территорий, власти сознавали, что там сложилась довольно специфическая ситуация. Это приграничные восточные польские земли, которые вплотную придвинулись к линии границы, делящей территорию «Великой глуши» примерно пополам. И орденские власти, а затем и власти герцогства, опасаясь стихийной миграции на эту территорию, понимали, что надо каким-то образом закрепить ее за собой, но завербовать немецких колонистов не удалось. Поэтому была взята на вооружение следующая политика. В первых часть общин получила определенные привилегии. Во-вторых, была предпринята попытка заселить эту территорию, пригласив тех же самых поляков, или мазовчан, как их тогда называли (те, кто с Мазовии), живших по другую сторону границы. Ни их родной язык, ни происхождение, ни прежнее подданство никого не смущали — главное, что они придерживались той же религиозной традиции. Поначалу это были католики, а после Реформации туда довольно активно стали мигрировать и те, кто симпатизировал протестантизму. Здесь получил привилегии целый ряд городских общин — Иоганнесбурга (ныне это польский город Пиш), Лика (этот город имел привилегии и в XVI веке).

Особенно любопытно то, что была попытка применить старый способ — размежевать эту территорию, но еще в XVI веке был введен особый пограничный знак, который сохранился до наших дней. На нем изображены польский орел и герб прусского герцога.

В одних случаях власти просто поручали заселение территории частному лицу. В качестве примера можно привести историю города Маргграбов: предприниматель просто получил задание основать его недалеко от границы, и город был создан. За это основателю был дарован ряд привилегий, в частности наследственное владение мельницей и т. д. В других случаях на участках просто расселяли крестьян польского происхождения. Здесь преобладала шляхетская колонизация, то есть количество деревень свободных крестьян уступало количеству угодий мелкой шляхты.

Несколько иначе выглядела колонизация на восточных рубежах. Литовские власти предпринимали попытки оживить городскую жизнь, создали возле замка Юрбург городок Юрбаркас, община которого составила довольно серьезную конкуренцию прусским поселенцам. В качестве противовеса ему была сделана попытка создать собственный город — Тильзит (ныне город Советск Калининградской области), увенчавшаяся успехом после длительных усилий и жалоб на соседей, которые организовали здесь рынок и препятствовали свободной торговле. Кроме того, в руках у литовцев была вся торговля рыбой по берегу

Немана. После длительных переговоров с герцогом и споров со столицей герцогства Кёнигсбергом, который имел серьезные привилегии, Тильзит получает сначала «рыночное право», а затем и «полное городское право».

М. Б. КАСЕНОВА: — В чем позитивность этих знаний для нас, можно ли сделать какие-то выводы, полезные для современности?

А. Л. РОГАЧЕВСКИЙ: — Из-за нехватки времени я лишен возможности осветить все подробности, поэтому лишь коротко резюмирую: изучение источников показывает, что фактически по обе стороны данной границы была развернута конкуренция, и в первую очередь за население как налогоплательщиков и потенциальных ополченцев. Переход границы в те времена обычно не представлял труда. Литовские магнаты часто жаловались на своих крепостных крестьян: те нередко бежали в Пруссию, где были более льготные условия поселения. Один из ее регионов даже получил название Прусской Литвы. Во многих случаях по разным причинам прусские власти удерживали пальму первенства в этом соревновании за увеличение населения. В итоге они сумели закрепить за собой многие еще не размежеванные территории, обеспечив тем самым себе надежную опору. Эта политика показала свою эффективность и привела к стабилизации языковой, а затем и политической границы.

Перекидывая мостик к современности, могу сказать следующее: к большому сожалению, мы вряд ли можем сказать про какой-нибудь из нынешних российских, а тем более советских городов, что он разбогател за счет приграничной торговли... Сравнение с иностранными городами, увы, не в нашу пользу. Мы имеем наглядные примеры в случае так называемых городов-двойников, таких как Нарва и Ивангород или Благовещенск и Сульфанхе. Как вы полагаете, на чьем берегу более благоприятная ситуация? К стати сказать, этот опыт до сих у нас должным образом не изучен, хотя журналисты об этом писали, впрочем, не вдаваясь в особые подробности.

Какие правовые механизмы были задействованы, скажем, китайской стороной, для того чтобы Сульфанхе из захудалого поселка превратился в огромный процветающий город с небоскребами? Просто были приняты специальные нормативные акты, предусматривающие льготы и в налоговой, и в административной, и других сферах, которые поощряли селиться там. Эта политика проявила свою эффективность. Вообще если власти той или иной страны желают, чтобы территория не подвергалась стихийной миграции, чтобы этот процесс контролировался и направлялся в нужное для общества и государства русло, видимо, они должны использовать механизмы, которые обеспечивают успех данной политики. Это касается и России.

Л. А. НУДНЕНКО: — Не являясь специалистом по правовой культуре или представителем традиционного права, я решила выйти на данную проблему через рассмотрение правового статуса личности. По данному разделу права я веду спецкурс в Российской академии правосудия.

Среди многочисленных прав российских граждан есть право на квалифицированную юридическую помощь. Поскольку все нормы Конституции Российской Федерации выступают в качестве принципов для других отраслей права, для того чтобы раскрыть данную проблему, мне пришлось обратиться к Уголовно-процессуальному кодексу РФ (УПК РФ).

Правовая культура неразрывно связана с человеком, реализацией его конституционных прав и свобод, выпол-

нением конституционных обязанностей. Правовая культура общества складывается из правовой культуры каждой личности, ее правовой активности, степени использования предоставленных ей прав и свобод в экономической, политической и социальной сферах. Благодаря такой активности граждане обеспечивают себя и общество необходимыми материальными и духовными благами, создают необходимые условия для эффективного функционирования политико-правовых сфер. При этом каждый индивид должен обладать глубокими правовыми знаниями, иметь возможность получать квалифицированную юридическую помощь и активно бороться с правонарушениями, допускаемыми другими лицами. В соответствии с международными обязательствами и процессами глобализации правовых систем Конституция РФ в ч. 1 ст. 48 закрепляет право каждого на получение квалифицированной юридической помощи.

В юридической литературе высказано мнение о том, что формулировку ст. 48 Конституции РФ нельзя признать удовлетворительной, поскольку в ней не указаны органы, обязанные предоставлять квалифицированную юридическую помощь. Думается, что круг субъектов оказания квалифицированной юридической помощи вполне может быть детализирован текущим законодательством. Из содержания федерального законодательства РФ вытекает, что квалифицированную юридическую помощь, кроме адвокатов, обязаны оказывать сотрудники юридических отделов организаций, органов государственной власти и местного самоуправления, сотрудники юридических фирм, а также нотариусы и патентные поверенные, чья деятельность хоть и направлена на оказание юридической помощи, но в силу закона не является адвокатской.

Согласно ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый имеет право при рассмотрении любого предъявленного ему обвинения защищать себя лично или опосредованно через выбранного им защитника. Если гражданин не имеет защитника, он должен быть уведомлен о праве иметь назначенного ему защитника. Право на самостоятельный выбор защитника отнюдь не означает право выбирать в качестве такового любое лицо и не предполагает возможность участия в уголовном процессе любого лица в качестве защитника. Закрепленное в ч. 2 ст. 48 Конституции РФ право пользоваться услугами адвоката не может быть истолковано в отрыве и без учета положений ч. 1 этой же статьи, которая гарантирует квалифицированную юридическую помощь. Гарантируя право на получение квалифицированной юридической помощи, государство должно, во-первых, обеспечить условия, способствующие подготовке кадров для оказания гражданам различных видов юридической помощи, и, во-вторых, установить с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования и критерии.

Весьма актуальной является проблема границ или пределов права личности на квалифицированную юридическую помощь. В практике Европейского суда есть принцип, согласно которому обвиняемый не располагает неограниченным правом использовать для своей защиты любые аргументы. Понятие «право на защиту» будет сверх меры расширено, если допустить, что обвиняемый получит возможность умышленно возбуждать необоснованное подозрение в отношении свидетеля или любого другого лица, участвующего в судебном разбирательстве. Возможность в последующем привлечь за это к ответственности обвиняемого не означает умаления права на защиту.

Весьма важной является и проблема оплаты квалифицированной юридической помощи, которая, как правило, стоит довольно дорого. Однако если у обвиняемого нет средств на оплату услуг защитника, ему должна быть предоставлена возможность воспользоваться услугами за-

шитника бесплатно. Государство, провозглашенное Конституцией РФ социальным, обязано создать условия, при которых реализация права на доступ к правосудию не будет зависеть от личной правовой осведомленности человека или его финансовых возможностей. Вместе с тем в практической реализации права на бесплатную юридическую помощь есть существенные трудности. Многие юридические консультации сельских районов почти всех субъектов РФ из-за бедности населения дотируются из фондов адвокатских коллегий. Примерно в 200 районах адвокаты вообще отсутствуют. Для проведения защиты по назначению президиумы адвокатских коллегий командировывают адвокатов из соседних районов или областного центра. В результате отдельные граждане не имеют возможность получить квалифицированную юридическую помощь. В связи с этим представляется заслуживающим внимания предложение разработать и принять федеральный закон о гарантиях квалифицированной юридической помощи малоимущим лицам.

Н. В. БУТУСОВА: — Лидия Алексеевна, в Вашем выступлении прозвучали интересные формулировки. Что для вас есть право личности — право гражданина, право человека или сумма прав человека и гражданина? Что для Вас правовая культура и как она соотносится с правом личности? Меня интересуют также вопросы теории правовой культуры. Что, на Ваш взгляд, в сегодняшнем определении правовой культуры плохо теоретически разработано?

Л. А. НУДНЕНКО: — Личность — это категория, которая объединяет две другие — гражданин и человек. А право — это возможность воспользоваться теми правами и свободами, которые закреплены в Конституции. Правовая культура — это знание и понимание личностью предписаний и норм права и реализация их в повседневной жизни.

Н. В. БУТУСОВА: — Тема моего выступления — создание правовой основы для перехода на новую цивилизационную модель развития. Это насущная проблема науки и практики.

Академик Степин и академик Богомолов сегодня уже говорили об одной из глобальных проблем нашего времени, чем подтвердили мысли, которые я высказала в своей работе докладе. Это острая проблема, связанная с самим существованием человеческой цивилизации, — угроза экологической катастрофы, с которой непосредственно связан глубокий духовный кризис и социально-экономическая дисгармония современного общества. Несостоятельность действующей экономической модели ставит под угрозу само существование цивилизации, поскольку антропогенная нагрузка на окружающую среду достигла угрожающих, катастрофических масштабов. Человек с его активной деятельностью и вторжением в сферу природы в связи с современным развитием экономики поставил под угрозу собственное существование.

В апреле Правительство РФ подготовило по заданию Президента РФ новую климатическую доктрину России в рамках Киотского протокола. Как вы знаете, на ближайшей встрече на высшем уровне должно было пройти обсуждение данной проблемы. Выводы, которые содержатся в подготовительных материалах, неутешительны: если уровень мирового океана будет повышаться такими же темпами, как сейчас, то Санкт-Петербург перестанет существовать уже через 10 лет: он уйдет под воду. То же произойдет и с целым рядом других областей и европейских стран. Это страшно. Но, к сожалению, наша общественность очень мало просвещена в данном вопросе. Ра-

боты, посвященные данной проблеме и широко известные на Западе, были опубликованы еще в 1970-е годы, а переведены и изданы в России только в 2000-е годы, в частности «Пределы роста». В этой книге переход на новую цивилизационную модель развития обосновывается тем, что нынешняя модель неизбежно приводит к губительным последствиям для нас всех.

Важнейшим элементом культуры является, несомненно, наука. В обращении отечественных ученых к международному сообществу в 2002 году сказано, что низкий уровень стратегического мышления человечества в целом и абсолютная неготовность фундаментальной науки дать адекватный ответ на все угрозы существования человечества — это реалии сегодняшнего мира. В этом обращении ученые утверждают, что сегодня для всех наук необходимость сохранения земной цивилизации следует рассматривать в качестве фундаментальной цивилизационной цели человечества. Только на этой основе можно изучать противоречия между культурами, цивилизациями, поскольку мы стоим перед угрозой глобального характера, и эта угроза реальна. С нашим обычным российским «авось» да «небось» мы рискуем очень сильно.

Глобализация, с одной стороны, создает благоприятные условия для взаимодействия государств и мобилизации усилий в решении планетарных проблем, с другой — приводит к тому, что крупнейшие монополии сопротивляются возможной реализации научных исследований, связанных с альтернативными источниками энергии, создают препоны в движении к общечивилизационным целям.

Тем не менее ученые пытаются реализовать идеи нашего гениального соотечественника В. И. Вернадского, ибо предполагается, что устойчивое развитие возможно лишь на основе общечеловеческих ценностей, главной из которых является человек как всесторонне развитая личность, существующая в единстве и гармонии с природой. Выделяется два направления: гармонизация взаимоотношений человека с природой и преодоление социально-экономической и духовной дисгармонии современного общества, то есть создание для каждого индивида возможности развития разума и духа. Несмотря на то что человечество в целом оказалось не готово к решению новых проблем, общие направления выхода из кризисной ситуации и основные контуры новой цивилизационной модели очерчены в международно-правовых документах и решениях ООН — в частности, в докладе 1987 года «Наше общее будущее» Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР), а также в материалах международной конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992) и Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию в Йоханнесбурге (2002). Эти международные документы создали основу для развития законодательства внутри стран, чтобы на первом этапе создать правовую основу для перехода к условному термину «устойчивое развитие» (в переводе с английского этот термин означает «устойчивое, долгосрочное, продолжительное, поддерживающее, сбалансированное»). В этих форумах участвовали не только представители неправительственных организаций, но и руководители высшего уровня (более 10 глав государств и членов правительств).

Обычно после международного форума издаются различные акты, указы. Так, в 1994–1996 годах были разработаны некие подготовительные документы, а с 2000 года в преддверии Йоханнесбургского саммита 2002 года якобы начала работать уже существующая Комиссия Госдумы по проблемам устойчивого развития. Однако после выборов 2004 года депутатский корпус ликвидировал эту Комиссию и положил под сукно проект закона. Я пыталась его найти, но никто не знает, куда он делся.

Сегодня, в преддверии очередного саммита, который должен пройти в 2012 году, все это вновь начинает активизироваться. Климатическая доктрина, подготовленная по заданию Президента РФ, констатирует изменение климата и в качестве необходимых мер преодоления неизбежных экологических катаклизмов предлагает структурную перестройку экономики, реализацию многих направлений, связанных с научными исследованиями, их внедрением в жизнь, финансированием научных исследований в этой области и т. д.

А. А. МОИСЕЕВ: — Наверное, основным, если не единственным механизмом, который позволяет обеспечить диалог культур и партнерство цивилизаций, является международное право. Ничего другого до сих пор не изобретено. Я хотел бы поговорить о термине, который здесь часто используется, но, на мой взгляд, не является правовым, — я имею в виду глобализацию.

Слово «глобализация» впервые было произнесено ученым Роландом Робертсоном в 1983 году; концепция глобализации была сформулирована в 1993 году. История глобализации повторяет историю мобильного телефона, который сегодня мы воспринимаем так, как будто он существовал и 100 лет назад, тогда как на самом деле он появился совсем недавно.

В специальной литературе существуют разные мнения по поводу начала глобализации. Некоторые ученые считают, что глобализация была чуть ли не с начала развития человечества, другие относят ее возникновение к эпохе открытия новых земель, развития промышленности и т. д. Я не буду останавливаться на этом споре. Но возникает вопрос: если это столь давний феномен, то почему же мы термин-то изобрели только сейчас? Слово «глобальный» было известно и раньше. Так, уже в 1950–1960-х годах возникли глобальные проблемы, от которых, по идее, только один шаг до осознания глобализации. Но этого не произошло до 1990-х годов. Глобализацию часто путают с интеграцией, интернационализацией и другими процессами, которые всегда были и продолжают развиваться параллельно с ней, но это разные явления.

На чем же основывается глобализация, что ее наполняет? Очевидно, что речь идет о западных ценностях, провозглашенных в 1980-х годах Р. Рейганом и М. Тэтчер. Суть заявления политиков сводилась к тому, что достаточно ввести рыночную экономику в государстве, и это решит все проблемы. Развитие западного общества доказывало (до определенного момента), что рыночная экономика практически панацея. Но так было лишь до азиатского финансового кризиса 1997–1998 годов, когда всем стало ясно, что и у рыночной экономики есть проблемы. Сегодняшний кризис окончательно убеждает, что рыночная экономика несовершенна, что должно быть что-то еще.

Стратегия глобализации основывается на концепции «вестернизации» с ее главным принципом *West and Rest*, то есть Запад и весь остальной мир, который в свою очередь базируется на забытой или умышленно не упоминаемой концепции «золотого миллиарда». Но если термин «глобализация» мы в официальных документах встречаем, то определение «золотой миллиард» в них отсутствует, и это понятно. Здесь мы тоже видим подмену. В 1974 году была принята резолюция Генеральной ассамблеи ООН, которая напрямую устанавливала новый экономический порядок, учитывающий интересы развивающихся государств. Однако в резолюциях ООН 1990-х годов исчезают даже термины, касающиеся суверенитета над природными ресурсами тех или иных государств, потому что большая часть природных ресурсов находится в развивающихся странах, тогда как эксплуатируют их развитые государства.

Вряд ли можно говорить о регулировании глобализации — это объективный процесс, он существует независимо и проявляется в различных сферах. В глобализации есть существенные позитивные моменты, и прежде всего это развитие торговли, рынка; она является некой гарантией стабильности и отсутствия войны. Регулируемая, или закрытая, экономика ведет к противоречиям, как пиар, реклама и реальная информация. Подменяются ценности — достоинством человека становится не то, что он собой представляет, а то, чем владеет. Все это последствия глобализации, ее гуманитарный аспект.

Право, несомненно, повлияло на глобализационный процесс. Оно способствовало развитию международных экономических организаций, и прежде всего Международного валютного фонда и Всемирного банка; глобального финансового рынка; внедрению через Всемирную торговую организацию изменений в отношениях между государствами, направленных на увеличение толерантности, отсутствие дискриминации, уважение национальных культур и т. п. Все это создает основу для распространения экономических механизмов, ведущих к глобализации.

Важно вспомнить и интересное совпадение: примерно в одно время, на рубеже 1990-х годов, произошли глобальные трансформации в противоположных частях мира. Во-первых, Интернет — до этого засекреченная военная сеть — стал общедоступным. Во-вторых, произошло падение «железного занавеса» и развал Советского Союза, то есть 1/6 часть суши, которая ранее существовала по своим правилам, начала действовать в соответствии с едиными мировыми экономическими законами. Таким образом, рыночная экономика была распространена практически на весь земной шар. На мой взгляд, это и стало тем качественно новым явлением, которое получило название глобализации. Поэтому отгораживаться от глобализации по той причине, что она основывается на западных ценностях, конечно, смысла не имеет. Это реальность, которая существует независимо от того, нравится это кому-то или нет.

Что же дают нам западные ценности? С моей точки зрения, нельзя относиться к ним пренебрежительно, поскольку ценности — это не то, что навязано, а то, что воспринято как ценность. Безусловно, западный мир создал структуру мировой экономики, и теперь эту форму можно и нужно, наверное, наполнять какими-то национальными смыслами. Государству надо активно участвовать в глобализации, влиять на ее течение, а не пугаться или стараться ее «отменить». Невозможно избежать встречи с неизбежным.

Х. Н. БЕХРУЗ: — Как Вы считаете, в результате глобализации может ли формироваться глобальная правовая система?

А. А. МОИСЕЕВ: — Я еще раз подчеркиваю, что глобализация — это не правовое явление как таковое. Существуют общие тенденции развития права, в том числе и международного, которое условно ближе к новому мировому порядку. Исходя из последних событий, можно утверждать, что в системе международного права произошли действительно принципиальные изменения. Самое яркое и «трагическое» из них, на мой взгляд, кроме традиционного сопоставления принципа территориаль-

ной целостности и принципа самоопределения народов, это отказ от принципа суверенного равенства. «Трагическое» в соотношении с моралью, но мораль — не правовая категория, поэтому такое изменение возможно. Отказ от принципа суверенного равенства, на мой взгляд, скорее всего будет в пользу права силы, конечно, под эгидой развитого института прав человека. Это лишь прогноз. Сейчас известные события обосновываются тем, чего в праве нет, то есть находятся вне правового поля.

Глобализация же — это способ ведения экономической деятельности, который распространился по всему миру и не имеет отношения к праву.

Р. А. РОМАШОВ: — Уважаемые коллеги, высказывается точка зрения, с которой необязательно соглашаться. Для профессора Моисеева только экономика относится к глобализационному процессу, все остальное — его последствия...

А. А. МОИСЕЕВ: — Предпосылки и последствия.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Складывается впечатление, что точка зрения, которую Вы отстаиваете, — Ваша собственная, но, может быть, у Вас есть предшественники? Кто для Вас является авторитетом в России или за ее пределами?

А. А. МОИСЕЕВ: — Я не отказываюсь от авторитетов, и любая точка зрения для меня важна. Изучая тему глобализации, я обнаружил большой разброс мнений и составил собственное.

С. В. ПОЛЕНИНА: — Вы сказали, что когда не стало Советского Союза, глобализация (в вашем понимании чисто экономическая) победила. Понятно, что применительно к нам произошла именно экономическая глобализация. Из этого были сделаны некоторые выводы. Например, Фукуяма считал, что наступает конец истории. А чем отличается Ваша позиция? Может быть, Вы согласны с Фукуямой?

А. А. МОИСЕЕВ: — Как я уже говорил, я исходил из того, что новое явление связано с возникновением новых предпосылок. Развал Советского Союза явился исторической предпосылкой для рождения качественно нового явления, коим и стала глобализация. К тому же это совпало с появлением Интернета. И эти два наиболее ярких фактора кардинально изменили мир.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — У меня три тезиса.

1. Символично название Чтений и цикла конференций, которые здесь проводятся. Чтения посвящены, как я понимаю, культурологическим аспектам права.

Право, с моей точки зрения, отражает одну из сторон жизни общества и в свою очередь обусловлено культурой. Экономика, политика и вообще все, что имеет культурное измерение, обуславливает право, влияет на него. Поэтому не существует явлений, которые были бы в чистом виде правовыми. Например, уголовный процесс, как доказали в США, напрямую связан с экономикой, уровнем образования судьи, местом, где он сформировался как личность, и т. д. Есть здесь и гендерный аспект: судьи-мужчины относятся к правонарушительницам мягче, чем судьи-женщины.

Содержанием культуры, на мой взгляд, является человек, поэтому культура и антропология сближаются. Но человек — существо, обусловленное историей и спецификой той культуры, которая в данном социуме доминирует, поэтому якобы «универсальные» ценности (в этом я

соглашаюсь с предыдущим оратором), например западные, — именно западные, которые выдаются за универсальные. С этим, наверное, кто-то может и не согласиться, и я не считаю данное утверждение неоспоримым.

Субъект права — это всегда человек, который идентифицирует себя с правовым статусом. Коллективный субъект права — это тоже человек, но идентифицирующий себя с коллективом и от его имени вступающий в правоотношения. Коллективный субъект права не может вступить в правоотношение коллективным составом, это делает его представителем. Догматический подход к праву должен быть дополнен культурологическим содержанием, потому что нормативно-правовой акт реализуется опять-таки через человека, который отягощен спецификой ценностей, менталитета и субкультуры, к которой он принадлежит, что в условиях глобализации немаловажно, и т. д.

2. Правовая реальность, как и социальная, конструируется. Например, общественная опасность как содержательный признак преступления — это объективная данность или субъективный момент? Французские ученые много об этом пишут, утверждая, что социальная реальность конструируется. Но мне представляется, что это конструирование всегда ограничено определенными рамками. Все социальные институты — это представление общества о том, что на сегодняшний день считается общественной опасностью. Поэтому преступлений, по сути, нет. Об этом хорошо написал профессор Яков Ильич Гишинский в своей «Криминологии» (2002). Например, умышленное убийство в некоторых ситуациях может не квалифицироваться в соответствии со ст. 105 УК, то есть как умышленное убийство. Возможно, это самооборона.

3. В условиях глобализации наблюдается доминирование не только западных ценностей, но и западных институтов, образа жизни и т. д. Однако в некоторых сферах происходит и обратный процесс — локализация. В связи с этим мне представляется интересной программа, разрабатываемая мультикультуралистами, хотя и в ней много спорного. По их убеждению, субкультурам должна быть предоставлена как можно более широкая автономия во всех вопросах, кроме тех, что важны для всего общества. Интересно, что современная практика уголовных судов США учитывает момент мультикультурности. Я не хочу сказать, что это решение всех проблем, но в условиях локализации, которая, как мне кажется, очевидна, в вопросах сегментации общества мультикультурализм пригоден как один из вариантов.

М. Б. КАСЕНОВА: — Скажите, пожалуйста, есть ли какие-то ценности, которые могут объединить все человечество, или мы обречены на конфликт, потому что нам незачем объединяться?

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Это очень сложный для меня вопрос. Он относится к тому, что я называю трансцендентным основанием права, то есть выходит за границы права.

М. Б. КАСЕНОВА: — Я-то как раз считаю, что только право и может объединить, а за границами права мы будем разделяться.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Право самодостаточно. Если оно может обосновать себя, значит, оно должно быть самодостаточной системой. Подобных систем в природе не существует, поэтому право должно быть обосновано, например, с позиции общества. С моей точки зрения, единственным трансцендентным критерием является целостность, нормальное функционирование общества. Право —

это такие нормы, которые обеспечивают нормальное воспроизводство социума.

М. Б. КАСЕНОВА: — Но ведь и мораль обеспечивает нормальное воспроизводство социума.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Я помню ваши статьи по поводу морали и права. На мой взгляд, только та норма может быть отнесена к правовой, которая обеспечивает целостность. Например, этикет не обеспечивает целостность...

М. Б. КАСЕНОВА: — Я согласна с Вами. В целом право может объединить цивилизацию.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Может. С помощью тех норм, которые необходимы для выживания. Маленькая ремарка об относительности. На мой взгляд, все объективно и субъективно одновременно — нет только объективных явлений, как нет и только субъективных. Все объективное включает субъект, — в социальном мире без субъекта ничего нет.

Р. А. РОМАШОВ: — Уважаемые коллеги! Тема моего выступления — «Национальное законодательство и пространство наднациональной законности в условиях глобализационного процесса».

Должен сказать, что я не согласен с профессором Моисеевым в том, что глобализация — это только экономика. Глобализация — это прежде всего культура. В основу культуры может быть положена глобализация, связанная с экономикой, религией, наконец, организацией каторжных поселений и т. д. Глобализация — это пересечение культур, наложение их друг на друга, процесс, который предполагает одновременно объединение и локализацию в рамках объединения.

Сегодня здесь уже произносился термин «наднациональное», но обычно коллеги-юристы употребляют слово «международное». Но ведь тогда субъектом международного права должен быть народ, а на самом деле им является государство. Тогда уж лучше «межгосударственное».

Почему критику вызвала категория «национальный»? Потому что мы путаем понятия «нация» и «национальность». В настоящий момент мы живем в эпоху национального государства, в котором не земля определяет государственность, а нация — носитель суверенитета. Что такое «национальное законодательство»?

1. Систему национального законодательства можно рассматривать в четырех смысловых контекстах.

Во-первых, в качестве системы официально установленных, предписываемых, санкционируемых, общеобязательных норм поведения. В данном случае законодательство предлагается рассматривать как локальную общность нормативно-правовых актов, издаваемых (признаваемых и ратифицируемых) государством (а также негосударственными структурами, наделенными полномочиями делегированного нормотворчества) и действующих в пределах государственной юрисдикции.

Во-вторых, в качестве иерархической конструкции («пирамиды законодательных актов»), задающей критерии соотношения и соподчиненности действующих нормативно-правовых актов, образующих материально-правовую основу законодательной системы. В данном случае признанные и ратифицированные международные договоры являются частью национального законодательства, хоть они и называются по-другому.

В-третьих, в качестве механизма законодательной деятельности, объединяющей нормативную, организационную, инструментальную (компетентностную) и функциональную составляющие. В таком понимании систе-

ма национального законодательства — это совокупность институтов и процессов, характеризующих законодательство и как законодательный процесс (форму юридической деятельности, направленной на разработку законопроекта, принятие закона и его внедрение в систему законодательства), и как формальный результат этого процесса — нормативно-правовой массив, объединяющий действующие законодательные акты.

В-четвертых, в качестве системы законодательных актов, регламентирующих межнациональные отношения, а также принимаемых и действующих в рамках национальных субъектов, если они существуют.

2. Законность представляет собой одновременно принцип и режим правового регулирования. В первом случае речь идет о приоритете не абстрактного закона, а юридической формы и процедуры, закрепляемых в законе, по отношению к целесообразности, обусловленной субъективной мотивацией принятия властных решений в условиях изменяющейся политико-правовой реальности. Как только мы говорим о процедуре, возникает вопрос оснований. На каком основании планируются операции по уничтожению лидеров бандформирований? На каком основании генерал может принять решение об уничтожении воздушного судна, якобы захваченного террористами? Если даже было принято ошибочное решение, мы уже никогда не узнаем об этом, потому что это тайна за семью печатями. Законность — это приоритет юридической формы и процедуры над государственной целесообразностью, какими бы позитивными аргументами это не объяснялось. Во втором случае законность рассматривается в качестве инструмента установления и охраны правопорядка, характеризующего состояние существующей политико-правовой реальности. В этом понимании можно говорить о законности равно правопорядке применительно к сталинскому, советскому, нацистскому или иному режиму. Формально законность соблюдалась, люди действовали в рамках соответствующих законов.

Глобализационные процессы обуславливают двуединство векторов развития национальных систем законодательства, находящихся в состоянии конкуренции — кооперации. Подобная двойственность обуславливает необходимость формирования специфического межгосударственного пространства наднациональной законности, в рамках которого вырабатываются общие принципы мирного сосуществования стран и народов, а также определяются средства и методы разрешения правовых коллизий и конфликтов, возникающих в процессе межкультурного взаимодействия. Здесь я полностью согласен с профессором Бехрузом, который говорил о том, что никакой системы общего международного права, скорее всего, никогда не будет.

3. Взаимодействие национальных законодательных систем в рамках пространства наднациональной законности актуализирует проблему правового регулирования (ни о каком общем правовом регулировании, я думаю, речь никогда идти не будет, а правовое регулирование возможно), представляющего многоуровневую систему, объединяющую разноуровневых субъектов и разноуровневые нормативные массивы (международное право и национальное законодательство). В основу правового регулирования может быть положено признание общезначимости правовых регуляторов на уровне правовой психологии и правовой идеологии, а также их результативное воздействие на поведение вовлеченных в соответствующие правоотношения субъектов. Здесь согласен и с профессором Графским, и с профессором Честновым, когда они говорят о диалоге культур как о взаимодействии разноуровневых культур, которые в любом случае будут взаимодействовать, конфликтуя или сотрудничая.

А. А. МОИСЕЕВ: — Когда Совет Безопасности ООН принимает решение о применении силы в целях обеспечения мира и безопасности, это регулирование или сорегулирование?

Р. А. РОМАШОВ: — Регулирование. Другое дело, когда сталкиваются системы. Но кто принял решение в рамках Совета Безопасности ООН? Раньше существовала двуполярная система, которая предполагала Советский Союз и Соединенные Штаты Америки как два центра силы, которые могли каким-то образом балансировать. В настоящий момент мы говорим, что есть один

центр силы — США, поэтому когда Совет Безопасности ООН принимает решение о применении силы, то это решение фактически принимают Соединенные Штаты Америки.

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья! Подведем итоги конференции, хотя чувствуется, что расходиться не хочется. Сегодня выступили 16 докладчиков (15 из которых являются докторами юридических наук), представители 3 стран, 6 городов, 11 вузов. Все доклады были исключительно актуальными, и то, что дискуссия разгорелась так ярко, лишнее тому подтверждение. Благодарю всех участников.

Секция 4 МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

15 мая 2009 г. СПбГУП, ауд. № 421

Руководители секции:

А. В. СТРЕМОУХОВ — заведующий кафедрой гражданского и трудового права СПбГУП, доктор юридических наук, профессор

И. С. ПОНОМАРЕВА — декан исторического факультета Мариупольского государственного гуманитарного университета, доктор исторических наук, профессор

ДОКЛАДЫ

Т. С. Абрамкина¹

О ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ

В последние годы миграция населения превратилась в глобальное явление, оказывающее непосредственное влияние на политическую стабильность и социально-экономическое развитие Российской Федерации. Это определяет усиление внимания органов государственной власти к существующим проблемам в сфере миграции и поиску эффективных решений по управлению миграционными потоками.

Как было отмечено на заседании расширенной коллегии Федеральной миграционной службы 31 января 2008 года, стратегический курс Российской Федерации в сфере миграции направлен на повышение благосостояния российских граждан, стабилизацию общей численности населения страны, его прогрессирующее социально-экономическое развитие, реализацию национальных и геополитических интересов².

Современная миграционная обстановка в Российской Федерации характеризуется притоком населения в крупные центры с наиболее развитой инфраструктурой как в рамках внутренней миграции населения России, так и за счет миграции граждан ближнего и дальнего зарубежья. Если говорить о внешней миграции, то ежегодно на территорию страны въезжают более 22 млн иностранцев, в основном из Украины, Казахстана, Узбекистана, Молдовы, Азербайджана, Таджикистана, Китая, Вьетнама, КНДР и Турции.

Движение внешних миграционных потоков происходит на фоне неблагоприятной внутрисероссийской демографической динамики. При общем сокращении рождаемости и увеличении смертности идет отток населения из районов Сибири и Дальнего Востока. Неуправляемый, стихийный характер современных миграционных процессов не отвечает в ряде регионов (на юге России, на Дальнем Востоке) экономическим и политическим интересам государства.

Население Российской Федерации в настоящее время сокращается, что представляет собой одну из наиболее

серьезных угроз национальной безопасности. Еще одной проблемой наряду с негативными демографическими тенденциями является неравномерность социально-экономического развития страны и распределения населения на ее территории.

Подавляющая часть населения Российской Федерации (93 %) проживает в так называемой «главной полосе расселения» площадью около трети территории страны. Ее границы представляют собой клин с вершинами в Санкт-Петербурге на севере, Новороссийске на юге и Красноярске на востоке, далее — полосу до Приморского края. Здесь же сосредоточены все крупнейшие города России (с численностью населения более 500 тыс. чел.).

Таким образом, существующие тенденции демографического и социально-экономического развития определяют актуальность миграционной проблематики для России, необходимость проведения взвешенной государственной политики в области миграции, адекватной интересам страны.

В настоящее время приоритетными направлениями деятельности Федеральной миграционной службы по реализации государственной миграционной политики являются³:

1. Обеспечение адекватного реагирования Службы на изменения миграционной ситуации под влиянием последствий мирового экономического кризиса, прежде всего в части регулирования трудовой миграции и предупреждения нарушений миграционного законодательства.

2. Продолжение работ по созданию Государственной системы изготовления, оформления и контроля паспортно-визовых документов нового поколения.

3. Проведение мероприятий по дальнейшей консолидации существующих в ФМС России электронных баз данных в рамках развития государственной информационной системы миграционного учета, совершенствование межведомственного взаимодействия.

4. Координация деятельности федеральных органов исполнительной власти по реализации Государственной

¹ Заместитель начальника отдела Управления по вопросам информационно-аналитического обеспечения Федеральной миграционной службы РФ.

² См.: Итоги деятельности ФМС России : сб. материалов расширенного заседания коллегии Федеральной миграционной службы / под общ. ред. К. О. Ромодановского, М. Л. Тюркина. М., 2008. С. 153.

³ В соответствии с решением расширенного заседания коллегии ФМС России «Об итогах служебной деятельности Федеральной миграционной службы за 2008 год и задачах по реализации государственной политики в сфере миграции на 2009 год», утвержденным приказом ФМС России от 3 марта 2009 года № 43.

программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

6. Дальнейшее совершенствование законодательной и международно-правовой базы в миграционной сфере, реализация международных договоров и соглашений, в том числе по реадмиссионной проблематике.

7. Укрепление кадрового потенциала ФМС России, усиление контроля исполнительской дисциплины, борьба с проявлениями коррупции в деятельности сотрудников Службы.

Учитывая складывающиеся в последние годы в России демографические тенденции, в особенности в части трудовых ресурсов, одной из наиболее актуальных задач на сегодняшний день является оптимизация параметров миграционной ситуации. Особое значение в этом плане имеет реализация Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом¹. Сейчас можно утверждать, что заложенный в данную Программу механизм переселения в целом запущен и работает².

В то же время практическая реализация Программы выявила необходимость ее корректировки, создания более комфортных условий для потенциальных переселенцев, существенного повышения привлекательности региональных программ переселения, особенно в части гарантий жилищного обустройства, увеличения размера выплачиваемых подъемных пособий, открытия новых каналов вхождения в Программу в дополнение к уже действующим. Такие коррективы в настоящее время вносятся.

На сегодняшний день ситуация мировой финансовой нестабильности выводит на первый план вопросы управления международной миграцией. Трудовая миграция является одним из важнейших элементов российской экономики, действенным инструментом внешней политики России на пространстве СНГ и некоторых направлениях дальнего зарубежья, фактором, способным оказывать влияние на социально-политическую ситуацию как в отдельных регионах страны, так и в некоторых государствах.

Контроль процессов в сфере внешней трудовой миграции, обеспечение их развития в правовом русле относятся, как уже отмечалось ранее, к числу наиболее приоритетных задач, решаемых Федеральной миграционной службой. В 2007–2008 годах Службой осуществлен комплекс мер по расширению масштабов легального привлечения иностранных работников в различные отрасли экономики за счет либерализации миграционного законодательства³.

Приведем несколько цифр. Так, если в 2006 году легально осуществляли трудовую деятельность всего немногим более 583 тыс. иностранных работников, то уже в 2007 году этот показатель вырос почти в 4 раза. В прошедшем году количество выданных разрешений на работу составило почти 2,1 млн⁴.

Это способствовало существенному сокращению масштабов использования работодателями труда нелегальных мигрантов⁵, повышению налоговой отдачи в бюджет

от привлечения иностранных работников. Правоохранительными органами констатировалось сокращение числа совершаемых мигрантами правонарушений.

Однако отмечаемое сегодня усиление воздействия на российскую экономику негативных последствий мирового финансового кризиса в свою очередь сказывается и на национальном рынке труда. Обозначилась тенденция к высвобождению российских работников, росту безработицы в большинстве регионов страны, что не может не затронуть сложившейся практики легального привлечения и использования иностранных работников.

В целях своевременного отслеживания процессов в сфере внешней трудовой миграции и оперативного принятия адекватных мер управленческого характера Службой на федеральном уровне проводится еженедельный мониторинг движения иностранной рабочей силы. Скорректирован обмен информацией между ФМС России и заинтересованными федеральными органами исполнительной власти: Минздравсоцразвития России, МВД России и Пограничной службой ФСБ России. Организовано участие представителей Службы в работе Ситуационного центра МВД России и ФМС России по мониторингу ситуации в социальной сфере и сфере внешней миграции.

Что касается регионального уровня, то в настоящее время активизировано взаимодействие территориальных органов ФМС России с органами исполнительной власти регионов, поддерживаются контакты с национальными диаспорами.

В связи с этим все более важное значение для повышения эффективности сбора информации о происходящих в стране миграционных процессах приобретает развитие современной информационной инфраструктуры, включая внедрение средств автоматизации. В этом направлении Службой проводится работа по созданию Государственной информационной системы миграционного учета (ГИСМУ). Анализ поступающих в ГИСМУ данных об иностранных гражданах позволяет получать достоверную информацию о происходящих миграционных процессах: разграничить «долгосрочных» и «краткосрочных» мигрантов, определить количество выезжающих и выезжающих иностранцев, а не количество их пересечений Государственной границы Российской Федерации.

Еще одним важным проектом, реализуемым Федеральной миграционной службой, является создание Государственной системы изготовления, оформления и контроля паспортно-визовых документов нового поколения. В 2005 году Президентом Российской Федерации задача по введению в обращение заграничных паспортов нового поколения была объявлена приоритетной⁶.

В целях реализации поставленной руководством страны указанной задачи Службой была проделана значительная работа: сформирована межведомственная рабочая группа, утверждена соответствующая концепция по созданию указанной системы, приняты необходимые нормативные правовые акты. Кроме того, заграничные паспорта нового поколения успешно прошли международное тестирование в Великобритании, Франции, Германии, Австрии, Швеции, США и во многих других странах.

Показателем проведенной работы по созданию государственной системы изготовления, оформления и контроля паспортно-визовых документов нового поколения стала выдача в 2008 году миллионного заграничного паспорта нового поколения, изготовленного с использованием биометрических технологий.

⁶ См.: *Базилевский А. П.* Об опыте работ по введению в действие паспортно-визовых документов нового поколения и предположениях о сокращении перечня документов, предусмотренных международными договорами о безвизовых поездках граждан // Сборник информационно-справочных материалов по вопросам борьбы с незаконной миграцией. М., 2008. Вып. 7. С. 61.

¹ См.: Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637.

² По состоянию на 3 апреля 2009 года в Россию в рамках указанной Программы прибыли 10 990 переселенцев.

³ Речь идет о вступивших в действие 15 января 2007 года федеральных законах «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и о признании утратившими силу отдельных положений Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации».

⁴ По данным ведомственной статистической отчетности ФМС России (форма 1-РД).

⁵ По данным независимых экспертов, уровень незаконной миграции снизился до 5 млн чел.

В свете развития международного сотрудничества, в том числе безвизовых поездок граждан, приобретает актуальность совершенствование российской договорно-правовой базы в области реадмиссии. В этих целях продолжается работа по продвижению переговорного процесса с иностранными государствами по реадмиссионной проблематике. Начало реализации Соглашения между Российской Федерацией и Европейским сообществом о реадмиссии, заключение аналогичных международных договоров с иными иностранными государствами предопределили необходимость реализации ФМС России совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти комплекса мер по правовому, организационному и ресурсному обеспечению приема, содержания и обустройства лиц, возвращаемых на основе соглашений о реадмиссии из иностранных государств в Российскую Федерацию, а также лиц, подлежащих возвращению из Российской Федерации в иностранные государства.

В то же время решение стратегических задач в сфере миграции невозможно без надлежащего кадрового обеспечения, так как успех реализации государственной миграционной политики напрямую пропорционален подготовке кадров и обратно пропорционален ее государственному обеспечению. Таким образом, одним из важнейших условий совершенствования деятельности системы ФМС России является создание эффективно действующей системы профессиональной подготовки кадров в сфере миграции. В связи с этим представляется весьма актуальным создание ведомственного высшего учебного заведения.

Как показывает практика, создание любого образовательного учреждения, особенно высшего, — трудоемкий

процесс. Поэтому целесообразно было бы создать федеральное государственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования на базе уже имеющихся ресурсов Федеральной миграционной службы, например на базе Учебно-методического центра «Болшево».

Данный Учебно-методический центр находится в ведении ФМС России¹ и предназначен для организации и проведения разовых лекций, стажировок, семинаров и других видов обучения федеральных государственных гражданских служащих, сотрудников органов внутренних дел и работников ФМС России, не сопровождающихся итоговой аттестацией и выдачей документов об образовании и (или) квалификации, а также для удовлетворения потребностей слушателей в получении знаний о новейших достижениях в области миграционной политики.

Создание государственного образовательного учреждения дополнительного образования позволит реализовать повышение квалификации и профессиональную переподготовку в системе ФМС России.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2003 года подчеркивается: «...российская бюрократия оказалась плохо подготовленной к выработке и реализации решений, адекватных современным потребностям страны. <...> несмотря на огромное число чиновников, в стране тяжелейший кадровый голод. Голод на всех уровнях и во всех структурах власти, голод на современных управленцев, эффективных людей»².

Таким образом, успех в реализации возложенных на Службу задач напрямую зависит от ее кадрового состава, профессиональной подготовки последнего.

Т. А. Васильева³

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Для современного периода характерно возрастание мобильности населения. В условиях развития информационных технологий, транспортных средств и связи миграционные процессы приобретают многомерный характер. Люди все чаще выезжают за пределы государства, в котором они проживают, с целью обучения, трудоустройства или осуществления предпринимательской деятельности. Глобализация создает условия для трудоустройства не только высококвалифицированных специалистов в области финансов, страхования, банковского дела, коммуникаций, но и для трудящихся-мигрантов, занятых в сфере сельского хозяйства, строительства, благоустройства территории, общественного питания, гостиничного сервиса, индустрии развлечений, обслуживания личных потребительских нужд.

Межгосударственная миграция, то есть добровольное или вынужденное перемещение людей через государственные границы, приобретает характер универсального явления и все чаще рассматривается как «институционализируемая форма социальной мобильности в современном обществе»⁴. По экспертным оценкам, в 2005 году

число лиц, проживавших за пределами государства, в котором они родились, превысило 200 млн человек⁵. Широкомасштабная миграция способствует размыванию культурной и религиозной однородности населения, увеличению числа групп с полярными ценностными системами, а также культурной дистанции между старыми и новыми жителями страны. Эта дистанция субъективно осознается на персональном уровне и проявляется в различиях в мировоззрении, поведении, образе мышления, представлении о базовых ценностях.

Вместе с тем в современном демократическом обществе сосуществование представителей различных культур возможно только на принципах равноправия и уважения достоинства личности. В этом контексте особое значение приобретает проблема интеграции мигрантов, которую многие государства рассматривают в качестве одного из важнейших направлений своей миграционной политики.

В научной литературе интеграция рассматривается как процесс превращения мигрантов в признанных членов сообщества, предполагающий взаимодействие между институтами принимающего государства и мигрантами, способствующий изменению институциональных рамок и форм социальных связей в стране пребывания⁶. Этот процесс предполагает, с одной стороны, обязанность

¹ См.: Некоторые вопросы Федеральной миграционной службы: Постановление Правительства РФ от 22 сентября 2004 г. № 493.

² Российская газета. 2003. 17 мая.

³ Старший научный сотрудник Института государства и права РАН, член Экспертного совета Комитета по делам национальностей Государственной Думы Федерального собрания РФ, кандидат юридических наук, доцент.

⁴ См.: Penninx R. Conclusions and Directions for Research // The Dynamics of International Migration and Settlement in Europe. A State of the Art / eds. R. Penninx, M. Berger, K. Kraal. Amsterdam, 2006. P. 312.

⁵ Migration in an Interconnected World: New Directions for Action. Global Commission on International Migration. 2005. October. URL: <http://www.gcim.org/en/finalreport.html>

⁶ См.: Penninx R. Integration Policies for Europe's Immigrants: Performance, Conditions and Challenges. An expert Paper for the Sachverständigenrat für Zuwanderung und Integration. 2004. URL: <http://dare.uva.nl/document/14073>

принимающего общества обеспечить формальные права мигрантов таким образом, чтобы они имели возможность участвовать в экономической, социальной, культурной и гражданской жизни страны пребывания, с другой — обязанность мигранта уважать основные нормы и ценности принимающего общества и активно участвовать в процессе интеграции, не утрачивая своей идентичности.

Необходимость разработки интеграционной политики в отношении мигрантов первыми из европейских государств осознали Швеция (в середине 1970-х гг.) и Нидерланды (в начале 1980-х гг.). Первоначально идея интеграции долгосрочных мигрантов в этих государствах связывалась с всесторонней реализацией концепции равноправия в условиях развитой социальной государственности. При этом необходимой составляющей для успешной интеграции иностранцев, проживавших на территории страны, признавалась достаточно жесткая иммиграционная политика, ограничивающая приток в страну новых мигрантов. В частности, политика интеграции иностранцев предусматривала предоставление данным лицам избирательных прав на муниципальных выборах (Швеция — в 1976 г., Нидерланды — в 1985 г.) и упрощение доступа к натурализации. Соответствующие меры рассматривались в качестве средств, способствовавших интеграции иностранцев.

С середины 1990-х годов интеграция иностранцев превратилась в одну из главных политических проблем европейской политики. В настоящее время большинство мигрантов прибывают в государства Западной Европы в связи с воссоединением семей и поиском убежища. То есть у принимающего государства практически отсутствует возможность выбора новых жителей страны, многие из которых не знают ее языка и не обладают какой-либо профессиональной квалификацией. В этих условиях главная задача государства состоит в социально-экономической и культурной интеграции мигрантов, предоставлении им минимального набора знаний и инструментов, обеспечивающих их самостоятельность в принимающем обществе и снижение государственных затрат на социальную помощь данным лицам.

Государства Западной Европы придают особое значение тому, чтобы мигранты в процессе интеграции усвоили основные ценности и нормы принимающего общества и выучили язык государства пребывания, поскольку незнание языка, как правило, является основным барьером для интеграции мигрантов. Согласно швейцарскому Закону «Об иностранцах» интеграция невозможна, если иностранец не сближается со швейцарским обществом и не усваивает принятый в стране образ жизни, в особенности если не изучает государственный язык (ч. 4 ст. 4).

Ряд государств Западной Европы (Австрия, Дания, Германия, Финляндия, Нидерланды, Франция) на законодательном уровне предусмотрели введение программ интеграции для лиц, прибывающих в страну или уже находящихся в ней. Как правило, принимающее государство предоставляет участнику программы возможность пройти интеграционный курс, направленный на обучение государственному языку, ознакомление с историей и традициями страны¹, первичную ориентацию на рынке труда и профессиональную подготовку. После проведения индивидуального собеседования, направленного на выявление образовательного уровня, профессиональной квалификации и языковой подготовки иностранца, определяется интеграционный план для конкретного лица и заключается соглашение между заинтересованным лицом и тем муниципалитетом, где проживает иностранец.

¹ В Бельгии, Дании, Финляндии, Франции, Германии, Люксембурге и Нидерландах мигрантов знакомят с основополагающими ценностями Евросоюза в рамках интеграционных программ для прибывающих в страну граждан третьих стран.

В настоящее время существуют две разновидности интеграционных программ. Наибольшее распространение получили программы первичной адаптации для мигрантов, предусматривающие обязательное прохождение интеграционных курсов (Австрия, Бельгия, Германия, Греция, Дания, Нидерланды, Франция). В соответствии с Законом «О временном пребывании и проживании иностранцев в Австрии» интеграционное соглашение заключается с гражданами третьих стран, пребывающими на временной или долгосрочной основе в стране² с целью получения базовых знаний по немецкому языку (ч. 1 ст. 14). Граждане третьих стран, заключившие соответствующее соглашение, должны выполнить его предписания в течение пяти лет после получения первичного или дополнительного разрешения на пребывание (ч. 8 ст. 14). Федеральное правительство компенсирует расходы на освоение первого модуля интеграционного соглашения (обучение чтению и письму по-немецки), если он будет завершен в течение первого года после начала выполнения соответствующих обязательств (ч. 1 ст. 15).

Значительно реже встречаются добровольные интеграционные программы, которые являются обязательными только для безработных или лиц, живущих на социальное пособие (Швеция, Финляндия). Согласно финскому Закону «Об интеграции иммигрантов и принятии лиц, ищущих убежище» мигранты, зарегистрированные в качестве лиц, ищущих работу или получающих социальное пособие, имеют право на индивидуальный интеграционный план — соглашение, заключаемое между муниципалитетом, бюро по трудоустройству и заинтересованным лицом, — предусматривающий меры по поддержке мигранта и членов его семьи в процессе получения знаний и навыков, необходимых для успешной адаптации в обществе и трудовой деятельности (ч. 1 ст. 10, ч. 1 ст. 11).

Интеграционный план может предусматривать оказание содействия в изучении финского или шведского языка, профессиональное консультирование и реабилитацию, практическую подготовку, тренинги и другие меры, которые будут признаны обоснованными (ч. 2 ст. 11). Интеграционная программа должна быть разработана в течение пяти месяцев после утраты работы или начала получения социальной помощи. Максимальный срок действия интеграционного плана — три года после включения человека в число жителей соответствующего муниципалитета (ч. 2 ст. 10). Мигранты, нуждающиеся в социальной помощи, имеют право на получение интеграционного пособия в течение одного года при условии соблюдения плана (ст. 13, 14). Невыполнение обязательств, предусмотренных интеграционным планом, может повлечь сокращение размеров социальной помощи или лишение пособия (ст. 15). Бюро занятости может принять решение о приостановлении действия плана через месяц после приема мигранта на постоянную работу, начала предпринимательской деятельности или профессионального обучения на постоянной основе (ч. 3 ст. 10).

Первоначально интеграционные программы имели сугубо гуманитарную направленность, однако в последнее время они стали трансформироваться в инструменты внутреннего иммиграционного контроля для «отсева» потенциально нежелательных мигрантов. В 1999 году только Германия в качестве условия для получения разрешения на постоянное пребывание требовала знания языка. В настоящее время мигранты должны успешно пройти интеграционный курс для того, чтобы получить право на проживание и доступ к социальным благам в Германии,

² Данное правило не распространяется на тех граждан третьих стран, которые заявляют о том, что в ближайшие 24 месяца срок их пребывания в стране не будет превышать 12 месяцев.

Нидерландах, Австрии, Дании¹. Обычно успешное прохождение интеграционного курса в той или иной мере связано с предоставлением разрешения на пребывание или его продлением.

Яркий пример действия новых подходов — принятие нидерландского закона об интеграции за рубежом, вступившего в силу 15 марта 2006 года. Согласно нидерландскому законодательству некоторые иностранные граждане, прибывающие в Нидерланды на длительный срок, должны первоначально получить разрешение на временное пребывание для въезда в страну. В соответствии с новым законом иностранцу для получения разрешения необходимо продемонстрировать базовые знания голландского языка и основных концепций голландского общества в ходе обязательного экзамена по гражданской интеграции, проводимого в Посольстве Королевства Нидерландов или консульстве на территории своей страны по телефону². Результаты этого экзамена действительны в течение одного года. Человек, не сдавший экзамен, не может оспорить его результаты в административном или судебном порядке, ему необходимо пройти экзамен повторно, заплатив необходимую сумму.

Действие этого акта распространяется на иностранных граждан в возрасте от 18 до 65 лет, которые хотят создать семью с жителями Нидерландов, воссоединиться с членами своей семьи, проживающими в данной стране, а также на священнослужителей, прибывающих в эту страну с целью трудоустройства. Однако его положения не распространяются на граждан государств — членов Европейского Союза, стран, входящих в Европейскую экономическую зону, Австралии, Канады, Новой Зеландии, США, Швейцарии, Южной Кореи и Японии.

Закон внес существенные коррективы в традиционную концепцию интеграции. Во-первых, интеграция полностью утратила социальную направленность и превратилась в форму иммиграционного контроля. Во-вторых, существенно видоизменились временные и территориальные рамки прохождения интеграционных программ, поскольку от лица требуют продемонстрировать элементарное знание голландского языка и осведомленность о реалиях нидерландского общества еще до его въезда в страну. По прибытии в Нидерланды иностранцы, сдавшие экзамен в государстве своего происхождения, должны продолжить прохождение интеграционного курса. По данным Службы иммиграции и натурализации, введение интеграционного экзамена за рубежом было одной из основных причин сокращения на 20 % числа ходатайств о воссоединении семей в 2006 году. В первый год экзамен сдавали менее 5 тыс. человек, причем 90 % из них успешно прошли это испытание³. Вероятно, это послужило одной из причин того, что с 15 мая 2008 года Правительство Королевства Нидерландов ужесточило требования к знанию голландского языка в рамках проведения интеграционного экзамена за рубежом.

Правозащитники обратили внимание на то, что данный закон имеет явно дискриминационный характер, поскольку предполагает различное обращение с представителями развитых и развивающихся государств. По их мнению, власти страны не представили каких-либо убедительных доказательств того, что уровень развития страны каким-либо образом влияет на способность и желание нового мигранта успешно интегрироваться в общество госу-

дарства пребывания⁴. Несмотря на серьезную критику нидерландского закона, в рамках Европейского Союза было признано целесообразным усилить интеграционный компонент при приеме иностранцев, в частности увеличить количество языковых курсов и курсов гражданской ориентации мигрантов в государстве их происхождения⁵. Нидерландские подходы к интеграции лиц, претендующих на воссоединение с членами своей семьи, были восприняты в качестве модели в Германии, Дании, Франции и Великобритании, где разработали или приступили к разработке соответствующих законодательных мер.

Как показывают исследования, мигранты наилучшим образом адаптируются в благоприятном социальном и политическом окружении, способствующем более успешному усвоению значимых правил поведения в принимающем обществе и постепенному отходу от многих прежних социальных и культурных привычек. В качестве благоприятных условий для интеграции иностранцев в научной литературе выделяются: безопасное проживание и облегчение воссоединения семей в стране пребывания, поощрение натурализации и борьбу с дискриминацией⁶.

Одним из способов решения проблем, возникающих в процессе совместного проживания мигрантов и основного населения страны, облегчения контактов между представителями различных культур является развитие межкультурного посредничества. Такая неформальная практика предотвращения и урегулирования конфликтов между представителями различных культур в полиэтничном обществе на основе принципов добровольности, беспристрастности и конфиденциальности получила развитие во многих европейских странах.

В Португальской Республике в соответствии с Законом 105/2001 был учрежден институт социально-культурных посредников, призванных содействовать интеграции мигрантов и этнических меньшинств, развитию межкультурного диалога и социальной сплоченности. В обязанности социально-культурных посредников входят предотвращение и разрешение социально-культурных конфликтов, облегчение контактов между лицами, предоставляющими определенные профессиональные услуги, и потребителями этих услуг, которые имеют различное культурное происхождение. В настоящее время социально-культурные посредники действуют в школах, институтах здравоохранения и социального обслуживания.

Национальный центр поддержки иммигрантов на своих курсах подготовил 58 социально-культурных посредников из числа мигрантов, имеющих высшее или незаконченное высшее образование. Все они прошли курс обучения в течение 32 дней и 5-дневную стажировку и в 2004 году приступили к выполнению своих обязанностей. Среди первых социально-культурных посредников из числа иммигрантов были не только представители португалоязычных государств (Кабо-Верде — 11, Гвинея — 10, Бразилия — 5, Ангола — 3, Мозамбик — 2), но и представители постсоветских государств (Россия — 4, Украина — 4, Беларусь — 1, Молдова — 1)⁷.

⁴ Представители Правительства Королевства Нидерландов заявляли, что государства, граждане которых не должны проходить соответствующий экзамен, имеют сходный с Нидерландами уровень социального, экономического и политического развития, не порождают потоки нежелательных мигрантов, граждане этих стран не испытывают проблем с интеграцией в Нидерландах.

⁵ Commission of the European Communities. Communication to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions of 1 September 2005. A Common Agenda for Integration. Framework for the Integration of Third-Country Nationals in the European Union. COM (2005) 389 final.

⁶ Niessen J. Immigration, Citizenship and the Benchmarking of Integration in the EU // The Nexus Between Immigration, Integration and Citizenship in the EU. Challenge, Liberty and Security. Collective Conference Volume. 2006. April. P. 33.

⁷ См.: *Olivera A., Galego A. M., Godinho L. M. M. A Mediação Sócio-Cultural: Um Puzzle em Construção. Lisboa, 2005. P. 86–95.*

¹ В Дании и Нидерландах интеграционный тест должны сдавать даже супруги граждан страны.

² В настоящее время результаты экзамена определяются автоматически компьютером, хотя до ноября 2007 года их одновременно фиксировал специальный экзаменатор.

³ См.: *The Netherlands: Discrimination in the Name of Integration. Migrants' Rights under the Integration Abroad Act // Human Rights Watch. 2008. May. № 1. P. 19–20.*

В Италии в 1999 году была предложена модель разумной интеграции, которая предполагала сохранение целостности личности мигрантов, упразднение организационных, культурных и языковых барьеров, осложнявших доступ данных лиц к социальным благам и услугам, в том числе путем специальной профессиональной подготовки лиц, осуществляющих непосредственные контакты с мигрантами, а также использование межкультурных посредников. В рамках этой модели на законодательном уровне было предусмотрено заключение соглашений с объединениями, действующими в интересах мигрантов, о приеме на работу иностранцев, имеющих разрешение на пребывание в стране на срок не менее двух лет, в качестве межкультурных посредников для развития отношений между органами управления и иностранцами.

В Испании половина средств Государственного фонда по приему, интеграции и образованию расходуется на школы с целью оказания поддержки молодым мигрантам в течение начального периода обучения и приема на работу межкультурных посредников.

Одно из важных условий интеграции мигрантов — развитие конструктивного диалога с государственными органами и общественными объединениями государства пребывания. Во многих странах на общенациональном уровне создаются консультативные органы, участвующие в разработке приоритетов миграционной политики, в которых представлены граждане других государств, являющиеся мигрантами.

В Испании в 1995 году был учрежден Форум социальной интеграции мигрантов, в состав которого входят представители администрации, объединений мигрантов и организаций, оказывающих содействие данным лицам. В задачу этого консультативного органа входят: разработка предложений и рекомендаций по вопросам интеграции мигрантов в испанском обществе; доведение до сведения государственных органов предложений общественных объединений, действующих в сфере иммиграции и защиты прав иностранцев; подготовка заключений в отношении государственных планов, программ и предложений, которые могут оказать воздействие на интеграцию иностранцев.

В настоящее время данная структура действует при Министерстве труда и социальных вопросов Королевства Испания. Отбор организаций, которые могут представлять интересы мигрантов в рамках форума, осуществляется министерством на основании публичного соперничества соответствующих организаций с учетом определенных критериев (уставные цели и территориальные рамки деятельности, опыт реализации программ для мигрантов, наличие эффективных управленческих структур, степень охвата данных групп населения страны и т. д.). Проведение консультаций с форумом является обязательным при выдвижении любых правовых и практических инициатив, связанных с интеграцией мигрантов.

В Швейцарии в 1970 году была учреждена Федеральная комиссия по вопросам иностранцев, в состав кото-

рой входят представители кантонов и муниципалитетов, организаций работодателей и трудящихся, религиозных организаций, объединений иностранцев, проживающих в стране. Эта комиссия отвечает за осуществление федеральной интеграционной политики, публикует рекомендации по миграционной проблематике, выражает свое мнение в ходе обсуждения в федеральном парламенте вопросов, связанных с миграционной политикой. Согласно Закону об иностранцах 2005 года комиссия, в состав которой входят швейцарцы и иностранцы, рассматривает экономические, культурные, политические, демографические проблемы, вопросы социального порядка, связанные с пребыванием иностранцев в стране (ч. 1, 2 ст. 58). Данная структура сотрудничает с федеральными, кантональными и коммунальными структурами, службами, оказывающими помощь иностранцам, комиссиями по делам иностранцев, действующими на кантональном и коммунальном уровнях, объединениями иностранцев и неправительственными организациями, действующими в сфере интеграции (ч. 3 ст. 58).

Следует отметить, что в ряде стран (Италии, Испании, Португалии, Германии) профсоюзы поощряют участие иностранных трудящихся в своей деятельности, создают специальные структурные подразделения, ориентированные на учет интересов данных лиц. Итальянские профсоюзы традиционно поддерживают все инициативы, связанные с борьбой с дискриминацией и расширением прав мигрантов. Не случайно в 1996 году количество членов профсоюзов среди мигрантов (44 %) превысило число входящих в профсоюзы итальянских трудящихся (36,6 %)¹. В Испании были образованы Секретариат по эмиграции и иммиграции в рамках Конфедерации рабочих комиссий, Секретариат социальных действий в составе Всеобщего союза трудящихся для учета законных интересов мигрантов и оказания им содействия в поиске работы и при осуществлении трудовой деятельности. Соответствующие структуры основных профсоюзов Португалии (Всеобщая конфедерация португальских трудящихся — Национальный интерсиндикал) разрабатывают специальные программы профессиональной подготовки для мигрантов и их потомков, оказывают правовую помощь данным лицам, в частности в процессе урегулирования статуса нелегальных мигрантов.

Таким образом, в европейских странах разработаны разнообразные механизмы, обеспечивающие учет интересов мигрантов и оказание эффективного содействия лицам, въехавшим в страну и пребывающим на ее территории на законных основаниях, в ходе первичной адаптации и последующей социализации в принимающем обществе. Анализ практики этих стран представляет особый интерес для Российской Федерации, которая стала государством иммиграции позднее, чем западные державы, и не имеет долгосрочного опыта решения проблем, связанных с межгосударственной миграцией в контексте межкультурного диалога.

Е. М. Глиняная²

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ МИГРАЦИОННО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОГО УКРАИНСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА

Анализ современной миграционной ситуации и рассмотрение ее перспектив свидетельствуют о том, что ми-

грационные процессы в долгосрочной перспективе будут приобретать для Украины все большую значимость.

¹ См.: Kotic A., Triandafyllidou A. Active Civic Participation of Immigrants in Italy. European Research Project POLITIS. Oldenburg, 2005. P. 13. URL: <http://www.uni-oldenburg.de/politis-europe/download/Italy.pdf>.

² Доцент Одесской национальной юридической академии (Украина), кандидат юридических наук.

Миграционные тенденции, которые формировались на протяжении последних десяти лет, свидетельствуют о том, что Украина стала активной участницей мировых миграционных процессов. Как отмечается в докладе Генерального секретаря ООН, представленном на рассмотрение участникам 39-й сессии Комиссии ООН по народонаселению и развитию, численность мигрантов из других стран, проживающих на территории Украины, в 2005 году достигла 6,8 млн человек. Для сравнения: по данному показателю на первом месте находятся США — 38,4 млн мигрантов. Второе место занимает Россия — 12,1 млн, третье место — ФРГ — 10,1 млн человек.

Конец XX — начало XXI столетия характеризуются резкими изменениями структуры и характера миграционных потоков¹. Миграционные процессы также повлияли на этнический состав населения Украины. С одной стороны, на Украину вернулись сотни тысяч депортированных (крымские татары, болгары, армяне, греки, немцы), увеличилась численность отдельных национальных меньшинств (азербайджанцев, абхазцев, армян, турков-месхетинцев), а также выходцев из Центральной Азии и Африки, появился новый миграционный поток — экологические мигранты, переселение которых связано с аварией на Чернобыльской АЭС. С другой стороны, ежегодно несколько миллионов украинцев выезжают за границу на заработки, причем большинство из них работают нелегально, выполняя низкоквалифицированную, малопривлекательную работу. Из-за частично нелегального характера трудовой миграции и вследствие этого отсутствия надежных статистических данных количество украинских граждан, которые работают за границей, определяется в широком диапазоне — от 2 до 7 млн человек. К этому числу необходимо добавить тех, которые выехал за границу на постоянное место жительства. В последний межпереписной период (1989–2001) на Украине в пять раз уменьшилась численность евреев, на одну треть — белорусов, почти на одну треть — россиян, а также наблюдался отток украинцев, молдаван, болгар, немцев и греков².

Прогнозируется, что в ближайшем будущем на Украине возникнет проблема, связанная с трудовой миграцией из Китая. Как сообщает Киевский городской портал со ссылкой на газету «Деловая столица», столичным строительным компаниям не хватает нескольких десятков тысяч рабочих. Спасением для работодателей может стать трудовая миграция из Китая, начало которой уже положено. Работодатели увеличили заработную плату рабочих на 20 %, однако и это не может помочь в решении проблемы. Ранее ситуация регулировалась за счет сезонных рабочих, однако сейчас их непросто найти. Кроме того, усилился отток квалифицированных кадров в регионы, где заработная плата почти достигла столичного уровня. Впрочем, места украинцев на стройках могут занять китайские и турецкие рабочие. Турки уже принимали участие в строительстве Дарницкого моста, а скоро на Подольско-Воскресенском мостовом переходе должны появиться китайские рабочие.

Через территорию Украины пролегают пути незаконных мигрантов, которые следуют в страны Западной Европы. Неуправляемость миграционных процессов создает большую опасность для национальных интересов Украины, поэтому они нуждаются в эффективной регуляции со стороны государства с целью максимального сохранения его трудового и демографического потенциала.

Особенный интерес представляют перспективы развития миграционной системы на Украине, современное со-

стояние которой можно охарактеризовать как «стойкую нестабильность», вызванную геополитической ситуацией в регионе, и прежде всего расширением и приближением территории Европейского Союза к западным границам Украины. После вступления в Евросоюз новых государств ЕС начал проводить политику усиления визового режима и укрепления своих западных границ.

А. Гуменюк справедливо заметил, что в связи с указанными обстоятельствами создается угроза превращения Украины из государства-транзита в государство — «накопитель» мигрантов³. Такое действие извне может существенно повлиять на выбор направления миграционной политики, чтобы отклонить реальную угрозу национальной безопасности Украины. Здесь также уместно вспомнить и общеевропейские процессы, в которые вовлечена Украина. Возможность стать членом Европейского Союза уже опосредованно воздействует на состояние миграционной системы Украины, которая подвергнется коренным изменениям в случае вступления последней в ЕС. Это станет бифуркационным периодом в развитии миграционной системы Украины.

В последнее время международные организации по правам человека критикуют Украину за депортацию нелегальных мигрантов без предоставления им проживания. «Надеясь попасть в страны Европейского Союза, мигранты стремятся транзитом пересечь территорию Украины. Однако Украине не удастся придерживаться своих международных обязательств относительно миграции и права мигрантов получить пристанище», — говорится в докладе международной организации Human Rights Watch за 2005 год. В докладе также указывается, что мигранты крайне редко имеют доступ к переводчикам или юристам и поэтому не могут обжаловать свое содержание под стражей. Организация обращает внимание на то, что официальные должностные лица часто отвечают отказом на просьбу принять заявку на получение пристанища, а служба миграции не может обработать все поступившие заявки. В качестве примера приводится тот факт, что за первые четыре месяца 2004 года из Украины были депортированы полторы тысячи мигрантов, 400 из которых (в основном афганцы и чеченцы) должны были получить доступ к процедуре получения статуса беженца. Несмотря на ратификацию Конвенции о статусе беженцев 1951 года и Протокола 1967 года, касающегося статуса беженцев, украинское законодательство не может обеспечить соответствующую защиту людям, которым в случае депортации угрожает преследование⁴.

В связи с указанными обстоятельствами роль и значение национальной миграционно-правовой политики в среднесрочной перспективе неизмеримо возрастают, что обуславливает необходимость комплексного решения проблем внешней и внутренней миграции населения.

Важным шагом на пути интеграции Украины в мировое сообщество стала ратификация международных конвенций, регламентирующих миграционный процесс. Украина является участницей многих многосторонних договоров по вопросам миграции. В частности, она присоединилась к Конвенции о статусе беженцев от 28 июля 1951 года и Протоколу, касающемуся статуса беженцев, от 31 января 1967 года; Конвенции о гражданстве замужней женщины от 20 февраля 1957 года; Международному пакту о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года; Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 7 марта 1966 года; Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года;

¹ Градировский С., Лопухина Т. Типология миграционных процессов. М., 2001. С. 44.

² Сквирская В. Одесса : «Скользкий» город и ускользящий космополитизм // Вестник Евразии. 2007. № 1. С. 88–117.

³ Гуменюк А. Миграционные процессы в Украине : состояние, проблемы, возможные пути разрешения // Вопросы государства и права Украины. 2004. Вып. 22. С. 11–13.

⁴ Беліський П. Є. Проблема міграції та злочинність в Україні // Державне і право : Юридичні і політичні науки. 2001. № 11. С. 451–457.

Европейской конвенции о гражданстве 1997 года и т. д. Украина подписала Соглашение об упрощенном порядке изменения гражданства с Белоруссией (в 1999 г.), Казахстаном (в 2000 г.), Киргизией (в 2001 г.) и Таджикистаном (в 2003 г.).

Длительное отсутствие концепции миграционной политики на Украине привело к тому, что ряд законодательных актов в сфере миграции разрабатывался без четкой системности и последовательности. Поэтому в настоящее время достаточно часто принимаются различные изменения, дополнения и поправки в существующие законодательные акты.

Несмотря на то что в последнее время много говорится о необходимости разработки и принятия концепции государственной миграционной политики на разных уровнях (как государственными органами и должностными лицами, так и учеными), на протяжении последнего десятилетия на Украине в сфере законодательства не были приняты базовые, программные законодательные акты, касающиеся миграции. Основы государственной миграционной политики должны были определиться законопроектом № 4227-1, однако после рассмотрения в Верховной Раде Украины 25 июня 2005 года он был отправлен на доработку, поскольку, по мнению многих специалистов, носил декларативный характер. До настоящего времени данный документ не представлен в парламент.

Последним важным документом в области миграции стала Программа регуляции миграционных процессов на 2003–2005 годы, утвержденная постановлением Кабинета министров Украины № 1296 от 20 августа 2003 года¹. Как говорилось в документе, «Программа регуляции миграционных процессов на 2003–2005 годы была направлена на последовательную и комплексную реализацию миграционной политики государства». Ее цель — «создание эффективного механизма управления миграционными процессами, исходя из национальных интересов государства».

Согласно документу в качестве основных задач выделялись: завершение формирования нормативно-правовой базы по вопросам миграции; определение концепции создания скоординированного административного механизма государственной регуляции миграционных процессов и обеспечения его внедрения и эффективного функционирования; обеспечение защиты прав лиц, которым предоставлен статус беженцев или пристанище в Украине; содействие процессу репатриации на Украину выходцев с Украины и их потомков; создание правовых и социально-экономических основ регуляции трудовой миграции; развитие международного сотрудничества в сфере миграции.

Недавно на Украине был принят подобный документ — Решение Совета национальной безопасности и обороны Украины от 15 июня 2007 года «О направлениях государственной миграционной политики Украины и безотлагательных мероприятиях по повышению ее эффективности», введенное в действие Указом Президента Украины № 657/2007 от 15 июня 2007 года².

В данном документе констатируется концептуальная неопределенность государственной миграционной политики Украины, в частности ее принципов, стратегических целей, современных заданий, стандартов по обеспечению прав человека. Подчеркивается, что реальную угрозу национальной безопасности Украины составляют нелегаль-

ная миграция, стойкая тенденция к росту процессов внутренней и внешней трудовой миграции граждан Украины, которые имеют преимущественно необратимый характер и негативно влияют на обострение демографического кризиса, способствуют возникновению новых депрессивных территорий, приводят к оттоку за границу наиболее квалифицированной части трудовых ресурсов и интеллектуального потенциала.

Согласно этому документу Кабинету министров Украины было поручено: 1) разработать до конца 2007 года при участии представителей общественных организаций, ученых, специалистов и экспертов проект Концепции государственной миграционной политики Украины и внести его в установленном порядке на рассмотрение Верховной Рады Украины шестого созыва; 2) разработать с учетом утвержденной Концепции государственной миграционной политики Украины и внести в установленном порядке на рассмотрение Верховной Рады Украины шестого созыва законопроекты: об основных принципах государственной миграционной политики Украины; о внесении изменений в Закон Украины «О правовом статусе иностранцев и лиц без гражданства» (новая редакция); о беженцах и лицах, которые нуждаются во вспомогательной и временной защите на Украине; о ратификации Соглашения между Кабинетом министров Украины и Правительством Российской Федерации о реадмиссии; 3) обеспечить надлежащее сопровождение Верховной Радой Украины шестого созыва принятого за основу законопроекта о национальном демографическом регистре населения; 4) осуществить на протяжении 2007–2008 годов необходимые меры относительно оптимизации системы государственного управления в сфере миграции, рассмотреть вопрос о целесообразности образования центрального органа исполнительной власти по вопросам миграции, деятельность которого будет направляться и координироваться Кабинетом министров при помощи министра внутренних дел Украины.

Важным положением данного документа является ускорение темпов разработки и принятия концепции государственной миграционной политики. Действительно, Украина сегодня очень нуждается в концепции миграционно-правовой политики, которая стала бы своего рода программным документом, что закрепило бы стратегическую направленность и основные составляющие этой политики, наиболее общие направления совершенствования правового действия на миграционные процессы.

Необоснованным в то же время представляется положение обсуждаемого документа о разработке и принятии вместе с концепцией государственной миграционной политики отдельного закона об основных принципах государственной миграционной политики Украины. На наш взгляд, проблема принципов государственной миграционной политики является концептуальной. Поэтому она должна решаться на уровне такого программного документа, как концепция. Следовательно, при условии принятия этого документа на уровне высшего законодательного органа не будет необходимости в разработке и принятии отдельного закона об основных принципах государственной миграционной политики Украины.

Необходимо отметить, что с мая 2006 года существует проект Концепции государственной миграционной политики Украины, который был подготовлен существующим в то время Государственным комитетом Украины по делам национальностей и миграции. Другой проект был представлен 5 июня 2007 года. Анализ этого документа позволяет отметить следующее. Во-первых, данный проект отличается излишнее дробление (складывается из 16 разделов и завершающих положений). Во-вторых, в нем без необходимости указаны основные этапы развития миграционной ситуации и миграционного законодательства,

¹ Про затвердження Програми регулювання міграційних процесів на 2003–2005 роки : постанова Кабінету міністрів України від 20 серпня 2003 р. // Збірник урядових нормативних актів. 2003. № 35. Ст. 617.

² О направлениях государственной миграционной политики Украины и неотложных мероприятиях по повышению ее эффективности : решение Совета национальной безопасности и обороны Украины от 15 июня 2007 года, введено в действие Указом Президента Украины № 657/2007 от 15 июня 2007 г. URL: <http://www.rada.kiev.ua>.

перечислены в рамках отдельного раздела субъекты миграционных процессов. В-третьих, в него включены нехарактерные для такого рода документов вопросы (например, о полномочиях органов государственной власти в сфере миграционной политики).

Теоретико-методологические разработки и опыт зарубежных государств позволяют выделить концептуальные положения по модернизации миграционно-правовой политики Украины, способствующие ее адаптации к происходящим изменениям.

Разработка и принятие Концепции государственной миграционной политики Украины в настоящее время особенно актуальны. Как свидетельствует опыт многих зарубежных стран, отсутствие концепции часто приводит к бессистемной и непродуманной миграционно-правовой политике, которая, в свою очередь, может провоцировать рост незаконной миграции и привести в конечном счете к колоссальным финансовым потерям и растрате человеческого капитала. На наш взгляд, изменение внутри- и внешнеполитической ситуации на Украине усилило потребность украинского общества в принятии упомянутого документа и с учетом анализа перспектив развития украинского рынка труда и рынка труда стран — ближайших соседей Украины и других государств, которые являются пунктами назначения потоков трудовой миграции из Украины.

Наличие Концепции государственной миграционной политики как единственного документа концептуального плана, который определяет государственную политику в области миграции, позволит усовершенствовать существующее законодательство, а также обеспечит четкую системность и последовательность законодательных актов, которые разрабатываются и принимаются в сфере миграции, что в перспективе послужит основой для принятия миграционного кодекса.

Одной из задач является сближение Украины с Европейским Союзом в деле борьбы с нелегальной миграцией. Следует учитывать, что одним из условий вступления новых стран в Евросоюз является обязательство принятия жестких правил его миграционного режима. Главными инструментами должны быть двусторонние договоры о реадмиссии (возвращении нелегальных иммигрантов) и обустройстве границ как со странами ЕС, так и с другими государствами, особенно с Россией. Большое значение также имеет последующее приведение законодательства Украины по вопросам миграции в соответствие с европейскими стандартами и признанными международными механизмами регуляции миграционных процессов в рамках реализации стратегии интеграции Украины в ЕС.

Современная миграционная стратегия Украины должна обеспечить миграционный прирост населения для улучшения демографической ситуации в стране и экономического роста, хозяйственное освоение и заселение территорий, которые имеют для страны геополитическое значение. Необходимо стимулировать приток в страну квалифицированных трудовых иммигрантов, людей образованных и законопослушных.

Последние тенденции в иммиграционной политике разных стран свидетельствуют о том, что происходит постепенный переход от иммиграционного контроля к регуляции, то есть к управлению миграционными потоками с тем, чтобы действие миграции не было негативным¹. Политика миграционной регуляции становится актуальной и для Украины. Основу этой политики должно составлять взаимодействие, которое допускает необходимость сотрудничества «отправляющих» и «принимающих» мигрантов стран.

Для обеспечения эффективного управления миграционными процессами Украине необходимо разработать механизмы легализации и максимально сократить нелегальный сектор миграции. Это станет возможно при условии упрощения процедуры регистрации (ее нужно сделать не разрешительной, а уведомительной) и облегчения процедуры найма иностранной рабочей силы. При этом следует учитывать, что негативные для Украины социально-политические последствия может вызывать излишняя либерализация миграционной нормативно-правовой базы по вопросам приема мигрантов. Последние события во Франции наглядно продемонстрировали опасность такого курса и показали, к каким негативным политическим, экономическим и социальным последствиям может привести такая либерализация, направленная на привлечение в страну большого количества малообразованных трудовых мигрантов из бедных стран для выполнения низкоквалифицированной работы. Украина, следуя курсом излишней либерализации миграционной нормативно-правовой базы, может оказаться в аналогичном положении.

Другой задачей обеспечения эффективного управления миграционными процессами Украины является совершенствование системы селективной (избирательной) иммиграции. Важной частью обеспечения селективной миграционной политики должно стать формирование за пределами Украины потенциального миграционного потока нужного качества.

Говоря о такой составляющей миграционно-правовой политики Украины, как политика по социокультурной интеграции мигрантов, следует отметить, что украинское общество, особенно Одесса, отличается особой толерантностью к представителям других национальностей, которые проживают в стране. Не случайно в декабре 2006 года комиссар Совета Европы по правам человека Томас Хаммарберг выразил мнение о том, что Одесская область представляет собой интересную модель мирного сосуществования людей разных национальностей и вероисповеданий и может служить примером толерантности для всех европейских стран. Речь идет о том, что славянское большинство города (в основном это вновь прибывшие) терпимо относится к представителям национальных и религиозных меньшинств, а также к иностранцам из ближнего и дальнего зарубежья².

Однако Украина нуждается в такой миграционно-правовой политике, которая не ограничивалась бы мероприятиями по борьбе с нелегалами, но имела бы позитивную программу интеграции иммигрантов. Основопологающим принципом такой программы должно стать уважение культуры, традиций и обычаев не только иммигрантов со стороны граждан Украины, но и иммигрантами украинской культуры, истории и языка, неуклонное соблюдение законов страны, принятие главных ценностей, которые разделяются национальным сообществом (включая неприкосновенность прав лиц, равенство перед законом, отделение религии от политики и светский характер государства). На наш взгляд, преимущество должно отдаваться такой модели миграционно-правовой политики адаптации иммигрантов в украинское общество, которая исключала бы образование иммигрантами замкнутых этнических анклавов.

Особого внимания заслуживает формирование институциональной сети с целью оказания действенной поддержки украинским трудовым мигрантам за границей. В настоящее время в некоторых странах назначения трудовой миграции (например, в Греции, Испании, Италии, Португалии) наблюдается недостаток консульской поддержки украинских граждан.

¹ Градировский С., Лопухина Т. Указ. соч. С. 23.

² Сквирская В. Указ. соч. С. 106–107.

Ключевыми инструментами политики трудовой миграции может быть, с одной стороны, создание действенной альтернативы тем обстоятельствам, которые побуждают работоспособных украинцев уезжать в страны, где

их положение на рынках труда является дискриминационным, и с другой — содействие возвращению трудовых мигрантов на Украину с предоставлением им широкого спектра реабилитационных возможностей.

О. Р. Гулина¹

МИГРАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ В СТРАНАХ ЕС

Сегодня в государствах Европейского Союза, Норвегии и Швейцарии проживает более 500 млн человек, 43 млн из которых родились за пределами этих стран. Основной точкой миграционных потоков последнего столетия была и остается Германия, в которой осело более 10,1 млн мигрантов. Население Германии является третьим в мире — после США и России — по числу входящих в него мигрантов. Далее следует Франция (6,5 млн чел.), Великобритания (5,6 млн чел.), Испания (4,8 млн чел.), Италия (2,5 млн чел.). В Швейцарии (1,7 млн чел.), Голландии (1,6 млн чел.), Австрии (1,3 млн чел.), Швеции (1,1 млн чел.), Греции (1 млн чел.) также весомая часть населения является выходцами из других государств².

Исследования процессов миграции и интеграции в странах ЕС как политического, правового и социокультурного феномена представляют большой научный и практический интерес. В течение долгого времени ученые давали разную оценку миграционной и интеграционной политике стран Евросоюза. Политика Германии и Франции оценивалась как политика сегрегации, Великобритании — как политика расового разделения, Швеции — как политика ассимиляции, Голландии и Испании — как политика с акцентами на права этнических меньшинств³.

Современная Европа ориентирована на формирование миграционной политики, содействующей легальной миграции, ограничивающей нелегальные перемещения лиц, упрощение правил въезда для высококвалифицированных специалистов и ученых, интеграцию всех проживающих мигрантов на территориях государств — членов ЕС, а равно создание единого правового поля по регулированию вопросов миграции, интеграции и этнического многообразия.

В то же время каждое государство Евросоюза сосредоточено на поиске путей разрешения внутренних проблем, привлеченных в страну отдельными группами мигрантов. Так, в эпицентре французской политики находятся вопросы «исламизации приезжего населения» и взаимоотношения с бывшими колониями⁴. Именно они являются «причиной осторожного подхода Франции к единообразной всеобщеевропейской политике гармонизации миграционных потоков внутри ЕС»⁵. Испания, Италия, Португалия озабочены борьбой со всеми формами все возрастающей нелегальной миграции. Однако с точки зрения ЕС нет такой проблемы, которая являлась бы сугубо французской,

немецкой или итальянской, все трудности стран — участниц ЕС являются общеевропейской «головной болью».

Важным пунктом миграционной и интеграционной политики европейских государств является обеспечение равных возможностей и равного подхода для граждан, мигрантов из третьих стран и лиц без гражданства в жизни принимающего их социума. Как отражение этой политики стоит рассматривать инкорпорацию во внутреннее право государств ЕС решений Европейского суда по правам человека, Европейского суда справедливости, Директив ЕС 2000/43/ЕС и 2002/73/ЕС. Важно также создание специальных органов и процедур по контролю за реализацией права на равенство / не дискриминацию, таких как Комитет по расовому равенству (Committee of Racial Equality) в Великобритании, Бюро антидискриминации (Antidiskriminierungsstelle) в Германии, Высший совет по борьбе с дискриминацией и вопросам равенства (Haute Autorité de Lutte contre les Discriminations et pour l'Égalité) во Франции, Высший комиссариат по делам иммиграции (Consejo Superior de Política de Inmigración) в Испании и т. д.⁶

Современный лозунг миграционной политики государств в рамках ЕС может быть сформулирован как «идущие разными дорогами к единой цели» — гармонизация единого европейского пространства, организации свободного легального перемещения лиц, товаров, услуг, оптимизации миграционных потоков. Данный девиз получает свое звучание в каждой из стран в зависимости от сложившихся исторических, политических, социально-экономических и правовых предпосылок.

Так, миграционная политика Германии на протяжении последнего десятилетия обозначается как возвращение этнических немцев на историческую родину. Миграционная политика Великобритании сориентирована на всестороннюю интеграцию иммигрантов из бывших британских колоний. Политика Италии, Испании ставит целью пресечение нелегальных путей въезда в страну и сокращение миграции по линии семейного воссоединения.

Рассмотрим специфику миграционной политики Испании и Германии.

Миграционная модель Испании

1. Испания имеет один из старейших в рамках ЕС законов о миграции (Ley de Extranjería vom 2004), который в последнее время претерпел немало изменений. Несмотря на все имевшие место дополнения, в законе до сих пор отсутствуют четкие формулировки и критерии иностранцев и их правового статуса. Также в него не вошли давно обсуждаемые в стране облегченные правила въезда для высококвалифицированных специалистов, студентов и ограничения миграции по линии семейного воссоединения, установленные Директивами ЕС 2004/38/EG⁷

⁶ European Centre on Racism and Xenophobia-Annual Report on the Situation regarding Racism and Xenophobia in the Member States of the EU.FRA.2007. URL: http://www.libertysecurity.org/IMG/pdf_report_racism_0807_en.pdf (erfüllt am 16 Oktober 2008)

⁷ Richtlinie 2004/38/EG des Europäischen Parlaments und des Rates vom 29. April 2004 über das Recht der Unionsbürger und ihrer Familienangehörigen, sich im Hoheitsgebiet der Mitgliedstaaten frei zu bewegen und aufzuhalten, ABL der Europäischen Union. 2004. № L 229. S. 35.

¹ Докторант кафедры истории законодательства и правовых учений, государственного права Университета Потсдама (Германия), кандидат юридических наук, доцент.

² Schleifer W., Posch W. (Hrsg.) Rechtsfragen der Migration und Integration. Graz, 2008. S. 35–36.

³ Vedder P., Virta E. Language, ethnic identity and adaptation of Turkish immigrant youth in the Netherlands and Sweden // *International Journal of Intercultural Relation*. 2005. Vol. 29. Issue 3. P. 317–337; Rey A. Einwanderung in Frankreich 1981 bis 1995. Ausgangsposition und Handlungsspielraum im Hinblick auf eine gemeinsame europäische Einwanderungspolitik. Opladen, 1997. S. 16.

⁴ Vaisse J. Unrest in France : Immigration, Islam and the Challenge of Integration. 2005. Nov. URL: http://www.brookings.edu/testimony/2006/0112france_vaisse.aspx (erfüllt am 27 Dezember 2008)

⁵ Rey A. Einwanderung in Frankreich 1981 bis 1995. Ausgangsposition und Handlungsspielraum im Hinblick auf eine gemeinsame europäische Einwanderungspolitik Opladen, 1997. S. 243.

и 2003/109/EG¹. В 2009 году мы ожидаем появления нового закона об иммиграции, который должен охватить указанные новшества и закрепить единую линию общеевропейской миграционной политики.

2. **Испанская миграционная и интеграционная политика** имеет ряд особенностей. К одной из них относится разделение правового регулирования по областям на политику миграции и задачи интеграции. В других государствах ЕС, как и в Германии, доминирует единая модель миграционного и интеграционного правового регулирования. В этом ракурсе интересным представляется вопрос о том, сохранится ли такой биполярный подход в новом миграционном законе Испании.

3. **Испания является одним из государств ЕС, которое** ведет активную борьбу со всеми формами нелегальной миграции в страну. В противовес Франции, отказавшейся проводить амнистии для нелегальных мигрантов, Испания регулярно проводит легализацию незаконно въехавших в страну мигрантов. Представляется, что подобные мероприятия принесут успех испанской миграционной политике в будущем и будут способствовать снижению напряженности в обществе.

4. **Научные исследования в области миграционной политики** Испании не столь просты, хотя имеется новая научная литература о специфике миграции и интеграции в испанском обществе². Для Германии представляет особый интерес усилить взаимодействие государственных структур и органов, дабы содействовать передаче позитивного испанского опыта по интеграции иностранцев.

Миграционная модель Германии

1. **Вопросы миграции и интеграции играют важную роль** в современной Германии. Число иностранцев, проживающих в стране, возросло до 10,1 млн человек, что составляет около 9 % всего населения³. Германия — одно из государств ЕС, население которого стареет, — становится магнитом для иммигрантов со всего мира. Экономические преимущества, приносимые каждой новой волной миграции, отступают на задний план перед социально-политическими проблемами в стране.

2. **Германия сделала много шагов в направлении** создания современной миграционной политики. От полного отрицания миграции как политического, социально-экономического и правового явления до политики всеобщей интеграции через призму управления потоков миграции как важнейшей государственной задачи.

3. **Германия старается проявлять понимание к интеграционным** тревогам и заботам иммигрантов из третьих стран, что позволяет смотреть в будущее с надеждой. В современной Германии созданы государственные органы власти, программы, инициативы, направленные на продвижение интеграции во всех сферах общественной жизни. В то же время имеется ряд «проблемных зон» интеграционной и миграционной политики — это как качество языковых и ориентировочных курсов для иностранцев, недостаточное использование производственного потенциала проживающих в стране иммигрантов, необходимость улучшения шансов иммигрантов, не получивших образование в Германии и т. д. Интеграция в понимании немецкой миграционной политики — это не совместное существование, а мирное взаимодействие, общее совершенствование немецкого общества⁴.

4. **Специфику современного миграционного** профиля Германии отражают ограничения въезда, усложнения правил пребывания для вновь прибывающих мигрантов. Если в ближайшие 10 лет ФРГ сможет разрешить проблему интеграции первого и второго поколения мигрантов, тогда Германия станет первой страной на европейской арене, не имеющей проблем в сфере миграционной политики.

5. **Законодательство Германии — Закон о** пребывании, трудовой деятельности и интеграции иностранных граждан в ФРГ от 2005 года⁵ — предоставляет множество преимуществ для высококвалифицированных мигрантов. Цель правительства Германии — привлекать в страну как можно больше квалифицированных кадров. В то же время закон ограничивает въезд в страну других групп мигрантов, таких как континентальные беженцы, мигранты по линии семейного воссоединения, беженцы и ищущие убежища.

Е. В. Кузнецова⁶

МЕЖДУНАРОДНОЕ УСЫНОВЛЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ СЕМЕЙНОЙ МИГРАЦИИ

В правоприменительную практику Российской Федерации в последние годы прочно вошло международное усыновление. На территории России в силу международ-

¹ Richtlinie 2003/109/EG des Rates vom 25. November 2003 betreffend die Rechtsstellung der langfristig aufenthaltsberechtigten Drittstaatsangehörigen, ABL der Europäischen Union. 2004. № L 16/44.

² Bruquetas-Callejo M., Garcés-Masareñas B., Morén-Alegret R., Peninx R., Ruiz-Vieitez E. Immigration and Integration Policymaking in Spain // Working Paper. IMISCOE. April 2008. № 21; Kreienbrink A. Länderprofil. Spanien // Focus Migration. 2008. № 6; Morén-Alegret R. Immigrants and Immigration policy making. The case of Spain. Country-report. Barcelona, 2004; Agrela Romero B., Gil Araujo S. Constructing otherness: the management of migration and diversity in the Spanish context // Migration: A European Journal of International Migration and Ethnic Relations. 2005. № 43. P. 9–33; Rufete Gomes J. F., Becerra I. R. Legale und illegale Zuwanderung in Spanien. Ecuadorianer in der Autonomen Gemeinschaft Murcia, IMIS Beiträge. Heft 27/2005. S. 93–95.

³ <http://www.destatis.de/basis/d/bevoe/bevoetab4.php> (erfüllt am 11 Dezember 2008).

⁴ Lautenschläger S. Fordern, fördern und einbinden // Die Politische Meinung. 2007. Juli. S. 78.

⁵ Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet (Aufenthaltsgesetz — AufenthG). BGBl. I. S. 2965.

⁶ Старший преподаватель кафедры гражданского права, процесса и основ предпринимательской деятельности Ивановского государственного университета, аспирантка Института государства и права РАН.

ного договора Российской Федерации или на основе принципа взаимности аккредитованы представительства международных и иностранных неправительственных организаций, осуществляющих деятельность по усыновлению (удочерению) детей на территории Российской Федерации. Официальная статистика свидетельствует о наметившейся в конце XX — начале XXI века тенденции превалирования в нашей стране международного усыновления. Так, если в 1994–1995 годах зарегистрировано 3693 подобных факта, что составило около 2,5 % от общего количества случаев передачи детей на усыновление и под опеку или попечительство (148 390), то в 2005-м иностранные граждане усыновили 9419 детей (российские граждане — 7350).

Среди причин, породивших подобную тенденцию, исследователи называют следующие:

— в большинстве развитых стран практически нет детей в возрасте до трех лет, подлежащих усыновлению; дети старшего возраста также устраиваются в приемные семьи либо детские дома семейного типа;

— в ряде иностранных государств (Испании, США и др.) процесс национального усыновления длительный

по времени и сложный по процедуре, в результате дети, оставшиеся без попечения родителей, чаще всего воспитываются в приемных семьях без права на их усыновление¹.

Вместе с тем участвовавшие случаи жестокого обращения с усыновленными российскими детьми, зачастую приводящего к их гибели, коммерциализация деятельности по международному усыновлению породили споры в средствах массовой информации по поводу позитивных и негативных последствий международного усыновления. В связи с этим неоднократно поднимался вопрос, следует ли развивать институт международного усыновления на российской почве или отторгнуть его как чуждое явление.

Исследование статистических данных показывает, что граждане Российской Федерации предпочитают усыновлять новорожденных детей и детей в возрасте до трех лет. Так, в 2007 году российскими гражданами взято из детдомов 37 детей старше трех лет, в то время как иностранными гражданами усыновлен 51 ребенок того же возраста. При этом следует отметить, что в данные статистики усыновления детей российскими гражданами включены случаи усыновления детей отчимами (мачехами), а это особые случаи, где речь не идет об устройстве детей, оставшихся без родительского попечения, так как у таких детей имеется один биологический родитель. Таким образом, напрашивается вывод, что российские кандидаты в усыновители ориентированы на детей здоровых или с незначительными проблемами в развитии.

В то же время из числа российских детей, признанных Ивановским областным судом усыновленными иностранцами в 2007 и 2008 годах, значительную долю составили дети с серьезными медицинскими проблемами. Достаточно указать, что среди них: 44 ребенка с умственной отсталостью; 6 — с перинатальным контактом по ВИЧ-инфекции; 27 — с пороком сердца и другими сердечными заболеваниями, и др. Статистические данные говорят сами за себя и не требуют дополнительных комментариев.

На воспитание в семьи иностранных граждан передаются дети с серьезными медицинскими диагнозами, сложно поддающимися лечению и коррективке, с явными отклонениями в психическом и физическом развитии, с отягченной наследственностью. В силу разных причин подобная медицинская помощь не может быть оказана таким детям на родине. Международное усыновление является в этом случае спасением для ребенка, благотворно сказывается на его дальнейшем развитии и судьбе.

Бесспорным является тот факт, что усыновление российских детей иностранными гражданами объективно отличается значительным своеобразием. Соответственно, его правовая регламентация не может быть такой же, как при усыновлении детей российскими гражданами².

1. Подобное усыновление допускается только в случаях, если невозможно передать этих детей на воспитание в семьи граждан Российской Федерации.

2. Усыновление иностранными гражданами или лицами без гражданства подчиняется законодательству государства, гражданином которого является усыновитель.

3. При усыновлении российских детей иностранными гражданами или лицами без гражданства в первую очередь должны быть защищены интересы ребенка.

4. При передаче ребенка на усыновление должны учитываться его принадлежность к той или иной религии и культуре, родной язык, возможность обеспечения преемственности в воспитании и образовании.

5. Не допускается посредническая деятельность по усыновлению детей.

Таким образом, международное усыновление как способ действенного решения проблемы социального сиротства должно сохранить свое место в системе форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, но в целях пресечения злоупотребления в данной сфере эта деятельность требует усиления контроля со стороны государства.

Н. В. Курдюмов³

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Складывающаяся в настоящее время ситуация на российском рынке труда в свете мирового финансового кризиса и его воздействие на социально-экономическое положение в стране требует анализа и принятия комплекса мер, способствующих минимизации негативных последствий кризисных явлений.

Эти меры должны быть направлены как на защиту прав и законных интересов российских граждан, так и на совершенствование управления процессами трудовой миграции в Российской Федерации. При этом следует различать оперативные-тактические меры, направленные на быстрое реагирование на кризисные явления, и стратегические, к которым следует отнести необходимость сохранения позитивных тенденций в управлении миграционными потоками в последние годы с целью активного развития этих тенденций в послекризисный период.

Создание механизма эффективного управления миграционными процессами — это в значительной мере поиск баланса между российскими и иностранными трудовыми ресурсами: свобода работодателя в привлечении иностранного трудового мигранта или принуждение его к поиску и подготовке соответствующего российского работника; упрощенный порядок легализации иностранных трудовых мигрантов или ограничение их официального доступа на российский рынок труда и, как следствие, стимулирование теневых трудовых отношений. Эти и десятки других подобных вопросов активно дискутируются как в среде работодателей и представителей органов исполнительной и законодательной власти, так и в кругу экспертов и представителей СМИ.

В последние 15 лет в ходе реализации миграционной политики российское общество и бизнес имели дело как с либеральным подходом к регулированию процессов внешней трудовой иммиграции в конце прошлого века — начале 2000-х годов, так и с жесткими ограничительно-административными мерами в последующие годы. Лишь начиная с 2007 года возобладал взвешенный подход, основанный на разумно-рыночном механизме регулирования процессов трудовой миграции.

¹ Дзугаева А. З. Усыновление российских детей иностранными гражданами // Защита прав ребенка в современной России : материалы науч.-практ. конф. / отв. ред. А. М. Нечаева. М., 2004. С. 124.

² Постановление Правительства РФ от 29 марта 2000 г. № 275.

³ Председатель Совета некоммерческого партнерства «Международный альянс «Трудовая миграция», член Общественного совета при Федеральной миграционной службе РФ.

Изменения в миграционной политике встретили позитивную оценку со стороны всех участников этих процессов. Значительно увеличилась легальная составляющая потока трудовых мигрантов в Российскую Федерацию и доля официальных трудовых отношений с работодателями, появилась возможность определения реальной величины общего числа иностранных трудовых мигрантов, разработки современных конкретных механизмов регулирования процессов трудовой миграции.

Одним из важных регуляторов процессов привлечения иностранных работников на российский рынок труда стал механизм квотирования иностранной рабочей силы. Введение этого механизма в 2007 году показало его позитивные стороны.

При этом важно учесть определенный негативный опыт середины 2008 года. Тогда возникшие в мае проблемы с исчерпанием квот на выдачу разрешений на работу иностранным гражданам привели не только к остановке на несколько месяцев деятельности по оформлению разрешений на работу в 22 субъектах Российской Федерации и, как следствие, к невозможности легально принять на работу востребованных иностранных работников, но и к активизации деятельности недобросовестных, как правило, находящихся «в тени», посредников, занимающихся в том числе изготовлением и продажей мигрантам поддельных медицинских справок и разрешений на работу, ухудшению криминальной ситуации и росту коррупции в сфере трудовой миграции.

Обобщенная заявка по российским регионам от работодателей на привлечение иностранных работников в 2009 году составила около 6 млн вакансий, а на утверждение Правительству РФ на 2009 год предложена квота в размере почти 4 млн разрешений на работу, что, по нашему убеждению, позволяет гарантированно обеспечить российскую экономику требуемым количеством иностранных трудовых ресурсов. Принятые Правительством РФ решения об увеличении резерва в составе общей квоты и дополнительной возможности, в соответствии с мониторингом рынка труда, оперативно ее корректировать и перераспределять по профессионально-квалификационным группам позволят реагировать на негативные тенденции, возникающие на российском рынке труда, и своевременно регулировать привлечение иностранных работников.

Планомерная реализация запланированной квоты позволит, на наш взгляд, устранить стимулы для роста нелегальной миграции. Это особенно важно в условиях свободного, безвизового въезда в Российскую Федерацию граждан большинства государств — участников СНГ.

К сожалению, по-прежнему не найдено решение проблемы рационального распределения привлекаемых иностранных трудовых ресурсов по территории Российской Федерации. В интересах России, чтобы трудовые мигранты приезжали работать не только в центральные области России и крупные города, но и в те регионы, где ощущается дефицит рабочих рук, необходимых для реализации национальных и инвестиционных проектов, обеспечения нормального функционирования отраслей экономики.

В настоящее время как никогда остро стоит проблема создания банка данных реальных вакантных рабочих мест, который бы использовался для привлечения к трудовой деятельности как граждан Российской Федерации, так и иностранной рабочей силы. Добиться эффективного управления миграционными потоками невозможно без внедрения современных средств информационного обеспечения в повседневную деятельность соответствующих структур. Следует отметить позитивную роль в этом процессе информационного портала «Работа в России» (www.trudvsem.ru) на сайте Федеральной службы по тру-

ду и занятости. На 1 мая текущего года в этом общероссийском банке вакансий зафиксированы 1 078 227 рабочих мест.

К формированию и использованию такой информационной базы и непосредственной работе по содействию в трудовой миграции как российским, так и иностранным гражданам, помимо подразделений государственной службы занятости, необходимо привлекать кадровые агентства, негосударственные информационно-консультационные центры в государствах выезда трудовых мигрантов и в субъектах Российской Федерации, объединения работодателей и частных агентств занятости, другие заинтересованные органы и организации. В этой работе кадровым агентствам необходимо теснее взаимодействовать с работодателями, а объединениям кадровых агентств координировать свою деятельность с объединениями работодателей и предпринимателей.

По-прежнему отсутствуют подходящие для практического применения механизмы поиска и подбора (отбора) востребованных работодателями трудовых мигрантов, а также содействия их трудоустройству к соответствующему работодателю.

В результате подавляющая часть трудовых мигрантов приезжает «самотеком», ориентируясь на советы и информацию соотечественников, родственников и случайных знакомых, либо с помощью различного рода посреднических структур, в том числе через многочисленные этнические объединения, которые нередко нажимают на трудности неискушенного мигранта в чужой стране.

Безусловно, неуправляемый въезд в страну трудовых мигрантов не позволяет специализированным, как частным, так и государственным, кадровым структурам осуществлять их селекцию по востребованным рынкам труда параметрам, проверять соответствие заявленных ими профессионально-квалификационных качеств имеющимся в действительности, отслеживать оформление трудовых отношений должным образом и осуществлять надзор за их соблюдением в дальнейшем.

Необходимо ввести этот стихийный процесс в сферу трудовой миграции в русло организованной и профессиональной работы специализированных государственных и негосударственных структур по поиску, подбору и содействию найму иностранных трудящихся мигрантов. В ряде российских регионов, в частности в Свердловской, Воронежской, Иркутской областях, Приморском и Краснодарском краях, работодатели, кадровые агентства, представители ФМС России и администрации регионов разрабатывают и внедряют подобные предложения.

Так, заслуживает поддержки и распространения инициатива Общественно-консультативного совета при УФМС по Свердловской области по утверждению критериев сертификации и добровольной аккредитации организаций, осуществляющих в Свердловской области деятельность по оказанию посреднических услуг в сфере оформления разрешительных документов иностранным гражданам и работодателям.

Вместе с тем остро ощущается отсутствие профильного закона, придающего внешней трудовой миграции организованный характер и регулирующего деятельность негосударственных структур на этом рынке услуг. Без него справиться с мошенничеством и непрофессионализмом в этой важной сфере вряд ли возможно.

Определенную работу здесь проводит некоммерческое партнерство «Международный альянс “Трудовая миграция”» (МАТМ), силами которого разработаны проекты модельных законов «О деятельности частных агентств занятости» по линии МПА СНГ и «О частных службах (агентствах) занятости и трудоустройства» по линии МПА ЕврАзЭС.

Фактически в государствах СНГ в последние годы сформировались на практике три механизма негосударственного посредничества на рынке услуг в сфере трудовой миграции:

1. Представители диаспор, национально-общественные объединения, другие физические и юридические представители государств происхождения трудовых мигрантов, оказывающие в государстве трудоустройства (Россия, Казахстан и т. д.) услуги по поиску и подбору работы, жилья и прочие востребованные услуги. Как правило, эти услуги носят возмездный характер и часто оказываются без должной гарантии качества и ответственности. Финансовые потоки чаще всего носят теневой характер, а сама подобная деятельность способствует развитию коррупции в среде чиновников и представителей органов правопорядка и нередко переходит в открытый криминал. Как показывают опросы, большая часть структур, занимающихся в среде мигрантов такой деятельностью, готовы были бы официально оформиться и легально работать при наличии ясного законодательства о частных агентствах занятости.

2. Представители кадровых агентств занятости, агентств по трудоустройству, трудовых бирж как в стране трудоустройства, так и в стране выезда мигрантов. Все эти структуры объединяются понятием «частные агентства занятости» (ЧАЗы). Эти организации имеют определенный опыт работы по трудоустройству и подбору персонала, но по большей части внутри страны. Международной трудовой миграцией они, как правило, не занимаются в связи со сложностью этих процессов, невысокой нормой прибыли при легальном бизнесе, а главное — отсутствием нормативно-правового статуса участия ЧАЗов в этих процессах. Законодательство о деятельности ЧАЗов в сфере международной трудовой миграции позволит привлечь действующие кадровые агентства в эту сферу.

3. Наконец, это большое число теневых и криминальных посредников, которые, пользуясь правовым вакуумом в сфере посреднических услуг на этом рынке, обманывают как работодателей, так и трудовых мигрантов и формируют негативный образ посредников.

Таким образом, принятие модельного закона позволит расширить легальный сектор услуг в этой сфере и минимизировать путем контроля и повышения ответственности нелегальную и криминальную составляющую. По оценкам экспертов, даже в докризисный период только в московском регионе теневой рынок посреднических услуг в сфере трудовой миграции оценивается десятками миллионов долларов США. Законодательное оформление взаимодействия субъектов деятельности по трудовой миграции особенно важно в период кризиса, когда активно расцветают краткосрочные спекулятивные «бизнесы» и услуги, увеличивается процент нелегальных трудовых мигрантов.

Кроме того, введение модельным законом правового статуса ЧАЗов, определение прав и обязанностей как ЧАЗов, так и работодателей и трудящихся-мигрантов, установление условий договорной деятельности и порядка оказания услуг будут способствовать повышению ответственности и качества работы самих ЧАЗов.

Одновременно с разработкой на уровне МПА СНГ и МПА ЕврАзЭС модельных законопроектов ведется работа по подготовке проекта федерального закона «Об основах деятельности по оказанию услуг в сфере трудоустройства иностранных трудящихся-мигрантов». Эта деятельность координируется Комитетом по делам СНГ Совета Федерации и осуществляется экспертной группой МАТМ.

Без широкого привлечения кадровой индустрии на рынок услуг в сфере трудовой миграции невозможно обес-

печить профессиональный, грамотный подбор трудовых мигрантов по заявкам работодателей, их трудоустройство и успешную трудовую деятельность в течение срока действия заключенного трудового договора.

Решению этой проблемы могла бы способствовать поддержка таких направлений деятельности с участием кадровых агентств, как:

— организация временных работ для трудовых мигрантов на основе использования трехсторонних трудовых отношений, в которые вовлечены кадровые агентства (лизинг персонала). Актуальность этой работы связана с тем, что кризисные явления в экономике ограничивают использование работодателями классических форм найма и мотивации сотрудников по причинам сокращения штатов и бюджетных статей расходов, приостановления развития отдельных направлений бизнеса, высокой текучести квалифицированных кадров. В такой ситуации возникает необходимость привлекать специалистов временно, делать трудовые ресурсы работодателя более мобильными. Лизинг персонала позволяет решить эти проблемы;

— предоставление услуг работодателям — физическим лицам, привлекающим трудовых мигрантов для выполнения работ, на основе гражданско-правовых договоров. Хорошо известно, что физические лица, привлекающие трудовых мигрантов, как правило, не занимают их должным оформлением по причинам незнания миграционного законодательства, неготовности «ходить по инстанциям» и т. д. Создание центров коллективного пользования для работодателей — физических лиц будет способствовать урегулированию ситуации в этих вопросах;

— создание локальных трудовых бирж для трудовых мигрантов. Эта форма кадровых услуг также актуализируется во времена кризисов. Заказчиком услуг в данном случае становится не работодатель, а трудовой мигрант, которому за разумную оплату подбирается рабочее место.

Эти проекты в инициативном порядке разрабатываются и даже частично реализуются. Эффективность процессов трудовой миграции только бы выиграла от успешного их выполнения и последующего тиражирования.

Для организации трудовой миграции на цивилизованных началах первостепенную важность приобретают механизмы страхования трудовых мигрантов, в первую очередь медицинского страхования. В соответствии с Федеральным законом РФ от 15 августа 1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» въезд в Российскую Федерацию иностранному гражданину или лицу без гражданства не разрешается в случае, если иностранный гражданин или лицо без гражданства не представили полис медицинского страхования, действительный на территории Российской Федерации, — до его представления, за исключением (на основе взаимности) сотрудников дипломатических представительств и консульских учреждений иностранных государств, сотрудников международных организаций, членов семей указанных лиц и других категорий иностранных граждан (ст. 27).

Распространение на трудовых мигрантов принципа обязательного наличия полиса медицинского страхования не менее чем на 90 дней, то есть на период, который отведен им законом для поиска работы, — дополнительная мера регулирования потока трудовых мигрантов. Включение в этот процесс солидных страховых компаний позволит распространить их ответственность на организацию медицинского обследования состояния здоровья трудовых мигрантов до выезда за границу, выдачу им медицинских справок, которые предъявляются в миграционные органы.

Безусловно, базовым элементом, лежащим в основе успешного регулирования процессов трудовой миграции,

является инфраструктура, обеспечивающая ее. Важно сформировать указанную инфраструктуру на принципе государственно-частного партнерства. При этом в качестве главных показателей эффективности функционирования системы могли бы выступать:

— соблюдение последовательности предоставления услуг трудовому мигранту, начиная с места его проживания в государстве выезда, и работодателю с учетом текущих и перспективных задач, стоящих перед его бизнесом;

— территориальный принцип комплексного развития сферы трудовой миграции в соответствующем субъекте Российской Федерации или федеральном округе в увязке с планами перспективного социально-экономического развития региона.

Успешная реализация проектов регулирования трудовой миграции зависит от правильно организованного информационно-пропагандистского обеспечения этого процесса.

В связи с этим, по нашему мнению, целесообразно в 2009 году организовать проведение научно-практической конференции для обсуждения хода работы по регулированию трудовой миграции в условиях неблагоприятного воздействия на российскую экономическую и финансовую обстановку мирового финансового кризиса.

Следует отметить, что постановка вышеперечисленных задач по совершенствованию регулирования миграционных потоков стала возможна благодаря двухлетнему опыту (2007–2008 гг.) реализации новой политики либерального режима управления миграцией. На наш взгляд, очень важно при введении тактико-оперативных мер мягкого антикризисного ограничения привлечения и использования иностранной рабочей силы не потерять ориентиры на стратегию миграционной привлекательности России, расширение организованного привлечения востребованных иностранных работников, развитие процессов легализации трудовых мигрантов и вывода из «тени» их трудовых отношений с работодателями.

Важным условием повышения эффективности управления миграцией является расширение форм частно-государственного партнерства в этих процессах, привлечение к разработке мер и механизмов регулирования миграционных потоков не только государственных структур, но и социально ответственного бизнеса, представителей гражданского общества.

Отсутствие должного внимания к стратегии управления трудовой миграцией в скором будущем может обернуться серьезными проблемами для социально-экономического развития России.

В. А. Мясников¹

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СТРАНАХ СНГ

Распад СССР заметно повлиял на политические и социальные реальности. В результате провозглашения независимости бывшие союзные республики стали суверенными государствами. Одновременно миллионы людей, то есть все некоренное население, оказались в нынешних суверенных государствах иностранцами со всеми вытекающими последствиями. С одной стороны, по-новому прошли государственные границы, и многие этнические группы оказались автоматически отрезанными от территорий компактного расселения своих соплеменников. С другой стороны, возникли новые условия миграций для ряда этнических групп, в том числе русской.

Одним из наиболее серьезных и болезненных последствий этого стало появление за пределами России многомиллионного русского населения (25 млн чел.). До недавнего времени такого не существовало. Относительно немногочисленные русские эмигранты за пределами империи нигде не образовывали устойчивых замкнутых сообществ и довольно быстро растворялись в населении тех стран, где они жили. Но после распада СССР все изменилось. Более 17 % жившего в СССР русскоязычного населения оказались «в рассеянии» за пределами России, и появились основания рассматривать его как русскую диаспору.

Такая интерпретация соответствует и самочувствию многих русских, оставшихся за пределами России. Впервые ощутив себя национальным меньшинством, они испытывают социальный, культурный и политический дискомфорт и начинают стремиться к укреплению связей с исторической родиной или возвращению на нее.

Принятие суверенными государствами ряда законов (о языке, гражданстве, земле и др.) поставило иноязычное население в неравное положение с коренными жителями. Форсирование языкового законодательства, поспешное применение законов о языках во всех бывших союзных

республиках — ныне суверенных государствах послужили «выталкивающим» фактором. Это, разумеется, вызвало напряженность во всех сферах жизни и привело к формированию миграционного настроения и оттоку населения.

Наиболее характерный тип миграции на территории СНГ — это миграция по этнополитическим мотивам. Экономические факторы, как оказалось, играют при этом второстепенную роль. Русские, проживающие, например, в республиках Средней Азии, имеют, как правило, по сравнению с местным населением более высокий уровень жизни, пользуясь уважением как специалисты и знатоки своего дела (инженеры, врачи, преподаватели, рабочие технически сложных производств и т. п.). Выезжают они в большей степени без особого желания и только под давлением чрезвычайных обстоятельств. В связи с этим следует отметить, что при первых признаках нормализации политической обстановки они стремятся вернуться. По некоторым оценкам, 40 % уехавших из Киргизии в начале 1990-х годов, к настоящему времени в связи с мерами республиканского правительства по защите интересов русского населения уже вернулись назад.

Итак, основным содержанием нынешнего миграционного процесса на территории СНГ является массовый исход русскоязычного населения из республик бывшего СССР в Россию. Так, в 1995 году в Россию прибыло 813,9 тыс. человек, в 2000-м — 346,8 тыс., в 2001-м — 183,6 тыс., в 2002-м — 175,1 тыс., в 2003-м — 119,7 тыс., в 2004-м — 110,4 тыс.² Главная пружина этого процесса — стремительное развитие центробежных тенденций в регионах после распада СССР, желание местных элит гарантированно закрепиться на занятых ими позициях и не допустить возврата в какой-либо форме к прежней схеме взаимоотношений с Москвой.

Миграция трудовых ресурсов является важной составляющей формирующегося общего рынка труда стран

¹ Академик РАО, директор Института теории и истории педагогики РАО (Москва), доктор педагогических наук, профессор.

² Население и условия жизни в странах Содружества Независимых Государств: стат. сб. М., 2005.

СНГ. Перемещения рабочей силы между странами связывают национальные трудовые рынки в единый рынок, дополняя движение товаров и услуг в рамках формирующегося единого экономического пространства.

Проблемы миграции возникли в мире с зарождения человечества, и факторы, способствовавшие миграции в прошлом, сохраняются и в настоящее время, а может, даже представляются более актуальными, чем в прошлом, поскольку сопровождаются технологическими изменениями, которые резко сокращают издержки, связанные с информацией и коммуникацией. Углубление экономических и демографических различий между государствами в условиях глобализации вызывает «естественную реакцию» в виде перемещения людей через границы.

В 2000 году примерно 175 млн человек жили за пределами своей страны рождения или гражданства, что составляет 3 % от мирового населения¹. За последнее десятилетие количество таких людей увеличивалось примерно на 6 млн человек в год, что намного выше темпов прироста мирового населения. Уровень количества населения в мире, которое составляет 6,3 млрд человек, ежегодно повышается на 24 млн, причем 97 % этого прироста приходится на развивающиеся страны. 1 млрд человек, не имеющих работы или полной занятости, ежегодно пополняется 100 млн человек, которые впервые выходят на мировой рынок труда.

Трансграничные передвижения рабочей силы стали ключевым вопросом для всего международного сообщества. Принятые в 2003 году независимые инициативы — Гаагская декларация по политике миграции и убежища Объединения за международное развитие (Нидерландское объединение) и Бернская инициатива правительства Швейцарии призывают к партнерству в целях включения гуманитарных принципов в процесс управления миграцией. В 2004 году по настоянию ряда правительств была учреждена новая Глобальная комиссия по вопросам международной миграции. В 2006 году вопросам миграции и развития было посвящено заседание на высоком уровне Генеральной Ассамблеи ООН.

Основные направления миграции и ее виды нередко совпадают или дополняют друг друга (например, потоки беженцев, нелегальная трудовая миграция, репатрианты и т. п.). Однако общим ключевым моментом для всех миграций является экономический (или трудовой) фактор, то есть необходимость решения вопроса трудоустройства (получения работы) мигрантов как основы их обустройства и адаптации к новой среде проживания. Поэтому все виды миграции так или иначе влияют на ситуацию на национальных и локальных рынках труда, изменяя баланс спроса и предложения рабочей силы.

В 1990-е годы не только действовали факторы, определяющие возвратную или вынужденную миграцию между странами СНГ, но и стали набирать силу новые стимулирующие факторы миграции, вызванные переходом к рыночным отношениям. Рынок труда получил новые стимулы, стал более гибким, появились альтернативные, не связанные с государственным сектором возможности трудоустройства и заработка. Своеобразие миграционных процессов в 1990-е годы определялось различиями между государствами Содружества в скорости и характере реформирования национальных экономик, уровне жизни населения, этнической терпимости.

Резкая дифференциация в оплате труда в странах СНГ является одной из важнейших причин выезда русскоязычного, да и части коренного населения в Россию, где зарплата в долларовом эквиваленте в несколько раз превышает соответствующий показатель в других странах СНГ. Так, в 1995 году денежные доходы на душу насе-

ления (в долларах США) составляли в России — 1350,2; Узбекистане — 214,4; Беларуси — 651,4; Азербайджане — 197,5; Армении — 198,7. В 2005 году в тех же республиках они были соответственно: 3262,7; 324,2; 1836,0; 1010,8; 816,5 и т. д. Помимо низкой зарплаты, важным мотивом эмиграции русскоязычного населения из стран СНГ стало нарастание сложностей с трудоустройством, поскольку многие народнохозяйственные объекты в связи с нарушением кооперационных связей вынуждены были прекратить производство.

В мировой практике давно существует экономическая оценка доходов стран от экспорта рабочей силы.

Валютный эффект экспорта рабочей силы как минимум в 10 раз выше валютного эффекта поступлений по товарному экспорту. По имеющимся расчетам, мигрант может прокормить 20 человек за счет того, что кроме членов семьи, которые обеспечиваются из его денежных переводов, он еще «подкармливает» большое число людей в стране-экспортере рабочей силы через приобретение недвижимости, строительство жилья, коммуникаций и их обслуживание.

В целом интенсивность миграции населения стран СНГ является незначительной и составляет всего 3 % от совокупного населения государств Содружества, что существенно меньше, чем в развитых странах мира. По данным ООН, число только международных мигрантов достигает в странах Западной Европы 6,1 % всего населения региона, Северной Америки (США, Канада) — 8,6 %, Западной Азии — 10 %.

Трудовая миграция в странах СНГ в ее легальной (учтенной) форме оценивается примерно в 160 тыс. человек в год (см. таблицу 1). Основной поток трудовых мигрантов идет в Россию. Согласно данным миграционных служб Российской Федерации и Межгосударственного статистического комитета СНГ, за период 1994–2005 годов на территорию России прибыли 1876 тыс. рабочих и специалистов из стран Содружества. В среднем за 2000–2004 годы это составляет 49,4 % от совокупного количества принятой Россией иностранной рабочей силы из стран СНГ².

В числе стран-экспортеров:

- Украина, поставила за 12 лет 1033,3 тыс. работников, что составляет 55 % всей прибывшей из СНГ рабочей силы;
- Молдова — 189 тыс. человек (10,1 %);
- Узбекистан — 138 тыс. человек (6,9 %).

Таблица 1

Трудовая миграция между Россией и странами Содружества Независимых Государств
(по данным миграционных служб Российской Федерации; тыс. чел.)³

	1995	2000	2005
Численность граждан, привлеченных на работу в Россию из стран СНГ, — всего	134,4	106,4	343,7
В том числе из Азербайджана	1,3	3,3	17,3
Армении	6,1	5,5	26,2
Белоруссии	11,1	—	—
Грузии	7,0	5,2	4,3
Казахстана	2,1	2,9	4,1
Киргизии	0,7	0,9	16,2
Молдовы	6,7	11,9	30,6
Таджикистана	1,5	6,2	52,6
Туркменистана	0,1	0,2	1,5
Узбекистана	3,6	6,1	49,1
Украины	94,2	64,2	141,8

Миграция, как внутри стран, так и между странами, рассматривается нами как часть или один из аспектов процесса развития. В таблице 2 перечислены некоторые из

² Население и условия жизни в странах Содружества Независимых Государств. С. 84.

³ 15 лет Содружества Независимых Государств (1991–2005) : стат. сб. / Межгосударственный статистический комитет СНГ. М., 2006. С. 333.

¹ Данные ООН о международной миграции в 2002 г.

потенциальных преимуществ и недостатков, связанных с миграцией, на трех различных уровнях — для самих мигрантов, для предприятий и для страны в целом.

на российском рынке труда будут крайне ограниченными — это будет серьезная проблема для России. В то же время нельзя исключать и того, что при определенных

Таблица 2

Потенциальные преимущества и недостатки эмиграции и иммиграции¹

	Эмиграция		Иммиграция	
	Потенциальные преимущества	Потенциальные недостатки	Потенциальные преимущества	Потенциальные недостатки
Для мигрантов	Занятость Более высокий доход Подготовка или обучение Новый культурный опыт Встреча с новыми людьми	Перерыв в работе, потеря трудового стажа Плохие условия труда Работа более низкого уровня, потеря квалификации Отделение от семьи; неблагоприятное воздействие на детей	Услуги, освобождающие женщин от необходимости вступать в состав рабочей силы Более дешевые товары и услуги Более богатая культурная жизнь Приобретение знаний в других странах	Конкурентная борьба за рабочие места, маргинализация менее квалифицированных работников Снижение зарплаты местных работников Переполненные школы Непривычные языки и обычаи
Для предприятий	Навыки возвращающихся мигрантов Привлекательный бизнес для набора рабочей силы Дополнительный бизнес для коммуникационных фирм и бюро путешествий	Потеря квалифицированной рабочей силы Нехватка рабочей силы, что приводит к повышению заработной платы	Более дешевая и гибкая рабочая сила Разнообразие рабочей силы Более крупные рынки и экономика, обусловленная ростом масштабов производства	Менее стабильная рабочая сила Зависимость от иностранной рабочей силы в отношении отдельных видов работ
Для страны в целом	Снижение демографического давления Снижение уровня безработицы Переводы в иностранной валюте Знания и профессиональные навыки возвратившихся мигрантов Образование транснациональных сообществ	Потеря более молодых людей Проблемы, связанные с внезапным возвращением работников Потеря потенциального объема производства и налоговых поступлений Потеря более квалифицированных работников Нарушение социального единства и культурная эмиграция Растущее неравенство	Омоложение населения Рост численности рабочей силы и снижение инфляции Рост ВВП, капиталы, привозимые иммигрантами-инвесторами Более разностороннее и динамичное население Доход от налогов с более молодых работников	Социальные трения Задержки в совершенствовании технологий Рост неравенства доходов Затраты на интеграционные программы Усиление социального расслоения общества Стоимость социальных услуг, пособия по социальному обеспечению

Российская Федерация, являясь субъектом международного права, присоединилась к большинству международных договоров, регулирующих потоки мигрантов. В стране приняты законодательные нормы: например, «О беженцах», «О вынужденных переселенцах», «О гражданстве Российской Федерации», «Об утверждении Положения о жилищном благоустройстве вынужденных переселенцев в Российской Федерации». Одним из реально работающих механизмов для оказания помощи соотечественникам стали двухсторонние соглашения России с рядом стран СНГ и Балтии о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев.

Однонаправленность миграции из стран СНГ в сторону России является характерной чертой демографической ситуации последних 10 лет. Она приводит, с одной стороны, к увеличению численности проживающих в диаспорах, расширению влияния их на региональные рынки труда, росту межнациональных семей в России, а с другой — к уменьшению численности русскоязычных граждан в других странах СНГ. Последнее обстоятельство может негативно сказаться не только на экономике, но и на развитии межнациональных отношений в государствах Содружества.

Иммиграция в таких масштабах неизбежно порождает массу проблем, главная из которых — расселение приехавших и обеспечение их рабочими местами. Поскольку в указанный период времени следует ожидать значительного удорожания жилья, а возможности найти работу в связи с прогнозируемым ухудшением конъюнктуры

условиях приток иммигрантов может служить фактором экономического роста в местах, испытывающих хроническую нехватку рабочих рук. Вместе с тем отток русского населения значительно сужает и ослабляет русскую языковую среду в этих странах.

Оценивая основные результаты и характер миграционных процессов в странах СНГ, можно констатировать, что старые методы воздействия на движение людей, присущие плановой экономике (оргнабор, переселение, общественные призывы), перестали существовать, новые же механизмы, свойственные рыночной экономике, еще не получили широкого применения. По мнению разработчиков аналитического доклада «Демографическая ситуация и формирование общего рынка труда государств — участников СНГ» (М., 2001), это не означает, что страны Содружества стоят в стороне от влияния на процессы миграции.

Для решения этой задачи стала выработываться целенаправленная миграционная политика во всех государствах Содружества, включающая разработку:

- концепций и целевых государственных программ регулирования миграционных процессов;
- двусторонних и многосторонних соглашений стран СНГ по вопросам миграции;
- механизмов регулирования миграции в рамках программ занятости населения;
- законодательно-правовых документов по социальным гарантиям трудящихся-мигрантов, беженцев и вынужденных переселенцев.

¹ За справедливый подход к трудящимся-мигрантам в глобальной экономике // Международное бюро труда. Женева, 2004.

Г. Н. Муртазаева¹,
В. Б. Смелик²

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СФЕРЕ МИГРАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Согласно последним экспертным данным Института народоведения НАН Украины, за границей (включая страны СНГ и Европы) находится более 4,5 млн украинских трудовых мигрантов³. По оценкам экспертов, в 2006 году трудовые мигранты перечислили на Украину более 8,4 млрд долл. США (8 % ВВП Украины, что в два раза превышает прямые иностранные инвестиции в экономику страны). При этом представители Национального банка Украины не отрицают, что реальные цифры значительно больше и составляют около 21 млрд долларов США, что равняется приблизительно четверти ВВП Украины⁴.

Приведенные цифры отражают, хотя и приблизительно, количественную сторону внешней миграции Украины, однако позволяют сделать неутешительный вывод: со времени обретения независимости в стране не было создано благоприятных условий социально-экономического развития, что в результате привело к поддержанию внешней трудовой миграции на достаточно высоком уровне.

Различие между официальными данными о трудоустройстве украинцев за границей (например, 508,4 тыс. в странах ЕС и 51,5 тыс. в 2008 г. в России⁵) и экспертными оценками свидетельствует о преимущественно нелегальном характере трудовой миграции граждан Украины. Нелегальная миграция характеризуется незащищенностью прав трудовых мигрантов в стране пребывания, криминализацией миграции и усилением негативного восприятия украинцев со стороны местного населения, то есть является потенциальным источником социальной напряженности в обществе, что приводит к разного рода конфликтам.

Украину следует рассматривать не только как страну происхождения мигрантов, но и как страну транзита и страну назначения миграционных потоков, что обусловлено ее географическим положением. Согласно некоторым данным, количество нелегальных мигрантов, находившихся на Украине в 2007 году, составляло около 732 тыс. человек⁶. То есть Украина является страной транзита нелегальной миграции, в частности в страны Западной Европы.

Таким образом, при рассмотрении миграционных отношений на Украине следует учитывать как эмиграционные, так и иммиграционные процессы, в основе которых лежат противоречия, которые могут привести к конфликтной ситуации.

В частности, отсутствие возможностей для удовлетворения потребностей отдельного индивида, группы (как первоочередных — в пище, жилье, одежде, так и вторичных — реализация как личности) приводит к росту напряженности в обществе, а впоследствии к конфликту, выходом из которого служит миграция в экономически более благоприятный регион. Вовлеченность Украины в процессы экономической глобализации имеет и позитивный

эффект, позволяя устранять социальные конфликты путем перераспределения трудовых ресурсов.

Однако миграция населения, приобретая массовый характер, приводит к негативным последствиям, провоцируя новые конфликты. Так, вследствие миграции истощаются трудовые ресурсы страны, происходит утечка квалифицированных кадров. Вследствие признания факта невозможности самореализации мигранта по месту рождения и неспособности власти обеспечить условия для такой реализации происходят определенные изменения в личном и общественном сознании, продуцируя появление новых конфликтов.

В частности, это проявилось при обсуждении в обществе вопроса о необходимости налогообложения на Украине доходов, полученных нелегальными мигрантами, работающими в других странах⁷. Достаточно распространенной позицией является следующая: «Почему я должен платить налоги в стране, которая не смогла создать мне условия для нормальной работы и заставила искать заработок за рубежом?» Другим примером может служить достаточно распространенное противопоставление группы, позиционирующей себя в качестве «патриотов, не уехавших из страны в трудное время», группе «предателей, погнавшихся за легкими деньгами».

Кроме этого, невозможность удовлетворения потребностей иначе как путем миграции в экономически более благоприятные регионы приводит к смене личных ценностей, в том числе и к изменению отношения к праву. Право, которое продолжает существовать как объективная реальность в виде законодательных норм, более не воспринимается в качестве эффективного регулятора общественных отношений и игнорируется.

Соответственно, процесс миграции трудоспособного населения одновременно является и способом разрешения социальных конфликтов, и причиной появления новых.

Особого внимания заслуживает конфликтогенность миграции в стране пребывания мигрантов. Миграция может приводить к конфликтам этнического (расового), социально-экономического (обострение конкуренции на рынке труда), культурного характера.

Наличие таких конфликтов обуславливается рядом факторов объективного и субъективного характера, в частности:

- 1) экономической ситуацией и ситуацией на рынке труда страны пребывания;
- 2) моно- либо полиэтничностью населения страны пребывания и его отношением к другим этносам (национальностям);
- 3) религиозная терпимость общества страны пребывания;
- 4) культурная самобытность страны пребывания и страны происхождения мигрантов;
- 5) политическая ситуация в стране пребывания (необходимость формирования образа врага из мигрантов для отвлечения от других проблем общества).

Указанные факторы могут явиться основой конфликта между группой мигрантов и местным населением, который может перерасти в открытое столкновение.

Социально-культурное взаимодействие между различными группами в процессе миграции приводит:

- 1) к сохранению культурной самобытности;
- 2) принятию культуры;
- 3) взаимопроникновению культур.

⁷ Данный вопрос пока носит теоретический характер ввиду отсутствия реальных механизмов налогообложения таких доходов.

¹ Докторант Отдела административного и финансового права Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины (Киев), кандидат экономических наук, доцент.

² Старший научный сотрудник НИИ ФП Академии правовых наук Украины (Киев), кандидат юридических наук.

³ Официальный сайт Государственной службы занятости Украины: http://www.dcz.gov.ua/control/uk/publish/article.jsessionid=78600AB1A83F6B8B5B1DD4347748634C?art_id=112715&cat_id=4713800

⁴ Мигранты шлют миллиарды. Дело. 2007. 22 окт. URL: <http://delo.ua/news/57630/>

⁵ Украина — вторая по количеству трудовых мигрантов в России. URL: <http://ua.proua.com/news/2008/03/14/101408.html>

⁶ Институциональное обеспечение миграционной политики государства. Аналитические записки Национального института стратегических исследований. 2009. Янв. URL: <http://www.niss.gov.ua/Monitor/januar2009/7.htm>

Сохранение культурной самобытности проистекает из желания мигранта идентифицировать себя с культурой страны происхождения и приводит к созданию диаспор.

Принятие культуры страны пребывания происходит путем восприятия идей, ценностей, моделей поведения группы, к которой адаптируется мигрант. Однако сохранить в чистом виде культурную самобытность мигрирующей группы в глобализованном мире достаточно сложно; если в рамках диаспоры еще можно сохранить язык, определенные обычаи и традиции, то попытка отстоять свои модели поведения чревата конфликтом с носителями культуры страны пребывания.

Принять полностью культуру иной группы также достаточно сложно, должно вырасти по крайней мере не-

сколько поколений. В случае отказа мигрантом (мигрирующей группы) от принятия ценностей, исповедуемых в обществе страны пребывания, неизбежен конфликт, который может перерасти в открытую фазу.

Таким образом, миграционные процессы, которые внешне проявляются в перемещении групп населения между населенными пунктами (внутренняя миграция), странами (внешняя миграция), обусловлены социальными конфликтами и продуцируют их. Избежание конфликтов социально-культурного характера возможно при совпадении ценностей мигрирующей группы и группы страны пребывания. Если же ценности взаимоисключающие — возможна лишь локализация конфликта либо минимизация его негативных последствий.

М. В. Немытина¹

ПОИСК БАЛАНСА ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ В РЕГУЛИРОВАНИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Регулирование миграционных процессов официально признано одним из приоритетов политики российского государства. Миграция в России последние 15 лет носит массовый характер. Наша страна занимает второе место в мире после США по количеству принятых ею мигрантов (35 и 13,5 млн чел. соответственно²).

Будучи значимым фактором на всем пути исторического развития России, миграция только в начале 1990-х годов стала восприниматься как явление, требующее собственного правового регулирования, как самостоятельное направление политики государства. Вместе с тем за это время в правовом регулировании миграционных процессов в России успели обозначиться три периода:

- 1) период либерализации отношений в сфере миграции — с начала 1990-х до 2001 года;
- 2) период усиления роли государства в регулировании миграционных процессов — 2002–2006 годы;
- 3) поиск баланса публичных и частных интересов в сфере миграции — начиная с 2007 года и далее.

Первый период можно охарактеризовать как либеральный: регламентация права на свободу передвижения, доступность приобретения российского гражданства по сравнению с гражданством других государств, защита прав беженцев и вынужденных переселенцев³. В соответствии с Указом Президента РФ от 14 июня 1992 года в России появилось ведомство, которое напрямую было призвано заниматься проблемами миграции, — Федеральная миграционная служба и ее территориальные органы⁴. Шло сосредоточение полномочий в федеральном центре, сопровождавшееся частыми структурными изменениями при отсутствии четкого разграничения компетенции между звеньями государственного аппарата, действовавшими в сфере миграции. В качестве основных направлений в правовом регулировании миграционных процессов в этот период можно выделить: реализацию права на свободу

передвижения; защиту прав беженцев и вынужденных переселенцев.

Таким образом, сначала предпочтение было отдано интересам человека, которые реализовывались в юридическом отношении через его права и свободы. Вместе с тем, как показывает российский опыт регулирования миграционных процессов, широкая, подчас не подкрепленная гарантиями регламентация прав и свобод человека и гражданина в законодательстве ведет к обратному — ограничениям их на практике.

Считается, что пик миграционных процессов в России пришелся на середину 1990-х годов. В этот период в стране было 240 тыс. только официально зарегистрированных беженцев⁵. Это лица, которые в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находятся вне страны своей гражданской принадлежности, не могут пользоваться защитой этой страны или не желают пользоваться ее защитой вследствие таких опасений⁶. Если приток мигрантов в Россию из стран СНГ и Балтии в 1994 году достиг 914,6 тыс. человек, то в 2000-м он составил 266,9 тыс., а в 2001 и 2002-м — уже 123,7 тыс. и 124,3 тыс.⁷ На этом фоне наблюдался рост антииммигрантских настроений в российском обществе, особенно в регионах, где был большой приток мигрантов.

Второй период ознаменовался резким усилением роли государства в регулировании миграционных процессов. Принимается новый закон о гражданстве Российской Федерации, в соответствии с которым порядок получения российского гражданства для бывших сограждан стал таким же, как и для граждан дальнего зарубежья, требующим получения вида на жительство.

Ужесточается контроль за лицами, въезжающими в страну, вводятся миграционные карты, разрешения на временное проживание, квоты для иностранных граждан на временное проживание и занятие трудовой деятельностью на территории Российской Федерации⁸. Полномо-

¹ Заведующая кафедрой теории и истории государства и права Российской государственной академии дружбы народов (Москва), доктор юридических наук, профессор.

² См.: Весь мир. Журнал для пассажиров авиакомпании «Аэрофлот». 2005. № 4/54. С. 22.

³ См.: Конституция РФ от 12 декабря 1993 г.: Ст. 6, 27, 62; Закон РФ от 28 ноября 1991 г. «О гражданстве Российской Федерации»; Закон РФ от 25 июня 1993 г. «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»; Закон РФ от 19 февраля 1993 г. «О беженцах»; Закон РФ от 19 февраля 1993 г. «О вынужденных переселенцах».

⁴ Сборник актов Президента РФ и Правительства РФ. 1992. № 25. Ст. 422.

⁵ См.: Убежище. Вестник УВКБ ООН в Российской Федерации. 2004. Апрель–июнь. С. 2.

⁶ См.: Ст. 1 Конвенции 1951 г. о статусе беженцев; ст. 1 Закона РФ от 19 февраля 1993 г. «О беженцах».

⁷ См.: Убежище. Вестник УВКБ ООН... С. 6.

⁸ См.: Закон РФ от 31 мая 2002 г. «О гражданстве Российской Федерации»; Закон РФ от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 30 октября 2002 г. № 782 «Об утверждении квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Фе-

чия в сфере миграции передаются в ведение Министерства внутренних дел Российской Федерации¹. Регулирование миграционных процессов продолжает осуществляться из федерального центра, но при этом несколько возрастает роль субъектов. Так, например, предусматривается участие субъектов в распределении квот на занятие иностранными гражданами трудовой деятельностью на территории Российской Федерации.

Однако ужесточение контроля со стороны российского государства за миграционными процессами не дало желаемого результата. Напротив, привело к значительному росту нелегальной составляющей миграции. По официальным оценкам МВД России, количество незаконных мигрантов (лиц с неопределенным правовым статусом) на тот период составляло 5 млн человек². Международные эксперты считают эту цифру реалистичной, подтвержденной данными их исследований. Правда, данные о состоянии нелегальной миграции в Российской Федерации различаются, и по некоторым оценкам она насчитывала в тот период до 16 млн человек³.

Наблюдается усиление роли государства в правовом регулировании миграционных процессов, которое было сопряжено с ограничением прав и свобод личности. Становится очевидным, что преобладание публичных функций государства над правами и свободами человека, чрезмерно жесткие меры регулирования миграционных процессов создали реальную угрозу выхода миграции из-под контроля, превращения ее в неуправляемый процесс, который сам по себе может негативно влиять на ситуацию в стране.

Третий период условно можно охарактеризовать как поиск баланса публичных и частных интересов в регулировании миграционных процессов. На фоне усиления роли государства в регулировании миграционных процессов в обществе растет осознание того, в какой «демографической яме» может оказаться Россия в обозримом будущем. Констатируются процессы депопуляции — преобладание смертности над рождаемостью: ежегодно в стране умирает более 2 млн человек, естественная убыль составляет 800–900 тыс., при этом численность трудоспособного населения уменьшается на 1 млн⁴.

Уже сейчас на одного человека в нашей стране приходится 14 га территории⁵. На фоне подъема российской экономики ощущим дефицит трудовых ресурсов. Если в 2000 году испытывали дефицит труда 6 % российских предприятий, то в 2001-м — 27 %⁶. При существующем крайне неравномерном распределении населения по территории страны в ряде регионов России наблюдается особый дефицит трудовых ресурсов.

И в связи с этим наблюдающийся в стране миграционный прирост населения российским обществом начинает восприниматься как позитивный фактор. Оказывается, что есть еще национальный резерв — этнические русские, оставшиеся после распада СССР за пределами России. Да

дерацию в целях осуществления трудовой деятельности»: Приказ Министерства труда и социального развития РФ от 29 ноября 2002 г. № 238, Министерства внутренних дел РФ от 29 ноября 2002 г. № 1205, Министерства экономического развития и торговли РФ от 29 ноября 2002 г. № 397 «О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденной Правительством Российской Федерации на 2003 год квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности».

¹ Приказ Министерства внутренних дел РФ от 15 мая 2002 г. № 445 «Об утверждении Положения о Федеральной миграционной службе Министерства внутренних дел Российской Федерации».

² См.: Там же.

³ Данные Международной организации труда. См.: Палкина Н. Рабская доля мигрантская (О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ) // Экономика и жизнь. 2006. № 12.

⁴ См.: Демографическая ситуация: реальность и иллюзии // Персоны влияния. Информационно-аналитический журнал. 2007. № 1–2 (8). С. 19.

⁵ См.: Там же. С. 23.

⁶ См.: Убежище. Вестник УВКБ ООН... С. 6.

и мигранты других национальностей из постсоветских стран, являвшиеся в недалеком прошлом вместе с нами гражданами одной большой страны, вполне могут адаптироваться в российских условиях.

В июле 2006 года были внесены поправки в Закон РФ от 24 мая 1999 года «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». Под категорию «соотечественники за рубежом» подпадают в том числе «лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР», «выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность» (ч. 2. ст. 1 Закона). Им предоставляется возможность «осуществлять свободный выбор места жительства или права на возвращение в Российскую Федерацию» (ч. 2 ст. 5 Закона). Государство Российская Федерация берет на себя обязательства оказывать соотечественникам поддержку в экономической и социальной областях (ст. 16 Закона).

Указом Президента РФ от 22 июня 2006 года утверждена Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Распоряжением Правительства РФ от 2 октября 2006 года утверждена Программа работы с соотечественниками за рубежом на 2006–2008 года. Постановлением Правительства РФ от 25 июня 2007 года утверждено Положение об организации работы с соотечественниками, проживающими за рубежом и желающими добровольно переселиться в Российскую Федерацию.

Наиболее перспективный путь осуществления государством и обществом правового регулирования миграционных процессов — это поддержание баланса публичных и частных интересов. Под публичными интересами следует понимать интересы публичных образований (Российской Федерации, субъектов Федерации, муниципальных образований). Частные интересы в данном контексте интерпретируются в смысле обладания ими человеком как частным лицом. Частные интересы индивида могут воплощаться в жизнь через совокупность принадлежащих ему прав и свобод.

Гармонизацию частных и публичных интересов можно рассматривать и как методологический подход, который в силу его универсальности позволяет объяснять и прогнозировать происходящие в обществе и государстве процессы. Данный подход, надо полагать, имеет отношение не только к праву, но и к другим областям научных знаний.

Если в поиске баланса публичных и частных либо, наоборот, частных и публичных интересов не замыкаться только на юридической составляющей, а соединить с юриспруденцией знания и подходы из области истории, социологии, демографии, экономики, то можно достичь ощутимых результатов. Но давно всеми осмысленная в теории необходимость преодоления разобщенности между различными областями знаний и проведения междисциплинарных исследований на практике оказывается трудно достижимой.

Заметим, что в современном понимании права уровень правового регулирования должен оцениваться не в плане наращивания количества законодательных и иных нормативных актов, максимального охвата ими общественных отношений в определенной сфере, даже не в смысле качества этих актов (согласованность норм, уровень юридической техники, минимизация пробельности и коллизийности в законодательстве), а в русле обеспечения и защиты прав человека, соблюдения общепризнанных принципов права. Права человека, причем не в плане

регламентации на законодательном уровне, а в плане реализации их в практике применения — основной критерий, позволяющий оценить качество правового регулирования.

Правовое регулирование миграционных процессов представляет собой лишь небольшую часть осуществляемого государством и обществом регулирования. Вместе с тем оно является достаточно благодатной средой как для научного, так и для практического поиска.

Это обусловлено как минимум тремя факторами: а) новизной общественных отношений в сфере миграции, когда не приходится тратить силы на преодоление давно сложившихся моделей правового регулирования и устоявшихся стереотипов правового сознания; б) существующими внутри общества колоссальными потребностями в создании так или иначе «завязанных на миграцию» моделей правового регулирования (решение

демографических проблем общества, реализация права на свободу передвижения, рынок трудовых ресурсов и т. д.); в) наличием такой значимой составляющей миграционных процессов, как вынужденная миграция, когда права вынужденных мигрантов (переселенцев и беженцев) подлежат преимущественной защите, в последнем случае — со стороны международного сообщества, а это предполагает соответствие внутригосударственного регулирования международным стандартам в области прав человека.

Для современного российского права характерна тенденция, связанная с соединением внутренних устремлений человека к реализации прав и свобод и идущих от государства установок на обеспечение правопорядка нормами позитивного права. И здесь можно усмотреть поиск баланса частных и публичных интересов, найти точки соприкосновения интересов государства и личности.

А. А. Рогачевский¹

ГРАНИЦА И ЛЮДИ: ПРАВО КАК ИНСТРУМЕНТ КОЛОНИЗАЦИИ В ПРУССИИ И НА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ (XV–XVII вв.)²

Одним из эффективных инструментов политического контроля над той или иной территорией издавна считается грамотно проводимая переселенческая политика. Исторический опыт разных стран говорит о том, что наибольших успехов на этом пути добивались те государства, где такая политика осуществлялась на долговременной основе, имела рациональный и плановый характер, приобретая подчас черты «социальной инженерии». Чаще всего это достигалось путем выработки специальных правовых механизмов, поощрявших поселение колонистов в определенной местности, что создавало надежную опору для властей.

Ярким примером такой политики является колонизация Пруссии, сыгравшая особую роль в судьбе Восточной Европы и развитии германской государственности. С XIII столетия и до 1525 года она была особым теократическим государством Тевтонского ордена, которое возникло на землях покоренных прусских племен. В XV веке в результате войн с Польшей и Литвой часть прусских земель (Западная Пруссия с городами Данцигом, Торном и Эльбингом) отошла к Польской короне. В руках ордена осталась Восточная Пруссия с ее центром Кенигсбергом. В 1525 году орденское государство подверглось секуляризации, и на его основе возникло Прусское герцогство. С 1701 года оно стало королевством.

Одним из важнейших аспектов прусской истории, получившим отражение в прусском праве, была сельская и городская колонизация. Почти непрерывный колонизационный процесс продолжался с XIII по XVIII век и стал фактором, который наложил свой отпечаток на все развитие Пруссии. Этот процесс проходил по-разному в зависимости от времени и региона. Тем не менее колонизация продолжала оставаться существенной особенностью развития Пруссии независимо от конкретных форм, которые принимала в ту или иную эпоху прусская государственность. Нормы, определявшие статус, права и обя-

занности колонистов, стали важнейшим элементом прусского права³.

Заселение прусских окраинных территорий в период после раздела прусских земель, то есть с середины XV до конца XVII века, обеспечивали правовые источники. Несмотря на то что границы Пруссии с Польшей и Литвой были формально определены еще в 1343–1466 годах (подтверждены в 1529 г.), ее приграничные области оставались мало заселенными. Орденские власти, опасаясь стихийной миграции из-за рубежа и возможной потери контроля над этой территорией, стремились заселить приграничную местность. Но немецких колонистов в достаточном количестве привлечь не удалось. Поэтому ставка была сделана в основном на выходцев из-за рубежа — поляков-мазовшан, литовцев и куршей. Происхождение и язык переселенцев в ту пору не играли особой роли, решающими факторами были религиозная принадлежность и лояльность властям. Немцы же селились прежде всего в городах.

Отношения поселенцев с властями регулировались особыми грамотами на землевладение, основанными либо на Кульмском праве (самый выгодный для колонистов вариант), либо на так называемом Магдебургском праве для обоюбого пола. Колонистам гарантировались личная свобода, умеренное и четко фиксированное налогообложение. В зависимости от местности и состава колонистов структура землевладения и связанный с ним правовой режим были различны. На границе с Мазовией воспроизводилась в основном привычная для мазовшан модель мелкошляхетской колонизации, которую власти считали целесообразным сохранить в приграничных землях. Деревни же, населенные крестьянами-чиншевиками, были в явном меньшинстве. В XVI–XVII веках все значительнее становится массив земель, принадлежащих дворянам. В отдельных амтах, особенно на западе герцогства, земли этих владельцев в 3–4 раза превосходили по площади земли свободного сельского населения (крестьян-кельмеров и мелкой шляхты).

¹ Профессор кафедры юридической психологии и правопедения Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета, доктор юридических наук.

² Доклад подготовлен при поддержке Фонда Герды Хенкель (Дюссельдорф) и Института им. Гердера (Марбург), которым автор выражает свою признательность. Кроме того, мы благодарим сотрудника Тайного государственного архива прусского культурного наследия в Берлине доктора Свена Экдаля (ныне в отставке) за помощь в поиске необходимых документов.

³ Рогачевский А. А. Кульмская грамота — памятник права Пруссии XIII в. СПб., 2002; *Он же*. Очерки по истории права Пруссии XIII–XVII вв. (По материалам рукописных собраний Берлина и Санкт-Петербурга). СПб., 2004; *Kuhn W. Geschichte der deutschen Ostsiedlung in der Neuzeit. Bd. II. Das 15. bis 17. Jahrhundert (Landschaftlicher Teil). Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart. Bd. I/II. Köln ; Graz, 1957.*

Иную картину представляло переселение литовцев и куршей. Ощутимый приток литовского населения в орденские земли (особенно в пограничное комтурство Рагнит) начинается, по-видимому, еще в конце XV столетия. В Пруссии переселенцев охотно принимали, причем орден даже шел подчас на значительные траты, чтобы материально обеспечить литовских колонистов. После Реформации важным мотивом миграции мог стать религиозный фактор: значительная часть литовцев, сочувствовавших идеям протестантизма, предпочитала переселяться на территорию Прусского герцогства. Сначала литовская колонизация здесь протекала преимущественно стихийно. Но в первой половине XVI века переселенцы стали официально обращаться к прусским властям с просьбами о расширении угодий, которые они теперь приобретали за плату.

Колонисты принесли с собой принятые в Литве формы устройства, которые допускались орденскими, а затем и герцогскими властями. Большинство литовских переселенцев были крестьянами, часть их составляли также представители знати. Поначалу в литовских деревнях, вероятно, господствовало обычное право. Лишь постепенно здесь вводятся традиционные для страны властные и правовые институты, что было тесно связано с проникновением сюда немецкого элемента. Первыми очагами устройства на немецком праве обычно становились корчмы, служившие узлами торгового обмена. К концу XVII века особенно привлекательным становится землевладение на Кульмском праве, поскольку Прусское земское уложение (в редакции 1685 г.) объявляло такие имения полной собственностью их владельцев.

Район, примыкающий к морскому побережью, с XV столетия постепенно заселялся куршами. Он мало подходил для земледелия и привлекал в первую очередь рыбаков. Как и на прусско-мазовецком пограничье, орден был вынужден поощрять переселенцев, чтобы не допустить их оттока в сопредельную Жемайтию, подвластную Литовской короне. С 1462 года документально зафиксирован

ряд привилегий на имения и корчмы в окрестностях Мемеля, в основном на Кульмском праве.

Успех колонизации проявился и в основании новых городов. В герцогскую эпоху оно возобновляется с середины XVI века. В ту пору возникли 12 общин: Тильзит (1552), Маргграбова (1560), Гольдап (1570), Ангербург (1571), Инстербург (1583), Прейсиш-Эйлау (1514–1585)¹, Летцен (1612), Ортельсбург (1616), Бартен (1628), Лабиау (1642), Иоганнисбург (1645) и Лика (1669). В некоторых случаях (Прейсиш-Эйлау, Бартен) их образование служило уплотнению уже существующей городской сети, но большинство общин, получивших в этот период городские привилегии, возникли в зоне новой колонизации. Их становление происходило подчас в условиях острой конкуренции с польскими и литовскими городами по другую сторону границы.

Итогом всех этих мероприятий стало упрочение контроля прусских властей над окраинами, сопровождавшееся этнической и языковой стабилизацией в указанном регионе. На ход колонизации сильно влияло наличие границы Пруссии с Речью Посполитой. Поскольку переход ее обычно не составлял труда, у населения приграничных местностей существовала возможность миграции на территорию того государства, где переселенцам был обеспечен более выгодный правовой режим. В ходе заселения региона власти по обе стороны границы пытались перехватить друг у друга инициативу в деле колонизации. Хотя положение податных сословий постепенно ухудшалось, в целом привилегии, даруемые переселенцам, на протяжении XV–XVII веков выступали как важный инструмент, позволявший облегчить процесс колонизации. В силу ряда объективных и субъективных причин прусские власти нередко выигрывали в этом «соревновании».

Таким образом, проводимая в орденской, а затем и герцогской Пруссии политика открытых дверей, которая поощряла приток населения из-за рубежа, способствовала восстановлению хозяйства страны и дальнейшему освоению края.

С. В. Рязанцев²

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Россия активно вовлечена в процесс международной миграции населения, поскольку занимает промежуточное положение между двумя экономическими полюсами мировой экономики — богатым севером и бедным югом. Территория России достаточно привлекательна для мигрантов из менее развитых стран СНГ, Азии и Африки. Многие иммигранты рассматривают российскую территорию как «перевалочный пункт» для дальнейшей миграции в экономически развитые страны Запада. По данным ООН, Россия стала второй страной в мире после США по количеству принятых иммигрантов: за период с 1991 по 2001 год она приняла 11 млн человек. Миграционный приток в 2007 году составил около 240 тыс. человек.

Россия остается довольно привлекательной для мигрантов из стран СНГ, в большинстве своем русских и представителей разных российских народов. Сейчас Россия получает мигрантов из стран бывшего СССР (ближнего зарубежья) и отдает мигрантов в государства даль-

него зарубежья. Показатели миграционного прироста в 2007 году по этим регионам составили соответственно 244 тыс. и –4 тыс. человек. Несмотря на миграционную убыль населения в страны дальнего зарубежья Россия испытывает довольно мощный демографический «пресс» со стороны некоторых развивающихся стран. Например, на приграничной с Россией территории Китая проживает около 100 млн человек, в то время как на территории Дальневосточного федерального округа насчитывается всего 6,7 млн человек. Китай, Индия и ряд других азиатских стран обладают высоким миграционным потенциалом, и Россия может стать территорией вселения значительного числа иммигрантов из этих государств.

В региональном отношении около 68 % всего миграционного прироста приходилась на Центральный федеральный округ, где основным центром притяжения мигрантов являются город Москва и Московская область (более половины иммигрантов). Только три федеральных округа в России — Центральный, Северо-Западный и Южный имеют положительное сальдо миграции, как по международной, так и по внутривосточной миграции, то есть одинаково привлекательны для иммигрантов и внутренних мигрантов. Остальные федеральные округа — Приволжский,

¹ Изученные документы Прейсиш-Эйлау не опубликованы и извлечены из Тайного государственного архива прусского культурного наследия в Берлине.

² Руководитель Центра социальной демографии и экономической социологии Института социально-политических исследований РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор.

Уральский, Сибирский и Дальневосточный — имеют положительное saldo миграции в обмене с другими государствами, но отдают население российским регионам, то есть фактически здесь постепенно происходит замещение местного населения иммигрантами.

Причем если в Приволжском и Уральском округах миграционный отток в российские регионы перекрывается иммиграцией из-за рубежа, то в Сибирском и Дальневосточном округах иммиграция не может компенсировать миграционный отток в другие регионы России. В Сибири и на Дальнем Востоке миграция выступает мощным фактором снижения общей численности и изменения структуры населения территорий.

Миграция была и остается важным компонентом демографического и социально-экономического развития страны в целом и отдельных регионов. Для такой большой страны, как Россия, имеет значение как внешняя (международная) миграция, так и внутренняя миграция (межрегиональные перемещения населения). Согласно данным Росстата в 2007 году внешняя (международная) миграция наполовину (примерно 55 %) компенсировала естественную убыль населения страны, но полностью «погасить» ее международная миграция не смогла.

Общая миграционная картина по миграции на постоянное место жительства показывает четкое разделение территории страны на две абсолютно неравнозначные по количеству субъектов и площади зоны. Первая зона миграционного оттока населения охватывает 38 регионов, это количество несколько сократилось по сравнению с предыдущими годами. Причем в 30 регионах миграционный отток населения совпадает с общим сокращением численности населения. Вторая зона включает 46 территорий России, в которых отмечается приток мигрантов, однако только в 16 из них миграция либо полностью компенсирует естественную убыль, либо дополняет естественный прирост населения.

Несмотря на усиление взаимозависимости в условиях глобализации, большинство стран мира регулируют иммиграцию, исходя из собственных национальных интересов, не только удовлетворяя потребности экономики в трудовых ресурсах, но и пытаясь сохранить культурную и этническую самобытность. Россия не должна быть исключением в этом ряду, а должна использовать иммиграцию в интересах своего развития. В 2001 году в России была принята Концепция демографического развития страны на период до 2015 года. Она обозначает абсолютно адекватную времени цель — стране необходимы иммигранты. Данную точку зрения неоднократно высказывал президент России. Однако на уровне практики регулирования иммиграции до последнего времени сложилась и существовала кардинально противоположная ситуация — иммиграционная политика сводилась к борьбе с нелегальной миграцией и ограничивала приток любых иммигрантов в страну.

В условиях экономического роста и депопуляции роль иммиграции в удовлетворении потребности в трудовых ресурсах и стабилизации численности населения России значительно возрастает. Стране требуется иммиграционная политика, направленная не на ограничение въезда, а на привлечение необходимых категорий иммигрантов. При этом Россия, в отличие от других стран мира, находится в уникальном положении — она окружена государствами, которые ранее составляли единую страну, а сейчас сосредоточивают миллионы людей, близких в культурном и ментальном отношении, говорящих на русском языке. Это дает шанс на протяжении нескольких лет привлечь русских и представителей российских народов и резко не изменять этнический состав населения, а также тратить гораздо меньшие средства на интеграцию имми-

грантов в общество и избегать серьезных межнациональных конфликтов.

Исходя из собственных национальных интересов и учитывая зарубежный опыт миграционной политики, Россия в настоящее время должна осуществлять протекционистские меры в отношении представителей коренных народов и национальностей Российской Федерации, а также привлекать трудовых иммигрантов с необходимой квалификацией, соблюдая права коренного населения. В настоящее время созданы благоприятные условия для реализации идеи привлечения мигрантов и «собирающая российская нация». России необходимо максимально облегчить доступ и процедуры получения российского гражданства, расширить круг потенциальных получателей гражданства, дать четкие государственные гарантии для организации переезда в страну и обустройства на месте соотечественникам из стран СНГ.

В 2006 году президент России подписал указ № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Вместе с этим указом была утверждена и соответствующая государственная программа, в которой отражены ее цели и задачи, механизм реализации, территории вселения соотечественников, а также денежные и социальные виды государственной помощи.

Всего для реализации данной программы было принято 2 федеральных закона, 4 указа президента, 14 постановлений и распоряжений Правительства РФ, 12 ведомственных актов. В рамках реализации данной программы устанавливаются три категории геополитически и экономически важных для России территорий для вселения соотечественников («А», «Б», «В»), что обуславливает дифференциацию объемов социальной и материальной государственной помощи. Было выбрано 12 «пилотных» регионов, куда на первом этапе реализации начали переселяться соотечественники: Красноярский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская, Калининградская, Калужская, Липецкая, Новосибирская, Тамбовская, Тверская и Тюменская области. В дальнейшем к реализации госпрограммы должны подключиться и большинство оставшихся субъектов Российской Федерации.

Несмотря на то что власти с помощью госпрограммы пытались охватить весь комплекс мероприятий, связанных с информированием, переселением, приемом и адаптацией соотечественников, в результате исследования было выявлено несколько негативных аспектов, требующих изменений либо более детальной проработки. В ходе реализации госпрограммы основные проблемы возникают после переселения соотечественников на территорию вселения. Можно выделить три направления, требующих доработки и улучшения: обеспечение жильем, трудоустройство, закрепление на территориях вселения.

Другим важным направлением иммиграционной политики России должно стать привлечение высококвалифицированных трудовых ресурсов и учебных мигрантов (студентов и аспирантов) из различных стран. Это образованные иммигранты, способные удовлетворить объективные потребности в рабочей силе, быстро адаптироваться к российскому рынку труда и принести пользу стране. В мире нарастающей тенденцией становится конкурентная борьба за квалифицированные трудовые ресурсы, которые обладают необходимыми профессиями, знаниями и возрастом.

В стране в октябре 2007 года указом президента была утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 года, в которой отмечается необходимость стимулирования учебной миграции молодежи в страну. В качестве задачи обозначается необхо-

димость привлечения квалифицированных иностранных специалистов, в том числе выпускников российских высших учебных заведений, на постоянное место жительства в Российскую Федерацию, привлечение молодежи из иностранных государств (прежде всего из государств — участников СНГ и Балтии) для обучения и стажировки в России с возможным предоставлением преимуществ в получении российского гражданства по окончании учебы.

Следует отметить, что в Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года, подписанной в ноябре 2008-го, в качестве прочих целевых ориентиров прописано «увеличение доли иностранных студентов, обучающихся в России, до 5 % общего числа студентов, создание условий для подготовки в образовательных учреждениях, обучающихся из государств — участников СНГ». В данном документе отмечается, что «повышение конкурентоспособности российского образования станет критерием его высокого качества, а также обеспечит позиционирование России как одного из лидеров в области экспорта образовательных услуг».

К сожалению, идея привлечения учебных мигрантов не была четко прописана в государственной программе стимулирования переселения соотечественников в Россию. Однако известно, что на уровне согласования региональных программ содействия переселению этому аспекту уделяется определенное внимание. Вместе с тем необходимо более четко обозначить приоритет привлечения учебных мигрантов в Россию во всех демографических документах, в том числе во вновь разрабатываемой Федеральной миграционной службой Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации (миграционной политики).

Таким образом, в современной России идея привлечения иностранных студентов не имеет единого концептуального обоснования. Требуется более четкое обоснование этой идеи во всех государственных документах, реализация мер по ее реальному продвижению со стороны всех министерств и ведомств. Россия могла бы более активно черпать миграционный потенциал из числа мо-

уровню квалификации, знанию языка и профессиям мигрантов.

Необходимо регулировать регионы трудоустройства и условия занятости трудовых мигрантов. Важно стимулировать работодателей, которые официально оформляют работников, платят налоги и обеспечивают трудовых мигрантов страховкой. В стране требуется развивать сеть бирж и частных агентств по трудоустройству, контролировать условия труда мигрантов. Также нужно подписать двусторонние соглашения со странами — основными поставщиками трудовых мигрантов в Россию. Именно организованная трудовая миграция способна принести пользу экономике нашей страны.

В начале 2007 года в России был принят ряд новых законов, которые призваны исправить положение дел в сфере временной трудовой миграции. Например, было запрещено иностранцам торговать на рынках, была упрощена процедура регистрации по месту пребывания, увеличены штрафы с работодателей за использование труда незаконных мигрантов. Действительно, сейчас трудовым мигрантам стало гораздо легче и проще зарегистрироваться. Однако главная проблема заключается в том, что пока в стране нет четкого представления, в каком объеме нужно привлекать трудовых мигрантов из-за границы, не определены потребности российских регионов и предприятий в иностранной рабочей силе с учетом существующих резервов. Работодатели нанимают иностранных работников стихийно и неорганизованно, главным образом из-за того, что им можно платить меньше.

Постановлениями Правительства РФ утверждаются ежегодные квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности. Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ распределяются квоты на выдачу разрешений на работу иностранным гражданам в разрезе регионов России, а с 2008 года — для разных профессиональных групп. С 2007 года квоты устанавливаются отдельно для стран с безвизовым и визовым режимом (см. табл.).

Таблица
Квоты на привлечение иностранной рабочей силы в Российскую Федерацию в 2003–2007 годах

Параметр	Год	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Размер квоты		530 000	213 000	214 000	329 300	6 308 842	1 828 245
Для визовых стран		—	—	—	—	308 842	672 304
Для безвизовых стран		—	—	—	—	6 000 000	1 155 941
Выдано разрешений в течение года		210 486	248 768	225 799	267 200	1 193 959	3 500 000
Выполнение квоты, %		39,7	116,8	105,5	81,1	18,9	191,4

лодежи в СНГ, а также в некоторых развивающихся государствах Азии, Африки и Латинской Америки. Основными критериями, которыми необходимо руководствоваться России при выборе стратегии продвижения образовательных услуг на зарубежных рынках, являются демографический, социально-экономический и исторический факторы.

Как показывают прогнозы, в среднесрочной перспективе в стране начнет сокращаться численность трудоспособного населения и будут расти потребности в рабочей силе. Отчасти сокращение трудовых ресурсов можно будет компенсировать ростом производительности труда и внедрением передовых технологий в экономику. Однако даже при самых благоприятных прогнозах покрыть нарастающий дефицит трудовых ресурсов только за счет внутренних резервов России не удастся. Поэтому стране придется привлекать иностранных работников. В этих условиях власти страны должны определить, в каком количестве и качестве нам нужны трудовые мигранты. Россия вправе предъявлять определенные требования по

Однако система квотирования иностранной рабочей силы в России вызывает серьезные нарекания. Например, в 2003 и 2007 годах квота была буквально «взята с потолка». В итоге ее выполнение составило всего 40 и 20 % соответственно. Главным образом потому, что нет четкого механизма оценки и методики определения реальной потребности в иностранной рабочей силе, не существует баланса трудовых ресурсов.

Не все работодатели в силу разных обстоятельств могут точно спрогнозировать масштабы потребности в мигрантах на перспективу, часть из них просто вовремя не подает заявок.

Сами заявки, которые собираются на региональном уровне, не закрепляются за конкретными работодателями. Нередки ситуации, когда заявку подает один работодатель, а квота используется фактически другим работодателем. А тому, кто заявлял свою потребность в иностранных работниках, просто не хватает квоты. Такая ситуация сложилась в середине 2008 года, когда власти были вынуждены в срочном порядке увеличивать квоту, исчерпанную

уже в июне. В итоге вместо первоначально заявленных на 2008 год более 1,8 млн было выдано около 3,4 млн разрешений иностранным гражданам на работу в России. Таким образом, первоначально установленная квота была превышена почти в два раза.

Правительством России на 2009 год была определена квота в размере 4 млн разрешений для иностранных мигрантов. Однако мировой экономический кризис затормозил развитие некоторых отраслей экономики, привел к росту безработицы и заставил российские власти пересмотреть размер квоты на трудовых мигрантов. В том числе многие иностранные трудовые мигранты потеряли работу, остались без средств к существованию на территории России. В частности, премьер-министр В. В. Путин высказался за сокращение вдвое квот на привлечение иностранной рабочей силы в Россию на 2009 год. Снижение квоты он объяснил влиянием экономического кризиса: «В первую очередь необходимо обеспечить возможность трудоустройства россиян, которые окажутся за бортом своих предприятий. И только на места, не заполненные гражданами РФ, будут приняты иностранцы», — заявил премьер-министр.

Надо отметить, что в России практически не используются резервы внутренней трудовой миграции и безработных ни в соседних территориях, ни в собственном регионе. Более эффективное использование собственных трудовых ресурсов могло бы несколько снизить потребности России в иностранной рабочей силе. Только в 2009 году Федеральной службой по труду и занятости был введен в действие единый банк данных по вакансиям в масштабе всей страны. Между тем в России более 5 млн безработных собственных граждан, очень остро стоит проблема трудоустройства в некоторых регионах страны.

Миграционная подвижность многих россиян ограничена из-за низкого уровня заработной платы и сильной разницы в ценах на жилье между разными регионами

страны. Например, многие работники в России получают заработную плату, на которую нельзя снять жилье, а продав собственную квартиру в провинции — не купишь жилье в крупном городе, где есть возможность устроиться на работу.

Острой проблемой для России является нелегальная иммиграция, оказывающая существенную угрозу национальной безопасности страны. Борьба с нелегальной иммиграцией и ее предотвращением должна стать одной из приоритетных задач иммиграционной политики. На территории России сложились изолированные этнические анклав, в которых проживают нелегальные иммигранты, куда не имеют доступа представители власти, где, по существу, не действуют российские законы. Это не только становится средой для распространения преступности, но и угрожает национальной безопасности страны.

Необходимо кардинально пересмотреть подход к регулированию внутренней миграции, поставив во главу угла не столько административные меры управления ею (ограничение регистрации), сколько экономические. Отток из неблагополучных регионов продолжится до тех пор, пока не будут уменьшены диспропорции в социально-экономическом развитии регионов. Сгладить эти разрывы можно через перераспределение средств, полученных от налогов, сборов за регистрацию и трудовую деятельность легальных мигрантов из принимающих регионов в отдающие территории.

Власти на местах должны увязывать региональные миграционные программы с другими направлениями социально-экономической политики, прежде всего с подержкой молодежи при обеспечении жильем, создании рабочих мест и повышении уровня заработной платы. Это позволит создать условия для социально-экономической реализации потенциальных мигрантов и предотвратит отток населения.

В. А. Самойлов¹

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВА ЦИВИЛИЗАЦИЙ

*На награждение Д. С. Лихачева
(орденом Святого апостола Андрея Первозванного)*

Да, этот Старец бесконечно прав, —
Все неудачи русских в трех явленях:
Во-первых, легковерны мы — врагам
И право на удар, и трона притяженье.
Отсюда, во-вторых, и государство
Не иначе, как самодержный гнет,
В нем правили нередко самозванцы,
Держа за быдло очумелое народ.
И в-третьих, что бы с нами ни случилось,
Как в землю бы ни втаптывали нас,
Мы для себя желаем только малость,
Власть самозванцу, чтоб державу спас.
А им плевать на русское обличье,
Коль сами не нужны своей стране.
И грабят нас во всю, а для приличья
Указывают истину в вине.

1 октября 1998 г.

Когда были написаны эти строчки, автор не предполагал, что через десятилетие придет новое осознание их смысла применительно к проблематике культурно-партнерских отношений современных цивилизаций. Более того, на глобальном уровне сформировалась принципиально иная парадигма, основанная на постижении сущности и содержания взаимоотношений различных категорий людей из числа российских и иностранных граждан, а также лиц без гражданства.

¹ Профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России, доктор педагогических наук.

Указанная парадигма зиждется на выявлении историко-правовых источников культурно-партнерских отношений цивилизаций, а также взаимоотношений различных групп людей. Оказалось, что и на уровне цивилизаций, и на межличностном уровне, по существу, доминирует личностно-социально-деятельностный подход как интегрированное выражение *интересов личности, общества, государства* (деятельность органов управления социально-экономическими и иными процессами), их различных объединений.

Вместе с тем на концептуальном уровне разноплановые и разномасштабные диалоги культур и партнерств

ва цивилизаций, с теперешних наших позиций, вполне укладываются в феноменологию миграции. Из опыта руководства Организационно-аналитическим управлением центрального аппарата ФМС России, взаимодействия с органами управления заинтересованных министерств и ведомств, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также с научными организациями и образовательными учреждениями следует обоснованная консолидированная точка зрения на миграцию и ее процессы. В частности, она нашла отражение в деятельности Межведомственной рабочей группы (автор является заместителем руководителя этой МРГ) по разработке проекта Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации в составе 47 представителей различных органов, организаций и учреждений.

Что мы понимаем под миграцией? *Миграция* — это социально-экономическое явление, формирующееся в процессе реализации людьми своих намерений, связанных с передвижением, приобретением нового гражданско-правового статуса в местах вселения, а также с интересами общества и государства. Иными словами, миграция ($M_{иг}$) представляет собой проектирование людьми своих миграционных намерений (I^1), передвижение в избранное место вселения (I^2) и приживаемость мигрантов в местах вселения, включая приобретение ими соответствующего статуса, установление толерантных отношений с местным населением (I^3):

$$M_{иг} = I^1 + I^2 + I^3. \quad (1)$$

Очевидно, что при отсутствии любой из перечисленных стадий (проектирование, передвижение и приживаемость) нельзя рассматривать миграцию как целостный процесс. Это сопряжено со следующими соображениями.

Во-первых, потому что речь идет о миграции людей, наделенных разумом, обладающих международно-правовым и конституционным правом на свободу передвижения, стремящихся улучшить социально-экономические условия своей жизни или имеющих иные намерения, связанные с воссоединением семей, получением дополнительного заработка и т. п. В силу перечисленных обстоятельств нельзя к мигрантам отнести, например, заложников, захваченных террористами в одном регионе и тайно перевезенных в другой. В данном случае вместо формирования миграционных намерений присутствует акт насилия (принуждения).

Во-вторых, нет миграции и без перемещения лица (группы лиц) из одного региона (района, государства) в другой, ибо миграция в буквальном смысле означает передвижение. При этом мигрирующее лицо может отказаться от дальнейшей реализации своих миграционных намерений в силу определенных причин объективного и субъективного характера. Поэтому *аутсорсинг* мы не рассматриваем целостным миграционным процессом, ибо работник в этом случае, как правило, осуществляет трудовую деятельность без передвижения к месту работы, а связь с работодателем чаще всего осуществляется через интернет-ресурсы.

В-третьих, нельзя иметь в виду миграцию людей без осуществления приживаемости в местах их вселения (получение вида на жительство, документов на временное пребывание или постоянное жительство, приобретение гражданства и др.). Причем продолжительность процесса приживаемости для разных категорий мигрантов различна (как правило, сроки устанавливаются органами государственной власти или органами местного самоуправления). Так, для соблюдения законности проживания (пребывания) сезонному трудящемуся — мигранту из государств — участников СНГ обязательными условиями могут быть: наличие миграционной карты установленного

образца, разрешения на работу на территории Российской Федерации, документа, подтверждающего факт регистрации по месту фактического пребывания (жительства) и др. В силу причин объективного и субъективного характера мигрирующее лицо может отказаться от дальнейшей реализации своих миграционных намерений (противоречия с местным населением, несоблюдение условий контракта, неблагоприятный климат и др.).

В то же время некоторые исследователи под сущностью миграции рассматривают именно передвижение населения, другие под стадией передвижения понимают переселение. Поэтому уместным представляется сравнительный анализ сущности миграции населения и миграции птиц (животных). Подобно выражению (1) сущность миграции птиц ($M_{птм}$) можно выразить выражением (2):

$$M_{птм} = I^1 + P + I^2, \quad (2)$$

где: I^1 — инстинкт, связанный с реагированием на изменения среды обитания (похолодание, отсутствие корма и др.); P — перемещение в составе стаи (самостоятельное, за счет своей мускульной силы) в регион зимовки; I^2 — инстинкт самосохранения в местах зимовки (гнездования).

Наблюдаются и раритетные явления в животном мире, связанные с миграционными перемещениями суицидального характера. В качестве примера показательна миграция леммингов, так называемых «мышек Деда Мороза», в Лапландии. В условиях переизбытка популяции с целью сохранения своего вида грызуны совершают передвижение в северном направлении к морю. По достижению уреза воды они бросаются в море и гибнут. Применительно к такой миграции ($M_{леммингов}$) уместно выражение типа (3):

$$M_{леммингов} = I + P + C, \quad (3)$$

где: I — инстинкт, связанный с реагированием на изменения среды обитания (сохранение вида, отсутствие корма); P — перемещение в массовом количестве (самостоятельное, за счет своей мускульной силы) к морю; C — суицидальное поведение.

Итак, резюмируем, что миграционное поведение людей, птиц и животных имеет существенные отличия, которые оказывают непосредственное влияние на обоснование сущности и содержания понятия «миграция». В дальнейших рассуждениях будем исходить из понятия «миграция» применительно к миграционным процессам, осуществляемым российскими гражданами (РГ), иностранными гражданами (ИГ) и лицами без гражданства (ЛБГ).

Исходя из обоснованной сущности понятия «миграция» под *миграционным процессом* следует понимать реализацию определенными группами людей (РГ, ИГ, ЛБГ) своих намерений, связанных с их передвижением и законным пребыванием (проживанием) в местах вселения, обусловленных личными, общественными и государственными интересами¹.

Чтобы понять, в сущности, очевидные особенности обеспечения прав и свобод РГ, ИГ и ЛБГ в сфере миграции в условиях диалога культур и цивилизаций, следует различать миграционные процессы. В современной России в рамках разработки проекта Концепции государственной миграционной политики нами выделены семь управляемых миграционных процессов: иммиграция, эмиграция, расселение, трудовая миграция, вынужденная миграция, поддержка и переселение соотечественников и реадмиссия. Кроме того, имеет место нелегальная миграция.

¹ Согласно Указу Президента РФ от 21 марта 2007 г. № 403 координатором реализуемой стратегии в сфере миграции через шесть генеральных функций (правоприменение, контроль, надзор, оказание государственных услуг, законотворчество в качестве субъекта бюджетного планирования) определена Федеральная миграционная служба.

Иммиграция (ИГ, ЛБГ) — процесс переселения ИГ и ЛБГ в Российскую Федерацию — представляет собой приоритетное направление государственной миграционной политики. В частности, для стабилизации общей численности населения страны на современном уровне обоснована потребность в 800 тыс. иммигрантов ежегодно. Тем самым реализуется компенсирующая функция иммиграции для восполнения естественной убыли населения страны: с 1999 года — 796 тыс. человек ежегодно; в 2000 году (пиковое значение) — 953 тыс. человек. В 2004–2007-м в Россию иммигрировали более 22–25 млн человек, в 2008-м — примерно 14 млн, из них 40 % — неоднократно.

Эмиграция (РГ) — процесс переселения граждан России в другое государство на постоянное место жительства — представляет собой миграционный процесс, связанный с так называемой «утечкой умов», который в настоящее время характеризуется десятками тысяч высококвалифицированных отечественных специалистов. Несмотря на отмечаемую в последние годы тенденцию к снижению интенсивности эмиграции из Российской Федерации, до 30 % обучающихся за рубежом российских граждан желают там остаться на постоянное жительство. Эмигрантов из России выезжает 40–70 тыс. ежегодно, в том числе в 2007–2008 годах соответственно 45 040 и 57 565 человек (рост на 27,8 %).

Расселение (РГ) — процесс привлечения, распределения (перераспределения) населения по территории страны с целью реализации намерений отдельных лиц (групп лиц), а также интересов государства (внутри России постоянное место жительства) — представляет собой внутригосударственное распределение и перераспределение населения. Из-за невнятной политики миллионы постоянных жителей страны оставили регионы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, с таким трудом заселяемые в эпоху царской России и советское время¹. В результате Краснодарский край вышел на третье место среди субъектов Федерации по численности населения.

Литературным отражением эпохи расцвета расселения является сборник И. Бунина «Антоновские яблоки». В рассказе «Великий перевоз» писатель нарисовал художественную картину, связанную с переселением на Дальний Восток украинской станицы сразу после уборки урожая. Всего 70 рублей не хватило главному герою рассказа Василию Шкуту, чтобы вместе со станичниками отправиться в заманчивую неизвестность.

На другом материке подобное явление описано в романе Дж. Фенимора Купера (1789–1851) «Прерия», где повествуется о переселении населения соседних штатов на территорию проданной Францией США Луизианы².

К сожалению, схема расселения в России отсутствует. Определенные меры предпринимаются Министерством регионального развития РФ по стимулированию позитивного развития социально-экономической ситуации развее что в «точках роста» (например, в г. Сочи и его окрестностях).

Внутри страны ежегодно расселяются и переселяются (млн чел.): в 2006 году — 5,1; в 2007-м — 5,3; в 2008-м — 4, 97.

¹ Царь переселенцам платил золотом: 250 рублей переселяющимся в Сибирь и 400 рублей переселяющимся на Дальний Восток.

² «...тысячи людей старшего поколения из штатов <...> отказывались от радостей так тяжело завоеванного покоя и во главе вереницы сыновей и внуков, родившихся и выросших в лесах Огайо и Кентукки, пускались дальше, в глубь материка. <...> Был в их числе один выдающийся человек <...> некогда первым проникший в дебри второго из названных штатов. Этот отважный и почтенный патриарх совершил теперь свое последнее переселение <...> потому что старое пристанище потеряло цену в его глазах». Речь идет о полковнике Буне, кентуккийском патриархе, который на 92-м году жизни перебрался в новые владения в 300 милях на запад от Миссисипи, потому что его стала стеснять чрезмерная густота населения — десять человек на одну квадратную милю! (См.: Купер Дж. Ф. Прерия / пер. с англ. Н. Вольпина; послесл. Н. Эйшишкиной. М., 1983. С. 7.)

Трудовая миграция (РГ, ИГ, ЛБГ) — (временные) добровольные перемещения РГ и ИГ, а также ЛБГ без смены постоянного местожительства с целью осуществления трудовой деятельности. С 2004 года в России внедрена система квотирования внешних трудящихся-мигрантов: 2004 год — 213 тыс. человек, 2005-й — 214 тыс., 2006-й — 329 353, 2007-й — 318 752, 2008-й — 3 976 747 человек.

Общее количество легальных иностранных трудовых мигрантов с учетом граждан стран безвизового пространства (СНГ) в России имеет тенденцию к росту: в 2004 году — около 360 тыс., в 2005-м — более 490 тыс., в 2006-м — около 770 тыс., что в 2,7 раза превосходит показатели 2002 года, в 2007-м — 2,260 тыс., в 2008-м — свыше 2,400 тыс.

Вынужденная миграция (вынужденные переселенцы — ВП, внутриперемещенные лица — ВПЛ, беженцы — Б и лица, ходатайствующие о предоставлении временного или политического убежища — ЛХПУ) — переселение людей в условиях угрозы жизни и принуждения, чрезвычайных обстоятельств политического, экономического, природного и техногенного характера. По состоянию на 1 апреля 2009 года категория ВПЛ снята с федерального учета, после 15 июня 1992 года не удовлетворено ни одно ходатайство о предоставлении Россией политического убежища.

Численность вынужденных переселенцев, состоящих на учете в территориальных органах ФМС России, по состоянию на 1 января составляла: 2007 год — 107 860 человек, 2009-й — 66 488 человек.

Беженцев в стране на 1 января 2009 года — 715 человек, ЛХПУ — 1326 человек.

Большинство лиц, обратившихся с ходатайствами в Российскую Федерацию, по-прежнему составляют выходцы из государств дальнего зарубежья — в основном граждане Афганистана, Грузии, Узбекистана.

Переселение соотечественников на постоянное место жительства в Российскую Федерацию (ИГ, РГ) — процесс добровольного переселения на постоянное местожительство в Россию лиц, проживающих за рубежом и связанных с ней историческими, этническими и языковыми узами, — приобрел приоритетное значение в связи с началом реализации в стране Государственной программы по содействию переселению в Российскую Федерацию соотечественников, постоянно проживающих за рубежом³. По нашему мнению, Государственная программа демонстрирует редчайшую неэффективность реализации. Вместо ожидаемого переселения на российский территорию сотен тысяч (до 500 тыс.) соотечественников, по состоянию на 1 января 2008 и 2009 года, реальная картина далека от ранее прогнозируемой: суммарно всего соответственно 690 и 8793 человека⁴. Причина отмеченной неэффективности заключается в первую очередь в некомпетентности разработчиков Госпрограммы, которые, по существу, под потенциальным соотечественником-переселенцем понимали типичного иностранного работника.

Рeadмиссия — разрешение государства на повторный въезд лица (гражданина РФ, гражданина третьей страны или лица без гражданства), который незаконно выехал или пребывал в другом государстве (на 1 сентября 2008 г. в Россию реадмиссировано 478 чел.).

Нелегальная миграция (РГ, ИГ, ЛБГ) — въезд, пребывание и выезд ИГ и ЛБГ, происходящие в нарушение правовых норм российского законодательства, регулирующего порядок их въезда, пребывания, транзитного проезда и выезда, а также произвольное изменение или своего правового положения при нахождении на территории —

³ См.: Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637.

⁴ Состоят на учете в территориальных органах ФМС России: а) участников Госпрограммы на 1 января 2008 и 2009 гг. соответственно 289 и 4088; б) членов их семей — соответственно 401 и 4705.

представляет собой вполне самостоятельный миграционный процесс, связанный с издержками неурегулированности первых семи миграционных процессов. Масштаб нелегальной миграции и эффективность противодействия ей характеризуют следующие данные: в 2003 году речь шла о 3 млн, в 2004-м — 3,5–5 млн, в 2005-м — около 4 млн, в 2006-м — 10–15 млн «нелегалов», в 2007–2008 годах — 5–8 млн, в 2009-м — около 3 млн. По нашим расчетам, «нелегалов» в стране — не более 2 млн человек, причем преимущественно из числа «нелегалов по неволе» или с неурегулированным правовым статусом.

Таким образом, миграционные процессы в условиях диалога культур и партнерства цивилизаций приобрели поистине глобальный размах. Для их регулирования созданы и функционируют следующие организации:

— Глобальный форум международной миграции (с 2007 г.);

— Международная организация по миграции (в марте 1992 г. Россия заключила Соглашение о сотрудничестве с МОМ);

— Международная организация по труду с представительством в Москве;

— в октябре 1992 года открыто Региональное представительство Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ) в Москве. Россия присоединилась к Конвенции о статусе беженцев (1951) и Протоколу, касающемуся статуса беженцев (1967).

Европейский комитет по миграции — межправительственный орган, ответственный за деятельность Совета Европы в сфере миграции и предназначенный для развития европейского сотрудничества по вопросам миграции, положения мигрантов, социальной интеграции мигрантов и беженцев и общинным отношениям.

В заключение резюмируем, что:

Ее величество Миграция
В стране все более в чести!¹
Идей и действий демонстрация
Дает процессам расцвести.

На сотни тысяч *иммиграция*
Счет ЛБГ с ИГ ведет,
Жаль, в зарубежье *эмиграция*
Потоки россиян несет.

В триаде *трудовой миграции*
Так робок внутренний ресурс!
Внешних мигрантов вариации
Из стран, составивших Союз.

А те, кто *вынужден мигрировать*,
Создали собственный квартет,
Чтоб интересы их лоббировать,
Был фондов с Форумом расцвет.

Теперь, даешь *резмиграцию!*
Не густо намерений, что ж,
Еще одну пиарим акцию,
И миллиарды, вынь-положь!

В стране деревни обезлюдели,
Куда бы *расселить* бомжей.
Куда там брошенные пудели, —
Граждан Отечества — взашей!

Прет *нелегальная миграция* —
Карта разменная страстей.
Амнистия — регуляризация,
Коррупция, как флаг властей...

И наконец, восьмая миссия
У современной ФМС:
Берет начало *реадмиссия* —
Самостоятельный процесс.

Вывод: политика неясная,
Концепции давно уж нет,
А явь миграции опасная,
Как учит опыт прошлых лет.

М. А. Тюркин²

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СЛУЖБЫ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Вопрос эффективного регулирования миграционных процессов в интересах устойчивого социально-экономического развития России, обеспечения национальной безопасности, прав и свобод человека и гражданина стал одним из приоритетов внутренней и внешней политики Российской Федерации.

За последние 15 лет Россия превратилась в крупный принимающий центр, страну массового въезда, а также транзита мигрантов. На протяжении последних двух лет динамика количества пересечений государственной границы Российской Федерации иностранными гражданами оставалась достаточно стабильной — в среднем 22–24 млн учетных записей.

Важнейшим приоритетом миграционной политики России на современном этапе является организация цивилизованной миграции, направленной на получение позитивных экономических результатов с соблюдением и обеспечением

печением прав человека и гражданина, а также обеспечение устойчивого миграционного прироста населения Российской Федерации и адаптации прибывающих в страну мигрантов.

Особое значение в этом аспекте приобретает Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утвержденная Указом Президента РФ от 22 июня 2006 года № 637. В основу данной Государственной программы заложена идея целенаправленного переселения соотечественников в Россию. Одним из принципов оказания содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, является взаимосвязь мероприятий, предусмотренных Государственной программой, с задачами государственного, экономического, социального, культурного развития страны.

На сегодняшний день можно говорить о создании системы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников в Россию, служащей интересам как переселенцев, так и нашей страны. С сентября

¹ См.: *Самойлов В. Д.* Юбилейная исповедь. М., 2009. С. 192.

² Первый заместитель директора Федеральной миграционной службы РФ, председатель Научного совета ФМС РФ, доктор юридических наук, профессор, генерал-майор, заслуженный юрист РФ.

2007 года началось переселение соотечественников в регионы России из стран ближнего и дальнего зарубежья. Основные страны, откуда наиболее активно выезжают соотечественники, — Казахстан, Украина, Узбекистан, Молдова. На сегодняшний день в Россию прибыли свыше 12,6 тыс. переселенцев.

С учетом стратегических задач стабилизации демографической ситуации и обеспечения экономики трудовыми ресурсами, а также в целях более эффективного управления миграционными процессами, сокращения нелегальной иммиграции и повышения уровня конституционно-правовых гарантий иностранным гражданам, желающим находиться в России на законных основаниях, с 15 января 2007 года вступили в силу изменения миграционного законодательства, упростившие процесс приобретения иностранцами правового статуса в РФ.

В настоящее время можно говорить о положительных результатах реализации нового миграционного законодательства. Позитивные сдвиги отмечаются в области миграционного учета. В 2008 году число иностранных граждан, вставших на миграционный учет, увеличилось на 1,3 млн по сравнению с 2007 годом (или на 16,6 %) и составило 9,2 млн человек.

Этот результат достигнут благодаря упрощению порядка оформления иностранным гражданам, прибывшим в Россию в безвизовом режиме, разрешительных документов на работу. Количество иностранцев, работающих в России на законных основаниях, в 2007 году в четыре раза превышало аналогичный показатель 2006 года (583,4 тыс.). По итогам 2008 года количество выданных разрешений на работу превысило 2 млн. При этом отмечается существенное сокращение количества разрешений, выданных с нарушением установленного срока.

Положительный эффект принесло и усиление административной ответственности за нарушение законодательства в области миграции. Были значительно увеличены штрафы за незаконное использование иностранной рабочей силы. Так, на сегодняшний день максимальный размер штрафных санкций за каждого незаконно работающего мигранта может составлять 800 тыс. рублей. Это достаточно серьезный инструмент воздействия на недобросовестного работодателя, в том числе профилактический.

Приведем несколько цифр. В 2008 году сотрудниками территориальных органов Федеральной миграционной службы России совместно с органами внутренних дел было проведено более 337 тыс. оперативно-профилактических мероприятий и специальных операций, что на 7,4 % больше, чем в 2007 году. По итогам данных мероприятий было составлено более 2 млн протоколов об административных правонарушениях, при этом сумма наложенных штрафов превысила 6,1 млрд рублей, взысканных — 3 млрд.

В августе 2008 года Россия вместе с мировым сообществом столкнулась с международным финансовым кризисом. Происходящие в настоящее время негативные экономические процессы могут оказать существенное влияние на масштабы и направления миграционных потоков, в особенности трудовой миграции. В связи с этим руководством страны, в том числе ФМС России, осознается необходимость тщательного мониторинга и анализа текущей ситуации для принятия адекватных ответных мер.

Все большую актуальность приобретает необходимость получения полной, достоверной оперативной информации о перемещении иностранных граждан. В настоящее время адекватное представление о масштабах и направлениях миграционных потоков стало возможно получить благодаря проводимым ФМС России мероприятиям по развитию информационной инфраструктуры, в том числе составлению центрального банка данных по

учету иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих и временно или постоянно проживающих в Российской Федерации (АС ЦБД УИГ), в котором уже содержится более 80 млн записей персональной информации. Необходимо отметить, что к данной информационной базе подключены Федеральная служба безопасности России, Министерство внутренних дел РФ, Росфинмониторинг, Федеральная налоговая служба России и др.

Анализ поступающей информации свидетельствует, что в 2008 году в стране находились 14,4 млн иностранных граждан, из которых примерно 31 % неоднократно пересекали государственную границу Российской Федерации (например, гражданин Эстонии Кескюла Лембит в 2008 г. более 400 раз пересекал российско-эстонскую границу в пункте пропуска Куничина Гора).

В последнее время наиболее развитые страны мирового сообщества активизировали работу по противодействию возрастающей угрозе международному терроризму и нелегальной миграции. По мнению представителей зарубежных стран, наиболее эффективная и действенная мера в борьбе с указанными явлениями — введение в обращение во всех государствах заграничных документов, содержащих в электронной форме сведения о биометрических данных их владельцев, уникальных для каждого человека. Россия в этом смысле не стала исключением. С 2007 года ФМС России начала выдавать заграничные паспорта нового поколения. На сегодняшний день¹ Службой принято почти 2,9 млн заявлений на оформление таких документов, изготовлено более 2,5 млн. Прием соответствующих заявлений осуществляют 675 подразделений территориальных органов ФМС России.

Внедрение данных технологий позволило значительно повысить достоверность идентификации граждан на этапе как оформления и выдачи документов, так и прохождения пограничного контроля, а также практически исключить возможность незаконного использования таких документов.

Вместе с тем внедрение инновационных технологий, прогнозирование дальнейшего развития миграционной ситуации в стране невозможны без соответствующего научного обеспечения деятельности, поскольку только в рамках комплексного научного подхода можно оценить потенциальные последствия принятия тех или иных политических решений, эффективность проводимой политики в сфере миграции населения, внести необходимые коррективы. Для решения этих задач в 2007 году был создан Научный совет ФМС России, в состав которого вошли ученые и ведущие специалисты в сфере миграции.

В настоящее время основополагающим принципом при реализации государственной миграционной политики является ее открытость и доступность для каждого гражданина. В связи с этим ФМС России активно взаимодействует с Общественной палатой РФ, Уполномоченным по правам человека в РФ, национальными диаспорами, правозащитными организациями и движениями. Также при ФМС России действует Общественный совет. Помимо этого, функционирует официальный сайт ФМС России, рейтинг которого, по данным исследования Института развития свободы информации, поднялся с 84 до 14 места. Оценка проводилась по таким показателям, как наличие информации, ее полнота, актуальность, доступность и социальная значимость.

В рамках диалога в сфере миграции на международном уровне в последние годы ФМС удалось достигнуть устойчивого взаимодействия с ведущими международными организациями в области миграции.

¹ Данные по состоянию на 1 апреля 2009 года.

В целях выработки скоординированных решений в сфере миграции в 2007 году был создан Совет руководителей миграционных органов государств — участников СНГ, председателем которого является директор Федеральной миграционной службы России К. О. Ромодановский. Только в течение 2008 года были проведены четыре заседания, на которых рассматривались наиболее актуальные темы взаимодействия в сфере миграции, в том числе вопросы реализации Концепции дальнейшего развития СНГ, согласования проекта Конвенции о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей государств — участников СНГ, опыт работы в сфере использования паспортов нового поколения и др.

Еще одним примером совершенствования взаимодействия и координации деятельности действий стран, подписавших Соглашение о сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией, является создание Совместной комиссии государств — участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией в 1998 году, в состав которой входят полномочные представители правительств Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Киргизия, Республики Молдова, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Украины.

За время действия Совместной комиссии были определены приоритетные направления сотрудничества правоохранительных органов и миграционных служб государств — участников СНГ в сфере миграции: борьба с незаконной миграцией; упорядочение трудовой миграции; законодательное регулирование миграционных процессов; заключение соглашений о реадмиссии; повышение степени надежности паспортно-визовых документов нового поколения; создание интегрированных баз данных и многие другие вопросы.

При этом Совместная комиссия уделяет значительное внимание именно практическим вопросам, связанным с организацией работы по определению правового статуса мигрантов, введению их в «правовое поле», налаживанию двустороннего и многостороннего взаимодействия при реализации принятых компетентными органами и судами государств — участников СНГ решений о депортации и выдворении незаконных мигрантов.

Таким образом, в настоящее время Федеральная миграционная служба России решает разноплановые задачи, и ее роль в социально-экономическом развитии страны и реализации ее национальных и геополитических интересов трудно переоценить. Очевидно, что вопросы миграции требуют пристального внимания, причем на самом высоком государственном уровне.

С. О. Шаляпин¹

МОНАСТЫРСКАЯ ССЫЛКА КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ МИГРАЦИИ

Проблема истории монастырской ссылки в России, как и вообще церковно-правовая проблематика, не получила всестороннего научного освещения. Широко известно о многочисленных негативных последствиях использования монастырей в качестве пенитенциарных учреждений. Подобные последствия стали очевидны и неизбежны тогда, когда место духовного самосовершенствования постепенно начало превращаться в подобие тюремного учреждения². Однако многовековая практика заточения в монастыри различных категорий духовных и светских лиц имела и обратную сторону — была значимым культурно-миграционным фактором, оказавшим серьезное влияние на духовное развитие как монастырей — мест ссылки, так и целых периферийных регионов — Русского Севера и Сибири. Примечательно, что средневековая монастырская ссылка воспринималась современниками как важное социальное явление, достойное публичного обсуждения. Известно, что проблемы монастырского заточения поднимались царем Иваном Грозным в его посланиях к кирилловским старцам, писаниях протопопа Аввакума, переписке опального патриарха Никона с царской семьей. При этом, как отмечал Д. С. Лихачев, ссыльные в монастырях все же «составляли трудно учитываемую культурную силу»³.

Периферийные монастыри России как местные центры книжности, духовных поисков, художественного развития не оставались обособленными от культурных про-

цессов, происходивших в центре государства. Многочисленные идейные и религиозные течения, возникавшие в стране на протяжении XV–XVII веков, вызывали живой интерес монашества Русского Севера. Именно ссылка активных деятелей религиозной оппозиции в монастыри Севера и Сибири постоянно оживляла там процесс духовных поисков. Характерно, что борьба нестяжателей с иосифлянами XVI столетия сопровождалась ссылкой на Север представителей обоих противоборствующих идейных течений.

Так, в 1550-х годах в Соловки были сосланы нестяжатели игумен Артемий (Троицкий), Кассиан и Гурий Коровины и иосифлянин Гурий Заболоцкий. Интересно, что первый из них бежал в Литву при попустительстве соловецкого игумена, что косвенно доказывает склонность монастырской элиты того времени к поддержке учения последователей Нила Сорского. Трое остальных, находясь в соловецкой ссылке, переписывались со знаменитым церковным полемистом и книжником Зиновием Отенским, что свидетельствует о нестрогом режиме их изоляции в монастырском заточении и непрекращающихся даже в ссылке духовных поисках. Благодаря подобным процессам северные обитатели, их культурно-просветительская жизнь не сталкивались с таким явлением, как провинциализм, находясь в центре духовных поисков своей эпохи.

Только в Соловецком монастыре в XVI–XVII веках отбывали ссылку: Авраамий Палицын (выдающийся общественный и религиозный деятель Смутного времени, писатель)⁴, Арсений Грек (выдающийся богослов, ставший после возвращения из ссылки первым справщиком Печатного двора в Москве и учителем Греко-латинской школы

¹ Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск), кандидат исторических наук, доцент.

² См.: Шербич С. Н. Монастырская ссылка. Проблема последствий // Проблемы экономической и социально-политической истории дореволюционной России. Тюмень, 2001. С. 24–41.

³ Лихачев Д. С. Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 40.

⁴ Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 491.

в Кремле, получившей название патриаршей)¹, Феофан Грек (афонский архимандрит, книжник, один из идеологов Соловецкого восстания)², Никанор (игумен Саввино-Сторожевского монастыря, один из активных противников никоновских реформ, один из лидеров Соловецкого восстания)³ и многие другие выдающиеся деятели культуры и общественной мысли той эпохи.

Весьма показательным для объективной оценки влияния ссыльных на духовную жизнь монастырей является активное участие соловецких узников в длительной полемике и идейной борьбе, предшествовавшей Соловецкому восстанию 1666–1676 годов, а затем и в самом восстании. При этом ссыльные выступали в восстании не единой обособленной группой, а входили в различные внутри-монастырские партии⁴.

Элементом реализации культурно-миграционной функции можно назвать практику перевода ссыльных из одного монастыря в другой. Так, отбывавший ссылку последовательно в Николо-Карельском, Спасо-Каменном и Кандалакшском монастырях активный противник Никона Иван Неронов использовал свои перемещения из обители в обитель для приобретения большего числа сторонников и сочувствующих, расширяя тем самым ряды антиниконовской оппозиции в среде северного духовенства. Массовая ссылка участников Соловецкого восстания в беломорские монастыри привела к многочисленным побегам иноков-старообрядцев, заложившим основы масштабного миграционного движения — «ухода в леса» от царского приговора и церковных преобразований.

Совершенно особый статус получали видные религиозные и политические деятели, оказавшиеся вдали от столицы, в келье того или иного периферийного монастыря. Для местной, преимущественно крестьянской по происхождению, братии такие лица становились знаковыми фигурами, вокруг которых формировалась совершенно особая культурная микросреда. Подчас никакие строжайшие правительственные запреты не могли заставить братию отказаться от общения с такими людьми, в словах и делах которых чувствовалась сопричастность истории. В подобной роли «центра культурного тяготения» в северных монастырях выступали Филарет Романов, бывший «царь московский» Симеон Бекбулатович, патриарх Никон, тетя Ивана Грозного Ефросинья Старицкая и многие другие. Примечательно стремление братии монастырей сохранить мемориальные предметы и места, связанные с пребыванием некоторых ссыльных: Авраамия Палицына, Арсения Грека, Арсения Матеевича, Филарета Романова и др.

Влияние ссыльных на культурную жизнь монастырей значительно ослабло в XVIII веке, когда монастырская ссылка по своей форме все более сблизилась с тюремным заключением, практикуемым государственными карательными учреждениями. Однако нельзя говорить о полном исключении ссыльных из процесса формирования куль-

турной среды той обители, где они содержались. Многие ссыльные продолжали сохранять относительную свободу в общении с братией, пользовании монастырской библиотекой и даже переписке, что позволяло им оставаться значимой силой, формирующей интеллектуальный фон той или иной обители.

Так, в 1700 году на Соловки был сослан школьный учитель иеродиакон Иов за непослушание и упрямство, которые тем не менее не помешали ему учительствовать в обители⁵. Сами монахи порой стремились помочь ссыльным в их самообразовании. В 1722 году Соловецкий инок Гедеон был наказан за попытку передать некому секретному арестанту выписки из китайской книги «ради учения и навыка»⁶. Ссыльные вносили в жизнь окраинных монастырей и совершенно неожиданный элемент политической борьбы, распространяя запрещенные правительством крамольные теории: в 1701 году на Соловки были присланы книгописец Григорий Талицкий и тамбовский епископ Игнатий по обвинению в сочинении «воровских писем» против Петра I, пытавшиеся и в ссылке распространять свои взгляды⁷.

Некоторые привилегированные ссыльные (царедворцы, иерархи церкви, отпрыски знатных дворянских фамилий) способствовали пополнению книжных собраний окраинных монастырей, в том числе редкими светскими изданиями, при иных обстоятельствах не имевших шанса оказаться в монастырской библиотеке: словарями, трактатами по медицине, иностранными книгами. Эти же люди привозили в места ссылки модные диковинные вещи, навсегда остававшиеся в монастырях: глобусы и карты, астрономические и чертежные инструменты, часы, картины и т. п. Примечательно, что некоторые ссыльные выступали в роли благотворителей, осознанно украшающих место своего вынужденного пребывания. Так, бывший митрополит Крутицкий Игнатий Смола построил на свои средства деревянный храм в Николо-Карельском монастыре, обновил иконостас и ризницу собора.

Пребывание выдающихся представителей русской политической, религиозной и культурной элиты, участников ярких общественных движений XVI–XVIII веков в окраинных монастырях Российского государства имело неожиданные для властей последствия: перемещение этих лиц на окраины страны, в монашеские обители, не полностью изолировало их от влияния на социум. Подобная ссылка становилась формой трансляции наиболее актуальных культурных, духовных, политических тенденций в среду северного и сибирского монашества, благодаря этому не испытывавшего комплекса культурной маргинальности. Данное явление, обрисованное в статье лишь поверхностно, несомненно, нуждается в углубленном изучении, способном дать современному исследователю представление о некоторых скрытых слоях культурно-интеллектуальной жизни средневекового общества.

¹ Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / под ред. Э. Д. Днепров. М., 1989. С. 68.

² Чумичева О. В. Новые материалы по истории Соловецкого восстания (1666–1676) // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 64–65.

³ Чумичева О. В. Страницы истории Соловецкого восстания (1666–1676) // История СССР. 1990. № 1. С. 168–169, 174.

⁴ Чумичева О. В. Новые материалы... С. 66.

⁵ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 255. Карт. 15, 31. Л. 12.

⁶ Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск, 1968. С. 33.

⁷ Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 38.

О. Т. Шевченко¹,
Р. В. Плотников²

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР КОЛЛИЗИОННОСТИ В СФЕРЕ МИГРАЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В рамках данной статьи предпринята попытка рассмотреть специфику миграционных отношений и показать влияние массовой культуры на сознание и поведение субъектов, вовлекаемых в процессы правового регулирования в миграционной сфере.

1. Термин «миграция» происходит от *лат.* *migratio* — переселение³. Применительно к социальным отношениям миграция рассматривается как вид перемещения людей, связанный со сменой места постоянного пребывания. Люди, осуществляющие пространственные перемещения, называются мигрантами⁴.

Миграционное правоотношение представляет собой урегулированное нормами национального (международного) права общественное отношение, связанное с пространственным перемещением лица, а также с реализацией прав, свобод и обязанностей лиц, осуществляющих перемещение.

Миграционные правоотношения подразделяются:

— на внутренние, связанные с перемещением в пределах страны;

— внешние, связанные с перемещением людей за пределы страны.

Рассматривая особенности правового регулирования миграционных отношений, необходимо учитывать их изначальную коллизионность (противоречивость). Коллизии в сфере миграционных отношений обусловлены многочисленными факторами как объективного, так и субъективного характера.

2. В широком смысле под правовой культурой в области миграционных отношений понимают все то, что было создано человеком в данной области правового регулирования (состояние научных исследований; действующая система формальных источников права, как регламентирующих миграционные отношения, так и определяющих материальные и процессуальные аспекты правового статуса субъектов миграции, а также меры и процедуры юридической ответственности за совершение правонарушений, связанных с миграционными процессами). В узком смысле правовая культура — это уровень правовых знаний и степень уважительного отношения в обществе к нормам права.

Субъектом культурно-правового воздействия в миграционной сфере является так называемый «массовый человек». Это современный социальный тип, возникший в ходе активизации глобализационных процессов. Как справедливо отмечается в научной литературе, этот тип обладает определенной новизной⁵. Во-первых, в настоящее время он многочислен и оказывает заметное влияние на социальные процессы. Во-вторых, подобные группы никогда не были раньше объединены столь характерно, эти объединения не формировались сознательно и не поддерживались специальными средствами. В-третьих, человек массы в обществе, которое было организовано с ориента-

цией на определенную систему ценностей и приоритетов, был включен в определенную «иерархию статусов». Общество не делало ставку на его вкусы и настроения (хотя, конечно, всегда умело их использовать и направлять), но, как бы «стесняясь» их недолжности, старалось спрятать или, по крайней мере, затушевать те негативные стороны, которые отличали сознание и поведение человека массы. Соответственно элементы массовой культуры, наличествующей в прежних обществах, не были для них определяющими и культивируемыми.

Одна из причин появления «массового человека» — это урбанизация, которая сделала его анонимным: личность деформируется, стирается этнокультурное своеобразие индивида. Группирование людей в больших городах порождает «заразительность» определенных психических настроений, переживаний, оценок. Сходство происходящих при этом процессов приводит к формированию похожих типов возникновения и переживания психических состояний, способов мотивации и оценки поступков. Массовизация и массификация — это социальные процессы, составляющие условие для возможных изменений в сфере культурно-психологического становления личности⁶.

Иными словами, самоусреднение условий труда и образа жизни, восприятие потребностей, возможностей и перспектив превращают жителей городских мегаполисов в однородную массу. Отмечая определенную усредненность в ментальности «массового» жителя мегаполиса, следует отметить, что миграция обуславливает приток в города представителей иных культурных масс и, как следствие — возникновение многочисленных коллизий, вызванных столкновениями интересов носителей различных типов и уровней массового сознания. Возникающие коллизии нередко перерастают в конфликтные ситуации. Исследования последних лет свидетельствуют, что провокации, политическая пропаганда также способствуют появлению негативных тенденций в данной сфере⁷. Политический, националистический, религиозный экстремизм также серьезно препятствует правовому регулированию общественных отношений. Хотя данные явления уже стали поводом для возбуждения уголовных дел, но доведение их до логического завершения остается редкостью⁸.

3. Отмечая влияние правовой культуры на сущность и содержание миграционных правоотношений, следует подчеркнуть, что в последнее время эти отношения претерпевают существенные изменения под влиянием рационализации поведения вовлекаемых в них субъектов, когда происходит замена внутреннего следования привычным обычаям планомерной адаптации к констелляции интересов⁹. В частности, А. Вебер связывает традиционность со стереотипами поведения, сформировавшимися как обычное поведение для данного социального круга. Способ фиксации данных стереотипов — индивидуальное сознание. Отход от традиционного, привычного связан, по А. Веберу, с переходом к «целерациональному» социальному действию, также стереотипизирующему поведение человека, но не по причине «принятости» данного типа

⁶ Вопросы философии. 1989. № 3. С. 118.

⁷ См.: *Залиханов Л. И.* Проявление национального и религиозного экстремизма в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 1999. № 4. С. 79–84.

⁸ См. подробнее: *Босхалов С. С.* Основы уголовной политики. М., 1999. С. 48–60.

⁹ См.: *Вебер А.* Избранное: Кризис европейской культуры / сост. С. Я. Левит. СПб., 1998. С. 7–13.

¹ Профессор кафедры международного права Института международных отношений Киевского национального академического университета (Украина), кандидат юридических наук.

² Соискатель кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения.

³ Словарь иностранных слов и выражений / авт.-сост. Н. В. Трус, Т. Г. Шубина. Минск, 1999. С. 326.

⁴ Решение Экономического суда СНГ от 11 сентября 1996 года № С-1/14-96 // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <http://www.garant.ru>

⁵ См.: *Самохвалов В. И.* Массовый человек — реальность современно информационного общества // Полис. 2000. № 1. С. 16–19.

поведения, а в связи с его «выгодностью» в определенных социальных условиях.

Отмирание одних духовных традиций неизбежно влечет зарождение новых. Так, на протяжении последних десяти лет подрастающее поколение является объектом массового воздействия кино-, теле- и видеофильмов с расхожими сюжетами, обильно «сдобренными» сценами насилия, жестокости, секса. Как показали результаты последних эмпирических изысканий, проведенных на Западе, в настоящее время существуют три вида психологических последствий этого воздействия: во-первых, снижается чувствительность к насилию; во-вторых, формируются представления, что единственный путь разрешения конфликтных ситуаций — применение силы; в-третьих, сказывается на общем представлении о картине мира у лиц, мало знакомых с реальной действительностью¹.

В условиях формирования массовой культуры государство специально вынуждено обеспечивать правовую защиту несовершеннолетних лиц с легкораннимой психикой от таких псевдокультурных средств воздействия на них, как насилие, наркотики, алкоголь, табакокурение, некоторых форм сексуального «просвещения», порнографии и др. Последнее — особо опасное явление в условиях современной России, когда становится все больше социальных институтов, занимающихся сексуальным образованием, просвещением, воспитанием несовершеннолетних. При недостаточности правового регулирования, отсутствии адекватного государственного и общественного контроля их деятельность практически всегда вступает в противоречие с интересами государства и международно-правовыми принципами в сфере обеспечения нормального нравственного, духовного, психического и физического развития детей².

Но правоприменение, правообразование и правореализация не являются самоцелью, исключительным и самодостаточным средством достижения социальных целей, идеалов, удовлетворения потребностей и интересов людей. Поэтому необходимо относительно гармоническое включение правовых явлений в систему социальных ориентиров, ценностей, идеалов (религиозных, моральных, идеологических, корпоративных и иных), сочетаемость первых с последними, причем не только с господствующими. В этом, как справедливо отмечает в своей работе А. Г. Бережков, заключается условие их результативного взаимодействия и взаимодополнения³.

Представляется, что государство должно оказывать влияние на современную массовую культуру, определять ее приоритеты, перспективы, ориентировать на развитие таких общечеловеческих идеалов и ценностей, как справедливость и гуманизм. Еще З. Фрейд писал о разрушающем влиянии на человека массовой культуры и опасности ее бесконтрольного развития. Данное явление он объяснял постоянным антагонизмом природы человека и культуры. Если культура не справляется с задачей ограничения инстинктов, агрессивности человека, то тогда неизбежно возникают разгул насилия, произвол и агрессия⁴.

Итак, можно допустить, что многие человеческие достижения в современной России стали детерминироваться не только правом, но и личными устремлениями, волей, инициативой. Но общезначимые принципы, исходные позиции и ориентиры по-прежнему задаются властью и законом. С давних пор главная задача права состояла в том, чтобы предотвращать хаос и своеволие, обеспечивать порядок. Юристы в нормах права видели средства разграничения интересов, «вехи», определяющие сферы деятельности отдельных лиц и не допускающие их столкновения⁵. При определенных условиях свобода и права личности могут ограничиваться федеральным законом (п. 3 ст. 55 Конституции РФ), за исключением права на жизнь, честь, достоинство, неприкосновенность, тайну переписки, свободу совести и других личных прав.

Значит, реализация общезначимых позитивных установок в развитии общества, его существовании непосредственно связана с сознанием индивидов, составляющих это общество. Человеческое сознание постоянно эволюционирует, осведомленность человека о многих сторонах жизни непрерывно увеличивается. Но рост информированности, как справедливо отмечает Л. Л. Штуден, вовсе не означает повышения уровня духовности⁶. Происходит обратное: у человека возникает чувство культурной усталости и искусственности. Искусственный человек ничем не восхищается и ничему не удивляется; это опыт не находок, а потерь. Искусственность — это фактически утрата интереса к жизни, скепсис, когда его обладатель с отвращением терпит данный мир, а знание о том, что должно быть (идеал), практически исчезает.

Правовое регулирование в области миграционных отношений должно строиться с учетом анализа современных культурных реалий общества и иерархии свойств человека как индивидуальности и вместе с тем как предстателя «обезличенной» массовой культуры.

¹ См. подробнее: *Тарасов К. А.* В поисках выхода из ловушки экранного насилия // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 1999. № 4. С. 123–136.

² См.: *Пристанская О. В.* Правовая защита несовершеннолетних в сфере массового сексуального просвещения // Журнал российского права. 2000. № 1. С. 42–52.

³ Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1999. № 4. С. 10.

⁴ См. об этом: *Махаров Е. Н.* Философия человеческого общества. М., 1999. С. 220–222.

⁵ См.: *Матузов Н. И.* Право как мера свободы и ответственности личности // Атриум. 1999. № 1. С. 22.

⁶ См.: *Штуден Л. Л.* Кризис сознания как феномен культуры. Новосибирск, 1999. С. 189–192.

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Т. С. АБРАМКИНА** — заместитель начальника отдела Управления по вопросам информационно-аналитического обеспечения Федеральной миграционной службы РФ
- Т. А. ВАСИЛЬЕВА** — старший научный сотрудник Института государства и права РАН, член Экспертного совета Комитета по делам национальностей Государственной Думы Федерального собрания РФ, кандидат юридических наук, доцент
- О. Р. ГУЛИНА** — докторант кафедры истории законодательства и правовых учений, государственного права Университета Потсдама (Германия), кандидат юридических наук, доцент
- Е. В. КУЗНЕЦОВА** — старший преподаватель кафедры гражданского права, процесса и основ предпринимательской деятельности Ивановского государственного университета, аспирантка Института государства и права РАН
- Н. В. КУРДЮМОВ** — председатель Совета некоммерческого партнерства «Международный альянс “Трудовая миграция”», член Общественного совета при Федеральной миграционной службе РФ
- Г. Н. МУРТАЗАЕВА** — докторант Отдела административного и финансового права Института государства и права им. В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины (Киев), кандидат экономических наук, доцент
- В. Д. САМОЙЛОВ** — профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России, доктор педагогических наук
- А. В. СТРЕМОУХОВ** — заведующий кафедрой гражданского и трудового права СПбГУП, доктор юридических наук, профессор
- Н. М. ФЕДОРОВА** — директор Департамента научно-исследовательской работы СПбГУП, кандидат экономических наук
- О. Т. ШЕВЧЕНКО** — профессор кафедры международного права Института международных отношений Киевского национального академического университета (Украина), кандидат юридических наук

А. В. СТРЕМОУХОВ: — Уважаемые коллеги! Разрешите от имени руководства Университета и юридического факультета приветствовать вас на заседании нашей секции. Мы с вами обсудим проблемы миграционных процессов, происходящих за рубежом и в нашей стране. Как известно, миграция — это комплексная проблема, которая регулируется различными отраслями права и является также предметом других, неюридических дисциплин — социологии, истории и др. Поэтому нам будет интересно услышать сообщения представителей различных наук.

Миграционная проблема в нашей стране стала актуальной относительно недавно — после распада Советского Союза и установления, по сути, нового строя в нашей стране. Сейчас в какой-то степени эта проблема даже стала «модной»: все больше ученых начинают заниматься ее исследованием. В связи с этим все, что вы здесь скажете, будет весьма интересно и важно для дальнейших научных исследований.

Мне лично, как представителю трудового права, хотелось бы услышать, можем ли мы отнести миграцию трудовых ресурсов к какой-либо области юридических наук? Ведь сейчас Трудовой кодекс специально не регулирует занятость и труд работников, в том числе и иностранных. Тем не менее, как вы знаете, во всех учебниках трудового права есть тема «Занятость населения». Я считаю, что занятость населения и миграция трудовых ресурсов не относятся к области трудового права, и мне интересно было бы узнать ваше мнение об этом. Я руковожу кафедрой трудового права, и мы не занимаемся вопросами заня-

тости и трудовой миграции, так как они относятся к сфере административного права. Возможно, есть иные точки зрения на эти проблемы.

В. Д. САМОЙЛОВ: — В сферу моей деятельности с 2004 года входит проблема миграции, рассматриваемая с научной точки зрения. Кроме того, я являюсь одним из авторов концепции демографической политики Российской Федерации, с помощью которой удалось углубить современное понимание сущности миграции.

Алексей Васильевич сказал, что миграция — новое для нас явление. Я с этим не согласен: мы часто меняем названия уже известных феноменов. Например, называем толерантностью то, что раньше называлось терпимостью. Почему? Потому что появляются какие-то новые оттенки. Миграция в теперешнем представлении — это то, что наши предки называли колонизацией, потом переселением. В 1925 году перед советской властью даже стояла задача по колонизации и переселению людей. История этого явления такая же древняя, как история происхождения государства.

Нашими знаменитыми историками неоднократно описано, как происходило переселение народов. Есть нормативно-правовые акты того периода, которые четко указывают, что когда произошло. В настоящее время идет формирование профессионального миграционного образования, создана и распространена программа «Соотечественники» (полное название «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению

в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»).

Задачей программы было создать систему подготовки, переподготовки, повышения квалификации кадров для сферы миграции. К сожалению, программа была неожиданно закрыта. Попытки построить такую систему велись уже давно. С 1 января 2000 года в Государственном университете управления создана кафедра управления миграционными процессами, где осуществляется подготовка специалистов для работы в качестве государственных гражданских служащих. Многие государственные вузы подключились к этому процессу: Московский университет МВД РФ, Академия экономической безопасности МВД РФ, Московский институт экономики, менеджмента и права; там теперь изучают основы миграционного права. Издан ряд пособий, учебников. В этом году вышел учебник «Основы миграционного права».

Не так давно был выработан проект Концепции государственной миграционной политики РФ. Представители 47 различных структур принимали участие в разработке этого проекта, который, однако, пока не принят. Он находится в стадии рассмотрения. 9 октября 2007 года был подписан Указ Президента РФ «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года». Здесь обозначены направления демографического развития.

Что представляет собой миграция в наше время? Это социально-экономическое явление, формирующееся в процессе реализации демографической политики, связанное с передвижением и приобретением нового гражданско-правового статуса людей в местах поселения, а также с интересами общества и государства. Составлена формула миграции, которая включает три «П»:

— проектирование миграционных намерений (в отличие от животных, мы можем определить цели своего переселения);

— передвижение как процесс перемещения на каком-либо транспорте или пешком;

— прием мигрантов, включающий проблемы толерантности и множество других вопросов, связанных с миграцией.

На основе чего возникает миграция? Известно, что это явление наблюдается и в человеческом обществе, и в природе. Например, в основе миграции птиц лежит инстинкт самосохранения: когда наступает похолодание и исчезает корм, птицы стаями перемещаются в места зимовки. Примерно то же можно сказать и о людях. Когда мы говорим о миграционных процессах у людей, то имеем в виду, что миграция происходит определенными группами — российских или иностранных граждан.

По сути, мы сформулировали понятие современной миграции. Но при этом не надо забывать об интересах социума и даже государства. Не всем надо переселяться, например, в Краснодарский край, где и так много жителей: по переписи населения 2002 года он вышел на третье место в России. Сейчас создана информационная служба по городу Сочи, и она сообщает, что в регионе пребывает большое количество так называемых гастарбайтеров.

Основным координатором по реализации стратегии государственной миграционной политики с 19 июля 2004 года является Федеральная миграционная служба (ФМС). ФМС должна выполнять шесть генеральных функций, четыре из которых уже утверждены Административным регламентом ФМС: правоприменительная, по контролю, надзору и оказанию государственных услуг в сфере миграции. Указом Президента РФ от 21 марта 2007 года № 403 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам государственного управления в области миграционной по-

литики» добавилось еще две функции: законотворческая, то есть ФМС самостоятельно осуществляет формирование миграционного законодательства и представляет законопроекты Председателю Правительства или Президенту РФ, при необходимости ставит в известность министра; и финансовая, то есть ФМС самостоятельно осуществляет финансовую политику. Разработка подзаконных актов находится в стадии завершения.

В настоящее время мы выделяем несколько миграционных процессов. Самый массовый из них — эмиграция, переселение из Российской Федерации за рубеж на постоянное место жительства. Первый заместитель директора ФМС России Михаил Тюркин в своем докладе приводил некоторые сведения: в последние годы Российскую Федерацию покинули 20–22 млн человек, по данным 2007 года — уже 25,2 млн.

По данным прошлого года ФСБ, из Российской Федерации эмигрировало примерно 14 млн человек, по итогам 2007 и 2008 годов — соответственно 45 тыс. и немногим более 57,5 тыс. человек. Тенденция — к увеличению количества оставляющих Российскую Федерацию. В прошлом этой проблемой занимались российские цари, генеральные секретари, а сейчас мало кто пытается ее решить.

Одним из видов миграции является трудовая; здесь важнейший вопрос — квотирование. Квота 2009 года на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу на территории Российской Федерации как была утверждена в размере 3 976 747 человек, так и осталась. С этим связан еще один процесс — нелегальная миграция. Это новое для нас явление, и нам еще предстоит разработать приемы борьбы с ним. В 2007 году уже предпринималась попытка создания специального управления в составе Федеральной миграционной службы, но она не увенчалась успехом.

О. Р. ГУЛИНА: — У меня вопрос. Здесь говорили, что согласно Указу Президента РФ № 403 миграционные органы вносят свои предложения по изменению законов. Есть ли у Вас примеры таких инициатив?

Т. С. АБРАМКИНА: — Приняты два федеральных закона: № 109-ФЗ от 18 июля 2006 года «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» и № 110-ФЗ от 18 июля 2006 года «О внесении изменений в Федеральный закон “О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации”», в которые внесены изменения, предложенные нами. Изменения, которые были внесены в Федеральный закон № 115-ФЗ, упростили порядок получения разрешительных документов на трудовую деятельность.

О. Р. ГУЛИНА: — Еще я хотела сказать, что упомянутый Федеральный закон № 115-ФЗ от 25 июля 2002 года «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» достаточно четко регулирует трудовые отношения с участием иностранных граждан.

А. В. СТРЕМОУХОВ: — Я не совсем согласен с этим. Ведь в Трудовом кодексе РФ сказано, что трудовые отношения — это отношения между работником и работодателем. А закон о положении иностранных граждан регулирует отношения не между работником и работодателем, а между иностранцами и Российской Федерацией.

В. Д. САМОЙЛОВ: — Федеральные законы № 109 и 110 введены в новое миграционное законодательство, вступившее в силу с 15 января 2007 года. Они сейчас активно совершенствуются. С точки зрения вопроса, который был изначально поставлен, о том, относятся ли миграционные процессы только к сфере трудового права, могу

предположить, что эта проблема могла бы быть решена путем создания, скажем, миграционного кодекса. Но для этого надо определиться с понятиями, что такое миграция и кто такой мигрант, потому что, по существу, мы все являемся мигрантами, участниками тех или иных миграционных процессов. Хотя в принципе мы можем быть участниками только процесса расселения, потому что внутри Российской Федерации ежегодно меняют свое место жительства в среднем 5 млн человек.

Н. В. КУРДЮМОВ: — Василий Дмитриевич, у меня к Вам два вопроса. Первый: не считаете ли Вы, что некие сложности в реализации миграционной политики связаны с отсутствием ее концепции в России, и каковы, на Ваш взгляд, перспективы появления такой концепции? Второй вопрос касается трудовой миграции как одной из базовых составляющих миграционных процессов и разделения на практике трудовых и миграционных управляющих. Сейчас миграционные службы вольно или невольно регулируют рынок труда, что вообще-то неправильно, и из этого, наверное, вытекают проблемы с квотированием и пр. Как специалист, долгое время проработавший в этой сфере, скажите, пожалуйста, как Вы видите решение этого вопроса?

В. Д. САМОЙЛОВ: — Трудно поверить в то, что в XXI веке, в условиях диалога культур и цивилизаций Федеральная миграционная служба реализует никем не сформированную миграционную политику. Как известно, Президент РФ Дмитрий Анатольевич Медведев 5 ноября 2008 года обратился с посланием к Федеральному Собранию и обратил внимание на четыре аспекта: 1) необходимо оптимизировать организацию миграционных процессов внутри страны; 2) создать благоприятные условия для внутренней миграции; 3) уделить больше внимания внешней миграции; 4) определить круг лиц, имеющих право на получение российского гражданства, потому что это должно стать доказательством успешной интеграции иностранцев в наше общество.

Четыре аспекта, на которые обратил внимание президент, должны определять основные направления во внешней и внутренней миграционной политике. Нам удалось разработать проект концепции демографической политики и раскрыть в нем свое понимание миграции. Если внимательно прочитать Указ Президента РФ № 1351 от 9 октября 2007 года, то там можно найти все эти идеи.

Кто этим должен заниматься? По Указам Президента РФ от 19 января 2004 года № 927 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» (с изм. на 6 сентября 2008 г.) и № 928 «Вопросы Федеральной миграционной службы» (с изм. на 2 сентября 2008 г.) — Министерство внутренних дел РФ.

Самое главное, чтобы мы понимали, чего хотим. Те люди, которые должны определять основные направления миграционной политики, не выполняют своих конституционных обязанностей. Алексей Васильевич поставил вопрос: «К какому праву отнести миграцию?» Я как представитель конституционного и муниципального права предлагаю начать с Конституции. Смотрите, что произошло с трудовой миграцией: впервые в истории российской государственности квота просчитана и для визовых (1 250 343 человека), и для безвизовых (3 976 747 человек) государств.

Некоторые деятели выступают с обращением к Председателю Правительства РФ и говорят о том, что число иммигрантов надо уменьшить вдвое. Но люди-то прибыли сюда законно, статью № 188 Уголовного кодекса РФ «Контрабанда» не нарушают. Работники миграционной службы вынуждены были давать разрешение на рабо-

ту на три месяца, а директор ФМС своим приказом разрешил — при условии, что работодатель добросовестный, — продлить действие квоты до конца года. Почему так происходит? У нас же квота установлена, закон есть, приказ Минздравсоцразвития № 777н от 26 декабря 2008 года действует.

Трудовая миграция вносит много неразберихи в деятельность Федеральной миграционной службы, которая регулирует внешнюю трудовую миграцию. А кто управляет внутренней миграцией? Службы занятости. В Москве даже создали специальный комитет для решения вопросов внутренней миграции. Когда нет определенности, субъекты Федерации сами ищут ответы на сложные вопросы, принимают свои законы. В итоге получается, что у семи нянек дитя без глаза. То есть никакой сформированной миграционной политики у нас действительно нет.

О. Р. ГУЛИНА: — Я коротко представлю европейскую миграционную политику с точки зрения ряда государств. Понятно, что в Европе проблема миграции актуальна как никогда. Каждая из стран Европейского Союза сталкивалась с теми или иными трудностями: например, для Италии и Испании актуальны вопросы нелегальной миграции; для Германии, Нидерландов, Великобритании — вопросы высококвалифицированных мигрантов; во Франции остро стоит вопрос о воссоединении семьи. Законодательную базу Европейского Союза составил закон Германии, принятый в 2005 году, — Закон о пребывании, занятости и интеграции иностранцев в ФРГ. После 2004 года в Нидерландах и Швеции в соответствии с ним было изменено миграционное законодательство.

Испания имеет один из самых старых законов о миграции — от 2004 года; он до сих пор не изменен. В 2009 году мы ожидаем принятия нового закона о миграции. Во-первых, испанские законодатели пытаются сузить круг родственников, имеющих право на воссоединение с семьей, то есть воссоединиться с семьей могут только близкие родственники, а дяди, тети и прочие не могут (хотя до 2004 г. им было это разрешено). Во-вторых, особенность миграционного законодательства Испании заключается в том, что каждый прибывающий иностранец обязательно получает документ, подтверждающий, что он иностранец, а не гражданин Испании (чего нет в других странах). В-третьих, в испанском законодательстве два закона осуществляют регулирование с различных сторон: закон о миграции и закон об интеграции. Во всех остальных странах эти явления объединены в один закон.

Далее я хочу представить миграционную политику Франции. Это рестриктивная («сдерживающая») политика, которую определяет закон 2006 года. Николя Саркози, еще будучи министром внутренних дел, выдвинул инициативу о введении генетического теста, подтверждающего наличие родства, для того чтобы родственники могли воссоединиться с семьей. Французский парламент лишь в прошлом году полностью отклонил эту инициативу, но только потому, что за каждый генетический тест государство должно платить 400 евро. Во Франции более 70 % миграционной группы составляют воссоединяющиеся с семьей.

Интеграционная политика во Франции полностью провалена, ситуация там гораздо хуже, чем в России. Была выдвинута одна замечательная инициатива — заключение местными органами с иностранцем договора о том, что он: а) выучит язык; б) воспримет культурные традиции страны; в) станет членом церковного общества, певческого союза и т. п. То есть прибывший должен быть ангажированным иностранцем, принимающим активное участие в деятельности какого-нибудь клуба. Эта инициатива

оказалась провалена частично, в связи с тем что арабские мигранты объединялись в свои религиозные или культурные группы, и получались маленькие гетто.

Теперь несколько слов о Германии. Если она в ближайшие 10 лет решит главный вопрос — об интеграции иностранцев, то, с моей точки зрения, это будет единственная страна в Европейском Союзе, где не будет вообще никаких миграционных проблем. Потому что для Германии единственная проблема в области миграции — интеграция.

Что касается групп иностранцев в странах Европейского Союза, то здесь классификация совершенно ясна. В связи с наличием двух европейских директив существует четкая градация иностранцев, прибывающих в страны Евросоюза. Во-первых, это граждане Европейского Союза, имеющие привилегию в виде двойного гражданства; во-вторых, это те, кто прибывает на постоянное место жительства; в-третьих, те, кто имеет ограниченный срок пребывания, туристы; и в-четвертых, так называемые прибывающие для воссоединения с семьей.

Еще один важный момент. После немецкого закона в Швейцарии был принят закон об иностранцах, который вступил в силу с 1 января 2008 года. Благодаря этому закону Швейцария вошла в шенгенскую зону, и теперь там те же градации иностранцев, которые есть в других странах Европейского Союза. В законах Швейцарии четко прописаны вопросы интеграции и определено взаимодействие иностранцев с локальными сообществами.

В. Д. САМОЙЛОВ: — Ольга Рифмировна, Вы сказали о том, что политика интеграции во Франции провалена. Разве Николя Саркози не способствовал тому, чтобы разрешить эту ситуацию с интеграцией?

О. Р. ГУЛИНА: — Объединения иностранцев, влияющие на миграционную политику, есть во всех странах Европейского Союза. Одним из старейших миграционных советов является испанский. Миграционной политикой Испании занимается миграционный совет плюс локальные органы, которые созданы в каждой провинции. Что касается интеграционной политики Франции, то последние события были связаны как раз с противостоянием политики и интеграционных сообществ.

Почему я считаю интеграционную политику во Франции провальной? Потому что по французскому закону можно получить гражданство, прожив в стране не менее 4 лет. В Германии — 8 лет. В Британии вы должны проживать 5 лет, в Испании — 10 лет. Сроки разные, но наиболее сложно получить французское гражданство, потому что по сравнению с другими законодательствами официально не требуется знания языка и прохождения обязательных курсов, но есть необходимость знания культуры и активного вовлечения в жизнь французского общества.

Недавно французский суд принял решение о расторжении брака, которое в рамках Европейского Союза получило большую огласку. Развод супругов, имеющих арабские корни, произошел по причине того, что невеста не была девственницей. Министр юстиции Франции на официальной пресс-конференции подтвердил, что такое решение является правильным. Не только французские газеты, но и пресса во всех странах Европейского Союза заголосила: а где же равенство, о котором все говорят, ведь обязательным критерием интеграции является знание культуры, уважение традиций страны. А в Евросоюзе существует равенство между мужчинами и женщинами. Разрешение развода на одном этом основании с поддержки министра юстиции вызывает ряд вопросов. Этот пример показывает, что интеграция во Франции провалена.

Н. В. КУРДЮМОВ: — Мой вопрос касается возвратной временной трудовой эмиграции. Уникальность России в том, что мы имеем безвизовую систему трудовой деятельности. Есть ли где-нибудь, по Вашей информации, подобная схема, опыт, который мы могли бы использовать для урегулирования споров?

О. Р. ГУЛИНА: — Это большой вопрос и очень интересная тема. Вы знаете, что в Европе введена инициатива «голубой карты». Я могу привести пример Германии. Хотя, к сожалению, министр по делам миграции Мария Бемер официально заявила о том, что вопросы «голубой карты» в Германии не имеют приоритета, мы все-таки будем говорить о высококвалифицированной рабочей силе. Различные фракции Парламента Германии представляют свою политику. Там сейчас для высококвалифицированных мигрантов есть ограничения по заработной плате; они должны зарабатывать 86,5 тыс. евро в год, чтобы оплачивать медицинскую страховку.

Некоторые фракции предлагают снизить этот показатель. Если вы докажете, что ваш диплом (полученный не в стране Европейского Союза, а в какой-либо другой) соответствует европейскому, вам легче получить разрешение на пребывание в стране. Плюс одна из самых мощных фракций в Парламенте готовит законопроект (который, конечно, не пройдет так просто) о признании дипломов граждан государств третьих стран соответствующими дипломам Европейского Союза с так называемой дополнительной квалификацией. Например, сейчас мою российскую кандидатскую степень в Германии не признают. Поэтому я стараюсь получить докторскую. Через несколько лет, когда этот законопроект пройдет, я покажу свой диплом, сдам небольшой экзамен, и моя степень будет признана.

Предприятия Германии вынуждены приглашать высококвалифицированных специалистов из других стран. То есть для нас открываются большие возможности.

Н. М. ФЕДОРОВА: — Вы сказали, что в Германии одна проблема — интеграция. А какие проблемы касаются мигрантов — наших бывших соотечественников, которые получили статус переселенцев, беженцев?

О. Р. ГУЛИНА: — Исследования, проведенные в Германии, выявили три группы наших соотечественников: одна — так называемые шпетаусзидлеры (от нем. *Spätaussiedler* — поздний переселенец), вторая — еврейская миграция и третья, 500 тыс. человек, — так называемые беженцы, но беженцы определенной категории: чеченцы. У каждой группы свои проблемы. Среди шпетаусзидлеров большие трудности со знанием языка, с признанием дипломов. Конституционный суд Германии принял решение, что трудовой стаж для подсчета пенсионного возраста, который шпетаусзидлеры имели в странах СССР (за исключением, что интересно, Таджикистана), включается в трудовой стаж в рамках Германии. То же самое они сделали для восточных немцев и шпетаусзидлеров из стран восточного блока.

Н. М. ФЕДОРОВА: — Для того чтобы получить гражданство, кроме 8 лет проживания в этой стране, мигранты должны еще иметь работу на 40 лет вперед.

О. Р. ГУЛИНА: — Сейчас этого нет. Более того, они изменили закон о гражданстве, и теперь можно получить гражданство в облегченном порядке через 6–7 лет, а если у вас зарегистрирован брак с гражданином Германии, есть ребенок и вы можете доказать совместное проживание, то гражданство можно получить через два года.

А. В. СТРЕМОУХОВ: — Уважаемые коллеги, мне хотелось бы заострить ваше внимание на том, чтобы вы освещали обозначенную проблему с точки зрения той науки, в которой специализируетесь, в том числе с позиции юридической науки: трудового, административного, конституционного права. То есть хотелось бы услышать не вообще о миграции, а о каком-то конкретном ее виде, например о легальной, нелегальной миграции и т. д.

Г. Н. МУРТАЗАЕВА: — Тема моего выступления — социально-культурные конфликты в сфере миграционных отношений на примере украинского государства. Согласно последним экспертным данным Института Национальной академии наук Украины, за границей, включая страны СНГ и Европы, находится более 4,5 млн украинских трудовых мигрантов. По оценкам экспертов, в 2007 году трудовые мигранты перечислили в бюджет страны более 8,4 млрд долларов США, что составляет 80 % ВВП, то есть эти доходы в два раза превышают прямые иностранные инвестиции в экономику Украины. При этом представители Национального банка Украины не отрицают, что реальные цифры значительно выше и составляют около 21 млрд долларов США, что равняется приблизительно четверти валового внутреннего продукта Украины.

Приведенные цифры, хотя и приблизительно отражают количественную сторону внешней миграции Украины, позволяют сделать неутешительный вывод. Со времени обретения независимости на Украине не было создано благоприятных условий социально-экономического развития, что в итоге привело к сохранению внешней трудовой миграции на высоком уровне. Различия между официальными данными о трудоустройстве украинцев за границей (например, 508,4 тыс. в странах Евросоюза и 51,5 тыс. в России в 2008 г.) и экспертными оценками свидетельствуют о преимущественно нелегальном характере трудовой миграции Украины.

Нелегальная миграция характеризуется прежде всего незащищенностью прав трудовых мигрантов в стране пребывания, криминализацией с усилением негативного восприятия украинцев со стороны местного населения. То есть миграция является потенциальным источником социальной напряженности, что так или иначе приводит к различного рода конфликтам. Украину следует рассматривать не только как источник мигрантов, но и как страну транзита и страну назначения миграционных потоков, что обусловлено ее географическим положением.

Согласно некоторым данным, количество нелегальных мигрантов, находившихся на Украине в 2007 году, составляет около 732 тыс. человек. Украина является страной транзита нелегальной миграции, в частности в страны Западной Европы. Таким образом, при рассмотрении миграционных отношений на Украине следует учитывать как эмиграционные, так и иммиграционные процессы; в их основе лежат противоречия, которые могут привести к конфликтной ситуации. В частности, отсутствие возможности для удовлетворения потребностей отдельного индивида или группы — как первичных (пища, жильё, одежда), так и вторичных (реализация их как личностей) — приводит к росту напряженности в обществе, а затем и к конфликтам, выходом из которых служит миграция в экономически более благоприятный регион.

Вовлеченность Украины в процесс экономической глобализации имеет и позитивный эффект, позволяя устранять социальные конфликты путем перераспределения трудовых ресурсов. Однако миграция населения, приобретающая массовый характер, приводит и к негативным последствиям, провоцируя новые конфликты. Так, вследствие

миграции истощаются трудовые ресурсы страны, происходит утечка квалифицированных кадров. Из-за признания факта невозможности самореализации мигрантов по месту рождения и неспособности власти обеспечить условия для такой реализации происходят определенные изменения в личном и общественном сознании, что ведет к новым конфликтам.

В частности, это проявилось при обсуждении в обществе вопроса о необходимости налогообложения на Украине доходов, полученных нелегальными мигрантами, работающими в других странах. Распространенной позицией является следующая: почему я должен платить налоги стране, которая не смогла создать условия для нормальной работы и заставила искать ее за рубежом?

Другим примером может служить противопоставление граждан, позиционирующих себя в качестве патриотов, не уехавших из страны в трудное время, и «предателей», погнавшихся за легкими деньгами. Кроме этого, невозможность удовлетворения потребностей иначе как путем миграции в экономически более благоприятные регионы приводит к смене личностных ценностей, в том числе к изменению отношения к праву. Право, которое продолжает существовать как объективная реальность в виде законодательных норм, больше не воспринимается в качестве эффективного регулятора общественных отношений и игнорируется. Соответственно процесс миграции трудоспособного населения одновременно является как способом разрешения социальных конфликтов, так и причиной новых.

Особого внимания заслуживает конфликтогенность миграции в стране пребывания. Миграция может приводить к конфликтам этнического, расового, социально-экономического (обострение конкуренции на рынке труда) и культурного характера. Наличие таких конфликтов обусловливается рядом факторов объективного и субъективного свойства. В частности, к таким факторам относятся: 1) экономическая ситуация и ситуация на рынке труда в стране пребывания; 2) этнический состав населения страны пребывания и отношение к другим этносам; 3) религиозная терпимость общества страны пребывания; 4) культурная самобытность страны пребывания и страны происхождения мигрантов; 5) политическая ситуация в стране пребывания, то есть необходимость формирования образа врага для отвлечения от других социальных проблем. Указанные факторы могут являться основой конфликта, который может трансформироваться в открытое столкновение.

Социально-культурное взаимодействие различных групп в процессе миграции приводит к сохранению культурной самобытности, принятию культуры другой страны, взаимопроникновению культур. Сохранение культурной самобытности происходит благодаря желанию мигранта идентифицировать себя в культуре страны происхождения и приводит к созданию диаспор. Принятие культуры страны пребывания происходит путем восприятия идей, ценностей, моделей поведения группы, в которой адаптируется мигрант.

Однако сохранить в чистом виде культурную самобытность мигрирующей группы в глобализованном мире достаточно сложно. Если в рамках диаспоры еще можно сберечь язык, определенные обычаи и традиции, то попытка оставить прежнюю модель поведения чревата конфликтами с носителями культуры страны пребывания. Полностью принять культуру иной группы также достаточно сложно; это возможно, по крайней мере, через несколько поколений. В случае отказа мигрирующей группы от принятия ценностей, которые исповедуются в обществе страны пребывания, неизбежен конфликт, который может перерасти в открытую фазу.

Таким образом, миграционные процессы, которые внешне проявляются в перемещении групп населения между населенными пунктами (внутренняя миграция), странами (внешняя миграция), обусловлены социальными проблемами и продуцируют такие проблемы. Избежание конфликтов социально-культурного характера возможно при совпадении ценностей мигрирующей группы и населения страны пребывания. Если же ценности взаимоисключающие, возможна лишь локализация конфликта либо минимизация его негативных последствий.

Н. В. КУРДИОМОВ: — Скажите, пожалуйста, произошли ли какие-либо изменения в сфере отношений, которые Вы охарактеризовали, в период кризиса?

Г. Н. МУРТАЗАЕВА: — К сожалению, никаких изменений в период кризиса не произошло. Ни в одном нормативно-правовом акте это не отражено. У нас при Верховной Раде даже есть миграционный комитет, но в связи с кризисными явлениями никаких действий предпринято не было. Получается, что проблемы миграции как таковой на Украине не существует.

О. Т. ШЕВЧЕНКО: — Я рада, что Вы обозначили проблему, которая может быть, для России не столь явно выражена. Так как Украина является транзитным государством, особую значимость приобретает проблема миграции. Специалисты говорят, что между депортацией и миграцией есть взаимосвязь. Как один из лучших специалистов по проблеме депортации крымских татар, обозначьте, пожалуйста, эти проблемные аспекты. Спасибо.

Г. Н. МУРТАЗАЕВА: — Для меня это очень близкая, личная тема. В свое время я защищала кандидатскую диссертацию, которая была непосредственно связана с социально-экономическими проблемами возвращения депортированных народов Украины в контексте возвращения крымских татар в Крым. Миграционные процессы в Крыму — это прежде всего репатриация крымско-татарского народа. Конечно, существуют противоречия, а отсутствие до сих пор закона о реабилитации еще больше обостряет их. И на сегодняшний день имеет место конфликтность региона.

Хотя уже 20 лет крымские татары возвращаются на свою историческую родину, закон все еще не принят. И в течение 20 лет этот процесс финансируется украинским государством. Даже есть отдельная строка в бюджете, предусматривающая выделение средств на депортацию и расселение крымских татар. Но отсутствие закона о реабилитации обостряет прежде всего проблемы с землей. Все, что средства массовой информации сообщают о незаконном занятии участков, в частности на побережье, связано с невозможностью трактовать и использовать закон о приватизации земель прибывшими крымскими татарами. Процессы, связанные с репатриацией, не имеют никакой законодательной базы, поэтому ими невозможно управлять.

Сегодня возвращение мигрантов, прежде всего из Средней Азии, приостановлено, потому что нет соответствующей финансовой поддержки. Мы считаем, что страны, которые в свое время приняли крымских татар и получили от этого положительный экономический результат, могли бы как-то поспособствовать их возвращению в Крым. Но, к сожалению, на сегодняшний день единственное достижение — то, что Крым является автономной республикой, там своя конституция и три государственных языка — украинский, крымско-татарский и русский.

На мой взгляд, 220 тыс. крымских татар — это очень мало для Крыма. Они составляют всего 21 % населения

полуострова. Поэтому, я надеюсь, репатриация будет продолжаться, но из России крымские татары вряд ли вернуться. Это проблема не России, а прежде всего украинских властей.

Н. М. ФЕДОРОВА: — Я знаю, что у Европейского Союза есть две программы, по которым 7–11 % граждан возвращаются на родину из других стран. Есть ли у Вас какие-либо данные о государственных программах по возвращению нелегальных мигрантов на Украину?

Г. Н. МУРТАЗАЕВА: — Данные, возможно, есть, но я ими не владею. Однако точно знаю, что официальной государственной программы возвращения нелегальных мигрантов не существует.

О. Р. ГУЛИНА: — Власти пытаются разработать такую программу. Я думаю, проблема состоит в том, что нелегально эмигрировавшие украинцы не хотят возвращаться, особенно в эти сложные кризисные дни. Нет программы, потому что нет желания.

Г. Н. МУРТАЗАЕВА: — Не секрет, что в некоторых странах существуют украинские диаспоры. Эти страны экономически вполне благополучны, например Голландия и Соединенные Штаты; они могут себе позволить подержать мигрантов.

О. Т. ШЕВЧЕНКО: — В рамках Европейского Союза есть два официальных фонда, которые поддерживают возвращение украинских граждан на родину. По их данным, за границей находятся 7–11 % нелегальных мигрантов. Это в основном женщины, которые выехали на работу в Польшу, Германию и другие страны. Они не имеют никакого статуса, и эти фонды оплачивают им билет, то есть как бы возвращают на Украину, или дают грант до 3 тыс. евро для обустройства в стране пребывания. У меня есть информация, что в Одессе и Донецке есть два представительства этих фондов, и эта программа получила поддержку на государственном уровне. Но, к сожалению, я не могу официально подтвердить эти данные. Может быть, у вас есть что сказать по этому поводу.

Г. Н. МУРТАЗАЕВА: — У меня нет таких данных. Я знаю только, что Украина заключила несколько реадмиссионных соглашений, предусматривающих возвращение «блудных сынов отечества», совершивших правонарушения в других странах. Есть категория людей, которые возвращаются добровольно, на свои средства, а есть те, которые приезжают домой вследствие заключенных реадмиссионных соглашений, допустим, с Америкой, Францией или Германией. То есть, к примеру, до Шереметьево человек долетает за счет ФРГ, а в аэропорту мы его уже встречаем.

Н. М. ФЕДОРОВА: — Нелегальное нахождение на территории страны — это правонарушение?

Г. Н. МУРТАЗАЕВА: — Да. Например, в Швейцарии институт реадмиссии введен законодательно. Теперь любой въехавший без документов на границе может получить 1200 евро и покинуть территорию. Там подсчитали, что пребывание нелегала в Швейцарии, где должны соблюдаться его права человека, требует больших затрат. То есть ожидание получения легального права на пребывание должно оплачиваться и поэтому обходится дороже. А так — получаешь 1200 евро, возвращаешься в свою страну и живешь там до следующего пересечения границы Швейцарии. Совсем неплохо.

Т. А. ВАСИЛЬЕВА: — Я хотела бы поговорить об интеграции иностранцев в зарубежных странах и юридических механизмах ее реализации, которые существуют у нас. Очень хорошо, что на конференции, посвященной диалогу культур, есть секция, касающаяся миграционных процессов, потому что обычно мы рассматриваем миграцию только в аспекте проблем национальной безопасности. В данном случае, когда мы переходим к самой постановке вопроса, то ведем обсуждение в контексте диалога культур.

Теперь я бы хотела немного рассказать о зарубежном опыте и юридических механизмах интеграции иностранцев. Вы знаете, что сейчас идет массовая миграция населения и происходит соприкосновение больших групп населения, которые имеют разные культурные и религиозные традиции и ценностные ориентации. Существуют большие культурные дистанции между людьми, поэтому встает проблема интеграции, особенно в зарубежных странах, потому что там придерживаются ценностей правовой культуры, основанных на уважении достоинства личности и защите прав человека. Поэтому с 1990-х годов интеграция иностранцев — одна из важнейших политических проблем в странах Западной Европы.

Первыми в 1970–1980-х годах над вопросами интеграции начали работать Швеция и Нидерланды, потом их примеру последовали и все остальные государства. Можно по-разному оценивать практику той или иной страны, но уже наработаны юридические механизмы интеграции иностранцев. Можно выделить несколько направлений этого процесса. Первое — разработка интеграционных программ, которые в свою очередь могут быть двух видов. Первый — интеграционные программы первичной адаптации лиц, прибывающих в страну. Они действуют в Австрии, Нидерландах, Германии в той или иной степени. Эти программы предполагают специальные курсы для адаптации иностранцев на новом месте: языковая подготовка, ознакомление с культурными традициями, историей принимающего общества, первичная профессиональная ориентация и переориентация. Эти программы помогают сориентироваться в услугах, которые предоставляют муниципалитеты. Муниципалитет проводит индивидуальное собеседование с человеком, определяет, какие курсы ему нужно пройти; разрабатывает индивидуальный контракт. После заключения контракта от муниципалитета прикрепляется человек, который «ведет» мигранта. Вторая разновидность интеграционных программ, действующих в основном в Финляндии и Швеции, — поддержка только социально уязвимых лиц: безработных и тех, кто не смог сам адаптироваться в новом обществе. Эти программы также предполагают заключение индивидуального контракта и еще выплату интеграционного пособия. Также мигрантами занимаются в течение определенного срока. В общем, главная задача этой программы — адаптировать людей в принимающем обществе и помочь найти себя на рынке труда.

Второе направление интеграции, которое помогает адаптироваться, — межкультурное посредничество. В Италии, Испании, Португалии для вновь прибывших мигрантов предусматривается помощь мигрантов соответствующей этнической группы, которые проживают на территории страны и уже адаптировались. Они помогают найти контакт с социальными структурами, представляющими услуги по здравоохранению, образованию и т. п. И второй момент — контакт с органами управления. В Италии этим занимаются общественные объединения, которые выделяют людей, имеющих разрешение на пребывание в стране более чем на два года. В Португалии специальные структуры готовят людей для работы с этническими группами.

Третье направление интеграции — создание специальных консультационных структур при государственных органах, в которых представлены и общественные объединения мигрантов, и представители администрации, и работодатели, и профсоюзы, которые позволяют вести этот межкультурный диалог. Эти структуры помогают в разработке миграционной политики страны и подготовке законодательства. То есть мигранты фактически участвуют в разработке тех документов, условия которых они же и будут выполнять.

И четвертое направление, существующее в Европе, — когда уже действующая организация создает структуры, секции, которые начинают работать с мигрантами. В Италии, Испании, Португалии это профсоюзы, которые создают специальные структуры. В Италии они работают ситуационно, то есть оказывают помощь, когда мигрант хочет легализовать свой статус. В Португалии действуют на постоянной основе, помогают в первичной адаптации на месте труда и в трудоустройстве.

Мы начали решать проблемы мигрантов немного позже, и у нас еще не наработан этот опыт. Если мы будем обращать больше внимания не на административные вопросы, а на проблемы людей в устройстве их на нашей территории, первичной адаптации, у нас эти проблемы будут решаться гораздо успешнее.

Н. В. КУРДЮМОВ: — Скажите, пожалуйста, есть ли соответствующая рекомендация, основанная на этом опыте, для российских миграционных служб?

Т. А. ВАСИЛЬЕВА: — В принципе можно использовать программы интеграции для социально уязвимых людей. Я считаю, что межкультурное посредничество — хороший медиатор, который разрешает конфликты. Мигранты сегодня другие: еще в 1990-х годах к нам приезжали люди с хорошим знанием русского языка и славянской культуры; сегодня же прибывают граждане государств Средней Азии и Закавказья с плохой языковой подготовкой и ориентацией в наших реалиях. Мне кажется, если попробовать ввести межкультурное посредничество — не в массовом порядке, а на экспериментальной основе, то мы получим определенные результаты. Конечно, при разработке официальных документов необходимо привлекать людей, которых они будут касаться. Потому что специалисты, разрабатывающие программы и законы, часто далеки от тех проблем, с которыми сталкиваются мигранты.

Нельзя сказать, что в трудовом праве совсем не регулируются вопросы трудовой миграции — МОТ занимается этой проблематикой. Но, по-моему, проблемы миграции нельзя отнести ни к какой сфере трудового регулирования. В Конституционном праве рассматриваются общие вопросы статуса; въезд и пребывание находятся в ведении административного права.

В нашей ситуации требуется особая специфика регулирования труда мигрантов — включение отдельной главы в Трудовой кодекс или принятие специального закона (а не указа). На мой взгляд, именно по причине сложности проблемы необходимо, чтобы различные вопросы регулировалась разными сферами права. Нужно применять на практике рекомендации МОТ по проблемам трудовой миграции.

А. В. СТРЕМОУХОВ: — Да, но у нас принят такой Трудовой кодекс, который регулирует трудовые отношения только между работником и работодателем и не регулирует отношения, связанные с миграцией, в том числе и с трудовой. Я пытаюсь бороться с этим противоречием, но как его разрешить?

Т. А. ВАСИЛЬЕВА: — Если есть проблема, можно включить в кодекс специальную главу о специфике регулирования труда в тех или иных случаях. И применять конвенцию МОТ.

А. В. СТРЕМОУХОВ: — Но тогда возникнет коллизия, потому что не все статьи конвенции у нас ратифицированы и подписаны.

Н. В. КУРДЮМОВ: — Я уже 18 лет работаю в области трудовых ресурсов и являюсь в первую очередь предпринимателем: руковожу кадровыми агентствами, которые содействуют импорту трудовых ресурсов в Россию и получению столичных лицензий. Восемь лет назад нами была создана Ассоциация «Трудовая миграция», которая объединяет кадровые агентства, консалтинговые фирмы, общественные объединения — не только российские, но и стран СНГ.

Еще я являюсь членом Общественного совета Федеральной миграционной службы, где представляю производственный сектор. Мы стремимся выявлять проблемы и передавать их решение на уровень законотворчества. В частности, я принимал участие в заседании Постоянной комиссии Межпарламентской ассамблеи СНГ по социальной политике и правам человека. Там наконец-то после двух с половиной лет рассмотрения был принят закон о деятельности частных агентств занятости. Это модельный закон, некая норма, которая будет работать в качестве основы для создания национальных законов в государствах СНГ.

По-моему, задача наших коллег заключается в том, чтобы сделать участие негосударственного сектора в оказании услуг на этом поприще прозрачным, соответствующим нормам и законодательно регулируемым. Недавно директор Федеральной миграционной службы Константин Олегович Ромодановский оценил сферу негосударственных посреднических услуг в сумму более 30 млрд рублей. Федеральная миграционная служба полагает, что необходимо создать федеральное агентство, и сейчас разрабатывается его концепция. Мы считаем, что это, в общем, верное направление, но важно, чтобы оно не привело к монополизации посреднических отношений между мигрантами и работодателями (а такая тенденция есть). На наш взгляд, необходимо частно-государственное партнерство, чтобы создать инфраструктуру поддержки как трудовых мигрантов, так и работодателей.

В России количество мигрантов из стран ближнего зарубежья, по разным оценкам, составляет от 7 до 14 млн человек; 80 % тех, кто у нас находится, — безвизовые мигранты, саморегулируемый поток. Какие бы законодательные и административно-нормативные процедуры мы ни применяли, пока не введем визовый режим, будет сложно регулировать административными мерами этот поток, который огибает любые препятствия и базируется прежде всего на посреднических услугах членов диаспоры, ранее приехавших в Россию. На этой основе создана колоссальная теневая инфраструктура, которая имеет в значительной степени «подводную» регламентацию с платными услугами для трудовых мигрантов. Многие из них уже избегают обращаться за помощью к своим соотечественникам в России. Другая группа посредников — мошенники, которых сейчас, в период кризиса, появляется все больше. Со всем этим злом необходимо бороться.

Государственные нормативные акты должны также регулировать деятельность консалтинговых кадровых агентств, которые не касаются внешней трудовой миграции, а занимаются рекрутингом, содействием трудоустройству внутри страны. Здесь необходимо принятие законодательных актов, которые бы регулировали деятель-

ность кадровых агентств и других посредников внутри России, основываясь на тех же стандартах: один я назвал, второй мы разрабатываем совместно с Комитетом Совета Федерации по делам СНГ.

Среди важных вопросов, которые также необходимо регулировать законодательно, я бы выделил лизинг трудовых ресурсов. Это трехстороннее соглашение по предоставлению персонала, когда работник трудоустроивается в кадровое агентство, а работает у другого работодателя. На эту тему сейчас много говорится — это востребованное, легальное направление, отмеченное в Конвенции МОТ № 181 «О частных агентствах занятости».

Лизинг все активнее внедряется в практику, но здесь есть как легальное направление, так и полулегальное, где явно уходят от налогов. Хотя существует разная правоприменительная и судебная практика, позиция профсоюзов, с которыми мы находимся в постоянном контакте, заключается в том, что при лизинге не соблюдаются трудовые права мигрантов. Однако лизинг в приложении к трудовым мигрантам мог бы снять массу вопросов, сделать более прозрачным и качественным предоставление услуг, и когда начинаешь объяснять это профсоюзным деятелям, они уже не столь категорически возражают против лизинга.

На мой взгляд, важно до конца определить роль частных агентств занятости, бирж труда и других негосударственных форм реализации интересов как работодателя, так и трудящегося мигранта с учетом выстраивания инфраструктуры. Здесь тоже есть огромный зарубежный опыт, который надо использовать.

И в заключение я хотел бы сказать, что защита российских граждан и приоритетного занятия российскими гражданами вакантного рабочего места — это, без сомнения, очень важная наша функция. Но в то же время надо помнить о стратегической роли — регулировании процессов трудовой миграции. Кризис когда-нибудь закончится, но мы все хорошо знаем, что в ближайшие 15–20 лет мы будем терять от 600 тыс. до 1 млн трудоспособного населения ежегодно. В Европе в значительной степени аналогичная ситуация, дальше она будет ухудшаться. И мы хорошо понимаем, что трудовой ресурс, который мы имеем в Центральной Азии и на Кавказе, небезграничен. Так что сегодня идет борьба за тех работников, которые уже испытали себя в трудовой миграции. Приезжая сюда из года в год, эти люди, хотя и не имеют подтвержденной квалификации, но уже не являются низкоквалифицированными работниками. Им требуется возможность подтверждения своей квалификации, дальнейшая адаптация: нам надо, чтобы они остались здесь, потому что в ближайшее время они будут востребованы все больше. Сейчас же, к сожалению, есть тенденция к увеличению теневого сектора трудовых мигрантов, и этот процесс развивается.

А. В. СТРЕМОУХОВ: — Нам на экспертизу из Комитета по труду и социальной защите населения присылали проект закона о наемных агентствах. Мы много работали над ним и всей кафедрой готовили заключение. Будучи частью Университета профсоюзов, мы сделали такой вывод: пока в нашей стране приняты законы о кадровых агентствах нецелесообразно, потому что профсоюзы активно выступают за снижение квоты. Но в будущем, возможно, ситуация изменится.

Мы понимаем, что этот процесс не остановить, поскольку существует рынок труда, и там, как на любом рынке, есть посредничество. Поэтому мы, может быть, пошли «против жизни» и проявили корпоративную солидарность; тем не менее я уверен, что вы занимаетесь полезной деятельностью.

О. Т. ШЕВЧЕНКО: — Трудовая миграция — это, безусловно, большая гуманитарная, экономическая и юридическая проблема, о которой мы говорим очень мало. Послушав сегодняшние выступления, я поняла, что у нас даже нет единой терминологии. Говоря о миграции, каждый понимает ее в своем контексте, не обозначив юридическую составляющую этого явления. Говорят и о трудовой миграции, и о высококвалифицированной, но что такое миграция как юридическая категория, я не услышала: во-первых, вероятно, юристы не могут определиться, во-вторых, политические и экономические проблемы не позволяют это сделать.

Сегодня предлагалось взять прагматичный западный образец и применить у нас. Но мы понимаем, что даже у государств Европейского Союза разное отношение к этим вопросам в историческом аспекте. Никто не говорит, выгодна миграция или не выгодна, тем не менее государство использует эти процессы в узкоэгоистических национальных целях. С точки зрения юридической ответственности миграция связана с международным трудовым правом. Конечно, существуют конвенции МОТ, директивы Европейского Союза, но они не рассматривают эту проблему как юридическую, потому что не могут обозначить ее корни.

Между тем в рамках международного уголовного права этот процесс характеризуется как нежелательное явление. Именно поэтому, я думаю, до сих пор нет терминологии, механизмов регулирования, и они еще не скоро появятся. Я растеряна, потому что, как юрист, хочу определить для себя именно юридическое поле, которого нет.

Моя точка зрения такова: многосторонней конвенции по проблеме миграции еще долгое время не будет. Помните замечательную концепцию о всеобщем достоинстве человечества, которая была написана в романтическом духе и с успехом забыта. Процесс миграции идет, и он будет продолжаться в том же темпе, но каких-то четких юридических регуляторов на международном уровне ждать не приходится. Они будут лишь в отдельных аспектах. Проблема миграции — узконациональная, в крайнем случае региональная, хотя сами процессы, безусловно, глобальные.

Е. В. КУЗНЕЦОВА: — В сегодняшних обсуждениях я не услышала правового определения миграции. Я только нашла, как она определяется в толковых словарях: перемещение населения.

Поскольку я занимаюсь проблемами устройства детей, оставшихся без попечения родителей, меня заинтересовало: а как в контексте этого явления — трудовой миграции — расценивать международное усыновление? Я полагаю, что его надо рассматривать как еще одну разновидность миграции. Это детская семейная миграция, поскольку наши малолетние сограждане перемещаются в другие страны. В этом смысле показательными, на мой взгляд, являющиеся статистические данные, которые мне удалось найти.

Особенностью международного усыновления является то, что эта категория дел рассматривается судами субъектов Российской Федерации, а не федеральным судом.

В частности, по данным Ивановского областного суда, международное усыновление превалирует над внутрисубъектным, причем значительно. В статистических данных Департамента социальной защиты Ивановской области указывается, что осуществляется усыновление и российскими гражданами, но, анализируя конкретные судебные дела, я выяснила, что таких усыновлений очень мало. Из 10 детей, усыновленных россиянами, чьи дела были рассмотрены за год в районном суде, к примеру, 1–2 ребенка усыновляются в чужую, замещающую семью, а 8–9 дел касаются случаев, когда детей усыновляют отчими или мачехи. То есть это дети, которые уже живут в семье, и усыновление не носит характера защиты детей.

А вот все дела о международном усыновлении, рассматриваемые Ивановским областным судом, касаются практики усыновления наших детей иностранными гражданами. В последнее время средства массовой информации часто сообщают, что дети, которые передаются в иностранные семьи и отправляются за границу, находят в очень тяжелых условиях. Всем известны случаи жестокого обращения с детьми, закончившиеся их гибелью. Эти страшные происшествия дали основание развить дискуссию о том, нужно ли вообще международное усыновление, тем более в той демографической ситуации, которая сложилась в нашей стране (и так своего населения мало, а еще дети отправляются за границу).

Мне хотелось бы обозначить свое отношение именно к этой проблеме, с приведением тех данных, которые мне удалось получить при анализе дел, рассмотренных по данной категории Ивановским областным судом. Несмотря на то что есть ярые противники международного усыновления, я выступаю «за». В пользу моего мнения свидетельствуют следующие данные. Международные усыновители берут детей такого возраста, который «не устраивает» наших граждан. Россияне охотнее берут из Дома ребенка детей до 3 лет. С 7 лет происходит становление характера, собственного мнения, взглядов на жизнь, и наши граждане усыновляют детей такого возраста очень неохотно. А подростки 11–14 лет россиянам вообще не нужны, потому что считается, что они проблемные. Так вот иностранцы берут именно этих детей.

А. В. СТРЕМОУХОВ: — Скажите, пожалуйста, что такое международное усыновление?

Е. В. КУЗНЕЦОВА: — Это усыновление российских детей иностранными гражданами и лицами без гражданства. В Семейном кодексе специального термина нет, но в Гражданском кодексе есть понятие отношений с участием иностранного элемента. Так что можно сказать, что это усыновление с участием иностранного элемента. То есть это, в сущности, иностранное усыновление.

А. В. СТРЕМОУХОВ: — Спасибо. Уважаемые коллеги, работа нашей секции была активной и интересной. Как представитель юридической науки, я с удовольствием выслушал ваши выступления, все было очень познавательно. Благодарю вас за участие в дискуссии.

Секция 5

ИДЕИ ДМИТРИЯ ЛИХАЧЕВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

(Лихачевский форум старшеклассников России)

Руководитель секции

А. А. ЛИХАНОВ

академик РАО, писатель, председатель правления Российского детского фонда, директор Научно-исследовательского института детства Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов, почетный доктор СПбГУП

Л. А. САНКИН¹: — Сегодня мы подводим итоги III конкурса «Идеи Дмитрия Лихачева и современность». В нем приняли участие свыше 400 школьников из 44 регионов России, а также стран ближнего зарубежья. Я хотел бы отметить, что представители Литовской Республики, которые сотрудничают с организаторами конкурса, каждый год представляют нам интересные и яркие работы.

Высокое значение Лихачевских научных чтений и Форума старшеклассников отмечено в телеграмме Президента РФ Дмитрия Медведева, которую я хотел бы зачитать:

«Уважаемые друзья! Приветствую вас в Санкт-Петербурге по случаю открытия IX Международных Лихачевских научных чтений. Желаю всем их участникам интересного и плодотворного общения и успехов. Ваш авторитетный форум, собирающий представителей мировой интеллигенции, — это всегда событие. Его содержательные дискуссии и доклады, посвященные роли культуры и гуманитарного знания в жизни современного человека, партнерству цивилизаций, и многие другие вызывают большой интерес и широкий общественный резонанс. Важная примета нынешних чтений — это появление специальной программы мероприятий для юношества “Лихачевский форум старшеклассников”. И нет сомнения, что для нравственного воспитания подрастающих поколений крайне важно обращение к фундаментальным трудам и научному наследию академика Лихачева, чьи гуманистические идеи имеют непреходящее значение. Уверен, что подготовленные в ходе встречи рекомендации будут востребованы на практике и послужат реализации перспективных международных проектов в гуманитарной сфере. Желаю участникам и гостям чтений всего самого доброго. Дмитрий Медведев».

Все, кто участвовал в конкурсе, изучали наследие Д. С. Лихачева и старались написать работу, связанную с той или иной идеей, сформулированной в его трудах. Сегодня мы услышим в выступлениях ребят их рассуждения, мысли, посвященные идеям Лихачева. Жюри конкурса чрезвычайно авторитетное: председатель жюри — ректор СПбГУП А. С. Запесоцкий; члены жюри: президент Российской академии образования Н. Д. Никандров, писатель Д. А. Гранин, директор гимназии № 166 И. А. Караченцев, профессор Ю. В. Зобнин, крупные журналисты Б. Г. Клементьев, С. А. Слободской, член-корреспондент Российской академии образования О. Е. Лебедев и многие другие уважаемые люди.

Сегодня наш форум будет вести почетный доктор СПбГУП, выдающийся российский писатель, председатель Российского детского фонда, академик РАО А. А. Лиханов. В соответствии с Положением о конкурсе победители получают: за 1-е место — диплом I степени и денежную премию

в размере 50 тыс. рублей, за 2-е место — диплом II степени и денежную премию в размере 25 тыс. рублей, за 3-е место — диплом III степени и денежную премию в размере 10 тыс. рублей. Все призеры конкурса находятся в президиуме Форума. В зале присутствуют школьники, принявшие участие в III Всероссийском конкурсе творческих работ старшеклассников «Идеи Дмитрия Лихачева и современность», и педагоги-наставники из Санкт-Петербурга, Ленинградской области, Международного лицея СПбГУП. Слово предоставляется Альберту Анатольевичу Лиханову.

А. А. ЛИХАНОВ: — Добрый день, дорогие друзья! Прежде всего я хочу поздравить не только победителей конкурса, но и всех, кто пришел в этот зал, потому что участие в такой конференции — это событие, которое, я вас уверяю, будет строчкой в вашей биографии, а не просто экскурсией в Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов. Я думаю, что если серьезно, глубоко отнестись ко всему, что с вами сейчас происходит, то можно не просто сделать какие-то выводы на дальнейшую жизнь и подготовить себя к событиям своей будущей биографии, но прежде всего оценить свои сегодняшние возможности с точки зрения взрослого к вам интереса. Потребность этого Университета, замечательных Международных чтений в вас — я думаю, великое благо, ведь событие, посвященное такому выдающемуся гражданину России, происходит не в каждом городе. Отнеситесь к этому как к везению и обязательно используйте этот момент.

Я хочу сказать о важности форума, который теперь стал составной частью Лихачевских чтений. Третий раз подряд всем, кто учится в старших классах, предоставляется возможность попробовать свои силы в творчестве: прочитать книги не самого легкого и популярного в молодежной среде автора и составить для себя некий нравственный концепт.

К подготовке Чтений каждый год присоединяется и Российский детский фонд. После первого форума мы провели большую работу и издали книгу «Заветное» Дмитрия Сергеевича Лихачева, предназначенную специально для школьников. Многие школы из разных регионов России приобрели эти книги. Мы стремились с помощью педагогов, методистов по литературе и других специалистов выделить из трудов академика Лихачева фрагменты, которые можно назвать «заветным» — своего рода духовным завещанием, оставленным новому поколению.

Этот опыт оказался удачным — важным и живым. И вслед за книгой Лихачева мы выпустили еще две книги с тем же названием «Заветное»: выдающегося русского писателя Виктора Петровича Астафьева и замечательного композитора Георгия Васильевича Свиридова. Этой

¹ Первый проректор СПбГУП, заведующий кафедрой журналистики, профессор, почетный работник высшей школы РФ.

своей работой мы хотим сказать, что значение нашей духовной классики для новых поколений не просто велико, но без ее освоения (для чего сегодня созданы все условия и телевидением, и всей нашей жизнью) движения вперед быть не может.

Каждый из этих деятелей — выдающаяся личность в своей области. Хотя Дмитрий Сергеевич и был членом Союза писателей, но все же занимался наукой, которая сейчас называется культурологией, и был первым председателем Фонда культуры, тогда еще советского. Виктор Астафьев представляет литературу, а Георгий Свиридов — музыку. Во всех областях культуры есть гении, ушедшие от нас совсем недавно, и надо успеть «прицепиться» к этим мощным «тепловозам», которые могут «вывезти» не один вагон, не одну судьбу на высокий интеллектуальный уровень.

Теперь я хотел бы сказать о том, что не имеет отношения к сегодняшнему событию, но касается важного для всех нас мира детства. Недавно Президент РФ на одном совещании назвал страшные цифры: в 2008 году в России подверглись насилию 126 тыс. детей, из них 1914 погибли, около 3 тыс. перенесли травмы, которые привели к тяжелым увечьям и инвалидности. Для Детского фонда это все не новости. Мы многие годы обращаем внимание властей и общества на эту трагическую данность — нарастающую жестокость взрослых по отношению к детям. И это в России, где творили великие классики Пушкин, Лермонтов, Толстой, Достоевский, которые в своих произведениях говорили о человеческой совести, порядочности, любви.

Сейчас история сделала крутой виток, и мы свидетельствуем, что детский мир под угрозой, в тяжелом положении, и его нужно защищать. Все эти события происходят в семьях, где родители не просто не несут ответственности за своих детей, а совершают преступление по отношению к ним. Только представьте себе: 126 тыс. человек, пострадавших только за один год, — это население небольшого города. К этому можно добавить, что в сиротских приютах сегодня находятся 800 тыс. детей, что в нашей стране 700 тыс. детей-инвалидов, что, например, у нас около 2 тыс. заведений, где учатся дети с диагнозом ЗПР — задержка психического развития. Проще говоря, это так называемые «школы для дураков», откуда детям в нормальную жизнь выхода нет.

У нас давно создано детское «дно», и я хочу, чтобы вы, молодые люди, которые сегодня вошли в этот зал, показали своим близким учителям и всем присутствующим, что вы и духовно выше окружающих вас ребят, и при этом не утратили сердце. Очень важно, чтобы вы воспитывали и хранили в себе такое высокое человеческое качество, как сострадание, включая сострадание к падшим. Повторюсь: наша великая классика сказала все необходимые слова и написала все великие девизы для того, чтобы человек двигался по жизни не только с целью стать успешным, но и с целью сделать жизнь вокруг себя светлее, лучше, ярче. А значит, чтобы был готов часть своих ресурсов при достижении собственных успехов отдавать кому-то другому. Начните с близких, со своих бабушек и дедушек; семья — это замечательная среда, которая сегодня тоже мало ценится.

Мы можем назвать немного великих бабушек и дедушек, которые сыграли большую роль в становлении и жизни своих детей и внуков. Хочу привести один хороший пример. Я здесь познакомился с заведующим кафедрой педагогики Казанского государственного университета, доктором наук Валентином Ивановичем Андреевым и с его сыном, который готовится к защите докторской диссертации. Оказалось, что у него есть еще и дочка, уже защитившая докторскую. Вот такая преемственность. Ва-

лентин Иванович сказал, что так получилось благодаря его родителям, то есть бабушке и дедушке его детей, — сельским учителям, которые сделали все, чтобы поднять не только своих детей, но и внуков. Честь и хвала таким бабушкам и дедушкам. Давайте чтить этих людей и поколения, которые были до нас и без которых нас не было бы. Давайте всегда помнить великое правило: жизнь начинается не с нас, а с наших предшественников.

Между прочим, все эти идеи есть и в творчестве Дмитрия Сергеевича Лихачева, которому посвящен наш форум. Я желаю вам доброго сердца, открытости духовным достоинствам предшествующих поколений. А главное, пожалуйте, откройте свое сердце тем, кто рядом с вами: и старым людям, и тем, кто, может быть, вызывает у вас жалость или, наоборот, даже отвращение, но кто является частью нашего социума. Ведь никакое преуспевание не может быть в радость, если рядом с вами беда. Успехов вам.

Л. А. САНКИН: — Спасибо, Альберт Анатольевич. А сейчас выступит победительница конкурса, занявшая 1-е место, учащаяся 11-го класса школы № 118 Санкт-Петербурга Мария Борисенко.

Мария БОРИСЕНКО: — В первую очередь хотелось бы сказать всем большое спасибо за предоставленную возможность участвовать в конкурсе и IX Международных Лихачевских научных чтениях, для меня это большая честь. Я выбрала очень важную тему, для меня по крайней мере, про русский язык, его сохранение и роль в истории. Безусловно, он претерпевал разные изменения, и с течением времени с ним происходило многое, но те перемены, которые мы наблюдаем сейчас, могут уничтожить все культурное наследие прошлого.

Во-первых, это мат. Мы его слышим повсеместно. В свое время именно средства массовой информации выпустили мат на волю, а сейчас всячески стараются загнать его обратно в клетку, но это бесполезно, процесс уже не остановить ни запретами, ни законами. Во-вторых, язык общения в Интернете — это неконтролируемое безобразие. Грамотность в личных и не очень личных переписках в Сети — большая редкость, но в этом мире еще и напрочь отсутствует уважение и терпимость друг к другу. Сейчас осталось очень мало таких моральных авторитетов, как Дмитрий Сергеевич Лихачев. Взять хотя бы празднование дня рождения Аллы Пугачевой, как это повсюду освещалось — на телевидении, по радио, в газетах. Но это же обычная певица, я не понимаю, зачем ей так поклоняться. Главная ценность сейчас — не личные качества, а деньги.

В заключение хотелось бы сказать, что для современной молодежи есть еще один враг русского языка — Единый государственный экзамен, который, к сожалению, ввели в обязательном порядке. Вряд ли этот шаблонный тест по примеру зарубежных стран способствует сохранению уважительного отношения к нашему языку.

Л. А. САНКИН: — Победитель конкурса, занявший 2-е место, учащийся 11-го класса гимназии станицы Каневская Краснодарского края Игорь Порубайко.

Игорь ПОРУБАЙКО: — Моя работа называется «Встречи на “Площади Лихачева”»; это не литературоведческое исследование, а скорее история моих читательских открытий, некоторого приближения к творчеству Александра Сергеевича Пушкина и Дмитрия Сергеевича Лихачева. Одна из частей моей работы озаглавлена «Стиль монументального историзма: поэт Пушкин и академик Лихачев». Стиль монументального историзма, по утверждению Д. С. Лихачева, относится к русской культуре

XI–XIII веков и «характеризуется стремлением рассматривать предмет изображения с больших дистанций... Это стиль, в пределах которого все наиболее значимое и красивое представляется большим, монументальным, величественным». Как бы нарушая законы хронологии, я попытался посмотреть на две личности, разделенные немалым промежуток времени, — поэта Пушкина и академика Лихачева.

Конечно, «волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой...» Дворянин, «егоза» Пушкин, который «был от балов без ума», оставивший для завистников и клеветников длинный донжуанский список, и сын служащего, труженик, книжник, живший одной целью — узнать как можно больше, успеть сказать нужное людям, весомое слово... Что может их объединять? Ответ гораздо проще, чем может показаться. Оба они, поэт Пушкин и академик Лихачев, — истинно русские люди, жившие «одну Россию в мире вида», сумевшие каждый за отведенный ему Богом срок на земле сделать очень много для развития национальной культуры.

Александр Пушкин, как известно, занимался изучением русской истории, черпал из нее живой материал для своих произведений. «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие», — писал поэт в 1828 году. И Дмитрий Сергеевич всю свою жизнь воскрешал прошлое России, он сумел показать, как важна древнерусская литература, сумел обозначить ее немаловажную роль в становлении, духовном укреплении нации. Александр Сергеевич Пушкин гордился тем, что его книги пробуждали «чувства добрые» у читателей. Но книги Дмитрия Сергеевича Лихачева делают не меньше для того, чтобы люди стали честнее, добрее, интеллигентнее.

Тайна безмерного обаяния Пушкина, по утверждению Д. С. Лихачева, в том, что поэт по сей день является образцом доброты и таланта, смелости и простоты, демократичности, верности в дружбе, бескрайности в любви, уважения к труду и людям труда. Но разве что-то другое можно сказать о Д. С. Лихачеве? Прав великий поэт — бывают важные сближенья, понять которые — значит понять главное в национальном самосознании, национальной истории.

Творчество А. С. Пушкина всегда интересовало меня, притягивало своей правдивостью, глубиной, мудростью, близостью к читателю любого возраста. Как писал В. С. Непомнящий: «Пушкиноведение необозримо, это поистине “вторая литература”, во многом параллельная отечественной литературе XIX–XX веков. Огромную часть пушкиноведения составляют споры». Я уже успел это понять. Как и другое: надо еще очень многое прочитать, чтобы понять скрытое, увидеть новое в известных, казалось бы, произведениях, разобраться в «пестрой путанице мыслей». А еще — внимательно перечитать книги Дмитрия Сергеевича Лихачева. Он умеет удивительно просто и ясно говорить о сложных вещах.

Читая Лихачева, я увидел и его тонкое чувство юмора, и умение наблюдать жизнь, радоваться разным ее проявлениям. И получается, что постепенно крупинки знаний слагаются в яркий, значительный образ, который можно условно определить так: «мой Лихачев». Ведь в интервью НТВ от 10 февраля 1997 года Дмитрий Сергеевич сказал: «Прежде всего, сочетание “Мой Пушкин”, мне кажется, очень хорошее. Близкий, дорогой...» Хорошо, тепло и понятно сказано, хотя раскрыть сложность этих понятий очень нелегко, они текучи, подвижны... Но все равно встречи на «Площади Лихачева» получились для меня очень интересными и полезными, обещающими радость новых открытий, как я надеюсь, и для вас.

Л. А. САНКИН: — Победительница конкурса, также занявшая 2-е место, учащаяся 11-го класса средней школы № 243 Санкт-Петербурга Дарья Свистова.

Дарья СВИСТОВА: — Все мы с детства слышим напутствие: «Береги честь смолоду», но не все задумываемся над тем, что оно означает. Конечно, где-то в глубине души мы понимаем, но объяснить точно не может никто. Выбирая тему для своей работы, я прочла много научной и художественной литературы, но именно в трудах Дмитрия Сергеевича Лихачева нашла ответы на многие вопросы. Удивительная особенность его работ в том, что он пишет о такой сложной нравственной категории, как честь, простыми и понятными словами, и иногда, когда читаешь строки его работ, кажется, что это твои собственные мысли, только написанные на бумаге. Ты как будто сам думал об этом, но не мог выразить думы словами, может быть, потому, что они слишком очевидны.

Работа мне давалась с большим трудом — не хватало опыта, знаний, времени. Однако я попыталась понять, что же именно для меня значит честь и являюсь ли я честным человеком, являются ли честными людьми мои близкие, родственники, знакомые. Возможно, моя работа получилась не самой лучшей, может быть, я в ней не отразила все, что хотела, но она очень важна — и не только для меня. Эта тема, я считаю, актуальна именно в наши дни, ведь если еще в XIX веке Федор Михайлович Достоевский говорил, что «умирает честь — остается формула чести», то что же говорить о веке XXI? Сегодня самой чести практически не осталось, осталось только понятие, оболочка. И мне бы очень хотелось, чтобы такие конкурсы проводились над такими сложными категориями, как честь, достоинство, благородство.

Я очень благодарна организаторам этого конкурса, потому что они дали мне возможность задуматься, осмыслить свое поведение, может быть, что-то изменить в себе. И мне бы очень хотелось, чтоб такие конкурсы проводились чаще, ведь у каждого из нас есть что менять в себе.

Л. А. САНКИН: — Слово предоставляется победительнице конкурса, занявшей 3-е место, учащейся 10-го класса муниципального общеобразовательного учреждения «Ступени открытого непрерывного образования» г. Новокузнецка Кемеровской области Полине Горбачевой.

Полина ГОРБАЧЕВА: — «Литература — это совесть общества, его душа. Честь и достоинство писателя состоят в том, чтобы правду, право на эту правду отстаивать при самых неблагоприятных обстоятельствах. Собственно, для писателя даже вопрос не стоит: говорить правду или не говорить? Для него это значит: писать или не писать... Литература, в которой не бьется тревога совести, — это уже ложь. А ложь в литературе, согласитесь, — худший вид лжи». Это изречение Дмитрия Сергеевича Лихачева во многом отражает мое представление о литературе. Моя работа — это попытка разобраться в своих мыслях, взглядах, чувствах по поводу этой темы

О литературе настоящей. Дмитрий Сергеевич Лихачев в предисловии к своей книге «Литература—Реальность—Литература» утверждает: «Сама литература — реальность в своих произведениях: она представляет собою не только развитие общих эстетических и идейных принципов, но и движение конкретных тем, мотивов, образов, приемов». На мой взгляд, это правильнее, чем сказать: «Литература есть отражение жизни», — как в свое время выразился Н. Г. Чернышевский. Литература имеет право на создание собственной реальности, пусть иногда немного не такой, какой нам хотелось бы. Но в этой реальности мы угадываем характерные для своей исторической среды веяния.

Порой, читая что-то, мы вдруг удивляемся — вроде бы написано совершенно не про нас, а узнаем свое, себя. Литература не фотографическое изображение того, что мы видим, потому что это искусство, такое же как скульптура, музыка, живопись. Представьте, что было бы, если бы музыку не сочиняли, а просто передавали с помощью только тех звуков, которые мы слышим в окружающей жизни. Эти звуки зачастую не слишком приятны для слуха, и такая музыка, мне кажется, не будоражила бы кровь, не давала бы нам тех невероятных впечатлений, которые мы получаем, слушая музыку, которая нам нравится.

Почему литература — это совесть? Почему это память о прошлом, понимание настоящего и догадка о будущем? Почему всегда, на протяжении всей истории, литература была одним из величайших и опаснейших творений человека? Кто будет напоминать о наших ошибках, подвигах, радостях и горестях, если не литература? Каждый знает, что такие понятия, как «Бог», «литература», «добро», «любовь», «совесть», «сострадание», противостоят отрицательному началу. Так уж повелось.

На том и держится наш мир, что плохое борется с хорошим. Книга же помогает человеку. Литература — это как следствие, результат того, что может создать человек, в котором соединяются хорошие начала. Конечно, часто к этим чувствам примешивается горечь, иногда, может быть, негодование, даже злость. Но все-таки, как тонко подметил Д. С. Лихачев: «Человек, читая, приобретает не только свой опыт, но опыт миллионов, миллиардов людей, живших до него». Таким образом мы обогащаемся духовно.

О литературе настоящей. Позвольте процитировать выдержку: «В литературе за последние десятилетия возобладали дух потребительства. Появилась тенденция писать “на продажу”, то, что пройдет наверняка. Я не согласен с тем, что писатель — это профессия. Писатель — это судьба. Это жизнь. Свой гонорар писатель может получать только в результате огромного труда. У нас же писательство рассматривается как своего рода “кормушка”: выпускают книжки, локтями пробивают себе дорогу в Союз писателей, чтобы нигде не работать, забывая о том, что хлеб искусства — черствый и трудный хлеб.

Мы же в погоне за гонораром утратили чувство краткости. И не только краткости: мы забыли о том, что литература — это учительство и ее миссия — просветительство, то, что изначально составляло ее сущность», — писал Дмитрий Сергеевич Лихачев в своей статье «Тревоги совести» в 1987 году. К сожалению, если 20 лет назад тенденция писать на продажу только зарождалась, то сейчас это основная цель выпуска печатной продукции.

О писателе настоящем. Много написано о том, что такое слово, литература, кто такой писатель. «Русская литература не молчала никогда. Да и разве можно считать литературу литературой, а писателя писателем, если они обходят правду, замалчивают ее или пытаются подделаться под нее?» — так писал Лихачев. Толковый словарь дает немного другое определение: «Писатель — это человек, который занимается литературным трудом, пишет художественные произведения». По-моему, эти два определения отражают немного разные смыслы одного и того же слова. Лихачев с творческой точки зрения, а Ожегов в своем словаре — с практической, научной.

Одна моя учительница говорила, что писатель — это «человек без кожи». Только представьте, как бы мы чувствовали себя, если бы у нас не было кожи? Нам было бы больно любое прикосновение. Писатель, как тончайший резонатор, улавливает все малейшие движения в обществе — мнения, тревоги, радости и, утраивая, передает это.

О писателе настоящем, о «лжеписателе». Есть такие свойства, которые нельзя приобрести — с ними нуж-

но родиться. Например талант. Можно создать видимость, внушить людям, что ты писатель или художник, но всегда найдется как минимум один человек, который будет знать, что ты играешь, — это будешь ты сам.

Об идеологии: «Стали привыкать жить двойной жизнью: говорить одно, а думать другое. В последние годы особенно остро мы почувствовали недостаток, дефицит гражданской совести... Мы почувствовали дефицит гражданской совести потому, что молчали. Вроде бы были и объективные причины у нашего молчания: совершавшие дурные поступки люди занимали ключевые посты. И тем не менее это не снимает ответственности и с нас самих, не оправдывает и нашей с вами вины. Мы же все видели — и... молчали. Молчала наша совесть». Писатель, однако, не принадлежит одному себе, он также и «выражение народной мысли», и через него проходит все это.

О религии и вере. Вопрос о вере, Боге относится к числу вечных, поэтому не стоит углубляться в размышления, есть Бог или его нет. Для меня Бог это добро. В чем я вижу связь литературы и религии? Наверное, в первую очередь это связь непрямая: религия, верховенство Бога — это справедливость, добро. Человек, в душе которого живет Бог, создает совершенно иное произведение, чем человек без каких-либо нравственных или моральных принципов в душе. Мне кажется, его произведение просто будет неприятно читать.

Вторая связь, по моему мнению, такая: церковь является мостиком между человеком и Богом, а литература — это мостик между человеком и обществом. Открывая канал в своей душе, мы впускаем в нее немножко общества, немножко Бога, и эта частичка Бога при нашем желании, в зависимости от того, как мы представляем приоритеты, может изменить нас. Я не могу сказать, что наш внутренний мир станет Богом, но частичку Бога мы в себя вдохнем.

Как сказал Виктор Астафьев, если бы Лихачева не было, нам бы следовало его придумать. Дмитрий Сергеевич является образцом того, как прожить жизнь красиво — не в общепринятом понимании «красивой жизни», а в смысле сохранения самого себя. Культура, интеллигентность, борьба за сохранение нашего культурного наследия, уважение к прошлому — все это было неотъемлемо присуще Лихачеву. Он пытался сделать так, чтобы и мы, другие люди, тоже этим жили.

Вклад Лихачева в культуру невозможно переоценить; все мы знаем, сколько сил и труда он вложил в эту работу. После прочтения его «Писем о добром и прекрасном» остается ощущение духовного подъема, наверное, потому, что Дмитрий Сергеевич в своих письмах не только учитель, указывающий на ошибки, но и мудрый наставник, который делится своим опытом и поддерживает нас.

Я думаю, что если рассматривать литературу как совесть, а писателя как проводника этой совести, то нужно отметить и третье лицо — это читатель. Если глухому изо всех сил кричать что-то в ухо, он ничего не услышит, потому что просто физически не может слышать. Слепой не увидит солнца, даже если мы прямо укажем на него. Так и человек без нравственных устоев: он не увидит той «жилки совести», которая бьется в произведениях Булгакова, Пастернака, других наших замечательных поэтов и писателей. Он просто будет глух к этому.

Круговорот этот вечен: мы возрастаем из сказок, былин, которые слышим в детстве от наших мам и бабушек, но мы также растем и для осмысления литературы. Нужно учиться понимать ее. Литература — это не просто текст, написанный автором для нашего развлечения. Литература — это изящная тесьма, сотканная из множества тончайших нитей, одна из которых — культура народа; другая — убеждения, вера; третья — наша история;

четвертая — родина; пятая — мнение автора по какому-либо вопросу, его мысль; шестая — совесть, ответственность перед обществом... Этих нитей очень много, каждый сплетает свой узор. Ведь «литература — это учительство и миссия ее — просветительство, то, что изначально составляет ее сущность».

Л. А. САНКИН: — Спасибо. Победительница конкурса, занявшая 3-е место, учащаяся 11-го класса школы № 51 г. Кирова Елена Прозорова.

Елена ПРОЗОРОВА: — 1930-е годы, как известно, в истории нашей страны были трагическими: это было время массовых сталинских репрессий. Они коснулись и культурной жизни общества. Среди репрессированных деятелей культуры есть имена вятских литераторов, и один из них — человек с красивой итальянской фамилией Франчески Игорь Георгиевич, химик-технолог по образованию, поэт от Бога.

Игорь Франчески ощущал себя поэтом всю жизнь, но бессмысленный, ничем не мотивированный арест с последующими мучениями, унижениями, к сожалению, заставил его почти совсем отказаться от занятий литературой. Данное исследование посвящено его памяти и приурочено к 100-летию юбилею со дня его рождения. Определить приоритеты в раскрытии темы и духовно-нравственную основу работы мне помогли труды Дмитрия Сергеевича Лихачева. Ответы на многие вопросы, возникающие в ходе разработки темы, были найдены в них, что еще раз подтверждает непреходящую актуальность его взглядов.

Тема данной работы перспективна и актуальна, поскольку обращение к судьбе конкретного деятеля позволяет раскрыть проблему негативного влияния тоталитарного режима на судьбы творческой интеллигенции. Над ней работал и академик Лихачев, и она требует дальнейшего обсуждения, изучения и действия. Наша задача — собрать факты, осмыслить их и обнародовать.

Игорь Георгиевич Франчески родился в Вятке в 1907 году, в семье революционеров. Поэзия вошла в его жизнь в 1920-х годах, когда он вступил в литературное объединение «Перевал» и опубликовал свои первые произведения; он выступал с ними на «Перевальских сходках». Становлению его как поэта способствовали и литературные традиции его семьи, а также дружба с Леонидом Дьяконовым и Николаем Заболоцким. Наиболее ярко отражает лейтмотив творчества Франчески стихотворение «Вкус ваших губ...», позвольте мне его прочитать:

Вкус ваших губ я забыть никогда не смогу!
Снега была пелена под ногами бела.
След наш терялся в мохнатом летящем снегу,
Лица укрыла вечерняя тихая мгла.
Вам говорил я, что желтые реки огня
Летом текут у прохладной бегущей воды.
Но золотее блистанья июльского дня
Вечер и ветер, и снега мерцающий дым.
Вам говорил я: не нужно касаться крыла
Бабочки, пестрая пена на пальцах умрет!
Голым и жестким, как тусклый осколок стекла,
Брошенный в воду, ее захромает полет.
Как я ошибся! И вас отстранил от себя,
Мысля сберечь ту жемчужную, светлую пыль
Юности вашей, ее просветленность любя,
Острое чувство мое я тогда притупил.
Как я ошибся! Нельзя и не нужно беречь
То, что для жизни, для траты, что боль или боль!
Высказать нужно порой не созревшую речь,
Трогать и брать, отдавая ценою любой!

Странное слово «любовь» я с тех пор берегу.
В тайной надежде на встречу и жду, и живу.
Может быть, вспыхнет оно, как костер на ночном берегу,
Но вкус ваших губ я забыть никогда не смогу...

Известный русский художник-авангардист Михаил Васильевич Матюшин писал ему в одном из писем: «Стихи, присланные тобой, прямо великолепны по рифме, по аллитерации! Я в восторге! Знаешь, твои стихи меня так волнуют своей значимостью. Из тебя, несомненно, выйдет толк, и ты станешь светить людям и расширять их сознание». Однако его словам не суждено было сбыться. Ведь заниматься литературой в то время было опасно, писать по-настоящему не давали.

И вот наступил роковой 1937 год. Начало фабриковать дело «Литературной группы»... Обвинения, которые выдвигали против вятских литераторов, были чудовищны до нелепости: Акмина, Алдана-Семенова, Дьяконова, Лубнина, Решетникова и других обвиняли в подготовке покушений на Ворошилова, Жданова и самого Сталина; в написании стихов, критикующих советскую власть; в попытке отравления водопровода в городе Кирове. Все обвиняемые были репрессированы. Так возникла «Литературная группа» и многотомное дело «Акмин и др.».

Игорь Франчески был арестован 8 апреля 1938 года. Ия Константиновна, его мать, писала: «В тот день 8-го апреля 1938 года исчез Игорь, веселый, остроумный товарищ, спортсмен и поэт, в стихах которого звучало так много юношеской веры и правды жизни. В тот день, 8-го апреля, ушли и молодость, и беззаботность, ушло творчество, которое освещало жизнь...» Игорь Франчески впоследствии вспоминал: «Сначала я относился к этому даже с некоторым интересом, думал, что не может такого быть, чтобы в наше время арестовали совершенно невинного человека, думал, посижу маленько, потом выпустят. Но это все оказалось намного страшнее, чем я сначала предполагал. Впоследствии ломал голову, как в здравом уме и памяти можно такую штуку делать». Он, как и другие обвиняемые, мужественно перенес всевозможные виды морального и физического воздействия. Освободили его лишь через полтора года за недоказанностью вины.

После событий, которые поэт пережил, он оставил литературу как профессию. Ведь, как говорил академик Лихачев, «для писателя не стоит вопрос, говорить правду или не говорить, для него это значит писать или не писать». И о Франчески его мать писала: «От прежнего Игоря, веселого и жизнерадостного, ничего не осталось, он стал молчаливым, замкнутый. Седая голова, морщины на лице, замкнутость и сдержанность — следы пережитого. Самое страшное в жизни, когда страдает невинный человек. А Игорь ни душой, ни телом не был виновен! Жизнь сурово и несправедливо обошлась с моим сыном». А в 1942 году — новый арест, мобилизация на Урал в трудовую армию.

История его освобождения из лагеря крайне удивительна: поэта освободили по личному приказу Лаврентия Павловича Берии. К литературе Франчески практически не стал возвращаться, после войны новые стихотворения появлялись лишь изредка. У Игоря Георгиевича выросли дети, которых он очень любил, — сын Юрий и дочь Людмила. Они и жена Вера Ивановна были его опорой в последние годы, омраченные слепотой. Стараниями детей и жены уже после смерти поэта, в 2001 году, был издан первый и единственный сборник его стихов.

Исследуя жизненный путь и творчество Игоря Франчески, мы пришли к выводу, что он стойко выдержал все удары советской власти, которые не пошатнули его нравственных устоев, но повлияли на дальнейшую судьбу, подорвав веру в свободное творчество. Ведь, как говорил академик Д. С. Лихачев, «высокие достижения культуры

возможны прежде всего в обществе, где ничто не мешает развитию свободных и талантливых личностей». Вероятно, если бы Игорь Франчески не испытал натиска тоталитарного режима, его талант раскрылся бы в полную силу, его имя заняло бы более достойное место в вятской и российской литературе.

Напрашивается вывод: потрясения в обществе влияют на судьбы людей, порой кардинально меняя их. И нет никакой гарантии того, что в настоящее время невозможны такие критические моменты. Поэтому нужно извлекать уроки из прошлого. «Настает эпоха, когда ошибки перестают быть допустимыми, — писал Д. С. Лихачев, — от ошибок теперь может пострадать все человечество. Будем же учиться на ошибках прошлого, то есть хорошо знать историю, уметь анализировать пройденный путь и ни в коем случае об этом пути не забывать».

Ведь благодаря памяти сохраняются нравственные основы общества, «память — одно из важнейших свойств бытия, любого бытия: материального, духовного, человеческого, — утверждал Д. С. Лихачев, — Благодаря памяти прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим. Память — преодоление времени, преодоление смерти. В этом величайшее нравственное значение памяти». По-этому в настоящее время ведется работа по возвращению имени Игоря Франчески в вятскую литературу. Готовится книга о жизни и творчестве этого замечательного поэта. Мы надеемся, что данная работа привлечет внимание специалистов к наследию Игоря Франчески. Необходимо возродить забытое имя. Спасибо.

Е. П. ЕФИМОВА¹: — Слово предоставляется победителю конкурса, занявшему 3-е место, учащемуся 11-го класса Международного лицея СПбГУП Роману Сагирову.

Роман САГИРОВ: — «Любовь к своей родине — это не нечто отвлеченное; это — и любовь к своему народу, к своей местности, к памятникам ее культуры, гордость своей историей», — это слова известного историка, филолога, видного общественного деятеля Д. С. Лихачева — истинного патриота своей страны. Размышляя над ними, я обратился к трудам ученого, к житиям святых, к стихотворениям православного поэта Евгения Санина, а также к русскому фольклору. Интересно было разобраться, что же в понятии русских людей является истинной доблестью и настоящим мужеством.

Исследованию этого и посвящена основная часть моей работы, состоящая из нескольких глав. Первая глава — об этимологии слов «Русь», «Россия», что в переводе с греческого означает: «спаси», «избавь», «освободи». Далее рассматривается многогранное понятие «русский патриотизм». В чем причина духовного могущества Руси? Любовь к своему народу у русских составляет не только естественную привязанность, но и чувство высоконравственное, добродетель христианскую, так как тот, кто любит свое Отечество, подает лучший пример любви всему человечеству.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский так выразил необходимость любви к Родине: «Помните, что Отечество земное с его церковью есть преддверие Отечества небесного, потому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить... Господь вверил нам, Русским, великий спасительный талант Православной веры».

Интересным для меня оказалось исследование русских былин об Илье Муромце, историческим прототипом которого явился реально существовавший богатырь.

¹ Директор Научной библиотеки им. Д. А. Гранина СПбГУП, кандидат педагогических наук, заслуженный работник культуры РФ.

Это единственный герой русского эпоса, который причислен к лику святых. В образе Ильи Муромца, могучего русского богатыря, внушающего страх врагам, проступают черты истинно православного русского человека. Это не хищник-завоеватель, жаждущий крови, а защитник Родины. Илья Муромец отправляется в Константинополь для защиты православных святых и освобождения города от иноверцев. В образе богатыря наиболее ярко проступают черты патриота, смелого воина, спокойного, хладнокровного «старого казака».

Илья Муромец наделен могучей силой, уверен в себе, всем говорит правду в глаза. Крестьянин по происхождению, он полон достоинства и ни перед кем, даже перед князем Владимиром, никогда не гнет спину. Это защитник Русской земли, заступник вдов и сирот. Большинство былин об Илье — это рассказы о его сражениях с врагами, в которых он всегда одерживает победу. Чувство патриотизма не имеет временных границ. Сегодня оно как никогда актуально. Современный поэт Евгений Санин пишет:

Боже, что творится со страной:
Зло в ней существует без помех!
Что случилось? Что всему виною?
И сказала тихо совесть: «Грех!»

Анализ публикаций в средствах массовой информации показывает, как мало внимания уделяется в газетах и журналах статьям о настоящих героях. А это имеет большое воспитательное значение. Например, Вадиму Абиденко, героически погибшему в Афганистане, было всего 22 года. Он в бою закрыл своей грудью товарищей и спас им жизнь. В честь героя названа школа № 3 г. Арсеньева. 19-летний Евгений Родионов был казнен в Чечне за отказ поменять православную веру на ислам. В настоящее время его почитают как святого. Побольше бы таких статей.

Особое место в моей работе занимает своего рода диалог с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым. Что такое духовность, вечные ценности, патриотизм? В чем заключается несчастье русских людей? Как дальше жить? В чем сила России? На эти вопросы можно найти ответы в трудах великого ученого. На последний вопрос Дмитрий Сергеевич Лихачев отвечает так: «Россия — великая страна. Великая не своими территориями, не военной славой и даже не промышленностью и сырьевыми запасами, а прежде всего своей тысячелетней культурой, давшей миру бессмертные произведения литературы, архитектуры, музыки, изобразительного искусства. Эта «великость» России не может вызвать враждебности к ней. Напротив: великая культура примирительна по своей сути».

Как дальше жить? Лихачев дает мудрый совет: «Нам, русским, необходимо, наконец, обрести право и силу самим отвечать за свое настоящее, самим решать свою политику — и в области культуры, и в области экономики, и в области государственного права, опираясь на реальные факты, на реальные традиции, а не на различного рода предрассудки, связанные с русской историей, на мифы о всемирно-исторической «миссии» русского народа и на его якобы обреченность в силу мифических представлений о каком-то особенно тяжелом наследстве рабства... Нам самим надо отвечать за наше нынешнее положение, мы в ответе перед временем... Если мы сохраним нашу культуру и все то, что способствует ее развитию: библиотеки, музеи, архивы, школы, университеты — если сохраним неиспорченным наш богатейший язык, литературу, музыкальное образование, научные институты, то мы, безусловно, будем занимать ведущее место в Европе и Азии».

Нельзя не согласиться с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым в том, что у нашей великой страны есть будущее.

Еще в своих завещаниях московские князья, заботясь о целостности русской земли, писали: «Свеча бы не угасла...» Николай Васильевич Гоголь, чей 200-летний юбилей недавно отметил наш народ, оставил завещание: «Если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; ... последнее место, какое ни отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем (на благо Отечества) всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни. <...> А не полюбивши Россию, не возлюбите вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, не спастись вам».

В XXI веке поэт Е. Санин с болью в душе пишет:

«Ау, ау!» — кричу тебе, Россия.
Но только эхо волчеет в ответ:
«У!.. — у!..» Кого бы ни спросил я,
Мне говорят: «России больше нет!»
России? Нет?! Да что вы в самом деле!
Вот — Кремль, Урал, Сибирь, Бородино...
«Оно-то так, еще немного в теле
Душа России, — говорят мне, — но...»
И это «но» слепительным ожогом
По сердцу обнаженному прошлошь.
Страна моя, покайся перед Богом!
Доколе нам еще идти с ним врозь?

Е. П. ЕФИМОВА: — Сейчас выступит победитель конкурса, занявший 3-е место, учащийся 9-го класса гимназии № 56 Санкт-Петербурга Альберт Трофимов.

Альберт ТРОФИМОВ: — Моя работа называется «История одной судьбы — верность долгу, народу, Отчизне». Выбранная мною тема является примером духовного и культурного богатства нашей страны, потому что у нас есть такие люди, которые остаются патриотами в жизни и в истории навсегда. В наше время, к сожалению, часто наблюдается проявление кощунства по отношению к истории и памятникам Великой Отечественной войны. Это предательство по отношению к памяти людей, отдавших свои жизни за нашу Родину. Актуальность темы определяется тем, что в работе я стремился показать возможность восстановления незаслуженно забытого, а также продемонстрировать, что у памяти нет срока давности.

Целью моей работы является раскрытие одной, еще мало изведанной страницы истории России, которая заинтересовала не только меня, но и всех, кто слышал о ней. Речь идет о событиях времен Великой Отечественной войны. Главным героем моего повествования стала Ирина Алексеевна Зимнева. Я взял интервью у этой удивительной женщины, которая была очевидцем и участником трагедии в поселке Лычково Новгородской области в 1941 году.

В то время Ирине Алексеевне было два с половиной года, и она жила в Ленинграде с семьей. Когда началась блокада, была организована эвакуация детей из города. По мере продвижения в тыловые части страны поезд постепенно формировался, и когда он приблизился к железнодорожной станции Лычково, налетели фашистские истребители. Они разбомбили эшелон за несколько минут; по некоторым данным, в живых осталось всего 35 человек, среди них — Ирина Алексеевна. Она лежала под завалами, и только на следующий день один деревенский мальчик, Алексей Осокин, увидел ее и спас ей жизнь. В результате ее отправили обратно в Ленинград, где она прожила до снятия блокады.

Лишь через несколько десятков лет, в 2000 году, она вместе с другими активистами, которые также пережили эту трагедию, решила увековечить память детей, погибших тогда, в 1941-м. Они рассказали эту историю жур-

налистам из Москвы, которые в передаче «Доброе утро» по Первому каналу провели прямые трансляции из поселка Лычково. Программу увидел спикер Совета Федерации Сергей Миронов, заинтересовался этой историей и предложил объявить конкурс на создание памятника, чтобы увековечить память погибших детей. В результате в поселке Лычково памятник погибшим детям был установлен.

Если обратить внимание на то, представители каких поколений принимали участие в увековечении памяти, то можно заметить, что современное молодое поколение, к сожалению, оказалось представлено в меньшей степени. Тогда я заинтересовался уровнем патриотизма в нашей стране, провел социологический опрос среди учеников своей школы и выявил следующую статистику. Мной было конфиденциально в письменной форме опрошено 100 человек в возрасте от 13 до 19 лет. Проведенный опрос показал, что около 52 % знают патриотов России, 64 % считают себя патриотами России, 43 % знают героев Великой Отечественной войны. В целом у меня сложилось впечатление, подтвержденное документально, что современная молодежь просто не хочет быть патриотами. Можно было проследить, как по мере взросления (напомню, от 13 до 19 лет) понижается уровень патриотизма.

Некоторые ученики 9-х классов написали свои мнения о том, чем является патриотизм в их жизни. Основной идеей их очерков стала проблема патриотизма современных российских детей. Только 52 % опрошенных знают героев своей страны. Большинство ребят написали имена А. Пушкина, М. Лермонтова и Ю. Гагарина. Это, конечно, хорошо. Но я считаю, что мы должны знать и других наших замечательных сограждан. Ведь сколько еще людей, которые внесли огромный вклад в развитие России и помогли ей победить в Великой Отечественной войне!

Оценивая уровень патриотизма россиян, я могу сказать, что он недостаточен для такой великой страны, как Россия. Многие люди стали жить благополучно и перестали интересоваться историей. «На самом деле, не знать героев нашей страны очень стыдно. Так быть не должно!» — писал один из учеников в своей работе, и я с ним согласен. Считаю, что наше правительство должно предпринять какие-либо действия по повышению патриотизма в России. Это позволит нашей стране выйти на лидирующие позиции в культурных и духовных вопросах.

Некоторые люди, считающие себя патриотами, на самом деле оказываются националистами. Эта проблема также существует в нашей стране... Но благодаря таким конкурсам, международным конференциям и другим подобным встречам мы, современные дети нашего Отечества, можем познать и сохранить истинные духовные ценности. А свое выступление я бы хотел закончить фразой Ивана Сергеевича Тургенева: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас не может без нее обойтись, горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится». Спасибо.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется победительнице конкурса, занявшей 3-е место, учащейся 11-го класса школы № 47 им. Д. С. Лихачева Санкт-Петербурга Маргарите Кутлаевой.

Маргарита КУТЛАЕВА: — Я выбрала тему «Моя школа в 20-е годы XX века». «Любовь к своей Родине — это не нечто отвлеченное; это — и любовь к своему народу, к своей местности, к памятникам ее культуры, гордость своей историей», — писал Д. С. Лихачев в своей книге «Письма о добром» в письме «Еще о памятниках прошлого». С этой мыслью ученого невозможно не согласиться: любовь к своей стране действительно начинается с любви к своему дому, родному городу, школе. Ученикам моей

школы повезло: мы учимся в одном из старейших учебных заведений Санкт-Петербурга, которому в 2008 году исполнилось 150 лет. За годы своей жизни школа прошла все этапы развития системы образования в России.

Материалы по истории учебного заведения, о ее учителях и учениках хранятся в музее истории школы, которому в 2008 году исполнилось 10 лет. А я решила сделать музею, в котором работаю уже пять лет, подарок — работу, цель которой — изучить историю школы 1920-х годов. Что же представляла собой 47-я школа, какой она была? Кто были ее учителя и ученики в то время? Какой была общественная жизнь школы и учебная программа? Этот круг вопросов и стал предметом моих исследований.

В своей работе я даю общую характеристику образовательного процесса и общественной жизни школы, а также рассказываю о выпусках с 1921 по 1929 год. Кроме того, я уделила большое внимание школьному театру. Отдельная, заключительная глава работы посвящена учителям школы 1920-х годов и называется «Лентовка была поразительна по преподавательскому составу». Среди педагогов хочется отметить преподавателя словесности Л. В. Георга, психолога С. А. Алексеева-Аскольдова, математиков М. В. Серкову и П. Ю. Германовича.

Учебная программа и общественная жизнь школы были очень интересны и необычны. Было введено школьное самоуправление, к которому мы вернулись в 2007 году. Была принята школьная конституция, во главе школьных дел встала КОП — Комиссия общественного порядка, а на смену ему пришел ШУС — Школьный ученический совет, активизировалась физкультурная работа. В те годы школа выпустила много учеников, впоследствии прославивших Россию.

Выпуск 1921 года: поэт-обэриут Александр Введенский, поэт Карл Бломквист, геолог Анна Корженевская, музыковед Михаил Друскин. 1923 год: Дмитрий Сергеевич Лихачев. 1924 год: востоковед Михаил Дьяконов, писатели Ольга Невзглядова и Алла Любарская, дирижер Карл Элиасберг, математик Сергей Соболев, биолог Юрий Оленов. 1925 год: химик Виктор Фридман. 1926 год: мастер художественного слова Анатолий Ясинцев, писатель Константин Кунин, писатель-сатирик Владимир Поляков. 1927 год: архитекторы Игорь Мухин и Евгений Лискун, переводчик Валентин Гинзбург. 1928 год: академик-лингвист Агния Десницкая, геолог Владимир Сакс, журналист Анатолий Блатин. 1929 год: геолог Пелагея Гусева.

Что было необычным в этой школе? Почему в такие сложные для страны, города времена она подготовила столь яркую плеяду выпускников? Я думаю, потому, что здесь царил необыкновенная атмосфера взаимопонимания и доверия между педагогами и учащимися, уделялось внимание каждому ученику с учетом его индивидуальности. Каждый учитель по окончании учебного года «видел» каждого школьника: его рост, успехи, как он менялся год от года, как развивался. Значит, ученик для учителя был учитываемой индивидуальностью, личностью. Каждый выпускник, оставивший воспоминания о школе, отмечает необыкновенный, талантливый коллектив педагогов, который работал тогда в школе.

Я думаю, что все ученики школы реализовали себя в жизни потому, что их учили замечательные педагоги, которые, в свою очередь, учились в гимназиях начала XX века и смогли дальше передать свои знания. Тогда здесь были заложены традиции и идеи, которые живут в школе и сегодня.

Здесь нам путевки дали в руки
И мы пошли отсюда в жизнь.
И если кто чего добился,
И если кто сумел кем стать,

Он мыслью к школе возвратился,
Чтобы — спасибо ей сказать.
Учителям и стенам этим,
Нам говорящим о былом,
Мы всем обязаны на свете
Тебе, родимый школьный дом!

В. Поляков, выпускник 1926 года

А выпускница 1924 года О. К. Невзглядова в письме, отправленном в школу ко дню встречи выпускников, пишет: «Ищите талантливых педагогов». И я полностью с этим согласна. В педагогах — наше будущее. Спасибо за внимание.

Е. П. ЕФИМОВА: — Дипломант конкурса, учащаяся 11-го класса Гимназии искусств при Главе Республики Коми г. Сыктывкара Ольга Баженова.

Ольга БАЖЕНОВА: — «Любовь к своей Родине — это не нечто отвлеченное; это — и любовь к своему народу, к своей местности, к памятникам ее культуры, гордость своей историей», — это слова Дмитрия Сергеевича Лихачева. Сегодня, «когда малое становится большим, а великое — ничтожным, происходит переоценка ценностей в общечеловеческих масштабах». В настоящее время у многих людей основной целью являются материальные блага. Это губительно для основы человека — духовности. «А в чем самая большая цель в жизни? Я думаю: увеличивать добро в окружающем нас», — так говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев. Быть добрым — это значит любить свой народ, свою местность, памятники ее культуры, гордиться своей историей. Иначе говоря, любить свою Родину.

В данном выступлении я хочу глубже раскрыть одну из тем моего сочинения: «Любовь к своей Родине — это не нечто отвлеченное». Нашу любовь к Родине мы доказываем действительно, в краеведении. «А краеведение как раз и воспитывает живую любовь к родному краю и дает те знания, без которых невозможно сохранение памятников культуры на местах». Краеведение — наука от сердца, где мы не можем солгать себе и другим в чем-то. Это значит солгать Родине, народу, будущим поколениям.

Идея Дмитрия Сергеевича Лихачева о пользе и необходимости краеведения активно развивается в нашей гимназии. Мы, учащиеся и учителя, а вместе с нами и научные сотрудники Института языка, литературы и истории Коми Уральского отделения РАН, Центра фольклорных исследований Сыктывкарского государственного университета, журналисты, собираем фольклорный и этнографический материал. Записываем его на цифровые носители с соблюдением диалектных особенностей, расшифровываем, составляем реестры.

Мы пишем работы по материалам полевых исследований. То есть являемся не только созерцателями и слушателями, но и аналитиками. Например, мы с моим научным руководителем Лидией Яковлевной Зварич исследовали судьбу Тихона Степановича Подорова (1905 г. р.), местного юрдового нашей и окрестных деревень, в контексте советской истории и открыли ранее нигде в коми литературе не освещенное явление юродства. Мы опросили 25 информантов из деревень, собрали более 80 фольклорных текстов о нашем герое, нашли дату его рождения и смерти в метрической книге Онежской церкви, хранящейся в Национальном архиве Республики Коми. Эта работа в 2008 году заняла третье место на Всероссийской молодежной конференции «Шаг в будущее».

За четыре года учебы в гимназии мне посчастливилось участвовать в пяти экспедициях. Это школа юного

фольклориста в селе Пажга Сыктывдинского района, посвященная коми фольклористу, литературоведу А. К. Микушеву (2006); экспедиция-паломничество «По следам Стефана Пермского» (2006); учебная фольклорно-этнографическая экспедиция в село Мыелдино Усть-Куломского района (2006); этнокультурная экспедиция «Рёд вуж» («Родственные корни») в Ханты-Мансийский автономный округ, в этнокультурное стойбище «Нумсанг Ех» («Мыслящие люди», 2007); этнокультурная экспедиция «Ерта кар» («Город друзей») в Коми-Пермяцкий округ Пермского края (2008). И я бесконечно благодарна этим экспедициям за то, что они помогли мне открыть всю глубину и неповторимость одного из самых величайших творений мира — моего родного народа.

В каждой деревне, в каждом доме нас встречали доброжелательно, открыто. «Я знал на Русском Севере крестьян, которые были по-настоящему интеллигентны. Они соблюдали удивительную чистоту в своих домах, умели ценить хорошие песни... были гостеприимны и приветливы», — нашли мы подтверждение нашим словам в книгах Д. С. Лихачева. После экспедиций в разные районы я поняла, что и в моей деревне есть уникальные бабушки и дедушки. Я стала собирать фольклорный материал во всех окрестных деревнях, а их 13 на нашей Коквицкой горе. Там живут удивительные люди, которые верят старинным преданиям.

Мы, гимназисты, побывали и в Ханты-Мансийском автономном округе: на летнем и зимнем стойбищах оленеводов Каневых и Прокопьевых, в поселке Казым, в деревне Хуллор. Меня поразили ханты. Они до сих пор язычники, поклоняются богам природы. Такому уважению к природе стоит поучиться всему человечеству. Они знают хантыйские молитвы, а значит, уважают своих предков. Они обожают свою Родину. Любят ее молчаливой и суровой любовью, о которой не говорится, но которая ощущается почти физически. Они чувствуют природу образами. Ханты сохранили многие черты древнего финно-угорского народа. Они сильны и выносливы, миролюбивы и открыты новому, доверчивы. Они живут природой. И нам нужно учиться у них тому, что мы потеряли в индустриальном XX веке, — **безоговорочному и не жаждущему выгоды почитанию природы.**

В 2006 году мы участвовали в экспедиции-паломничестве «По следам Стефана Пермского». Мы прошли весь путь миссионера, крестившего Коми край: от города Великий Устюг, в котором он родился, до Усть-Вьмы, городка сосредоточения христианства в Коми. Мы ощутили родство с человеком, который определил вхождение Коми края в состав Руси. На сегодняшний день в республике бытуют разные мнения о Стефане Пермском. Одни восхваляют его за то, что он создал коми азбуку, «оцивилизовал» «темный» коми народ. (Коми азбука была создана в XIV в.) Другие проклинают, потому что он насильственно изменил мировоззрение коми человека. Если раньше коми были язычниками, то теперь им приходилось становиться христианами. А для меня Стефан Пермский — явление, принятое моим миролюбивым и мудрым народом.

Важно не разжигать в своем сердце ненависть национализма, ибо «национализм — это проявление слабости нации, а не ее силы». Дмитрий Сергеевич увидел и расшифровал эту важнейшую современную проблему много лет назад. И до сих пор эта расшифровка не утратила своего значения, поскольку в ней — необходимая человечеству сила. Сила мудрости, способная решить большинство проблем. Если мы не хотим гибели народов, то будем помнить эти слова: «Национализм — это самое тяжелое из несчастий человеческого рода». Краеведение же — уникальная возможность доказать любовь к своей Родине.

Я бесконечно благодарна гимназии, моим педагогам за то, что они не рассуждают о Родине абстрактно, не просто рассказывают о хрестоматийных судьбах. Они помогают нам впитать в себя всю нашу Родину в ее цельности и уникальности, воспитывают в нас чувство «нравственной оседлости», ответственности перед прошлым и будущим. А дальнейшая судьба нашей Родины зависит от нас. Главное — «не отступить, чтобы все решения шли прямо от сердца», «ведь все начинается с человека», — это завещание Д. С. Лихачева мы стараемся воплощать в жизнь. Спасибо.

Е. П. ЕФИМОВА: — А сейчас слово предоставляется дипломанту конкурса, а также координатору регионального конкурса «Идеи Дмитрия Лихачева. Наши корни», учащемуся 11-го класса средней общеобразовательной школы им. А. С. Пушкина г. Вильнюса (Литовская Республика) Арсению Яковлеву.

Арсений ЯКОВЛЕВ: — Уважаемые участники форума! Я выбрал темой своей работы память, потому что на сегодняшний день эта проблема как никогда актуальна в мире, и особенно в Европе. Многие забывают, что память — это наша история, а изучение истории не даст обмануться ловко подброшенной «уткой», позволит вовремя разглядеть эволюцию страшных болезней, бед и трагедий человечества. Читая размышления Д. С. Лихачева «О памяти»: «Память — одно из важнейших свойств бытия, любого бытия: материального, духовного, человеческого...», понимаешь, что это одна из общих особенностей, присущих живому и неживому миру. И одна — отличающая от мертвого мира и от животного существования.

Как точно определено в работе академика Д. С. Лихачева, все вокруг обладает памятью. Но только человеческая память «...вовсе не механична. Это важнейший творческий процесс: именно процесс и именно творческий. Запоминается то, что нужно; путем памяти накапливается добрый опыт, образуется традиция, создаются бытовые навыки, семейные навыки, общественные институты... Память противостоит уничтожающей силе времени. Это свойство памяти чрезвычайно важно».

Одухотворение Вселенной — вот она, высочайшая цель человечества. Но человек об этом не всегда помнит. Люди смертны. Что остается, когда постепенно уходят люди, живущие на Земле? На этот вопрос существует лишь один ответ: общая историческая память. Так память возвращает последующим поколениям дела предков, открывает для людей новые горизонты. Выработанные предшествующими поколениями правила, опыт в целом определяют жизнь потомков на долгие века. Дела и поступки человеческие обращены к совести, которая является неотъемлемой составляющей памяти. Она — критерий человеческих поступков. Люди, чья духовность высока, выходят победителями — есть пример академика Дмитрия Сергеевича Лихачева.

Историческая память является показателем нравственности общества. А общество, отказывающееся помнить свое прошлое, искажающее его, заведомо обречено на беспомытность, аморально и безнравственно. Это страшная болезнь, ведущая к постепенной деградации общества, к гибели цивилизации. Поэтому в противостоянии разрушительным силам природы и общества, злым страстям, распаду, ненависти спасет память — «основа совести и нравственности, основа культуры, “накоплений” культуры, основа эстетического понимания культурных ценностей». «Хранить память и беречь — это наш нравственный долг перед собой и перед потомками. Память — наше богатство», — сегодня эти слова Д. С. Лихачева звучат как наказ ныне живущим и будущим поколениям.

Общая историческая память — барометр нашей жизни. Именно поэтому тема исторической памяти так актуальна сегодня в становлении новых государств, возникших после распада СССР. В желании избавиться от прошлого в Прибалтике выбраны не лучшие способы, такие как выкапывание останков из могил, перенос памятников, строительство бизнес-объектов на местах бывших захоронений, концлагерей, гетто, переписывание истории. Пробелы в истории заполняются мифами.

Сейчас, в начале XXI века, кажется, что весь мир стал забывать о том, что такое фашизм. Идеология, в основе которой лежат «закон джунглей», слепой фанатизм, жажда наживы за счет другого — «инородца», «недочеловека», «раба», и принцип «человек человеку — волк», стала господствующей в 1990-е годы в странах Балтии. Это обыкновенный фашизм. Людей, живущих вместе столетиями, о чем свидетельствуют литовские Метрики, изданные к 1000-летию со дня первого письменного упоминания Литвы, разделили по национальному и другим признакам на «граждан» и «неграждан», заставляют забыть родной язык, выгоняют из тех мест, где они живут с рождения.

И здесь невозможно не обратиться к истории, к годам нацистской оккупации, когда людей делили на «пригодных» и «непригодных для германизации», на «арийцев» и «неарийцев», на «сверхчеловеков» и «недочеловеков», а вместо латвийского, эстонского, литовского, русского вводили немецкий язык. Бывшие полиция и легионеры, сражавшиеся под знаменами Третьего рейха, сегодня в Прибалтике герои «борьбы за независимость» против большевизма. Теперь их чествуют, им воздвигают памятники. Но так ли это было на самом деле? Почему «прибалтийские борцы за независимость» не сражались против фашизма бок о бок с партизанами, несмотря на идейные разногласия, как это было в оккупированной Франции?

Бороться с мифами можно только с помощью фактов. И если мы сегодня позволим подменить историю мифологией, трагедия может повториться. Почему вытравляют память об освободителях Европы от «коричневой чумы»? Кому и зачем нужны беспамятные? В книге «Прибалтийский фашизм» историка М. Ю. Крысина прослеживается эволюция прибалтийского фашизма с довоенных времен до наших дней. Историк предлагает задуматься над вопросом: «Чем, если не фашизмом в действии, можно назвать “борьбу за независимость” под знаменем Третьего рейха латвийских, эстонских и литовских полицейских и легионеров?»

Из исследования можно узнать истинную историю рождения прибалтийского фашизма, становления «демократии» под свастикой; в нем изложены подтвержденные документами планы фашистов в отношении Прибалтики, описана теория и практика народовбивства. Приведены страшные свидетельства кровавой вакханалии первых дней фашистской оккупации, при чтении которых испытываешь озноб. Описаны «хозяева» — заказчики прошлой и нынешней политики в Прибалтике.

Очернительство с целью «избавления от проклятого тоталитарного прошлого» Отечественной войны и десятков миллионов ее живых и мертвых участников как явление отчетливо обозначилось еще в 1992 году, сразу после распада СССР. Люди, пришедшие затем к власти, не ценящие свою культуру, не любящие свое Отечество, мелкие и завистливые, убежденные в необходимости вместе с семью десятилетиями истории Советского Союза вывернуть историю наизнанку, готовы были забыть и величайшую в многовековой жизни России трагедию — Великую Отечественную войну.

Именно они при посредничестве и материальной поддержке зарубежных консультантов и советчиков стали от-

крыто инициировать и финансировать фальсификацию событий и обвинение во всех грехах не только сталинского режима и его руководящих функционеров, но и рядовых участников войны — солдат, сержантов и офицеров. Так сегодня стала возможна фальсификация истории.

В книге М. Ю. Крысина ясно звучит предостережение сегодняшнему и будущему поколению: «Спешите, бойтесь опоздать разглядеть обыкновенный фашизм сегодня, он жив». Историк призывает тщательно изучать историю, бережно хранить ее, помнить о той трагедии и ее жертвах, помнить истинных заказчиков и бывших хозяев и их потомков, стремящихся вернуть свое имущество и одновременно прибрать к рукам имущество своих соплеменников, поживиться за чужой счет.

Приведу один пример. Недавно на выделенные Европарламентом средства латвийский режиссер Эдвинс Шнере снял фильм пропагандистского содержания. Цель фильма — внушить европейскому зрителю неадекватные представления о размахе сталинских репрессий, представить Советский Союз как аналог нацистской Германии, а современную Россию — как неонацистскую страну. Фильм «The Soviet Story» не имеет ничего общего с исторической документалистикой. Авторы картины используют большое количество фальшивых документов, неприкрытую ложь и манипуляции видеорядом для обоснования пропагандистского тезиса о «преступности» Советского Союза.

Эта попытка является грубым искажением фактов, препятствующим объективной оценке событий мировой истории XX века в целом и событий Второй мировой войны в частности. Очевидно, таким образом авторы и заказчики фильма пытаются отвлечь внимание Европы от страшных преступлений, совершенных находившимися на службе у гитлеровцев латышскими нацистами. А также скрыть неоспоримый факт, что в современной Латвии идет ползучая реабилитация нацистских преступников, возведение их в ранг «героев» независимых государств, массово и систематически ущемляются права так называемых «неграждан», преимущественно русских по национальности.

Кроме того, отдельные эпизоды фильма способствуют разжиганию межнациональной розни. Фильм «The Soviet Story», активно поддерживаемый официальными властями Латвии и Европарламентом, является показательным примером пропагандистской лжи. Зрителю обещают рассказать правду о «преступлениях коммунистического режима», а на самом деле навязывают ложь, одобренную большим числом поддельных документов, манипуляцией и демагогией времени холодной войны.

Расчет латвийских политиков прост: обычный европеец, плохо разбирающийся в истории далекой России, содержащихся в фильме фальсификаций не заметит, а профессиональные историки предпочтут не связываться с заведомой пропагандой. Если же прозвучит обстоятельная критика, ее всегда можно будет объяснить «заказом Кремля». Латвийские власти, откровенно фальсифицирующие историю, играют в опасную игру. Им кажется удачной идея травмировать сознание латышских и европейских школьников кадрами с грудями трупов и внушать, что это — результат существования Советского Союза. Когда дети подрастут, они станут ненавидеть Россию.

Еще раз хочется повторить: «Хранить память, беречь память — это наш нравственный долг перед собой и перед потомками. Память — наше богатство». Какова сила слов этого завещания! Знать и помнить для того, чтобы больше никогда не повторялись те времена, когда уничтожалась человеческая память. Необходимо помнить прошлое. Распад цивилизации начинается с уничтожения человеческой памяти. Фашизм начинался с уничтожения памятников культуры, лучших литературных произведений.

Если не помнить, то человеческая память превращается в забвение, а «забвение, — писал преподобный Исаия Отшельник, — и есть родительница всего худого и разорительница того, что каждый час созидает в себе человек». Именно об этом мне хотелось сказать своим соотечественникам.

Е. П. ЕФИМОВА: — Предоставляю слово дипломанту конкурса, учащейся 11-го класса средней школы г. Старицы Тверской области Юлии Шляковой.

Юлия ШЛЯКОВА: — Эпиграфом к моей работе стали слова Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Любовь к своей Родине — это не нечто отвлеченное; это — и любовь к своему народу, к своей местности, к памятникам ее культуры, гордость своей историей». Рассуждая о людях, испытывающих высокие чувства к Родине, я вновь задаюсь вопросом: почему их с каждым годом становится все меньше? Кто-то уезжает за границу, кто-то неуважительно относится к памятникам культуры, не изучает и не знает истории своей страны. Возможно, у каждого на то своя причина. Осуждать этих людей я не буду, а попытаюсь их понять.

Назваться патриотом может каждый, а вот проявить себя в нестандартной ситуации, показать себя человеком, переживающим за свое Отечество, удастся, увы, не всем. Замечательно сказал Дмитрий Сергеевич Лихачев в 43-м письме «Еще о памятниках прошлого»: «К патриотизму нельзя только призывать, его нужно заботливо воспитывать — воспитывать любовь к родным местам, воспитывать духовную оседлость». Любовь к Родине должна быть такой же, как любовь к близкому человеку — бескорыстной, свое Отечество нужно просто любить, заботиться о его достоинстве.

Известно, что Родину не выбирают, так же как не выбирают родителей. То, что нам предназначено свыше, никто не может и не вправе изменить. «Памятники культуры принадлежат народу, и не одному только нашему поколению. Мы несем за них ответственность перед нашими потомками. С нас будет большой спрос и через сто и через двести лет», — это слова Дмитрия Сергеевича Лихачева. Действительно, если мы не будем охранять богатейшее культурно-историческое наследие российского государства, то вскоре потеряем свое значение как народ, утратим свой менталитет и духовность.

Когда человек отказывается охранять богатства своей страны, он отступает от самой Родины, от всего, что принадлежит его народу. Как отмечают исследователи, историческое достоинство народа и отдельного человека измеряется его культурой, любовью к Родине, честностью и мужеством перед собственной историей.

Любовь к Родине — это любовь не только к ее историческому прошлому, памятникам культуры, но и к природе. Природа живет по своим законам. Как и общество, она имеет составные элементы, порядки, правила. Общество и природа находятся во взаимодействии с тех пор, как человек появился на Земле. Прекрасно сказал по этому поводу Дмитрий Сергеевич Лихачев: «Природа по-своему “социальна”. “Социальность” ее еще в том, что она может жить рядом с человеком, соседствовать с ним, если тот в свою очередь социален и интеллектуален сам, бережет ее, не наносит ей непоправимого ущерба, не вырубает лесов до конца, не засоряет рек...»

Чтобы быть настоящим патриотом, научиться любить страну, необязательно только совершать подвиги. Любое большое дело начинается с малого. Нужно начинать с самопознания, с разгадки тайных уголков своей души, тем самым укрепляя в себе чувство патриотизма. Мне кажется, нет ничего сложного в том, чтобы не мусорить, не

ругаться, не оскорблять окружающих. Таким образом, вскоре маленькие дела незаметно перерастут в большие. Совершая добрые поступки, человек перевоспитывается, и в конце концов ему становится приятно делать добро людям. Улыбка, приветливость и пара добрых слов всегда победят в обществе негатив и все, что его порождает.

Конечно, одному человеку не справиться с большими проблемами, поэтому для формирования высокоразвитого, духовного общества нужно развиваться каждому. А возможности предоставит сама жизнь. Когда мы говорим о всеобщей волне патриотизма, то вспоминаем не только войну, достаточно привести пример Олимпийских игр или чемпионата мира по футболу. Что, как не общие переживания, более всего сплачивает людей. В это время все становятся патриотами, даже тот, кто не увлекается футболом, подсознательно переживает за страну. Ведь Родина находится внутри человека, в его чувствах, переживаниях. Родина должна быть своей, иначе она потеряет значение для человека. В свою очередь, он должен не разрывать связей с ней. Вот что по этому поводу говорил академик Лихачев: «Не будет корней в родной местности, в родной стране — будет много людей, похожих на степное растение перекати-поле». Спасибо за внимание.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется дипломанту конкурса, учащейся 11-го класса гимназии г. Тобольска Тюменской области Юлии Тычинских.

Юлия ТЫЧИНСКИХ: — Тема моего сочинения — «С чего начинается Родина...» Два века тому назад великий русский поэт А. С. Пушкин сказал: «Два чувства равно близки нам, / В них обретает сердце пищу: / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам...» Несколькими иначе о том же чувстве сказал другой великий россиянин Д. С. Лихачев: «Любовь к своей Родине — это не нечто отвлеченное; это — и любовь к своему народу, к своей местности, гордость своей историей». Но, несмотря на то что они описывали его по-разному, каждый отмечал, как важно это чувство — любовь к Родине.

С чего начинается Родина? Что лежит в основе любви человека к ней? Наверное, никто из наших соотечественников не говорил об этом больше, яснее и глубже, чем Д. С. Лихачев. Тема Родины в разных аспектах присутствует во многих его работах. В них отражается глубинное понимание сути жизни, накопленная многовековая человеческая мудрость, межпоколенная связь. Говоря о Лихачеве, часто употребляют слова «ученый», «мыслитель», «академик», но, по-моему, он прежде всего мудрец, излагающий глубинные основы человеческого бытия простыми, ясными словами. Читая его книги, как будто пьешь воду из чистого и глубокого источника человеческой мудрости...

Д. С. Лихачев различает понятия «патриотизм» и «национализм». В современной России существует крайность, которая иногда выдается за «любовь к Родине». Я имею в виду скинхедов. Прикрываясь лозунгом «Россия для русских», они совершают античеловеческие преступления. Да, они осознают себя русскими, имеющими исключительное право жить в этой стране, ходить по этой земле, но другим они отказывают в такой возможности и часто переступают общечеловеческие нормы, подобиаясь германским нацистам. Они забывают, что Россия является Родиной для сотен народов, живущих в ней, и, возможно, деды сегодняшних бритоголовых «русских» в Великую Отечественную войну, отстаивая независимость нашей Родины, сражались плечом к плечу с дедом таджикских или чеченских ребят, которых они сегодня преследуют.

Субкультура скинхедов — одно из ярчайших проявлений национализма, о котором Д. С. Лихачев писал, что это «проявление слабости нации, а не силы». С глубокой

болью академик говорит, что «несмотря на все уроки XX века, мы не научились по-настоящему различать патриотизм и национализм. Зло маскируется под добро». Как это ярко проявляется сегодня, когда в республиках Прибалтики вчерашние фашисты становятся героями, отстаивавшими национальные идеи, а советские солдаты, освободившие Прибалтику, как и всю Европу, от нацистского ига, превращаются в общественном мнении в захватчиков и поработителей; когда в этих странах запрещается преподавание русского языка, родного для многих прибалтийских жителей!

«Великий народ, народ со своей большой культурой, со своими национальными традициями, обязан быть добрым, особенно если с ним соединена судьба малого народа. Великий народ должен помогать малому сохранить себя, свой язык, свою культуру», — говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев. Самое удивительное, что этого человека, писавшего, что «можно только радоваться, живя в стране, где встречаются и сходятся самые различные народы — различные по обычаям, культурным традициям и национальному характеру...», обвиняли в национализме. Думается, это происходило потому, что, будучи глубоко русским человеком, Лихачев был настоящим патриотом своей Родины, который профессионально занимался историей и культурой родного народа и стремился все свои силы и знания направить на развитие и обогащение русского языка, русской литературы, русской истории и в целом русской культуры. Поэтому находились люди, видевшие только эту сторону в творчестве и личности Лихачева — любовь к русскому.

Пропасть, отделяющая взгляды академика от национализма, очевидна, потому что он в своих трудах не умалчивал о мрачных страницах российской истории и безоговорочно осуждал ее жестокости от Ивана Грозного до Сталина. Он признавал достижения Петра Великого, но порицал бесчеловечность его царствования. Однако как истинный русский, как человек, глубоко любящий свой народ и культуру, Лихачев понимал и уважал культуру других народов. Человек, который любит свою Родину, должен стремиться узнавать о ней как можно больше, исследовать ее историю и быть ее достойным соучастником.

Дмитрий Сергеевич говорит и о неразрывной связи между большой и малой родиной, и, по его мнению, наукой, воспитывающей любовь к Родине, является краеведение. Я считаю, что любовь к своей Родине должна воспитываться с самого раннего детства. У каждого человека со словом «Родина» ассоциируется что-то свое. Для меня это, конечно же, Россия... Моя малая Родина — это Тобольск, город, где я родилась, где прошло мое детство... Здесь родились многие замечательные люди: великий ученый Д. И. Менделеев, знаменитый писатель-сказочник П. П. Ершов, художник В. Г. Перов, композитор А. А. Алябьев и многие другие. Но не все имена выдающихся тобольяков известны за пределами Тобольска или Сибири. Один из них — Семен Ульянович Ремезов, которого ставят в один ряд с такими выдающимися деятелями, как Леонардо да Винчи. И не зря — ведь он создал белокаменный кремль, написал «Историю Сибирскую», «Чертежную карту Сибири». Он был картографом и историком, иконописцем и строителем, этнографом и архитектором. Однако именно прославление «счастливой и красочнейшей» Сибири — центральная тема трудов С. У. Ремезова, созданных, по словам ученого-самородка, «всенародному зрению нескрытно» и служащих «ко утешней всенародной пользе». Для нас творчество С. У. Ремезова является предметом гордости и примером служения Делу и Отечеству.

Так с чего же начинается Родина? Как бы коротко сформулировал ответ наш великий соотечественник? Прочитав произведения Лихачева, познакомившись с его

творчеством, я думаю, он бы сказал: с любви — к матери, своему народу, своему городу, стране, Земле, на которой живем. С любви действенной и ответственной. Спасибо.

Е. П. ЕФИМОВА: — На трибуну приглашается дипломант конкурса, учащийся 10-го класса Вятского технического лицея Кировской области Андрей Безденежных.

Андрей БЕЗДЕНЕЖНЫХ: — На дворе XXI век, со дня смерти Дмитрия Сергеевича Лихачева прошло девять лет, но даже за эти годы его наследие не было изучено и оценено в должной мере. Дмитрий Сергеевич писал о вечных ценностях, которые не могут быть забыты. Но, к сожалению, в наше время происходит смена ценностей, теряются нравственные ориентиры, разрушается главное условие жизни общества — культурная среда, а следовательно, и сам человек. Если не позаботиться о духовном оздоровлении общества уже сейчас, то будущего у нас может и не быть. Ведь неслучайна пугающая статистика, демонстрирующая рост самоубийств, наркомании, алкоголизма. Иные покидают нашу страну в поисках более здоровой и культурной жизни.

Академик Лихачев больше всего любил Россию и был ее настоящим патриотом; почти все его труды так или иначе связаны с формированием национального самосознания российского народа, с пониманием места и роли российской цивилизации в мировой истории. Таким образом, сегодня немаловажным и актуальным является патриотическое воспитание молодых граждан России, на что неоднократно обращал внимание Дмитрий Сергеевич. Не только гражданственность и патриотизм были его отличительными чертами — он являет собой пример беззаветного подвижничества, незаметного героизма, удивительной целеустремленности.

На вопрос о том, что он считает главным делом своей жизни, Лихачев отвечал: «Возрождение интереса к семи векам древнерусской литературы». И эту задачу он выполнил. Дмитрий Сергеевич как-то вспоминал, что когда он пришел на семинар по древнерусской литературе, то слушателей было всего двое. Сейчас же работают крупные центры изучения древнерусской литературы в Санкт-Петербурге (Пушкинский Дом), Новосибирске, Москве, Ярославле, Сыктывкаре.

В новое время и в новой России он признался в своих воспоминаниях, что «обратился к исследованию русских древностей потому, что хотел удержать образ классической России, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери, удержать, чтобы потом рассказать друзьям о величии ее мученической жизни». И его заслуга в изучении и пропаганде древнерусской литературы неоспорима. Возвращение народу памяти о семи веках — его патриотический подвиг.

Я думаю, со школьных лет каждому известна книга Д. С. Лихачева «Письма о добром и прекрасном». Особо ценными в ней являются тексты, посвященные охране памятников искусства. Как известно, Дмитрий Сергеевич придавал сохранению национального наследия первостепенное значение. «Тот, кто не любит памятники истории своей страны, — не любит свою страну», — писал он. Обеспокоенность академика понятна — многие памятники старины находятся в катастрофическом состоянии, и государство не всегда уделяет должное внимание этой проблеме. Для многих памятников культуры начинается «новая жизнь» в виде корпоративных резиденций, частных дач, элитных отелей и т. д. Спасти уникальные памятники архитектуры один человек не в состоянии, но все же заслуга Дмитрия Сергеевича Лихачева в этом деле неоспорима: он спас от бездумной реконструкции уникальный ансамбль своего родного Петербурга.

Таким образом, уважительное отношение к памятникам — это уважение к людям, любовь к ним, и сохранение исторической памяти. Как утверждает Дмитрий Сергеевич Лихачев, «не будет корней в родной местности — в стране будет много людей, похожих на степное растение перекати-поле». Я же не желаю быть «степным растением перекати-поле», поэтому мне безразлична история моего города Кирова.

Хотя наш город провинциальный, у нас есть удивительные памятники истории и архитектуры; их насчитывается более 3,5 тысяч. Я с уверенностью могу сказать, что правительство Кировской области внимательно и заботливо относится к нашим памятникам истории. Перспективное направление развития культуры Кировской области на период до 2020 года предполагает обеспечение сохранности историко-культурного наследия, в частности, предусматривает большой объем реставрационно-восстановительных работ.

Дмитрий Сергеевич оставил нам огромные ценности: 600 научных и почти 500 публицистических работ, десятки книг, переведенных на разные языки, и все они — о России, родном языке, духовности. Работы Лихачева обогащают нас не только приобщением к прошлому, но и правильным отношением к настоящему. И это во многом предопределяет наше будущее. Таким образом, знакомство с наследием Дмитрия Сергеевича Лихачева для меня не заканчивается этой работой; в его творчестве затронуты и другие серьезные проблемы современности: любви и чести, совести, милосердия. Дмитрий Сергеевич открыл нам окно в будущее, как когда-то открыл окно в Европу Петр I.

Нужно не просто говорить, необходимо действовать: чтобы достичь великого, надо начинать с малого, как говорил Дмитрий Сергеевич Лихачев. Поэтому, прежде чем осуждать общество за безнравственность и вандализм и призывать кого-то к действиям по сохранению культурного наследия России, я начну с самого себя, а потом, возможно, за мной пойдут и другие. И кто знает, может, тогда нам удастся открыть окно в светлое будущее России. Спасибо за внимание.

Е. П. ЕФИМОВА: — Слово предоставляется дипломанту конкурса, учащейся 11-го класса Политехнической гимназии г. Нижнего Тагила Свердловской области Дарья Глухой.

Дарья ГЛУХОВА: — Я хотела бы представить вам основные мысли моей работы на тему «Любовь к родине». Человек-символ — эти слова по праву относятся к Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Среди окружавших его ужасов эпохи он умел видеть и запоминать доброе и прекрасное, и именно это позволяло ему испытывать радость, делало его счастливым. Так что же такое счастье? Что заставляет наши сердца биться в сто крат сильнее? Из-за чего мы можем часами улыбаться, говорить об этом вспыхнувшим чувстве? Ответ один — любовь... Она бывает разная: любовь к близкому человеку, к работе, есть любовь к музыке и кино, а есть особая, ни на что не похожая любовь к Родине. Она начинается с малого: с любви к своей семье, дому, улице, городу...

Я считаю, что эта тема сегодня актуальна, так как нужно воспитывать в молодом поколении чувство гордости за свою Родину, уважение к прошлому. Не следует забывать и о памятниках истории и архитектуры, о музеях — ведь уничтожив прошлое, мы не сможем построить нормального будущего. Если наши дети не будут знать, как выглядит государственный флаг и герб, как звучит наш гимн, то о каком гражданском и патриотическом воспитании и уважении к Родине можно говорить? Если я считаю моей

родиной Россию, то это означает, что я по-русски говорю и думаю, по-русски пою и люблю; что я верю в духовные силы русского народа и принимаю его историческую судьбу.

Родина священна; ею надо жить и за нее стоит бороться. Отречение от нее губительно. Если все народы будут так чувствовать и поступать, то они научатся чтить и любить друг друга. Для меня семья — это первая родина, а большая Родина есть великая национальная семья. Кто гасит любовь в своей стране, тот оставляет после себя одну разрушительную ненависть. Я считаю, главное, что нужно сейчас России, — это умение любить по-настоящему.

В книге Д. С. Лихачева «Письма о добром и прекрасном» есть простые и понятные слова, обращенные ко всем нам: «Если вы возьмете всю нашу страну, вы удивитесь разнообразию и своеобразие городов и хранящейся в них культуры: в музеях и частных собраниях, да и просто на улицах, ведь почти каждый старый дом — драгоценность. <...> Сохранить разнообразие наших городов и сел, сохранить в них историческую память, их общее национально-историческое своеобразие — одна из важнейших задач...»

Забота о своей культуре — дело каждого. Вновь обращаюсь к книге академика Лихачева: «Мы не должны возлагать полную ответственность за небрежение к прошлому на других или просто надеяться, что сохранением культуры прошлого занимаются специальные государственные и общественные организации и “это их дело”, не наше. <...> Каждый человек обязан знать, среди какой красоты и каких нравственных ценностей он живет». И еще Дмитрий Сергеевич говорил: «Если нет этого идеального образа в какой-либо местности, то нет и красоты».

Конечно, пышность, традиционность, уют в каждом случае свои, особые, поэтому-то и городов много. Хуже всего, если архитектор, строя новое здание, не сумел уловить «образа красоты» окружающей местности. Не буду ходить далеко и приведу пример своего города — Нижнего Тагила. В его архитектурном образе воплощены три столетия. В городе есть сооружения заметные, громкие (например, главная улица города — проспект Ленина); есть строгие, скромные, а есть модные и «легкомысленные».

Но, несмотря на внешнюю несхожесть сооружений, прогуливаясь по улицам Нижнего Тагила, невольно отмечаешь, что они соотносятся с двумя главными направлениями в архитектуре — романтическим и рационалистическим, которые и формировали основные стили в искусстве. И понимаешь, что наш город в своем облике, словно в зеркале, «отразил многие грани кристалла российского зодчества».

«Чтобы сохранить памятники культуры, необходимые для “нравственной оседлости” людей, мало только платонической любви к своей стране, любовь должна быть действенной», — заметил Д. С. Лихачев. Мы живем в XXI веке; это «сумасшедший век», время новых технологий и производств. Меняются взгляды на жизнь, по-другому воспринимаются мысли и чувства. А как же быстро течет сама жизнь! Повсюду история, памятники, которые должны пробуждать в нас интерес к прошлому, но у нас нет на это времени...

Д. С. Лихачев говорил: «Мы не храним старину не потому, что ее много, не потому, что среди нас мало ценителей красоты прошлого, мало патриотов, любящих родную историю и родное искусство, а потому, что слишком спешим, слишком ждем немедленной “отдачи”, не верим в медленные целители души». Я думаю, что каждый человек обязан принимать посильное участие в сохранении культуры — этого истинного «целителя души».

В своей работе я попыталась показать, что любовь к родине может проявляться по-разному, в совершенно

разных областях. Чтобы быть счастливым, нужно понимать то место, где ты родился, знать его историю, памятники культуры. Не зная своей родины, человек не может развиваться ни культурно, ни духовно, он не может по-настоящему любить, сопереживать. Ему просто скучно жить, потому что у него нет цели в жизни. Д. С. Лихачев много сделал для нашей страны и ее развития. Даже через сотни лет его труды будут востребованы и интересны представителям разных поколений. «Уходя из жизни, человек продолжает жить, — он живет в своих делах...»

Е. П. ЕФИМОВА: — Спасибо. Уважаемые коллеги! Все победители и дипломанты, приглашенные к участию в президиуме нашего форума, выступили. Заключительное слово предоставляется Альберту Анатольевичу Лиханову.

А. А. ЛИХАНОВ: — Дорогие друзья, я еще раз хочу вас поздравить и сказать несколько слов о своем впечатлении от докладов. По моему мнению, наиболее успешные из них те, которые посвящены конкретным идеям. Было бы хорошо, если бы вы прежде всего попытались проанализировать свой личный духовный опыт. У тех, кто стремился это сделать, по-моему, получились замечательные доклады. Два из них — Альберта Трофимова, который провел социологическое микроисследование среди учеников своей школы, и Арсения Яковлева — Детский фонд опубликует в своем журнале «Дитя человеческое».

Мне был задан вопрос: «Прекрасный конкурс творческих работ учащихся. Есть ли еще аналогичные мероприятия, где участвует Детский фонд? Надо раскрывать исследовательский потенциал юношества, давая ему направление такими конкурсами. Молодежь могла бы, например, заниматься исследованиями истории родного края,

города». Вопрос попал прямо в десятку. В прошлом году в Белгородской области Детский фонд реализовал большой проект под названием «Мир детства: грамотность, нравственность, творчество». В рамках проекта мы оснастили 20 детских библиотек современной техникой — хорошими компьютерами, кинотеатрами, передали огромное количество новых книг, но самое главное — был объявлен конкурс, который назывался «История моей семьи в истории моего края».

В конкурсе приняли участие 56 тыс. детей — фактически все школьники области, начиная с 5-го класса. Было отобрано 8 тыс. работ, 500 лауреатов приехали в областной центр и в замечательном университетском зале получили награды от Детского фонда и губернатора Белгородской области. Пятьдесят детей стали победителями конкурса и были приглашены в Москву на двухнедельные каникулы и встречи с выдающимися деятелями российской культуры.

Жаль, что в нашем форуме не принимают участия представители органов образования из тех регионов, откуда приехали победители. Им было бы полезно посмотреть, как проходит форум, и в своих областях проводить такие же большие мероприятия, массовые конкурсы сочинений, в которых участвовало бы максимальное количество детей. Одно дело, когда лучшие из лучших, так сказать, «сливки общества» собираются вместе, но надо идти глубже в регионы. Думаю, что учителя, которые находятся в этом зале, со мной согласятся.

Я еще раз хочу сказать большое спасибо педагогам, родителям лауреатов (знаю, что здесь присутствуют и они) и, конечно же, прежде всего Университету за эту важную миссию — гуманитарную, духовную, просветительскую. Надеюсь, что у этой миссии не будет конца, по крайней мере в обозримом будущем.

Круглый стол СМИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ (Диалог культур в пространстве СМИ)

15 мая 2009 г. Конференц-зал «Глинка» гостиницы «Рэдиссон SAS»

Ведущие:

- А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ** академик РАО, член Президиума РАО, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, член Президиума Совета ректоров Санкт-Петербурга, ректор СПбГУП, доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- В. К. МАМОНТОВ** главный редактор газеты «Известия»
- В. Т. ТРЕТЬЯКОВ** декан Высшей школы телевидения (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова, генеральный директор ЗАО «Независимая издательская группа», главный редактор — генеральный директор журнала «Политический класс»

Выступающие:

- Л. В. АФОНИНА** генеральный директор информационного агентства «Росбалт»
- Г. М. БИРЖЕНЮК** заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
- А. В. ГУЛЬЦЕВ** генеральный директор Европейского центра Международной Ассоциации писателей и публицистов (Париж), президент Конфедерации русских общин Европы
- С. Е. ЗЕЛИНСКИЙ** генеральный директор ЗАО «Комсомольская правда в Санкт-Петербурге»
- Б. Г. КЛЕМЕНТЬЕВ** главный редактор газеты «Известия — Санкт-Петербург»
- И. С. КОН** академик РАО, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва), доктор философских наук, профессор
- О. С. КУЗИН** главный редактор газеты «Трибуна», кандидат политических наук, профессор
- Л. В. МАТВЕЕВА** профессор кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, академик Международной академии телевидения и радио, доктор психологических наук
- Б. Д. ПАРЫГИН** почетный заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- С. Г. ПИЛАТОВ** президент «Объединения средств информации “ИМА-пресс”», Санкт-Петербург»
- А. РАР** журналист, политолог (Германия), директор программ по России и СНГ немецкого общества внешней политики
- Ю. А. РЫЖОВ** академик РАН, президент Международного инженерного университета, заведующий кафедрой аэродинамики летательных аппаратов Московского авиационного института, доктор технических наук, профессор
- Г. Г. СИЛЛАСТЕ** заведующая кафедрой социологии Финансовой академии при Правительстве РФ, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
- А. И. УГЛАНОВ** главный редактор газеты «Аргументы недели»
- Е. В. ХАРИТОНОВА** старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат психологических наук, доцент
- Г. Н. ШИЯН** заведующая кафедрой управления СПбГУП, кандидат экономических наук, доцент

ДОКЛАДЫ

Ю. В. Андреева¹СМИ РОССИИ: ОТ ТОРЖЕСТВА МАСКУЛЬТА
ДО ИДЕОЛОГИИ ВОЗРОЖДЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

На протяжении 7 лет занятия по курсу «Психология журналистики» со студентами IV курса факультета журналистики Казанского государственного университета начинаются с коллективной попытки сформулировать миссию российской журналистики. За эти годы выдвигалось немало идей — от банальных до самых неожиданных. Обычно студенты, привыкшие к «книжным стереотипам», предлагают «свежую» идею об информационно-просветительской функции журналистики. И в этом, вероятно, есть доля истины. Но чаще всего происходит подмена понятий: под просветительской будущие журналисты понимают информационную функцию СМИ. А ведь еще Николай Гоголь, рассуждая о глубинном содержании этого понятия, писал: «просветить не значит научить или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь вывести всю природу его сквозь очистительный огонь»². Но так ли часто мы сегодня встречаем образцы такого журналистского творчества?

Иные будущие работники массмедиа **бывают весьма категоричны**, полагая, что журналисты работают исключительно на его величество рейтинг и заботятся о том, чтобы продать свой «экслюзив» как можно дороже, угадав запросы аудитории СМИ. При этом, цитируя шутовскую фразу Марка Твена, журналист, конечно, не должен продаваться, но должен знать себе цену, чтобы однажды заключить выгодную сделку. Впрочем, и продажность современных СМИ также весьма преувеличена. Бесталантный репортер вряд ли окажется конкурентоспособным даже на рынке современной «пиаристики» (популярный сегодня термин, обозначающий управляемую журналистику). Журналисты в России не столь уж расхожий товар — в отечественных традициях решать проблемы кардинально и глобально, если уж и покупая, то целиком информационные холдинги. Как тут не вспомнить сдержанную реплику отечественного ученого С. Г. Корконосенко о том, что не все профессиональные установки и методы труда, утвердившиеся в иных культурных средах, в равной мере приемлемы в России³.

Известно несколько моделей журналистики, отражающих ментальные, культурологические особенности наций. В современном мире наибольшее распространение получили некоторые из них: американская (журналистика факта, лишённая авторских эмоций и интерпретаций), французская (журналистика побуждения, формирования гражданской позиции при свободе выбора мнений) и советская (поистине массовая — простая, доступная, идеологически целостная, лишённая разнообразия интерпретаций). Журналистика в современной России стремительно возвращается к своим историческим корням и становится преемницей традиций советской печати. Новостные блоки на разных каналах отличаются единодушной политкорректностью в изложении событий, активно освещая политический и экономический крах в бывших социалистических республиках, стихийные бедствия и народные волнения на Западе и др. Пожалуй, стоит согласиться с тем, что для информационного обеспечения населения страны новости должны быть понятны и максимально едино-

душно истолкованы. Только в этом случае эффективность воздействия СМИ может быть высокой. Но в месте с тем наших журналистов изрядно «заносит» на исторических поворотах. Во многом благодаря тому, что возвращение к историческим образцам происходит лишь частично — в российской журналистике при усилении информационного «отката в прошлое» сохраняется культ «чернухи», насилия и агрессивного воздействия.

Массовая культура СССР планомерно и последовательно формировала образ светлого будущего, а его правопреемник, вооруженный новыми технологиями и старыми стереотипами работы с массовым сознанием, явно перекрасился во все оттенки черного. В чем причина? Во времена провозглашения «свободы слова» СМИ подогрели растущие тиражи волнами негатива. Лет 10 назад в отечественной прессе до 98 % информации содержало негативный эмоциональный настрой. Можно было бы предположить, что аудитория рано или поздно пресытится негативом и потребует «хлеба» радости и еще чего-нибудь «остренького» — зрелищ. Так и вышло, обществу вскоре презентовали самые разнообразные (этичные и не очень) ток-шоу и развлекательные проекты. А вот с радостью у отечественных СМИ как-то не выходит. Наверное, потому что сложно искать позитив там, где его нет. Здесь нам еще предстоит поучиться у социалистических прародителей массовых коммуникаций, которые могли сделать национальный хит из обычной истории о счастливой доярке или сюжете о шахтере — ударнике соцтруда.

Системный кризис российской журналистики кроется в ряде причин. Но почему же культ страха (насилия, агрессии, всеобщего негатива) оказался таким долгоиграющим?

Во-первых, в нашем сознании материализовались иные персонажи и имиджи: баснословно богатые олигархи, коррумпированные чиновники, умирающие с голода старики, эпатажные представители гламура и т. д. В счастье стариков не поверят, а в мытарства олигарха (если он не за решеткой) верится с трудом. Имиджи формируют жесткие сценарии событий, стереотипы восприятия слабо подвергаются коррекции.

Во-вторых, страх, формируемый СМИ, просто не имеет адекватной эмоциональной замены. В человеческом страхе заложен мощный рычаг управления. История цивилизации свидетельствует: с древних времен рабов удерживали страхом, государства, боясь нападений, прибегали к защите влиятельных и сильных соседей. В России страх издавна стал синонимом уважения и даже некоего почитания. Большая страна уповала на силу царя-батюшки, доброго сильного барина. О механизмах страха можно рассуждать много. Очевидно, что феномен высоких рейтингов Владимира Путина кроется как раз в том, что он демонстративно силен, он — олицетворение архетипа покровителя, защитника. Такое восприятие руководителя страны сохранялось долгие годы, и лишь события последней экономической зимы «подморозили» его эмоциональную связь с народом.

В-третьих, негативные эмоции, безусловно, сильнее позитивных, поскольку они обслуживают более фундаментальные (базовые, по А. Маслоу) потребности личности. В частности, страх «работает» на стремлении к безопасности. Что становится противовесом? Свобода от страха (безопасность) — это спокойствие, радость, уверенность в себе, своих силах, вера в справедливость,

¹ Доцент кафедры журналистики Казанского государственного университета, главный редактор Издательского дома «Логос».

² Гоголь Н. В. Путь духовного обновления. Мюнхен, 1962. С. 94.

³ Корконосенко С. Г. Основы журналистики: учебник для вузов. М., 2002. С. 22.

уверенность в стабильности порядка, в завтрашнем дне. Увы, для России это далеко не объективная реальность.

Итак, рейтинг у негативной новости априори выше, нежели у позитивной. Тем более что наши журналисты уже хорошо научились «продавать» негатив. Сделать позитивный (и заметим, правдоподобный) сюжет гораздо сложнее.

Недаром З. Фрейд последние годы жизни особое внимание уделял изучению инстинкта разрушения, полагая, что человеческая природа биполярна (Эрос — Танатос). Патологическое стремление к разрушению заложено в нас генетически. СМИ обслуживают потребности аудитории и максимально обрабатывают этот инстинкт. И тем самым запускают механизм разрушения. Журналисты способны моделировать ментальную реальность, следовательно, управлять будущим. Стоит вспомнить притчу про ангела, который стоит за плечом причитающего мужчины: «Денег нет, кругом одни проблемы...» Записывая эти «пожелания», ангел удивляется, но с готовностью выполняет.

Результаты воспитания страхом не заставляют ждать и уже находят свое отражение в общественной жизни. Сегодня к власти в стране постепенно приходит новое поколение с новыми стратегиями поведения, новыми правилами игры, больше похожими на правила компьютерных «стрелялок», чем нормы социального поведения. Так, в Казани вызвали огромный резонанс события ноября 2008 года, когда милиционер расстрелял бизнесмена, предварительно забрав его прямо из дома, предъявив домохозяевам подлинное удостоверение. Но и это не все. «Городовой», оказывается, убивал, выполняя «заказ»... судьи! Решить проблему силой — вот идеология нового мира. К каким социальным последствиям приведет она завтра?

Конечно, определенные защитные механизмы в обществе все же включаются. В студенческом обществе распространена фраза: «Теми, кто смотрит телевизор, будут управлять те, кто читает». В 2008 году впервые за современную историю почти на 10 % (еще до кризиса) упал доход от рекламного бюджета, вместе с тем почти в пять раз поднялись доходы от рекламы в Интернете. Все больше думающих соотечественников отказываются от ТВ-формата, выбирая позицию сопричастности к формированию новостей, получая их и создавая во Всемирной паутине. Так они протестуют против культа страха и медиазависимости. Кстати, само понятие «культ» как нельзя лучше характеризует процессы эмоционального влечения, почитания СМИ. По словарю Ожегова, «культ» имеет два значения и трактуется как религиозное служение божеству и связанные с этим обряды, либо, в переносном значении, понимается как преклонение перед чем-то или кем-то (культ личности, культ насилия)¹. Действительно, замороженная страна оказалась под сильнейшим влиянием

электронных СМИ, словно зомби «голосуя кнопкой» за деградировавшее семейство Букиных, конкурсы колдунов и грязное белье звезд («Ты не поверишь» на НТВ) и т. п.

Противовесом культа становится только культура как результат прорыва, достижения, познания, как символ совершенствования человеческого духа. Интересно, что во Франции значение понятия культуры интерпретируется как символ умеренности во всем — желаниях, потребностях, проявлении эмоций. Но в данной исторической реальности такой «рецепт» культуры не для среднего россиянина, жадного до эмоций, впечатлений и просто хлеба насущного. Причина в том, что родная нация имеет иную историю, полную лишений и ограничений. Мы еще «не наелись» досыта ни в прямом, ни в переносном смысле. Российское глубинное, народное ощущение культуры зиждется на торжестве национальных идеалов: добра, красоты, честности, справедливости. Возможно, российские СМИ «температурят» именно из-за нехватки периодических «культурных» инъекций. Конечно, эту идею можно развивать, оппонировав веселием рейтинга: журналисты поставляют обществу то, что востребовано здесь и сейчас. Но те же самые рейтинги показывают, что одним из самых удачных проектов на протяжении последних лет стало ледовое шоу. Секрет его успеха, конечно же, кроется в динамичном, соревновательном формате программы, но главное, в эмоциональном, эстетическом наслаждении. Восхитительные костюмы, классическая музыка, синтез культуры, спорта и демонстрация акме-уровня: преодоления предела человеческих возможностей. Стать лучше, красивее, сильнее, успешнее, оставить все свои страхи и слабости, оторваться от обыденной серости — это как раз то, что русскому человеку так близко сегодня. В этом же механизме — секрет успеха глянцевого издания. Хочется верить, что стремление к красоте, добру и совершенству спасет Россию. В противном случае российские СМИ, демонстрирующие агрессивные — силовые — модели разрешения проблем, обостряют социальное напряжение в обществе и станут модераторами новых негативных событий.

Возвращаясь к дискуссии о социальной миссии журналистики, хотелось бы обратить внимание на общую доминанту СМИ разных эпох: всегда «четвертая власть» выполняла роль некоей общественной службы безопасности. Эта миссия заложена в механизме журналистской деятельности: выявление, открытие острых социальных проблем в обществе и обратный процесс — донесение до массового сознания идей управленческой элиты. Остается лишь верить в то, что развитие общества неизбежно приведет к формированию новых тенденций саморегуляции СМИ, возникнут новые механизмы самоограничения для отечественной журналистики, которые будут базироваться на истинных ценностях российской культуры.

Т. А. Апинян²

ЧЕЛОВЕК ОБЫКНОВЕННЫЙ ПОД ЛУЧАМИ ТЕЛЕВИЗИОННОГО ЭКРАНА

Главенствующая философская презумпция: человек креативен от природы, обречен на творчество Богом, естественным отбором и пр. Но так ли это на самом деле?

Адам и Ева в раю не творили, а жили. Творчество начинается с грехопадения, с осознания добра и зла, проти-

воречивости бытия, с обречения на «самостояние». Я буду делать (творить) сам — вот то, что пришло с грехом. Таким образом, творчество — всегда «я сам». Вместе с этим появляется и соблазн самодостаточности творчества, получивший наименование «искусства ради искусства», питающийся безумной радостью делания, знакомых каждому пишущему, рисующему *et cetera*: **свободы и независимости, самопознания, управления материалом и самим собой, сладкой тайны движения мысли.**

Что подавляет это «самство», и что бывает, когда оно подавляется?

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1985. С. 268.

² Профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, доктор философских наук.

Автор книг: «Кризис буржуазной культуры», «Мифология. Теория и событие», «Игра в пространстве серьезного».

В аристотелевой «Поэтике» уже названы внешние силы: бог, рок, судьба, а дальнейшая философия добавила внутреннюю: собственная свободная воля человека. Трагедия — не драматургическая категория, но суть существования, в переводе на человеческое — неизбежное столкновение воли, желаний, темпераментов.

Внешние силы или обстоятельства направляют творческий поток, мешают или способствуют его полноте. Вместе с тем всегда имеется антитеза свободе творчества: общественная жизнь требует управления, послушания явного и скрытого. Послушание, не меньше чем иные эпистемы, заслуживает своего исследования. История культуры — история послушания не только как обучения дисциплине, как дидактического условия, но и как формирования человека зависимого. Так встает вопрос о специфике послушания в наше время.

Культура сотворена, чтобы управлять человеческой жизнью, но никогда не совпадает с ней. Всегда есть противостояние между «витальной» и нормо-ориентирующей сторонами индивида, что является изначальным противоречием культурной и личной жизни и соответственно центральным вопросом философии и искусства с древнейших времен до наших дней (фрейдизм в этом ряду лишь наиболее эффективная теория, покосившаяся на суть самой витальности). Естественно, что для человека интереснее и важнее всей человеческой истории он сам и то, как обстоятельства направляют его жизнь, какие внешние, но способные интериоризироваться силы довлеют над ним.

Мне трудно судить о процессах в западной культуре, для этого нужно непосредственно и основательно погрузиться в материал, предмет же моего интереса — тенденции в современной отечественной культуре, блокирующие и подавляющие творческое начало личности.

Что делает россиянин, придя домой? Включает телевизор: на кухне, в спальне, в гостиной, принимая гостей.

Роль телевидения хорошо известна, его возможности практически безграничны. Действованы все жанры, вплоть до информационных. Адресный спектр внушений всеобъемлющ. Насколько важны для рядового «обывателя» выборы Президента США? В результате можно забыть о собственных проблемах. Вместе с этим осуществляется идеологическая экспансия в условиях современной глобализации. На экранах отечественного телевидения сияет образ идеального государства. Американские фильмы, новости и политические события, голливудский «гламур» — не только создают высокий имидж страны, но в качестве фундаментального образца демонстрируют особую культурно-цивилизационную модель, где доминирует массовая культура как особая, демократическая традиция. На другом полюсе — отечественные сериалы, формирующие у женской части россиян «манию Золушки»: добиться успеха, выйдя замуж за олигарха, а не в результате трудолюбия, таланта и прочей «протестантской» этики. Буржуазные ценности деформируются русским «авось», пессимизмом жизненных обстоятельств и морфологией сказочного жанра. Продаться подороже, стать женщиной-вещью, чего так пыталась избежать героиня «Бесприданницы» А. Н. Островского.

По поводу СМИ как средства управления написано и сказано много. Давно признано, что рисуемая ими картина есть, как сказал Шопенгауэр, «покрывало майи», но остается вопрос о порождаемых (или спровоцированных?) процессах в культуре, созидающих некий господствующий тип личности и дискредитирующий другой — иной.

Управление осуществляется через упрощение, антиинтеллектуализм и следующую за ними унификацию мышления.

Мы разучиваемся читать трудные тексты, тем более те, в которых запечатлены сложные движения и противо-

речия духа. Современная массовая литература — скоропись ума и души. Темп, возведенный в главный принцип.

Из лексики исчезают сложные грамматические построения «литературной» речи, интонационность, обертоны как характерная черта русского языка и стиля мышления, утонченность, первый признак которой, как заметил некогда Жан Кокто, — «ее незримость. Бросающаяся в глаза незримость...»

Мы разучиваемся писать. Пишущую руку можно сравнить с «пианистической рукой», когда имеет значение сила удара, ритм, растяжка-ловкость пальцев — все то, что обеспечивает визуальный тембр, имплицитную выразительность написанного текста. Ровное и быстрое письмо на клавиатуре гасит писание-думанье, лишено «музыкальных» приемов обозначения и извлечения смысла, то есть внутренней и внешней темпоральности. Не секрет, что «ручной» текст есть каллиграфия, а индивидуальный почерк — графическое изъяснение природы и индивидуальный почерк (Р. Барт в название книги по новелле Бальзака вывел букву Z — **кривое лезвие, буква, которая полосует, расширяет** — и тем предуготовил восприятие судьбы героя.)

Духовность закодирована текстом. Ширина букв, интервалы между ними обозначают длины звучания, являются собой визуальные паузы. Страницы книг компьютерной верстки заметно отличаются от типографского и тем более старого литерного набора. Кажется, что из книги ушла ее душа и осталось только бумажное тело — информационная марионетка.

Телеканалы заполнены триллерами, фильмами ужасов, мистикой. В драматичном и деструктивном мире, демонстрируемом «Новостями», они являются — в силу своего неправдоподобия — самыми спокойными и оптимистичными. Вместе с тем вся эта жуть становится опасной, когда распространяет свой интерес на историю и биографии реальных людей, окрашивая соответствующим образом фактический материал (в качестве примера: программа о роли заколдованных предметов в жизни исторических деятелей). Сегодня история позиционирует себя не как цепь фактов и событий, а как историю духовной жизни. В этом случае характер интерпретации является ключевым, в силу своей занимательности формирует массовое мнение, дерационализирует и мистифицирует его. На телевизионном экране живет средневековье с колдунами, ведьмами, вампирами и неподвластными человеку мистическими силами. Виртуальная картина мира незаметно проникает в сознание и перемножается на трудности реальной жизни. Что удобнее для управления: апатия или бунт? Вопрос риторический.

Современный человек включен в латентно организованную стихию — в культуру выбора. Однако выбор не является творчеством, в том числе в сфере современного искусства — искусства как предложения. Достаточно переключить канал. Искус «побегать по каналам» соблазняет устранившись от «длинной» или слишком «сложной» передачи. Утрачивается катарсис как главное формирующее свойство искусства.

Разновидность серийного искусства — реклама. Она воспитывает в нас ощущение, что мы лишены чего-то, и, как следствие, вызывает в нас жажду большего.

Культура выбора предполагает и особый род художественной практики. Термин «произведение искусства» закономерно заменился на «художественную практику», а созидание подразумевает цитацию, компиляцию, ремейк, серийность и так далее — опять же выбор.

Поток серийного искусства захлестнул телеканалы. Однако серийность основывается на исходном стандарте, повторе, функционирует по законам и в структуре мифа. Серийное произведение ориентировано на то, что уже знакомо, известно адресату, в нем закодирован апроби-

рованный эффект. Не случайно, серийные произведения в подавляющем большинстве можно классифицировать и по разряду китча, и по разряду мифологии. И в том и в другом случае я имею в виду не эмоциональное отношение интеллектуала, но морфологию и семиотику жанра.

Особенно показателен современный художественный рынок — беспрецедентная, тотальная мистификация. Новаторство как компиляция, серийность, аллюзия переводит творчество в разряд изобретательства, эстетствующей инженерии, отличающейся от подлинного искусства как прикладная наука от фундаментальной. Творчество по своей сути раскрывается и осуществляется как подвиг: подвигает личность, общество, культуру. Вопрос: куда и за какую плату подвигает современника современное искусство?

Проживая в обществе потребления-выбора, мы отрезаны от «бытового творчества» и от жизни вещей, с ним связанного. Вещи должны стареть, умирать или переходить в ранг символов. Иметь знаковую функцию, являться элементом личной смысловой, эстетической игры. Сегодня вещи не переставляют, а выбрасывают. Домашнее творчество заменено на супермаркет ИКЕА. Из общественной жизни исчезает коллекционирование — любовь к старой вещи, ценность которой понятна еще кому-то, которую наследники сохраняют, а не выбросят ради места для новой вещи. Идеология новизны необходима рынку, посему в его ареал входит интерьерный дизайн как позиция постоянного обновления.

Возможность безграничного выбора создает состояние антиустойчивости, хаотичности. Показательна хаотичность современной одежды. Как заметил античный поэт, «одежда — многоголосное эхо тела». Точнее было бы сказать: души.

У искусства всегда была антихаотическая функция: уничтожить хаотичность душевного состояния человека, даже когда само искусство кажется хаосом, абсурдом и т. п. Объяснить, что жизнь абсурдна, — значит дать точку опоры. Всякая концепция — точка опоры. Сегодня, по своему характеру и в совокупности, искусство лишено этой функции. Самый доступный выход — упрощение концепции бытия. Политика и шоу-бизнес — одно и то же, а «гламур» — категория, обозначающая характер отечественного искусства и идеологию жизни, распространяемую СМИ.

«Гламур» — особая тема. Ей были посвящены содержательные выступления на VIII Международных Лихачевских научных чтениях 2008 года. Гламур имеет как поведенческий (разновидность современного дендизма), так и эстетический модус (китч) со всеми вытекающими особенностями, но в обеих своих ипостасях осуществляется в режиме игры. Но что это за игра? В сущности, не игра.

Смею утверждать: наш век — культура марионеток и масок. Мне возразят: еще Платон, разочаровавшись в своем веке, провозгласил человека игрушкой богов, марионеткой, которую кто-то дергает за железные или золотые нити. Тот же метафизический образ с приметной очевидностью повторяется на протяжении всей истории философии и литературы. Вероятно, мы имеем дело с еще одной семантической универсалией, но проблема состоит в том, как осуществляется и с какой интенсивностью предстает эта универсалия в наши дни, и что за этим следует в индивидуальном бытии явно творческой (или извне потенциально запрограммированной на созидание) личности.

Марионетке позволена индивидуальная телесность, но ее духовность задается кукловодами. Соответственно происходит переадресация внимания индивида с духа на тело. Фитнес-клубы, культ спортивного тела, тотальное обнажение в сфере шоу-бизнеса (новогодние программы на российском телевидении с полуобнаженными со-

листами и «кордебалетом» в бикини напоминали пляж в южных странах); героинями телефильмов стали стриптизерши и стриптизеры, обнаженное или полуобнаженное тело — неперенное явление в кинематографии. Бытовым показателем является устойчивая мода на топики и приспущенные джинсы.

Художественное творчество переместилось в широко популяризированный боди-арт. Тело — чистый холст, не несущий духовной, личностной информации. Тело лишено всякой индивидуальности, ее биологические остатки исчезают под кистью художника. Так в Древнем Риме расписывали рабов, которым цивилизация отказывала в праве считаться людьми.

Культ тела сам по себе не предосудителен, но в современном мире он лишается калокагатии и ее духовной составляющей.

Современный массовый кинематограф является родом театра марионеток. В марионетке главное — тело, его эстетические свойства — и абсолютно не важны ее внутренние качества, индивидуальность, рефлексии ее сознания. В многочисленных — и по сути однотипных — триллерах, фэнтези и фильмах ужасов семантическое значение имеет костюмированная телесность персонажей. Поэтому тотальный отстрел героев и массовки не вызывает отторжения у зрителя: так же точно выбрасывают сломанные игрушки, если только владелец не вкладывает в них особый личностный смысл, то есть не очеловечивает в коннотационной полноте данного понятия. По той же причине не шокирует художественно преподнесенное на экране избивание женщины. Мужские и женские персонажи поведением и повадками мало отличаются друг от друга, ибо куклы, по сути, не имеют пола, но только внешнее отличие. Одно утешает: социально-нравственные нормы, все еще лежащие в фундаменте культуры, сдерживают внедрение в жизнь кинематографического этоса.

С культурой марионеток соседствует культура масок. Телевидение, журналы, мемуаристка — карнавал, театр масок. Каждый выдает себя за некоего другого.

Популярность — идол нашего времени. Те, кому удастся пленить аудиторию, перестают быть обычными человеческими личностями, а становятся хорошо обученными куклами. «Играть на публику» — принижать жизненные цели. Имиджмейкерство — кукольная мифология.

Маска статична. Лишает внутреннего развития, творческого процесса.

Лицедейство в жизненной реальности становится лицемерием, мимикрией, игрой замещений. Маска — чистое выражение, неподвижность куклы, управляемой нитями. Поверхность, развернутая вовне: человек чувствует себя не в царстве внутренней жизни, но подчинился внешней силе. Маска управляет человеком, а маской управляет сущность того, что она (маска) изображает-воплощает, что задано ей мастером масок. Но, как всякая вещь (предмет отчужденный), она начинает жить собственной жизнью. Маска не скрывает, а обнажает ту силу, которую представляет. Она — вампир: присасывается к живому телу, живет его силой, выдает себя за него, в противоположность театральной маске, которую актер оставляет в гримерной. Со временем маска прирастает к лицу, и снять ее можно только вместе с кожей.

СМИ, реклама, шоу-бизнес, политика — театр масок. Взаимоотношения с личной маской — проблема конкретного публичного человека. Для тех, кто «по эту сторону экрана», в перспективе реальности важнее, какую пьесу все вместе они играют и какие маски презентуются в качестве образца.

В современной культуре, внешне гиперигровой, тем не менее нарушены границы игры. «Маска» — удобная форма общественного поведения, редко кому под силу ее

не надевать, тем более публичным людям. Но пластическая хирургия раньше не покушалась на природу человека. Мужчины играли женщин, но не превращались в них. Было удовольствие от метафоры (вспомним «S/Z» Р. Барта — о трагедии человека, не распознавшего метафору), от живого лица — зеркала души и возрастных дум.

В сфере искусства встал вопрос об игре-иронии и ее границах. «Нео-поп-реалисты» попытались представить Россию на парижской выставке современного русского искусства в октябре 2007 года посредством «Целующихся милиционеров» и порнографических картинок с лицами-фотографиями политических деятелей. На новом витке — в 2008 году телевидение прорекламировало «Целующихся балерин», не говоря уже об уровне юмористических телепрограмм. Словом, как некогда заметил Михаил Зощенко, жизнь устроена проще, обиднее и не для интеллигентов.

В заключение своего апофатического речения я хочу напомнить об истории с Винни-Пухом, который спускается с лестницы «затылочной частью своей головы» и думает, что это, насколько он знает, единственный способ спускаться вниз. Правда, иногда он чувствует, что на самом деле можно найти другой способ, если только остановиться, перестать на секунду «бумкать» и сосредоточиться...

Социолог спросит: кто адресат телевизионного иллюзионизма? Полагаю, в электорате меньше всего окажется молодежи.

Параллельно миру телевидения живет, развивается, совершенствуется, набирает силу компьютерная субкультура, альтернативная и оппозиционная «телевизору»: с электронными романами и публицистикой, с видеофактами и комментариями на них. Это угроза и скрытый вызов официальному телевидению, невидимый фронт борьбы за сознание современного человека.

Г. М. Бирженюк¹,
Т. В. Ефимова²

ТЕЛЕВИДЕНИЕ КАК ФАКТОР ДИАЛОГА КУЛЬТУР

На первый взгляд диалог культур и партнерство цивилизаций кажутся не более чем грамматической конструкцией. Действительно, культура сама по себе не может вступать в диалог, в том числе с другой культурой. Цивилизация, согласно А. Фергюсону, Л. Г. Моргану, Ф. Энгельсу и другим, — это стадия общественного развития, следующая за варварством³, степень общественного развития материальной и духовной культуры, связанная с разделением труда, рационализацией производства, потреблением и распределением, формированием гражданского общества; некая совокупность материальных и духовных ценностей, выражающая определенный уровень исторического развития данного общества и человека.

Цивилизация в этом плане не может рассматриваться как субъект коммуникации. Тем не менее мы — современники XXI века — употребляем указанную выше грамматическую конструкцию и вкладываем в нее множество вполне реальных смыслов. Это происходит потому, что сегодня в мире необычайно интенсифицировались коммуникационные процессы. Мировые войны и другие драматические события прошлого века убедительно показали, что только диалог и понимание ведут к сближению людей и тех культур, носителями которых они являются.

Одно из сильнейших средств диалога культур — телевидение. Его роль в данном процессе изучена пока недостаточно. Наиболее значимым с точки зрения культурологического осмысления телевидения как феномена цивилизации и фактора ее модификации было исследование М. Маклюэна «Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего» (1962). Основная идея автора заключалась в утверждении, что на смену власти книгопечатания, культуры, основанной на чтении книг, приходит электронная цивилизация, превращающая современный мир в «глобальную деревню», в которой главным средством коммуникации, информации и управления становится те-

левидение. Г. Маркузе в своей работе «Одномерный человек» (1964) охарактеризовал телевидение как один из главных инструментов манипулирующий сознанием человека, превращения его в «одномерного человека», а всего общества — в «одномерное общество».

Так обозначились два полюса отношения к телевидению: оптимистический (Маклюэн) и пессимистический (Маркузе). Р. Уильямс в исследовании «Телевидение. Технология и структурная форма» (1974) одним из первых обосновал взгляд на телевидение как на «поток», разрушающий жанровые и другие ограничители. Затем появились работы, в которых телевидение рассматривалось как одна из сложных знаковых систем (Р. Аллен, Дж. Фиске). Ж. Бодрийяр, Дж. Уайвер, Э. Каплан, Ф. Джеймисон трактуют телевидение в постмодернистском ключе, обосновывая возможность и необходимость рассмотрения телевидения в качестве реального мира постмодернистской культуры, общества и экономики.

В отечественной науке написано много работ о телевидении. Необходимо назвать исследования таких ученых, как А. Я. Юровский, В. С. Саппак, Р. Н. Ильин, Э. Г. Багиров, И. Г. Кацев, Ю. А. Богомолов, В. П. Демин, А. С. Варганов, С. Б. Рассадин, В. В. Егоров, Н. А. Голядкин, А. В. Колосов и др. Основной вектор рассмотрения в работах большинства зарубежных и отечественных исследователей — соотношение телевидения и массовой культуры. Как представляется, это создает необходимые и достаточные условия для анализа телевидения как фактора формирования культуры, по некоторым аспектам близкой к массовой, — современной культуры повседневности.

Мы являемся свидетелями и участниками динамичного и сложного процесса модификации практически всех составляющих культуры. Это происходит под постоянно усиливающимся воздействием телевидения. При этом меняется и само телевидение, неизменно обновляя ресурсы своего воздействия на культуру и общество.

На рубеже 1970-х годов велась оживленная дискуссия о том, приведет ли распространение влияния телевидения к отказу от чтения. Был проведен ряд исследований, которые показали, что чтение книг занимает прочное положение в системе культурной деятельности, структуре досуга. Это дало основания сделать вывод о том, что одно средство коммуникации вытесняет другое только в том

¹ Заведующий кафедрой социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ.

Автор более 100 научных работ по проблемам региональной культурной политики, деятельности социально-культурных учреждений различного типа, воспитания молодежи.

² Доцент кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, кандидат культурологии.

³ Морган Л. Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1933.

случае, если оно его заменяет. Поскольку этого не произошло, следовательно книга и телевидение не конкурируют, а скорее взаимодополняют друг друга.

Как представляется, во-первых, этот вывод был несколько преждевременным, поскольку исследовалась аудитория телевидения, которая была «продуктом» книжной культуры и в силу множества различных причин продолжала читать. Во-вторых, угол исследовательского интереса был смещен в сторону от реальной проблематики; если выразиться точнее, то он был сфокусирован на узком «пространстве» чтения. А в это время происходили серьезные деформации в «теле» культуры, которые сегодня очевидно проявлены. Попытаемся их осмыслить.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что телевидение привнесло в культуру явление, которое можно охарактеризовать как фрагментарность. Становление телевидения как искусства (которое пришлось именно на 1970-е гг.) происходило на основе объединения документального и художественного материала, использования принципов киномонтажа в передачах (в том числе и в прямом эфире), смешения жанров — всего того, что затем получило название «клиповость».

С последним связан другой феномен — дискретность. Фрагментарность и клиповость одного канала сочетаются с фрагментарностью других каналов. Это создает уникальную коммуникативную ситуацию: человек смотрит одновременно несколько каналов, при этом он перемещается по квартире, где одновременно работает ряд телеприемников, и каким-то образом в его сознании возникают относительно целостные (по его ощущениям) образы фильмов, спектаклей, информационных передач и т. п.

Возникновение такой ситуации во многом связано с развитием систем дистанционного управления телевизором. Пульт позволяет одним движением вызывать на экран любой из 50 или 100 каналов, перемещаться между ними и творить собственную телевизионную реальность. Более того: человек уже не может смотреть один канал. Он ждет рекламную паузу, чтобы переключиться на другую программу, и уже не в состоянии вернуться на первоначально выбранный канал. Возникает феномен, который

можно условно обозначить как *homo clicus*, то есть человек кликающий, нажимающий на кнопки пульта. Одновременно пульт дает человеку власть не только над каналами, но и над окружающими: все смотрят то, что выбрал он, и перестают смотреть, потому что он выбрал другое.

Телевидение структурирует не только сферу досуга, но и более широкие пространства жизнедеятельности. В частности, сериалы выстраивают жизнь большого количества людей. Люди планируют свое время так, чтобы успеть приехать домой к началу сериала, из-за него откладываются встречи и под него «подстраивается» время приема пищи. Люди пьют чай и курят во время рекламных пауз, в это же время они успевают воспитывать детей. Специалисты городских коммунальных служб отмечают, что в рекламные паузы резко увеличивается расход воды, что свидетельствует о том, что и отправление людьми физиологических потребностей тоже подчиняется ритмам телеэкрана. Эта тенденция отмечается практически во всех цивилизованных странах.

Можно определенно говорить о том, что телевидение является мощным фактором глобализации. Оно, будучи результатом культурного развития, само становится источником модификации культуры. Именно телевидение играет определяющую роль в масштабном переходе от господства обыденной культуры к господству включающей ее как составную часть культуры повседневности. Именно телевидение в современной культуре обеспечивает конструирование культуры повседневности, основанной на специфической телевизионной картине мира, включающей фрагменты научной, художественной, социальной и других картин мира. Телевидение выработало объединяющие мировую телеаудиторию особые структурные образования — универсальные телемифы.

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что именно телевидение за относительно недолгую историю своего существования выработало некую универсальную культуру повседневности, массовые стереотипы, стили жизни, стандарты досуга, которые все более сближают различные культуры и тем самым облегчают межкультурный диалог.

К. Н. Брутенц¹

РОССИЙСКИЕ СМИ И ИНТЕРЕСЫ ОБЩЕСТВА²

Мы живем в информационный век или даже в информационную эпоху. Действительно, никогда прежде информация не занимала столь обширного пространства в общественной и частной жизни, не играла столь весомой роли. Произошло и качественное увеличение масштабов и силы воздействия средств массовой информации. Как выяснилось, сегодня они обладают огромным потенциалом влияния на большие группы населения (нередко формируя даже информационную зависимость), на полити-

ческую, экономическую и идейную динамику общества, ментальность и нравственно-этическую атмосферу, поведенческие мотивы и стереотипы людей.

СМИ служат (точнее, должны служить) незаменимым инструментом общественных связей, каналом информационного обмена, взаимосоприкосновения и поиска взаимопонимания между институтами государства и обществом, между различными социальными слоями. Они стали одним из главных орудий политической борьбы. Наконец, они выдвинулись на первый план даже в военных конфликтах, выступая в качестве оружия новой разновидности войны — информационной.

Мера и характер воздействия СМИ на экономику, как и на другие сферы жизни общества, в какой мере и его результаты способствуют экономическому росту, зависят от целого ряда факторов. В идеале средства массовой информации могут эффективно «работать» на экономику страны, разоблачая коррупцию, помогая распространению положительного опыта, подчеркивая роль образования, неся знания в самые отдаленные уголки страны, пропагандируя здоровый образ жизни, служа каналом трансляции

¹ Доктор исторических наук, профессор.

В 1959–1961 годах — заведующий отделом национально-освободительного движения редакции журнала «Проблемы мира и социализма». С 1961 года работал в аппарате ЦК КПСС (последняя должность — первый заместитель заведующего Международным отделом).

Автор публикаций: «Против идеологии неокolonизма», «Освободившиеся страны: некоторые проблемы и перспективы», «Освободившиеся страны в 70-е годы», «Развал Союза», «Происхождение “нового мышления”», «Тихоокеанская доктрина Б. Клинтона», «В поисках рах Americana», «Введение в XXI век?», «Внешняя политика России: новый этап?», «Тридцать лет на Старой площади», «Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке» и др.

² Доклад подготовлен в рамках проекта «Взаимодействие духовной и общественной среды с экономикой» (руководитель авторского коллектива — академик О. Т. Богомолов).

суждений населения об управлении страной и экономикой. Иными словами, играть *свою* незаменимую роль в развитии социального и человеческого капитала страны, столь важного для экономического прогресса.

Опыт, однако, показал, что огромный потенциал средств массовой информации может быть использован в разных, притом противоположных, целях, в том числе корыстных и неблаговидных. Они функционируют в рыночном обществе, где информация неизбежно имеет тенденцию превращаться в товар и, как любой другой товар, подчиняться диктату «золотого тельца». А значит, важным, а зачастую главным и единственным критерием при подходе к ней становится мотив прибыли.

Коммерциализация средств массовой информации определяет *характер* информации, ее «высвобождение» от примата общественных интересов. И это создает серьезные информационно-коммуникативные риски для нравственного здоровья и прогрессивного развития общества, в том числе для экономического развития.

В таких условиях способность средств массовой информации следовать общественным запросам и интересам зависит прежде всего от структуры собственности на них. Когда СМИ, а следовательно и информационное пространство, сконцентрированы в руках частных владельцев, они рискуют превратиться в выразителя взглядов и устремлений узких групп людей или даже конкретного собственника, чьи позиции, тиражируясь через телевидение и прессу, навязываются миллионам людей. Практически складываются неисчерпаемые предпосылки для использования в частных интересах манипуляторных возможностей СМИ в отношении общественного мнения и массового сознания. При этом одним вопросам и событиям намеренно придается неоправданная актуальность и острота, их значение искусственно завышается за счет других «неудобных» и нежелательных для собственника или собственников. Более того: на рынке средств массовой информации часто осуществляются процессы монополизации, за чем в значительной мере следует монополизация их содержания.

Например, если в 1995 году в Соединенных Штатах Америки более 80 % медийных ресурсов были независимыми, то в конце 2007 года уже 90 % из них контролировались пятью крупнейшими корпорациями. Руперт Мердок, один из американских медийных магнатов, ныне владеет примерно 180 телеканалами, газетами и прочими СМИ в мире. И вся эта огромная машина воздействия на сотни миллионов людей пропагандирует одну и ту же идеологию, лоббирует по существенным вопросам позицию одного человека, никогда и никем не избравшегося и ни перед кем не несущего ответственности.

Негативным последствием подобного положения, искажения функций средств массовой информации, является распространение, по авторитетному мнению И. Валлерстайна, информации «без знания». ««Общество знаний», — пишет он, — стремительно воспроизводит «общество ничегонезнания»»¹.

Государственная собственность на средства массовой информации тоже не является гарантией объективного подхода к освещению событий и панацеей от служения интересам группировок во власти. Власти предержащие, в том числе в демократических странах, постоянно используют СМИ для настраивания общественности на удобный себе лад, не гнушаясь прямого обмана, а порой опускаясь до ведения подлинной информационной войны против собственного народа. Именно так поступили правительства США и Англии в связи с вторжением в Ирак. Американские и английские журналисты, осмелившиеся прорвать завесу лжи, дать более или менее правдивую информацию, были наказаны, лишены работы.

¹ Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003.

В информационном обществе важна не истина, а победа в информационной схватке. И пропагандистская обстановка, созданная вокруг событий в Югославии и Афганистане, на Ближнем Востоке и Ираке, убедительно показали способность СМИ выстраивать миллионы людей в информационно-послушное большинство, почти так же, как выстраивают солдат на плацу.

Во всех вопросах американские средства информации (они, разумеется, не исключение) наглядно продемонстрировали образцы замкнутого информационного пространства, в котором *навязывается* дезинформация. «Оберегая» американцев от нежелательной информации, они окружили администрацию Буша защитным информационным «забором», отказываясь подвергнуть сомнению даже те ее действия, которые посягают на гражданские права и вступают в противоречие с Конституцией.

Распространение за рубежом целенаправленной информации, рассчитанной на продвижение своих политических и экономических устремлений, укрепление позиции своего бизнеса, — важная компонента внешнеполитической стратегии крупных государств. Что касается США, то они проводят политику активной информационной экспансии в глобальных масштабах.

Названные процессы в сфере информации имеют место и на российской почве, причем нередко — как результат современного состояния нашего общества — в гипертрофированном и уродливом виде. Большинство общенациональных печатных изданий находятся в собственности олигархических структур. Они вместе с властными группировками контролируют часть телевизионных каналов. Именно ими главным образом определяется позиция этих средств массовой информации по важнейшим проблемам страны — ее политической, экономической и духовной жизни, истории и внешней политике, а также информационная обеспеченность различных секторов хозяйства, различных слоев населения. Общественные устремления, государственные интересы и нужды принимаются во внимание лишь в той степени, в какой они не противоречат — а это бывает нечасто — интересам олигархов.

Отсюда нередкое манипулирование общественным мнением ради «проталкивания» личных или групповых целей представителей крупного бизнеса и тех или иных властных кругов, внедрение в сознание аудитории специально подобранной информации/дезинформации под видом достоверных сведений из независимых источников. Отсюда денежная цензура, которая в соединении с почти повсеместной либеральной и квазилиберальной цензурой, осуществляемой самими СМИ, ведет к монополизации их социально-политического содержания, перекрывая доступ людям с альтернативным мнением. Поэтому одни и те же персонажи изо дня в день представлены на всех каналах.

Наконец, отсюда ориентация на вкусы и запросы так называемой элиты, неодинаковое информационное представительство различных слоев населения, серьезный дефицит информационной обеспеченности, когда речь идет о сельском хозяйстве, промышленности, строительстве, транспорте, работниках малого бизнеса, рабочих, крестьянах, безработных. И, напротив, социально ориентированная информационная привилегия государственных служащих, крупного бизнеса, праволиберальных кругов и т. д.

Финансируемые главным образом за счет доходов от рекламы, иначе говоря, за счет поступлений от компаний и отдельных представителей бизнеса, средства массовой информации, в первую очередь телевидение, как правило, солидаризируются с крупным бизнес-сообществом, прежде всего с влиятельными его членами, и воздерживаются от любой критики в их адрес.

Например, насколько охотно и настойчиво (и по праву!) критикуются коррупция, мздоимство чиновничест-

ва, настолько же последовательно обходятся вниманием подобные явления в бизнес-среде. Хотя в действительности коррупция — это основа, на которой сформировался союз влиятельных бюрократов и нуворишей, нередко криминального или полукриминального толка. И такой «суженный» подход — одна из причин, почему телевидение, в целом федеральные СМИ не играют активной, весомой роли в борьбе с коррупцией, ставшей парализующей силой, препятствующей здоровому развитию российской политики и экономики, более того, экзистенциальной угрозой для российского государства.

В последнее время образ бизнесмена идеализируется. В многочисленных сериалах неизменно фигурируют герои от бизнеса, облаченные в благородные доспехи щедрости, сострадания и т. д. И в этом не было бы ничего зазорного, если бы одновременно, как по контрасту, не подвергалась позору эгалитарность, настойчиво не создавался культ элитарности, цинично и беззастенчиво не оправдывалось социальное неравенство, не пропагандировалось и не внедрялось неуважительное отношение к простому люду: «дояркам, рабочим, токарям, бригадирам, механизаторам» и др.¹ О них пишут именно так, в тональности мелкотравчатого снобизма, заключая эти слова в иронически пренебрежительные кавычки, не скрывая снисходительного, даже высокомерного презрения к «неуспешным». Телевидение, как и другие СМИ, ориентируется на «успешных», «состоявшихся в жизни людей»², им чуждо внимание и сочувствие к «неуспешным». Как и те, кто задает им «маршрут», они стоят на рельсах стопроцентного социал-дарвинизма.

Один из олигархов, не мудрствуя лукаво, прямо «пошел на Вы», опубликовав в принадлежащей ему газете (в которой он нередко помещает в одном номере по две свои статьи) опус под названием «Несправедливость может быть справедливой». В тон ему другой автор лихо заявляет: «Борьба за справедливость — это героический псевдоним сволочиства и зависти»³.

Еще один олигарх — из самых крупных банкиров — не постеснялся заявить публично массовой газете с миллионным тиражом: «Я вполне циничен. Бизнес, как известно, циничная вещь, и все люди в этой сфере таковы. Наша цель — зарабатывать, и кроме прибыли нас в бизнесе ничего не интересует. Мы делаем только то, что нам выгодно. Я считаю, что если он (человек. — К. Б.) здоров и вдруг беден, то это стыдно сегодня. Богатые нравственнее бедных, хотя бы потому, что они могут позволить себе больше». Невольно приходит на память известная максима Конфуция: «Стыдно быть богатым в обездоленной стране, стыдно быть бедным в богатой стране».

На телевидении, в прессе почти не найти сюжетов, посвященных людям труда, простым гражданам, их жизни и работе, трудностям, с которыми они сталкиваются. Такие темы, очевидно, считаются неинтересными, не достойными внимания. Большинство федеральных средств массовой информации в этом отношении уступают даже радио «Свобода», которое, преследуя, разумеется, собственные политические цели, каждую субботу и воскресенье посвящает этой теме так называемый «Корреспондентский час». Равным образом отсутствует тема труда, его значения для формирования человеческой личности и реализации заложенных в нем творческих возможностей.

Средства массовой информации, если не считать периодически публикуемых статистических данных Федеральной службы государственной статистики и Всероссий-

ского центра изучения общественного мнения, обходят вниманием и существующий в России огромный социальный «перекос», уклоняются от анализа его причин и путей исправления ситуации.

Зато пресса, смакуя, описывает демонстративные эскапады сверхбогатых и выставляемую напоказ роскошь, разбрасываемые ими миллионы на потребу своим капризам. Не были, например, обойдены вниманием, не лишены подобострастия, ежегодно проводимые так называемые ярмарки миллионеров, в том числе последняя, которая имела место уже в разгар финансового кризиса, в ноябре 2008 года.

Так СМИ объективно помогают превращать естественные социальные противоречия в социальную ненависть, накапливать социальное напряжение, ныне погруженное в общественную пассивность и апатию, но могущее в одночасье разразиться взрывом. Они со своей стороны «работают» на понижение социального капитала общества в целом, его творческого потенциала и пассионарности. И исправить положение невозможно без изменения отношения к этой теме, без восстановления в СМИ «статуса» простого человека, показа его реальной роли.

Средства массовой информации, особенно телевидение, сегодня погружены в поэтизацию обогащения (и обогатившихся), причем любой ценой и вне всякой связи с темой труда, которая прочно забыта. Труд как источник и основа материального и общественного преуспеяния, как самоценность человеческой жизни чужд телевидению в его нынешнем виде. СМИ доказывают, что деньги — основное мерило ценностей человека и ценности его самого, нацеливают граждан на добывание их всеми способами. Российское телевидение чуть ли круглосуточно настойчиво твердит: «Деньги, деньги...», абсолютно игнорируя при этом духовно-нравственные и даже религиозные проблемы и границы, реально связанные с этой стороной жизни, всячески украшая безудержную погоню за златом. «Эхо Москвы» чуть ли не каждый час убеждает слушателей: «Деньги не пахнут», переворачивая заключенный в этой поговорке нравственный наказ.

На всех телевизионных каналах воспевают не достаток, не достойную жизнь, а именно богатство, роскошь, так называемый гламур — утеху и признак маргиналов, ложатся перед ними ниц. Все другие идеалы если даже изредка уминаются в эфире, то лишь как бедные, бесправные родственники. На пьедестал поднято ампула девушки-охотницы за богатым женихом или покровителем.

На этом фоне обедняются, а также коррумпируются многие сферы человеческой деятельности. Даже в подаче спортивных сообщений приоритетное место отдается не достижениям атлетов, а завоеванным ими денежным призам. К ним привлечено наибольшее внимание, информация об этом выдвигается на первый план.

Между тем экстатический, безудержный культ денег, имманентный самой природе рыночной экономики, фактически эстетизирует охоту за ними, порождая рыночную нравственность, которая сродни безнравственности.

Конечно, нельзя жить в обществе с рыночными отношениями и быть свободным от них, но это не дает телевидению индульгенцию настраивать миллионы людей на отказ от нравственных ограничений, а фактически — на освобождение от нравственности. Действуя в этом духе, российские средства массовой информации становятся инструментом деструктивного влияния на нравы, духовную жизнь общества.

К духовно-нравственному обеднению ведет и пропаганда средствами массовой информации социального и интеллектуального элитаризма, безбрежного индивидуализма, безразличного к благу общества и страны. Индивидуализма, который не только лишает общество абсолютно

¹ См., например: Известия. 2008. 20 сент.

² Выражение О. Цветковой, программного директора Megapolis, опившей свою целевую аудиторию (Независимая газета. 2008. 20 окт.). Это новое, ранее неизвестное деление общества, очевидно, означает, что так называемым «несостоявшимся» следует считать, что они прожили свою жизнь зря.

³ Литературная газета. 2008. 22–28 окт. № 43.

необходимой ему здоровой дозы солидарности и коллективизма (к тому же традиционно присущего россиянам), но и напоминает бескрайний эгоизм, содействуя ослаблению человеческих связей, пестуя равнодушие к ближнему и вседозволенность. И что особенно важно — в реально существующих условиях он сопровождается скукоживанием индивидуальности и своего рода обезличиванием, вырождается в *безличностный* индивидуализм человека-толпы.

В эту «программу» органически вписывается еще один путь вымывания морали — раздуваемые СМИ культ насилия, культ секса и сексуальности, плотских удовольствий. Секс, по сути животный (без любви, вместо нее), — другой, помладше божок и «товар», который нам беспрерывно рекламируют. Это фактор, способствующий кризису семьи и отходу от моногамии, человеческой привилегии, в сторону промискуитета.

Суммируя, приходится констатировать: безоглядная пропаганда консюмеризма, «красивой» роскошной жизни, воспевание насилия, героизация бандитов и разбогатевших на преступной приватизации промышленно-финансовых магнатов подрывают трудовую мораль, обесценивают в общественном сознании добросовестный честный труд. Он становится уделом неудачников, не вписавшихся в рыночную среду. Клонирова худшие зарубежные образцы, средства массовой информации создают в обществе атмосферу бездуховного и чуждого нашим традициям мелкотравчатого гедонизма.

Есть все основания говорить о своеобразном телегипнозе, нацеленном на примитивизацию сознания и прямое обовлаживание, превращающем людей в бездумную, бездуховную массу, стимулирующем низменные инстинкты.

Как известно, патриотическое самосознание, опирающееся на национальную гордость и достоинство, — незаменимый компонент социального и человеческого капитала общества, государственной мощи. Значение этого фактора вновь подтвердил опыт Китая, явившись одной из движущих сил нынешнего экономического возвышения Поднебесной. Между тем в течение многих лет в российских СМИ было принято хулить нашу страну, наш народ, награждая их всякого рода уничижительными характеристиками. Пренебрежительные словечки вроде «эта страна», «этот народ» были распространены до последнего времени, да и сейчас не вышли из употребления. Глумились над историей России, не щадя и героических ее страниц. Великая Отечественная война изображалась (а порой изображается и до сих пор) как схватка двух тиранов, принималась роль страны в победе антигитлеровской коалиции.

На страницах центральных газет до сих пор можно встретить такие «перлы»: «Грязь и слякоть — часть самого образа России. Как известно, “немытую Россию” вряд ли удастся в будущем избавить от грязи»¹. Или изящное сочинение, принадлежащее А. Малашенко, сотруднику Московского центра Карнеги. В статье под названием «Говоря о России с честностью» он заявляет: «*Великая держава* — не этот ли народ посадил себе на шею Ленина–Сталина–Хрущева–Брежневца и терпел, терпел? *О несокрушимой легендарной Красной армии*. Надо заглянуть в историю: последняя яркая победа — это оккупация в 1968 году Чехословакии. А уж как ее, эту армию, били. *Об исключительных ценностях русской цивилизации и особом пути развития*. Да просто хреновый, наш этот национальный путь. *Всю жизнь Дунька рвалась в Европу...*»² и т. д. Между тем пытаться запятнать историю России — это значит пытаться лишить ее национального лица, самоидентификации, ибо история — это форма национально-народного самосознания.

¹ Ведомости. 2007. 14 дек.

² Независимая газета. 2007. 26 апр.

Важным стимулом и опорой патриотических настроений являются внешнеполитические проблемы и решения. Средства массовой информации в США, Англии и других государствах чаще всего, или как правило, поддерживают общую направленность внешнеполитического курса своих стран. Нынешняя Россия в этом отношении, пожалуй, уникальна. Большое количество центральных печатных изданий и некоторые радиостанции солидаризируются с оппонентами России. Печатное и телевизионное слово во многих случаях рисует Запад, особенно США, в пасторальных или даже восторженных тонах. Из нашей прессы мы можем узнать, что «стандарт цивилизованной страны олицетворяется Соединенными Штатами»³; что «борьба за суверенитет — это то же самое, что готовиться к отражению нашествия марсиан, строить дамбы на Урале»⁴, что выступление В. Путина на совещании российских послов — это «продолжение антиамериканского наступления»⁵.

В российском эфире можно услышать и такую сентенцию (она принадлежит литератору В. Ерофееву): «Будь я президентом Польши, попросил бы американцев разместить у нас свои ядерные боеголовки, чтобы русские боялись нас, как в XVII веке»⁶. Впрочем, его превзошла Ю. Латынина, заявившая, что «Южная Осетия — это совместное предприятие генералов КГБ и осетинского гангстера, которые совместно используют деньги, расходуемые Москвой для войны против Грузии»; или: «Эта война не по поводу Южной Осетии. Это относится к матрице Российского государства и его выживанию. Зверь нуждается в подкармливании»⁷.

Сходные явления или события нередко получают разную оценку в зависимости лишь от того, где они происходят — в США или России. Например, российские средства массовой информации не пожалели критики в связи с попытками ввести в школах уроки патриотического воспитания (или военного дела). В то же время как нормальное было преподнесено обращение президента Буша с патриотически взволнованной речью к десяткам тысяч подростков, собравшихся на фестиваль бойскаутов на одной из военных баз в штате Вирджиния.

Российская пресса — не без влияния некоторых представителей крупного бизнеса, претендующих на активы белорусских предприятий, — в течение ряда лет синхронно с западными коллегами вела (и все еще ведет) враждебную кампанию против Белоруссии, не чураясь даже прямой дезинформации.

Или, например, российско-китайские взаимоотношения, имеющие фундаментальное значение для безопасности нашей страны и ее внешнеполитического маневрирования. Большая часть российских СМИ — опять же синхронно с американскими коллегами — занимает недружественную позицию по отношению к Китаю. Приведу несколько примеров из практики последних лет.

Первый визит в Москву президента Цзян Цзэминя, заключение между нашими странами Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве одна из центральных газет отметила выделенной на первой полосе крупными буквами «цитатой дня»: «С такими друзьями враги не нужны»⁸. В ней же несколько лет спустя рисовалась перспектива «мобилизации китайского народа на освоение пустующих северных территорий — наших Сибири и Дальнего Востока» и заявлялось, что «России нужно сегодня прежде всего наращивать свой военный потенциал

³ Коммерсантъ. 2007. 30 авг.

⁴ Известия. 2006. 24 апр.

⁵ Коммерсантъ. 2006. 28 июня.

⁶ Известия. 2008. 11 апр.

⁷ Цит. по: *The Economist*. 2008. 16–30 Aug.

⁸ Известия. 2002. 17 июля.

на восточных границах»¹. В другой центральной газете за несколько месяцев до этого в унисон утверждалось: «Для нас вполне реальна угроза крупномасштабной войны (противником в такой войне будет, конечно, Китай, скрывать тут нечего)» и звучали призывы «сегодня прежде всего наращивать свой военный потенциал на восточной границе»². Радиостанция «Эхо Москвы», не без иронии комментируя «исторический визит» президента Д. Медведева в Поднебесную, одновременно настойчиво внушала мысль о «китайской» опасности.

Некоторые российские СМИ не преминули принять участие в антикитайской кампании накануне Олимпиады в Пекине в связи с событиями в Тибете. Причем один из российских обозревателей сумел даже «превзойти» многих западных собратьев по перу. В глумливой статье он приравнял ее к Олимпийским играм в фашистской Германии.

Российское телевидение опирается на американские стандарты. Его программы почти исключительно заимствованы отсюда. И это далеко не лучшие образцы. Они отражают духовно-этическую деградацию западного общества, причем их негативные черты часто подчеркиваются и утяжеляются, а слой желтизны у российских СМИ часто погуще. В результате телевидение, которое в идеале призвано служить укреплению в населении сознания своей национальной идентичности и общности, становится проводником иностранных ментальных и духовных (вернее, бездуховных) эталонов.

В 2006 году на 11 основных федеральных каналах («Россия», Первый канал, ТВЦ, НТВ, «Культура», СТС, РенТВ, ТНТ, ТВ-3, «Домашний») доля отечественных кинофильмов составляла 41,1 % (российских — 30,2 %, советских — 10,9 %), количество зарубежных достигало 57,4 % (американских — 48,5 %, евразийских — 8,9 %). Нужно ли удивляться тому, что молодой российский зритель не знает Черкасова и Никулина, Грибова и Ливанова, зато ему хорошо знакомы Шварценеггер и Брэд Питт, Сталлоне и Ди Каприо.

С тех пор положение не улучшилось. «Это значит, — делает закономерный вывод профессор П. Н. Кирпичек, проведший контент-анализ программ кабельного телевидения, — что в цивилизационном *противостоянии* Россия—США на российской духовной почве (!) отечественное телевидение подыгрывает (я бы добавил: объективно. — К. Б.) иноземцам, атакующим наше культурное пространство»³.

Американские фильмы, которым отдает предпочтение российское телевидение, как правило, не только низкого качества в художественном отношении (отсюда отчасти их относительная дешевизна), но только воспевают «суперменство» янки и США как обитель и излучатель свободы, но и порой оскорбительным образом изображают наших людей.

Это комбинированная (извне и изнутри) информационная экспансия объективно нацелена на постепенную, вкрадчивую вестернизацию, а точнее американизацию, основ общественного сознания в нашей стране, трансформацию нашей ментальности, традиций, нравов, обычаев. Иначе говоря, посягает на российскую национальную идентичность. И этот информационный поток никакого сколько-нибудь серьезного интеллектуального или художественного противодействия фактически не встречает. Источник этого следует искать в том, что, избавившись от прежней цензуры, СМИ очутились в оковах новой рейтинговой (а также квазилиберальной) неволи — не ме-

нее, а порой даже более жесткой, чем ушедшая в прошлое.

Идолом телевидения, главным, если не единственным критерием отбора сюжетов стал так называемый рейтинг, за которым явственно просматривается денежный мотив, определяемый рекламой и рекламодателями. Здесь возникает своего рода порочный круг, своеобразная система сообщающихся сосудов. Избрав в качестве основной развлекательную функцию, телевидение реализует ее через продукцию часто невысокого качества, обильно «фаршированную» пошлостью. В свою очередь массовый зритель, в большинстве своем изначально не отличавшийся особым вкусом и иммунитетом к пошлости, ныне, после многолетнего «облучения» телехалтурой, сам является настойчивым ее потребителем, определяя популярность тех или иных передач, подталкивая телевидение к работе в этом направлении.

Хотя нельзя сказать, что российское телевидение вовсе освободило себя от культурно-просветительской функции. Но эта составляющая практически не играет сколько-нибудь заметной роли. Кроме того, ведь важна не информация как таковая, а та, которая соединена неразрывно со знанием, *дает знание*, а в этом отношении российскому телевидению, как и его зарубежным аналогам, особенно хвалиться нечем. Информация без знания, ее недостаточная объективность и неполнота со своей стороны ведут к переключению внимания аудитории к «чисто» развлекательным передачам, скептическому отношению к информационному контенту телевидения, наконец, к журналистам.

Телевизионное пространство перенасыщено и загрязнено масскультурой низкого пошиба, без подлинной культурной и духовной составляющей, всякого рода скандальными историями (кстати, слово «скандал» едва ли не самое любимое у СМИ). На первый взгляд масскультура носит поверхностно-развлекательный характер и лишь призывает зрителей к тому или иному виду досуга или к тем или иным его «культовым» фигурам. Однако в действительности она, как бы незаметно, способна оказывать более глубокое воздействие: формировать или менять ценностную ориентацию, прививать определенное мировоззрение, особенно молодежи. Для многих это становится ценностным знаком времени. «Зараженная» этими ценностями (псевдоценностями), молодежь отлучается от подлинного искусства и культуры. Более того: не остается интактной и ее национальная самоидентификация. Действия так, телевидение фактически «стреляет» в будущее России.

На экранах телевизоров, на всех каналах «мелькают» одни и те же фигуры из «попсовой тусовки». У них берут интервью, интересуясь в основном любовниками и любовницами, сексуальными наклонностями, адюльтерами, незаконнорожденными детьми, деньгами, особняками, курортами. И чем ничтожнее творческие результаты «звезд», тем более активно они рекламируют свою личную жизнь. Из некоторых персонажей этого общества буквально сочится пошлость.

В роли «звезд» телеэкрана, превращаемых в кумиров, в эталон для молодежи, выступают девицы, прославившиеся зарубежными скандальными похождениями⁴, или своим непристойным эпатажем вроде публичной хвалы мастурбации («Моя свобода — мастурбировать в ванной, ваша — переключать каналы»), или вызывающими заявлениями о том, что ее интересуют только деньги и ей абсолютно все равно, что передача «Дом-2», фактически

¹ Известия. 2006. 7 марта.

² Независимая газета. 2008. 17 апр.

³ Кирпичек П. Н. Современная информационная политика: императивно-модусная трансформация // Социс. 2007. № 10. С. 90–95.

⁴ Самая известная из них недавно на страницах общенациональной газеты с вызовом доказывала «нормальность» социальных контрастов, существующих в российском обществе, и объявила гламур маркером «кус-пешных».

пропагандирующая беспорядочные половые связи, транслируется в детское время и смотрят ее в основном подростки. Кстати, на кастинге на эту передачу задают такие вопросы: «На какой день ты готова переспать с любым участником? Ты занимаешься проституцией? Любишь заниматься сексом?» и т. д.¹ Добавим, что эта особа на последней ярмарке миллионеров вела Клуб благородных девиц.

В демонстрируемой телеканалом «2×2» серии «Крутой учитель Онидзука» весь аудиовизуальный ряд, согласно выводам экспертов, «используется только для прикрытия сцен с полубожаженными ягодицами 12–14-летних девочек крупным планом». Девочки протестуют, называя Онидзуку извращенцем, но он фотографирует их в таком виде на память. Эксперты заключили, что серии содержат элементы детской порнографии, пропагандируют сексуальное извращение, насилие и жестокость². Возможно, особенно показательна в смысле облика российского телевидения продемонстрированная недавно передача об академике Ландау, где естественный и поучительный рассказ о гении науки был подменен очередной околосексуальной вакханалией, образчиком сексомании. В который раз было продемонстрировано, что содержание (вместе с этическим или антиэтическим зарядом) — это всего лишь товар, который популяризируют, следуя за «святым» рейтингом.

Не отстанут и рекламные ролики, где наряду с назойливой демонстрацией полубожаженных тел (вне всякой связи с рекламируемым товаром) можно услышать произносимые пафосным голосом фразы, вроде: «Ночью можно все»; «Что носит ночная медсестра под халатом? Это хочет знать каждый больной» и т. п. РИА «Новости» не без восторга рекламирует сутенера, главного героя фильма «Платон»: «Платон — успешный, обаятельный молодой человек. Его бизнес — познакомить красивую девушку с состоятельным человеком и получить гонорар. Платон наделен незаурядным умом и привлекательной внешностью, что в сочетании с блестящим чувством юмора и коммуникабельностью позволяет ему вести бизнес и иметь успех у представительниц прекрасного пола»³.

На этой же непристойной стезе без моральных препон подвизаются и некоторые печатные СМИ. Например, газета «Московский комсомолец» иногда отводит половину полосы объявлениям такого рода: «Супердосуг с девочками»; «Досуг. Недорого. Девушки+»; «Досуг. Выезд. (18–60-летние)»; «Досуг. Соблазнительные дамочки»; «Досуг. Круглосуточно»; «Досуг. “Трешницы”»; «Досуг. Молоденькие»; «Досуг с девочками. Апартаменты и выезд»; «Досуг. Студентки» и т. д.⁴

Телевизионное пространство также «загрязнено» нескончаемым потоком низкопрофессиональных, испеченных на скорую руку сериалов, где неизменно фигурируют бандиты и «менты», причем и те и другие — очевидно, в назидание зрителям — без конца прикладываются к спиртному. Кстати, последние занимаются этим в служебное время, вынимая припасенные бутылки из сейфов и казенных столов.

На американский манер смакуются сцены насилия, телеглаз охотно останавливается на трупах и не чурается даже сцены, в которой родители вне себя от горя плачут, склонившись над распластанной на земле дочерью, еще не зная (это подчеркивается особо), что она мертва. И телевизионщиков ничуть не останавливает то, что подобные «картинки» несут стресс миллионам людей.

Происходит своего рода романтизация блатной лексики, фактически беспрепятственно распространяются похабные разговоры и мат. Даже на федеральном канале

можно без ограничений сквернословить в детское время. Зато совсем не в чести, в том числе у ведущих передач, величайшее достояние России — русский литературный язык, язык Пушкина и Лермонтова, Тургенева и Толстого, Чехова и Бунина.

Поразительно опошлен и низок уровнем юмор, который щедро потчуют зрителя теледеятели. Приведу несколько примеров. В юмористическом шоу «Ты смешной!» пенсионер поет: «Молодая девушка, уху я варила, сваху я кормила». А старушка в парике, пританцовывая, голосит: «Что вы, девки, не поете? Я старуха — я пою. Что вы, девки, не даете? Я старуха — я даю» (далее следуют более похабные вирши). Дама с белыми кудельками читает «талантливо кастрированную рекламу»: «К нам в трусы спешит реклама, всенародно объявить: что помыть, что освежить, что заткнуть, что укрепить».

Известная журналистка И. Петровская в комментариях к этому шоу юмористов-«любителей», говоря о «профессионалах» в этой области, справедливо заметила: «Зрители благодаря им уже дошли до той точки “ржи” (от слова “ржать”. — К. Б.), когда для них по большому счету не имеет значения ни качество юмора, ни уровень актерского мастерства, ни тем более драматургия представления: штаны на сцене снял, слово из трех букв произнес, плюющегося верблюда показал — публика твоя»⁵. Впрочем, как ни удивительно, у пошлости есть поклонники и адвокаты, в том числе «высоколобые», открыто ее отстаивающие. Так, В. Ерофеев объявил, что «слово “пошлость” принадлежит XIX веку, этим словом совершенно невозможно размахивать, потому что никто не знает, что это такое»⁶.

В то же время остро не хватает аналитических передач, просвещающих по важнейшим вопросам жизни общества и государства. Отсутствует и квалифицированное обсуждение аналитических проблем, актуальных в пору экономического кризиса. Руководителям телевидения, очевидно, не интересна и конкретная экономика. В программах не находится места для рассказа о тех или иных промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, о работающих там людях, об опыте новаторов.

Почти забыты и дети. Им посвящено лишь несколько передач, причем некоторые из них, как уже отмечалось, с отношением к детскому содержанию. Зато детям щедро предоставляется возможность смотреть фильмы, засоренные кровавым насилием и скабрёзными сценами, — их демонстрируют днем или ранним вечером, когда дети еще бодрствуют.

Если послушать иных видных телевизионных деятелей, существующее положение является нормальным и естественным. Президент СТС Медиа А. Роднянский, например, заявил, что «наше телесообщество обладает достаточной внутренней цензурой и внутри себя очень даже здорово»⁷. Один из руководителей телеканала «Россия» недавно решительно провозгласил, что телевидение не должно воспитывать — иначе говоря, отверг одну из главных его функций. На самом деле наше телевидение воспитывает, но в ракурсе бездуховности и аморальности.

Вот что по этому поводу говорит Дж. Файзиев, которого «Независимая газета» представила как известного кино- и телесценариста, режиссера и продюсера: «Продюсерам и топ-менеджерам надо угадать единый выбор в головах миллионов людей. Вечером после тяжелого дня... думаете он включит канал “Культура”, чтобы послушать рассуждения философа о несовершенстве мира? Да, поймите же, телевизор — это столовая, а не ресторан. Способ приятно провести время»⁸.

¹ Литературная газета. 2008. 19–28 нояб.

² Коммерсантъ. 2008. 27 нояб.

³ См.: Известия. 2008. 19 нояб.

⁴ См., например: Московский комсомолец. 2008. 9 дек.

⁵ Известия. 2008. 5 дек.

⁶ См.: Известия. 2008. 11 апр.

⁷ Комсомольская правда. 2008. 8 дек.

⁸ Независимая газета. 2008. 5 дек.

Чудовищный развлекательный «перекосяк» телевидения имеет еще одно серьезное последствие для общества — он отвлекает людей от реальности, отучает от сознательного участия в жизни общества, политике, подталкивает их к превращению в апатичную, зомбированную толпу, готовую некритически поддаваться манипуляторному внушению с экрана. Это в свою очередь способствует тому, что политика утрачивает свое аутентичное, демократическое содержание, все более приобретая черты шоу-бизнеса. Возникает не лишняя оснований мысль, что специфическая направленность телепрограмм, линия на «развлекательное» отвлечение миллионов от реальности — не только результат погони за рейтингом, но и сознательный выбор.

Такое телевидение служит орудием определенной «дебилизации» массы граждан и эффективно отвлекает от общественных проблем, политики. В этом заинтересованы сильные мира сего — как финансовые воротилы, так и часть власти предрежащих, то есть тех, кто хотел бы, чтобы политика была только их делом и ею можно было бы заниматься без помех, без «посторонних». Массы же «кормят» шоу-бизнесом, «развлекалкой».

В таком телевидении заинтересованы телевизионные боссы, оно приносит им и их покровителям большие деньги. В нем заинтересована часть так называемой творческой интеллигенции, которая не сходит с экранов. Она тоже неплохо «кормится» на этом поприще. Наконец, в нем заинтересована и часть журналистов, которая не только свыклась с нынешним телевидением, но и обрела уютное пристанище.

Говоря о воздействии телевидения на духовный мир и ментальность человека, следует учитывать некоторые его конструктивные особенности: аудиовизуальный язык и акцент на картинку, как правило, способствуют тому, что у зрителя-слушателя задействован меньший интеллектуальный потенциал, чем, скажем, при чтении, требующем интеллектуального усилия, размышления. То есть телевидение проще для восприятия. И вряд ли случайно, что процесс развития телевидения, его популярности проходит параллельно с сокращением числа читающих. Телевидение вытесняет чтение. По данным на 2005 год (с тех пор положение вряд ли улучшилось), тиражи газет по сравнению с 1990 годом сократились в 6 раз, журналов — в 8, а по подписке — соответственно в 7 и 16 раз. Более половины населения страны вообще не читают¹. Телевидение безусловно доминирует в информационном поле России, оно не только основной, но для многих россиян единственный доступный источник информации.

Функционирующие в описанной системе координат журналисты, по крайней мере некоторые из них, тоже несут на себе ее отпечаток, в той или иной мере «заражены» морально-политической коррупцией и готовностью сделать красиво или, наоборот, некрасиво по приказу своих боссов. Изнакомкой амбициозной претензией на роль безупречных носителей подлинной правды, хранителей факела свободы и демократии нередко является редкостный цинизм. Когда главным критерием пригодности становится готовность обслуживать интересы хозяев, естественно снижение уровня профессиональных требований. В результате на телеэкранах, на газетных полосах наряду с яркими образцами талантливой журналистики и публицистики обильно представлены невежество, незнание предмета рассуждений, неумение владеть пером или говорить литературным языком, взятые с потолка сценарии псевдоисторических фильмов.

Все это серьезно сказалось на отношении к средствам массовой информации и особенно к журналистам, кото-

рые уже не окружены доверием, как в недавнем прошлом. Ставшие в перестроечные годы народными любимцами, журналисты ныне большей частью пользуются сомнительной репутацией.

Думается, немалое значение имеет еще один момент. Журналисты — единственная профессиональная категория, которая исповедует своеобразную корпоративную этику весьма сомнительного свойства. Она предусматривает молчаливую индугенцию для членов цеха, расценивая как неэтичную, взаимную критику. На страницах газет, телеэкранах журналисты неизменно выступают в роли судей и обвинителей, но практически никогда как «судимые».

Явно не заинтересованы в обсуждении работы телевидения, содержания передач телевизионные начальники и олигархи. Эти темы как бы табуированы, им закрыт доступ на телеэкраны. Телевидение фактически выведено из пространства общественных дискуссий. Телевизионные руководители не без высокомерия отвергают критику в свой адрес, хотя волна недовольства поднимается все выше.

Итак, какую функцию телевидения мы бы ни взяли — просветительскую, информационную, наконец, телефаворита, развлекательную — российское телевидение не реализует их в сколько-нибудь приемлемом виде. Телевидение, многие средства массовой информации не выступают в роли, которая остро необходима новой России — института, информирующего и просвещающего общество, оберегающего его демократические основы, служащего его чутким нервом. Напротив, они (речь идет главным образом о телевидении) становятся опасным для общества орудием его духовной деградации, разрушения национального самосознания, нравственного разложения и культурного одичания, прививают им дурной вкус, приучая к пошлости. В итоге СМИ работают не на повышение, а на понижение социального и человеческого капитала российского общества, его социальной энергии. Это особенно нетерпимо сейчас, когда огромное, возможно, критическое значение для судеб России приобрело моральное оздоровление общества, восстановление в правах духовно-нравственной составляющей нашей жизни, изменение отношения к труду, долгу, семье, обществу.

Возникает вопрос: можно ли изменить создавшееся положение и каким образом? Понятно, что конструктивное решение проблемы «оздоровления» средств массовой информации представляется достаточно сложным. Действуя в обществе товарных отношений, российское телевидение, как уже говорилось, не может быть свободным от них, от навязываемого ими этического релятивизма. В этом смысле характерна недавняя инициатива британского журнала «Экономист», кстати, бескомпромиссного поборника свободного рынка. Он на своих страницах и на своем сайте в Интернете поставил характерный вопрос: «Свободный рынок коррумпирует мораль?» — и половина опрошенных (ученые, журналисты, спортсмены, бизнесмены) ответили утвердительно². Очевидно, речь должна идти о мерах, которые способны хотя бы отчасти нейтрализовать влияние товарных отношений, смикшировать его, смягчить противоречие между естественными телевизионными задачами и рыночной реальностью.

В любом случае прежде всего надо вернуть средства массовой информации обществу. Вернуть — значит поставить под его контроль. Именно контроль общества над СМИ, фактически ныне утраченный, является главной силой, которая может задать им правильную траекторию функционирования. Опираясь на этические нормы, он станет гарантом необходимого баланса между свободой средств массовой информации и их ответственностью.

Одной из форм общественного контроля и общественной цензуры могут быть советы по саморегулированию

¹ См.: *Ненашев М.* Нечитающая Россия // Российская газета. 2005. 25 нояб.

² *The Economist*. 2008. 8 Nov.

СМИ (в ряде развитых стран они оказались эффективными, а в Великобритании его глава — королева). Предполагается, что создание таких советов или других подобных структур будет происходить при поддержке средств массовой информации и журналистов, с их участием. Советы обязательно — и это *conditio sine qua non* — должны состоять из признанных в обществе авторитетов с безупречной репутацией. Только в этом случае они будут обладать весом, достаточным для того, чтобы теледеятели и журналисты чувствовали себя обязанными считаться с их рекомендациями, зная, что иначе окажутся в сомнительном положении или даже будут подвергнуты остракизму. Разумеется, при этом должны быть выработаны добровольные ориентиры, в которых были бы воплощены общественные интересы и обеспечено адекватное сочетание журналистской свободы и ответственности. При соблюдении названных условий советы, о которых идет речь, были бы демократическими структурами и одним из элементов гражданского общества.

Чрезвычайно важно хотя бы частично освободить телевидение от полной зависимости от рекламы и рекламодателей, диктатуры рейтинга. Это возможно при определенной финансовой помощи государства, а также введения небольшой, необременительной платы за пользование телевидением (и первое, и второе уже практикуются в ряде стран).

Несомненно, необходима *государственная информационная политика*, которая ныне отсутствует. Применительно к телевидению власть, удовлетворенная его политической лояльностью, практически равнодушна к другим аспектам телевизионного контента, к этической ориентации телевидения. Между тем никто не освобождал государство от ответственности за нравственное здоровье нации — это незаменимый компонент социального и человеческого капитала российского общества, важная предпосылка его успешного политического, экономического и культурного развития.

Говоря о государственной информационной политике, мы отнюдь не имеем в виду цензуру в любом виде.

Она неприемлема да и не способна принести искомый результат. Речь идет о системе целей, направлений, мер, способствующих реализации интересов общества, страны в информационной сфере. Конечно, чтобы не только правильно обозначить эти цели и направления, но и сделать их эффективными, само государство, очистившись от налипшей коррупционной и непотистской коросты, должно предстать перед народом как нравственный субъект, нравственный измеритель, быть в отношении общества силой, культивирующей духовность и нравственность, ценящей и пестующей его интеллектуальный потенциал.

Наконец, в настоящее время уже существует весомая незаменяемая предпосылка изменения нынешней ситуации на телевидении — меняющееся (и достаточно заметно) отношение к нему российского зрителя. Все больше он отторгает навязываемое ему телевизионное «варево». Дело дошло уже до того, что согласно опросам 58 % россиян высказываются за введение государственной цензуры на телевидении. (И что особенно важно, это касается и молодежи.)

Однако необходимо, чтобы это «брожение» получило общественное выражение, приняло форму общественного движения при активной вовлеченности авторитетных научных, научно-образовательных организаций, широких кругов интеллигенции.

Думается, что такого рода усилия встретят поддержку и внутри телевизионного сообщества, где немало людей, которые видят свой долг в здоровом телетворчестве. Именно им, наверно, мы обязаны такими «светлыми пятнами», как многие программы на канале «Культура», отдельные интеллектуальные и просветительские передачи, качественные кинофильмы (которые, правда, почему-то показывают далеко за полночь), талантливые журналистские работы, за которыми стоит добросовестный, общественно значимый поиск.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что на ниве «оздоровления» телевидения, сближения его с интересами общества еще многое предстоит сделать и что это не совсем безнадежное дело.

А. Н. Горбенко¹

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИБОБОРСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Диалог культур — это форма и уровень коммуникативного процесса, в идеале приводящего к гармоническому взаимодействию его участников. Однако мир сложен, взаимодействия участвующих в информационном обмене сторон предполагают не только гармонию межгосударственных и межкультурных отношений, но зачастую и информационное противостояние, противоборство, в основе которого — стремление к получению превосходства над противостоящей стороной в интересах достижения своих целей. В современном мире информационное противоборство играет более чем заметную роль.

Информационные формы и способы борьбы с противником, манипулирование его сознанием — одна из древнейших форм физически ненасильственного управления людьми, много веков практически применяемая и теоретически осмысливаемая в обществе. На эту тему размышляли Конфуций, Платон и Аристотель. В последующие столетия были написаны многочисленные трактаты и разра-

ботаны соответствующие методики. О необходимости «развития духа» писал А. В. Суворов в своем военно-теоретическом труде «Наука побеждать». По словам Наполеона, четыре газеты смогут причинить больше зла, чем сто тысячная армия. Однако в предшествующих военных столкновениях, несмотря на то что широко использовалась пропагандистская деятельность и изощренные методы дезинформации, решающую роль играло огневое поражение противника. В конце XX — начале XXI века обязательным и главным атрибутом победы является завоевание превосходства в информационно-психологической сфере.

Переход к однополярному мировому порядку привел к активизации теоретических разработок и практического применения новых методов и средств информационного противоборства. Об этом говорят основные результаты исследований, проведенных специалистами американской корпорации «Рэнд» в конце 1990-х годов и представленных в Отчете MR-661-OSD (*Strategic Information Warfare. A new face of War*).

В этом документе впервые употребляется термин *strategic information warfare* — «стратегическое информационное противоборство». Появление подобной термино-

¹ Главный редактор, генеральный директор «Российской газеты». Председатель Комитета по предпринимательству в сфере СМИ и книгоиздания Торгово-промышленной палаты РФ, президент Гильдии издателей периодической печати, вице-президент Союза издателей и распространителей печатной продукции.

логии существенным образом отличается от официальной трактовки информационного противоборства в достаточном узком смысле (подобие радиоэлектронной борьбы).

Необходимо отметить следующие ключевые особенности стратегического информационного противоборства (ИП): сравнительно невысокая стоимость его средств; отсутствие статуса традиционных государственных границ; усложнение обнаружения начала информационной операции, а также выделение поля этой операции в общем потоке информации.

Характерны различия двух поколений информационного противоборства. Если в первом поколении информационное противоборство понимается как *один из компонентов наряду с другими средствами достижения цели* (ядерными, химическими, биологическими и др.), то второе поколение стратегического информационного противоборства в условиях информационной революции трактуется как долговременное (недели, месяцы и годы) воздействие, позволяющее в принципе *отказаться* от использования военной силы.

В одном из двух сценариев, приложенных к Отчету, рассматривается ведение стратегического ИП России и США в период до 2010 года. Совершенно очевидно, что при всей новизне понятие «информационного противоборства второго поколения» формально обозначило цели информационной борьбы, которые вели спецслужбы США еще во времена холодной войны. Тем не менее ИП второго поколения предусматривает и несколько иную стратегию, предполагающую создание атмосферы бездуховности и безнравственности, формирование негативного отношения к культурному наследию противника; дестабилизацию отношений между партиями, объединениями и общественными движениями; инспирирование ошибочных управленческих решений; провоцирование социальных и национальных столкновений; подрыв международного авторитета государства и др.

С конца 1990-х годов специалистами корпорации «Рэнд» осознается факт, что стратегическое ИП является *самостоятельным принципиально новым видом стратегического противоборства*.

Директивой Президента США PDD-68 от 30 января 1999 года Белый дом создал новую структуру под названием International Public Information Group (IP), в задачи которой входит профессиональное использование разведывательной информации в целях оказания влияния «на эмоции, мотивы, поведение иностранных правительств, организаций и отдельных граждан». Существенную роль в создании агентства сыграло разведсообщество и прежде всего ЦРУ. Американские специалисты считают вполне возможным достижение в обозримом будущем подавляющего преимущества в информационной борьбе, что, по их мнению, позволит успешно разрешать конфликтные ситуации в свою пользу без вооруженного вмешательства.

История всех локальных вооруженных конфликтов конца XX — начала XXI века, начиная с операции «Буря в пустыне», связана с действиями сил и подразделений, специально подготовленных для проведения операций информационной войны. Их деятельность на сопредельной с противником территории (без непосредственного вооруженного соприкосновения) начиналась, как правило, задолго до нанесения первых огневых ударов. При этом действия сил специальных информационных и информационно-психологических операций в основном были настолько успешны, что вооруженные силы противника еще до начала боевых действий получали урон, который в минувших войнах мог быть нанесен только в результате нескольких тяжелых поражений и потери части территории страны.

Вместе с тем необходимо учитывать и отрицательный опыт информационной политики в вооруженных конф-

ликтах. Руководство НАТО обозначило ряд ошибочных информационных действий во время операции на Балканах и в период войны в Ираке. Однако нам следует обратить первоочередное внимание на собственные проблемы в этой сфере. Даже самые ярые приверженцы политики президента Б. Н. Ельцина не могут не признать, что обе чеченские кампании 1994–1996 годов в информационном плане были «вчистую» проиграны федеральными властями, что имело трагические последствия для международного престижа и военного авторитета Российской Федерации. И это при совершенно несопоставимых информационно-технических возможностях противоборствующих сторон.

Контролирующие возможности нашего государства в отношении международных потоков информации оказались очень слабыми. Развитие средств международной связи высветило дисбаланс между «информационно богатыми» и «информационно бедными» странами. Россия пока, к сожалению, относится к последним.

Принадлежность СМИ отдельным физическим и юридическим лицам, контролирующим направленные информационные потоки, создавала ситуацию, способную причинить ущерб национальным интересам во всех сферах. Мы хорошо помним направленность репортажей канала НТВ, владельцем которого являлся В. Гусинский. Имела свое значение и демонизация на Первом канале российского телевидения роли Б. Березовского в чеченском конфликте.

К тому же, как показала чеченская кампания, представители СМИ, стремясь получить информацию из «первых рук», по их мнению, самую достоверную и объективную, нередко оказывались в боевых порядках противоборствующих войск, не подозревая, что, кроме безусловной пользы общественности, они оказывают «услуги» противоборствующей стороне путем распространения сведений о составе частей и подразделений, их вооружении, командирах.

В целом недооценка роли влияния СМИ на общество, а также неумение «работать» с прессой способствовали своего рода «перепрограммированию» российской общественности: ухудшалось отношение к собственной армии в проводимой военной политике государства на Северном Кавказе, а цели чеченских боевиков становились ближе и понятнее.

Очевидно, что чеченская кампания явилась сильнейшим катализатором, способствующим осознанию военно-политическим руководством страны значительного влияния СМИ на общественное сознание и политику государства. В последующие годы российские средства массовой информации уже не оставались без внимания государственных структур. Думается, что важно найти «золотую середину» при выстраивании отношений власти и СМИ.

Сегодня структуры государственного управления все больше проявляют заинтересованность в разяснении и популяризации своей деятельности, в том, чтобы подготовленная ими информация доводилась до сведения общественности. Необходимым условием достижения целей деятельности государства является общественная поддержка. В этом плане может быть полезен опыт западных стран и прежде всего США, которые свою военную политику в обязательном порядке соотнобразуют с основательной подготовкой национального и мирового общественного мнения. На практике это нашло отражение в сформировавшемся принципе американской политики в отношении населения своего государства — «делать не только правильно, но и так, чтобы тебя правильно понимали».

Очевидно, что политическое руководство Российской Федерации извлекло позитивные уроки из предыдущих недоработок и большинство своих действий, особенно

в военной сфере, пытается четко объяснить своему населению, восстанавливая ослабленный контакт с обществом. Это еще раз подтверждает, что одной из главных задач государства является поиск оптимальной модели взаимодействия с обществом, где СМИ — необходимый элемент и средство, позволяющее сделать это взаимодействие эффективным.

В то же время следует учитывать, что ссылки на внутренние законодательства некоторых западных стран, обеспечивающие «безграничную» свободу информатизации, не всегда подтверждаются на практике. Скорее наоборот, все государства в той или иной мере регулируют порядок распространения и содержание информации, передаваемой на их территории. На первое место в данном случае, как правило, выносятся необходимость обеспечения национальной безопасности. Например, в США действует целая система норм, обеспечивающих ответственность средств информации. В США возросло число судебных процессов против средств массовой информации по обвинению в клевете и искажении фактов, крупные информационные компании все чаще привлекаются к ответственности.

Свобода получать и распространять информацию ограничена соображениями национальной безопасности и в других странах.

Россия, как отмечалось выше, извлекла определенный опыт из чеченского конфликта. Уже во время грузино-южноосетинского конфликта в области информационного противоборства Россия выглядела гораздо более убедительно, по крайней мере в освещении этих событий для жителей своей страны. На международной же арене мы по-прежнему проигрываем, хотя и с гораздо меньшим отрывом. Ведь война на Кавказе в августе 2008 года стала возможной в том числе из-за пассивной позиции России в информационной сфере в предыдущие полтора десятилетия. Грузия же наряду с военными приготовлениями активно использовала возможности США в информационно-психологической сфере для подготовки мирового общественного мнения к военной акции против Южной Осетии и Абхазии.

С повестки дня не снимается вопрос об информационных опасностях и угрозах со стороны иностранных государств и даже возможности возвращения к отношениям холодной войны. Подтверждением этому являются попытки отдельных государств сформировать у широких кругов мировой общественности негативный образ Российской Федерации. Прилагаются усилия по изменению расстановки сил в наиболее важных регионах мира, основанные на антироссийских настроениях.

Более того, эти опасности и угрозы теперь исходят не только со стороны западных стран, но и из бывших советских республик. Нужна концентрация усилий в этой сфере как государственных, так и частных структур. Многие

годы ведутся разговоры о создании единого информационного холдинга, включающего в себя информационное агентство, телеканал, радиостанцию, печатные средства массовой информации, а также координирующего их работу органа в структуре Администрации Президента РФ. Но все эти планы пока остаются на бумаге, благие пожелания отдельных энтузиастов не реализуются на общегосударственном уровне. И это притом, что главный противник нашей страны в сфере информационного противоборства — США — рассматривает возможность подготовки законопроекта о восстановлении в структуре федерального правительства самостоятельного отдела по типу Информационного агентства (ЮСИА) для ведения информационной работы на зарубежную аудиторию.

Очевидно, что против руководства Российской Федерации ведется системная информационная война. Основная причина — повышение эффективности деятельности и активности российского руководства в отстаивании государственных интересов России.

Формирование коммуникативной компетентности, способности политиков и государственных служащих обращаться с информацией, эффективно реализовывать ее в национальных интересах должно быть приоритетной задачей для нашей страны. Умением строить конструктивные отношения со СМИ и коммуникативной компетентностью, к счастью, в полной мере обладают высшие политические руководители Российской Федерации.

Участие нашей страны в мировом диалоге культур неотделимо от продвижения положительного имиджа России и в отечественном, и в международном информационном пространстве. Этот феномен должен рассматриваться как национальная ценность международного значения. Без преувеличения можно сказать, что работа по формированию позитивного общественного мнения должна стать предметом особой заботы политического руководства страны.

Необходима защита национальной культуры и языка от воздействия доминирующих в информационном плане стран. Информационной экспансии невозможно противостать методами запрета. Единственно эффективный способ — активное развитие и поддержка национальных индустрий культурного содержания (производство видеопродукции, книг, телевизионных программ, расширение национального сегмента Интернета, виртуальных музеев и библиотек).

Диалог культур — основа равновесия, нормального развития мира, но мир в его нынешнем состоянии далек от всеобщего стремления к взаимопониманию и слиянию целостного человеческого сообщества. Не видеть этого — опасно. В конечном счете победа диалога — это тоже форма информационного противоборства. Это победа Разума, Добра, Человечности.

П. Н. Гусев¹

ТРИ ВОПРОСА ПЕРЕД ПЛАНЕРКОЙ

3 мая — Всемирный день свободы печати. Он приурочен к годовщине Виндхукской декларации 1991 года, призывающей к свободе, независимости и плюрализму медиа по всему миру. Декларация заявляет, что свободная пресса является необходимым условием существования демократии и фундаментальной целью человечества.

Первый вопрос — есть ли в России свободная пресса?

В России нет статистики — сколько из общего количества зарегистрированных средств массовой информации действительно независимых. Но есть данные, что учредителями большинства региональных и до 80 % му-

27 лет работы в СМИ позволяют мне выделить несколько тем, которые актуальны, на мой взгляд, не только для главного редактора и издателя, каковым я являюсь, но и для всего медиасообщества. Я придал этим темам характер вопросов. Вопросы, которые я каждый день задаю самому себе, которые мы должны задавать власти и которые, я надеюсь, будут интересны и участникам Лихачевских научных чтений.

¹ Главный редактор, генеральный директор газеты «Московский комсомолец», декан Высшей школы журналистики Международного университета в Москве, председатель Союза журналистов Москвы, член Совета Общественной палаты РФ, заслуженный работник культуры России.

ниципальных газет страны по-прежнему остаются органы государственной и муниципальной власти. Это отражается и на редакционной политике данных изданий, и на их экономической независимости, поскольку так или иначе все они субсидируются из средств региональных и местных бюджетов. Для медийного сообщества не является тайной, что продолжается огосударствление сферы массовой информации, проникновение в нее крупного государственно-ориентированного бизнеса, который скушает СМИ. Независимые СМИ почти исчезли из информационного ресурса.

Срачивание капитала и власти углубляет зависимость информационных предприятий от их владельцев. Пресса теряет свою автономность и превращается в контролируемого информационного лоббиста.

Оценки международных организаций категоричны — такие организации, как «Репортеры без границ», публикуют доклады «О свободе прессы в мире», где Россия занимает места в самом конце списка. Они указывают, что в российских СМИ, особенно на телевидении, отсутствуют разные точки зрения, государство осуществляет тотальный контроль за медиaproстранством, а жизни журналистов угрожает опасность.

По иронии судьбы я в составе уже второго созыва Общественной палаты России являюсь председателем Комиссии по коммуникациям, информационной политике и свободе слова в средствах массовой информации. Поэтому хочу ответственно заметить, что источники информации для подобных рейтингов порой выглядят не убедительно, а некоторые показатели не подкреплены фактической информацией. Комиссия общественной палаты РФ по СМИ совместно с ВЦИОМ, Фондом защиты гласности разработала систему определения уровня свободы слова в российских регионах и стране в целом. Проведены исследования по Воронежской и Новосибирской областям. Российский мониторинг может и должен показать реально, что же такое свобода прессы в России.

Однако общим и, увы, объективным ответом на первый вопрос является мнение, что пресса в России пока не свободна. Средства массовой информации — важнейший институт гражданского общества. Поэтому положение печати, радио, телевидения и отношение к СМИ показывает, каково самочувствие общества, нормально ли живет страна.

В то же время есть сигналы, которые вселяют тот или иной оптимизм. По мнению Президента России Д. А. Медведева, «свобода лучше, чем не свобода» и «...конечно, современное и процветающее государство может сегодня существовать только в свободном информационном потоке, неотъемлемая часть которого — влиятельные и независимые СМИ (причем и федеральные, и региональные, где очень много проблем), и печатные, и электронные, так называемые новые средства массовой информации».

Но только ли упованием на мудрого, либерального властителя и его высказывания должны жить медиа? Так ведь можно и не дожидаться.

В связи с этим уместен *второй вопрос* — *кто поможет российской прессе стать свободной?*

Ответ, что называется, лежит на поверхности — общество. А если быть более точным — гражданское общество. То самое, которое в широком смысле представляет собой совокупность общественных институтов, непосредственно не включенных в структуры государства и позволяющих гражданам, их объединениям реализовывать свои интересы и инициативы. Но надо понимать, что гражданское общество не сводится к совокупности только зарегистрированных организаций. Надо защищать законные интересы всех самоорганизующихся гражданских структур, действующих в рамках Конституции страны.

Это касается и политических партий как отдельного гражданского института, и корпораций частного сектора, и др. В России гражданское общество возникло не сегодня, его институты не были «импортированы», его истоки уходят в далекое прошлое (сельское и городское самоуправление, сословное представительство и др.). Их развитие прервал «Великий Октябрь». Был установлен тотальный госконтроль над гражданской жизнью. Тогда понятие «гражданское общество» ассоциировалось только с диссидентским движением.

Как Общественная палата РФ, членом которой я являюсь, проводит работу по поддержке гражданского общества? Это непростая задача, поскольку данная работа проходит не в безвоздушном пространстве. И гражданское общество, и СМИ сегодня находятся в реальных политических координатах современной России. Необходимо говорить о серьезных изменениях в политических конструкциях страны, о преобладании (если не сказать воссоздании) административно-партийной системы, беспомощности и практически ухода с политической арены праволиберальных сил.

Будучи Президентом России, Владимир Владимирович Путин — как хороший президент — поставил задачу выстроить и опереться на вертикаль власти. И серьезно работал над ее выполнением. Но он не поставил перед собой задачи опоры на гражданское общество и на СМИ, которые являются одним из столпов гражданского общества, поэтому вертикаль выглядит неустойчиво.

Гражданское общество в мире (в странах, как мы говорим, с развитой демократией) многое определяет в формировании курса и правительства, и программ партий. Президенты этих держав самым внимательным образом следят за мнениями, позициями неправительственных, некоммерческих организаций, реакцией гражданского общества.

Выступая на Гражданском форуме в Москве 22 января 2008 года — незадолго до выборов президента — я высказал одну, как мне и сейчас кажется, важную мысль: не надо говорить о том, что наше гражданское общество какое-то недоразвитое, слабенькое. Надо, скорее, исходить из другой концепции — дать ему возможность свободной самоорганизации и реализации своих конституционных прав и оказать ему в этой нелегкой работе всемерную поддержку.

Кстати, сегодня государство, испытывая в условиях кризиса трудности в решении многих стоящих перед ним задач, может и должно опереться на кадровые, экспертные и другие ресурсы общественности. Гражданское общество проявляет и способность, и готовность к добровольной концентрации своих ресурсов — «интеллектуальной мобилизации» для решения общенациональных задач.

Да, пока мы рассуждали о возможностях российской демократии и гражданского общества, «нагрязнул» экономический кризис. И это ставит на повестку дня не самый простой вопрос.

Третий вопрос — *что ждет российские СМИ в ближайшей перспективе?* Недавно Общественная палата России экстренно провела слушания на эту тему. Мы повели разговор на тревожной ноте. Мы исходили из информации с мест: «...независимые общественно-политические газеты вымирают как класс. Им на смену приходят бюджетные издания с бесплатным распространением. Эти СМИ полностью подконтрольны региональной власти, а потому власть не жалеет на них денег»; «...в целом ситуация в стране такая, что в ближайшее время с учетом кризиса может не остаться независимых общественно-политических изданий, все печатное и, извиняюсь, непечатное станет единым целым государственной вертикали власти».

Мы говорили о том, что отчеты крупнейших мировых журналистских брендов о потерях в результате глобального экономического кризиса заставляют «дрожать» средства массовой информации во всем мире. Европейская федерация журналистики обратилась с призывом к Европарламенту удерживать СМИ от падения. В обращении Федерация призвала фракции в Европарламенте оказать немедленную поддержку журналистам, предупредив, что если ЕС не сделает ничего для спасения журналистики, сектор обречен.

Принципиально важно то, что сказал о СМИ в условиях кризиса французский президент Николя Саркози: «Демократия не может нормально функционировать в условиях, когда пресса постоянно балансирует на краю экономической пропасти». Оттолкнувшись от этой констатации, французские власти разработали программу по выводу печатных СМИ из кризиса, которая была недавно обнаружена. Она рассчитана на три года и обойдется госбюджету в 600 млн евро.

Однако оценки российских властей выглядят на этом фоне пугающе оптимистично. Возможно, этот оптимизм связан с тем, что, по оценкам экспертов, оборот от реализации населению России периодической печати за 2008 год составил 64,2 млрд рублей, в том числе по подписке — 17,8 млрд рублей. Рекламные доходы печатных СМИ достигли более 57,6 млрд рублей. Производство и распространение бесплатной прессы оценивается в 17 млрд рублей. То есть 2008 год рынок печатных СМИ России завершил в весомом плюсе. Но ведь это — *прошлый* год. А сегодня отечественный рынок печатных СМИ, едва ли не единственный в стране, полностью оказался «за бортом» мер антикризисной государственной поддержки.

А государственная поддержка средств массовой информации должна быть. Кроме того, необходимы изменения в существующих ее формах. На мой взгляд, например, не нужно делать грантовую поддержку в регионах конкретно тому или иному изданию по принципу: хорошо пишешь о губернаторе (или о лидирующей партии и т. д.) — получи грант. Эту непростительную ошибку надо исправить. Государственные средства, опущенные на это, необходимо перераспределить и пустить непосредственно на развитие *всех* СМИ.

Президент РФ Д. А. Медведев несколько месяцев назад принял совершенно уникальное решение: оказать поддержку подписке. Ни «Российской газете», ни «Московскому комсомольцу», ни «Комсомольской правде», ни «Известиям», а *всем газетам* сразу.

И еще одна проблема. Если государство заинтересовано в развитии института свободных независимых СМИ, оно должно, наконец, инициировать процесс их разгосударствления. Есть предложения, как это сделать. В частности, в качестве экономической гарантии такой независимости надо создать Общественный фонд финансирования деятельности местных СМИ, не зависящий от конъюнктуры существующей власти.

Медийное сообщество может и должно в этих условиях осознать себя частью гражданского общества и проявить новый уровень способностей к этическому саморегулированию как важному пути развития независимых СМИ. Речь идет о внедрении этических норм в средствах массовой информации, создании Хартии журналистов России. Если мы примем такую Хартию, то по многим вопросам обезопасим СМИ от вмешательства и влияния властных структур. Мы поднимем уровень свободы слова и выведем себя на иной уровень работы в средствах массовой информации.

В заключение добавлю, что у нас, в редакции «МК», на стенах коридора развешено множество различных газет — разных лет и даже разных стран. «Зачем?» — часто спрашивают меня. Я отвечаю так: «Для того чтобы максимальное количество журналистов и гостей редакции могли увидеть — а значит, и подумать, — как менялся мир и менялись СМИ».

Нам действительно есть о чем подумать. Мы вооружены великим опытом российской истории и культуры — и героическим, и горьким, — чтобы воплотить свои мысли и чаяния в благородные дела.

Мне хочется выразить особую благодарность организаторам Лихачевских чтений — этой высокоавторитетной площадке для дискуссий и выработки консолидированных, нравственных мнений.

Хочу низко поклониться памяти академика Дмитрия Сергеевича Лихачева, который был и остается символом высочайшей культуры, уважения к личности и ее правам.

Е. М. Доровских¹

СМИ И ПРАВОВАЯ ОХРАНА РУССКОГО ЯЗЫКА

Конституция Российской Федерации гарантирует свободу мысли и слова, запрещает пропаганду языкового превосходства, закрепляет право каждого гражданина «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (ст. 29). Названные положения получили развитие частично в Законе РФ «О языках народов Российской Федерации».

В соответствии со ст. 20 Закона о языках издание всероссийских газет и журналов, передачи всероссийского радио и телевидения осуществляются на государственном языке Российской Федерации; по решению учредителей названные газеты и журналы могут издаваться и на иных языках. Кино- и видеопродукция переводится на государственный язык Российской Федерации, государственные языки республик и другие языки с учетом интересов населения.

¹ Заместитель главного редактора «Журнала российского права», кандидат юридических наук.

В законах о языках субъектов Федерации содержатся правовые нормы, в большей или меньшей степени повторяющие статью федерального закона. Издание газет и журналов, передачи телевидения и радиовещания на территории определенной республики осуществляются на государственных языках республики, а также по усмотрению учредителей на иных языках. При переводе кино- и видеопродукции используются государственные языки республики и иные языки с учетом интересов населения: например, ст. 15 Закона Чувашской Республики «О языках в Чувашской Республике»; ст. 21 Закона Удмуртской Республики «О государственных языках Удмуртской Республики и иных языках народов Удмуртской Республики», а в Законе «О языках Республики Саха (Якутия)» уточняется, что в национальных районах используются и местные официальные языки (ч. 2 ст. 31).

Являясь одним из важнейших, вопрос о языке средств массовой информации не получил достаточного развития в законодательстве. Наличие одной статьи в Законе РФ

о языках и аналогичных статей в республиканских законах о языках не создает сколько-нибудь стройной системы гарантий прав граждан на получение информации на родном языке. Логичным продолжением могли бы стать соответствующие правовые нормы в Законе РФ «О средствах массовой информации»¹, но, к сожалению, он не содержит ни одной статьи на эту тему. К тому же лишь некоторые из субъектов Федерации приняли правовые акты о средствах массовой информации и в них, как и в федеральном законе, не урегулированы рассматриваемые вопросы.

При проведении национально-языковой политики следует учитывать, что только в 6 республиках из 21 — Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Тыве, Чувашии — «титულიная» нация (народ, давший название республике) составляет численное большинство. Для остальных же субъектов Федерации, построенных по национально-территориальному принципу, характерен многонациональный состав населения с включением крупных иноэтнических групп.

Вследствие этих обстоятельств деятельность средств массовой информации не может осуществляться преимущественно на государственных языках республик, и в законодательстве должны быть закреплены дополнительные гарантии прав иноэтнического населения в рассматриваемой сфере. Так, например, региональное законодательство должно содержать не просто упоминание об иных языках СМИ, а перечень конкретных национальных языков, бытующих на территории республики и получающих государственную поддержку.

Правовые гарантии на получение информации на родном языке включают и проблему качества используемого при этом языка. Положения об ответственности за нарушение законодательства о языках народов Российской Федерации (ст. 28 Закона РФ о языках) носят самый общий характер и не указывают ни правовых оснований наступления этой ответственности, ни ее объемов. Закон РФ «О средствах массовой информации» не содержит статей, в которых регулировались бы эти вопросы, хотя подобные правовые нормы могли бы стать логичным развитием ст. 4 «Недопустимость злоупотребления свободой массовой информации» и ст. 49 «Обязанности журналиста» указанного Закона. Подобные нормы могли бы найти место

в главе II «Организация деятельности средств массовой информации», в главе VII «Ответственность за нарушение законодательства о средствах массовой информации».

Сложилась ситуация, когда полностью отсутствует правовой механизм ответственности или, точнее, его существование лишь предполагается. Представляется, что необходимо законодательно закрепить, за что и при каких обстоятельствах может наступать правовая ответственность, кто должен ее нести, каков должен быть ее характер; безусловно, она должна носить дифференцированный характер.

Выстраивание системы ответственности за нарушение норм законодательства о языках в качестве одной из главных целей должно включать и формирование у работающих в сфере публичной информации позитивного отношения к соблюдению установленных языковых норм, к несению своей доли ответственности за состояние русского языка. Наибольшую нагрузку в проведении подготовительной работы следовало бы возложить на Орфографическую комиссию РАН, законодательно оформив полномочия и названной комиссии, и других организаций, работающих в данной сфере.

С возложением обязанности на уже существующие (или при необходимости создаваемые) органы государственной власти по охране использования языка и соблюдению установленных здесь правовых норм в публичной сфере, фиксированию нарушений в их компетенцию могло бы также входить досудебное разрешение споров в этой сфере. Особое же внимание следовало бы уделить формированию института судебной защиты прав как работающих в сфере публичной информации, так и граждан, ее получающих.

В построении современной индустриальной культуры огромную роль играет информация. В условиях многонациональной структуры населения резко возрастает потребность не только в материальном, но и в правовом обеспечении прав всех этнических общностей и групп на получение и использование информации на родном языке. Развернутая система правовых гарантий в этой сфере в значительной мере позволит поддерживать баланс социолингвистических интересов и состояние стабильности в межнациональных отношениях в целом.

А. С. Запесоцкий

РОССИЙСКИЕ СМИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ТИПА КУЛЬТУРЫ

На мой взгляд, российская культура участвует не столько в диалоге, сколько в дискуссии. Диалог предполагает наличие двух участников процесса; в случае с отечественной культурой их намного больше. Во-первых, есть внешняя сфера дискуссии — диалоги с другими культурами. В этой сфере можно выделить три уровня диалогов: с национальными культурами, с культурой современного Запада (преимущественно массовой) и со стремительно формирующейся глобальной культурой, о которой так интересно и убедительно говорил год назад на VIII Лихачевских чтениях А. А. Гусейнов². В сфере временных пластов современная российская культура в первую очередь находится в острой полемике с отечественной культурой советского периода. Во-вторых, есть внутренняя сфера дискуссии, включающая взаимоотношения между офици-

альной, доминирующей в стране культурой и различными субкультурами. В России одни средства массовой информации ориентированы на доминирующую культуру, другие — на те или иные субкультуры. Это легко проследить по структуре нашего телевидения. К примеру, Первый канал, РТР, НТВ формируют господствующую культуру, канал «Культура» является своего рода телевизионным «гетто» для интеллигенции, и т. д.

Чьим интересам служат СМИ? Ответ на данный вопрос не является предметом моего доклада. Замечу только, что существует как минимум пять вариантов ответа: аудитория СМИ, владельцы СМИ, коллективы СМИ, власть и коммерческие заказчики информационных воздействий. И реальная действительность содержит больший набор комбинаций из этих вариантов.

Следует отметить также, что СМИ являются продуктом развития культуры и мощным средством ее изменений. Сегодняшняя культура России — огромный массив явлений и процессов, по-разному затронутых переменами.

¹ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7. Ст. 300.

² Гусейнов А. А. Диалог культур: возможности и пределы // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Междунар. Лихачевские науч. чтения, 22–23 мая 2008 г. СПб., 2008. С. 65–70.

В Кремле — одно, на Рублевке — другое, в Химках — третье. А есть еще Сочи, Череповец, Благовещенск. Есть Эрмитаж и «Дом-2». Есть творцы культуры и люди, живущие в мире ее явлений. Есть молодежь, которая тянется ко всему новому и не всегда самому лучшему; пенсионеры, не склонные менять предпочтения. Есть культура богатых и культура бедных...¹ И все это — не столько разнообразие и многоцветие культурной жизни, сколько хаос. Правда, хаос этот упорядочивается буквально на наших глазах во многом благодаря деятельности СМИ, и в первую очередь телевидения, которое, выражаясь словами А. Моля, «фактически контролирует всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры... Оно выделяет отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придает им особый вес, повышает ценность одной идеи, обесценивает другую, поляризует таким образом все поле культуры. То, что не попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества»². Эти слова были сказаны западным исследователем о западном телевидении около 40 лет тому назад, но сегодня они еще более актуальны по отношению к современным российским СМИ.

В каком же направлении ведущие отечественные СМИ упорядочивают нашу культуру? Следует признать, что в России формируется новый, самобытный тип культуры, не имеющий прямых современных аналогов за рубежом. Наиболее близкий аналог — Древний Рим эпохи деградации и упадка, принятый за образец московской «элитой».

В 1998 году «Известия» опубликовали мою статью «Москва сдалась новым русским»³, где я предположил грядущее столкновение двух типов культуры, олицетворяемых условно Москвой и Петербургом: в каждом мегаполисе существует множество субкультур, но какая-то доминирует; в Москве это культура «новых русских», в Петербурге — интеллигенции. «Новый русский» упоминался как своего рода антипод интеллигенции. Различия усматривались не в уровнях образования и богатства, а в системах ценностей. Для «нового русского» смысл жизни — в потреблении: машин, недвижимости, женщин и т. д. Для интеллигента — в духовно-нравственных ценностях. В 2006 году на страницах тех же «Известий» мне пришлось констатировать, что Петербург это столкновение культур проиграл⁴. Обществу был навязан вариант «новорусской» культуры, где нет места таким ценностям, как дружба, любовь, честность, патриотизм, труд, профессиональный долг, уважение к истории, почитание старших и т. д.

Несмотря на официальные «реверансы» властей в адрес Русской православной церкви, впервые за тысячу лет Россия перестала быть христианским государством, стремительно скатившись в язычество. Уже в 1990-е годы власть вывела заботу о нравственности в стране за рамки функций государства, и даже личная поддержка принципов морали В. В. Путиным в качестве главы государства, а вслед за ним — и Д. А. Медведевым не изменили в целом сложившуюся ситуацию: российское государство в наше время основывается «на букве закона» и абсолютно игнорирует мораль.

В целом приходится признать, что аморальность стала лейтмотивом жизни современного российского общества и его культуры. И СМИ сыграли в формировании данной ситуации роль главного инструмента. Это, к сожалению, не только мое личное мнение. В гуманитарных

¹ Запесоцкий А. С. Диалоги : 118 ответов на вопросы читателей. СПб., 2008. С. 37–38.

² Моль А. Социодинамика культуры. М., 1974. С. 29.

³ Запесоцкий А. С. Москва сдалась «новым русским» // Известия. 1998. 4 февр. (№ 20). С. 5.

⁴ Запесоцкий А. С. Ксюша Собчак как конец света // Известия. 2006. 7 апр. (№ 61). С. 8.

исследованиях значительно реже, чем в точных науках, различные независимые группы исследователей приходят к одинаковым результатам. В отношении роли СМИ как фактора формирования нового типа культуры это произошло. Результаты исследований нашего Университета⁵ в основном совпадают с выводами исследовательской группы академика О. Т. Богомолова⁶, позицией главного редактора журнала «Искусство кино» Д. Б. Дондурей⁷, результатами реализации научного проекта факультетов психологии и журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова⁸, заключениями такого крупного эксперта, как С. П. Капица⁹, и др.

Вопрос о влиянии СМИ на формирование отечественной культуры обстоятельно анализировался Российской академией образования на основе материалов собственных исследований. 26 ноября 2008 года этот вопрос был остро поставлен в докладе президента СПбГУ, академика РАО Л. А. Вербицкой на заседании Президиума РАО. По итогам данного доклада Президиум создал рабочую группу по подготовке обращения РАО к руководству страны.

Мне довелось принять участие в работе данной группы в качестве одного из авторов текста Обращения. Приведу итоговый текст полностью.

Обращение Российской академии образования

В настоящее время, когда все внимание страны приковано к экономическому кризису, нам представляется особо важным подчеркнуть, что взросление уже нескольких поколений российской молодежи происходит в условиях другого, значительно более опасно кризиса — духовно-нравственного. К сожалению, мы не можем однозначно связывать накопившиеся проблемы с экономическими трудностями, ошибками прошлого, особенностями переходного периода и т. п. Следует признать, что возрождение России невозможно без решительного изменения отношения власти и общества к роли нравственности как необходимого условия развития. Назрели масштабные изменения всего духовно-нравственного пространства страны, ключевым, системообразующим элементом которого в настоящее время являются СМИ, и в первую очередь — федеральные телеканалы.

Приходящее духовное перерождение страны создает угрозу ее будущему. Упомянем лишь некоторые симптомы беды. За последние 15 лет катастрофически упал интерес детей к чтению, доля регулярно читающих сократилась с 50 % до 18 %. В стране зарегистрированы десятки тысяч несовершеннолетних, страдающих алкоголизмом; алкогольные напитки употребляют более 80 % молодежи и почти 40 % школьников. Доля курящих подростков за 15 лет утроилась. Среди наркоманов (около 3 млн) более 80 % — дети и молодежь. Средний возраст первой пробы наркотиков снизился с 17 до 14 лет.

Известно, что сегодня социализация молодежи определяется семьей, системой образования, компанией сверстников и СМИ. Задача воспитания возложена фактически только на систему образования. И это в то время, когда в России обострились проблемы социального сиротства.

⁵ См.: Запесоцкий А. С. Образование и средства массовой информации как фактор социализации современной молодежи. СПб., 2008; Российские СМИ и интересы общества : круглый стол, 18 марта 2009 г. СПб., 2009.

⁶ См.: Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние : научные записки и очерки / рук. исслед. проекта, науч. ред. О. Т. Богомолов. М., 2008.

⁷ См.: Дондурей Д. Б. Российское телевидение : не нравится, но смотрю. Телевизионные рейтинги как инструмент конструирования реальности : стенограмма лекции, прочитанной 30 января 2009 года в Фонде им. Д. С. Лихачева. СПб., 2009.

⁸ См.: Информационная и психологическая безопасность в СМИ : в 2 т. Феномен «разорванной коммуникации» : сб. статей / под ред. Я. И. Зурского, Ю. П. Зинченко [и др.]. М., 2008.

⁹ См.: Совесть: бесполезное свойство души? Круглый стол по проблеме нравственности и духовности, 30–31 января 2009 г. СПб., 2009.

Около 30 % детей рождаются в незарегистрированных браках. За последние 15 лет число детей-сирот возросло более чем на 75 %. Если в 1995 году на 21 млн школьников приходилось 450 тыс. детей-сирот, то в 2008 году на 13,3 млн школьников приходится уже более 900 тыс. детей-сирот. Критически высок уровень насилия в отношении несовершеннолетних, в том числе семейного насилия. В 2007 году совершено 70 380 преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении несовершеннолетних.

Хорошо известно, что особую роль в становлении юного человека играют общественные идеалы, примеры для подражания, символы, образцы поведения, понятия о добре и зле, плохом и хорошем поступке. Общество обязано формировать эталоны социализации и базовые социальные черты (язык, ценности, картины мира, нормы поведения), ориентировать молодежь на общественно одобряемые качества, модели деятельности. Мера типичного, так же как поощряемого или отвергаемого, варьируется в разных слоях общества, в разных социальных группах. Но федеральные СМИ обязаны повышать уровень культурного развития россиян, поддерживать эталоны. А они сегодня все чаще дестабилизируют, дезинтегрируют общество. Юношество противопоставляется старшим, ученика отрывают от учителя.

Особую тревогу вызывает влияние на общество общественных телевизионных каналов, многие из которых на глазах превращаются в помойку глобального медиапространства. За последние 15–20 лет мы не видим практически ни одной новой созданной в России телевизионной формы, способствующей возвышению человека. А вот телепрограммы с задворков и глухих тупиков западного телевидения покупаются и клонируются в пагубных количествах. Наш анализ работы 7 телевизионных каналов за один типичный телевизионный день зафиксировал демонстрацию 160 драк, 202 убийств, 6 ограблений, 10 половых актов, 66 сцен распятия спиртных напитков, 39 случаев нецензурной брани и 302 — негативных новостей. Установка для многих журналистов, работающих в информационном вещании, формулируется самым циничным образом: «Лучшая новость — это плохая новость». Последствием такой «телеполитики» может быть только невротизация населения. В программах основных телевизионных каналов доминируют образцы пошлой эстрады, низкосортных юмористических передач, сделанные на скорую руку сериалы про «красивую жизнь» и ток-шоу сомнительного свойства.

Разрушающее ядро отечественной культуры ориентиры, ложные ценности осваиваются периферийными частными каналами, затем втягиваются в орбиту государственного телевидения. В качестве языковой нормы насаждается мат. В ранг национальных добродетелей возводятся нормы субкультуры доморожденного «гламура», сообщества экономических преступников-нуборшней. На роли ключевых фигур телевидения — телеведущих — все чаще выбираются персоны, известные аморальностью, легким поведением в личной жизни. Они навязываются телезрителю в качестве «звезд», новых идеалов. Традиционные для россиян добродетели подвергаются осмеянию, глумлению.

Безусловно, научно-педагогическая общественность страны не может согласиться с таким развитием событий. Учитель в силу своего профессионального долга обязан возвращать в человеке человеческое и ожидает от телевидения максимального содействия. Однако многие руководители СМИ демонстративно пренебрегают нравственными ориентирами, буквально упиваются вседозволенностью и браврируют аморальностью, апеллируя к ценности свободы слова, важности рыночных отноше-

ний и идее демократии, якобы воплощающейся в системе зрительских рейтингов.

Мы полагаем, что свобода слова и свобода творчества в их нынешнем понимании руководителями ряда СМИ выступают как отрицание и разрушение общественных норм морали. Там, где творец не чувствует ответственности перед обществом и проявляет бессовестность — ему должен быть поставлен предел. СМИ обязаны не только информировать и развлекать население, но и отвечать за свое нравственное влияние на общество, в первую очередь — на молодежь.

Мы полагаем, что доходы от рекламы, прибыли не должны быть главным критерием успешности работы СМИ, поскольку культ наживы не может быть поставлен во главу устремлений государства и общества. Рейтинги также не должны быть главным показателем успеха для отечественного телевидения. Мы видим, что большая часть телевидения целиком поглощена проблемами внутрицеховой конкуренции, что в погоне за в полном смысле слова дешевым успехом, воплощенным в пресловутых рейтингах, оно всячески подогревает интерес аудитории к низким проявлениям человеческой природы, демонстрации аномальных и аморальных проявлений психики и физиологии. Однако телевидение обязано различать добро и зло и не имеет права на духовное разложение миллионов телезрителей.

Мы убеждены, что закон не может быть единственным регулятором деятельности средств массовой информации, поскольку право в нормальном обществе — лишь формальная часть регуляторов общественного развития. Неформальная часть также должна играть свою роль — это мораль, общественное мнение, поддерживаемые государством и институтами гражданского общества. В условиях слабости гражданского общества сегодняшнюю роль государства в регулировании деятельности СМИ следует признать недостаточной. Власть не имеет права отдавать вопросы нравственности на откуп рынку. Напротив, рынок должен регулироваться государством там, где он противоречит морали.

Разумеется, мы видим, как много делает в последние годы российское государство, руководство страны для развития системы образования, поддержки отечественной культуры. Но понимаем и масштаб задач, стоящих перед страной. К сожалению, с учетом современных реалий развития информационного общества, даже при самом оптимистическом прогнозе система образования не справится со своими задачами в условиях фактического противодействия ряда ведущих СМИ. В особенности — с учетом накопившихся проблем в области школьного образования. Уменьшение объема часов, отводимых на русский язык и литературу в средней школе, отмена выпускного сочинения также не ведут к улучшению ситуации. Мы не вправе указывать, какими путями государство сочтет нужным решить сложившуюся проблему. Но мы готовы со своей стороны приложить все усилия для ее решения и хотели бы идти по пути нравственного оздоровления Отечества вместе с руководством и творческими коллективами ведущих отечественных СМИ.

Россия — страна великой истории, великой культуры, великой духовности. Так было в прошлом и так должно быть в будущем. Давайте же вместе не допустим, чтобы распалась связь времен.

Данное Обращение было принято на общем собрании Российской академии образования 22 декабря 2008 года и направлено первым лицам российского государства. Думаю, что оно не дошло до адресатов. В ответ через несколько месяцев нами была получена бюрократическая отписка второстепенного чиновника одного из мини-

стерств... Тем не менее Обращение РАО представляет собой, на мой взгляд, концентрированную и наиболее адекватную научную оценку роли СМИ в эволюции современной российской культуры.

И все же это Обращение в силу ограниченности своего объема спецификой жанра не вместило целого ряда проблем, встающих перед обществом и государством в результате деятельности ведущих каналов российского телевидения.

В частности, в 1990-е годы происходит коренная переориентация предпочтений молодежи от нематериальных ценностей к материальным. Зарплата утвердилась в это время на первом месте в мотивах труда, оттеснив такие ценности, как содержание труда, самоопределение в труде, возможность реализации своих знаний и способностей через труд. Именно на это время приходится стремительный взлет рекламы в нашей стране. Фактически она занимает нишу идеологии¹.

Под воздействием рекламы понятие «уметь жить» сводится для молодежи к формуле «иметь»: носить модную одежду, посещать дорогие клубы и дискотеки, не утруждать себя тяжелым трудом.

Для ребенка реклама — прежде всего самая простая модель знакомства с обществом. Это то, с чем он сталкивается ежедневно, что его развлекает, очаровывает, играет с ним.

Современная реклама часто искажает представления о приемлемом в обществе и одобряемом родителями социальном поведении ребенка. Ярким примером тому является рекламная кампания, проводимая торговой маркой «Аленка» («Красный Октябрь»). В рекламном клипе девочка (героиня рекламы) задает вопрос: «За что человеку дается шоколад?» и сама пытается дать на него ответ: «За то, что он получил пятерку? — Вроде не получал! — За то, что он убрался в своей комнате? — Точно, не за это! — Может, человек помог маме вымыть посуду? — Нет, не помог! — Получается, чтобы человек ее просто съел! — Шоколад «Аленка». Все что нужно человеку!» То поведение, которое родители формируют, те ценности, которые закладывают в ребенка в течение многих лет, ментально разрушаются под влиянием очень «милого, позитивного» ролика. Та же кампания ниспровергает элементарные правила, которые родители стремятся донести до детей, наивными вопросами из уст все той же девочки: «Почему взрослые не предлагают перед обедом шоколад? Почему нельзя начать обед с чего-нибудь по-настоящему вкусного?» Новые «правила поведения», донесен-

ные в столь привлекательной форме, действуют на сознание детей катастрофическим образом.

Разрекламированность определенных моделей поведения ведет к принятию их за норму. Дети, наблюдающие за поведением «растиражированных» личностей, берут их манеры, внешний облик, жесты, артикуляцию за основу своей жизни. Предлагая стереотипное поведение в социуме, реклама ориентирует на социальную сопричастность и референтность. Детская психика — специфична. Ребенок не всегда способен критично оценивать нормы, выдвигаемые обществом, чаще он лишь усваивает, копирует их. Не случайно писатель Даниил Гранин, человек, которого в России считают совестью нации, сказал на страницах «АиФ»: «Бедное наше время, если у нас какая-нибудь Ксения Собчак считается культовой фигурой».

Осуществляя выбор товара с учетом его знаковой символики, отражающей ту или иную социальную ситуацию (реальную или мифологическую), реклама приучает потребителя молниеносно реагировать на заданный символ — марку товара — и покупать его. Такова экономическая цель рекламы. Но здесь существует и обратная психологическая связь. Покупая определенный товар, потребитель также автоматически воспроизводит в своем сознании социокультурные условия и нормы поведения, которые послужили моделью для символа этого товара. Как результат, символ товара воспроизводит и систему тех или иных социальных ценностей.

Проблема, актуальность которой обозначена вышеприведенными размышлениями, формулируется следующим образом: общество, в котором активность масс искусственно направляется в сферу потребления, становится «обществом потребления». Свою роль в этом играет и реклама: она принуждает к потреблению с помощью создания целенаправленной системы ценностей в сознании индивида и общества в целом. Реклама становится идеологией потребления.

В итоге на сегодня реклама в России стала своего рода институтом социализации, проектирующим нужного ей человека — человека потребляющего.

Советская система стремилась создать человека-творца, личность творческого типа. Переход к воспроизводству человека потребляющего не оставляет России возможности реализовывать в экономике, сфере производства даже модель «догоняющего» развития, не говоря уже о развитии инновационном. В целом же формируется тип культуры, который можно назвать «культурой проедания ресурсов».

В. Г. Лошак²

БЕЗ ЛЮБВИ, НО НЕ В ОБИДЕ

47 % опрошенных, а не доверяют — 40 %. Так же аудитория относится и к результатам нашего труда: 48 % считают, что мы объективны, а 45 % уверены в обратном.

Наверное, можно говорить о таких причинах, как коммерциализация журналистики и российская интерпретация свободы слова. Но есть и более сложные процессы, идущие в самом российском обществе. Застряв в переходном периоде, оно несет в себе массу парадоксов. Пока же, не обращая внимания на кризис, Россия мощно встраивается, если и не в клуб демократических свобод, то уж точно в клуб мировых консьюмеристов. Гости из России стоят на первом месте в мире по объему покупок за рубежом.

К кризису страна подошла более богатой и суверенной, а вместе с тем крайне коррумпированной (в Москве

Страна разлюбила журналистов, но продолжает разделять мнения телевидения и газет. Не мешает ли такое раздвоение нам встраиваться в мир?

Россия сегодня переживает определенное разочарование журналистикой. По последним опросам Фонда «Общественное мнение», в стране доверяют журналистам

¹ См. подробнее: *Запесоцкий А. С.* Образование и средства массовой информации как факторы социализации современной молодежи. СПб., 2008. С. 293–355.

² Главный редактор журнала «Огонек», профессор кафедры международной журналистики МГИМО (Университет) МИД РФ, председатель Общественного совета при Министерстве образования и науки РФ, член коллегии министерства.

Лауреат премий Правительства РФ в области печатных средств массовой информации, премий союзов журналистов СССР и России, Международного института прессы.

даже ходит шутка о том, что борьба с коррупцией — это попытка подрыва государственной власти), ибо те, кто регулирует бизнес, как правило, в нем же и участвуют.

Но еще важнее другой парадокс: мы ненавидим «вчера» и обожаем «позавчера»! Более 70 % россиян и сегодня жалеют о распаде СССР и живут с комплексом врага. Но эти же люди не хотят расставаться с благами, которые дает свободная страна, например с выборностью или поездками за границу. Даже отношение к такому важному элементу самоидентификации, как государственный гимн, показательно противоречиво: 85 % считают, что гражданин обязан знать слова гимна, но при этом 70 % этой же аудитории отвечают, что слов гимна не знают.

Российская аудитория, как видно из приведенных цифр, находясь в конфликте с медиа, как никакая другая, зеркально точно воспроизводит настроения власти и этих самых медиа. Это особенно ясно видно из обнародованных на форуме «Петербургский диалог» исследований представлений немцев о России и россиян о Германии, проведенных совместно немецким институтом Алленбаха и Германо-российским форумом. Несмотря на тяжелейшую историческую память, приход в 2000 году к власти германофила Владимира Путина, судьбой связанного с этой страной, разрушил весь комплекс предубеждений, причем с обеих сторон. 77 % россиян считают свою страну великой, но не намного меньше (62 %) немцев считают так же. По желанию сотрудничать Германия вообще стоит у россиян на первом месте, обгоняя даже Белоруссию и Китай. На вопрос: «Каковы отношения между Россией и Германией?» 78 % опрошенных в России и 55 % в Германии отвечают: «Очень хорошие».

Люди точно чувствуют информационную политику своей страны. Вот почему на вопрос о характере сообщений СМИ 56 % россиян ответили, что о Германии они слышат и читают главным образом позитивное, в то время как немцев, так же ответивших об информации из России и о России, лишь 13 %. 45 % опрошенных в России немцы нравятся, а русские — лишь каждому четвертому опрошенному в Германии. Если россияне, в основном, считают Германию демократической страной, то 73 % опрошенных немцев не считают наше общество демократическим.

По поводу последнего из вопросов не может не броситься в глаза, как по-разному понимают в России и Германии свободу. Вот четыре главных определения, по мнению опрошенных. Среди немцев свобода выражать свое мнение; возможность путешествовать, где хочется; возможность обратиться в суд и возможность жить там, где хочется, набрали равное количество голосов. В России считают, что это — достаточная защита государства в случае трудностей; возможность купить то, что хочется; равные с другими шансы в жизни и работе, свобода выбора профессии. Интересно и то, что большинство наших соотечественников считают: было бы лучше, если бы в обществе стало меньше свободы, но больше справедливости. Вообще наслаждаться жизнью мечтает больше половины немцев и лишь четверть россиян, для которых самое главное все-таки семейные ценности и материальное благополучие.

Наконец, возможно, самая яркая иллюстрация того, как политика власти отражается на настроениях общества, — ответ на вопрос о странах-врагах. Если у немцев сколько-нибудь серьезный процент (26) набрал лишь Иран, то наши соотечественники, как не раз уже выяснялось, живут с ощущением «осажденной крепости». Более половины опрошенных считают врагами Грузию, США, Украину. Не это ли им рассказывают каждый вечер с экрана телевизора?..

Отказ от перемен, примирение с собою такими, какие есть, и, что важно, с советским прошлым — тревожная, но очевидная черта нашего сегодняшнего общества. Утверждают: «За годы советской власти наши люди стали другими и этого уже не изменить».

Параллельно в стране нарастает изоляционизм. Утверждают: «У России свой путь» или «У России всегда были враги, нам и сейчас никто не желает добра». И надо сказать, часть нашей властной элиты провоцирует изоляционизм. Кому-то кажется, что в стране, уже давно ставшей частью мировой системы, это возможно. Возможно в стране с Интернетом, западными займами в 500 млрд долларов и участием во всех престижных международных институтах от Совета Безопасности ООН до ОБСЕ.

Но все-таки нельзя не учесть другие (только некоторые!) причины этих настроений. Они напрямую связаны с теми двойными стандартами, которыми «огорошил» западный мир ринувшуюся объединяться с ним обновленную Россию. В США до сих пор действует в отношении России, во всяком случае — юридически, поправка Джексона-Вэника, принятая 30 лет назад применительно к СССР, как санкция за ограничения в отношении желающих эмигрировать евреев. И это в то время, когда Россия и Израиль, по инициативе последнего, ввели безвизовый режим?! Кому помогают этим США? Только клиническим российским антиамериканистам, которых немало и которые имеют доступ к телеэкранам и газетным полосам.

Есть недооцененные Европой болезненные для России вопросы. Такие как равнодушие к государственному одобрению фашистов в некоторых Прибалтийских странах, снос памятников погибшим в войне советским солдатам...

Безусловно, Россию есть за что критиковать. Но иногда складывается впечатление, что *любой критик — противник Кремля автоматически становится другом Запада*. К примеру, лидер Грузии — Саакашвили. Если этот любимец Европы демократ и строит демократию, то Россия строит сверхдемократию.

Я являюсь сопредседателем Российско-польского круглого стола по свободному информационному обмену. Последнее из его заседаний в Варшаве напоминало встречу подпольщиков — никакой прессы, никаких телекамер и пресс-конференций! Сегодня в Польше только намек на симпатию к России может поломать карьеру или судьбу человека. ЕС будто не видит массовую и несправедливую люстрацию в этой стране — члене сообщества.

У России, кто бы что ни говорил, нет обратного пути *от демократии*. Опыт последних лет показывает, что если демократизация может произойти при любом уровне развития, то обратная смена — только в бедных или крайне обедневших странах. Подсчитан порог ВВП на душу населения, после которого демократия консолидируется — это 10,5 тыс. долларов. История просто не знает примеров, когда страна с таким или более высоким уровнем доходов развернулась бы к диктатуре! Благодаря росту цен на энергоносители Россия этот барьер уже перешагнула. Вопрос теперь лишь в том, куда и на сколько мы откатимся после кризиса. В этот исторически трудный момент становится яснее, что и как мы строим. И здесь говорят о гибриде демократии и авторитарной власти. На нынешнем историческом витке вновь возник известный российский вопрос: могут ли быть в одном «флаконе» государственной политики патернализм и демократия, свобода и справедливость или носители этих ценностей обязаны быть в нашей стране по разные стороны баррикад?

Как говорят, демократия в России распространяется со скоростью 100 км в год, если считать от московского Центрального телеграфа. А значит, в огромной нашей стране у нее впереди еще немалый путь.

В. К. Мамонтов¹

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И СМИ

Уважаемые участники Лихачевских чтений! Уважаемые гости! Уважаемые организаторы этого значительно и в высшей степени необходимого мероприятия!

Тема сообщения, которое я хотел бы сделать, обозначена как «Глобализация и СМИ». Ясно, что одно без другого не живет. Что такое глобализация? Ускорение переработки, распространения и усвоения информации — это главное. Все остальное — только технологические аспекты данного ускорения. СМИ сегодня, включая Интернет, и есть главные каналы распространения знаний, они формируют убеждения, взгляды. Делают ли они это честно?

Считается, что глобализация — вещь чрезвычайно полезная, так как она продвигает вперед прогресс. Большой вопрос, правда, что понимать под прогрессом? Что продвигаем мы? Технологические улучшения, усовершенствования, новые лекарства, металлы, нанотехнологии? Да, это важно и нужно. Но вопрос остается: стал ли человек счастливее? Стал ли человек свободнее? Стал ли человек лучше, наконец, в результате прогресса?

В последнее время глобализация от вещей сугубо материальных, прогресса в сфере технологии, промышленности, связи, науки и так далее стала перемещаться в такие области человеческого сознания, которые прежде ею не затрагивались. Имеется в виду распространение «передовых учений» о том, каким следует быть человеку, как он должен реагировать на то, что происходит в окружающем мире, как он должен откликаться на вызовы меняющегося мира. А самое главное, глобализация подразумевает установление на всем пространстве цивилизованного мира неких важных стандартов, отступление от которых вычеркивает человека, а то и целые народы и страны из цивилизованного сообщества. И наоборот: признание, хотя бы на словах, этих стандартов дает возможность самым отсталым режимам и не слишком образованным людям быть причисленными к единому пространству цивилизованного мира.

Все это происходит буквально на наших глазах. Не будем далеко ходить. Все, что мы наблюдаем в последнее время в Грузии, фактически находится за пределами не только цивилизованного мира, но и здравого смысла. В течение длительного времени в этой постсоветской республике шла в сущности гражданская война. По очереди приходили к власти то старые аппаратчики, базирующиеся на остатках советского влияния, то откровенные уголовники. И наконец, там появляется абсолютно гротескная фигура нынешнего президента.

Сразу становится понятно, что этот довольно яркий представитель многообразного семейства американских марионеток принесет Грузии немало бедствий своим отчаянным упорством, и наверняка ничуть не меньше, чем принесли Грузии годы правления Шеварднадзе, Гамсахурдиа... С какой безоглядностью Саакашвили рушил то, что именовалось прежде культурными связями с Россией!

С одной стороны, он пользуется универсальными приемами — популистскими, а с другой — опирается на лексику, предписываемую демократическому правителю единого западного образца. Достаточно вспомнить «блицкриг» 8 августа, совершенно варварский и в то же время хорошо подготовленный с информационной точки зрения. Движение такой страны, как Грузия, по дороге к демокра-

тии каким-то удивительным образом сочетается с продвижением к Рокскому тоннелю, попыткой вероломно захватить с помощью военных ударов потерянное в свое время страной из-за близорукой политики предыдущего грузинского руководства, не сумевшего учесть по отношению к национальным меньшинствам Грузии то, чего она так хотела бы добиться в свое время от России и мирового сообщества.

Вы спросите, при чем здесь глобализация, СМИ? А вот при чем. Поначалу грузинская сторона конфликта довольно устойчиво выглядела правой: защищающей демократию, целостность страны. И цивилизованное мировое сообщество поддерживало ее. Через некоторое время грузинское руководство совершило еще большее с точки зрения продвижения демократии преступление — была разогнана мирная демонстрация оппозиции. И разогнана весьма жестко: с применением водометов, специальных полицейских сил и средств. Но вновь мы не услышали слов осуждения со стороны всех, кому это по рангу полагается. Тех, кто продвигает глобализацию в области духа, общественного сознания.

Вот на таких оселках проверяется подлинность или фальшь красивых лозунгов. Как только интересы вербально выраженной демократизации входят в конфликт с государственными интересами США, Евросоюза, там, не отбрасывая демократической лексики, а, напротив, под ее защитой, умудряются оказывать поддержку самым антидемократическим режимам. И не встречают отпора. Лицемерие и фальшь легко проглатываются публикой.

Как же это удается?

Не так давно на одной международной конференции с участием журналистов, ученых, специалистов в общественных науках мне довелось услышать доклад молодого ученого, который проанализировал состояние дел в сфере СМИ. Касалось это освещения международных событий. Вывод его прост и вполне укладывается в разговоры о глобализации: по его мнению, две-три крупные международные компании фактически монополизировали освещение для всего мира тех или иных событий под тем или иным углом зрения. Несмотря на то что мир вроде бы становится богаче (правда, конференция проходила до кризиса), никто не желает тратить деньги, чтобы собирать информацию через самые разнообразные источники — систему собственных корреспондентов и т. д. Многие издания «питаются» только тем, что предоставляет им считанное количество информационных агентств, да и выводы «калькируют». В сущности, такая вещь, как самостоятельное мышление журналиста, тоже исчезает, вместо этого приходят отработанные кем-то клише, которые легко использовать.

Это похоже на то, как информационные агентства распространяют различные схемы, диаграммы, касающиеся всего — от новой планировки квартиры до авиакатастрофы. Обычно они хорошо нарисованы, в них все уже продумано, и изданию остается только взять эту картинку и поставить в нужное место. На ней необычно присутствуют цифровые выкладки, статистика. И все соглашаются с таким подходом.

Но когда речь идет о более изощренных в политическом, экономическом, социальном смысле вещах, чем планировка квартиры или даже авиакатастрофа, тогда клишированные оценки уведят от истины далеко и надолго.

Ученый приводил совершенно удивительные примеры. Он брал несколько западных газет, которые освещают одно событие. Даже в тех случаях, если эти газеты имели явные политические предпочтения, в целом ряде

¹ Главный редактор газеты «Известия». Автор книг: «Семь снов в сентябре: социально-фантастический слав» (в соавт.), «Как сделать газету такой, чтобы ее читали»; статей «Нужно ли сообщать о готовящихся терактах?», «Первый президент России дает интервью "Известиям"», «Святейший патриарх Алексей II», «Жизнь с царем в голове», «Чем поможет диаспора» и др.

подходов присутствовало ощущение армейского единообразия. Те или иные события очерчивались буквально одними словами и оценки им выставлялись очень схожие.

Ничего удивительного в этом нет, потому что в основе освещения данных событий лежали не собственные расследования, а купленные материалы — информационные и комментарийные — у крупнейших монополистов медийного рынка.

К чему это, в конечном счете, приводит? В чем тут главная опасность? В том, что мы все реже получаем то, что нам больше всего необходимо — объективную картину того или иного события. В сущности, мы не узнаем правды об этом событии.

Мы в «Известиях» проанализировали несколько крупных международных событий и постепенную трансформацию оценок того, что там происходило, — от плюса к минусу, от «за» к «против». Приведу пример. Вернусь к той же теме Грузии. Первые дни ее военного конфликта с Осетией, начавшегося 8 августа 2008 года. Фактически все средства массовой информации утверждают, что военные действия в Грузии начала Россия, а Саакашвили является жертвой этой агрессии: маленькая Грузия стала жертвой агрессии огромной России. В течение длительного времени, фактически не имея подлинных репортажей и истинной картины происходящего в Цхинвале, СМИ Запада — и в США, и в Европе — продолжают упорно «тиражировать» одну версию: Россия напала на Грузию. Идут разговоры о том, что Россия проиграла информационную войну, что Россия не из XXI века, поскольку ведет себя так, как вели себя завоеватели в XIX веке, что Россия понимает лишь свои государственные интересы и грубо их отстаивает, продолжая проводить свою имперскую политику, и т. д. Западные СМИ были переполнены кричащими заголовками типа «Россия разбомбила всю Грузию», и при этом демонстрировались фото всего двух разрушенных домов, снятых с разных точек.

Вся эта фальшивка довольно длительное время была единственной картиной, которая сложилась у мировой общественности по отношению к осетино-грузинскому конфликту. И картину эту поколебать было довольно сложно.

Однако проходило время, постепенно в СМИ стали публиковаться кадры, сделанные в Цхинвале, появлялись статьи журналистов, которые там находились. Хотел бы заметить, что единственным журналистом, который вел прямой репортаж из Цхинвала, был корреспондент «Известий» Юрий Снегирев. Благодаря ему и другим журналистам информационная блокада была прорвана.

Да, в мире существует честное отношение к делу и честная журналистика, и на сегодняшний день карти-

на того, как развивались события в Грузии, иная. То, что военные действия начал Саакашвили, а не Россия, знают теперь многие. То, что не Саакашвили потерял Абхазию и Осетию, а предыдущее поколение грузинских правителей, — понимают многие. То, что шить это порванное одеяло быстро не получится, тоже понимают многие. Казалось бы, можно сейчас сказать, что истина пробилась себе дорогу. Но я убежден: в массовом сознании остался импринтинг первых дней, торжества «глобализации фальши»: Россия — агрессор. Она виновата в бедах Грузии. Я не уверен, что это именно те чудесные плоды глобализации, которых мы ждали.

Такая же схема работала и в отношении Ирака. Как помните, нас уверяли, что в Ираке находится оружие массового поражения. Более того, высокие американские лидеры утверждали, что вся эта операция в значительной степени и спровоцирована тем, что кровавый режим Саддама Хусейна угрожает мировой цивилизации. Ответственно заявлялось: разведка знает, что атомное оружие у Ирака есть, опасность угрожает всему миру. В результате те же самые люди, которые это ответственно утверждали, теперь заявляют: нас обманули, оружия не было. А в Ираке сменилась власть (законная, заметьте, хоть и некрасивая), там идет полномасштабная война. Те цели, которые ставили перед собой американцы, достигнуты — так, как они их тогда понимали. Правда, появились другие проблемы. Но это уже другая история.

Такой же подход сопровождал события и в Югославии, когда под крики об этнических чистках были произведены бомбардировки этой суверенной страны, проведено ее расчленение, создан бандинский наркоанклав, потенциальная опасность которого очень велика. И то, что в итоге данный анклав косвенно еще сыграет свою зловещую роль, по-моему, понимают многие. Но даже если односторонность освещения «этнических чисток» теперь признается, массовое сознание еще долго будет приписывать всю вину только сербам. Фальшивые цифры погибших и сейчас бездумно повторяются в массовых СМИ — кому хочется признавать ошибки и то, что тобой манипулировали? Проще «упорствовать в ереси».

Мой вывод: за многими важнейшими знаковыми событиями мировой политики в последнее время стоят ложь и глобальные технологии ее продвижения в сознание людей.

Я не рад такой глобализации. Я не понимаю — глобализация это или цинизм. К счастью, в последнее время авторы такой «глобализации» отошли от дел, а новые лидеры объявляют о «перезагрузке» международных отношений. Увидим, чем это обернется на деле.

Л. В. Матвеева¹

ВЛИЯНИЕ ФЕНОМЕНА РАЗОРВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ В СМИ НА ГРАНИЦЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Информационное общество как этап развития человеческой цивилизации, сменившее индустриальную и постиндустриальную эпохи, декларирует другие, отличные от

¹ Профессор кафедры общей психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, академик Международной академии телевидения и радио, доктор психологических наук.

Сфера научных интересов — проблемы массовой коммуникации, информационно-психологической безопасности в СМИ; психология коммуникации и психология переговоров.

Автор и научный редактор монографий: «Связь с аудиторией в коммуникации», «Психология телевизионной коммуникации», «Информационная и психологическая безопасность в СМИ», а также более 70 научных и публицистических статей, учебных пособий, глав в коллективных трудах.

традиционных ценности, сферы жизнедеятельности человека, новые принципы управления с помощью информационных систем, тотальную доступность к информационным потокам подавляющего большинства населения планеты, требования к способностям и умениям человека. Появляется новое пространство взаимодействия людей — информационное, организованное с помощью СМИ, и как результат — эффективные средства взаимовлияния на поведение и сознание людей. Соединение рынка и высоких информационных технологий сопровождается привлечением в процесс управления людьми на экономическом,

социальном, политическом уровнях современных достижений гуманитарных наук, особенно психологии как научного ресурса влияния на человека.

Институционализация медиасистем привела к появлению нового типа власти — «райтокрации», власти пишущих, создающих информационные продукты. Личный опыт человека в современных условиях жизни предоставляет ему незначительную часть знания о мире по сравнению с той, которую он получает посредством текстов, информационных продуктов, подготовленных другими людьми. По мнению многих современных исследователей, пишущие становятся «органами социального восприятия, хранителями коллективной памяти общества». Однако в силу законов функционирования власти, когда «существует возможность одного человека или одной группы людей реализовывать свою собственную волю в совместном действии, даже вопреки сопротивлению других людей, участвующих в данном действии»¹, он или они эту возможность используют для перераспределения социальных «почестей» и различного рода ресурсов: финансовых, материальных, духовных, информационных и т. д.

Субъекты медиакommunikации в той или иной форме склонны использовать властный ресурс с индивидуальной или корпоративной пользой и формируют информационную элиту, которая презентует себя обществу, используя всю мощь информационных средств. Так появляются феномены главного редактора, главы медиахолдинга, популярного телеведущего, кинозвезды, шоумена. Стихийная толпа превращается в публику, аудиторию, неформальную группу по информационным интересам, а лидер из риторика, вожака-оратора модифицируется в публициста, актера, учителя, политического телевизионного лидера, неформального лидера по интересам. Так, А. К. Пушков считает, что телевидение — мощный инструмент, который в «нечистых» руках становится оружием массового информационного поражения. «Пока у нас очень большие колебания этого маятника: то олигархи (почем зря) используют телевидение в качестве политической дубинки, то власть начинает ограничивать его в самовыражении...»²

Согласно Ю. Хабермасу и Ф. Уэбстеру, развитие информационного общества в своих технологических, экономических, социальных, пространственных и культурных измерениях приводит к различию сфер наблюдения и контроля, возрастанию степени регулирования повседневной жизни и ослаблению гражданского общества. Один из важнейших субъектов данного процесса — эволюция СМИ. В XX веке СМИ превратились в экономические монополии, которые видоизменили свою важнейшую функцию — доводить до общественности достоверную информацию — и стали служить каналом для выражения интересов класса капиталистов и формирования общественного мнения в угоду правящей элите. Ю. Хабермас также указывает на существенную модификацию общества, которая возникает в результате «рефеодализации» некоторых сфер жизни, в частности публичной, когда СМИ и государственный аппарат используются крупными монополиями для лоббирования своих интересов. В этом случае свобода информации становится мифом³. Однако еще в 1960-е годы П. Лазарсфельдом и Р. Мертоном⁴ был сформулирован закон о зависимости СМИ от бизнеса: производство и распространение продукции средств массовой информации финанси-

руются большим бизнесом. Это независимо от любых измерений означает: кто платит, тот и распоряжается.

Новый социальный уклад, согласно А. Беллу, зиждется на телекоммуникативных «интеллектуальных технологиях», которые становятся главным инструментом системного анализа проблем в обществе и средством принятия решений. Знания и информация становятся стратегическими ресурсами, что открывает возможность для разного рода злоупотреблений, «начиная с сокрытия информации и заканчивая ее незаконным обнародованием»⁵.

Одной из особенностей института СМИ является ее срежиссированная технология производства информации, в которой творческий субъект, порождающий информационное сообщение, отчужден от собственности на средства производства информации. В медиасистемах он является наемным рабочим и используется владельцами СМИ как посредник в производстве и передаче информации от одной группы людей, владеющих ресурсами власти, к другой, являющейся объектом власти, то есть народом, населением, аудиторией. Феномен «разорванной коммуникации» в СМИ состоит в том, что интересы, потребности и ценности собственников СМИ, творческих субъектов СМИ и аудитории принципиально не совпадают, а зачастую оказываются прямо противоположными, что порождает психологические барьеры в социальных коммуникациях в обществе.

С 1992 года в России ведется работа по регулярному (волновому) измерению телевизионной аудитории в рамках международного проекта «Медиафокус». По единой методике измерялись телевизионные пристрастия, коммуникативные установки у аудитории СМИ большинства европейских государств. В России опрос проводился только в столичных городах — Москве и Санкт-Петербурге⁶.

В настоящее время монополию на рейтинги удерживает группа компаний **TNS Gallup Media, использующая электронные средства измерения телеаудитории**. Цель таких измерений — информационное обеспечение рекламного бизнеса. В российской панели участвуют 1200 домохозяйств. Именно благодаря этим измерениям были внесены серьезные изменения в программную политику большинства телеканалов. Так, по данным исследования О. И. Карпухина и Э. Ф. Макаревича⁷ этот сдвиг касается основных блоков программной типологии (согласно С. Хеду).

С. Хед⁸ разделил коммуникативные вкусы, интересы и потребности современных слушателей и зрителей на шесть функциональных категорий: информация, образование, культура, религия, развлечение, реклама. Существенно, что эта типология не связана с особенностями образа жизни членов аудитории, спецификой труда или социально-демографическими факторами. Динамика составляющих программной типологии измерялась относительно Первого канала в течение одной недели в сентябре 1986 года и относительно канала ОРТ — в течение одной недели в сентябре 1996 года (см. табл. 9).

Таблица

Страна	Типология программ					
	1 информация	2 образование	3 культура	4 религия	5 развлечение	6 реклама
СССР (1986)	45,0	20,5	30,5	0	4,0	0
Россия (1996)	28,0	7,0	5,0	4,0	38,0	18,0

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1991.

² Пушков А. К. Многомерная правда телевидения // Фома. 2004. № 6 (23). С. 71–73.

³ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004; Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, 1989.

⁴ Lazarsfeld P. F., Merton R. K. Mass Communication, Popular Taste and Organized Social Action // Mass Communications. A Book of Readings. Urbana, 1960. P. 503.

⁵ Bell D. The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N. Y., 1999.

⁶ Телерекламный бизнес (информационно-аналитическое обеспечение) / сост. и общ. ред. В. П. Коломиец. М., 2001.

⁷ Карпухин О. И., Макаревич Э. Ф. Влияние на человека. М.; Барнаул, 2000.

⁸ Head S. World Broadcasting Systems. A Comparative Analysis. Belmont, 1986.

⁹ Цит. по: Карпухин О. И., Макаревич Э. Ф. Указ. соч.

По мнению авторов сравнительного анализа, результаты указывают на значительное изменение социальной роли СМИ в российском обществе.

Исследования, проведенные мной совместно с Т. Н. Землянских в 2005 году в рамках дипломной работы, выявили динамику изменения доли общественно-политических и развлекательных программ в сетке вещания российского государственного телевидения с 1991 по 2004 год. Так, если в 1991 году доля общественно-политических программ составляла 49 %, а развлекательных — 6 %, то к 1994 году их показатели находились примерно на одном уровне — 20 %. В 1996 году во время выборов президента численность развлекательных программ составляла 10 %, а общественно-политических — 35 %. Однако начиная с 2000 года это положение изменилось в сторону увеличения доли развлекательных программ (в 2004 г. — 25 %) и устойчивого уменьшения доли общественно-политических программ (в 2004 г. — 4 %), что свидетельствует, на наш взгляд, об отказе телевидения от своих основных функций — информирования, социализации, вписывания членов общества в политический контекст страны и т. д. Фактически доминирует развлекательная функция.

Глобализация информационного пространства и технические достижения в области СМИ превратили телевидение и Интернет в мощнейший фактор воздействия на картину мира как отдельного человека, так и политических и экономических коллективных субъектов. В настоящее время СМИ представляют собой громадный этнокультурный перекресток, на котором осуществляется попытка построения «информационной Вавилонской башни», проводятся информационные войны и реализуются сценарии информационного терроризма. Основная цель такого мощного информационного вторжения — структура индивидуального и коллективного сознания человеческого сообщества.

Главной задачей психологии в области информационной безопасности, на наш взгляд, является научная рефлексия характера информационных взаимодействий в ментальном плане с участием СМИ. Прежде всего следует выделить несколько основных черт, характеризующих существование человечества в информационной «глобальной деревне» М. Маклюэна.

1) Развитие средств массовой коммуникации породило феномен *дефицита полезной информации по сравнению с информационным шумом*. Согласно Г. Г. Дилгенскому, «...обилие информации способно запутать человека, усилить дефицит информации, воспринимаемой как достоверная и обладающая объяснительной силой. “Ничему нельзя верить” — ...типичная реакция массового сознания на этот “дефицит от избытка”. Этот дефицит выражается не... столько в недостатке фактических сведений, сколько в типичном именно для общественно-политического познания каузальном дефиците (то есть недостатке информации о причинно-следственных связях явлений)»¹.

2) Повсеместное распространение мультимедийных средств коммуникации трансформировало все стороны жизни общества (общественно-политическую жизнь, информационные взаимодействия, межличностное общение и т. д.) и превратило их в спектакль, срежиссированный как по содержательной, так и по пространственно-временной характеристикам. Оно породило еще одну размерность в картине мира человека — *перформансность*, что находит свое выражение в смешении игровой и практической деятельности, которое Хейзинга называет универсальной характеристикой современной культуры, выражающейся в категории «пуерилизма» (ребячливость).

Хейзинга видит проявление этого феномена в потребности человека в банальных развлечениях, тяге к сенсориям, массовым зрелищам, поведению, ориентированном на отроческий и юношеский возраст, что выражается в обычаях, привычках и современных формах духовного общения². Так, новости на телевидении все больше становятся похожи на шоу, а реальная жизнь стала объектом зрелища, как, например, телевизионный проект «Реал-ТВ»³.

Одно из базовых взаимодействий между людьми — игра, «забава, установленная по правилам, и вещи, для этого служащие. Играть — значит шутить, тешиться, веселиться, забавляться, проводить время потехой, заниматься чем-либо для забавы, от скуки, от безделья, мелькать, шевелиться туда-сюда, представлять что-то, изображать в театре»⁴. Важно, что люди участвуют в игре добровольно. При этом непосредственность выражения чувств, искренность, низкий уровень тревожности и самоконтроля, способность находиться «здесь и теперь» помогают им принять участие в игре. Можно предположить, что участие в игре нацелено на согласование установок, обучение контролю и влиянию, переживание спектра чувств и их выражение, формирование у играющих поведенческих норм.

Телевидение, по мнению М. Леви⁵, создает новые формы социальной интеракции и отношения интимности и дистанции, так как зрители при общении находят лицом к лицу с коммуникатором. Леви вводит понятие *Parasocial*, то есть **сверхсоциальное взаимодействие**, когда зритель реагирует на человека на экране (его образ или характер) как на члена своей группы, в которой происходит просмотр телепередачи.

3) Доминирование опосредствованных способов взаимодействия между людьми привело к тому, что визуальная коммуникация, визуальные коды и образы стали основным средством передачи информации. В результате изменился образ политического лидера, успех которого стал во многом зависеть от того, насколько хорошо он смотрится на телевизионном экране, появился новый тип героя — шоумен и звезды — телезвезда. Понятие «харизма» трансформировалось в понятие «имидж», а понятие «красота» — в понятие «выразительность».

4) Логика технического развития средств порождения, передачи и трансформации информационных сообщений привела к коммерциализации коммуникативных систем. Творческий субъект, порождающий информацию, оказался в роли наемного работника. Собственником информационного продукта стал владелец медийного холдинга. Таким образом, контроль над смыслом, содержанием и целями информационного сообщения остается за владельцем телекоммуникационных систем.

Механизмы воздействия и порождения феноменов сознания человека в процессе общения наиболее существенно образом были разработаны в исследованиях Л. С. Выготского и А. Н. Леонтьева, показавших, что развитие индивидуальных психических функций и мотивационной структуры личности осуществляется через различные формы деятельности и общения с миром людей, предметов и самим собой: «...всякая функция культурного развития ребенка появляется на сцене дважды, в двух планах, сперва социальном, потом психологическом, сперва между людьми как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка как категория интрапсихическая. Из этого следует, что общение является не только средой, фоном,

² Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня. М., 1992.

³ Уразова С. Л. Reality TV в России: Первый опыт телеклонирования // Информационная и психологическая безопасность в СМИ. Телевизионные и рекламные коммуникации. М., 2002. Т. 1.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. 2. С. 634.

⁵ Lewi M. Watching TV News as Para-Social Interaction // TV and Prosocial Behavior. 1979. Vol. 23. № 3. P. 69–80.

¹ Дилгенский Г. Г. Социально-политическая психология. М., 1996. С. 45–46.

на котором происходит становление индивидуального сознания, но и его содержанием»¹.

Телевидение может быть рассмотрено как «орудие» для построения образа мира и освоения жизненного пространства личности. Согласно П. А. Флоренскому, орудия расширяют область нашей деятельности тем, что продолжают наше тело². А. Н. Леонтьев в своей концепции построения образа мира выделяет пять объективных измерений образа мира — три пространственных и одно временное измерение (движение), а также одно субъективное квазиизмерение, или «смысловое поле». Если по отношению к информации о пространственных характеристиках объективной реальности человек может быть относительно свободен, то есть он может их материально зафиксировать и манипулировать с ними, то построение картины мира по оси времени затруднительно в связи с тем, что образы постоянно ускользают.

Появление фотографии, кино, а затем и телевидения, способных зафиксировать образы, длящиеся во времени, преодолевает барьер несвободы во временной размерности картины мира. Человек получает возможность использовать зафиксированные перцептивные впечатления, воспроизводящие некие события с опорой на межмодальные сигналы (зрительные, слуховые и тактильные, по М. Маклюэну), для увеличения презентативности субъективной картины мира. Однако М. Маклюэн очень упрощал ситуацию, считая, что важнейшие эффекты средств массовой коммуникации вытекают в первую очередь из их формы, а не из содержания.

Пятое измерение картины мира, понимаемое А. Н. Леонтьевым как «мерность внутрисистемных связей объективного предметного мира», может быть соотнесено с содержанием телевизионной коммуникации, понимаемой как совокупность субъективных оценок, межличностных отношений, смысловых схем и ролевых взаимодействий участников коммуникативного взаимодействия. Таким образом, телевидение может рассматриваться как экстернизация некоего «функционального органа» индивидуального сознания личности, позволяющего расширить возможности последнего во взаимодействии с коллективным сознанием при построении картины мира³.

С точки зрения коммуникативного подхода феномен массовой коммуникации может быть представлен следующим образом. Смотря телевизор, человек расширяет рамки своего обычного обитания и вступает в отношения с искусственно организованной средой существования. Зритель не столько воспринимает информацию, сколько сопереживает героям, с которыми он себя идентифицирует. Защищается или заражается эмоциональной атмосферой происходящих на экране событий, принимает или отвергает, вступая во внутреннюю дискуссию с определенными мнениями, суждениями, оценками, формирует определенное отношение к дикторам, комментаторам как к партнерам по реальному общению, требуя от них эмоциональной теплоты, уважения к себе, «похожести» на себя или свой идеал и «авторитет».

Таким образом, человек «проживает» в этой искусственной среде часть своей жизни. Уровень погружения в состояние общения с этой средой зависит как от того, насколько авторами этой среды учтены и закодированы все аспекты процесса общения, так и от готовности зрителя участвовать в таком процессе и декодировать смыслы, заключенные авторами в телесобщении.

Основными структурными единицами анализа становятся:

- поведение партнеров по общению;

¹ Виготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1982–1984.

² Флоренский П. А. Избранные труды по искусству. М., 1996.

³ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.

- значение этого поведения для каждого из них;
- аффективная оценка происходящего взаимодействия.

При этом реальное содержание телесобщения выступает как предмет, по поводу которого происходит или организуется общение.

Схему структурных процессов общения в телекоммуникации можно представить как трехуровневую систему взаимодействий, напоминающую вложенных друг в друга матрешек⁴.

Так, первый уровень взаимодействия содержит: с одной стороны, социального заказчика; его представления о партнере по общению (в данном случае — о состоянии общественного мнения по тому или иному вопросу); представления о характере происходящих изменений в партнере по общению в результате взаимодействия (цель взаимодействия); характеристику средств, которыми могут быть достигнуты желаемые изменения (работа телевизионных редакций по созданию телепродукции). С другой стороны, объективную потребность зрителей в информации определенного рода, которую можно получить, вступая во взаимодействие с телевидением; отношение к телевидению как к источнику такой информации; потенциальную готовность к изменениям, которые планируются в процессе такого взаимодействия (в частности, коммуникативный опыт аудитории).

На втором уровне взаимодействия можно выделить: с одной стороны, процесс переформулировки цели взаимодействия конкретной авторской группой, работающей над передачей; образ или портрет зрителя, к которому будет обращено телесобщение; выбор средств и форм построения телесобщения, прогнозирование эффекта взаимодействия. С другой стороны, социально-психологические факторы, опосредующие восприятие телеинформации; групповые нормы; ценностные ориентации; профессиональные и демографические характеристики аудитории; образ коллектива коммуникатора — авторов телесобщения и его намерений в процессе коммуникации; отношение доверия–недоверия, компетентности–некомпетентности к партнеру по общению. При этом используются все возможные виды коммуникации, которые подразделяются *по средствам*:

- образное, невербальное обращение преимущественно к правому полушарию;

- вербальное, словесное обращение к левому полушарию, с помощью аргументов, логических схем и вербального диалога;

по уровням:

- сознательные механизмы организации процесса общения;

- бессознательные механизмы регуляции эмоционального контекста общения;

по формам:

- ритуальное общение;
- коммуникативные действия (обмен информацией и состоянием);

- игра;

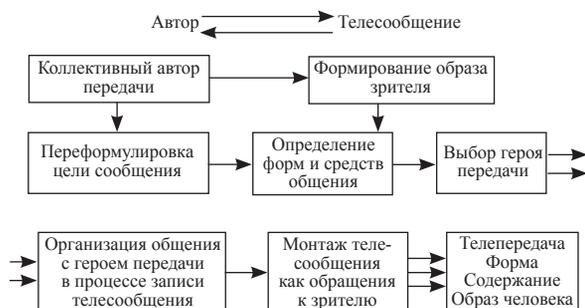
- динамика психологической близости;

- манипулятивные действия.

Третий уровень взаимодействия включает, с одной стороны, процессы межличностного общения режиссера и редактора телесобщения с героем или участниками передачи, их профессиональные качества и коммуникативный стиль деятельности; с другой — восприятие и понимание зрителями цели и содержания передачи, характер и контекст общения с героями передачи, отношение к авторам передачи.

⁴ Матвеева Л. В. Общение в сфере телевидения : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2000.

Функционально эти уровни «разведены» во времени и проявляются при психологическом анализе в двух различных формах существования. Прежде всего это процесс подготовки телесообщения как определенной среды общения со зрителем и процесс восприятия телесообщения зрителями как процесс взаимодействия с этой средой. Если в первом случае происходит осуществление коммуникативной ситуации, то во втором — ее переживание, потребление и усвоение. Структуру происходящих процессов можно представить следующим образом:

Спецификой телевизионного общения на этом этапе являются:

а) коллективный характер творческого труда при подготовке передачи. К зрителю обращается коллективный партнер по общению, однако лидером в этом коллективе является режиссер передачи. Именно его индивидуальное представление о цели сообщения и предполагаемом образе зрителя определяет характер сообщения;

б) публичность процессов взаимодействия авторов и героев передачи. Даже если во время съемки никто, кроме съемочной группы, не присутствует, образ воображаемого многочисленного зрителя является реальным участником такого взаимодействия;

в) индивидуальные и личностные особенности участников телесообщения превращаются в средство передачи информации, которая служит для интерпретации содержательных аспектов передачи;

г) характер взаимодействия между режиссером и участниками передачи и их отношение к содержанию сообщения определяют коммуникативный аспект телесообщения и проявляются при выборе средств и форм воздействия в структуре телекоммуникации. Воздействие информационного сообщения на зрителя можно представить в следующей схеме:

На основе коммуникативного подхода нами был проведен сравнительный анализ категориальной структуры восприятия разных видов телевизионного сообщения у различных групп индивидов, выявлены общие и дифференцирующие свойства их субъективной семантики. Впервые показано, что эффективность коммуникативного взаимодействия зависит от согласованности системы категорий, на которых базируется образ «реального» и «идеального» телесообщения у участников взаимодействия. Базовыми категориями являются когнитивная проработка информации, эмоциональная насыщенность и коммуникативная символика как содержания, так и формы телесообщения. При этом особенности категориальной структуры образов телепередач разного типа определяют уровень вовлечения телезрителей в коммуникацию.

Исследование восприятия рекламных телевизионных сообщений, выполненных в традициях различных культур (американская, японская, английская, русская), выявило следующие категории восприятия: психологический комфорт, уровень культуры, разговорный дискурс, уровень соответствия нормам закона, динамичность и реалистичность образов героев.

Можно сделать вывод, что феномен популярности в телекоммуникации проявляется в том, что популярный телевизионный ведущий входит в круг «значимых других» для представителей зрительской аудитории, а непопулярный ведущий рассматривается в роли «делового партнера». Эффект популярности телепередачи и человека на экране состоит в том, что между автором и зрителем возникает единое эмоциональное и когнитивное пространство общения, которое практически нивелирует компонент опосредованности в массмедиа¹.

Все это приводит к размыванию нормативов человеческого сообщества в информационном обществе, человек начинает искать базисные, устойчивые категории для самоидентификации и находит их в гендерных характеристиках, и личностной сфере и духовной области, в частности в религии. В силу этого основными категориями анализа межкультурного информационного пространства являются этнические стереотипы и этническая картина мира, которая прежде всего характеризуется ритуалами, характером восприятия пространства и времени, системой ценностей и отношениями личности и общества. В частности, Хофстед выделяет четыре уровня анализа таких отношений: уровень властной дистанции; характер избегания неопределенности; индекс индивидуализма; степень маскулинности/феминности².

Решение проблемы информационной и психологической безопасности прежде всего должно начаться с определения и формирования концепции психологической границы информационной безопасности. Самым сложным здесь является то, что эта граница пролегает в ментальном пространстве субъективной реальности, где большая часть норм носит конвенциональный характер или характер табу, социальных запретов на поведение конкретных индивидов или групп индивидов в социуме. Поэтому границы информационной безопасности по содержанию должны носить психологический и этический характер, а по форме — характер правовых норм. В частности, способы проявления чувств, форма мышления, характер волевой регуляции поведения, особенности вербальной и невербальной коммуникации являются уязвимыми местами для информационной агрессии иной культуры или мировоззрения.

¹ Матвеева Л. В. Общение в сфере телевидения: Она же. Психологические аспекты медиакоммуникации // Информация. Дипломатия. Психология. М., 2002.

² Hofstede G. Value System in Forty Countries: Interpretation, Validation and Consequences for Theory // Cross-Cultural Contributions to Psychology / ed. by L. Eckensberger [et al.]. Alblusserdam, 1979.

В связи с вышесказанным можно выделить несколько типов границ психологической безопасности в информационном пространстве:

— биологический уровень — воздействие на человека может осуществляться с помощью изменений в технологии передачи аудиовизуальной информации через технические средства коммуникации;

— психофизиологический уровень — воздействие возможно через модификацию пространственно-временных характеристик сложных сигналов;

— собственно психологический уровень — воздействие осуществляется с помощью демонстрации определенных форм поведения индивидов, межличностного взаимодействия и характера реализации всех форм проявления человека;

— социальный уровень — воздействие может быть произведено с помощью трансляции различных форм группового поведения, отношения меньшинства и большинства, лидера и общества в целом;

— духовный уровень — воздействие может быть осуществлено через подмену базовых ценностей (добро—зло, должное—недолжное, норма—патология) и модификацию сценарной основы мифологического уровня построения картины мира человека.

В настоящее время мы наблюдаем размывание нормообразующих ценностей и категорий индивидуальной и коллективной картины мира в современном медиaprостранстве по всем основным медиаканалам. Радио стало пространством разговорного дискурса, часто выходящего за рамки культурной и этической нормы речи. Подбор большинства музыкальных произведений явно направлен на адресата, озабоченного тем, «как себя еще развлечь в течение суток». Интернет наряду с информационными сайтами предоставляет интернет-ресурсы для ICQ, компьютерных игр явно непознавательного характера и, наконец, сайтов, которые могут служить удовлетворению психопатологических потребностей части населения планеты.

Телевизионные передачи познавательного характера имеют название «ток-шоу», то есть это разговор как развлечение, спектакль. Развлекательные передачи, в свою очередь, построены по международному сценарию, где отношения и действия героев определяются некой фабулой игры, направленной на разрушение основных норм

человеческого общежития. Так, передача «Слабое звено» разрушает социальную иерархию путем создания ситуаций, когда более слабый человек (пожилой, неумный, неумелый и т. д.) может быть изгнан из группы более успешных и сильных людей.

Передачи «Реал-ТВ» производят метаморфозу с базовой для личности категорией «интимный—публичный». Передача «О, счастливчик!» и подобные ей делают нас рабами алчности и потребности пожить без особого труда, формируют установку на счастливый случай. Передачи «Окна», «Большая стирка», «Моя семья» предлагают сценарии антигероя, где герой-спаситель и герой-разрушитель уравниваются по субъективным ценностям. Передачи про магию возвращают нас в допотопное состояние коллективного менталитета, когда природа человека была извращена общением с падшими духами, за что человечество уже было наказано Всемирным потопом.

Страсть к лицемерию порочной стороны человеческого существа стала одним из приоритетных направлений в информационных программах. Кровавые сцены, агрессия, отклонения от биологической, психической и социальной нормы являются дежурными сюжетами в новостных передачах на многих каналах. Создается впечатление, что информация о мире является страшным фоном для «фигуры», в качестве которой выступает рекламная продукция, призванная как бы компенсировать человеку несовершенство его природы и окружающего жизненного пространства. В этом случае спасителями и пророками выступают работники СМИ и транснациональные корпорации.

Последний виток развития телевизионного зрелища может быть представлен передачами «Я готов на все» Д. Диброва, «Розыгрыш», новыми телепроектами Н. Фоменко. Содержанием такого рода передач являются пытки и мучения, которым добровольно подвергает себя человек — участник передачи ради достижения определенных целей. Но вопрос не о тех людях, которые ради денег соглашаются участвовать в этих передачах, а о тех представителях рафинированной культурной элиты российского общества, которые придумывают и осуществляют подобные проекты как зрелище. Создается впечатление, что Рубикон информационно-психологической безопасности уже перейден.

Б. Д. Парыгин¹

КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СМИ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

Актуальной тенденцией в развитии понимания человеком роли массовых коммуникаций является растущее сознание огромной значимости этих средств в формировании межкультурного диалога как инструмента преодоления многих барьеров на пути стабилизации и совершенствования социальных отношений.

Сказанное будет более понятно, если учесть то обстоятельство, что в числе культур, пересекающихся в коммуникативном пространстве диалогического взаимодействия тех или иных субъектов, заметная, если не ведущая,

¹ Почетный заведующий кафедрой социальной психологии СПбГУП, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ. Основатель философско-социологического направления отечественной социальной психологии.

Автор около 400 работ: «Социальная психология как наука», «Основы социально-психологической теории», «Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории», «Социальная психология» и др.

роль принадлежит самим средствам человеческого общения независимо от их характера.

Это относится к любым рамкам общения — межличностного или функционально-ролевого, группового или массового, политического или экономического, научного или религиозного, философского или культурологического.

Последнее особенно актуально применительно к ситуации такого диалога, когда в него оказываются вовлеченными не отдельно взятые индивиды, а представители самых различных культурных, социальных, политических и экономических общностей и структур. При этом в числе ведущих инструментов диалогического общения оказываются задействованными СМИ.

Есть основание предполагать и даже утверждать, что в подобной ситуации как ход, процесс, так во многом и ре-

зультат диалога зависит не только от личностных качеств субъектов — участников этого общения, но не в меньшей мере и от уровня культурного потенциала тех средств, которые привлекаются ими в дискуссии, особенно если таковыми являются СМИ. Под культурным потенциалом в данном случае следует понимать как полноту и адекватность отражения в СМИ социальных проблем, так и видения путей и средств их решения.

Именно на этом направлении активизируется работа СМИ: радио, газет и в последние годы телевидения. Об этом говорит популярность таких телепередач, как, например, «К барьеру». В этом телешоу по самым актуальным вопросам современной отечественной культуры в режиме темпераментного и яркого диалога соотносятся и нередко остро сталкиваются позиции, подходы и аргументы политика и писателя, правоведа и экономиста, социолога и культуролога, а также представителей многих других отраслей и практического, и гуманитарного знания.

В аналогичном ключе можно говорить и о все чаще публикуемых в наших газетах дискуссиях о соотносительной ценности и социальной значимости, например, в формировании художественного вкуса молодежи, массовой или «поп-культуры», с одной стороны, и высокой музыкальной культуры, представленной нашим классическим наследием — с другой.

Наряду с обозначенной выше функцией участия СМИ в организации и презентации тех или иных форм диалогического межкультурного общения возможна и постоянно реализуется и другая значимая и мощная по силе влияния на людей функция этих средств, в которой сами они пусть имплицитно и символически, но тем не менее вполне реально выступают в роли субъектов или партнеров межкультурного диалога.

Применительно к динамике социальных перемен, происходящих в России на протяжении последних более чем 20 лет, обращает на себя внимание многофункциональный, нарастающий по силе и сложный, не всегда прогнозируемый характер этих средств, способных как к противоречивой трактовке социальной реальности, так и к не всегда понятным с точки зрения здравого смысла способам воздействия на нее.

За этой весьма условной трактовкой СМИ стоит, на наш взгляд, не только характер или специфика каждой из многих их составляющих, но и тот или иной уровень их общей культуры как способности к адекватному или неадекватному отображению реальности, продуктивному, позитивному или наоборот деструктивному влиянию на нее.

Одной из особенностей СМИ в отличие от научно-исследовательского опыта отображения реальности является обращенность в большей степени к ситуативному, образному, эмоционально окрашенному и стереотипному восприятию и подаче материала. Это во многом способствует достижению эффекта массовой заразительности.

Так, психологическая установка на обещание плодов перестройки через ближайшие 2–3 года, запущенная СМИ в середине 1980-х годов, была мощным стимулом эмоционального подъема и больших ожиданий. Но по истечении этого срока так и не получивших подтверждения ожиданий одному из прорабов перестройки академику Аганбегяну пришлось в газете «Правда» в статье «В гору или под гору» давать такое объяснение: «Яма застоя оказалась гораздо глубже, чем нам казалось».

В последующие за этим 1990-е годы в СМИ слишком прямолинейно культивировалась уже другая установка на создание «рыночной экономики по пути к капитализму». Экономический прагматизм в этих условиях подавался как альтернатива беспочвенной романтике и идеалам социализма.

Однако переоценка возможностей успешного развития рынка, ориентированного преимущественно на экспорт природных ресурсов (газ, нефть, лес и др.) при недооценке развития потенциала инновационных технологий обернулась последующим спадом, усугубленным в условиях мирового глобального экономического кризиса.

В результате оказалось утраченным относительное единство СМИ в их видении лишь благоприятных тенденций и безоблачных перспектив социума. Начался рост критического настроения в печатных СМИ и на радио (выступления писателя Михаила Веллера). Это означало новый поворот на пути углубления диалога между разными подходами в рамках самих СМИ одного и того же времени. Тем самым был дан мощный позитивный импульс активизации гражданского общества, которое невозможно без живого межкультурного диалога.

Но остается открытым вопрос: почему при мощных традициях рыночной экономики в странах Западной Европы и США не произошла подмена духовно-нравственной культуры общества относительно более примитивной психологией рыночного прагматизма.

Вероятно потому, что в этих странах сложился более высокий уровень контроля качества СМИ и той же рекламы. Одновременно ведется систематическая критика «психологии рыночника» как ущербного типа личности, порождаемого рынком и массовой психологией под влиянием СМИ (см., например, работы немецко-американского классика неотрейдизма Эриха Фромма).

Существенна и традиция критики в странах Западной Европы, в первую очередь в Германии, таких аномалий социальных коммуникаций в социуме, когда вполне обособленная и стратегически ориентированная на защиту государственных интересов в поле рынков сбыта и источников сырья «вертикальная коммуникация» в лице политической и финансовой элиты страны способна решать эти задачи нередко за счет неполноты реализации социальных-бытовых интересов представителей массовых «горизонтальных коммуникаций». (Подробнее об этом см. работы крупнейшего представителя франкфуртской школы, современного выдающегося немецкого философа и социолога Юргена Хабермаса.)

Все вышесказанное дает основание говорить об актуальности дальнейших исследований возможностей реализации культурного потенциала СМИ как мощного фактора влияния на процессы диалогической коммуникации в современном динамично изменяющемся мире. Направленность этих средств на формирование гражданского общества рассматривается руководством страны в качестве одной из приоритетных задач, стоящих не только перед СМИ, но и перед нашей научной общественностью.

Убедительным свидетельством значимости научного участия в этом процессе является, например, успешная практика проведения Лихачевских научных чтений в СПбГУП с широким привлечением к обсуждению итогов осуществляемого таким образом межкультурного диалога многих средств МК.

В. А. Рабинович¹

О НЕКОТОРЫХ ИДЕОЛОГЕМАХ В СМИ И... «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Панславянский патриотизм», «коренные–некоренные народы», «традиционные–нетрадиционные религии», «враг внешний и враг внутренний»... Все эти расхожие идеологемы некоторые исследователи стараются вычитать из «Слова...» и, более того, чуть ли не всю последующую историю России стараются вычитать из него же. Не получается...

Предлагается новая интерпретация этого замечательного произведения древнерусской литературы, на открытие которой потратил столько лет Дмитрий Сергеевич Лихачев.

В начале было *рокотаху*...

Что за «рокотаху» такое и почему оно в начале? А если в начале, то в начале чего? А может быть, это гул, восставший по-над водою, когда над нею носился Божий дух? Но воды-то еще не было, она была лишь в замышлении второго дня, а Дух уже носился над нею, вдохновляя творца на творческие дела?

Ветер дул, оттого и гул. И сулил «неслыханные перемены, невиданные мятежи», как предположил, правда по другому случаю, А. Блок.

Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.

Войнам, согласно В. Луговскому, — да. А вот стихам? Не прорицают ли они все на свете, в том числе и это лихо?..

Но... *рокотаху*. Что это? Существительное, глагол, деепричастие? Самодеяние...

В навеянном «Цветочками» св. Франциска стихотворении «Ах, братец Одуванчик...», которое написано лет 30 тому назад, одуванчик и другие жители лугов мне отвечали так:

Себя не сознаваху,
Ни плоть свою, ни дух,
Они в ответ сказаху,
Пролепетаху вслух...

Что они мне тогда сказали, сейчас неважно; а важно то, что *пролепетаху вслух*.

А еще раньше было «Слово о полку Игореве» (впервые — в школе, во второй раз — в Литературном институте), где струны «сами славу князьям рокотали» (то есть *рокотаху*). Так начиналось «Слово...» Так начиналась русская словесность. Так, по «Слову...» начиналась история моего отечества, и моя в том числе.

И все это — в *рокотаху*? Или все-таки не все? Так ли уж *сами струны рокотали* или, может быть, кто-то с их помощью рокотал? Сами — не сами, но *рокотаху*.

А теперь и в самом деле начнем...

«Начаться же этой песне по былям нашего времени, а не по обычаю Боянову». Так начинается «Слово о полку Игореве» о проигранном князем и его воинством сражении с половцами в 1185 году.

¹ Заведующий сектором «Языки культуры» Российского института культурологии (Москва), доктор философских наук, кандидат химических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Автор более 700 научных трудов, в том числе книг: «Алхимия как феномен средневековой культуры», «Образ мира в зеркале алхимии: от стихий и атомов древних до элементов Бойля», «Исповедь книгогоча, который учил букве, а укреплял дух», «Человек в культуре. Введение в метафорическую антропологию», и стихотворных сборников «В каждом дереве скрипка», «Фиолетовый грач», «Синица ока».

Член Союза журналистов Москвы, Союза писателей Москвы, Международного ПЕН-клуба и исполкома Русского ПЕН-центра.

Кто сочинил «Слово...»?

Представлено два образа сочинителя: два Бояна — два поэта. Один — давний — поет по обычаю. Другой — летописный, поет, так сказать, с природы, но начинает как истинный гуслиар (аэд, рапсо́д, ашуг или акын). Как все всегда начинают, когда затевают песнь. Затывают летописание как песнопение. Но все дело в том, *как* они это начинают.

Первый — вещий — Боян начинает так: «...если кому хотел песни слагать, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками, ибо помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда напускал он десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь достигал сокол — та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу, зарезавшему Редю перед полками косожскими, прекрасному Роману Святославичу». Такой вот был языческого замеса вещий Боян: язычески напускал соколов на лебедей, и первая смертельно раненая лебедь должна была славить вместе со всей его родней Мстислава, зарезавшего князя косо́гов (черкесов) Редю. Вот какой был этот вещий Боян — поэт, славящий патристическое зверство песнею умирающей лебеди:

...Пела древний киевский престол,
Поединок славил старинный,
Где Мстислав Редю заколол
Со своей косожскою дружиной.
И Роману Красному хвалу
Пела лебедь, падая во мглу.

Этот фрагмент дан в переводе поэта-лирика Н. Заболоцкого. Сам сюжет хамски языческий, варварски дикий, но и лирически нежный — «пела лебедь, падая во мглу».

Что же получается? Редю мертв (так ему и надо). Мертва и лебедь, павшая жертвой языческого ритуала. А Боян растекается себе мыслию по древу, серым волком рыщет по полю и под облаком парит орлом. Мог бы и лебедь заклевать своим орлиным клювом — под стать тому языческому соколу. Вот каким мог быть поэт «Слова...» Такая возможность, не реализованная в «Слове...», «аукнулась» в «Скифах» Блока:

...Виновы ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В суровых нежных наших лапах?!

Варварская — скифская — на голубом глазу невинность, а по сути хамский нахрап.

А Боян — поэт «Слова...» — иной. Он — поэт-лирик. И представлен он так (в оригинале): «Боян же, братие, не десять соколов на стадо лебедей пушаше, нъ своя вещия пръсты на живая струны въскладаше, они же сами князем славу рокотаху».

В переводе В. Жуковского:

«Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей пускал, он вещие персты свои на живые струны вскладывал. И сами они славу князьям рокотали».

В переводе О. Творогова:

«А Боян, братья, не десять соколов на стаю лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны возлагал, а они уже сами славу князьям рокотали».

В переводе Н. Заболоцкого:

Но не десять соколов пускал
Наш Боян, но, вспомнив дни былые,
Вещие персты он подымал
И на струны возлагал живые, —

Вздрагивали струны, трепетали,
Сами князьям славу рокотали.

Каждый переводчик предпочитает в чем-то одном быть точным, соглашаясь на приблизительность в другом. Но все они точны в том, что не сам Боян — вещий (в отличие от языческого предшественника), а персты его вещи. Они вещают. На ощупь точны. Точно возлагают себя на струны. В Жуковский вдобавок точен в переводе глагола «вскладаше»: «вскладывал». Но у всех переводчиков *струны живые* и рокочут *сами*.

Почти бесконтактно (так сказать, «легким манием руки») рождается каждое слово поэмы — славословное, словославное... Невоинственное. Чистое. «В звонко-звучной тишине» (В. Брюсов). На всю Русь. Но не великую, не третьеримскую. Не «от Москвы до самых до окраин». Славословие — словославие из пусть большого, но *одного* гнезда — с Киевом на Днепре посередине. А в небольшом отдалении Тмутаракань, Корсунь, Тамань, Сурож, Путивль и малые речки-притоки днепровские и донские. Вот и вся Русь. Семейная. Которую можно петь и каждого в ней князя — сына, брата, шурина, деверя, отца или деда — любить и славить. Хорошо! А если воспарить орлом, или белой лебедью, или нежною голубкой, или чайкой плачущей, то можно всю землю разом обозреть — милую и родную. Вот она, возможность лирического слова!

Но замесы варварской прапамяти сшибаются и клокочут. Зарезанный Редедя-черкес на виду у своих — чужих. Сокол клевачий. И лебедь, поющая свою последнюю песню. Велесова прапамять жива. А вещий Боян, внук Велеса, будь он автором «Слова...», спел бы: «Кони ржут за Сулой — звенит слава в Киеве! Трубы трубят в Новгороде, стоят стяги в Путивле...» И вот уж не соколы, а стая галок несется к Дону. Войско наизготове. Но солнце затмилось. А страсть воина князю ум охватила, и желание изведать Дона Великого оказалось сильнее предзнаменования. «Хочу, — сказал, — копье преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шлемом испить из Дона».

А можно было бы, вняв природному страху-предзнаменованию, петь и петь себе, внимая рокоту струн. Ведь они *сами* вздрагивали и *сами* трепетали, оставаясь у начала песни — при своем *рокотаху*. И эта возможность тоже «аукнется» в русском стихе XX века. У О. Мандельштама, который «Лепет из опыта лепит // И лепет из опыта пьет», у Б. Окуджавы, удивленного тем, «Как умеют эти руки // Эти звуки извлекать!» — единственное, что умеют хорошо делать русские люди (русские поэты) на своей русской земле!

Но... нейдет. Но... шлея под хвост. Руки чешутся. Лирическое скучает по эпическому. И тогда лира — по барабану. *Рокотаху* самозабвенного гусяра забили орлы своим клеткотом: «Зверей на кости зовут». А «лисицы брешут на червленые щиты». Еще одна возможность — на этот раз имперская — отзовется через века: державинская «птичка военна снегирь».

И вот уже третий Боян — натуральный автор «Слова...» — затянул свою летописно-эпическую песню, соскользнув с того, с чего начал Боян № 2, — с нежнейшего *рокотаху* в глухую поноховщину боя. Тоже песня, но кровавая песня войны.

Вернуться бы к лире — лепечущему *рокотаху*, мурлыкающему лепету!

И вправду: лирическое *рокотаху* настраивает на лирический лад иные голоса поэмы: златословие увещательной мудрости Святослава и ритуальный плач Ярославны на городской стене, чтобы у всех на виду. Эти два голоса назначены окоротить-приструнить кимвалы бряцающие.

Само лется умнословие Святослава, точится слезолибие Ярославны. Но — всем князьям на послух. Но — любимому мужу, хотя и на миру, предназначен этот красивый взрыд.

Святослав — князьям: «Не вздымайте более стягов своих, вложите в ножны мечи свои затупившиеся <...> в своих распрях начали вы призывать поганых на землю Русскую, на достояние Всеславова. Из-за усобиц ведь началось насилие от земли Половецкой! <...> Не было тут ни брата Брячислава, ни другого — Всеволода, так он один и изронил жемчужную душу из храброго своего тела через золотое ожерелье. Приуныли голоса, сникло веселье. Трубы трубят городенские».

Н. Заболоцкий это место переложит так:

И в смертный час на помощь храбру мужу
Никто, о братья, в бой не поспешил.
Один в степи свою жемчужну душу
Из храброго он тела изронил.
Через золотое, братья, ожерелье
Ушла она, покинув свой приют.
Печальны песни, замерло веселье,
Лишь трубы городенские поют.

Золотой плач Святослава под аккомпанемент «труб городенских» как бы без трубача. Плач по тихой возможности жить и радоваться. Жить — дружно, а радоваться — тоже вместе, по-семейному, по-родственному.

Выпавшую из тела израненную душу услышала Ярославна и на виду у всей малой Руси ответила плачем: «Полечу <...> чайкою по Дунаю, омочу шелковый рукав в Каяле-реке, оботру князю кровавые его раны на горячем его теле». Пусть далее восплачет Н. Заболоцкий слезами несчастной Ярославны, не желающей прирастать чужими землями, хотя и вражескими половецкими, но чужими.

И вновь лирическая инвектива природным — языческим — силам. Схождение двух Боянов в мелосе Ярославны. Но солирует голос Бояна второго, когда плачет *сам* плач. Пусть ритуально. Но *сам!* В лирической подпевке реву стихии:

Что ты, ветер, злобно повеваешь,
Что клубишь туманы у реки,
Стрелы половецкие вздымаешь,
Мечешь их на русские полки?
Чем тебе не любо на просторе
Высоко под облаком летать?
Корабли лелеять в синем море,
За кормою волны колыхать?
Ты же, стрелы вражеские сея,
Только смертью веешь с высоты.
Ах, зачем, зачем мое веселье
В ковьили навек развеял ты?

Великая Русь еще только будет. А Российское царство с Москвою-Римом (хотя и третьим) и в страшном сне не мнится.

Но... памятники литературы Древней Руси — это литература, хотя и средневековая, великой России, со всеми банальными идеологемами, прицепленными к этому величию (в смысле величины) и захватившими в свой идеологический полон даже гениального Д. С. Лихачева — Колумба этой литературы. Вот что он пишет: «В “Слове о полку Игореве” остро ощущается воздух Русской истории». Отсюда «монументальный исторический стиль “Слова...”»

Я бы сказал не «воздух Русской истории», а воздух русской поэзии всего русского поэтического тысячелетия.

И поэтического авангарда тоже — «рокотаху». И академик Лихачев это тоже чувствует: «...монументальность и глубокий средневековый историзм, придающий “Слову” при всей его *лиричности* (курсив мой. — В. Р.) своеобразную эпичность: это как бы плач и слава всей Русской земле в ее огромных пределах, в ее глубокой исторической перспективе»¹.

Д. С. Лихачев не может не отметить лиричность «Слова...», но — «как бы плач». Не *как бы*, а просто плач! А *перспектива* из «Слова...» не следует. Она — задним числом, потому что «Слова...» — чистая лирика с возможностями поэтического во всем разнообразии форм и тропов: природного, хищного; миролюбиво-бранчливого — внутрисемейного; героического. Но прежде всего — это лирическая поэма, которая начинается с плача — самоотстраненного *рокотаху*, им же — *рокотаху* — и заканчивается. Плач во славу...

Что же получается?

Слово *sacra*венно. Творяще и творимо сразу. Оно — любвеобильно, потому и филологично. Естественно, то есть логично. Как любовь. Гнездо речевых жестов.

Культура же возделывает Землю. Объемлет пространства и времена. Вселюдна и всесветна. Жива в каждом отдельно, поселяя их всех как родных во времена и пространства. Становится фонетической средой для этих самых речевых жестов.

Но слово генетически начальней. Оно индуцирует пространства и времена — то одну в них культуру, то другую. Во множестве географий, представленных разными биографиями. Жизнями поэтов, которые по-разному структурируют (= центрируют) пространства. У А. Блока, О. Мандельштама и Б. Окуджавы мы это уже видели. Прибавим к сему метафорику Кавказа, например, как она дана А. Пушкиным («Кавказ подо мною») или Б. Пастернаком («Кавказ был весь как на ладони, // Он был как мягкая постель»).

Если слово (повторю еще раз) филологично, то культура культурологична. Но вторая индуцирована первым — музыкальным *рокотаху* как первословом. А далее — выбор: либо то, либо другое.

А. Межиров написал:

Какая музыка была,
Какая музыка играла,
Когда и души, и тела
Война проклятая попраля!

Но у него же в том же стихотворении сказано:

Играли яростно, навзрыд,
Одной единой страсти ради,
На полустанке инвалид
И Шостакович в Ленинграде.

Так окликнулось «Слова...» спустя восемь столетий.

Каждый отмеряет *свой путь*, идет *своей дорогой*. Но *тракт истории* общий. Совпадут ли?..

Прошел слух о поэте Пушкине по всей великой Руси, а внук славян, дикий тунгус и степной калмык славят его порознь и каждый по-своему.

«Тихая моя родина» Н. Рубцова или село Радово С. Есенина и всесветный СССР В. Маяковского — это тоже та же страна. Выбирай любую! Покуда моя родная страна все еще широка. И тогда история (политическая, куль-

турная и всякая другая, то есть историческая культурология) — всего лишь иллюстративный материал к поэтическому, то есть лирическому по преимуществу? Ретроспектива как перспектива? Так или иначе? Иначе или все-таки так?

Россия маленькая — Россия великая — Россия улица или двор. Россия дома или семья... Потому и любимая.

«Приуныли голоса, сникло веселье, трубы трубят городенские». Рокочут...

А теперь приличествующие случаю мои стихи «Происхождение бубна»:

Равен самому себе
И проверен в ратном деле,
Бубен полковой в себе
Слушал лепеты свирели.
Зрил: вдоль медленной реки,
Может быть, в районе Истры,
Молодые шли быки,
Не вполне еще басисты.
Бубенцами шли, звеня,
Что играли меж рогами.
Глянцевые зеленя
Росными цвели звездами.
Пламенел тюльпан-цветок
Под шмелем, гудящим трубно.
Солнца дымный ободок
Отдавал себя для бубна.
Неба голубая жесть
В такт бубенчикам брэнчала.
Майским утром, ровно в шесть,
Вспомнил все свои начала.
Так он, старый, представлял
Посреди небес и мая,
Как он, юный, выросал,
Ничего еще не зная,
Из прекрасного добра
С лентой красно-голубою,
Предназначен для добра,
А назначенный для боя.
Вспомнил. И вострепетал,
Воспротивясь назначению
Своему... Возлепетал,
Приглашая к примиренью.
Заклучив мечи в ножны,
В дула ружей вставив розы,
Стали маршалы нежны,
А солдаты лили слезы.
Их солдат и наш солдат,
От вражды едва опомнясь,
Засмолили самосад
И откупорили емкость.
Маршал их и маршал наш
Трубку мира раскурлили,
Оперлись на палаш
И шампанское распили...
Млеко, вересковый мед,
Росы, ковыли, зефиры,
Стада медленного ход,
Ливней золотые лиры...
Жить забвением начал
Или сгнать при начале?
Сочиняйте по ночам
Розовые пасторали.

¹ Лихачев Д. С. Литература эпохи «Слова о полку Игореве» // Памятники литературы Древней Руси: XII век / сост., общ. ред. Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 19. (Памятники лит. Древней Руси).

Ю. А. Рыжов¹

СМИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

СМИ в России в XXI веке претерпели фундаментальные преобразования по отношению к СМИ в годы перестройки (1986–1991) и в 1990-х годах. Если указанный выше период ознаменовался реальным возрождением свободных СМИ после десятилетий их отсутствия в стране, превращавшихся реально в средства информирования граждан и в механизм обратной связи между страной и властью, то первые 8 лет XXI века развернули едва начавшийся процесс становления СМИ в их сущностном качестве на 180 градусов, к традиционной в СССР роли «пропагандиста и агитатора» «единственно верного» пути, указуемого властью, вновь поставившей себя над народом.

В целях консолидации населения главной задачей так организованной власти во все времена было формирование в сознании людей образа врага — внутреннего и внешнего. Инструментами такого формирования наряду с поведением и действием власти всегда были СМИ, разные их формы, меняющиеся по мере технического прогресса от печатных к электронным: сначала — радио, а теперь — телевидение. Сегодня ТВ — **самый мощный механизм обработки и ориентации общественного сознания** (не только в России), и выстроившаяся у нас в 2000-х годах система власти, понимая это, оперативно поставила этот инструмент под контроль «вертикали», то есть не только федеральные, но и местные каналы — через ликвидацию выборности региональных руководителей. Конечно, не были забыты и традиционные СМИ — радио и печатные издания. Попытки последних выйти из-под контроля пресекаются разными способами, вплоть до физических расправ с их редакторами и авторами².

Формируя поле внутренних врагов с помощью принятия антиконституционных законов, переводя неправительственные организации в разряд платных агентов врага внешнего — Запада, власть определила задачи контролируемых ею СМИ в этом важном для сплочения нации перед лицом «врагов» деле.

На государственных каналах телевидения порабощенные «ящиком» граждане видят, как страна «встает с колен», «над вымыслом обливается слезами» в бесконечных сериалах и слегка раздражается гламуром и показным купеческим размахом разбогатевших «миноритариев» в нашем фантастически разделенном обществе.

Мы видим на экране телевизоров, как возрождается перед лицом внешнего врага наша военная мощь: стратегические бомбардировщики ТУ-160 и ТУ-95 барражируют над Западной Атлантикой, остатки советского ВМФ посещают латиноамериканских союзников России, демонстрируют ее флаг в Средиземноморье и даже грозят пиратам XXI века в далеких проливах.

Спецслужбы регулярно обнаруживают шпионов, завербованных внешним врагом, и западных дипломатов, осуществляющих «деятельность, несовместимую с их

статусом», разбрасывая архаичные «закладки» на московских газонах.

Нам демонстрируют успехи страны, наконец навалившейся на высокие технологии, в первую очередь на столь модные «нано»³.

Обещанные государством деньги на «нано» возбудили множество энергичных граждан, которые до того ничего об этих технологиях не знали, но начинают оттеснять от «нанокормушки» коллективы и специалистов, занимающихся этим десятилетия.

Мы, давно здесь живущие, помним пропагандировавшиеся властью и ее СМИ «национальные программы» — кукуруза, целина, БАМ... Сегодня вернем из прошлого и покажем по ТВ **стройотряды, народные дружины**... Как говорится — почувствуйте разницу (если она есть).

СМИ, с помощью власти и самоцензуры «государственников», работающих в них (СМИ), вернулись в 1930–1980-е годы, что затруднило, если не свело на нет диалог культур, столь важный для развития гражданского общества⁴.

Параллельно с этим процессом деградации СМИ как механизма обратной связи (парламентский механизм уничтожен как «не место для дискуссий») между властью и обществом возникло занесенное с Запада и трудно контролируемое средство массовых коммуникаций — Интернет. Здесь, как в высвободившейся печатной прессе во все времена и во всех странах, полно информационных «помоев», похабщины, антисоциальных (включая фашистские) сайтов, блогов и просто бреда.

Но, как и в былые времена, нам является разумный анализ, дискуссии по экономическим, политическим, культурным проблемам, которым (вы знаете, где) нет места. А там, где им нет места, малограмотные в области современных информационных технологий «слуги народа» изобретают конструкцию удавки на этот Интернет. Кивают на Китай и Северную Корею — там вроде уже изобрели. В действительности же способ только один — уничтожить физически всю эту технику в стране, вернуть ее в информационное средневековье.

А теперь еще и кризис, эта диверсия внешнего врага, который решил назло «мамке» отморозить себе уши, впад в глубокий финансово-экономический обвал. И сделал он это так ловко, что глубина кризиса на Западе оказалась не столь глубокой по сравнению с той, в которую он опустил нас. Настолько ловко, что мы сначала того даже не заметили. СМИ нам сказали: это у них, а у нас — остров стабильности, девальвации не будет, спите спокойно. А когда проснулись, узнали, что у нас девальвация — более 50 %, падение фондовых индексов — на 75 % (в США — на 40 %), спад производства — наполовину в металлургии, предприятия останавливаются, увольнения, и т. д. и т. п.

В это же время правительство, освободившее себя от необходимости согласовывать бюджет 2009 года с рудиментарным парламентом, выстроило бюджет исходя из цены доллара в 24,7 руб. (сегодня — больше 36 руб.), заложило рост ВВП в 6 % (сейчас призналось, что может быть и спад на 2 %) и цену барреля нефти — 95 долл. (сегодня — около 40 долл.). И вместо спрогнозированного профицита бюджета в 3,7 % ВВП сегодня речь пошла о дефиците более 7 %.

³ Доля России в мировом объеме высоких технологий — 0,3 %, США — 40 %.

⁴ Слава богу, пока есть на ТВ канал «Культура» и скромное информационное «гетто» на РЕН-ТВ.

¹ Академик РАН, президент Международного инженерного университета, заведующий кафедрой аэродинамики летательных аппаратов Московского авиационного института, доктор технических наук, профессор.

Автор исследований и разработок в области аэродинамики сверхзвуковых скоростей, динамики разреженного газа, взаимодействия частиц атомного масштаба с поверхностью, неравновесных процессов в потоке газа, нестационарного теплообмена. Председатель Российского Пагуошского комитета при Президиуме РАН, член Совета Международного Пагуошского движения. Председатель Научного совета РАН «История мировой культуры». Лауреат Государственной премии СССР в области науки и техники, премии Н. Е. Жуковского «За лучшую работу по теории авиации» и премии Президента РФ за выдающиеся научные заслуги.

² Д. Холодов, Ю. Щекочихин, А. Политковская. Последние жертвы — редактор «Химкинской правды» М. Бекетов, стажерка «Новой газеты» А. Бабурова.

Как же подготовились государственные СМИ к весне-лету 2009 года, когда начавшийся осенью финансовый кризис, уже переходящий в экономический, превратится в социальный?..

Поэтому очень своевременно организаторы IX Международных Лихачевских научных чтений 2009 года

включили в свою программу пленарные и секционные заседания, посвященные средствам массовой информации в меняющемся мире (Диалог культур в пространстве СМИ).

СМИ сегодня — великая сила, важно понять, в чьих эта сила руках!

В. Т. Третьяков

ТЕЛЕВИДЕНИЕ КАК УБИЙЦА ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ

1. Жесткость и определенность утверждения, сформулированного в названии моего выступления, может быть оспорена (причем мне хорошо известно, с помощью каких аргументов). Однако я остаюсь при своем мнении, основанном, увы, не на фантазиях или абстрактных рассуждениях, а на знании того, что происходит, по крайней мере, на отечественном телевидении, с которым я уже давно и постоянно сотрудничаю. Думаю, без целенаправленной и специально финансируемой работы всех образованных людей и специальных программ государства оболыщать себя какими-либо радужными надеждами мы не можем.

2. В современном мире царит и доминирует массовая культура, главным проводником идей и образцов которой являются практически все средства массовой информации, но в первую очередь телевидение. Можно утверждать, что само телевидение уже стало частью массовой культуры и содержательно, и индустриально, и — что самое страшное — как бизнес.

3. Современное телевидение тотально. А все тотальное потенциально является и тоталитарным. Превратить тотальное в тоталитарное можно нажатием одной кнопки, отдачей одного приказа. Но если в сфере политики (которая тоже во многом превратилась в разновидность массовой культуры) угроза того, что такой приказ будет дан, блокируется или, по крайней мере, лимитируется многими системами и институтами и самой политикой, и гражданского общества, то в сфере культуры решающий приказ и не нужен. Никто не может сказать, где находится точка невозврата: там, где 80 человек из 100 не могут прочесть наизусть ни одного стихотворения А. Пушкина, или там, где этого не могут сделать всего лишь 75 человек. По моим ощущениям, за последние 20 лет мы уже вошли в эту зону и продолжаем все больше и больше в нее погружаться.

4. Выдающиеся политические и философские умы пропели гимн карнавалу, игровым формам и жизни, и воспитания, и образования. Но никто из них и представить себе не мог, что «жизнь всерьез» будет прерываться игрой не время от времени, а полностью вытесниться ею. Но именно это вершит сегодня и во все нарастающих масштабах наше телевидение.

5. Становление телевидения как особого института журналистики, на мой взгляд, привело к тому, что к классическим и максимально связанным с литературой и с наукой журналистским жанрам (информация, репортаж, интервью и статья) прибавился пятый жанр — игра (вся сумма развлекательных передач и почти все так называемые ток-шоу). На какой-то период времени этот новый жанр обогатил и разнообразил журналистику и телевидение. Но теперь жанр игры подавляет и вытесняет все остальные жанры, размывает их границы, уничтожает и логику, и естественные по содержанию и проявлениям эмоции. Все подменяется бессмысленным

и бессодержательным развлечением и сопровождающими его гиперболизированными «эмоциональными» выплесками.

6. Массовая культура все упрощает, все снижает и все опощляет. Именно это мы и наблюдаем сегодня на телевизионных экранах.

7. Пандемия массовой культуры (достигнутая, бесспорно, при посредстве телевидения) совпала с кризисом самой высокой культуры и высокого искусства. Так называемый постмодернизм, сам не создав ничего даже близко приближающегося к образцам классического искусства, принялся «перерабатывать» эти образцы, уничтожая и опощляя их. Каждодневно мы воочию наблюдаем за этим процессом на экранах наших телевизоров. А масштабы процесса просто не поддаются осмыслению. Фактически они глобальны и тотальны.

8. К сожалению, массовая культура, две главные ценности которой — деньги и известность (слава), через экраны телевизоров и решения «реформаторов классического образования» распространила свое влияние на школы и университеты. Новые поколения воспитываются и развиваются сегодня именно телевизором, а кто царит в нем — известно и очевидно.

9. Апологеты постмодернизма утверждают, что все не так плохо, ибо свойственная ему ирония и самоирония являются тем противоядием, которое не даст институтам и образцам высокого искусства погибнуть. Эти апологеты либо обманывают себя и нас, либо лукавят. Иронии нет, есть стёб и ёрничанье. Самоиронией и не пахнет — есть скабрёзное подшучивание над собственными слабостями (ибо их слишком много — за отсутствием сильных сторон), которые тут же себе прощаются.

10. Говорят, что развитие так называемых нишевых каналов рано или поздно приведет к тому, что поклонникам высокого искусства всегда найдется, что и где смотреть. Но если даже это правда, то возникают два вопроса: сколько этих поклонников останется и где гарантии, что и нишевые каналы не пойдут по тому же пути, что и нынешние общенациональные и «многотемные»?

11. Мне представляется, что в целом с помощью телевидения европейская цивилизация возвращается в самые мрачные времена средневекового невежества. Судя по всему, и европейская культура, пройдя в XV–XX веках пик своего развития, сегодня умирает, а телевидение то ли специально продлевает агонию нашей культуры, то ли подгоняет летальный исход.

12. Для меня бесспорно, что Россия как страна, нация, государство и как особый цивилизационный субъект человечества вообще и евроатлантической цивилизации в частности либо погибнет, либо превратится в нечто совершенно на себя не похожее, если ее культурные образцы будут опощлены и низвергнуты, а культурные коды уничтожены. Следовательно, выбор прост: либо бороться, либо смириться.

13. Мои амбиции как создателя и декана Высшей школы телевидения МГУ состоят, в частности, в том, чтобы на студенческой скамье воспитать и подготовить таких специалистов в сфере телевидения, которые

бы, придя туда, где телевидение «делается» практически, пытались не позволить окончательно и безвозвратно уничтожить высокую культуру и великое классическое искусство.

А. И. Угланов¹

СМИ И МОЛОДЕЖЬ

Знаковая фигура Дмитрия Сергеевича Лихачева возвращает меня к первым съездам народных депутатов. Мне довелось быть их делегатом и слушать выступления Д. Лихачева, А. Сахарова, А. Собчака и других деятелей, создававших современную историю. Нюансы, оттенки мысли, выражения этих замечательных людей были и остаются крайне интересными и актуальными.

Сегодня, в тяжелое для страны время, мгновенно обострились неизменные для нашей страны пороки: беспринципность, воровство, погоня за чистоганом и удовольствиями без границ (одна из турфирм так и называется — «Отдых без границ»), избыточное потребление при отсутствии качественного производства. Мне лично причиняет боль не то, что происходит, а наше отношение к этому. Оценки событий в прессе часто противоречивые, более того — дезинформирующие. Пятнадцать лет блужданий по капитализму многому научили россиян, во многом разочаровали, но душа народа, похоже, все та же. И в этой жизни ей многого не хватает... Россияне и раньше не слишком-то доверяли постулату «От каждого — по способностям, каждому — по труду», а сегодня жизнь так сильно перемешала привычные обычаи и нравы, что многие и вовсе потеряли жизненные и нравственные ориентиры — кому и во что верить, каким авторитетам поклоняться.

Хочется надеяться, что основное богатство России — не природные ресурсы (их не так много и осталось — лет на 20–30), а интеллектуальный капитал. Как это ни банально, но только много знающий человек свободен. Жаль только, что за умственный труд власти платить не будут, поскольку они не отчетливо понимают, что это такое.

В аспекте «СМИ и молодежь» для нас важны духовно-нравственные ориентиры наших молодых соотечественников, их социальная активность и социальная практика. Не секрет, что у нас идет тотальная дебилизация

основных средств массовой информации; предел требуемых умственных усилий заключается в чтении «Панорамы ТВ» и просмотре передачи «Дом-2»; ну если для интеллектуалов — то просмотр футбольных матчей. В связи с этим нельзя не отметить, что обучение и воспитание студентов Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов осуществляется через высокие примеры, образы великих деятелей науки и культуры — Д. Лихачева, Д. Гранина, А. Лиханова, Ж. Алферова. Сегодня таких ценностей очень не хватает. И в этом одна из острейших проблем нынешней жизни. Пришедшая на смену советской интеллигенции «буржуазная элита» пока не способна предложить населению и стране те ценности, опираясь на которые молодые люди могли бы воспитывать детей, строить отношения друг с другом и с властью. В этом плане развитие института молодежной политики в современной России только декларируется или насаждается сверху (я имею в виду движение «Наши» или «Молодая Россия»).

Одна из главных проблем молодежи — безработица, в том числе и среди выпускников вузов. Более 50 % вакансий для 6 млн безработных по стране в действительности не существуют. Это так называемые «мертвые вакансии», придуманные в качестве приманки. Молодые люди тратят свое время и деньги, а нечистоплотные люди «делают бизнес». 2009 год объявлен в России Годом молодежи, и нам надо постараться, чтобы имитация заботы о молодежи превратилась в реальную открытую деятельность. В связи с этим газета «Аргументы недели» обратилась к ректору СПбГУП, профессору А. Запесоцкому с предложением заключить договор об информационном взаимодействии. Приятно, что наши предложения не остались без внимания, договор подписан и, надеюсь, отношения газеты и Университета станут еще плодотворнее.

Е. В. Харитонов²

ДИАГНОСТИКА СКРЫТОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТОВ СМИ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТНОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В работе предлагается авторский подход к экспертизе и прогнозированию социальной напряженности в условиях конфликтного социокультурного взаимодействия, который позволит, с одной стороны, констатировать факт ее

наличия, а с другой — определить условия, способствующие и/или провоцирующие социальную напряженность, и прогнозировать ее всплески.

Теоретико-методологическим основанием предлагаемого подхода является концепция массовых настроений как одного из важнейших факторов формирования социально-политического кризиса. Анализ отражения экономических, социокультурных и политических процессов в массовом сознании в виде настроений неудовлетворенности в период, предшествующий кризису, позволил бы заранее прогнозировать как последующее развитие этого кризиса, так и реакцию на него на уровне поведения больших групп людей.

¹ Главный редактор еженедельника «Аргументы недели». Автор статей: «Коррида, или Как убивают быков, не имея опыта убийств», «Сто историй о родной попсе», «По битловским местам», ««Союз нерушимый»: мифы о Советском Союзе» (беседа) и др.

² Старший научный сотрудник Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН (Москва), кандидат психологических наук, доцент.

Автор и ведущий специальных семинаров-тренингов коммуникативной и управленческой компетентности. Руководитель информационно-аналитической и консалтинговой группы Института Африки РАН. Руководитель научного проекта Института Африки «Взаимодействие бизнеса и государства в продвижении образа России как социального государства на Африканском континенте».

Период конца 1980-х — 1990-х годов в России дал примеры значительного влияния массовых настроений на целый спектр политических процессов и явлений. Массовая активность, сопровождающая российские реформы, показала: действия больших групп людей, охваченных неудовлетворенностью, неуверенностью и страхом, могут привести к кризису политического управления и к трансформации политической системы. Быстро распространяясь, массовые настроения способны провоцировать кризисные ситуации, порождая новые, подчас неожиданные формы политической активности. Опыт последних десятилетий показал, что даже краткосрочное планирование в политике невозможно без учета массовых настроений.

В настоящее время, в условиях мирового кризиса, изучение и прогнозирование общественных настроений вновь становится чрезвычайно актуальным.

Метод основан на использовании концепции «конфликтного треугольника» и авторского формализованного интент-анализа.

Средства массовой информации транслируют общие, установочные представления на широкую аудиторию. Цель трансляции подобных представлений — дать ориентацию, направление сознанию, установки аудитории, создать определенное общественное настроение в обществе. Образы, создаваемые при помощи СМИ и транслируемые ими, участвуют не только в формировании социальных представлений и установок, но и порождают или актуализируют соответствующие потребности, подталкивают «аудиторию» к определенным действиям, провоцируют разного рода эмоциональные состояния. Вызываемые СМИ состояния социальной апатии, неудовлетворенности, депрессии, напряженности, потери «боевого духа» народа приводят к необходимости отслеживать тексты СМИ, которые в той или иной степени, прямо или косвенно, сознательно или неосознанно могут способствовать формированию данных состояний. В то же время необходимы специальные усилия, способствующие позитивному воздействию СМИ на социальные установки и состояния.

Для исследования социальных представлений используются методы контент- и интент-анализа текстов, транслируемых СМИ.

На основе анализа содержания текстов печатных масс-медиа и сюжетов программ телевидения можно выявить соотношение основных проблем, к которым обращаются СМИ, и получить объективное (количественно выраженное) представление о характере настроений в обществе, об освещении этих настроений в СМИ.

В качестве объекта исследования могут использоваться образы, формируемые массмедиа при помощи специфических приемов массовой коммуникации. Это означает, что предлагаемые аудитории образы и относящаяся к ним информация рассматриваются в единстве рационально-смысловых и чувственно-эмоциональных характеристик. Поэтому анализироваться могут практически любые объекты, исходя из исторического контекста, господствующих в обществе массовых стереотипов, установок, мифов и т. п.

Начнем с некоторых терминологических пояснений. При рассмотрении вопроса мы основывались на разработках Т. Ушаковой¹.

Под интенциональностью текста понимается вербализация сознательного или подсознательного желания (стремления) выразить свое состояние, отношение, оценку. Интенциональность речи может быть прямолинейной — наивной. Такую интенцию квалифицируют как первичную. Более сложные, завуалированно выраженные интенции со сложной лексической структурой квалифицируют как вторичные. Их цель прежде всего — оказание психологического и информационного воздействия на ау-

диторию. Особый интерес представляют вторичные интенции и именно по отношению к ним существуют особые сложности в выявлении и оценке. Интенция всегда направлена на некоторый объект и выражается к чему-либо кому-либо (человеку или группе людей, включая социально-демографические группы, конфессиональные и этнические объединения, разного рода политические организации, сообщества, в том числе государства, и пр.), а также к предмету, явлению, теме, закону и др. Интенция проявляется в виде эмоционального отношения или когнитивной оценки. Таким образом, интенция может быть позитивно или негативно окрашенной. Примеры негативной интенции — порицание, осуждение, негативная оценка, угроза. Примеры позитивной интенции — одобрение, поощрение, поддержка, положительная оценка.

Выявление в тексте и квалификация положительных или отрицательных интенций являются способом распознавания (понимания) истинной направленности текста и скрытых (хотя, возможно, и явных) целей автора (как «индивидуального», так и «коллективного»). Практический смысл такого рода анализа очевиден, так как скрытая интенциональная направленность текста служит мощным средством воздействия на аудиторию и играет существенную роль в формировании социальных установок. Это — диагностические возможности интент-анализа.

Есть и другая сторона вопроса. Исследование различных форм проявления речевых (вторичных, сложных) интенций и их последующее применение при конструировании и построении текста может быть средством воздействия на аудиторию и, следовательно, должно быть взято на вооружение для профилактики на государственном уровне через СМИ социальной напряженности и чувства безысходности. В целом применение метода интент-анализа имеет отношение к одной из фундаментальных проблем социальной психологии — проблеме социальных представлений, формирующихся в обществе и оказывающих влияние на течение социальных процессов.

Метод интент-анализа, позволяющий реконструировать интенции говорящего по его речи, стал предметом разработок психологов. В психологии под интенцией понимается субъективная направленность на некий объект, активность сознания субъекта. Авторы методики доказали, что интент-анализ может применяться не только к исследованию текстов отдельных авторов, но и к коллективному авторству, в рамках которого работают средства массовой информации.

Практическая ценность предложенных методов состоит в том, что они могут быть использованы для анализа массовых настроений как общества в целом, так и отдельных его сегментов (социально-демографических, культурных, этноконфессиональных, региональных общностей) с целью выстраивания модели, позволяющей анализировать степень социально-психологической стабильности, прогнозировать и предотвращать возможные политические кризисы, прогнозировать и устранять деморализующее воздействие СМИ.

В контексте предлагаемого подхода возможно применение метода интент-анализа для оценки направленности СМИ в целом на нагнетание угрозы, ведущее к «депрессированию» общества, или снятие напряжения через акцентирование путей выхода из ситуации. В этих целях целесообразно использование метода «конфликтного треугольника» применительно к экспертизе текстов СМИ.

В практических исследованиях текстов конфликтного характера была отчетливо выявлена их интенциональная структура. Эта структура была обозначена как форма «конфликтного треугольника» (Т. Ушакова). Данным термином отмечается особенность семантического состояния автора текста, когда в его сознании или подсознании доминиру-

¹ Ушакова Т. Н. Слово в действии. СПб., 2000.

ют три вида объектов, которые присутствуют в его тексте. Это: оппоненты, противники, враги (категория «Они»); автор и его сторонники (категория «Мы»), а также третья сторона — аудитория, к которой обращен текст. При этом подразумевается, что аудитория причислена к категории «мы». В тексте каждый объект «конфликтного треугольника» связан со своими интенциями. Так, «врагу», противнику приписываются отрицательные оценки, по отношению к нему выявляются угрозы, обвинения, разоблачение намерений. Категория «Мы» связана со всем комплексом положительных оценок, одобрением и усилением своих качеств и действий, а также с отводом от себя (от «Наших») всех возможных обвинений. В адрес третьей стороны, как правило, звучат призывы к действию, оказывается более или менее явное давление. Мы дополнили эти представления рассмотрением добавленных параметров, прежде всего параметров «угрозы» и «стратегии».

Мы предполагаем, что наибольшая конфликтность и «депрессогенность» текста выражается в максимальной нагруженности и заостренности категории «Они». Эта заостренность подчеркивается прямым названием этих «Они», подчеркиванием их «силы», «непобедимости», «многочисленности», «вездесущести», а также наличия у них «конкурентных преимуществ» в виде, например, одержимости идей, единения и демографических показателей.

Степень конфликтности и напряженности отражается также в мере сбалансированности или дисбалансе количества высказываний, относящихся к категории «Мы» и «Они», в подчеркивании слабости «Мы». Кроме того, резкое преобладание в тексте в интенциях автора категории «угроз» при отсутствии и/или дисбалансе наличия в тексте путей выхода из сложившейся угрожающей ситуации (стратегий) и является провоцирующим фактором в возникновении и усилении социальной напряженности.

В качестве материала для исследования было выбрано два текста времен Второй мировой войны: выступления Сталина и Гитлера. Тексты объединяет общность исторической обстановки и масштаб политической значимости их авторов. Обращение к такого рода материалу в большей степени вызвано тем, что конфликтность предположительно вызывает некоторое сужение и упрощение текста и наличие в нем определенной доминанты. Эти особенности текста позволяют с большей легкостью обнаружить психологические интенции автора, что является существенным на стадии апробации методики.

В тексте специально отобранными экспертами выделялись слова, словосочетания или речевые блоки, относящиеся к шести категориям: 1. Мы (Наши); 2. Описание категории «Мы–Наши»; 3. Они (Он); 4. Описание, опреде-

ление категории «Они–Он»; 5. Угрозы «Нам» со стороны «Них»; 6. Возможность избежать угрозы (стратегия поведения в условиях угрозы).

Эта процедура, по сути, служит выявлению содержательных интенций.

Далее эксперты заполняли таблицу, куда вносили речевые блоки, относящиеся к каждой из шести названных категорий. Подсчитывалось процентное содержание речевых блоков каждой из шести категорий относительно общего объема текста.

В качестве иллюстрации приведем результаты анализа двух чрезвычайно ярких текстов. Посмотрим на баланс параметров Мы/Они и угрозы/стратегии в рассмотренных текстах. Можно увидеть, насколько данная технология позволяет различать тексты по степени выраженности в них авторских интенций и какая интенция является доминирующей:

№ п/п	Категория	Текст № 1. Автор — Гитлер	Текст № 2. Автор — Сталин
1	Мы (кто)	17,1 %	18,2 %
2	Мы (какие)	1,9 %	2,8 %
3	Они (кто)	9,4 %	7,1 %
4	Они (какие)	1,5 %	3,5 %
5	Угрозы	3,3 %	7,6 %
6	Стратегии	16,5 %	40,1 %
7	Доминанта	№ 1 и 6	№ 1 и 6

Таким образом, по результатам проведенного интенционального анализа, оба текста имеют ярко выраженную доминанту на консолидацию общества (приоритет категории «Мы» и «Наши») и на активную позицию в конфликтной ситуации (стратегическая доминирующая интенция). Формально оба текста являются близкими по своей психологической направленности. Присутствующий в обоих текстах «конфликтный треугольник» позволяет отнести тексты к типу конфликтных и отметить в них факт конфронтации (наличие «врага» в виде «Они»), конфронтрующие стороны и степень выраженности конфронтации.

Кроме того, при интенциональном анализе текстов необходимо изучение контекста — исторического, политического, социокультурного. Именно это позволит различать генеральную интенцию текстов, сходных по лексическим составляющим, что прекрасно иллюстрируется полученными результатами анализа в приведенном примере.

Именно это направление мы рассматриваем как чрезвычайно перспективное в исследованиях социальной напряженности через экспертизу текстов СМИ. Это позволяет не только констатировать факт социальной напряженности, но и выйти на понимание причинно-следственных связей и прогноз общественных настроений.

Г. Н. Шиян¹

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК ОБЪЕКТ КОНКУРЕНЦИИ ВЛАСТНЫХ СТРУКТУР, БИЗНЕСА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В современный период развития российского общества от влияния таких субъективных факторов, как социальная и экономическая активность населения, все больше зависит успешное решение политических, экономических и социальных задач государства. Важную роль в формировании активности играют средства массовой информации.

Феномен деятельности СМИ проявляется в том, что, будучи институтом гражданского общества, предназна-

ченным способствовать формированию и интеграции этого общества, защите его интересов перед властью и бизнесом, они эту роль не выполняют в силу сложившейся в обществе системы политических и экономических отношений. При этом СМИ нередко представляют интересы власти или бизнеса. Однако интересы власти и граждан, граждан и бизнеса хоть и не всегда совпадают, но и не обязательно противостоят друг другу.

Справедливость выделения деятельности СМИ как феномена подтверждается в работе патриарха европейской

¹ Заведующая кафедрой управления СПбГУП, кандидат экономических наук, доцент. Автор 40 научных работ.

социологической и политической науки П. Бурдые «О телевидении и журналистике», переведенной на русский язык в 2002 году. На фоне повышения роли СМИ в происходящих общественных процессах П. Бурдые отмечает и увеличивающуюся степень зависимости СМИ от властных и бизнес-структур. Символическая власть, которую олицетворяют СМИ, ранее была независимой от политической и экономической власти. Но в современном мире и символическая, и реальная власть все больше концентрируются в одних и тех же руках. Владельцы крупных корпораций, приобретая средства массовой информации, все в большей степени оказывают влияние на социально-политическое и экономическое поведение общества. Следствием подобного положения выступает формирование невидимой цензуры и применение средствами массовой информации манипуляторских методов воздействия на аудиторию. «Чем лучше мы понимаем, как функционирует определенная социальная среда, тем яснее становится, что составляющие ее люди манипулируемы в той же степени, что и манипулируют. Они тем лучше манипулируют, чем больше манипулируемы и чем меньше отдают себе в этом отчет»¹.

Несмотря на то что медиаструктуры России являются менее развитыми по сравнению с медиаструктурами западных стран, отмеченные П. Бурдые тенденции справедливо отнести и к российской действительности. Российская пресса реально независима лишь от читателя, зрителя, слушателя: «80 % газетной площади или экранного времени посвящены не тому, как живет общество, а тому, кто и как пытается им править»².

Оценка состояния российской прессы, проведенная специалистами в начале XXI века, не имеет существенных отличий от оценок середины 1990-х годов. В частности, роль прессы выражается в «информационно-сенсационном и развлекательном массаже». Сложное экономическое положение как большей части населения, так и большинства редакций направило развитие прессы по пути, когда значительная часть населения страны вышла за пределы общероссийского информационного поля; существенно сократился объем информации в структуре отдельных изданий³; произошло ухудшение качества общероссийской информации, снижение уровня ее достоверности (ангажированность, корпоративность, мифология публикаций и др.)⁴.

Низкий уровень достоверности информации спровождает российскую аудиторию в течение длительного периода и отражается на поведении населения не только в социально-политическом, но и в экономическом аспекте.

Развитие российской экономики на протяжении многих лет характеризуется кризисными явлениями политического, экономического, финансового характера. Инфляционные процессы, происходящие в стране, воспринимаются населением как нечто неизбежное и постоянно стимулирующее к поиску ответа на вопрос: «Что делать?» С целью получения ответа население нуждается в информации, а основным информационным источником являются СМИ.

Чувствительность населения к прогнозным оценкам, получаемым от СМИ, снижается по мере уменьшения кризисных явлений и обладает высокой степенью чувствительности в начальных точках развития кризисов.

На первом этапе, в период назревания и начала кризиса, повышение степени чувствительности населения к прогнозным оценкам СМИ обусловлено необходи-

мостью получения информации о сущности, природе и в первую очередь потребностью нахождения ответа на ранее обозначенный вопрос: «Что делать?» Данный вопрос имеет более широкую трактовку: какие действия необходимо предпринять с целью обеспечения своей личной экономической безопасности? Личная экономическая безопасность индивидуума предполагает обеспечение защиты, сохранения активов его портфеля (личного богатства). На данном этапе степень ответственности за объективность прогнозных оценок со стороны СМИ должна быть особенно высокой. Необъективность информации, ее искажение с целью придания информационным сообщениям остроты категорически недопустимы.

В 1990-е годы СМИ в некоторой степени (о размерах ее сложно судить в связи с косвенным влиянием СМИ, что довольно трудно оценить и еще труднее измерить, однако и не учитывать нельзя) побудили население к необдуманному поступкам и впоследствии к трагическим событиям в жизни многих людей. Широкое и красочное рекламирование прибыльности личных сбережений в «МММ», прогнозы о предстоящем дефиците большого ассортимента продуктов и прочая информация. В поисках ответа на вопрос «Что делать?» население находило ответ в информационных источниках СМИ. В результате люди несли свои сбережения аферистам, создавался продуктовый ажиотаж, формировалось сознание неприятия всего отечественного и преклонения перед западной культурой. С грустью приходится констатировать тот факт, что переход деятельности СМИ на коммерческую основу выдвинул на первое место максимизацию доходов и отодвинул на последнее — этику предоставления информации и ответственность за объективность информации.

Всемирным банком выпущена книга под названием «Право говорить — роль СМИ в экономическом развитии» (The Right to Tell — The Role of Mass Media in Economic Development). Она посвящена косвенному влиянию СМИ, которое они оказывают путем предоставления гражданам информации, необходимой для осуществления контроля за правительством.

Редактор книги Румин Ислам (Roumeen Islam) говорит, что СМИ, являясь важными поставщиками информации, способствуют экономической деятельности в большей степени тогда, когда соответствуют трем условиям: являются независимыми, предоставляют информацию хорошего качества и имеют широкое распространение. Добавим к этим трем условиям четвертое — СМИ несет ответственность за объективность предоставляемой информации. Ислам также отмечает, для того чтобы СМИ могли оказывать свое позитивное влияние, они должны быть свободны от экономической зависимости, которая ведет к искажению информации. СМИ должны быть сильными и независимыми (и добавим — неманипулируемыми).

Негативная роль СМИ в развитии социальных, политических, экономических процессов в обществе является косвенной и трудно оценимой. Однако целесообразно отметить возможность прямого влияния СМИ на развитие страны, в частности экономического. Самая очевидная экономическая роль СМИ выражается в том, что они являются сектором экономики. Медиакомпании являются работодателями, участвуют в торгово-экономических отношениях, покупая и продавая товары и услуги, выступают в роли налогоплательщиков. Несмотря на то что СМИ не являются представителями крупных секторов экономики ни в одной стране, не учитывать их вклада в экономическое развитие нельзя. К сожалению, информация о размерах медиаотрасли не приводится в российской статистике, в связи с чем сложно оценить вклад

¹ Бурдые П. О телевидении и журналистике. М., 2003. С. 29.

² Средства массовой информации России. 1997 год. М., 1998.

³ Комаровский В. С. Государственная служба и СМИ. Воронеж, 2003. С. 37.

⁴ Система средств массовой информации России / под ред. Я. Н. Засурского. М., 2001. С. 20.

этого сектора, например, в ВВП России. Вместе с тем обращает на себя внимание динамичное развитие рекламного рынка, где ежегодный прирост потребления средств составляет около 30 %¹.

Для поддержки реального экономического роста у СМИ есть на первый взгляд менее очевидная, но более стратегическая роль, заключающаяся в сведении продавцов и покупателей на рынке товаров и услуг. Это происходит благодаря рекламному содержанию СМИ. Когда потребности общества в различных товарах и услугах превосходят вместимость примитивного рынка, на передний план выходит роль СМИ. Также СМИ обладают большим,

но до настоящего времени нереализованным потенциалом стимулирования желания покупать.

В связи с тем, что экономическая роль СМИ не ограничена отдельной индустрией или сегментом экономики, они способны быть мощной экономической силой. СМИ способны обслуживать национальную экономику в целом, сводить покупателей и продавцов, внушать производителям и потребителям продукции уверенность, способствующую экономическому развитию страны. Однако для этого нельзя допускать понижения до предела собственной ценности, не отвечая за качество (иногда аморальность) и объективность предоставляемой информации.

ДИСКУССИЯ

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Я рад приветствовать участников нашей дискуссии из Москвы и Петербурга. В первую очередь скажу несколько слов о той проблематике, которая волнует организаторов Чтений, Университет, чтобы далее мы поговорили о том, как складывается и развивается ситуация в СМИ.

Кафедра журналистики нашего Университета, созданная около 10 лет назад, провела цикл исследований, и мы полагаем, что сегодня журналистика и в стране и в мире находится в сложной ситуации. В первую очередь это связано с некими глобальными процессами развития, особенно с экономическими обстоятельствами, которые во всех индустриально развитых странах мира складываются примерно одинаково. Если раньше средства массовой информации позиционировали себя как социальные институты, работающие в интересах населения, и классическая точка зрения заключалась в том, что они служат обществу — зрителю, читателю, работают на потребности человека в получении информации, то сегодня мы видим, что все более и более СМИ воспринимаются и позиционируются даже ими самими как орудие манипулирования сознанием людей и рыночный инструмент, предназначенный для извлечения барышей. Для руководителя СМИ главной задачей становится получение прибыли; каким методом это достигается — неважно.

Подобные тенденции наблюдаются во всем мире. Исследователи других стран бьют тревогу: происходит деформация средств массовой информации. Целый ряд видных западных ученых на реальных примерах показывают, что СМИ все больше становятся орудием в руках крупного капитала, обслуживают его интересы, на рынке медиа происходит монополизация. Существуют концерны, в которых действует по несколько сотен СМИ, и задача их всех — донести определенные позиции до разных сегментов рынка. Аудитория воспринимается как потребитель, которым информация продается в красивой упаковке. Если, скажем, 300 СМИ сосредоточены в руках одного магната, то понятно, что здесь не может быть речи о каких-то механизмах поддержания демократии, о транслировании разных точек зрения и т. д. То есть СМИ теряют классическую функцию, традиционно им присущую, — функцию «четвертой власти», которая служит интересам народа, создает некий баланс вместе с тремя другими ветвями власти, нивелирует недостатки, способствует совершенствованию общества.

Подчеркиваю, сейчас я говорю о западных исследованиях. У нас же в стране мы с удивлением обнаружили то, чего в гуманитарных исследованиях обычно не быва-

ет. Когда в точных науках разные институты изучают один и тот же процесс, как правило, ученые получают сходные результаты. У гуманитариев так случается редко. Если, к примеру, три института исследуют какой-либо феномен, они приходят к различным итогам: здесь велик субъективизм. Что же касается отечественных СМИ, то самые разные учреждения — вузы, научно-исследовательские институты — делают выводы очень сходные и тревожные. При этом в центре общественного внимания все время находится одна и та же проблема, искусственно подогреваемая самими СМИ. Они говорят: мы есть нечто оппозиционное, наша основная функция — борьба с властью. И в глазах, скажем, журналистского сообщества (которого на самом деле не существует, но об этом я скажу чуть позже) главное, что должны делать средства массовой информации, — противостоять власти. Но это абсурд! В философской мысли взаимоотношения общества с властью проанализированы достаточно глубоко. Упрощенная схема выглядит примерно так: когда власть права, средства массовой информации и все общество должны поддерживать ее в благих делах; когда же власть допускает безобразия, конечно, и общество и средства массовой информации должны с этим бороться. Однако если посмотреть, к чему привлекается общественное внимание, то приходишь к выводу: СМИ считают, что главное — оппозиционность. На самом деле за кулисами формируется мнение, что самое важное — это экономическая рентабельность. Если СМИ будут оппозиционными, то они якобы привлекут к себе внимание и, значит, будут решать свои экономические задачи — формула приблизительно такая.

Все это напоминает сегодняшнюю ситуацию с высшим образованием, где идут чрезвычайно разрушительные процессы, практически происходит слом системы образования почти до основания, а общественное внимание приковано к ЕГЭ. Наша школа формирует иной тип личности чем, допустим, 10 лет назад, а общественность и, кстати, СМИ обсуждают только ЕГЭ. Не знаю, осознанно это или нет, но таким образом отвлекается внимание от действительно важных проблем.

Все исследователи, занимающиеся проблемами СМИ, приходят примерно к одинаковым выводам: современное состояние и, самое главное, тренд развития СМИ противоречат общественным интересам. Одним из самых вредных социальных институтов признают телевидение. Какую бы научную работу я ни взял, даже институты, далекие от СМИ, например, те, которые занимаются проблемами информатизации и делают отчеты по информационной безопасности, в число основных угроз информационной безопасности включают работу отечественного телевидения.

¹ <http://www.mediaquide.ru>

Исследовательская группа Российской академии наук под руководством Олега Богомолова сейчас проводит большое исследование. Тема — развитие экономики России в зависимости от культуры. И в их работах СМИ фигурируют в качестве одного из самых опасных и деструктивных факторов. Я ни в коем случае не хотел бы заниматься огульным очернительством — ни журналистики, ни отдельных журналистов; среди них масса сильных профессионалов, порядочных людей, преданных и профессии, и стране. Тем не менее общая ситуация тревожная, и в России прослеживается значительное вмешательство крупного капитала в развитие СМИ и огромное влияние рыночных механизмов. Я считаю, что у нас, как нигде на Западе, сильно влияние экономических факторов. Формируются целые секторы, рассматривающие работу СМИ как продажу товара — информации. Конечно, от экономики никто не свободен, и эта тенденция всем присуща в той или иной степени, но есть некая грань, переходя которую, средства массовой информации превращаются в нечто совершенно иное. В связи с этим возникает вопрос: где грань, за которой журналистика становится чем-то иным? В Петербурге, например, есть пул, который владеет четырьмя средствами массовой информации, и они готовы за деньги кого угодно смешать с грязью. В суде того района, где находится головной офис этой компании, один из судей с утра до ночи ведет дела по искам граждан против нее. Все четыре СМИ размещают порочащую информацию непрерывно и постоянно судятся. Но если в итоге их штрафуют на суммы меньшие, чем они получили за публикацию, значит они работают рентабельно, то есть выполняют свои задачи. И общество считает это журналистикой. Более того, они не все печатают, а занимаются еще и продажей информации, курсируют между правоохранительными органами и бандитскими структурами, выступая как посредники.

Расплата за это простая. Если в Англии, Франции, Германии доверие населения к СМИ находится на уровне 70 %, в Румынии около 30 %, то в России, по данным Фонда «Общественное мнение», телевидению доверяет примерно 45 % населения (это понятно: «картинка» вызывает большее доверие); печатным медиа — приблизительно 30 %. Наш Университет провел замеры в Петербурге: здесь средствам массовой информации верят 20 % населения. Можно считать, что реальное доверие стремится к величине, сопоставимой с погрешностью измерения. Тенденция чрезвычайно тревожная, и я уверен, что даже власти сейчас пилат сук, на котором сидят. Они считают, что управляют этой сферой — отдельные СМИ собирают в пулы, передают их олигархам или псевдоолигархам и говорят: это ваше; нам важно, чтобы в нужный момент на выборах ваша газета или телеканал сработали так, как надо. Но последние президентские выборы показали, что, например, петербургские каналы никакого влияния на граждан не имеют. Я был в городском избирательном штабе, мы обменивались мнениями по этому поводу и пришли к выводу, что телевидение выполняет диаметрально противоположную функцию, хотя вроде бы находится в руках доверенных лиц власти. Телеканалы должны были привести людей на выборы, но они этого не добились. И мы знаем, что происходит с результатами выборов, и понимаем, что дело подошло к опасной черте.

Я считаю себя журналистом — много лет работал в этой области и сейчас сотрудничаю со многими ведущими СМИ. Да и вырос я в семье журналистов, и создал кафедру в Университете. И я считаю, что журналистика в опасности. В России не существует журналистского сообщества. Оно поражено разобщенностью, конкуренцией, противодействием, «подковерными» делами. Сообщества нет, зато есть мэтры журналистики. Они брезгливо смот-

рят на то, что происходит в СМИ, и стараются от этого отстраниться. В нашей стране произошла деформация журналистских союзов, они не выполняют своих основных функций — регулирующих. Более того, складывается впечатление, что руководители СМИ полагают: ничего страшного, если конкуренты развалятся — мое-то издание качественное, оно будет жить. Но так не бывает. Население теряет доверие ко всем СМИ. Каждый из нас знает, сколько газет мы выписывали, скажем, во время перестройки и сколько выписываем сейчас. И дело здесь не в деньгах. Если бы рядовой гражданин был уверен, что разные газеты несут действительно интересную информацию, по-разному осмысляемую, он бы их выписывал.

Но самая опасная тенденция нашего времени заключается в том, что информация превращается в товар. Деньги, которые являются средством, в сфере СМИ превращены в самоцель. У журналистики должны быть ценности более высокого порядка, но как мы сможем этого добиться, я не знаю.

В. К. МАМОНТОВ: — Напоминаю, что наша тема — современные средства массовой информации в свете тех проблем, о которых только что сказал Александр Сергеевич, сформулировав это предельно остро: журналистика в опасности. У меня за многие годы выработалась определенная точка зрения на предназначение журналистики — я бы сказал, мое мнение находится где-то посередине. С одной стороны, мы когда-то говорили о том, что журналистика «четвертая власть», но при этом обманывали и себя, и аудиторию. Кроме власти над читателем или зрителем, никакой другой властью журналистика обладать не должна. Однако и здесь есть некоторые нюансы: если сравнить, скажем, телевидение и газету, то сущность этой власти весьма различна. С газетой человек вступает, я бы сказал, в «интимные» отношения — он может читать любимое издание много лет, оно становится его собеседником и другом, в то время как телевизор — всего лишь прибор, который просто воздействует на человека (хотя и для газеты это в какой-то мере характерно). У зрителя с телевидением крайне редко бывает обратная связь, если вообще бывает. Вы когда-нибудь видели обзор зрительских мнений на телевидении? В газетах это иногда появляется. Например, мы возродили рубрику «Читал “Известия”. Зацепило!», и она очень популярна. На сайте «Известий» недавно поместили несколько новых материалов, где высказываются мнения, противоречащие либеральным, в частности, по вопросу о гей-параде в Москве. Получили очень много откликов. То есть у нас налажены некие взаимоотношения с читателями.

А как было раньше? Александр Сергеевич сейчас сказал, что в перестройку газеты были очень популярны. Но более деструктивной прессы, чем в тот период, не было в течение всей нашей истории! Власть ломала страну, а пресса с восторгом «болела»: давай-ка покруче! Хотя, конечно, однозначную оценку тем процессам дать нельзя: и в перестроечные годы, и даже в 1990-е, и в нынешние, вероятно, что-то менялось и меняется к лучшему. Но в целом обозначенная проблема сегодня действительно стоит особенно остро: пресса теряет доверие, грязнет в заказных материалах, и практически невозможно отделить правду от лжи.

Но разве не такова вся страна? Приведу «горячий» пример — недавнюю историю с падением вертолета господина Косопкина — представителя Президента РФ, когда погибли 8 человек. Только «Известия» нормально освещали это трагическое событие. Это стало возможно потому, что каким-то чудом наша газета в регионе не попала под влияние одного из выживших участников этого полета — он «держит» там всю прессу, и в итоге все остальные

молчали. Мы написали правду о происшествии, и этот товарищ обратился к нашему собственному корреспонденту Сергею Теплякову: «Ты знаешь, что такое бейсбольная бита? Так познакомись». Мы подали иск в прокуратуру. Но разве в остальных сферах жизни вопросы решаются не так же? По-моему, все, что происходит в СМИ, точно отражает то, что имеет место в других областях. Разве, например, российская экономика производит то, что действительно нужно стране?

Думаю, в итоге нашей дискуссии мы могли бы прийти к какому-то мнению не только о том, как поправить наше положение, но и о том, как переключиться на выполнение функций, которые мы сегодня не выполняем, — заняться колоссальным количеством проблем, находящихся сегодня вне поля зрения журналистики.

Передаю слово Виталию Товиевичу Третьякову, теперь он поведет нас по этой безнадежной дороге.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Надеюсь, наш дальнейший разговор будет не менее откровенным, чем его начало. К тем проблемам, о которых точно сказали Александр Запесоцкий и Владимир Мамонтов, я мог бы добавить еще несколько. Ничто в нашей жизни, поверьте, люди не анализируют так ложно, как собственное положение. Мы готовы разобратся в любых грехах любой другой структуры — на словах, а иногда и на деле, но то, что происходит внутри журналистского сообщества, фактически является закрытой темой, и считается, что это неприлично обсуждать. Поэтому меня удивило, что господин Запесоцкий заявил: а) он знает об этом, и б) не стесняется об этом говорить.

А поговорить есть о чем, и я предлагаю обменяться примерами, которые покажут, где именно проблема чрезвычайно остра, и, возможно, что в связи с этим делать. Что касается телевидения, то если ситуация в стране будет развиваться по-прежнему, мы получим новое «восстание луддитов» — народных масс, которые пойдут громить телевизионные центры.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — У меня ремарка по поводу сентенции Владимира Константиновича «А страна не такова ли?» В свое время мне понравились слова Бориса Акунина (возможно, он кого-то цитировал) о том, что в любой стране есть 10 % населения, которые ничем не ухудшишь, и 10 %, которые ничем не улучшишь, а «качество» остальных зависит от среды, управления, возможностей и прочих внешних факторов. Хотя СМИ не представляют собой власть, они все же являются инструментом власти, и нам не следует об этом забывать.

Г. Г. СИЛЛАСТЕ¹: — В России сложилась «аудиторная пирамида наоборот», то есть не аудитория стала массовой, а ее доверие к СМИ — пикирующим. Что я вкладываю в этот тезис? Сегодня наблюдаются явления, которые социологам практически не с чем сопоставить. Например, у нас в стране рекордное количество людей, которые не являются аудиторией, то есть вообще не обращаются ни к каким источникам информации. Мы называем их «не-аудитория». Вот последние данные, которые, я думаю, не требуют комментариев: 77 % населения не поль-

зуются библиотеками, 61 % не ходит в кино, 64 % не посещают театры и концерты, 44 % не читают книг, 64 % не пользуются персональным компьютером.

Это новый феномен, на который мы раньше не обращали большого внимания. Ведь по сути такой массовый рост не-аудитории — это характеристика образовательного уровня и вообще интеллекта нации. В этом контексте я, пожалуй, согласилась бы с Александром Сергеевичем в том, что недостаток денег — не единственная причина того, что россияне не покупают газет и журналов, хотя это и важный момент, особенно в сельской местности (в 78 % случаев, согласно нашим опросам, люди не подписываются на периодические издания по одному ведущему основанию — на это нет денег).

Каковы вообще мотивы обращения аудитории к источникам информации? Народ читает прессу и смотрит информационные программы до тех пор, пока доверяет им. Пока население верит власти, оно следит за тем, что эта власть делает и говорит. И в этой области у нас тоже сложилась «пирамида наоборот». Я пока не готова прокомментировать последние данные, полученные по итогам прошлого месяца, но не могу их не привести. В России три первых места по уровню доверия населения занимают: церковь (47 % ей доверяют вполне), армия (такой же показатель — 47 %; подобного сближения таких разных институтов у нас до сих пор не наблюдалось), органы государственной безопасности (43 %). Мы пытаемся проанализировать и понять, по какой причине столь сильные метаморфозы должны были произойти в массовом сознании, почему таким образом вдруг выстроился ряд доверия по категории «вполне заслуживает»?

Что же касается СМИ, то им вполне доверяют 31 % респондентов, а еще четыре месяца тому назад таковых было 43 %. Почему я говорю о «пикирующем доверии»? Потому что, на мой взгляд, если так пойдет дальше, то действительно можно будет говорить о тех самых 20 %, о которых сказал господин Запесоцкий, приводя данные по Петербургу. В Москве этот уровень пока выше, чем в Петербурге и России в целом — 34–35 %. Я хотела бы сделать важный акцент: и аудитория СМИ, и не-аудитория — это, по существу, отражение состояния духовности, интеллекта, образованности нации. В этом контексте картина становится еще более тревожной.

Еще один акцент. Исключением из правила является телевидение: его аудитория в России составляет 87 %, на селе — 88 %. Эта концентрация внимания как магнит притягивает различных «деятелей». В результате одичавший зритель в основном (до 62 %) имеет ориентацию на так называемые «легкие» передачи. В советское время социологи измеряли важный показатель — аудиторию информационных программ, по которому можно вполне достоверно судить о том, что происходит в головах у населения. Сегодня информационные программы по телевидению смотрят 22 %, то есть мы явно дычаем, упрощаемся и просто опешляемся, извините за непрофессорское слово. Мне искренне жаль, но газеты утрачивают функцию источника формирования общественного мнения.

Б. Г. КЛЕМЕНТЬЕВ²: — Как вы считаете, если в обществе складывается такая тенденция — усиление влияния телевидения и Интернета, то может ли пресса как-то реабилитироваться, поднять себя? Если она будет правдивой и интересно подавать материалы, то, возможно, это спасет ее? Или, как ни старайся, ничего тут не поделаешь?

Г. Г. СИЛЛАСТЕ: — К сожалению, аудитория печатных СМИ сейчас напоминает большое количество грядок

¹ Заведующая кафедрой социологии Финансовой академии при Правительстве РФ, доктор философских наук, профессор социологии, заслуженный деятель науки РФ.

Руководитель Московского городского отделения Российской социологической ассоциации.

Автор более 400 научных публикаций, в том числе монографии «Сельская молодежь в лабиринте средств массовой информации», учебных пособий «Экономическая социология», «Основы экономической социологии в познании финансово-банковской сферы», «Социология страхования» и др.

Г. Г. Силласте — президент Международной ассоциации «Женщины и развитие», член редакционного совета общероссийской газеты «Москвичка» и редколлегий журналов «Социологические исследования», «Высшее образование в России».

² Главный редактор газеты «Известия — Санкт-Петербург».

на неухоженном огороде. Читатели настолько разобщены, что фактически перехлеста аудитории почти не происходит. Наша пресса еще никогда не была так четко поляризована: аудитория десолидаризована, и ее невозможно объединить. Поэтому мне думается, что на этом фоне каждая газета должна сохранить свою если не постоянную, то хотя бы регулярную аудиторию. А это зависит от того, кому больше доверяют. Самый высокий уровень доверия — у местной прессы, особенно в небольших городах, хотя и ее сильно критикуют. Однако я пессимистично смотрю на будущее региональной прессы: повышая уровень доверия, она может вернуть себе лишь до 8 % аудитории. Общественной солидарности через эти СМИ добиться невозможно. Поэтому я считаю, что российская власть решила одну из своих самых сложных проблем: распространением информации консолидировать население сегодня невозможно, пресса безопасна для власти.

В. К. МАМОНТОВ: — Вы сказали, что местной прессе доверяют, а федеральной нет. Как представитель центральной газеты, утверждаю, что происходит следующее: когда вы спрашиваете у респондентов, доверяют ли они центральной прессе, вы должны понимать, что никаких центральных газет в этом маленьком городке давно нет. Люди вспоминают, что когда-то видели «Коммерсантъ», еще раньше — «Известия» по 2 копейки и т. д. Они говорят о недоверии, потому не читают этих газет, а читают местные — вот им и доверяют.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — У нас вырисовывается новая тема обсуждения — доверие к прессе. Тут можно многое сказать. Но давайте затронем и другие проблемы.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Я долгое время работала психологом в различных СМИ, политических партиях и государственных структурах. Во вчерашнем выступлении господин Степин сказал о том, что мы переживаем ужасное время перемен, и напомнил о проклятии, принятом у китайцев — пожелании жить во время перемен. Но мне бы хотелось напомнить отечественную метафору:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые,
Его призвали все благие
Как собеседника на пир.

Ф. Тютчев

Пир, который сейчас происходит, — информационная война. И насколько мы сможем выполнить свою миссию в этой войне, зависит, естественно, от каждого из нас — от наших усилий и способностей. Очевидно, что эта война актуализируется для нас в социологических данных, в разрозненности и нерфлексии собственной позиции журналистского сообщества, в том, что г-н Лесин лично выкинул всю социологию с телевидения и переместил в Англию. Вы знаете, что рейтинги сейчас подсчитываются не в Гэллап-медиа, а в частной дочерней компании. Управление работой СМИ происходит своеобразно: с одной стороны, г-н Сурков каждую пятницу собирает глав ведущих телевизионных каналов и дает установки, с другой — рейтинг диктует им определенные правила в структуре «товар — деньги — товар (информация как товар)».

Что является основным оружием информационной войны? В постфордистский период, судя по тому, что показывают зарубежные исследования феномена массовой коммуникации, главное оружие — фрейминг, то есть стремление таким образом изменить смысл любого события, проинтерпретировать поведение, чтобы разрушить две главные составляющие социального капитала: доверие друг к другу — на индивидуальном ли уровне, корпо-

ративном или государственном; и уважение к достоинству другого. Совершенно очевидно, что у нас есть нормальные понятия доверия и уважения, принятия другого (их может заменить слово «толерантность»), и это есть суть социального капитала.

Во властных кругах много говорят о социальной ответственности СМИ, выступают за сохранение базовых ценностей. Но могут ли журналисты говорить всю правду о том, что делается во власти? Вот весы, на которых балансируют российские средства массовой информации. Что тут можно сделать?

Из этой проблемной ситуации есть три выхода. Во-первых, изменить принципиально образование журналистов, ввести преподавание психологии воздействия, социальной ответственности, изменить личность журналиста. Мне кажется, позитивным примером тут является работа Владимира Легойды — заместителя декана факультета международной журналистики и председателя попечительского совета МГИМО, главного редактора журнала «Фома». Он ввел специальный курс церковной журналистики. Во-вторых, следует помнить, что поскольку журналисты люди творческие, они немного инфантильны, их можно конфеткой заманить к дракону. Почему они оппозиционеры? Это такая игра: мы герои, боремся со злом. Поэтому необходимо опять же вводить в медиаобразование какие-то элементы социальной зрелости, учить их быть ответственными за информацию. И третий метод — организовывать гражданские форумы и все это доводить до власти, до людей, принимающих решения. Хотим мы или нет, но количество все же переходит в качество. То есть надо не молчать и делать свое дело — по Суворову: делай то, что должен, остальное бог управит.

И. С. КОН: — Я никогда не поддерживаю кампании против средств массовой информации. Когда Российская академия образования недавно принимала резолюцию с осуждением телевидения и призывом к президенту принять меры, я не участвовал в голосовании, потому что не люблю театральные жесты. Но мне как-то неловко, что Академия, которая не предложила ни одной конструктивной перспективы по вопросам, которыми она обязана профессионально заниматься, с готовностью участвует в претельных мероприятиях.

У меня довольно большой опыт общения со СМИ — с середины 1950-х годов я печатался в самых разных газетах. Однако я уже много лет не читаю никакой прессы. Было время, когда у меня не хватало денег на то, чтобы выписывать периодику, затем настал период, когда надо было думать, какому олигарху принадлежит та или иная газета. А потом изменился сам характер информации.

Я также стараюсь не смотреть телевизор. Почему? С одной стороны, я согласен с мнением, что наше телевидение — ухудшенный вариант западного с культом насилия, жестокости, дешевой эротики, и смотреть это неинтересно и противно. С другой — сегодняшнее государственное российское телевидение сильно напоминает советское. И это более серьезная претензия. Я на протяжении 60 лет испытывал отвращение к телевизионной пропаганде, и когда мне предлагают то же самое, только ярче раскрашенное, то я этого смотреть не собираюсь. Так что мои источники информации — другие.

Я думаю, что словам, которые мы употребляем, принадлежит важнейшая роль. Когда у нас в 1960–1970 годах стала зарождаться социология массовых коммуникаций, я настойчиво употреблял термин «средства массовой коммуникации», и лет 10–15 был единственным, кто это делал. Это точный термин, но он предполагает наличие именно коммуникации! Что не исключает манипуляцию, разные возможности участников — и тем не менее под-

разумеает интерактивность. Тогда этот термин не привился, да и я пришел к выводу, что никакой коммуникации на государственном телевидении нет, а есть только информирование. Но является ли телевидение средством информации? Или это средство пропаганды, индоктринации, а успешно ли оно решает свои задачи, зависит от того, насколько профессионально это делается, и от некоторых объективных причин? Сегодня те устаревшие методы заведомо неэффективны — независимо от того, как честно выполняется и насколько высоко оплачивается работа людей, которые заняты этим. В этом «виноваты» тенденции к повышению индивидуализации и наличие множественных источников информации — интерактивные способы оказываются эффективнее даже с точки зрения пропаганды.

Я не призываю запретить пропаганду и везде внедрить интеракцию. Хотя мне, например, нравится радио «Эхо Москвы», я никогда не слушаю интерактивных программ, потому что мне интересны экспертные мнения, а не те, что высказывают люди, ничего не понимающие в предмете обсуждения. Но я рад, что слушателям дают возможность высказаться, и это имеет долгосрочные перспективы.

И все же почему я не люблю ругать журналистику? Это не вписывается в мои нравственные представления — я всегда помню о зеркале, на которое «неча пенять, коли рожа крива». С журналистикой произошло то, что должно было произойти. На определенном этапе она сыграла важную роль: без нее не было бы гласности. Но журналисты раскрепостились, освободились от всего, в том числе и от чувства ответственности. И это вопрос не только денег, но и уровня профессиональной квалификации. Когда у меня возникает желание бросить в кого-то камень, я задаю себе вопрос — а если бы я был на месте этого чиновника, то как поступил бы? Смог бы я принять лучшее решение? Или просто мне это не нравится, а как надо, я не знаю? По-моему, в осуждении других следует быть сдержанным. Когда журналист критикует кого-то, то не пытается поставить себя на его место, а заведомо знает, что тот продажный, невежественный и вообще плохой. Свобода от ответственности увеличилась, зато уменьшилось осознание того, что можно и что нельзя.

Особенно меня беспокоят проблемы, связанные с молодежью. Когда эта модель СМИ, за которой стоит индоктринация и пропаганда, применяется в молодежной политике, эффект бумеранга многократно усиливается. Сейчас принимаются законы и постановления, касающиеся подростковой преступности. Как специалист, могу утверждать: запретительные и ограничительные меры, в частности, введение комендантского часа, возможно, логичны и могут быть предметом обсуждения. Но все они бесполезны, если не подкрепляются и не опережаются конструктивной работой с ребятами с учетом их субкультур. А когда молодежные субкультуры ругают последними словами, например говорят, что из-за культуры эмо существуют молодежные самоубийства, то положительного результата ждать не приходится. Поэтому я могу анализировать только данные серьезных независимых исследований, проведенных в странах Запада, — я вижу, в чем их смысл. Если же я вижу цифры, которые иллюстрируют разные ужасы и широко тиражируются, то они не вызывают доверия. При этом я не знаю, откуда такая статистика — ее придумало МВД, комиссии Госдумы или еще кто-нибудь?

У меня нет практических рекомендаций — я не знаю, как обустроить мир, да это и не моя работа. Но мир развивается не от успеха к успеху и не от катастрофы к катастрофе, а от проблемы к проблеме. Решена одна проблема — появляются четыре новые. И в тех пределах, в каких это возможно, журналистов надо учить социологической мысли. То есть не устраивать сенсации вокруг

понравившейся цифры, а мыслить проблемно, показывать альтернативы, сложность одного решения, последствия другого... Меньше категоричности — тогда вовлекается слушатель и читатель, возникает понимание различных аспектов, всевозможных нюансов и пр. Это вопрос профессиональной культуры журналиста, а с ней тесно связана журналистская этика. Тот, у кого эта культура есть, обращается с информацией более аккуратно.

А. РАР: — Мы обсуждаем роль СМИ, но эта роль постоянно меняется — и в России, и в других странах. На Западе становление «четвертой власти» проходило довольно сложно. Я вспоминаю начало 1960-х годов, когда в Германии уже почти 20 лет после Второй мировой войны была демократия. Тогда правительство провело обыск в журнале «Шпигель», главный редактор был арестован, и ему предъявили официальное обвинение в том, что он скрывал какие-то материалы, то есть занимался «косвенным шпионажем». На самом деле целью этой акции было задеть журналистов, чтобы неповадно стало писать на неприятные для власти темы.

Сегодня подобная авантюра в Германии невозможна. У нас действительно создано для одних идеальное, для других весьма неудобное гражданское общество, где государство является только одним из действующих лиц в формировании и проведении политики. Канцлер, чиновники и политики все время ориентируются на прессу: когда приходят на работу утром, то смотрят, что о них пишут, не слишком ли критически о них отзываются, и в зависимости от этого выстраивают свое поведение. Можно сказать, что главные редакторы крупных немецких газет действительно вершат политику и считают, что делают это наряду с государством.

Господин Шредер в последние годы своей власти на одном из приемов встретился с главным редактором того же «Шпигеля», и тот во всеуслышание сказал: «Господин Шредер, я вас не боюсь, но вы меня должны бояться». Произошел небольшой скандал, но Шредер-то отошел, а главный редактор, широко улыбаясь, остался стоять на том же месте. Это показывает состояние «четвертой власти» в сегодняшней Германии. СМИ у нас начинают снимать политиков.

Месяц тому назад выяснилось, что пресса «увулила» председателя правления АО «Немецкие железные дороги». Сначала узнали, что он собирал досье на своих сотрудников, но это не стали предавать огласке. Однако когда он начал проявлять пренебрежение к прессе — невежливо разговаривать с журналистами, отказываться от интервью, то они организовались и за две недели его «ушли». Просто каждый день на первой странице писали о том, что господин Мейдорн должен уйти в отставку, уйти в отставку... Это один из многих примеров того, как в Германии пресса добивается своего. Сняли с должности одного из самых крупных деятелей Германии, причем с позором.

Здесь, в вашей стране, мне часто приходится слышать, что западноевропейские средства массовой информации критически пишут о России. Это действительно так, но одна из причин такого восприятия заключается в том, что европейские газеты имеют некоторые особенности. В англо-саксонских странах, то есть в США и Великобритании, газеты организованы определенным образом. Человеку, которому нужна «голая» информация, в «неукрашенном» виде, читает news на первой, второй, третьей полосах газет, и, я думаю, это серьезный журнализм. А если читатель хочет получить комментарии или узнать, что главный редактор думает о Путине или Медведеве, он это читает на пятой странице в колонке комментариев.

В Германии, Франции, Испании, Италии принято этот моральный аспект включать в комментирование новости

на первых страницах. Поэтому немецкую газету иногда и открывать не надо — уже с самого начала ясно, что она думает о господине Путине, или о Брауне, или о Квасньевском. Опросы общественного мнения в Германии показывают, что немецкому читателю это нужно, он идентифицирует себя с газетой, хочет понимать точку зрения главного редактора. Поэтому он это принимает и даже требует, чтобы моральный аспект присутствовал в новостях. Я не говорю, что это хорошо, а привожу этот пример, поскольку наши медиа развились и в этом направлении. При этом общественное государственное телевидение в Германии, к сожалению, почти никто не смотрит. Аудитория новостных каналов — а у нас их два — не превышает 6 % населения. Все смотрят частное телевидение, то есть развлекательные программы.

Я согласен с Владимиром, что СМИ отражают состояние общества. Но не могу согласиться с тем, что Вы сказали о перестроечной прессе. По-моему, в те годы, когда началась гласность, газеты и журналы исполняли главную роль, они отражали то, что думали граждане — ведь до того людям десятилетиями ввали, определенные вопросы вообще не поднимали. Потом стали появляться статьи и передачи, которые призывали к свержению власти, разрушали систему — это уже на совести журналистов; но начало гласности, я думаю, было святым делом.

Сегодня, как мне кажется, в России среди журналистов и главных редакторов есть согласие в том, что надо поддержать великую историческую идею укрепления государства после неразберихи 1990-х годов. И это тоже правильно. На Западе это не всегда понимают — что сейчас консенсус, сейчас времена такие... Так что и тогда, в 1980-е, и сейчас, по-моему, пресса отражала и отражает основные настроения в элитах. Главное, что все это можно решить и законодательно оформить. С одной стороны, надо защищать журналистов, чтобы они не боялись писать правду, с другой — журналист должен перед законом отвечать за то, что он сказал или написал. Это простая истина, но ее, по-моему, каждый раз надо подтверждать в национальном и европейском законодательстве.

И последнее. Меня, как и многих других, тревожит, что люди все меньше читают. Ребята моложе 21 года проводят много времени в Интернете, в блогах. Я иногда захожу в какие-то блоги, но, в общем, эту коммуникацию не понимаю. Там можно писать что угодно, в том числе нецензурные выражения, но исследования показывают, что подрастающее поколение именно оттуда, из блогов, черпает важную для себя информацию, формирующую мировоззрение. Думаю, что это будет усиливаться, особенно на фоне того, что из-за финансового кризиса многие газеты закроются, так как в них некому станет размещать рекламные объявления. Особенно это касается региональных газет, которые существуют только за счет рекламы. Таким образом, Интернет, естественно, будет главным источником и средством получения информации.

— Господин Рар, если пресса способна быть оппозиционной к власти, тогда она может себе позволить разговаривать с политиками и чиновниками так, как Вы рассказали. Как Вы полагаете, журналистский корпус в России сегодня способен к оппозиционности либо он по существу идет на консенсус с властью, но на конфликт с аудиторией? (*вопрос из зала*)

А. РАР: — Я дал свою характеристику российской прессы, как я ее понимаю. На Западе есть мейнстрим, и здесь он тоже есть. Если люди будут чувствовать острую, кричащую несправедливость, то, я думаю, пресса и даже некоторые каналы телевидения станут об этом сообщать. В России есть каналы, которые не очень строго кон-

тролируются властью, но мейнстрим в российской журналистике имеет другую направленность именно исходя из того, что было в 1990-х годах. Все понимают, что слишком много расшатали и разрушили, больше этого делать не надо. Возможно, через 10 лет будет реакция на то, что мы видим сейчас; прогнозировать трудно, но я предполагаю, что пресса будет гораздо более критичной, чем в настоящее время. Однако действительно многое зависит от властей, например от того, как они будут справляться с экономическим кризисом. Можно контролировать прессу и телевидение, но Интернет обуздать сложнее, и если люди будут чувствовать, что власть ничего не делает, тон изменится.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — История отечественной журналистики советского периода, в том числе 1980-х годов, до сих пор не написана. Я прекрасно знаю, что было в 1990-е годы — все эти рассказы о демократии, свободе слова, печати меня не вдохновляли, я тогда просто жил и действовал. И помню массу эпизодов, свидетельствующих о том, что никакой консолидации ни с властью, ни против власти, ни по приказу власти тогда в прессе быть не могло. Тогда я, как главный редактор «Независимой газеты», из которой олигархи, появившиеся на рынке СМИ, массово перекупали журналистов, предложил другим главным редакторам: давайте установим примерно одинаковый уровень зарплат для журналистов, чтобы была честная конкуренция. Тут же вышел главный редактор газеты «Сегодня», начал рассуждать о свободе, о рынке и о прочей ерунде, или, наоборот, о прочих ценностях. Какая же честная конкуренция, если договариваться? Так что, когда мы вспоминаем о том, как было в 1990-х и даже в 1980-х, надо быть очень аккуратным. Очень многое в воспоминаниях искажается.

А. И. УГЛАНОВ: — Если бы три года назад я услышал то, что слышу здесь сегодня, то, скорее всего, не решился бы на новый проект — газету «Аргументы недели». Проблемы, о которых идет речь, не дают повода для того, чтобы начать новую газету, раскрутить ее и сделать прибыльной. Но, к счастью, все произошло по-другому, наша газета за год вышла на самоокупаемость, а сейчас ее аудитория составляет 890 тыс. читателей каждого номера.

Теперь о некоторых причинах падения влияния прессы. В 1990-х годах, как известно, прессу никто не зажимал, каждый писал что хотел. Вы, наверное, помните «чемоданы компромата», о которых Руцкой говорил в Государственной Думе. Но Президент России Борис Николаевич Ельцин вел себя «демократично»: никак не реагировал на выпады, в первую очередь в свой адрес, и мне кажется, что этим он повлиял на все чиновничество. Видя, как поступает лидер, остальные начали поступать так же, и это продолжается до сих пор, поэтому журналистика с политических тем стала переключаться на развлекательные, и многие массовые газеты пришли к той форме, которую они сейчас имеют.

Дальше я хочу коснуться двух тезисов, которые высказал Александр Сергеевич. Первый — о деньгах. Конечно, в газетах бывают заказные материалы — надо же как-то зарабатывать на жизнь. Но, на мой взгляд, в конечном счете все определяется интересом читателей к тому, что написано. Это банальность, но в подтверждение я могу привести два примера. Мы начали писать об авиатоме, в том числе о замечательных двигателях, которые так и не запущены в производство. Поднимали вопрос о том, что для наших знаменитых стратегических самолетов Ту-160 не хватает моторов, поэтому из 19 машин летают только 3, а остальные стоят на приколе. В тот период в Самарской области нашу газету расхватавали — и не

только там, но и в Татарстане, где должны были производить эти двигатели.

Второй тезис — о борьбе с властью. Что это значит? Борьба с властью — абстракция, власть всегда представлена конкретными лицами. Например, Алексей Кудрин — первый вице-премьер, и мы постоянно его критикуем, в частности за то, что он протасил Бюджетный кодекс, который не предполагает никакой ответственности чиновников за расходование бюджетных денег. Мы об этом пишем, но является ли это борьбой с властью? Я думаю, что нет — это как раз то, чем и должна заниматься журналистика и что вызывает интерес у читателей.

И последнее, что я хотел сказать. Если газета не хочет существовать за счет чьих-то финансовых «вливаний», то ей придется стать интересной. Все же она должна быть развлечением, но не в том смысле, который мы вкладываем в это слово, а развлечением другого свойства, например, интеллектуального.

Ю. А. РЫЖОВ: — Моя связь со СМИ — косвенная. Правда, когда-то я был соучредителем «Московских новостей», потом в составе одной общественной команды защищал НТВ, сейчас Горбачев создал такую же команду при «Новой газете». Первая команда потерпела поражение, НТВ ликвидировали. Правда, «Новая» еще существует и имеет перспективу, тем более после многообещающей встречи с президентом страны.

Как сказал Владимир Константинович, в перестроечные времена пресса разваливала государство, но в этом вопросе я придерживаюсь точки зрения Александра Рара.

Я уже сказал, что мы защищали киселевское НТВ и, хотя командировали тогдашнего лидера этой группы Михаила Сергеевича Горбачева к Путину, и они побеседовали, канал НТВ развалился. В целях консолидации населения главной задачей так организованной власти во все времена было формирование в сознании людей образов врагов — внутреннего и внешнего. Инструментами такого формирования наряду с действиями власти всегда были СМИ, разные их формы, менявшиеся по мере технического прогресса от печатных к электронным: сначала радио, а теперь ТВ. Телевидение сегодня — самый мощный механизм обработки и ориентации общественного сознания, и выстроившаяся у нас в 2000-х годах система власти, понимая это, оперативно поставила этот инструмент под контроль «вертикали», то есть не только федеральные каналы, но (через ликвидацию выборности региональных руководителей) и местные каналы.

Конечно, не были забыты и традиционные СМИ — радио и печатные издания. Попытки последних выйти из-под контроля пресекаются разными способами, вплоть до физических расправ с их редакторами и авторами. Все помнят убийства Дмитрия Холодова, Анны Политковской, загадочную гибель Юрия Щекочихина. Последняя жертва на сегодняшний день — зверски избитый и покалеченный редактор «Химкинской правды» Михаил Бекетов. Формируя поле внутренних врагов с помощью принятия антиконституционных законов, перевода некоммерческие организации в разряд платных агентов врага внешнего — Запада, власть определила задачи контролируемых ею СМИ в этом важном для сплочения нации перед лицом «врагов» деле. На государственном телевидении поработавшие «ящиком» граждане видят, как страна «встает с колен», обливаются слезами, просматривая бесконечные сериалы, и слегка раздражаются гламуром и показным размахом разбогатевших олигархов в нашем фантастически разделенном обществе. Мы видим на экранах ТВ, как возрождается перед лицом внешнего врага наша военная мощь: стратегические бомбардировщики летают над Западной Атлантикой, остатки советского Военно-морского

флота посещают латиноамериканских союзников России, демонстрируют ее флаг в Средиземноморье и даже грозят бандитами в далеких проливах. Спецслужбы регулярно обнаруживают шпионов, завербованных внешним врагом, и западных дипломатов, разбрасывающих архаичные «закладки» на московских газонах.

Нам демонстрируют успехи страны, наконец навалившейся на высокие технологии, в первую очередь на столь модные «нано». Деньги, обещанные государством на «нано», возбудили множество энергичных граждан, которые до того ничего о нанотехнологиях не знали, а теперь начинают оттеснять от этой деятельности коллективы и специалистов, занимающихся данным вопросом в течение десятилетий. Это мой собственный жизненный опыт. Те, кто здесь живут, помнят пропагандировавшиеся властью и ее СМИ «национальные программы» — кукуруза, целина, БАМ... Сегодня вернем из прошлого и покажем по телевидению **стройотряды, народные дружины...** СМИ с помощью власти и самоцензуры «государственников» вернулись в прошлое, что затруднило, если не свело на нет диалог культур, столь важный для развития гражданского общества. Слава богу, есть пока канал «Культура» и скромное информационное «гетто» на РЕН-ТВ.

Кстати, об информационным программам. Есть расхожее мнение, что они не имеют рейтинга, малоинтересны и так далее. В качестве примера могу привести Киев. Как бы мы ни относились к их «оранжевым революциям» и вроде бы хаосу, выдвигавший из московского телевидения Савик Шустер 3 часа держит в прямом эфире украинскую аудиторию. Я думаю, что мы психологически не сильно отличаемся от наших братьев по крови украинцев, а почему-то считается, что здесь неактуальны информационные программы. Конечно, это не так — это сознательное подавление информационных программ.

Параллельно с этим процессом деградации СМИ как механизма обратной связи (парламентский механизм уничтожен как «не место для дискуссий») между властью и обществом возникло занесенное с Запада и трудно контролируемое средство массовых коммуникаций — Интернет. Здесь, как в освободившейся печатной прессе во все времена и во всех странах, полно помоев, похабщины, антисоциальных сайтов, включая фашистские, блогов и просто бреда. Но, как и в былые времена, нам является разумный анализ, дискуссии по экономическим, политическим, культурным проблемам, которым нет места вы знаете где. А там, где им нет места, малограмотные в области современных информационных технологий «слуги народа» изобретают конструкцию удавки на Интернет. Кивают на Китай и Северную Корею — там вроде уже изобрели. В действительности же с учетом технической сути Интернета способ только один — уничтожить физически всю эту технику в стране, вернув ее в информационное средневековье.

Приведу сравнительно недавний пример. Андрей Сергеевич Смирнов, автор «Белорусского вокзала» и сын Сергея Смирнова («Брестская крепость»), к 100-летию парламентаризма в России, то есть первой Думы, сделал 10-серийный (по полчаса) телевизионный фильм «Свобода по-русски». Фильм очень интересный, ведущий — пиетерский поэт и рок-музыкант Юрий Юлианович Шевчук. Когда Смирнов предложил свой фильм российским каналам, ни один из них не взял, хотя это просто хороший исторический фильм, основанный на фактах и хронике. Вот один из примеров самоцензуры наших средств массовой информации, о которой здесь говорилось и что я тривиально повторяю.

А теперь еще и кризис, эта диверсия внешнего врага, который решил назло матери отморозить себе уши, впав в глубокий финансово-экономический обвал. И сделал он

это так ловко, что глубина кризиса на Западе оказалась не столь большой по сравнению с той, в которую он опустил нас. И мы сначала даже этого не заметили. СМИ нам сказали — это у них, а у нас — остров стабильности, девальвации не будет, можно спать спокойно. А когда проснулись, узнали, что у нас девальвация, падение фондовых индексов вдвое больше, чем в США, спад производства, увольнения, предприятия останавливаются и т. д. и т. п.

Как подготовились государственные СМИ к лету 2009 года, когда углубляющийся экономический кризис превратится в социальный? По-моему, это показывает освещение, точнее, неосвещение сочинских выборов. Вы знаете, какая блокада была в самом Сочи, а тем более на центральных каналах. В общем, я плачу о том, о чем всем все известно. Поэтому я считаю, что очень своевременно на IX Лихачевских чтениях была включена в программу тема, касающаяся СМИ в современном мире. СМИ сегодня — великая сила, вопрос в том, в чьих руках она оказывается.

Б. Д. ПАРЫГИН: — С одной стороны, очевидно, что в сегодняшних трудностях сказывается эффект ангажированности СМИ, с другой — понятно: СМИ выдают то, что они получают. Когда была перестройка, все ожидали улучшений в течение двух-трех лет, а потом академик Аганбегян выступил в центральной прессе в Праге и сказал, что яма застоя оказалась слишком глубока. Потом пошли другие процессы, рыночная экономика оказалась такой, что мы живем за счет эксплуатации природных ресурсов и оказались не готовы к трудностям, с которыми сегодня столкнулись. Кто в этом виноват? А теперь мы слышим, что наши СМИ становятся критичнее, но — вот парадокс! — при этом уровень доверия к ним стал падать. Что за чертовщина? Казалось бы, если аудиторию не устраивает гламур, то критичность должна приветствоваться! Мне думается, тут дело в том, что сказывается, с одной стороны, ангажированность средств массовой информации, с другой — неопределенность стратегических ориентиров, по которым могли бы идти и те, кто заказывает, и те, кто исполняет заказанное. Отсутствует стратегическое видение — иначе никак не объяснить такие перескоки с одних доминант на другие, когда новые не лучше, чем старые.

Вчера на Пленарном заседании прозвучало: возможно, дело в том, что у нас сейчас торжествует неолиберальный фундаментализм. Мы слишком заигрались с либерализмом, и надо вернуться к государственности. Эта нота меня в свое время тоже привлекала. Помню, на рубеже 1980-х годов в гостинице «Ленинград» была организована дискуссия, и когда речь зашла о том, что надо заняться фундаментальным разгосударствлением, я выступил с предостережением, что это может быть чревато плохими последствиями. Теперь очевидно, что прежний отвергнутый государственный режим невозможен, и вместе с тем компот, который получается из смеси ангажированности и отсутствия видения, куда и как грести с помощью средств массовой информации, — это результат того, что нет контроля и глубокого анализа. На мой взгляд, пока будет продолжаться неучастие научного потенциала в решении наших проблем, мы будем иметь то, что имеем сегодня: ангажированность средств массовой информации, с одной стороны, и их дезориентацию — с другой. Возможно, они дезориентированы из-за неправильно понятого заказа, возможно, из-за неготовности подать его как полагается.

Но в мире есть другой опыт! Тут шла речь о Германии, но это можно отнести к Западу вообще. И в Европе, и в Америке есть опыт более строгого восприятия плодов этого симбиоза: с одной стороны, элитарные властные и финансовые и структуры, с другой — средства массовой информации, которые их обслуживают. Есть и альтер-

нативные варианты. Например, наука. Напомню опрос, в свое время проведенный в международном масштабе, о приоритетных ценностях при ориентации на профессии. В США самой популярной оказалась профессия ученого, а у нас — проститутки и бизнесмена. Почему так получается? Наверное, потому что вместе с вульгарным экономизмом, прагматизмом теряется духовность, традиционные российские ценности, ориентация на духовно-нравственные идеалы. Они были отброшены вместе с социализмом.

Но у нас эта ситуация не исследовалась и не получила экспертной оценки, которую должна сделать наука — социология, социальная психология и целый ряд других гуманитарных дисциплин. Игорь Семенович, наверное, помнит съезд психологов, когда один американский специалист рассказал о том, как они осваивают наш прошлый социально-психологический опыт, в частности, Макаренко. В США существует фундаментальная традиция опеки власти со стороны науки. Почему, скажем, в странах Европы, в Америке, при том что там рыночная экономика давно существует, нет таких перекосов, как у нас, нет сведения рынка к экспорту сырья? Потому что там очень мощная критика. Западные социальные психологи посвятили ряд серьезных работ критике «рыночника» с его примитивной приземленной психологией, которая у нас задает тон и определяет стратегию развития.

Выдающийся немецкий философ и социолог Юрген Хабермас, пользующийся большим авторитетом и во властных структурах, и в среде СМИ, смело анализирует проблему несовпадения стратегий государственной ориентированности представителей политической и экономической власти в стране, с одной стороны, и интересов населения — с другой: вертикали, горизонтали человеческих отношений. Вертикаль, в силу того что она решает стратегические проблемы, готова принести в жертву интересы горизонтальных отношений в обществе. Так что подобные явления наблюдаются не только в России, и они должны получать адекватную оценку.

В. К. МАМОНТОВ: — У меня небольшая реплика на выступление Юрия Алексеевича. Я с огромным интересом его послушал — у него удивительно стройная система взглядов, я мысленно аплодировал тому, как удивительно все это пронесено сквозь жизнь и опыт. Но... я практически ни с чем не согласен, по каждому пункту у меня есть целый ряд возражений. Например, зачем наши военные самолеты летают над Атлантикой? А что американцы делают в Афганистане, в Ираке? Они везде летают, везде сеют и везде работают, а мы не должны никуда и ни где — я с этим не согласен, прошу прощения.

Этот случай показывает, насколько мы все разные, как неоднородно наше сообщество. Как нам договориться? Это невероятно, а может, и не нужно. Я знаю газету, в которую пишет Юрий Алексеевич, там работают толковые, талантливые, уважаемые и по-своему ратующие за Россию люди. Может быть, в итоге нашей сегодняшней дискуссии мы придем к мнению, что журналистика должна быть разной, но, безусловно, в любом случае ответственной.

А. В. ГУЛЬЦЕВ¹: — У меня 20-летний опыт пишущего журналиста, а последние 6 лет, с 2002 по 2008 год,

¹ Генеральный директор Европейского центра Международной ассоциации писателей и публицистов (Париж), президент Конфедерации русских общин Европы.

Серебряный лауреат конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» 2007 года в номинации «Очерк», Золотой лауреат того же конкурса в 2008 году в номинации «Интервью».

За заслуги в деле сохранения русского языка А. В. Гульцев награжден медалью имени Льва Толстого.

я работал генеральным директором старейшей из выживших русскоязычных газет на Западе, которая называется «Русская мысль». Когда-то газетой владела церковь, потом «Русскую мысль» называли «Еврейской мыслью», потому что ее финансировал Моссад, потом «Ватиканской мыслью», потому что спонсировал Ватикан... Теперь я уже не знаю, какой «мыслью» ее назвать. Сегодня официальный владелец газеты — Всеволод Копьев, очень молодой человек, который живет в Лондоне и является владельцем медиахолдинга. Когда мы отмечали свой день рождения, агентство «Франспресс» спросило у Всеволода, откуда денежки. Он ответил: «Зарабатываем». Но эмигрантские газеты денег не зарабатывают! Однако отец молодого человека — Вячеслав Копьев, один из руководителей ОАО АФК «Система». Дружественная нам «Литературная газета» принадлежит АФК «Система» официально. «Русская мысль» не принадлежит АФК «Система», потому что господин Евтушенков отказался ее купить, и тогда был создан этот английский холдинг. Хотя идет постоянный обмен материалами, и главные редакторы «Русской мысли» и «Литературной газеты» постоянно встречаются.

Я рассказал все это, чтобы представиться, а теперь перехожу к предмету обсуждения. На мой взгляд, рождается новый принцип построения газет, и, соответственно, должны появиться новые журналисты. Меняется Россия, меняется весь мир. Перемены происходят и в массмедиа — из-за того, что появились новые средства массовой информации. Как говорит генеральный директор «Фигаро», сегодня больше никому не нужны новости из газеты, все получают их автоматом — слушают радио в машине, читают в Интернете. Пока еще осталась потребность поддержать газету в руках или заказать статью, чтобы потом продемонстрировать знакомым. Одно дело, когда новость прозвучала по радио или была написана на одной из бесконечного числа интернет-страничек, и совсем другое — напечатанный на бумаге текст. За счет этого многие газеты теперь и живут. Но у газет общего содержания — в России это «Известия», «Труд», во Франции — «Монд», «Фигаро», «Либерасьон» — к сожалению, у всех падает тираж. Ротшильд вложил 23 млн евро в «Либерасьон», и за два года от них не осталось ничего. У газеты опять безумные долги: она теряет по миллиону евро в месяц. Зато увеличила тираж «Эквида» — специализированная газета, посвященная скачкам; к всеобщему удивлению, сильно вырос тираж у «Ла круа» («Крест»), но все это ангажированные издания. «Крест» — католическая церковная газета, которая никогда не будет ничего критиковать; она пишет только о том, какая хорошая католическая церковь и куда и когда придет Папа.

Что касается новой журналистики, то во Франции всегда была почетная профессия — «гранд-репортер», то есть «большой репортер»: человек, который делал большие репортажи, в газете они занимали целый разворот. Теперь эта профессия во Франции умерла, потому что содержать таких корреспондентов, которых посылают в командировку на месяц, уже практически не надо, да и информацию поставляют сами люди. Вы все, наверное, знаете историю Ингрид Бетанкур, которую держали в заложниках в Колумбии несколько лет и недавно освободили. Все видели ее фотографию, сделанную в плену, — этот снимок обошел весь мир, и за него никто денег не взял, террористы его сами прислали. Разве это можно было представить еще 10 лет назад? Чтобы получить подобную фотографию, надо было не одну неделю ползать с автоматом по лесам. А теперь журналист должен быть хорошим компилятором, потому что информацию о шахте сами шахтеры в своем блоге разместят, о ФАРКах сами ФАРКи напишут, о Правительстве всю информацию можно найти в Интернете.

И еще я хотел в контексте нашей темы сказать о молодежи. То, что надо писать статьи для юного поколения, — это миф. Сегодняшние читатели газет — люди старше 35 лет; молодежь же не читает ничего. В блогах, живых журналах, социальных сетях участники пеняют друг другу: я написал, почему ты не прочитал? То есть молодежь у нас писатели, а не читатели. Так что газеты должны ориентироваться на аудиторию от 35 лет и старше, а вот пропагандировать свою газету, конечно, надо среди молодежи. Когда человек дорастет до 35 лет, он скажет: пришло время выписать «Известия» (или «Трибуну», или «Новую газету») — я знаю это издание.

Е. В. ХАРИТОНОВА: — По образованию я социальный психолог, но мне много лет приходилось заниматься выборными технологиями, готовить политиков к публичным выступлениям, потом мы долгое время собирались междисциплинарной группой — психологи, философы и так далее — хотели создать что-то вроде гуманитарной экспертной группы. И в процессе всех этих, в общем, разрозненных действий мы исследовали влияние текстов СМИ на эмоциональную сферу массовой аудитории. Мои тезисы, опубликованные в большом сборнике, посвящены концептуальному контент-анализу текстов политиков в переломные периоды истории. Были взяты тексты Сталина 1941 года — обращение к нации в связи с началом Великой Отечественной войны; декабрьское выступление Гитлера по радио в связи с объявлением войны Соединенным Штатам; а также тексты Путина — ежегодные президентские послания, выступления в связи с захватом заложников в Беслане; тексты Буша и других политических деятелей. Замечу, что сама по себе психологическая технология не оценивается как хорошая или плохая: это как огонь, которым можно и согреть, и сжечь. Психотехнология может быть оценена с точки зрения эффективности или неэффективности.

Так вот наш концептуальный контент-анализ дал возможность увидеть, что авторы исследуемых текстов сознательно или неосознанно применили приблизительно одну и ту же психотехнологию. Тексты, которые были призваны в сложных условиях поднять боевой дух людей, произвести, казалось бы, невозможную работу по синхронизации чувств, действий, мысли нации, аналогичны по своей структуре и доминанте, хотя сильно различаются по политическому, мировоззренческому, идеологическому содержанию.

Для анализа мы брали 6 параметров: кто такие «мы», кто такие «они», какие угрозы исходят от «них», есть ли у «нас» стратегия взаимодействия и т. д. И если наблюдается дисбаланс этих категорий, например категория «мы» отсутствует, то этот текст воздействует как депрессант, деморализующий фактор. Если в тексте присутствует консолидированное «мы», четкое «они» — не хичкоковская абстрактная размытая угроза, а отчетливо названный враг (причем это «враг» не обязательно в некоем антитолерантном смысле, который я ненавижу, потому что сразу встает вопрос, можно ли было быть толерантными на Нюрнбергском процессе; врагом может быть что угодно, например экологические проблемы), то наличие всех этих параметров в тексте приводит к определенному результату. Тексты Гитлера, Сталина, текст Путина, связанный с Бесланом, текст Буша, связанный с 11 сентября, — все они имеют аналогичную структуру.

В условиях, когда все хорошо, наверное, возможен плюрализм мнений. Кто-то считает, что у СМИ слишком мало свободы и за нее надо бороться, другие говорят, что, напротив, свободы у них слишком много. Наверное, здесь нельзя всех стричь под одну гребенку. Есть специальные адресные газеты, например, пишущие о здоровом

образе жизни, и тут особого контроля не требуется. Есть развлекательные, и над ними, наверное, нужен контроль, чтобы они не занимались растлением молодых умов. Есть тексты государственные, призванные решать совершенно другие задачи.

У представителей СМИ может сразу возникнуть инстинктивный протест против цензуры. Но, к примеру, на Западе цензура есть, и еще какая — вспомним, как после утечки информации, связанной с отсутствием оружия массового поражения в Ираке, главный редактор был найден с перерезанными венами, часть сотрудников была уволена и произошла смена состава редакции. И это не единственный пример. То есть цензура существует, и очень жесткая, просто находятся приемлемые формы, когда эта цензура не замечается, и даже более того — ее хотят.

Итак, вот мои тезисы. Во-первых, управление через СМИ имеет место в любом случае, просто это происходит либо стихийно, либо сознательно. Или оно осуществляется из центра управления, который нам подконтролен, или из какого-то другого центра управления, который нам не подконтролен и даже может нами не осознаваться. Во-вторых, психотехнология, как я уже сказала, сама по себе не может быть со знаком плюс или со знаком минус. В-третьих, существует такое понятие, как концептуальная неопределенность, в которой пребывает большинство потребителей информации. Есть такой тип сознания, который называется калейдоскопическим или мозаичным — по аналогии с детскими игрушками: малышу дают калейдоскоп, он его крутит, смотрит, не понимая, что происходит, но при этом родители знают, что ребенок занят. Большинство СМИ, на мой взгляд, работают по такому же принципу: вываливают на потребителя огромное количество информации — яркой, интересной, эротической, жареной и т. д. Но при этом состояние концептуальной неопределенности сохраняется и нарастает, и все бы хорошо, если бы не то, что кто-то этим все же управляет и кому-то это нужно. Никакой анализ ситуации в современных СМИ невозможен, как мне кажется, без тех тезисов, которые я изложила.

О. С. КУЗИН: — Вспоминаю старую шутку. Борис Николаевич Ельцин, будучи президентом и выступая в Кремле, назвал средства массовой информации одним из видов вооруженных сил. Это была высшая степень оценки СМИ в тот период. Так что когда здесь заговорили о том, четвертая ли мы власть и власть ли вообще, я сразу вспомнил этот случай и подумал, что Борис Николаевич был совершенно прав, ему оставалось только процитировать бессмертные строки Грибоедова — про злые языки, которые страшнее пистолета.

«Злые языки» и теперь «страшнее пистолета», и я думаю, что нынешнее отношение к средствам массовой информации — и электронным, и печатным — в немалой степени продиктовано еще и этим. Сегодня была предпринята попытка ответить на вопрос, почему в современном мире упал интерес к печатным СМИ. Россия, которая совсем недавно была одной из самых читающих стран мира, существенно утратила свои позиции, и по количеству людей, выписывающих печатные газеты, мы сильно отстаем от многих стран — я думаю, находимся, во второй половине списка. Для меня, например, недавно стало откровением, что мой любимый родной город Санкт-Петербург по количеству подписчиков на 1000 жителей занимает одно из последних мест в России, примерно на уровне Чечни.

¹ Главный редактор газеты «Трибуна», кандидат политических наук, профессор. Член Союза журналистов. В 1991–2004 годах — главный редактор, генеральный директор, президент ИД «Санкт-Петербургские ведомости».

Награжден орденами «Знак Почета», Почета, Святого Благоверного князя Даниила Московского III степени Русской православной церкви.

То есть отказ от печатных СМИ — системная проблема. Я попытался сформулировать причины, которые, с моей точки зрения, повлияли на то, что люди перестали читать газеты и журналы.

Первая, как ни странно, банальная — финансы. Выписывать газеты просто стало невыгодно. Мы конкурируем не только с радио, телевидением и Интернетом, проигрывая им в скорости доставки информации, но и с другими статьями расходов населения. Людям требуются деньги на лекарства — намного больше, чем 20 лет назад. Они вынуждены коптить на образование детей, платить за пребывание внуков в детских садах и яслях, за проезд в общественном транспорте и т. д. Вот лишь некоторые цифры. За 20 лет заработная плата в России в среднем возросла в 120 раз, водка стала дороже в 50 раз, продукты питания — в 120–150, а газеты — в 500 и более раз. Если раньше газета стоила 2–3 копейки, то сейчас — 10–15 и более рублей. Только общественный транспорт обогнал газеты по этому показателю. Поэтому мы находимся в заведомо невыгодной ситуации, особенно сейчас, в тяжелые финансовые времена. Повторяю, мы не только проигрываем более успешным средствам массовой информации, но и в этом конкурентном соревновании «за кошелек» мы стали абсолютно неконкурентоспособны.

Вторая причина — безобразная ситуация с распространением газет и журналов, наблюдающаяся уже много лет. В свое время мне довелось, хоть и недолго, поработать в партийной печати, и я помню, что «Ленинградская правда» лежала в почтовых ящиках жителей Ленинграда не позже 8 часов утра, иначе начинались разборки на партийно-советском уровне с теми руководителями почтовых отделений, которые этого не обеспечили. Поселок в Карельской АССР, 1965 год — «Сельская жизнь» в 11 часов на крыльце каждого дома — это была центральная газета, орган ЦК КПСС — и районная газета «Призыв» вместе с ней. Сейчас я представляю еженедельник, мне чуть легче жить, чем ежедневным газетам. Почему нет ежедневных газет в селах и малых городах? Да потому, что их доставляют только на почту, в библиотеку и сельскую контору — и то лишь там, где находятся бывшие совхозы. При этом стоимость доставки выросла в те же самые разы и намного превышает суммы, которые газета получает от подписчика. И это еще одна проблема, которая делает сегодня печатное СМИ неконкурентоспособным. Что касается продажи газет и журналов в розницу, то раньше система распространения у нас была одна — Союзпечать, потом Роспечать. Теперь довольно много альтернативных структур, которым ты должен ежемесячно платить, чтобы попасть на прилавки. Это тоже ограничение. Здесь мы говорили о журналистском сообществе, о возможности решать какие-то проблемы. Но все журналистское сообщество уже много лет не в состоянии решить одну проблему — надо либо дотировать доставку, либо просто навести порядок в этом деле, либо найти еще какие-то способы.

Опять же вынужден сделать маленький исторический экскурс. В советское время был хороший документ — Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о работе с письменными обращениями трудящихся, в котором черным по белому было прописано, в какие сроки и каким образом официальные организации должны реагировать на критику либо в их адрес, либо в адрес тех структур, которыми они руководят. И попробуй не ответить на выступление газеты «Правда», «Известия», «Труд» или «Социалистическая индустрия». Была уверенность, что критика не останется незамеченной — вплоть до снятия с поста, партийного взыскания, а то и возбуждения уголовного дела. В настоящее время, как ни странно, принят целый ряд законов, которые предусматривают реакцию государства, чиновников и прочих структур на критичес-

кие выступления средств массовой информации. Их можно перечислить. Но я думаю, что коллеги согласятся: редчайший случай, когда на публикацию ты получаешь адекватный ответ — в лучшем случае отписка, в худшем — лживые объяснения.

Мы решили всех перехитрить. Понимая, что тиражи газет сократились с 10 млн до 50–100 тыс. и материал в «Трибуне» нужный мне министр или губернатор может и не прочесть, я взял из советской практики замечательный прием. Статья вырезается, к ней прилагается письмо на бланке газеты с исходящим. Получатель обязан зарегистрировать и расписаться. После этого уже не скажешь, что «эту вашу газету я в глаза не вижу, она в наш город не приходит». Но ведь даже при этом, вроде бы очень жестком условии, которое мы на протяжении целого ряда лет ставим чиновникам, ответы не приходят! Вы будете смеяться, но единственное ведомство, из которого отвечают всегда, — Федеральная служба безопасности России. У них, видимо, привычка осталась с советских времен. Они реагируют часто не по существу, но формальный ответ есть, я могу его опубликовать и написать, что газета выступила и каков результат. Поэтому, когда мы говорим о доверии общества к средствам массовой информации, то тезис об отсутствии какой бы то ни было реакции на критические выступления прессы приводит к тому, что газета действительно становится неинтересной людям. Вот если бы было так: сегодня мы выступили, а через три недели мне сказали о том, что против чиновника, о котором мы написали, — пойманного на взятках, участвовавшего в незаконном захвате предприятия и так далее — возбуждено уголовное дело, или он освобожден от занимаемой должности, или хотя бы отстранен от работы на время проверки по факту публикации, то такую газету люди начали бы читать. И писать в нее письма: «я увидел действительность ваших выступлений и хочу рассказать то-то и то-то».

И последнее. Я помню волну резких обличительных публикаций и телевизионных передач, касающихся правящей коммунистической партии. Партийных функционеров совершенно справедливо ругали за то, что они ездят на больших черных лимузинах (правда, без мигалок), пользуются роскошными государственными дачами, спецраспределителями, где им к праздникам выдают спецпайки, в особых отделах универмагов покупают импортные костюмы, и т. д. Прошло 20 лет. Что происходит сейчас, не мне вам рассказывать. Вы точно так же, как и я, находитесь в теме. Где волна критики, направленная на зажавшихся чиновников, коррупционеров? Какие черные «волги», какие дачи? Если у губернатора нет трехэтажного особняка площадью 860 м² с тремя гаражами на три иномарки типа «мерседес», то он напрасно прожил свою чиновничью жизнь, он не человек. И когда мы говорим, что журналистское сообщество было сжато в один кулак и наносило разящие удары, приведшие к потрясениям устоев советского общества, мы должны понимать: наш диалог с обществом возможен только тогда, когда мы начнем отвечать на самые острые вопросы — почему мы живем так, как живем, почему жируют те, кто не имеет на это права, и почему пенсионеры и участники Великой Отечественной войны до сих пор, спустя 65 лет, не имеют собственного жилья. Я думаю, что нам требуется консолидация для того, чтобы, как многие здесь говорили, отвечать на эти запросы общества. Будем писать правду — люди будут читать, и писать в наши газеты, и тиражи вырастут.

С. Е. ЗЕЛИНСКИЙ: — Мне хотелось бы выступить в поддержку социологов. СМИ действительно теряют аудиторию, и это главная проблема. Александр Сергеевич остро выступил в начале нашего круглого стола: общества действительно нет. Привел пример: четыре газеты

печатают «заказуху». Но даже внутри этих четырех газет есть некий этический кодекс, корпоративная этика, которая выше этики тех людей, которых мы называем не-аудиторией. Я не представляю себе такую газету, где нет этического кодекса — все же мы стараемся проповедовать какие-то ценности. Но если аудитория сокращается, то как мы эти сможем пропагандировать их?

Почему же аудитория тает? Во-первых, народ перешел на самообслуживание с помощью электронных средств передачи информации, особенно Интернета, сегодня уже и мобильного. Поэтому главная наша задача — «залезть» в этот сектор. Внутри нашей корпорации уже принято решение о том, что мы мультимедийная редакция. Мы работаем, во-первых, для той аудитории, которая читает нас в Интернете, и только во-вторых — для читателей, которые купят свежий выпуск утром.

Что касается профессии «гранд-репортер», то есть «специальный корреспондент», то она действительно покидает газеты, но не исчезает, а уходит в сектор, называемый книжной торговлей. Люди не перестают читать книги, в том числе и те, где печатают длинные истории, которые раньше они видели на газетных страницах. Что мы должны по-другому учить журналистов — на мой взгляд, это верная мысль. Сегодня эта профессия изменилась, стала ближе к социологии.

Г. М. БИРЖЕНЮК: — Я как культуролог хотел бы обратить внимание присутствующих на то, что Россия — словоцентристская страна. Нигде в мире нет такой веры слову, как у нас. Дмитрий Сергеевич Лихачев вообще считал, что слово первично. И хотя, как сказала Галина Георгиевна, доверие к средствам массовой информации снизилось, люди продолжают верить слову. 15 лет тому назад мы делали проект «Фарминформ». Мы создавали базу данных по фармацевтике, и нам пришлось ежедневно общаться с работниками аптек. Они рассказывали, что чуть ли не каждый день в аптеках возникали скандалы, потому что женщины покупали предметы личной гигиены и требовали: «А где бутылочка с синей жидкостью?» Такого было доверие людей к массмедиа.

В том, что сейчас этого доверия нет, виноваты не только сами СМИ. На мой взгляд, идут более сложные процессы. СМИ являются частью общества и меняются под его влиянием. В свою очередь общество меняется под воздействием СМИ. Но мне кажется, что, изучая оба эти явления вместе, мы многое можем понять, потому что массмедиа все же легче познать, чем целое общество. И они являются определенной формой самосознания общества.

А вот что происходит — на этот вопрос сложно ответить, потому что мы находимся внутри этого процесса. Мне кажется, что последние лет восемь в обществе шли серьезные реакции. В этом слове не нужно искать оценку — это своего рода взгляд учителя на уроке химии: есть реакции восстановления, распада, синтеза. Реакция — это обязательный процесс после революции, когда надо восстановить разрушенное, вернуть на место снесенные крыши и т. д. Когда-то на наших государственных предприятиях был лозунг: «Товарищ! Неправильно произведенный опохмел может привести к новому запою». Так что очень важно не упустить момент, когда реакция начинает переходить в реставрацию. Мне кажется, что сегодня у нас момент бифуркационного перехода. Сейчас очень модна тема стволовых клеток, из которых можно вырастить любой орган. По-моему, в обществе тоже есть свои «стволовые клетки», и, что бы мы ни разрушили, эти клетки живы и возрождение возможно. Уже практически вернулась партия — «ум, честь и совесть», воспряли спецслужбы, которые якобы были сломаны демократами первой волны.

Да, все вернулось. Помните старый советский анекдот: один товарищ выносил детали с завода, чтобы сделать детскую коляску, но как он их ни собирал — получался пулемет. У нас была перестройка, много чего произошло, но сегодня мы видим что-то очень знакомое. Этот момент, видимо, стоит отрефлексировать. И средства массовой информации в той или иной мере дают нам основания для подобного рода выводов. Поэтому, мне кажется, все разговоры о борьбе с властью бесполезны. Как можно с ней бороться? Власть — это инструмент подавления, и когда мы начинаем с ней бороться, то выходим на ее поле, где она заведомо сильнее. Власть можно только «задушить в объятиях», больше ничего с ней нельзя сделать. Имитировать борьбу с властью — да, это действительно хорошая штука. И это дает голоса на выборах, внимание — вообще много чего дает. Вероятно, мы переживаем некий процесс и пытаемся угадать его результат, но мы не футурологи, поэтому ощущаем тревогу. И, как всегда, мы не готовы к грядущему, которое настанет. Но когда мы обсуждаем это, то, видимо, наша способность к рефлексии повышается, и, надеюсь, будущее не застанет нас врасплох.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Спасибо. По аналогии с коляской, из которой получается пулемет: это страна Россия — как ее ни разбей, все равно получается Россия. А кто-то хотел, чтобы получилась Швейцария. Нельзя из России собрать Швейцарию, как бы кто-то ни хотел. Это моя позиция.

Л. В. АФОЛИНА¹: — Я хотела бы возразить Александру Сергеевичу Запесоцкому, который начал с того, что СМИ озабочены своим финансовым положением и в связи с этим используют оппозиционность как способ добывания средств к существованию. На самом деле оппозиционность — товар совершенно не выгодный, потому что стоит дорого, а дивидендов никаких не дает. Моя профессиональная жизнь сложилась так, что я все время работаю в таких СМИ — в «Смене», когда она была яркой и оппозиционной; в «Часе Пик» я долгое время была редактором, и почему-то «Час Пик» тоже был оппозиционным. Сейчас я работаю в «Росбалте» — это даже не газета, а информационное агентство, тот самый Интернет, который «с Запада к нам пришел». Мне часто звонят с утра и говорят: «Да что же вы опять такое опубликовали? Вы что себе позволяете?» У меня на эти случаи есть фраза: «Гласность — лекарство от всех общественных недугов». Это не мои слова — их сказал Владимир Ильич Ленин. Но, когда я их произношу, они воспринимаются так, как будто я сказала скабрзность или нахамила собеседнику.

Вероятно, все это происходит из-за особенностей моего характера. Даже когда я не хочу этого, все равно выясняется, что опять все сделано не так. Недавно написали заметку о том, что Тюльпанов пригласил ветеранов на свой день рождения, — пресс-секретарь тут же высказал претензии. Я говорю: «Что ж плохого-то? Если он действительно пригласил на свой день рождения ветеранов, как это его может скомпрометировать?» Вообще эта заметка была о коммунистах, которые на день рождения прийти отказались, — мы хотели показать, что приглашенная сторона повела себя некрасиво. Так и они тоже были недовольны. Недавно позвонили представители одного высокопоставленного чиновника и предложили: «Вы забудете навсегда его фамилию и назовете нам цифру, сколько это

¹ Генеральный директор информационного агентства «Росбалт», член правления Союза журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Работала заместителем главного редактора в газетах «Вперед», «Смена», главным редактором, а затем генеральным директором еженедельника «Петербургский Час пик».

Награждена Орденом Дружбы.

стоит». Я удержалась от резкости, вспомнила, что гласность — лекарство от всех общественных недугов, и ответила, что, наверное, он столько не зарабатывает. И тогда мне сказали, что называется, открытым текстом, что власти не знают, что с нами делать. Как на всем этом можно заработать, я не понимаю.

Мы о многом говорим: о качестве журналистики, о том, выживут ли газеты... По-моему, не выживут — уйдут в Интернет. Но не в этом дело. Журналистов надо готовить как социологов, или психологов, или программистов, но и это не главное. Мне кажется, что мы до сих пор не сказали о главном, а именно — что у нас отсутствует заказ со стороны государства. В моих устах это звучит как вызов, но у нас в стране отсутствует идеология. Мы всю жизнь боролись против идеологии и оболванивания людей, между строк в той самой «Смене» писали то, что, как нам казалось, читатели там увидят. И хотя тогда коммунистам никто не верил, газет выписывали по пять наименований, а сейчас не выписывают вообще. Кому верят наши сограждане? Я думаю, что не верят никому, потому что на государственном уровне не существует идеологии, как, например, в Соединенных Штатах. Я, конечно, упрощаю, но вспомните: каждый негр может стать президентом — только учись, упорно работай и стремись к цели. И мы увидели торжество этой национальной идеи.

У нас же национальная идея не сформулирована — именно поэтому мы получаем пулемет вместо коляски. И когда у нас первое лицо государства говорит, что надо сейчас работать, а не заниматься традиционной национальной забавой — поисками национальной идеи, я считаю, что это пощечина общественному мнению. Это же не случайно произносится. К сожалению, я наблюдаю, что одна идея все же появилась и стала массовой: чтобы у нас все было, а нам за это ничего не было.

Но ведь мы потому и были когда-то самой читающей страной, что искали смысл, потому и выписывали газеты, и читали Достоевского. Сейчас же официально признано, что никакого смысла в поисках смысла нет, а смысл есть в том, чтобы ни в чем себе не отказывать. Но когда стремление к комфортной жизни становится государственной идеологией, то это никакая не идеология. Поэтому, когда приходишь в магазин ИКЕА, первым делом попадаешь в гардероб, а когда приходишь в филармонию, гардероб закрыт. Зачем нам читать, если у нас Анфиса Чехова — это образец, к которому надо стремиться? Кто же будет завидовать профессору университета, если у него, извините, зарплата 20 тыс. Неприлично даже вслух произнести.

У нас настолько смещены идеологические приоритеты, что не представляется не то что возможным, а даже нужным их воспроизводить в СМИ. Сейчас в меру того, как люди, руководящие СМИ, понимают действительность, они и проводят свою политику. Если у них есть какие-то владельцы или акционеры, то, соответственно, они эту политику корректируют.

С. Г. ПИЛАТОВ²: — Я выскажу несколько тезисов. По-моему, мы должны в первую очередь разобраться в триаде «граждане–власть–страна», понять, всегда ли совпадают интересы граждан, власти и страны. Только после этого можно ориентироваться в том, кого мы поддерживаем, как и зачем — граждан, власть, или власть и граждане — это в целом наша страна. Может ли власть быть всегда права, чтобы ее поддерживать во всем? Правильно было сказано — вряд ли. Потому что власть многолика, состоит из разных людей — чиновников, которые, как верно сказал Олег Сергеевич, считают неприличным не иметь особняка, непонятно на что купленного.

² Президент «Объединения средств информации “ИМА-пресс” Санкт-Петербурга».

Однажды мы беседовали с губернатором Петербурга Яковлевым, и я спросил: «Владимир Анатольевич, Вам понравилось бы, если бы газеты все время писали о том, какой Вы замечательный, как хорошо работает Законодательное собрание и вообще все прекрасно?» Он отвечает: «Да». Я говорю: «У Вас свои задачи, у нас свои. Вы делайте так, чтобы мы писали о Вас хорошо, а если у Вас что-то плохо, значит, мы будем писать об этом».

Могут ли СМИ не быть в оппозиции? «Зачем смеяться, когда грустно, зачем грустить, когда смешно, зачем казаться равнодушным, когда в душе совсем не то?» Вот этим и следует руководствоваться. Если мне что-то не нравится, я никогда не стану это хвалить, как меня ни просят и сколько денег ни заплатят.

По поводу кризиса я выскажусь со своей позиции, как вице-президента Ассоциации коммуникационных агентств России. Не так давно мне довелось прочесть стишки: «Говорила, плача, кроха ранним утром на заре: “Мама, мама, мне так плохо — кризис бродит во дворе”. “Плохо всем, — кричала мама, добавляя соль в компот, — хуже всех живет реклама — ждет ее большой дефолт”». Однако к нам во двор дефолт не пришел, и, как свидетельствуют последние данные Ассоциации коммуникационных агентств России, рекламный рынок начал оживать. А реклама должна вести за собой и другие рынки. Тем не менее, как это ни печально, хуже всех в этом смысле все равно придется печатным СМИ. Клиенты говорят, что хотят отчетливо видеть отдачу. Если, допустим, разместить объявления в интернет-выпусках «Трибуны» или «Коммерсанта», то потом увидишь количество откликов на эту рекламу. Это и есть реальные замеры эффективности.

Г. Н. ШИЯН: — Я хотела бы заострить ваше внимание на двух вопросах. Во-первых, на влиянии средств массовой информации на экономическое развитие страны. С одной стороны, это косвенное воздействие, и оно оказывается, когда мощная сила, которой обладают СМИ, участвует в формировании экономического мышления и экономического поведения населения. Особенно остро это проявляется во время кризисов и в предкризисные периоды, когда чувствительность людей к информации очень высока. Основным источником информации для большинства населения являются именно СМИ, из которых граждане хотят получить ответ на вопрос, как обеспечить свою личную экономическую безопасность. А кризисы сопровождают нашу экономику с конца 1980-х годов. И средства массовой информации при обнародовании прогнозов развития ситуации, взглядов на сущность кризисов должны быть крайне ответственными. Далеко за пределами ходить не надо. В 1990-е годы СМИ были своего рода связующим звеном между населением и, например, фирмой «МММ». Люди, принимая информацию в виде рекламы и предполагая, что они получают большие доходы от вложения своих средств, несли деньги в финансовые пирамиды и потом сильно пострадали — вплоть до исковерканных судеб и сердечных приступов.

Во-вторых, СМИ имеют возможность прямого влияния на экономическое развитие России, но, к сожалению, пока ее не реализуют. Я ради интереса зашла на сайт Росстата и посмотрела некоторые цифры. Но я не обнаружила там, например, размера вклада сектора СМИ в ВВП. Я понимаю, что он очень маленький, как и в любой другой стране. Но у нас этой информации нет вообще, поскольку доля, вероятно, слишком уж мала. Я сделала вывод, что этот главный сектор экономики крайне слабо развит экономически. Не владея статистическими данными, я не имею права делать более детальные выводы. Но ведь медиакомпании являются работодателями, покупателями и поставщиками продукции, налогоплательщиками нако-

пец. И их роль в развитии экономики может быть очень высока — в этом я полностью согласна с коллегой, который только что говорил о рекламе. Если СМИ выступают в роли связующего звена между покупателем и продавцом и будут способствовать повышению доверия покупателя к продавцу, к рекламируемой продукции, то рынок сбыта этой продукции может измениться количественно и качественно. Я понимаю, что за счет рекламы многие печатные издания и телевидение обеспечивают свою жизнедеятельность. Но при этом не следует забывать о том, что влияние рекламы на население велико, и о каком доверии можно говорить, если, покупая разрекламированную продукцию, я сталкиваюсь с низким ее качеством.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Почти во всех выступлениях я услышал недоумение — почему такое происходит? У Юрия Рыжова один взгляд на 1990-е годы и перестроечную прессу, у Владимира Мамонтова другой, у меня тоже не совпадающий с Рыжовым. Почему? А в предлагаемых рецептах, в том числе в последнем выступлении — оговорка: рекламируйте, но не слишком. Этот процесс не бывает не слишком, это как, извините, беременность — либо есть, либо нет. Я ответственно утверждаю и могу доказать, что ни одна газета и ни один телеканал в России, который поставил себе цель зарабатывать как можно больше (а как зарабатывать? — только с помощью рекламы), не изменился в лучшую сторону с точки зрения журналистики, а изменился только в худшую. Чем лучше живут эти издания, работая на главную цель — заработать через рекламу, тем хуже там журналистика.

Поскольку я уже давно читаю лекции по журналистике, а теперь еще и руковожу вновь созданным факультетом, то я был вынужден думать о том, что же происходит с нашей и не нашей журналистикой, со средствами массовой информации. Я даже учебник на сей счет написал. И у меня есть ответ на ваше недоумение.

В советские времена рассуждения о свободе слова, печати, журналистике основывались на том периоде, когда фактически были только газеты, даже журналов в современном понимании не было, а Интернет и представить было невозможно. Вообще журналистика возникла после изобретения печатного станка, так что это никакая не древнейшая профессия. А то, что мы сегодня называем СМИ, появилось в специфических условиях — как институт для определенных целей, в конкретных исторических обстоятельствах в определенном месте человеческой цивилизации. И тогда же сложились представления об этом, идеалы, концепции и все остальное.

Сегодня у нас совершенно другая действительность. Все говорят о СМИ, имея в виду журналистику. Но возьмите телевизионную программу и отметьте там журналистику. Реклама, которая, правда, не отражается в программе, но неизменно присутствует на телеэкране; художественные фильмы, сериалы, развлекательные передачи и прочие аншлаги — все это не журналистика. На журналистику останется в лучшем случае 20 % эфирного времени — это выпуски новостей и некоторые дискуссионные программы. А когда говорят о СМИ, к ним пытаются приложить критерии журналистики, ограниченной только газетами. Отсюда начинается путаница.

Мы с самого начала дискуссии не проанализировали, о каких СМИ, о какой журналистике будем говорить. Что сегодня транслируется по каналам средств массовой коммуникации? В первую очередь реклама и массовая культура. СМИ как транслирующие каналы, как технологическая система распространяют прежде всего массовую культуру, в том числе и потребительскую — в виде рекламы. Но массовая культура живет по законам бизнеса, и современная журналистика не может освободиться от этого.

Вторая часть этой проблемы заключается вот в чем. Интернет сегодня общедоступен, теоретически вроде бы каждый может задать вопрос Президенту России, но глава государства — по Конституции — должен ответить всем! Может ли Президент ответить на миллион вопросов? Не может — даже если весь свой аппарат мобилизует на два субботника подряд. Поэтому законы из той эпохи здесь бессмысленны.

А возьмем классическое средство массовой информации из ныне существующих — газету. Когда-то в газетах писали в основном журналисты. А теперь кто? Я говорю даже не о глянцевой прессе — там просто нет журналистов. Печатаются беседы, интервью, «колонки косметологов», но это не журналистские материалы. Однако гляцевый журнал — тоже журнал, он воспринимается как СМИ. И журфаки переориентируются на подготовку кадров для таких изданий. Самые большие отделения на журфаках сегодня в стране какие? Отделения пиара. Это нонсенс, потому что пиар развращает журналистику. Я дал зарок, что пока я буду деканом, на моем факультете не будет отделения пиара, я этого не допущу. Но остальные-то допускают.

Итак, газеты. Раньше в газетах не выступало так много экспертов, и их, кстати, тоже путают с журналистами. Но есть еще менее внятные случаи, журналистика вытесняется не только экспертными текстами, но и прос-

то профанацией, графомания выдавливает профессиональную литературу, и, соответственно, профессиональную журналистику. В перестройку неопиты массово пришли в печатную прессу и вытеснили профессиональных журналистов, потому что те были партийными. Звездами советской журналистики всегда были международники, а тут их постигла трагедия, они все провалились, а после 1991 года вообще стали никому не нужны. На место журналистов-международников явились эксперты-международники. Но более массово пришли графоманы и невежды, заполнили наши газеты и телевидение. И, повторяю, мы берем классические теории журналистики, рожденные на примерах и ситуациях XVII–XIX веков, приходим в убежище этих невежд и говорим: «Нет, чего-то тут не хватает, что-то не сходится». Так что в дискуссиях о СМИ журналистикой называют не то, что она есть сегодня.

В. К. МАМОНТОВ: — Собравшиеся здесь участники круглого стола придерживаются самых разных точек зрения по различным вопросам. Но какие бы мнения мы ни имели, являемся ли мы профессионалами или, наоборот, профанами, — очень важно, чтобы человек имел возможность высказывать свои суждения, и чтобы другой человек смог их услышать. Так что я хотел бы еще раз сердечно и искренне поблагодарить всех вас за высказанные мнения. Спасибо вам большое.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакарова Р. М. 276
Абалкин Л. И. 20
Абрамкина Т. С. 438, 471, 472
Агошков А. В. 222
Акаев А. А. 22
Алибекова З. Н. 325
Алиева Б. Ш. 325
Аль-Раухани А. М. 24, 211, 214
Андреев В. И. 327, 362, 364, 365
Андреев М. В. 377, 420, 422
Андреева Ю. В. 495
Апинян Т. А. 496
Артановский С. Н. 228
Асадуллин Ф. А. 28, 211, 220
Астахов Е. М. 211, 213, 220, 229
Ат-Тайеб М. А. 30, 190, 203
Афоница Л. В. 494, 545
Баженова О. 487
Безденежных А. 491
Безух С. М. 362, 375
Бехруз Х. Н. 378, 420, 421, 422, 424, 434
Бирженюк Г. М. 494, 499, 544
Боголюбов С. А. 380, 420, 425, 426, 428
Богомолов О. Т. 31, 190, 202
Большаков А. С. 309, 311, 315
Борисенко М. 190, 210, 481
Брутенц К. Н. 500
Бузина О. 35, 211, 219
Бурлацкий Ф. М. 37
Бусыгин А. Е. 38, 190, 201
Бутусова Н. В. 383, 420, 426, 433
Бюль-Бюль оглы П. 40, 190, 200
Ван Бельзен Я. 42
Васильева Т. А. 440, 471, 477, 478
Вершинина Е. В. 330
Витрук Н. В. 384
Волков Г. Н. 331
Волова Л. А. 231
Гаджиев Г. А. 50, 190, 204
Галицких Е. О. 334, 362, 364
Герра Р. 52, 190, 204
Глиняная Е. М. 443
Глухова Д. 492
Горбачева П. 482
Горбенко А. Н. 507
Горшкова В. В. 362, 366, 368
Гранин Д. А. 55
Графский В. Г. 388, 420, 424, 425, 435
Гринберг Р. С. 56
Гуанчэн С. 64, 190, 194
Гулина О. Р. 447, 471, 472, 473, 474, 476
Гульцев А. В. 233, 494, 541
Гусев П. Н. 509
Гусейнов А. А. 65, 190, 196
Давыдов Ю. С. 325, 335, 362, 364
Доровских Е. М. 511
Драпеко Е. Г. 389
Дрюэн М. 68, 190, 209, 211, 218, 221
Егоров С. Ф. 338, 362, 372
Ефимова Е. П. 485, 486, 487, 488, 490, 491, 492, 493
Ефимова Т. В. 499
Загвязинский В. И. 339
Закирова А. Ф. 342
Запесоцкий А. С. 20, 70, 190–211, 213, 214, 494, 512, 534
Зелинский С. Е. 494, 544
Зобнин Ю. В. 234, 309, 315, 317
Измайлов А. Ф. 309, 319
Иконникова С. Н. 236, 309, 313, 314
Ильичев А. В. 238, 309, 322
Каландаршвили З. Н. 391
Касенова М. Б. 420, 428, 432, 435, 436
Капур Д. Ч. 73
Катанандов С. Л. 75
Кеншимов Ж. К. 240
Кефели И. Ф. 242
Клементьев Б. Г. 494, 536
Кленова Т. В. 394, 420, 423, 427, 428
Клесс А. 79, 211, 218
Кокошин А. А. 80
Колесников В. А. 362, 371
Кольдефи-Фокар А. 83, 211, 219
Кон И. С. 190, 209, 244, 494, 537
Конев В. А. 247
Краевский В. В. 251, 309, 311, 312
Кузин О. С. 494, 543
Кузнецова И. А. 344
Кузнецова Е. В. 448, 471, 479
Кулакова А. Д. 190, 210
Курдюмов Н. В. 449, 471, 473, 474, 476, 477, 478
Кутлаева М. 486
Лавров С. В. 85
Лапаева В. В. 396, 420, 425, 426, 427
Ларьков С. М. 309, 322
Лебедева С. С. 362, 368
Лебединский И. Л. 309, 314, 315
Лекторский В. А. 88, 190, 205
Лещенко И. И. 252
Лиханов А. А. 346, 480, 493
Лошак В. Г. 515
Лукин В. Н. 254
Майор Ф. 91
Макаров Е. И. 190, 194
Мамонтов В. К. 494, 517, 535, 537, 541, 547
Мануильский М. А. 256, 309, 310, 313, 314
Марков А. П. 257
Мартышин О. В. 397, 420, 428, 429, 430
Матвеева Л. Г. 420, 426
Матвеева Л. В. 494, 518, 537
Матвиенко В. И. 92
Межуев В. М. 260
Мельникова А. А. 262, 309, 315, 316
Миклушевский В. В. 95
Минакир П. А. 98
Мироненко И. А. 349
Михайлов В. В. 263
Моисеев А. А. 399, 420, 428, 434, 435, 437
Мосейко А. Н. 265, 309, 312, 317, 323
Мосолова Л. М. 350
Мотышина М. С. 309, 319, 320, 321
Мургазаева Г. Н. 420, 430, 455, 471, 475, 476
Мусиенко Т. В. 267
Мухаметзянова Г. В. 351
Мясников В. А. 452
Назаретян А. П. 211, 216, 269
Наумкин В. В. 211, 212, 219, 272
Некипелов А. Д. 20, 100, 190, 192
Немыгина М. В. 456
Никандров Н. Д. 102, 190, 195, 325, 362, 364–368, 370–376
Норкин Г. А. 354
Нудненко Л. А. 403, 420, 432, 433
Омаров О. А. 276
Орлов А. А. 362, 367
Осипов Ю. С. 106
Панарин И. Н. 277
Парыгин Б. Д. 494, 523, 541
Петренко В. Ф. 222, 279
Петров А. Е. 280
Пивовар Е. И. 108
Пигров К. С. 283
Пилатов С. Г. 494, 545
Пиотровский М. Б. 112
Плотников Р. В. 469
Поленина С. В. 377, 404, 420, 421, 423, 424, 425, 430, 435
Померанцев В. М. 362, 367
Пономарева И. С. 438
Попов В. В. 211, 217, 218, 287
Попов И. В. 406, 420, 425
Порубайко И. 481
Примаков Е. М. 113
Прозорова Е. 484
Пужоль Марк Х. А. 116, 190, 199
Рабинович В. Л. 525

- Рар А. 119, 190, 207, 494, 538, 539
Расторгуев В. Н. 154
Рогачевский А. Л. 420, 431, 432, 458
Романова К. С. 289
Ромашов Р. А. 377, 410, 420, 421, 422, 435, 436, 437
Ромодановский К. О. 121
Розль П. 123
Румянцева Н. Л. 309, 321, 322, 411
Рыжов Ю. А. 494, 528, 540
Рязанов Э. А. 190, 192
Рязанцев С. В. 459
Сагиров Р. 485
Самойлов В. Д. 462, 471, 472, 473, 474
Сампайю Ж. 124
Санаи М. 126, 211, 214
Санкин Л. А. 480, 481, 482, 484,
Сафонов А. Л. 128
Свистова Д. 482
Сенько Ю. В. 355, 362, 369, 372
Силласте Г. Г. 494, 536
Скатов Н. Н. 132
Скопицкая Т. А. 356, 362, 370
Скоробогатов А. В. 412
Следзевский И. В. 291
Смелик В. Б. 455
Смирнов А. В. 292, 309, 310, 311
Степин В. С. 134, 190, 201, 211, 212, 214, 217, 218, 221
Стремоухов А. В. 438, 471, 472, 477, 478, 479
Сюткина О. В. 358, 362, 372, 374, 475
Тарасов А. А. 413, 420, 423, 430
Тишков В. А. 139
Толкачев В. И. 359
Толочко П. П. 142, 190, 208, 211, 217
Тощенко Ж. Т. 144, 222, 309, 310, 312, 313, 314, 315, 320, 322, 324
Третьяков В. Т. 190, 206, 494, 529, 536, 537, 539, 545, 546
Трофимов А. 486
Тычинских Ю. 490
Тюркин М. Л. 465
Уайт С. 147, 211, 220
Уланов А. И. 494, 530, 539
Успенская А. В. 299
Федорова Н. М. 471, 474, 476
Фейгин Г. Ф. 309, 317, 318, 319
Фоняков И. О. 309, 314
Фроловская М. Н. 360
Хаиров Р. И. 300
Харитоновна Е. В. 494, 530, 536, 542
Хольм Н. Г. 149, 211, 214
Хризантопулос Л. 153, 211, 215
Черешнев В. А. 154
Честнов И. Л. 415, 420, 423, 424, 427, 429, 435, 436
Чубарьян А. О. 156, 190, 193, 211, 221
Чуров В. Е. 160
Шаллер П. 304
Шаляпин С. О. 467
Шевченко О. Т. 469, 471, 476, 479
Шемшученко Ю. С. 167
Шехтер Т. Е. 305
Шиян Г. Н. 190, 494, 532, 546
Шлякова Ю. 490
Шмаков М. В. 169, 190, 198
Шмелев Н. П. 171
Шнайдер Э. 173, 211, 216
Шор Ю. М. 307
Штрауб Ю. 174
Штюмер М. 183
Шульце К. 417, 420, 422, 423
Эль Хасан бин Талаль 185
Яковенко А. В. 20, 188, 190, 197, 211, 212, 215, 217
Яковлев А. 488
Яргина Н. Ю. 267

Научное издание

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ПАРТНЕРСТВО ЦИВИЛИЗАЦИЙ
IX МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЛИХАЧЕВСКИЕ НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ
14–15 мая 2009 года

Ответственный редактор *И. В. Петрова*
Художественное оформление *В. Б. Клоков*
Технические редакторы: *А. Е. Николаев, Е. Ю. Николаева*
Редакторы: *Я. Ф. Афанасьева, В. Г. Даниленко,*
Т. В. Никифорова, А. А. Санникова
Корректоры: *Е. А. Алешкина, Т. А. Кошелева,*
Н. В. Стрельникова, И. Н. Чугунова

ISBN 978-5-7621-0509-5

Подписано в печать с оригинала-макета 04.09.09. Формат 60х90/8
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 69,0. Тираж 1000 экз. Заказ №

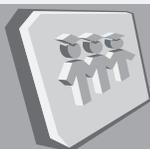
Издательство Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

Отпечатано в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ в 2009–2010 гг.

15 октября 2009 г.	IV Международная научно-практическая конференция «Роль профсоюзов в становлении гражданского общества в России»
23 октября 2009 г.	XIV Международная научно-методическая конференция «Проблемы управления качеством образования в гуманитарном вузе»
29 января 2010 г.	VI Всероссийская научно-практическая конференция «Физическая культура и здоровье студентов вузов»
29 января 2010 г.	III Всероссийская научно-практическая конференция «Современное искусство в контексте глобализации: наука, образование, художественный рынок»
3 февраля 2010 г.	Всероссийская научно-практическая конференция «Туризм в контексте диалога культур и цивилизаций»
10 февраля 2010 г.	VII Всероссийская научно-практическая конференция «Экономика и управление в сфере услуг: современное состояние и перспективы развития»
12 февраля 2010 г.	VII Всероссийская научно-практическая конференция «Реклама и PR в России: современное состояние и перспективы развития»
16 марта 2010 г.	IV Межвузовская научно-практическая конференция «Социальная работа: проблемы и перспективы»
26 марта 2010 г.	II Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы подготовки режиссеров мультимедиа»
26 марта 2010 г.	Межвузовская научно-практическая конференция «Проблемы театральной педагогики. Традиции и новации школы З. Я. Корогодского»
27 марта 2010 г.	II Всероссийская научно-практическая конференция «Современные аудио-визуальные технологии в художественном творчестве и высшем образовании»
12 апреля 2010 г.	VI Всероссийская научно-практическая конференция «Электронные средства массовой информации: вчера, сегодня, завтра»
16 апреля 2010 г.	Межвузовская научно-практическая конференция «Правовое регулирование отношений в сфере культуры, искусства и образования в XXI веке»
22–23 апреля 2010 г.	VII Межвузовская научно-практическая конференция «Язык и межкультурная коммуникация»
23 апреля 2010 г.	II Межвузовская научно-практическая конференция «Сохранение и развитие народного танца»
13–14 мая 2010 г.	X Международные Лихачевские научные чтения
9 июня 2010 г.	III Межвузовская научно-практическая конференция «Дистанционное обучение в высшем профессиональном образовании: опыт, проблемы и перспективы развития»
17 июня 2010 г.	V Межвузовская научно-практическая конференция «Социальная психология сегодня: наука и практика»

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИЙ: 192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15
ТЕЛЕФОНЫ: (812) 269-7409, 268-5064. ФАКС: (812) 269-5966
www.gup.ru

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

www.gup.ru

ОФИЦИАЛЬНЫЙ САЙТ СПБГУП

Предлагаем также посетить сайт «Площадь Лихачева»

www.lihachev.ru

основные рубрики сайта:

Научное наследие
Д. С. Лихачева

Библиография
Лихачева

Международные
Лихачевские чтения

Декларация прав
культуры

и другие материалы